МЕМУАРЫ
ГЕНЕРАЛА БАРОНА
ДЕ МАРБО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами книга самого известного автора мемуаров эпохи Наполеоновских войн — Марселена де Марбо. Храбрый офицер, участник многих кампаний великого императора, был еще и талантливым литератором. «Мемуары генерала барона де Марбо» стали «бестселлером» сразу же после выхода в свет в конце XIX в. Его книгой зачитывалось несколько поколений читателей, и она была переведена почти на все европейские языки. Мы впервые публикуем «Мемуары генерала барона де Марбо» на русском языке в полном объеме.

Более ста лет назад, находясь под сильным впечатлением от «Мемуаров», знаменитый английский писатель Артур Конан Дойл создал цикл рассказов о бригадире Жераре. Марбо оказал огромное влияние и на профессиональных историков, сыграв немалую роль в формировании «наполеоновской легенды».

Всемирная слава пришла к автору «Мемуаров» не случайно. Он не только создал яркие и волнующие картины великих походов и сражений, но и колоритно описал быт и нравы наполеоновской армии. Самое главное — Марбо сумел передать дух времени, атмосферу эпохи и тем самым навсегда завоевал себе почетное место во всемирной истории мемуарной литературы.

- Жан-Батист-Антуан-Марселен де Марбо
  - Том первый
    - Предисловие к мемуарам Марбо
    - Вступление
    - Моей жене и моим двум сыновьям
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
    - Глава X
    - Глава XI
    - Глава XII
    - Глава XIII
    - Глава XIV

- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII
- Глава XXIII
- Глава XXIV
- Глава XXV
- Глава XXVI
- Глава XXVII
- Глава XXVIII
- Глава XXIX
- Глава XXX
- Глава XXXI
- Глава XXXII
- Глава XXXIII
- Глава XXXIV
- Глава XXXV
- Глава XXXVI
- Глава XXXVII

○ Том второй
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX

- Глава XXI
- Глава XXII
- Глава XXIII
- Глава XXIV
- Глава XXV
- Глава XXVI
- Глава XXVII
- Глава XXVIII
- Глава XXIX
- Глава XXX
- Глава XXXI
- Глава XXXII
- Глава XXXIII
- Глава XXXIV
- Глава XXXV
- Глава XXXVI
- Глава XXXVII
- Глава XXXVIII
- Глава XXXIX
- Глава XL
- Глава XLI
- Глава XLII

○ Том третий

-
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX

        - Глава XXI
        - Глава XXII
        - Глава XXIII
        - Глава XXIV
        - Глава XXV
        - Глава XXVI
        - Глава XXVII
        - Глава XXVIII
        - Глава XXIX
        - Глава XXX
        - Глава XXXI
        - Глава XXXII
        - Глава XXXIII
        - Глава XXXIV
        - Глава XXXV
    - Письма, написанные полковником Марбо в 1815 году[153]
    - Письмо, отправленное в 1830 г. полковником де Марбо маршалу Груши
    - От французского издателя
    - Генерал де Марбо (статья из газеты «Журналь дю Деба» от 22 ноября 1854 г.)
    - Послужной список барона Жана-Батиста-Антуана-Марселена де Марбо, рожденного в Альтийяке (Коррез) 18 августа 1782 г.
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150

- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157

МЕМУАРЫ
генерала барона
де Марбо

ЭКСМО
Москва
2005

Жан-Батист-Антуан-Марселен де Марбо
Мемуары генерала барона де Марбо

Том первый

ТОМ
ПЕРВЫЙ

Предисловие к мемуарам Марбо

От редакции

Имя генерал-лейтенанта французской армии барона Жана-Батиста-Антуана-Марселена де Марбо (1782–1854) хорошо известно всем, кто интересуется историей Наполеоновской эпохи. Храбрый солдат, принимавший участие в военных кампаниях времен Консульства, Империи и Июльской монархии, получивший за время службы одиннадцать боевых ранений, страстный апологет императора Наполеона I, защищавший его славу полководца после того, как тот лишился власти и стал «узником Европы», завсегдатай парижских салонов, умевший, несмотря на присущую ему склонность к преувеличению собственных заслуг, очаровывать слушателей своими увлекательными историями, — таким Марселена де Марбо знали современники. Когда же в 1891 г. в Париже впервые вышли в свет три тома «Мемуаров генерала барона де Марбо», они произвели очень сильное впечатление на тогдашнюю публику, причем не только во Франции. Так, ими был просто покорен Артур Конан Дойл, прочитавший мемуары Марбо в 1892 г. Они вдохновили знаменитого автора произведений о Шерлоке Холмсе на создание двух циклов рассказов «Подвиги бригадира Жерара» и «Приключения бригадира Жерара». Конан Дойл не только включил в эти рассказы некоторые сюжеты, явно навеянные воспоминаниями Марбо, но и сделал их автора основным прототипом главного героя, гусарского офицера Этьена Жерара.

Несомненно, труд Марселена де Марбо относится к числу лучших и наиболее известных памятников французской мемуарной литературы, посвященных Наполеоновским войнам. О ценности этих мемуаров свидетельствуют их многочисленные переиздания во Франции, Великобритании, США и других странах. В то же время в России до сего времени публиковались лишь отдельные отрывки из них (прежде всего в периодике), и только сейчас вниманию отечественной публики предлагается первое русскоязычное издание полного текста воспоминаний Марбо.

На страницах «Мемуаров генерала барона де Марбо» читатель найдет яркие описания как грандиозных сражений, так и сравнительно мелких боевых эпизодов, характеристики многих французских военных — от известных наполеоновских маршалов, под начальством которых служил автор (Бернадотта, Ожеро,

Мюрата, Ланна, Массены, Удино и Гувьона Сен-Сира), до рядовых служак, с которыми сталкивала его жизнь. Однако главная прелесть этой книги заключается не столько в точном и достоверном описании событий, сколько в воссоздании атмосферы той великой эпохи.

Написанные легким, живым слогом, воспоминания Марбо прекрасно передают дух французской армии периода Консульства и Империи, рассказывают о нравах и обычаях ее солдат, офицеров и генералов, о разных аспектах походной жизни, любопытных деталях военного быта и т. п.

«Я не знаю, было ли у Марбо остроумие в разговоре, — отмечал французский критик Ж. Дютур в своей статье «Марбо, или Великое счастье», опубликованной в 5-м номере журнала «Ревю де Де Монд» за 1963 г., — по крайней мере, его достаточно в произведении. Мемуары читаются взахлеб, я бы сказал, они даже опьяняют. Из эпопеи, которую он прожил, Марбо сумел сделать литературную эпопею, написанную в особом стиле, который носит имя ампир — стиль Империи. Ампир — это смесь сдержанности и искренности, юмора и философии, которая не выпирает наружу и заложена в том опыте, что приобретается в ходе многочисленных приключений. Это делает солдат Империи такими пленяющими, стоящими как бы выше других людей, ибо среди самых жестоких лишений и испытаний чувств их душа сохраняла две великие и вечные добродетели — честь и верность, не говоря уже о страсти, незнакомой штатским, страсти, которая так сильна, — братстве по оружию» (процитировано по тексту статьи, переведенной на русский язык О. В. Соколовым. — *Дютур Ж.,* Марбо, или Великое счастье//Военно-исторический альманах «Орел». — Л., 1991. С. 19).

Начав службу в 1799 г. рядовым гусаром 1-го полка, Марселен де Марбо дослужился при Наполеоне до полковника легкой кавалерии (в ноябре 1812 г.) и завершил свою военную карьеру в 1848 г. в чине генерал-лейтенанта. Он представлял собой определенный тип французского военного, в личности которого смелость, честолюбие и патриотизм сочетались с бравадой, а искренность, остроумие, проницательность — с краснобайством и даже некоторой хвастливостью. Наполеон, находясь в ссылке на острове Святой Елены, высоко оценил его «Критические замечания на труд г-на генерал-лейтенанта Ронья», в которых Марбо, возмущенный нападками на наполеоновскую армию, писательским пером защищал ее честь столь же пылко, как раньше он делал это с саблей в руке. В 29-м пункте своего завещания, составленного 15 апреля 1821 г. в Лонгвуде, бывший император французов завещал полковнику Марбо сто тысяч

франков и возложил на него «обязанность продолжать писать для защиты славы французского оружия, дабы покрыть позором клеветников и отступников».

Более подробные сведения о личности Марбо и об истории создания его мемуаров приведены в статье Кювелье-Флери «Генерал де Марбо», опубликованной 22 ноября 1854 г. в «Журналь де Деба». Приложенная к первому французскому изданию воспоминаний, она воспроизведена и здесь, в русском издании (после основного текста), так же как и полный послужной список барона де Марбо.

А. А. Васильев

Вступление

Генерал барон де Марбо (Марселен), мемуары которого мы публикуем, принадлежал к семье родом из Керси, где с начала прошлого века она занимала высокое положение. Члены ее прославились в основном на военном поприще и за 50 лет дали Франции трех генералов.

Отец автора *Мемуаров* и *Критических замечаний* начал военную службу в роте телохранителей короля Людовика XVI, затем был драгунским капитаном и адъютантом графа Шомберга. Как только разразилась революция, он вступил в Пиренейскую армию и за четыре года службы достиг звания дивизионного генерала, в 1798 году был избран в Законодательное собрание и затем на Лигурийском побережье командовал одной из дивизий армии Массены. Он умер во время осады Генуи вследствие тяжелых ранений и тифа. Он оставил после себя четырех сыновей, из которых только двое выжили, их звали Адольф и Марселен.

Старший, Адольф, сделал карьеру штабного офицера, стал бригадным генералом во время Июльской монархии и умер в 1844 году. Из трех генералов семьи Марбо наиболее яркой фигурой является, конечно, автор этих мемуаров, человек действия, одаренный настоящим военным умом, храбростью, особенно проявившейся в подвигах при Ратисбонне и Мёльке. Оставляя детям воспоминания о своей жизни, генерал Марбо думал, что пишет их только для узкого круга самых близких ему людей. Он забыл, что его карьера была отмечена многими блестящими военными подвигами и связана с событиями большой важности времен Республики и Империи и тем самым уже стала достоянием истории Франции.

Его рассказы, полные вдохновения, искренности, то пикантные, то драматические, его впечатления и размышления, отмеченные талантом настоящего писателя, рисуют живую картину одного из наиболее ярких периодов нашей истории. Более того, это повествование представляет совершенно особый интерес, поскольку воспроизводит дух тех кругов общества, в которых жил автор. Часто читатель может в них обнаружить следы непосредственных и очень личных размышлений императора, проникая в жизнь штабов, он может увидеть истинную картину жизни главных полководцев армии того времени. Их таланты и качества вызовут безусловное восхищение, но в то же время разногласия, происходившие между ними в критические минуты жизни, объясняют некоторые из причин наших неудач.

За 15 лет почти беспрерывной борьбы автор этой книги, сначала 17-летний солдат, оказывался в самых различных обстоятельствах, затем проявил себя бесстрашным офицером, побывал адъютантом многих маршалов и в самых сложных операциях обнаружил редкие качества преданности, такта и предприимчивости. Отважный командир полка, не щадящий своей жизни, он мужественно провел своих солдат через последние кампании армии императора в России, Саксонии и Бельгии.

Мемуары заканчиваются в 1815 году. Публичная жизнь автора, ненадолго прерванная ссылкой, впоследствии будет полностью отдана службе при герцоге Орлеанском. Генерал будет сопровождать его в качестве адъютанта во время осады Антверпена, в блестящих кампаниях в Африке и в конце концов в том же качестве будет служить графу Парижскому. Барон де Марбо, ставший пэром Франции в 1845 году, скончался в Париже 16 ноября 1854 года.

Наследники этих ценных рукописей посчитали невозможным продолжать отказывать все учащающимся просьбам о публикации этих ценных документов. Мы были бы счастливы, если бы эти славные воспоминания смогли стать ценным уроком и благородным примером нашим новым поколениям военных и вдохновили их на подвиги на поле брани. Пусть эти мемуары напомнят о заслуженной известности имени недавно ушедшего от нас человека и воскресят героический образ этого солдата.

Baron de Marbot (Marcellin)
Colonel du 23e Chasseurs a Cheval
1812

Моей жене и моим двум сыновьям

Моя дорогая жена, мои дорогие дети, я был свидетелем, хотя и очень молодым, великой и страшной Революции 1789 года. Я жил при Конвенте и Директории, я видел Империю. Я участвовал в ее грандиозных войнах и чуть не был уничтожен при ее падении. Я часто был близок к Императору Наполеону. Я служил в штабах пяти самых знаменитых маршалов — Бернадотта, Ожеро, Мюрата, Ланна и Массены. Я был знаком со всеми выдающимися людьми той эпохи. Я испытал ссылку в 1815 году. Мне выпала честь часто видеть короля Луи-Филиппа, когда он был еще только герцогом Орлеанским, и после 1830 года в течение двенадцати лет я был адъютантом его августейшего сына — принца и нового герцога Орлеанского. Наконец, после того, как ужасное событие похитило этого человека, я продолжал свою службу при персоне его августейшего сына графа Парижского.

Итак, я был свидетелем многих событий, я многое видел, многое запомнил. И поскольку вы давно желаете, чтобы я написал свои мемуары, описал свою жизнь и те выдающиеся события, в которых мне довелось участвовать, я уступаю вашим просьбам.

Но поскольку вы хотите узнать больше подробностей о том, что происходило со мной, а не детальные описания известных исторических событий, рассказанных в сотнях произведений, я буду о них говорить лишь в общих словах, лишь для того, чтобы отметить различные эпохи и времена, в которые мне довелось жить, а также влияние, которое эти события оказали на мою судьбу.

Описание отдельных личностей будет более подробным. Я беспристрастно поправлю мнение, сложившееся в отношении тех, кого я знал лично. Что касается стиля, он будет простым, как это и должно быть в рассказе, написанном для семьи. Рядом с событиями огромной политической важности я расскажу о случаях веселых, странных, полных мальчишества, а что касается меня лично, то остановлюсь на деталях, которые, может быть, ничего значительного собой и не представляют.

Почти все люди жалуются на свою судьбу. Провидение ко мне было щедрым, хотя моя жизнь и не была лишена злоключений. Однако удачи и счастье составляют значительно большую ее часть, чем огорчения и трудности. И если бы мне предстояло вновь начать мою жизнь, я бы в ней ничего не изменил.

Что сказать? У меня всегда было убеждение, что я родился счастливым. Мне удалось остаться на плаву во время бурь, которые поглотили почти всех моих современников. И сегодня я

окружен нежной и преданной и любящей семьей. И я благодарен Провидению за такое распределение хорошего и плохого в моей судьбе.

Глава I

Происхождение моей семьи. — Отец вступает в гвардию. — Семья Сертена. — Жизнь в замке Ла Ривьер. — Эпизоды детства

Я родился 18 августа 1782 года в замке Ла Ривьер, принадлежащем моему отцу, расположенном на берегах реки Дордонь, в прелестной, веселой долине Болье, на стыке земель Лимузена и Керси. Сегодня это департамент Коррез. Отец был единственным сыном в семье. Его отец и дед, будучи также единственными детьми, скопили немалое для провинции состояние и стали обладателями значительных земельных наделов, которые в конечном счете и достались моему отцу. Семья де Марбо имело благородное происхождение, хотя довольно долго не использовала перед своей фамилией частицу «де». По выражению той эпохи, она вела *благородный образ жизни*, то есть жила на свои собственные доходы, не добавляя к имеющемуся ни состояний, ни промышленных предприятий. Она имела обширные связи со многими дворянами края и дружила со знатными семьями, такими как д'Юмьер, д'Эстресс, Конак, Ла Мажори, и многими прочими.

Я останавливаюсь на этом, потому что в те времена, когда знать была могущественной и высокомерной, дружба, соединявшая семью де Марбо с этими знаменитыми домами, в роду которых насчитывалось немало маршалов Франции, доказывала, что наша семья пользовалась большим уважением в стране.

Мой отец, родившийся в 1753 году, получил превосходное воспитание и был очень образованным человеком. Он любил науки, литературу и искусство. Условности и правила светского общества, в котором он жил, лишь до некоторой степени обуздывали его довольно бурный нрав. Однако у него было очень доброе сердце, и он всегда старался после какой-нибудь вспышки сделать так, чтобы забылись как можно скорее его невольные резкости. Отец был очень красивым мужчиной, высокого роста и хорошо сложенным. Его загорелое лицо, мужественное и строгое, с очень правильными чертами, было прекрасно. Дедушка стал вдовцом еще в то время, когда его сын учился в коллеже. Домом управляла одна из его старых кузин Удине де Болье. Эта родственница оказала моему дедушке огромную помощь, особенно когда он ослеп, после того как рядом с ним ударила молния. С тех пор он практически не выходил из замка. До своего выхода в свет отец находился в обществе старика-инвалида и

тетки, готовой преданно исполнять малейшие его желания. Он мог использовать по собственному усмотрению все состояние семьи, однако он не злоупотребил этим.

Поскольку у отца всегда была страсть к военному искусству, побуждаемая ежедневным общением с молодыми аристократами из соседних поместий, он согласился на предложение, сделанное ему полковником маркизом д'Эстрессом, соседом и другом семьи, поступить на службу в роту телохранителей[1] короля Людовика XV.

Став телохранителем, отец получил звание младшего лейтенанта и по прошествии нескольких лет стал лейтенантом. Пользуясь покровительством маркиза д'Эстресса, он был принят во многих знатных домах Парижа и, в частности, в доме генерал-лейтенанта графа Шомберга — генерального инспектора кавалерии. Шомберг оценил достоинства моего отца и назначил его в 1781 году капитаном своего драгунского полка, а в 1782-м взял его к себе в адъютанты.

Дедушка умер, когда отец был еще молодым человеком. Его состояние и положение (в то время в провинции капитан являлся достаточно значительной фигурой) позволяли ему самому выбрать себе супругу, не опасаясь отказа. На расстоянии одного лье[2] от нашего поместья Ла Ривьер находился замок Лаваль-де-Сер, где жила небогатая семья благородного происхождения де Сертен. Глава этого дома погряз в долгах, и делами его руководила мадам де Сертен, женщина редких достоинств. Она происходила из дворянской семьи де Вердаль, которая, как известно, претендовала на то, что среди ее предков был и святой Рок[3], поскольку один из Вердалей женился на сестре святого Рока в Монпелье. Я не знаю, до какой степени подобные утверждения были обоснованными, но совершенно верно, что до революции 1789 года у дверей старинного замка Грюньяк (до сих пор принадлежащего семье Вердаль) существовала каменная скамейка, которую очень чтили жители окрестных горных деревень, поскольку, согласно легенде, святой Рок, приезжая навестить сестру, любил сидеть на этой скамейке и любоваться сельской местностью. Из замка, который напоминал скорее мрачную крепость, делать это было невозможно.

У г-на и г-жи де Сертен были три сына и дочь, и, согласно обычаям того времени, они добавили к своей фамилии название их поместий. Так, старший из сыновей получил прозвище *Канробер,* которое носил потом его сын, наш двоюродный брат, прославивший это имя[4]. Старший сын семьи де Сертен в то время, о котором я говорю, служил капитаном в пехотном полку Пентьевра и являлся рыцарем ордена Святого Людовика. Второго

сына называли *Иль.* Он был лейтенантом в полку Пентьевра. Третий сын получил прозвище *Ла Кост* и, как и мой отец, был одним из телохранителей короля. Дочь звали мадемуазель *дю Пюи,* она-то и стала моей матерью.

Мой отец сдружился с г-ном Сертеном де Ла Костом. Было бы странно, если бы этого не произошло. После трех месяцев совместной службы в Версале и совместных поездок домой, совершаемых дважды в год, они окончательно привязались друг к другу.

В то время общественные экипажи были большой редкостью, к тому же они были грязные, неудобные и двигались очень медленно. Пользоваться ими считалось дурным тоном, и поэтому пожилые или больные дворяне предпочитали нанимать отдельные экипажи, а молодые знатные люди и офицеры путешествовали верхом. Среди телохранителей установился обычай, который в наши дни мог бы показаться весьма странным. Поскольку эти господа служили всего три месяца в году и их корпус, таким образом, делился на четыре примерно равные части, то те из них, которые жили в Бретани, Оверни, Лимузене и других районах, славящихся хорошими лошадьми, закупали по нескольку лошадей, цена которых не должна была превышать 100 франков, включая седло и упряжь. В определенный день все телохранители из одной и той же провинции, которым надлежало возвращаться на службу, съезжались верхом в определенном месте, и веселый караван отправлялся в путь по дороге на Версаль. В день они проезжали от 12 до 15 лье в полной уверенности, что вечером они найдут приличное жилище за умеренную цену и хороший ужин в заранее избранных ими гостиницах, в которых их уже ждали в условленные дни. Путешествие проходило весело, в беседах и песнях, невзирая на погоду, будь то дождь или жара, ни на мелкие неизбежные неприятности. Каждый должен был по очереди рассказывать хорошую историю. По пути этот караван разрастался благодаря присоединению новых телохранителей из соседних провинций. Наконец, различные группы из всех уголков Франции достигали Версаля точно в тот день, когда кончался их отпуск, и таким образом они появлялись именно тогда, когда предыдущие отряды телохранителей готовились к отъезду. Каждый из них покупал у прибывших лошадку за 100 франков, и таким образом образовывался новый караван, возвращающийся в родные места. Затем, после прибытия к родному очагу, они отпускали лошадей пастись и оставляли их там без присмотра на 9 месяцев до того момента, когда им снова надо было возвращаться в Версаль. Лошадей покупали их товарищи, отправляющиеся в отпуск, и

таким образом эти лошадки, меняющие бесконечно своих хозяев, путешествовали по самым различным провинциям Франции.

Итак, мой отец сдружился с г-ном Сертеном де Ла Костом, служившим вместе с ним в роте Ноайя[5]. По возвращении в свою родную провинцию они часто виделись. Вскоре он подружился также и с братьями г-на де Сертена. Мадемуазель дю Пюи была хороша собой, остроумна, и, хотя у нее не было большого приданого, а отцу предлагались выгодные партии, он все-таки предпочел мадемуазель дю Пюи и женился на ней в 1776 году.

Нас было четверо братьев: старший Адольф сегодня лагерный маршал[6], я был вторым, Теодор третьим, и Феликс последним. По возрасту мы отличались друг от друга примерно на два года. Я был крепкого телосложения, болел в детстве только оспой, но однажды чуть не погиб при одном несчастном случае, о котором я вам сейчас расскажу.

Когда это произошло, мне было три года, но случай был столь серьезным, что воспоминание запечатлелось в моей памяти на всю жизнь. Из-за моего вздернутого носа и круглого овала лица отец называл меня *котенком.* Подобное прозвище вызвало у ребенка естественное желание подражать кошке. Наибольшим счастьем для меня было мяукая прохаживаться на четвереньках. У меня появилась привычка каждый день подниматься на второй этаж замка, чтобы появиться перед отцом в библиотеке, где он проводил самое жаркое время дня. Как только он слышал мяуканье своего котенка, он открывал дверь и давал мне целые тома произведений Бюффона, чтобы я мог рассматривать картинки, пока он занимался чтением. Эти встречи мне нравились бесконечно, но однажды я не был принят столь же любезно, как обычно. Отец, возможно, углубившись в чтение, не открыл дверь своему котенку. Напрасно я старался мяукать самым нежным образом, дверь оставалась закрытой. Я увидел на паркете, внизу, под дверью, отверстие, которое делалось в южных замках специально для кошек, чтобы они могли свободно выходить и заходить в квартиру. Этот проход я, естественно, посчитал предназначенным специально для меня и осторожно пополз в него. Голова прошла сразу, но тело застряло. Тогда я решил вылезти обратно, но помешала голова, и я не мог ни пролезть вперед, ни вылезти назад. Я задыхался… Однако я настолько свыкся со своей ролью кошки, что вместо того, чтобы закричать и показать отцу тяжелое положение, в которое я попал, я продолжал мяукать, но на этот раз не ласково, а злобно, как может мяукать кошка, которую душат. У меня это получалось так естественно, что отец подумал, что я продолжаю играть свою роль, и начал смеяться. Но вскоре мяуканье ослабело, мое лицо

посинело, и я потерял сознание. Можете судить об ужасном состоянии моего отца, когда он понял настоящее положение вещей. С большим трудом он сорвал дверь с петель, освободил меня и отнес на руках к матери, которой показалось, что я умер, поскольку я оставался без сознания. С ней случился страшный припадок. Когда я пришел в сознание, то рядом был хирург, который мне пускал кровь. Вид крови и волнение всех обитателей замка, собравшихся вокруг моей матери и меня, произвели столь сильное впечатление на мое юное воображение, что это событие осталось навсегда в моей памяти.

Глава II

Первые революционные бури. — Позиция моего отца. — Он возвращается на службу. — Я передан в руки мадемуазель Монгальви. — Моя жизнь в пансионате

Пока в полной безмятежности протекало мое детство, серьезные события назревали в стране. Уже слышны были раскаты приближающейся революционной грозы, и вскоре она не замедлила разразиться над нашими головами. Шел 1789 год.

Собрание Генеральных штатов, возбуждавшее столько страстей, разрушило покой, в котором пребывала провинция, где мы жили, и посеяла раскол почти во всех семьях, а более всего — в нашей. Поскольку мой отец уже давно порицал злоупотребления правящих кругов Франции, он придерживался мнения, что изменения необходимы, совершенно не предвидя те ужасы, которые последуют за ними. Однако его трое двоюродных братьев, а также многие из друзей отрицали необходимость каких-либо новаций. Это порождало яростные споры, в которых я ничего не понимал, но которые меня очень огорчали, поскольку я видел, что мама плакала, стараясь успокоить взаимное возмущение своих братьев и своего супруга. Не слишком хорошо разбираясь в происходящем, я принимал сторону умеренных демократов, которые избрали своим руководителем отца, поскольку, бесспорно, он был наиболее способным человеком в наших краях. Учредительное собрание отменило *феодальные повинности.* Отец, будучи дворянином, обладал рядом прав, купленных еще его отцом. Он был первым, кто подчинился новому закону. Простолюдины, выжидавшие, чтобы отец подал им пример, не хотели больше никому ничего платить, как только узнали, что он отказался от взимания всех феодальных повинностей, которыми обладал.

Спустя некоторое время Франция была поделена на *департаменты,* и отца назначили администратором департамента Коррез, а несколько позднее он стал членом Законодательного собрания.

Все три брата моей матери и почти вся знать нашей провинции поспешили эмигрировать из страны. Война казалась неизбежной. Тогда, чтобы призвать граждан вооружаться, возможно, для того, чтобы проверить, до какой степени можно рассчитывать на поддержку населения, правительство в один прекрасный день распространило во всех коммунах Франции слух о том, что *разбойники,* руководимые эмигрантами, собираются

разрушить все новые институты власти. Во всех церквях звучал набат. Каждый вооружался чем мог. Была организована национальная гвардия. Страна обрела воинственный вид и ожидала этих так называемых разбойников, о которых в каждой коммуне говорили, что они уже находятся в соседней. Однако никто из них так и не появился, но должное впечатление было произведено. Франция вооружилась и доказала, что она была в состоянии защитить себя.

Эта тревога, поднятая в стране и получившая название *день страха,* меня удивила и, возможно, напугала бы, если бы я не видел полного спокойствия матери. Мне всегда казалось, что отец, зная ее сдержанность, предупредил бы ее о том, что должно было случиться.

Прежде всего все происходило без всяких эксцессов со стороны крестьян, которые в наших провинциях сохранили большое уважение по отношению к старинным родам. Однако вскоре, побуждаемые городскими демагогами и некоторыми односельчанами, они направились к дворянским жилищам под предлогом отыскать спрятавшихся там эмигрантов, но на самом деле для того, чтобы забрать деньги и документы, подтверждающие феодальные права[7], которые они затем сжигали на огромных кострах. С нашей террасы мы наблюдали, как разбушевавшиеся крестьяне с горящими факелами в руках устремились бегом в сторону замка д'Эстресс, откуда мужчины давно уже отбыли в эмиграцию и где оставались только женщины. Это были лучшие подруги моей матери, и она была очень удручена, что, несмотря на мою крайнюю молодость, я уже стал свидетелем этого разбоя. Беспокойство матери удвоилось, когда она увидела свою мать, пришедшую к нам, поскольку ее выгнали из ее замка, объявив его национальной собственностью из-за эмиграции трех ее сыновей! До этих пор дом моего отца оставался неприкосновенным, тем более что его патриотизм был известен всем в округе. И чтобы подчеркнуть свои национальные чувства, он по окончании своего мандата в Законодательном собрании пошел служить в Пиренейскую армию капитаном горных егерей[8]. Однако революционный поток сметал все на своем пути, и дом в Сен-Сере, купленный моим отцом 10 лет назад у г-на де Лаполони, был конфискован и объявлен национальной собственностью, поскольку акт продажи был подписан только частными лицами, а продавец эмигрировал до ратификации этого акта нотариусом. Матери было предоставлено всего несколько дней для того, чтобы собрать личные вещи, затем дом был выставлен на торги и куплен председателем дистрикта, который и инициировал эту конфискацию! Крестьяне,

подстрекаемые некоторыми вожаками из Болье, бросились толпой к замку моего отца, где очень осторожно и даже с некоторой вежливостью они сказали матери, что не могли не сжечь ценные бумаги феодальной ренты, имеющиеся у нас, и хотели также проверить, не прячутся ли у нас в доме эмигранты, в частности ее братья. Мать приняла их очень мужественно, передала им ценные бумаги и заметила, что, хорошо зная своих братьев как людей честных, она была уверена, что они эмигрировали не для того, чтобы затем вернуться во Францию и прятаться в этом замке. Крестьяне убедились в справедливости подобного рассуждения, крепко выпили, поели, сожгли ценные бумаги посередине двора и удалились, не причинив никакого вреда, прокричав: «Да здравствует нация! Да здравствует гражданин Марбо!» Они также добавили, что просят мою мать написать отцу, что они его очень любят и что его семья находится среди них в полной безопасности.

Однако, несмотря на эти заверения, мама прекрасно понимала, что, будучи сестрой эмигрантов, она рискует навлечь на нас очень крупные неприятности, от которых ее не спасло бы и положение супруги защитника отечества. Поэтому она решила немедленно уехать. Она объяснила мне, что принятие такого решения было вызвано еще и глубоким убеждением, что революционная буря не может длиться больше нескольких месяцев. Между прочим, тогда так думали очень многие.

У моей бабушки было семь сыновей, и, согласно обычаям семьи де Вердаль, они все были военными и кавалерами ордена Святого Людовика. Один из них, бывший командир батальона в пехотном полку Пентьевра, выходя в отставку, женился на богатой вдове советника парламента Ренна. Мать решила отправиться к ней, но в это время мое тело внезапно покрылось очень болезненными фурункулами. Отправляться в путь с восьмилетним ребенком в таком состоянии было невозможно! Мать не знала, что делать… Из этого затруднения ей помогла выйти очень уважаемая дама мадемуазель Монгальви, которая была ей беззаветно предана и память о которой мне очень дорога. В Тюренне у мадемуазель Монгальви был небольшой пансион, и она предложила матери взять меня к себе на несколько месяцев ее отсутствия. Мать посоветовалась с отцом, и, после того как он дал на это согласие, я был отправлен в этот девичий пансион. Как, скажете вы, мальчик среди девочек? Да, представьте себе. Но не забывайте, что я был ребенком очень ласковым, спокойным, послушным и мне было всего восемь лет.

Воспитанницами пансиона мадемуазель Монгальви еще со времен, когда там училась моя мать, были молодые особы от 16

до 20 лет. Самым младшим было примерно 14 лет, и они были уже достаточно рассудительны, чтобы дать свое согласие на мое присутствие среди них.

Как только я появился в пансионате, все женское общество выбежало навстречу мне и приветствовало меня такими восторженными, радостными криками и лаской, что я тут же понял, что не напрасно сюда приехал. К тому же я думал, что мое пребывание здесь будет недолгим, и даже внутренне сожалел, что проведу так мало времени среди Этих добрых, юных барышень, которые давали мне все, что могло мне доставить удовольствие, и даже спорили между собой, кому меня вести за руку.

В это время моя мать отправилась к моему дяде. События разворачивались с невероятной быстротой. Террор затопил кровью всю Францию. Гражданская война началась в Вандее и Бретани. Любые поездки по стране стали совершенно невозможны. Таким образом, моя мама, которая должна была пробыть в Ренне всего два или три месяца, осталась там на долгие годы. Отец по-прежнему сражался в Пиренеях, в Испании, где благодаря своим способностям и своей отваге он был произведен в дивизионные генералы. Таким образом, приехав в пансион на несколько месяцев, я остался там на четыре года, которые стали для меня годами радости и счастья, время от времени омрачаемыми только воспоминаниями о моих родителях. Но воспитательницы и воспитанницы пансиона Монгальви своим вниманием ко мне прогоняли каждый раз грустные мысли, которые меня время от времени охватывали.

Когда много позднее я прочел историю Вер-Вера, жившего среди монахинь-визитандинок[9] в Невере, я воскликнул: «Но ведь именно так я жил в пансионате в Тюренне!» Как и его, воспитательницы и воспитанницы меня баловали превыше всех возможностей, которые можно себе вообразить. Мне стоило только пожелать, чтобы получить желаемое. Мое здоровье поправилось и стало отличным. У меня был свежий цвет лица, вызывающий желание меня поцеловать. В часы отдыха, которые мы проводили на обширных лужайках среди великолепного сада, виноградников и рощиц, юные девушки надевали на меня корону, покрывали меня гирляндами цветов, затем сажали на небольшие носилки, обсыпанные розами, и по очереди несли их, распевая песни. Иногда я играл с ними в догонялки, и у меня всегда было преимущество захватить кого-нибудь, но не быть пойманным самому. Они мне читали различные истории, пели песни, и каждая из них стремилась выдумать что-то новое.

Помню, как, узнав о страшной казни Людовика XVI, мадемуазель Монгальви попросила всех встать на колени и

читать молитвы за упокой души несчастного короля. Недомыслие или несдержанность в словах любого из нас могли навлечь большие неприятности на мадемуазель Монгальви, и все воспитанницы это уже хорошо понимали. Я же сам почувствовал, что не надо об этом говорить. Все, что было вне нашего дома, не должно было касаться нас.

Глава III

Мой отец принимает командование войсками в Тулузе. — Он призывает меня к себе. — Встреча с конвоем аристократов. — Моя жизнь в Тулузе. — Меня отправляют в Соррез

В этом милом приюте я оставался до ноября 1793 года. Мне было одиннадцать с половиной лет, когда отец получил командование учебным лагерем, образованным в Тулузе. Он воспользовался несколькими днями отпуска, чтобы повидаться со мной и уладить все дела, которыми он не занимался уже многие годы. Он остановился в Тюренне у одного из своих друзей и тут же отправился в пансион. На нем была офицерская форма, на боку висела огромная сабля, волосы коротко подстрижены и не напудрены. Лицо украшали большие усы, и все это очень отличалось от того костюма, в котором я привык его видеть, когда мы спокойно жили в нашем замке Ла Ривьер.

Я уже сказал, что, несмотря на свою мужественную фигуру и строгий вид, отец был очень добрым человеком, особенно по отношению к детям, которых он страстно любил. Как только он меня увидел, он шумно выразил свою радость и не переставал меня ласкать. Он провел несколько дней в Тюренне, горячо поблагодарив милых дам Монгальви за почти материнскую заботу обо мне. Расспрашивая меня о моей жизни, он быстро увидел, что я хорошо знал молитвы, литании, религиозные песнопения, но прочие мои знания ограничивались самыми общими представлениями об истории, географии и орфографии. К тому же он понимал, что мне шел уже двенадцатый год и было абсолютно невозможно оставлять меня и далее в пансионе юных девиц. К тому же настало время дать мне более мужское и значительно более глубокое образование. Он решил, что заберет меня в Тулузу, куда он уже вызвал Адольфа по его выходе из Эффиа для того, чтобы отправить нас обоих в военный коллеж в Соррезе — единственное большое учебное заведение, которое почти не затронули революционные преобразования.

Уезжая, я расцеловал всех моих юных подруг, и мы направились в город Крессансак, где нас встретил капитал Го, адъютант моего отца. Пока смазывали экипаж, старый слуга отца Спир, хорошо знавший его привычку ехать и днем и ночью, занимался закупкой запасов провианта и укладывал пакеты. В этот момент я стал свидетелем нового для меня зрелища: большая колонна, состоящая из жандармов, национальных гвардейцев и волонтеров, вошла в Крессансак под звуки музыки.

Я никогда не видел ничего подобного, и мне это зрелище показалось великолепным. Но я не мог понять и объяснить себе, почему в середине колонны солдат ехали примерно двадцать подвод с пожилыми мужчинами, дамами и детьми и у всех у них был очень грустный вид. Эта процессия привела моего отца в негодование. Он отошел от окна и, широко шагая по комнате, в присутствии своего адъютанта, в котором он был абсолютно уверен, не переставал восклицать: «Эти жалкие члены Конвента испоганили революцию, которая могла быть так прекрасна! Вот еще одни невиновные, которых отправляют в тюрьму только потому, что они благородного происхождения или у них родственники-эмигранты. Это ужасно!» Я понял все, что говорил отец по этому поводу, и также испытывал ненависть к этой партии террористов, которые испортили революцию 1789 года.

Но почему же, возразят мне, ваш отец служил правительству, которое он презирал? Да потому, что он думал, что изгнать врага с территории Франции — это всегда дело его чести, которое освобождает военных от солидарности с теми ужасами, которые творил Конвент внутри страны.

То, что отец говорил мне, меня очень заинтересовало, и я был склонен хорошо отнестись к тем людям, которых я видел в повозках. Я узнал, что это были семьи аристократов, которых забрали сегодня утром из их замков и везли в тюрьму Суийяк. Среди них были старики, женщины, дети, и я спрашивал себя, каким образом эти слабые люди могли оказаться опасными для страны, особенно когда я слышал многие голоса, просящие дать им что-нибудь поесть. Одна дама попросила у гвардейца разрешить ей выйти, чтобы купить что-нибудь из еды. Он очень резко отказал, и дама ему протянула ассигнат[10], прося его сходить и купить немного хлеба. Гвардеец ей ответил: «За кого ты меня принимаешь? За бывшего лакея?!» Эта грубость возмутила меня. Я заметил, что Спир засунул в карманы коляски несколько булок, внутрь каждой он еще вложил колбасу. Я взял два таких хлеба и, подойдя поближе к коляске арестованных детей, пока гвардейцы отвернулись, бросил им этот хлеб. Мать и дети отблагодарили меня выразительными жестами, после чего я решил снабжать их едой каждый раз, когда это будет возможно. Я часто носил им самую разную провизию, из того, что заготовил Спир, рассчитывая накормить нас, четырех человек, за те 48 часов, которые мы должны были провести в дороге до Тулузы.

Итак, мы отправились в путь. Спир и не подозревал о тех раздачах провианта, которыми я занимался все это время. Маленькие арестанты посылали мне воздушные поцелуи, родители всякий раз меня приветствовали. Стоило нам отъехать

на расстояние в сто шагов, как мой отец, спешивший удалиться от этого зрелища, очень раздражавшего его, захотел остановиться в гостинице. Он пожелал съесть что-нибудь из того, что Спир загрузил в нашу повозку.

Сам отец и господин Го вместе искали во всех местах внутри повозки какой-нибудь провиант, но тщетно. Отец стал браниться на Спира, который с высоты своего сиденья клялся всеми чертями, что он наполнил повозку провиантом на целых два дня. Я чувствовал себя в несколько затруднительном положении. И, не желая, чтобы ругали бедного Спира, заявил, что во всем повинен я. Я ожидал выговора за то, что сделал это без разрешения, но отец поцеловал меня самым нежным образом, и многие годы спустя он говорил с особым удовольствием об этом моем поступке.

Вот, дорогие дети, почему я решил вспомнить об этом. Всегда чувствуешь себя очень хорошо, когда в определенных обстоятельствах совершил нечто полезное и получил одобрение от тех, кого ты очень любишь.

От Крессансака до Тулузы дорога была буквально забита добровольцами, которые весело и беззаботно отправлялись в Пиренейскую армию, распевая патриотические песни. Это оживление на дороге приводило меня в восторг, и я был бы вполне счастлив, если бы физически не страдал оттого, что меня укачиваю и тошнило в течение почти всей поездки. Это заставило отца приказать-таки остановиться на ночь, чтобы я мог отдохнуть. Все равно в Тулузу я приехал очень уставший, но встреча с моим братом, которого я не видел четыре или пять лет, меня настолько обрадовала, что я мгновенно выздоровел.

Отец, как дивизионный генерал, командующий лагерем, расположенным в Мирайле, под Тулузой, имел право на служебную квартиру, в качестве которой муниципалитет города выделил ему прелестный особняк Рессегье, владелец которого находился в эмиграции. Мадам де Рессегье удалилась вместе со своим сыном в самые дальние апартаменты замка. Отец распорядился, чтобы ей оказывали самое глубокое почтение в связи с ее тяжелым положением.

В доме моего отца всегда было много народу, он принимал во все дни и должен был тратить на это немалые деньги. Хотя дивизионный генерал получал пособия различного рода и все его адъютанты получали также разные пособия, однако этого все равно не хватало. Надо было покупать тьму вещей, однако государство в те времена что старшему офицеру, что простому младшему лейтенанту не платило более *восьми франков в месяц* монетой, вдобавок к жалованью, выплачиваемому в *ассигнатах,*

реальная стоимость которых таяла каждодневно. Так как мой отец обладал очень широкой натурой, он приглашал в дом многих офицеров и имел большой штат прислуги (которую в те времена называли обслуживающим персоналом), 18 лошадей, экипажи, ложу в театре и многое другое. Все это требовало трат, которые делались из средств, накопленных еще во время нашей жизни в замке Ла Ривьер. Таким образом, с момента поступления отца на службу это состояние стало резко таять.

Хотя мы жили в самый разгар Террора, когда субординация в армии была не в чести, а хорошие манеры были, казалось, навсегда позабыты, мой отец сумел внушить большинству офицеров, которые посещали его, уважение к прежним обычаям. Исключительная вежливость царила в гостиных и за столом нашего дома. Среди офицеров, находившихся в лагере, мой отец располагал особыми симпатиями к двоим, которых он чаще, чем других, приглашал к нам. Одного звали Ожеро, он был главным аджюданом, то есть полковником штаба[11]. Другого звали Ланн. Последний был лейтенантом гренадерской роты в одном из батальонов волонтеров департамента Жер. Оба впоследствии стали маршалами Империи, и я был их адъютантом. Я расскажу о них подробнее, когда буду описывать, что происходило со мной в эти более поздние времена.

Ожеро, после того как он сбежал из заточения, вырвавшись из лап лиссабонской инквизиции[12], воевал в Вандее, где отличился своей смелостью и легкостью, с которой ему удавалось управлять войсками. Он был прекрасным тактиком. Этой науке он выучился в Пруссии в то время, когда служил, и довольно долго, в пешей гвардии Фридриха Великого. За это его часто называли *Великий пруссак*. У него была безупречная военная выправка, он всегда был с иголочки одет, подстрижен, его волосы были всегда напудрены. Он носил длинную косу, высокие сапоги с отворотами, всегда начищенные до блеска. При этом у него был абсолютно воинственный вид. Такая одежда и выправка были особенно заметны в те времена, когда французская армия не отличалась блеском и состояла почти исключительно из волонтеров, не привыкших носить красивую военную одежду и очень мало заботящихся о своем туалете. Однако никто не осмеливался посмеяться над Ожеро за его привычки или внешность. Всем было известно, что он прекрасный дуэлянт, забияка и очень смелый человек. Однажды он заставил сдаться даже знаменитого Сен-Жоржа, искуснейшего фехтовальщика Франции.

Я уже сказал, что Ожеро был прекрасным тактиком, поэтому отец поручил ему руководить обучением батальонов новобранцев,

из которых состояла большая часть его дивизии. Эти батальоны приходили из Лимузена, Оверни, страны басков, Керси, Жера и Лангедока. Ожеро их очень хорошо подготовил. Занимаясь этим, он и не подозревал, что работает для своих будущих побед. Войска, которыми командовал тогда мой отец, впоследствии составили знаменитую дивизию Ожеро, совершившую блестящие подвиги в Восточных Пиренеях и в Италии. Ожеро практически каждый день бывал у моего отца. Отец отвечал ему крепкой дружбой, которая никогда не была никоим образом омрачена.

Что касается лейтенанта Ланна, то это был молодой гасконец, живой, остроумный, очень веселый, без всякого воспитания и образования, но страстно желающий учиться. И это в те времена, когда почти никто не думал об учении всерьез. Он стал очень хорошим инструктором и, так как был крайне тщеславен, всегда с невыразимым удовольствием получал похвалы, которые расточал ему отец просто потому, что он их вполне заслуживал. Из благодарности Ланн, насколько возможно, баловал детей своего генерала.

В одно прекрасное утро отец получил приказ снять Миральский лагерь и перевести свою дивизию в армию генерала Дюгомье, осаждавшую Тулон, которым совершенно случайно овладели англичане. Тогда-то отец и заявил мне, что пора покончить с пансионом молодых барышень, что я должен продолжать учиться, получить настоящее образование и что мне нужно заняться более серьезными вещами и науками.

На следующий же день меня отправили в военный коллеж в Соррезе, где для меня, так же как и для моего брата, было уже приготовлено место. Мною овладели очень смешанные чувства… Не возвратиться больше к своим подругам, не увидеть больше пансиона Монгальви… Это казалось мне невозможным!

Дорога, по которой мы ехали, была полна войск и орудий, которые отец осматривал на параде в городе Кастельнодари. Это зрелище, которое еще несколько дней назад восхитило бы меня, теперь не могло смягчить мое горе.

Мы остановились на ночлег в Кастельнодари, когда отец узнал об эвакуации англичан из Тулона 18 декабря 1793 года и сразу же получил приказ отправляться со своей дивизией в Восточные Пиренеи. Тогда он решил на следующий же день отвезти нас в Соррез, пробыть там несколько часов и как можно быстрее отправляться в Перпиньян. Выехав из Кастельнодари, отец приказал остановить наш экипаж перед замечательным деревом, под которым коннетабль де Монморанси был арестован войсками Людовика XIII после разгрома сторонников Гастона Орлеанского[13]. Отец обсуждал это событие со своими

адъютантами, и мой брат, уже очень образованный молодой человек, принял участие в этом разговоре. Что касается меня, получившего еще очень поверхностные знания об истории Франции, мне не было известно ни одной подробности этих событий. Я в первый раз слышал и о битве при Кастельнодари, и о Гастоне Орлеанском, и о его восстании, и о его пленении, и о казни коннетабля де Монморанси. Прекрасно понимая, что отец не обратился ко мне ни с одним вопросом, потому что убежден, что я не смогу на него ответить, я был сильно унижен и огорчен. Для себя самого я сделал вывод, что отец был прав, решив отвезти меня в училище и заняться моим воспитанием. Мои сожаления сменились на твердое желание хорошо учиться и постараться много узнать. Тем не менее я чувствовал, как сердце мое сжимается при виде высоких и темных стен забора, за которым меня должны запереть…

Когда я вступил в стены этого заведения, мне было 11 лет и 4 месяца.

Глава IV

Соррез. — Дон Ферлюс. — Жизнь в Соррезе. — Обычаи уравниловки. — Первые испытания. — Визит одного из представителей народа

Пришло время дать вам небольшое историческое описание знаменитого коллежа в Соррезе в том виде, в каком оно было представлено мне доном[14] Абалем, бывшим заместителем директора. Мы часто встречались с ним в Париже уже во времена Империи.

Когда во времена Людовика XV было решено изгнать иезуитов из Франции, их защитники посчитали, что братья этого ордена единственные, кто может заниматься воспитанием молодежи. Бенедиктинцы, отъявленные враги иезуитов, хотели доказать обратное, однако превращаться в педагогов самим им казалось излишним, хотя они всегда были очень сведущими и образованными людьми. И все же они выбрали четыре своих монастыря, в которых были устроены учебные заведения. Среди них были Соррез и Понлевуа, где были собраны все члены Ордена, у кого обнаружилось больше всего стремления и таланта к преподавательской работе или занимавшиеся этим уже многие годы. Новые заведения процветали. Более всего это касалось Сорреза. Сюда стекалось множество учеников со всей страны. Бенедиктинцы пригласили туда и многих наиболее образованных светских людей. Все они со своими семьями приехали в этот маленький город. Дети этих гражданских профессоров воспитывались в коллеже бесплатно. Позднее здесь образовался настоящий заповедник превосходных преподавателей всех наук и искусств. Легкость, с которой давались здесь уроки за небольшую плату, привлекала в Соррез все новых учеников из пансионов других городов. Маленький город стал знаменит. Даже простым купцам было известно об этом заведении, где их дети получали весьма широкое образование. Многие иностранцы, более всего англичане, испанцы и американцы, приезжали сюда на несколько лет, чтобы находиться рядом со своими сыновьями и дочерьми в течение всего периода их воспитания.

Орден бенедиктинцев состоял в основном из людей очень мягких. Они выходили за пределы своих обителей и, как правило, получали то, что было им нужно, настолько их любили в мире. Это очень помогало Соррезскому учебному заведению, особенно во времена Революции. В то время директором здесь был дон Деспод, человек очень больших достоинств, но не посчитавший

для себя возможным принести *гражданскую клятву,* требуемую в то время от духовенства, и удалился от своих обязанностей. Проведя несколько лет в отставке, он был призван уже императором и назван одним из главных сотрудников Университета. Все остальные бенедиктинцы Сорреза подчинились необходимости принести клятву. Дон Ферлюс стал директором, дон Абаль — его заместителем, и школа, несмотря на все революционные изменения, продолжала существовать, сохраняя те блестящие начала, которые заложил дон Деспод.

Когда вышел закон о секвелизации монастырей и продаже их имущества, это учреждение, казалось, должно было потерять свой престиж и вес, но все важные лица в стране были воспитанниками Сорреза и желали, чтобы оно сохранилось и для их детей. Жители города, рабочие, крестьяне, с большим почтением относились к отцам-бенедиктинцам и понимали, что разрушение этого заведения приведет к разорению всего их края. Население обратилось к дону Ферлюсу, прося его заявить о готовности выкупить училище со всем его огромным имуществом. На аукционе никто не смог предложить большую цену, и директор стал собственником огромного монастыря и земель, которые его окружали. Администрация департамента дала ему большой срок для внесения денег. Со всех сторон ему одалживали ассигнаты, которыми он мог постепенно расплачиваться. Средства приносили и небольшие участки леса, выставляемые на продажу. Богатые местные фермеры поставляли все необходимое коллежу продовольствие. Дон Ферлюс часто расплачивался с нанятыми преподавателями продуктами, что вполне их устраивало, поскольку в ту пору во Франции уже свирепствовал голод.

Дон Ферлюс с честью использовал то, что досталось ему по воле обстоятельств. Среди учащихся находилось около сотни креолов с Сан-Доминго, Гваделупы, Мартиники и из других колоний, которые из-за войны на море, а главное, из-за восстания негров были лишены возможности переписываться со своими родными. Дон Ферлюс оставил у себя все их семьи. По мере того как эти дети достигали взрослого возраста, он использовал их как помощников учителей, потом устраивал на различные административные должности. Позднее, когда политический горизонт просветлел, сначала Директория, а потом император помогали дону Ферлюсу в его добром деле. Гуманность и честность этого уважаемого человека способствовали распространению хорошей репутации его заведения и помогали его дальнейшему процветанию.

После смерти дона Ферлюса школа перешла в руки его брата Раймона Ферлюса, человека малоспособного, бывшего женатого

ораторианца[15], неважного поэта, известного в основном длительной литературной войной, которую он вел против г-на Баура-Лормьяна.

Престиж коллежа начал падать, когда в 1814 году Реставрация отдала его в руки иезуитов. Они тут же попытались отыграться на бенедиктинцах, разрушив здание, которое те подняли из руин. Университет, руководимый аббатом Фрейсинусом, принял сторону иезуитов. В то время г-н Раймон Ферлюс уступил место, которое он занимал в этом учебном заведении, своему зятю г-ну Бернару, бывшему артиллерийскому офицеру и моему соученику. Новый директор оставался далек от насущных проблем этой школы. К тому же во Франции появилась масса новых коллежей, которые сразу же стали ее конкурентами. Соррез постепенно терял свою прежнюю высокую репутацию и, в конечном счете, стал одним из самых обыкновенных учебных заведений.

Теперь я вернусь к тому времени, когда меня отдали туда на учение. Я уже говорил о том, как дон Ферлюс спас коллеж от разорения и как затем, поддерживаемый заботой этого человека, он стал крупным учебным заведением, которое Революция оставила в покое. Монахи надели светские одежды, и обращение *гражданин* заменило прежнее *дон.*

Помимо этих нововведений, по существу в коллеже ничего не изменилось. Он продолжал мирно существовать в одном из тихих уголков Франции, в то время как вся страна стала ареной самых жестоких раздоров. Я сказал, что в основном ничего не изменилось, потому что занятия продолжали следовать обычным ничем не нарушаемым порядком. Однако было невозможно, чтобы бури и смуты, бушевавшие за стенами коллежа, совсем не ощущались бы внутри его. Я даже должен добавить, что дон Ферлюс, будучи человеком очень гибким, даже делал вид, что одобряет многое из того, чему он не мог помешать. Таким образом, стены коллежа были покрыты республиканскими лозунгами. Было запрещено обращение *господин.* Ученики, отправляясь в столовую или на прогулку, пели «Марсельезу» и другие республиканские гимны. Так как они постоянно слышали о подвигах наших армий, то некоторые из учеников старших классов записались в добровольцы, а другие мечтали об этом. К тому же вся эта молодежь воспитывалась в военной среде, поскольку и до Революции Соррез был военным коллежем, где изучались военное дело, верховая езда, фортификация и многое другое. Со временем вся эта молодежь прониклась военным духом, приобрела соответствующие привычки. Добавьте к этому, что костюм того времени придавал странный вид всем, кто его

носил. Действительно, ученики носили грубые ботинки, которые они чистили раз в десять дней, серые грубошерстные носки, широкие штаны и пиджаки коричневого цвета, без жилетов, расстегнутые рубашки, покрытые чернильными пятнами, со следами красного карандаша. Галстуков не было, никаких головных уборов, волосы зачесаны назад в виде хвоста или распущены. А руки! Руки настоящих угольщиков.

А теперь представьте меня, начищенного, одетого в костюм из тонкого сукна, наконец, просто элегантного, оказавшегося среди толпы семисот мальчишек, похожих на чертей, которые кричали: «А вот и новенькие!» Они с шумом оставили свои игры, сгрудившись вокруг нас, будто на их обозрение вывели каких-то удивительных животных.

Отец нас поцеловал и уехал… Мое отчаяние было беспредельным! И вот в первый раз за всю мою жизнь я остался один, поскольку брат оказался размещен в спальнях «большого двора», а я «маленького». Стояла середина зимы, было очень холодно, а, согласно регламенту заведения, у учеников никогда не разводили огня.

Впрочем, ученики Соррезского коллежа хорошо питались, особенно если учесть, что это было время, когда голод охватил всю Францию. Администрация дона Ферлюса делала все, чтобы в доме царило изобилие. Обед состоял из всего, что только могли пожелать ученики, но ужин мне показался очень бедным, а вид подаваемых блюд вызывал отвращение. Хотя, даже если бы в тот момент мне предложили самые изысканные вещи, я бы отказался и от них, так тяжело у меня было на сердце.

Ужин заканчивался, как и начинался, — патриотическим пением. Все опускаются на колени при первом куплете «Марсельезы», начинающемся словами: «Священная любовь к родине». Затем все отправляются под бой барабана в дортуары. Ученикам старших классов «большого двора» каждому полагалась отдельная комната, в которой их запирали с вечера. Ученики «малого двора» (младших классов) спали по четверо в комнате, в каждом углу стояло по кровати. Меня поселили вместе с Гюро Роместаном и Лагардом, они были моими соседями по столу, такими же новенькими, как и я. Мне с ними было хорошо. Они мне показались хорошими ребятами. Таковыми они и были.

Но я пришел в ужас, увидев, сколь узка моя кровать и сколь тонок матрас. И что мне более всего не понравилось, так это то, что кровать была железной, а я никогда в жизни не видел ничего подобного. Тем не менее все было очень чистым.

Несмотря на все мои огорчения, я быстро и глубоко заснул, настолько я устал от тех моральных потрясений, которые мне

пришлось испытать за этот судьбоносный день.

На следующее утро, очень рано, дежурный барабан оповестил о подъеме. Он производил страшный шум во всех дортуарах. Это мне показалось чрезвычайно диким. Но что же должно было произойти со мной, когда я увидел, что, пока я спал, у меня забрали мою красивую одежду, тонкие чулки, изящные ботинки и заменили все это грубой одеждой, тяжелыми ботинками… Я разрыдался от бешенства.

После рассказа о первых впечатлениях, испытанных мною при поступлении в коллеж, я избавлю вас от описания моих мучений в течение следующих шести месяцев. Меня слишком баловали милые дамы Монгальви, и я просто не мог не страдать морально и физически в новом моем положении. Я стал очень печальным. Если бы я не был таким крепким физически, я наверняка заболел бы. Это был самый тяжкий период моей жизни, но постепенно работа и привычка помогли мне преодолеть все. Я любил занятия по французской литературе, географии, а более всего по истории, и я неплохо преуспевал в этих науках. Я был средним учеником по математике, латыни, верховой езде, на занятиях с оружием, но я превосходно научился владеть ружьем, и мне очень нравились учения батальона, сформированного из учеников, которым командовал старый отставной капитан.

Я уже сказал, что время моего поступления в коллеж (конец 1793 года) совпало с правлением Конвента, кровавая тень которого нависла над Францией. Делегированные им представители народа проверяли все провинции, а те из них, кто властвовал на юге, регулярно посещали коллеж в Соррезе, поскольку слово «военный» приятно звучало для их слуха. У гражданина Ферлюса был особый дар убеждать их в том, что коллеж предназначен для формирования новой молодежи — надежды отечества. Таким образом, он получал все, что хотел. Наш директор стремился их убедить, что мы имеем прямое отношение к армии и что мы являемся ее питомником. Этих представителей принимали у нас в коллеже по-королевски. Перед их приходом все ученики надевали военную форму, батальон маршировал перед ними во всей красе. Часовые стояли у каждой двери, как на плацу. Соответственно моменту игрались пьесы, в которых в самом чистом виде царствовал дух патриотизма. Пелись национальные гимны. Когда представители приходили в классы, особенно на уроки истории, то всегда находился случай, чтобы произнести несколько тирад о великолепии республиканского правительства и о важности патриотических добродетелей, которые этим правительством проповедовались.

Мне вспоминается один случай, связанный с визитом такого

представителя по имени Шабо, бывшего капуцина, который однажды на уроке задал мне вопрос по римской истории, спросив, что я думал о Кориолане, почувствовавшем себя оскорбленным соотечественниками, забывшими о его заслугах, и ушедшем к вольскам, заклятым врагам римлян. Дон Ферлюс и другие учителя дрожали, боясь, чтобы я не одобрил поведение римлянина, но я вынес ему порицание, говоря, что «хороший гражданин не должен никогда поднимать оружие против своей родины, не думать об отмщении, как бы ни были справедливы причины его неудовольствия». Представитель был так доволен моим ответом, что обнял меня, сказал несколько комплиментов директору коллежа и преподавателям, поблагодарив их за правильные принципы, которые они воспитывают в своих учениках.

Но даже этот успех не уменьшил моей ненависти к членам Конвента. Эти представители внушали мне ужас. У меня уже было достаточно соображения, чтобы понять, что совершенно не обязательно было проливать столько французской крови, чтобы спасти страну. Что гильотины и убийства были, по существу, жуткими преступлениями. Я не буду здесь рассказывать о системе подавления, которая сковала нашу несчастную родину. Но как бы ни были ярки краски, используемые историей для описания ужасов террора, реальность все равно превосходила ее описания. Что казалось наиболее удивительным, так это глупость и пассивность, с какими население в массе позволяло этим людям властвовать над собой, хотя большинство из них не имели к этому ни малейшего дарования. Что бы ни говорилось, но почти все члены Конвента были страшной серостью и их восхваляемая смелость происходила прежде всего из страха, который они испытывали друг перед другом. Боясь быть гильотинированными сами, они были согласны на все, что от них хотели получить главные зачинщики.

Во время моей ссылки в 1815 году я встречал массу бывших членов Конвента, которые, как и я, были вынуждены покинуть Францию.

И они не отличались ни твердостью, ни смелостью и мне часто признавались, что голосовали за смерть Людовика XVI и за некоторые другие отвратительные декреты только потому, что хотели спасти собственную голову. Воспоминания об этом времени меня настолько потрясли, что теперь все, что может быть направлено на восстановление демократии, вызывает у меня омерзение. Настолько я убежден теперь, что массы народа слепы и что наихудшее правительство — это именно правительство народа.

Глава V

Я приезжаю в Париж к отцу и братьям. — Отца назначают командующим 17-м дивизией в Париже. Он отказывается следовать взглядам Сийеса и уступает место Лефевру

В августе 1798 года мне только что исполнилось 16 лет. В конце февраля я покинул коллеж в Соррезе. У моего отца был друг по имени Дориньяк, который взялся отвезти меня в столицу. Дорога в Париж заняла восемь дней. В марте 1799 года я прибыл туда в тот самый день, когда впервые сгорел театр Одеон. Свет от пожара распространялся далеко вдоль Орлеанской дороги, и я поначалу решил, что это был свет от многочисленных фонарей, освещавших столицу.

Отец в то время жил в красивом особняке на улице Фобур-Сент-Оноре, № 87, на углу маленькой улицы Верт. Я приехал во время обеда. Вся семья была в сборе. Невозможно было выразить мою радость, когда я увидел всех моих близких вместе. Это был один из самых прекрасных дней моей жизни.

Была весна 1799 года. Республика все еще существовала, правительство состояло из пяти членов исполнительной Директории и двух палат, одна из которых называлась Советом старшин, а другая — Советом пятисот.

Отец принимал у себя тогда очень многих. Я познакомился там со своим ближайшим другом генералом Бернадоттом, а также с известнейшими людьми того времени — Жозефом и Люсьеном Бонапартами, Дефермоном, Нэйпиром-Танди (главой ирландских беженцев во Франции), генералом Жубером, Саличетти, Гаро, Камбасересом и другими. У матери я часто встречал г-жу Бонапарт и г-жу де Кондорсе, а также мадам де Сталь, уже ставшую знаменитой благодаря своим литературным трудам.

Я жил всего месяц в Париже, когда окончился срок действия законодательной власти и надо было готовиться к новым выборам. Отец, уставший от бесконечных волнений политической жизни и сожалея о том, что он не участвует больше в действиях нашей армии, заявил, что больше не согласится быть депутатом, что он хочет вернуться на действительную службу. События благоприятствовали его намерениям. После того как новый состав палат приступил к своей деятельности, произошла смена кабинета министров, в результате чего генералу Бернадотту поручили военное министерство. Он пообещал моему отцу отправить его в Рейнскую армию.

Таким образом, отец отправился в Майнц как раз в тот

момент, когда Директория, узнав о разгроме Итальянской армии под командованием Шерера, решила послать в Италию нового главнокомандующего — генерала Жубера, управлявшего в Париже 17-й дивизией (ставшей с этого момента 1-й)[16]. Последняя должность освободилась, и Директория, понимая всю политическую важность этого поста, решила поручить его человеку способному и твердому в своих убеждениях. Бернадотт предложил это место моему отцу. Отец же, только что отказавшийся от политической деятельности для того только, чтобы вернуться на войну, отказался и от поста командующего в Париже, но Бернадотт показал ему уже подписанное предписание и добавил, что как друг просит его согласиться, а как министр он это ему приказывает.

Отец подчинился и уже на следующий день перебрался в штаб-квартиру Парижской дивизии, располагавшуюся в то время на набережной Вольтера, на углу улицы Сен-Пер, в здании, которое теперь разрушено, а на его месте построено несколько новых домов.

Отец взял себе начальником штаба своего старого друга, полковника Минара[17]. Я был в восторге от военного окружения моего отца. Его штаб был всегда полон офицеров всех рангов. Один эскадрон, один батальон и шесть пушек постоянно охраняли входы, и целые толпы ординарцев не прекращали то приезжать, то уезжать. Все это забавляло меня значительно больше, чем переводы с одного языка на другой и обратно, на которые я убил уйму времени, находясь в Соррезе.

В Париже жизнь в то время была чрезвычайно оживленной. Мы находились на краю катастрофы. Русские под командованием знаменитого Суворова вошли в Италию, где наша армия потерпела страшное поражение при Нови. Командующий генерал Жубер был убит. Суворов победителем двигался на нашу армию в Швейцарии, которой командовал Массена.

На Рейне у нас было мало войск. Мирные переговоры, начатые в Раштадте, были прерваны. Наши посланники убиты, и вся Германия стала вновь вооружаться против нас. Директория, вызывающая всеобщее презрение, не имеющая ни войск, ни денег на новый военный призыв, в поисках средств издала декрет об обязательном займе, который привел к тому, что от нее отвернулись лучшие умы страны. Все надежды были обращены к Массене. Все уповали, что он остановит русских и помешает им войти во Францию.

Нетерпеливая Директория отправляла ему одно послание за другим, приказывая дать сражение. Но уравновешенный «Фабий-медлитель», не желая губить свою страну, выжидал какой-нибудь

неудачный маневр своего стремительного противника, который бы предоставил ему случай начать битву. Здесь стоит вспомнить анекдот, который доказывает, на каких мелочах часто держится судьба государства, как и слава главнокомандующих. Директория, отчаявшаяся подчинить своим приказам Массену, продолжала настаивать на даче сражения и решила отправить Массену в отставку. Однако, зная и боясь, что этот генерал, находящийся во главе армии, не примет свою отставку, если приказ будет послан простой почтой, она предписала военному министру отправить в Швейцарию офицера штаба с поручением публично передать Массене приказ об его отставке и вручить начальнику штаба Шерену грамоты, передающие ему командование армией. Министр Бернадотт конфиденциально сообщил об этих распоряжениях моему отцу. Отец их не одобрял и постарался объяснить, сколь опасно было накануне решающих событий лишить швейцарскую армию генерала, которому армия доверяла, и передать командование генералу, привыкшему работать в штабах, а не руководить войсками на поле брани. К тому же положение могло измениться. Нужно было поручить подобную миссию человеку достаточно мудрому, который был бы способен оценить положение вещей и не пошел бы вручать Массене приказ об его отставке накануне или даже в середине битвы. Отец убедил министра поручить эту миссию его адъютанту г-ну Го, который должен был ехать к армии под вполне приличным предлогом — проверить, было ли поставлено то число лошадей, которое было предусмотрено в торговой сделке. Он отправился в Швейцарию с разрешением либо оставить у себя, либо передать Массене приказ об его отставке, а также верительные грамоты на командование армией генералу Шерену, в зависимости от обстоятельств, которые он смог бы оценить на месте. Таким образом, полномочия огромной важности были доверены простому капитану. Г-н Го не обманул доверие, которое, было на него возложено. Приехав в штаб-квартиру Швейцарской армии за пять дней до сражения под Цюрихом, он увидел, насколько войска беззаветно доверяли Массене, тогда как генерал был абсолютно спокоен и тверд в своих решениях и не сомневался в успехе. Го сохранил полное молчание относительно своих секретных полномочий, присутствовал при сражении под Цюрихом и вернулся в Париж. Таким образом, Массена даже не заподозрил, что этот скромный капитан держал в своих руках право лишить его и власти, и славы, и возможности одержать одну из самых блестящих побед века.

Неосторожная отставка Массены, возможно, повлекла бы за собой разгром армии, вступление во Францию русских, затем

немцев. В конечном счете это могло закончиться потрясением всей Европы. Генерал Шерен в битве при Цюрихе был убит. Он так и не узнал о намерениях правительства в отношении его[18].

Цюрихская победа, помешавшая врагам проникнуть в глубь страны, дала Директории только временный кредит доверия. Правительство разваливалось, никто больше ему не доверял. Финансы были разграблены. В Вандее и в Бретани не прекращалось восстание. Внутри страны практически не было войск. Юг пылал в огне. Палаты законодателей находились в полном разногласии как между собой, так и с исполнительной властью. Одним словом, государство было на краю гибели.

Все политики понимали, что неизбежны и необходимы изменения, но, в полном согласии по этому вопросу, они все имели противоположные точки зрения на те средства, которые надо использовать, чтобы добиться этих изменений. Старые республиканцы, приверженцы Конституции VI года, еще действующей, считали, что для спасения страны достаточно было бы сменить некоторых членов Директории. Двое из членов Директории были убраны и заменены Гойе и Муленом. Но эта мера оказалась очень слабым средством против тех бедствий, которые обрушились на страну и грозили ей гибелью. Анархия продолжала охватывать страну. Многие директора, среди которых был и знаменитый Сийес, считали, что огромное большинство депутатов и подавляющая часть населения хочет передать бразды правления в руки твердого человека, уже прославившегося своими заслугами перед государством. Они также сходились во мнении, что таким человеком должен быть только военный, имеющий большое влияние в армии и способный разбудить национальное чувство, одержать победу и удалить иностранцев от границ нашей страны.

Подобные рассуждения неизбежно приводили к единому мнению о необходимости назначения на такой пост генерала Бонапарта. Но генерал в этот момент был далеко — в Египте. А необходимость подобного решения становилась все настоятельней. Жубер был только что убит в Италии. Массена, прославившийся своими победами, был великолепным генералом, но не был политиком. Бернадотт казался недостаточно способным, недостаточно мудрым, чтобы справиться с бедами, обрушившимися на Францию. Все взоры новаторов обратились к Моро, хотя слабость его характера, неясность поведения 18 фруктидора вызывали определенные опасения и в отношении его возможностей как государственного человека. Однако за неимением лучшего ему было предложено возглавить партию, которая хотела убрать Директорию и передать

бразды правления государством ему вместе с назначением его президентом или консулом. Отважного воина Моро не отличала политическая смелость, и, может быть, он сомневался в своих собственных способностях руководить в столь запутанной ситуации, в какой оказалась в то время Франция. К тому же, эгоистичный и ленивый, он мало беспокоился о судьбах своей родины, предпочитая покой частной жизни политическим волнениям. Он отказался и удалился в свое имение Гробуа, чтобы предаться удовольствиям охоты, которую страстно любил.

Покинутый своим избранником, Сийес и те, кто вместе с ним стремились изменить форму правления, не чувствуя в себе ни достаточной силы, ни достаточной известности, чтобы достигнуть подобной цели без опоры на сильную шпагу генерала, снова стали думать о генерале Бонапарте.

Инициатор этого плана, Сийес, будучи президентом Директории, впоследствии хвастался, что это именно он привел Бонапарта к власти. Он полагал, что Бонапарт, занявшись исключительно реорганизацией армии, останется только номинальным главой и оставит ему ведение государственных дел. Будущее показало, насколько Сийес ошибался. Охваченный этой идеей, он через посредство корсиканского депутата Саличетти послал в Египет надежного тайного агента, чтобы информировать генерала о катастрофическом состоянии, в котором пребывает Франция, и предложить ему вернуться и возглавить правительство. И поскольку Сийес не сомневался, что Бонапарт согласится на это предложение и поспешно вернется в Европу, он начал энергично действовать, с тем чтобы осуществить задуманный им государственный переворот.

Он без груда убедил своего коллегу директора Роже-Дюко, что власть каждый день все больше ускользает из их рук, что страна находится на пороге полного распада, что общественное благополучие и их собственный интерес вынуждают принять участие в установлении твердого правительства. Правительства, в котором они нашли бы себе место более надежное и более выгодное. Роже-Дюко обещал оказать помощь смене правительства, но три остальных директора, а именно Баррас, Гойе и Мулен, не хотели оставлять власть. Сийес вместе со своими компаньонами по партии решили обойтись без них, а проще говоря, пожертвовать ими.

Однако даже в присутствии генерала Бонапарта было бы трудно и, по меньшей мере, губительно пытаться разом изменить основные законоположения, свергнуть Директорию и установить другое правительство без поддержки армии и, главным образом, без поддержки войск, находящихся в Париже. А чтобы можно

было рассчитывать на них, необходимо было заручиться поддержкой военного министра и генерала, командующего 17-й дивизией.

Президент Сийес постарался склонить на свою сторону Бернадотта и моего отца, предварительно прощупав их с помощью нескольких их друзей, преданных планам Сийеса. Я узнал, что, когда хитрый Сийес приоткрыл свои планы моему отцу, тот ответил, «что он абсолютно согласен, что несчастья страны требуют экстренного вмешательства. Но, поклявшись поддерживать Конституцию VI года, он не воспользуется властью, данной ему его командованием, для того, чтобы повернуть свои войска против Конституции». Затем он отправился к Сийесу и подал ему прошение об отставке с поста командующего Парижской дивизией и попросил назначить его командовать действующей дивизией.

Сийес поспешил удовлетворить его просьбу, так как присутствие человека твердого в исполнении своего долга могло бы помешать задуманному государственному перевороту. Министр Бернадотт последовал примеру моего отца и был заменен Дюбуа-Крансе.

В течение нескольких дней Сийес находился в трудном положении, поскольку ему надо было найти замену моему отцу. Наконец он передал командование Парижской дивизией генералу Лефевру, недавно раненному в сражении на Рейне и находящемуся в этот момент в столице. Лефевр, бывший сержант полка Французской гвардии, храбрый военный, неплохой генерал, особенно там, где им непосредственно руководили, был крайне доверчив и абсолютно не понимал сложившейся политической ситуации. Таким образом, ловко манипулируя словами *слава, родина, победа,* Сийес уверил себя, что Лефевр сделает все, что от него потребуется. Что он именно такой командующий Парижской дивизией, какой был нужен Сийесу. Он даже не потрудился привлечь его на свою сторону и объяснить ему, что от него ожидается в дальнейшем. Настолько Сийес был уверен, что в решающий день Лефевр не устоит перед авторитетом генерала Бонапарта и твердыми словами председателя Директории.

И он правильно оценил Лефевра, так как 18 брюмера Лефевр со всеми своими войсками перешел под командование генерала Бонапарта и направился против Директории и Советов, с тем чтобы свергнуть правительство. Это впоследствии принесло ему немало наград от императора, который назначил его маршалом, даровал ему титул герцога Данцигского, сделал сенатором и осыпал богатством.

Я бегло описал эти события, поскольку они объясняют

причины, которые привели моего отца в Италию и оказали большое влияние как на его судьбу, так и на мою собственную.

Глава VI

Отца посылают в Италию. — Как определилась моя судьба. — Я становлюсь гусаром

Сдав командование генералу Лефевру, отец возвратился в особняк на улицу Сент-Оноре и занялся приготовлением к отъезду в Италию.

На судьбы людей влияют иногда ничтожные с виду вещи. Отец и мать были очень дружны с г-ном Барероном. Однажды они были приглашены к нему на обед и взяли меня с собой. Разговаривали об отъезде отца, о хорошем поведении моих двух младших братьев. Наконец г-н Барерон спросил меня: «Марселен, что вы собираетесь делать?» — «Будет моряком, — сказал мой отец. — Капитан Сибилль обещал взять его с собой в Тулон».

Тогда добрейшая г-жа Барерон, которой я буду до конца жизни бесконечно благодарен, заметила моему отцу, что французский флот в отчаянном состоянии и что плохие финансовые дела не позволяют улучшить его качество. И что вообще французский флот намного слабее английского и, по всей вероятности, долго будет оставаться в портах. И что она не может допустить мысли, что дивизионный генерал сухопутных войск отдает своего сына во флот, вместо того чтобы взять его в полк, где имя и заслуги его отца могли бы ему только помогать. Она закончила словами: «Возьмите его в Италию. Это лучше, чем посылать его погибать от скуки на борту корабля, навечно запертого на рейде в Тулоне». Отцу в первый момент очень понравилось предложение капитана Сибилля, но у него всегда был очень четкий и справедливый ум, и он не мог не оценить рассуждений г-жи Барерон. «Ну что, — спросил он меня, — хочешь ехать в Италию со мной и служить в сухопутных войсках?» Я бросился ему на шею, с радостью согласился и был счастлив, что мама разделяла мою радость, поскольку первоначальный его план ей никогда не нравился.

В то время не существовало военных школ, и в армию можно было поступить только простым солдатом. Мой отец меня тотчас же отвел в муниципалитет 1-го округа на площади Бову и записал меня в 1-й гусарский полк (бывший полк Бершени), который входил в состав той дивизии, которой командовал отец в Италии. Это случилось 3 сентября 1799 года. Отец отвел меня к портному, занимавшемуся пошивом одежды военному министерству, и заказал ему для меня полный костюм гусара 1-го полка, а также все военное обмундирование и прочее.

И вот наконец я военный! Гусар! Я не помнил себя от радости! Но моя радость была несколько омрачена, потому что я подумал вдруг, насколько это может опечалить моего старшего брата Адольфа, который до сих пор учился в коллеже, как ребенок. Тогда я составил план, согласно которому я ему должен был рассказать о моем поступлении в армию только тогда, когда я смогу ему пообещать провести с ним целый месяц моего отпуска до отъезда. Я просил отца разрешить мне пожить вместе с Адольфом в Сен-Барбе до дня, когда нам надо будет отправляться в Италию. Отец прекрасно понял мотивы моей просьбы и даже воспринял это очень доброжелательно, позволив мне на следующий же день отправиться к г-ну Ланно.

Представляете ли вы мое появление в коллеже? Была перемена. Игры моментально прекратились, и меня окружили ученики, большие и маленькие. Успех гусарской формы был полным.

Настал день отъезда. Прощание с матушкой и тремя братьями было очень болезненным, несмотря на всю ту радость, какую я испытывал при мысли о военной карьере.

Глава VII

Отъезд отца. — Встреча Бонапарта в Лионе. — Эпизод нашего появления на Роне. — Цена республиканского банкета. — Меня представляют полковнику

С тех пор как мой отец согласился принять командование в Италии, в Рейнской армии пост командующего одной дивизии оставался вакантным, и он предпочел бы, конечно, его, но неизбежная судьба влекла его к этой стране, где ждала его кончина. Один из его соотечественников и друзей, г-н Лашез, которого я мог бы назвать его злым гением, долго занимал пост французского консула в Ливорно и в Генуе. Этот проклятый человек и увлек моего отца в Италию, рисуя перед ним картины необычайной, но преувеличенной красоты этой страны, возможности победы там нашей несчастной армии. И это при том, что отец с полным равнодушием относился к славе, которую сулила победа армии на Рейне, положение которой было значительно лучше. Сердце моего несчастного отца уступило столь великолепным рассуждениям. Он подумал, что большей заслугой будет поехать туда, где больше опасностей, и настоял на своем, несмотря на протесты матери, мучимой недобрыми предчувствиями. Эти предчувствия ее не обманули. Больше ей увидеться с отцом не довелось.

К своему адъютанту г-ну Го отец добавил еще одного офицера, г-на Р***, которого ему рекомендовал его друг генерал Ожеро. Г-н Р*** был командиром эскадрона, он принадлежал известной фамилии Ментенон. У него были средства, и он получил хорошее образование, которым, однако, пользовался исключительно редко, поскольку по определенной извращенности ума, модной в то время, ему нравилось принимать вид и манеры хулигана, вечно ругающегося, проклинающего все и утверждавшего, что он готов своею саблей проткнуть любого человека. У этого Р*** было одно-единственное достоинство, исключительно редкое в то время, а именно: он всегда был одет с тщательной элегантностью. Отец, принявший г-на Р*** своим адъютантом, не зная его, очень об этом сожалел впоследствии, но уже не мог его уволить, поскольку не хотел огорчить своего друга Ожеро. Отец не любил г-на Р***, но считал, и, может быть, не без оснований, что генералу надлежит обращать внимание прежде всего на военные качества офицера, не придавая большого значения на его личное поведение.

Поскольку отец не предполагал сближаться с г-ном Р*** во

время длительного путешествия, он поручил ему вести от Парижа до Ниццы экипажи и лошадей и иметь под своим началом старого слугу Спира, человека преданного и привыкшего командовать работниками конюшен. Конюшни моего отца были многочисленными, у него было 15 лошадей, которые с его адъютантами, начальником штаба и его помощниками, а также ездовыми составляли весьма внушительный караван, во главе которого находился Р***. Они выехали за месяц до нас.

Отец пригласил в свою карету неизбежного Лашеза, капитана Го и меня. Полковник Менар, начальник штаба, со своими помощниками следовал за нами в почтовой карете. Высокий забавный дворецкий отца ехал впереди, выполняя функции курьера. Путешествовали мы в униформе. На мне была очень красивая фуражная шапка[19], она мне настолько нравилась, что мне никогда не хотелось снимать ее с головы, и, поскольку я часто высовывался в окно кареты из-за того, что меня по-прежнему укачивало, случилось так, что ночью, когда мои товарищи спали, шапка упала на дорогу. Экипаж, запряженный шестеркой крупных лошадей, ехал быстро, и я, не осмеливаясь его остановить, потерял свою шапку. Плохое предзнаменование! Но мне предстояло испытать гораздо более страшные несчастья в жуткой кампании, в которой мы должны были принять участие. Однако случай с шапкой меня глубоко огорчил, и я воздержался о нем говорить из страха стать предметом насмешек по поводу того, как вновь испеченный солдат не умел хранить свои вещи.

Отец остановился в Маконе у своего старого друга. Здесь мы провели 24 часа и затем продолжили путь на Лион. Мы были уже в нескольких лье от Лиона и меняли лошадей на перевалочной станции Лимоне, когда вдруг заметили, что на всех почтовых служащих шапки были украшены трехцветными лентами и трехцветные знамена украшают дома. Когда мы поинтересовались, чем объясняется такая декорация, нам ответили, что генерал Бонапарт только что прибыл в Лион. Отец, уверенный, что Бонапарт находится где-то в глубине Египта, посчитал эту новость абсурдным вымыслом. Однако он был крайне смущен, когда, позвав к себе начальника почтовой станции, только что прибывшего из Лиона, услышал от него следующие слова: «Я видел генерала Бонапарта, которого я прекрасно знаю, так как я служил под его началом в Италии. Он остановился в Лионе в таком-то отеле. С ним вместе прибыл его брат Луи и генералы Бертье, Ланн и Мюрат, а также большое число офицеров и один мамлюк».

Трудно было не поверить столь убедительным доводам. Однако революция принесла столько неожиданностей, партии в

то время прибегали к таким удивительным изощрениям, выдумывая то, что служило реализации их планов, что отец сомневался даже тогда, когда мы уже въезжали в Лион. Все дома были освещены и украшены флагами. В небо взмывали фейерверки. Толпа заполнила улицы до такой степени, что это мешало продвижению нашего экипажа. На площадях танцевали. Воздух содрогался от криков: «Да здравствует Бонапарт, который пришел, чтобы спасти нашу родину!»

«Я, конечно, думал, что его вызовут, но я не думал, что это произойдет так скоро. План был хорошо подготовлен. Нас ожидают большие события. Это подтверждает лишний раз мою мысль, что я хорошо сделал, что уехал из Парижа. По крайней мере, я нахожусь вдали от армии и буду служить своей стране, не принимая участия ни в каком государственном перевороте, который, как бы он ни был необходим, мне бесконечно неприятен». Сказав это, отец погрузился в глубокую задумчивость и пребывал в ней в течение всего времени, потребовавшегося нам, чтобы прорваться через толпу и доехать до особняка, в котором для нас было подготовлено жилье.

По мере нашего продвижения толпа становилась все плотнее, и, когда мы подъехали к воротам, мы увидели, что двери украшены фонариками и их охраняет батальон гренадеров. Здесь уже поселился генерал Бонапарт, которому и были предоставлены апартаменты, ранее подготовленные для моего отца. Отец, человек вспыльчивый, на этот раз не сказал ни слова, и, когда дворецкий спустился с весьма удрученным видом, объясняя, что он вынужден был подчиниться приказу муниципалитета, отец ничего не ответил, а хозяин отеля добавил, что он подготовил для нас квартиру в другом, также очень хорошем отеле, хотя и второго плана, который принадлежал его родственникам. Отец поручил г-ну Го приказать кучерам отвезти нас туда.

Прибыв на место, мы встретили там нашего курьера. Он был человеком вспыльчивым и, разгоряченный долгим путешествием, которое ему пришлось совершить, а также многочисленными возлияниями на каждой почтовой станции, устроил грандиозный скандал по прибытии в первый предназначенный для нас отель, как только узнал, что апартаменты, обещанные его господину, были отданы генералу Бонапарту. Услышав страшный шум и узнав его причину, адъютанты Бонапарта отправились к своему господину и объяснили ему, что отсюда был выселен генерал Марбо. В ту же минуту через открытые окна генерал Бонапарт заметил экипажи отца, остановившиеся перед дверями. До этой минуты он не знал о некрасивом поступке, совершенном по отношению к моему отцу, и, так как генерал Марбо, еще недавно

командующий Парижской дивизией и в настоящее время командир дивизии Итальянской армии, был человеком слишком значительным, чтобы по отношению к нему было допустимо подобное поведение, он тут же приказал одному из своих офицеров спуститься и предложить генералу Марбо по-военному разделить с ним его жилище. К тому же Бонапарт имел намерение поладить со всеми. Но, увидев, что кареты тронулись до того, как его адъютант успел поговорить с отцом, генерал Бонапарт вышел лично, чтобы высказать свои сожаления отцу. Толпа, следовавшая за ним, издавала столь оглушительные крики радости, но мы уже слышали так много приветствий с момента въезда в город, что никто из нас и не подумал выглянуть на улицу. Мы собрались все в салоне, где отец прогуливался взад и вперед, погруженный в глубокие размышления, когда внезапно дворецкий открыл широко двери и объявил: «Генерал Бонапарт!»

Генерал буквально вбежал и бросился обнимать отца, который приветствовал его вежливо, но холодно. Они были знакомы уже давно. Между людьми такого уровня объяснения по поводу размещения не занимают много времени. Так оно и было. У них было много других вещей, о которых надо было поговорить, поэтому они удалились одни в спальню, где и остались в течение более часа.

В это время генералы и офицеры, приехавшие с генералом Бонапартом из Египта, беседовали с нами в салоне. Я не переставал рассматривать их воинственный вид, их загорелые, опаленные солнцем Востока лица, их странные костюмы и турецкие сабли, подвешенные на шнурах. Я внимательно слушал их рассказы о египетской кампании, о битвах, в которых им пришлось там участвовать. Мне было приятно слышать, как повторялись знаменитые названия: Пирамиды, Нил, Каир, Александрия, Сен-Жан д'Акр, битва в пустыне и т. п. Но что меня совершенно очаровало, так это вид молодого мамлюка Руслана. Он оставался в передней, и я заходил туда несколько раз, чтобы полюбоваться его костюмом, который он любезно мне показывал. Он уже достаточно хорошо говорил по-французски, и я без устали задавал ему вопросы.

Генерал Ланн вспомнил, как он дал мне подержать свои пистолеты, когда в 1793 году он служил в Тулузе под командованием моего отца. Он отнесся ко мне с большой симпатией, и в то время мы даже не подозревали, ни тот ни другой, что однажды я буду его адъютантом и что он умрет у меня на руках во время битвы при Эсслинге.

Генерал Мюрат родился в той местности, где жили и мы, и, так как он работал разносчиком в лавке одного галантерейщика

из Сен-Сере, у которого наша семья часто покупала различные вещи зимой, он приносил моей маме товары. К тому же отец оказал ему немало услуг, за которые он по-прежнему был ему благодарен. Он поцеловал меня и напомнил мне, что не раз держал меня на руках, когда я был маленьким. Позднее я напишу биографию этого знаменитого человека, начавшего со столь малого и поднявшегося до таких высот.

Наконец генерал Бонапарт с отцом вышли в салон, и каждый представил людей своей свиты. Генералы Ланн и Мюрат были давними знакомыми отца, и он принял их с большой любезностью. Отец обошелся весьма холодно с генералом Бертье, которого, однако, он знал когда-то в Версале, когда служил в роте телохранителей, а Бертье был военным инженером. Генерал Бонапарт, знавший мою мать, вежливо расспросил меня о ней, затем любезно похвалил за то, что я, такой молодой, выбрал военную карьеру, и, нежно взяв меня за ухо, что было наивысшей лаской, которую он позволял в отношении тех лиц, которым благоволил, сказал, обращаясь к моему отцу: «В один прекрасный день это будет второй генерал Марбо». Это предсказание сбылось. В то время у меня не было на это ни малейшей надежды, однако я был очень горд подобными словами. Ведь ребенку, чтобы он возгордился, надо так немного.

Визит закончился. Отец остался непроницаемым в отношении своей беседы с генералом Бонапартом, но позднее я узнал, что Бонапарт, не открывая полностью свои планы, старался с помощью ловкой лести привлечь отца на свою сторону, однако отец постоянно уходил от этого вопроса. Шокированный видом лионской толпы, бегущей навстречу Бонапарту, как если бы тот уже был суверенным правителем Франции, отец заявил, что он желал бы на заре следующего дня покинуть город. Однако экипажи требовали ремонта, и ему пришлось еще задержаться на целый день в Лионе. Я воспользовался этим, чтобы заказать новую фуражную шапку, и, в восторге от этой покупки, я отнюдь не прислушивался к политическим разговорам, которые велись вокруг меня повсюду и в которых я, по правде говоря, ничего не понимал.

Отец отправился с ответным визитом к генералу Бонапарту. Они долго прогуливались одни по маленькому саду вокруг отеля, в то время как их свиты держались на почтительном расстоянии в стороне. Мы видели, как они то горячо жестикулировали, то говорили более спокойно. Затем Бонапарт, подойдя к моему отцу, с вкрадчивым видом по-дружески взял его под руку, возможно, для того, чтобы все, кто находился во дворе, а также в окнах, поблизости, могли бы видеть, что генерал Марбо присоединяется

к планам генерала Бонапарта. Этот ловкий человек не упускал ни одного мгновения, чтобы приблизиться к своей цели. Он соблазнял одних, убеждал других, что он уже привлек на свою сторону тех, кто еще сопротивлялся, хотя бы и из чувства долга. И это ему великолепно удавалось.

После этого второго разговора отец стал еще более задумчив, чем после первого, и, возвратясь в отель, он приказал готовиться к отъезду на следующий же день. Но генерал Бонапарт должен был именно в этот день совершать объезд укреплений вокруг города, и все почтовые лошади были отданы в его распоряжение. Я подумал, что на этот раз отец точно разозлится, но он только сказал: «Вот начало всемогущества!» — и приказал, чтобы постарались достать ему наемных лошадей, настолько он спешил удалиться от этого города, вид которого был ему тягостен. Однако и таких лошадей не нашлось. Тогда полковник Менар, который родился на юге и превосходно знал эту местность, заметил, что дорога от Лиона до Авиньона очень разбита и следует опасаться того, что наши экипажи не выдержат и сломаются, и было бы предпочтительней отправиться по Роне, тем более что поездка по берегам этой реки позволит нам увидеть изумительные пейзажи. Отец, не будучи любителем живописных мест, в любой другой момент отверг бы подобное предложение, но, поскольку оно давало ему возможность покинуть город на день раньше, он согласился отправиться по Роне. Полковник Менар нанял большой корабль и погрузил туда два наших экипажа. На следующий день рано утром мы отправились в путь. Это решение чуть не стоило нам жизни.

Дело было осенью. Река обмелела. Корабль то и дело касался дна. Мы опасались, что он разорвется. Мы провели первую ночь в Сен-Пере, затем в Тене и целых два дня добирались до устья реки Дром. Здесь воды было значительно больше, и корабль двигался быстрее, но страшный порыв ветра, который обычно называют мистралем, отбросил нас на четверть лье выше Пон-Сент-Эспри. Перевозчики не смогли добраться до берега. Они потеряли голову и начали молиться, вместо того чтобы работать, в то время как течение и жуткий ветер толкали корабль в сторону моста. Нас несло на мостовые опоры, при столкновении с которыми мы бы обязательно утонули. Но в этот момент отец, а за ним и мы все, схватив длинные шесты, вовремя сумели оттолкнуться и избежать удара о мостовую опору. Отдача была такой силы, что мы все попадали на скамейки, но в то же время это изменило направление движения корабля, который, к счастью, сумел пройти под аркой моста. Перевозчики понемногу приходили в себя и снова взялись за управление нашим судном. Однако

мистраль не прекращался. Наши два экипажа, как паруса, ловили ветер и делали управление почти невозможным. Наконец в шести лье выше Авиньона нас выбросило на остров, и нос корабля зарылся в песок таким образом, что мы не могли без помощи рабочих вытащить его. Корабль накренился на бок, и мы боялись, что в любой момент он может быть затоплен. Мы положили несколько досок между кораблем и берегом, а затем с помощью веревки, которая нам служила опорой, высадились на берег без особых проблем, хотя и с большим риском. Нечего было и думать вновь садиться на корабль при таком сильном ветре, хотя и не сопровождавшемся дождем. Мы отправились внутрь острова, который оказался весьма обширным.

Вначале мы думали, что он абсолютно необитаем. Но вскоре мы заметили нечто напоминающее ферму, где мы, между прочим, нашли добрых людей, которые нас прекрасно приняли. Мы умирали с голоду, но было невозможно отправляться за провизией на корабль, и у нас было очень мало хлеба. Жители фермы объяснили нам, что на острове много диких кур и, когда нужно, их можно просто пострелять из ружья. Отец очень любил охоту, к тому же ему нужна была передышка от всех наших невзгод. Смеясь, мы отправились на охоту за курицами. Нам удалось застрелить несколько кур, хотя это оказалось нелегко, потому что они летали как настоящие фазаны. Помимо этого, в лесу мы набрали много яиц и, когда вернулись на ферму, разожгли огонь, вокруг которого мы все устроились, пока слуга с помощью фермерши справлялся с дичью и с яйцами для приготовления пищи. Мы весело поужинали и легли спать на сене. Никто из нас не осмелился воспользоваться кроватями, которые добрые крестьяне нам охотно предлагали, поскольку эти кровати нам показались очень грязными. Перевозчики и один из слуг моего отца, которых мы оставили сторожить корабль, рано утром пришли предупредить нас о том, что ветер стих. Все крестьяне и матросы взяли лопаты, и после нескольких часов очень трудной работы им удалось снять корабль с мели, и мы смогли продолжить наше путешествие в Авиньон. В этот город мы прибыли без дополнительных происшествий. Несчастья, которые нам пришлось испытать, усиливались слухами, которые распространялись в Париже о том, что якобы отец и вся его свита погибли в водах Роны.

Въезд в Авиньон, особенно потому, что мы продвигались в город по реке, был очень живописным. Старинный папский дворец, городские укрепления, окружающие город, многочисленные часовни и замок Вильнев, расположенный напротив, представляли великолепное зрелище. В Авиньоне мы

встретили г-жу Менар и одну из ее племянниц и провели три дня в этом городе. Мы посетили его окрестности и не забыли, конечно, о фонтане Воклюз. Отец не спешил уезжать, поскольку г-н Р*** ему написал, что на юге еще стояла страшная жара, и он советовал замедлить наше продвижение, тем более что отец не хотел приезжать раньше прибытия его лошадей.

Из Авиньона мы направились в Экс. Но как только мы прибыли на берег реки Дюранс, которую обычно пересекали на плоту, мы увидели, что вода стояла очень высоко и было невозможно переплыть ее сразу же, не подождав примерно 5 или 6 часов. Пока мы обсуждали, стоит ли нам возвращаться в Авиньон, к нам подошел хозяин плота, настоящий барин, владелец очаровательного небольшого замка, расположенного в пятистах шагах от берега, и пригласил отца остановиться у него и отдохнуть, пока не будут погружены экипажи. Отец принял предложение, надеясь, что пребывание здесь не продлится более нескольких часов. Но оказалось, что в Альпах бушевала буря, а поскольку Дюранс брала свое начало именно в горах, то вода в ней только прибывала. Мы были вынуждены принять приглашение переночевать, любезно сделанное хозяином замка, и, поскольку стояла хорошая погода, мы целый день гуляли. Этот эпизод нашего путешествия мне очень понравился.

На следующий день река стала еще более грозной, чем накануне. А наш хозяин, будучи горячим республиканцем и прекрасно зная поведение реки, заключил, что в ближайшие 24 часа мы переправиться через нее не сможем, а потому поспешно отправился, не сказав нам ни слова, в маленький город Кавайон, который находился в 2 лье от места, где мы остановились, на том же берегу, что и Бомпар. Он поспешил предупредить всех местных патриотов, что у него остановился дивизионный генерал Марбо. Вскоре этот милый господин с торжествующим видом вернулся в свой замок, куда через час прибыла целая кавалькада, состоящая из страстных патриотов Кавайона, которые приехали, чтобы умолять отца согласиться присутствовать на банкете, организованном в его честь именитыми гражданами этого города, по-прежнему горячими республиканцами.

Отец, которому подобные овации были неприятны, вначале отказался, но граждане так настаивали, говоря, что все уже было заказано и что все жители окрестности собрались там в ожидании его, что в конечном счете он уступил. Мы отправились в Кавайон.

Самый красивый особняк был украшен гирляндами и заполнен черными шляпами людей, собравшихся из города и окрестностей. После бесконечных комплиментов все уселись за огромный стол, на котором стояли самые изысканные блюда и

более всего дичь, которую очень ценили в этом крае. Произносились горячие речи против врагов свободы, поднимались многочисленные тосты за здравие известных людей, и обед закончился только в 10 часов вечера. Было уже поздно возвращаться в Бомпар, к тому же отцу было неудобно быстро отделаться от принимавших его хозяев, и он решил остаться на ночь в Кавайоне. Таким образом, весь вечер прошел в разговорах, весьма горячих. Наконец мало-помалу все гости разошлись, и мы остались одни. На следующее утро г-н Го спросил у хозяина гостиницы, какая часть причиталась с моего отца за пиршество, организованное накануне, поскольку он считал, что это был пикник, где каждый вносил свою долю. Однако этот славный человек передал ему счет на более чем 1500 франков, поскольку милые патриоты не заплатили за праздник ни одного су. Нам рассказали, что некоторые выразили желание внести свою долю, но подавляющее большинство ответило им, что это было бы оскорблением для генерала Марбо.

Капитан Го был взбешен таким поступком, но мой отец, который в первый момент не мог прийти в себя от удивления, затем расхохотался и велел хозяину гостиницы явиться за деньгами в Бомпар, куда мы должны были вернуться тотчас же, не сделав при этом ни одного замечания нашему хозяину и хорошо поблагодарив всех слуг.

Наконец река успокоилась, и мы смогли пересечь ее и отправиться в Экс.

Хотя я и не достиг еще возраста, чтобы говорить на политические темы с моим отцом, о чем он сам когда-то сказал, я все же начал думать, что республиканские убеждения отца сильно изменились за последние два года и то, что он слышал за званым обедом в Кавайоне, окончательно поколебало их. Однако он не проявил никакого неудовольствия по поводу так называемого пикника. Это его даже развлекало. Особенно его забавлял гнев г-на Го, который не переставал повторять: «Меня не удивляет, что, несмотря на дороговизну всех этих яств, эти мерзавцы заказали их такое количество, да еще попросили столько бутылок дорогого вина!»

Это был наш последний день в почтовых каретах. Когда мы пересекали горы и великолепный лес Эстереля, мы встретили начальника бригады (или полковника)[20] 1-го гусарского полка в сопровождении офицера и нескольких всадников, сопровождавших захромавших лошадей. Они направлялись в полковое депо[21], расположенное в Пюи, в Велэ[22].

Полковника звали Пикар, за ним сохранили командование полком благодаря его административным талантам. Он много

времени проводил в депо, где занимался экипировкой солдат и подготовкой лошадей, которых затем отправлял в боевые эскадроны, где сам появлялся крайне редко и оставался очень недолго. Увидев г-на Пикара, отец приказал остановиться, вышел из экипажа и, представив меня полковнику, отвел его в сторону, с тем чтобы он указал ему младшего офицера, достаточно разумного и хорошо воспитанного, которого можно было бы назначить моим наставником. Полковник указал на унтер-офицера Пертеле. Отец записал его имя, и мы продолжили наш путь до Ниццы, где и нашли Р***, устроившегося в прекрасном отеле с нашими экипажами и лошадьми, находившимися в прекрасном состоянии.

Глава VIII

Прибытие в Ниццу. — Мой наставник Пертеле. — Как я становлюсь настоящим гусаром Бершени. — Меня начинают считать «своим». — Моя первая дуэль в Мадонне около Савоны. — Похищение обоза быков в Дего

Ницца была заполнена войсками, среди которых находился и эскадрон 1-го гусарского полка, к которому я принадлежал. Этот полк в отсутствие полковника находился под командованием храброго начальника эскадрона[23] по имени Мюллер (он был отцом того несчастного адъютанта из 7-го гусарского полка, который на моих глазах был ранен пушечным выстрелом в битве при Ватерлоо). Узнав о прибытии дивизионного генерала, Мюллер отправился представиться моему отцу, и они решили, что после нескольких дней отдыха я буду служить в 7-й роте под командованием капитана Матиса, человека достойного, ставшего впоследствии полковником в годы Империи и маршалом после Реставрации.

Хотя отец всегда был со мною очень мил, он невольно оказывал на меня такое давление своим авторитетом, что рядом с ним я был крайне застенчив. Он же только увеличивал ее, часто повторяя, что я должен был бы родиться девочкой, и называя меня мадемуазель Марселен. Это меня очень огорчало, особенно с того момента, как я стал гусаром. Именно для того, чтобы преодолеть во мне эту черту, отец хотел, чтобы я служил вместе со своими товарищами по оружию. Отец, конечно, мог бы оставить меня при себе, поскольку мой полк входил в состав его дивизии, но он хотел, чтобы я сам научился ездить на лошади, управлять ею, чистить оружие. Он не желал, чтобы его сын пользовался хотя бы малейшей привилегией, поскольку это могло бы произвести плохое впечатление в войсках. Достаточно было и того, что меня приняли в эскадрон, не минуя длительную и скучную службу в депо.

В течение нескольких дней я объезжал с отцом и его штабом изумительные по красоте окрестности Ниццы. Однако пришло время моего зачисления в эскадрон, и отец попросил начальника эскадрона Мюллера прислать ему унтер-офицера Пертеле. А надо вам сказать, что в полку было два брата с этим именем, оба унтер-офицера, но абсолютно не похожие друг на друга ни морально, ни физически. Считалось, что автор пьесы «Два Фильбера» взял в качестве прототипов своих героев именно этих двух людей. Старший из Пертеле был Фильбер плохой, а

младший Пертеле был Фильбер хороший. Именно этого последнего полковник Пикар и предложил моему отцу в качестве моего наставника по дороге в Ниццу. Но так как у моего отца и у полковника было мало времени для разговора, то г-н Пикар забыл сказать, что речь шла о Пертеле-младшем и что он не состоит в эскадроне, расположенном в Ницце. Старший же из братьев служил именно в 7-й роте, в которую я и был направлен. Командир Мюллер подумал, что речь шла о старшем. Что выбор пал именно на этого безумца, чтобы научить уму-разуму и лишить невинности того нежного и застенчивого молодого человека, каким был я в то время. Таким образом, он и прислал нам Пертеле-старшего. Этот малый был пьяницей, буяном, скандалистом, дуэлянтом, абсолютно необразованным человеком, но в то же время храбрым до безрассудства рубакой. Он не желал знать ничего, кроме лошади и оружия. Пертеле-младший, напротив, был мягким, вежливым, очень образованным, к тому же очень красивым мужчиной, хотя был так же храбр, как и его старший брат. Он, конечно же, сделал бы быстро блестящую карьеру, если бы в совсем молодом возрасте не погиб на поле сражения.

Но вернемся к старшему. Он пришел к отцу. Что же мы видим? Разбитной малый, с хорошей, правда, выправкой. Кивер, сдвинутый на ухо, сабля болтается, лицо красное, располосованное на две части огромным шрамом. Усы в полфута длиной, нафабренные воском, теряются где-то за ушами. Две толстые косы, заплетенные на висках, спускаются с висков на грудь. Все это представляло вид необычайный. Образ хулигана, усиленный его обрывистой речью, с немыслимым франко-эльзасским выговором, складывался окончательно. Правда, этот последний недостаток не особенно удивил отца, так как он знал, что в 1-й гусарский полк, бывший полк Бершени, когда-то принимали немцев. Поэтому все команды в этом полку до 1793 года отдавались на немецком языке, и именно этот язык был наиболее распространен среди офицеров и гусаров, которые почти все были родом из провинций с берегов Рейна. Однако отец был просто поражен внешностью моего будущего наставника, его ответами и общим видом отчаянного дуэлянта.

Позднее я узнал, что отец немало сомневался, отдавать ли меня в руки этакого удальца, однако г-н Го напомнил, что полковник Пикар назвал его лучшим унтер-офицером в эскадроне, и тогда мой отец решился попробовать.

Итак, я последовал за Пертеле, который запросто взял меня под руку, отвел в мою комнату, показал, куда положить вещи, и проводил в маленькую казарму, расположенную в старом

монастыре, занятом эскадроном 1-го гусарского полка. Мой наставник заставил меня оседлать, а затем расседлать красивую небольшую лошадь, которую отец купил для меня. Затем он показал мне, как надо укладывать шинель и оружие. После всего этого он решил, что пришло время идти обедать, тем более что мой отец, пожелавший, чтобы я питался вместе со своим наставником, назначил на этот дополнительный расход значительную сумму.

Пертеле проводил меня в небольшую харчевню, заполненную гусарами, гренадерами и солдатами всех родов войск. Нас обслужили и поставили на стол огромную бутылку очень крепкого красного вина. Пертеле налил мне бокал и мигом опустошил свой. Я же поставил свой на стол, не прикоснувшись, так как я раньше никогда еще не пил чистого вина, и запах этой жидкости показался мне неприятным. Я признался в этом, и он тут же воскликнул громовым голосом: «Официант, принеси этому молодому человеку лимонада, поскольку он никогда не пьет вина». Весь зал грохнул от смеха. Я был убит, но все же не решался попробовать этого вина и стеснялся попросить воды. Таким образом, я пообедал, ничего не выпив.

Постижение солдатской жизни тяжело в любые эпохи. Но в то время, о котором я рассказываю, это было особенно трудно. Мне пришлось пережить несколько очень непростых моментов. Но что для меня было совершенно невыносимо, так это ложиться в одну постель с другим гусаром, поскольку тогда на двух солдат предоставлялась одна кровать. Только унтер-офицеры спали по одному. В первую ночь, которую мне предстояло провести в казарме, я уже лег спать, когда огромный верзила, пришедший на час позже других, подошел к моей кровати и, увидев, что там уже кто-то спит, схватил лампу и сунул ее мне в лицо, чтобы рассмотреть, с кем ему предстоит провести ночь, после этого он начал раздеваться. Наблюдая за этим, мне и в голову не могло прийти, что он уляжется рядом со мной, но очень скоро мои иллюзии развеялись, когда он довольно грубо сказал: «Подвинься, новобранец!» Затем он улегся, заняв три четверти кровати, и захрапел что было мочи. Я не мог сомкнуть глаз, особенно из-за жуткого запаха, источаемого свертком, который мой товарищ положил себе под голову. Я никак не мог понять, что там было. Чтобы узнать это, я осторожно протянул руку к вонючему предмету и обнаружил кожаный передник, пропитанный смолой, которую сапожники употребляли для натирания ниток. Мой любезный сотоварищ по кровати был одним из полковых сапожников. Меня охватило такое отвращение, что я поднялся, оделся и пошел на конюшню, где улегся на снопе соломы.

На следующий день я рассказал о моих несчастьях Пертеле, который передал это младшему лейтенанту взвода. Этот последний был человеком воспитанным, его звали Лейстеншнейдер (что по-немецки значит «гранильщик»). Во время Империи он стал полковником, первым адъютантом Бессьера, и был убит[24]. Господин Лейстеншнейдер, понимая, как мне было тяжело спать с сапожником, взял на себя ответственность и выделил мне отдельную кровать в спальне младших офицеров, что мне доставило невыразимое удовольствие.

Хотя эпоха Революции привела к большой небрежности в обмундировании воинских частей и к отсутствию у них единообразной формы одежды, 1-й гусарский полк тщательно сохранял свою прежнюю униформу времен Бершени. Все кавалеристы должны были выглядеть одинаково. Так как в гусарских полках солдаты носили не только косичку на затылке, но еще и заплетали длинные косы на висках и закручивали усы, было необходимо, чтобы у всех, принадлежащих к данной части, были усы, косичка и косы. А так как у меня не было ни одной из этих деталей, мой наставник препроводил меня к парикмахеру эскадрона, где к моим волосам, уже достаточно отросшим, прикрепили ложные косицу и такие же косы. Сначала мне это очень мешало, но я к ним довольно быстро привык, и мне даже нравилось. Мне казалось, что они придают мне облик старого гусара. Но с усами дело обстояло сложнее. Растительности на лице у меня было не больше, чем у девушки, и, поскольку мое безусое лицо не красило ряды эскадрона, Пертеле, согласно обычаям Бершени, взял горшок с черной смолой и пальцем нарисовал мне два огромных клыка, которые покрывали верхнюю губу и поднимались почти до глаз.

В то время у киверов не было козырька. Так что во время парадов, если я находился в первом ряду (где приходилось сохранять полную неподвижность), итальянское солнце так жгло своими лучами лицо, что совершенно высушивало воск, которым были нарисованы усы. Он сжимал мою кожу самым неприятным образом. Однако я не морщился, я был гусаром. Это слово имело для меня магический смысл. К тому же, выбирая военную карьеру, я очень хорошо понимал, что моим первым долгом является подчинение всем установленным правилам.

Отец и часть его дивизии еще находились в Ницце, когда мы узнали о событиях 18 брюмера, ниспровержении Директории и установлении Консульства. Отец слишком презирал Директорию, чтобы сожалеть о ней, но он боялся, что опьяненный властью генерал Бонапарт после установления порядка во Франции не ограничится скромным званием консула. Он нам предсказывал,

что пройдет немного времени, и Бонапарт захочет быть королем. Отец ошибся только в звании: через четыре года Наполеон стал императором.

Каковыми бы мрачными ни были предвидения, высказанные моим отцом, но он радовался тому, что не был в Париже 18 брюмера. Я думаю, что, если бы он оказался там, он бы резко выступал против того, что предпринял генерал Бонапарт. Но в армии, во главе дивизии, находящейся перед лицом врага, отец позволил себе замкнуться в пассивном военном послушании. Он отклонил все предложения, которые ему делали многие генералы и полковники, заключавшиеся в том, чтобы направиться в Париж во главе их войск. «А кто же, — говорил он им, — защитит границы, если мы их оставим, и чем станет Франция, если к войне против иностранцев мы добавим несчастья гражданской войны?» Своими мудрыми замечаниями он удержал многие экзальтированные натуры. Однако в целом он был очень удручен государственным переворотом. Он боготворил родину и хотел бы ее спасти и защитить, не подчиняя власти одного человека.

Я уже говорил, что, заставляя служить меня простым гусаром, отец имел главной целью желание освободить меня от этого вида школьника, немного наивного, поскольку во время моего краткого пребывания в Париже я от него так и не избавился. Результат превзошел все его ожидания, так как, живя среди буянов гусар и имея в наставниках такого головореза, который только смеялся над всеми глупостями, которые я совершал, я начал выть по-волчьи, а от страха, что будут смеяться над моей застенчивостью, я стал настоящим дьяволом. Однако я еще не достиг таких высот, чтобы быть принятым в братство, которое под именем «шайки» имело членов во всех эскадронах 1-го гусарского полка.

Так называемая шайка состояла из самых отпетых и в то же время самых храбрых солдат полка. Члены ее поддерживали друг друга вопреки всем и всему в основном перед лицом врага. Они называли себя «шутниками» и узнавали друг друга по вырезу, который делался с помощью ножа на первой пуговице правого ряда гусарского ментика и доломана. Офицеры знали о существовании этой компании, но так как самые большие проступки ее членов ограничивались кражей нескольких куриц и баранов или шутками над жителями и при этом «шутники» были всегда первыми в бою, то они закрывали глаза на ее существование.

Я был настолько легкомысленным, что изо всех сил старался войти в это сообщество буянов. Мне казалось, что это возвысит меня в глазах моих товарищей. Но напрасно я старался посещать

фехтовальную школу, быть первым во всем — в стрельбе, во владении саблей, пистолетом, карабином, одним ударом сбивать все, что попадалось на моей дороге, волочить саблю, надевать кивер набекрень, члены клики относились ко мне как к ребенку и отказывались принять меня в свои ряды. И лишь одно непредвиденное обстоятельство помогло мне стать единогласно принятым в их компанию.

Итальянская армия занимала в то время Лигурию и растянулась вдоль линии протяженностью в 60 лье. Правый край находился у залива Специя, за Генуей, центр — в Финале и левый — в Ницце и в Варе, то есть на границе с Францией. Таким образом, у нас за спиной было море и перед нами был Пьемонт, где расположилась австрийская армия, отделенная от нас грядой Апеннин, простирающейся от Вара до Гави.

В таком неудачном положении французская армия могла быть легко разделена на две части, что и случилось несколькими месяцами позже. Однако не будем предвосхищать события.

Получив приказ собрать свою дивизию в Савоне, маленьком городке, расположенном на берегу моря в 10 лье ниже Генуи, отец разместил свой штаб в близлежащем епископстве. Пехота была распределена по небольшим городкам и в соседних деревнях, с тем чтобы наблюдать за долинами, по которым пролегали основные дороги, ведущие из Пьемонта. 1-й гусарский полк из Ниццы был переведен в Савону и расположился на бивуак в долине под названием Мадонна. Вражеские аванпосты находились в Дего, в 4 или 5 лье от нас, на противоположной стороне Апеннин. Вершины их были покрыты снегом, в то время как в Савоне и ее окрестностях температура была очень приятной. Наш бивуак был очень хорошим, продовольствия у нас было более чем достаточно, но никакой дороги, связывающей нас с Ниццей или с Генуей, мы не имели и в помине. Морские сообщения были перекрыты английскими кораблями. Войска жили только тем, что ей доставляли по Карнизу на нескольких мулах или что оставалось от разгрузки небольших судов, которым удавалось незамеченными пробраться вдоль берега. Этих ресурсов с трудом хватало, чтобы прокормить войска. К счастью, в стране производилось много вина, что поддерживало солдат и помогало переносить им лишения в пище с завидным смирением. Однажды стояла изумительная погода. Мой наставник Пертеле прогуливался со мной по берегу моря и увидел небольшой симпатичный кабачок, окруженные апельсиновыми и лимонными деревьями, под которыми стояло несколько столов. За столами сидели военные самых разных родов войск. Пертеле предложил мне туда зайти. Хотя мне так и не удавалось преодолеть своего

отвращения к вину, я последовал за ними из простой любезности.

Необходимо заметить, что в то время на поясной портупее кавалеристов не было крючка для подвешивания сабли, и поэтому, когда мы шли пешком, надо было придерживать ножны левой рукой. Мы это делали так, чтобы ее конец касался земли. Это производило большой шум и обволакивало нас духом воинственности. Ничего большего и не требовалось, чтобы мне понравился этот обычай. Но случилось так, что при входе в городской сад, о котором я уже говорил, конец ножен моей сабли коснулся ноги огромного канонира конной артиллерии, который отдыхал, развалившись на стуле и вытянув вперед свои ножищи. Конная артиллерия, называемая в те времена *летучей артиллерией,* была создана в начале Революции из добровольцев, набираемых в гренадерских ротах. Пользуясь этим удобным случаем, от многих самых непослушных гренадеров их бывшее начальство избавлялось с превеликим удовольствием.

Летающие канониры были известны не только своей смелостью, но и страстью к стычкам и ссорам. Канонир, ногу которого задела моя сабля, обратился ко мне громовым голосом и крайне грубым тоном: «Гусар! Не слишком ли волочится твоя сабля?!» Я продолжал идти, не ответив на грубость, но мой наставник Пертеле подтолкнул меня и сказал тихо: «Ответь ему: «Заставь ее приподняться!» Я повторил его слова. «Легко!» — ответил канонир. Пертеле мне снова подсказал: «Я бы на это посмотрел». При этих словах канонир или, скорее, Голиаф, поскольку он был около шести футов роста, выпрямился на своем стуле и принял угрожающий вид, но мой наставник бросился между ним и мною. Все канониры, находящиеся в саду, моментально приняли сторону своего товарища, но тут же целая толпа гусаров окружила Пертеле и меня.

Все кричали, говорили одновременно, и я подумал, что, наверное, будет общая драка. Однако, поскольку гусаров было, по крайней мере, двое против одного артиллериста, они вели себя более спокойно, и артиллеристы поняли, что, если начнется драка, им не победить. Поэтому все закончилось тем, что гиганту канониру разъяснили, что в том, что его ногу задела моя сабля, ничего оскорбительного быть не могло и дело должно остановиться на этом. Или остаться между нами двоими. Но тут в общей суматохе и шуме один трубач артиллерии, примерно 20 лет от роду, начал оскорблять меня. Я, возмущенный, оттолкнул его столь сильно, что он упал головой в ров, полный грязи. Тут же было решено, что этот молодой человек и я должны драться на саблях.

Мы тогда вышли из сада, за нами последовали все, кто

присутствовал при скандале. И вот мы на берегу моря, на утрамбованном песке. Мы готовы сражаться. Пертеле знал, что я неплохо владею саблей, тем не менее он дал мне еще несколько советов, как вести себя в этом поединке и как я должен атаковать противника. Затем он привязал к рукоятке сабли большой платок, затем обмотал им всю мою руку.

Наступил момент, когда мне нужно сказать, что мой отец ненавидел дуэли. Во-первых, потому, что считал этот обычай варварским, а во-вторых, я думаю, подобное отношение было вызвано еще и воспоминанием об одном случае из времен его молодости. Состоя в роте телохранителей, он присутствовал на дуэли как секундант своего товарища, очень им любимого, причем последний был убит в этом кровавом споре, вспыхнувшем по совершенно незначительной причине.

Как бы то ни было, но, когда отец принимал командование, он предписал жандармерии арестовывать и препровождать к нему всех военных, которые затевали такого рода ссоры. Хотя трубач и я прекрасно знали об этом приказе, мы тем не менее сняли наши доломаны и взяли и руки сабли. Я расположился спиной к Савоне, а мой противник передо мной. Мы изготовились к поединку, когда вдруг я увидел, что трубач бросился в сторону, схватил свой доломан и убежал. «Ах ты, трус! Ты убегаешь!» — воскликнул я. Я хотел уже броситься за ним, когда две железные руки схватили меня сзади за ворот. Я повернул голову и оказался лицом к лицу перед восемью или десятью жандармами. Тогда-то я и понял, почему убежал мой противник, почему разбегались все присутствующие, включая моего наставника Пертеле, поскольку каждый из них боялся быть арестованным и отведенным к генералу.

Итак, я был арестован и обезоружен. Я надел мой доломан и с удрученным видом последовал за жандармами, которым я не назвал своего имени и которые меня повели прямиком в епископство, где жил мой отец. В этот момент отец находился в доме с генералом Сюше (ставшим впоследствии маршалом), приехавшим в Савону, чтобы обсудить служебные дела с отцом. Они прогуливались в галерее, выходившей во двор. Жандармы подвели меня к генералу Марбо, не подозревая, что я его сын. Бригадир объяснил мотивы моего ареста. Тогда отец, приняв крайне строгий вид, сделал мне основательное внушение. После этой отповеди отец сказал бригадиру: «Отведите этого гусара в цитадель». Я уходил, не говоря ни слова, и, таким образом, генерал Сюше, который меня не знал, не подозревал, что сцена, при которой он присутствовал, происходила между отцом и сыном. Только на следующий день ему стало известно о наших

родственных связях, и с тех пор он часто со смехом вспоминал этот случай.

Цитадель представляла собой старое генуэзское укрепление, расположенное возле порта. Меня заперли в огромном зале, свет в который проникал через небольшое окно, выходившее на море. Постепенно я стал приходить в себя. Выговор, который я получил, представлялся мне вполне заслуженным. Однако тем, что я не подчинился генералу, я был удручен меньше, чем огорчением, которое я причинил своему отцу. Остаток дня я провел в печальных размышлениях. Вечером старый инвалид из генуэзских войск принес мне кувшин с водой, кусочек хлеба из полковой пекарни и бросил небольшой сноп сена, на котором я мог улечься. Но я не мог есть. Я не мог и заснуть. Во-первых, потому, что я был слишком взволнован, а во-вторых, из-за шума, который производили вокруг меня большие крысы, захватившие тут же мой хлеб. Я лежал в полной темноте, предаваясь своим грустным размышлениям, когда около 10 часов вечера услышал, что замок моей тюрьмы открывается. Я увидел Спира, бывшего верного слугу моего отца. Он-то мне и рассказал, что после того, как я был отправлен в цитадель, полковник Минар, капитан Го и все офицеры отца просили его помиловать меня. Генерал согласился и поручил Спиру пойти за мной и отнести начальнику крепости приказ о моем освобождении.

Меня отвели к начальнику форта генералу Бюже, великолепному человеку, который лишился на войне одной руки. Он меня знал и очень любил моего отца. После того как он вернул мне мою саблю, он посчитал своим долгом прочитать мне мораль, которую я слушал внимательно и терпеливо, но думал лишь о том, что получу еще более строгие замечания от своего отца. Я не чувствовал в себе достаточно мужества, чтобы вынести это наказание, и решил насколько возможно избежать его.

Нас повели вдаль от цитадели. Ночь была темная. Спир шел впереди меня, освещая путь фонарем. Ведя меня по узким, кривым улицам города, Спир был в восторге от того, что он вызволил меня, и перечислял все, что меня ожидало в штабе. В том числе, говорил он, я должен буду выслушать очень строгий выговор от отца. Эта последняя фраза укрепила во мне созревавшую уверенность. Чтобы гнев отца несколько спал, я решил, что не покажусь ему ранее чем через несколько дней. Для этого мне нужно было сейчас же отправиться на наш бивуак в долине Мадонна. Я мог бы убежать, не причиняя никакой неприятности Спиру, но из страха, что он меня догонит со своим фонарем, я вышиб ногой фонарь, который упал в десяти шагах от него, и убежал, тогда как бедный старик искал свой фонарь на

ощупь и восклицал: «Ах ты, маленький негодяй, я все расскажу отцу. Он правильно сделал, черт возьми, поселив тебя с этими бандитами, гусарами Бершени! Хорошенькая школа для молодого человека!»

Проплутав некоторое время по пустынным улицам, я наконец нашел дорогу в Мадонну и прибыл на бивуак своего полка. Все гусары думали, что я в тюрьме. Как только меня опознали при свете костров, все окружили меня и стали расспрашивать. Все громко смеялись, когда я рассказывал, как освободился от доверенного лица, которому было поручено отвести меня к генералу. Больше всего восхищались члены *клики,* особенно моей решимостью, и сразу единогласно сговорились принять меня в свое общество, которое как раз в эту ночь готовилось отправиться на разведку до ворот Дего, с тем чтобы угнать стадо быков, принадлежащее австрийской армии.

Французские генералы, так же как и командиры полков, были вынуждены делать вид, что они ничего не знают о подобных набегах, поскольку солдаты уходили, чтобы достать провиант, поставки которого были крайне нерегулярны. В каждом полку самые храбрые солдаты формировали подобные банды мародеров, знавших с удивительной точностью места, где заготавливался провиант для противника, и они использовали всю свою хитрость и находчивость, чтобы овладеть этими запасами.

Один плут-барышник пришел предупредить *клику* 1-го гусарского полка о том, что стадо быков, которое он продал австрийцам, пасется на лугу в четверти лье от Дего, и шестьдесят гусар, вооруженных только карабинами, выступили на захват этого стада.

Мы прошли несколько лье по ужасным тропам в горах, чтобы избежать основной дороги, и захватили в плен пятерых кроатов, стороживших стадо и заснувших в сарае. Чтобы помешать им подать сигнал тревоги гарнизону в Дего, мы их связали и захватили стадо без единого выстрела. Мы вернулись на бивуак страшно усталыми, но довольными, что мы сыграли злую шутку с врагом и добыли нам провиант.

Я привел этот факт, только чтобы показать, в каком нищенском состоянии находилась в то время итальянская армия, а также рассказать, до какой степени дезорганизации и заброшенности могут дойти войска, командиры которых вынуждены не только терпеть подобные экспедиции, но и пользоваться тем, что добывают их же солдаты таким образом, делая вид, что не знают, как это достается.

Глава IX

Как я сразу стал унтер-офицером. — Я похищаю 17 гусар Барко

В моей военной карьере мне очень повезло, так как, минуя звание бригадира[25], из простого гусара я сразу стал унтер-офицером. Вот как это произошло.

Слева от расположения дивизии моего отца стояла дивизия под командованием генерала Сера, штаб которой находился в Финале. Эта дивизия, занимающая часть Лигурии, покрытую крутыми горами, состояла в основном из пехоты, поскольку кавалерия могла продвигаться здесь только маленькими отрядами в редких проходах, которые соединяли побережье Средиземного моря с Пьемонтом. Генерал Сера, получив от главнокомандующего Шампионне приказ произвести частью своих войск разведку в предгорьях Сан-Джакомо, за которыми простиралось несколько долин, написал отцу и попросил его одолжить ему для этого предприятия отряд из пятидесяти гусар. Отказать ему было невозможно. Отец согласился на просьбу генерала Сера и назначил лейтенанта Лейстеншнейдера командовать отрядом, в который входил и мой взвод. Мы выехали из Мадонны по направлению к Финале. В то время по берегу моря проходила единственная дорога, носившая название Карниз и находившаяся в очень плохом состоянии. У лейтенанта после неудачного падения с лошади была вывихнута нога, и следующим по званию после него в отряде был унтер-офицер Канон, красивый молодой человек, обладающий многими превосходными качествами, хорошим образованием, а главное, большой самостоятельностью.

Во главе своей дивизии генерал Сера на следующий же день направился в направлении горы Сан-Джакомо, покрытой снегом. Там мы расположились бивуаком. На следующий день мы должны были начать движение вперед в полной уверенности, что нам предстоит столкновение с противником. Но сколь многочислен был враг? Именно этого генерал знать не мог. Согласно приказам главнокомандующего, ему надлежало только разведать позицию австрийцев в этой части фронта. Но ему было запрещено вступать в бой, если враг окажется в большинстве. Генерал Сера понимал, что его пехота, следуя вперед среди гор, могла обнаружить колонну противника, только оказавшись непосредственно перед ней. В этом случае серьезного столкновения было уже не избежать, и отступление могло бы оказаться еще более опасным. Он решил продвигаться очень осторожно и выслать на дистанцию

в 2–3 лье впереди себя небольшой отряд, чтобы с его помощью прощупать район и, главное, взять нескольких пленных, от которых он надеялся получить определенные сведения, так как местные крестьяне, как правило, ничего не знали или не хотели говорить. Но генерал понимал также, что отряд пехотинцев сам мог бы оказаться в ловушке, если он его отправит слишком далеко. В то же время, даже при благополучном исходе дела, люди, идущие пешком, принесли бы ему известия, которых он так страстно ждал, слишком поздно. Таким образом, он решил использовать те пять десятков гусар, которых он и послал в качестве своего передового отряда. Так как местность была крайне пересеченной, он дал унтер-офицеру карту, сопровождая ее письменными и устными инструкциями в присутствии всего отряда, и отправил нас за два часа до рассвета, не переставая повторять, что нужно обязательно дойти до аванпостов противника, где, как он очень надеялся, нам удастся захватить нескольких пленных.

Унтер-офицер Канон прекрасно развернул свой отряд. Во главе он поставил небольшой авангард, по бокам распределил разведчиков и принял все необходимые предосторожности.

Отойдя на 2 лье от нашего лагеря, мы обнаружили большой постоялый двор. Наш унтер-офицер стал расспрашивать хозяина и узнал от него, что примерно в часе ходьбы отсюда мы можем столкнуться с австрийским отрядом. Хозяин затруднялся назвать его численность, но знал, что впереди него расположен полк очень злобных гусар, которые плохо обращались со многими местными жителями.

Получив эти сведения, мы продолжили наш путь. Но не успели мы сделать и ста шагов, как г-н Канон начал корчиться на своей лошади и сказал, что он страшно страдает и ему абсолютно невозможно продолжать путь. Он передал командование отрядом унтер-офицеру Пертеле-старшему, как самому старшему по званию после него самого. Однако Пертеле заметил, что, будучи эльзасцем, он не умеет читать по-французски и не может, таким образом, понять ни карту, которую, ему передали, ни инструкции, написанные генералом. Он наотрез отказывался от командования. Все остальные унтер-офицеры, так же малограмотные, как и Пертеле отказались по тем же причинам. То же сделали и бригадиры. Бесполезно было их уговаривать, хотя я предложил, что я буду читать им инструкции генерала и объяснять наше продвижение по карте тому из унтер-офицеров, который захочет взять на себя командование. Но они по-прежнему упирались. К моему большому удивлению, все эти старые вояки отвечали мне: «Бери сам командование, и мы будем подчиняться тебе».

Весь отряд выразил то же самое пожелание, и я понял, что, если и я откажусь, мы и шагу не продвинемся вперед, и честь нашего отряда будет полностью скомпрометирована. К тому же приказ генерала Сера следовало непременно выполнить, поскольку именно наши действия могли помочь его дивизии избежать очень больших потерь. И я согласился принять командование, но только после того, как спросил у г-на Канона, не сможет ли он все-таки *вновь взять* его на себя. *Но он опять начал стонать,* оставил нас и вернулся на постоялый двор. Признаюсь, я думал тогда, что он действительно заболел, но люди из нашего отряда, которые его хорошо знали, высказывались на его счет с оскорбительными насмешками.

Не хвастаясь, я должен сказать, что природа наделила меня достаточной храбростью. Я бы даже добавил, что было время, когда мне нравилось находиться среди опасностей. Тринадцать ранений, полученных на войне, и несколько блестящих дел, я думаю, являются достаточным тому доказательством. Вот почему, принимая командование над пятьюдесятью гусарами, которых чрезвычайные обстоятельства поставили под командование простого гусара в возрасте 17 лет, я твердо решил доказать товарищам, что если я не имею ни опыта, ни военных талантов, то, во всяком случае, обладаю некоторыми другими достоинствами.

Итак, я встал во главе отряда и твердо направился в том направлении, где, как я знал, находился враг. Мы шли уже довольно долго, когда вдруг наши разведчики заметили крестьянина, который постарался спрятаться от них. Они догнали его и привели ко мне. Я начал его расспрашивать, и он сказал, что как будто бы живет в 4 или 5 лье от этого места, и уверял, что не встречал здесь никаких австрийских войск. Я был уверен, что он врет из страха или из хитрости, поскольку, по моим расчетам, мы находились очень близко от стоянки противника. Я вспомнил, что читал когда-то в книге «Настоящий партизан», экземпляр которой мне передал отец, что для того, чтобы заставить говорить жителей страны, в которой находишься в военное время, надо иногда их напугать. Я понизил голос, постарался придать моему юному лицу угрожающий вид и воскликнул: «Как, негодяй, ты только что пересек территорию, занятую большими отрядами австрийской армии, и ты уверяешь, что ничего не видел? Ты шпион! Тебя надо немедленно расстрелять!»

Я призвал четверых гусар, сделав им знак не причинять вреда этому человеку, который, видя, как на его глазах они стали заряжать свои карабины, впал в такой ужас, что поклялся рассказать обо всем, что знал. Он прислуживал в одном

монастыре, и ему было поручено отнести письмо настоятеля к его родным и дан наказ, если он встретит французов, не говорить им, где находились австрийцы. Но так как он вынужден теперь нам во всем признаться, он объявил, что в одном лье от места нашей стоянки находилось несколько вражеских полков, расквартированных в деревнях, и около сотни гусар полка Барко живут в деревушке, которую мы должны увидеть, пройдя еще немного вперед. На вопрос о том, как расположены эти гусары, он ответил, что перед домом в саду, окруженном изгородью, у них выставлена охрана, состоящая из двенадцати пеших солдат. Он сказал и о том, что в момент, когда он пересекал деревушку, остальные гусары готовились вести лошадей на водопой к маленькому пруду, расположенному с противоположной стороны от деревни.

Выслушав его, я тотчас же принял решение. Нам не нужно было нападать на их передовой пост, отделенный от нас изгородью и поэтому недоступный для атаки кавалеристов. Стрельба могла бы лишить меня нескольких из моих людей и предупредить о нашем приближении других врагов. Значит, нам следовало обойти деревушку, подобраться к месту водопоя и внезапно напасть на врага. Но где пройти, чтобы не быть замеченными? Я приказал крестьянину проводить нас, обогнув деревню, и пообещал ему, что мы отпустим его сразу же, как только будем находиться с другой стороны деревни, которую теперь я уже разглядел собственными глазами.

Так как он не хотел идти, я приказал одному гусару взять его за шиворот, а другому приставить к его уху пистолет. Ему пришлось подчиниться. Он провел нас очень удачно. Высокая изгородь скрывала наше движение. Мы полностью обогнули деревню и увидели на берегу небольшого пруда австрийский эскадрон, который спокойно поил лошадей. Все кавалеристы были при оружии, согласно правилам передовых постов, но их командиры пренебрегли одной очень важной предосторожностью, состоявшей в том, чтобы никогда не распрягать и не поить всех лошадей одновременно и не допускать, чтобы все взводы заходили в воду разом, а не один за другим. Уверенный в том, что французы далеко, что пост, выставленный перед деревней, надежен, неприятельский командир посчитал излишним придерживаться этих правил. Именно это его и погубило.

Как только я оказался в пятистах шагах от прудика, я отпустил нашего провожатого, убежавшего со всех ног, выхватил саблю и, приказав своим товарищам не кричать до начала схватки, устремился галопом на вражеских гусар, которые заметили нас только в ту минуту, когда мы уже появились на

самом берегу пруда. Его берега со всех сторон были слишком крутыми, чтобы лошади могли взобраться на них. Было только одно пологое место у самого водопоя. Правда, оно было достаточно широким. Именно в этом месте собралось около ста кавалеристов, поводья сняты, карабины повешены. Все они пребывали в состоянии полного покоя, некоторые даже пели. Можете судить об их удивлении. Сначала мы сделали залп из наших карабинов, убив некоторых, ранив других и положив немало их лошадей. Паника была полной. Тем не менее их капитан собрал вокруг себя тех, кто находился ближе к берегу, и открыл по нас довольно плотный огонь, ранив двоих из моих людей. Затем противник бросился на нас. Но Пертеле одним ударом сабли сразу сразил их капитана, и его солдаты вновь были оттеснены к воде. Многие из них стремились убежать от огня и перебраться на другой берег, другие растерялись, большое число людей и лошадей утонуло, а те из австрийских кавалеристов, которые достигли противоположного берега, не могли заставить своих лошадей взобраться на гору и, бросив их, стали цепляться за ветви прибрежных деревьев, пытаясь спастись бегством. Двенадцать человек охраны прибежали на шум. Мы встретили их саблями, и они быстро обратились в бегство.

Однако около тридцати врагов оставались еще в пруду. Они побоялись вести лошадей в глубину и, видя, что единственный выход из воды ведет в сторону, занятую нами, стали кричать нам, что готовы сдаться. Я согласился на сдачу. По мере того как они выходили на берег, я приказывал им бросить оружие. Большинство из этих людей, так же как и их лошади, были ранены. Но так как мне хотелось увести с собой трофеи нашей победы, я приказал отобрать из них семнадцать кавалеристов и столько же лошадей, находящихся в хорошем состоянии. Они расположились в середине нашего отряда. Остальных мы оставили и устремились галопом в сторону нашего лагеря.

Я поступил правильно, приказав немедленно уходить, так как справедливо предполагал, что беглецы уже предупредили соседние отряды, которые и так были подняты по тревоге шумом перестрелки и полчаса спустя более полутора тысяч кавалеристов будут уже на берегу маленького пруда. За ними последуют несколько тысяч пехотинцев… Но к этому времени мы были уже далеко: примерно в 2 лье от того места. Наши раненые сумели выдержать быструю езду. Мы остановились ненадолго на вершине холма, чтобы их перевязать. И мы немало посмеялись, глядя сверху на то, как многочисленные вражеские колонны устремились за нами в погоню. Мы были уверены, что они не смогут нас догнать, потому что, боясь попасть в засаду, будут

продвигаться вперед очень медленно, почти на ощупь. А мы находились теперь вне опасности.

Я дал Пертеле двух гусар из лучших наездников и приказал отправляться галопом, чтобы предупредить генерала Сера о результатах нашей миссии. Затем, построив по всем правилам отряд, поместив пленников, как всегда, в центр, я приказал неспешно отправляться в дорогу в сторону нашей вчерашней стоянки.

Невозможно описать радость моих товарищей и поздравления, с которыми они ко мне обращались во время нашего пути: «Ты правда достоин служить среди гусар Бершени, в первом полку мира!»

Но что же происходило во время нашей экспедиции в Сан-Джакомо? После нескольких часов ожидания генерал Сера в нетерпении получить известие заметил с высоты горы легкий дымок на горизонте. Его адъютант прижимает ухо к барабану, положенному на землю, и этим испытанным военным средством прислушивается к далекому шуму перестрелки. У обеспокоенного генерала Сера не остается сомнений, что отряд кавалеристов схватился с врагом.

Он взял полк пехоты[26] и решил направиться в сторону постоялого двора. Прибыв туда, он увидел привязанную у сарая гусарскую лошадь. Это была лошадь унтер-офицера Канона. Появился хозяин гостиницы, и генерал узнал, что гусарский унтер-офицер не покидал постоялого двора и уже несколько часов находился в столовой.

Генерал направляется туда, и что же он видит? В углу около огня дремлет г-н Канон, а перед ним стоит огромная тарелка с окороком, две пустые бутылки из-под вина и чашка кофе. Бедного унтер-офицера будят, он, конечно, хочет извиниться, ссылаясь на свое внезапное нездоровье. Однако остатки сытного обеда, который он только что закончил, не позволяют поверить в его болезнь. Генерал Сера делает ему строжайший выговор. Его гнев увеличивается при мысли, что отряд из пятидесяти кавалеристов, порученный простому солдату, возможно, уже разгромлен врагом.

Но в этот момент появляется Пертеле с двумя гусарами и объявляет о нашем триумфе и о скором прибытии всех семнадцати пленных. Несмотря на этот счастливый конец, генерал Сера продолжает упрекать унтер-офицера Канона, но Пертеле обращается к нему и со своей грубой прямотой говорит: «Не ругайте его, мой генерал. Если бы этот трус нами руководил, никогда наша экспедиция не имела бы успеха!» Подобная попытка сгладить ситуацию только усложнила положение несчастного г-на Канона. Генерал приказал немедленно его арестовать.

В этот момент появляюсь я. Генерал Сера лишает несчастного Канона звания и приказывает ему спороть унтер-офицерские нашивки в присутствии целого пехотного полка и пятидесяти гусар. Затем он направляется ко мне и говорит: «Вы прекрасно выполнили это задание, которое обычно поручают только офицерам. Я очень сожалею, что власть дивизионного генерала не позволяет мне дать вам звание младшего лейтенанта. Только главнокомандующий имеет на это право, и я попрошу у него это звание для вас, но пока я вас называю унтер-офицером». И он приказывает своему адъютанту объявить об этом всему отряду.

Для того чтобы выполнить эту формальность, адъютант должен был спросить у меня мое имя, и только в этот момент генерал Сера узнал, что я сын его товарища генерала Марбо. Все это происшествие мне было чрезвычайно приятно, поскольку оно должно было доказать моему отцу, что он был не причастен к моему первому продвижению по службе.

Глава X

Мы присоединяемся к генералу Шампионне в Пьемонте. — Генерал Макар. — Сражение между Кони и Мондови. — Захват шести пушек. — Мне дают звание младшего лейтенанта. — Я становлюсь адъютантом своего отца, посланного в Геную, а затем в Савону

Сведения, добытые генералом Сера от пленных, утвердили его во мнении, что нужно двигаться вперед, и на следующий день он отдал приказ своей дивизии спуститься с вершин Сан-Джакомо и раскинуть бивуак вечером того же дня на постоялом дворе. Пленные были отправлены в Финале, а что касается лошадей, то они по праву принадлежали гусарам. Лошади были все в хорошем состоянии, но согласно обычаю того времени офицерам, у которых были плохие лошади, пленная лошадь продавалась не более чем за 5 луидоров. Это была фиксированная цена, и ее обычно выплачивали живыми деньгами. Как только весь лагерь обустроился, началась торговля. Генерал Сера, офицеры его штаба, полковники, батальонные командиры из полков его дивизии очень быстро разобрали наших семнадцать лошадей. Мы же получили сумму в 85 луидоров. Все деньги были переданы моему отряду, который уже шесть месяцев не получал зарплаты и поэтому был в полном восторге от такой удачи.

У меня было с собой несколько золотых, поэтому я, чтобы отметить мое новое звание унтер-офицера, не только отказался от своей доли в вырученных деньгах, но даже купил у владельца гостиницы трех баранов, огромный сыр и бутыль вина и устроил пиршество для всего отряда. Таким образом, 10 фримера VIII года стал одним из лучших дней в моей жизни.

На следующий день и еще в течение нескольких дней у дивизии генерала Сера было несколько стычек с противником, во время которых я продолжал командовать своими пятьюдесятью гусарами и, к большому удовольствию генерала, снабжал его необходимыми сведениями.

В своем докладе генералу Шампионне генерал Сера очень красочно описал мое поведение и сделал то же самое перед моим отцом. Когда же через несколько дней я привел свой отряд в Савону, отец принял меня с выражением самой большой нежности. Я был в восторге! Я отправился на бивуак, где уже собрался весь полк и куда прибыл и мой отряд. Кавалеристы рассказали о наших подвигах, в которых большую часть они приписывали мне. Меня приняли громкими приветствиями

товарищи унтер-офицеры и дали мне нашивки унтер-офицера.

Именно в этот день я впервые увидел младшего Пертеле, он возвратился из Генуи, где провел несколько месяцев. Я быстро сблизился с этим изумительным человеком и очень пожалел о том, что не он был моим наставником с самого начала, поскольку теперь я получил от него несколько очень ценных советов, которые сделали меня более спокойным и помогли мне порвать с парнями «клики».

Командующий Шампионне, желая провести несколько операций внутри Пьемонта, в направлении Кони и Мондови, и не имея в достаточном количестве кавалерии, попросил у моего отца прислать ему 1-й гусарский полк, который к тому же не мог больше оставаться в Мадонне из-за отсутствия кормов. С большим сожалением я расстался с отцом и уехал с полком.

Мы отправились вдоль Карниза до Альбенги, несмотря на обилие снега пересекли Апеннины и вступили наконец в плодородные долины Пьемонта. В окрестностях Фоссано, Нови и Мондови мы выдержали несколько сражений, из которых одни были удачными, другие наоборот.

Во время этих сражений у меня был случай увидеть бригадного генерала Макара, выслужившегося из рядовых. Революционная буря вознесла его из солдат прямо в генералы. Генерал Макар — настоящий тип офицера, созданного случаем и личной храбростью, который проявлял свои незаурядные качества перед лицом врага, но из-за отсутствия образования не был способен занимать высокие посты подобающим образом. Этот человек имел одну странную особенность. Этот странный тип, настоящий колосс, обладающий исключительной храбростью, находясь во главе войск, никогда не упускал случая, чтобы не прокричать: «Смотрите, сейчас я стану зверем!» Он снимал с себя одежду, куртку, рубаху и оставлял только шляпу с султаном, штаны и огромные сапоги. Оголившись таким образом до пояса, генерал Макар открывал всем свое волосатое, как у медведя, тело, что придавало его облику очень странный вид. Превратившись в животное, как не без оснований заявлял он сам, генерал бросался сломя голову с саблей в руке на вражеских кавалеристов, безбожно ругаясь. Но ему редко удавалось их настигнуть, потому что при виде такого страшного гигантского существа, наполовину покрытого волосами, в таком странном одеянии, бросающегося на них с жутким рычанием, враги бежали во все стороны, не разобрав как следует, с кем они имели дело — с человеком или с каким-то кровожадным животным.

Генерал Макар был полным невеждой, что забавляло иногда офицеров более образованных, чем он, но находящихся под его

командованием. Однажды один из таких офицеров попросил у него разрешения пойти в соседний город, чтобы заказать себе пару сапог. «Черт возьми, — отвечал ему генерал Макар, — это очень кстати, поскольку ты идешь к сапожнику, возьми с меня мерку и закажи мне тоже пару сапог». Страшно удивившись, офицер ответил генералу, что он не может снять мерку, поскольку абсолютно не понимает, как это делается.

«Как, — воскликнул генерал, — я же вижу, как целыми днями ты чертишь карандашом какие-то линии, глядя на горы, и, когда я тебя спросил, что ты там делаешь, ты мне ответил: «Я измеряю эти горы». Значит, если ты измеряешь предметы, удаленные от тебя на целое лье, почему же ты не можешь снять мерку для моих сапог с меня, находящегося у тебя под рукой. Давай, сними-ка мерку без капризов!»

Офицер уверял, что это невозможно. Генерал настаивал, ругался, сердился, и только когда собрались другие офицеры, привлеченные шумом, им с трудом удалось прекратить эту смешную сцену. Генерал ни за что не хотел понять, что человек, который измерял горы, не может снять мерку для пары сапог другого человека.

Не верьте тому, что все старшие офицеры Итальянской армии были похожи на храброго генерала Макара. Совсем наоборот, армия насчитывала немало офицеров, отличавшихся прекрасным образованием, хорошими манерами. Но в то время в армии было несколько командиров, которые, как я уже говорил, были случайно занесены на самый верх армейской иерархии. Со временем они были отстранены от высоких должностей.

1-й гусарский полк участвовал во всех сражениях, которые происходили в то время в Пьемонте. Он понес немалые потери во время схваток с многочисленной австрийской кавалерией. После бесконечных переходов и ряда мелких стычек, почти ежедневных, командующий Шампионне объединил левый фланг с центром своей армии между Кони и Мондови с тем, чтобы 10 нивоза атаковать дивизии вражеской армии. Сражение произошло в долине, пересеченной холмами и рощами.

Наш полк, приданный бригаде генерала Бомона, разместился на краю правого крыла французской армии. Вы знаете, что число кавалеристов и офицеров, составляющих эскадрон, определяется специальными постановлениями. Наш полк, уже немало пострадавший в предшествующих столкновениях, вместо четырех эскадронов в тот день смог выдвинуть на передовую только три. Но затем выяснилось, что после этого оставалось еще 30 человек, не вошедших в ряды, среди которых было пять младших офицеров. Я был среди них, так же как и оба Пертеле. Из нас

сформировали два взвода, командование над которыми было поручено молодому, умному, храброму Пертеле. Генерал Бомон, прекрасно знающий способности молодого Пертеле, поручил ему разведку перед правым флангом армии и, не дав никаких инструкций, приказал действовать согласно обстоятельствам. Таким образом, мы оставили наш полк и отправились обследовать местность.

В это самое время завязалась жаркая битва с двумя армейскими корпусами. Час спустя, не обнаружив ничего примечательного на флангах, мы возвращались к нашим. Вдруг молодой Пертеле увидел перед нами и, соответственно, на левом краю линии врага батарею из восьми пушек, стреляющих по французским войскам.

По непростительной халатности эта австрийская батарея для большего удобства стрельбы поднялась на небольшое возвышение, расположенное в 700–800 шагах впереди пехотной дивизии, к которой она относилась. Командир этой артиллерийской батареи чувствовал себя в полной безопасности, потому что место, на котором она находилась, возвышалось над всей линией фронта французской армии. Он справедливо полагал, что, если от нашей армии отделится какой-либо отряд, чтобы атаковать его, он это заметит раньше и у него будет время вернуться на линию австрийских войск. Он не подумал, что маленькая рощица, находящаяся рядом с высотой, на которой он расположился, могла скрывать каких-то французов. В тот момент там действительно никого еще не было, но молодой Пертеле решил повести туда свой взвод и оттуда наброситься на австрийскую батарею. Чтобы скрыть этот маневр от вражеских артиллеристов, молодой Пертеле, прекрасно сознавая, что во время войны мало обращают внимания на какого-нибудь одинокого кавалериста, объяснил нам свой план, который состоял в том, чтобы мы один за другим проскакали по дороге и заняли бы место за этой рощицей, слева от вражеской батареи, а затем все вместе атаковали бы ее. В этом случае нам не следовало бояться ее снарядов, поскольку мы должны были подойти к ней с фланга. Весь маневр прошел незамеченным со стороны врага. Один за другим мы обходным путем достигли края рощицы, где собрался весь взвод. Пертеле встал во главе взвода, и через рощицу с саблями наголо мы устремились на вражескую батарею. Мы порубили часть артиллеристов, а другие спрятались под зарядными ящиками, где наши сабли не могли их достать. Согласно инструкциям, данным молодым Пертеле, мы не должны были ни убивать, ни ранить солдат обоза, но заставить их с помощью клинков наших сабель управлять лошадьми,

запряженными в орудия, и направить их к линии нашего фронта.

Приказ был прекрасно выполнен в отношении шести пушек, ездовые которых, оставаясь на лошадях, подчинялись всему, что им было приказано. Однако двое других спрыгнули с лошадей, не то из страха, не то по собственной воле, и, хотя гусары брали лошадей за поводья, те не хотели двигаться за ними. Вражеские батальоны, находящиеся неподалеку, бросились бегом на помощь своей батарее. Минуты показались нам часами, пока молодой Пертеле, удовлетворившись захватом шести пушек, не приказал покинуть оставшиеся и направиться галопом с нашей добычей в сторону французской армии.

Приказ был своевременным, но он стал фатальным для нашего храброго начальника, поскольку, как только мы начали отступать, вражеские артиллеристы и их командиры выскочили из-под ящиков, зарядили оставшиеся два орудия и выстрелили нам вслед картечью. Вы понимаете, что 30 кавалеристов, шесть орудий, каждое из которых было запряжено шестью лошадьми, сопровождаемыми тремя солдатами обоза, — все это занимает весьма обширную площадь, и поэтому картечь ударила по нас без промаха. Мы потеряли убитыми и ранеными двух унтер-офицеров, многих гусар, одного или двух ездовых, несколько лошадей были также ранены, из-за чего орудия потеряли управление и не могли больше двигаться. Сохраняя полное хладнокровие, молодой Пертеле приказал отрезать упряжки убитых или раненых лошадей, заменить гусарами убитых или раненых ездовых и быстро продолжить наше отступление. Но те несколько минут, которые нам понадобились для того, чтобы провести все эти действия, были использованы командиром австрийской батареи. Он выпустил против нас вторую очередь снарядов, которая принесла нам новые потери. Но мы были полны такого ожесточения и такой решимости не оставить захваченные нами шесть орудий, что нам удалось все поправить и возобновить наш отход. Мы были уже на линии французских войск и недосягаемы для вражеской картечи, но в это время какой-то австрийский офицер приказал зарядить пушки ядрами, одно из которых попало в несчастного Пертеле.

Гем не менее наша атака против австрийской батареи и ее результаты были замечены французскими войсками, и генералы приказали им выдвинуться вперед. Враг отступил, и это позволило нам вернуться на место, где пали наши товарищи. Треть отряда, оставленная там, была мертва или ранена. В начале наших действий нас было пять младших офицеров. Теперь трое погибли. Оставались только старший Пертеле и я. Несчастный Пертеле-старший был ранен, но страдал больше морально, чем

физически из-за потери обожаемого брата, о котором и мы все глубоко сожалели.

Пока мы отдавали долг погибшим и подбирали раненых, подъехал генерал Шампионне вместе со своим начальником штаба генералом Сюше. Главнокомандующий был свидетелем великолепного поведения нашего взвода. Он собрал нас вокруг шести орудий, отбитых у врага, и после похвальных слов о нашей храбрости, которая позволила освободить французскую армию от батареи, приносящей ей немалые потери, добавил, что в знак благодарности за то, что мы спасли жизнь большому числу наших товарищей и способствовали успеху всего этого дня, он хотел воспользоваться правом, которое ему давал недавний декрет первого консула, учредившего орден Почетного легиона, и выдать нашему взводу три почетные сабли, а также произвести одного из отличившихся кавалеристов в младшие лейтенанты. Но он просил нас самих назначить тех, кто был достоин этих наград. Мы еще раз с глубоким сожалением вспомнили о храбром молодом Пертеле, который мог бы стать таким прекрасным офицером. Пертеле-старший, бригадир и один гусар получили почетные сабли, которые спустя три года давали им право на крест Почетного легиона. Оставалось назвать того, кто среди нас мог получить чин младшего лейтенанта. Все мои товарищи назвали меня, и главнокомандующий, вспомнив о том, что говорил ему генерал Сера о моем поведении при Сан-Джакомо, назначил меня младшим лейтенантом.

Я был сержантом всего месяц и должен признаться, что в этой атаке и в захвате орудий я не делал ничего особенного по сравнению с тем, что делали мои товарищи, но, как я уже говорил, ни один из этих храбрых эльзасцев не чувствовал себя в состоянии быть командиром и офицером. Итак, они единогласно назвали меня, а главнокомандующий учел и то предложение, которое ранее ему сделал генерал Сера. Возможно, и я должен об этом сказать, он хотел доставить также приятное и моему отцу. Во всяком случае, именно так понял этот жест отец, поскольку, узнав о моем быстром продвижении, он тут же написал мне, что запрещает мне принимать этот чин. Я подчинился. Но поскольку отец написал примерно в том же духе и генералу Сюше, то последний ответил ему, что главнокомандующий будет, безусловно, уязвлен тем, что один из его дивизионных генералов хотел бы воспрепятствовать назначениям, которые он делал властью, данной ему правительством. И тогда мой отец разрешил мне принять этот чин, и таким образом я стал младшим лейтенантом 10 нивоза VII года (декабрь 1799-го).

Я был одним из последних офицеров, получивших повышение

от генерала Шампионне, который, не будучи в силах удержаться в Пьемонте против превосходящих сил противника, должен был снова перейти Апеннины и привести армию в Лигурию. Этот генерал испытал такую боль и такое горе, видя, как части его войск таяли по дороге, поскольку у него не было средств их кормить, что 25 нивоза, через 15 дней после того, как он меня повысил в звании, он умер. Отец, будучи одним из первых дивизионных генералов, был временно назначен главнокомандующим итальянской армии, штаб которой находился в Ницце. Он отправился туда и поспешил отослать в Прованс остатки кавалерии, поскольку в Лигурии не было больше кормов. 1-й гусарский полк вернулся во Францию, но отец задержал меня с тем, чтобы я выполнял функции его адъютанта.

Во время нашего пребывания в Ницце отец получил от военного министра приказ принять командование авангардом Рейнской армии, куда с ним должен был отправиться и его начальник штаба полковник Менар. Мы были рады этому новому обстоятельству, поскольку нищета на наших глазах разрушала итальянскую армию, приводя ее в состояние полного хаоса. Казалось, что у нас больше нет сил удержаться дольше в Лигурии. Отец был отнюдь не против уехать из армии, находящейся в полном упадке, поскольку в конечном счете это должно было привести к позорному отступлению, вплоть до отхода на территорию Франции, за реку Вар. Отец готовился к отъезду, но он не хотел уезжать до того, как генерал Массена, назначенный на его место, прибудет сюда, и поэтому он отправил в Париж своего адъютанта г-на Го, для того чтобы он купил там карты и провел необходимую подготовку для новой кампании на Рейне. Но судьба распорядилась иначе, место могилы для моего несчастного отца было уготовано на итальянской земле.

Массена по прибытии обнаружил только тень армии: войска без содержания, почти без одежды, без обуви, получавшие только четверть рациона, умирающие от истощения или от страшных болезней, порожденных невыносимыми лишениями. Госпитали были переполнены, медикаментов не хватало. Банды солдат и целые полки ежедневно покидали свои посты и отправлялись в сторону моста через Вар, перейдя через который они отправлялись во Францию, рассеивались по Провансу. И при этом все они в один голос заявляли, что готовы вернуться, если им будут давать хлеб и провизию. Генералы были не в силах бороться против нищеты своих войск. Их отчаяние увеличивалось с каждым днем. Все просились либо в отпуск, либо под каким-нибудь предлогом, например, сказавшись больными, старались уехать.

Массена, конечно, надеялся, что в Италию к нему соберутся многие из тех генералов, которые помогали ему сражаться с русскими в Гельвеции. Среди этих людей были Сульт, Удино, Газан. Но ни один из них не приехал, и нужно было назначать новых, поскольку в этом была большая необходимость.

Массена родился в Турбин, городке в небольшом княжестве Монако. Он был очень хитрым итальянцем. Он не был знаком с моим отцом, но с первого же взгляда понял, что это человек широкой души, любящий свою родину больше всего на свете. Он сразу решил уговорить его остаться, надавив на самое больное место, а именно необходимость спасать страну. Он изо всех сил старался объяснить отцу, насколько было бы почетнее для него остаться служить в несчастной итальянской армии, чем ехать на Рейн, где дела Франции были во вполне хорошем состоянии. Он добавил даже, что готов взять на себя ответственность за неисполнение тех приказов правительства в случае, если он решит остаться. Отец, соблазненный этими речами и не желающий покинуть нового главнокомандующего в столь затруднительном положении, согласился остаться. Он не сомневался, что полковник Менар, его друг и начальник его штаба, откажется ехать на Рейн, как только узнает, что Марбо остается в Италии, однако все сложилось иначе. Менар предпочел выполнить полученный приказ, хотя его уверяли, что приказ будет аннулирован, если он согласится остаться в Италии. Отец тяжело переживал его отказ. Менар поспешил вернуться в Париж, где он принял предложение быть начальником штаба генерала Лефевра.

Отец отправился в Геную, где вступил в командование тремя дивизиями, из которых состояло правое крыло армии.

Несмотря на нищету, карнавал в этом городе прошел очень весело. Итальянцы любят развлекаться. Нас разместили во дворце Центуриона, где мы и провели конец зимы 1799 и 1800 годов. Отец оставил в Ницце Спира с основным багажом. Он пригласил полковника Сакле быть начальником его штаба. Это был очень уважаемый человек, хороший военный, с мягким характером, но деловой и серьезный. Секретарем у него был очень милый молодой человек по имени Колиндо, сын банкира Трепано, из Пармы, которого он подобрал в результате многих, слишком сложных для того, чтобы здесь на них останавливаться перипетий. Колиндо стал моим хорошим другом.

В начале весны 1800 года отец узнал, что генерал Массена назначил командующим правым крылом генерала Сульта, только что прибывшего и гораздо менее опытного, чем он. Отец получил приказ вернуться в Савону и принять командование над своей

бывшей третьей дивизией. Он подчинился, но его самолюбие было уязвлено.

Глава XI

Битвы при Кадибоне и Монтенотте. — Отступление правого крыла французской армии на Геную. — Отец ранен. — Осада и сопротивление Генуи. — Последствия. — Мой друг Трепано. — Смерть отца. — Голод и сражения. — Непоколебимая жесткость Массены

Немало больших событий зарождалось вокруг нас в Италии.

Массена получил некоторое подкрепление, восстановил порядок в армии, и началась подготовка знаменитой кампании 1800 года, той самой, которая привела к незабываемой осаде Генуи и битве при Маренго. Снега, покрывающие горы и разделяющие обе враждующие армии, начали таять. Австрийцы напали на нас, и их первые атаки были направлены на третью дивизию правого крыла, которую они хотели отрезать от центра и от левого фланга, отбросить ее от Савоны в сторону Генуи.

Как только начались военные действия, отец и полковник Сакле отправили в Геную всех неспособных принять участие в сражениях. Колиндо был среди них. Что касается меня, то я в этот период испытывал огромную радость. Меня приводил в восторг вид марширующих войск, шумное передвижение артиллерии. Неудержимое желание, свойственное молодому военному, принять участие в военных операциях переполняло мне грудь. Я был далек от мысли, что эта война обойдется мне столь дорого.

Дивизия отца, подвергшаяся жестокой атаке несравнимо превосходящих наши сил противника, в течение двух дней защищала знаменитые позиции у Кадибона и Монтенотте. Но, опасаясь окружения, она была вынуждена отступить к Вольтри и оттуда повернуть на Геную, где и соединилась с двумя другими дивизиями правого крыла.

Я слышал, как самые опытные генералы сожалели о необходимости отдалиться от центра нашей армии, но я в то время еще так мало понимал в войне, что ничуть не был обеспокоен этим. Я, конечно, понимал, что мы разбиты.

При Монтенотте я собственноручно захватил гусарского офицера полка Барко и завладел его плюмажем, который гордо прицепил к уздечке своей лошади. Мне казалось, что этот трофей придает мне сходство со средневековым рыцарем, возвращающимся с поля брани, нагруженным трофеями неверных. Мое детское тщеславие вскоре было подавлено ужасным событием. Во время отступления, именно в тот момент, когда отец приказал отвезти его приказ, пуля попала в его левую

ногу. В ту самую, которая уже была ранена во время войны в Пиренеях. Удар был такой силы, что отец упал бы с лошади, если бы не смог опереться на меня. Я отвез его с поля битвы, его перевязали. Я видел, как текла кровь, и, не выдержав, заплакал. Он старался меня успокоить, говоря, что военный должен быть более твердым.

Отца отвезли в Геную, во дворец Центуриона, в котором он жил в минувшую зиму. Наши три дивизии вошли в город, австрийцы блокировали его с суши, а англичане с моря.

Мне не хватает мужества описывать, что гарнизон и население Генуи вынесли за два месяца этой знаменитой осады. Голод, война и эпидемия тифа привели к страшным потерям. Из шестнадцати тысяч солдат гарнизон потерял десять. Каждый день на улицах подбирали по 700–800 трупов жителей разного возраста и пола и различного социального положения. Их стаскивали за церковь Кариньян в огромную яму, заполненную известью. Число жертв достигло тридцати тысяч, и почти всегда смерть была следствием голода.

Чтобы понять, до какой степени не хватало провианта, необходимо вспомнить, что прежнее генуэзское правительство для того, чтобы подчинить население города, еще в далекие времена захватило монополию на зерно, муку, хлеб, которые складировались в огромном помещении, защищенном пушками и охраняемом солдатами. Когда дожи или сенат хотели утихомирить возмущенных жителей или пресечь восстание, они закрывали государственные пекарни и усмиряли народ с помощью голода. Хотя в наше время генуэзская конституция уже претерпела большие изменения и аристократия имела очень мало привилегий, в городе по-прежнему не было ни одной частной пекарни. Городские же пекарни, обычно снабжавшие население, немногим превышающее 120 тысяч человек, были закрыты в течение 45 дней из тех 60 дней, в течение которых длилась осада. Ни у богатых, ни у бедных не было возможности добыть хлеба. Небольшое количество сухих овощей и риса, которыми располагали торговцы, было раскуплено по головокружительным ценам в самые первые дни осады. Только войска получали небольшой рацион, состоящий из четверти фунта лошадиного мяса и четверти фунта того, что называлось хлебом, представляющим собою жуткую смесь из испорченной муки, отрубей, крахмала, порошка, овса, зерен льна, остатков орехов и других продуктов плохого качества, которым придавали некоторую твердость, добавляя в них немного какао. Каждая такая булка укреплялась изнутри небольшими кусочками дерева, без чего он бы рассыпался в порошок. Генерал Тьебо в своем

дневнике описывал этот хлеб как нечто похожее на торф, смешанный с машинным маслом.

В течение 45 дней населению не продавали ни хлеба, ни мяса. Наиболее богатые жители смогли, и только в самом начале осады, достать немножко трески, фиги и другие сухие овощи и фрукты, а также немного сахара. Соль, вино и растительное масло были в достаточном количестве, но что значат эти продукты без более солидной пищи? В городе были съедены все собаки и кошки, после чего крысы стали стоить очень дорого. Голод и нищета были столь ужасны, что, когда французские солдаты совершали вылазки из ворот города, жители устремлялись за ними толпой — богатые и бедные, женщины, дети и старики, — начинали резать траву, крапиву и собирать листья, чтобы затем сварить их с солью. Генуэзское правительство приказало косить траву, которая росла на укреплениях, затем ее варили на городских площадях и распределяли между больными, у которых не было силы пойти и приготовить это грубое кушанье самостоятельно. Наши солдаты сами варили крапиву и всевозможные травы вместе с кониной. При этом самые богатые и знатные семьи генуэзцев завидовали этой роскоши, несмотря на отвращение, которое она вызывала, поскольку отсутствие кормов привело к тому, что все лошади были больны. Их убивали, и мясо шло в пищу.

В последний период осады крайняя степень страданий генуэзского народа вызывала ужас. Раздавались голоса, что в 1746 году отцы убили весь австрийский гарнизон и что сейчас надо бы попробовать так же освободиться и от французов, потому что, в конечном счете, лучше умереть сражаясь, чем умирать от голода, похоронив жен и детей. Признаки восстания были тем более опасны, что становились все более и более реальны, а англичане и австрийцы, безусловно, тотчас же поспешили бы на помощь восставшим.

Среди этих страшных опасностей и бедствий главнокомандующий Массена оставался спокойным и невозмутимым. Чтобы пресечь любую попытку неповиновения, он объявил, что французские войска получили приказ стрелять в любое собрание жителей, превышающее количество в четыре человека. Наши войска постоянно находились на площадях и главных улицах города, где располагались также и пушки, заряженные картечью.

Вы, безусловно, удивитесь тому, что генерал Массена проявлял такое упрямство в стремлении сохранить позиции, где он не мог не только прокормить население, но и с трудом поддерживать жизнь гарнизона. Но в то время Генуя играла

огромную роль в судьбе Франции. Наша армия была разделена: центр и левое крыло отступили за Вар, тогда как Массена заперся в Генуе, с тем чтобы удерживать часть австрийской армии и помешать ее наступлению на Прованс. Массена знал, что первый консул готовит в Дижоне, Лионе и Женеве резервную армию, с которой он предполагал перейти Альпы через перевал Сен-Бернар, вступить в Италию, застигнуть австрийцев врасплох, напав на их тылы, поскольку их единственной заботой в этот момент было отбить Геную.

Итак, мы были крайне заинтересованы как можно дольше сохранить власть над этим городом. Однако вернемся к тому, что происходило во время этой памятной осады.

Узнав, что раненого отца перевезли в Геную, Колиндо Трепано поспешил к нему на помощь, и мы встретились с ним у изголовья отцовской кровати. Он очень помог мне заботиться об отце, и я ему благодарен, тем более что среди лишений, в которых мы оказались, рядом с отцом не было никого, кто бы мог постоянно оказывать ему помощь. Все офицеры штаба получили приказ находиться при командующем. Вскоре у нас кончились продукты для слуг, и они были вынуждены взять ружья и встать в ряды сражающихся, чтобы иметь право на жалкий рацион, раздаваемый солдатам. Исключение было сделано только молодому слуге по имени Удан и берейтору, который заботился о лошадях. Но Удан нас покинул, как только узнал, что у отца обнаружили тиф.

Эта ужасная болезнь, точно так же, как чума, с которой у нее много общего, набрасывается, как правило, на раненых и на больных. Отец заболел тифом, и в момент, когда он больше всего нуждался в лечении, около него оставались только я, Колиндо и берейтор Бастид. Мы, как могли, выполняли предписания врача, не спали ни днем, ни ночью и натирали отца камфарным маслом, меняли ему белье. Отец мог есть только бульон, а для его приготовления в нашем распоряжении было только протухшее лошадиное мясо. Сердце мое разрывалось на части.

Провидение благоволило нам. Большие здания городских пекарен примыкали к стенам дворца, в котором мы жили. Террасы этих зданий соприкасались. Терраса перед городскими печами была огромна, там готовили смесь из молотых зерен разного происхождения, которую добавляли к плохой муке, чтобы приготовить хлеб для гарнизона. Берейтор Бастид заметил, что, как только рабочие уходили с террасы, ее покрывали стаи голубей, которые жили на колокольнях города. Они прилетали гуда, чтобы подбирать зерна, рассыпавшиеся по плитам пола. Бастид, большой умница, перепрыгивал на соседнюю террасу и

натягивал там различные веревочки и другие приспособления для поимки голубей, из которых затем мы варили бульон. Отец находил, что по сравнению с бульоном из конины он был просто великолепен.

К ужасам голода и тифа добавлялся кошмар беспощадных и непрекращающихся боев. Французы сражались весь день на суше против австрийцев, а как только наступала ночь, которая прекращала сухопутные атаки, английский, турецкий и неаполитанский флоты приближались к берегу и начинали беспощадную стрельбу по французским войскам, причиняя им ужасающие потери. Таким образом, у нас не было ни минуты передышки.

Гром пушек, крики раненых, стоны умирающих доносились до слуха моего отца и приводили его в крайнее волнение. Он сокрушался, что не может встать во главе своей дивизии. Подавленное моральное состояние ухудшало физическое. Болезнь день ото дня становилась все серьезнее. Он заметно слабел. Ни Колиндо, ни я не оставляли его ни на минуту.

Однажды ночью, когда я, сидя на коленях возле кровати, промывал его рану, он обратился ко мне в полном сознании и, ощущая приближение конца, положив руку мне на голову, погладил меня по волосам. «Бедное дитя, — сказал он, — что с тобой будет, одним, без поддержки, среди ужасов этой осады?» Он еще пробормотал несколько слов, среди которых я разобрал только имя матери, затем его рука упала и он закрыл глаза.

Хотя я был еще очень молод и на военной службе был недавно, я тем не менее повидал уже много смертей на поле брани и много мертвых на улицах Генуи, но они умирали средь белого дня, в своей одежде, что производило совсем другое впечатление, нежели человек, умерший в своей кровати. Свидетелем такой печальной картины я был впервые. Мне казалось, что отец просто уснул. Колиндо догадался об очевидном, но у него не хватало смелости назвать вещи своими именами, и только спустя несколько часов, когда приехал г-н Лашез и я увидел, как он натянул простыню на лицо отца со словами: «Это ужасная потеря для семьи и для друзей!», меня покинули спасительные иллюзии. Только в этот момент я понял размеры моего несчастья. Мое отчаяние было столь велико, что оно тронуло даже Массену, сердце которого нелегко было разжалобить, особенно в тех обстоятельствах, когда он нуждался в исключительной твердости характера. Критическое положение заставило его принять ужасное для меня решение. Но если бы я сам был командиром гарнизона осажденного города, мне трудно было бы поступить иначе.

Чтобы избежать всего, что могло ослабить моральный дух войск, генерал Массена запретил торжественные похороны. Он знал, что моей целью было, конечно, сопровождать его до могилы, и очень боялся, что войска, умиленные видом рыдающего молодого офицера, только что вышедшего из детства, идущего за гробом своего отца, дивизионного генерала, предадутся излишней чувствительности и унынию. На следующий день, рано утром, Массена пришел в комнату, где покоился отец, и, взяв меня за руку, вывел в самые отдаленные покои дворца, в то время как, согласно его приказу, двенадцать гренадеров, сопровождаемые одним офицером и полковником Сакле, молча подняли гроб и понесли его к временной могиле, вырытой в стороне от береговых укреплений. Только после того, как вся церемония была окончена, Массена объяснил мне мотивы своего решения. Нет, я не мог, конечно, выразить своего отчаяния, в которое я впал, услышав его слова. Но в этот момент мне показалось, что я второй раз потерял отца, которого теперь у меня украли. Все упреки были бесполезны. Мне оставалось только пойти и помолиться на свежей могиле. Я, естественно, не знал, где она находится, но мой друг Колиндо издали следил за печальной процессией, и он меня туда проводил. Этот добрый молодой человек в тяжелых обстоятельствах проявил трогательную симпатию в отношении меня, в то время как каждый занимался только своими собственными делами.

Почти все офицеры штаба отца были либо убиты, либо умерли от тифа. Из 11 человек, которые были с ним в начале кампании, оставались в живых только двое: коммандан Р*** и я. Но Р*** был занят своей службой и не оказывал никакой поддержки сыну своего бывшего генерала. Он продолжал жить один в городе. Г-н Лашез меня также оставил. Только добрый полковник Сакле проявил ко мне определенный интерес, но главнокомандующий поручил ему командование бригадой, и он все время должен был проводить на городских стенах. Таким образом, я оставался совершенно один в огромном дворце Центуриона с Колиндо, Бастидом и старым швейцаром.

Не прошло и недели с момента смерти отца, как главнокомандующий Массена, которому были нужны в большом количестве офицеры свиты, поскольку каждый день их во множестве убивало или ранило, приказал мне идти к нему адъютантом, так же как г-ну Р*** и всем другим офицерам из штабов убитых генералов. Целый день я сопровождал главнокомандующего во время сражений. Когда же меня больше не задерживали в штабе дела, я возвращался ночью к Колиндо, мы вместе шли среди заполнявших улицы тел умирающих и

трупов мужчин, женщин и детей к могиле отца, чтобы помолиться над ней. Голод распространялся с ужасающей быстротой. По приказу главнокомандующего каждому офицеру оставлялась только одна лошадь, все остальные животные должны были быть отправлены на бойню. После отца осталось несколько лошадей, и мне было чрезвычайно тяжело узнать, что этих несчастных животных должны были убить тоже. Я спас им жизнь, предложив офицерам штаба обменять их на своих старых лошадей, которые и были отосланы на бойню. Позднее потеря этих лошадей была оплачена государством по представлении приказа о поставках, и я сохранил эти приказы как удивительный памятник того времени. На нем стоит подпись генерала Удино и главнокомандующего Массены.

Тяжелая утрата, которую мне пришлось понести, положение, в котором я оказался, вид кошмарных сцен, при которых приходилось мне присутствовать каждый день, заставили меня значительно быстрее возмужать, нежели многие годы прежнего безоблачного существования. Я понял, что нищета, голод и лишения осады сделали бессердечными эгоистами всех тех, кто еще несколько месяцев назад расточал любезности перед моим отцом. Я должен был найти достаточно сил, не только чтобы выжить самому, но также чтобы служить поддержкой Колиндо и Бастиду. Самым важным было изыскать способ, как их накормить, поскольку они не получали продовольствия от армии. Будучи офицером, я имел право на две порции лошадиного мяса, две порции хлеба. Но все это, взятое вместе, составляло не более фунта плохой пищи, а нас было трое. Теперь нам редко удавалось поймать голубей, число которых быстро сокращалось. В качестве адъютанта главнокомандующего я имел место за его столом, где один раз в день подавали небольшие порции хлеба, жареной конины и гороха. Но я был настолько обижен тем, что генерал Массена меня лишил печального утешения проводить гроб моего отца, что никак не мог решиться пойти и занять свое место за его столом, хотя все мои товарищи советовали мне это сделать. Однако желание помочь двум своим несчастным товарищам заставило меня смириться и пойти обедать за стол командующего. С этого момента Колиндо и Бастид каждый имели по четверти фунта хлеба и столько же лошадиного мяса. Однако мне все равно недоставало пищи, поскольку за столом главнокомандующего порции были очень маленькими, а служба была тяжелая. Я чувствовал, как силы постепенно оставляют меня. Мне случалось, например, даже ложиться на землю на несколько минут, чтобы не потерять сознание.

Провидение еще раз пришло нам на помощь. Бастид родился

в Кантале[27], и прошедшей зимой он встретил еще одного овернца, своего старого знакомого, который занимался небольшой торговлей в Генуе. Он отправился повидать его и, войдя в дом, был потрясен запахом, который царил в бакалейной лавке. Он поделился своим впечатлением со своим другом и добавил: «У тебя что, есть продукты?» Тот подтвердил, но попросил его об этом молчать, поскольку, как только у частных лиц находили какие бы то ни было припасы, их тотчас же реквизировали на склады армии. Бастид сразу же пообещал ему, что у него купят часть продуктов и заплатят тут же, сохраняя при этом полную тайну. После чего он отправился рассказать мне о своем открытии. Отец оставил несколько тысяч франков. Я сразу же согласился на сделку и попросил принести мне побольше трески, сыра, фиников, сахара и шоколада. Все это было страшно дорого. Овернец забрал у меня почти все мои деньги, но я чувствовал себя слишком счастливым, чтобы думать об этом, потому что каждый день в штабе я слышал, что осада должна продолжаться еще довольно долгое время. А голод в ее продолжении мог только усиливаться, что, к несчастью, и происходило с нами. Что удваивало мое счастье, так это то, что, обладая этими продуктами, я мог спасти жизнь моему другу Колиндо, который без этого буквально умер бы от голода, поскольку не знал в армии никого, кроме меня и полковника Сакле, которого вскоре постигло ужасное несчастье, и вот при каких обстоятельствах.

Атакованный со всех сторон, генерал Массена, видя, как от голода и постоянных сражений тают его войска, вынужденный сдерживать огромное население в состоянии полного отчаяния, находился в самом критическом положении и прекрасно понимал, что необходимо установить железную дисциплину. Поэтому любой офицер, который бы не исполнил в точности его приказания, был неумолимо лишаем звания, согласно законам того времени, дававшим ему на это право. Во время одной вылазки за стены города бригада под командованием полковника Сакле не оказалась в указанный час в долине, где она должна была отрезать путь отступления австрийцам. Они сумели спастись. Командующий, взбешенный тем, что его расчеты не увенчались успехом, лишил несчастного полковника Сакле его звания и издал приказ об этом в тот же день. Сакле был слишком честным малым. Оказавшись в таком положении, он, конечно бы, застрелился, если бы не считал, что прежде нужно восстановить честь. Он взял ружье и занял место среди простых солдат. Однажды он пришел повидаться с нами. Колиндо и я очень переживали, видя, что этот замечательный человек был теперь

одет в форму простого пехотинца. После капитуляции противника он был восстановлен в звании полковника первым консулом по просьбе самого Массены, на которого Сакле произвел большое впечатление своей смелостью. На следующий год, когда мир в Европе восстановился, Сакле, желая полностью смыть с себя незаслуженный упрек, попросил отправить его на Сан-Доминго, где он был убит, когда уже был готов приказ о назначении его бригадным генералом. Есть люди, которые, несмотря на свои достоинства, одарены очень жестокой судьбой. Сакле был одним из этих людей.

Глава XII

Эпизоды осады. — Пленение трех тысяч австрийцев. — Их ужасный конец на понтонах. — Постоянные атаки с суши и с моря

Я могу только очень кратко рассказать об операциях во время осады, о блокаде, которую нам пришлось выдержать. В те времена со стороны моря Генуя была укреплена старой стеной с башнями, однако основная сила его обороны заключалась в том, что он был окружен горами, вершины и склоны которых были укреплены оборонительными сооружениями и редутами. Австрийцы без конца атаковали эти позиции. Как только им удавалось захватить одну из них, мы отправлялись туда, чтобы ее отбить. На следующий день все повторялось снова. Если только им удавалось захватить ее, мы ее тут же отбивали. Это была бесконечная чехарда, но в результате мы остались хозяевами положения. Эти сражения бывали иногда очень горячими. В одной из таких схваток генерал Сульт, правая рука Массены, направлялся в Монте-Корону во главе своих колонн. Ему предстояло отбить форт, носящий то же имя, оставленный нами накануне. В этот момент пуля ранила его в колено, и враги, будучи гораздо более многочисленными, бегом стали спускаться с вершины горы в долину. Было абсолютно невозможно, чтобы мы со своим очень малочисленным войском могли противостоять этому потоку. Надо было отступать. В течение некоторого времени солдаты несли Сульта на своих ружьях, но нестерпимые боли, которые он испытывал, заставили его приказать положить его у подножия дерева, где с ним остался его брат и один из его адъютантов, чтобы защитить его от первых яростных нападок врага. К счастью, он оказался захвачен офицерами, которые испытывали большое уважение к своему знаменитому пленнику. Захват генерала Сульта удвоил боевой дух австрийцев, и они быстро оттеснили нас к самым стенам города. Они предполагали немедленно идти на штурм, но в этот момент лазурное до сих пор небо потемнело и разразилась жуткая буря.

Дождь лил потоками. Австрийцы остановились, и большинство из них стали искать убежище, пытаясь спрятаться под деревьями. Тогда генерал Массена, исключительным качеством которого было умение поставить на пользу себе любые неожиданные превратности войны, обратился к своим солдатам, поднял их дух, подкрепил их несколькими отрядами, вызванными из города, и заставил скрестить штыки с австрийцами, не обращая внимание на ливень и бурю. Австрийцы, не ожидавшие

такого натиска и удивившиеся нашей отваге, в беспорядке бежали. Массена преследовал их с таким рвением, что ему удалось отрезать целый корпус гренадеров, состоявший из трех тысяч человек, и заставить их сложить оружие.

Далеко не первый раз мы брали пленных. Их общее число с начала осады доходило до восьми тысяч. Но у нас не было провианта, чтобы кормить их, и главнокомандующий, как правило, отправлял их обратно, при условии, что они в течение шести месяцев не поднимут оружие против нас. Офицеры свято держали обещание. Что касается несчастных солдат, то, возвращаясь в австрийский лагерь, они просто не знали об обязательствах, которые их командиры приняли за них на себя. Как правило, их включали в другие полки. И они вынуждены были сражаться против французов. Если они снова попадали в наши руки, то мы их снова возвращали. Таким образом, образовалось большое количество людей, которые, по их собственному признанию, попадали в плен четыре, пять и более раз. Генерал Массена, возмущенный тем, что австрийские генералы не держат слова, на этот раз решил оставить все три тысячи гренадеров, которых он захватил, офицеров и солдат вместе. Но чтобы не обременять охраной этих пленных свои войска, он отослал несчастных на корабли, находившиеся на причале в порту, и приказал направить часть береговых орудий на эти корабли. Затем он отправил парламентария к генералу Отту, командовавшему австрийским осадным корпусом, чтобы упрекнуть его в отсутствии доброй воли и предупредить, что может давать этим пленным только половину рациона французского солдата. Он добавлял еще, что согласился бы на то, чтобы австрийцы договорились с англичанами и те каждый день подвозили бы на лодках провиант пленным и не оставляли бы их до тех пор, пока те не съедят привезенную пищу, чтобы никто не мог сказать, что Массена воспользовался пленными, чтобы распределить полученные продукты среди своего собственного войска. Австрийский генерал, надеясь, что отказ заставит Массену вернуть ему три тысячи человек, которые он рассчитывал, возможно, снова бросить против нас, отказал ему в этом филантропическом предложении. Тогда Массена исполнил то, что обещал.

Рацион француза состоял, как известно, из четверти фунта жуткого хлеба и такой же части лошадиного мяса, пленники же получали только половину этой порции, то есть каждый день у них была лишь четверть фунта пищи на весь день. Это произошло за 15 дней до окончания осады. Все это время эти несчастные находились на этом рационе. Напрасно каждый день генерал

Массена повторял свое предложение вражескому генералу, тот не соглашался. Возможно, из-за упрямства, возможно, из-за того, что английский адмирал (лорд Кейт) не хотел предоставить свои шлюпки из боязни, чтобы они не вернулись зараженными тифом и не погубили бы весь флот. Как бы там ни было, но несчастные австрийцы выли от бешенства и голода на понтонах. Это было действительно ужасно. После того как они съели свои ботинки, вещевые мешки, патронные сумки и, может быть, даже несколько трупов, почти все они умерли от истощения. Их оставалось семьсот или восемьсот человек, когда наконец город был сдан нашим врагам, и австрийские солдаты, войдя в Геную, бросились в порт и тут же поспешили дать еду своим соотечественникам. Следствием этой неосторожности стало то, что все те, кто пережил голод, сразу же умерли от переедания.

Я решил привести этот ужасный эпизод, прежде всего чтобы показать, к чему приводят лишения военного времени, а также чтобы описать недостойное поведение и отсутствие доброй воли у австрийского генерала, который принуждал своих несчастных солдат, попавших изначально в плен и возвращенных под честное слово, вновь браться за оружие против нас, хотя он был обязан их отослать в Германию.

Во время многочисленных сражений, сопровождавших осаду Генуи, я сам подвергался многим опасностям. Приведу здесь только два основных случая.

Я уже упоминал, что австрийцы и англичане сменяли друг друга, с гем чтобы все время держать нас под ударом. Первые атаковали нас на заре со стороны суши и сражались в течение всего дня, а ночью шли отдыхать. В это время флот лорда Кейта начинал нас бомбардировать со стороны моря, стараясь захватить порт благодаря наступившей темноте. Поэтому наш гарнизон был в постоянном напряжении, не имея ни одной минуты передышки.

Однажды ночью, когда бомбардировка была более жестокой, чем обычно, генерал Массена был предупрежден, что при свете бенгальских огней, зажженных на пляже, были замечены многочисленные английские лодки, нагруженные солдатами, приближающиеся к портовым укреплениям. Он тотчас же сел на коня и со всем своим штабом и одним эскадроном отправился на место события. Нас было примерно 150–200 кавалеристов, когда, проезжая по небольшой площади Компетто, главнокомандующий остановился, чтобы обратиться к офицеру, возвращающемуся из порта. В этот момент раздался крик: «Осторожно, бомбы!» Все взоры обратились к нему, и мы увидели огромный шар раскаленного железа, готовый упасть на эту группу людей и лошадей, зажатых в небольшом пространстве.

В этот момент я находился около стены большого особняка, над дверью которого нависал мраморный балкон. Я направил лошадь под балкон, и многие близстоящие офицеры сделали то же самое. Но именно на этот балкон и упала бомба. Она разбила его в мелкие кусочки, отскочила на мостовую и разорвалась посередине площади со страшным шумом, осветив на мгновение все жутковатым пламенем. И вдруг наступила полная темнота. Все ожидали огромных потерь. Стояла мертвая тишина, прерванная голосом генерала Массены, который спрашивал, есть ли раненые. Никто не отвечал, потому что по чудесному случаю ни один осколок бомбы не задел ни людей, ни лошадей, столпившихся на этой маленькой площадке. Что касается тех, кто, как я, спрятались под балконом, то они были покрыты пылью, осколками плит колонн, но никто не был ранен.

Я уже говорил, что обычно англичане бомбардировали нас ночью, но однажды, когда они отмечали какой-то праздник, их флот, разукрашенный по этому случаю, приблизился к городу в полдень и развлекался тем, что посылал в нашу сторону довольно большое количество снарядов. Батарея, предназначенная для защиты порта, располагалась в укреплении, представляющем собой большой бастион в форме башни под названием «Фонарь».

Главнокомандующий поручил мне отвезти командиру батареи приказ, согласно которому он мог стрелять только после очень точной наводки и сосредоточить весь огонь на английском бриге, который в стороне от других бросил якорь вблизи «Фонаря». Наши артиллеристы выстрелили с такой точностью, что одна из бомб попала в английский бриг, расколов его от палубы до киля так, что он затонул в одно мгновение. Это так возмутило английского адмирала, что он тут же подогнал остальные корабли ближе к нашему укреплению и открыл по этому бастиону страшнейший огонь.

Окончив свою миссию, я должен был вернуться к Массене, но правы те, кто говорит, что молодые военные, еще не зная как следует, что такое опасность, подставляют себя ей с большим хладнокровием, чего никогда не делают испытанные вояки. Все это зрелище, невольным свидетелем которого я стал, меня очень заинтересовало. Внутреннее пространство бастиона, отделанное каменными плитами, было не более двора средней величины, в нем находилось двенадцать орудий на огромных лафетах. Хотя для корабля, находящегося в море, очень непросто вести точный огонь по такой маленькой цели, англичане тем не менее произвели несколько залпов по «Фонарю». В момент, когда бомбы долетали, артиллеристы прятались под огромными лафетами. Я делал как они, но это укрытие было ненадежно, потому что

бомбы не могли пробить каменную облицовку и катились по ней, рассыпая осколки в разные стороны. Было абсолютно глупо оставаться там, особенно для меня, поскольку я не должен был вообще здесь находиться. Но я испытывал жуткое удовольствие, если можно так выразиться, бегая вместе с артиллеристами взад и вперед, спасаясь от осколков падающих бомб и возвращаясь на место, как только осколки прекращали движение.

Эта игра могла мне обойтись очень дорого. У одного канонира были перебиты ноги, другие солдаты были серьезно ранены, поскольку осколки бомб — большие куски железа производили немалые разрушения. Один из них расколол пополам толстую балку лафета, под которым я прятался. Тем не менее я оставался на бастионе, когда генерал Мутон, ставший впоследствии маршалом и графом Лобау, служивший некогда под командованием моего отца, вдруг увидел меня и, приблизившись к нашему укреплению, приказал мне идти туда, где и было мое место, то есть к главнокомандующему. Он добавил: «Вы еще очень молоды, но запомните, что подвергаться бесполезным опасностям — это безумие, особенно на войне. Вы что, думаете, что вы очень продвинетесь в своей карьере, если у вас будет раздроблена нога, без всякой пользы для вашей страны?»

Я навсегда запомнил этот урок, за который всегда буду благодарен маршалу Мутону, и я часто думаю о том, насколько иначе сложилась бы моя судьба, если бы я потерял ногу в 17 лет.

Глава XIII

Бонапарт переходит через Сен-Бернарский перевал. — Массена ведет переговоры об эвакуации Генуи. — Моя миссия при Бонапарте. — Битва при Маренго. — Возвращение в семью. — Крайний упадок сил

Отважное упорство, с каким Массена защищал Геную, увенчалось немалыми результатами. Начальник эскадрона Франчески, посланный Массеной к первому консулу, сумел пройти и вернуться назад через вражеский флот под прикрытием ночи. Он вернулся в Геную 6 прериаля и объявил, что оставил Бонапарта на склоне высот Сен-Бернара во главе резервной армии. Фельдмаршал Мелас[28] был настолько убежден в невозможности провести армию через Альпы, что в то время, как часть его армии под командованием генерала Отта блокировала нас, он с остальными войсками удалился от нее на 50 лье, чтобы атаковать генерала Сюше в Наварре и наступать потом на Прованс. Что, в конечном итоге, облегчило первому консулу возможность без сопротивления оказаться в Италии. В результате Резервная армия вошла в Милан еще до того, как австрийцы, наконец, перестали считать ее существование полной химерой. Сопротивление Генуи произвело коренной поворот событий в пользу Франции. Оказавшись в Италии, первый консул хотел, безусловно, как можно скорее прийти на помощь храброму гарнизону, защищавшему город, но для этого надо было дождаться объединения всех войск, собрать артиллерийский парк, военное снаряжение, перевоз которого через альпийские перевалы был крайне затруднен. Промедление позволило маршалу Меласу вернуться в Ниццу с основными силами и оказать сопротивление первому консулу, который с этого момента больше не мог прийти на помощь осажденным, не разбив предварительно австрийскую армию.

В то время как в Пьемонте и в окрестностях Милана Бонапарт и Мелас совершали марши и контрмарши, готовясь к сражению, которое должно было решить судьбу Италии и Франции, генуэзский гарнизон находился на пороге гибели. Тиф свирепствовал, госпитали превращались в жутчайшие склады трупов. Голод свирепствовал. Почти все лошади были съедены, при том что основные войска уже давно получали только полфунта очень плохой пищи в день. Рацион каждого следующего дня не был обеспечен. Не оставалось практически никаких припасов, когда 15 прериаля главнокомандующий собрал у себя

всех генералов и полковников и объявил им, что он решил попытаться прорваться с теми людьми, которые еще оставались на ногах, чтобы добраться до Ливорно. Но все офицеры единогласно заявили ему, что войска не в состоянии выдержать ни одного сражения, ни даже просто одного перехода, если перед выступлением им не дать более-менее нормальной пищи, которая восстановила хотя бы немного их силы. Но все запасы были исчерпаны.

Считая, что он выполнил приказ первого консула, обеспечив ему проход в Италию, генерал Массена решил, что теперь долг состоит в том, чтобы спасти остатки гарнизона, который так мужественно сражался. Поэтому он и принял решение начать переговоры об *эвакуации* города, не желая даже произносить слово *капитуляция.*

Уже более месяца английский адмирал и австрийский генерал Отт предлагали генералу Массене переговоры, от которых он все время отказывался. Но, в конце концов, под давлением обстоятельств он приказал сообщить им, что он согласен. Переговоры состоялись в небольшой часовне посередине моста Конельяно. По своему расположению это место находилось на примерно равном удалении от моря и боевых позиций французов и австрийцев. Французский, австрийский, английский штабы расположились по обе стороны моста. Я присутствовал на этой встрече, исполненный громадного интереса.

Иностранные генералы проявили в отношении Массены особые знаки внимания, уважения и почтения, хотя он поставил им очень невыгодные условия. Адмирал Кейт каждую минуту повторял ему: «Господин генерал, ваша оборона была слишком героической, чтобы было возможно отказать вам!..» Было решено, что гарнизон не будет пленен, что он сохранит при себе оружие, отправляясь в Ниццу, и сможет на следующий же день, по прибытии в этот город, принять участие в военных действиях.

Прекрасно понимая, насколько важно было, чтобы первый консул не совершил никакого неосторожного движения в желании прийти на помощь Генуе, генерал Массена попросил, чтобы в договоре было указано, что офицерам разрешается проход через австрийские войска, для того чтобы отправиться к первому консулу и проинформировать его об эвакуации города французскими войсками. Генерал Отт воспротивился этому, потому что он рассчитывал в скором времени отправиться с 25 тысячами солдат блокадного корпуса на соединение с фельдмаршалом Меласом и не хотел, чтобы французские офицеры, посланные Массеной, предупредили первого консула о

его маневре. Однако адмирал Кейт сумел устранить это противоречие.

В тот момент, когда все уже собрались подписать договор, вдали, в горах, раздались пушечные выстрелы. Массена положил перо и воскликнул: «А вот и первый консул, который прибывает со своей армией!..» Генералы застыли в изумлении, но после длительного ожидания они поняли, что шум этот был вызван громом, и Массена решился заключить договор.

Сожаления вызывали не только потеря части славы, которую гарнизон и его командиры заслужили бы, если бы продержались в Генуе до прихода первого консула, но Массена хотел, протянув сопротивление всего несколько дней, задержать отбытие корпуса генерала Отта на помощь к фельдмаршалу Меласу. Но эти опасения, хотя и очень обоснованные, не оправдались, так как генерал Отт смог соединиться с австрийской армией только на следующий день после битвы при Маренго. Впрочем, результат этого сражения был бы совсем другим для нас, если бы австрийцам удалось бы направить против нас еще 25 тысяч человек. Таким образом, тот отвлекающий маневр, который Массена проделал, защищая Геную, не только открыл проход через Альпы и предоставил Милан Бонапарту. Он еще освободил его от 25 тысяч вражеских солдат в день битвы при Маренго.

Австрийцы вошли в Геную 16 прериаля, ровно через два месяца после начала осады.

Наш главнокомандующий придавал такое большое значение тому, чтобы первый консул был вовремя предупрежден о договоре, который он подписал, что он выправил охранное свидетельство сразу для двух адъютантов, с тем чтобы, если один заболеет, другой мог бы отвезти послание. И поскольку было бы желательно, чтобы офицер, которому была поручена эта миссия, говорил по-итальянски, генерал Массена поручил это коммандану[29] Грациани, пьемонтцу или римлянину, находящемуся на службе Франции. Однако наш главнокомандующий был одним из самых подозрительных людей, какие когда-либо существовали на свете, и, боясь, что иностранец уступит уговорам австрийцев и не выполнит свою миссию с достаточным тщанием, призвал меня к себе и попросил, в частности, поторапливать его до тех пор, пока мы не доберемся до первого консула. Это пожелание было излишним, так как господин Грациани был человеком, исполненным самых лучших чувств, и прекрасно понимал важность своей миссии.

Мы отправились 16 прериаля из Генуи, и я оставил Колиндо, которому обещал вскоре вернуться за ним, поскольку было известно, что армия первого консула уже недалеко. Уже на

следующий день Грациани и я приехали в Милан.

Генерал Бонапарт обошелся со мной с большим вниманием, говоря о понесенной мной потере, и обещал, что, если я буду хорошо себя вести, он заменит мне отца. Он сдержал свое слово. Он не уставал расспрашивать Грациани и меня о том, что происходило в Генуе, а также о силах и передвижениях австрийских корпусов, которые мы проезжали по дороге в Милан. Он задержал нас у себя и заставил одолжить нам лошадей из своих конюшен, поскольку мы приехали на почтовых мулах.

Мы последовали за первым консулом в Монтебелло, а затем и на поле битвы при Маренго, где нас задействовали для передачи его приказов войскам. Я не буду останавливаться в деталях на этом памятном сражении, где со мной не случилось ничего плохого. Как известно, мы были на грани поражения и, несомненно, проиграли бы это сражение, если бы 25 тысяч солдата корпуса Отта прибыли вовремя на поле сражения. Первый консул ожидал их появления каждую минуту, поэтому был крайне беспокоен. К нему вернулись его уверенность и веселость только после того, как наша кавалерия и пехота генерала Дезе, о смерти которого он еще не знал, решили исход сражения, разбив колонну австрийских гренадеров генерала Цаха. Заметив, что моя лошадь была слегка ранена в круп, первый консул взял меня за ухо, потрепал и сказал, смеясь: «Я тебе одолжу моих лошадей, чтобы ты их так же отделал!» Грациани умер в 1812 году, и я теперь единственный французский офицер, который участвовал и в осаде Генуи, и в битве при Маренго.

После этих памятных событий я вернулся в Геную, откуда австрийцы ушли после подписания договора, ознаменовавшего нашу победу. Я застал там Колиндо и коммандана Р***. Я посетил могилу своего отца, и затем мы сели на французский бриг, который за 24 часа доставил нас в Ниццу. Через несколько дней на ливорнском корабле за своим сыном приехала мать Колиндо. С этим замечательным молодым человеком мы пережили немало тяжелых испытаний, которые связали нас дружбой. Но наши судьбы были различны, и нам пришлось расстаться, несмотря на самые горькие сожаления.

Я уже говорил, что во время осады адъютант Франчески, который доставлял депеши от генерала Массены первому консулу, сумел пройти во Францию под прикрытием ночи между кораблями английского флота. Благодаря ему мои близкие узнали о смерти отца. Мать, узнав об этом, создала попечительский совет и послала старому Спиру, оставшемуся в Ницце с экипажами моего отца, приказ все продать и тотчас же возвращаться в Париж, что он и сделал. Ничто меня больше не

задерживало на берегах Вара, и я поспешил увидеть свою матушку. Однако это было не так-то просто, поскольку в это время городских экипажей было мало. Экипаж, шедший из Ниццы в Лион, ходил только раз в два дня. Места в нем занимали уже за несколько недель до отправки, поскольку было много раненых и больных офицеров, спешивших, как и я, из Генуи по домам. Чтобы выйти из столь затруднительного положения, в котором мы оказались, коммандан Р***, два полковника и дюжина офицеров вместе со мною решили образовать небольшой караван, с тем чтобы дойти до Гренобля пешком, и следовать дальше через Грасс, Систерон, Динь и Гап. Багаж наш везли мулы, и это позволило нам делать в день от 8 до 10 лье. Бастид был со мной и очень мне помогал, поскольку я совсем не привык преодолевать большие расстояния пешком, к тому же по такой жаре. После восьми дней тяжелого перехода мы достигли Гренобля, где нашли экипажи, которые перевезли нас в Лион. Мне трудно было находиться в этом городе, в особняке, в котором я жил с моим отцом в более счастливые времена. Я очень хотел и в то же время боялся оказаться рядом с матерью и братьями. Мне казалось, что они потребуют от меня отчета, что же я сделал для спасения их мужа и отца. Я возвращался один, оставив его в могиле на чужой земле. Мое отчаяние было неописуемо. Мне необходим был друг, который бы понял это и разделил со мной горе, в то время как г-н Р*** после испытанных нами лишений был счастлив, видя везде изобилие вкусной пищи, и предавался безумному веселью, что надрывало мое сердце. Вот почему я решил отправиться в Париж без него. Однако он посчитал своим долгом, хотя я его об этом не просил, сопровождать меня и передать в руки моей матери. Таким образом, я был вынужден терпеть его до самого Парижа, куда мы отправились почтовыми экипажами, поскольку по дороге случались такие сцены, которые невозможно описать.

Я не буду останавливаться на моем первом свидании с матерью и братьями, полном отчаяния. Вы можете себе это представить.

Адольфа в Париже не было, он находился в Ренне, рядом с Бернадоттом, главнокомандующим Западной армией. Мать жила в прелестном деревенском доме, в Карьере, недалеко от Сен-Жерменского леса. Я провел там два месяца с ней, с моим дядей Канробером, возвратившимся из эмиграции, и старым мальтийским рыцарем господином д'Эстрессом, бывшим другом моего отца. Мои юные братья время от времени присоединялись к нам, и, несмотря на все их знаки внимания и привязанности, которыми они меня окружали, я впал в глубокую меланхолию. Мое здоровье пошатнулось. Я столько выстрадал, и морально и

физически, что был не способен работать. Чтение, которое я обычно так любил, стало для меня невыносимым. Большую часть дня я проводил в одиночестве в лесу или лежал в тени деревьев, где погружался в свои печальные размышления. По вечерам я сопровождал мать, дядю и старого шевалье в их обычной прогулке по берегам Сены, но очень редко принимал участие в общем разговоре и скрывал от них свои печальные мысли, которые все время возвращали меня к моему несчастному отцу, умершему из-за отсутствия медицинской помощи. Хотя мое состояние и очень беспокоило мать, дядю Канробера, господина д'Эстресса, они тем не менее не стали его усугублять излишними замечаниями, которые бы только бередили больную душу. Они постарались как можно больше отвлекать меня от грустных воспоминаний, которые разрывали мне сердце, и поспешили ускорить приезд двух моих младших братьев. Присутствие этих ребят, которых я очень любил, было хорошим лекарством от печальных дум. Я начал заботиться о том, чтобы сделать их присутствие в Карьере приятным. Я возил их в Версаль, в Мезон, в Марвиль, и их наивное восхищение благотворно влияло на мою больную душу, которая была так жестоко искалечена всеми несчастьями. Кто мог бы подумать тогда, что эти прелестные дети, полные жизни, в скором времени уйдут из жизни!

Глава XIV

Меня назначают адъютантом в штаб Бернадотта. — Штаб Бернадотта. — В Туре мы организуем резерв и Португальской армии

Кончалась осень 1800 года. Мать вернулась в Париж, мои младшие братья уехали в свой коллеж, а я получил приказ отправляться в Ренн к главнокомандующему Бернадотту. Он был лучшим другом моего отца, которому в различных обстоятельствах отец оказал немало услуг. Желая засвидетельствовать благодарность моей семье, Бернадотт написал мне, что оставил за мной место адъютанта. Я обнаружил его письмо по возвращении в Ниццу из Генуи, и это определило мой отказ Массене, предлагавшего мне быть его адъютантом и разрешающего мне пробыть еще несколько месяцев у матери и только потом присоединиться к его армии в Италии.

Отец требовал, чтобы мой брат продолжил учение, чтобы поступить затем в Политехническую школу. Адольф еще не был военным, когда мы потеряли отца, но, узнав об этом печальном событии, все его существо возмутилось при мысли, что его младший брат уже офицер и участвовал в военных действиях, тогда как он продолжал учиться. Он отказался от продолжения учебы и предпочел немедленно пойти в пехоту, что ему позволяло тотчас же оставить школу. Счастливый случай не заставил себя ждать. Правительство только что издало приказ о создании нового полка, который формировался в департаменте Сены. Офицеры этого корпуса должны были быть предложены генералом Лефевром, который, как вы помните, заменил моего отца на посту командующего Парижской дивизией. Генерал Лефевр воспользовался этим случаем, чтобы оказаться полезным сыну одного из своих бывших товарищей, погибшим, выполняя свой долг. Он назначил моего брата младшим лейтенантом в эту новую часть. До сих пор все шло хорошо, но вместо того, чтобы ехать и соединиться со своей ротой, не дождавшись моего возвращения из Генуи, Адольф поспешил отправиться в Ренн в войско Бернадотта. И Бернадотт, не вдаваясь в детали, отдал место тому из двух братьев, который приехал первым, так, как если бы речь шла о призе на скачках. Таким образом, когда я прибыл в Ренн в штаб Западной армии, я узнал, что мой брат получил диплом штатного адъютанта у главнокомандующего и что я стал только вторым адъютантом, то есть временным. Я был глубоко разочарован, потому что, если бы я ожидал такого

поворота событий, я бы принял предложение генерала Массены, но теперь уже было поздно. Напрасно генерал Бернадотт уверял меня, что он получит разрешение на увеличение числа своих адъютантов. Я перестал надеяться и понял, что в скором времени меня отошлют в другое место. Никогда бы я не согласился, чтобы два брата служили в одном и том же штабе или в одном и том же полку, потому что они невольно мешали бы один другому. Вы увидите, что в течение всей нашей карьеры именно так и происходило.

В то время штаб Бернадотта состоял в основном из офицеров, достигших высоких званий. Четверо из них уже были полковниками, а именно Жерар, Мезон, Виллат и Морен. Наиболее выдающимся был, безусловно, Жерар. Он обладал многими качествами: храбростью и удивительным военным инстинктом. Находясь под командованием маршала Груши в день битвы при Ватерлоо, он давал ему блестящие советы, которые могли бы обеспечить нам победу. Мезон стал маршалом, а затем и военным министром при Бурбонах. Виллат был дивизионным генералом при Реставрации, в том же звании находился и Морен. Остальные адъютанты Бернадотта имели звания эскадронных начальников, например, Шалопен, убитый в битве при Аустерлице, Мерже, который стал затем бригадным генералом, капитан Морен, брат полковника, в свою очередь, ставший бригадным генералом, так же как и младший лейтенант Виллат. Мой брат Адольф заканчивал список штатных адъютантов. Наконец, Морен, брат первых двух Моренов, ставший впоследствии полковником, и я — мы были как бы запасными адъютантами. Итак, из одиннадцати адъютантов, числившихся тогда в штабе генерала Бернадотта, двое стали маршалами Франции, трое — генерал-лейтенантами, четверо — лагерными маршалами, и один погиб на поле сражения.

Зимой 1800 года Португалия, поддерживаемая Англией, объявила войну Испании, и французское правительство приняло решение помочь Испании. Согласно этому решению, наши войска были посланы в Байонну. В Бордо и в Туре были собраны роты гренадеров и многочисленные полки, до этого находившиеся в Бретани и Вандее. Этот отборный корпус, состоящий из 7–8 тысяч человек, должен был образовать резерв так называемой Португальской армии, командование которой должно было быть поручено Бернадотту. Генерал пожелал перевести свой штаб в Тур, куда были отправлены лошади, экипажи, а также все экипажи, предназначавшиеся офицерам, находящимся при генерале. Но генерал решил отправиться в Париж, чтобы получить последние указания первого консула, а также проводить

мадам Бернадотт. Как правило, всегда в подобных случаях во время отсутствия генерала офицеры его штаба получали разрешение поехать попрощаться со своими родными. Таким образом, было решено, что все штатные адъютанты отправятся в Париж, а резервные адъютанты будут сопровождать экипажи в Тур, чтобы следить за обслуживающим персоналом, выплачивать им исправно жалованье, договариваться с военными комиссарами о распределении пищи и кормов, жилья для большого числа людей и лошадей. Таким образом, эта малоприятная и малопочетная работа досталась Морену и мне — тем, кто не был штатными адъютантами.

Стояла суровая зима, а нам предстояло в ужасную погоду верхом на лошадях в течение долгих восьми дней преодолеть расстояние от Ренна до Тура, где вдобавок мы столкнулись со множеством трудностей при обустройстве штаба. Нам было сказано, что мы останемся там одни в течение самое большее 15 дней, но на самом деле мы там провели шесть месяцев, страшно скучая, тогда как наши товарищи развлекались в столице. Но это было только началом неприятностей моего положения внештатного адъютанта.

Так кончился 1800 год, в течение которого мне пришлось испытать немало моральных и физических потрясений.

Меж тем жизнь в Туре кипела. Там любили развлекаться, и, хотя я получал многочисленные приглашения, ни на одно из них я не ответил. Внимание, которое я уделял заботе о быте большого числа солдат и лошадей, к счастью, занимало все мое время, и одиночество, в котором я находился, было для меня не так тягостно. Число лошадей главнокомандующего и офицеров его штаба достигало восьмидесяти, и все они были в моем распоряжении. Каждый день я выезжал на двух или на трех лошадях и объезжал окрестности Тура. Эти длительные прогулки в полном одиночестве имели для меня большое значение и заменяли мне тогда все развлечения.

Глава XV

Пребывание в Бресте и в Ренне. — Меня назначают в 25-й конно-егерский полк и посылают в Португальскую армию. — Поездка из Нанта в Бордо и в Саламанку. — Мы с генералом Леклерком образуем правое крыло Испанской армии. — 1802 год. — Возвращение во Францию

Первый консул изменил свои распоряжения относительно Португальской армии. Он поручил ее командование генералу Леклерку, своему кузену. Бернадотт остался в Западной армии. Таким образом, весь штаб, где был мой брат и другие адъютанты, приехавшие в Тур, получил приказ возвращаться в Бретань, чтобы доставить все имущество в Брест, куда должен был отправиться главнокомандующий. Расстояние между Туром и Брестом не маленькое, особенно если преодолевать его ежедневно переход за переходом. Но поскольку погода стояла великолепная, а нас было много и все мы были молоды, то этот переезд был очень веселым. Будучи не в состоянии ехать верхом из-за случайного ранения в бедро, я садился в экипаж командующего. Самого Бернадотта мы встретили в Бресте.

На Брестском рейде стояли не только многочисленные французские корабли, но также и испанский флот под командованием адмирала Травины, который позднее был убит в Трафальгарском сражении, когда французский и испанский флот сражался против флота знаменитого Нельсона, погибшего в тот день. Когда мы прибыли в Брест, оба союзных флота должны были перевезти в Ирландию генерала Бернадотта и многочисленные войска, как французские, так и испанские. В ожидании этой экспедиции, которая так и не была осуществлена, присутствие большого количества сухопутных и морских офицеров делало жизнь в Бресте крайне оживленной. Главнокомандующий, адмиралы и многие генералы устраивали ежедневные приемы. Войска обеих наций жили в полном согласии. Там я познакомился со многими испанскими офицерами.

Нам было очень хорошо в Бресте, когда внезапно главнокомандующий посчитал своевременным перевести штаб в Ренн, город очень скучный, но находящийся в более выгодном положении для управления войсками. Не успели мы там обосноваться, как случилось то, что я и предвидел. Первый консул сократил число адъютантов, которое главнокомандующий предполагал сохранить при себе. Теперь он мог иметь в своем

распоряжении одного полковника, пять младших офицеров и никаких внештатных офицеров. Я был предупрежден, что меня вскоре переведут в полк легкой кавалерии. Я решил, что возвращусь в 1-й гусарский, где меня знали, форму которого я носил до сих пор, хотя уже более года, как я покинул эту часть. Но полковник за это время уже нашел мне замену, и министр послал мне распоряжение, чтобы я присоединился к 25-му полку конных егерей, который только что вступил в Испанию, направляясь к границам Португалии через Саламанку и Самору. Именно в этот момент я с особенной горечью ощутил, какую оплошность совершил по отношению ко мне генерал Бернадотт, поскольку, если бы не его обманчивые обещания, я бы уже давно служил штатным адъютантом у маршала Массены в Италии и мог бы по праву числиться офицером 1-го гусарского полка.

Я был крайне недоволен своим положением, но мне пришлось подчиниться. Как только первые огорчения прошли, а в этом возрасте они проходят быстро, я пустился в путь, чтобы как можно дальше уехать от генерала Бернадотта, на которого, как я считал, был вправе жаловаться. У меня было очень мало денег, а отец часто одалживал генералу, особенно тогда, когда он приобретал земли в Лагранже. Но хотя он великолепно знал, что сын его друга, только что оправившийся от ранения, должен пересечь всю Францию и Испанию и, помимо этого, обновить форму, он не предложил ему ни единого су взаймы, чего ни за что на свете я сам бы у него не попросил. К счастью, моя мать в Ренне имела дядю, г-на Вердаля (де Грюньяк), бывшего майора пехотного полка Пентьевра. Именно у него мать прожила первые годы Революции. Этот старик был большим оригиналом, но очень добрым человеком. Он не только одолжил мне денег, в которых я крайне нуждался, но еще и дал мне безвозмездно определенную сумму. Хотя в то время конные егеря носили гусарские доломаны (только одинакового зеленого цвета во всех полках), я был крайне расстроен и даже пролил несколько слез, когда мне пришлось расстаться с формой полка Бершени. Лишившись гусарского мундира, я стал конным егерем.

Мое прощание с генералом Бернадоттом было весьма холодным. Он дал мне несколько рекомендательных писем для Люсьена Бонапарта, в то время бывшего французским послом в Мадриде, а также для генерала Леклерка, командующего нашей армией в Португалии.

В день моего отъезда все адъютанты собрались вместе и организовали обед в честь нашего расставания, после чего с тяжелым сердцем я отправился в дорогу. После двух дней пути я прибыл в Нант, разбитый усталостью, страдая от полученного

ранения и убежденный, что я никогда не смогу проехать верхом на лошади 450 лье, которые отделяли меня от границы с Португалией. Я остановился у одного старого товарища по Соррезу, жившего в Нанте. Там я встретил испанского офицера по имени дон Рафаэль, который следовал к своему полку, находящемуся в Эстремадуре. Мы договорились, что я провожу его до Пиренеев, а там он возьмет то же направление, что и я, и мы поедем вместе.

Мы пересекли Вандею в дилижансе. На всем нашем пути небольшие городки и деревни сохраняли следы пожаров, хотя гражданская война кончилась уже два года назад. Было тяжело смотреть на эти развалины. Мы посетили Ла-Рошель, Рошфор и Бордо. От Бордо до Байонны мы ехали в тяжелой четырехместной дорожной повозке, которая продвигалась очень медленно в песчаных равнинах Гаскони. Поэтому мы часто шли пешком. Нам было весело, и мы немножечко отдыхали под небольшими группами сосен, встреченными по пути. Усевшись в тени деревьев, дон Рафаэль брал мандолину и пел. Так прошло пять или шесть дней нашего пути в Байонну.

Перед переходом через Пиренеи мне нужно было представиться генералу, коменданту Байонны. Его звали Дюко. Это был замечательный человек, который служил когда-то под командованием моего отца. Он с большим вниманием отнесся ко мне, желая познакомиться со мною поближе, задержал на несколько дней мой отъезд в Испанию, потому что знал, что банда воров шалила на дороге и грабила путешественников вблизи границы.

За долгое время, много раньше войны за независимость и гражданской войны, склонный к авантюрам, но ленивый нрав испанцев воспитал в них склонность к бродячей жизни и разбою. Вкус к грабежу поддерживался еще и раздробленностью страны на множество мелких провинций, которые совсем недавно были отдельными государствами и сохранили свои собственные законы, обычаи и собственные границы. Некоторые из этих бывших государств подчинялись общим таможенным правилам, тогда как другие, как, например, Бискайя или Наварра, были свободны от этих правил. Результатом такого положения было то, что жители провинций, свободных от таможенных пошлин, постоянно перевозили запрещенные товары в те области, границы которых охранялись вооруженными и весьма решительными таможенниками. Контрабандисты с незапамятных времен формировали банды, которые действовали силой, когда не хватало хитрости. Их профессия абсолютно не имела ничего постыдного в глазах испанцев, которые рассматривали их

поведение как справедливую войну против злоупотребления таможенников. Подготавливать набеги, отправляться в разведку, организовывать вооруженную охрану вокруг своих стоянок, жить в горах, там спать, курить — такова жизнь контрабандистов. И крупные прибыли, приходящие им иногда от одной операции, позволяли им вести жизнь на широкую ногу, ничего не делая в течение целых месяцев. Однако, когда испанские таможенники, с которыми у них часто бывали стычки, разбивали их шайки и забирали наворованный товар, контрабандисты, доведенные до крайности, тем не менее не собирались прекращать свой промысел на больших дорогах. Занимались они этим ремеслом с определенным великодушием, поскольку никогда не убивали путешественников и обычно оставляли им достаточно провизии, чтобы те могли продолжить свой путь. Именно так они поступили с одной английской семьей, и генерал Дюко, желая спасти нас от неприятностей подобного ограбления, решил отложить наш отъезд. Однако дон Рафаэль, хорошо знавший привычки испанских воров, был уверен, что наилучшим моментом для продолжения путешествия был как раз этот. Момент, когда банды, совершив свой набег, на некоторое время удалялись в сторону от дорог, проезд по которым становился свободен. Генерал разрешил наш отъезд.

В те времена, о которых я рассказываю, в Испании не было запряжных лошадей, и все экипажи, включая экипажи короля, запрягались мулами. Дилижансов не существовало, и на почтовых станциях были только верховые лошади. Таким образом, даже важные сеньоры, имевшие в своем распоряжении экипажи, были вынуждены во время путешествий нанимать мулов и идти рядом с ними в течение всего дня. Зажиточные путешественники брали экипажи, но эти экипажи могли проделать не более 10 лье в день. Простой народ присоединялся к караванам погонщиков ослов, которые перевозили багаж, по примеру наших ломовиков. Но никто никогда не путешествовал в одиночестве. Во-первых, из-за разбоя, а во-вторых, из-за презрения, которое испытывали испанцы к такому виду путешествия.

После нашего прибытия в Байонну дон Рафаэль, ставший руководителем в нашем дуэте, сказал мне, что, поскольку мы не являемся ни настоящими синьорами, чтобы нанять для нас одних экипаж с упряжкой мулов, ни бедняками, чтобы идти с караваном погонщиков ослов, нам остается только два выхода. Либо скакать во весь опор верхом, либо занять место в извозчичьей повозке. Скакать верхом в данном случае я не мог из-за невозможности взять с собою вещи. Таким образом, мы вынуждены были выбрать извозчичью повозку.

Дон Рафаэль вел переговоры с одним человеком, который за 800 франков с каждого согласился перевезти нас в Саламанку, устроить нас на жительство и кормить за свой счет. Мне это показалось очень дорогим удовольствием, поскольку это была двойная стоимость того, что подобное путешествие могло бы стоить во Франции. К тому же я истратил довольно много денег на свою поездку до Байонны. Но такова была назначенная цена, при том что не было никакого другого средства, чтобы я мог присоединиться к моему полку. Я вынужден был согласиться.

Мы отправились в огромной старой повозке, в которой три места занимал один житель Кадиса, его жена и дочь. Бенедиктинский приор из университета в Саламанке дополнял состав пассажиров.

Все в этой поездке было для меня новым. Во-первых, сама упряжка, которая не переставала меня удивлять. Она состояла из шести великолепных мулов, из которых, к моему великому удивлению, только два, связанных дышлом, имели уздечки и поводья, четыре других мула свободно шли рядом и подчинялись только голосу возницы и его помощника. Возница важно восседал на огромном сиденье и громовым голосом отдавал приказы своему помощнику — мальчику ловкому, точно белка, который иногда пробегал рядом с мулами, идущими крупной рысью более лье. Затем в одно мгновение он взбирался на сиденье рядом со своим хозяином и тут же снова спрыгивал и снова поднимался, и так раз двадцать в течение дня, кружась вокруг повозки и упряжки, чтобы убедиться, что все в порядке. И все это он проделывал, постоянно напевая. Для того чтобы подгонять мулов, называл каждого своим именем. Но он их никогда не бил, и его голоса было достаточно, чтобы оживить их движение, когда они замедляли бег.

Перемещения, а главное, пение этого человека меня очень забавляли. Мне было очень интересно, что же он говорил, когда взбирался на повозку. И хотя я не говорил по-испански, но мои знания латыни и итальянского позволяли мне понять, о чем говорили мои спутники. Я отвечал им по-французски. Они более или менее меня понимали. Все пять испанцев, включая двух дам и монаха, вскоре зажгли свои сигары. Как жаль, что я еще не имел привычки курить! У нас у всех было прекрасное настроение. Дон Рафаэль, дамы и даже толстый бенедиктинец пели хором.

В путь мы отправлялись утром, останавливались между часом и тремя часами пополудни, чтобы пообедать, дать отдохнуть мулам и подождать, пока пройдет самая сильная жара. В это время мы обычно спали. Это испанцы называли послеобеденным отдыхом. Потом мы добирались до ночлега. Еда была обильной,

но испанская кухня мне вначале казалась ужасной. Однако постепенно я к ней привык. Но я так и не смог привыкнуть к страшным кроватям, которые нам предлагали на постоялых дворах. Они и правда были отвратительны, и дон Рафаэль, который целый год провел во Франции, вынужден был с этим согласиться. Чтобы обойти это неприятное препятствие, в день моего прибытия в Испанию я сразу же попросился ночевать на охапке соломы. К несчастью, я узнал, что сноп соломы был вещью совершенно неизвестной в этой стране, потому что вместо того, чтобы косить траву, они пускали на нее мулов, чтобы они ее вытаптывали, что превращало солому в труху. Однако мне пришла великолепная мысль набить этой соломой мешок. Затем я его бросал в сарае и ложился, завернувшись в плащ. Таким образом я избегал жутких насекомых, которыми кишели местные кровати и грязные помещения. Утром я выкидывал все это сухое месиво из мешка и брал его с собой в повозку. Благодаря этому каждый вечер я мог его набивать свежей соломой. Моему изобретению последовал и дон Рафаэль.

Мы пересекли высокогорные провинции Наварра, Бискайя и Алава, затем достигли реки Эбро и выехали затем на бескрайние равнины Кастилии. Мы видели Бургос, Вальядолид и, наконец, через две недели прибыли в Саламанку. Там не без сожаления я покинул моего спутника дона Рафаэля, с которым я вновь встретился в этой же местности уже во время войны за независимость. Генерал Леклерк находился в Саламанке. Он прекрасно принял меня и предложил остаться у него в качестве внештатного адъютанта, но я уже имел горький опыт, который убедительно показал мне, что служба в штабе дает большую свободу и гораздо приятней, чем в войсках, но… только если ты являешься штатным адъютантом. Без этого условия все тяжелые работы ложатся тебе на плечи, при этом твое положение остается очень ненадежным. Я отклонил любезное предложение генерала и попросил позволить мне служить в моем полку. Мое решение оказалось верным, так как в следующем году генерал, получив пост командующего экспедицией на Сан-Доминго, увез с собой одного лейтенанта, который после моего отказа пришел служить в его штаб. На Сан-Доминго все офицеры вместе с генералом умерли от желтой лихорадки.

В Саламанке я оказался в 25-м конно-егерском полку. Полковник Моро был старым офицером и исключительно добрым человеком. Он очень хорошо принял меня, так же как и мои новые товарищи, и уже через несколько дней я был в отличных отношениях со всеми. Меня ввели в городское общество. В те времена положение француза было одним из самых приятных в

Испании и абсолютно противоположным тому, чем это стало впоследствии. Действительно, в 1801 году мы были союзниками испанцев. Мы только что сражались за них против португальцев и англичан. Поэтому они относились к нам очень по-дружески. Французских офицеров селили у самых богатых жителей. Их везде принимали, и приглашения сыпались со всех сторон. Таким образом, свободно допущенные во внутреннюю жизнь испанцев, мы смогли за короткое время узнать многое из их обычаев, что за многие годы не могли сделать офицеры, которые пришли на полуостров во времена войны за независимость. Я жил у одного профессора университета, который предоставил мне прелестную комнату с видом на красивую площадь города.

Служба в полку не была утомительной и оставляла немало времени для развлечений. Я воспользовался этим, чтобы выучить испанский язык, который, с моей точки зрения, был самым величественным и самым красивым в Европе. Именно в Саламанке я впервые увидел знаменитого генерала Ласалля, в то время полковника 10-го гусарского полка. Он продал мне одну свою лошадь.

Пятнадцать тысяч французов, посланных на полуостров во главе с генералом Леклерком, образовали правое крыло большой испанской армии, которой командовал князь Мира[30], и подчинялись его приказам. Он устроил нам смотр. Этот фаворит испанской королевы фактически был некоронованным королем Испании. Мне показалось, что он был крайне доволен собою, хотя был маленького роста и очень заурядной внешности. Но в нем чувствовалось определенное изящество и хорошие манеры. Он привел в действие французский корпус, и наш полк двинулся сначала на Торо, а затем в Самору. Вначале я очень жалел о Саламанке, но потом оказалось, что нам было неплохо и в других городах, особенно в Саморе. Там я жил у одного богатого купца, дом которого был окружен великолепным садом, где по вечерам собиралось многочисленное общество, чтобы послушать музыку и провести часть ночи в разговорах среди гранатовых рощ, мирт и лимонных деревьев. Трудно описать и оценить красоту природы, когда не знаешь чудесных ночей южных стран.

Однако пришлось оставить приятную жизнь, которую мы здесь вели, и атаковать португальцев. Мы вступили на их территорию. Было несколько маленьких сражений, выигранных нами. Французский корпус следовал к Визеу, в то время как испанская армия двигалась вниз по реке Тахо (Тежу) и достигла португальской провинции Алентежу. Мы рассчитывали вскоре войти победителями в Лиссабон, но князь Мира, который призвал, недолго думая, наши войска на Иберийский полуостров,

также не размышляя, испугался их присутствия. Чтобы избавиться от них, он заключил с Португалией мирный договор, не известив первого консула. Текст этого договора князь Мира отправил для ратификации французскому послу Люсьену Бонапарту, что страшно возмутило первого консула. С этого эпизода между двумя братьями установились отношения неприязни.

Французские войска еще в течение нескольких месяцев оставались в Португалии, где и встретили новый, 1802 год. А затем вернулись в Испанию и поочередно побывали в наших любимых гарнизонах в Саморе, Торо и Саламанке, где нас всегда прекрасно принимали.

На этот раз я пересекал Испанию верхом на лошади и не боялся ужасных кроватей на их постоялых дворах, поскольку нас всегда устраивали на ночлег у богатых владельцев больших домов. Переходы, когда они проходят в сопровождении целого полка и при очень хорошей погоде, не лишены определенной прелести. Да, постоянно приходится менять места, при этом не покидая своих товарищей. Ты видишь всю страну в самых мелких деталях, беседуешь в течение всей дороги с ее жителями. Мы все вместе обедаем, иногда хорошо, иногда не очень, мы можем наблюдать и знакомиться с обычаями жителей. Особое удовольствие нам доставляло смотреть, как вечером испанцы приходили в себя от дневного оцепенения, начинали танцевать фанданго или болеро с невероятной ловкостью и изяществом, которые наблюдались у всех, даже у деревенских жителей. Иногда полковник предлагал им своих музыкантов, но они предпочитали гитару, кастаньеты и голос какой-нибудь певицы, так как такого рода аккомпанемент придавал их танцу более естественный характер. Подобные балы, импровизированные под открытым небом рабочим людом, как в городах, так и в сельской местности, имели такое очарование для нас, что мы, будучи простыми зрителями, с трудом покидали их. После целого месяца пути мы вновь вернулись к пограничной реке Бидасоа, и, хотя я мог только с радостью вспоминать месяцы, проведенные в Испании, я с большим удовольствием вновь увидел Францию.

Глава XVI

Дорожное приключение от Байонны до Тулузы. — Забавные эпизоды инспекции

В то время полки сами приобретали себе лошадей. Полковник имел право купить примерно 60 лошадей, которые он надеялся раздобыть во французской Наварре, проведя свой полк через Тулузу, где мы должны были остановиться гарнизоном. Но, как на грех, мы прибыли в Байонну в день большой ярмарки, и там было много перекупщиков лошадей. Полковник вступил в переговоры с одним из них, и он поставил для нас лошадей. Мы не могли заплатить за них живыми деньгами, поскольку касса, обещанная министром, должна была прибыть только через восемь дней. Тогда полковник распорядился, чтобы один офицер остался в Байонне, чтобы принять деньги и затем расплатиться с поставщиком. Это проклятое дело было поручено мне, что впоследствии стоило мне чрезвычайно неприятного происшествия. Но в тот момент я видел только одно огорчение в том, что меня лишали приятного общества моих товарищей, с которыми я бы мог продолжить путешествие. Чтобы облегчить мне возвращение в часть, полковник решил, что моя лошадь уйдет с полком, чтобы после того, как я выполню это поручение, я смог бы поехать в Тулузу дилижансом. В Байонне я знал многих бывших учеников из Сорреза, которые организовали для меня веселое времяпрепровождение. Наконец, деньги, посланные министром, прибыли, я получил их и расплатился. Освободившись от всех обязательств, я уже готовился отправиться в путь.

У меня был нанковый доломан[31] с серебряными пуговицами. Я заказал этот свободный костюм, когда был в штабе у Бернадотта, где было модно так одеваться во время поездки в жаркое время. Я решил его взять для переезда из Байонны в Тулузу, поскольку я был один, без полка. Я сложил форму в чемодан и приказал отнести его в дилижанс, в котором я, к несчастью, заказал и оплатил место заранее. Этот экипаж отбывал в пять часов утра, и я поручил мальчику в гостинице разбудить меня в четыре часа. Парень обещал мне, что будет точен, и я спокойно заснул.

Но он забыл обо мне, и, когда я открыл глаза, лучи солнца уже проникали в мою комнату. Было уже девятый час. Катастрофа! Я был ошарашен. После того как я отругал нерадивого мальчишку, я понял, что надо было принимать какое-

то решение. Первым неудобством было то, что дилижанс отправлялся только раз в два дня. Но это было еще не самым главным. Полковая касса оплачивала мое место, потому что я отстал от полка по делам службы. Но, очевидно, она не должна была оплачивать это место второй раз. Я имел глупость заказать его до Тулузы. Таким образом, если мне нужно было платить второй раз, то это было уже за мой собственный счет. Дилижансы в то время стоили очень дорого, а у меня было крайне мало денег. И потом, что было делать в течение 48 часов в Байонне, когда все мои вещи уже были отправлены. Я решил тогда отправиться пешком, в тот же час покинул город и решительно взял направление на Тулузу. Одет я был легко, на боку у меня болталась только моя сабля. Первый день я прошел легко и решил остановиться на ночь в Пейреораде.

На следующий день, и день этот был ужасным, я должен был дойти до Ортеза. Я прошел уже половину пути, когда вдруг разразилась жуткая буря, одна из тех, которые случаются только на юге. Дождь, смешанный с градом, лил потоками и бил мне в лицо. Большая дорога, будучи уже в плохом состоянии, превратилась в болото, в котором, прилагая все усилия, я едва продвигался в своих сапогах со шпорами. Молния рядом со мной вырвала с корнем ореховое дерево, но мне это казалось неважным, и я продолжал идти со стоической покорностью. Но вдруг среди молний и грома я вижу двух жандармов на лошадях, направляющихся в мою сторону. Вы легко можете представить, какой у меня был вид после того, как уже в течение двух часов я пробирался через грязь в своих нанковых панталонах и доломане.

Жандармы принадлежали к бригаде Пейреорада, куда они и возвращались после, как мне показалось, хорошего обеда в Ортезе, поскольку они были достаточно навеселе. Старший из них попросил у меня документы. Я передал ему мой дорожный листок, на котором было указано, что я младший лейтенант 25-го конно-егерского полка. «Ты младший лейтенант? — воскликнул жандарм. — Ты слишком молод, чтобы быть уже офицером». — «Но прочитайте документ, и вы увидите, что в нем написано, что мне еще нет двадцати лет, к тому же бумага точная во всех пунктах». — «Возможно, но ты ее сделал сам, и доказательством этому является твоя форма, поскольку форма егерей должна быть зеленой, а твой доломан желтый. Ты просто новобранец, и я тебя арестую». «Пусть так, но когда мы прибудем в Ортез, перед вашим лейтенантом мне будет очень легко доказать, что я являюсь офицером и что мой путевой лист не фальшивый».

Мой арест меня мало беспокоил, но вдруг старый жандарм заявил, что он не намерен возвращаться в Ортез, что он из

бригады Пейреорада и что именно туда он предполагает следовать. Я заявляю, что я не сделал ничего плохого, чтобы он мог так поступить со мной, поскольку мои бумаги в порядке и у него имелся мой путевой листок, так что он не имел права меня задерживать, что он должен проводить меня в Ортез, куда я направлялся. Тот, который был моложе и менее выпивши, подтвердил, что я прав. Тогда между двумя всадниками началась самая живая дискуссия. Они ругались, и вскоре среди ужасающей бури, которая нас окружала, они обнажили сабли и набросились друг на друга. Что касается меня, то, опасаясь получить ранение в этой нелепой битве, я спрыгнул в огромную яму вдоль дороги, и, хотя в ней было по пояс воды, я все-таки вылез на противоположную сторону, откуда и стал наблюдать за двумя молодцами, которые распалились по-настоящему. К счастью, намокшие и отяжелевшие от воды плащи мешали движению их рук, а лошади, в ужасе от ударов грома, все время разбегались, и, таким образом, дерущиеся не могли нанести друг другу серьезных увечий.

Наконец, после того, как лошадь более пожилого жандарма была поражена, он скатился в яму и вылез из нее, покрытый грязью. Он заметил, что его седло разбилось, и ему ничего не оставалось, как продолжать путь пешком. Тогда он заявил своему товарищу, что он его оставляет ответственным при арестованном. Оставшись один с наиболее разумным из жандармов, я постарался ему объяснить, что, если бы у меня было что-то, что нарушало бы закон, я легко мог бы добраться до деревни, поскольку меня отделял от нее ров, заполненный водой, и его лошадь никоим образом не могла бы его перескочить. Но я готов был перейти на его сторону, поскольку была договоренность, что они не могут заставить меня возвращаться обратно. Таким образом, я возобновил свой путь, сопровождаемый жандармом, который окончательно протрезвел к этому времени. Мы беседовали с ним, и моя манера вести себя, в то время как я мог легко убежать, достаточно ясно ему показала, что я был именно тем человеком, которым я себя называл, и что он меня бы с удовольствием отпустил, если бы не ответственность, возложенная на него его товарищем. Наконец он стал более сговорчивым и заявил мне, что не будет меня сопровождать до Ортеза, а ограничится тем, что посоветуется с мэром Пуйо, куда мы должны были прийти. Мое появление было похоже на явление бандита. Все жители, которых буря согнала в деревню, прилипли к окнам и стали смотреть, как преступника сопровождает жандарм. Мэром Пуйо был толстый добрый крестьянин, очень разумный. Его мы обнаружили в сарае, где он молотил зерно. Как

только он посмотрел мой путевой листок, он сказал серьезно жандарму: «Предоставьте тотчас же свободу этому молодому человеку, которого вы не имели право арестовывать, поскольку это офицер, находящийся в дороге, и это указано в его бумагах, и не надо судить по одежде». Мог ли сам Соломон рассудить более здраво?

Добрый крестьянин этим не ограничился. Он захотел, чтобы я остался у него до конца бури и предложил мне небольшой завтрак. Потом он мне рассказал, что когда-то в Ортезе он видел генерала по имени Марбо. Я ему ответил, что это был мой отец, и описал его. Тогда этот достойный человек, которого звали Борденав, удвоил знаки внимания ко мне, предложил мне высушить мою одежду и остаться у него ночевать. Но я поблагодарил его и отправился по дороге в Ортез, куда и прибыл ночью, падая от усталости и совсем разбитый.

На следующий день я с большим трудом смог натянуть свои сапоги, во-первых, потому, что они были мокрые, а во-вторых, потому, что ноги мои опухли. Однако я дотащился до По, где, будучи не в силах продолжать путь, должен был остановиться на целый день. Другого средства транспорта, кроме почтовой коляски, там не было, и, хотя места там были очень дорогими, мне пришлось купить одно место до Жимона, где я был принят с распростертыми объятиями господином Дориньяком, другом моего отца, у кого я провел несколько месяцев по выходе из Сорреза. Я отдохнул в кругу его семьи в течение нескольких дней, и затем дилижанс отвез меня в Тулузу. Я четырежды заплатил стоимость того места, которое я потерял из-за небрежности служителя отеля в Байонне.

По прибытии в Тулузу я хотел заняться поисками квартиры, когда полковник предупредил меня, что он уже снял для меня место у старого врача его друзей по имени Мертез, имя которого я никогда не забуду, поскольку этот достойный человек, как и вся его многочисленная семья, отнесся ко мне исключительно тепло. В течение пятнадцати дней, которые мне довелось провести у них, ко мне относились скорее как к сыну, нежели как к постояльцу.

Полк был многочисленным и располагал хорошим конским составом. Мы часто отправлялись на маневры, что меня всегда очень радовало, хотя я и получил несколько замечаний от начальника эскадрона Бланшвиля, великолепного офицера, старого солдата, с которым я научился точности выполнения заданий и за что я ему очень благодарен. Этот командир, который до революции служил помощником начальника штаба в жандармерии Люневиля, имел очень широкое образование. Он

живо интересовался молодыми офицерами, способными учиться, и заставлял их изучать их профессию. Что касается других, которых он называл *твердолобыми*, в их отношении он ограничивался только тем, что пожимал плечами, когда они не знали теории или допускали ошибки в маневрах. Но он их никогда не наказывал за это. Нас было трое, младших лейтенантов, которых он выделял. Это были господа Гавиоль, Демон и я. Нам он никогда не отдавал неточных распоряжений и отправлял нас под арест за малейшие промахи. Поскольку вне служебного времени он был добрым малым, мы осмелились однажды спросить у него, по какой причине он относился к нам с такой строгостью. «Вы что, меня считаете настолько глупым, — сказал он нам, — что я буду развлекаться, отмывая лицо негру? Господа такие-то и такие слишком уже в возрасте, и у них нет тех способностей, чтобы я занимался совершенствованием их образования. Что касается вас, у кого есть все, чтобы добиться успеха, вам надо учиться. И вы будете учиться».

Я никогда не забывал об этом ответе, и я его использовал впоследствии, когда я стал уже полковником. Надо признаться, что старик Бланшвиль хорошо угадал судьбу трех своих младших лейтенантов, поскольку мы стали: Гавиоль — подполковником. Демон — бригадным генералом и я — дивизионным генералом.

По приезде в Тулузу я обменял купленную в Испании лошадь на красивого наваррского жеребца. В это время префект организовал бега по случаю, я уже не помню, какого праздника. Гавиоль, большой любитель скачек, записал мою лошадь. Однажды, когда я тренировал ее на садовой лужайке, она вдруг помчалась по аллее с быстротой настоящей стрелы, пока не напоролась на острый угол садовой стены. Лошадь умерла на месте. Мои товарищи подумали, что я тоже убит или, во всяком случае, тяжело ранен, но по счастливой и невероятной случайности у меня не было даже царапины. Когда меня подняли и я увидел свою лошадь без движения, меня охватило страшное горе. Крайне опечаленный, я возвращался домой, чувствуя себя обязанным приобрести новую лошадь, но для этого мне нужно было попросить денег у матери, а я знал, что она находится в весьма стесненном положении. Граф Дефермон, государственный министр и один из наших попечителей, воспротивился продаже имущества, которое у нас оставалось, потому что он предвидел, что по заключении мира цена на землю возрастет, и думал, не без оснований, что ее надо сохранить и, насколько возможно, погасить постепенно наши долговые обязательства с помощью строжайшей экономии. Это явилось одним из самых больших обязательств по отношению к доброму Дефермону с нашей

стороны. Он был искренним другом моего отца, и я сохранил самую добрую память о нем.

Как только моя просьба о покупке новой лошади была представлена на попечительский совет, генерал Бернадотт, входивший в его состав, громко рассмеялся, говоря, что трюк был великолепный и предлог был выбран своевременный, дав тем самым понять, что моя просьба была не чем иным, как *наживкой.* Но, к счастью, моя просьба была поддержана полковником, и господин Дефермон добавил, что он верил, что я абсолютно не способен ни к какому обману, чтобы получить лишние деньги. Он был прав, так как, хотя у меня было всего 600 франков пособия, мое жалованье не превышало 96 франков в месяц и выплаты на жилье равнялись 12 франкам, я тем не менее никогда не имел ни одного су долга, к которому я всегда относился с ужасом.

Я купил новую лошадь, которая, конечно, не стоила моего бедного наваррца, но генеральные проверки, предписанные первым консулом, приближались, и мне было необходимо как можно скорее объездить ее, тем более что эта проверка должна была быть поручена знаменитому генералу Бурсье, который имел репутацию крайне строгого инспектора. Мне было приказано ехать на встречу ему с пикетом в тридцать человек. Он меня прекрасно встретил, заговорил о моем отце, которого он хорошо знал, что, правда, не помешало на следующий день приказать меня арестовать, и вот по какому поводу. Дело довольно забавное.

Один из наших капитанов, молодой человек по имени Б…, имел очень приятную внешность и считался бы, наверное, самым красивым офицером в армии, если бы не его ноги, которые не составляли гармонии со всей остальной фигурой. Его ноги были похожи на ходули, и это особенно было заметно в узких панталонах, называемых венгерскими, которые в то время носили конные егеря. Чтобы исправить подобное несовершенство, капитан Б… заказал довольно толстые подушечки в форме икр, что должно было исправить его фигуру. Вы сейчас увидите, как из-за его ложных икр мне пришлось выдержать несколько арестов, но они были не единственной причиной.

Устав приписывал офицерам оставлять у лошадей хвосты распущенными, как это было у солдатских лошадей. Наш полковник г-н Моро был великолепным наездником, но у всех его лошадей хвосты были подрезаны. Так как он боялся, что генерал Бурсье, суровый консерватор и блюститель устава, упрекнет его за то, что он подает плохой пример офицерам, он на время проверки приказал привязать всем лошадям ложные хвосты, но сделать это так, чтобы они выглядели абсолютно естественно. Это

было великолепно. Мы отправились на маневры, на которые генерал Бурсье пригласил генерала Сюше, инспектора пехоты, а также генерала Гюдена, территориального дивизионного командира, которого сопровождал многочисленный и блестящий штаб.

Смотр проходил очень долго, почти все движения исполнялись в галопе и кончались многочисленными очень быстрыми перестроениями. Я командовал взводом центра, входящего в эскадрон г-на Б…, рядом с которым находился полковник. Таким образом, они оба находились в двух шагах от меня в тот момент, когда генералы вышли вперед, чтобы поздравить г-на Моро с великолепным исполнением маневра. И что же я увидел? Крайняя быстрота движений, которые мы только что проделали, нарушила симметрию дополнительных аксессуаров в силуэте как капитана, так и полковника. Ложный хвост лошади полковника отчасти оторвался, кусок, состоящий из тампона из кудели, тащился по земле, в то время как искусственные волосы поднялись кверху и покрыли веером круп лошади, создавая впечатление павлиньего хвоста. Что касается ложных икр г-на Б…, то, сдавленные седлом, они изменили место и выглядели странными шишками на коленях, тогда как капитан, гордо выпрямившись в седле, имел вид человека, который как бы говорил: «Смотрите на меня, как я красив!»

В 20 лет трудно удерживать серьезность, и я не устоял при виде такого гротескного зрелища. Несмотря на присутствие важных генералов, я не смог удержать безумный смех. Я корчился в седле, кусал рукав своего доломана, но ничего не помогало, я продолжал смеяться и смеяться до колик в боку. Тогда генеральный инспектор, не подозревая о причинах моей веселости, приказал мне выйти из рядов и отправиться под арест. Я подчинился, но, вынужденный пройти между лошадьми полковника и капитана, мои глаза невольно упали на проклятый хвост и на икры капитана, и меня снова охватил непобедимый приступ смеха. Генералы должны были подумать, что я сошел с ума, но когда офицеры полка приблизились к полковнику и капитану Б…, они увидели, в чем дело, и стали так же смеяться, как и я.

Вечером начальник эскадрона Бланшвиль отправился в кружок мадам Гюден. Генерал Бурсье, который также находился там, заговорил о моем безрассудном поступке, но г-н Бланшвиль объяснил мотивы моего неудержимого смеха. При этом рассказе все генералы и дамы и весь штаб смеялись до слез. Их веселость удвоилась, когда они увидели капитана Б… входящим в зал. В это время он уже поправил свои ложные икры и красовался перед

веселым обществом, не подозревая о причине этой веселости. Генерал Бурсье понял, что если он не мог помешать этому громкому смеху всех присутствующих при простом изложении рассказа того, что я видел своими глазами, то было совершенно очевидно, что молодой младший лейтенант не мог удержаться и не расхохотаться при виде такого смешного зрелища. Он снял приказ о моем аресте и послал за мною.

Как только я появился в салоне, генеральный инспектор и все присутствующие разразились громким смехом. Мои утренние воспоминания заставили присоединиться ко всем смеющимся, и веселость стала буквально нервной, когда г-н Б…, абсолютно не подозревая о ее причине, переходил от одного к другому, спрашивая, почему все так веселились.

Глава XVII

Концентрация в Бретани войск, предназначенных для Сан-Доминго. — Реннские события. — Мой брат Адольф, замешанный в деле, арестован. — Смерть моего брата Теодора

Теперь мы подходим к серьезным событиям. За договором в Люневиле последовал Амьенский мир, который положил конец войне между Францией и Англией. Первый консул решил воспользоваться спокойной обстановкой в Европе и освобождением морей, чтобы отправить многочисленные войска на Сан-Доминго, который он хотел вырвать из-под владычества черных, возглавляемых Туссеном Лувертюром. Туссен, не будучи вовлеченным в открытое восстание против метрополии, тем не менее проявлял большие претензии на независимость. Походом руководил генерал Леклерк. У него было достаточно средств, он хорошо сражался в Италии, а также в Египте, но основная его известность была связана с тем, что он женился на Полине Бонапарт, сестре первого консула. Леклерк был сыном мельника из Понтуаза, если можно назвать мельником очень богатого владельца огромных мельниц, занимавшегося внушительными торговыми операциями. Этот мельник дал своему сыну и дочери блестящее воспитание. Дочь вышла замуж за генерала Даву.

Пока генерал Леклерк занимался приготовлениями к отъезду, первый консул собирал в Бретани значительные силы, которые он предназначал для этой экспедиции. Естественно, эти войска до дня отъезда находились под командованием генерала Западной армии Бернадотта.

Всем было известно, что между армиями, стоящими на Рейне и в Италии, существовало большое соперничество. Рейнские армии были очень привязаны к генералу Моро и не любили генерала Бонапарта, с сожалением наблюдая его восхождение к верховной власти. Со своей стороны, первый консул испытывал большее расположение к военным, сражавшимся с ним в Италии и Египте. Хотя неприязнь между первым консулом и Моро не приняла еще открытый характер, он понимал, что в его интересах было бы удалить, насколько возможно, войска, преданные Моро. Таким образом, полки, отобранные для экспедиции в Сан-Доминго, были набраны исключительно из тех, кто находился в Рейнской армии. Таким образом, отделенные от генерала Моро, эти войска были вполне удовлетворены тем, что находились в Бретани под командованием Бернадотта, который прежде был помощником Моро и долгое время служил в составе Рейнской

армии.

Экспедиционный корпус должен был насчитывать около 40 тысяч человек. Западная армия насчитывала примерно такое же количество. Таким образом, Бернадотт, командование которого простиралось на все департаменты от устья Жиронды до устья Сены, временно имел под своею властью армию в 80 тысяч человек, основная часть которой была ему более предана, чем главе государства.

Если бы у Бернадотта был характер потверже, то первому консулу пришлось бы раскаиваться за то, что он поставил под его командование такое огромное войско, поскольку сегодня я уже могу сообщить как исторический факт, не вредя никому, что Бернадотт участвовал в заговоре против правительства, возглавляемого Бонапартом. По этому поводу я сообщу некоторые детали, весьма интересные, которые никогда не были опубликованы и, возможно, о которых не подозревал даже генерал Бонапарт.

Генералы Бернадотт и Моро, завидовавшие высокому положению первого консула и недовольные тем малым значением, которое им отводилось в государственных делах, решили свергнуть его и поставить во главе правительства либо гражданского администратора, либо просвещенного представителя судебной власти. С этой целью Бернадотт, который, надо об этом сказать, имел особый талант привлекать к себе офицеров и солдат, решил объехать провинции, находившиеся под его командованием, проводил парады войск и использовал все доступные ему средства, чтобы еще больше привлечь к себе войска. Среди этих средств были доброжелательные слова самого разнообразного толка, деньги, просьбы и обещания повышения по службе, то есть все было использовано по отношению к подчиненным, тогда как в кругу командиров он старался принизить авторитет первого консула и его правительства. Обработав, таким образом, большинство полков, было нетрудно подтолкнуть их к восстанию, особенно тех, кто должен был принять участие в экспедиции на Сан-Доминго и кто рассматривал эту миссию как депортацию.

Штабом Бернадотта руководил тогда бригадный генерал по имени Симон, человек способный, но не твердый. Его положение позволяло ему общаться ежедневно с командирами корпусов. Он-то и превратил свои кабинеты в центр заговора. В этом деле ему помогал один начальник батальона по имени Фуркар, которого вы знали уже старым и бедным заместителем библиотекаря у герцога Орлеанского. Я устроил его гуда из жалости за тридцать лет несчастий и лишений. Он находился в то время при генерале

Симоне, который сделал из него своего главного агента. Посещая гарнизон за гарнизоном под предлогом выполнения служебных обязанностей, Фуркар образовал целую секретную лигу, в которую вошли почти все полковники, а также масса старших офицеров. Их настраивали против первого консула, обвиняя его в стремлении к восстановлению монархии, хотя в то время он еще об этом не думал.

Было решено, что реннский гарнизон, состоящий из нескольких полков, начнет выступление, которое потом распространится, как пороховой след, по всем дивизиям армии. Но для этого было необходимо, чтобы в этом гарнизоне была воинская часть, которая решилась бы начать первой, чтобы увлечь за собой других. В Ренн отправили 82-й линейный полк под командованием полковника Пиното, человека способного, активного, очень смелого, но несколько экзальтированного, хотя внешне он казался довольно флегматичным. Он был человеком Бернадотта и одним из наиболее рьяных зачинщиков заговора. Он пообещал поднять свой полк, в котором он пользовался большим уважением.

Все было готово к выступлению, когда Бернадотт, которому всегда не хватало решимости и который, как истинный гасконец, хотел таскать каштаны из огня кошачьей лапой, убедил генерала Симона и главных заговорщиков, что ему самому необходимо находиться в этот момент в Париже, чтобы, как только войска, находящиеся в Бретани, провозгласят свержение консулов, тут же взять бразды правления в свои руки. Приобретенную таким образом власть он хотел разделить вместе с Моро, проведя с ним предварительные переговоры. Однако в действительности Бернадотт не хотел быть скомпрометированным в том случае, если бы заговор не удался, сохраняя в то же время возможность воспользоваться его плодами в случае удачи. Генерал Симон и другие заговорщики были настолько слепы, что не заметили этой хитрости. Таким образом, в день, когда должны были быть скинуты маски, тот, кто все подготовил и должен был руководить движением, уехал.

Перед отъездом Бернадотта в Париж было составлено воззвание, адресованное французскому народу и армии. Тысячи заранее заготовленных экземпляров должны были быть вывешены в день самого события. Реннский издатель, подготовленный генералом Симоном и Фуркаром, готов был отпечатать эти прокламации собственноручно. Хитрый замысел заговорщиков состоял в том, чтобы этот документ одновременно появился и в Бретани, и в Париже. Бернадотт планировал увезти в Париж большую часть тиража, ибо считал очень важным иметь

возможность распространить текст воззвания в столице и разослать его затем во все провинции, как только Западная армия поднимет восстание против правительства. Но так как все опасались быть обнаруженными в случае обращения к парижскому издателю, Бернадотт решил получить большое количество прокламаций, не компрометируя себя. Он обратился к моему брату Адольфу, который был его адъютантом и которого только что произвели в лейтенанты легиона национальной гвардии департамента Луары, и сказал, что он хочет, чтобы тот сопровождал его в столицу, и поручает ему привезти туда его лошадь и его кабриолет, полагая, что пребывание в Париже будет весьма длительным. Мой брат был в восторге от этого поручения. Он заполнил все сундуки экипажа самыми разными вещами и поручил отвезти его слуге, который должен был приехать ранним утром, в то время как Адольф должен был уехать в дилижансе. Как только мой брат уехал, генерал Симон и командир Фуркар задержали под каким-то предлогом отправку слуги, открыли сундуки кабриолета и достали оттуда вещи, заменив их пакетами с прокламациями. Затем, запечатав все, они отправили в дорогу несчастного Жозефа, который не подозревал о том, что он везет.

Однако полиция первого консула, которая начинала приобретать хорошую организацию, прослышала о том, что что-то замышлялось в армии Бретани, но не было известно точно ни что там задумывали, ни кто был зачинщиком. Министр полиции посчитал необходимым предупредить об этом префекта Ренна г-на Мунье, знаменитого оратора Законодательного собрания. По необыкновенному стечению обстоятельств, префект получил депешу в тот самый день, когда должно было разразиться восстание в Ренне во время парада, в полдень, а было уже половина двенадцатого.

Г-н Мунье, которому министр не передал никаких точных указаний, подумал, что для получения более точных сведений в отсутствие командующего наилучшим было бы обратиться к начальнику штаба. Он попросил генерала Симона приехать к нему в особняк и показал ему министерскую депешу. Генерал Симон, подумав, что все уже открыто, растерялся, как ребенок, и ответил префекту, что действительно существует широкий заговор в армии и что, к несчастью, он принял в нем участие, но что он раскаивается, и вот план заговорщиков и имена руководителей. Дальше он добавил, что через несколько минут войска появятся на площади и по сигналу, данному полковником Пиното, объявят о низложении консульского правительства. Судите сами об удивлении г-на Мунье, который оказался, таким образом, в крайне затруднительном положении в присутствии

виновного генерала. Тот, вначале смутившись, пришел в себя и вспомнил, что под его командованием, как-никак, находится восемьдесят тысяч человек, из которых от восьми до десяти тысяч в этот самый момент были собраны недалеко от префектуры. Положение г-на Мунье было критическим, но он вышел из него очень умно.

Генералу от жандармерии Вирьону было поручено правительством сформировать в Ренне корпус пешей жандармерии, для создания которой каждый полк армии должен был поставить нескольких гренадеров. Между этими военными не было никаких личных отношений, они не находились под влиянием армейских полковников и знали только приказы их новых командиров от жандармерии, подчинявшихся только префекту. Г-н Мунье тотчас же вызвал генерала Вирьона и приказал ему привести всех жандармов. Однако, опасаясь, что генерал Симон, придя в себя, захочет убежать и встать во главе своих войск, он обращался к нему с любезными словами, уверяя его, что его раскаяние и его признание смягчат его вину в глазах первого консула, и убеждал его отдать ему свою шпагу и отправиться в башню Лаба, куда его должны были отвести пешие жандармы, которые прибыли в этот момент во двор префектуры. Таким образом, главный сподвижник восстания оказался в тюрьме.

Пока эти события проходили в префектуре, войска собрались на Оружейной площади и ждали начала парада, который должен был стать сигналом к восстанию. Все полковники были посвящены в тайну, и все обещали свою помощь, за исключением командира 79-го полка г-на Годара, которого все равно рассчитывали увидеть примкнувшим к другим.

Подумать только, на чем держатся иногда судьбы империй! Полковник Пиното, человек твердый и решительный, должен был дать сигнал к выступлению. Его 82-й полк, изготовившийся к бою, ждал с нетерпением.

Но Пиното вместе с Фуркаром занимался все утро отправкой прокламаций и забыл побриться. Пробил полдень. Полковник Пиното был уже готов отправиться на парад, когда он заметил, что его подбородок не выбрит. Он поспешил исправить положение. Но в то время, как он занялся этой операцией, генерал Вирьон вместе с большим числом офицеров от жандармерии ворвался в его комнату, выхватил его шпагу и объявил ему, что он арестован и должен следовать в тюрьму, где уже находился генерал Симон. Всего несколько минут опоздания! А ведь полковник Пиното должен был стоять во главе десяти тысяч солдат. Он не испугался бы, узнав об аресте генерала

Симона, и, безусловно, довел бы дело до завершения. Но что он мог сделать, захваченный генералом Вирьоном? Он уступил превосходству силы.

Произведя этот второй арест, генерал Вирьон и префект отправили на Оружейную площадь адъютанта, поручив ему сказать полковнику 79-го полка Годару, что они должны тотчас же передать ему сообщение от первого консула. Как только он появился перед ними, они сообщили ему о раскрытии заговора, об аресте генерала Симона и полковника Пиното и потребовали от него объединиться с ними, чтобы подавить восстание. Полковник Годар обещал это сделать, вернулся на площадь. Никому ничего не говоря о том, что ему было известно, скомандовал своему полку «направо» и повел его к башне Лаба, где соединился с батальонами жандармов, которые охраняли башню. Он нашел там также генерала Вирьона и префекта, которые выдали патроны сохранившим верность частям, и стали ожидать событий.

Тем временем офицеры полков, стоящих на Оружейной площади, удивленные внезапным отъездом командира 79-го полка, не находя объяснения опозданию полковника Пиното, послали к нему своих людей и узнали, что он только что был отведен в тюрьму. Одновременно они получают сведения о том, что генерал Симон также арестован. Волнение было неописуемым. Офицеры различных полков собрались вместе. Фуркар предложил им тотчас освободить двоих арестованных и довести задуманный план до конца. Это предложение было встречено с восторгом, особенно 82-м полком, где обожали Пиното. Все бросаются к башне Лаба, но она уже окружена четырьмя тысячами жандармов и батальонами 79-го полка. Атакующие превосходили, конечно, числом, но у них не было патронов. К тому же им претила сама мысль драться со своими товарищами только для того, чтобы сменить нескольких человек в правительстве. Генерал Вирьон и префект убеждали их вернуться к исполнению своего долга. Солдаты колебались. Но, видя, что ни один из их командиров не осмеливается подать сигнал к штыковой атаке, а это было единственным средством, которое оставалось, полки безучастно стали расходиться. Каждый возвращается в свою казарму. Коммандан Фуркар, оставшись один, был препровожден в тюрьму, так же как и несчастный издатель прокламаций.

Узнав о том, что восстание не состоялось в Ренне, офицеры других полков армии Бретани осудили его, но первый консул не дал себя обмануть их протестами. Он ускорил отправку экспедиции на Сан-Доминго и на другие Антильские острова, где

почти все они погибли: кто во время сражений, кто от желтой лихорадки.

После первых признаний генерала Симона и несмотря на то, что победа еще не была абсолютно утверждена, г-н Мунье отправляет эстафету правительству. Первый консул ставит на обсуждение вопрос об аресте Бернадотта и Моро. Однако он откладывает свое решение из-за недостатка доказательств. Чтобы найти эти доказательства, он приказал осматривать всех путешественников, едущих из Бретани.

Пока все это происходило, бедный Жозеф спокойно прибыл в Версаль в кабриолете моего брата, и его удивлению не было границ, когда его схватили жандармы, которые, несмотря на его протесты, отвели его в министерство полиции. Узнав, что экипаж, который привел этот человек, принадлежал одному из адъютантов Бернадотта, министр Фуше приказал вскрыть сундуки, и там обнаружилась масса прокламаций, в которых Бернадотт и Моро, высказавшись в очень нелестных терминах в адрес первого консула, объявляли о его низвержении и брали все бразды правления в свои руки. Бонапарт, взбешенный поведением этих двух генералов, потребовал, чтобы их привели к нему. Моро объявил ему, что, не имея никакой власти над Западной армией, он снимает всю ответственность за поведение ее полков. Следует признать, что это возражение не было лишено смысла, но оно осложняло положение Бернадотта, который в качестве главнокомандующего войсками, собранными в Бретани, был ответственен за порядок в них. Мало того, его армия не только участвовала в заговоре, но сам начальник его штаба был руководителем всей операции. Прокламации восставших были подписаны Бернадоттом, и в кабриолете его адъютанта было обнаружено более тысячи экземпляров. Первый консул думал, что доказательства столь очевидны, что они убьют и смутят Бернадотта, но он имел дело с трижды гасконцем и трижды хитрецом. Бернадотт разыграл удивление и возмущение: «Я ничего не знал, абсолютно ничего! Генерал Симон был жалким предателем, так же как и Пиното». Он настаивал, чтобы ему показали оригинал прокламации, подписанный его рукой. Разве была в этом его вина, если предатели напечатали его имя внизу прокламации? Он опровергал всеми силами и всем сердцем подобные обвинения и с возмущением осуждал авторов всех этих происков, говоря, что он будет первым, кто потребует их наказания.

На самом деле Бернадотт сумел все устроить так, что всем руководил генерал Симон, не требуя от него ни одного письменного слова, которое могло бы его скомпрометировать.

Тем самым он оставил за собой возможность все отрицать в случае, если заговор провалится. Генерал Симон, конечно, мог его обвинить за участие во всем, но у него были только половинчатые доказательства, по которым первый консул не мог судить и должным образом мотивировать обвинения против главнокомандующего, имя которого было слишком популярно в стране и в армии. Но с моим братом Адольфом разбирались не так тщательно. В одну прекрасную ночь за ним пришли к матери и арестовали его. Это произошло в момент, когда бедная женщина еще не могла оправиться от постигшего ее горя в связи со смертью мужа.

Г-н Канробер, ее старший брат, которого ей удалось вычеркнуть из списка эмигрантов, спокойно жил вместе с ней, когда на него указали несколько агентов полиции как на человека, присутствующего на собраниях, целью которых было восстановление бывшего правительства. После этого доноса его отправили в тюрьму, где он оставался в заключении в течение одиннадцати месяцев. Мать предпринимала всевозможные меры, чтобы доказать его невиновность и добиться его освобождения, когда новое ужасное несчастье обрушилось на нее.

Оба моих младших брата закончили школу, предназначенную для детей офицеров. Эта школа, расположенная в красивом здании, имела большой парк и хорошую загородную резиденцию в деревне Ванв недалеко от берегов Сены. В летнее время ученики отправлялись туда, чтобы провести несколько каникулярных дней. Иногда им разрешалось купание в реке, чем они были очень довольны. Случилось так, что неделю спустя после нескольких проступков школьников провизор лишил весь коллеж удовольствия купания. Мой же брат Теодор страшно любил это занятие, и поэтому он с несколькими своими товарищами решили, что все-таки позволят себе это развлечение втайне от регентов. Для этого, пока ученики бегали по парку, он с товарищами удалились от всех. Они перелезли через стену и в страшную жару направились бегом к Сене, в воду которой они и бросились, обливаясь потом. Но не успели они окунуться, как услышали барабан коллежа, возвещающий о начале обеда. Боясь, чтобы из-за шалости не опоздать в столовую, они поспешно оделись и бегом устремились обратно, для чего им надо было снова перелезть через стену. Прибежали они, задыхаясь, в тот момент, когда начинался обед. Побывав в таких условиях, они должны были бы или ничего не есть, или есть очень мало, но ученики не придали этому значения. Они поели как обычно, и все весьма серьезно заболели, особенно Теодор, у которого случилось воспаление легких. Он был отвезен к матери почти в безнадежном

состоянии. И именно в момент, когда она шла от изголовья кровати своего умирающего сына в тюрьму к своему брату, пришли арестовывать ее старшего сына. Какое ужасное положение для бедной матери! Вдобавок, ко всеобщему несчастью, Теодор скончался. Ему было 18 лет. Это был прекрасный молодой человек с очень мягким характером и красивой внешностью.

Я был в отчаянии, узнав о его смерти. Несчастья, которые одно за другим преследовали мою мать, повысили внимание к ней со стороны настоящих друзей отца, и среди первых пришедших на помощь был добряк Дефермон. Он почти все дни работал с первым консулом и не упускал случая, чтобы не вступиться за Адольфа, особенно часто упоминая о горе его матери. Наконец, Бонапарт сказал ему, что, хотя он невысокого мнения о разумности Бернадотта, он все ж таки считает, что ему достало здравого смысла, чтобы не втягивать в заговор против правительства двадцатилетнего лейтенанта. К тому же генерал Симон заявил, что именно он и коммандан Фуркар подложили в сундук прокламации и отправили их в кабриолете младшего Марбо. Таким образом, если он и был виноват, то немного.

Но первый консул не хотел отпускать адъютанта Бернадотта без того, чтобы тот не попросил за него лично. Узнав об этом решении, мать бросилась к Бернадотту умолять его совершить этот поступок. Он торжественно пообещал. Но проходили дни, недели, а он ничего не делал. Наконец он сказал матери: «То, о чем вы просите меня, для меня очень тяжело, но это неважно. Я должен это сделать в память о вашем муже, а также в интересах ваших детей. Я отправлюсь сегодня же вечером к первому консулу и затем, выходя из Тюильри, зайду к вам. Я уверен, что я смогу наконец объявить вам об освобождении вашего сына».

Можно представить, с каким нетерпением бедная мать ждала в течение всего этого длинного дня. Каждый экипаж, который проезжал мимо дома, заставлял биться ее сердце. Наконец пробило одиннадцать часов. Бернадотт не появился. Мать отправилась к нему сама. И что же она узнала? Что генерал Бернадотт со своей женой только что уехали на воды в Пломбьер, откуда они должны были вернуться только через два месяца. Несмотря на данное обещание, Бернадотт покинул Париж, не встретившись с первым консулом. В полном отчаянии мать написала генералу Бонапарту. Г-н Дефермон, который пообещал передать письмо, будучи возмущен поведением Бернадотта, не мог удержаться, чтобы не рассказать первому консулу, как он обошелся с нашей семьей. Генерал Бонапарт воскликнул: «Вот в этом я узнаю его!»

Г-н Дефермон, генералы Мортье, Лефевр и Мюрат настаивали, чтобы мой брат был освобожден, замечая при этом, что если молодой офицер не был в курсе заговора, то несправедливо держать его в тюрьме. И даже если бы он что-то знал, нельзя требовать от него, чтобы он уличил Бернадотта, адъютантом которого он был. Такие рассуждения поразили первого консула. Он вернул свободу моему брату и отослал его в Шербург в 49-й линейный пехотный полк, не желая, чтобы он продолжал служить адъютантом Бернадотта. Но в феноменальной памяти Бонапарта, скорее всего, сохранился отпечаток слов: «Марбо», «адъютант Бернадотта», «Реннский заговор». Таким образом, мой брат никогда уже не мог войти к нему в доверие. И спустя некоторое время Бонапарт отправил его в Пондишери.

Адольф провел целый месяц в тюрьме. Коммандан Фуркар оставался в тюрьме целый год, был лишен всех званий и получил приказ покинуть Францию. Он удалился в Голландию, где жил очень трудно в течение тридцати лет, зарабатывая на жизнь уроками французского языка, которые он был вынужден давать, не имея никаких сбережений.

Наконец, в 1832 году он подумал, что мог бы вернуться на родину, и во время осады Антверпена ко мне в комнату вошел какой-то тип, похожий на старого школьного учителя. Это был Фуркар. Я узнал его. Он мне признался, что у него абсолютно нет денег. Я не мог отказать ему в небольшой помощи и предался философским размышлениям о превратностях судьбы. Вот человек, который в 1802 году уже имел звание начальника батальона, а его смелость, соединенная с личными талантами, безусловно, возвела бы его в чин генерала, если бы полковник Пиното не решил, что ему необходимо выбрить свой подбородок в момент, когда Реннский заговор должен был разразиться. Я проводил Фуркара к маршалу Жерару, который также помнил его. Мы представили его герцогу Орлеанскому, который выразил желание дать ему место в библиотеке с жалованьем две тысячи четыреста франков. Так Фуркар прожил еще пятнадцать лет.

Что же касается генерала Симона и полковника Пиното, то они были сосланы и заточены на острове Ре в течение пяти или шести лет. Став императором, Бонапарт вернул им свободу. Пиното вел очень скромный образ жизни в течение некоторого времени в своем родном городе Рюффеке. В 1808 году император, отправляясь в Испанию, остановился там, чтобы сменить лошадей. Полковник Пиното решительно представился ему и попросил разрешения вернуться на службу. Император знал, что это был великолепный офицер, и он поставил его во главе полка, которым тот с отличием руководил в течение всех лет Испанской

войны, за что в конце кампании был награжден званием бригадного генерала.

Генерал Симон был также возвращен к активной деятельности. Он командовал пехотной бригадой в армии Массены, когда в 1810 году мы вступили в Португалию. Во время битвы при Бусаку, в которой Массена совершил ошибку, атаковав армию лорда Веллингтона, занимавшую позицию на вершине горы, бедный генерал Симон, желая смыть вину и нагнать упущенное для своего продвижения по службе время, храбро бросился вперед во главе бригады, преодолел все препятствия, забрался на скалу под градом пуль, прорвал линию английских войск и первым вошел внутрь вражеских заграждений. Но там прямым выстрелом ему раздробило челюсть. В тот момент вторая линия англичан стала наседать на наши войска и оттеснять их в долину, где они понесли большие потери. Враги обнаружили несчастного Симона лежащим в редуте среди мертвых и умирающих. Его лицо было страшно обезображено. Веллингтон отнесся к нему с большим почтением, и, как только его можно было перевозить, раненого генерала отправили в Англию как военнопленного. Позднее ему разрешили вернуться во Францию, но страшное ранение, полученное им, не позволило ему продолжать службу. Император назначил ему пенсию, и мы больше не слышали о нем.

Глава XVIII

Пребывание в Версальской школе. — Биографии братьев моей матери

После всех несчастий, обрушившихся на мою мать, единственным ее желанием было собрать вокруг себя трех оставшихся сыновей. Мой брат, получивший приказ принять участие в экспедиции, которую правительство направляло в Индию, под командованием генерала Декана, в связи с этим мог получить разрешение провести два месяца у матери. Феликс в это время находился в школе для детей офицеров, и по счастливой случайности я был недалеко от Парижа.

Кавалерийская школа в то время находилась в Версале. Каждый полк посылал туда офицера или унтер-офицера, которые, после того как они усовершенствовали там свои знания, возвращались в свою часть, где делились полученными знаниями с остальными. Пришел момент, и я как раз попросил разрешения отправиться в Париж, когда другой лейтенант нашего полка, находившийся в кавалерийской школе, закончил учебу. Наш полковник предложил мне поехать заменить его, на что я согласился с великой радостью, поскольку эта командировка давала мне возможность не только повидать снова мать, но и провести год или восемнадцать месяцев в непосредственной близости от нее. Мои сборы были скоры. Я продал лошадь, нанял дилижанс и оставил 25-й конно-егерский полк, в который мне не суждено было больше вернуться. Но поскольку тогда я этого еще не знал, мое прощание с товарищами было не очень горьким. По прибытии в Париж я застал свою матушку крайне огорченной как в связи с тяжелыми потерями, которые нам пришлось понести, так и в связи с ближайшим отъездом Адольфа в Индию и заключением моего дяди Канробера, освобождение которого в ближайшее время не предвиделось.

Месяц мы провели в кругу семьи, после чего старший брат отправился в Брест, где он должен был вскоре сесть на корабль Маренго и направиться в Пондишери. Что касается меня, то мне предстояло устроиться в кавалерийской школе, расположиться в казармах при больших конюшнях Версаля.

Меня поселили на втором этаже в апартаментах, занимаемых ранее обер-шталмейстером князем де Ламбеском. У меня была очень большая комната и огромный салон с видом на Парижскую дорогу и Оружейную площадь. Сначала я очень удивился, что такое помещение было предоставлено только что приехавшему

ученику, но вскоре я узнал, что никто не хотел занимать эти апартаменты из-за их огромных размеров, делавших их холодными и неуютными, поскольку очень немногие ученики-офицеры имели достаточно средств, чтобы оплатить их отопление. Я заставил поставить у себя хорошую печь и, приобретя довольно большую ширму, из просторной квартиры соорудил маленькую комнату, которую обставил как смог, поскольку нам выдавались только стол, кровать и два стула, что, естественно, не вязалось с размерами комнат моей квартиры. Однако я неплохо обустроил ее, так что с приходом весны она стала очень привлекательной.

Однако не стоит думать, что звание ученика, которое мы получили, давало возможность обращаться с нами как со школьниками. Мы были очень свободны в своих действиях, я бы даже сказал, слишком свободны. Нами командовал старый полковник г-н Морис, которого мы почти никогда не видели и который ни во что не вмешивался. Три дня в неделю у нас были занятия в гражданском манеже под руководством знаменитых инструкторов верховой езды. Мы отправлялись туда, когда нам это было удобно. Во второй половине дня великолепный ветеринар г-н Валюа читал нам лекции по лечению лошадей, но никто не принуждал учеников заниматься этим с упорством. Три других дня были посвящены военным занятиям. Утром, согласно уставу, совершался выезд под руководством двух капитанов школы, и во второй половине дня шли теоретические занятия, руководимые ими же.

Как только упражнения кончались, капитаны исчезали, и каждый ученик отправлялся, куда хотел, и делал, что хотел. Надо признаться, что необходимо было иметь сильную волю и большое желание учиться, чтобы преуспеть в школе, так плохо организованной. Однако большинство учеников добивались успеха, так как обязанность впоследствии стать инструкторами в своих полках и самолюбие заставляли их брать верх над собой. Они работали удовлетворительно, но не более, чем сейчас в Сомюрской школе[32]. Что касается поведения, то наши руководители не обременяли нас присмотром. Главное, чтобы ученики не вносили беспокойства во внутреннюю жизнь школы, и им разрешали делать все, что им хотелось. Они могли выходить в любое время, не были связаны никаким сигналом к возвращению, обедали там, где им нравилось, иногда отсутствовали ночью и даже уезжали в Париж, не спрашивая на то разрешения. Ученики в званиях унтер-офицеров пользовались несколько меньшей свободой и обязаны были возвращаться в школу к десяти часам вечера.

Каждый из нас носил мундир своего полка, и первого числа каждого месяца, когда мы проходили смотр в парадной форме, ученический состав школы представлял собой довольно странное, но любопытное зрелище, поскольку в этот момент можно было увидеть сразу все многообразие обмундирования французской кавалерии.

Ученики-офицеры, принадлежащие к различным полкам, собирались вместе на очень краткое время, только на период занятий, и между ними не возникало настоящей дружбы, которая составляет радость жизни в полку. К тому же нас было очень много (девяносто человек). Таким образом, большой близости между нами не возникало. Складывались компании, но не настоящие отношения. К тому же я не испытывал ни малейшего желания организовывать какое-то общество со своими новыми товарищами. Каждую субботу я уезжал в Париж, где я проводил весь день, следующий день и часть понедельника у своей матери.

В Версале у мамы было две подруги из Ренна — графини Шатовиль, пожилые дамы, очень благородные, прекрасно образованные, которые принимали у себя избранное общество. Два-три раза в неделю я ездил на их вечера. В другие дни по вечерам я читал — занятие, которое я очень любил, поскольку в коллежах человека только направляют на путь образования, то совершенствовать его должен он сам, с помощью чтения. Какое счастье я испытывал, когда в середине очень суровой зимы я возвращался к себе после ужина, зажигал огонь и, спрятавшись за своей ширмой, при небольшой лампе мог читать до восьми-девяти часов. Затем я ложился, чтобы сберечь дрова, и продолжал читать до полуночи. Так я перечитал Тацита, Ксенофонта, а также всех греческих и латинских классиков. Читая, я переживал историю Рима, Франции и других больших государств Европы. Деля свое время между визитами к матери, занятиями в школе, посещением приятного общества и моими любимыми книгами, я оставался очень довольным, и время шло для меня незаметно.

1803 год я встретил в Версале. Весна внесла некоторые изменения в мой образ жизни. Все ученики-офицеры имели свою лошадь. Таким образом, вечера я мог посвящать длинным верховым прогулкам в замечательных, прилегающих к Версалю, лесах Марли и Медон.

В мае месяце у мамы случилась большая радость: ее старший брат г-н де Канробер вышел наконец из тюрьмы Тампль, и два других, де л’Иль и де Ла Кост, были наконец вычеркнуты из списков эмигрантов и вернулись прямо в Париж.

Старший из братьев моей матери, г-н Сертен де Канробер, был человеком большого ума и редкой любезности. Он поступил

на службу в очень молодом возрасте в качестве младшего лейтенанта пехотного полка Пентьевра и под командованием генерал-лейтенанта Во участвовал во всех кампаниях Корсиканской войны, где не раз отличился[33]. Возвратясь во Францию после победы, он добавил к своим 24 годам службы крест Святого Людовика и был произведен в капитаны. В это время он женился на мадемуазель де Сангине. После женитьбы он удалился в замок де Лаваль де Сер. Вскоре став отцом мальчика и девочки, г-н де Канробер жил счастливо в своем замке до тех пор, пока не разразилась революция 1789 года. Он был вынужден эмигрировать, чтобы избежать эшафота, который ему, безусловно, грозил. Все его имущество было конфисковано и продано. Жена с двумя маленькими детьми отправлена в тюрьму. Моя мать добилась разрешения навестить свою несчастную кузину, которую она обнаружила в холодной и сырой башне больной лихорадкой, от которой в тот же день умерла ее маленькая дочь. Благодаря многочисленным просьбам, мать добилась ее освобождения, но она через некоторое время тоже умерла от болезни, полученной ею в тюрьме. Мать взяла на воспитание ее младшего сына по имени Антуан. Он был отдан сначала в коллеж, а затем в военную школу, где стал одним из лучших учеников. Наконец, этот сводный брат Марселена де Канробера стал пехотным офицером и нашел достойную и храбрую смерть на поле брани при Ватерлоо.

Мой дядя был одним из первых эмигрантов, который еще при Консульстве получил разрешение вернуться во Францию. По возвращении он вернул часть своего имущества и женился на одной из дочерей г-на Ниоселя, бывшего друга семьи. Новая мадам де Канробер стала матерью нашего милого кузена Марселена де Канробера (впоследствии маршала Канробера), который не раз отличился в боях в Африке, где и по сей день служит полковником. Как бы его отец мог гордиться таким сыном! Но он умер до того, как стал свидетелем его успехов.

Г-н Сертен де л’Иль, второй брат моей матери, был одним из красивейших людей Франции. Революция застала его в чине лейтенанта Пентьеврского полка, где служил его старший брат и многочисленные дяди. Он поддался общему настроению своих товарищей и эмигрировал вместе со своим младшим братом Сертеном де Ла Костом, служившим в роте телохранителей короля. Покинув Францию, оба брата не расставались. Сначала они отправились в Баден, но их покой там был вскоре нарушен: французские армии перешли Рейн. А поскольку, согласно распоряжению Конвента, любой эмигрант, попавший в плен, должен был быть немедленно расстрелян, то мои дяди

вынуждены были поспешно уходить в глубь Германии. Отсутствие денег вынудило их путешествовать пешком, что очень быстро изнурило несчастного Ла Коста. Им было крайне трудно найти себе какое-либо жилье, поскольку все было занято австрийскими военными. Ла Кост заболел, его брат, как мог, поддерживал его. Они добрались до небольшого вюртембергского городка. Там они вошли в какой-то жалкий кабак, где нашли себе пристанище, но рано утром увидели, что австрийцы покидают эти места. Они узнали, что французы скоро займут город. Ла Кост не мог передвигаться и потребовал от де л'Иля оставить его на милость божью для его же спасения. Но л'Иль заявил, что он ни при каких обстоятельствах не покинет своего умирающего брата. Вскоре двое французских волонтеров заявились в кабак с документом на постой.

Хозяин был обязан, согласно обычаям войны, кормить своих постояльцев хорошо. Что само по себе плюс отдых поправили здоровье Ла Коста. Расставаясь с ними, волонтеры из батальона Жиронды хотели помочь своим новым друзьям, так чтобы они могли свободно передвигаться между французских войск и при этом их никто не мог бы арестовать. Для этого они оторвали от своих мундиров металлические пуговицы с названием своего батальона и пришили их на гражданские костюмы моих дядей, которые действительно смогли потом свободно проходить всюду. С этим необычным паспортом они пересекли все французские бивуаки, не вызывая ничьих подозрений. Они отправились в Пруссию и устроились там в городе Галле, где у г-на де л'Иля была возможность давать уроки. Так они прожили довольно спокойно до 1803 года, когда моя мать сумела добиться, чтобы их вычеркнули из списка эмигрантов. И оба моих дяди вернулись во Францию через 12 лет изгнания.

Глава XIX

Огромные приготовления на побережье. — Меня назначают адъютантом Ожеро

Но вернемся в Версаль. Пока я занимался в кавалерийской школе, в Европе происходили важные события. Ревность Англии, подстегнутая расцветом Франции, заставила ее прервать Амьенский мир, и военные действия возобновились. Первый консул решил усилить военные действия и вывести свою армию на территорию Великобритании, что было смелой, очень трудной операцией, но не невозможной.

Чтобы реализовать задуманное, Наполеон, только что овладевший Ганновером, этой родовой вотчиной Англии, сосредоточил на берегах Северного моря и Ла-Манша несколько армейских корпусов. Он приказал построить и собрал в Булони и соседних портах огромное количество барж и плоскодонных лодок, на которых он рассчитывал перевезти свои войска.

Все, что относилось к военному делу, пришло в движение, и я очень сожалел, что не мог в ней участвовать. Я понимал, насколько сомнительным стало мое положение с возобновлением военных действий. Теперь я должен был отправляться в свой полк и использовать полученное мной в кавалерийской школе образование для подготовки новобранцев. Я уже видел себя проводящим целые годы в тылу, с хлыстом в руке, заставляющим новобранцев на старых лошадях учиться верховой езде, в то время как мои товарищи будут сражаться во главе этих кавалеристов, подготовленных мною. Такая перспектива была малоприятной, но каким образом можно было ее избежать?

Каждый полк должен пополняться новобранцами. И мне было очевидно, что мой полковник, отправивший меня в кавалерийскую школу учиться тому, как надо обучать новобранцев, не захочет лишить себя такого ценного учителя. Таким образом, мое участие в действующих эскадронах исключалось. Я пребывал в полном недоумении, и однажды, прогуливаясь по улицам Парижа с книжкой по теории верховой езды в руках, я задумался, и мне пришла в голову блестящая мысль, которая полностью изменила мою судьбу и способствовала моему возвышению в то звание, которое я ношу и сейчас.

Я узнал, что первый консул был крайне недоволен лиссабонским двором и приказал сформировать в Байонне армейский корпус под командованием генерала Ожеро,

предназначенный для вступления в Португалию. Я знал, что генерал Ожеро был обязан моему отцу своим продвижением по службе, под командованием которого он служил в и тулонском лагере и в Пиренеях. И хотя мой опыт, приобретенный после смерти отца в Генуе, не позволял мне хорошо судить о людях, я тем не менее решил написать генералу Ожеро, чтобы объяснить ему свое положение и попросить его помочь мне из него выйти, взяв меня своим адъютантом. Письмо было написано быстро, и я отправил его своей матери, чтобы узнать, одобряет ли она мое решение. Она не только дала свое согласие, но, зная, что Ожеро находился в Париже, решила передать это письмо ему лично. Ожеро принял вдову своего друга с большим почтением. Он тотчас же сел в экипаж и отправился к военному министру. В тот же вечер он привез матери документ о моем назначении адъютантом. Таким образом воплотилось в жизнь мое желание, еще сутки назад казавшееся пустой выдумкой. На следующий день я бросился благодарить генерала. Он меня принял великолепно, приказав как можно скорее присоединиться к ним в Байонне, куда он теперь же отправлялся.

Шел октябрь месяц. Я уже закончил первый курс кавалерийской школы, но меня отнюдь не интересовало продолжение обучения, и я покинул Версаль с радостью на душе. Мои предчувствия говорили мне, что я вступаю на новый путь, намного более интересный, чем служба инструктором в полку. Эти предчувствия меня не обманули, поскольку через девять лет я был уже полковником, тогда как мои товарищи, которых я покинул в кавалерийской школе, дошли только до ранга капитанов.

Я тотчас же отправился в Байонну, где вступил в свои обязанности адъютанта главнокомандующего. Генерал Ожеро занимал красивый замок Марак в четверти лье от города, где спустя несколько лет останавливался император. Генерал Ожеро принял меня прекрасно, так же как и мои новые товарищи, его адъютанты, которые почти все служили у моего отца. Этот штаб хотя и не дал армии столько же старших офицеров, сколько штаб Бернадотта, был тем не менее очень хорошо составлен. Должность начальника штаба занимал генерал Донзело, человек больших достоинств, впоследствии ставший губернатором Ионических островов, а затем Мартиники. Заместителем начальника штаба был полковник Альбер. Он умер в звании генерала, будучи адъютантом герцога Орлеанского. Среди адъютантов были: полковник Сикар, погибший при Хайльсберге, эскадронный начальник Брам, который после заключения Тильзитского мира уехал в Лилль, и Масси, погибший в звании

полковника в битве при Москве-реке[34]; капитан Шеветель и лейтенант Мейнвьелль; первый уехал в свои имения в Бретани, а второй закончил военную карьеру в Байонне. Я был шестым, самым молодым адъютантом.

Наконец, при штабе был доктор Реймон, прекрасный практик и один из замечательнейших людей, который оказал мне большую помощь во время битвы при Эйлау.

Сводный брат маршала, полковник Ожеро следовал с нашим штабом. Это был человек очень мягкий, впоследствии ставший генерал-лейтенантом.

Глава XX

Ожеро. — Различные эпизоды его карьеры

Теперь я должен представить биографию маршала Ожеро. Большинство генералов, которые сделали себе имя во время первых войн Революции, вышли из низших слоев общества, но неправильно было бы думать, что они не получили никакого воспитания и обязаны были своими успехами только своей исключительной храбрости. Об Ожеро говорили особенно плохо. Почему-то стало нормой представлять его негодяем, грубияном, буяном и злым человеком. Это большая ошибка. Хотя его молодость и была очень бурной и он совершил немало политических ошибок, он был добр, вежлив, внимателен. Я со всей ответственностью заявляю, что из пяти маршалов, при которых мне пришлось служить, он был, безусловно, тем, кто умел облегчить своим людям тяготы войны. Он был добрым к местному населению и хорошо обращался с офицерами, с которыми ему приходилось жить. Он вел себя как отец среди детей. Жизнь генерала Ожеро была очень неспокойной, но, прежде чем его судить, надо вспомнить об обычаях и нравах того времени.

Пьер Ожеро родился в Париже в 1757 году. Его отец занимался продажей фруктов, коммерция шла успешно, и он сколотил значительное состояние, которое ему позволило дать хорошее воспитание своим детям. Мать его родилась в Мюнхене, у нее была хорошая привычка употреблять в разговоре с сыном только немецкий язык, и, таким образом, сын говорил свободно по-немецки. Это обстоятельство оказалось ему очень полезным во время его путешествий, точно так же, как и во времена войн. Ожеро имел красивое лицо, высокий рост и хорошее телосложение. Он любил физические упражнения и умел хорошо их исполнять, а также был прекрасным наездником и великолепно владел шпагой. В возрасте 17 лет Ожеро потерял свою мать. Ее брат, служивший при администрации Месье[35], заставил его поступить на службу в полк карабинеров[36], владельцем и полковником которого являлся Месье.

Он прожил несколько лет в Сомюре, в постоянном гарнизоне карабинеров. Его манера служить, его хорошее поведение вскоре возвели его в чин унтер-офицера. К несчастью, в те времена дуэль была всеобщей одержимостью. Репутация отменного фехтовальщика, которой пользовался Ожеро, прямо-таки принуждала его к многочисленным дуэлям. А среди дуэлянтов и

забияк особым шиком было умение не терпеть никакого превосходства над собой. Дворяне, офицеры, солдаты дрались по самым ничтожным поводам. Ожеро находился в то время в полугодичном отпуске в Париже. Знаменитый учитель фехтования Сен-Жорж, видя его проходящим мимо, сказал в присутствии многих военных, что это одна из лучших шпаг Франции. После чего один унтер-офицер из драгун по имени Белер, претендующий на славу самого ловкого фехтовальщика после Сен-Жоржа, написал Ожеро, что он хотел бы сразиться с ним, конечно, если тот не признает заранее его превосходство. Ожеро ему ответил, что он ничего подобного не сделает. И они встретились на Елисейских Полях. Белер получил удар шпаги, пронзивший его насквозь. Дуэлянт, впрочем, выздоровел. Покинув службу, он женился, стал отцом восьми детей, которых он не знал, как прокормить, когда в один прекрасный день в период Империи ему пришла мысль обратиться к своему бывшему противнику, ставшему маршалом. Этот человек, которого я знал, обладал живым умом и веселым нравом. Он предстал перед Ожеро с небольшой скрипкой под мышкой и сказал, что, не имея ничего, что бы он мог предложить на обед своим восьми детям, он предложит им танцевать, чтобы их развеселить, во всяком случае, если маршал не захочет помочь ему их накормить более существенно. Ожеро узнал Белера, пригласил его на обед, дал ему денег и спустя несколько дней нашел ему очень приличное место в администрации почтово-пассажирской конторы и отправил двух его сыновей учиться в лицей. Подобное поведение не требует комментариев.

Не все дуэли, в которых участвовал Ожеро, заканчивались таким образом. Часто из-за абсурдного поклонения традиции между различными полками существовала непримиримая ненависть, причины которой были очень древними и часто даже непонятными. Но они передавались от поколения к поколению и приводили к дуэлям каждый раз, как только эти полки оказывались рядом. Между карабинерами и люневильскими жандармами эта война велась уже более полувека, хотя эти полки за это время ни разу не встречались. Наконец, в начале царствования Людовика XVI эти две части были собраны в Компьеньском лагере. Тогда, чтобы не показаться менее храбрыми, чем их предшественники, карабинеры и жандармы договорились драться между собой, и такое намерение выглядело настолько естественным, что командиры решили, что им ничего не остается, как закрыть на это глаза. Однако, чтобы избежать слишком большого кровопролития, они сумели отрегулировать некоторые условия, а именно что будет только одна дуэль.

Каждая из частей должна была выбрать бойцов для предстоящего поединка, после чего должно было быть заключено перемирие. Самолюбие обеих сторон было так сильно, что выдвинутый боец просто не представлял себе поражения. Карабинеры выбрали двенадцать лучших своих фехтовальщиков, среди которых находился и Ожеро. Была заключена договоренность, что тот, кому надлежит защитить честь полка, будет указан жребием. В тот день судьба оказалась еще более слепой, чем обычно, поскольку она указала на унтер-офицера, имеющего пятерых детей, его звали Доннадье. Ожеро заметил, что на билетах не должны были указывать имя отца семейства, и попросил заменить его другим. Однако Доннадье заявил, что поскольку жребий выпал ему, то он пойдет сам. Ожеро продолжал настаивать. Наконец, эту борьбу великодушия прекратили остальные участники предприятия, принявшие предложение Ожеро. Оставалось узнать, кто будет сражаться со стороны жандармов.

Противником Ожеро был страшный человек, великолепный боец и профессиональный дуэлянт, который в предыдущие дни в качестве упражнения, ожидая решающей схватки, убил двух сержантов полка Французской гвардии. Ожеро, ничуть не испугавшись репутации этого драчуна, отправился в кафе, куда должен был прийти его соперник, и, ожидая его, уселся за стол. Жандарм вошел, и, как только ему указали на кандидата карабинеров, он откинул полы своего мундира и нагло уселся на стол, повернувшись к Ожеро задом. Тот же в этот момент пил довольно горячий кофе. Он осторожно приоткрыл клапан, существовавший в те времена на кавалерийских лосинах, и вылил кипящую жидкость прямо на ягодицы наглого жандарма. Последний в бешенстве вскочил. Вот и завязалась ссора! Оба тут же отправляются на площадку, а за ними следует толпа карабинеров и жандармов. Взбешенный жандарм, желая повеселиться над тем, кого он считал уже своей очередной жертвой, спросил у Ожеро насмешливым тоном: «Вы желаете, чтобы вас похоронили в городе или в деревне?» Ожеро не замедлил ответить: «Предпочитаю в деревне, я всегда любил свежий воздух». «Хорошо! — воскликнул жандарм, обращаясь к своему секунданту. — Ты зароешь его рядом с теми двумя, которых я отправил туда вчера и позавчера». Подобные заявления не внушали бодрости, и любой другой, кроме Ожеро, был бы по меньшей мере взволнован. Но он не проявил волнения, но был решительно настроен защищать до конца свою жизнь. Он дрался так сосредоточенно и так хорошо, что его противник, взбешенный тем, что никак не может его достать, окончательно вышел из себя и сделал два ошибочных движения, которыми Ожеро, оставаясь

спокойным, тут же воспользовался и проткнул его насквозь, говоря: «Вы будете похоронены в деревне».

Пребывание в лагере было окончено, карабинеры вернулись в Сомюр. Ожеро продолжал спокойно нести свою службу, когда одно фатальное событие бросило его в жизнь, полную приключений.

Молодой офицер благородного происхождения и вспыльчивого нрава обнаружил свое недовольство тем, как вычищены его лошади, и набросился на Ожеро. В приступе гнева он хотел ударить его хлыстом в присутствии всего эскадрона. Возмущенный Ожеро отбросил далеко хлыст неосторожного офицера. Тот, окончательно взбесившись, выхватил шпагу и бросился на Ожеро, воскликнув: «Защищайтесь!» Ожеро сначала ограничился тем, что парировал удар, но, будучи ранен, он кончил тем, что ответил со всей силой, и офицер упал мертвым.

Генерал граф де Мальсен, командующий полком карабинеров от имени Месье, был немедленно проинформирован о произошедшем, и, хотя свидетели договорились утверждать, что Ожеро был несправедливо спровоцирован и вынужден был законно защищаться, генерал, симпатизировавший Ожеро, посчитал более разумным отправить его подальше. Для этого он позвал карабинера Папона, уроженца Женевы, время службы которого истекало через несколько дней, и предложил ему передать свой путевой лист Ожеро, обещая, что он ему достанет другой, новый. Папон согласился, и Ожеро, крайне благодарный ему за это, покинул полк. Когда Ожеро приехал в Женеву, то узнал, что военный совет, несмотря на заявления свидетелей, приговорил его к смертной казни за то, что он осмелился обнажить шпагу против офицера.

Семья Папона поставляла большие партии часов на Восток. Ожеро решил сопровождать посыльного, которого они отправляли, и добрался с ним до Греции, откуда через Ионические острова проследовал в Константинополь, и затем на побережье Черного моря. Во время его пребывания в Крыму один русский полковник, судя по манере держаться Ожеро, понял, что он военный, и предложил ему звание сержанта. Ожеро согласился и прослужил несколько лет в русской армии, которая под командованием знаменитого Суворова сражалась против турок, и был ранен при осаде Измаила[37]. После подписания мира между Портой и Россией полк, в котором служил Ожеро, был направлен в Польшу, но Ожеро не хотел больше оставаться среди русских, в то время полуварваров. Он дезертировал, добрался до Пруссии, где он служил сначала в полку принца Генриха, а потом из-за своего высокого роста и красивого лица был взят в знаменитый

полк гвардейцев Фридриха Великого. Он служил там уже два года, и его капитан обещал ему продвижение по службе. Но однажды король во время смотра гвардейцев остановился перед Ожеро и сказал: «Какой красавец гвардеец! Из какой же он страны?» — «Он француз, Ваше Величество». — «Тем хуже, — ответил Фридрих, который стал ненавидеть французов в такой же степени, в какой раньше их любил. — Тем хуже. Если бы он был швейцарцем или немцем, мы бы из него кое-что могли сделать».

С этого момента Ожеро был уверен, что в Пруссии он никогда никем не станет, поскольку услышал эти слова из уст самого короля. Он решил покинуть и эту страну. Но это было крайне сложно, поскольку, как только имело место дезертирство солдата, об этом объявлялось пушечным залпом, и население бросалось на его поиски в надежде получить обещанную награду. Если дезертира ловили, то его расстреливали без суда.

Чтобы избежать подобного несчастья и обрести свою свободу, Ожеро знал, что примерно треть гвардейцев из иностранцев, как и он, мечтала только о том, чтобы покинуть Пруссию. Он постарался договориться с шестьюдесятью гвардейцами из наиболее смелых, которым он постарался объяснить, что, дезертируя поодиночке, они терялись, потому что хватало одного-двух человек, чтобы их захватить. Но если бы они ушли все вместе, с оружием в руках и амуницией, чтобы иметь возможность защищаться, конец мог бы быть совсем другим. Именно это они и сделали под предводительством Ожеро. Эти решительные люди по дороге были не раз атакованы крестьянами и даже целым отрядом солдат, потеряли нескольких своих товарищей, но убили больше врагов, чем понесли потерь сами, и за одну ночь добрались до саксонских владений, находившихся в каких-то 10 лье от Потсдама. Ожеро отправился в Дрезден, где начал давать уроки танцев и фехтования. Там он и пробыл до того дня, когда родился первый наследник Людовика XVI. Его рождение праздновалось французами очень торжественно, и по этому поводу были амнистированы все дезертиры, что позволило Ожеро не только вернуться в Париж, но даже снова примкнуть к карабинерам. Поскольку судимость с него была снята, генерал де Мальсен призвал его к себе как одного из лучших унтер-офицеров корпуса. Таким образом, Ожеро вновь вернул себе свое звание и положение до того, как в 1788 году неаполитанский король, чувствуя необходимость привести в хорошее состояние свою армию, попросил французского короля прислать ему в качестве инструкторов некоторое количество офицеров и унтер-офицеров, которым он мог бы дать более высокое звание. Всеми инструкторами, направленными в Неаполь, руководил г-н граф де

Поммроль, ставший впоследствии генералом и префектом Империи. Ожеро входил в этот отряд и по прибытии в Неаполь получил звание младшего лейтенанта. Он прослужил там несколько лет и только что был назначен лейтенантом, как влюбился в дочь греческого негоцианта и попросил ее руки. Отец не хотел соглашаться на подобный союз, и двое возлюбленных поженились тайно, а затем, сев на первый корабль, отбывавший из Неаполя, отправились в Лиссабон, где прожили очень спокойно, в мире и согласии, в течение некоторого времени.

Был конец 1792 года. Французская революция разгоралась с новой силой, и все монархи Европы, боясь проникновения в их государство новых идей и принципов, стали крайне суровы по отношению ко всему, что было французским. Ожеро часто уверял меня, что во время своего пребывания в Португалии он никогда ничего не сделал, ничего не сказал такого, что могло бы испугать правительство, тем не менее он был арестован и препровожден в тюрьму инквизиции. Уже несколько месяцев, как он томился в тюрьме, когда мадам Ожеро, женщина редкой храбрости, увидев в порту корабль с трехцветным флагом, поднялась на борт и передала капитану письмо, в котором она сообщала французскому правительству о незаконном аресте своего мужа. Хотя капитан французского корабля не принадлежал к военному флоту, он решительно отправился к португальским министрам и потребовал выдачи своего соотечественника, заключенного в тюрьму инквизиции. Выслушав их отказ, он гордо объявил им войну от имени Франции. То ли португальцы испугались, то ли поняли, что они действовали незаконно, но Ожеро был освобожден и вернулся в Гавр, где вместе с женой сел на корабль этого достойного капитана. Приехав в Париж, Ожеро был произведен в звание капитана и отправлен в Вандею, где своими советами и своей храбростью он спас армию от неспособного генерала Руссена, что сделало его начальником батальона.

Испытывая отвращение от необходимости сражаться против французов, Ожеро попросил отправить его в Пиренейскую армию, откуда он был направлен в тулузский лагерь, в котором командовал мой отец. Крайне удовлетворенный тем, как служил Ожеро, отец произвел его в главные аджюданы (полковники штаба) и осыпал его всеми знаками внимания, о чем Ожеро никогда не забывал. Уже будучи генералом, он отличился в войнах в Испании, Италии и особенно при Кастильоне. Накануне этой битвы французская армия, окруженная со всех сторон, находилась в критическом положении, и тогда главнокомандующий генерал Бонапарт созвал военный совет, единственный, с которым он пожелал проконсультироваться. Все

генералы, даже Массена, высказались за отступление, и только один Ожеро объяснил, что нужно сделать, чтобы выйти из этого затруднительного положения. Свое выступление на совете он закончил такими словами: «Даже если вы все уедете, я остаюсь, и со своей дивизией атакую врага на восходе дня». Бонапарт, пораженный доводами, высказанными Ожеро, сказал ему: «Ну что ж, я останусь с вами». С этого момента больше никто не говорил об отступлении, и на следующий день французы одержали блестящую победу, которой они в первую очередь были обязаны доблести и искусным маневрам Ожеро. С этого момента положение французской армии в Италии очень укрепилось, и теперь, когда некоторые завистники позволяли себе высказаться неодобрительно против Ожеро в присутствии императора, последний отвечал: «Не будем забывать, что он спас нас при Кастильоне». И когда Наполеон создал новое дворянство, он дал Ожеро титул герцога Кастильонского.

Умер генерал Гош. Ожеро заменил его в Рейнской армии, и после установления Консульства ему было поручено руководство Галло-Батавской армией, состоящей из французских и голландских войск, с которыми он был во Франконии, где провел блестящую кампанию 1800 года, выиграв сражение при Бург-Эберахе. После восстановления мира он купил земли и замок Ла Уссэ. В отношении его подобных приобретений я должен сказать, что состояние некоторых генералов Итальянской армии очень преувеличивали. Ожеро, в течение 25 лет получавший зарплату генерала, командующего и маршала, в течение семи лет получавший дотацию в размере 200 тысяч франков и жалованье в 25 тысяч франков за орден Почетного легиона, после своей смерти оставил всего 48 тысяч франков ренты. Не было человека более широкой натуры, более бескорыстного и более обязательного, чем он. Я мог бы привести здесь немало примеров, но я ограничусь двумя.

После создания Консульства генерал Бонапарт образовал многочисленную гвардию. Пехоту он поставил под командование генерала Ланна. Этот генерал был одним из самых достойных военных, но абсолютно не разбирался в хозяйственно-административных вопросах. Вместо того чтобы соблюдать установленные тарифы на покупку простынь, тканей и других предметов, он всегда находил все это недостаточно красивым, и, таким образом, его служащие, ответственные за одежду и обмундирование гвардии, были в восторге от того, что могли полюбовно разговаривать с поставщиками, получать от них взятки, считая, что эти заниженные цены покроются знаменитым именем генерала Ланна, друга первого консула. Действуя таким

образом, они создали для гвардии необычайно шикарную униформу. Но когда пришло время платить по счетам, оказалось, что требуемые суммы превосходят отпущенный министерством бюджет на 300 тысяч франков.

Первый консул принял решение упорядочить финансовые дела и принудить командиров частей не превосходить отпущенные им кредиты. Он пожелал дать им наглядный пример. И хотя он испытывал большую симпатию к генералу Ланну и был абсолютно убежден, что ни один сантим не оказался в кармане этого достойного генерала, он объявил его ответственным за растрату 300 тысяч франков и дал ему восемь дней, чтобы внести эту сумму в кассу гвардии. В противном случае он грозился представить его военному суду. Это суровое решение произвело колоссальный эффект и положило конец всем растратам, которые свершались вокруг.

Генерал же Ланн, хотя и был недавно женат на дочери сенатора Геэнёка, оказался не способен заплатить этот долг. Тогда Ожеро, узнавший о тяжелом положении своего друга, побежал к нотариусу, взял 300 тысяч франков и поручил своему секретарю внести их от имени генерала Ланна в кассу гвардии. Узнав об этом поступке, первый консул был бесконечно благодарен генералу Ожеро за то, что он помог Ланну расплатиться с этим долгом и оправдаться перед ним, за что он предложил Ожеро посольство в Лиссабоне, что было очень хорошо оплачиваемой должностью.

Вот еще один пример широты натуры Ожеро. Он мало был связан с Бернадоттом. Последний купил землю в Лагранже, за которую рассчитывал заплатить из приданого своей жены. Но эти деньги не были полностью переданы ему. Кредиторы же торопили. Тогда он обратился с просьбой к Ожеро одолжить ему 200 тысяч франков на пять лет. Ожеро тотчас же согласился. Мадам Бернадотт решила поинтересоваться, какие проценты он хотел бы получить с этого долга. «Мадам, — ответил Ожеро, — я полагаю, что деловые люди извлекают определенную выгоду из денег, которые они одалживают. Но когда маршал может оказать услугу товарищу, он не должен получать никакие проценты, потому что удовольствие оказать эту услугу гораздо больше». И вот вам человек, которого изображали как очень жесткого и жадного.

Здесь я остановлюсь и не буду больше приводить эпизоды из жизни Ожеро. Дальнейшая его биография будет видна по мере моего рассказа, где будут указаны его ошибки, которые он, естественно, совершал, но также и его великолепные качества.

Глава XXI

От Байонны до Бреста. — 1804 год. — Заговор Пишегрю, Моро и Кадудаля. — Смерть герцога Энгиенского. — Бонапарт становится императором

Возвратимся в Байонну, где я нагнал штаб Ожеро. В этой местности зима очень мягкая. Это позволяло устраивать маневры и даже разыгрывать небольшие войны для того, чтобы затем по-настоящему победить Португалию. Однако лиссабонский двор беспрекословно принял все, что хотело от него французское правительство, и мы вынуждены были отказаться от перехода через Пиренеи. Генерал Ожеро получил приказ двигаться в Брест и принять там командование 7-м корпусом стоящей на побережье армии, которая должна была осуществить высадку в Ирландии.

Первая супруга генерала Ожеро, гречанка, находилась в то время в По, и он решил отправиться туда, чтобы попрощаться с ней, взяв с собою трех адъютантов, среди которых оказался и я.

В те времена каждый главнокомандующий имел свой эскадрон эскорта — гидов. Один из взводов этого эскадрона постоянно сопровождал экипаж командующего, тогда как другие были рассеяны по всей территории, занятой войсками, состоящими под его командованием. В Байонне еще не было ни одного отряда из эскадрона эскорта, и мы попросили оставить на каждом промежуточном пункте от Байонны до По по одному кавалерийскому взводу. Эту службу должен был выполнять именно тот 25-й конно-егерский полк, который я оставил. Таким образом, из экипажа, в котором я комфортно ехал вместе с главнокомандующим, я видел моих бывших товарищей, которые рысили возле дверей нашего экипажа. Я не испытал никакой гордости, но, признаться, что, въезжая в Пийо, в который два года тому назад вошел пешком, в буквальном смысле слова вываляный в грязи, сопровождаемый жандармом, я проявил слабость. Я постарался сделать так, чтобы меня узнал мэр Борденав, которого я представил главнокомандующему и рассказал, что со мной произошло здесь в 1801 году. Когда бригада жандармов Пиреорада присоединилась к нашему эскорту и сопровождала нас до Пийо, я узнал тех двух жандармов, которые меня тогда арестовали. Старый мэр не упустил возможности указать им, что офицер, которого они видели в роскошном экипаже главнокомандующего, и был тот самый путешественник, которого они приняли за дезертира, хотя все его документы были в полном порядке. И мэр испытывал большое

удовлетворение от того, каким благоприятным образом он тогда разрешил это дело.

Пробыв сутки в По, мы вернулись в Байонну, откуда командующий отправил Мейнвьелля и меня в Брест, чтобы подготовиться там к его приезду. До Бордо мы ехали в почтовой карете, но затем были вынуждены из-за отсутствия экипажей отправиться верхом на почтовых лошадях, что из всех видов поездки было самым суровым испытанием. Шел дождь, дороги были в жутком состоянии, ночи абсолютно темными. И, несмотря на все эти неудобства, ехать надо было галопом, поскольку мы очень спешили. Хотя я никогда не был хорошим наездником, но привычка к лошадям и год, который я недавно провел в Версальском манеже, мне придавали уверенности в своих силах. И мне удавалось пускать вскачь жутких кляч, на которых мы вынуждены были путешествовать. Так я довольно сносно овладел профессией курьера, в которой, как вы увидите, в других, более поздних обстоятельствах, мне предстояло совершенствоваться не единожды. С Мейнвьеллем дело обстояло иначе, поэтому нам пришлось потратить два дня и две ночи, чтобы добраться до Нанта, куда он прибыл абсолютно разбитым и усталым, в полном изнеможении, и не мог продолжать дальше путешествие верхом. Однако мы не могли ни при каких обстоятельствах оставить командующего без квартиры при его прибытии в Брест. Нами было условлено, что я отправлюсь первым в этот город и что Мейнвьелль догонит меня в экипаже.

Многие из моих товарищей и сам Мейнвьелль присоединились ко мне через несколько дней, чтобы помочь организовать все необходимое для устройства командующего, который нашел свой дом в полном соответствии с его планами устроить его открытым для больших приемов.

Наступил 1804 год. Мы встретили его в Бресте. 7-й корпус состоял из двух пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады. Помимо них тут были еще войска, которые располагались в основном в соседних округах. Все генералы и их штабы жили в Бресте, а в порту и на рейде стояло большое количество судов самого различного ранга. Адмирал и старшие командиры флота жили также в городе. Другие офицеры туда приезжали ежедневно, и, таким образом, Брест выглядел очень оживленным и веселым. Адмирал Трюге и генерал Ожеро давали многочисленные блестящие балы. Перед войной французы вели себя всегда открыто и весело во все времена.

В феврале генерал Ожеро уехал в Париж, куда его вызвал первый консул, чтобы посоветоваться относительно проекта высадки в Ирландии. Я был в числе сопровождавших

командующего. По прибытии в Париж мы обнаружили, что политический горизонт весьма грозен. Бурбоны надеялись, что Бонапарт, взяв в руки бразды правления, будет работать на них и сможет сыграть роль Монка[38]. Но, видя, что он об этом совершенно не помышляет и не собирался вернуть им корону, они решили сами его отставить. По этому поводу они задумывали целый конспиративный заговор, главными лицами которого были три очень известных человека. Это были генерал Пишегрю, генерал Моро и Жорж Кадудаль. Пишегрю был преподавателем математики Бонапарта в Бриеннской школе, которую он оставил, чтобы пойти служить в армию. Революция его застала в чине сержанта артиллерии. Его таланты и его смелость очень быстро возвели его в ранг командующего армией. Именно он завоевал Голландию в самый разгар зимы 1794 года. Но тщеславие и амбиции его погубили. Он позволил агентам принца Конде увлечь себя соблазнительными предложениями, стал поддерживать переписку с принцем, который обещал ему большие преимущества, звание коннетабля, если он употребит все свое влияние, а оно было немалым, на войска для восстановления Людовика XVIII на троне его отцов.

Случай, этот великий арбитр человеческих судеб, сыграл и здесь свою роль. После одной из битв, в которой французские войска под командованием Моро разбили дивизию австрийского генерала Кинглина, был захвачен фургон генерала, где находились письма, адресованные Пишегрю принцу Конде. Эти документы были представлены Моро. Он был другом Пишегрю, которому был отчасти обязан своим продвижением по службе. Моро скрывал захват писем до тех пор, пока у Пишегрю была власть. Но когда он, став представителем народа в Совете старейшин, продолжал действовать в пользу Бурбонов и был арестован вместе со многими из своих коллег, Моро поспешил отправить в Директорию вещи, которые доказывали виновность Пишегрю, что и привело его к ссылке в Гвиану, на Синамари. Благодаря своей смелости и решительности Пишегрю сумел бежать. Он уехал в Соединенные Штаты, потом в Англию. Не имея больше причин скрывать свои намерения, он открыто поддержал Людовика XVIII и решил вернуться во Францию, чтобы свергнуть Консульское правительство. Но поскольку он был разжалован, сослан, отсутствовал во Франции более шести лет, Пишегрю не имел больше того влияния на армию, которое было теперь у генерала Моро, победителя в сражении под Хоэнлинденом. Именно в связи с этим он был горячо любим войсками. Из-за преданности Бурбонам Пишегрю согласился молчать о мотивах своей неприязни к Моро и объединиться с ним для торжества того

дела, которому он был предан.

Моро родился в Бретани. Когда разразилась революция 1789 года, он учился праву в Ренне. Студенты и бунтующая молодежь выбрали его своим главарем, и, когда они сформировали добровольческий батальон, они выбрали Моро командиром этого батальона. Моро начинал свою военную карьеру с должности офицера и, явив примеры храбрости и недюжинных способностей, очень быстро был возведен в ранг генерала и стал командующим армии. Он выиграл многие битвы и организовал знаменитое отступление своей армии перед превосходящими войсками эрцгерцога Карла. Но, будучи хорошим военным, Моро не имел достаточно гражданского мужества. Мы видели, что он отказался встать во главе правительства, в то время как Бонапарт находился еще в Египте. Хотя Моро помог ему во время переворота 18 брюмера, он завидовал его могуществу, особенно когда тот стал первым консулом. С этого момента Моро искал любого повода, чтобы сменить этого человека, к чему его подталкивала, как говорили вокруг, еще и зависть его жены и тещи к Жозефине, супруге Бонапарта.

При таком направлении ума этого человека не представляло большой трудности склонить его на сговор с Пишегрю.

Один бретонец по имени Лажеле, агент Людовика XVIII и друг Моро, стал посредником между ним и Пишегрю. Он без конца ездил из Лондона в Париж и обратно. Он вскоре заметил, что, соглашаясь на свержение Бонапарта, Моро в то же время имел какие-то планы сохранить власть за собой, а вовсе не передавать ее Бурбонам. В то же время была какая-то надежда, что, возможно, свидание генерала с Пишегрю приведет его к другому, более правильному направлению мыслей.

Пишегрю высадился с английского корабля на французский берег возле Трепорта и сразу отправился в Париж, где его ждали Жорж Кадудаль, г-н де Ривьер, оба Полиньяка и другие роялисты. Жорж Кадудаль был самым младшим из многочисленных сыновей мельника Морбиана, но, по очень странным обычаям, существовавшим в этой части Бретани, все имущество переходило последнему новорожденному в семье. Отец Жоржа был достаточно зажиточным человеком, и поэтому Кадудаль получил неплохое воспитание. Он был человеком невысокого роста, широкоплечим, с сердцем тигра. Его безрассудная смелость послужила тому, что его пригласили быть главнокомандующим всех банд шуанов[39]. После восстановления мира в Вандее он жил в Лондоне, но его фанатическая одержимость идеей защиты дома Бурбонов не давала ему ни минуты покоя, пока первый консул оставался во главе французского правительства. Он

разработал план его убийства, рассчитывая атаковать его среди белого дня посередине дороги в Сен-Клу. Для этого он хотел использовать отряд из 30–40 хорошо вооруженных шуанов, посаженных верхом на лошадей и переодетых в форму Консульской гвардии. Этот проект имел тем более шансов удасться, что эскорт Бонапарта обычно состоял всего из четырех всадников.

Между Пишегрю и Моро состоялось свидание. Оно произошло ночью около строящейся церкви Святой Магдалены. Моро соглашался на свержение правительства и даже на смерть первого консула, но отказывался помогать восстановлению Бурбонов. Частная полиция Бонапарта прослышала о глухих слухах и переговорах, идущих в Париже, и приказала арестовать нескольких бывших шуанов. Один из них сделал довольно важные признания, очень серьезно скомпрометировавшие генерала Моро, арест которого был одобрен на Совете министров.

Я помню, что этот арест произвел самое тяжелое впечатление на публику потому что не были арестованы Жорж и Пишегрю, никто не видел их во Франции, и многие считали, что Бонапарт придумал этот заговор, чтобы взять Моро. Правительство было, таким образом, крайне заинтересовано доказать, что Пишегрю и Жорж находятся в Париже и что они виделись с Моро. Все границы были закрыты в течение многих дней, был издан грозный закон против всех тех, кто скрывал заговорщиков. С этого момента им стало крайне трудно найти какое-нибудь пристанище, и вскоре Пишегрю, г-н де Ривьер и Полиньяки попали в руки полиции. Этот арест произвел в умах населения некоторый поворот в сторону реальности заговора. Арест Жоржа Кадудаля окончательно рассеял сомнения, которые могли еще существовать по этому поводу.

Во время допросов Жорж заявлял, что приехал с целью убить первого консула и что заговор должен был быть поддержан принцем королевского дома. Полиции было приказано определить места, где скрывались все принцы Дома Бурбонов. Стало известно, что герцог Энгиенский, внук Великого Конде, жил с некоторого времени в Эттенхайме, маленьком городке, расположенном в нескольких лье от Рейна, в Бадене. Не было никаких доказательств, что герцог Энгиенский был одним из руководителей заговора, но было очевидно, что он совершил ряд тайных поездок на территорию Франции. Как бы то ни было, но первый консул отправился тайно на Рейн, ночью, и приказал небольшому отряду под командованием генерала Орденера отправиться в Эттенхайм и похитить герцога Энгиенского. Его тут же привезли в Венсенский замок, где после краткого суда он был

приговорен к смерти через расстрел еще до того, как хоть кто-нибудь узнал об этом аресте.

Эта казнь была осуждена многими. Считали, что, если бы принц был взят на французской территории, к нему можно было бы применить имеющиеся во Франции законы, но в данном случае смертная казнь была неправомочна, поскольку он был взят за пределами Франции, в иностранном государстве, и это представлялось как недопустимое нарушение прав человека. Казалось, однако, что у первого консула не было намерения казнить принца, и он только хотел напугать роялистскую партию, не прекращавшую устраивать заговоры с целью его собственного убийства. Но генерал Савари, начальник полиции, из чрезмерного стремления угодить отправился в Венсен, захватил принца и расстрелял. Он сделал это для того, как говорил он сам, чтобы не ставить первого консула перед необходимостью самому давать приказ об убийстве герцога, чтобы не подвергать риску свою жизнь, оставляя в живых столь опасного врага. Позднее Савари отрицал такого рода объяснения, тем не менее эти слова им были произнесены. Многие свидетели слышали их. Можно почти с уверенностью сказать, что Бонапарт осудил поспешность Савари, но дело было сделано, и он вынужден был взять на себя все последствия.

Генерал Пишегрю испытывал огромной стыд, будучи причисленным к убийцам, и, не желая показываться на публике, знавшей его как покорителя Голландии, во время суда над преступными шуанами, повесился в тюрьме на собственном галстуке. Говорили, правда, что он был задушен мамлюками гвардии, но этот факт не был подтвержден. К тому же Бонапарту не нужно было подобное преступление, он был более заинтересован показать Пишегрю публично униженным перед судом, чем убивать его втайне.

Жорж Кадудаль был приговорен к смерти так же, как многие из его соучастников, и был казнен. Братья Полиньяки и г-н де Ривьер были включены в тот же список, но высшая мера наказания им была заменена пожизненным заключением. Запертые в Венсенском замке, через несколько лет они добились разрешения жить, отпущенными под честное слово, в доме для больных, но в 1814 году при приближении союзников они сбежали, чтобы присоединиться в Франш-Конте к графу д'Артуа. Затем в 1815 году они были самыми яростными преследователями бонапартистов.

Что касается генерала Моро, он был приговорен к двум годам заключения. Первый консул его помиловал при условии, что он навсегда отправится в Соединенные Штаты, где он и жил в

полном забвении до 1813 года, когда он вернулся в Европу и присоединился к врагам своей страны. Он умер, сражаясь против французов и подтверждая своим поведением все те обвинения, которые выносились против него в эпоху заговора Пишегрю.

Французская нация устала от революций и, видя, насколько Бонапарт был необходим для поддержания порядка, готова была забыть ужасное дело герцога Энгиенского и возвести Бонапарта на вершину власти, провозгласив его императором 25 мая 1804 года. Почти все дворы признали нового суверенного правителя Франции. По этому случаю 18 генералов из наиболее известных были возведены в ранг маршалов Империи. Из них в действующей армии находились Бертье, Ожеро, Массена, Ланн, Даву, Мюрат, Монсей, Журдан, Бернадотт, Ней, Бесьер, Мортье, Сульт и Брюн. В Сенате это были Келлерман, Лефевр, Периньон и Серюрье.

Глава XXII

1805 год. Утверждение ордена Почетного легиона. — Булонский лагерь. — Я становлюсь лейтенантом. — Миссия. — Смерть моего брата Феликса. — Россия и Австрия объявляют нам войну

После суда над Моро мы возвратились в Брест, откуда вскоре опять уехали в Париж. Маршал должен был присутствовать 14 июля при раздаче крестов Почетного легиона — ордена, который император установил, чтобы вознаграждать все виды заслуг перед родиной. Я должен в связи с этим напомнить одну историю, которая наделала немало шума в то время. Чтобы в награждении участвовали все военные, которые отличились в войнах Республики, император приказал учесть все подвиги тех, кто получал прежде в награду почетное оружие. Он назначил для получения ордена Почетного легиона многих из тех, кто уже довольно давно вернулись к гражданской жизни.

Г-н де Нарбонн, вернувшийся из эмиграции, жил в то время спокойно в Париже на улице Мирамениль, в доме, соседнем с домом, где жила моя матушка. В день раздачи крестов г-н де Нарбонн, узнав, что его камердинер, бывший участник Египетской экспедиции, был награжден, в момент, когда все садились за стол, сказал: «Неудобно, чтобы кавалер Почетного легиона подавал тарелки. И еще менее удобно, чтобы он снимал свой орден для выполнения своих обязанностей. Поэтому садитесь, пожалуйста, рядом со мной, и мы будем обедать вместе. В дальнейшем вы будете занимать должность сторожа охотничьих угодий, в чем нет ничего удивительного, эта должность вполне соответствует уровню вашей награды».

Император, информированный об этом благородном жесте, пожелал познакомиться с г-ном Нарбонном, о котором он слышал много похвального и много хорошего о его уме и здравом смысле. Он попросил его приехать и был очень рад знакомству. Впоследствии он даже пригласил его быть своим адъютантом. Г-н де Нарбонн был отцом графини Рамбюто.

Раздав кресты в Париже, император отправился в Булонский лагерь. Армия была выстроена полукругом напротив берега океана. Церемония была великолепной.

Император впервые появился на троне, окруженный своими маршалами. Восторг был неописуемым. Заметив церемонию, английский флот послал несколько легких кораблей вперед, чтобы нарушить ее сильной канонадой, но наши береговые

батареи ответили не менее сильным огнем. Торжество закончилось, и император, возвращаясь в Булонь в сопровождении всех маршалов и огромного кортежа, остановился за батареями и подозвал к себе генерала Мармона, который служил в артиллерии. «Посмотрим, — сказал он, — если мы не совсем забыли нашу прошлую профессию, то один из нас запустит бомбу в этот английский бриг, который посмел приблизиться, видимо, только для того, чтобы нас подразнить». Император, отодвинув артиллерийского капрала, командира орудия, навел мортиру и выстрелил. Бомба задела паруса брига, но упала в море. Генерал Мармон стал наводить в свою очередь. Он приблизился к цели, но также не попал в бриг, который, видя батарею, окруженную генералами, удвоил огонь. «Ну ладно, возвращайся на свой пост», — сказал Наполеон капралу. Капрал, в свою очередь, наметил цель и выпустил бомбу, которая попала в самую середину английского брига, расколов его надвое, и тот, наполнившись в то же мгновение водой, величественно затонул в присутствии всей французской армии. Войска, очарованные таким хорошим предзнаменованием, разразились криками «Ура!», тогда как английский флот на всех парусах уходил в море. Император поздравил капрала от артиллерии и прикрепил к его мундиру орден.

Я участвовал во всех церемониях раздачи наград в тот день. Я был младшим лейтенантом уже пять с половиной лет, и за мною уже было несколько кампаний. По просьбе маршала Ожеро император произвел меня в лейтенанты, но был момент, когда я подумал, что он мне откажет в этом звании, поскольку вспомнил, что какой-то Марбо фигурировал как адъютант Бернадотта в заговоре в Ренне. Он нахмурился, в то время как маршал ему говорил обо мне. Обращаясь ко мне, пристально глядя на меня, он спросил: «Это вы, кто…» — «О нет, государь, это не я!» — ответил с жаром я. «А, ты хороший парень, ты тот, кто был в Генуе и при Маренго. Я делаю тебя лейтенантом». Император также предоставил место в военной школе Фонтенбло для моего младшего брата Феликса, и с этого дня он уже никогда не путал меня с моим старшим братом, который ему всегда был антипатичен, хотя он не сделал ничего такого, чтобы вызвать его ненависть.

Поскольку войска 7-го корпуса не стояли одним лагерем, то присутствие маршала Ожеро в Бресте было почти бесполезно. Он получил разрешение провести остаток лета и часть осени в своем великолепном имении Ла Уссэ близ Турнана в Бри. Я предполагаю даже, что император предпочитал думать о том, что он находится в глубине Бретани, а не во главе многочисленных

войск. Надо сказать, что мнение Наполеона по поводу не слишком высокой преданности маршала Ожеро не имело под собой никаких оснований и порождалось скорее тайными происками генерала С***.

Это был бригадный генерал, принадлежащий к 7-му корпусу. У него было немало талантов и абсолютно неукротимое тщеславие. Но его так критиковали в связи с вопросами честности, что ни один из высших офицеров не водил с ним дружбу. Этот генерал, уязвленный, видя, что от него все отрекаются, и желая отомстить за это, сумел передать императору письмо, в котором он доносил, что все генералы 7-го корпуса, а также маршал были в заговоре против Империи. Я должен отдать должное Наполеону и сказать, что он никогда не использовал никакие секретные средства, чтобы убедиться в истине. Вот и в данном случае он ограничился в основном тем, что отправил маршалу Ожеро письмо С***.

Маршал был уверен, что ничего серьезного и предосудительного в армии не происходило. Однако он знал, что многие генералы и полковники любили произносить неуважительные речи, и он решил положить этому конец. Однако, боясь скомпрометировать офицеров, которым он хотел промыть мозги, он предпочитал передать им свои слова через адъютанта. И он решил доверить эту важную миссию мне.

Я выехал из Ла Уссэ в августе. Стояла безумная жара. Я должен был проехать верхом 160 лье, которые отделяли замок от города Бреста, и столько же сделать на обратном пути, так как я должен был вернуться. Я задержался в этом городе всего 24 часа, поэтому вернулся абсолютно разбитым от усталости. Я не думаю, что среди всех профессий мира существует более тяжелая, чем езда на почтовых лошадях. Я обнаружил в городе положение вещей гораздо более серьезное, чем думал маршал. Действительно, в городе зрело недовольство. Слова, которые мне нужно было передать, успокоили умы генералов, почти все они были преданы маршалу. И я вернулся после этого в Ла Уссэ.

Я уже начал оправляться от страшной усталости, которую я испытал во время путешествия, когда маршал обратился ко мне однажды утром и сказал, что генералы хотят прогнать С*** как шпиона. Маршал добавил, что ему абсолютно необходимо послать своего адъютанта и что он хотел бы мне предложить выполнить эту роль, если я чувствую себя в состоянии проделать подобное путешествие верхом еще раз. Он добавил, что это не приказ, что он полагался исключительно на мое собственное решение и на мои возможности сделать это. Признаюсь, что если бы речь шла о вознаграждении или повышении в чине за

выполнение этой миссии, то я бы от нее отказался, но речь шла о том, чтобы оказаться полезным другу моего отца. Маршалу, который меня принял так любезно. Я не колеблясь заявил, что я выеду через час.

Единственное, что меня беспокоило в этот момент, так это то, что я боялся быть не в состоянии проделать 120 лье галопом, настолько этот способ путешествия был утомительным. Я решил взять за правило останавливаться каждые два часа из двадцати четырех, и тогда я бросался на солому в конюшне почтовой станции, чтобы отдохнуть.

Жара стояла ужасная, тем не менее я прибыл в Брест без всяких несчастных случаев, проделав, таким образом, за один месяц 640 лье быстрым аллюром верхом. Во всяком случае, я был очень удовлетворен тем, что могу доложить маршалу: генералы ограничатся только тем, что продемонстрируют свое презрение г-ну С***.

Потеряв уважение товарищей, генерал С*** дезертировал в Англию, где женился, хотя уже был женатым во Франции, был приговорен к галерам за двоеженство, и после того, как сумел бежать, бродил в течение двадцати лет по Европе и кончил свою жизнь в полной нищете.

Во время моего вторичного возвращения в Брест добрейший маршал Ожеро удвоил знаки внимания ко мне, и, чтобы дать мне новое доказательство своего хорошего отношения, он представил меня лично императору. Позже, в сентябре, он назначил меня для поездки в Фонтенбло, чтобы сопровождать в замок Ла Уссэ Наполеона, который провел там 24 часа в компании многих других маршалов. Прогуливаясь с ними по дворцу, император рассказывал им о своих проектах, о том, каким образом он хотел поддержать свое, а также и их достоинство. И, в конечном счете, он передал каждому из них значительную сумму, необходимую на приобретение особняка в Париже. Маршал Ожеро купил особняк Рошшуара, расположенный на улице Гренель-Сен-Жермен, где сегодня находится министерство государственного образования. Это великолепный особняк, однако маршал предпочитал оставаться в своем Ла Уссэ, где он организовал жизнь на широкую ногу, поскольку, кроме адъютантов, у каждого из которых имелась там квартира, у него останавливались бесчисленные гости, располагавшиеся здесь же, в особняке. Все в нем пользовались полной свободой. Маршал позволял заниматься чем угодно, с одним только условием, чтобы шум не доходил до той части замка, которую занимала госпожа маршальша, его супруга.

Эта великолепная женщина была всегда больна, жила очень

замкнуто и редко появлялась за столом своего мужа в салоне, но когда она туда приходила, то она отнюдь не стесняла общего веселья, а наоборот, способствовала еще большему его разгулу. Она приходила с двумя компаньонками, очень оригинальными. Первая была всегда одета в мужскую одежду и была известна под прозвищем *Сан-Жен («Без стеснения»)*. Она была дочерью одного из командиров, который в 1793 году защищал Лион против войск Конвента. Она спаслась бегством вместе со своим отцом. Они переоделись в солдатскую одежду и укрылись среди солдат 9-го драгунского полка, где приняли военные прозвища и участвовали во всех дальнейших кампаниях. Мадемуазель Сан-Жен имела мужское сложение, а храбрость ее не имела равных. Она была несколько раз ранена в бою при Кастильоне, где их полк входил в дивизию Ожеро. Генерал Бонапарт часто являлся свидетелем проделок этой смелой женщины. Став первым консулом, он назначил ей солидную пенсию и пригласил быть при его жене. Но жизнь двора мало подходила мадемуазель Сан-Жен, и вскоре она ушла от мадам Бонапарт, которая в полном согласии уступила ее мадам Ожеро, секретарем и чтицей которой она и стала впоследствии. Вторая дама, сопровождавшая маршальшу, была вдовой скульптора Адама. Несмотря на свои 80 лет, она была душой общества и заводилой всех веселых проделок в замке. В те времена в моде были веселье и всевозможные мистификации. Особенно они ценились в замке Ла Уссэ, хозяин которого всегда был рад, когда видел, что гости и особенно молодые люди из его штаба веселятся у него от души.

Маршал вернулся в Париж в ноябре. Приближался день коронации императора, и Папа, приехавший на эту церемонию, уже жил в Тюильри. Целая толпа представителей судебной, административной власти, депутатов от различных департаментов была приглашена в столицу, где также находились все полковники армии с небольшими отрядами из их полков. На Марсовом поле им были розданы полковые орлы, ставшие впоследствии столь знаменитыми. Париж сверкал дотоле неизвестной роскошью. Двор нового императора стал самым блестящим в мире. Повсюду шумел праздник, балы, веселые сборища.

Коронация произошла 2 декабря. Я сопровождал маршала на эту церемонию. От ее описания я воздержусь, поскольку рассказ об этом занял бы несколько томов.

Спустя несколько дней маршалы устроили бал для императора и императрицы. Вы знаете, что их было восемнадцать. Дюрок, хотя он был только префектом дворца, присоединился к ним, и тех, кто оплачивал празднество,

оказалось девятнадцать. Каждый должен был внести 25 тысяч франков на организацию праздника, который обошелся, таким образом, в 475 тысяч франков. Бал происходил в большом зале Оперы. Никогда еще ранее мне не приходилось видеть ничего более изумительного. Организатором был начальник инженерного управления генерал Сансон. Адъютанты маршалов были его комиссарами. Им было поручено принимать гостей и распределять билеты. Весь Париж хотел туда попасть, поэтому адъютанты были буквально завалены письмами и просьбами. Я никогда еще не имел столько друзей вокруг себя. Но все прошло в полном порядке. Император остался доволен.

Наступил 1805 год. Среди празднеств и развлечений мы вступали в эпоху, богатую всевозможными событиями.

Чтобы дать возможность армии поучаствовать в общем веселье, маршал Ожеро посчитал удобным отправиться в Брест и, несмотря на суровую зиму, давал роскошные балы и приглашал по очереди на них и офицеров, и большое количество солдат. С наступлением весны он вернулся в свой замок Ла Уссэ в ожидании начала высадки в Англию. Эта экспедиция, которую считали почти химерой, была тем не менее готова.

Английская эскадра из пятнадцати кораблей непрерывно барражировала по Ла-Маншу. Было абсолютно немыслимо переправлять французскую армию в Англию на кораблях и лодках, которые бы тут же пошли ко дну при малейшем столкновении с гораздо большими английскими судами. Но император располагал шестьюдесятью линейными кораблями, французскими и иностранными, стоящими в портах Бреста, Лорьяна, Рошфора, Ла Ферроля и Кадиса. Стоило только собрать их всех внезапно в Ла-Манше и разбить этими силами слабую эскадру, которой располагали англичане, чтобы стать хозяевами прохода к берегам Англии хотя бы на три дня.

Для получения желаемого результата император приказал адмиралу Вильневу, командующему всеми этими силами, вывести одновременно из портов Франции и Испании все имеющиеся там корабли и взять курс не на Булонь, а на Мартинику, поскольку он был уверен, что английский флот будет за ними следить. Пока бы англичане плыли к Антильским островам, Вильнев должен был покинуть этот курс и, обогнув север Шотландии, войти в Ла-Манш со своими шестьюдесятью кораблями. Прибыв на Мартинику, англичане не обнаружили там флота Вильнева, но замешкались с принятием решения и потеряли драгоценное время.

Таким образом, одна часть этого великолепного проекта была осуществлена. После этого плавания у Вильнева было уже не

шестьдесят кораблей, а немножко более тридцати. Англичане, растерянные, бросились в сторону Антильских островов, откуда Вильнев только что ушел. Но Вильнев, вместо того чтобы повернуть на Шотландию, направился в Кадис, чтобы усилиться там кораблями испанского флота, потому что тридцать кораблей ему казались недостаточным, чтобы победить пятнадцать английских кораблей. Это еще не все. Прибыв в Кадис, Вильнев потерял немало времени, ремонтируя свои корабли, а в это время вражеские флотилии достигли Европы и расположились полукругом вокруг Кадиса. Весеннее равноденствие сделало крайне затруднительным выход из порта, где находился Вильнев, и он оказался там блокированным. Таким образом, хитрая комбинация императора провалилась. Понимая, что англичане теперь не дадут себя захватить врасплох, он отказался от проекта захвата Великобритании или, скорее, отложил его на неопределенное время, чтобы обратить свои взоры на континент.

Но перед тем как я буду рассказывать о главных событиях этой длительной войны, в которой я участвовал, я должен вам сообщить об ужасном несчастье, которое постигло нашу семью.

Мой брат поступил в военную школу в Фонтенбло. Он был близорук и поэтому долго колебался, стоит ли ему соглашаться на военную карьеру. Тем не менее, приняв это решение, он работал с большим увлечением и вскоре стал старшим сержантом. Самая трудная должность в школе. Ученики, крайне шаловливые, взяли за привычку зарывать в землю возводимых ими учебных валов инструменты, которые им выдавались для работы. Директор школы генерал Беловен, человек очень строгий, приказал, чтобы инструменты возвращались по счету старшими сержантами, которые, таким образом, становились за это ответственными. Однажды, когда все были на работе, мой брат, видя, как один ученик зарывает лопату, сделал ему замечание, на которое тот ответил очень грубо, добавив, что, когда через несколько дней они кончат школу, они станут равными старшему сержанту. И что тогда он потребует от него ответа за наказание. Брат, возмутившись, заявил, что не обязательно ждать так долго, и из-за отсутствия шпаг они взяли циркули, укрепили их на конце палок. Жакмино, с тех пор ставший генерал-лейтенантом, был секундантом Феликса. Плохое зрение очень мешало моему брату, однако он ранил своего противника, но получил в ответ удар, который рассек ему правую руку. Товарищи его тайно перевязали. К несчастью, унтер-офицеры обязаны были носить ружье в правой руке.

И надо же было случиться, что именно тогда император приехал в Фонтенбло. Он проводил маневры в течение

нескольких часов под палящим солнцем. Мой несчастный брат вынужден был все время бегать с тяжелым ружьем. Жара привела его в полное изнеможение, и рана открылась. Он должен был бы уйти под предлогом полного изнеможения. Но он остался. Император в конце церемонии должен был раздать столь желаемые дипломы младших лейтенантов. Феликс делал нечеловеческие усилия, чтобы сдержать боль, но в конце концов силы его иссякли, он упал, и его унесли умирающим. Генерал Беловен очень жестко написал моей матери: «Если вы хотите увидеть вашего сына, приезжайте немедленно, ему осталось жить несколько часов». Мать пришла в такое ужасное отчаяние, что не смогла поехать в Фонтенбло, куда на почтовых в тот же миг отправился я. По приезде я узнал, что брата моего в живых больше нет. Маршал Ожеро был великодушен в отношении нас в столь тяжелых обстоятельствах. Император послал обер-гофмаршала Дюрока, чтобы он представил его соболезнования нашей матери.

Но вскоре новое несчастье обрушилось на бедную женщину. Я вынужден был покинуть ее, поскольку разразилась война на континенте, и вот по какому поводу.

Когда император больше всего нуждался в мире со всеми континентальными державами, чтобы реализовать свой проект высадки в Англии, он простым декретом присоединил Геную к Франции. Это дало прекрасный повод англичанам, воспользовавшимся подобным решением для того, чтобы напугать все народы континента, которым они представили Наполеона стремящимся захватить всю Европу. Россия и Австрия объявили нам войну, а Пруссия, более колеблющаяся, начала к ней тайно готовиться.

Император, несомненно, предвидел возможность этих военных действий. Желание, чтобы они начались как можно скорее, заставило его присоединить Геную. Отчаявшись хотя бы на несколько дней увидеть Вильнева хозяином Ла-Манша, он хотел, чтобы война на континенте спасла его от посмешища, которое было бы неизбежно, если бы проект высадки в Англии, объявленный еще три года тому назад, так и не был бы исполнен. Это привело к тому, что на его армию упало бы пятно полного бессилия перед Англией. Новая коалиция очень удачно спасла его от этого тяжелого и постыдного положения.

Три года, проведенные в военных лагерях, оказали очень полезное действие на наши войска. Никогда еще у Франции не было более подготовленной и образованной армии, с таким превосходным по качеству личным составом, жаждавшим сражаться и проявлявшим столь пылкое стремление к славе.

Никогда еще она не объединяла такого могущества и таких материальных и моральных сил и не была так хорошо готова ими воспользоваться. Наполеон принял войну с радостью, настолько он был уверен в победе над врагом и в том, что он повернет себе на пользу все совершенные ими ошибки, потому что он прекрасно знал то влияние, которое во все времена оказывала слава на умы и рыцарский дух французов.

Глава XXIII

Армия направляется к Рейну. — Начало военных действий. — Миссия при Массене. — Трафальгар. — Елачич складывает оружие в Брегенце. — Хитрость полковника гусар Бланкенштайна. Его полк ускользает от нас

Великая армия, которую император теперь хотел направить против Австрии, была повернута спиной к этой Империи, поскольку французские лагеря были разбросаны по берегу Северного моря, Ла-Манша и океана. Действительно, правое крыло армии, в виде ее 1-го корпуса под командованием Бернадотта, занимало Ганновер, 2-й корпус, под начальством Мармона, находился в Голландии, а 3-й корпус, возглавляемый Даву, — в Брюгге. 4-й, 5-й и 6-й корпуса, которыми командовали Сульт, Ланн и Ней, находились в Булони или в ее окрестностях. И, наконец, 7-й корпус под командованием Ожеро был в Бресте и составлял левый фланг. Чтобы разорвать эту длинную линию войск и образовать плотную массу, предназначенную для удара по Австрии, надо было произвести огромную перемену фронта, развернув его на 180 градусов.

Каждый армейский корпус сделал, таким образом, поворот кругом, чтобы повернуться лицом к Германии, чтобы двинуться туда самой длинной дорогой. Правое крыло стало, таким образом, левым, а левое — правым, было ясно: для того чтобы добраться из Ганновера или из Голландии на Дунай, 1-й и 2-й корпуса должны были проделать гораздо меньший путь, чем те, которые шли из Булони.

Чтобы из Бреста достичь границ Швейцарии или верховьев Рейна, надо было пересечь Францию во всю ее ширину. Расстояние это занимало примерно 300 лье. Войска находились в пути уже два месяца. Они двигались несколькими колоннами. Маршал Ожеро выехал из Бреста последним. Он обогнал их и, останавливаясь сначала в Ренне, а затем последовательно в Алансоне, Милоне, Труа и в Лангре, проинспектировал различные полки. Его присутствие оживляло дух солдат и вселяло в их душу больше мужества.

Погода стояла прекрасная. Я ехал все время в почтовой коляске, чтобы перемещаться от одной колонны к другой и передавать генералам приказы маршала. Я смог дважды остановиться в Париже, чтобы повидаться с матушкой. Наши экипажи несколько опередили остальную армию. У меня был весьма незадачливый слуга, но три великолепные лошади. Пока

Великая армия направлялась к Рейну и Дунаю, французские войска, расположенные в верхней Италии под командованием Массены, были собраны вместе в Миланской области, чтобы затем атаковать австрийцев возле Венеции. Чтобы передавать свои приказы Массене, император был вынужден отправлять своих адъютантов через Швейцарию, которая оставалась нейтральной. Случилось так, что во время пребывания маршала Ожеро в Лангре один офицер для поручений, везший депеши Наполеона, перевернулся вместе со своим экипажем, сломав себе ключицу. Он попросил отвезти его к маршалу Ожеро и заявил ему, что теперь он не в состоянии выполнить свою миссию. Маршал, чувствуя, насколько важно, чтобы депеши императора как можно быстрее прибыли в Италию, поручил мне отвезти их туда через Гюнинген, где я должен был передать приказ Наполеона о восстановлении моста через Рейн.

Это поручение я принял с радостью. Во-первых, потому, что оно позволяло мне совершить приятную поездку, а во-вторых, у меня была уверенность, что я вернусь в 7-й корпус до того, как он вступит в бои с австрийцами. Я быстро доехал до Гюнингена и Базеля, направился оттуда в Берн и в Раппершвиль, где и оставил свой экипаж. Затем верхом на лошади я не без опасностей продолжил свой путь, пересек гору Шплюген, в то время практически непроходимую. Я въехал в Италию со стороны Дживенны и соединился с маршалом Массеной в окрестностях Вероны. Но едва я, как говорится, достиг цели, как Массена в полном нетерпении решил отправить со мною ответ императору.

Я должен был лично догнать маршала Ожеро, чтобы присутствовать на сражении, которое его корпус должен был дать. Однако моя поездка в обратном направлении оказалась не столь быстрой, как вначале, потому что пошел очень густой снег, и он покрыл не только горы, но и все долины Швейцарии. Сильно подмораживало. Лошади скользили и падали на каждом шагу, и только с помощью 600 франков мне удалось найти проводников, которые согласились пересечь Шплюген вместе со мною. У нас ушло более 12 часов на весь переход, мы шли пешком в глубоком снегу, доходящем до колен. Проводники каждую минуту готовы были уже отказаться. Они не хотели идти вперед, уверяя меня, что опасность слишком велика, но я был молод, смел и понимал важность депеш, которых ожидал император. Я заявил своим проводникам, что, если они возвращаются, я продолжу путь без них. В каждой профессии есть, конечно, свое достоинство и своя честь, и у проводников они состояли, главным образом, в том, чтобы никогда не покидать путешественника, который вверил им свою жизнь.

Итак, мы продолжили наш путь и после кошмарных усилий прибыли на большой постоялый двор, расположенный у подножия Шплюгена, когда уже настала ночь. Мы, безусловно, погибли бы, если бы ночь застала нас в горах, поскольку дорожка, по которой мы продвигались, была еле видна из-за снежного покрова. С двух сторон она была окружена пропастями, неразличимыми из-за покрывавшего их снега. Я умирал от усталости, но после того, как немного отдохнул и восстановил свои силы, рано утром я уже отправился в сторону Раппершвиля, где я нашел экипаж и вполне проходимые дороги.

Самая трудная часть пути была позади. Несмотря на снег и сильный мороз, я добрался до Базеля и затем до Гюнингена, где находился 7-й корпус, собравшийся здесь 19 октября. На следующий же день корпус начал переход через Рейн по очень хлипкому мосту, положенному на лодки, собранные специально для того, чтобы совершить эту переправу. И хотя примерно в половине лье отсюда в городе Базель находился большой каменный мост, император приказал маршалу Ожеро соблюдать и уважать нейтралитет Швейцарии. Тот самый нейтралитет, который девять лет спустя швейцарцы нарушили сами, предоставив в 1814 году этот мост врагам Франции.

Итак, теперь моя война началась. Шел 1805 год — год, в котором для меня началась цепь непрестанных сражений, продолжавшихся в течение всех десяти лет и закончившихся только под Ватерлоо. Хотя в этот период войны Империи следовали одна за другой, но почти все французские военные могли воспользоваться одним или даже двумя годами отдыха. Иногда потому, что они находились в гарнизонах на территории Франции, иногда потому, что они были в это время в Италии или в Германии, тогда как мы, например, воевали в Испании. Но вы увидите, что для меня дела обстояли иначе. Поскольку я бесконечно был отправляем с севера на юг и с юга на север. И всегда туда, где шла битва. Из этих десяти лет ни один год для меня не прошел без того, чтобы я не находился под огнем и чтобы моею кровью не была смочена земля Европы.

У меня нет намерения описывать подробно кампанию 1805 года. Я ограничусь только напоминанием самых крупных событий этого периода. Русские, которые шли на помощь Австрии, были еще далеко, когда фельдмаршал Макк[40] во главе 80-тысячного войска неосторожно двинулся в Баварию и был разбит Наполеоном, хитрые маневры которого вынудили Макка отойти на сторону Ульма, где он и вынужден был сдаться с большей частью своей армии. Только два австрийских корпуса сумели избежать катастрофы. Один под командованием принца

(эрцгерцога) Фердинанда сумел дойти до Богемии, а другой во главе со старым фельдмаршалом Елачичем[41] отступил в Форарльберг, к Констанцскому озеру, где он, воспользовавшись швейцарским нейтралитетом, охранял проходы через Черный лес (Шварцвальд). Именно на эти остатки австрийских войск и напал маршал Ожеро. Перейдя через Рейн в Гюнингене, 7-й корпус оказался в Бадене, правитель которого точно так же, как правители Баварии и Вюртемберга, только что заключили союз с Наполеоном. Таким образом, население в Бризгау приняло нас как друзей. Фельдмаршал Елачич не осмелился помериться силами с французами в стране, где все пути сообщения были столь легкими. Но он ждал нас вдали от Фрибурга, при входе в Черный лес, за переход которого он надеялся заставить нас заплатить большой кровью. Он больше всего надеялся остановить нас в *Адской долине.* Это узкий проход, очень длинный, с двух сторон окруженный высокими и крутыми горами и поэтому-то легко защищаемый. Но войска 7-го корпуса, только что узнавшие о блестящих успехах, одержанных их товарищами под Ульмом, и в Баварии стремились также доказать свою храбрость. Мы три дня пересекали Черный лес, несмотря на все препятствия неудобной местности, несмотря на сопротивление врага и трудности с провиантом в этом ужасном захолустье.

Наконец, армия вышла на весьма привлекательную местность и обосновалась вокруг Донауэшингена, очень приятного города, где находился великолепный дворец — древняя постройка князей Вюртемберга. Маршал Ожеро и его адъютанты поселились во дворце, во дворе которого находится исток Дуная. Эта огромная река являла свою мощь в самый момент ее зарождения, потому что при выходе из-под земли она же могла нести на своих водах корабль. Лошади артиллерийских упряжек, так же как и наших экипажей, испытали страшную усталость после прохода через каменистые ущелья Черного леса, которые лед делал еще более трудными для движения. Надо было дать возможность им отдохнуть хотя бы в течение нескольких дней. За это время несколько раз появлялись австрийские всадники, чтобы прощупать наши аванпосты, размещенные в 2 лье перед городом. Но все ограничивалось легкой перестрелкой, которая нас забавляла. Мы как бы пробовали себя на этой предварительной маленькой войне и старались узнавать издали различные униформы врага. Там я увидел в первый раз улан эрцгерцога Карла, драгун Розенберга и гусар Бланкенштайна.

После того как наши лошади восстановили силы, армия продолжила свой путь, и в течение нескольких недель мы вступали в непрерывные сражения, после которых стали

хозяевами Энгена и Штоккаха. Хотя я часто подвергался опасности, выполняя различные поручения, но я пережил только один серьезный случай, который мог быть действительно тяжелым. Земля была покрыта снегом, особенно у Штоккаха. Враг защищал свои позиции особенно жестоко.

Маршал приказал мне разведать пункт, в который он хотел направить свою колонну. Я помчался галопом. Почва мне показалась очень гладкой, поскольку ветер намел много снега и закрыл все ямы. Но внезапно моя лошадь и я вместе с ней провалились в глубокий овраг. И пока я пытался выползти из этой пропасти, появились два вражеских гусара и разрядили в меня свои карабины. К счастью, снег, в котором барахтались мы с лошадью, помешал австрийским кавалеристам попасть в цель. Я не был задет. Но они собирались повторить залп. В этот момент появился взвод пехотинцев, посланный маршалом Ожеро мне на помощь. Это вынудило австрийцев мгновенно скрыться. С небольшой помощью я сумел вылезти из оврага, но гораздо труднее было вытащить оттуда лошадь, которая, однако, не была ранена, и это позволило моим товарищам посмеяться над странным видом, который был у меня после этой снежной бани.

После покорения всего Форарльберга мы овладели Брегенцем и загнали австрийский корпус Елачича в район Констанцского озера и в Тироль. Враг укрылся в крепости Фельдкирх и знаменитом ущелье, имевшем то же название. За этими укреплениями он мог ожесточенно сопротивляться. Мы готовились дать жестокий бой, чтобы отбить эту сильную позицию, когда, к великому нашему удивлению, австрийцы попросили о капитуляции, на которую маршал Ожеро поспешно согласился.

Во время встречи двух командующих австрийские офицеры, униженные таким поворотом судьбы, решили отыграться, известив нас об очень плохой новости, которую до сих пор скрывали, но которую русские и австрийцы узнали через англичан: франко-испанский флот был полностью разбит лордом Нельсоном 20 октября недалеко от Кадиса, у мыса Трафальгар. Наш неудачник адмирал Вильнев, которого четкие приказы Наполеона никак не могли заставить решиться начать действовать, хотя было очевидно, что внезапное появление всех флотов Франции и Испании в Ла-Манше могло обеспечить высадку в Англии, узнав о приказе Наполеона, согласно которому он должен был быть заменен адмиралом Розили, внезапно перешел от полного бездействия к решительным действиям. Он вышел из Кадиса и дал сражение, которое могло повернуть все в нашу пользу, но и могло оказаться совершенно бесполезным, так

как французская армия уже находилась в 200 лье от побережья. После жестокого сражения флоты Испании и Франции были разбиты англичанами, во главе которых стоял знаменитый адмирал Нельсон, убитый в этом бою. Он унес с собой в могилу репутацию самого знаменитого флотоводца этой эпохи. С нашей стороны мы потеряли контр-адмирала Магона, талантливого и заслуженного офицера. Один из наших кораблей был подорван и семнадцать, как французских, так и испанских, кораблей были захвачены неприятелем. К концу битвы разразилась страшная буря, которая длилась всю ночь и все следующие дни. Она почти уничтожила как победителей, так и побежденных, и поэтому англичане, уже думая только о своем собственном спасении, вынуждены были оставить наши захваченные корабли, большинство из которых были отведены в Кадис остатками их храбрых и несчастных экипажей. Многие из них погибли, налетев на скалы.

Именно в этой страшной битве мой прекрасный товарищ д'Удело, сегодня генерал-лейтенант и адъютант короля, получил серьезное ранение в ногу, которое сделало его на всю оставшуюся жизнь хромым. Д'Удело был очень молод и мечтал о морской службе. Он служил при штабе контр-адмирала Магона, друга моего отца. Когда этот достойный адмирал погиб, корабль «*Альжезирас*», которым он командовал, был захвачен после кровавого сражения, и англичане поместили на этот корабль охрану в шестьдесят человек. Но как только буря отделила *«Альжезирас»* от вражеских судов, оставшиеся в живых офицеры и моряки французского корабля заявили офицерам английского отряда, что теперь они должны сдаться или подготовиться к возобновлению битвы среди всех этих ужасов, ночью и в бурю. Англичане были морально не готовы к сражению и согласились капитулировать, при условии, что их не примут как военнопленных. И французы, хотя и под угрозой кораблекрушения, с возгласами радости восстановили свой флаг на остатках мачты. Более двадцати раз они рисковали пойти ко дну, настолько в плохом состоянии был корабль. Море бушевало. Они все-таки привели свой корабль на рейд в Кадис. Корабль, на котором находился Вильнев, был схвачен, и неудачник-адмирал был препровожден в Англию, где он остался в плену в течение трех лет. Затем его обменяли, и он принял решение вернуться в Париж, но в Ренне был арестован и пустил себе пулю в лоб.

Когда фельдмаршал Елачич решил капитулировать перед 7-м французским корпусом, это решение вражеского командира нас очень удивило. Он, хотя и побитый нами, все-таки имел еще кое-какие ресурсы, мог отступить в Тироль и скрыться в этом горном

краю, население которого многие века было очень привязано к Австрийскому дому. Огромные сугробы снега, покрывавшие Тироль, усложняли проведение военных операций на его территории. Но трудности, которые были с этим связаны, были значительно большими для нас, врагов Австрии, чем для войск Елачича, находившихся в одной из своих провинций. Однако, если этот старый и методичный фельдмаршал не мог решиться дать сражение зимой в горах, иначе думали офицеры, находящиеся под его командованием. Многие из них возмущались его нерешительностью и поговаривали о необходимости восстать против его власти. Наиболее горячим противником был генерал принц де Роан[42], французский офицер на австрийской службе, человек сильный, смелый и очень способный. Маршал Ожеро опасался, что Елачич под влиянием советов, которые давал ему Роан, захочет оторваться от французской армии и уйти в Тироль, где нам было бы его практически невозможно достать. Поэтому он поторопился согласиться на все условия, которые поставил вражеский фельдмаршал.

По условиям капитуляции австрийские войска обязывались сложить оружие, отдать знамена, пушки, лошадей, но сами должны были отправиться в плен во Францию. Они могли удалиться в Богемию, предварительно поклявшись, что больше не будут служить против французов в течение целого года. Объявляя об этой капитуляции в одном из бюллетеней Великой армии, император выразил вначале некоторое неудовольствие по поводу того, что от австрийских войск не потребовали отправки в качестве военнопленных во Францию. Но он вернулся к этой мысли, когда полностью уверился в том, что у маршала Ожеро не было никакого иного средства, чтобы вынудить их сдаться, поскольку у них был весьма хороший и легкий путь к отступлению. Действительно, в ночь перед тем, как враги должны были сложить оружие, в нескольких австрийских бригадах разразилось восстание против фельдмаршала Елачича. Принц де Роан, отказавшись присоединиться к капитуляции, ушел со своей пехотной дивизией, к которой присоединилось несколько полков из других дивизий, и отправился в горы, которые пересек, несмотря на исключительно суровые условия зимы. Затем он совершил исключительно дерзкий прорыв через расположение войск маршала Нея, которые занимали города в Тироле, и вышел в тыл французской и итальянской армиям между Вероной и Венецией, в то время как она преследовала армию эрцгерцога Карла. Тот отступал в район Фриуля. Прибытие принца Роана в окрестности Венеции в то время, как Массена был уже далеко,

могло иметь самые серьезные последствия. К счастью, французская армия под командованием генерала Сен-Сира, идущая из Неаполя, разбила принца и принудила его сдаться в плен. Но, во всяком случае, он сдался только под натиском силы и был вправе сказать, что, если бы фельдмаршал Елачич прибыл со всеми войсками, австрийцы могли бы победить Сен-Сира.

Когда какое-то войско капитулирует, то, согласно обычаям, победитель посылает в каждую дивизию офицера штаба, чтобы он принял капитуляцию и в указанный день и час привел войско на то место, где оно должно было сложить оружие. Один из моих товарищей, который был послан к принцу Роану, был им оставлен в лагере, который он покидал, потому что он осуществлял свое отступление за крепостью Фельдкирх в направлении, противоположном расположению французов. Таким образом, он не боялся быть остановленным французами в момент своего маневра. Но дело обстояло иначе с австрийской кавалерией. Она расположилась на бивуак в небольшой долине перед крепостью Фельдкирх, на небольшом расстоянии от аванпостов французов. Маршал Ожеро лично дал мне поручение отправиться для переговоров с австрийской кавалерией, чтобы привести ее на согласованное заранее место. Эта бригада состояла из трех больших полков, но не имела ни одного генерал-майора. Ею командовал полковник гусарского полка Бланкенштайна, старый венгр, один из храбрейших и отважнейших солдат. Я очень сожалею, что не запомнил его имя, поскольку я испытал к нему большое уважение, хотя он и заставил меня пережить одну из самых неприятных мистификаций[43].

Как только я прибыл в лагерь, полковник предложил провести ночь в его бараке. Мы договорились, что отправимся в путь на заре, с тем чтобы прибыть в назначенное место, на берег Констанцского озера, между городами Брегенц и Линдау. Нам предстояло пройти самое большее 3 лье. Я был крайне удивлен, когда в полночь я услышал, что офицеры садятся на лошадей. Я выбежал из барака и увидел, что строятся эскадроны и все готовятся уезжать. Полковники улан эрцгерцога Карла и драгун Розенберга, находящиеся под командованием полковника гусар, но которым он не сказал ничего о своих планах, приехали к нему, чтобы узнать причину столь поспешного отъезда. Я также был этим удивлен. Тогда старый полковник ответил с холодной насмешкой, что фельдмаршал Елачич боится, что французы выкинул какие-нибудь шутки в отношении австрийских солдат (мы должны были проходить около их лагеря, чтобы пройти кратчайшей дорогой к Линдау), что могло вызвать ненужные стычки. Елачич и маршал Ожеро договорились, чтобы он

приказал австрийским войскам отойти дальней дорогой, в обход французского лагеря и города Брегенц, избегая, таким образом, встречи между солдатами двух враждебных сторон. Он добавил, что переход гораздо более длительный и путь более трудный, поэтому командиры обеих армий ускорили начало этого перемещения на несколько часов. Он очень удивлялся, что я не был об этом предупрежден. Но, возможно, письмо, которое мне было отправлено по этому поводу, задержалось на аванпостах из-за какого-то недоразумения. Он даже продолжил свой розыгрыш, приказав офицеру проехать по всей линии и узнать, не было ли депеши.

Мотивы, выдвинутые полковником гусар Бланкенштайна, показались вполне убедительными обоим офицерам, и они не высказали никаких замечаний. Я тоже смолчал, хотя инстинктивно чувствовал в этом какой-то подвох, но что я мог делать один среди трех тысяч вражеских всадников? Лучше было продемонстрировать доверие, чем высказать сомнение в искренности намерений австрийской бригады, к тому же я не знал о побеге дивизии принца Роана, и признаюсь, что мне не пришло в голову, что командир кавалерии старался таким образом спасти себя от капитуляции. Итак, я поехал рядом с ним во главе колонны. Австрийский командир так хорошо знал местность, что прекрасно выбрал направление, чтобы пройти как можно дальше от французских постов, расположение которых к тому же было видно благодаря бивуачным огням. И мы действительно нигде не затронули этих постов. Но то, чего не ожидал старый полковник и чего он не смог избежать, так это встречи с кавалерийскими патрулями, которые обычно высылаются ночью на некоторое расстояние от лагеря.

Внезапно мы услышали: «Кто идет?» Перед нами была многочисленная кавалерийская колонна французских войск, и при свете луны мы очень хорошо могли ее рассмотреть. Тогда старый венгерский полковник, не высказав ни малейшего волнения, обратился ко мне: «Это вас касается, господин адъютант. Будьте любезны, пройдите со мной, чтобы все объяснить командиру этого французского отряда».

Мы выезжаем вперед, я говорю пароль и оказываюсь перед 7-м конно-егерским полком, который узнал во мне адъютанта маршала Ожеро и к тому же был еще ранее извещен о том, что австрийские войска ожидаются для сдачи оружия. В связи с этим эти конные егеря не выразили никакого протеста и без всякого труда пропустили кавалерийскую бригаду, которую я возглавлял. Французский командир, солдаты которого держали сабли наготове, сделал движение, чтобы вложить их в ножны в знак

полного согласия, которое должно было царить между двумя колоннами, встретившимися мирно. Я спросил у старшего офицера наших егерей относительно изменения часа сдачи оружия. Но он не был в курсе дела, и это не вызвало у меня ни малейшего подозрения, поскольку приказы такого рода отнюдь не относились к тем, которые штаб передавал в полки.

Итак, я продолжал ехать с иностранной колонной в течение всей ночи, находя гем не менее, что обход, который мы делали, был слишком длинным и что дороги были в очень плохом состоянии. Наконец, на заре старый полковник, заметив более твердый и гладкий участок земли, сказал мне несколько насмешливым тоном, что в его обязанность входит передача в руки французов конского состава трех полков и, для того чтобы лошади при этом находились в хорошем состоянии, он хотел бы в последний раз позаботиться о бедных животных, дав им поесть овса.

Бригада остановилась, солдаты спешились. Один только полковник гусар Бланкенштайна остался верхом. Он собрал вокруг себя офицеров и кавалеристов трех полков и вдохновенным тоном, который делал этого старого вояку просто великолепным, объявил им, что дивизия принца Роана предпочла честь позору и отказалась подписаться под унизительной капитуляцией, на которую согласился фельдмаршал Елачич, обещав сдаться французам со знаменами, оружием и войсками. Затем он сообщил, что дивизия Роана отправилась в сторону Тироля, куда и он провел бы свою бригаду, если бы не боялся, что в этих голых горах он не найдет никакой еды для лошадей. Но теперь, поскольку перед ними долина, куда они благодаря хитрости, которой он гордится, зашли на 6 лье раньше, чем французские войска, он предлагает всем, у кого в груди бьется настоящее австрийское сердце, последовать за ним через Германию до Моравии, где они соединятся с войсками их августейшего императора Франца Второго.

Гусары Бланкенштайна ответили на эту приветственную речь своего полковника громким одобрительным «Ура!», но драгуны Розенберга и уланы эрцгерцога Карла сохраняли неодобрительное молчание. Что касается меня, то, хотя я и очень слабо знал немецкий, чтобы полностью понять речь полковника, те слова, которые я все-таки понял, а также общий тон оратора и позиция, в которой он находился, позволили мне догадаться, о чем же шла речь. И признаюсь, был очень удручен тем, что, хотя и не подозревая о том, и я сам послужил инструментом этому чертову венгру.

Жуткий шум, поднявшийся в толпе, окружавшей меня, дал

мне почувствовать и понять все неудобства, которые возникают, когда армия состоит из самых различных народов и представляет собой некий неоднородный конгломерат. Именно такой и была австрийская армия. Все гусары венгерского полка Бланкенштайна одобряли, конечно, то, что предложил их соплеменник. Но драгуны были немцами, а уланы — поляками. Венгр, таким образом, не имел никакого морального влияния на эти два полка, которые в этот тяжелый момент слушали только своих собственных офицеров. Те же заявили, что считают себя связанными актом капитуляции, которую подписал маршал Елачич, и они не хотят своим уходом усложнить положение фельдмаршала и тех своих товарищей, которые уже находятся в плену у французов. Действительно, ведь последние имели полное право отправить их во Францию, если бы часть австрийских войск нарушила заключенный договор. На это гусарский полковник ответил, что если командующий армией, теряя голову, уклоняется от своего долга и сдает войска врагу, то подчиненные не должны советоваться с кем-либо другим, кроме чувства собственного достоинства и привязанности к своей стране. Тогда полковник, размахивая саблей в одной руке и схватив другой рукой штандарт своего полка, воскликнул: «Ну что ж, драгуны! Давайте отдадим французам ваши поруганные штандарты и оружие, которое наш император вам дал, чтобы защищать его. Что касается нас, храбрых гусар, мы присоединимся к нашему августейшему правителю, которому мы еще сможем с честью показать наше незапятнанное знамя и сабли наших храбрых солдат». Затем, приблизившись ко мне и бросив презрительный взгляд в сторону улан и драгун, он добавил: «Я уверен, что, если бы этот молодой француз находился в нашем положении и вынужден был бы принять ту или другую сторону, он встал бы на сторону более храбрых. Французы любят славу так же, как и свою страну, и знают, что такое честь». Сказав это, старый венгерский командир пришпорил лошадь и, пустив свой полк галопом, вскоре исчез вдали.

Правда была в каждом из двух суждений, которые я только что услышал, но философия полковника гусар мне казалась более правильной, потому что она больше соответствовала интересам его страны. Внутренне я одобрял его поведение, но я не мог посоветовать драгунам и уланам следовать его примеру. Это значило бы, что я вышел из той роли, в которой находился, и изменил своему долгу. В этой дискуссии я сохранял строгий нейтралитет, и, как только гусары ускакали, я предложил обоим полковникам других полков следовать за мной, и мы отправились по дороге на Линдау. Вскоре на берегу озера мы обнаружили

обоих маршалов, французскую армию и два австрийских пехотных полка, которые не последовали за принцем Роаном. Узнав от меня, что гусары Бланкенштайна отказались признать капитуляцию и направились в Моравию, оба маршала пришли в чувство полного негодования. Негодование Ожеро было связано, главным образом, с тем, что он боялся, как бы гусары не внесли сумятицу в тылы французской армии, поскольку дорога, по которой они должны были двигаться, пересекала местность, где находился император и было оставлено много раненых и целые парки артиллерии. Но полковник гусарского полка Бланкенштайна не посчитал возможным отметить свое присутствие даже простым приветственным жестом, настолько он спешил удалиться из страны, где властвовали французские войска. Поэтому он старался избегать все наши посты, все время выбирать проселочные дороги, днем скрываться в лесу и быстро двигаться по ночам. Таким образом без особых осложнений он достиг границы Моравии, где и соединился с корпусом австрийской армии.

Что касается войск, оставшихся с фельдмаршалом Елачичем, то после сдачи ими своего оружия, знамен, штандартов и лошадей они на один год стали пленниками честного слова и направились в мрачном молчании внутрь Германии, с тем чтобы в весьма печальном состоянии достигнуть Богемии. Я вспоминал, глядя, как они уходили, благородную речь старого венгерского полковника, и мне казалось, что на многих лицах улан и драгун я видел выражение сожаления о том, что они не последовали призыву старого вояки. Казалось, что они стонали, сравнивая славный выбор венгерских гусар Бланкенштайна с их собственным унизительным положением. Среди трофеев, которые корпус Елачича был вынужден нам отдать, находилось 17 знамен и 2 штандарта, и маршал Ожеро спешил, согласно тогдашнему обычаю, отослать их императору со своими адъютантами. Для выполнения этой миссии он назначил начальника эскадрона Масси и меня. Мы отправились в Вену через Кемптен, Мюнхен, Браунау, Линц и Санкт-Пёльтен. За несколько лье до прибытия в этот последний город мы, проезжая по берегу Дуная, полюбовались великолепным аббатством Мёльк, одним из самых богатых в мире. В этом месте четыре года спустя я подвергался страшной опасности и заслужил похвалу императора за свершение у него на глазах одного из самых блестящих военных подвигов моей карьеры. И вы увидите это, когда я буду рассказывать вам о кампании 1809 года. Однако не будем предвосхищать события.

Глава XXIV

Поход на Вену. — Битва при Дюрренштайне. — Маршалы Ланн и Мюрат захватывают мосты через Дунай без единого выстрела

Вы видели, что с мая по сентябрь 1805 года семь корпусов, составляющих Великую армию, совершали переход с берегов океана на берега Дуная, они заняли уже Баден и Вюртемберг, когда 1 октября император Наполеон собственной персоной проехал через Страсбург. Часть многочисленной армии, которую послали русские на помощь Австрии, прибывала в этот момент в Моравию. Венский кабинет должен был из осторожности подождать прибытия этого могучего подкрепления, которое соединилось бы с австрийскими войсками. Но, увлеченный страстью, которая никогда не была ему свойственна и которую раздул в нем фельдмаршал Макк, бросил восемьдесят тысяч солдат против Баварии, о захвате которой Австрия мечтала уже многие века. Только политика Франции без конца защищала эту территорию от нашествия австрийцев. Курфюрст Баварский, вынужденный покинуть свои земли, удалился со своей семьей и войсками в Вюрцбург, откуда он умолял Наполеона о помощи. Наполеон заключил с ним союз, так же как с правителями Бадена и Вюртемберга. Австрийская армия под командованием фельдмаршала Макка заняла Ульм, когда Наполеон, перейдя Дунай в Донауверте, захватил Аугсбург и Мюнхен. Таким образом, французская армия, оказавшаяся в тылу у Макка, разорвала все связи между австрийцами и русской армией, о которой было известно, что ее передовые колонны уже прибывали в Вену и форсированным маршем двигались дальше. Фельдмаршал Макк слишком поздно признал совершенную им ошибку, позволив окружить себя французским войскам. Он постарался выйти оттуда, но, последовательно разбитый в нескольких битвах при Вертингене, Вюрцбурге и при Эльхингене, Макк, все более и более зажимаемый в кольцо, был вынужден полностью запереться в Ульме со своей армией, лишившись корпуса эрцгерцога Фердинанда и Елачича, которым удалось вырваться: первому — в Богемию и второму — к Констанцскому озеру.

Ульм был окружен императором. Это место, хотя и не очень укрепленное, могло тем не менее долго сопротивляться благодаря своему удачному положению, а также многочисленному гарнизону. Таким образом, австрийцы вполне могли бы дождаться прихода русских войск, следующих им на

помощь. Но фельдмаршал Макк, переходя от экзальтированного бахвальства к полному отчаянию, сдался Наполеону, который за три недели взял в плен и разрушил восьмидесятитысячную австрийскую армию, освободил Баварию, в которую он вернул курфюрста. В 1813 году мы увидим, что курфюрст ответит на подобный широкий жест полной изменой.

Став властелином Баварии, избавившись от армии Макка, император ускорил свой поход на Вену, идя по правому берегу Дуная. Он завладел Нассау, затем Линцем, где узнал, что пятьдесят тысяч русских под командованием генерала Кутузова, усиленные сорокатысячной армией австрийцев, которую сумел собрать генерал Кинмайер, перешли Дунай в Вене и заняли позицию в Мёльке и Санкт-Пёльтене. Он был также проинформирован о том, что австрийская армия под командованием знаменитого эрцгерцога Карла была разбита Массеной в Италии и отступила к Фриулю по направлению к Вене. И, наконец, что эрцгерцог Иоанн с несколькими дивизиями занял Тироль. Таким образом, эти два эрцгерцога угрожали правому флангу французской армии, в то время как перед собой она имела русских. Чтобы предупредить атаку на фланги французской армии, император, у которого в Брегенце был корпус маршала Ожеро, послал корпус маршала Нея захватить Инсбрук и Тироль, а корпус Мармона был отправлен в Леобен, с тем чтобы остановить наступление эрцгерцога Карла, идущего из Италии. Наполеон, обеспечив своими мудрыми предосторожностями безопасность правого фланга, решил продвинуть фронт на русских, авангард которых только что буквально столкнулся с французским авангардом при Амштеттене, около Штейера. Для этого ему надо было обезопасить левый фланг против возможной атаки австрийских войск, находящихся под командованием эрцгерцога Фердинанда в Богемии. Преследуя эту цель, император выделил маршалу Мортье пехотные дивизии Дюпона и Газана и дал ему предписание перейти Дунай по мостам в Пассау и Линце, а затем спускаться по левому берегу реки, в то время как основная часть армии продолжит движение по правому берегу. Однако, чтобы не оставлять маршала Мортье слишком изолированным от основных сил, Наполеон придумал собрать на Дунае большое число судов, собранных по притокам реки, и образовать флотилию под руководством гвардейских моряков. Эта флотилия должна была спускаться по реке, все время находясь на уровне корпуса Мортье, с тем чтобы иметь возможность для контакта войск, находящихся на обоих берегах.

Вы, конечно, скажете, что я чересчур дерзок, осмелившись критиковать одну из операций великого полководца, и все-таки я

не могу не сказать, что посылка корпуса Мортье по левому берегу реки была недостаточно мотивированна и оказалась ошибкой, которая могла стать очень серьезной и привести к плачевным результатам. Действительно, Дунай — самая большая река Европы. Начиная с Пассау ширина ее такова, что простым глазом, особенно зимой, нельзя увидеть человека на другом берегу. К тому же она очень глубока, и течение ее в этом месте очень быстрое. Дунай, на который опиралась левая часть французской армии, давал гарантию полной безопасности. Стоило только сломать мосты по мере продвижения к Вене, чтобы надежным образом укрыться от атаки на левый фланг Великой армии, идущей по правому берегу, тем более что атака эта не могла быть проведена никем другим, как только эрцгерцогом Фердинандом, движущимся из Богемии. Но эрцгерцог, будучи счастлив уже тем, что с очень небольшим количеством войск, состоящим почти в основном из кавалерии, сумел вырваться от французов в Ульме, не мог даже думать и желать перейти в атаку через такое большое препятствие, как Дунай, где всегда был риск утонуть. Между тем Наполеон, откомандировав две свои дивизии и отведя их вдаль от огромной реки, поставил их под угрозу, то есть в такую ситуацию, в которой они всегда могли быть захвачены или истреблены. Это несчастье было довольно легко предвидеть. И оно чуть было не реализовалось.

Фельдмаршал Кутузов[44] полный решимости ожидал французов в очень сильной позиции в Санкт-Пёльтене. Он предполагал захватить их с помощью армии Макка, так как полагал, что тот преследует их. Но, узнав о капитуляции этой армии в Ульме, он почувствовал себя недостаточно сильным, чтобы противостоять Наполеону в одиночку, и, не желая скомпрометировать свои войска ради спасения Вены, он решил создать между собой и победителем препятствие в виде Дуная. Он перешел реку в Кремсе по мосту, который сжег за собой. Как только он переправился со всей своей армией, русский фельдмаршал встретил разведчиков из дивизии Газана, которые направлялась из Дюрренштайна в Кремс во главе с маршалом Мортье. Кутузов, узнав о присутствии французских войск на левом берегу, решил разбить их и, чтобы достичь желаемого, атаковал их с фронта в узком проходе, который шел вдоль берега Дуная. Захватив крутые высоты, окружавшие реку, его легкие войска заняли Дюрренштайн и отрезали таким образом путь к отступлению дивизии Газана. Эта дивизия находилась тем более в критическом положении, что наибольшая часть флотилии осталась далеко позади и поблизости имелись только две небольшие барки, которых было явно недостаточно, чтобы

послать подкрепление с правого берега. Атакованный спереди, сзади и с одного из флангов врагом, в шесть раз превышающим по численности его дивизию, Газан оказался окруженным с одной стороны крутыми скалами, занятыми русскими, с другой — пропастью над Дунаем. Французские солдаты сгрудились в узком проходе, однако не потеряли боевого духа ни на один момент, и храбрый маршал Мортье дал пример благородной храбрости. Когда кто-то предложил ему воспользоваться одной из лодок, чтобы перейти на правый берег и оказаться таким образом в безопасности, он отверг это предложение. Мортье ответил, что он умрет со своими солдатами или пройдет вместе с ними по животам русских.

Разразился кровавый бой на штыках. 5 тысяч французов противостояли 30 тысячам русских. Наступившая ночь добавила ужаса ко всему, что было связано с этой битвой. Дивизия Газана, сгруппировавшись в колонну, сумела достичь Дюрренштайна в тот момент, когда дивизия Дюпона, остававшаяся сзади, напротив Мёлька, привлеченная звуками стрельбы и пушек, примчалась на помощь. И в конце концов поле битвы осталось-таки за французами.

В этой рукопашной схватке, где штык был единственным оружием, наши солдаты, более проворные и ловкие, чем русские колоссы, имели огромное преимущество над ними, и поэтому потери врагов достигали 4500 человек, в то время как с нашей стороны выбыло из строя около 3 тысяч. Но если бы наши дивизии не состояли из испытанных войною солдат, то корпус Мортье, по всей вероятности, был бы разгромлен. Император это прекрасно понял и поспешил вернуть их на правый берег, что доказывало мне, что он признал, что совершил ошибку, когда бросил отдельный корпус вдали от основной армии. И хотя храбрые полки, сражавшиеся за Дюрренштайн, были осыпаны наградами, бюллетени только упомянули об этой кровавой схватке. Казалось, что результаты этой операции за Дунаем хотели скрыть, потому что с военной точки зрения ее необходимость объяснить было нечем. И что подтверждает мое мнение по этому поводу, и я позволю себе высказать его свободно, это то, что во время кампании 1809 года император, находясь на том же месте, не послал за реку ни одного корпуса, сохранив, наоборот, всю свою армию собранной вместе, и вместе с ней спустился до Вены.

Но возвратимся к миссии, возложенной на коммандана Масси и меня. Когда мы прибыли в Вену, Наполеон с основной частью армии уже покинул город, которым он владел без особых военных усилий. Вопрос, переходить или не переходить через Дунай, для

того чтобы преследовать австрийцев и русских, отступающих в Моравию, даже не обсуждался. Однако такой переход французам удалось осуществить благодаря одной хитрости, возможно, не вполне честной, которую использовали для этого маршалы Ланн и Мюрат. Этот эпизод, который оказал большое влияние на результаты знаменитой кампании, заслуживает того, чтобы о нем рассказали подробнее.

Город Вена расположен на правом берегу Дуная, огромной реки, малый рукав которой проходит через этот город, а большой находится на расстоянии примерно в половине лье. Дунай образует здесь большое количество маленьких островков, объединенных вместе целой серией деревянных мостов, заканчивающейся одним большим мостом, пересекающим широкий рукав реки. Мост выходит на левый берег реки в месте, называемом Шпиц. Дорога в Моравию из Вены проходит через эту длинную цепь мостов. Когда австрийцы оставляли переправу, у них была одна очень скверная привычка сохранять мосты до самого последнего момента. Они это делали для того, чтобы иметь возможность вернуться и напасть на врага, который почти все-1 да не давал им на это времени, а нападал сам, захватывая не только живую силу, но и сами мосты, которые по неосторожности не были сожжены. Именно так поступали французы во время Итальянской кампании 1796 года на многочисленных переправах между Лоди и Арколе. Однако эти прошли австрийцам даром. После того как они покинули Вену, практически не приспособленную к обороне, они удалились на противоположный берег Дуная, не разрушив ни одного из всех мостов, которые были перекинуты через эту широкую реку. Они ограничились лишь тем, что заготовили различный легковоспламеняющийся материал в передней части большого моста, для того чтобы зажечь его, как только появятся французы. Помимо этого, на левом берегу, на краю моста у Шпица, они установили мощную артиллерийскую батарею и расположили целую дивизию из шести тысяч человек под командованием князя Ауэрсперга, храброго военного, но человека небольших способностей. Надо еще помнить, что за несколько дней до входа французов в Вену император в качестве парламентера принял австрийского генерала графа Дьюлаи, предлагавшего Наполеону мир. Этот визит не имел никакого результата, но как только авангард французских войск занял Вену и Наполеон устроился в королевском дворце Шенбрунн, как снова появился генерал Дьюлаи и провел более часа тет-а-тет с императором. С этой минуты слух о возможном перемирии стал циркулировать повсеместно и распространился между французскими полками,

входящими в Вену. Точно так же, как и среди австрийских войск, которые уходили из города, чтобы отойти за Дунай.

Император приказал Мюрату и Ланну постараться завладеть переходом через Дунай, после чего они направились к мостам, расположили гренадеров Удино в густых зарослях и в сопровождении только нескольких офицеров, говорящих по-немецки, пошли в сторону моста. Небольшие вражеские посты открыли по ним огонь, но быстро прекратили. Оба маршала стали кричать в сторону австрийцев, что сейчас перемирие, а в то же время продолжали продвигаться вперед. Они пересекли все малые мосты и подошли к началу большого, главного моста. Они привели те же доводы командующему в Шпице, который не осмелился стрелять по двум маршалам, идущим к нему почти без сопровождения и утверждающим, что военные действия временно прекращены. Однако перед тем как их пропустить, он захотел сходить и лично услышать приказ о перемирии от генерала Ауэрсперга. На время он оставил пост сержанту. Ланн и Мюрат убедили сержанта, что договор о временном прекращении военных действий передал мост в их распоряжение, что было необходимо для того, чтобы он со своими солдатами присоединился к офицеру, ушедшему на левый берег. Несчастный сержант колебался, его осторожно подтолкнули, продолжая убеждать, и таким образом довольно медленно, но неукоснительно они добрались до другого конца большого моста. Австрийский офицер хотел поджечь подготовленные воспламеняющие вещества, но они вырвали из его рук зажженное копье со словами, что он погубит себя, если совершит подобное преступление. В это время появилась колонна гренадеров Удино и устремилась на мост. Австрийские канониры открыли по ней огонь, но французские маршалы побежали к командиру этой артиллерийской батареи, которому они вновь с уверенностью принялись объяснять, что заключено перемирие. Затем они уселись на камни и попросили артиллеристов пойти предупредить об их присутствии генерала Ауэрсперга.

Наконец появился генерал. Он был готов приказать начать огонь, хотя французские гренадеры уже окружили батарею и батальоны австрийцев, но оба маршала уверяли его, что имеется договор, основным условием которого является то, что французы займут мосты. Несчастный генерал, боясь скомпрометировать себя и пролить бесполезно кровь, потерял голову до такой степени, что решил уйти и увести все свои войска, которые ему были доверены для защиты мостов. Не соверши генерал Ауэрсперг этой ошибки, переход Дуная, конечно, произошел бы, но произвести его было бы значительно труднее. Могло даже

случиться так, что он стал бы абсолютно невозможен, и в этом случае император Наполеон, не будучи в состоянии преследовать русскую и австрийскую армию в Моравию, проиграл бы эту кампанию. Но не обязательно, поскольку тремя годами позже, когда в 1809 году австрийцы сожгли мосты на Дунае, мы все же смогли форсировать эту реку, дав два сражения при Эсслинге и Ваграме, которые стоили нам более тридцати тысяч человек. Тогда как в 1805 году маршалы Ланн и Мюрат захватили мост, не потеряв ни одного человека.

Но стратегия, которой они воспользовались… допустима ли она? Я все-таки так не думаю. Я знаю, что в войнах между государствами понятие совести сужается под предлогом того, что все, что может обеспечить победу, может быть использовано для того, чтобы уменьшить человеческие жертвы. Однако, несмотря на эти высокие рассуждения, я не думаю, что нужно одобрить то средство, которое было использовано, чтобы захватить мост у Шпица. Что касается меня, я не поступил бы так в подобной ситуации.

В заключение моего рассказа об этом эпизоде я должен отметить, что доверчивость генерала Ауэрсперга была очень сурово наказана. Военный совет лишил его всех воинских званий и орденов. Он был обесчещен и опозорен на улицах Вены, а потом предан в руки палача. Такой же приговор был вынесен и против фельдмаршала Макка за его действия в Ульме. Позднее оба получили помилование и их приговор был заменен на пожизненное заключение. Они провели в заключении десять лет и были наконец выпущены на свободу, но остались лишены своих званий, дворянства, прокляты семьями и умерли вскоре после освобождения.

Стратегия маршалов Ланна и Мюрата обеспечила переход Дуная. Император Наполеон направил свою армию вдогонку австрийцев и русских. Так началась вторая фаза кампании.

Глава XXV

Холлабрунн. — Я вручаю императору знамена, захваченные при Брегенце. — Опасность угоднической лжи

Русский маршал Кутузов из Кремса направился через Холлабрунн в Моравию на Брюнн с тем, чтобы объединиться там со второй армией под личным командованием императора Александра. Но при приближении к Холлабрунну ему доложили, что корпуса Мюрата и Ланна уже заняли этот город, чем он был немало огорчен, так как это отрезало ему все средства к отступлению. Чтобы выйти из этого сложного положения, старый русский маршал использовал, в свою очередь, хитрость и послал генерала князя Багратиона в качестве парламентера к Мюрату. Багратион уверил того, что адъютант российского императора только что заключил в Вене перемирие с императором Наполеоном и, безусловно, очень быстро за этим договором последует мир.

Князь Багратион был человеком исключительно любезным, и он сумел польстить Мюрату, который, в свою очередь, обманутый русским генералом, поспешил согласиться на перемирие, несмотря на замечания маршала Ланна, который хотел сражаться. Но Мюрат обладал правом высшего командования, и маршалу Ланну пришлось подчиниться.

Таким образом, военные действия были прекращены на 36 часов. И пока Мюрат вдыхал фимиам, пущенный вокруг него этим хитрым и искушенным русским, армия Кутузова совершила обход и, скрывшись за небольшой грядой холмов, ушла от грозящей ей опасности. Вскоре за пределами Холлабрунна армия вышла на путь, обеспечивающий ей спокойное отступление на соединение со второй русской армией, стоящей между Цнаймом и Брюнном.

Наполеон находился в это время во дворце Шенбрунн, около Вены. Он впал в безумный гнев, когда узнал, что Мюрат позволил себя обмануть этому русскому князю и заключил перемирие без приказа самого императора, после чего он приказал ему немедленно атаковать Кутузова. Но положение русских теперь изменилось в их пользу, и они приняли французов очень сурово. Бой был одним из самых яростных. Город Холлабрунн переходил из рук в руки несколько раз, он был практически сожжен снарядами, заполнен мертвыми и умирающими, но в конечном счете остался за французами. Русские отступили к Брюнну. Наши войска их преследовали, заняли этот город без боя, хотя он был сильно укреплен и защищен знаменитой Шпильбергской

цитаделью.

Русские армии и часть остатков австрийских войск собрались в Моравии. Для последнего удара император отправился в Брюнн, столицу этой провинции. Мой товарищ Масси и я последовали за императором в том же направлении, но мы продвигались с большим трудом. Во-первых, потому, что лошади были почтовыми и очень устали, а во-вторых, из-за большого количества войск, пушек, зарядных ящиков и другого вида обозов, заполнявшего дороги. Нам пришлось остановиться на 24 часа в Холлабрунне, на этих абсолютно разрушенных пожарами улицах, заполненных водой, балками, остатками несгоревшей мебели. Этот несчастный город был настолько сильно сожжен, что мы не смогли найти ни одного дома, чтобы остановиться на ночлег.

В течение нашего вынужденного пребывания здесь ужасное зрелище потрясло наши души. Раненые, в основном русские, скрылись во время битвы в жилищах, куда вскоре проник пожар. Все, кто мог еще хоть как-нибудь ходить, выбежали оттуда при приближении новой опасности, но калеки, а также люди с тяжелыми ранениями заживо сгорели в руинах этих домов. Многие пытались спастись от огня, карабкаясь на земляные валы, но огонь их преследовал даже на улицах, где столпились тысячи этих несчастных, наполовину сгоревших, многие из которых еще дышали. Трупы людей и лошадей, убитых во время битвы, — все было сожжено огнем до такой степени, что несчастный город на многие лье в округе распространял вызывающий тошноту ужасный запах горелого мяса.

Бывают местности и города, которым по их расположению как бы предопределено стать полем битвы. Холлабрунн был одним из них, потому что представлял собой прекрасные военные позиции. Поэтому, как только он был слегка восстановлен от всех несчастий, которые ему принес пожар 1805 года, примерно через четыре года я вновь увидел его сожженным и вновь усыпанным трупами умирающих, наполовину сгоревших. Об этом я еще расскажу в своем рассказе, касаясь кампании 1809 года.

Коммандан Масси и я покинули этот очаг инфекции, как только смогли двинуться дальше, и достигли Цнайма, где через четыре года я должен буду получить ранение. Наконец, 22 октября мы присоединились к императору в Брюнне. Это было за десять дней до знаменитого сражения при Аустерлице. На следующий день после нашего прибытия мы полностью выполнили свою миссию — вручили знамена императору по всем правилам соответствующего церемониала, очень торжественно. Он никогда не пренебрегал удобным случаем, чтобы показать своей армии все, что могло возбудить в ней жажду славы. Вот

каким был этот церемониал.

За полчаса до смотра, который проводится ежедневно в 11 часов перед домом, служащим дворцом для императора, генерал Дюрок, обер-гофмаршал, послал за нами роту гренадеров гвардии с оркестром и барабанщиками. 17 знамен и 2 штандарта были переданы такому же количеству младших офицеров. Майор Масси[45] и я, сопровождаемые офицером для поручений императора, встали во главе кортежа, который тронулся в путь под барабанный бой и звуки марша. Город Брюнн был заполнен французскими войсками, и солдаты, когда мы проходили, приветствовали многочисленными криками победу своих товарищей из 7-го корпуса. Все часовые отдавали нам честь. В момент нашего прибытия во двор дворца, где жил император, сводные части были готовы для парада и, отбив барабанную дробь, взяли на караул и с большим рвением несколько раз прокричали «Да здравствует император!».

Дежурный адъютант спустился нас встретить и повел к Наполеону. Нас сопровождали младшие офицеры, которые несли австрийские знамена.

Император рассматривал различные трофеи и после ухода младших офицеров долго расспрашивал нас о деталях сражений, которые вел маршал Ожеро, и обо всем, что мы видели и что мы узнали в течение этого длинного пути по стране, которая стала театром военных действий. Затем он приказал нам ожидать его распоряжений и проследовать в императорский штаб. Обер-гофмаршал Дюрок приказал взять знамена, о получении которых он дал нам расписку, как того требовали правила. Затем предупредил нас, что лошади будут отданы в наше распоряжение, и пригласил нас на то время, которое мы должны были оставаться в городе, за стол, за которым он был главным.

Великая французская армия тем временем сгруппировалась вокруг Брюнна и впереди него. Авангард австро-российских войск занимал Аустерлиц. Основная масса их армии находилась вокруг города Ольмюца, где в это время пребывали оба императора — Александр и император Австрии Франц. Сражение представлялось неизбежным, но все и с той и с другой стороны понимали, что результаты этого сражения будут иметь огромное влияние на судьбы Европы. Поэтому каждая сторона колебалась, не предпринимая решительного движения первой. По той же причине и Наполеон, обычно такой быстрый в своих действиях, оставался целых 11 дней в Брюнне до того, как предпринять серьезную атаку. Надо также отметить, что каждый день задержки увеличивал его силы, потому что приходили все новые солдаты, которые по различным причинам отстали от основной армии.

Теперь они спешили соединиться с остальными и догнать армию. Оправившись от усталости и набрав силы, они теперь стремились участвовать в великой битве, которую предвидел каждый из них. По этому случаю я вспомнил, как из любезности солгал. Эта ложь могла разрушить всю мою военную карьеру. И вот как это произошло.

Обычно император относился очень хорошо к офицерам, но был один вопрос, в отношении которого он был очень суров. Он возлагал ответственность на полковников за то, что в их полках было большое количество солдат, а так как во время кампании выполнить это требование было крайне трудно, то императора часто обманывали. Командиры корпусов так боялись ему не угодить, что всегда сообщали ему о том, что им приходилось сражаться с противником, значительно превышающим их собственные силы. А мне признавались, что болезни, усталость и невозможность достать провиант очень часто сокращали число солдат в полку, поскольку они остаются позади. Поэтому Наполеон, несмотря на все свое могущество, никогда не знал точного количества солдат, на которое он мог рассчитывать в день сражения. Во время своего пребывания в Брюнне император без конца объезжал позиции и посещал бивуаки различных полков, и однажды он увидел своих гвардейских конных егерей, переходящих с одного места стоянки на другое. Он особенно любил этот полк, поскольку его гидами в Италии и Египте были те, кто теперь составлял ядро этой части. Император, у которого был очень опытный взгляд, заметил с большой точностью, что число людей недостаточно. Он достал из кармана записную книжку и, пробежав записи, подозвал к себе генерала Морлана, полковника конных егерей гвардии, и обратился к нему в очень строгой манере: «Ваш полк, согласно моим записям, должен иметь 1200 солдат. И хотя вы еще не были задействованы в бою с врагом, здесь не более 800 кавалеристов. Что же стало с другими?» Генерал Морлан, великолепный и смелый боевой офицер, не умел быстро среагировать на подобные вопросы и замешкался с ответом, а затем сказал на своем франко-эльзасском наречии, что ему не хватает очень небольшого числа солдат. Император продолжал настаивать, что, по самому простому исчислению, не хватает четырехсот солдат. Чтобы убедиться в этом, он пожелал сосчитать их сразу же, на месте. Но так как император знал, что Морлан горячо любим в своем штабе, он боялся, что не получит правдивого ответа. Поэтому он посчитал, что будет правильнее взять какого-нибудь офицера, который не относился ни к его собственному штабу, ни к его гвардии. В этот момент, заметив меня, он приказал посчитать

всех бойцов и сделать ему лично отчет об их числе. Сказав это, император галопом удалился. Я начал эту процедуру, которая была тем более проста, потому что кавалеристы ехали шагом в колонну по четыре. Несчастный генерал Морлан, который знал, насколько оценка Наполеона близка к истине, был крайне взволнован. Он уже предвидел, что после моего доклада ему придется крайне туго, поскольку его ожидало суровое взыскание. Он знал меня очень мало и не осмеливался предложить мне скомпрометировать себя, чтобы избавить его от такой неприятности.

Итак, он оставался рядом, молча, когда, к счастью для него, чтобы поговорить с ним, прибыл его капитан аджюдан-мажор (старший полковой адъютант). Этот офицер по имени Фурнье начал свою военную карьеру как помощник хирурга, потом он стал старшим хирургом, но не чувствовал больше призвания к этой профессии и стремился сменить ланцет на саблю. Он попросил и получил разрешение уйти офицером в действующие полки. Морлан, с которым он служил раньше, взял его в гвардию. Я же очень хорошо знал капитана Фурнье, когда он был еще старшим хирургом. Я даже сохранял по отношению к нему некоторое чувство обязанности, поскольку он не только перевязывал моего отца, когда того ранили, но перевез его в Геную и был рядом с ним до тех пор, пока отец был жив. Он много раз за день приходил к нему, чтобы оказать необходимые медицинские процедуры. Если бы врачи могли побороть тиф, то при той уверенности и целенаправленности, с какой Фурнье лечил рану моего отца, безусловно, отец был бы жив. Я часто вспоминал об этом, и поэтому встреча с ним была крайне дружественной. Вначале я не узнал его в новом ментике капитана гвардейских конных егерей. Морлан, будучи свидетелем той радости, которую мы испытали при нашей встрече, почувствовал, что у него рождается небольшая надежда воспользоваться нашей взаимной дружбой, чтобы попросить меня не говорить императору, сколько егерей не хватило в его рядах. Он отозвал своего аджюдан-мажора и разговаривал с ним несколько минут. Потом капитан подошел ко мне и стал умолять, во имя нашей прежней дружбы, помочь генералу Морлану избежать столь большой неприятности, скрыв от императора уменьшение численности его полка.

Сначала я твердо отказался и продолжил считать. Оценка императора была исключительно точной, потому что в наличии было немного больше восьмисот конных егерей. Я уже собрался отправиться на доклад к императору, когда генерал Морлан с капитаном Фурнье снова стали настойчиво просить меня сказать,

что наибольшая часть отсутствующих просто отстала по каким-то причинам и вскоре присоединится к полку, что было действительно очень вероятно, поскольку император не начнет битву до того, как не появятся дивизии Фриана и Гюдена, а они находились еще у ворот Вены, в 36 лье от нас. Это должно было занять несколько дней, а за это время егеря гвардии, отставшие от основной массы, снова присоединятся к ним. Они добавили, что император слишком занят, чтобы проверить мой доклад, который я должен ему представить.

Я не скрывал того, что мне была неприятна их просьба, поскольку они просили меня обмануть императора, и это было очень плохо. Но я также чувствовал, что я очень многим обязан г-ну Фурнье за заботу о моем отце. И, таким образом, я позволил себя уговорить. Я обещал скрыть большую часть правды.

Как только я остался один, я понял грандиозность моей ошибки, но было слишком поздно. Главное заключалось в том, что надо было как-то выйти из этого положения с наименьшими неприятностями. Для этого я долгое время не появлялся перед императором. Во всяком случае, пока он был верхом. Я боялся, что он поскачет на бивуак егерей и проверит мой доклад, что, очевидно, меня бы очень серьезно скомпрометировало.

Я вернулся в императорский штаб только с наступлением ночи, тогда император уже слез с лошади и ушел в свои апартаменты. Меня провели к нему для доклада о данном мне поручении. Я увидел его растянувшимся на карте, разосланной на полу. Как только он меня увидел, он воскликнул: «Ну что, Марбо, сколько там конных егерей в моей гвардии? Их число равняется 1200, как я и считал и говорил Морлану?» «Нет, государь, я насчитал только 1120, таким образом, на 80 человек меньше». — «Я был уверен, что отсутствовало большее число», — возразил император, и тон, каким он произнес эти последние слова, доказывал, что он ожидал гораздо большей недостачи людей, а в то же время отсутствовало, выходит, только 80 человек. На полк в 1200 человек, только что прошедший 500 лье зимой, останавливаясь ночевать прямо на снегу, на бивуаках, раскинутых на холодном воздухе, это было, конечно, очень небольшое число. И когда император отправился ужинать, проходя через комнату, где собрались командиры гвардии, он ограничился тем, что сказал Морлану: «Да, вы хорошо считали. У вас не хватает только восьмидесяти егерей. Это почти целый эскадрон. С восемьюдесятью храбрецами можно бы остановить целый русский полк. Надо следить за тем, чтобы люди не отставали». Затем, подойдя к командиру пеших гренадеров, численный состав которых был значительно меньше, чем на это можно было

рассчитывать, Наполеон сделал ему очень серьезный выговор. Морлан, чувствуя себя счастливым из-за того, что отделался всего несколькими замечаниями, подошел ко мне, как только император сел за стол, и горячо меня поблагодарил, заверив меня в то же время, что подошли уже примерно 30 егерей и курьер, прискакавший из Вены, встретил их еще около сотни между Цнаймом и Брюнном и много других вокруг Холлабрунна. Это давало нам уверенность, что за 48 часов полк будет практически численно восстановлен. Я этого желал так же, как и он, потому что понимал трудность положения, в котором мы оказались из-за моей чересчур большой благодарности по отношению к Фурнье. Я не мог заснуть всю ночь: боялся справедливого гнева императора, доверие которого я так нехорошо обманул. Мое волнение на следующий день еще больше возросло, особенно когда Наполеон отправился по своему обычаю проверять войска и направился прямо к бивуаку егерей гвардии, поскольку самый простой вопрос, обращенный к любому офицеру, мог открыть ему правду.

Я уже чувствовал, что пропал, как вдруг услышал музыку русских войск, расположившихся на Праценских высотах, в половине лье от наших передовых постов. Направив свою лошадь к веренице штабных, во главе которых скакал император, я приблизился, насколько мог, к нему и очень громко произнес: «Без сомнения, что-то происходит в лагере врага. Там слышна музыка». Император, услышавший мои слова, внезапно свернул с дороги, которая вела к бивуаку гвардии, и направился в сторону Працена, чтобы осмотреть, что творится в авангарде. Он оставался там долго, наблюдая за обстановкой. Наступила ночь. Он вернулся в Брюнн, не посетив егерей. В течение нескольких дней я находился в состоянии смертельного страха, хотя уже знал о прибытии многочисленных дополнительных отрядов. Наконец, приближение сражения и большая занятость императора вытеснили из его головы мысль о необходимости проверить полк конных егерей, чего я так боялся. Но урок, полученный мной, был очень полезным в дальнейшем, потому что впоследствии, став полковником, как только император спрашивал меня о численности бойцов, присутствующих в эскадронах моего полка, я всегда называл точную цифру.

Глава XXVI

Посол Пруссии и Наполеон. — Аустерлиц. — Я спасаю одного русского унтер-офицера на глазах у императора в Зачанском пруду

Если Наполеона часто обманывали, то и он использовал нередко хитрость, чтобы осуществить свои планы, как это доказывает одна военно-дипломатическая комедия, о которой я вам расскажу и в которой я сыграл свою роль. Чтобы хорошо это понять, и это даст вам ключ к пониманию причин, которые в следующем году послужили поводом для войны между Наполеоном и прусским королем, необходимо вернуться на два месяца назад. Тогда французские войска ушли с берегов океана и направлялись форсированным маршем к Дунаю.

Чтобы отправиться из Ганновера в верховья Дуная, 1-й корпус под командованием Бернадотта имел только одну, самую краткую дорогу, ведшую через Анспах. Эта маленькая земля принадлежала Пруссии, но, так как она была отрезана от основной территории многочисленными мелкими княжествами, в прежних войнах ее всегда рассматривали как нейтральную территорию, по которой каждая из сторон могла свободно проходить, заплатив то, что полагалось, и воздерживаясь, естественно, от любого военного действия. Такой порядок уже давно позволял австрийской и французской армиям часто пересекать это маркграфство еще во времена Директории, не предупреждая Пруссию. И Пруссия не находила это чем-то непозволительным.

Воспользовавшись этим, Наполеон приказал маршалу Бернадотту пройти через Анспах. Маршал подчинился.

Узнав о проходе французского корпуса через эту территорию, королева Пруссии и ее двор, ненавидевшие Наполеона, провозгласили, что прусская целостность была незаконно нарушена, и воспользовались этим, чтобы поднять нацию и потребовать объявления войны. Король Пруссии и его министр г-н Гаугвиц — единственные, кто сопротивлялся общему возмущению. Это было в октябре 1805 года, в момент, когда разразились военные действия между Францией и Австрией и русские армии только что пополнили австрийские войска. Чтобы усилить эти настроения и создать повод для совместных действий с Россией и Австрией, королева Пруссии и молодой принц Людвиг, племянник короля, пригласили императора Александра приехать в Берлин, в надежде, что сто присутствие заставит решиться короля Фридриха-Вильгельма.

Действительно, 25 октября Александр отправился в столицу

Пруссии. Он был принят там с большим радушием королевой, принцем Людвигом и сторонниками войны против Франции. Король Пруссии, обложенный, таким образом, со всех сторон, позволил вовлечь себя в общее дело, поставив все-таки определенные условия (по совету старого герцога Брауншвейгского и графа Гаугвица): его армия присоединится к кампании только после того, как будет ясен общий исход войны на Дунае.

Такое неполное присоединение к их планам не удовлетворило ни императора Александра, ни королеву Пруссии. Но в данный момент они не могли добиться большего.

Настоящая мелодрама была разыграна в Потсдаме, где король Пруссии и император России при свете факелов вместе спустились под своды склепа дворца и поклялись в присутствии двора в вечной дружбе на могиле Фридриха Великого. Это отнюдь не помешало Александру восемнадцать месяцев спустя согласиться на присоединение к русской империи нескольких прусских провинций, которые Наполеон ему отдавал по Тильзитскому миру. И все это происходило в присутствии несчастного друга Фридриха-Вильгельма.

После произнесения клятвы русский император отправился в Моравию, чтобы встать во главе своих войск, так как Наполеон форсированным маршем приближался к столице Австрии, которой вскоре и овладел.

Узнав о колебаниях прусского короля и о потсдамской клятве двух императоров, Наполеон, желающий покончить с русскими до того, как Пруссия объявит о вступлении в войну, сам поспешил навстречу пруссакам. С давних времен известно, что послы являются привилегированными шпионами. Прусский король, узнающий каждый день о новых победах Наполеона, хотел понять, какой позиции придерживаются каждая из воюющих сторон, и счел возможным послать Гаугвица, своего министра, в генеральный штаб французской армии, с тем чтобы тот мог на месте судить о положении дел. Но поскольку для этого был необходим какой-то официальный предлог, то он попросил отвезти его ответ на письмо Наполеона, в котором тот сетовал на договор, тайно заключенный в Потсдаме между Пруссией и Россией. Господин Гаугвиц прибыл в Брюнн за несколько дней до знаменитой Аустерлицкой битвы и очень хотел бы дождаться результатов готовящегося великого сражения, с тем чтобы посоветовать своему монарху не предпринимать ничего, если мы не окажемся победителями. И, наоборот, атаковать нас, если мы окажемся разбитыми.

Не будучи военными, вы можете судить даже по карте, какую

опасность могла причинить прусская армия, вошедшая в нашем тылу из Силезии в Богемию. Поскольку император знал, что господин Гаугвиц отправлял каждый вечер курьера в Берлин, то он захотел, чтобы именно через него в Пруссии узнали о разгроме и захвате корпуса фельдмаршала Елачича, о которых в то время еще не было достаточно известно, настолько стремительно развивались события. И вот каким образом император взялся за это дело.

Обер-гофмаршал Дюрок после того, как предупредил нас о том, что мы должны делать, приказал тайно принести в квартиру, занимаемую мной и Масси, все австрийские знамена, которые мы привезли из Брегенца. Затем, спустя несколько часов, когда император беседовал в своем кабинете с Гаугвицем, мы повторили церемонию передачи знамен точно так, как это было сделано в первый раз. Император, услышав музыку во дворе своего дворца, разыграл удивление и подошел к окну в сопровождении посла, где они увидели трофеи, принесенные унтер-офицерами. Он подозвал к себе дежурного адъютанта и спросил у него, что происходит. Адъютант ответил, что это два адъютанта маршала Ожеро только что доставили императору знамена австрийского корпуса Елачича, взятые в Брегенце. И Наполеон, не поведя бровью, как если бы он нас никогда не видел, сделал вид, что получил письмо маршала Ожеро (предварительно запечатанное), прочитал его, хотя знал его содержание уже четыре дня тому назад. После этого он начал нас расспрашивать, останавливаясь на самых мелких деталях. Дюрок предупредил нас, что говорить надо громко, поскольку прусский посол был несколько глуховат. Это обернулось очень неудачно для моего товарища Масси, руководителя миссии, поскольку ослабевший голос практически не позволял ему говорить, и, таким образом, отвечать императору пришлось мне. Ухватив его мысль, я в самых ярких тонах рисовал наиболее живые сцены разгрома австрийцев, упадок их духа и энтузиазм французских войск. Затем, представляя трофеи, один за другим, я называл все вражеские полки, которым они принадлежали. Я особенно отметил два из них, потому что пленение этих полков должно было произвести наиболее сильное впечатление на прусского посла. «Вот, — говорил я, — знамя пехотного полка Его Величества императора Австрии. Вот штандарт улан эрцгерцога Карла, его брата». Глаза Наполеона сверкали и, казалось, мне говорили: «Очень хорошо, молодой человек, очень хорошо». Наконец он нас отпустил, и, уходя, мы услышали, как он говорил послу: «Вы видите, господин граф, мои армии одерживают победы во всех направлениях. Австрийская армия раздавлена, и вскоре

будет то же и с русскими». Господин Гаугвиц казался убитым, а Дюрок сказал нам, когда мы были уже за пределами штаб-квартиры: «Этот дипломат сегодня вечером напишет в Берлин о полном разгроме корпуса Елачича. Это несколько успокоит горячие умы, жаждущие воевать с нами, и даст королю Пруссии возможность повременить и подождать новых известий. А это именно то, чего страстно желал император».

Закончив комедию, император, желая освободиться от опасного свидетеля, посоветовал господину послу, что было бы небезопасно для него оставаться здесь между двумя армиями, готовыми сражаться врукопашную, и предложил ему отправиться в Вену к господину Талейрану, министру иностранных дел, что господин Гаугвиц и сделал в тот же вечер.

На следующий день император не сказал нам ни слова относительно сцены, разыгранной накануне, но, безусловно, желая продемонстрировать свое удовлетворение тем, как мы поняли его мысль, он с большой симпатией поинтересовался у Масси, не лучше ли у него дела с насморком, а меня слегка потрепал за ухо, что было выражением наивысшей ласки.

Тем временем развязка страшной драмы приближалась. С обеих сторон готовились сражаться мужественно. Почти все военные писатели так насыщают свои рассказы деталями, что впоследствии у читателя в голове создается полная неразбериха, и в большинстве опубликованных произведений по войнам Империи я никак не мог понять историческое изложение событий, многих битв, в которых я участвовал, и различных эпизодов, которые мне были очень хорошо известны. Я думаю, чтобы сохранить ясность рассказа о военных действиях, нужно ограничится указанием на взаимное расположение двух армии перед началом сражения и останавливаться только на самых главных и решительных фактах самого сражения. Именно так я постараюсь с делать, описывая битву, названную Аустерлицкой, хотя она произошла впереди деревни, носившей это имя. Но так как накануне великого сражения императоры Австрии и России провели ночь в Аустерлицком замке, из которого Наполеон их потом выгнал, он захотел увеличить триумф своей победы, дав битве название именно этого места. На карте вы увидите, что ручеек Гольдбах, который берет начало далеко от Ольмюцкой дороги, втекает затем в пруд Мениц.

Этот ручеек протекал по глубокой долине, края которой довольно обрывисты, и отделял армии друг от друга. Правый край австро-русских войск был прикрыт холмистым лесом, расположенным за Ольмюцкой дорогой. Их центр находился на Праценском плато. Их левый фланг располагался возле Зачанских

прудов и окружавших их болот.

Наполеон разместил свой левый фланг на труднодоступном бугре, который солдаты, побывавшие в Египте, назвали Сантон, потому что над ним возвышалась маленькая часовня, верхушка которой напоминала форму минарета. Центр французской армии находился около пруда Кобельниц. И, наконец, правый фланг располагался возле Тельница. Но император оставил там очень мало войск, поскольку он стремился выманить русских на болотистый участок, где он и подготовил им разгром, спрятав за Гросс-Райгерном, на дороге к Вене, корпус маршала Даву.

1 декабря, накануне сражения, Наполеон покинул Брюнн ранним утром и целый день объезжал наши позиции. К вечеру он установил свой генеральный штаб позади центра французской армии, на небольшой поляне, откуда были хорошо видны бивуаки обоих противников, так же как и весь участок, который должен был служить полем битвы следующего дня. В этом месте не было никаких построек, кроме одного старого сарая. Там был поставлен стол с картами императора, который устроился около огромного костра. К счастью, снега не было, хотя и было очень холодно. Я улегся на землю и тотчас же глубоко заснул. Но очень скоро мы были вынуждены сесть на лошадей, чтобы сопровождать императора в его последнем объезде своих войск. Луны не было совершенно, и темнота ночи усиливалась толстым слоем тумана, который крайне затруднял нашу поездку. Егеря эскорта императора сообразили зажечь факелы, сделанные из сосновых палок и соломы, что оказалось крайне полезным. Войска, видя приближение группы ярко освещенных кавалеристов, сразу узнавали императорский штаб. И в тот же миг, как по волшебству, мы увидели бесконечную линию огней наших бивуаков, освещенных тысячами факелов, которые держали солдаты, и с огромным энтузиазмом приветствовали Наполеона криками, тем более громкими, что завтрашний день был годовщиной коронации императора, совпадение, которое им казалось хорошим знаком. Враги должны были быть немало удивлены, когда сверху с соседнего холма посреди ночи они увидели тысячи зажженных факелов и услышали тысячекратно повторенные крики «Да здравствует император!», которые сливались в одну сплошную музыку. На наших бивуаках все было радостью, светом и движением, тогда как со стороны австро-русских войск стояли тьма и тишина.

На рассвете 2 декабря послышалась пушечная пальба. Мы увидели, что император справа оставил не очень значительное количество войск. Это была западня, которую он расставил врагу, с тем чтобы тот подумал, будто есть возможность очень легко

захватить его со стороны Тельница, перейти ручеек Гольдбах и затем наступать на Гросс-Райгерн, завладев, таким образом, дорогой на Брюнн и Вену, перерезав нам всякую возможность к отступлению. Австро-венгры полностью попались в ловушку, поскольку, обнажив остальную часть своего фронта, они довольно неловко собрали значительные силы в низине около Тельница и в болотистых проходах, которые окружали Зачанский и Меницкий пруды. Но так как они, неизвестно почему, вообразили, что Наполеон предполагает отступить, не дав сражения, они решили, для того чтобы обеспечить полный успех себе, атаковать нас со стороны Сантона, то есть нашего левого края, чтобы разгром был полным. Но на нашем левом краю маршал Ланн не только отбил все атаки врага, но и отбросил их до самого Блазовица на другой стороне Ольмюцкой дороги. Там была довольно ровная местность, что позволило кавалерии Мюрата выполнить несколько блестящих атак, результат которых был огромен, поскольку русские были отброшены до самого Аустерлица.

Пока наш левый фланг одерживал блестящие победы, центр, образованный из войск маршалов Сульта и Бернадотта и поставленный Наполеоном за Гольдбахским оврагом, под прикрытием густого тумана атаковал холм, на котором была расположена деревня Працен. И в этот момент через рассеявшийся туман выглянуло сияющее солнце Аустерлица, о котором Наполеону нравилось вспоминать впоследствии. Маршал Сульт захватил не только деревню Працен, но и огромное плато того же названия, которое было ключевой точкой всей этой местности. Именно здесь перед взором императора разразилась одна из самых горячих битв, в которой русские были полностью разбиты. Но один батальон 4-го линейного полка, полковником которого был принц Жозеф, брат Наполеона, так увлекся преследованием врага, что был окружен кавалергардами и кирасирами великого князя Константина, брата Александра, которые захватили его орла[46]. Многочисленные линии русской кавалерии быстро приближались, чтобы закрепить неожиданный успех кавалергардов. Но Наполеон бросил против них мамлюков, конных егерей и конных гренадеров своей гвардии под предводительством маршала Бессьера и генерала Раппа, вследствие чего там образовалась настоящая кровавая свалка.

Русские эскадроны с большими потерями были отброшены далеко от деревни Аустерлиц. Наши кавалеристы принесли много штандартов и привели пленных, среди которых находился и князь Репнин, командир полка кавалергардов[47]. Этот полк, состоящий из самой блестящей русской молодежи, потерял очень много людей, потому что бахвальство, которое гвардейские кавалеристы

позволяли себе против французов, было хорошо известно французским солдатам, и они, особенно конные гренадеры, набрасывались на них с дикими криками и своими огромными палашами рассекали их пополам со словами: «Пускай поплачут дамы Санкт-Петербурга!» Художник Жерар в своей картине, посвященной битве при Аустерлице, избрал главным сюжетом момент, когда генерал Рапп, возвратившись из боя раненым, покрытым кровью врагов и своей, представляет императору знамена, которые он только что отобрал[48], а также пленного князя Репнина. Я присутствовал при этой впечатляющей сцене, которую художник воспроизвел с потрясающей точностью. Все головы, изображенные на картине, являются портретами участников, даже голова храброго конного егеря, который, не жалуясь, хотя его тело было изрешечено пулями, имел достаточно смелости, чтобы добраться до императора и упасть замертво, передавая ему штандарт, который он только что захватил. Наполеон, желая почтить память этого егеря, попросил художника запечатлеть на полотне и его лицо. На картине виден мамлюк, который в одной руке держит вражеское знамя, а другой удерживает за поводья умирающую лошадь. Это человек по имени Мустафа, известный в гвардии своей смелостью и жестокостью. Он бросился преследовать великого князя Константина с такой настойчивостью, что последний отделался от него только после того, как попал из пистолета в его лошадь, и она была серьезно ранена. Мустафа, в отчаянии от того, что мог принести императору только один штандарт, сказал по-своему откровенно, представляя свой трофей: «Ах, если бы я мог догнать князя Константина, я отрезал бы ему голову и принес ее вам!» Наполеон, возмущенный, ответил ему: «Помолчи, грубый дикарь!»

Однако закончим рассказ о сражении. Пока маршалы Ланн, Сульт и Мюрат, а также Императорская гвардия крушили правей фланг австро-венгерских войск и гнали их далеко от деревни Аустерлиц, левый фланг врагов попал в ловушку, расставленную Наполеоном. Противник бросился к деревне Тельниц, занял ее и перешел через Гольдбах, готовясь занять дорогу на Вену. Но враг плохо знал гениальный ум Наполеона, полагая, что тот способен совершить такую огромную ошибку, как оставить без защиты дорогу, которая обеспечивала отступление в случае неудачи. Наш правый фланг охраняли дивизии маршала Даву, которые скрывались за деревней Гросс-Райгерн. Отсюда Даву и напал на австро-русские войска, как только увидел, что они все скопились в ущелье между прудами Тельниц и Мениц, с одной стороны, и речкой — с другой.

Император, которого мы оставили на плоскогорье Працен, освободившись от правого фланга и центра вражеских войск, бежавших от Аустерлица, сразу спустился с Праценских высот с корпусом Сульта, со всей гвардией, пехотой, кавалерией и артиллерией и устремился в сторону Тельница, охватив сзади вражеские колонны, атакованные спереди маршалом Даву. С этого момента многочисленные и огромные массы австро-русских войск, скученные на узкой дороге, которая шла вдоль речки Гольдбах, оказались зажаты между двумя огнями и предались неописуемой панике. Ряды смешались, каждый старался спастись бегством. Одни бросились как попало, в сторону болота, рядом с прудами, другие надеялись спастись по дороге, которая как раз разделяла эти пруды. Наша кавалерия их преследовала, и там началось настоящее избиение.

Наконец, большая часть вражеских войск, в основном русские, попытались перейти пруды по льду. Лед был очень толстым, и уже от пяти до шести тысяч человек, сохраняя более или менее порядок в своих рядах, дошли до середины озера Зачан, когда Наполеон подтянул гвардейскую артиллерию и приказал стрелять по льду. Снаряды разбивали лед во многих местах, и это все сопровождалось ужасным шумом. Вода стала выступать через пробитый лед. Мы наблюдали, как тысячи русских, как и их лошади, пушки, повозки, медленно погружались в эту ледяную пропасть. Это было страшное и величественное зрелище, которое я не забуду никогда. В одно мгновение поверхность пруда покрылась всем, что могло плавать. Люди, лошади бились на середине пруда с наступающими льдами и водой. Некоторым — очень небольшому числу — удалось спастись с помощью шестов и веревок, которые наши солдаты протягивали им с берега, но основная масса утонула. Численность бойцов, которыми располагал император в этой битве, составляла 68 тысяч человек. В рядах австро-русских войск насчитывалось до 92 тысяч солдат. С нашей стороны было убито и ранено примерно 8 тысяч человек, враги признали, что их потери в убитых, раненых, утонувших доходили до 14 тысяч, и мы еще захватили 18 тысяч пленных, 150 пушек и большое число штандартов и знамен.

Приказав преследовать врага по всем направлениям, император отправился в свой новый штаб, расположенный в почтовом доме в Бозепице, на дороге к Ольмюцу. Он был в восторге, и это можно понять. Хотя он несколько раз и выразил сожаление по поводу единственного орла, которого мы потеряли и который принадлежал 4-му линейному полку, где полковником был принц Жозеф, брат императора. Орел этот был захвачен

полком великого князя Константина, брата русского императора. Это было действительно довольно забавно и делало потерю особенно чувствительной. Но вскоре Наполеон получил очень большое утешение. От имени австрийского императора приехал князь Лихтенштейн и попросил свидания с Наполеоном. Наполеон понимал, что это должно вести к миру, что освобождало его от опасности увидеть у себя в тылу пруссаков, в то время как он еще не закончил эту войну. Поэтому он быстро согласился на встречу.

Из всех частей Императорской гвардии полк конных егерей понес самые большие потери на Праценском плоскогорье. Мой бедный друг капитан Фурнье был убит, так же как и генерал Морлан. Император, всегда с большим вниманием относившийся к тому, что может вызвать какой-то спор или ревность среди войск, решил, что тело генерала Морлана будет положено в памятник, который он предполагал воздвигнуть у эспланады Дома Инвалидов в Париже. Врачи, не имея на поле битвы ни времени, ни необходимых средств для того, чтобы забальзамировать тело генерала, решили запечатать его в бочку с ромом, которую затем повезли в Париж. Но последовавшие события слишком задержали строительство памятника, посвященного генералу Морлану, и бочка, в которую был помещен генерал, долгое время находилась в залах медицинской школы. Когда Наполеон уже потерял империю, в 1814 году, она еще оставалась там же. Спустя некоторое время эта бочка разбилась из-за ветхости, и каково же было удивление, когда увидели, что ром подействовал на труп таким образом, что у генерала отросли очень длинные усы, доходящие до пояса. Тело прекрасно сохранилось, но семья должна была начать судебный процесс, чтобы добиться компенсации от ученого, который сделал из него предмет обозрения.

В битве при Аустерлице я не был ранен, хотя и находился все время в самых горячих местах и, в частности, в той схватке с русской гвардейской кавалерией на плоскогорье Працена. Император посылал меня все время с приказами к генералу Раппу, которые я должен был доставлять в очень трудных условиях и иногда среди страшного смешения войск, которые вели рукопашный бой. Моя лошадь однажды столкнулась с лошадью кавалергарда, и наши сабли уже было сошлись, но в этот момент мы были разделены другими сражающимися, и я отделался только легкой контузией от столкновения. Но на следующий день я подвергся гораздо более сильной опасности и совсем другого рода, чем те, которые обычно встречаешь на поле битвы. Вот как это случилось.

3 декабря утром император сел на лошадь и поехал на различные позиции, которые были свидетелями вчерашней битвы. Приехав на берег пруда Зачан, Наполеон спрыгнул с лошади, чтобы поговорить с многочисленными маршалами, собравшимися вокруг бивуачного костра, когда вдруг он увидел в ста шагах от плотины плывущую большую льдину, на которой лежал несчастный русский унтер-офицер, весь в орденах, который не мог помочь себе, потому что был ранен в бедро. Кровь несчастного уже окрасила всю льдину, которая еще удерживала его. На это было страшно смотреть. Этот человек, увидев многочисленную группу штаба, окруженную гвардейцами, подумал, что Наполеон должен был быть там, и, приподнявшись как только мог, на локоть, он воскликнул, что воины всех стран становятся братьями после того, как битва окончена, и попросил о своей жизни у могущественного императора французов. Переводчик Наполеона перевел ему эту просьбу. Император был тронут и приказал генералу Бертрану, своему адъютанту, сделать все возможное, чтобы спасти этого несчастного. Сразу же несколько человек из эскорта и даже два офицера из штаба, увидев на берегу два больших ствола деревьев, столкнули их в воду и взобрались на них на корточках, в одежде, надеясь, что, двигая ногами, они смогут доплыть до льдины, на которой находился несчастный. Но как только они отошли немножечко от берега, они тут же скатились в воду, где их одежда намокла и сковала все движения. Им особенно мешали намокшие рукава мундиров и брюки, стеснявшие их конечности. Многие из них чуть не утонули. Они сумели добраться до берега только с большим трудом, с помощью брошенных им веревок. Я заметил тогда, что пловцам надо было раздеться догола, во-первых, чтобы сохранить свободу движений, а во-вторых, чтобы не остаться на ночь в абсолютно мокрой одежде. Генерал Бертран, услышав мои слова, повторил их императору, который заявил, что я был абсолютно прав и что другие, стремясь выполнить это задание, не подумали об этом.

Я не хочу казаться лучше, чем был на самом деле, и признаюсь, что, когда присутствовал в битве, где я видел тысячи мертвых и умирающих, моя чувствительность довольно-таки притупилась, и у меня не было избытка филантропических чувств, чтобы рискнуть заболеть воспалением легких и идти сражаться со льдами за жизнь врага. Я ограничился тем, что просто сожалел о его печальной судьбе, но ответ императора задел меня за живое. Мне показалось, что я не должен был давать советы, которые сам не осмелился бы выполнить. И тогда я спрыгнул с лошади, разделся догола и бросился в пруд. В течение

дня я много бегал, и мне было жарко, но холод пронизал меня в одно мгновение. Однако, будучи молодым, сильным, очень хорошим пловцом, да еще вдохновленный присутствием императора, я направился в сторону русского унтер-офицера. В этот момент моему примеру и, возможно, тоже в связи с похвалами императора в мой адрес последовал один лейтенант артиллерии по имени Руместайн. Пока он раздевался, я плыл вперед, но испытывал все больше опасений, поскольку не предвидел, как трудно будет плыть среди льдов. Дело в том, что после вчерашней катастрофы толстый лед, покрывавший пруд, разбился на мелкие куски, а крупные льдины практически исчезли, но образовались новые, толщиною в несколько слоев и с очень острыми краями, которые, по мере того как я плыл, царапали мне кожу, раздирали руки, грудь, шею. Становилось не только неприятно и холодно, но и больно. Офицер артиллерии, который догнал меня в это время, уже заметил эту особенность, потому что он воспользовался проходом, который образовался за мной, и у него было достаточно честности и благородства, когда он обратил мое внимание на это и предложил теперь плыть первым, чтобы я мог немного отдохнуть, следуя за ним.

Мы доплыли наконец до той крепкой льдины, на которой умирал несчастный русский, и подумали, что самая трудная часть нашего предприятия закончилась, но это было не так. Как только мы начали толкать льдину, слой свежего льда, покрывший поверхность воды, начал дробиться, превращаясь в мелкое крошево. Вскоре вокруг нас образовалась плотная масса, мешавшая продвижению льдины и разбивавшая ее края. Поэтому ее величина все время уменьшалась, и нам было очень трудно находить места, за которые бы мы могли держаться, проталкивая ее вперед. К тому же, уменьшаясь, льдина вскоре могла быть поглощена водой вместе с тем несчастным, которого мы хотели спасти. В непрестанной борьбе с кусками острого, режущегося льда мы теряли силы, и, наконец, довершая наши несчастья, при приближении к берегу льдина раскололась на несколько частей, и та, на которой находился русский, теперь была не больше стола в несколько футов шириной и вряд ли была способна долго выдерживать вес несчастного, который лежал на ней. В это время мой товарищ и я почувствовали, что мы можем касаться дна пруда, и тогда мы стали на ноги и плечом стали поддерживать этот кусок льда и продвигать его к берегу. Оттуда нам бросили веревки, которыми мы в первую очередь обмотали русского, чтобы подтянуть его к берегу. Затем также с помощью веревок мы вышли из воды сами.

Мы с трудом могли держаться на ногах, настолько устали,

были разбиты и расцарапаны до крови льдами. Мой хороший товарищ Масси, который все время с тревогой следил за тем, как мы пересекали озеро, сразу подумал о том, чтобы положить нас ближе к огню бивуака, и постелил туда вальтрап, снятый со своей лошади, в который он меня завернул, как только я оказался на берегу. Высушив меня и одев, он хотел положить меня около огня, но доктор Ларрей возразил и приказал мне двигаться, что, между прочим, я мог делать только с помощью двух егерей.

Император подошел к лейтенанту артиллерии и ко мне, чтобы поблагодарить нас за смелость, с какой мы осуществили спасение этого раненого русского. Подозвав своего мамлюка Рустана, лошадь которого всегда была нагружена провизией, он взял бутылку рома, открыл ее и дал нам выпить по рюмке этой обжигающей жидкости, а потом, смеясь, спросил, как понравилась нам наша баня. Что касается русского, то император подождал, пока доктор Ларрей перевяжет его, и потом дал ему несколько золотых монет. Ему дали поесть, его закрыли сухой одеждой и закутали в теплые одеяла, после чего повезли в Тельниц, где располагалась временная амбулатория. На следующий же день его перевезли в госпиталь в Брюнн. Несчастный парень благодарил и благословлял императора, а также Руместайна и меня, желая поцеловать нам руку. Он был литовцем и родился в провинции бывшей Польши, присоединенной теперь к России, поэтому, как только он выздоровел, он заявил, что он хочет служить только императору Наполеону. Он присоединился к нашим раненым, когда их увозили во Францию, и впоследствии был взят в польский легион. Он стал унтер-офицером гвардейских улан, и каждый раз, когда он встречал меня, он на своем очень экспрессивном наречии выражал крайнюю благодарность.

Ледяная баня, которую мне пришлось принять, и действительно нечеловеческие усилия, предпринятые нами, чтобы спасти этого несчастного, могли мне дорого стоить, если бы я был не так молод, не так силен. А Руместайн, у которого не было этого последнего качества, тем же вечером заболел тяжелым воспалением легких. Он должен был быть перевезен в госпиталь в Брюнне, где он провел несколько месяцев между жизнью и смертью. Он так по-настоящему никогда и не выздоровел, у него сохранилось лихорадочное состояние, которое через несколько лет вынудило его покинуть службу. Что касается меня, то, хотя я и очень ослабел, я влез на лошадь, как только император удалился от пруда, чтобы поехать в Аустерлицкий замок, где находилась его штаб-квартира. Наполеон ездил всегда галопом. Разбитый усталостью, таким, каким я был, этот стиль езды мне совсем не подходил. Я старался все-таки следовать за ним,

потому что приближалась ночь. Я боялся удалиться от поля боя, к тому же холод начинал пробирать меня.

Когда я прибыл во двор замка, несколько человек помогли мне слезть с лошади. Я весь дрожал, зубы стучали, я чувствовал себя совершенно больным. Полковник Дальман, командир конных егерей, заменивший погибшего Марлана, конечно, будучи в курсе той услуги, которую я ему оказал, проводил меня в одно из помещений замка, где остановились офицеры. Там, после горячего чая, меня растер спиртом хирург, после чего меня замотали во все возможные одежды и уложили в огромную кучу сена, откуда у меня торчала только голова. Приятная теплота разлилась по всем моим застывшим членам, я заснул очень хорошо. Благодаря этим заботам, а также благодаря моим двадцати трем годам на следующее утро я уже чувствовал себя бодрым и свежим и мог сам сесть на лошадь, чтобы присутствовать при спектакле, представляющем большой интерес.

Глава XXVII

Свидание императоров. — Возвращение в корпус. — 1806 год. — Дармштадт и Франкфурт. — Удачные действия Ожеро

Разгром, испытанный русской армией, поверг ее в такое смятение, что все, что смогло спастись после аустерлицкой катастрофы, поспешило достичь Галиции, чтобы спастись от победителя. Разгром был полным. Французы взяли огромное количество пленных и находили перед собой дороги, покрытые брошенными пушками и различными вещами бежавших. Император России, который считал, что он идет от победы к новой, самой уверенной победе, удалился с поля брани в полном отчаянии, позволив своему союзнику Францу II вести переговоры с Наполеоном. В тот же самый вечер ужасного сражения император Австрии, чтобы спасти свою несчастную страну от полного разорения, попросил встречи с императором французов, и, по согласию Наполеона, он остановился в деревне Назиедловиц. Свидание произошло 4 декабря возле мельницы в Полении, между двумя линиями аванпостов австрийской и французской армий. Я присутствовал на этой памятной встрече.

Наполеон выехал ранним утром из замка Аустерлица, сопровождаемый своим многочисленным штабом, и оказался на назначенном свидании первым. Он спрыгнул с лошади и начал прогуливаться вокруг бивуака, как раз когда издали увидели прибывающего австрийского императора. Он пошел ему навстречу и сердечно обнял. Прекрасно разыгранный спектакль навевал философские размышления. Император Австрии приехал, чтобы униженно просить о мире у мелкого корсиканского дворянина, еще недавно бывшего младшим лейтенантом артиллерии, которого его таланты, счастливые обстоятельства и смелость французской армии вознесли на вершину власти и сделали арбитром судеб Европы.

Наполеон не злоупотреблял положением, в котором оказался австрийский император. Он был приветлив, изысканно вежлив, во всяком случае, насколько мы могли об этом судить со стороны. Между двумя властелинами было заключено перемирие. Оба договорились послать с каждой стороны полномочных представителей в Брюнн, с тем чтобы начать переговоры о мире. Императоры снова обнялись, и каждый отправился к себе: император Германии вернулся в Назиедловиц, а Наполеон — в свой Аустерлицкий замок, чтобы продолжить отдых. Он провел там два дня, в течение которых дал нам прощальную аудиенцию

и попросил Масси и меня рассказать маршалу Ожеро все, что мы здесь видели. Император вручил нам затем депеши: одну для баварского двора, который возвращался в Мюнхен. Он предупредил нас, что маршал Ожеро покинул Брегенц и что мы его найдем в Ульме. Мы достигли Вены поздно ночью и продолжили наш путь днем и ночью, несмотря на густой снег. Я не буду останавливаться на деталях тех политических изменений, которые явились результатом Аустерлицкой битвы, и о мире с Петербургом. Император отправился в Вену, затем в Мюнхен, где он должен был присутствовать на бракосочетании своего приемного сына Евгения Богарнэ с дочерью баварского короля. Кажется, депеши, которые мы должны были вручить при этом дворе, имели отношение к предстоящей свадьбе, поскольку мы были приняты наилучшим образом. Тем не менее мы оставались в Мюнхене лишь несколько часов и отправились в Ульм, где встретились с 7-м корпусом и увидели маршала Ожеро. Там мы провели около двух недель. Чтобы незаметно провести 7-й корпус к землям курфюрста Гессенского, близкого союзника Пруссии. Наполеон дал приказ отправиться из Ульма в Хайдельберг, куда мы и прибыли в конце декабря в канун начала 1806 года. После краткого пребывания в этом городе 7-й корпус отправился в Дармштадт, столицу ландграфа Гессен-Дармштадтского, владетельного князя, очень близкого к королю Пруссии как своими кровными, так и политическими связями. Хотя этот монарх, согласившись на приобретение Ганновера, подписал союзный договор с Наполеоном, он это сделал с отвращением и очень боялся приближения французской армии. Маршал Ожеро, перед тем как ввести свои войска в Дармштадт, посчитал необходимым предупредить об этом ландграфа специальным письмом и попросил меня передать его адресату.

Расстояние было всего 15 лье, и я преодолел его за одну ночь, но, прибыв в Дармштадт, я узнал, что ландграф, которому внушили, что французы хотели завладеть его персоной, только что покинул резиденцию, чтобы удалиться в другую часть своих земель, откуда он мог бы легко укрыться в Пруссии. Этот отъезд меня несколько озадачил, однако, узнав, что мадам ландграфиня находилась еще во дворце, я попросил представить меня ей. Эта дама, имевшая много сходства с портретами российской императрицы Екатерины, обладала, как и она, мужским характером, очень большой моральной силой и всеми качествами, необходимыми для того, чтобы руководить огромной империей. Именно она правила своим супругом и также всеми землями своего государства. Со всех точек зрения это была женщина — хозяйка положения. Видя в моих руках письмо, адресованное

ландграфу маршалом Ожеро, она взяла его без всякого стеснения, как если бы оно было адресовано ей, и сказала мне затем с полной откровенностью, что это по ее совету ландграф удалился в удаленные земли, но что она берется за то, чтобы его вернуть, если маршал даст ей полную гарантию того, что у него нет приказа лишить его свободы.

Я понял, что арест и смерть герцога Энгиенского напугали всех князей, которые считали, что Наполеон мог, будучи недовольным ими и их союзами, поступить так же и с ними. Я протестовал, насколько мог, убедительно и заверял о чистоте намерений французского правительства, предложив вернуться в Хайдельберг за маршалом Ожеро и получить все необходимые заверения, которые желала видеть княгиня, на что получил ее согласие. Я уехал и вернулся на следующий день с письмом от маршала, написанным в терминах столь благожелательных, что мадам после этого сказала мне: «Я доверяюсь чести французского маршала» — и тут же отправилась в Гессен, где находился ландграф и которого она привезла в Дармштадт, и оба они великолепно принимали маршала Ожеро, когда он приехал со своим штабом в этот город. Маршал был настолько им благодарен за оказанное ему доверие, что спустя несколько месяцев после того, как император стал переделывать все эти мелкие государства Европы и свел их к числу 32 государств, из которых он образовал Рейнскую конфедерацию, Ожеро не только удалось сохранить ад я ландграфа Дармштадт, но он еще добился для него титула великого герцога и сумел увеличить его государство таким образом, что население, которое насчитывало с трудом пятьсот тысяч человек, возросло до более миллиона жителей.

Спустя несколько месяцев новый великий герцог соединил свои войска с нашими против России, изъявив в то же время желание, чтобы они служили в корпусе маршала Ожеро. Таким образом, этот князь был обязан своим спасением и своим возвышением мужеству собственной жены. Хотя в те времена я был еще очень молод, тем не менее я думал, что Наполеон совершает большую ошибку, сокращая число мелких княжеств Германии. В действительности же во время прежних войн против Франции восемьсот корпусов германских князей и принцев не могли действовать вместе. Были те, кто выставлял всего одну роту, другие — только один взвод, многие — всего по половине солдата, таким образом, что объединение этих различных контингентов вместе составляло армию, абсолютно лишенную возможности действовать сообща, и при первом же повороте судьбы она распадалась. Но когда Наполеон сократил до

тридцати двух число княжеств, это стало началом централизации сил в Германии.

Оставшиеся суверенные властелины увеличили свои владения и образовали небольшие армии, хорошо сформированные. Это была в какой-то степени та цель, к которой стремился Наполеон в надежде использовать эти силы в свою пользу, со всеми другими военными ресурсами страны, что и действительно произошло, пока мы одерживали успех за успехом. Но при первой неудаче все тридцать два правителя договорились и объединились против Франции, и их коалиция с Россией практически свергла императора Наполеона, который тем самым был наказан за то, что не последовал старой политике французских королей.

Мы провели часть зимы в Дармштадте в праздниках, балах и приемах. Войсками великого герцога командовал вполне уважаемый генерал Шток. У него был сын моего возраста, лейтенант гвардии, приятный молодой человек, с которым я очень быстро вошел в дружеские отношения и о котором я еще буду говорить. Мы были в 10 лье от Франкфурта-на-Майне. Этот город был еще свободен, и его торговля процветала. С давних пор он являлся очагом всех интриг и заговоров против Франции, рассадником всех ложных новостей, которые распространялись в Германии против нас. Вот почему на следующий день после Аустерлицкой битвы, результаты которой были неизвестны, жители Франкфурта заверяли, что победителями оказались русские. Некоторые газеты дошли до такой степени лжи, что стали писать о том, что поражение нашей армии было огромно и что ни одному французу не удалось спастись.

Император, которому доносили все, что делалось и говорилось вокруг, скрыл свои чувства до определенного момента, когда, предвидя возможность разрыва с Пруссией, он незаметно приблизил свои армии к границам этого королевства. Желая наказать наглость жителей Франкфурта, он приказал маршалу Ожеро внезапно покинуть Дармштадт и идти со всем своим корпусом на Франкфурт и обосноваться на его территории. Согласно приказу императора город должен был в день вступления наших войск дать в знак приветствия один луидор каждому солдату, два — каждому капралу, три — каждому сержанту, четыре — каждому младшему лейтенанту и т. д. Помимо этого, жители должны были расположить на квартиры войска, кормить их и оплачивать все расходы по кормлению, а именно: маршал должен был иметь 600 франков в день, дивизионные генералы — 400, бригадные генералы — 200 и полковники — 100. Сенату было приказано отправлять каждый

месяц миллион франков в императорскую казну в Париже.

Власти города, напуганные такой контрибуцией, побежали к посланнику Франции, но он, получив от Наполеона четкие инструкции, ответил им: «Вы считали, что ни один француз не спасся от русских штыков. Император Наполеон хотел сделать так, чтобы вы могли сами посчитать всех тех, из которых состоит всего один корпус Великой армии. Но есть еще шесть других такой же величины, а за ними придет гвардия». Этот ответ, переданный жителям, погрузил их в полное отчаяние, поскольку, как бы ни велики были их богатства, они бы разорились, если бы этот приказ оставался в силе хотя бы некоторое время. Однако маршал Ожеро обратился к императору в защиту жителей Франкфурта и получил разрешение сделать так, как он пожелает, и тогда он распорядился, что в городе останется только его штаб и один батальон, а остальные войска будут распределены между соседними княжествами.

С этого момента радость вернулась в город, и жители, чтобы продемонстрировать свою благодарность маршалу Ожеро, давали ежедневно большое количество балов. Я жил у одного богатого купца по имени Шамо. Я провел около восьми месяцев у него, в течение которых он сам и вся его семья были полны внимания ко мне.

Глава XXVIII

Миссия при императоре и прусском короле. — Положение Пруссии

Пока мы были во Франкфурте, очень большая неприятность случилась с офицером 7-го корпуса, в связи с чем мне было дано два поручения. Первая часть была крайне тяжелой, а вторая — скорее приятной и даже прекрасной. Перенеся воспаление мозга, лейтенант N. из 7-го конно-егерского полка впал в детство. Маршал Ожеро поручил мне отвезти несчастного молодого человека сначала в Париж к Мюрату, который всегда интересовался такими вопросами, а затем в Керси, если об этом меня попросят. Я не видел матушку с тех пор, как я уехал на войну. Я знал, что она находилась в это время недалеко от Сен-Сере, в замке Дебра, который мой отец купил незадолго до своей смерти. Я с большим удовольствием согласился выполнять это поручение, которое, с одной стороны, позволяло мне оказать услугу маршалу Мюрату, а с другой стороны, провести несколько дней около матушки.

Маршал мне одолжил очень хорошую коляску, и я отправился в Париж, но жара, бессонница настолько подействовали на моего несчастного товарища, что от идиотизма он перешел к бешенству. Он хотел убить меня ключом от коляски. Мне никогда не приходилось путешествовать в столь неприятных условиях. Наконец я добрался до Парижа и отвез лейтенанта N. к Мюрату, который жил в это время в замке Нейи. Маршал попросил меня закончить порученное мне дело и отвезти лейтенанта N. в Керси. Я согласился в надежде увидеть мать, но сразу же заметил, что смогу отправиться только через 24 часа, поскольку маршал Ожеро поручил мне доставить несколько депеш для императора и что я должен отправиться к нему в Рамбуйе.

Я не знал содержания депеш, которые я вез, но они крайне обеспокоили императора. Он позвал Талейрана и уехал вместе с ним в Париж, мне он приказал следовать за ним и представиться обер-гофмаршалу Дюроку в тот же вечер. Я подчинился. Я уже довольно долго ожидал в салонах Тюильри, когда внезапно дверь кабинета императора открылась и вышел обер-гофмаршал Дюрок. Он оставил дверь незатворенной, и я услышал, как он приказывал взволнованным голосом офицеру для поручений готовиться выехать немедленно на длительное время. Но Наполеон воскликнул: «Дюрок, это напрасно, потому что у нас здесь Марбо, который так или иначе поедет к Ожеро. Он поедет в Берлин, а

Франкфурт практически на полдороге». Таким образом, обер-гофмаршал Дюрок мне предписал ехать в Берлин с депешами от императора. Это меня крайне расстроило, потому что мне приходилось отказаться от возможности увидеть мать, но надо было подчиниться. Я бросился в Нейи предупредить Мюрата. Думая, что моя миссия является срочной, я вернулся в Тюильри. Но обер-гофмаршал Дюрок отложил мой отъезд до утра следующего дня.

Я вернулся ранним утром, а мой отъезд отложили до вечера, а потом до следующего вечера и так далее, в течение целых восьми дней. Однако я решил набраться терпения, потому что каждый раз, как я появлялся, обер-гофмаршал Дюрок меня задерживал на одну секунду и позволял мне потом просто гулять по Парижу. Дюрок передал мне довольно значительную сумму денег, чтобы я обновил свою униформу и мог появиться в приличном виде перед прусским королем, в руки которого я должен был передать лично письмо императора. Вы видите, что Наполеон не пренебрегал ни одной деталью, когда речь шла о том, чтобы выгодно представить французского военного перед иностранцами.

Наконец, после того как мне были даны депеши и инструкции императора, который рекомендовал мне обратить особое внимание на прусские войска, на их выправку, их форму, их оружие, их лошадей и т. д., я отправился в путь. Г-н Талейран передал мне пакет для г-на Лафорета, французского посла в Берлине, у кого я должен был остановиться. Прибыв в Майнц, который в то время был частью французской территории, я узнал, что маршал Ожеро был в это время в Висбадене. Я отправился туда и застал его дома и сказал ему, что я еду в Берлин по приказу императора. Он поздравил меня и приказал мне продолжать мое путешествие.

Я ехал ночь и день, погода стояла великолепная. Был июль, и я прибыл в Берлин несколько усталый, но довольный. В это время дороги в Пруссии еще не были мощеными, и мы ехали по сыпучему песку, в котором постоянно увязали колеса экипажа, поднимались тучи пыли. Все в целом это было невыносимо.

Г-н Лафорет меня принял прекрасно. Я поселился в посольстве и был представлен королю и королеве, а также всем принцам и принцессам. Получив письмо от императора, король Пруссии показался несколько взволнованным. Это был высокий красивый человек, лицо которого дышало добротой. Но в нем не было некоторого оживления, которое обычно говорит о твердом характере. Королева была действительно прекрасна. Единственное, что ее портило, — это был тяжелый галстук,

который она носила. Говорили, он скрывал зоб довольно больших размеров. После того как врачи постарались его вылечить, он открылся и распространял неприятную гнойную жидкость, что особенно усиливалось, когда королева танцевала, а танцы были ее любимым занятием. В остальном она была полна изящества, лицо выражало ум, а особая величественность говорила о твердой воле. Я был принят очень мило. С ответом, который я должен был увезти императору, дело несколько затягивалось, более чем на месяц. Настолько, казалось, было сложно его составить. Королева желала приглашать меня на все празднества и балы, которые она давала в течение всего моего пребывания в Берлине.

Среди всех членов королевской семьи с особой добротой относился ко мне, во всяком случае внешне, принц Людвиг, племянник короля. Меня предупредили, однако, что он ненавидел французов, и особенно их императора. Но поскольку он страстно любил военное дело, он меня постоянно расспрашивал об осаде Генуи, о битвах при Маренго, при Аустерлице, а также об организации нашей армии. Прусский принц был действительно великолепен и с точки зрения ума, и чертами своего характера. Из всех членов королевской семьи он один был более всего похож на Фридриха Великого.

Я познакомился при дворе со многими и более всего с офицерами, которых я видел всех в дни парадов и маневров. Я проводил свое время очень приятно. Наш посол окружал меня заботой. Но вскоре я заметил, что они хотели заставить меня сыграть определенную роль в довольно деликатном деле, которое мне совершенно не подходило, и я стал очень сдержан.

Однако рассмотрим положение Пруссии. Депеши, которые я привез, имели к этому отношение, как я об этом узнал позже. Приняв от Наполеона в дар Ганновер, родовое владение правящей английской династии, берлинский кабинет сделался союзником не только антифранцузской части своего общества, но почти всей прусской нации. Самолюбие немцев было уязвлено успехами французов над австрийцами, и Пруссия боялась, чтобы ее хорошее положение не разрушилось из-за войны, которую лондонский кабинет уже ей объявил. Королева и принц Людвиг стремились воспользоваться восторженным возбуждением умов, чтобы склонить короля к необходимости объявить войну Франции, примкнув к России, которая надеялась взять реванш за свой позор при Аустерлице. Император. Александр вел в то время переговоры о своих проектах против Франции через одного поляка — своего любимого адъютанта князя Чарторыжского. Однако антифранцузская часть общества, которая с каждым днем все увеличивалась, еще не была готова убедить короля Пруссии

порвать с Наполеоном. Но чувствовалось, что ее поддерживает Россия. Эта партия удвоила свои усилия и очень ловко воспользовалась ошибками, совершенными Наполеоном, когда он посадил своего брата Луи на голландский трон и сделал самого себя протектором Рейнской конфедерации, акт, который был представлен королю Пруссии как движение в сторону восстановления империи Карла Великого. Но говорили, что Наполеон хочет в конце концов низвести всех оставшихся германских суверенов до уровня своих вассалов… Подобные высказывания, к тому же сильно преувеличенные, произвели тем не менее большое изменение в позиции короля, поведение которого с Францией стало с тех пор очень двусмысленным, что заставило Наполеона написать ему лично, не обращаясь к обычным дипломатическим процедурам, чтобы спросить: «Вы за или против меня?» Таково было содержание письма, которое я передал королю.

Королевский совет, желая выиграть время, чтобы пополнить свои вооружения, задерживал ответ, что явилось причиной моего столь долгого пребывания в Берлине. Наконец, в августе произошел общий взрыв настроений против Франции, и королева, принц Людвиг и вся знать, армия и все население потребовали громогласно объявления войны. Король позволил склонить себя на их сторону, но, хотя и решившись на разрыв мира, он сохранял еще слабую надежду избежать открытых военных действий. Как будто бы даже в его ответе императору он обещал разоружиться, если тот отзовет во Францию все свои войска, которые находились в Германии. Этого Наполеон делать не хотел, пока Пруссия не будет полностью разоружена. Таким образом, образовывался порочный круг, из которого единственным выходом была война.

Перед моим отъездом из Берлина я был свидетелем разбушевавшегося гнева против Наполеона всей прусской нации, обычно очень спокойной. Офицеры, с которыми я был хорошо знаком, не осмеливались больше со мной ни разговаривать, ни приветствовать меня. Многих французов население просто оскорбляло на улице. Наконец, гвардейские жандармы дошли до того, что они пришли точить лезвия своих сабель о каменные ступени особняка французского посольства.

Я поспешил как можно скорее отправиться в Париж, увозя с собой многочисленные свидетельства о том, что происходит в Пруссии. Проезжая через Франкфурт, я встретился с маршалом Ожеро, находящимся в очень печальном состоянии духа: он только что узнал о смерти своей жены, прекрасной и доброй женщины, о которой он горько сожалел и потеря которой

чувствовалась во всем его штабе, так как она со всеми была добра и приветлива.

Прибыв в Париж, я вручил императору ответ, подписанный королем Пруссии. Прочтя его, он расспросил меня о том, что я видел в Берлине. Когда я рассказал ему, как гвардейские жандармы точили сабли на лестнице нашего посольства, он невольно сжал рукоятку своей шпаги и возмущенно воскликнул: «Наглые фанфароны! Они скоро узнают, что наше оружие в прекрасном состоянии». Моя миссия была окончена, и я вернулся к маршалу Ожеро и провел весь сентябрь во Франкфурте, где мы готовились к войне, продолжая веселиться, насколько было возможно, поскольку думали, что не существует ничего менее прочного, чем жизнь военных, и потому нужно было торопиться ею воспользоваться.

Глава XXIX

Состояние прусской армии. — Поход на Вюрцбург. — Сражение при Заальфельде и смерть прусского принца Людвига. — Ожеро и его старый соратник. — Возвращение в Вену. — Эпизод

Тем временем различные корпуса Великой армии приближались к берегам Майна. Император только что прибыл в Вюрцбург, и его гвардия перешла Рейн. Пруссаки, со своей стороны, также начинали передвижение и вступили в Саксонию, вынудив курфюрста присоединить его войска к их собственным. Этот несколько насильственный союз, следовательно, не слишком прочный, был единственным, которым располагал прусский король в Германии. Правда, он ожидал прибытия русских, но их армия была еще в Польше, за Неманом, на расстоянии больше чем 150 лье от земель, где должны были решаться судьбы Пруссии. С трудом можно было поверить в то, что только некомпетентность в течение семи лет определяла решение европейских кабинетов, враждебных Франции. Мы видели в 1805 году австрийцев, атаковавших нас на Дунае и позволивших разбить себя поодиночке при Ульме, вместо того чтобы дождаться русских, которые должны были к ним присоединиться. И Пруссия тогда могла бы сменить свою политику относительно Наполеона. И вот теперь, в 1806 году, эти же самые пруссаки, которые за год до этого могли бы помешать разгрому австро-русской армии, присоединившись к ним, не только сами объявили войну, в то время как мы находились в состоянии мира с венским кабинетом, но, повторяя ошибку, они атаковали нас, опять-таки не подождав русских. Наконец, через три года, в 1809 году, австрийцы сами возобновили войну против Наполеона в тот момент, когда он находился в мирных отношениях и с Пруссией и с Россией. Эти разногласия всегда обеспечивали победу Франции. К сожалению, так не случилось в 1813 году, когда мы были разбиты коалицией наших врагов. Прусский король в 1806 году тем более был не нрав, когда объявлял войну, не дожидаясь прихода русских, что его войска, хотя и очень обученные, не были в состоянии помериться силами с нашими, настолько были слабы их состав и организация.

Действительно, в те времена прусские военачальники были владельцами своих рот или эскадронов. Люди, лошади, оружие, одежда — все принадлежало им. Это было нечто вроде аренды, которую они брали у правительства за определенную установленную плату. Таким образом, естественно, все потери

шли за их счет, и командиры были крайне заинтересованы сохранить людей как во время походов, так и во время битв, поскольку число людей, набранное ими, было строго ограничено финансовой стороной дела. Не существовало формы набора, и они брали в армию за деньги сначала пруссаков, которые являлись сами, затем любых бродяг со всей Европы, которых специальные наборщики подбирали им в разных соседних государствах. Но и этого не хватало, и они рекрутировали пруссаков силой, и, таким образом, набранные люди, становясь солдатами против собственной воли, служили, только чтобы дослужиться до того возраста, когда их могли освободить от военной службы. Тогда им выдавали документ, в котором было написано «нищий», поскольку Пруссия не была столь богата, чтобы дать им инвалидные удостоверения или пенсии. В течение всей службы солдаты были окружены настоящими пруссаками, число которых составляло примерно половину общего состава каждой роты, для того чтобы они предупредили возможность восстания.

Для того чтобы удержать в повиновении такую армию, составленную из столь разрозненных частей, нужна была железная дисциплина, поэтому за малейшую провинность полагалось наказание палками. Очень многие унтер-офицеры, все пруссаки, всегда носили с собой палки, которыми они часто пользовались. По тогдашним временам палка выдавалась на семь человек. Дезертирство иностранного солдата всегда наказывалось смертной казнью. Вы можете себе представить положение этих иностранцев, которые записались в армию в момент объединения или были взяты туда силой. Они оказались вдали от их родины, под холодным чужим небом, обязанными быть солдатами Пруссии, то есть рабами, в течение всей своей жизни. И какой жизни! Плохо накормленные, ночующие на соломе, не имеющие ни легкой одежды, ни шинели, не получая денег на собственные нужды. И что же, они только и могли, что просить милостыню? На это еще им давали иногда разрешение, поскольку, когда они не были на глазах своих начальников, они протягивали руку, и мне приходилось не раз видеть в Потсдаме и Берлине, как гренадеры, стоящие у дворца короля, умоляли меня подать им милостыню. Все офицеры были, как правило, хорошо образованны и служили превосходно, но половина из них родилась за пределами королевства. Все они были довольно обедневшими дворянами почти изо всех стран Европы, пошедшими на службу только для того, чтобы хоть на что-то жить. У них не было чувства патриотизма, они не были преданы Пруссии. Вот почему они почти все покидали ее, как только она оказывалась в трудном

положении. Наконец, продвижение по службе имело место только в связи с выслугой лет, и подавляющее большинство прусских офицеров были уже старыми, разбитыми и не в состоянии выносить трудности войны. И такую армию, разрозненную, плохо управляемую, они хотели противопоставить победителям Италии, Египта и Аустерлица! Это было чистым безумием! Но берлинский кабинет, введенный в заблуждение былыми победами Великого Фридриха, с помощью наемных войск по-прежнему надеялся, что это произойдет вновь, совершенно забыв о том, что времена теперь были совсем другими.

6 октября маршал Ожеро и 7-й корпус покинули Франкфурт и направились вместе со всей французской армией к границам Саксонии, уже занятой пруссаками. Стояла великолепная осень. Ночами слегка подмораживало, но днем солнце сияло все время. Мой небольшой экипаж был хорошо организован, я взял хорошего слугу Франсуа Вуарлана, бывшего солдата Черного легиона[49]. Настоящий шалопай и страшный мародер, но при этом лучшего слуги на время кампании придумать было нельзя, потому что с ним мы никогда ни в чем не испытывали недостатка. У меня были три великолепные лошади, хорошее оружие, немного денег. Я чувствовал себя прекрасно и шел очень весело впереди, навстречу будущим событиям.

Мы направлялись в Ашаффенбург, откуда должны были прийти в Вюрцбург. Там мы застали императора, который уже осматривал войска 7-го корпуса. Подъем духа у всех был очень велик. Наполеон, который помнил все полки и умел очень ловко извлекать из этого пользу, льстя самолюбию каждого солдата, сказал, глядя на 44-й линейный: «Из всех полков в вашем больше всего *шевронов*[50]. Поэтому, глядя на ваши три батальона, мне кажется, что их шесть». Солдаты с восторгом ответили: «Мы вам докажем это на деле!» 7-му легкому полку, сформированному в основном из уроженцев Нижнего Лангедока и Пиренеев, император сказал: «Вот лучшие ходоки в армии! Никогда на видел ни одного из них позади, особенно когда нужно догонять врага». А затем добавил, смеясь: «Но чтобы быть совершенно справедливым, я должен сказать, что вы самые большие крикуны и мародеры в армии». — «Это правда», — отвечали солдаты. У каждого из них в это время в мешке была либо утка, либо курица, либо гусь. Мешки и точно не были пусты. Это те издержки, которые приходилось терпеть, поскольку, как я уже говорил, армии Наполеона во время походов не получали пайков или получали их очень редко. Каждый жил как мог. Эта практика, без всякого сомнения, повлекла за собой немало серьезных неудобств, но имела и огромные преимущества, потому что

позволяла нам продвигаться все время вперед, не таща за собою длинные обозы с провиантом. Это было большим преимуществом перед врагом, все продвижения которого были подчинены подвозу провианта и хлеба, а также необходимости гнать за собой целые стада быков.

Из Вюрцбурга 7-й корпус направился в Кобург, где нас в княжеском дворце уже ожидал маршал, из которого при нашем приближении бежали все его прежние обитатели, за исключением знаменитого австрийского фельдмаршала принца Кобурга. Этому старому вояке, так давно и долго сражавшемуся против французов, характер которых он очень ценил, хватило доверия к своим прежним врагам, чтобы подождать их в своем дворце. Его доверие не было обмануто, поскольку маршал Ожеро прислал ему почетную охрану и обязал всех относиться к нему с большим почтением.

Мы были не очень далеко от пруссаков, находившихся в Эрфурте. Королева сопровождала короля верхом на лошади. Она ехала посреди войск, стараясь своим присутствием вселить в них мужество и надежду. Наполеон, считая, что эта роль не присуща даме, отпустил в ее адрес в одном из бюллетеней очень оскорбительные замечания.

Французский и прусский авангарды встретились 9 октября в Шляйце. На глазах у императора произошла короткая стычка, в которой враг был разбит. Такое начало было для них плохим предзнаменованием. В этот день принц Людвиг находился с корпусом в 10 тысяч человек в Заальфельде. Этот город расположен на берегах Заале, в середине долины, в которую можно попасть, только преодолев довольно крутые горы. Корпуса маршалов Ланна и Ожеро двигались к Заальфельду со стороны гор. Принц Людвиг хотел дождаться французов. Он должен был использовать эту сложную местность и занять узкие проходы, в которых небольшое количество войск могло остановить довольно многочисленные войска. Но он пренебрег этим преимуществом. Возможно, его подвела уверенность, в которой он постоянно пребывал, что прусские войска стоят значительно больше, чем французские. Его презрение доходило до того, что он пренебрег определенными предосторожностями и выставил часть своих войск впереди болотистой речки, которая крайне затрудняла отступление в случае неудачного поворота дел.

Старый генерал Мюллер, швейцарец на прусской службе, которого король послал к своему племяннику, чтобы тот слегка охладил его страсть, сделал последнему несколько замечаний по поводу расположения войск. Но принц Людвиг принял их очень недоброжелательно и добавил, что, для того чтобы побить

французов, ему не нужны дополнительные предосторожности, достаточно просто напасть на них сразу же, как только они появятся. И они таки появились 10-го, рано утром.

Корпус маршала Ланн в первой линии и корпус Ожеро — во второй. Но Ожеро слегка опоздал и практически не принял участия в сражении. К тому же его присутствие здесь было излишним, войск маршала Ланна было вполне достаточно. Пока его корпус выходил из ущелья, маршал Ожеро в сопровождении своего штаба расположился на невысоком холме, откуда нам была прекрасно видна вся долина. Мы могли невооруженным глазом следить за всеми перипетиями битвы. Принц Людвиг мог еще успеть отвести свои войска, чтобы присоединиться к прусскому корпусу, занимавшему Иену, но, так как он был вдохновителем войны, ему казалось неудобным начать отступление, не дав сражения. Он был жестоко наказан за свою неумеренную храбрость.

Маршал Ланн искусно воспользовался высотой, у подножия которой принц Людвиг так неосторожно развернул свои войска. Сначала он их расстрелял с помощью своей артиллерии, и, когда в их ряды уже было внесено смятение, он бросил вперед массы пехоты, которые мгновенно спустились с холмов и, словно грозный поток, обрушились на прусские батальоны и смели их в одно мгновение. Принц Людвиг, растерявшись и, возможно, признавая свою ошибку, надеялся ее исправить, встав во главе своей конницы, с которой он решительно атаковал 9-й и 10-й гусарские полки. В первый момент он одержал некоторый успех, но наши гусары в приступе новой ярости бросились в атаку и отбросили прусскую кавалерию в сторону болота, тогда как их пехота уже в беспорядке бежала, преследуемая нашей. Посреди этой свалки принц Людвиг столкнулся лицом к лицу с унтер-офицером 10-го гусарского полка по имени Гинде, который потребовал от него, чтобы он сдался. В ответ принц нанес французу удар шпагой и ранил его в лицо. Тогда тот, взявшись за свою саблю, взмахнул ею, и принц упал замертво.

После полного разгрома врага тело принца было узнано, и маршал Ланн приказал с почестями отнести его в замок Заальфельд, где оно было передано княжеской семье, к которой принадлежал принц. Здесь он провел весь день и вечер, предшествовавшие битве, выказывая неумеренную радость при мысли о приближении французов, и даже, говорят, дал бал для местных дам. Теперь его принесли, побежденного и мертвого. На следующий день я видел тело принца, лежащее на мраморном столе. Остатки крови были смыты. Он был обнажен до пояса, но еще в лосинах и сапогах. Казалось, что он просто спит. Он был

действительно красив, и я не мог не предаться печальным размышлениям о непрочности человеческого существования, глядя на то, что осталось от этого молодого человека, рожденного возле ступеней трона, еще недавно столь любимого, окруженного таким вниманием и такого могущественного. Известие о смерти принца Людвига повергло в отчаяние и оцепенение всю вражескую армию, настолько он был действительно обожаем во всей Пруссии.

7-й корпус провел весь день 11-го числа в Заальфельде, затем 12-го мы отправились в Нойштадт и 13-го — в Калу, где обнаружили остатки прусской армии, разбитой при Заальфельде. Маршал Ожеро атаковал их. Они немного сопротивлялись и вскоре сложили оружие. Среди пленных находился полк принца Генриха, в котором Ожеро когда-то был солдатом. А так как для того, чтобы стать офицером прусской армии, требовалось обязательно благородное происхождение, то ему было крайне трудно это сделать. Сержанты, как правило, никогда не достигали звания выше младшего лейтенанта. В этой роте был все тот же капитан и все тот же старший сержант. По воле странной судьбы в присутствии своего бывшего солдата, ставшего маршалом и прославившегося своими военными подвигами, прусский капитан, который, конечно, узнал Ожеро, повел себя по-умному и обращался к маршалу так, как если бы он его видел в первый раз. Маршал же пригласил его пообедать, посадил его рядом с собой и, зная, что все вещи этого офицера были конфискованы, одолжил ему столько денег, сколько тому было нужно, а также дал рекомендательные письма во Францию. Какие же мысли должны были обуревать голову этого капитана! Но ни малейшего удивления или иного выражения не появилось на его лице. Зато вся палитра эмоций так и играла на лице старого прусского сержанта при виде своего бывшего солдата, покрытого орденами, окруженного многочисленным штабом, командующего целым корпусом. Все это казалось наваждением. Маршал был более раскован в общении с этим человеком, чего не позволил себе при общении с капитаном. Он называл сержанта по имени, он пожал ему руку и передал ему 25 луидоров для него и по 2 — для каждого из его солдат, которые числились в той роте в те времена, когда он служил сам, и служили до сих пор. Мы нашли, что это было проявлением очень хорошего тона.

Маршал Ожеро рассчитывал провести ночь в Кале, расположенной всего в 3 лье от Иены, когда поздно вечером 7-й корпус получил приказ немедленно отправляться туда. В Иену только что без единого выстрела вступил император во главе своей гвардии и с войсками маршала Ланна. Пруссаки тихо

оставили Йену, но забыли в конюшнях несколько свечей, которые, возможно, и подожгли сено. Начался пожар, который быстро распространялся и уже поглотил значительную часть этого несчастного города, когда в полночь туда подошел корпус маршала Ожеро. Это было очень печальное зрелище, видеть жителей: женщин, стариков, наполовину раздетых, уносящих своих детей, ищущих, как бы спастись от разрушительного пожара. Солдаты оставались на своих местах совершенно спокойными, со сложенным оружием, как люди, считающие, что пожар — мелочь по сравнению с теми опасностями, которым они еще так недавно подвергались.

Кварталы города, по которым двигались французы, не были затронуты пожаром. Войска могли здесь легко передвигаться в любом направлении, пока все они, в конечном счете, не собрались на площади и на больших улицах. Маршал со своим штабом устроился в довольно красивом особняке. Я выходил оттуда, чтобы отнести приказ, в тот момент, когда в соседнем доме, дверь которого была открыта, раздались крики. Я бросился туда и, двигаясь на звук, попал в очень красивое помещение, где обнаружил двух очаровательных девушек 18–20 лет в одних рубашках, отбивающихся от четырех или пяти гессен-дармштадтских солдат, из того самого полка, который ландграф присоединил к французским войскам 7-го корпуса. Хотя эти солдаты были под действием вина и не понимали ни одного слова по-французски, а я очень мало говорил по-немецки, само мое присутствие, мои угрозы привели их в чувство. Тем более что они настолько привыкли быть битыми палками своих офицеров, что совершенно нормально восприняли мои удары ногой и палкой и даже то, что я в своем возмущении спустил их вниз по лестнице. Это, возможно, было довольно неосторожно с моей стороны, потому что среди ночи, в чужом городе, где царил ужасный беспорядок и смятение, один перед этими людьми я, конечно, подвергал себя большой опасности и мог быть убит. Но они убежали, и я разместил для охраны в одном из залов этого дома взвод из эскорта маршала. Поднявшись в квартиру, где две барышни уже успели кое-как одеться, я, конечно, выслушал выражения самой горячей благодарности. Наконец, они сказали, что они дочери профессора университета, который со своей женой и слугами отправился на помощь их сестре, которая только что родила в одном из охваченных пожаром кварталах, и они оставались тут одни, когда в доме появились гессенские солдаты. Одна из этих молодых девушек мне сказала с восторгом: «Вы приняли бой, чтобы спасти нашу честь. Бог вас вознаградит за это. Будьте уверены: с вами ничего плохого не случится». В этот

момент возвратились отец и мать, неся на руках роженицу и ее ребенка. Они были крайне удивлены, увидев меня. Но как только они узнали причину моего присутствия, они осыпали меня благодарностями и благословениями. Я с трудом смог удалиться, чтобы отправиться к маршалу Ожеро, который отдыхал в соседнем особняке в ожидании приказов императора.

Глава XXX

Йена. — Йенский священник. — Ауэрштедт. — Поведение Бернадотта. — Вступление в Берлин

Над городом Йена возвышается гора, которая называется Ландграфенберг. У подножия этой горы течет река Заале. Берег со стороны Иены очень крут, и в то время существовала только одна дорога — дорога на Веймар, через Мюльталь. Это был длинный и трудный путь. Начало этой дороги, окруженное небольшим лесочком, защищали саксонские войска, которые были союзниками пруссаков. Часть прусской армии стояла в развернутом строю дальше, на расстоянии пушечного выстрела. У императора это был единственный путь, позволявший добраться до врага, и он ожидал больших потерь, если бы пришлось атаковать врага с наскока, поскольку казалось, что возможности обойти противника нет. Но *счастливая звезда* Наполеона, которая еще вела его, дала ему совершенно неожиданный способ сделать это. Мне неизвестно, чтобы кто-либо из историков об этом рассказывал, но я ручаюсь за точность изложения событий.

Мы уже видели, что прусский король принудил правителя Саксонии присоединить свои войска к прусским. Народ Саксонии с сожалением видел, что ему приходится участвовать в войне, которая не могла дать ему ничего хорошего в будущем, а в настоящем несла горе его стране, которая оказалась театром военных действий. Поэтому в Саксонии пруссаков ненавидели, и Иена, будучи саксонским городом, разделяла это чувство неодобрения. Возбужденный пожаром, который в этот момент пожирал Иену, один священник из этого города, считавший пруссаков врагами своего короля и своей родины, счел возможным предоставить Наполеону способ изгнать их из своей страны. Этот священник указал императору небольшую тропинку, по которой пехотинцы могли вскарабкаться на крутой склон Ландграфенберга. Он проводил по этой тропинке взвод вольтижеров и офицеров штаба. Пруссаки, считавшие этот проход недоступным, пренебрегли необходимостью его охранять. Но Наполеон посчитал иначе, и, получив доклад своих офицеров, сам поднялся по этой тропинке в сопровождении маршала Ланна. Их вел все тот же саксонский священник. Император обнаружил, что между верхней частью тропинки и равниной, которую занимал противник, находится небольшое каменистое плато. Он решил сделать из него место сбора части своих войск, которые вышли бы оттуда, как из цитадели, чтобы атаковать пруссаков.

Все это представляло бы непреодолимую трудность для любого другого человека, кроме Наполеона. Он велел немедленно собрать 4000 кирок и лопат в артиллерии и инженерных войсках и приказал всем батальонам по очереди работать в течение часа, чтобы расширить тропинку и сделать ее более пологой. Закончив работу, каждый из батальонов поднимался в тишине на гору и там строился в линию. В это время другой батальон заменял его. Работы освещались факелами. Для противника свет факелов был незаметен из-за зарева пожаров, стоящего над Иеной. Ночи в это время года были очень длинными, и у нас хватило времени для того, чтобы сделать эту тропинку доступной не только для колонн пехоты, но даже для перевозки зарядных ящиков и артиллерии. Еще до наступления рассвета корпуса маршала Ланна, Сульта и 1-я дивизия Ожеро, а также пешая гвардия собрались на горе Ландграфенберг. Все они сгрудились наверху. Выражение *сгрудились* как нельзя более подходило к случаю, потому что грудь каждого солдата почти касалась ранца солдата, стоявшего перед ними. Однако части были так дисциплинированны, что, несмотря на тесноту и скопление более чем сорока тысяч человек на этом узком плато, в рядах не было ни малейшего беспорядка, и, хотя враг, занимавший Косподу и Клозевиц, стоял всего в половине расстояния пушечного выстрела, он ничего не заметил!

Утром 14 октября густой туман покрывал местность. Это благоприятствовало нашим передвижениям. 2-я дивизия корпуса Ожеро начала ложную атаку. Ожеро выдвинулся из Иены через Мюльталь по Веймарской дороге. Поскольку это было единственное место, откуда, как считал неприятель, мы могли бы выйти из Иены, он собрал там значительные силы. Однако, в то время как противник готовился яростно защищать это направление, император Наполеон, выведя с горы Ландграфенберг части, собранные там ночью, повел их в бой на равнину. Первые пушечные выстрелы и легкий ветерок рассеяли туман, который сменился ярчайшим солнцем, и пруссаки воистину остолбенели, увидев ряды французской армии, которые разворачивались напротив них и шли вперед, чтобы их разбить!.. Пруссаки не могли понять, каким образом мы попали на плато, ведь они считали, что мы находимся на дне Йенской долины и не имеем другого пути выхода, кроме дороги на Веймар, которую они так хорошо охраняли. В один миг началась битва, и первые ряды пруссаков и саксонцев под командованием князя Хоэнлоэ были вынуждены отступить. Их резервы продвигались вперед, но и мы тоже получили мощное подкрепление. Корпус маршала Нея и кавалерия Мюрата, несколько задержавшиеся в ущельях, вышли

наконец на равнину и приняли участие в сражении. Тем временем один корпус прусской армии под командованием генерала Рюхеля на какой-то момент остановил наши колонны, но в результате атаки французской кавалерии этот корпус был почти полностью уничтожен, а генерал Рюхель убит.

1-я дивизия маршала Ожеро, спустившись с Ландграфенберга на равнину, соединилась со 2-й дивизией, прибывшей по Веймарской дороге, а корпус, двигавшийся по дороге из Йены на Веймар через Мюльталь, сначала овладел местечком Коспода, а затем Иссерштедтским лесом. В то же время маршал Ланн захватил Фирценхайлинген, а маршал Сульт овладел Хермштедтом.

Прусская пехота, о низком качестве которой я уже говорил, сражалась очень плохо, и кавалерия их была не лучше. Мы много раз видели, как прусская пехота с громкими криками бросалась на наши батальоны, но спокойствие наших частей вносило растерянность в ряды противника, и он ни разу не довел свои атаки до конца. Подойдя к нашей линии на расстояние 50 шагов, вражеские пехотинцы позорно поворачивали назад под градом пуль и под крики наших солдат.

Саксонцы сражались смело. Они долго сопротивлялись корпусу маршала Ожеро, и лишь после отступления прусских частей они, построившись в два больших каре, тоже начали отступать, продолжая тем не менее отстреливаться. Маршал Ожеро, восхищаясь мужеством саксонцев и не желая проливать кровь этих смелых людей, послал парламентера, чтобы принудить их сдаться, поскольку у них больше не было надежды на какую-либо помощь. В этот момент Мюрат, прибыв во главе своей кавалерии, бросил в атаку кирасир и драгун, которые яростно атаковали каре саксонцев, смяли их и заставили сдаться. Однако на следующий день император вернул им свободу и передал их саксонскому государю, с которым он в самом скором времени заключил мир.

Все прусские корпуса, сражавшиеся на подступах к Йене, отступали в полном беспорядке по дороге на Веймар. На подступах к этой дороге собрались беглецы и дезертиры, а также отступавшие войска со своей артиллерией и обозами, как вдруг появились эскадроны французской кавалерии!.. При виде их ужас распространился в рядах пруссаков, все они в беспорядке побежали, оставляя нам множество пленников, свои знамена, пушки и обозы.

Город Веймар называли Новыми Афинами. В это время в нем жило множество ученых, художников и писателей, все они были весьма достойными людьми, приезжали сюда со всех сторон

Германии и находились под покровительством правящего здесь герцога, который был просвещенным защитником наук и искусств. Все это мирное и добропорядочное население было крайне взволновано звуками пушечных выстрелов, прохождением отступавших частей и входом в город победителей. Однако маршалы Ланн и Сульт поддерживали порядок, и город не пострадал ни от каких злоупотреблений. Ему пришлось только поставить войскам необходимый провиант. Веймарский князь служил в прусской армии, но его дворец, в котором находилась его дочь и его жена, никто не тронул, и ни один из маршалов не пожелал там остановиться.

Штаб маршала Ожеро расположился у городских ворот в доме главного садовника князя. Все, кто служил здесь, бежали, и поэтому нашему штабу, не нашедшему никакой еды, пришлось ужинать ананасами и сливами из княжеской теплицы! Это была слишком легкая еда для людей, которые ничего не ели уже целые сутки и провели всю предыдущую ночь без сна, а весь день в сражении… Но мы были победителями, а это волшебное чувство дает возможность переносить любые лишения!..

Император вернулся ночевать в Иену, где узнал еще об одном нашем успехе, который был не меньше его собственного. В битве при Иене была одна необыкновенная особенность. Дело в том, что эта битва, если можно так выразиться, была *двойной,* потому что ни французская армия, ни прусская армия не объединили свои части на подступах к Иене. Каждая из этих армий была разделена надвое, и каждая из этих частей участвовала в двух различных сражениях. Действительно, в то время как император выходил из Йены во главе корпусов Ожеро, Ланна, Сульта, Нея, своей гвардии и кавалерии Мюрата и разбил, как я только что рассказывал, прусские корпуса князя Хоэнлоэ и генерала Рюхеля, прусский король во главе своей основной армии под командованием знаменитого герцога Брауншвейгского, маршалов Мёллендорфа и Калькройта, направлявшихся из Веймара в Наумбург, провел ночь в деревне Ауэрштедт, недалеко от французских корпусов Бернадотта и Даву, которые располагались в деревнях вокруг Наумбурга. Чтобы присоединиться к императору со стороны Апольды, на равнинах позади Йены, Бернадотт и Даву должны были переправиться через Заале перед Наумбургом и пройти узкую долину Козен.

Хотя Даву думал, что прусский король и основная часть его армии противостоят императору, и не представлял, что они находятся так близко от него в Ауэрштедте, он тем не менее на всякий случай захватил ночью Козен и его крутые склоны. Прусский король и его командиры не сочли нужным занять это

место, совершив при этом такую же ошибку, как князь Хоэнлоэ на подступах к Йене, когда он не отдал приказ охранять вершину Ландграфенберг. Части Бернадотта и Даву, объединившись, насчитывали лишь 44 тысячи человек, в то время как у прусского короля было при Ауэрштедте 80 тысяч солдат.

С рассветом 14 октября оба французских маршала узнали, что им придется сражаться со значительно превосходящими силами противника. Все это заставляло их действовать согласованно. Понимая эту необходимость, Даву заявил, что он охотно встанет под командование Бернадотта, но Бернадотт считал, что если лавры приходится с кем-то делить, то это уже не лавры. Он не сумел принести себя в жертву интересам своей страны и предпочел действовать в одиночку. Под тем предлогом, что император приказал ему 13-го находиться в Дорнбурге, он захотел отправиться туда 14-го. Хотя Наполеон ночью написал ему, что если случайно он еще не покинул Наумбург, то должен оставаться там и поддерживать Даву. Бернадотт не счел это приказание достойным внимания и предоставил маршалу Даву защищаться своими силами. Затем, двинувшись вдоль Заале, Бернадотт отправился в Дорнбург. Там он не нашел ни единого врага, а выше своих позиций он увидел ужасное сражение, которое в 2 лье оттуда вел бесстрашный Даву. Тем не менее Бернадотт приказал своим дивизиям располагаться на бивуаках и спокойно готовить обед!.. Напрасно окружавшие его генералы упрекали его в преступном бездействии, он не пожелал двинуться с места!.. Так что генерал Даву, имевший всего лишь 25 тысяч человек, входивших в состав дивизий Фриана, Морана и Гюдена, противостоял с этими храбрецами почти 80 тысячам пруссаков, воодушевленных присутствием собственного короля!..

Выйдя из долины Козен, французские части перестроились около деревни Хассенхаузен. Именно в этом месте и произошло сражение. Император ошибался, думая, что прусский король и основная часть его армии противостоят ему в Иене. Сражение, которое выдержали части Даву, было одним из самых ужасных в нашей истории. Дивизии Даву победоносно противостояли всем атакам вражеской пехоты, после чего они выстроились в каре и отразили многочисленные атаки кавалерии противника. Не удовлетворенные этим, они двинулись вперед с такой решимостью, что пруссаки отступили по всем пунктам, оставив поле боя покрытым убитыми и ранеными. Герцог Брауншвейгский и генерал Шметтау были убиты, маршал Мёллендорф тяжело ранен и взят в плен. Прусский король и его войска сначала в относительном порядке отступили к Веймару, надеясь соединиться там с арьергардом корпуса князя Хоэнлоэ и генерала

Рюхеля, которых они считали победителями в сражении. Однако на самом деле они были разбиты Наполеоном и сами искали поддержки со стороны частей, которыми командовал король. Эти две громадные массы побежденных и деморализованных солдат встретились на Эрфуртской дороге, и достаточно было появиться всего нескольким французским полкам, чтобы повергнуть их в крайнее замешательство. Разгром был полным!.. Так было наказано бахвальство прусских офицеров. Результаты этой победы оказались неисчислимы и сделали нас хозяевами почти всей Пруссии.

Император высказал свои самые высокие похвалы действиями маршала Даву, а также дивизий Морана, Фриана и Гюдена в приказе, который был зачитан во всех войсках и даже во всех лазаретах. В следующем году Наполеон пожаловал Даву титул герцога Ауэрштедтского, хотя он сражался возле этой деревни меньше, чем возле деревни Хассенхаузен. Однако штаб прусского короля был в Ауэрштедте, и противник назвал сражение, которое французы называют битвой при Йене, именем этой деревни. Армия ожидала, что Бернадотта сурово накажут, однако он обошелся всего лишь выговором, поскольку император боялся обидеть своего брата Жозефа, на близкой родственнице которого, мадемуазель Клари, был женат Бернадотт. Мы увидим ниже, каким образом поведение Бернадотта в день битвы при Ауэрштедте в каком-то смысле послужило ему первой ступенью для того, чтобы подняться на шведский трон.

Я не был ранен при Йене, но со мной случилось одно происшествие, воспоминание о котором даже спустя 40 лет вызывает у меня гнев… В тот момент, когда корпус Ожеро атаковал саксонцев, маршал послал меня к генералу Дюронелю, командующему бригадой конных егерей, с приказом атаковать вражескую кавалерию. Я должен был провести эту бригаду по дороге, которую уже разведал. И вот я поспешил, чтобы возглавить наших егерей, которые бросились на саксонские эскадроны. Саксонцы храбро сопротивлялись, произошла свалка, и нашим врагам пришлось с потерями отступить. В конце боя я оказался лицом к лицу с гусарским офицером, одетым в белый мундир и принадлежащим к полку принца Альберта Саксонского. Я приставил к его телу острие моей сабли, предлагая ему сдаться, что он и сделал, передав мне свое оружие. После завершения боя я великодушно возвратил ему его оружие, как это практикуется в подобных случаях между офицерами, и добавил, что, хотя его лошадь и принадлежит мне, в соответствии с законами войны, я не хочу лишать его коня. Он горячо благодарил меня за это доброе обращение и направился следом за мной к маршалу, к

которому я был рад доставить моего пленника. Но когда мы оказались в пятистах шагах от французских егерей, проклятый саксонский офицер, ехавший слева от меня, выхватил свою саблю из ножен, рассек плечо моей лошади и ударил бы и меня, если бы я не кинулся на него сам, хотя у меня в руке и не было сабли. Теперь между нами было слишком мало места для того, чтобы он мог направить против меня свое оружие. Видя это, он схватил меня за эполет, поскольку в этот день я был в парадной форме, и с силой дернул, что заставило меня потерять равновесие. Мое седло сползло и оказалось под животом у лошади, а я повис головой вниз. В это время саксонец ускакал быстрым галопом, чтобы присоединиться к остаткам своей армии. Я был в ярости как из-за положения, в котором оказался, так и из-за неблагодарности, которой этот иностранец заплатил за мою доброту. Поэтому, как только саксонская армия оказалась у нас в плену, я отправился искать моего гусарского офицера, чтобы дать ему хороший урок, но он куда-то исчез!..

Я уже сказал, что наш новый союзник, великий герцог Гессен-Дармштадтский, присоединил свои войска к войскам нашего императора.

Его бригада, приданная 7-му корпусу, носила форму, абсолютно схожую с формой пруссаков, поэтому многие гессенцы во время боя по ошибке были ранены или убиты. Моего друга, юного лейтенанта по фамилии Стош, чуть не постигла такая же участь: наши гусары уже схватили его, когда он окликнул меня, и я приказал его отпустить.

Император осыпал милостями священника из Йены, а правитель Саксонии, в результате побед своего нового союзника Наполеона став королем, также наградил этого священника, который очень спокойно дожил до 1814 года. Тогда он укрылся во Франции, чтобы избежать возмездия со стороны пруссаков. Но пруссаки нашли его и заключили в крепость, где он провел два или три года. Наконец, король Саксонии обратился к Людовику XVIII, прося его за священника. Людовик XVIII потребовал освободить его как арестованного без высочайшего разрешения. Пруссаки согласились его отпустить, и он поселился в Париже.

Одержав победу в сражении при Йене, император приказал преследовать противника по всем направлениям, поэтому наши колонны захватили бесчисленное количество пленных. Королю Пруссии лишь с большим трудом удалось добраться до Магдебурга, а затем и Берлина. Говорят даже, что королева чуть не попала в руки разведчиков нашего авангарда.

Корпус Ожеро переправился через Эльбу около Дессау. Было

бы слишком долго рассказывать о несчастьях прусской армии, достаточно сказать, что из всех частей, которые шли против французов, *ни одному батальону* не удалось вырваться, все они были захвачены в плен до конца месяца. Крепости Торгау, Эрфурт и Виттенберг открыли свои ворота победителям, переправившимся через Эльбу во многих местах и направлявшимся на Берлин. Наполеон остановился в Потсдаме, где побывал на могиле Фридриха Великого. Затем он отправился в Берлин, вопреки своему обычаю, на этот раз пожелав устроить триумфальный въезд в этот город. Во главе колонны шел корпус маршала Даву. Эта честь принадлежала ему по праву, поскольку его корпус сражался больше, чем другие. Затем двигался корпус Ожеро, а после него гвардия.

Глава XXXI

Разгром и деморализация пруссаков. — Происхождение состояния Ротшильдов и изменение положения Бернадотта. — Я сопровождаю Дюрока к прусскому королю в Грауденц. — Эпизод войны. — Армия на Висле

Вновь увидев Берлин, который я когда-то оставил таким блистающим городом, я испытал тягостное чувство… Его жители, полные хвастовства и бахвальства в прежние времена, теперь были мрачными, подавленными, погруженными в печаль, потому что пруссаки — большие патриоты. Они чувствовали себя униженными поражением своей армии и оккупацией своей страны французами. Впрочем, почти во всех семьях было кого оплакивать: родственника, друга, убитого или захваченного в плен. Я сочувствовал этой праведной скорби, но признаюсь, испытал совершенно иное чувство, когда увидел входящим в Берлин в качестве военнопленных полк гвардейских жандармов, который был обезоружен и шел пешком. Это были те самые молодые офицеры, которым хватило наглости, чтобы вызывающе точить сабли на ступеньках посольства Франции!.. Невозможно описать их теперешнее удрученное и униженное состояние, ведь они видели себя побежденными теми самыми французами, которых, как они раньше хвастались, могло обратить в бегство одно лишь их присутствие!.. Жандармы просили, чтобы им позволили миновать Берлин, не заходя в него, потому что им было очень неприятно проходить в качестве военнопленных через город, где их так хорошо знали и жители которого были когда-то свидетелями их фанфаронства. Но именно по этой причине император приказал провести их между двумя рядами французских солдат по улице, на которой находилось французское посольство. Жители Берлина оценили эту маленькую месть Наполеона, потому что они тоже сердились на жандармов, обвиняя их в том, что те толкнули прусского короля вступить с нами в войну.

Маршал Ожеро поселился за городом, в замке Бельвю, принадлежавшем принцу Фердинанду, единственному еще живому из братьев Фридриха Великого. Этот респектабельный старик, отец принца Людвига, недавно убитого под Заальфельдом, был погружен в скорбь, казавшуюся тем более искренней, что, вопреки мнению всего своего двора и особенно сына, которого он теперь оплакивал, принц Фердинанд сильно противился войне, предсказывая те несчастья, которые она

должна была навлечь на Пруссию. Маршал Ожеро счел своим долгом нанести визит принцу Фердинанду, который удалился в один из своих городских дворцов. Маршал был там очень хорошо принят. Несчастный отец сказал маршалу, что ему только что сообщили, будто бы его младший сын принц Август, единственный оставшийся из его детей, находился у ворот города в колонне пленных и что отец очень хотел бы обнять своего младшего сына, прежде чем того отправят во Францию. Поскольку почтенный возраст принца Фердинанда препятствовал тому, чтобы он мог отправиться к своему сыну, маршал Ожеро, уверенный, что император его за это не осудит, сразу же велел мне сесть на лошадь и приказал разыскать принца Августа и привести его со мной во дворец, что было немедленно выполнено.

По прибытии юного принца произошла очень трогательная сцена. Его почтенный отец и старая мать все обнимали и обнимали своего сына, который так напоминал им об утрате их другого ребенка!.. Чтобы утешить эту семью, насколько позволяли его возможности, добрый маршал Ожеро отправился к императору и вернулся с разрешением оставить юного пленного принца под честное слово в лоне его семьи. Принц Фердинанд был бесконечно благодарен императору за эту милость.

Победа в битве при Йене принесла огромные результаты. Не только вражеские части, участвовавшие в кампании, но и гарнизоны крепостей были полностью деморализованы. Магдебург сдался, даже не попытавшись защищаться. То же самое произошло с крепостью Шпандау. Штеттин открыл свои ворота всего одному кавалерийскому дивизиону, а губернатор крепости Кюстрин сам послал свои суда на другую сторону Одера, чтобы перевести в эту крепость французские части, которые без этого смогли бы овладеть Кюстрином лишь после многомесячной осады!.. Каждый день мы узнавали о капитуляции какого-нибудь армейского корпуса или сдаче какой-нибудь крепости. Плохая организация прусских войск чувствовалась при этом больше, чем когда-либо. Иностранные солдаты, главным образом те, которых взяли в армию силой, пользовались случаем вновь обрести свободу и массово дезертировали или оставались в арьергарде, чтобы сдаться французам.

К своим победам над пруссаками Наполеон добавил конфискацию государства курфюрста Гессен-Кассельского, двуличие которого заслуживало подобного наказания. И действительно, этот князь, которому за некоторое время до начала войны потребовалось высказаться в пользу Пруссии или Франции, баюкал и ту и другую сторону обещаниями, на самом деле готовясь присоединиться к победителю. Этот жадный

правитель создал себе большую сокровищницу, продавая своих собственных подданных англичанам, использовавшим их в сражениях с американцами во время войны за независимость, где многие немцы погибли. Он предложил присоединить свои войска к войскам французов при условии, что император отдаст ему государства его соседей. Поэтому никто не жалел этого правителя, чье внезапное бегство сопровождалось заметным событием, о котором еще мало известно.

Правитель, которому очень поспешно пришлось покинуть Кассель, чтобы укрыться в Англии, считался самым богатым человеком Европы. Он не мог увезти с собой всю свою сокровищницу, поэтому призвал к себе одного франкфуртского еврея по фамилии Ротшильд, который был малозаметным, третьеразрядным банкиром, известным своей скрупулезностью в выполнении требований собственной религии. Именно это определило решение правителя Гессена доверить Ротшильду 15 миллионов наличными, проценты с этих денег должны были принадлежать банкиру, который обязался вернуть только капитал.

Дворец в Касселе был занят нашими войсками, поэтому представителям французского Казначейства удалось захватить там огромные ценности, в основном в виде коллекции картин. Но там не оказалось никаких наличных денег. Всем казалось невозможным, чтобы при своем поспешном бегстве правитель смог увезти с собой все громадное состояние. Поскольку в соответствии с тем, что условно называется *законами войны*, капиталы и доходы от ценностей, найденных во вражеской стране, по праву принадлежат победителю, появилось желание узнать, что же все-таки стало с сокровищницей Касселя. По этому поводу были наведены справки, и выяснилось, что перед своим отъездом правитель Гессена провел целый день с евреем по фамилии Ротшильд. Императорская комиссия отправилась к Ротшильду и тщательно изучила его кассу и все регистры, но все было напрасно: никаких следов вклада, сделанного правителем, не обнаружилось. Угрозы и попытки устрашения не принесли никакого результата, так что комиссия, убежденная, что никакой светский интерес не заставит столь религиозного человека, как Ротшильд, пойти на клятвопреступление, решила привести его к *присяге.* Он отказался. Его собрались арестовать, но император воспротивился этому акту насилия, считая его неэффективным. Тогда прибегли к способу, который можно назвать очень малопочтенным: не сумев победить сопротивление банкира, комиссия понадеялась, что он клюнет на приманку, сулящую ему наживу. Ротшильду предложили оставить ему половину

кассельских сокровищ, если он согласится отдать другую половину французской администрации, а французская администрация в этом случае дала бы ему квитанцию на полную сумму, приложив к ней акт конфискации, доказывающий, что Ротшильд был вынужден уступить силе. Это защитило бы его от любых упреков и рекламации. Но честный еврей отклонил и это предложение, и тогда, устав от борьбы, французы оставили его в покое.

Таким образом, 15 миллионов оставались в руках Ротшильда с 1806 года до падения Империи в 1814 году, когда правитель Гессена вернулся в свои владения, и франкфуртский банкир отдал ему в точности ту сумму вклада, которая была ему доверена. Вы ведь представляете, какую значительную сумму принес за восемь лет капитал в 15 миллионов, находившийся в руках франкфуртского банкира-еврея?.. Так что именно с этого времени пошло богатство дома братьев Ротшильд, которые обязаны своим состоянием честности своего отца, обеспечивавшей им то высокое финансовое положение, какое они занимают сегодня во всех цивилизованных странах.

Но продолжим рассказ, который был прерван этим эпизодом.

Император, поселившийся в берлинском дворце, каждый день проводил смотр войскам, прибывавшим друг за другом в этот город, чтобы отправиться дальше за Одер, преследуя противника. Именно во время пребывания Наполеона в столице Пруссии император совершил столь широко известный жест великодушия. Он даровал княгине фон Хацфельд помилование для ее мужа, выполнявшего обязанности бургомистра Берлина и пользовавшегося возможностями, которые ему давал этот пост, для того, чтобы информировать прусских генералов о передвижениях французской армии. У всех цивилизованных народов подобное поведение называется шпионажем и карается смертью. Великодушие, проявленное императором в этом случае, произвело очень хорошее впечатление на народ Пруссии.

Во время нашего пребывания в Берлине я был приятно удивлен прибытием моего брата Адольфа, который, как мне казалось, находился до сих пор на Иль-де-Франсе[51]. Узнав о том, что на континенте возобновились военные действия, он попросил у генерала Декана, командующего французскими войсками в Ост-Индии, разрешения вернуться во Францию и получил его. Прибыв во Францию, он поспешил присоединиться к Великой армии. Маршал Лефевр предложил взять его к себе, но тот в результате неправильного расчета предпочел служить в *свите* главного штаба Ожеро, где находился и я. Это должно было повредить нам обоим.

В Берлине у меня состоялась еще одна, не менее неожиданная встреча. Однажды вечером я прогуливался с моими товарищами по Липовому бульвару и вдруг увидел, что ко мне приближается группа унтер-офицеров из 1-го гусарского полка. Один из них отделился от группы и бросился мне на шею. Это был мой прежний *ментор*, старший Пертеле, который плакал от радости, повторяя: «Вот ты где, мой малыш!..» Офицеры, с которыми я был, сначала очень удивились, видя, как сержант так фамильярно обращается с лейтенантом, но их удивление прошло, когда я рассказал им о моих прежних отношениях с этим бравым старым солдатом, который не переставал обнимать меня и говорил своим товарищам: «Вы видите, какой он теперь, а ведь это я его учил!» И мой храбрец был искренне уверен в том, что его урокам я был обязан своим теперешним положением. На следующий день я пригласил его позавтракать вместе, и во время этого завтрака он засыпал меня самыми смешными советами, которые считал очень уместными и предназначенными для дальнейшего совершенствования моего военного образования.

Наполеон, будучи в Берлине, узнал о капитуляции князя Хоэнлоэ, который вместе с 16 тысячами своих солдат сдался в Пренцлау частям маршала Ланна и кавалерии Мюрата. Больше не оставалось ни единого вражеского корпуса, принимавшего участие в военных действиях, кроме корпуса генерала Блюхера, который с той поры стал таким знаменитым. Под натиском дивизий маршалов Сульта и Бернадотта этот генерал нарушил нейтралитет города Любека, в котором рассчитывал найти убежище. Но французы преследовали его и там, и Блюхер, один из самых ярых поджигателей войны против Наполеона, был вынужден сдаться в плен вместе с 16 тысячами человек, которыми он командовал.

Здесь я должен рассказать вам об одном весьма примечательном эпизоде, который доказывает, что случай сильно влияет на судьбы империй и людей.

Вы уже видели, как маршал Бернадотт, нарушивший свои обязанности в день сражения при Иене, держался в стороне, в то время как маршал Даву сражался поблизости от него со значительно превосходящими силами Противника. Так вот, это позорное поведение Бернадотта помогло тому, что он вступил на шведский престол, и вот каким образом это произошло.

После битвы при Иене император, хотя и был очень зол на Бернадотта, тем не менее поручил ему преследовать неприятеля, потому что корпус, которым командовал этот генерал, до сих пор не сделал ни одного выстрела и оказался теперь более пригоден для боев, чем корпуса, понесшие большие потери. Итак,

Бернадотт отправился по следам пруссаков, которых разбил сначала при Галле, а потом при Любеке при поддержке маршала Сульта. Однако, по воле случая, как раз в тот час, когда французы атаковали Любек, в порт этого города вошли корабли, перевозившие дивизию шведской пехоты, посланной королем Густавом IV на помощь пруссакам. Шведские части едва высадились на берег, как были атакованы французскими войсками. Пруссаки их бросили, и шведам пришлось сдаться корпусу Бернадотта. Я должен признать, что этот маршал, когда хотел, имел очень приятные манеры. Особенно сильно он желал создать себе репутацию хорошо воспитанного человека в глазах иностранцев, поэтому он обращался со шведскими офицерами очень приветливо. Он принял их капитуляцию на весьма достойных условиях, приказал вернуть им лошадей и багаж, необходимый для удовлетворения их потребностей, и пригласил к себе шведского главнокомандующего графа Мернера, а также генералов и старших офицеров. Он был крайне предупредителен к ним и осыпал их любезностями, так что, вернувшись на родину, шведы повсюду хвалили великодушие маршала Бернадотта.

Спустя несколько лет в Швеции вспыхнула революция. Король Густав IV, сильное умопомрачение которого делало его неспособным править страной, был свергнут и заменен своим старым дядюшкой герцогом Зюдерманландским. У этого нового монарха не было детей, и риксдаг, собравшийся, чтобы назначить ему наследника, остановил свой выбор на князе Гольштейн-Аугустенбургском, который получил титул наследного принца. Но он недолго пользовался этим званием, потому что в 1811 году умер после очень короткой болезни, которую приписали отравлению. Риксдаг снова собрался, чтобы выбрать нового наследника короны, и колебался между несколькими германскими князьями, выдвигавшими себя в качестве кандидатов. В этот момент генерал граф Мернер, один из самых влиятельных членов риксдага и бывший командующий шведского дивизиона, захваченного в Любеке в 1806 году французскими частями, предложил маршала Бернадотта, напомнив о его великодушном поведении. Кроме того, он похвалил военные таланты Бернадотта и заметил, что этот маршал через свою жену был родственником семейства Наполеона, поддержка которого могла оказаться столь полезной для Швеции. Множество офицеров, попавших когда-то в плен в Любеке, присоединили свои голоса к голосу генерала Мернера, и Бернадотт был почти единодушно избран наследником шведского короля. Через несколько лет он вступил на шведский престол.

Мы увидим ниже, каким образом Бернадотт, которого на

ступени иностранного престола возвела слава, приобретенная им во главе французских частей, оказался неблагодарным по отношению к своей родине. Но вернемся в Пруссию.

За один месяц главные силы этого королевства, которое раньше было столь процветающим, были разбиты Наполеоном, занявшим столицу, а также большинство прусских провинций. Наши победоносные армии уже подходили к берегам Вислы — этой великой преграды, разделявшей север и центр Европы.

Корпус маршала Ожеро, остававшийся в течение двух недель в Берлине для усиления гвардии во время длительного пребывания здесь императора, выступил из Берлина примерно в середине ноября и направился сначала к Одеру, через который мы переправились в Кюстрине, а затем к Висле, к берегам которой мы вышли у Бромберга. Мы были теперь в Польше, самой бедной и самой несчастной стране Европы… От самого Одера больше не было больших дорог. Мы шли по зыбучим пескам или по ужасной грязи. Большинство земель было не обработано, а немногие жители, которые встречались на нашем пути, выглядели неописуемо грязными. Погода была великолепной на протяжении октября и первой половины ноября, но теперь она стала ужасной. Мы больше не видели солнца, непрерывно шел дождь или снег. Провиант стал попадаться очень редко, больше не было вина, почти никогда не попадалось пиво, а если оно и было, то очень плохое. Вода была грязной, хлеба не было вообще, а крышу над головой приходилось отстаивать у коров и свиней!.. Так что солдаты говорили: «Ну вот! И поляки осмеливаются называть это своей родиной!..»

Сам император утратил свои иллюзии, ведь, прибыв сюда ради восстановления независимости Польши, он надеялся, что все население этой обширной страны как один поднимется при приближении французских армий, однако никто из жителей даже не пошевелился!.. Напрасно для возбуждения энтузиазма поляков император приказал послать письмо знаменитому генералу Костюшко, руководителю последнего польского восстания, и пригласить его присоединиться к своей армии. Однако Костюшко продолжал мирно жить в Швейцарии, куда он скрылся после восстания. На упреки, которые ему делали по этому поводу, он ответил, что слишком хорошо знает нерадивость и беспечность своих соотечественников, чтобы иметь смелость питать надежду на то, что им удастся освободиться даже при помощи французов. Не сумев привлечь на свою сторону Костюшко, император, желавший, по крайней мере, воспользоваться его известностью, обратился от имени этого старого поляка с воззванием к населению Польши, но ни один поляк не взялся за оружие, хотя

наши части заняли многие провинции бывшей Польши и даже ее столицу. Поляки не соглашались браться за оружие до того, как Наполеон не объявит о восстановлении Польши, а Наполеон не собирался принимать такое решение до того, как поляки не поднимутся против своих угнетателей, а они этого не сделали.

Во время пребывания 7-го корпуса в Бромберге среди ночи к маршалу Ожеро прибыл Дюрок, обер-гофмаршал императора. Ожеро послал за мной и приказал готовиться к сопровождению Дюрока, который отправлялся в качестве парламентера к прусскому королю в Грауденц. Ему нужен был офицер для замены его собственного адъютанта, которого он только что послал в Позен с депешами для императора. Ожеро и Дюрок выбрали меня, так как вспомнили, что в августе я уже был послан к прусскому двору с поручением и что я знал почти всех офицеров этого двора, а также его обычаи.

Я собрался очень быстро. Дюрок взял меня в свой экипаж, и, спустившись по левому берегу Вислы, занятому французскими войсками, мы переправились через нее вброд напротив Грауденца. Мы поселились в городе и затем отправились в цитадель, где находилась вся королевская семья Пруссии после потери 4/5 территории своего государства. Висла разделяла две наши армии. Король Пруссии выглядел спокойным и покорным. Королева, которую я видел раньше столь прекрасной, очень изменилась. Казалось, ее гложет печаль. Она не могла скрыть от себя самой, что поскольку она толкнула короля на участие в войне, то она и была главной причиной несчастий своей страны, жители которой теперь поднимали свой голос против нее. Император не смог бы послать к королю Пруссии парламентера более приятного, чем Дюрок, выполнявший ранее обязанности посла в Берлине и благодаря этому очень хорошо известного королю и королеве. Они оба высоко ценили Дюрока за любезность и обходительность. Я играл слишком незначительную роль для того, чтобы на меня обращали внимание. Однако король и королева признали меня и произнесли в мой адрес несколько вежливых слов.

Я обнаружил, что прусские офицеры при королевском дворе сильно растеряли то бахвальство, которым они отличались в августе. Недавний разгром сильно изменил их отношение к французской армии. Я, однако, не хотел выказывать свое превосходство и старательно избегал разговора о сражении при Иене и о других наших победах. Переговоры, которые обер-гофмаршал Дюрок должен был вести с прусским королем, имели отношение к письму, направленному этим монархом Наполеону, и продолжались два дня. Я использовал эти дни для чтения и для

прогулок по печальному крепостному плацу, потому что не хотел подниматься на крепостные стены, хотя оттуда открывается прекрасный вид на Вислу. Я опасался, как бы меня не заподозрили в том, что я разглядываю оборонительные сооружения и позиции противника.

В сражениях, происходивших после битвы при Иене, вплоть до Вислы, пруссаки взяли у нас всего лишь сотню пленных, которых они использовали на земляных работах в крепости Грауденц, где они были заключены. Обер-гофмаршал Дюрок поручил мне раздать пособие этим несчастным, выглядевшим еще более несчастными оттого, что из цитадели они могли видеть французские части, отделенные от них только Вислой. Это соседство и сравнение своего положения с положением своих свободных и счастливых товарищей на левом берегу заставили одного французского пленного, кавалериста отборной роты 3-го драгунского полка, по фамилии Арпен, использовать все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы вырваться из рук пруссаков. Дело это было нелегким, потому что сначала требовалось выйти из крепости, а затем переправиться через реку. Но чего не сделает твердая воля? Арпен, работавший у главного плотника пруссаков, где складывал штабелями бревна, втайне сделал маленький плот. Он взял толстый канат и использовал его для того, чтобы ночью спустить свой плот к подножию крепостных стен и самому выбраться из цитадели. Он уже стащил свой плот к Висле, спустил его на воду и готовился вскочить на него, как вдруг был захвачен прусским патрулем. Пруссаки вернули его в крепость и посадили в карцер. На следующий день прусский комендант, в соответствии с обычаем, существовавшим тогда в прусской армии, приговорил Арпена к пятидесяти ударам палкой. Напрасно наш драгун говорил, что, будучи французом, он не может подчиняться прусским правилам, его статус *военнопленного* делал любое его возражение бесполезным. Его уже вели к деревянным козлам, к которым его должны были привязать, и два солдата готовились привести приговор в исполнение. В этот момент, собираясь взять книгу в экипаже обер-гофмаршала Дюрока, который стоял на плацу, я заметил, как Арпен отбивается от прусских солдат, пытающихся привязывать его к козлам.

Возмущенный видом французского солдата, которого должны подвергнуть палочному наказанию, я бросился к нему с саблей в руке, грозя убить первого, кто осмелится прикоснуться палкой к солдату моего императора!.. Экипаж обер-гофмаршала Дюрока охранял курьер Наполеона, известный на всех заставах Европы под именем Мусташ (то есть «Усач»). Этот человек был силен, как

Геркулес, и необыкновенно смел. Он сопровождал императора в двадцати сражениях. Как только он увидел меня среди пруссаков, он прибежал ко мне и по моему приказу принес четыре заряженных пистолета, которые находились в экипаже. Мы освободили Арпена. Я вооружил его двумя пистолетами и, посадив в экипаж, поместил рядом с ним Мусташа и заявил коменданту крепости, что этот экипаж принадлежит императору, на нем императорские гербы, и поэтому для французского драгуна он представляет собой священное убежище, куда я запрещаю пруссакам входить под страхом получить пулю в лоб. Я приказал Мусташу и Арпену открывать огонь, если кто-нибудь войдет в экипаж. Комендант крепости, видя мою решительность, сразу оставил в покое своего пленника и отправился за приказом своих начальников. Тогда, оставив Мусташа и Арпена с пистолетами в руках в экипаже, я отправился к королю и попросил одного из его адъютантов войти в кабинет Его Величества и сказать обер-гофмаршалу Дюроку, что я должен обсудить с ним срочное дело. Дюрок вышел, и я сообщил ему о том, что произошло.

Узнав, что пруссаки хотели избить палками французского солдата, маршал, разделяя мое возмущение, сразу вернулся к прусскому королю и заявил ему решительный протест. К протесту он добавил, что если этот приговор будет приведен в исполнение, то с полной уверенностью можно сказать, что император прикажет наказывать палочными ударами не солдат, а пленных прусских офицеров… Прусский король был человеком очень мягким, он понял, что с воинами каждой страны следовало обращаться в соответствии с законами их чести. Поэтому он повелел освободить драгуна Арпена, и, чтобы сделать приятное Наполеону, которого он в этот момент просил о заключении мира, король предложил обер-гофмаршалу Дюроку передать ему 500 французских пленных, если тот пообещает отправить королю такое же число пруссаков. Дюрок согласился, и мы с адъютантом прусского короля объявили эту хорошую новость французским пленным, которые очень обрадовались… Мы тут же переправили их через реку, и спустя час все они уже были на другом берегу посреди своих братьев по оружию.

Мы с обер-гофмаршалом Дюроком покинули Грауденц следующей ночью. Он одобрил мой поступок и позже сказал, что сообщил о нем императору. Император также одобрил его, причем настолько, что, узнав теперь о произошедшем в Грауденце, он предупредил пруссаков и русских, что если они будут бить палками его пленных солдат, то он сам прикажет расстреливать всех вражеских офицеров, которые попадут ему в

руки.

Я вновь нашел в Бромберге 7-й корпус, который вскоре поднялся по левому берегу Вислы, чтобы подойти к Варшаве. Штаб маршала Ожеро обосновался в Малощице. Император прибыл в Варшаву 19 декабря и приготовился к переправе через Вислу. Тогда 7-й корпус вновь спустился по левому берегу реки до местечка Утрата, где в первый раз за эту кампанию мы заметили на противоположном берегу русские передовые посты.

Глава XXXII

Переправа через Вкру. — Столкновения при Колозомбе и Голымине. — Различные эпизоды. — Бой при Пултуске. — Размещение войск на Висле

Висла — река быстрая и очень широкая. Все ожидали, что император остановит здесь свои военные операции и под прикрытием этой реки разместит свою армию на зимних квартирах до весны. Все произошло иначе. Корпуса маршалов Даву и Ланна, а также гвардия переправились через Вислу в Варшаве, Ожеро и его части — в Утрате и направились на Плонск, откуда мы затем добрались до берегов Вкры, одного из притоков Буга и Вислы. Вся французская армия, переправившаяся через эту реку, вошла в соприкосновение с русскими, атаку против которых император приказал провести 24 декабря. Оттепель и дождь делали наше передвижение крайне трудным, поскольку двигаться приходилось по глинистой почве, ведь в этих местах не было ни одной мощеной дороги.

Я не буду рассказывать о различных боях, которые в этот день вели многие корпуса французской армии, чтобы форсировать Буг. Ограничусь лишь тем, что расскажу, как маршал Ожеро, которому было поручено обеспечить переправу через Вкру, приказал одновременно атаковать Колозомб дивизии генерала Дежардена, а Сохочин — дивизии генерала Эдле. Маршал лично командовал атакой на Колозомб. Русские сожгли мост, который существовал в этом месте, а затем возвели на левом берегу редут, который защищали, используя пушку и многочисленную пехоту. Но они забыли уничтожить склад балок и бруса, находившийся на правом берегу. Наши саперы умело воспользовались этим материалом, чтобы навести временный мост, несмотря на ожесточенный вражеский огонь, под которым у нас погибло несколько человек из 24-го линейного полка, шедшего в голове нашей колонны. Доски нового моста еще не были как следует прибиты и шатались под ногами наших пехотинцев, когда полковник 24-го линейного полка г-н Савари, брат адъютанта императора, имел смелость проскакать по нему на лошади, чтобы встать во главе застрельщиков. Но едва он выскочил на противоположный берег, как русский казак, проскакав мимо него галопом, вонзил ему в сердце свою пику и скрылся в лесу!.. Это был пятый командир 24-го линейного полка, убитый неприятелем! Вы увидите ниже, какая роковая судьба все время преследовала этот несчастный полк. Вскоре переправа через Вкру

была снята, части моста были увезены, русские обращены в бегство, а дивизия Дежардена подошла к Сохочину, где противник прежде отбил атаку дивизии Эдле. Но поскольку одной удачной переправы через реку было достаточно, сопротивление противника оказалось абсолютно бесполезным. Однако генерал Эдле, руководствуясь неправильно понятым самолюбием, приказал повторить атаку. Она снова оказалась отбита противником, при этом было убито или ранено около 30 человек, среди них капитан инженерных войск, офицер, на которого возлагались большие надежды. Я всегда возмущался этим презрением к человеческой жизни, которым иногда страдают генералы и спокойно жертвуют людьми, чтобы удовлетворить свое желание увидеть собственное имя в бюллетенях о ходе сражений…

25 сентября, на следующий день после переправы через Вкру, император, тесня перед собой русских, направился на Голымин. С ним были его гвардия, кавалерия Мюрата и корпуса Даву и Ожеро. Ожеро двигался во главе колонны, а маршал Ланн направился на Пултуск. В этот день произошло несколько незначительных столкновений. Противник поспешно отступал. Мы разбили бивуак в лесу и заночевали там.

26 декабря 7-й корпус вновь стал преследовать русских. Было то время года, когда дни самые короткие, и в этой части Польши в конце декабря ночь начинается примерно в половине третьего дня. В тот момент, когда мы приближались к Голымину, ночь была еще темней, потому что шел снег, смешанный с дождем. Мы не видели неприятеля с самого утра, как вдруг, оказавшись на подступах к деревне Русково, у самых ворот Голымина, наши разведчики в темноте заметили большую массу войск, приблизиться к которым им помешало болото. Они сообщили об этом маршалу Ожеро, а тот приказал полковнику Альберу отправить на разведку 25 конных егерей из своего эскорта, которых он отдал под мое командование. Поручение было трудным, потому что мы находились на необъятной плоской равнине, где так легко заблудиться. Земля, и без того очень грязная, была покрыта болотами, которые в темноте трудно разглядеть, поэтому мы продвигались вперед очень осторожно и наконец оказались в 25 шагах от линии войск. Мы сначала подумали, что это корпус Даву, поскольку знали, что он расположен где-то по соседству, однако никто не ответил на наши возгласы *«Кто идет?»,* и поэтому мы больше не сомневались, что это был неприятель.

Однако, чтобы полностью удостовериться в этом, полковник Альбер приказал мне послать одного из лучших кавалеристов до

самой линии войск, которую мы смогли заметить в темноте. Я назначил для этого капрала по фамилии Шмит, человека испытанной смелости. Этот храбрец подобрался на расстояние 10 шагов к конному полку, который он признал за русский по каскам на головах солдат. Он выстрелил из карабина в середину эскадрона и быстро вернулся назад.

Чтобы представлять себе молчание, которое до этого момента хранили солдаты противника, надо знать, что русская часть, стоявшая перед нами, была отделена от основной части своей армии. Эта часть заблудилась в обширных равнинах и знала, что они заняты французами, направлявшимися в Голымин. Русские генералы, надеясь пробраться мимо нас в темноте, не будучи узнанными, запретили своим солдатам разговаривать, а в случае атаки с нашей стороны раненые должны были падать без единого стона!.. Подобному приказу способны подчиниться только русские. В этот раз они выполнили его столь скрупулезно, что, когда полковник Альбер, желая предупредить маршала Ожеро, что мы находимся лицом к лицу с врагом, приказал 25 егерям дать несколько выстрелов, в ответ не раздался ни единый возглас, не было произнесено ни единого слова, и никто не ответил нам огнем!.. Несмотря на темноту, мы заметили сотню кавалеристов, которые в молчании двигались вперед, чтобы отрезать нам путь к отступлению. Тогда мы решили пуститься в галоп, чтобы присоединиться к нашим колоннам, однако несколько наших егерей застряли в болотах, и из-за этого нам пришлось двигаться медленнее, хотя нас со всех сторон и сжимали русские кавалеристы, к счастью, испытывавшие те же трудности, что и мы. Вдруг на соседней ферме разгорелся пожар, и равнина осветилась. Русские кавалеристы пустились в галоп, что заставило и нас поступить так же. Опасность сделалась неминуемой, потому что мы вышли из французских рядов через расположение дивизии генерала Дежардена, а теперь возвращались с фронта дивизии генерала Эдле. Солдаты этого дивизиона не видели, как мы отправлялись в разведку, и начали стрелять в сторону неприятеля. В результате у нас сзади оказался русский эскадрон, который нас теснил, а спереди на нас сыпался град французских пуль, которые ранили нескольких наших егерей и нескольких лошадей. Напрасно мы кричали: «Мы французы! Не стреляйте больше!» Огонь продолжался, и нельзя было осуждать наших офицеров, принявших нас за авангард русской колонны, командиры которого, чтобы обмануть французов, пользовались французским языком, столь распространенным среди русских, желая ночью захватить врасплох наши полки, как это уже бывало. Полковник Альбер, я сам и мой взвод конных егерей пережили

очень неприятные минуты. Наконец мне пришло в голову, что единственный способ заставить узнать меня состоит в том, чтобы назвать по имени генералов, полковников и командиров батальонов дивизиона Эдле. — Они хорошо знали, что противник не может знать эти имена. Нам это удалось, и наконец нас приняли во французскую линию.

Видя, что они обнаружены, и желая продолжать свое отступление, русские генералы приняли решение, которое я очень одобряю и на которое в подобных обстоятельствах французы никогда бы не решились. Русские направили всю свою артиллерию на французские части, затем они увели упряжных лошадей и открыли ожесточенный огонь, чтобы удержать нас в отдалении. В это время они увели свои колонны, и, когда боеприпасы истощились, артиллеристы тоже ушли, оставив нам пушки. Возможно, это было лучше, чем потеря множества людей в попытках спасти эту артиллерию, которая каждую минуту вязла бы в грязи, задерживая отступление.

Яростная канонада русских нанесла нам тем больший ущерб, что в деревнях на равнине возникло множество пожаров. Свет от них, распространявшийся очень далеко, позволял вражеским артиллеристам различать массы наших войск, особенно кирасир и драгун, которых только что привел Мюрат и которые были одеты в белые плащи и служили хорошими мишенями для русских артиллеристов. Поэтому у кавалеристов Мюрата потери были больше, чем в других частях, и один из наших драгунских генералов по фамилии Синероль был разорван пополам пушечным ядром[52]. Овладев деревней Кусково, маршал Ожеро вступил в Голымин, а маршал Даву атаковал его с другой стороны. Через данный населенный пункт в этот момент проходили русские колонны, которые, зная, что маршал Ланн двигался вперед, чтобы отрезать им путь к отступлению и завладеть Пултуском, расположенным в 3 лье оттуда, старались любой ценой добраться до этого места раньше Ланна. Так что, хотя наши солдаты и стреляли в противника с расстояния в 25 шагов, вражеские солдаты продолжали свой путь, не отвечая нам, потому что для любого ответа им нужно было бы остановиться, но минуты были для них слишком драгоценны.

Каждая вражеская дивизия, каждый полк прошел через наш огонь без единого слова, ни на минуту не замедлив свой шаг!.. Улицы Голымина были заполнены умирающими и ранеными, и не было слышно ни единого стона, потому что это было запрещено. Казалось, мы стреляли в тени!.. Наконец, наши солдаты бросились в штыковую атаку на противника и лишь тогда убедились в том, что имели дело с живыми людьми, когда начали

колоть их штыками!.. Мы захватили около тысячи пленных, остальные ушли. Тогда маршалы начали обсуждать, надо ли преследовать неприятеля. Но погода была такая ужасная, ночь такая темная, как только мы отходили от горящих деревень, а солдаты были такие мокрые и усталые, что было принято решение остановиться на отдых до рассвета.

Голымин оказался настолько заполнен убитыми, ранеными и обозами, что маршалы Мюрат и Ожеро в сопровождении многочисленных генералов из своего штаба, ища убежища от ледяного дождя, остановились на ночлег в огромной конюшне, расположенной при въезде в этот населенный пункт. Там каждый улегся прямо на навоз и попытался согреться и заснуть, потому что мы в течение более 20 часов не слезали с лошадей в столь ужасную погоду. Маршалы, полковники, все *большие шляпы,* как и следовало ожидать, расположились в глубине конюшни, там, где было потеплее, а мне, бедному лейтенанту, вошедшему последним, пришлось лечь около двери. Мое тело было защищено от дождя, но я лежал на ледяном ветру, потому что дверь не закрывалась из-за отсутствия створок. Положение мое было очень неприятным. Добавьте к этому то, что я умирал от голода, потому что не ел со вчерашнего дня, но моя счастливая звезда еще раз пришла мне на помощь. В то время, как *гранды,* хорошо защищенные от холода и непогоды, спали в теплой части конюшни, а холод не давал спать лейтенантам, расположившимся у входа, в конюшню вошел слуга принца Мюрата. Я тихо заметил ему, что его хозяин спит, тогда он отдал мне для передачи принцу корзинку с жареным гусем, в которой, помимо гуся, были хлеб и вино, и попросил меня предупредить его хозяина, что мулы, везущие провиант, прибудут через час. Сказав это, он удалился, чтобы встретить мулов.

Получив эти продукты, я потихоньку посоветовался с Бро, Мейнвьеллем и Стошем, которые занимали такое же плохое место, как и я, дрожали от холода и были такими же голодными. В результате этой дискуссии мы решили, что поскольку Мюрат спит, а его провиант должен прибыть в ближайшее время, то когда он проснется, он найдет чем позавтракать, в то время как нас пошлют верхом на лошадях в любую сторону, не спросив, есть ли у нас какая-нибудь еда. Вследствие этого, мы можем, без особых угрызений совести, проглотить все, что находится в корзинке. Так мы и сделали в одно мгновение ока… Не знаю, можно ли простить подобную «дерзость», но я совершенно уверен в том, что редко ел с такой приятностью!..

В то время как войска, прибывшие сражаться возле Голымина, находились на привале, Наполеон вместе со своей гвардией

находился еще на равнине. Дело в том, что с самого начала операции император, предупрежденный звуками канонады, быстро покинул замок в 2 лье от Голымина, где он обосновался. Он надеялся, что ему удастся присоединиться к нам, если он будет двигаться по прямой в направлении пожаров. Однако земля была такая мокрая, равнина настолько изрезана болотами, а погода такая ужасная, что он потратил всю ночь на то, чтобы пройти эти 2 лье, и прибыл на поле битвы лишь спустя долгое время после того, как бой закончился.

В тот же день, когда происходил бой за Голымин, маршал Ланн, с которым было всего 20 тысяч человек, разбил возле Пултуска 42 тысячи русских, отступавших под натиском французских корпусов. Он нанес им громадные потери, но не смог помешать им пройти, настолько вражеские силы превосходили то, что имел в своем распоряжении Ланн.

Чтобы император мог преследовать русских, требовалось скорейшее наступление заморозков, которые бы укрепили землю. Земля была настолько мокрой и раскисшей, что мы проваливались в нее на каждом шагу. Мы видели, как несколько человек, в том числе слуга одного офицера из 7-го корпуса, утонули вместе с лошадьми в этой грязи!.. Было совершенно невозможно перевозить артиллерию в глубь этой неизвестной страны. Кроме того, войскам не хватало провианта и обуви, и они крайне устали. Эти соображения привели Наполеона к решению дать войскам несколько дней отдыха, разместив всю армию на подступах к Висле, начиная от окрестностей Варшавы до ворот Данцига. Солдаты, расквартированные по деревням, наконец оказались защищены от плохой погоды, получили свои пайки и смогли починить одежду.

Император вернулся в Варшаву, чтобы приготовиться к новой кампании. Дивизии корпуса Ожеро были размещены в деревнях вокруг города Плоцка, если можно назвать городом беспорядочное скопление отвратительных лачуг, в которых жили грязные евреи. Однако в Польше почти все так называемые *города* построены подобным образом, и в них живут такие же люди, а крупные и мелкие помещики постоянно обитают в своих имениях, где извлекают пользу из своих земель, используя собственных крестьян.

Маршал поселился в Христке. Это было нечто вроде замка, в соответствии с обычаем этой страны, построенного из дерева. Маршал нашел в этом замке приличное жилье. Адъютанты разместились, как сумели, в доме и в амбарах. Я как следует поискал кругом и обнаружил у садовника довольно хорошую комнату с камином. Я устроился там с двумя товарищами. Мы

оставили садовнику и его семье их постели, казавшиеся нам очень малопривлекательными, и устроили себе кровати из досок и соломы, на них нам было очень хорошо.

Глава XXXIII

1807 год. — Я произведен в капитаны. — Битва при Эйлау. — Корпус Ожеро распущен. — Части вновь расквартированы

Мы отпраздновали в Христке 1 января 1807 года, который чуть не оказался последним годом моей жизни. Однако начался год для меня очень приятно, потому что император, который никак не проявил свою благосклонность к маршалу Ожеро по окончании Аустерлицкой кампании, теперь щедро вознаградил нас за эту забывчивость. Полковник Альбер был назначен бригадным генералом, а майор Масси — подполковником 44-го линейного полка[53]. Многие адъютанты получили ордена. И, наконец, лейтенанты Бро, Мейнвьелль и я были произведены в капитаны. Это продвижение по службе было мне тем более приятно, что я его не ожидал, потому что ничего особенного не сделал для получения этого повышения. Мне было всего 24 года. Вручая Мейнвьеллю, Бро и мне наши капитанские дипломы, маршал Ожеро сказал нам: «Посмотрим, кто из вас троих первым станет полковником!..» Это оказался я: спустя шесть лет я уже командовал полком, в то время как оба моих товарища еще оставались капитанами. Правда, за это короткое время я был ранен шесть раз!..

После того как мы расквартировались, противник последовал нашему примеру, но расположился довольно далеко от нас. Император надеялся, что неприятель даст нам возможность провести зиму спокойно, но этого не произошло. Наш отдых продолжался всего лишь месяц, это было много, но недостаточно.

Видя, что земля покрылась снегом и скована очень сильными морозами, русские решили, что суровый климат и холодная погода дадут северянам огромное преимущество над жителями южных стран, малопривычным переносить такие большие холода. Поэтому они решили атаковать нас. Чтобы выполнить этот план, начиная с 21 января, они провели на подступы к Варшаве за огромными лесами, отделявшими нас от них, большинство своих войск и направили их вниз по Висле, к тем местам, где были расквартированы части Бернадотта и Нея, надеясь захватить их врасплох и подавить их своей массой до того, как император и другие корпуса его армии смогут прийти им на помощь. Однако Бернадотт и Ней отчаянно сопротивлялись, и Наполеон, вовремя предупрежденный, направился со значительными силами в тыл противника. Неприятель, под угрозой быть отрезанным от основных сил, отступил по направлению к Кенигсбергу, поэтому 1

января нам пришлось оставить свои зимние квартиры, где мы так хорошо устроились, и вновь вступить в боевые действия и ночевать на снегу.

Во главе центральной колонны, которой командовал лично император, находилась кавалерия принца Мюрата, затем корпус маршала Сульта, которого поддерживал корпус Ожеро, дальше шла Императорская гвардия. Корпус Даву двигался на правом фланге этой громадной колонны, корпус маршала Нея — на ее левом фланге. Такое скопление войск, направлявшихся к одному и тому же пункту, вскоре истощило запасы продовольствия, которыми располагала страна, поэтому мы очень страдали от голода. Только у гвардии были фургоны, и она везла с собой кое-какие припасы, которые можно было распределять между солдатами. Другие корпуса жили как могли, то есть у них почти ничего не было.

Я не собираюсь говорить подробно об операциях, предшествовавших битве при Эйлау, еще и потому, что части маршала Ожеро, шедшие во второй линии, не принимали никакого участия в этих столкновениях, самыми важными из которых были бои при Морунгене, Бергфриде, Гуттштадте и Вальтерсдорфе. Наконец, 6 февраля русские, коих мы преследовали по пятам уже целую неделю, решили остановиться на подступах к небольшому городу Ландсбергу и отстаивать его. Для этой цели они расположили восемь отборных батальонов на прекрасной позиции возле деревни Хоф. Их правый фланг опирался на эту деревню, левый фланг — на густой лес, а центр был защищен оврагом с очень крутыми склонами, через который можно было переправиться только по единственному очень узкому мосту. Центральную часть этой линии прикрывала восьмиорудийная батарея.

Прибыв к этой позиции вместе с кавалерией Мюрата, император не счел нужным дожидаться пехоты маршала Сульта, которая была еще в нескольких лье позади, и приказал атаковать русских нескольким полкам легкой кавалерии, которые, смело бросившись к мосту, переправились через овраг… Но, встреченные сильным ружейным огнем, наши эскадроны были в беспорядке отброшены в овраг, откуда выбрались с большим трудом. Видя, что усилия легкой кавалерии не дают результата, император приказал заменить ее дивизией драгун. Атака этой дивизии была встречена так же и имела столь же плачевный результат. Тогда Наполеон приказал выдвинуть вперед ужасных кирасир генерала д’Опуля, которые переправились по мосту через овраг под градом выстрелов и с такой скоростью бросились на ряды русских, что почти все они были буквально уложены на

землю! В этот момент произошла ужасная бойня. Кирасиры, в ярости от того, что незадолго до этого потеряли своих товарищей гусаров и драгун, почти полностью уничтожили восемь русских батальонов! Все были убиты или взяты в плен. Поле битвы наводило ужас… Никто никогда не видел подобных результатов кавалерийской атаки. Император, чтобы выразить свое удовлетворение кирасирам, обнял их генерала в присутствии всей дивизии. В ответ д'Опуль воскликнул: «Чтобы показать, что я достоин подобной чести, я должен погибнуть за Ваше Величество!» Он сдержал слово, потому что на следующий день погиб на поле битвы при Эйлау. Какие времена и какие люди!

Вражеская армия с высоты плато, расположенного позади Ландсберга, была свидетельницей уничтожения своего арьергарда. Она быстро отошла к Эйлау, а мы овладели городом Ландсбергом.

7 февраля русский командующий Беннигсен, полный решимости принять сражение, сконцентрировал свою армию вокруг Эйлау на позициях, расположенных позади этого города. Кавалерия Мюрата и пехотинцы маршала Сульта завладели этой позицией после крайне ожесточенного боя. Русские очень хотели сохранить за собой селение Цигельхоф, которое возвышается над Эйлау, рассчитывая сделать из него центр своей линии для завтрашнего сражения. Однако они были вынуждены отступить отсюда. Ночь, казалось, должна была положить конец бою, который стал прелюдией общего сражения, как вдруг на улицах Эйлау вспыхнула ожесточенная перестрелка.

Я знаю, что военные историки, описывающие эту кампанию, утверждают, что император, не желая оставить этот город в руках русских, приказал его атаковать, но я совершенно уверен в ошибочности такого мнения. И вот на чем я основываю мое утверждение.

В тот момент, когда голова колонны маршала Ожеро, двигавшейся по дороге на Ландсберг, приближалась к Цигельхофу, маршал поднялся на плато, где уже находился император, и я *услышал,* как Наполеон говорил Ожеро: «Мне предлагали взять Эйлау сегодня вечером, но, помимо того, что я не люблю ночных сражений, я не хочу выдвигать мой центр слишком далеко вперед до прибытия Даву, который станет на правом фланге, и Нея, на левом. Так что я буду ждать их до завтра на этом плато, которое, усиленное артиллерией, представляет прекрасную позицию для нашей пехоты. Затем, когда Ней и Даву встанут в линию, мы все вместе пойдем на врага!» Сказав это, Наполеон приказал раскинуть свой бивуак под стенами Цигельхофа и разбить вокруг лагерь своей гвардии.

Но в то время как император таким образом разъяснял свои планы маршалу Ожеро, очень хвалившему его осторожность, произошло следующее. Каптенармусы императорской свиты, прибывшие из Ландсберга в сопровождении обоза и слуг, дошли до наших передовых постов, расположенных при въезде в Эйлау. При этом никто не сказал им, что следовало остановиться возле Цигельхофа. Эти люди, привыкшие видеть императорскую ставку всегда хорошо охраняемой, не были предупреждены, что находятся в нескольких шагах от русских, и думали только о том, чтобы найти хорошее жилье для своего хозяина. Они устроились в помещении заставы, распаковали свои вещи и начали готовить еду и устраивать на ночь своих лошадей… Однако среди всех этих приготовлений они были атакованы вражеским патрулем и оказались бы захвачены в плен, если бы на помощь не пришел отряд гвардейцев, постоянно сопровождавший экипажи императора. На шум вспыхнувшей там перестрелки примчались части маршала Сульта, стоявшие у ворот города, они пришли на помощь обозу Наполеона, который уже растаскивали русские солдаты. Со своей стороны, русские генералы, подумав, что французы решили захватить Эйлау, прислали подкрепление, так что на улицах города началась кровавая битва, и город, в конце концов, остался в наших руках.

Хотя приказ об этой атаке не был отдан императором, он, однако, счел своим долгом воспользоваться этим обстоятельством, и прибыл, чтобы устроиться в помещении заставы в Эйлау. Его гвардия и корпус Сульта заняли город, а кавалерия Мюрата окружила его. Части Ожеро были размещены в Цехене, небольшом населенном пункте, где мы надеялись найти кое-какую провизию. Однако русские, отступая, все разграбили, так что наши несчастные полки, не получавшие никакого провианта уже целую неделю, смогли подкрепиться всего несколькими картофелинами и водой!.. Обозы штаба 7-го корпуса были оставлены в Ландсберге, поэтому наш ужин не был столь хорош, как ужин наших солдат, потому что нам не удалось раздобыть даже картошки!.. Наконец утром 8 февраля, когда мы уже готовились сесть на лошадей, чтобы двинуться на врага, один слуга принес маршалу хлеб, и маршал, который всегда был очень добр, разделил этот хлеб между своими адъютантами. После этой скудной еды, которая вполне могла оказаться последней для многих из нас, армейский корпус отправился на позицию, указанную ему императором.

В соответствии с планом, который я себе наметил, начиная писать эти мемуары, я не буду утомлять ваше внимание слишком подробным рассказом о различных этапах ужасной битвы при

Эйлау. Ограничусь рассказом только о главных событиях этой битвы.

Утром 8 февраля позиция обеих армий была следующей: левый фланг русских находился в Зерпаллене, центр — перед Ауклаппеном, а правый фланг — в Шмодиттене, они ждали прихода 8 тысяч пруссаков, которые должны были появиться возле Альтхофа и образовать их крайний правый фланг. С фронта вражескую линию прикрывали 500 орудий, из них, по крайней мере, треть были крупного калибра. Положение французов выглядело гораздо менее благоприятным, поскольку оба фланга их линий еще не прибыли. В начале операции у императора была лишь часть войск, на которую он рассчитывал, чтобы завязать сражение. Корпус маршала Сульта располагался справа и слева от Эйлау, гвардия — в этом городе, корпус Ожеро — между Ротененом и Эйлау, напротив Зерпаллена. Вы видите, что неприятель образовывал вокруг нас полукольцо и что обе армии занимали местность с большим количеством прудов, однако пруды эти были покрыты льдом и снегом. Ни та ни другая сторона не заметили этого, и никто не выстрелил рикошетными ядрами, чтобы разбить лед, что привело бы к катастрофе, подобной произошедшей на озере Зачан в конце битвы при Аустерлице.

Маршал Даву, которого ожидали на нашем правом фланге поблизости от Мольвиттена, и маршал Ней, который должен был образовать наш левый фланг со стороны Альтхофа, еще не появились, когда на рассвете, примерно в 8 часов, русские начали сражение яростной канонадой, на которую наша артиллерия, хотя и была менее многочисленной, ответила очень достойно, тем более что наши артиллеристы, гораздо лучше подготовленные, чем неприятельские, целились в ничем не защищенные массы людей, а большинство русских ядер попадало в стены Ротенена и Эйлау. Вскоре вперед выдвинулась большая неприятельская колонна, цель которой состояла в захвате Эйлау. Вся колонна была отброшена гвардией и частями маршала Сульта. В этот момент император с удовольствием узнал, что с вершины колокольни стал виден корпус Даву, приближающийся из Мольвиттена и двигавшийся на Зерпаллен, откуда он изгнал части русского левого фланга, отброшенного до Кляйн-Заусгартена.

Видя, что его левый фланг разбит, а тылам угрожает храбрый Даву, русский маршал Беннигсен решил разбить части Даву, направив против них основное количество своих войск. Тем временем Наполеон, желая помешать этому устроив отвлекающий маневр в направлении центра вражеской линии, приказал

маршалу Ожеро атаковать неприятеля в центре, хотя и предвидел трудность выполнения этой операции. Однако на полях сражений бывают обстоятельства, в которых надо уметь пожертвовать несколькими воинскими частями, чтобы спасти их основную массу и обеспечить победу Генерал Корбино, адъютант императора, был убит около нас орудийным выстрелом в тот момент, когда он нес маршалу Ожеро приказ выступать. Пройдя со своими двумя дивизиями между Эйлау и Ротененом, маршал отважно двинулся вперед против центра вражеской линии. 14-й линейный полк, образовывавший наш авангард, уже захватил позицию, которую император приказал ему взять и удерживать любой ценой. Вдруг многочисленные орудия крупного калибра, расположенные полукольцом вокруг Ожеро, разразились градом ядер, и возникла такая перестрелка, какую невозможно найти в человеческой памяти!..

В один миг наши две дивизии были размолоты этим железным дождем. Генерал Дежарден был убит, генерал Эдле тяжело ранен, однако мы мужественно держались до тех пор, пока наш корпус не был почти целиком уничтожен, так что остатки этого корпуса пришлось вывести к городскому кладбищу Эйлау. Однако 14-й линейный полк, полностью окруженный неприятелем, остался на холме, который он занимал. Наша ситуация была тем более неприятной, что очень сильный ветер бросал нам в лицо густой снег, мешавший видеть на расстоянии более 15 шагов. В результате несколько французских батарей выстрелило в нас одновременно с вражескими батареями. Маршал Ожеро был ранен картечью.

Однако самоотверженность 7-го корпуса привела к заметному результату. Маршал Даву, положение которого в результате нашей атаки улучшилось, смог удержаться на своих позициях. Мало того, он овладел Кляйн-Заусгартеном и даже выдвинул свой авангард до Кушиттена в тылу противника. Именно в это время император, желая нанести сильный удар, велел провести между Эйлау и Ротененом 90 эскадронов под командованием Мюрата. Эти массы бросились на центр русской линии, смяли его, изрубили саблями и повергли в огромный беспорядок. Храбрый генерал д'Опуль был убит в свалке, когда сражался во главе своих кирасир. Та же участь постигла генерала Дальмана, заменившего генерала Морлана в командовании гвардейскими егерями. Успех нашей кавалерии обеспечил победу в этой битве.

Напрасно 8 тысяч пруссаков, спасшихся от преследования маршала Нея, вышли через Альтхоф и пытались провести новую атаку, направленную, не очень понятно почему, на Кушиттен, вместо того чтобы двигаться на Эйлау. Маршал Даву отбросил их,

а прибытие корпуса Нея, пришедшего на закате в Шмодиттен, заставляло Беннигсена опасаться того, что его коммуникации будут перерезаны. Поэтому он приказал отступать на Кенигсберг и оставить французов хозяевами этого ужасного поля битвы, покрытого мертвыми и умирающими!..

С самого момента изобретения пороха никто никогда не видел столь ужасных последствий его применения. С учетом количества войск, сражавшихся в битве при Эйлау, относительные потери в этом сражении были самыми большими по сравнению с другими крупными сражениями в прошлом или настоящим. Русские потеряли 25 тысяч человек. Количество французов, пораженных огнем или сталью, оценивают в 10 тысяч, но я считаю, что с нашей стороны погибло и было ранено по меньшей мере 20 тысяч солдат. В целом обе армии потеряли 45 тысяч человек, из которых свыше половины — убитыми!

Корпус Ожеро был уничтожен почти полностью. Из 15 тысяч бойцов, имевших оружие в начале сражения, к вечеру осталось только 3 тысячи под командованием подполковника Масси. Маршал, все генералы и все полковники были ранены или убиты.

Трудно понять, почему Беннигсен, зная, что Даву и Ней еще находились в отдалении, не воспользовался их отсутствием, чтобы на рассвете атаковать город Эйлау со своими многочисленными войсками, находившимися в центре его армии, а вместо этого потратил драгоценное время на артиллерийский обстрел наших позиций. Численное превосходство наверняка сделало бы его хозяином этого города до прибытия Даву. Тогда император пожалел бы о том, что он настолько выдвинул вперед свои войска, вместо того чтобы укрепиться на плато при Цигельхофе и ждать там прибытия своих флангов, как он собирался сделать накануне. На следующий день после сражения император приказал преследовать русских до ворот Кенигсберга. Однако, поскольку в этом городе имелись кое-какие укрепления, он счел неосторожным атаковать этот город, имея войска, ослабленные кровавыми боями, тем более что почти вся русская армия находилась в самом Кенигсберге или вокруг него.

Наполеон провел несколько дней в Эйлау, для того чтобы поставить раненых на ноги и реорганизовать свои части. Поскольку корпус маршала Ожеро был почти полностью уничтожен, остатки его распределили по другим корпусам, а маршал получил разрешение вернуться во Францию, чтобы оправиться от ранения. Видя, что основная часть русской армии ушла, император расквартировал свои войска по большим и маленьким городам и деревням в нижнем течении Вислы. В последние месяцы зимы не произошло ничего примечательного,

кроме взятия французами крепости Данциг. Настоящие военные действия возобновились, как мы увидим ниже, только в июне.

Глава XXXIV

Эпизоды битвы при Эйлау. — Моя лошадь Лизетта. — Я подвергаюсь самым большим опасностям, присоединяясь к 14-му линейному полку. — Я чудом спасаюсь от смерти. — Возвращение в Варшаву и Париж

Я не хотел прерывать рассказ о битве при Эйлау, чтобы рассказать о том, что случилось со мной в этом ужасном сражении. Желая дать вам возможность как следует понять эту грустную историю, я должен вернуться к осени 1805 года, к тому моменту, когда офицеры Великой армии, готовясь к битве при Аустерлице, приобретали дополнительных лошадей. У меня было две хорошие лошади, я искал третью, наилучшую, настоящую *боевую лошадь*. Найти такую было очень трудно. Хотя лошади и стоили гораздо дешевле, чем сегодня, их цена продолжала оставаться достаточно высокой, а у меня было мало денег. Однако мне представился замечательный случай. Мне сильно повезло.

Я встретил одного немецкого ученого по имени г-н д'Эстер, которого я знал, когда он был преподавателем в Соррезе. Он стал воспитателем детей одного богатого швейцарского банкира, г-на Шерера, обосновавшегося в Париже и бывшего компаньоном г-на Фингерлена. Г-н д'Эстер сообщил мне, что г-н Фингерлен, который в то время был очень богат и вел светский образ жизни, имел конюшню со множеством лошадей, среди которых первое место занимала очаровательная кобыла по имени Лизетта, прекрасное животное из Мекленбурга, с мягким аллюром, легкая, как козочка, и столь хорошо выдрессированная, что даже ребенок мог ею управлять. Однако эта лошадь, когда на нее садились, демонстрировала свой ужасный недостаток, который, к счастью, очень редко встречается у лошадей: она кусала всадника, подобно бульдогу, и яростно бросалась на людей, которые ей не нравились. Это заставило г-на Фингерлена ее продать. Лошадь была куплена на деньги г-жи де Лористон, муж которой, адъютант императора, попросил в письме приготовить для него боевой выезд. Продавая лошадь, г-н Фингерлен не счел нужным предупредить о ее недостатке, и в тот же вечер под ногами этой лошади оказался конюх, которому она зубами буквально разорвала живот!.. Справедливо огорченная, г-жа де Лористон потребовала расторгнуть договор о продаже лошади. Во избежание новых несчастий полиция приказала, чтобы на яслях Лизетты висела надпись, в которой бы покупателям сообщалось о

ее свирепости и о том, что любой торг, касающийся этого животного, будет аннулирован, если покупатель письменно не заявит о том, что ознакомился с этим предупреждением.

Согласитесь, что при такой рекомендации лошадь было продать очень трудно. Поэтому г-н д'Эстер предупредил меня, что ее хозяин решил уступить лошадь за ту цену, которую захотят за нее дать. Я предложил тысячу франков, и г-н Фингерлен отдал мне Лизетту, хотя ему она стоила 5 тысяч франков. В течение многих месяцев это животное доставило мне много огорчений. Для того чтобы ее оседлать, требовались четыре или пять человек, и уздечку на нее можно было надеть, лишь завязав ей глаза и связав все четыре ноги. Но как только человек садился ей на спину, он сразу понимал, что его посадка действительно ни с чем не сравнима.

Однако, поскольку с тех пор, как Лизетта была у меня, она уже искусала множество людей, не пожалев и меня, я все-таки думал от нее избавиться. Но в это время я взял к себе на службу Франсуа Вуарлана, человека, который не боялся ничего. Прежде чем подойти к Лизетте, о плохом характере которой ему уже сообщили, он запасся очень горячей жареной бараньей ногой. Когда лошадь набросилась на него, чтобы укусить, он сунул ей в зубы баранью ногу, которую она схватила и обожгла себе десны, небо и язык. Лошадь громко заржала, выронила баранью ногу и с этого момента подчинилась Вуарлану, на которого больше не осмеливалась нападать. Я применил тот же способ и получил похожий результат. Лизетта стала послушной, как собака. Теперь она легко позволяла мне подойти к себе и допускала до себя моего слугу. Она даже стала немного лучше подчиняться штабным конюхам, которых видела каждый день. Но горе было чужим, подходившим к ней!.. Я мог бы привести не меньше двадцати примеров ее свирепости, но ограничусь лишь одним.

Во время пребывания маршала Ожеро в замке Бельвю под Берлином штабные служащие заметили, что, когда они отправляются обедать, кто-то ворует мешки с овсом, остававшиеся в конюшне. Они уговорили Вуарлана оставить около дверей конюшни не привязанную Лизетту. Пришел вор, забрался в конюшню и уже уносил оттуда украденный мешок, как вдруг кобыла схватила его за загривок, вытащила на середину двора и начала топтать, сломав ему при этом два ребра. На ужасные крики вора прибежали люди. Лизетта не захотела оставить его в покое до тех пор, пока мой слуга и я сам не заставили ее сделать это, потому что в ярости она бы набросилась на любого другого человека. Злобность этого животного еще больше возросла с тех пор, как саксонский гусарский офицер, о

котором я вам уже рассказывал, предательски разрубил ей плечо ударом своей сабли при Иене.

Такова была лошадь, на которой я сидел при Эйлау, когда остатки армейского корпуса маршала Ожеро, раздавленные градом пуль и снарядов, пытались собраться возле большого кладбища. Вы должны помнить, что 14-й линейный полк оставался один на пригорке и должен был покинуть ее только по приказу самого императора. Когда снег на короткое время прекратился, все заметили этот бесстрашный полк, который в окружении неприятеля размахивал в воздухе своим орлом на длинном древке, чтобы сообщить, что еще держится и просит подмоги. Император, тронутый столь благородной преданностью этих храбрецов, решил попытаться их спасти. Он приказал маршалу Ожеро отправить к ним офицера с приказом покинуть позицию, образовать небольшое каре и двигаться по направлению к нам, в то время как кавалерийская бригада пошла бы им навстречу.

Это произошло до большой атаки кавалерии Мюрата. Было почти невозможно выполнить волю императора, потому что множество казаков отделяло нас от 14-го линейного полка. Поэтому представлялось очевидным, что офицер, которого пошлют к этому несчастному полку, будет убит или захвачен в плен еще до того, как до них доберется. Однако приказ был *отдан*, и маршал должен был ему подчиниться.

В императорской армии существовал обычай, согласно которому адъютанты стояли друг за другом в нескольких шагах от своего генерала и тот, кто находился в начале этого ряда, выступал первым, а потом, выполнив свое поручение, отправлялся в конец ряда. Таким образом, каждый в свою очередь отправлялся куда-нибудь с приказом, и поэтому опасности распределялись между ординарцами равномерно. Доставить приказ 14-му полку было поручено храброму капитану инженерных войск по фамилии Фруассар. Он хотя и не был адъютантом, но состоял при штабе маршала и в данный момент стоял к нему ближе всех. Фруассар отправился в путь галопом. Мы потеряли его из виду, едва он оказался среди казаков, и никогда больше не видели его и никогда не узнали, что с ним стало. Видя, что 14-й линейный полк не двигается, маршал послал с тем же поручением офицера по фамилии Давид. Его постигла та же судьба, что и Фруассара, мы никогда больше ничего о нем не слышали!.. Может быть, оба они были убиты и ограблены, поэтому их не удалось опознать среди множества погибших, которыми была покрыта земля. В третий раз маршал крикнул: «Офицер, вперед!» — это была моя очередь…

Увидев, что к нему подходит сын его старого друга и, осмелюсь дополнить, его любимый ординарец, добрый маршал изменился в лице. Он был взволнован, его глаза наполнились слезами, потому что он не мог скрыть от самого себя, что посылает меня почти на верную смерть, но следовало повиноваться императору. Я был солдатом, и нельзя было отправить кого-то из моих товарищей вместо меня, я бы сам этого не допустил, это стало бы для меня бесчестьем. Так что я отправился вперед с поручением маршала! Но, хотя я и жертвовал своей жизнью, я тем не менее счел своим долгом принять необходимые меры предосторожности, чтобы ее по возможности спасти. Я заметил, что оба офицера, отправившиеся в путь передо мной, держали саблю в руке, поэтому я решил, что они собирались защищаться против казаков, которые стали бы их атаковать по дороге. Мне казалось, что подобный способ защиты был необдуманным, поскольку этим офицерам пришлось останавливаться, чтобы сражаться со множеством врагов, и эти враги в конце концов взяли над ними верх. Поэтому я принял другое решение и, оставив саблю в ножнах, решил считать себя всадником, который хочет выиграть приз в гонках. Я отправился как можно быстрее и по самой короткой дороге к указанной цели, не задумываясь о том, что встретится на моем пути справа и слева. Поскольку моей целью был пригорок, занятый 14-м линейным полком, я решил отправиться туда, не обращая внимания на казаков. В моих мыслях их как бы не существовало.

Эта система оказалась правильной. Лизетта не бежала, а летела, легче и быстрее ласточки. Она мчалась вперед, перескакивая через груды трупов и лошадей, через канавы и рвы, через разбитые лафеты и плохо затушенные костры бивуаков. Тысячи казаков в беспорядке бродили по равнине. Первые из них, заметив меня, действовали подобно охотникам на облаве, когда, видя кролика, они сообщают друг другу о его присутствии криками: «На вас! На вас!..» Но ни один из этих казаков не попытался меня остановить, прежде всего из-за огромной скорости моего движения и, вероятно, из-за того, что их было очень много, и поэтому каждый думал, что я не смогу ускакать от его товарищей, которые стоят немного дальше. Так что мне удалось ускользнуть от всех и добраться до 14-го линейного полка, при этом ни я, ни моя замечательная лошадь не получили ни малейшей царапины!

Я нашел 14-й линейный полк в каре на вершине горки. Поскольку склоны этой горки были очень пологими, вражеская кавалерия предприняла уже не одну атаку. Наши солдаты мужественно отбивали их, поэтому трупы людей и лошадей

лежали вокруг, образуя подобие стенки, которая теперь сделала позицию нашего полка почти недоступной для кавалерии. Поэтому, несмотря на помощь наших пехотинцев, мне стоило большого труда перебраться через это ужасное, залитое кровью укрепление. Наконец я оказался в центре французского каре! После смерти полковника Савари, убитого при переправе через Вкру, 14-м полком командовал один из батальонных начальников. Когда под градом снарядов я передал этому человеку приказ оставить свою позицию и попытаться присоединиться к корпусу, он заметил, что, поскольку вражеская артиллерия стреляла по 14-му полку уже целый час, она нанесла ему такие потери, что горстка остававшихся в живых солдат наверняка будет перебита, когда они спустятся на равнину. Он сказал также, что у него не будет времени подготовиться к выполнению этого приказа, потому что колонна русской пехоты, которая двигалась на расположение его полка, была от нас всего лишь в сотне шагов.

«Я не вижу никакого способа спасти полк, — сказал мне начальник батальона. — Возвращайтесь к императору, передайте ему прощальные слова 14-го линейного полка, который был предан ему и выполнил его приказы. Отнесите ему нашего орла, которого он дал нам. Мы не можем больше защищать. Нам будет очень тяжело, умирая, видеть, что он попадет в руки неприятеля!» И командир передал мне своего орла, которого солдаты, представлявшие славные остатки этого бесстрашного полка, приветствовали в последний раз криками: «Да здравствует император!..» Они были готовы через минуту умереть за него. Это было прямо по Тациту: «Caesar, morituri te salutant!»[54] Однако здесь это кричали герои!

Пехотные орлы были очень тяжелыми, их вес еще увеличивался за счет длинного и тяжелого дубового древка, на вершине которого прикреплялось само литое навершие. Мне очень мешало это длинное древко, и, поскольку без своего орла палка не могла быть трофеем для неприятеля, я, с согласия командира полка, решил разломать ее и увезти с собой только орла. Но в тот момент, когда с высоты седла я наклонился вперед, чтобы с большим усилием попытаться отделить орла от древка, одно из многочисленных ядер, которыми нас осыпали русские, ударило по углу моей шляпы, в нескольких сантиметрах от моей головы!.. Удар был тем более ужасным, что моя шляпа держалась на крепком кожаном подбородочном ремне. Я был совершенно оглушен, но не упал с лошади. Кровь текла у меня из носа, из ушей и даже из глаз, однако я все слышал, видел, понимал, в то время как руки и ноги у меня были словно парализованы,

настолько, что я не мог пошевелить ни одним пальцем!..

Тем временем колонна русской пехоты, которую мы только что заметили, подходила к нашей горке. Это были гренадеры. Их каски с металлическими украшениями имели форму митры. Эти люди, напоенные водкой, значительно превосходящие французов в числе, яростно набросились на остатки несчастного 14-го полка, солдаты которого уже несколько дней питались только картофелем и растопленным снегом, а в тот день у них не было времени приготовить даже эту нищенскую еду!.. Тем не менее наши бравые французы мужественно защищались, используя свои штыки. Когда их каре было прорвано, они образовали несколько групп и очень долго еще выдерживали эту неравную схватку.

Во время ужасной свалки многие наши солдаты, чтобы не получить удар сзади, опирались на бока моей лошади, которая, вопреки своим привычкам, оставалась совершенно невозмутимой. Если бы я мог двигаться, я бы послал лошадь вперед, чтобы убраться из этой бойни, но я совершенно не мог сжать ноги, чтобы сообщить свою волю лошади!.. Мое положение было еще ужаснее оттого, что, как я уже сказал, я сохранил способность видеть и думать… Вокруг меня сражались люди, что подвергало меня опасности штыковых ударов. Мало того, один русский офицер с ужасным лицом многократно пытался проткнуть меня своим эспонтоном, но толпа сражающихся мешала ему достать меня. Он показывал на меня своим солдатам, окружавшим меня и принимавших за командира французов, поскольку я один был на лошади. Те стреляли в меня над головами своих товарищей, так что вокруг моих ушей непрерывно свистели многочисленные пули. Одна из них наверняка отняла бы у меня остатки жизни, которыми я еще обладал, но в этот момент ужасное происшествие увело меня из этой рукопашной схватки.

Среди французов, опиравшихся на левый бок моей лошади, был один писарь, которого я знал, потому что часто видел его у маршала, где он переписывал донесения. Этого человека атаковали многочисленные вражеские гренадеры. Он был ранен и упал под животом моей Лизетты. Он схватил меня за ногу, чтобы попытаться встать, как вдруг какой-то русский гренадер, который из-за выпитой водки передвигался неуверенным шагом, захотел прикончить этого француза, проткнув ему грудь штыком. Вдруг этот русский гренадер потерял равновесие, и плохо нацеленное острие его штыка запуталось в моей шинели, раздуваемой ветром. Видя, что я не падаю, русский оставил своего лежащего на земле француза и стал наносить многочисленные штыковые удары мне. Эти удары сначала были бесплодными, но наконец один из них достал меня. Он пробил мне левую руку, и я с

ужасным удовольствием вдруг почувствовал, как из нее потекла горячая кровь… Вражеский гренадер, разъярившись еще больше, опять ударил меня штыком. Нанося этот последний удар с еще большей силой, он оступился, и его штык попал в бедро моей лошади. Боль вернула ей ее свирепые инстинкты. Лизетта бросилась на русского и, вцепившись зубами ему в лицо, одним махом вырвала у него нос, губы, веки и содрала всю кожу с лица, так что он превратился в живой *череп,* весь красный от крови!.. Зрелище было ужасное! Потом, яростно бросившись в толпу сражающихся, Лизетта стала кидаться на них и кусать, опрокидывая на землю всех, кто оказывался на ее пути!.. Вражеский офицер, который пытался ударить меня копьем, хотел остановить Лизетту, схватив ее за уздечку, но она вцепилась ему в живот, с легкостью приподняла и вытащила с места жаркого боя. Она волокла его к подножию горы, а там зубами разодрана ему живот и истоптала ногами, после чего оставила его умирать на снегу!.. Затем она направилась по тому же пути, по которому прискакала сюда, и тройным галопом помчалась к городскому кладбищу Эйлау. Благодаря гусарскому седлу, на котором я сидел, я удержался на ее спине, но меня ждала новая опасность.

Снова начал падать снег, его крупные хлопья ограничивали видимость. И вдруг, почти добравшись до Эйлау, я оказался лицом к лицу с батальоном Старой гвардии, который не мог разглядеть меня издалека и принял за вражеского офицера, возглавляющего кавалерийскую атаку. Сразу же целый батальон начал в меня стрелять… Моя шинель и седло были пробиты пулями, но я не был ранен, не была ранена и моя лошадь, продолжавшая мчаться вперед. Она проскакала через три ряда нашего батальона с такой же легкостью, с какой змея пробирается через изгородь… Но этот последний бросок истощил силы Лизетты, которая потеряла много крови, потому что была повреждена одна из крупных вен на ее бедре. Бедное животное вдруг остановилось и упало на бок, а я скатился с другого бока.

Распростертый на снегу среди множества мертвых и умирающих, не имея никакой возможности пошевелиться, не чувствуя боли, не чувствуя вообще ничего, я потерял ощущение самого себя. Мне казалось, что меня кто-то тихонько баюкает… Наконец я полностью потерял сознание, и меня не привел в чувство даже сильный шум, который подняли, проносясь рядом со мной и, может, даже наступая на меня, 90 эскадронов Мюрата, мчавшихся в атаку! Я думаю, что был без сознания часа четыре. Когда я пришел в себя, вот в каком ужасном положении я находился.

Я был совершенно обнажен, на мне оставались только шляпа

и правый сапог. Какой-то солдат из обозной команды, считая меня мертвым, в соответствии с обычаем, снял с меня одежду, и, желая содрать с меня единственный сапог, который на мне оставался, он тянул меня за ногу, упираясь своей ногой мне в живот! При этом он меня сильно тряс, и именно это, несомненно, привело меня в чувство. Мне удалось приподняться и откашляться, выплюнув сгустки крови, которые были у меня в горле и мешали дышать. Контузия, вызванная взрывной волной от ядра, привела к такому синяку, что лицо, плечи и грудь у меня были совершенно черными, а остальные части тела красными от крови, которая вытекала из моей раненой руки… Моя шляпа и волосы были полны окровавленного снега. Я вращал безумными глазами и наверняка выглядел ужасно, так что солдат из обозной команды отвернулся и ушел вместе с моими вещами, а я даже не смог сказать ему ни единого слова, в такой сильной прострации я пребывал!.. Но ко мне вернулись мои умственные способности, и мысли мои обратились к Богу и к моей матери!..

Закатное солнце послало сквозь облака несколько слабых лучей. Я обратился к нему с последними, как я думал, прощальными словами… Я говорил себе, что если бы меня хоть не раздели, тогда кто-нибудь из многочисленных людей, проходивших мимо меня, заметил бы золотые галуны, покрывавшие мой ментик, и узнал бы, что я адъютант маршала. Тогда, может быть, меня бы перевезли в лазарет. Но, видя меня раздетым, меня не могут отличить от многочисленных трупов, валяющихся повсюду. И действительно, вскоре между ними и мной не осталось больше никакой разницы. Я не мог позвать на помощь, а приближавшаяся ночь вот-вот должна была отнять у меня любую надежду на спасение. Холод становился все сильнее. Смогу ли я продержаться до завтра, когда уже сейчас чувствую, как мои обнаженные руки и ноги леденеют? Итак, я стал ждать смерти, ведь если чудо уже спасло меня посреди ужасной схватки между русскими и 14-м линейным полком, то как я мог надеяться на то, чтобы другое чудо помогло мне в том ужасном положении, в котором я оказался теперь?.. Однако второе чудо произошло, и вот каким образом. У маршала Ожеро был лакей по имени Пьер Даннель. Этот очень умный, очень преданный парень был несколько болтлив. И вот во время нашего пребывания в Ла Уссэ случилось, что Даннель нагрубил своему хозяину, и тот прогнал его. Огорченный Даннель умолял меня попросить за него. Я так старался, что мне удалось вернуть ему милость маршала. С того момента он был очень привязан ко мне. И вот этот человек, оставив в Ландсберге все экипажи, по собственной инициативе в день сражения отправился сюда, чтобы привезти своему хозяину

провизию, которую он нагрузил в очень легкую повозку, способную пройти практически везде. В ней находились предметы, которыми маршал чаще всего пользовался. Этой маленькой повозкой управлял солдат, служивший в той же самой транспортной обозной команде, к которой принадлежал и солдат, только что снявший с меня одежду. И вот этот солдат с моими вещами проходил около повозки, стоявшей рядом с кладбищем, как вдруг узнал в вознице своего старого товарища. Он остановился около него, чтобы похвалиться перед ним своей удачной добычей, которую только что снял с покойника.

Надо вам сказать, что во время нашего пребывания на зимних квартирах на берегах Вислы маршал однажды послал Даннеля за провизией в Варшаву, и тогда я поручил ему снять с моего ментика черный каракуль, которым она была обшита, и заменить его на серый, который с недавних пор полагалось носить адъютантам Бертье, законодателям моды в нашей армии. Так вот, я до сих пор оставался единственным офицером маршала Ожеро, у которого на ментике был серый каракуль. Даннель, присутствовавший при том, как солдат из обозной команды хвастался моими вещами, легко узнал мой ментик, и это заставило его осмотреть более внимательно и другие вещи так называемого покойника. Среди них он нашел мои часы с монограммой моего отца. Он больше не сомневался, что я убит, и, оплакивая мою гибель, захотел увидеть меня в последний раз. Он велел солдату отвести его ко мне. И там он нашел меня живым!..

Радость этого храброго человека, которому я наверняка обязан жизнью, была безграничной: он поспешил послать ко мне моего слугу, нескольких солдат и велел перенести меня в сарай, где натер мое тело ромом, в то время как другие солдаты искали доктора Реймона. Доктор наконец пришел, перевязал мою раненую руку и заявил, что кровопускание, произведенное этой раной, спасет меня.

Вскоре меня окружили мой брат и мои товарищи. Солдату из обозной команды, который взял мои вещи, дали кое-какие деньги, и он вернул вещи очень охотно. Но поскольку моя одежда промокла насквозь и пропиталась кровью, маршал Ожеро велел надеть на меня его одежду. Император позволил маршалу поехать в Ландсберг, но, поскольку ранение мешало маршалу сидеть на лошади, его адъютанты раздобыли санки, а на них поставили кузов от кабриолета. Маршал, который не мог оставить меня, велел привязать меня около себя, потому что я был слишком слаб, чтобы сидеть!

Еще до того, как меня увезли с поля битвы, я увидел рядом с собой мою бедную Лизетту. Кровь из ее раны свернулась от

холода, поэтому ее вытекло не так много. Лошадь поднялась на ноги и ела солому, которой солдаты пользовались в предыдущую ночь на бивуаке. Мой слуга, который очень любил Лизетту, заметил ее, когда помогал перевозить меня. Он вернулся за ней и, разорвав свою рубашку и шинель какого-то мертвого солдата на длинные полосы, использовал их для того, чтобы перевязать ногу бедной лошади, которая смогла таким образом доковылять до Ландсберга. Комендант маленького гарнизона этой крепости позаботился о том, чтобы подготовить места для размещения раненых. Штаб помещался в большой удобной гостинице, так что вместо того, чтобы оставаться всю ночь без помощи, распростертым без всякой одежды в снегу, я оказался в хорошей постели, окруженный заботами моего брата, моих товарищей и доброго доктора Реймона. Доктору пришлось разрезать сапог, который солдат не смог снять с меня, но даже после этого было по-прежнему трудно стянуть его с меня, настолько распухла моя нога. Вы увидите дальше, что это чуть не стоило мне ноги, а возможно, и жизни.

Мы провели в Ландсберге 36 часов. Этот отдых, забота, которой меня окружили, вернули мне возможность говорить и двигать руками и ногами. Когда через день после битвы маршал Ожеро отправился в путь по направлению к Варшаве, я смог передвигаться на санях, хотя был еще очень слаб. Наше путешествие продолжалось неделю, потому что штаб со своими лошадьми передвигался короткими переходами. Мало-помалу силы возвращались ко мне, но по мере того, как они возвращались, я чувствовал леденящий холод в моей правой ноге. По прибытии в Варшаву меня поместили в здании, предназначенном для маршала. Это было для меня тем более благоприятно, что я не мог вставать с постели. Тем временем рана на моей руке затягивалась. Синяки, появившиеся на моем теле в результате контузии, начали проходить. Моя кожа вновь приобретала свой нормальный цвет. Доктор не знал, чем объяснить то, что я все еще не мог встать на ноги. Слыша мои жалобы на боль в ноге, доктор решил посмотреть ее. И что же он увидел?.. У меня начиналась гангрена!.. Причиной нового несчастья, которое свалилось на меня в этот раз, был случай, произошедший в годы моей юности. В Соррезе товарищ, с которым мы занимались фехтованием, проткнул мне правую ногу рапирой, на которой не было предохранительного наконечника. Похоже, что мышцы, ставшие очень чувствительными, сильно пострадали от холода в то время, как я лежал без сознания на поле битвы при Эйлау. В результате нога распухла, и именно из-за этого солдату было так трудно снять с меня правый сапог. Нога

очень замерзла, и поскольку ее не начали лечить вовремя, то на месте старой раны, вызванной ударом рапиры, началась гангрена. Струп на ноге был размером с пятифранковую монету… Увидев мою ногу, доктор побледнел. Потом он приказал четырем слугам держать меня, вооружился скальпелем, удалил струп и погрузил скальпель в мою ногу, чтобы извлечь из нее отмершие ткани. Он делал это точно так же, как поступают с яблоком, когда вырезают из него гнилые куски.

Я очень страдал, однако не жаловался. Но все изменилось, когда скальпель дошел до живой ткани и обнажил мышцы и кости, движения которых стали видны! Встав на стул, доктор обмакнул губку в сладкое горячее вино и стал выжимать его по каплям на отверстие, которое только что проделал в моей ноге. Боль стала непереносимой!.. И тем не менее на протяжении целой недели мне пришлось утром и вечером выдерживать эту ужасную пытку. Но моя нога была спасена…

Сегодня, когда все так любят продвижение по службе и награды, наверняка получил бы орден офицер, преодолевший те опасности, которым я подвергался, направляясь в расположение 14-го линейного полка.

Но в эпоху Империи подобное проявление преданности рассматривали как столь естественное, что мне не дали никакого креста, а я даже и не подумал о том, чтобы его попросить.

Для лечения раны маршала Ожеро сочли необходимым длительный отдых, поэтому император написал ему, предлагая отправиться на лечение во Францию. Император приказал прибыть из Италии маршалу Массена в распоряжение которого поступили мой брат, Бро и многие из моих товарищей. Маршал Ожеро взял меня с собой, а также доктора Реймона и своего секретаря. Меня пришлось нести на руках, чтобы посадить в экипаж и впоследствии извлечь из него. Тем не менее я чувствовал, что мое здоровье улучшается по мере того, как я отдалялся от холодных мест, приближаясь к районам с более мягким климатом. Моя лошадь провела зиму в конюшнях г-на де Лоне, начальника армейских фуражиров. Маршал направился из Варшавы в Силезию через Раву. Пока мы были в ужасной Польше, где не существовало ни единой мощеной дороги, требовалось от 12 до 16 лошадей, чтобы вытаскивать экипаж из оврагов и болот, среди которых мы двигались. К тому же передвигаться можно было только шагом. Лишь прибыв в Германию, мы оказались наконец в цивилизованной стране, имевшей настоящие дороги.

Наконец мы прибыли в Дрезден и провели 10–12 дней во Франкфурте-на-Майне, откуда в октябре прошлого года мы вышли в поход против Пруссии.

Наконец около 15 марта мы приехали в Париж. Я ходил с большим трудом, рука у меня была на перевязи, и до сих пор я ощущал ужасное потрясение от контузии, вызванной взрывной волной от ядра. Но счастье от встречи с моей матерью и заботы, которыми она меня окружила, вместе с ласковыми дуновениями весны завершили мое выздоровление.

Перед тем как выехать из Варшавы, я хотел выбросить треуголку, пробитую ядром, но маршал приказал хранить ее как достопримечательность и отдал моей матери. Эта шляпа еще сегодня существует, представляя собой семейную реликвию, которую следует хранить и дальше.

Глава XXXV

Поручения к императору. — Я присоединяюсь к маршалу Ланну. — Возобновление военных действий 11 июня. — Армии встречаются на Алле, при Фридланде

Я провел в Париже конец марта, весь апрель и первую неделю мая. Во время этого пребывания во Франции я познакомился с семьей Дебриер, в которую в скором времени должен был войти после женитьбы. Мое здоровье поправилось, и я понял, что не могу больше оставаться в Париже. Маршал Ожеро направил меня к маршалу Ланну, который очень хорошо принял меня в своем штабе.

Желая иметь возможность наблюдать за передвижениями, которые неприятель попытается осуществить на протяжении зимы, император расположился в местах расквартирования собственных частей, сначала в Остероде, потом в замке Финкенштайн. Оттуда, готовясь к новой военной кампании, он правил Францией и руководил действиями министров, которые каждую неделю посылали ему свои доклады. Папки с различными документами, поступавшие от каждого министра, вечером в среду собирались у г-на Деннье — отца, заместителя государственного секретаря по вопросам войны, а он каждый четверг по утрам отправлял их в Государственный совет, которому было поручено передавать их императору. Но эта служба действовала очень плохо, потому что большинство людей, возивших документы в Ставку, никогда не выезжали из Франции, не знали ни слова по-немецки, не были знакомы ни с монетой, ни с почтовыми правилами зарубежных стран и не знали, как себя вести, переправившись через Рейн. Эти господа не были также привычными к усталости. Их очень быстро утомляло путешествие длиной свыше 300 лье, когда требовалось непрерывно ехать на протяжении 10 дней и 10 ночей. Один из этих посыльных оказался даже настолько нерадивым, что у него украли депеши.

Наполеон пришел от этого в ярость и отправил в Париж эстафету с приказом г-ну Деннье в будущем доверять папки с документами только офицерам, знающим Германию, привычным к усталости и лишениям, которые будут выполнять эти поручения с большей ответственностью. Г-н Деннье находился в замешательстве, пытаясь найти подобного офицера, и в этот момент ему представился я, имея при себе письмо маршала Ланна, который требовал меня к себе. Г-н Деннье был очень рад, что ему удастся обеспечить скорую отправку документов. Он

предупредил меня, что я должен быть готов к следующему четвергу, и вручил мне 5 тысяч франков на почтовые расходы и покупку экипажа. Это было мне очень кстати, потому что у меня было мало денег на дорогу.

Мы отправились из Парижа примерно 10 мая. Мой слуга и я были хорошо вооружены. Когда одному из нас приходилось на короткое время покидать экипаж, его караулил другой. Мы достаточно владели немецким языком, чтобы поторапливать служащих на почтовых заставах. Видя меня в военной форме, возницы подчинялись мне гораздо лучше, чем другим посланцам, одетым в штатское. Поэтому вместо того, чтобы затратить, подобно этим господам, девять с половиной и даже десять дней на переезд от Парижа до Финкенштайна, я приехал туда за восемь с половиной дней.

Получив свои депеши на сутки раньше, император был очень доволен. Сначала он похвалил меня за рвение, заставившее меня попросить о возвращении в армию, несмотря на мои недавние раны, и добавил, что, поскольку я так хорошо умею пользоваться почтовыми станциями, мне придется в ту же ночь отправиться в Париж и привезти ему оттуда другие папки с документами. Это не помешает мне присутствовать при возобновлении военных действий, которые не начнутся раньше первых чисел июня.

Хотя я истратил еще далеко не все 5 тысяч франков, которые мне вручил г-н Деннье, тем не менее обер-гофмаршал приказал вручить мне столько же на обратный путь до Парижа, куда я прибыл очень быстро. Я оставался в этом городе только сутки и вновь отправился в Польшу. Военный министр дал мне на это третье путешествие еще 5 тысяч франков. Это было гораздо больше, чем требовалось, но так хотел император. По правде говоря, эти путешествия были очень утомительными и к тому же крайне скучными, хотя погода стояла прекрасная. Дело в том, что я почти месяц днем и ночью был в пути наедине со своим слугой. Я опасался, что останусь «курьером» и после того, как начнутся бои, но, к счастью, нашлись другие офицеры для перевозки депеш, и в конце концов эта служба была организована как следует. Император разрешил мне отправиться к маршалу Ланну, который в момент моего приезда, 25 мая, находился в Мариенбурге. С ним был полковник Сикар, адъютант Ожеро, любезно доставивший сюда же моих лошадей. Я с большим удовольствием вновь увидел мою дорогую Лизетту, которая еще могла мне хорошо послужить.

Крепость Данциг, осажденная французами на протяжении зимы, оказалась в их руках. Наступление лета заставило вскорости возобновить военные действия. Русские атаковали

наши зимние квартиры 5 июня, и во всех местах были отброшены. 10 июня при Хайльсберге произошел столь кровавый бой, что многие историки назвали его сражением. Здесь неприятель снова был разбит. Я не буду рассказывать подробно об этой операции, потому что корпус маршала Ланна принимал в ней небольшое участие, прибыв к месту действия только вечером. Однако в нас попало довольно много ядер, одно из них смертельно ранило полковника Сикара, который уже был ранен пулей при Эйлау и, едва выздоровев, вернулся, чтобы принять участие в новых битвах. Добрый полковник Сикар перед смертью поручил мне передать его прощальные слова маршалу Ожеро и дал мне записку для своей жены. Эта тягостная сцена очень огорчила меня.

Армия отправилась преследовать русских, и мы снова прошли через Эйлау. Поля, которые три месяца назад мы оставили покрытыми снегом и трупами, представляли собой очаровательный зеленый ковер. Какой контраст!.. Сколько смелых воинов лежало под этими зелеными травами! Я присел на том месте, где в свое время упал раненый, где меня раздели и где я должен был бы умереть, если бы ниспосланное провидением стечение обстоятельств не спасло меня!.. Маршал Ланн захотел увидеть высоту, на которой так мужественно защищался 14-й линейный полк. Я проводил его туда. Неприятель занимал это место с момента сражения, однако мы нашли еще целым памятник, который все части французской армии воздвигли в честь своих несчастных товарищей из 14-го полка. 35 офицеров этого полка были похоронены в одной могиле! Это уважение к славе мертвых делает честь русским. Я остановился на несколько минут в том месте, где в мою шляпу попало ядро, где я получил удар штыком, и подумал о тех храбрецах, которые лежали в земле и чью судьбу я чуть не разделил.

Русские, разбитые 10 июня при Хайльсберге, быстро отступили и выиграли один день у французов, которые вечером 13 июня находились на подступах к Эйлау на левом берегу реки Алле.

Противник занимал Бартенштайн на правом берегу этой же реки. Обе армии спускались по берегам этой реки параллельно друг другу. Беннигсен, у которого склады провианта и снаряжения находились в Кенигсберге, где располагался прусский корпус, хотел дойти до этого города до прибытия французов, но для этого ему надо было вновь переправиться на левый берег реки Алле, где находились части Наполеона, шедшие из Эйлау. Русский генерал понадеялся опередить их во Фридланде, чтобы переправиться через реку до того, как французские части смогут

этому воспрепятствовать. Причины, которые заставляли Беннигсена сохранять за собой Кенигсберг, вызвали у императора желание овладеть этим городом. Он непрерывно маневрировал на протяжении нескольких дней, чтобы охватить левый фланг неприятеля и оттеснить его от этой крепости. Туда же он послал Мюрата, Сульта и Даву. Они должны были помешать русским в том случае, если они придут туда раньше нас.

Но император не ограничился этой предосторожностью. Он предвидел, что для продвижения к Кенигсбергу русские попытаются переправиться через Алле у Фридланда, поэтому он хотел занять этот город раньше русских и направил к нему в ночь с 13 на 14 июня корпуса маршалов Ланна и Мортье, а также три кавалерийские дивизии. Остальная армия должна была следовать за ними.

Маршал Ланн был в авангарде с гренадерами Удино и одной кавалерийской бригадой. Он прибыл в Постенен, за лье до Фридланда, в два часа ночи. Ланн послал в разведку в этот город 9-й гусарский полк, который был отброшен и понес потери. Рассвет позволил нам увидеть большую часть русской армии на другом берегу Алле, на плато между Алленау и Фридландом. Неприятель начинал переправляться по старому городскому мосту, около которого они строили два новых.

Цель, которую каждая из двух армий ставила перед собой, можно было легко определить: русские хотят переправиться через Алле, чтобы добраться до Кенигсберга, французы хотят им помешать и оттеснить их на другую сторону реки, где берега очень крутые. Для этого во Фридланде есть только один мост. Русским было трудно выбраться из этого города на левобережную равнину еще и потому, что в этом месте выход из Фридланда затруднен наличием обширного пруда и оврага с очень крутыми берегами, по дну которого протекает ручей, называемый *Мельничным.* Чтобы защитить свою переправу, неприятель расположил две мощные артиллерийские батареи на правом берегу, откуда они контролировали город и часть равнины между Постененом и Генрихсдорфом. Описав, таким образом, планы и позиции каждой из двух армий, я вкратце изложу вам основные события этой решительной битвы, которая привела к заключению мира.

Император еще находился в Эйлау. Различные армейские корпуса направлялись к Фридланду, но им оставалось пройти до него несколько лье, когда маршал Ланн, шедший всю ночь, прибыл на подступы к этому городу. Если бы маршал прислушивался только к своему нетерпению, то атаковал бы неприятеля сразу, но у противника было 30 тысяч человек,

расположенных на равнине перед Фридландом, их правый фланг был напротив Генрихсдорфа, центр — возле Мельничного ручья, а левый фланг — в деревне Зортлак. Войска противника непрерывно получали подкрепление. У маршала Ланна было только 10 тысяч человек, но он очень умело расположил их в деревне Постенен и в лесах Зортлака, откуда угрожал левому флангу русских. В то же время двумя кавалерийскими дивизиями он пытался остановить их движение на Генрихсдорф — деревню, расположенную по дороге из Фридланда в Кенигсберг. Началась оживленная перестрелка, но тут не замедлил появиться корпус маршала Мортье. Чтобы отбить у русских дорогу на Кенигсберг в ожидании новых подкреплений, этот корпус занял Генрихсдорф и пространство, расположенное между этой деревней и деревней Постенен. Однако Мортье и Ланн, имея 25 тысяч человек, не могли сопротивляться 70 тысячам русских, которые вскоре должны были оказаться напротив них. Ситуация становилась критической… Каждую минуту маршал Ланн посылал офицеров, чтобы предупредить императора о необходимости ускорить прибытие корпуса, который, как было известно Ланну, двигался сзади него. Сев на быструю Лизетту, я был первым послан к императору и присоединился к нему только на выходе из Эйлау. Я нашел его сияющим от радости! Он велел мне быть рядом с собой, и, двигаясь галопом, я должен был объяснять ему, что произошло перед моим отъездом с поля битвы. Когда я закончил мой рассказ, император сказал мне, улыбаясь: «У тебя хорошая память?..» — «Неплохая, сир». — «И какая сегодня годовщина — в этот день 14 июня?» — «Годовщина битвы при Маренго». — «Да-да, — продолжал император, — годовщина битвы при Маренго, и я разобью русских так же, как разбил тогда австрийцев!»

Наполеон был так твердо в этом убежден, что, двигаясь вдоль колонн, из которых солдаты приветствовали его громкими криками, он все время говорил им: «Сегодня счастливый день — годовщина битвы при Маренго!..»

Глава XXXVI

Битва при Фридланде. — Опасности, которым я подвергался. — Переговоры и Тильзитский мир

Было больше 11 часов, когда император прибыл на поле боя, где многие армейские корпуса уже присоединились к Ланну и Мортье. Другие корпуса и гвардия прибывали друг за другом. Наполеон поправил линию расположения корпусов: Ней образовал правый фланг, расположенный в лесах вокруг Зортлака; Ланн и Мортье стали в центре между Постененом и Генрихсдорфом. Левый фланг выходил за пределы последней деревни. Стояла ужасная жара. Император дал войскам час отдыха и решил, что по сигналу, который будет дан одновременным выстрелом из 25 пушек, все пойдут в общую атаку. Так и было сделано.

Корпус маршала Нея имел самую трудную задачу, потому что, спрятанный в лесу вокруг Зортлака, он должен был выйти из этого леса и проникнуть во Фридланд, где находились главные силы и резервы врага. Корпус Нея должен был овладеть мостами и, таким образом, перерезать русским все пути к отступлению. Трудно понять, как Беннигсен смог решиться разместить свою армию напротив Фридландского дефиле, где за спиной у армии находилась река Алле со своими крутыми берегами, а впереди располагались французы, владевшие равниной. Чтобы объяснить свое решение, русский генерал позже говорил, что, поскольку у него в запасе был лишний день, который он выигрывал у Наполеона, и не мог себе представить, что французы за 12 часов пройдут путь, равный тому, на который его войска истратили сутки. Он подумал, что корпус Ланна, находившийся перед Фридландом, представлял собой отделившийся от французской армии авангард и что ему будет легко раздавить этот авангард. Когда эта иллюзия рассеялась, было уже слишком поздно переводить свою армию на другую сторону реки Алле, поскольку в дефиле Фридланда Беннигсен наверняка понес бы потери. По этим причинам он предпочел энергично сражаться.

Примерно в час пополудни 25 пушек, размещенных в Постенене, дали залп по приказу императора, и битва закипела по всему фронту. Наш левый фланг и центр сначала продвигались очень медленно, чтобы дать правому флангу под командованием Нея время овладеть городом. Этот маршал, выйдя из Зортлакского леса, занял деревню того же названия и оттуда очень быстро двинулся на Фридланд, опрокидывая все на своем

пути. Но по дороге от Зортлакского леса и деревни Зортлак до первых домов Фридланда части Нея шли без всякого прикрытия и оказались под ужасным огнем русских батарей, которые были размещены позади города, на высотах противоположного берега. Эти батареи своим огнем нанесли нашим войскам огромные потери. Огонь их был тем более опасен, что вражеские канониры, отделенные от нас рекой, целились спокойно, видя, что наши пехотинцы не имели возможности их атаковать. Это большое неудобство могло воспрепятствовать взятию Фридланда, но Наполеон нашел возможность исправить положение. Он послал 50 артиллерийских орудий, которые были размещены генералом Сенармоном на левом берегу Алле. Эти орудия стали стрелять через реку в русские батареи, обрушив на них град своих ядер. Русские батареи вскоре были уничтожены. Как только огонь вражеских пушек прекратился, Ней, продолжая свое смелое движение, отбросил русских во Фридланд и вместе с ними вступил на улицы этого несчастного города, где снаряды только что зажгли громадный пожар!.. На улицах произошло ужасное рукопашное сражение, в котором русские, прижатые друг к другу, едва могли двигаться и понесли громадные потери. Наконец, несмотря на свою храбрость, они вынуждены были в беспорядке отступить, ища пристанище на противоположном берегу и переправляясь туда по мостам. Но здесь их ждала новая опасность. Артиллерия генерала Сенармона подошла к городу и взяла под прицел мосты, которые очень скоро разрушила, убив множество русских, которые торопились пробежать по этим мостам. Все, что еще оставалось во Фридланде, было захвачено, солдаты убиты или утонули, желая переправиться через реку.

До этого момента Наполеон, можно сказать, заставлял топтаться на месте свой центр и свой левый фланг, теперь он быстро выдвинул их вперед. Русский генерал Горчаков, командовавший центром и правым флангом неприятеля, прислушиваясь только к голосу своей храбрости, захотел вновь овладеть городом. Это было бы совершенно бесполезно, потому что мосты были разрушены, но он этого не знал. Так что он во главе своих частей бросился в горящий Фридланд, но по всему фронту был отброшен частями маршала Нея, занимавшими город, и был вынужден вернуться на исходные позиции в поле. Вражеский генерал вскоре был окружен частями нашего центра, которые прижали неприятеля к реке напротив Клошенена. Русские в ярости героически защищались и, хотя они были окружены со всех сторон, тем не менее отказались сдаться. Многие из них умерли под ударами наших штыков, а остальные скатились с высоких берегов в реку, где почти все утонули…

Крайний правый фланг противника, в основном состоявший из кавалерии, во время сражения попытался овладеть деревней Генрихсдорф или обойти ее. Но русские были отброшены нашими частями и вернулись на берега реки Алле под командованием генерала Ламбера. Этот генерал, видя, что Фридланд занят французами, а левый фланг и центр русской армии уничтожены, объединил все остававшиеся полки правого фланга и ушел с поля битвы, спускаясь вниз по течению реки Алле. Ночь помешала французам преследовать его, так что от гибели спасся только один неприятельский корпус. Наша победа была полной. Вся русская артиллерия попала в наши руки. Во время этой битвы мы взяли немного пленных, но число убитых или раненых врагов было огромным и превышало 26 тысяч человек. Наши потери составили только 3 тысячи убитыми и 4–5 тысяч ранеными. Из всех сражений, которые дал когда-либо Наполеон, только в этом его войска по численности превышали неприятельские. У французов было 80 тысяч солдат, а у русских только 75 тысяч. Остатки вражеской армии в беспорядке шли всю ночь и отступили за Прегель, где они уничтожили мосты.

Маршалы Сульт, Даву и Мюрат не смогли участвовать в битве при Фридланде, но их присутствие заставило пруссаков оставить Кенигсберг, которым овладели наши войска. В этом городе мы нашли громадные запасы всего, что только можно было найти.

Во время битвы при Фридланде со мной ничего неприятного не случилось, хотя я и был в какой-то момент в большой опасности. Вот как это произошло.

Я уже говорил вам, что утром по приказу маршала Ланна я во весь опор отправился из Постенена к императору, чтобы предупредить его, что, поскольку неприятель переправляется через реку Алле во Фридланде, битвы, по всей видимости, не миновать. Наполеон находился в Эйлау. Мне предстояло преодолеть около лье, чтобы найти его. Для моей замечательной лошади это было бы совсем нетрудно, если бы мне удалось найти свободные дороги, но все они были заняты частями различных армейских корпусов, которые торопились на подмогу к маршалу Ланну. Из-за этого мне было совершенно невозможно двигаться галопом. Поэтому я отправился через поля, так что Лизетте приходилось перескакивать через препятствия, живые изгороди и ручьи, и она уже очень устала, когда я добрался до императора, в этот момент покидающего Эйлау. Однако я должен был, не теряя ни минуты на отдых, возвращаться вместе с ним во Фридланд. И хотя на этот раз войска сторонились, чтобы дать нам дорогу, моя бедная лошадь, которая только что проскакала галопом 12 лье, 6 из которых — по полям, и в такую жару, очень устала, когда,

наконец прибыв на поле сражения, я присоединился к маршалу Ланну. Я понял, что во время боя Лизетта не сможет мне как следует служить, и воспользовался моментом отдыха, который император дал своим войскам, чтобы найти моего слугу и сменить лошадь. Но разве можно найти моих лошадей среди такой огромной армии?.. Это оказалось невозможным, и я вернулся в штаб, верхом на лошади, которая еле дышала.

Маршал Ланн и мои товарищи, видя мое затруднение, заставили меня спешиться, чтобы дать ей отдохнуть в течение нескольких часов. В этот момент я заметил одного из наших гусар, который вел в поводу лошадь, захваченную у противника. Я взял эту лошадь себе и передал Лизетту одному из кавалеристов маршальского эскорта, чтобы он отвел ее за линию наших войск и, накормив, передал моему слуге, как только увидит его. Я сел на мою новую лошадь и занял свое место среди адъютантов маршала, выполняя его поручения, когда наступала моя очередь. Сначала я был очень доволен моей новой лошадью, но это продолжалось до того момента, когда маршал Ней вошел во Фридланд и маршал Ланн поручил мне поехать к нему, чтобы предупредить о передвижениях противника. Как только я попал во Фридланд, моя проклятая лошадь, которая была столь хороша в поле, оказалась на маленькой площади. Все дома вокруг горели, мостовая была покрыта горящей мебелью и балками, среди которых тлели многочисленные трупы. Вид пламени и запах обугленного мяса так напугали ее, что она не захотела больше двигаться ни вперед, ни назад и, упершись всеми четырьмя ногами, осталась в неподвижности, громко фыркая. Никакие удары шпорами не могли сдвинуть ее с места. Тем временем на соседней улице русские на какой-то момент взяли верх над французами и отбросили наших солдат до того места, где я находился. С верхушки соседней церкви и с окружающих домов градом посыпались пули, а две пушки, которые неприятель притащил на руках, стреляли по батальонам, сражавшимся вокруг меня.

Кругом было убито множество людей, что напомнило мне положение, в котором я оказался при Эйлау, среди солдат 14-го линейного полка. Мне совсем не хотелось получать новые ранения, а тем временем, оставаясь здесь, я к тому же не мог выполнить данное мне поручение. Поэтому я просто слез с лошади и, покинув это проклятое животное на площади, проскользнул вдоль домов, чтобы добраться до маршала Нея, находившегося на другой площади, которую указали мне встретившиеся офицеры.

Около Нея я провел четверть часа. Вокруг тоже падали пули,

но их было гораздо меньше, чем там, где я оставил свою лошадь. Наконец, когда русские, отброшенные в штыковой схватке, вынуждены были повсюду отступить к мостам, маршал Ней поручил мне передать эту хорошую новость маршалу Ланну. Чтобы выбраться из города, я отправился по той же дороге, по какой прибыл в него, и снова вышел на площадь, где оставил лошадь. Здесь произошла кровавая схватка, кругом лежали мертвые и умирающие, среди которых я увидел мою упрямую лошадь, спину которой разнесло ядро, а все тело было пробито пулями!.. Я пешком выбрался на окраину города, торопясь поскорее покинуть его, потому что со всех сторон рушились горящие дома, и я боялся оказаться под их обломками. Наконец мне удалось выйти из города и дойти до берегов пруда.

День стоял жаркий. Еще жарче было от огня, пожиравшего улицы, по которым я только что прошел. Из-за этого я был весь в поту. Я задыхался и падал от усталости, потому что провел всю ночь верхом по пути от Эйлау до Фридланда, затем галопом вернулся во Фридланд и ел последний раз только накануне. И теперь я с огорчением представлял себе, как мне придется идти пешком под жгучим солнцем посреди очень высокой пшеницы, чтобы пересечь обширную равнину, отделявшую меня от Постенена, где я оставил маршала Ланна. Но счастливый случай пришел мне на помощь еще раз. Драгунская дивизия генерала Груши неподалеку от этого места атаковала противника. Столкновение было очень ожесточенным. Хотя этот бой принес победу нашей дивизии, она тем не менее потеряла некоторое количество своих людей, и полковники, как обычно, приказали собрать лошадей убитых кавалеристов и вести их в поводу в тыл. Это было поручено отряду, который двигался отдельно от основной части дивизии. Я заметил этот пикет, в котором каждый драгун вел в поводу четыре или пять лошадей. Они направлялись к пруду, чтобы напоить животных. Я обратился к офицеру, которого подобное множество лошадей очень обременяло, и он с радостью отдал мне одну из них. Я пообещал вечером вернуть ее полку. Он даже указал мне очень хорошее животное, на котором ездил один из унтер-офицеров, погибший во время боя. Я сел на эту лошадь и быстро вернулся в Постенен. Едва я покинул берега пруда, как там разразился кровавый бой, начало которому положила отчаянная атака генерала Горчакова, предпринятая им для того, чтобы открыть себе путь к отступлению, захватив дорогу на Фридланд, занятую маршалом Неем. Русские части генерала Горчакова оказались между войсками маршала Нея и частями нашего центра, выдвинувшимися вперед. Русские мужественно защищались в домах, окружавших пруд, так что, если бы я

остался в том месте, где собирался отдохнуть в течение некоторого времени, я оказался бы в центре ужасной схватки. Я прибыл к маршалу Ланну в тот момент, когда его части направлялись к пруду, чтобы с тыла атаковать корпус Горчакова, который Ней фронтом вытеснял из города. Я смог предоставить маршалу Ланну ценные сведения о местности, где мы сражались.

Если на поле битвы при Фридланде французская армия взяла немного пленных, на следующий день и в последующие за ним все изменилось, потому что русских преследовали по пятам. Они были полностью разгромлены и падали от усталости. Многие из них выходили из строя и ложились прямо в полях, где мы очень многих из них взяли в плен. Мы также подобрали много артиллерийских орудий. Все остатки армии Беннигсена, которым удалось уйти, поспешили переправиться через Неман, а за ним находился сам император России. Вероятно, помня об опасностях, испытанных им при Аустерлице, он не счел нужным лично присутствовать при сражении у Фридланда и поторопился через день после нашей победы попросить о перемирии, на что Наполеон согласился.

Спустя три дня после памятной битвы при Фридланде французская армия наконец увидела перед собой город Тильзит и Неман, который в этом месте был удален от границ Российской империи всего лишь на несколько лье.

После битвы в тылах победоносной армии царит скорбь: ее путь отмечен трупами, умирающими и ранеными. В то же время воины, которые остались в живых, вскоре забывают о своих товарищах, павших на поле боя, и радуются своим успехам, весело идя вперед к новым приключениям. При виде Немана радость наших солдат была безгранична. Противоположный берег Немана занимали остатки русской армии, которую французы только что разбили во всех боях. Наши войска громко пели, а во вражеском лагере царило мрачное молчание. Император Наполеон обосновался в Тильзите, его войска стали лагерем вокруг города.

Неман разделял обе армии: французы занимали левый берег, русские — правый. Император Александр попросил Наполеона о встрече. Она состоялась 25 июня в павильоне, который был специально построен на плоту, стоявшем на якоре посреди реки, на виду у обеих армий, расположившихся на обоих берегах Немана. Это было крайне внушительное зрелище. Оба императора прибыли, каждый со своей стороны, каждый в сопровождении лишь пяти главных лиц своей армии. Маршал Ланн льстил себя надеждой, что в этом качестве он будет сопровождать императора, но ему предпочли маршала Бесьера,

близкого друга принца Мюрата, и Ланн не простил этим маршалам, что его, как он считал, обошли.

Так что маршал Ланн остался с нами на набережной Тильзита, откуда мы видели, как два императора подошли друг к другу и обнялись, что вызвало в обеих армиях громкие возгласы «Ура!» и «Да здравствует император!».

На следующий день, 26-го числа, во время второй встречи, которая также происходила в павильоне на Немане, русский император представил Наполеону своего несчастного друга — короля Пруссии. Король, потерявший из-за военных событий обширное королевство, от которого у него остался только маленький город Мемель и несколько ничтожных деревень, сохранял манеры, достойные потомков Фридриха Великого. Наполеон принял его вежливо, но холодно, потому что, как он считал, у него были причины жаловаться на этого короля и он планировал отобрать у него большую часть его государства.

Чтобы облегчить переговоры двух императоров, город Тильзит был объявлен нейтральным, и Наполеон уступил часть его русскому императору, который обосновался там со своей гвардией. Два государя провели вместе примерно 20 дней, в течение этого времени они решили судьбу Европы. Во время этих встреч прусский король был отправлен на правый берег. У него даже не было жилья в Тильзите, и приезжал он туда лишь очень редко. Однажды Наполеон отправился с визитом к несчастной королеве Пруссии, скорбь которой, как говорили, была весьма велика. Император пригласил ее обедать с ним на следующий день. Она согласилась, наверняка скрепя сердце, но в момент заключения мира требовалось приложить все старания для того, чтобы смягчить гнев победителя. Наполеон и королева Пруссии искренне презирали друг друга. Она оскорбляла его в многочисленных прокламациях, а он отвечал ей гем же в своих бюллетенях. Однако во время их встречи эта взаимная ненависть не чувствовалась. Наполеон выглядел почтительным и предупредительным, королева казалась любезной и старалась покорить своего прежнего врага, который ей был тем более нужен, что она знала о том, что новый мирный договор создавал новое государство под названием королевство Вестфалия, территорию для которого давали Гессен и Пруссия.

Королева покорно соглашалась с потерей многих провинций, но не могла допустить утраты крепости Магдебург, сохранение которой обеспечивало безопасность Пруссии. Со своей стороны, Наполеон, в планы которого входило провозгласить своего брата Жерома королем Вестфалии, хотел добавить Магдебург к этому новому государству. Кажется, ради сохранения этого важного

города королева Пруссии во время обеда использовала все уловки и всю свою любезность. Наполеон, чтобы сменить тему разговора, похвалил великолепную розу, украшавшую платье королевы. Она будто бы ответила ему: «Желает ли Ваше Величество получить эту розу в обмен на крепость Магдебург?..» Возможно, его согласие выглядело бы по-рыцарски, но император был человеком слишком *прагматичным,* чтобы дать себя увлечь красивыми речами. Утверждают, будто он ограничился тем, что похвалил красоту розы и той руки, которая ему предлагала эту розу, но не взял цветок, что вызвало слезы в прекрасных глазах прусской королевы! Но победитель сделал вид, что не заметил этого. Он оставил за собой Магдебург и вежливо проводил королеву до корабля, который должен был перевезти ее на другой берег.

Во время нашего пребывания в Тильзите Наполеон устроил смотр своей гвардии и своей армии в присутствии Александра, который был поражен воинственным видом и выправкой этих частей. В свою очередь, русский император устроил смотр нескольким красивым батальонам своей гвардии, но не осмелился показать свои войска выстроенными в боевой порядок, настолько их численность уменьшилась после сражений при Гейльсберге и Фридланде. Что до прусского короля, у которого в наличии были лишь малые остатки его полков, он не вывел их на смотр.

Наполеон заключил с Россией и Пруссией мирный договор, одним из основных пунктов которого было создание королевства Вестфалия в пользу Жерома Бонапарта. Правитель Саксонии, ставший союзником и другом Франции, возводился в королевское достоинство и получил, помимо прочего, Великое герцогство Варшавское, в состав которого входила обширная провинция прежней Польши, отбиравшаяся у пруссаков. Я обойду молчанием менее важные статьи мирного договора, результатом которого было восстановление мира между великими державами континентальной Европы.

Возводя своего брата Жерома на вестфальский трон, Наполеон добавлял еще одну ошибку к тем, которые он уже совершил, отдавая Неаполитанское королевство Жозефу, а Голландское королевство — Луи. Население этих земель почувствовало себя униженным оттого, что его заставляли подчиняться иностранцам, которые не только не сделали ничего великого сами, а наоборот, были достаточно ничтожными и имели лишь одно достоинство — то, что они являлись братьями Наполеона. Ненависть и презрение, которые навлекли на себя эти новые короли, во многом способствовали падению Наполеона. Деяния короля Вестфалии создали Наполеону самое большое

количество врагов.

После заключения мира оба императора расстались, обменявшись заверениями во взаимной привязанности, которая в то время казалась искренней.

Глава XXXVII

Миссия в Дрездене. — Невольная контрабанда. — Происшествие в Майнце. — Пребывание в Париже и в замке Ла Уссэ

Французская армия была распределена по различным провинциям Германии и Польши под командованием пяти маршалов. Маршал Ланн попросил, чтобы его не включали в это число, потому что заботы о собственном здоровье звали его во Францию. Так что, если бы даже я был его постоянным адъютантом, мне пришлось бы вернуться в Париж. С тем большим основанием я должен был покинуть армию, чтобы присоединиться к маршалу Ожеро, к штабу которого я по-прежнему принадлежал на постоянной основе, тогда как моя служба при маршале Ланне была лишь временной. Таким образом, я готовился к возвращению в Париж. Худо-бедно, мне удалось продать двух моих лошадей. Я отправил Лизетту к начальнику интендантской службы, г-ну де Лоне, который полюбил ее и попросил меня передать Лизетту к нему на постой, когда она больше не будет мне нужна. Я предоставил ему лошадь на *неограниченный срок.* Ранение и усталость сделали Лизетту более спокойной. На ней ездила жена г-на де Лоне, и лошадь прожила у них семь или восемь лет, пока не умерла от старости.

В течение тех двадцати дней, которые император только что провел в Тильзите, он разослал многих офицеров с поручениями в Париж и в различные точки Франции, поэтому число лиц для курьерской службы почти полностью исчерпалось. Не желая брать офицеров из полков, Наполеон приказал составить список всех, кто добровольно участвовал в кампании и не принадлежал ни к какому-либо из армейских корпусов, ни к штабу пяти маршалов, которые должны были ими командовать. Я оказался в этом списке и был заранее уверен, что император, которому я уже привозил депеши, выберет меня, предпочтя мою кандидатуру другим, неизвестным ему офицерам. И действительно, 9 июля император приказал позвать меня и, передавая мне объемистый портфель с документами, а также депеши, адресованные королю Саксонии, приказал мне отправиться в Дрезден и ждать его там. Император должен был покинуть Тильзит в тот же день, но собирался сделать большой крюк, чтобы посетить Кенигсберг, Мариенвердер и Силезию, поэтому я опережал его на несколько дней. Я снова пересек Пруссию, увидел множество полей наших сражений, доехал до Берлина и прибыл в Дрезден на два дня раньше, чем император. Саксонский двор уже знал, что мир заключен, что

правитель Саксонии возведен в королевское достоинство и что Саксония получила Великое герцогство Варшавское. Но здесь еще не было известно, что император должен проехать через Дрезден по пути в Париж, и именно я привез весть об этом новому королю.

Вы можете представить себе, какое это произвело впечатление! В одно мгновение весь двор, город и армия в волнении бросились готовить пышный прием великому императору, который столь великодушно вернул свободу саксонским войскам, захваченным при Иене, а теперь осыпал милостями их государя!.. Меня прекрасно приняли, поселили в замке, в очень милой квартире, где прекрасно обслуживали. Адъютанты короля показали мне все достопримечательности дворца и города. Наконец прибыл император, и, в соответствии с уже известным мне обычаем, я поспешил передать портфели с документами г-ну де Меневалю и спросил, каковы будут новые указания императора. Его приказы соответствовали моим желаниям, потому что мне было поручено отвезти новые портфели с документами в Париж. Император доверил мне письмо, которое я должен был лично вручить императрице Жозефине. Обер-гофмаршал Дюрок выдал мне 8 тысяч франков на почтовые расходы от Тильзита до Дрездена и от Дрездена до Парижа. Я весело пустился в путь. Только что я принял участие в трех прекрасных военных кампаниях, во время которых был произведен в капитаны и меня заметил император.

Теперь мы все будем пользоваться радостями мирной жизни, что позволит мне надолго остаться вместе с моей матерью. Я поправил свое здоровье, у меня никогда раньше не было столько денег. Все радовало меня, и я был очень доволен жизнью.

Так я прибыл во Франкфурт-на-Майне. Комендантом там был полковник Императорской гвардии по фамилии де Л***. Император дал мне письмо к этому офицеру, в котором, как мне кажется, он спрашивал у него сведения особого характера, поскольку г-н де Л*** был связан с г-ном Савари, имевшим отношение к тайной полиции. Этот полковник пригласил меня позавтракать с ним и захотел проводить меня до коляски. Садясь в коляску, я заметил довольно большой пакет, который не имел отношения к моим депешам. Я хотел позвать моего слугу, чтобы получить объяснение по этому поводу, но полковник де Л*** помешал мне сделать это, тихо сказав, что в этом пакете находится платье из *берлинского трикотажа* и другие ткани, которые запрещены к продаже во Франции и которые предназначаются для *императрицы Жозефины.* Он добавил, она будет мне бесконечно благодарна за то, что я их ей привезу!.. Я слишком хорошо помнил о неприятном волнении, которое когда-

то испытал, по слабости представив императору чересчур снисходительный отчет, касающийся конных егерей его гвардии, присутствовавших в битве при Аустерлице, чтобы согласиться на участие в какой-то темной истории, поэтому я категорически отказался. Вне всякого сомнения, мне бы хотелось угодить императрице, но я знал, как непоколебимо строг Наполеон по отношению к людям, занимающимся контрабандой. Претерпев столько опасностей и пролив много крови в боях, я не хотел потерять те преимущества, которые эти заслуги давали мне в глазах императора, нарушив закон ради благодарной улыбки императрицы. Чтобы сломить мое сопротивление, полковник де Л*** заметил, что пакет был в нескольких упаковках, на внешней из них написан адрес военного министерства и стоит печать 7-го легкого полка, а также есть надпись: «Бухгалтерские документы». Он делал из этого вывод, что таможенники не осмелятся вскрыть этот пакет, а по приезде в Париж я сниму с него наружную упаковку и отнесу ткани императрице. Таким образом, я не буду никак скомпрометирован. Но, несмотря на все его прекрасные рассуждения, я категорически отказался взять на себя это поручение и приказал вознице двигаться.

Прибыв на заставу, расположенную на полдороге от Франкфурта до Майнца, я счел своим долгом отругать моего слугу за то, что он принял пакет и положил его в мою коляску. Он ответил мне, что во время завтрака г-н де Л*** *сам* положил *эти пакеты* в коляску, поэтому он, слуга, решил, что то были дополнительные депеши, и не счел возможным отказаться взять их из рук коменданта крепости. «Как? Что значит *эти пакеты?* Их что, было несколько? — воскликнул я. — А он взял обратно только один!..»

И действительно, разбирая папки императора, я заметил второй сверток, содержавший контрабанду, который полковник оставил в моем багаже без моего ведома… Я был обескуражен этим жульничеством и раздумывал, не выбросить ли мне эти платья на большой дороге. Однако я не осмелился сделать это и продолжал мой путь, твердо решив, что, если контрабанда будет обнаружена, я расскажу, каким образом она оказалась в моей коляске и кто поставил штамп 7-го полка на конверт: ведь я хотел спасти себя от гнева императора. Однако, поскольку подобный способ Защиты скомпрометировал бы императрицу, я думал, что им следует воспользоваться только при крайней необходимости и сделать все от меня зависящее, чтобы мою коляску не обыскивали. Удачный случай и небольшой обман вызволили меня из этого трудного положения, и вот каким образом.

Сильно озабоченный, я прибыл к мосту через Рейн, который

отделяет здесь Германию от Майнца. Мое беспокойство возросло при виде большой группы таможенных чиновников, офицеров и солдат в парадной форме, которые ждали на этом посту. Когда постовой, в соответствии с правилами, остановил мою коляску, два человека одновременно подошли к двум ее дверцам: с одной стороны таможенник, чтобы осмотреть багаж, а с другой стороны — адъютант маршала Келлермана, коменданта Майнца, чтобы узнать, скоро ли прибудет император. Отлично, сказал я себе, и, делая вид, что не замечаю испытующего взгляда таможенника, ответил адъютанту: «Император следует за мной!..» Я совсем не лгал, он действительно следовал за мной, но на расстоянии двух дней пути… А это я счел нужным не добавлять!..

Все присутствовавшие услышали мои слова и очень взволновались. Адъютант вскочил на лошадь, галопом промчался по мосту, рискуя упасть в Рейн, и бросился предупреждать маршала Келлермана. Стража взялась за оружие. Таможенники и их начальники постарались выстроиться так, чтобы как можно больше походить на военных и достойно выглядеть в глазах императора. Поскольку моя коляска им мешала, они приказали вознице проезжать, и я вырвался из когтей таможенников!.. Я прибыл на почтовую заставу и велел побыстрее сменить лошадей. Но пока их меняли, над Майнцем разразилась ужасная гроза, дождь лил как из ведра!.. Было 5 часов вечера. Это время обеда, но, узнав новость о скором прибытии императора, во всем городе протрубили общий сбор. По этому сигналу маршал, генералы, префект, мэр, гражданские и военные власти — все они отбросили салфетки и поспешили надеть свои лучшие костюмы и отправиться на свой пост, под проливным дождем перепрыгивая через ручьи, выходившие из берегов на всех улицах. В это время я, послуживший причиной всей этой огромной *суматохи,* хохотал как безумный, уносясь галопом на трех добрых почтовых лошадях!

Но почему же императрица, ослушавшись своего августейшего супруга, хотела носить платья из тканей, запрещенных во Франции? Почему полковник тайком совал контрабанду в мою коляску? Хитрость, которой я воспользовался, показалась мне извинительной. К тому же стоял июнь, так что купанье, которому из-за меня подверглись все чиновники Майнца, принесло вред только их одежде! Я находился уже более чем в 2 лье от Майнца и все еще слышал барабанный бой. Впоследствии я узнал, что власти всю ночь оставались на ногах, а император прибыл только через два дня!.. Но поскольку с его коляской произошел несчастный случай, жители Майнца могли объяснить этим опоздание, из-за которого пострадали их парадные одежды.

Я быстро и весело двигался по направлению к Парижу, когда мой путь был прерван весьма неприятным происшествием, из-за которого мое хорошее настроение сменилось огорчением. Вы знаете, что если какой-либо государь путешествует, то невозможно найти упряжных лошадей для многочисленных экипажей, которые движутся впереди него или сзади, если не усилить почтовые заставы дополнительными лошадьми, называющимися *служебными.* Их привозят со станций и застав, расположенных на других дорогах. Так вот, когда я выезжал из Домбалля, небольшого городка, расположенного перед Верденом, проклятый кучер служебных лошадей, прибывший предыдущей ночью, не заметил крутого спуска на выезде с заставы. Он не сумел удержать своих лошадей, когда они оказались на этом спуске, перевернул мою коляску, и у нее были сломаны рессоры и разбит кузов!.. В довершение несчастья дело было в воскресенье, и весь народ отправился на праздник в соседнюю деревню, поэтому я не смог найти ни одного человека для ремонта коляски. Те люди, которых мне дали на следующий день, оказались очень неумелыми, так что мне пришлось провести два смертельно скучных дня в этом убогом месте. Наконец, я стал снова готовиться в путь, как вдруг курьер объявил о прибытии императора, и я позволил себе остановить его экипаж, чтобы сообщить ему о несчастном случае, произошедшем со мной. Он посмеялся над этим, взял письмо, которое передал мне для императрицы, и поехал дальше. Я следовал за ним до Сен-Клу, а оттуда, отдав портфель с документами в руки секретаря кабинета, направился в Париж к моей матери.

Я снова поступил на службу в качестве адъютанта маршала Ожеро, эта служба была очень приятной, поскольку состояла в том, что я проводил каждый месяц одну или две недели в замке Ла Уссэ, где каждый день жизнь была очень веселой. Так прошел конец лета и осень. В течение этого времени политика императора готовила новые события и новые угрозы, вызвавшие ужасные потрясения, чуть не поглотившие меня. Меня, очень маленького человека, который в своей беззаботной юности думал лишь о том, чтобы радоваться жизни после недавнего столь близкого знакомства со смертью!..

Справедливо говорят, что Наполеон никогда не был столь велик и могуществен, как в 1807 году, когда, победив австрийцев, пруссаков и русских, он только что заключил столь славный для Франции и для него самого мир. Но едва Наполеон закончил войну с великими северными державами, как злой гений вовлек его в еще более ужасную войну на юге Европы — на Иберийском полуострове.

Том второй

ТОМ
ВТОРОЙ

Глава I

Португалия. — Поход Жюно на Лиссабон. — Королевская семья Испании. Могущество Годоя. — Интриги Наполеона

Чтобы лучше понять то, что я собираюсь рассказать, необходимо хотя бы вкратце напомнить, каким оказалось положение Португалии и Испании после заключения Тильзитского мира. В 1807 году португальскую корону носила вдова короля Педро III донна Мария. Принцесса была безумна, и регентом был назначен ее сын. Он правил вместо нее и царствовал под именем Жуана VI. Португалия — страна в основном горная, в ней мало больших дорог. Бесплодные скалы, населенные полудикими пастухами, отделяют ее от Испании. Только с другой, южной стороны гор, на морском побережье, в долинах рек Тахо (по-португальски называемой Тежу), Мондегу, Дуэро (Дору) и Миньо есть плодородные земли и цивилизованное население. На этих богатых землях не было ни одной фабрики, и англичане принялись развивать здесь свою торговлю и промышленность. Они сделали из этой земли своего рода колонию. Но, используя местные богатства, англичане не обременяли себя управлением: *фактически* страна принадлежала им.

Наполеон давно уже выжидал случая прогнать отсюда англичан и разрушить их торговлю. После Тильзита он счел, что время настало.

Чтобы завершить Континентальную блокаду, он приказал Португалии закрыть для англичан все порты. Исполнить этот приказ было непросто, поскольку португальцы жили только торговлей с англичанами, обменивая сырье на промышленные товары. Читая далее мои *Мемуары,* вы поймете, что я далеко не во всем одобряю политику Наполеона, однако я понимаю политические резоны, направленные на то, чтобы вынудить Англию присоединиться к всеобщему миру.

В сентябре 1807 года император собирает в Байонне 25-тысячную армию. Задача, которая ставилась перед ней, — захват Португалии. Но при этом он совершает две серьезные ошибки: первая из них — он формирует экспедиционный корпус из новых полков; вторая — назначает командующим этой армией генерала Жюно.

Наполеону часто случалось ошибаться в выборе людей. Он руководствовался скорее чувствами, чем целесообразностью. Армия видела в Жюно скорее очень храброго воина, чем

настоящего предводителя. Увидев его впервые, я был поражен и обеспокоен растерянным выражением его глаз. Его конец подтвердил мои опасения. Известно, как началась его карьера. В траншее под Тулоном простой фурьер батальона волонтеров департамента Кот-д'Ор удачным словом завоевал дружбу артиллерийского капитана Бонапарта. Он последовал за будущим императором в Египет, был командиром гарнизона в Париже, стал его послом в Лиссабоне. Веселый нрав, безусловная доблесть, репутация храбреца, даже его расточительность снискали ему и симпатию высокопоставленных лиц, и популярность у народа. В конце концов, успехи Жюно в Португалии сыграли решающую роль. Император назначил его командующим армией. Это могло иметь некоторые положительные стороны, если бы не непредсказуемость характера этого человека.

Испания считалась нашей союзницей и должна была поставлять продовольствие и обеспечивать пребывание наших войск на ее территории. В обязанности командующего входило проследить за исполнением этих условий. Но Жюно, ни о чем не позаботившись, 17 октября ввел свою армию в Испанию и повел свои колонны по маршрутам, совершенно не подготовленным к движению войск, которым в результате пришлось ночевать под открытым небом и довольствоваться только половинным рационом.

Был конец осени. Армия двигалась по отрогам Пиренеев, климат здесь очень суров. Вскоре вся дорога была усеяна несчастными больными или отставшими и изнемогшими от усталости и голода солдатами. Испанцы со всех сторон стекались, чтобы посмотреть на победителей Маренго, Аустерлица и Фридланда, оказавшихся в столь ужасном положении! Они увидели хилых, с трудом выдерживающих вес своих ранцев и оружия новобранцев, чей поход больше походил на эвакуацию госпиталя, чем на движение победоносной армии. На испанцев эта грустная картина произвела плохое впечатление, на следующий год обернувшееся катастрофой.

Наполеон презирал жителей Пиренейского полуострова. Он считал, что достаточно показать им французскую армию, чтобы привести их к повиновению. Это убеждение обернулось роковой ошибкой! Не зная о всех трудностях, которые встретила армия Жюно на марше, император слал приказ за приказом: продвигаться быстрее.

Жюно старался исполнить распоряжения императора. Вскоре его армия новобранцев, в сущности еще детей, растянулась по всей дороге от Байонны до Саламанки. К счастью, испанцы в этот

момент еще не вступили в войну с Францией. Тем не менее, видимо, для того, чтобы набить руку на будущее, они все же убили с полсотни наших солдат.

Прибыв в Сьюдад-Родриго, один из последних испанских городов на пути нашей армии, Жюно все-таки на несколько дней остановил головную колонну. Более 15 тысяч солдат оставались позади. Как только приблизительно треть армии собралась возле него, он тотчас же начал переход через горы Пенья-Парда, отделяющие Сьюдад-Родриго от долины Тахо. Это движение было предпринято несмотря на то, что у солдат оставался только полуторадневный запас хлеба… Я сам прошел через эти дикие горы и видел, что они населены народом бедным и варварским.

Несмотря на все трудности, ценой огромной усталости, без хорошего ночлега и достаточного продовольствия солдаты все-таки преодолели этот путь. Для пропитания им пришлось реквизировать стада у местных жителей, которые позже мстили французам, убив около сотни отставших солдат. Наконец, армия вошла в Португалию через город Каштелу-Бранку. С большими усилиями, страдая от непогоды, 5–6 тысяч смертельно усталых и почти босых солдат дошли до города Абрантиш. Здесь начиналась благодатная долина Тахо (Тежу). Больные и отставшие еще тянулись по горам, но, прослышав о благоденствии, которое ждет их в Абрантише, поспешили туда. Постепенно армия собралась вместе.

Более предусмотрительный генерал дал бы ей время набраться сил, но Жюно под предлогом императорского приказа перехватывать все английские товары в Лиссабоне собрал 4 тысячи более-менее отдохнувших солдат и двинулся на столицу королевства. Его генералы получили приказ собрать оставшуюся армию и присоединиться к нему по первой возможности. Эта дерзкая вылазка могла привести к потере всей армии, так как в Лиссабоне был гарнизон в 12 или 15 тысяч солдат, а в устье Тахо стоял английский флот. Этого было вполне достаточно, чтобы разбить 4 тысячи французов, вовлеченных в авантюрное предприятие Жюно. Но магия побед нашей армии была столь велика, что португальское правительство пошло на уступки и, подчинившись всем требованиям императора, поспешило объявить войну англичанам, надеясь этим остановить продвижение войск Жюно. Но авангард французского генерала продолжил свой марш, что ввергло португальскую столицу в состояние сильнейшего замешательства. Не зная сначала, к кому примкнуть, принц-регент решил перевести правительство в Бразилию. Безумная королева, регент, королевская семья, знать и прислуга — в общей сложности 9 или 10 тысяч человек стали

грузиться на многочисленные суда, прихватив с собой огромные богатства. 28 ноября паруса были подняты. Флот взял курс на побережье Бразилии.

В тот же день Жюно напал на Сантарен. Но, переходя через равнину, на две ступни покрытую водой, очень многие солдаты заболели лихорадкой, так что на другой день только полторы тысячи человек готовы были следовать дальше.

Несмотря на это, Жюно вступает в Лиссабон. Надо отдать ему должное: собрав наконец свои войска, он постарался снабдить их всем необходимым. В декабре в армии было уже 23 тысячи солдат в довольно хорошем состоянии. Португальская армия была распущена. Все солдаты, пожелавшие остаться в семье, разошлись по домам. Из остальных Жюно сформировал дивизию и отправил ее во Францию. Ее судьба известна. Она служила довольно хорошо и участвовала в Русской кампании[55].

Оставим на время Жюно и посмотрим, что собой представлял после Тильзита мадридский двор.

В Испании царствовал тогда король Карл IV — правитель ничтожный, не любящий заниматься делами, но страстный любитель охоты. Заботу об управлении страной он предоставил королеве. Королева Мария-Шарлотта, урожденная принцесса Пармская, кузина короля, женщина энергичная и любящая власть, полностью подчинила себе супруга.

В 1788 году в рядах роты телохранителей испанского короля появился некий очень бедный дворянин по имени Мануэль Годой. Он хорошо играл на гитаре, и королева однажды захотела его послушать. Невысоко роста, хорошо сложенный, с приятным лицом, он был остроумен, честолюбив и дерзок. Он понравился королеве и вскоре стал ее фаворитом. Это событие стало одной из основных причин дальнейших несчастий Испании, а затем и Франции.

Придворные интриганы надеялись, что этот молодой человек не долго продержится в фаворитах. Но тот, следуя примеру знаменитого Потемкина — простого гвардейца, ставшего любовником и премьер-министром Екатерины II, — сумел настолько войти в доверие королевы, что та, действуя через своего мужа, назначила его сначала командиром королевской гвардии, потом членом государственного совета, генералом и, наконец, премьер-министром!

Когда французская революция вызвала войну между Францией и Испанией, наши войска захватили за Пиренеями несколько испанских провинций. В 1795 году Годой добился от Франции заключения достойного для его страны договора, по которому ей возвращались французские завоевания в Испании.

Страна была ему благодарна. Король щедро наградил его и присвоил титул *князя Мира*. В довершение всего королева женила его на принцессе королевской крови!

С этого момента могущество Годоя больше не знало границ, и новоявленный князь Мира спокойно распоряжался во владениях испанских монархов.

В год сражения при Йене Годой неосторожно опубликовал манифест, который можно было счесть угрозой в адрес Наполеона. Французский император потребовал объяснений и приказал послать в Германию 25-тысячную испанскую дивизию под командованием генерала маркиза де Ла-Романы. Кроме того, провинившийся Годой должен был снарядить еще один такой же корпус для поддержки Жюно в Португалии. Правда, по секретному соглашению в Фонтенбло император обещал ему в награду титул князя Альгарвского и отдавал королеве Этрурии, дочери Карла IV, провинцию Бейра.

С этого момента пренебрежение, с которым Годой всегда относился к принцу Астурии Фердинанду, безмерно возросло. Фердинанду было двадцать три года. Он был вдов и не имел детей. Серьезный от природы, он был одинок. Но испанский народ, в основном враждебно настроенный к князю Мира, по-своему любил Фердинанда. Может быть, выказывая такие чувства, люди выражали свой протест против того отчуждения, в кругу которого находился при дворе этот человек. Во всяком случае, обратив к нему все свои надежды, испанцы нетерпеливо ждали его вступления на трон как конца всех своих несчастий.

Ускорило ход событий одно непредвиденное обстоятельство. К концу 1807 года, в то время как Жюно вел французские войска на Лиссабон, испанский король тяжело заболел. Принц Астурийский давно подозревал королеву в том, что она хочет удалить его от трона. Он посоветовался с троими людьми, на которых он мог положиться, и по совету герцогов Инфантадо, Сан-Карлоса и своего бывшего наставника каноника Эскоикиса обратился к Наполеону с просьбой руки принцессы из семьи Бонапарт. Письмо было передано нашему послу в Мадриде графу де Богарнэ. Письмо было тайным, но черновик письма был коварно похищен и передан королеве, которая нашла средства, чтобы заставить своего супруга Карла IV действовать предельно быстро и жестоко.

Фердинанда арестовали, отобрали шпагу и обвинили в покушении на жизнь короля! Его советников схватили и судили как соучастников. Следует признать, что, если у Фердинанда и были недостатки, необходимость защищать свои права на корону, а может быть, и на жизнь в значительной степени извиняет

многие из них.

Эти события были достаточно серьезны, и король Испании поставил в известность государей, в первую очередь своего могущественного соседа — императора французов. Уже поминалось о том, и, к сожалению, справедливо, что амбиции Наполеона погубили его. Но не всегда эти амбиции шли вразрез с интересами Франции. Еще при жизни он хотел сделать страну великой и могущественной, чтобы и после него государство, созданное им, оставалось неприступным для врагов. Для этого прежде всего надо было лишить могущества Англию, а также оставить в Центральной и Южной Европе только те государства, чьи интересы совпадали бы с интересами Франции, которая служила бы им опорой. Этот гигантский проект требовал медленной и методичной работы в течение по крайней мере двух царствований двух таких великих государей, каким был сам Наполеон. Понимая, что этот труд предстоит сделать ему одному, он был вынужден спешить. Первые успехи ослепили императора.

Он считал, что в Испании он встретит не больше сопротивления, чем в Голландии, Вестфалии или Неаполе, куда он поставил править своих братьев, и уж никак не больше, чем в только что завоеванной Португалии.

Узнав о событиях, разыгрывающихся в стенах Эскориала, император счел, что настал удобный момент, которым надо воспользоваться. Он надеялся, что испанский народ, уставший от придворных безобразий, бросится в его объятия. Но он не знал эту нацию, которая была способна довести свою ненависть к иностранцам до исступления. Даже допуская, что многие просвещенные испанцы обращали свои взоры к Франции в надежде возродить свою страну, надо признать, что своей политикой он напрочь разрушил все их иллюзии.

Под предлогом защиты Пиренейского побережья от возможных английских высадок, император, вместо того чтобы вернуть в Испанию армию маркиза де Ла-Романы, которую ему предоставили для войны на севере и в которой после Тильзита он больше не нуждался, ввел в Испанию 25-тысячный корпус под командованием генерала Дюпона, за которым вскоре с 34-тысячной армией последовал маршал Монсей. Прибытие этих значительных иностранных войск было воспринято как ответ на призыв о помощи принцу Астурийскому. Именно в этот момент у Наполеона появилась счастливая возможность привлечь к себе симпатии испанского народа, выдав замуж за Фердинанда дочь своего брата Люсьена, чтобы этот союз укрепил связи между двумя государствами. К сожалению, император не счел этот путь достаточно эффективным.

Арест Фердинанда и суд над ним вызвали большое возмущение во всем королевстве. Испанцы настолько ополчились на королеву и Годоя, что тот решил сыграть роль миротворца между королем и его сыном. Этот жест никого обмануть на смог.

Стали приходить еще более беспокойные вести. Один агент по имени Искьердо, которого князь Мира держал в Париже, из молчания императора и непрекращающихся отправок войск на полуостров сделал вывод, что настоящим намерением Наполеона было не примирить Карла IV и его сына, а воспользоваться их распрями, прогнать и того и другого с трона и посадить на него кого-либо из своей семьи. Приведенные агентом аргументы поразили испанскую королеву до того, что она решила последовать примеру португальской королевской семьи и переехать в Америку.

К большому несчастью для Франции, этому переезду случиться было не суждено, поскольку, может быть, только тогда испанский народ, покинутый своими правителями, принял бы, за неимением лучшего, нового короля из рук Наполеона или, по крайней мере, не оказал бы его армии такого ожесточенного сопротивления. Но король отклонил план побега, и сам стал просить у Наполеона руки принцессы из его семьи, о чем и написал непосредственно императору. Однако Наполеон, желая выиграть время и потакаемый своим злым гением, продолжал посылать в Испанию все новые войска, надеясь, вероятно, напугать королевскую семью и вынудить ее оставить королевство ему.

В то время как Испанию потрясали эти события, я вел тихую жизнь возле своей матушки в Париже, где провел часть зимы, посещая многочисленные праздники. Самым красивым был праздник, устроенный городом по случаю возвращения из похода Императорской гвардии. Так закончился для меня 1807 год, в котором я столько раз подвергал опасностям свою жизнь и испытал столько несчастий. Но я не подозревал, что и в следующем году мне придется опять близко увидеть смерть!

Вернемся же к делам на Пиренейском полуострове, которые оказались напрямую связанными с тем, что произошло со мной в 1808-м и последующих за ним годах.

Глава II

1808 год. Я назначен адъютантом Мюрата. — Новые интриги Наполеона. — Мятеж в Аранхуэсе. — Отречение Карла IV. — Я спасаю Годоя. — Вступление Фердинанда VII в Мадрид и отъезд в Байонну

В январе Наполеон очень уклончиво, но все-таки ответил королю Испании. Не отказывая прямо принцу Астурийскому в руке одной из своих племянниц, он решил отложить этот брак. Ответ еще больше увеличил опасения мадридского двора, так как теперь там узнали о прибытии на полуостров новых французских войск, направляющихся в Каталонию и Арагон. Теперь в Испании собралась армия, насчитывающая 125 тысяч солдат.

Наконец-то император приоткрыл завесу, скрывавшую его планы. Под предлогом, что надо послать войска к французскому флоту, стоящему в Кадисе, в феврале он двинул крупный армейский корпус на Мадрид, через который проходила дорога, ведущая из Байонны в Кадис. При этом главнокомандующим всех французских войск, находившихся в Испании, был назначен маршал Мюрат.

Я провел более шести месяцев в Париже, и, хотя маршал Ожеро, у которого я служил адъютантом, не мог предсказать начало новой войны, которая в скором времени обещала разразиться на Пиренейском полуострове, он посчитал необходимым, чтобы я присоединился к той многочисленной армии, которая в это время собиралась за перевалами Пиренейского хребта. Вынужденный сам задержаться во Франции из-за своего ранения, он отвел-таки меня к принцу Мюрату и попросил его временно взять меня в свой штаб.

Я уже говорил, что мой отец был земляком Мюрата и в свое время оказал ему немало услуг. Мюрат был ему за это благодарен и любезно согласился взять меня к себе до того времени, пока маршал Ожеро не получит новое назначение. Я был удовлетворен таким решением. Несмотря на некоторые неудобства, связанные с положением штабного офицера, я намеревался проявить усердие, рассчитывал завоевать расположение императора. Мне хотелось вновь увидеть Испанию и быть свидетелем больших событий, которые там готовились. Надо было пойти на значительные траты, чтобы достойным образом появиться при штабе Мюрата, в то время самом блестящем в армии. Я справился с этой задачей, истратив то, что у меня еще оставалось от значительной суммы, которую я получил за службу во время Фридландской кампании и

после нее. Я купил трех хороших лошадей, мой слуга Вуарлан ждал меня с ними в Байонне, куда я и отправился, обновив свой гардероб.

Так я в третий раз оказался в Байонне. Принц Мюрат и его адъютанты встретили меня очень хорошо. Я быстро наладил со всеми прекрасные отношения, хотя и не уступал настойчивым приглашениям принять участие в игре. Эти господа целыми днями не выпускали из рук карт или костей, с большим равнодушием выигрывая или проигрывая тысячи франков. Я никогда не любил игру, да и понимал, что должен сохранить то, что у меня было, чтобы в случае необходимости обновить экипировку, к тому же понятие чести не позволяло влезать в долг, который я не мог бы, возможно, заплатить.

Мюрат вошел в Испанию 10 марта 1808 года, когда часть войск, которыми он должен был командовать, уже находилась в Кастилии. За пять дней мы добрались до Бургоса, где расположился штаб. Затем Мюрат, следуя за колоннами своих войск, отправился сначала в Вальядолид, затем в Сеговию. Испанцы, одобряя приход французов, которые, по их мнению, должны были защитить интересы принца Астурийского, приняли наших солдат очень хорошо, хотя, как и при виде войск Жюно, их крайняя молодость и хилость наших солдат вызывали у них удивление. Наполеон же с непонятным упорством отправлял на Пиренейский полуостров только вновь сформированные полки.

В Испании мы заняли города, не имевшие крепостных стен, а из укрепленных только два — Барселону и Памплону. Так как цитадели и форты оставались в руках испанцев, император предписал генералам занять и их. Для этого прибегли к совершенно недостойной хитрости. Испанские генералы получили от своего правительства приказ не оставлять крепости и форты, но в то же время дружески принимать французские войска и делать все для их достойного размещения. Командиры наших корпусов попросили принять больных и устроить склады в цитаделях, на что и получили разрешение. Тогда гренадеры переоделись в больных. Оружие было спрятано в мешки, принесенные ими якобы для получения хлеба на складах. Так они проникли в крепость и разоружили испанцев. Генерал Дюэм, у которого было не более 5 тысяч человек, захватил хорошо укрепленную Барселону и форт Мон-Жуи. Та же участь постигла Памплону, равно как и все другие укрепленные пункты в Каталонии.

Такое поведение вызвало всеобщее негодование испанцев и очень напугало королеву и Годоя, находившихся в Аранхуэсе. Поняв намерение Наполеона, они решили сначала отправиться в

Андалузию, а затем, если положение ухудшится, уехать сначала в Кадис, а потом в Америку. Однако Фердинанд, которого наш посол граф Богарнэ укреплял в надежде получить руку племянницы Наполеона, продолжал видеть в нас только освободителей. Поддерживаемый членами королевской семьи, грандами, многими министрами и особенно Советом Вест-Индии, Фердинанд отказался следовать за королевой и Годоем в Америку. Те же отдали приказ начать подготовку к отъезду под предлогом необходимого визита в порт Кадиса и посещения войск в лагере Сан-Роке, находящегося неподалеку от Гибралтара. Увидев, что на королевские подводы грузят ящики с казной и самые драгоценные предметы из серебра и дорогую мебель, дворяне, народ и гарнизон Аранхуэса поняли, что происходит. Возмущение было всеобщим. Его волна докатилась до Мадрида.

Несмотря ни на что, король уже собирался уезжать, когда утром 16 марта разразилось народное восстание, которое поддержали войска, особенно гвардейцы из личной королевской охраны, ненавидевшие Годоя и преданные принцу Астурийскому. Они и помешали отъезду королевской семьи. Тогда Карл IV заявил, что он остается. Выпущенное по этому случаю королевское воззвание, казалось, успокоило толпу, но ночью гарнизон и часть жителей Мадрида, пришедших в Аранхуэс, до которого от столицы было только 8 лье, опять стали волноваться. Толпа росла, сбегались крестьяне из соседних деревень, все вместе они двинулись к дворцу с криками: «Да здравствует король! Смерть Годою!» Затем народная толпа направилась к особняку князя Мира, смела преграды, ворвалась внутрь и дошла до покоев его супруги, принцессы королевской крови. К ней отнеслись почтительно, препроводив ее в королевский дворец. Гусары, из которых состояла недавно приставленная к князю Мира гвардия, пытались защитить его дом, желая помочь ему бежать. Но королевские телохранители напали на них и, разогнав ударами сабель, позволили толпе, требующей смерти Годоя, прорваться в помещения и искать там ненавистного фаворита.

Министры, стараясь спасти ему жизнь, но в то же время удовлетворить требования народа, заставили короля подписать декрет, по которому князь Мира лишался всех своих титулов, званий и знаков отличия. Эта новость вызвала в толпе ликование, к которому имел неосторожность присоединиться и Фердинанд.

Напрасно искали Годоя по всевозможным закоулкам дворца, хотя он оттуда и не выходил. Как только начались волнения, он поднялся на чердак, на котором лежало много свернутых рогож. Завернувшись в одну из них, он лежал посреди других таких же свертков. На чердак входили неоднократно, но князя Мира там

так и не нашли. Двое суток провел он в своем убежище, затем голод и жажда заставили его покинуть убежище и спуститься вниз. Пытаясь выйти на улицу, он был задержан часовым, который безжалостно выдал его толпе. Та набросилась на него и принялась наносить побои.

В результате у несчастного было проколото бедро кухонным вертелом, почти вытек глаз, разбита голова. Его уже собирались убить, когда появился отряд гвардейцев под командованием одного уважаемого офицера. В отряде нашлись люди не такие кровожадные, как их товарищи. Они вырвали князя Мира у его палачей и с трудом доставили в казарму, где бросили его в кучу навоза на конюшне!.. Примечательно, что в 1788 году, двадцать лет назад, именно в этой казарме Аранхуэса Мануэль Годой проживал в качестве простого гвардейца.

Король и королева, узнав об аресте фаворита и испугавшись за его жизнь, стали взывать к великодушию принца Астурийского и умолять его использовать свое влияние, чтобы вырвать Годоя из рук восставших. Фердинанд прибыл в казарму в тот момент, когда толпа уже взламывала дверь, чтобы добраться до арестованного. Услышав голос принца Астурийского, люди, которым он обещал отдать Годоя под суд, почтительно расступились. Годой уже готовился мужественно принять смерть, когда в конюшню, где он лежал весь в крови, вошел наследник трона… При виде своего личного врага Годой собрал все оставшиеся силы, и, когда Фердинанд с подлинным или наигранным великодушием сказал: «Я пришел помиловать тебя!..», Годой с кастильской гордостью, особенно ценимой в его печальном положении, ответил: «Только король имеет право миловать, а ты еще не король!» Говорят, что Фердинанд ответил: «Но скоро буду», но этот факт не доказан. Как бы то ни было, через полчаса корона действительно была возложена на голову принца Астурийского.

Фердинанд вернулся во дворец под приветственные возгласы народа и войск. Король и королева, слыша эти крики, дрожа за жизнь своего фаворита, а может, и за свою собственную, уступили нажиму и дурным советам своего перепуганного окружения. Думая, что лучший способ успокоить толпу — это вручить королевскую власть в руки сына, они подписали акт об отречении!

Как только акт был опубликован, безумная радость овладела жителями Аранхуэса, а затем Мадрида и всей Испании. Никто не думал о том, что приход французов может омрачить эту радость, настолько в своем ослеплении далека была для них мысль об истинных планах императора.

А в это время его войска уже спускались двумя колоннами с перевалов Сомосьерра и Гвадаррама: со стороны Буитраго и Эскориала. До Мадрида оставался один переход. Принц Мюрат уже на следующий день мог ввести в город 30 тысяч солдат, в этот момент еще шагающих по горным отрогам.

Принц Астурийский, которого я теперь буду называть Фердинандом VII, беспокоился о том, как воспримут Наполеон и Мюрат его приход к власти. Он поспешил послать знатных вельмож к императору, чтобы добиться его расположения и руки одной из его племянниц, а герцог дель Парке был отправлен к Мюрату, чтобы объяснить ему значение тех важных событий, которые произошли в Аранхуэсе. Отдав первые распоряжения, Фердинанд VII организовал свое правительство, не забыв о своих друзьях: герцоге Сан-Карлосе, герцоге Инфантадо и канонике Эскоикисе, всех троих он щедро наградил.

19 марта, в тот момент, когда штаб Мюрата переходил через перевал Гвадаррама, до нас дошли первые известия о волнениях в Аранхуэсе. 20 марта мы узнали об отречении Карла IV и приходе к власти Фердинанда VII. Мюрат ускорил движение. 21-го его штаб-квартира уже размещалась в городке Эль Молар, в нескольких лье от Мадрида.

В городе царил ужасный беспорядок, в безудержной радости население разграбило и сожгло имения князя Мира, его матери, семьи и друзей. Родственников и друзей Годоя убили бы, если бы не граф Богарнэ — он укрыл их в посольстве Франции, куда толпа не осмелилась войти.

Узнав о восстании в Аранхуэсе, принц Мюрат, обычно очень экспансивный, помрачнел, стал озабоченным и несколько дней не разговаривал с нами. Очевидно, что в неспокойной стране любой маршал на его месте посчитал бы положение своих войск совсем непростым. Личные амбиции Мюрата усложняли ситуацию еще больше. Видя, что три брата императора уже были коронованы, а четвертый, Люсьен, отказался занять трон, Мюрат мог предполагать, что Наполеон отдаст ему испанский трон, если королевская семья покинет страну и бежит в Америку. Поэтому он с большим огорчением узнал о приходе к власти Фердинанда, вокруг которого могли сплотиться обожавшие его испанцы. Основываясь на том, что у него не было приказа императора признать Фердинанда VII королем, Мюрат адресовал ему послания, называя его по-прежнему принцем Астурийским, а также советовал Карлу IV протестовать против отречения, сделанного под угрозой мятежа.

Старый король и королева пожалели о потере власти, они написали Наполеону, горько жалуясь на сына, поведение

которого они описывали как своего рода отцеубийство, в чем была некоторая доля правды. 23 марта Мюрат вошел в Мадрид во главе армейского корпуса маршала Монсея.

Новый король призвал население хорошо встретить войска его *друга* Наполеона. Его послушались, и в огромной толпе любопытных мы видели только приветливые лица, хотя легко было заметить большое удивление при виде наших молоденьких пехотинцев.

Сравнение было явно не в нашу пользу: я сравнивал широкие плечи и крепкие торсы окружавших нас испанцев с фигурами наших слабых и хилых новобранцев. Моя национальная гордость была уязвлена. Я не мог, конечно, предвидеть все несчастья, которые проистекут из плохого впечатления от наших солдат, но я искренне пожалел, что император не послал на полуостров свои старые корпуса Германской армии. Однако наша кавалерия, особенно кирасиры — у испанцев нет таких войск, — наконец-то вызвала восхищение. То же впечатление произвела и артиллерия. Восторженные крики раздались при появлении конных и пеших полков Императорской гвардии, завершающих прохождение войск. Появление в их рядах мамлюков очень удивило испанцев, они не могли понять, как *христиане* французы могли допустить присутствие в их рядах *турок,* так как после вторжения на полуостров мавров народ здесь мусульман не любил и опасался с ними сражаться. Четыре мамлюка обратили бы в бегство два десятка кастильцев. Очень скоро нам пришлось в этом убедиться.

Мюрат расположился в одном из дворцов князя Мира, единственном уцелевшем от разгрома, поскольку народ думал, что он принадлежит королевской семье. Я поселился поблизости от этого дворца, в доме уважаемого советника двора Вест-Индии. Едва я устроился, как принц Мюрат узнал, что враги Годоя везут его в мадридскую тюрьму, где, вероятнее всего, собираются его убить, и что несчастный уже у городских ворот. Тогда он приказал мне взять эскадрон драгун и *любой ценой* помешать, чтобы князя Мира доставили в столицу, сообщив начальникам сопровождающих его лиц, что он, Мюрат, делает их *ответственными* за жизнь узника.

Я догнал Годоя в 2 лье от пригорода Мадрида. Хотя несчастный был весь изранен, конвойные не проявили к нему ни малейшей жалости. На руки и ноги ему были надеты оковы, он был привязан к открытой телеге, где его жгло солнце и досаждали рои мух, привлеченных запахом крови, сочившейся из его ран, едва прикрытых грубой рогожей… Это меня возмутило, и я заметил, что все, кто сопровождал меня, испытывают те же чувства.

Гвардейцев, охранявших князя Мира, было около сотни, с ними было также около половины батальона пехоты. Я вежливо объяснил командиру этого отряда цель моей миссии. Но офицер ответил мне с крайней дерзостью, что командующий французской армией не может отдавать ему приказы и что он продолжит свой путь к Мадриду. Тогда я сказал ему, что я обязан выполнять приказы моего командующего, поэтому всеми способами буду препятствовать тому, чтобы узник двинулся дальше!.. Мои драгуны не были новобранцами, это были ветераны, прошедшие Аустерлиц, их мужественные лица выражали решимость. Я развернул эскадрон в боевой порядок так, чтобы он преграждал путь повозке, и сказал командиру испанцев, что жду от него первого выстрела, после чего атакую его отряд. Я был готов это сделать, уверенный, что принц Мюрат меня одобрит.

Мои драгуны вытащили сабли из ножен. Это немного охладило пыл испанских гвардейцев. В это время командир отряда пехоты, до этого времени находившийся сзади, подъехал к головной колонне, чтобы узнать, что происходит. Я узнал в нем дона Мигеля Рафаэля Кёли, приятного человека, с которым в 1802 году я проделал путь из Нанта в Саламанку во время моего первого приезда в Испанию. Это был рассудительный человек, он понял причины, по которым маршал Мюрат противился тому, чтобы князя Мира отвезли в Мадрид, где его ждала неминуемая смерть. Если французская армия не воспротивится этому, она покроет себя позором, а если она будет отбивать пленника у убийц, кровопролитное столкновение неизбежно. Дон Рафаэль Кёли был в эскорте помощником командира и мог высказать свое мнение. Он переговорил с командиром, и мы договорились, что Годоя временно поместят в тюрьму города Пинто. Несчастный оставался безучастным свидетелем всех препирательств, но когда он оказался в тюрьме, куда я его сопроводил, он поблагодарил меня на очень хорошем французском и попросил передать признательность принцу Мюрату.

Тогда я позволил себе высказать гвардейцам свои замечания, что они варварски обращаются с пленником, что для испанского мундира позорно, когда четыреста вооруженных до зубов военных настолько не уверены в себе, что, охраняя одного безоружного человека, заковывают его в цепи!.. Меня поддержал более милосердный Рафаэль Кёли, который не предпринял бы таких мер, если бы командовал конвоем, и с князя Мира сняли железный ошейник, наручники и оковы с ног, оставив все же веревки. Я не смог добиться, чтобы его не привязывали в камере, но, по крайней мере, теперь он мог немного двигаться и лечь на тюфяк, который я заставил принести его охранников. Прошло уже

пять дней с тех пор, как Годой получил свои ранения, а его даже ни разу не перевязали… Рубашка, пропитанная запекшейся кровью, прилипла к ранам. На нем был только один башмак, не было шейного платка, он был полураздет, и его трясла лихорадка!.. Хирург драгунского полка пришел осмотреть его. Французские офицеры, унтер-офицеры и простые солдаты принесли кое-какое белье и были тронуты тем, как достойно и в то же время благодарно он принимал эти дары.

Хотя я полагался на честность дона Рафаэля Кёли, я все же не был уверен в судьбе князя Мира, оставив его в руках его злейших врагов. Я решил расположить французский эскадрон в городе и договорился с капитаном, что в тюрьме будет установлен постоянный пост, чтобы наблюдать за узником. Мюрат одобрил мои действия, но, чтобы лучше защитить жизнь Годоя, он выслал в Пинто еще батальон солдат, приказав им следить за тем, чтобы против князя Мира ничего не предпринималось. На следующий день по дороге в Мадрид Фердинанд VII проехал через Пинто, и начальник телохранителей рассказал ему о вчерашнем происшествии. Новый король и его министры, которые больше всего опасались скомпрометировать себя перед французами, похвалили его за то, что дело не дошло до стычки, и приказали оставить Годоя в тюрьме Пинто, откуда через несколько дней он был переведен в старую крепость Вильявисьоса, более удаленную от столицы.

24 марта Фердинанд VII вошел в Мадрид в сопровождении только роты своих телохранителей. Народ встретил его восторженно: это была такая *безумная* радость, что описать ее невозможно!.. На улицах, балконах, в окнах, даже на крышах было множество народа, люди встречали нового государя криками: «Виват!» Они с таким нетерпением ждали его! Женщины усыпали дорогу королю цветами, мужчины расстилали плащи под ноги его лошади! Многие французы с любопытством наблюдали эту церемонию, но никто из наших военных не участвовал в ней официально. Принц Мюрат даже не нанес визит Фердинанду, он не мог этого сделать до тех пор, пока император не даст знать, кого — отца или сына — он признает государем Испании. Если Наполеон и намеревался овладеть короной, он скорее предпочел бы вернуть ее старому и слабому королю Карлу IV, а не оставлять ее Фердинанду VII, так как отнять ее у любимца народа было бы гораздо труднее. Мюрат же, со своей стороны, не сомневался, что император откажется признать нового короля.

Тем временем Фердинанд, обеспокоенный тем, как Наполеон отнесется к его воцарению, поделился своими опасениями с Богарнэ, который всегда проявлял к нему большую симпатию.

Честный Богарнэ не мог даже в мыслях допустить, что Наполеон может покуситься на свободу принца, искавшего у него защиты, и посоветовал Фердинанду VII самому отправиться к императору, который в скором времени должен был прибыть в Байонну. Новый король спросил совета у своих друзей, но те не знали, что ему сказать. Внезапно в Мадрид приехал первый адъютант и доверенное лицо Наполеона генерал Савари с письмами для Фердинанда VII. Они и помогли этому королю принять решение, тем более что он узнал, что его отец и мать тоже собираются обратиться к Наполеону. Он решил их опередить.

Принц Мюрат и генерал Савари, зная о доверии, которое Фердинанд испытывает к Богарнэ, подсказали послу советы, которые он должен дать новому королю. Тогда Фердинанд решился на эту поездку и послал своего брата инфанта дона Карлоса навстречу Наполеону.

Император отправился из Парижа в Байонну 2 апреля, но он двигался медленно, чтобы дать время лучше проявиться событиям.

Глава III

Фердинанд во власти Наполеона. — Карл IV и Годой в Байонне. — Мятеж и сражение на улицах Мадрида

10 апреля Фердинанд VII выехал из Мадрида на встречу с императором, про которого Савари говорил, что он должен быть уже в Байонне. Жители столицы, хотя они и не представляли себе, какую судьбу уготовят их государю, что-то предчувствовали и сожалели о его отъезде. Фердинанд VII в сопровождении генерала Савари продвигался к Бургосу, приветствуемый народом, который стекался со всех сторон посмотреть на него. Однако, не найдя в Бургосе Наполеона, как это ожидалось, и видя, что все дороги заполнены многочисленными колоннами французских войск, новый король и его приближенные стали опасаться ловушки и отказались ехать дальше. Генерал Савари успокоил их страхи, утверждая, что Наполеон в Витории. Фердинанд отправился в этот город и там с удивлением и недовольством, которые он не смог скрыть, узнал, что император не только еще не пересек границу, но даже не прибыл в Байонну! Испанской гордости было нанесено оскорбление, и советники Фердинанда VII решили, что достоинство их короля не позволяло больше идти навстречу иностранному государю, который вовсе не спешит его видеть. Было решено остаться в Витории, несмотря на все настояния Савари. Тот был взбешен, что добыча может от него ускользнуть, и во весь опор поскакал в Байонну, куда император, в конце концов, прибыл 14 апреля.

На другой день Фердинанд потерял свою свободу. Пока же он ни о чем не догадывался: маршал Бессьер, командующий армейским корпусом в Витории, получил секретный приказ *арестовать* нового короля, в случае, если тот захочет вернуться в центральную Испанию, а бдительный Савари, вырвавший этот приказ у императора, возвращался проследить за его исполнением. Но силу применять не пришлось. Во время краткого отсутствия Савари Фердинанд узнал, что его сестра, бывшая королева Этрурии, с которой у него были очень плохие отношения, убедила отца и мать безотлагательно обратиться за помощью к Наполеону и что старые государи, которым император предоставил эскорт, лошадей и французский экипаж, уже выехали из Мадрида и быстро приближались к Байонне. При этой новости Фердинанд и его растерянные советники, опасаясь, что император плохо к ним отнесется, если Карл IV и королева-мать их опередят, захотели выехать тотчас же, несмотря на протест

народа и мудрые советы одного старого министра, Уркихо, предсказавшего то, что потом и произошло.

20 апреля Фердинанд пересек Бидасоа. Он ожидал, что его будут принимать как государя, но за мостом не было ни одного пикета почетного караула, ни одного всадника для эскорта… Офицеры императорского дома встретили его только в нескольких лье от Байонны, но называли принцем Астурийским! Все завесы спали, предсказания Уркихо сбылись!.. Но было уже слишком поздно, Фердинанд находился *во Франции* и во власти Наполеона.

Наполеон занимал у ворот Байонны знаменитый замок Марак, в котором я останавливался в 1803 году вместе с маршалом Ожеро. Император отправился в город, нанес первый визит Фердинанду, был с ним очень вежлив, отужинал с ним, но королем его не называл… Уже на другой день он не стал ничего скрывать и объявил Фердинанду и его министрам, что Провидение избрало его создать великую империю, покончив с могуществом Англии, а так как прошлое доказало ему, что он не может рассчитывать на Испанию, пока Бурбоны будут управлять этой страной, он принял твердое решение не отдавать корону ни Фердинанду, ни Карлу IV, но водрузить ее на голову члена своей семьи. Впрочем, он обеспечит королю и испанским принцам почетное существование, соответствующее рангу, которое они занимали. Фердинанд VII и его советники, ошеломленные этим заявлением, сначала отказались этому верить, резонно отвечая, что никто из императорской семьи Франции не имеет права на испанскую корону. Вскоре присутствие старого короля и королевы сделало эту замечательную сцену еще интереснее.

Прежде чем выехать из Мадрида, Карл IV и королева встретились с Мюратом, который принял их так, как если бы они все еще правили. Они потребовали вмешательства маршала для освобождения князя Мира, судьба которого их очень беспокоила. Поскольку император уже дал своему шурину приказ любой ценой спасти жизнь Годою, принц Мюрат обратился сначала к хунте — временному правительству страны, которому Фердинанд доверил управление во время своего отсутствия. Но когда хунта, возглавляемая инфантом доном Антонио, дядей Фердинанда и врагом князя Мира, ответила, что не в ее власти освободить такого важного узника, Мюрат повел себя как военный, приказав отряду французов ночью окружить замок Вильявисьоса. Командир получил приказ любой ценой вызволить князя Мира. Были известны заявления охраняющих Годоя, что они скорее *заколют* его, чем выпустят живым, и комендант замка маркиз де Шастле, бельгиец на службе у Испании, был настроен так же. Тогда Мюрат

предупредил этих одержимых, что если они выполнят свои ужасные угрозы, то все будут расстреляны без всякой пощады прямо над трупом князя Мира!.. Эта угроза заставила их задуматься, они обратились к хунте, а та, узнав о решимости Мюрата, приказала наконец отдать ему князя Мира. Несчастный был доставлен в наш лагерь под Мадридом в жалком состоянии: больной, без одежды, заросший бородой, но счастливый, что находится среди французов, далеко от своих неумолимых врагов.

Маршал Мюрат встретил его, щедро предоставил ему все необходимое, как того требовало состояние несчастного, приказал усадить в повозку с одним из своих адъютантов, который получил приказ постоянно охранять его пикетами французских кавалеристов и, не останавливаясь, днем и ночью двигаться к Байонне, настолько он опасался, что толпа может опять ополчиться против Годоя!.. Сам же Годой, узнав меня среди офицеров штаба, пожал мне руку и горячо поблагодарил за то, что я сделал для него в Пинто. Ему хотелось, чтобы я сопровождал его до Байонны. Я с удовольствием выполнил бы это поручение, но, как я уже говорил, нештатным адъютантам не поручают легких дел. В результате принц Мюрат доверил сопровождение одному из своих постоянных адъютантов, а я тут же вновь получил очень опасное задание.

В это время старые государи приближались к Байонне. 20 апреля они уже были там. Наполеон устроил им королевский прием, выслал навстречу свою гвардию и двор: войска выстроились по обе стороны прохода, были произведены приветственные артиллерийские залпы. Император проводил короля и королеву до особняка, приготовленного для этих бывших государей Испании, затем их сопроводили на обед в замок Марак, где они наконец встретились со своим дорогим Мануэлем Годоем, с которым их разлучил мятеж в Аранхуэсе. Во время этого трогательного свидания Фердинанд VII, пришедший приветствовать своего отца, был встречен Карлом IV с негодованием. Если бы они не находились во дворце императора, отец и вовсе прогнал бы его.

На следующий же день после прибытия в Байонну Карл IV узнал о планах Наполеона, но не выразил, казалось, никакого сопротивления — королева и князь Мира убедили его, что, поскольку теперь он не может больше править Испанией, следует принять то положение, которое император предлагает ему во Франции. Это даст двойное преимущество: он сможет спокойно провести остаток своих дней, а Фердинанд будет наказан за безобразное поведение. Так рассуждала плохая мать, лишая всех своих детей прав на корону и передавая их в руки семье

Наполеона.

В то время как в Байонне происходили эти важные события, принц Мюрат, оставшись временно главным в Мадриде, опубликовал протест Карла IV и убрал из всех вышедших актов имя Фердинанда VII. Эти действия вызвали большое недовольство народа и грандов. Все стали волноваться, узнав, что происходит в Байонне: новости поступали от секретных эмиссаров, переодетых крестьянами и посланных друзьями Фердинанда VII. Вокруг нас в Мадриде собиралась гроза, которая вскоре и разразилась вот по какому случаю.

Карл IV, королева, Фердинанд и его брат дон Карлос находились в Байонне. В Испании из королевской семьи остались только бывшая королева Этрурии, ее сын, старый инфант дон Антонио, и самый младший сын короля Карла IV дон Франсиско де Паоло, которому было тогда только 12–13 лет. Мюрат получил приказ прислать в Байонну всех этих Бурбонов. Королева Этрурии и инфант дон Антонио заявили, что они готовы удалиться из Испании. Юный дон Франсиско, будучи несовершеннолетним, находился под опекой хунты, которая, видя, что постепенно удаляют всех принцев королевского дома, воспротивилась отъезду ребенка. Народное волнение достигло высшей точки, и днем 1 мая на главных улицах Мадрида, особенно на большой площади *Пуэрто-дель-Соль* в центре города, собрались огромные толпы людей. Нескольким нашим эскадронам удалось, однако, их рассеять. Но утром 2 мая, когда принцы уже должны были садиться в экипажи, из королевского дворца вышли слуги и стали рассказывать, что юный дон Франсиско горько плачет, цепляется за мебель и заявляет, что он родился в Испании и не хочет покидать свою страну… Легко понять, какой эффект произвели на этот гордый и свободный народ таким образом выраженные чувства королевского ребенка, ставшего в отсутствие его двух братьев надеждой нации!..

В одно мгновение толпа вооружается и безжалостно начинает убивать всех французов, которые оказались в городе поодиночке!.. Надо было предупредить наши войска, но они стояли за городом, и добраться туда было очень трудно.

Как только я услышал первые выстрелы, я поспешил на свой пост к маршалу Мюрату, особняк которого находился рядом с моей квартирой. Я сел на лошадь и собирался уже выехать, когда мой хозяин, уважаемый советник при дворе Вест-Индии, показал мне, что на улице было около трех десятков вооруженных людей, встречи с которыми я никак не смог бы избежать. Когда же я ответил этому достойному человеку, что честь офицера требует пренебречь опасностью и быть рядом с моим начальником, он

посоветовал мне выйти пешком, сам провел меня через сад к калитке и вывел обходным путем к заднему входу особняка Мюрата. Этого уважаемого человека, которому я, вероятнее всего, обязан жизнью, звали дон Антонио Эрнандес, и я никогда его не забуду.

Штаб я застал в страшном смятении, так как, хотя при Мюрате находилось только два батальона и несколько эскадронов, он был полон решимости подавить мятеж. Все седлали лошадей. Я же был в отчаянии, потому что оказался пешим. Но вскоре начальник штаба генерал Бельяр приказал выслать пикеты гренадеров, чтобы отбросить испанских стрелков, уже занимавших подступы к дворцу. Я вызвался провести один из их отрядов через улицу, на которой находился дом дона Эрнандеса. Как только я смог до него добраться, я взял свою лошадь и присоединился к принцу Мюрату, который как раз выезжал из ворот своей квартиры.

Для штабного офицера нет более опасного задания, чем доставлять приказы войскам, когда в стране или городе полыхает восстание, потому что он часто может оказаться среди врагов совершенно один, его легко убить, и он не всегда может себя защитить. Как только Мюрат выехал из дворца, он разослал офицеров во все лагеря вокруг Мадрида с приказом предупредить о мятеже и ввести в город войска одновременно через все городские ворота. Кавалерия Императорской гвардии и дивизия драгун стояли лагерем в *Буэн Ретиро,* ближе всего к штабу, но дорога туда была самой опасной, так как по пути надо было пересечь две самые большие улицы — Алькала и Сан-Херонимо, — где на всех перекрестках засели испанские стрелки. Само собой разумеется, что такое трудное задание командующий не поручил своим собственным адъютантам. Его получил я и тут же пустил рысью свою лошадь.

Едва я удалился метров на двести от штаба, как был встречен ружейными выстрелами. Но мятеж только начинался, огонь был еще не очень силен, тем более что стрелявшие из окон люди были торговцами или рабочими, не очень хорошо владеющими оружием. Но когда под одним из сопровождавших меня драгун убили лошадь, испанцы вышли из домов, чтобы добить беднягу. Обрушив на мятежников удары своих сабель, мы уложили человек двенадцать, остальные разбежались. Отбитому драгуну пришлось бежать рядом с одним из его товарищей, держа его за руку, пока мы не добрались наконец до аванпостов нашей кавалерии.

Защищая драгуна, я получил удар стилетом, пробивший рукав моего доломана, двое из моих сопровождающих были легко

ранены. У меня был приказ привести кавалерию к центру мятежа — площади Пуэрто-дель-Соль. Солдаты перешли на галоп. Гвардейские эскадроны под командованием известного смельчака Домениля двигались во главе колонн, сразу за мамлюками.

Мятеж за это время расширился, в нас стреляли почти изо всех окон, особенно из дома герцога Ихара, во всех проемах которого засели хорошие стрелки. Мы потеряли много людей, среди них и наводящего ужас Мустафу, бравого мамлюка, который при Аустерлице чуть не поразил русского Великого князя Константина. Товарищи Мустафы поклялись отомстить за него, но останавливаться было нельзя, и наша кавалерия продолжала скакать под градом пуль до самой площади. Там мы нашли принца Мюрата, сражающегося с огромной плотной толпой вооруженных людей, среди которых было несколько тысяч испанских солдат с пушками, стреляющими по французам картечью.

Когда прибыли мамлюки, которых испанцы очень боялись, сопротивление длилось еще некоторое время, но турки наводили страх даже на самых смелых! Врезавшись в гущу толпы, мамлюки в один миг снесли своими кривыми саблями сотню голов и проложили путь гвардейским егерям и драгунам, принявшимся яростно рубить мятежников. Вытесненные с площади испанцы надеялись отступить по многочисленным улицам, отходящим от площади, но их остановили другие колонны французских солдат, по приказу Мюрата двигавшиеся к площади с разных сторон. В других кварталах тоже произошли столкновения, но сражение на площади было главным и определило нашу победу. У восставших было 12–15 сотен убитых и много раненых, и их потери были бы еще больше, если бы принц Мюрат не прекратил огонь.

Я, военный человек, сражался с людьми, напавшими на французскую армию, но в глубине души так и не мог не признать, что наше дело не было правым, что у испанцев была причина так относиться к иностранцам. Ведь, придя *как друзья,* мы захотели убрать с трона их государей и силой захватить их королевство! Эта война казалась мне неправедной, но я был солдатом и не мог отказаться от участия в ней, не прослыв трусом!.. Большинство в армии думали как я, но продолжали выполнять приказы!..

Военные действия прекратились почти повсюду, город был занят нашими пехотинцами. Кавалерия, перекрывшая улицы, получила приказ вернуться в лагеря. Мятежники, так яростно стрелявшие из дворца герцога Ихара, имели дерзкую неосторожность остаться на своих местах и снова открыть огонь при возвращении наших эскадронов. Но французские солдаты, возмутившись, что испанцы варварски расчленили на куски тела

их убитых товарищей, спешились, через окна первого этажа проникли в особняк и жестоко отомстили мятежникам. Понесшие самые большие потери мамлюки ворвались в комнаты с турецкими саблями и мушкетонами в руках и безжалостно уничтожили всех находившихся там, большинство из которых оказались слугами герцога Ихара. Никто из них не уцелел, и кровь сброшенных с балконов испанцев смешивалась с кровью мамлюков, убитых ими утром.

Глава IV

Миссия в Байонне при императоре. — Отречение Карла IV. — Жозеф провозглашен королем. — Всеобщее восстание в Испании

Подавив восстание, Мюрат занялся двумя важными вещами: надо было представить императору отчет о событиях в Мадриде и отправить королеву Этрурии, старого принца Антонио и особенно юного инфанта дона Франсиско, который, напуганный пушечной пальбой и перестрелкой на улицах города, согласился уехать с сестрой и дядей. Но их кортеж мог продвигаться очень медленно, в то время как Мюрату было важно доставить свои донесения императору как можно быстрее. Вы, наверное, догадываетесь, как он вышел из этого затруднения?

Пока в Испании было тихо, принц Мюрат доверял доставку своих многочисленных донесений императору своим штатным адъютантам. Но теперь, когда надо было пересечь почти всю страну с населением, переполошенным сражением в Мадриде, готовым без разговоров убивать французских офицеров, это поручение должен был выполнить вспомогательный адъютант. Это опасное дело поручили мне. Я этого ожидал, и хотя по списку дежурств черед был не мой, я не позволил себе по этому поводу никакого замечания.

Мюрат плохо знал характер кастильцев, он думал, что, напуганные подавлением мятежа в Мадриде, они не осмелятся снова взяться за оружие и полностью подчинятся. Он не терял уверенности, что Наполеон предназначает трон Карла IV ему, был в радостном настроении и, вручая мне депеши, повторил несколько раз: «Повторите императору то, что я пишу в этом письме: победа, которую я только что одержал над мятежниками в столице, обеспечивает *нам* мирное овладение Испанией!..» Я совершенно в это не верил, но остерегся высказать свое мнение, ограничившись тем, что попросил у Мюрата разрешение воспользоваться до Буитраго эскортом, который должен был сопровождать экипаж испанских принцев. Я знал, что в мятеже участвовали крестьяне из пригорода Мадрида, которые после разгрома рассеялись и спрятались по соседним деревням, откуда могут напасть на меня, как только я покину город. Мюрат признал справедливость моего замечания. Я сел на почтовую лошадь и, продвигаясь с полком, сопровождавшим инфантов, в тот же вечер прибыл в Буитраго, где испанские принцы должны были заночевать. Но после этого города я должен был отправиться в полную неизвестность уже без эскорта!..

Буитраго расположен у подножия отрогов Гвадаррамы. Драгунские офицеры, видя, что я собираюсь ночью проезжать через эти горы, уговаривали меня дождаться утра. С одной стороны, я знал, что донесения были срочными, и не хотел, чтобы император и принц Мюрат считали, что я медлил *из страха.* С другой стороны, я понимал, что чем быстрее я покину пригород столицы и опережу известия о произошедшем сражении, тем меньше мне будет угрожать возмущенное население. Я убедился в справедливости моих рассуждений, увидев, что жители Буитраго еще ничего не знали о событиях, которые произошли утром в Мадриде. Эта новость достигла их только вместе с погонщиками мулов, сопровождавших экипажи принцев. Я понимал, что мой форейтор, которого я только что нанял в Буитраго, успел узнать новости от моего предыдущего сопровождающего. Тогда я решил пойти на хитрость. Проехав 2 лье, я сказал этому человеку, что забыл на его почтовой станции платок с 20 дуро (100 франков), что, наверное, эти деньги уже пропали, хотя есть небольшая надежда, что их еще не нашли. Я предложил ему вернуться в Буитраго, обещав ждать его на следующей станции. Если он привезет мне платок с деньгами, 5 дуро будут его… Обрадованный форейтор сразу же повернул обратно, а я продолжил путь до следующей станции. Там еще ничего не знали о мятеже. Я был в военной форме, и, чтобы отвести от себя подозрения и развеять недоумение начальника станции и его людей, увидевших, что я прибыл один, я поспешил заявить, что лошадь сопровождавшего меня форейтора повредила ногу и что я отпустил этого человека, который повел ее шагом обратно в Буитраго. Такое объяснение показалось естественным, мне дали другую лошадь, другого сопровождающего, и я поскакал галопом, не заботясь о разочаровании, которое постигнет моего форейтора в Буитраго. Главное, что новость еще не распространилась и, если нигде не останавливаться, я смогу прибыть в Байонну, прежде чем народ узнает о мадридских событиях.

Всю ночь я ехал по горам, дорога была очень красива, и на рассвете я прибыл в город Лерма. В этом городе стоял французский гарнизон. Здесь и во всех других городах, на моем пути в Байонну, наши генералы и офицеры предлагали мне освежающие напитки и спрашивали о новостях. Но я ничего не рассказывал, опасаясь, что мне все же придется остановиться где-нибудь у местных жителей, и случайно новость, мною же распространенная, обгонит меня и подставит под удары крестьянской мести.

От Мадрида до Байонны такое же расстояние, как от Байонны до Парижа, 225 лье. Путь долгий, особенно когда скачешь во весь

опор, с саблей на боку, под палящим солнцем, не позволяя себе отдохнуть хотя бы четверть часа… Я был очень утомлен. Сон одолевал меня, но я не мог забыться ни на минуту, понимая необходимость продвигаться быстро. Чтобы не заснуть, я увеличил плату сопровождающим, и они пели мне по дороге испанские песни, которые я так люблю за их романтическую наивность, очарование, выразительные мелодии, заимствованные у арабов… Наконец я увидел берега Бидасоа и въехал во Францию!..

От Сен-Жан-де-Люза до замка Марак оставалось только два этапа. Весь покрытый пылью, я прибыл туда 5 мая в момент, когда император после ужина прогуливался в парке с Карлом IV и под руку с королевой. За ними следовали императрица Жозефина, принцы Фердинанд и дон Карлос, а за ними уже маршал двора Дюрок и придворные дамы.

Как только дежурный офицер доложил императору о прибытии офицера с донесениями от принца Мюрата, тот подошел ко мне с членами королевской семьи Испании и громко спросил: «Что нового в Мадриде?» Не желая говорить в присутствии других людей и считая, что лучше подготовить Наполеона к тем новостям, которые я привез, я ограничился тем, что передал императору депеши, *выразительно* посмотрев ему в глаза, не отвечая прямо на его вопрос. Его Величество понял меня и отошел на несколько шагов, чтобы прочесть донесения Мюрата.

Закончив чтение, Наполеон подозвал меня, и мы направились к уединенной аллее, где он стал расспрашивать о сражении в Мадриде. Я видел, что он разделяет мнение Мюрата и тоже считает, что победа 2 мая сломила сопротивление испанцев. Я был уверен в обратном, и, если бы Наполеон спросил меня, что я думаю по этому поводу, я бы не стал лукавить. Но я должен был только почтительно отвечать на вопросы императора и не мог поделиться плохими предчувствиями напрямую. Рассказывая о мадридском мятеже, я очень живо описал то отчаяние, которое охватило испанцев, когда они узнали, что членов королевской семьи собираются препроводить во Францию. Я говорил о проявившейся в этом сражении яростной отваге не только мужчин, но и женщин, о том сумрачном и угрожающем настроении, которое сохранили жители Мадрида после нашей победы… Я уже был близок к тому, чтобы раскрыть императору мои мысли, но он перебил: «Ба! Они успокоятся и будут меня благословлять, когда увидят, что их страна выходит из беспорядка и позора, куда ее завела самая слабая и коррумпированная власть, которая когда-либо существовала!» После этой тирады, произнесенной сухим тоном, Наполеон

приказал мне вернуться в конец сада и попросить короля Карла IV и королеву присоединиться к нему. Я поспешил к ним, а он медленно шел за мной, перечитывая на ходу депеши Мюрата.

Бывшие государи Испании подошли к императору, он, вероятно, сообщил им о мятеже и сражении в Мадриде, так как Карл IV живо подошел к своему сыну Фердинанду и сказал ему гневным тоном: «Ты доволен, несчастный?! Мадрид был залит кровью моих подданных, эта кровь пролилась из-за твоего преступного восстания против отца! Пусть она прольется на твою голову!» Подошла королева, тоже осыпала своего сына упреками и даже подняла на него руку! Дамы и офицеры из вежливости удалились, чтобы не присутствовать при этой отвратительной сцене, которую прекратил Наполеон. Фердинанд не ответил ни единого слова на суровый выговор родителей. В тот же вечер он отказался от короны в пользу своего отца. Он сделал это не столько из раскаяния, сколько из опасения, что его обвинят в заговоре, свергнувшем Карла IV.

На следующий день старый король, уступив подлому желанию мести, которое обуревало королеву и князя Мира, передал императору все свои права на испанскую корону. Он поставил несколько условий, главное из которых — передача в его владение Компьенского замка и леса, а также содержание в семь с половиной миллионов франков. Фердинанд тоже трусливо отказался от своих прав наследника в пользу Наполеона, который дал ему миллионное содержание и прекрасный Наваррский замок в Нормандии. В тот момент этот замок, так же как и Компьеньский, ремонтировался, и король Карл IV, королева Испании, королева Этрурии и князь Мира временно отправились жить в Фонтенбло. Фердинанд, два его брата и дядя были отправлены в Валансьен, в прекрасный край Берри, в замок, принадлежавший Талейрану. Там с ними хорошо обращались, но их охранял гарнизон под командой полковника Бертеми, бывшего ординарца императора. Так произошло самое несправедливое в современной истории ограбление.

Во все времена после честной и открытой войны победа давала победителю право на побежденную страну. Но скажем прямо, что поведение Наполеона в этой скандальной истории не было достойно этого великого человека. Предложить свою помощь в урегулировании отношений между отцом и сыном, заманить обоих в ловушку; обобрать и того и другого… это был жестокий, отвратительный поступок. История его осудила, а Провидение не замедлило наказать, так как именно война в Испании подготовила и привела к падению Наполеона.

Надо, однако, быть справедливым: совершая политически

нечестный поступок, император понимал, что его поведение достойно осуждения, и я знаю от одного из его министров, графа Дефермона, что он признался в этом на совете. Но он добавил, что в политике никогда нельзя забывать великую истину: «Хороший результат и необходимость оправдывают средства». Справедливо или нет, но у императора было твердое убеждение — чтобы удержать север, надо основать под защитой Франции большую империю на юге Европы, что невозможно исполнить, не обладая Испанией. Получив возможность распоряжаться этим прекрасным королевством, Наполеон отдал его своему старшему брату Жозефу, бывшему до этого королем Неаполя.

Многие историки осудили Наполеона за то, что он не посадил на испанский трон своего шурина Мюрата, привыкшего командовать войсками и знавшего опасности войны. Он лучше подходил для управления пылким и гордым народом, чем робкий и беспечный Жозеф, любитель искусств, совершенно чуждый военным завоеваниям и очень избалованный жизнью в Неаполе. Очевидно, что при вступлении Мюрата в Испанию его воинская репутация, высокий рост, воинственный вид, манеры, в общем, все, вплоть до пестрого живописного костюма и яркого плюмажа в полуиспанском-полуфранцузском духе, очень нравилось кастильской нации, и я уверен, что если бы она должна была выбирать короля из семьи Наполеона, то слабому Жозефу она предпочла бы в то время рыцаря Мюрата. Но после мадридского сражения, последствия которого молва во многом преувеличила, восхищение, которое сначала вызывал Мюрат у испанцев, сменилось беспощадной ненавистью…

Я уверен, что сначала император хотел сделать королем Испании Мюрата. Узнав же об отвращении, которое стали испытывать испанцы к этому принцу, он счел это невозможным и послал его править в Неаполь вместо Жозефа, которому он и отдал испанскую корону. Это было большим несчастьем, так как Мюрат был бы очень полезен на войне, разразившейся вскоре на полуострове, тогда как Жозеф оставался только помехой.

Чтобы придать законность пришествию своего брата на испанский трон, Наполеон призвал все провинции этого королевства назначить депутатов, которые должны были собраться в Байонне и выработать конституцию страны. Многие воздержались, но все же большинство отозвалось на призыв, одни из любопытства, другие из патриотизма, надеясь, что им возвратят одного из королей. Депутаты образовали Ассамблею, но вскоре поняли, что обсуждать свои проблемы свободно они не могут. Тогда — одни из убеждения, что только брат могущественного императора французов может сделать Испанию

счастливой, другие из желания выбраться из мышеловки, в которую они попали, — признали Жозефа королем, хотя было очень мало тех, кто остался с ним в дальнейшем. Почти все поспешили вернуться в Испанию, где сразу же опротестовали голосование, заявив, что их решение было вырвано у них силой.

Я выехал из Байонны 11 мая, чтобы вернуться в Мадрид к Мюрату, которому я вез депеши от императора. Во всех провинциях, через которые я проезжал, я видел большое волнение, так как там уже знали о вынужденном отречении народного кумира Фердинанда VII и понимали, что Наполеон собирается завладеть испанским троном: везде готовились к восстанию. К счастью, наши войска занимали все города и поселки, расположенные между Францией и Мадридом, иначе меня, конечно же, убили бы по дороге. Хотя от одного поста до другого меня сопровождали солдаты, на нас нападали много раз. При переходе через знаменитое ущелье Панкорбо один всадник был убит рядом со мной, и в горах Сомосьерры я наткнулся на трупы двух наших пехотинцев. Но это были только цветочки по сравнению с тем, что готовили нам испанцы в дальнейшем!

Среди депеш, которые я вез, было письмо, в котором император официально объявлял принцу Мюрату о возведении его на трон Неаполитанского королевства. В течение нескольких дней Мюрат был очень мрачен, а потом заболел так сильно, что Наполеон, уведомленный об этом начальником штаба Бельяром, послал генерала Савари взять на себя распоряжения передвижением войск, что было ему не по силам, особенно в тех трудных обстоятельствах, которые уже вырисовывались.

Болезнь Мюрата была настолько серьезной, что угрожала его жизни. Как только он начал выздоравливать, он поспешил покинуть Испанию, где ему не суждено было царствовать. Его перевезли во Францию. Перед отъездом он позвал меня в свой кабинет и спросил, хочу ли я остаться в Мадриде при генерале Бельяре, который уже высказал желание видеть меня при себе. Я предвидел этот вопрос, но после того, как я уже послужил при нескольких маршалах и принце, мне совершенно не хотелось оказаться безвестно затерянным в толпе штабных офицеров, чтобы продолжать исполнять роль курьера, без славы и надежды на повышение. Я ответил, что маршал Ожеро, у которого я был адъютантом, согласился отпустить меня на службу к принцу Мюрату, но с его отъездом я считаю мою миссию законченной и прошу разрешить мне вернуться к маршалу Ожеро.

17 июня я выехал с Мюратом из Мадрида. Его несли на носилках, которые сопровождали офицеры и многочисленный эскорт. Мы двигались медленно и прибыли в Байонну только 3

июля. Император и новый король Испании находились еще там.

В Байонне принц Мюрат получил титул короля Неаполитанского. Офицеры штаба поздравили его. Он предложил нам следовать за ним в Италию, обещая быстрое повышение тем, кто перейдет к нему на службу. Все согласились, за исключением начальника эскадрона Ламота и меня. Я решил никогда не изменять форме французской армии, оставил своих лошадей на постое в Байонне и отправился к моей матери и маршалу Ожеро в Париж, где провел счастливых три месяца.

Сражение 2 мая и похищение королевской семьи ожесточили испанцев. Все население восстало против правления короля Жозефа. Тот прибыл в Мадрид и 23 июля *был провозглашен королем*, но не пользовался никаким авторитетом в стране. Особенность Испании в том, что Мадрид, где обычно находится резиденция государей, не имеет никакого влияния на провинции, каждая из которых раньше была отдельным маленьким королевством и во многом сохранила свою независимость. Все эти бывшие государства имеют свою столицу, свои обычаи, свои законы и свою администрацию, что позволяет им быть самодостаточными, когда Мадрид оказывается во власти врага. Что и случилось в 1808 году. Каждая провинция завела свою хунту, свою армию, свои склады и свои финансы, хотя хунта Севильи была признана центральной руководящей властью.

Глава V

Капитуляция в Байлене и ее последствия. — Наши войска отходят к Эбро. — Эвакуация Португалии. — Я получаю награду и начинаю служить в штабе маршала Ланна

Как один человек поднялась Испания против французской армии, которая оказалась бы в критическом положении, даже если бы она была в этот момент сильнее и ею командовал более опытный военачальник. Мы испытали поражение и на суше и на море — одна эскадра вынуждена была сдаться на рейде в Кадисе, маршалу Монсею пришлось уйти из королевства Валенсии. Хунта Севильи объявила войну Франции от имени Фердинанда VII. В начале июля генерал Дюпон, которого Савари неосторожно отправил без поддержки в Андалузию, за горы Сьерра-Морена, оказался в окружении всего восставшего населения. Узнав, что 10 тысяч человек из лагеря в Сан-Роке — единственные испанские регулярные войска, сведенные в армейский корпус, — двинулись против него под командованием генерала Кастаньоса, он решил отойти к Мадриду и послал дивизию Веделя занять перевал Сьерры-Морены и наладить коммуникации с Мадридом. Но вместо того чтобы быстро следовать за своим авангардом, генерал Дюпон, из блестящего командира дивизии превратившийся в плохого главнокомандующего, принял решение сражаться на месте и послал приказ дивизии Веделя, уже отошедшей более чем на 10 лье, вернуться обратно!.. К своей первой ошибке Дюпон добавил то, что он рассредоточил оставшиеся с ним войска и потерял драгоценное время в Андухаре на берегах Гвадалквивира.

Испанцы, усиленные несколькими швейцарскими полками, воспользовались этой задержкой и послали часть своих сил на берег, противоположный тому, где стояла наша армия, которая оказалась между двух огней!.. Еще не все было бы, однако, потеряно, если бы сражались мужественно и упорядоченно, но Дюпон так плохо организовал свои войска, что, подойдя к ущелью возле Байлена, хвост колонны находился в 3 лье от головы!.. Генерал Дюпон, вместо того чтобы объединить все свои силы, задействовал полки поочередно, по мере того как они прибывали. То же самое касалось артиллерии. Наши молодые солдаты, очень уставшие после марша и восьми часов сражения, падали от изнеможения под жгучими лучами андалузского солнца: они не могли больше ни идти, ни нести свое оружие. Вместо того чтобы сражаться, они просто ложились на землю… Тогда Дюпон

попросил временного перемирия, на которое испанцы согласились с большой поспешностью, так как опасались, что ситуация обернется не в их пользу.

Действительно, дивизия Веделя, которая накануне получила приказ вернуться к командующему, как раз подходила сзади к испанскому корпусу, который преграждал проход Дюпону. Генерал Ведель успешно атаковал испанцев, но те выслали парламентера и сообщили, что они заключили перемирие с генералом Дюпоном. Ведель не обратил на это никакого внимания и упорно продолжал сражение. Уже два испанских полка сложили оружие, несколько других бежали, и генералу Веделю оставалось какое-нибудь лье до войск Дюпона, которые он полностью мог освободить, когда вдруг прибыл адъютант Дюпона. Пройдя через вражескую армию, он принес Веделю приказ *ничего не предпринимать, потому что обсуждается перемирие.* И генерал Ведель, вместо того чтобы снова ослушаться приказа командующего, окруженного врагом и вынужденного посылать через него приказы своим подчиненным, остановился на полпути к победе и отдал приказ прекратить огонь. У испанцев оставалось по восемь зарядов на человека, они хотели выиграть время, так как ждали подкрепления. Генерал Дюпон попросил генерала Рединга, швейцарца на испанской службе, *разрешение* пройти со своей армией, чтобы вернуться в Мадрид!.. Рединг согласился, но заявил, что не может ничего сделать без согласия своего начальника Кастаньоса, который находился за несколько лье отсюда. Тот, в свою очередь, захотел обратиться к верховной хунте, а та поставила множество условий.

Все это время молодые солдаты Дюпона были в самом ужасном положении. Дюпон отдавал противоречивые приказы: то приказывал Веделю атаковать, то отвести свою дивизию к Мадриду. Ведель решил отойти и на другой день, 21 июля, находился уже у подножия Сьерры-Морены, вне досягаемости Кастаньоса.

К несчастью, генерал Дюпон решил *капитулировать.* Проявив необъяснимую слабость, он включил в эту капитуляцию и войска генерала Веделя, которым он отдал приказ возвратиться в Байлен. Солдаты Веделя, уже направлявшиеся к Мадриду, бурно запротестовали. И их генерал, вместо того чтобы воспользоваться этим обстоятельством, стал объяснять, какими репрессиями это грозит 8 тысячам солдат Дюпона, добавив, что в капитуляции нет ничего ужасного, что в ней предусмотрено их возвращение во Францию, где им будет возвращено оружие. Офицеры и солдаты заявили, что тогда лучше незамедлительно отвести все войска к Парижу. Настаивая на *пассивном* послушании, генералу Веделю

удалось привести свою дивизию в Байлен, где она сложила оружие.

То, что генерал Дюпон включил в капитуляцию дивизию, которая уже была вне досягаемости врага, является непростительным поступком. Но что думать о генерале Веделе, который исполнил приказы Дюпона, зная, что тот уже не был свободен, и отдал в руки врага свою дивизию в 10 тысяч человек? В своем ослеплении Дюпон включил в договор о капитуляции все войска своего армейского корпуса, даже те, которые не перешли Сьерру-Морену!

Генерал Кастаньос потребовал, чтобы эти части проделали 25 лье, чтобы сложить оружие! Следуя дурному примеру Веделя, командиры отдельных частей послушались приказа генерала Дюпона. Только *один-единственный* командир, и его надо упомянуть, храбрый начальник батальона де Сент-Эглиз ответил, что он не исполняет приказов генерала-военнопленного. Быстро продвигаясь вперед, несмотря на атаки восставших крестьян, он с небольшими потерями добрался до передовых постов французского лагеря под Мадридом. Император дал этому смелому и умному офицеру звание полковника.

За исключением батальона г-на де Сент-Эглиза, вся армия генерала Дюпона из 25 тысяч человек сложила оружие. Тогда испанцы, уже ничего не опасаясь, отказались соблюдать пункты капитуляции, в которых говорилось о возвращении французов на родину. Они не только объявили их военнопленными, но обращались с ними недостойно, и дали возможность крестьянам убить несколько тысяч солдат!

Только Дюпон, Ведель и несколько генералов получили разрешение вернуться во Францию. Офицеров и солдат сначала держали на старых судах, стоящих на якоре на рейде Кадиса. Среди них началась такая сильная эпидемия лихорадки, что испанские власти, испугавшись, что болезнь распространится на весь Кадис, перевезли оставшихся в живых на пустынный остров Кабрера, где не было ни воды, ни жилья! Каждую неделю им привозили несколько тонн солоноватой воды, гнилые сухари и немного соленого мяса. Несчастные французы жили там почти как дикари, без одежды, белья, лекарств, не получая никаких известий ни о своих семьях, ни о Франции, а чтобы как-то укрыться, были вынуждены рыть себе норы, как дикие звери!.. Это продолжалось шесть лет до заключения мира в 1814 году. Почти все пленники умерли от лишений и от горя. Господин Ласалль, ставший потом порученцем короля Луи-Филиппа, был среди этих несчастных, и, когда его освободили после шести лет плена, он был, как и его товарищи по несчастью, почти совершенно голым!..

Когда испанцам говорили, что нарушение Байленского договора противоречит правилам, принятым у всех цивилизованных народов, они отвечали, что арест короля Фердинанда VII был тоже незаконным и что они только последовали примеру Наполеона!.. Надо признать, что такой упрек не был лишен основания.

Когда император узнал о байленской катастрофе, его гнев был тем более ужасен, что до сих пор он считал, что испанцы такие же трусы, как итальянцы, что крестьянский мятеж — это единственное, на что они способны, что несколько французских батальонов за несколько дней легко справятся с ними. Теперь он плакал кровавыми слезами, видя унижение своих знамен. Французские войска потеряли репутацию непобедимых!.. Как он, должно быть, пожалел, что сформировал Испанскую армию из молодых неопытных новобранцев, вместо того чтобы послать туда свои старые войска, оставленные в Германии! Невозможно описать его гнев против генералов Дюпона и Веделя, которых он, чтобы избежать громкого скандала, посадил в тюрьму, после чего их можно было считать жертвами произвола. Они предстали перед военным советом только через пять лет, когда было уже слишком поздно.

Легко представить себе эффект, который байленская капитуляция произвела на умы такого гордого и страстного народа, как испанский!.. Восстание получило огромный размах. И хотя маршал Бессьер разбил армию Астурии на равнинах у Медина-де-Рио-Секо[56], пожар уже было не остановить.

Хунта Севильи связалась через Англию с генералом Ла Романой, командующим 25-тысячной армией, которую в 1807 году Испания дала Наполеону. Эти части, неудачно расположенные Бернадоттом на побережье, возвратились к себе на родину и пополнили число наших врагов[57]. Остававшиеся у испанцев крепости оборонялись ожесточенно, а многие открытые города превращались в крепости. Сарагоса подала пример, и хотя вскоре этот город был атакован, он защищался с упорством, граничившим с яростью.

Байленская капитуляция позволила испанской Андалузской армии пойти на Мадрид, что вынудило короля Жозефа 31 июля покинуть свою столицу в которой он провел всего неделю! С армейским корпусом он отошел к Миранда-де-Эбро, где река образует хорошую линию защиты. Наши войска сняли осаду Сарагосы и нескольких крепостей Каталонии и собрались на реке Эбро. Таково было положение нашей армии в Испании в августе. Вскоре мы узнали еще об одном несчастье: у нас отняли и Португалию! Неосторожный Жюно настолько рассеял свои

войска, так рассредоточил свою небольшую армию по всему королевству, что, например, огромная провинция Альгарве, расположенная от него более чем в 80 лье, охранялась отрядом всего из 800 человек. Это было безумием!

Стало известно, что англичане высадили многочисленный корпус у ворот Лиссабона и, заручившись поддержкой восставшего против французов населения, атаковали Жюно настолько превосходящими его силами, что тот после одного дня боев должен был капитулировать в Вимьеро перед генералом Артуром Уэлсли, ставшим впоследствии знаменитым лордом Веллингтоном[58]. Этот генерал, в то время самый молодой в британской армии, в тот день возглавлял английские войска только из-за того, что высадка его начальников задержалась. Слава и удача пришли к нему в тот день. В капитуляции говорилось, что французская армия эвакуируется из Португалии, она будет перевезена во Францию морем, но солдаты не будут военнопленными и не сложат оружия. Англичане выполнили все условия договора, но так как они предполагали, что император тотчас отправит в Испанию войска, которые Жюно привезет из Лиссабона, то вместо того, чтобы высадить солдат в Бордо, они отвезли их в Лорьян, откуда до Байонны было тридцать дней марша.

Действительно, Наполеон направил на полуостров огромные силы. На этот раз испанцы должны были иметь дело не с молодыми и слабыми новобранцами. Император вызвал из Германии три армейских пехотных корпуса и кавалерию, все части которых состояли из ветеранов, сражавшихся при Иене, Эйлау, Фридланде, и добавил еще большую часть своей гвардии. К тому же он сам готовился отправиться в Испанию во главе этих войск, численность которых составляла 100 тысяч человек, не считая дивизий молодых солдат, оставшихся на линии Эбро и в Каталонии, что доводило общую численность армии до 200 Тысяч!

За несколько дней до отъезда император, который собирался взять с собой Ожеро, если его рана, полученная при Эйлау, позволила бы ему принять командование, вызвал его в Сен-Клу. Я сопровождал маршала, которому служил, и, в то время как император прогуливался с Ожеро, держался в стороне вместе с адъютантами Наполеона. Кажется, что после того, как они обговорили главный вопрос, разговор коснулся сражения при Эйлау и героического поведения 14-го линейного полка. Ожеро рассказал о той самоотверженности, с которой я доставлял приказы в этот полк, пробиваясь через тысячи казаков. Он подробно описал опасности, которым я подвергался, выполняя

эти задания, а также то, что я просто чудом избежал смерти, когда меня оставили совершенно обобранным и голым лежать на снегу. Император ответил: «Поведение Марбо было отличным, и я наградил его крестом!» Маршал резонно возразил, что я не получил награды. Наполеон же настаивал на своем и в подтверждение вызвал начальника штаба князя Бертье. Тот справился по своим спискам, и выяснилось, что, когда императору доложили о моем поведении при Эйлау, он внес в списки награжденных офицеров фамилию Марбо, адъютанта маршала Ожеро, не указав имени. Он не знал, что мой брат тоже находился при штабе маршала. Когда же надо было выдавать награды, очень занятый князь Бертье сказал секретарю, чтобы вывести его из затруднения: «Дайте крест старшему». Так мой брат получил награду, хотя это было первое дело, в котором он принимал участие. Он недавно прибыл из Вест-Индии после отпуска и официально даже не входил в состав Великой армии, так как его полк в то время располагался на острове Иль-де-Франс. Так сбылось предсказание, сделанное Ожеро Адольфу: «Если вас зачислят в один штаб с братом, вы будете мешать друг другу».

Как бы там ни было, император, сделав небольшой выговор Бертье, направился ко мне, заговорил с большой добротой, потом взял крест из рук одного из своих офицеров и надел мне его на грудь! Это было 29 октября 1808 года — один из самых прекрасных дней в моей жизни, так как в то время орден Почетного легиона еще не раздавался всем подряд, его еще ценили. Потом многое, к сожалению, изменилось… Получить такую награду в двадцать шесть лет!.. Я был вне себя от радости!.. Радость маршала была так же велика, как и моя. Чтобы моя мать могла разделить эту радость, он отправил меня к ней. Ни один из заслуженных мною чинов не принес мне такого счастья. В довершение моей радости маршал двора Дюрок послал за шляпой, которую ядро пробило у меня на голове в битве при Эйлау: Наполеон хотел ее видеть!..

По совету императора Ожеро, который не смог принять участие в кампании, попросил маршала Ланна, командующего в Испании, взять меня к себе, но не как вспомогательного адъютанта, каким я был у того же маршала в Фридландской кампании, а как штатного. Что и было сделано. Я же должен был вернуться к Ожеро только тогда, когда он вернется к службе.

И вот в ноябре я выехал в Байонну, которая в четвертый раз стала для меня местом встречи с новым начальником, у которого я должен был служить. Оставленные в Байонне, мои экипажи были готовы, я даже смог одолжить лошадь маршалу Ланну,

поскольку к тому моменту, когда император пересек границу, лошади маршала еще не прибыли. Я прекрасно знал страну, которую нам предстояло пересечь, ее обычаи и немного ее язык. По этой части я мог оказать некоторые услуги маршалу, который никогда не был в этой части Европы.

Почти все офицеры, которые были с Ланном в предыдущих кампаниях, при заключении Тильзитского мира получили повышения и назначения в различные полки, и в 1808 году этому маршалу надо было сформировать новый штаб. Поскольку Ланн был человеком очень твердым и руководствовался собственными соображениями при отборе офицеров, вышло так, что у одних из них не было любви к своей профессии, другие были слишком молоды, неопытны и не знали, что такое война. И хотя все они были очень храбры, как и сам маршал, тем не менее из всех штабов, в которых мне приходилось служить, этот был наименее пригодным для ведения военных действий.

Первым адъютантом маршала был полковник О'Мира, потомок одного из ирландцев, которых привез во Францию Яков II. На службу к Ланну его устроил его шурин генерал Кларк, герцог Фельтрский. Он был храбр, но толку от него было мало. Позже его назначили комендантом небольшой крепости в Бельгии, где он и умер.

Вторым адъютантом был начальник эскадрона Гёэнёк, шурин маршала Ланна, человек очень образованный и любящий учиться. Став полковником 26-го легкого полка, он проявил смелость и был ранен на Березине. Затем он стал генерал-лейтенантом и получил командование в Бурже.

Третий адъютант, начальник эскадрона Сен-Марс, прекрасный человек, бывший инженер, стал полковником 3-го конно-егерского полка и попал в плен в России. В конце своей карьеры он был бригадным генералом и выполнял функции генерального секретаря ордена Почетного легиона.

Я был четвертым адъютантом маршала Ланна.

Пятым был маркиз Серафино д'Альбукерке, знатный испанский дворянин, бонвиван и храбрец. У него были старые распри с князем Мира. В конце концов он стал служить в роте ордонансовых жандармов, откуда перешел в штаб маршала Ланна. В битве при Эсслинге ядро попало прямо в него, и он замертво упал на землю!

Шестым адъютантом был капитан Ваттвиль, сын знатного вельможи Гельветической республики. Этот швейцарец имел чин полковника швейцарских войск на службе Франции. В Русской кампании Ваттвиль был начальником эскадрона красных улан гвардии[59]. Я встретил его у Березины пешим, бредущим с

палкой в руках, дал ему одну из одиннадцати лошадей, которые сохранились у меня при отступлении. Но я ничем не мог ему помочь, когда при подходе к Вильно он скончался от холода и истощения.

Седьмым адъютантом был знаменитый Лабедуайер, который пришел из ордонансовых жандармов. Он был высок, красив, остроумен, храбр, образован, хороший рассказчик, хотя немного и заикался. Он был адъютантом принца Евгения Богарнэ, в 1814 году стал полковником. Известно, как он привел свой полк императору при возвращении того с Эльбы. При Реставрации его судили и расстреляли.

Восьмого адъютанта звали де Вири. Он был сыном сенатора, принадлежал к очень древней савойской семье, союзнице королей Сардинии. Он был отличным человеком, я очень сдружился с ним. Я любил его как брата. Выпускник военного училища, он стал капитаном в Испании в 1808 году, был тяжело ранен при Эсслинге на следующий год и умер на моих руках в Вене.

Кроме восьми штатных адъютантов, маршал имел дополнительно при штабе двух офицеров: это были капитан Дагюзан, земляк и друг Ланна, который ушел в отставку начальником батальона, и младший лейтенант Ле Культё де Кантлё, сын сенатора, выпускник военного училища, человек очень хорошо воспитанный, умный, храбрый и энергичный. Он последовал за князем Бертье в Россию, где чуть не погиб, потому что переоделся в русское платье. Конный гренадер вонзил ему в грудь клинок своей сабли! Император привез его в своем экипаже. Он стал полковником, адъютантом дофина[60] и перед смертью рекомендовал мне своего сына.

Глава VI

Поход на Эбро. — Битва при Бургосе. — Маршал Лани заменяет Монсея в армии на Эбро. — Битва при Туделе

Как только я прибыл в штаб, маршал Лани предупредил меня, что очень на меня рассчитывает: во-первых, из-за того, что Ожеро рассказывал обо мне, а во-вторых, из-за собственных воспоминаний о моей службе с ним во время Фридландской кампании. «Если вас не убьют, — сказал он мне, — я быстро дам вам повышение». Маршал никогда не давал пустых обещаний, а так как он пользовался любовью императора, он был в силах сделать многое. Я намеревался служить, проявляя как можно больше мужества и старания.

Покидая Байонну, мы продвигались с колоннами войск по направлению к Эбро, где встретились с королем Жозефом и армией новобранцев, которая участвовала в последней кампании. Отдых и привычка жить в лагерях придали этой молодежи силы и военный вид, которых в помине не было в июле. Но что особенно подняло их настроение, это известие, что командовать ими будет сам император и что прибудут старые корпуса Великой армии. Испанцы были удивлены и испуганы при виде *настоящих* старых гренадеров Великой армии и поняли, что теперь все пойдет по-другому.

Действительно, сразу по приезде на берега Эбро император перебросил через эту реку многочисленные колонны. Все, кто им противостоял, были уничтожены или бежали. Однако удивленные, но сохранившие мужество испанцы собрали свои силы под стенами Бургоса и осмелились дать сражение. Оно произошло 9 ноября и было недолгим, так как при первом же столкновении враги были опрокинуты и разбежались во все стороны, преследуемые нашей кавалерией, нанесшей им огромные потери.

В этом сражении произошел необычайный, к счастью, очень редкий случай. Двое молодых младших лейтенантов из пехоты маршала Ланна поссорились и устроили дуэль прямо перед своим батальоном, под градом вражеских ядер… У одного из них ударом сабли была рассечена щека. Полковник остановил их и привел к маршалу, который отправил дуэлянтов в цитадель Бургоса, доложив обо всем императору. Тот увеличил наказание, запретив этим офицерам в течение месяца участвовать в боях. Когда истек срок наказания, полк дуэлянтов находился уже в Мадриде. Император проводил смотр и приказал полковнику

представить ему, как это всегда делалось, тех, кого назначали на место убитых офицеров. Младший лейтенант с рассеченной щекой был прекрасным военным. И полковник не хотел лишать его повышения за большую, но не позорящую честь провинность. Он представил его императору, который, видя свежий шрам на лице молодого человека, вспомнил о дуэли в Бургосе и спросил суровым тоном: «Где вы получили эту рану?» Тогда младший лейтенант, чтобы и не солгать, и не сознаться, довольно ловко ответил, показав пальцем на свою щеку: «Я получил ее здесь, сир!» Император все понял, а так как он любил людей с живым умом, то не рассердился, а улыбнулся и сказал офицеру: «Ваш полковник представляет вас к званию лейтенанта, я даю вам его, но впредь будьте благоразумны, или я вас разжалую!»

В Бургосе я встретил моего брата, который служил у начальника штаба князя Невшательского (маршала Бертье). Военные таланты маршала Ланна настолько расцвели, что император, который всегда очень его ценил, не давал ему *постоянного* командования, но держал при себе, чтобы направлять туда, где дела шли плохо, уверенный, что Ланн все быстро исправит. Готовясь продолжить поход на Мадрид, Наполеон рассчитал, что слева он оставил Сарагосу, занятую восставшими арагонцами, поддержанными армией Кастаньоса, победившего Дюпона, что старый маршал Монсей колеблется, и приказал Ланну отправиться в Логроньо, центр армии, стоящей на Эбро, чтобы принять командование и атаковать Кастаньоса. Так Монсей оказался под командованием Ланна — впервые один маршал империи был в подчинении у другого. Но Ланн заслуживал такого доверия и отличия. Он выехал только со своим штабом. Мы взяли почтовых лошадей, чтобы избежать задержек, связанных с перевозкой наших экипажей и лошадей на расстояние 50 километров и их возвращением к Бургосу и Мадриду, поручив капитану Дагюзану привести их, следуя за Наполеоном.

Известно, что в то время на испанских станциях не было упряжек, но были лучшие лошади в Европе. Маршал и мы выехали рысью, сопровождаемые от станции к станции кавалерийскими отрядами. Мы вернулись к Миранда-де-Эбро, откуда вдоль реки добрались до Логроньо. Маршал Монсей находился в этом городе и был очень недоволен тем, что император поставил его, самого старшего маршала, под командование самого молодого из них. Но пришлось повиноваться.

Что значит присутствие одного способного и энергичного человека! Армию *новобранцев,* которую Монсей не осмеливался

вести на врага, маршал Ланн привел в движение в первый же день. Она с пылом выступила, и на следующий день, 23-го, мы настигли врага перед Туделой, где после трехчасовой битвы гордые победители Байлена были смяты, разбиты и обращены в бегство. Они бежали к Сарагосе, оставив на поле боя тысячи трупов!.. Мы захватили очень много людей, знамен и всю артиллерию… Победа была полной!

Во время этого сражения пуля пробила мою ташку, а в его начале у меня произошла ссора с Лабедуайером. Вот почему. Он недавно купил молодую, плохо выдрессированную лошадь, которая при первом же пушечном выстреле встала на дыбы и отказалась идти вперед. Взбешенный Лабедуайер спрыгнул на землю, выхватил саблю и ударил по ногам бедной лошади. Вся в крови, та упала на траву и могла только ползти. Я не смог сдержать негодования и высказал то, что думал. Лабедуайер взорвался, и дело кончилось бы дракой, если бы перед нами не было неприятеля. Слух о происшедшем дошел до штаба, и возмущенный маршал Ланн заявил, что он не хочет больше иметь Лабедуайера у себя в адъютантах. В отчаянии Лабедуайер уже выхватил пистолет, чтобы пустить себе пулю в лоб, когда наш друг де Вири сказал ему, что было бы честнее искать смерти в схватке с врагом, а не лишать себя жизни самому. Де Вири, который был приближен к маршалу, как раз получил приказ вести кавалерийский полк на испанскую батарею. Лабедуайер присоединился к полку, который шел в атаку, одним из первых бросился на батарею. Батарея была взята, а де Вири и Лабедуайер вместе привезли пушку!.. Никто из них не был ранен, но у Лабедуайера в двух дюймах от головы в шапке застряла картечная пуля! Маршал оценил такое мужество, и, когда Лабедуайер собрался снова броситься на вражеские штыки, он удержал его, простил вину и вернул в свой штаб. В тот же вечер Лабедуайер благородно пожал мне руку, и мы жили с ним потом в дружбе. Лабедуайер и де Вири были упомянуты в бюллетене сражения и вскоре произведены в капитаны.

Глава VII

Опасная поездка из Туделы в Аранду. — Дорожные происшествия. — На меня нападают и серьезно ранят в Агреде. — Возвращение в Туделу

Я дошел до одного из самых тяжелых моментов моей военной карьеры. Маршал Ланн одержал большую победу, и на следующий день, получив рапорты от всех генералов, он диктовал бюллетень сражения, который один из его офицеров должен был отвезти императору. Обычно Наполеон повышал в звании офицера, доставившего ему вести о значительном успехе, и маршалы поручали это тому, кого хотели продвинуть. Это было своего рода предложение, на которое Наполеон чаще всего отвечал. Когда маршал Ланн удостоил меня чести сообщить императору о победе при Туделе, я понял, что могу надеяться стать в скором времени начальником эскадрона. Но, увы, мне пришлось еще неоднократно пролить свою кровь, прежде чем я получил это звание!..

Большая дорога от Байонны до Мадрида проходит через Виторию, Миранда-де-Эбро, Бургос и Аранду, а в Миранде от нее отходит дорога, которая ведет в Сарагосу через Логроньо и Туделу. Их объединяет дорога из Туделы в Аранду через горы Сории, образуя таким образом огромный треугольник. За то время, которое понадобилось Ланну, чтобы прийти в Туделу и дать бой, император прошел вперед из Бургоса до Аранды. Конечно, чтобы соединиться с ним, гораздо ближе было отправиться прямо из Туделы в Аранду, а не возвращаться к Миранда-де-Эбро. Но последняя дорога имела огромное преимущество, так как охранялась французской армией, в то время как на другой было много испанских беглецов, которые могли скрываться в горах Сории после разгрома под Туделой. Император предупредил маршала Ланна, что он поведет корпус маршала Нея от Аранды на Туделу через Сорию, и Ланн, считая, что Ней уже близко, на следующий день после сражения выслал авангард в Тарасону, чтобы наладить с ним связь. Думая, что это предохранит меня от нападений в пути до Аранды, он приказал мне ехать по более короткой дороге через Сорию. Могу искренне признаться, что, если бы я мог выбирать, я бы предпочел сделать большой крюк через Миранду и Бургос. Но я получил приказ от маршала и не мог проявить беспокойство по поводу своей собственной персоны перед человеком, никогда не боявшимся ни за себя, ни за других.

Служба маршальских адъютантов в Испании была ужасной!.. Раньше, во время революционных войн, у военачальников были курьеры, оплачиваемые государством, которые доставляли депеши. Но император счел, что эти люди не были способны толково объяснить, что они видели по дороге, он их отменил, и с тех пор депеши доставлялись адъютантами. Все было хорошо, пока война шла среди благодушных немцев, которым не приходило в голову нападать на спешащего с почтой француза. Но испанцы ожесточенно нападали на адъютантов, и это приносило много пользы восставшим — из депеш они узнавали о продвижении наших войск. Я не преувеличу, если скажу, что около 200 штабных офицеров были убиты или захвачены во время войны на Пиренейском полуострове с 1808 по 1814 год. Смерть простого курьера вызывала сожаление, но еще большее сожаление вызывала потеря офицера, который постоянно рисковал своей жизнью на поле боя, а теперь еще и при доставке почты. Большое число крепких мужчин, хорошо знающих свое ремесло, по-прежнему были готовы предоставить свои услуги армии, но император не соглашался.

В момент моего отъезда из Туделы участливый майор Сен-Марс позволил себе сделать несколько замечаний, в надежде, что маршал Ланн изменит свой приказ отправить меня горной дорогой. Но тот ответил: «Ба! Сегодня ночью он встретится с авангардом Нея, чьи войска расположены до императорской ставки в Аранде!» Мне нечего было возразить против такого решения. И вот я выехал из Туделы 24 ноября вечером. С отрядом кавалеристов без препятствий я добрался до Тарасоны, расположенной в предгорьях. В этом городке я нашел авангард маршала Ланна, командир которого, не имея никаких сведений о маршале Нее, выдвинул один пехотный пост на 6 лье вперед, к Агреде, где ждали этого маршала. Но так как этот пост оказался удаленным от всякой помощи, он получил приказ вернуться в Тарасону, если ночью не появятся разведчики маршала Нея.

После Тарасоны больших дорог не было. Передвигаться приходилось по горным тропинкам, покрытым камнями и обломками скал. У командира нашего авангарда были только пехотинцы и два десятка гусар 2-го полка (Шамборана)[61]. Он дал мне гусарскую лошадь, двух сопровождающих, и я продолжил путь под лучами ярко светящей луны. Мы проделали 2 или 3 лье, когда услышали ружейные выстрелы, и пули засвистели рядом с нами. Стрелявших мы не видели, так как они прятались в скалах. Немного дальше мы натолкнулись на тела двух недавно убитых французских пехотинцев. Их полностью обобрали, оставив только кивера. Я смог прочесть выгравированные на бляхах номера и

узнал, что несчастные были из полка, входящего в корпус маршала Нея. На некотором расстоянии от этого места мы заметили — страшно даже сказать!.. — молодого офицера 10-го конно-егерского полка, в униформе, пригвожденного за руки и за ноги к двери сарая!.. Несчастный был прибит вниз головой, и под ним был разожжен небольшой костер!.. К счастью для него, его мучения уже закончились, он был мертв!.. Но кровь еще текла из его ран, значит, казнь была совершена совсем недавно, и убийцы были недалеко! Я вытащил саблю, а мои гусары взялись за карабины.

Хорошо, что мы были начеку, так как вскоре семь или восемь испанцев, двое из них конные, стали стрелять из-за кустов. Никто из нас не был ранен, гусары дружно ответили из карабинов, убив каждый по испанцу, а затем, с саблями в руках, ринулись на оставшихся. Я хотел было последовать за ними, но моя лошадь расковалась на горных тропах и так сильно хромала, что невозможно было пустить ее галопом. Это было тем более досадно, что я опасался, как бы гусары не увлеклись преследованием врага и не попали в засаду. Я звал их минут пять, пока не услышал голос одного из них, восклицающего с сильным эльзасским акцентом: «А! Разбойники!.. Вы еще не знаете гусар Шамборана! Вы увидите, что они не шутят!..» Мои кавалеристы захватили двух испанцев: одного капуцина, который взял лошадь бедного лейтенанта егерей и повесил себе на шею его лядунку. Второй был крестьянином, он сидел на муле, на спине которого была сложена одежда несчастных пехотинцев, которых я видел мертвыми. Было очевидно, что мы напали на убийц!.. Приказ императора предписывал расстреливать на месте любого испанца, взявшего в руки оружие. Впрочем, что было делать с этими двумя тяжелоранеными разбойниками, которые только что убили грех французов таким жестоким способом?.. Я тронул мою лошадь, чтобы не присутствовать при экзекуции. Гусары прикончили монаха и крестьянина, приговаривая: «А! Вы не знаете Шамборан!»

Я не мог понять, как конно-егерский офицер и два пехотинца из корпуса маршала Нея оказались так близко к Тарасоне, если их полки еще не проходили, но возможно, что эти несчастные направлялись к Сарагосе. Их схватили, а когда испанцы узнали о разгроме в Туделе, то отомстили, расправившись с пленниками.

Я продолжал путь, начало которого было таким тревожным! Наконец, после нескольких часов езды, мы увидели в поле бивуачные огни. Это был пост того французского авангарда, который я оставил в Тарасоне. Младший лейтенант, командующий этим постом, не получив никаких сведений о

маршале Нее, собирался вернуться в Тарасону на рассвете, согласно полученному приказу. Он знал, что до Агреды нам осталось не больше 2 лье, но не мог сказать, занят ли этот город, а если да, то кем. Я находился в большом затруднении, так как через несколько часов отряд должен был уйти. Если я вернусь с ним, то, может быть, проявив осторожность вместо смелости, вызову упреки маршала Ланна. С другой стороны, если войска маршала Нея находятся еще в одном или двух днях пути, почти с полной уверенностью можно предположить, что в горах меня убьют или местные крестьяне, или скрывающиеся там солдаты, тем более что дальше мне предстоит ехать в одиночестве. Действительно, два моих бравых гусара должны были вернуться в Тарасону, так как имели приказ сопровождать меня только до встречи с отрядом пехотинцев.

Неважно! Я решил продвигаться вперед. Приняв решение, мне нужно было справиться с еще одной трудностью: найти лошадь. Здесь не было ни фермы, ни деревни, где я мог бы ее достать. Лошадь, на которой я ехал, ужасно хромала, лошади моих гусар были очень утомлены, к тому же ни один из них не отдал бы мне свою лошадь, опасаясь быть сурово наказанными своими начальниками. Правила на это счет были очень строгими. Лошадь офицера конных егерей тоже не могла мне послужить, так как во время боя получила пулю в ногу. Оставался только крестьянский мул. Он был хорош и по законам войны принадлежал теперь двум гусарам, которые собирались его продать по возвращении в часть. Однако эти добрые товарищи без колебаний отдали его мне и положили мое седло ему на спину. Но это проклятое животное, больше привыкшее носить поклажу, чем седока, оказалось таким норовистым и упрямым, что, когда я захотел отправиться в путь, мул начал брыкаться и никак не хотел оставаться один!.. Мне пришлось слезть, иначе я рисковал быть сброшенным в пропасть.

Тогда я решился идти пешком. Я уже попрощался с пехотным офицером, когда этот прекрасный молодой человек по имени Тассен, выпускник военного училища в Фонтенбло, где он был знаком с моим несчастным братом Феликсом, подбежал ко мне и сказал, что ему очень жаль, что я вынужден подвергаться такой опасности один и что, хотя у него нет соответствующего приказа, а в его подчинении только неопытные новобранцы, он хочет дать мне одного из них, чтобы у меня хотя бы было ружье и патроны, если на меня нападут. Я согласился, и мы договорились, что я отправлю пехотинца назад с войсками маршала Нея.

Я отправился в путь в сопровождении этого солдата. Это был небольшого роста нормандец, с медленной речью, с хитрецой,

которую он скрывал под внешним добродушием. Нормандцы обычно храбры, я в этом убедился, когда командовал 23-м конно-егерским полком, в котором их было от 500 до 600 человек. Чтобы узнать, могу ли я рассчитывать на моего спутника, я заговорил с ним по дороге и спросил, как он будет себя вести, если на нас нападут. Он ответил неопределенно: «Ну… там видно будет…», из чего я заключил, что в опасный момент мой сопровождающий может и струсить.

Луна на небе погасла, но рассвет еще не наступил. В полной темноте мы спотыкались на каждом шагу о камни, которыми покрыты эти горы. Положение было тяжелым, но я надеялся в скором времени встретить войска маршала Нея. Надежда поддерживалась даже тем, что солдаты, тела которых мы нашли, были из его корпуса. Я шел решительно, а мой попутчик-нормандец рассказывал мне о своем крае. Наконец занялась заря, и я заметил первые дома большого поселения: это была Агреда.

Я был огорчен, не найдя французских постов. Это означало не только то, что в этом месте не было войск маршала, но что им надо было идти по крайней мере еще полдня, поскольку на карте следующая деревня была только в 5 или 6 лье от Агреды, а расположить полки на ночь в горах, вдали от жилья, невозможно. Я держался настороже и, прежде чем двинуться вперед, изучил ситуацию.

Агреда расположена в широкой долине, у подножия холма с крутыми склонами. Южный отрог со скалистой вершиной, подходящий к городку, был покрыт виноградниками, а северный отрог — густым лесом; внизу бушевал бурный поток. По то сторону виднелись дикие и безлюдные горы. Через всю Агреду проходила одна главная улица, к которой примыкали очень узенькие улочки, по которым крестьяне добирались до своих виноградников. Войдя в городок, я оставил эти улочки и холмы справа. Чтобы лучше понять мой рассказ, постарайтесь представить себе эту обстановку.

Все спало в Агреде, это был благоприятный момент, чтобы пройти через нее. К тому же у меня была хоть и слабая, но надежда, что, оказавшись на другом конце селения, я наконец увижу огни авангарда маршала Нея. И я пошел вперед, держа саблю наготове и приказав моему нормандцу зарядить ружье. Большая улица была покрыта толстым слоем мокрых листьев, — жители специально рассыпают их, чтобы получить удобрение для своих виноградников, — мы бесшумно ступали по ним, и я был этим доволен…

Я шел посередине улицы, мой солдат шел справа. Чтобы быть незаметнее, он огибал дома, прижимаясь к стенам, может быть,

считая, что в случае нападения так будет легче сбежать по маленьким улочкам, ведущим в поля. Это доказывало, как мало я мог рассчитывать на этого человека. Но я не сделал ему ни одного замечания.

День уже начинался. Мы прошли большую улицу, никого не встретив. Я уже думал, что все обойдется, когда, дойдя до последних домов, я оказался лицом к лицу примерно в двадцати пяти шагах от четырех испанских королевских карабинеров на конях и с саблями в руках!.. В других обстоятельствах я мог бы принять этих всадников за французских жандармов, униформа была очень похожа. Но жандармы не участвуют в передовых постах. Эти люди не могли принадлежать к корпусу маршала Нея, и я сразу же понял, что это были враги. Я начал быстро разворачиваться назад, в ту сторону, откуда я пришел. И в тот момент, когда я уже почти закончил поворот, в нескольких дюймах от моего лица блеснул клинок… Я отскочил, но получил ужасный удар саблей в лоб — у меня до сих пор остался шрам над левой бровью!.. Меня ранил бригадир карабинеров. Оставив четырех солдат на окраине поселка, он объезжал его, как это принято у военных, чтобы убедиться, что в нем нет французов. Я разминулся с ним, потому что, когда я двигался по главной улице, он, вероятно, был в каком-нибудь переулке. А потом он выехал на главную улицу, чтобы вернуться к своим людям. Он подъехал ко мне сзади совершено бесшумно, из-за тех же разбросанных всюду мокрых листьев, и собирался уже разрубить мне затылок, когда я повернулся к нему лицом и удар пришелся по лбу.

В тот же момент четыре карабинера, которые до сих пор не двигались, так как видели, что мне готовил их начальник, двинулись рысью в нашу сторону, и все пятеро устремились ко мне! Я машинально бросился к домам справа, чтобы прижаться спиной к стене, и, к счастью, одна из узеньких и извилистых улочек, ведущих к винограднику, оказалась в двух шагах от меня. Нормандец уже юркнул в нее. Я тоже устремился туда, а пятеро карабинеров за мной. Они не могли напасть на меня все сразу, так как ширины улочки хватало только на одного всадника. Они ехали друг за другом, впереди был бригадир. Хотя здесь мое положение было немного лучше, чем на большой улице, где я был бы окружен, оно все же было ужасным. Кровь хлестала у меня из раны, заливала левый глаз, которым я уже ничего не видел, и я чувствовал, что она уже застилает и правый. Чтобы не совсем ослепнуть, я должен был склонять голову к левому плечу, чтобы кровь стекала в эту сторону. Я не мог ее отереть, я отступал, поднимаясь наверх, пятясь и защищаясь как мог от ударов сабли

бригадира. Ножны и шапка мне мешали, и я их бросил.

Не поворачивая головы, чтобы не выпустить из вида противника, с которым мы скрестили оружие, я приказал вольтижеру-нормандцу[62], считая, что он находится сзади меня, положить ружье мне на плечо, взять на прицел испанского бригадира и выстрелить. Не почувствовав тяжести ствола, я на мгновение повернул голову, отступив на шаг, и что же я увидел? Мой нормандский солдат со всех ног бежал к вершине холма! Испанский бригадир усилил свои выпады, но, видя, что не может меня достать, он поднял на дыбы свою лошадь, и ее передние ноги несколько раз ударили меня прямо в грудь. К счастью, удары были не очень сильными, так как дорога шла вверх, а на задних ногах лошадь стояла не очень твердо. Каждый раз, когда она снова ставила свои передние ноги на землю, я бил ее саблей по носу, так что она больше не поднималась на меня.

Тогда бригадир вышел из себя и крикнул всаднику, двигавшемуся за ним: «Бери карабин, дорога поднимается, я пригнусь, ты прикончишь этого француза из-за моего плеча…» Я понял, что этот приказ означает мою смерть! Но чтобы его выполнить, солдат должен был вложить саблю в ножны и отстегнуть карабин. Все это время бригадир старался достать меня острием своего оружия, нагнувшись к шее лошади, и тогда я решил совершить отчаянный поступок, который мог либо спасти меня, либо погубить! Не спуская глаз с испанца и видя, что он наклоняется еще больше, пытаясь меня достать, я замер, и в ту секунду, когда его тело нависло надо мной, я отскочил вправо, нагнулся, уходя от удара моего противника, и мой клинок до половины вонзился в его левый бок! Бригадир издал ужасный крик и опрокинулся на круп своей лошади! Он, вероятно, упал бы на землю, если бы следующий за ним всадник не подхватил его…

При резком движении из кармана моего ментика выпали депеши, которые я нес императору, я мгновенно их подобрал и стал подниматься к концу улочки, где начинались виноградники. Там я обернулся и увидел, что испанские карабинеры сгрудились вокруг своего раненого бригадира и что в этом узком наклонном месте им очень трудно разобраться с раненым и лошадьми.

Эта стычка заняла меньше времени, чем потребовалось для рассказа о ней. Видя, что я оторвался от моих врагов, по крайней мере, на какое-то время, я пробежал через виноградник и оказался на вершине холма. Я понимал, что выполнить поручение и прийти к императору в Аранду невозможно, и решил вернуться к маршалу Ланну через то место, где я оставил Тассена с пикетом пехотинцев. Я не надеялся там их застать, но в том направлении были части, от которых я ушел накануне. Напрасно я

высматривал своего вольтижера, его я не увидел, но заметил кое-что более полезное для меня — чистый ручей. Я остановился на мгновение, оторвал угол рубашки, сделал что-то вроде компресса, закрепив его на голове с помощью платка. Депеши были залиты кровью, но меня это не волновало, настолько я был озабочен положением, в котором оказался.

Волнения этой бурной ночи, поход по каменистым тропам в сапогах со шпорами, сражение, которое я только что выдержал, ранение в голову, пролитая мною кровь — все это истощило мои силы. Я ничего не ел от самой Туделы, для поддержания сил у меня была только вода! Я напился большими глотками. Мне хотелось немного отдохнуть у этого очаровательного источника, но я увидел трех испанских карабинеров, которые выезжали на лошадях из Агреды и направлялись ко мне по тропинкам в винограднике. Если бы им пришло в голову спешиться и снять свои ботфорты, они, скорее всего, настигли бы меня. Но их лошади с трудом поднимались по узким каменистым тропинкам и даже совсем остановились перед большими валунами, за которыми я укрылся.

Тогда всадники стали продвигаться вдоль валунов в том же направлении, что и я, между нами было расстояние на длинный выстрел карабина. Они кричали мне, чтобы я сдавался, что они солдаты и будут обращаться со мной как с военнопленным, а если меня захватят крестьяне, то обязательно зарежут. В этом была своя правда, и признаюсь, что, если бы у меня не было депеш для императора, я возможно бы и сдался, настолько я был изможден!

Однако, думая только о том, как бы подольше сохранить драгоценный пакет, доверенный мне маршалом, я продолжал идти, ничего не отвечая. Тогда испанцы стали стрелять в меня из карабинов. Пули ударяли в скалы у моих ног, но ни одна меня не задела, так как расстояние для прицельного огня было слишком велико. Сама стрельба не волновала меня, но я испугался, что на выстрелы прибегут крестьяне, которых поднявшееся солнце уже должно было позвать на работу. Я представил себе, как на меня нападут жестокие жители этих гор. И казалось, что зловещее предчувствие уже сбывается, так как в полулье от себя я увидел человек пятнадцать мужчин, быстрым шагом продвигавшихся по долине в моем направлении!.. В руках у них было что-то блестевшее в лучах солнца. У меня не было сомнения, что идут крестьяне, вооруженные лопатами, и железо блестит на солнце. Я уже считал, что совсем пропал. В отчаянии я собрался уже скатиться по скалистому северному склону холма, чтобы добраться до горного потока, перебраться через него и укрыться в какой-нибудь расщелине в горах, возвышающихся за этим

глубоким ущельем. Потом, если меня не обнаружат, я ночью пройду к Тарасоне, если у меня хватит на это сил…

Такой план, скорее всего, не удался бы, но это была моя последняя надежда. Я уже собрался его выполнять, когда вдруг заметил, что карабинеры перестали в меня стрелять и двинулись навстречу группе, которую я принял за крестьян. При приближении железные инструменты, которые я принял за лопаты или мотыги, выставились вперед, и я с радостью увидел, что испанских карабинеров встретили огнем. Испанцы тотчас повернули назад и помчались во весь опор к Агреде, хотя двое, кажется, были ранены!.. «Это французы! — вскричал я. — Скорее к ним!..» Мысль о том, что я спасен, придала мне силы. Я стал спускаться, опираясь на клинок сабли. Французы заметили меня. Они взобрались на холм, и я оказался в объятиях храброго лейтенанта Тассена!

Вот каким обстоятельствам я обязан тому, что ко мне пришла эта чудесная помощь. Солдат, который меня бросил в схватке с карабинерами на улицах Агреды, быстро добежал до виноградников, откуда, перепрыгивая, как горный козел, через лозы, рвы, выступы и изгороди, очень быстро пробежал 2 лье, которые нас отделяли от того места, где мы оставили пост Тассена. Отряд собирался двинуться к Тарасоне, солдаты ели суп, когда прибежал запыхавшийся нормандец. Прежде всего, он не захотел пропустить еду, сел со всеми и принялся спокойно обедать, не говоря ни слова о том, что произошло в Агреде… На мое счастье, его заметил Тассен, удивился его возвращению и спросил, где тот оставил офицера, которого ему поручили сопровождать. «В большой деревне с пробитой головой, он сражался с испанскими всадниками, которые рубили его саблями», — ответил мой нормандец. Услышав это, лейтенант Тассен приказал отряду взять оружие, выбрал пятнадцать самых ловких солдат, и они бросились к Агреде. Офицер и его маленький отряд проделали уже 1 лье, когда услышали ружейные выстрелы. Из этого они заключили, что я еще жив и нуждаюсь в скорой помощи. Подстегнутые надеждой меня спасти, эти смельчаки ускорили шаг и наконец заметили меня на гребне холма, когда я служил мишенью для трех карабинеров!..

Лейтенант Тассен и его люди были утомлены, а я уже не мог держаться на ногах. Мы устроили небольшой привал, во время которого я высказал всю благодарность лейтенанту и его вольтижерам, радость которых была так же велика, как и моя. Затем мы дошли до бивуака, где Тассен оставил половину своих людей. Там находилась ротная маркитантка, ее мул был нагружен двумя бурдюками вина, хлебом и ветчиной. Я купил все это для

вольтижеров, и мы устроили обед, в котором я тоже очень нуждался. Еду разделили с нами и двое гусар, оставленных на этом посту прошлой ночью. Один из них отдал мне свою лошадь, сам он сел на мула монаха, и мы выехали в Тарасону. Я испытывал сильную боль, так как кровь на моей ране засохла и образовала корку. В Тарасоне я нашел авангард маршала Ланна. Генерал, командующий авангардом, отправил меня на перевязку, затем дал лошадь и двух гусар для сопровождения в Туделу, куда я и прибыл к середине ночи.

Маршал принял меня сразу же, хотя был нездоров. Мои приключения его, кажется, тронули. Однако нужно было срочно доставить донесения императору, который с нетерпением ждал новостей от корпуса, стоящего на Эбро. Я хотел выполнить поручение, тем более что теперь, зная, что со мной случилось в горах Сории, маршал согласился, чтобы офицер, отправляющийся с донесениями к Наполеону, двигался через Миранду и Бургос по безопасным дорогам, охраняемым французскими войсками. Но я был настолько слаб, что физически не мог быстро передвигаться, как положено курьеру. Маршал поручил это дело своему зятю Гёэнёку. Я передал ему депеши, красные от моей крови. Но когда Сен-Марс из секретариата хотел их переписать и сменить конверты, маршал вскричал: «Нет! Нет! Хорошо, что император увидит, как храбро защищал их капитан Марбо!» Он отправил пакет как он был, добавив только письмо, объясняющее Его Величеству причину задержки. В нем он похвалил меня и попросил награды для лейтенанта Тассена и его людей, поспешивших мне на помощь, не думая об опасности, которой они подвергались, если бы врагов было намного больше.

Действительно, через некоторое время император наградил лейтенанта Тассена и его сержанта крестом Почетного легиона, а все сопровождавшие их вольтижеры получили по 100 франков каждый. Что же касается нормандца, то за то, что он бросил свой пост перед врагом, военный совет осудил его на два года каторги. Свою службу он должен был заканчивать в рабочей роте.

Глава VIII

Мы присоединяемся к Наполеону. — Сомосьерра. — Поход в Португалию. — Переход через Гвадарраму. — Бенавенте. — Поражение при Бенавенте. — Поход на Асторгу

Маршал Ланн привел свои войска к воротам Сарагосы, но у него не было тяжелой артиллерии для осады города, в котором укрылось более 60 тысяч вооруженных людей — солдат и крестьян. Пока он ограничился охраной главных подходов, передал командование маршалу Монсею и, следуя инструкциям, отправился к императору. Я уже говорил, что маршал Ланн заболел, ему трудно было быстро скакать верхом. В Туделе нашли повозку и установили посты для смены лошадей в армейском обозе.

Хотя я знал, что маршал будет делать не больше 20 лье в день и отдыхать ночью, я понимал, что поездка будет тяжела для меня, так как адъютанты должны были верхом сопровождать повозку маршала. Я чувствовал, что, если семь-восемь дней буду скакать галопом много часов подряд, это обострит ужасную боль, которую причиняла мне рана. Но маршал был так добр, что дал мне место в своем экипаже, где были также его друзья — генералы Пузе и Фрер. Они любили поговорить и посмеяться, даже позлословить, а так как мы были едва знакомы, то вначале мое присутствие их немного стесняло. Но когда маршал сказал: «Он славный малый, вы можете говорить при нем все…», они почувствовали себя свободно.

Хотя мы отдыхали по ночам, поездка была для меня очень тяжелой. Мы проехали через Логроньо, Миранду, Бургос, пешком прошли знаменитое ущелье Сомосьерра, которое несколько дней назад на глазах у императора захватили польские уланы его гвардии, впервые в тот день участвующие в сражении[63]. В этом бою отличился генерал Монбрен, ставший с тех пор знаменитым.

По дороге от Аранды к Мадриду Монбрен следовал за штабом, когда император, опережая на несколько часов свою пехоту, прибыл к подножию Сомосьерры. С ним были только польские уланы. Дорога была очень крутой, сжатой между двух гор, и стояло полевое укрепление, охраняемое несколькими тысячами испанцев. Наполеон хотел в тот же день доехать до Буитраго. При вынужденной остановке он рассчитал, что пехоту можно прождать еще долго, и приказал полякам очистить проход через ущелье.

Поляки обладают только одним достойным качеством, но

обладают им в высшей степени: они очень храбры. Их командиры, не имея военного опыта, не знали, что при проходе через ущелье следует оставлять между эскадронами пространство, равное каждому из эскадронов: если первые будут отброшены, то сзади окажется довольно места, чтобы перестроиться, не сталкиваясь с эскадронами, идущими сзади. Польские командиры легкомысленно бросили полк в ущелье, не приняв нужных мер. С двух сторон их встретили градом пуль, на вершине дорога тоже была перекрыта, и их потери были тем более значительны, что первый эскадрон в беспорядке отступил и натолкнулся на второй, второй на третий и т. д., так что полк представлял собой бесформенную массу на дороге, зажатой между горами. Он не мог развернуться, и испанцы расстреливали его почти в упор с соседних скал!

Было очень трудно распутать это смешение. Наконец это удалось, и поляки стали перестраиваться на равнине под наблюдением императора, который похвалил их за храбрость, но раскритиковал то, как они предприняли атаку. Командиры согласились и выразили сожаление, что их не возглавляет опытный военачальник. Тогда начальник штаба Бертье, желая выдвинуть Монбрена, которого он знал как прекрасного и храброго кавалерийского офицера, указал Наполеону на присутствие этого генерала. Император подозвал его и поручил командование уланами, приказав повторить атаку.

Монбрен был великолепным мужчиной, вполне в жанре Мюрата: высокий рост, шрам на лице, черная борода, настоящий военный и прекрасный наездник. Он понравился полякам, и те обещали подчиняться его приказам. Расставив эскадроны с промежутками и дав все необходимые указания, Монбрен гордо встал впереди войск. Он устремился в ущелье… Сначала встречный огонь расстроил несколько эскадронов, но у колонн было место для переформирования, так что это не вызвало большого беспорядка, и уланам удалось наконец добраться до вершины горы[64].

Генерал Монбрен соскочил на землю, первым добежал до укрепления и под градом пуль принялся вырывать из земли колья палисада. Поляки последовали его примеру. Укрепления были разрушены. Солдаты вновь сели на лошадей, и полк обрушился на испанцев. За ущельем участок расширяется и спускается к Буитраго. Уланам было легко догнать спасающихся в беспорядке вражеских пехотинцев. Проход был взят, император проехал его и, поднявшись на вершину, он не только увидел, как французское знамя развевается над Буитраго, но и как конница Монбрена в лье от этого города преследует бегущих испанцев! Вечером Наполеон

поздравил поляков, а Монбрен получил звание дивизионного генерала. Через несколько месяцев он взял его в Австрию, где Монбрен столь хорошо командовал дивизией, что в 1810 году император назначил его командующим всей кавалерией Португальской армии, а затем доверил ему кавалерийский корпус в Русской кампании. Он был убит в сражении при Москве-реке.

Маршал Ланн рассмотрел позицию, о которой я только что рассказал, мы спустились вниз по ущелью и остановились на ночь в Буитраго, откуда на следующий день доехали до Мадрида. Император уже несколько дней находился в городе, которым он смог овладеть только после серьезного боя. Он восстановил на троне своего брата, короля Жозефа. Маршал Ланн представил меня Наполеону, который принял меня благожелательно и сказал, что скоро я получу награду за мое поведение в Агреде. В Мадриде мы застали господина Гёэнёка. Он носил все знаки отличия полковника — этот чин ему пожаловал император, когда получил из его рук донесение о сражении при Туделе, окрашенное моей кровью. Гёэнёк был славным малым, он подошел ко мне и сказал: «Вы подвергались опасности и были ранены, а я получил новое звание; но я надеюсь, что ваше повышение не заставит себя ждать». Я тоже надеялся на это, но, признаться, немного досадовал на маршала за то, что он заставил меня пойти через Агреду. Но надо было подчиниться судьбе.

В Мадриде маршал Ланн поселился во дворце, который раньше занимал Мюрат. Я опять встретился с моим добрым советником Эрнандесом — узнав о моем приезде, он предложил мне остановиться у него. Я принял это приглашение с признательностью, тем более что рана моя воспалилась и мне нужен был уход. Мой хозяин предоставил мне его, и я уже начал выздоравливать, когда в середине зимы новые события заставили меня вернуться к активным действиям.

Мы находились в Мадриде уже около недели, когда 21 декабря император узнал, что Португальская армия[65] осмелилась выступить, идет на столицу Испании и находится от нее в нескольких днях марша. Он тут же приказал трубить общий сбор, выступил из города во главе своей гвардии и нескольких армейских корпусов и направился в сторону Вальядолида, куда прибывали англичане под командованием генерала Мура. Маршал Ланн уже поправился и должен был следовать за императором не в карете, а верхом. Он предложил мне остаться в Мадриде, чтобы залечить мою рану, но два соображения не позволяли мне этого сделать: прежде всего я хотел участвовать в битве с англичанами; во-вторых, я знал, что император почти никогда не дает повышений *отсутствующим,* а я хотел получить

звание начальника эскадрона, как мне это было обещано. Я стал готовиться к отъезду.

Мне мешало только одно: из-за раны я не мог надеть ни шляпу, ни меховую шапку. Моя голова была обвязана белыми платками, и для штабного офицера, который постоянно должен сопровождать императорский штаб, вид был далеко не военный! Я терзался этой мыслью, когда вдруг мой взгляд упал на гвардейца-мамлюка, на голове которого красовался тюрбан с красным верхом. У меня была фуражка такого же цвета, расшитая золотом. Я обмотал и пришил вокруг нее красивый платок, так что получился тюрбан, который я и водрузил себе на голову поверх бинтов и компрессов, закрывающих мою рану.

Мы вышли из Мадрида вечером, чтобы заночевать у подножия гор Гвадаррамы, которые император собирался переходить на другой день. Было очень холодно, на дороге был гололед, и войска, особенно кавалерия, шли с трудом. Во время этого ночного перехода маршал часто посылал офицеров убедиться, что с колоннами все в порядке. Понимая, что я еще болен, он освободил меня от таких поручений.

Когда все мои товарищи были в разъезде с поручениями и при маршале остались только N и я, N сделал знак, что хочет мне что-то сказать, а затем достал бутылку вишневки. Я поблагодарил, но отказался. Тогда N приложил бутылку к губам и всю ее выпил прямо из горлышка меньше чем за четверть часа! Вдруг он скатился на землю, как подкошенный. Маршал не смог сдержать своего возмущения, но N ему ответил: «Я не виноват — седло оледенело, и я соскользнул!» Маршал оценил ответ и, хотя сердился, не мог сдержать смех. Затем сказал мне: «Пусть его бросят в какой-нибудь фургон». Я исполнил приказ, и наш друг уснул на мешках с рисом, посреди окороков и кастрюль.

К подножию Гвадаррамы мы подошли ночью. Там мы нашли только очень бедную деревню, где и расположились как смогли на ночлег. Холод разбередил мою рану, и я очень страдал. На рассвете армия уже собиралась тронуться в путь, когда батальоны авангарда, уже ушедшие в горы, вернулись и предупредили императора и маршала, что ужасная буря мешает дальнейшему продвижению. Снег ослеплял людей и лошадей. Ветер был такой силы, что снес нескольких человек в пропасть. Любого другого это сообщение остановило бы. Но Наполеон любой ценой хотел встретиться с англичанами. Он поговорил с солдатами и приказал им держать друг друга под руки, чтобы их не унесло ветром. Кавалерия должна была спешиться и идти в таком же порядке. Чтобы подать пример, император разбил штаб на группы, встал между Ланном и Дюроком, а мы встали рядом,

сцепив руки. Затем Наполеон сам подал сигнал, и колонна двинулась вперед и поднялась на гору, несмотря на ветер, который толкал нас назад, бил в лицо, а гололед заставлял спотыкаться на каждом шагу. Все эти четыре убийственных часа, которые длился подъем, я ужасно страдал.

На середине подъема маршалы и генералы, у которых на ногах были ботфорты для верховой езды, не могли, идти дальше. Наполеон сел верхом на пушку, маршалы и генералы поступили так же. Мы продолжали путь таким странным образом и наконец достигли монастыря на вершине горы. Император остановился там, чтобы собрать армию. Нашлись вино и дрова, которые отдали солдатам. Холод был ужасный, все дрожали. Через несколько часов снова пустились в путь. Спуск был тоже очень трудным, но все же не таким, как подъем. К ночи мы спустились на небольшую равнину, где находился большой поселок Сен-Рафаэль и несколько деревень, в которых мы нашли продовольствие, вино и кров. Моя рана, которая начала уже затягиваться при отъезде из Мадрида, снова открылась. Тюрбан прикрывал мне голову только сверху, снег попадал на шею и затылок, таял и стекал по телу. Я был весь мокрый, а наши экипажи еще не пришли. Я провел жестокую ночь.

В следующие дни армия продолжала марш на Эспинар, Вильякастин, Аревало и Медина-дель-Кампо. Чем дальше мы отходили от Гвадаррамы, тем становилось теплее. Вскоре изморозь сменилась дождями, дороги превратились в грязное месиво. Реку Дуэро мы перешли в Тордесильясе, где увидели наконец отставших солдат английской армии, которая бежала при нашем приближении к порту Ла-Корунья. Император хотел догнать ее, прежде чем она успеет сесть на корабли. Он подгонял войска, заставляя их делать 10–12 лье в день, несмотря на плохую погоду и ужасные дороги. Эта поспешность привела к поражению, которое для Наполеона было тем более чувствительным, что испытала его одна из частей его гвардии. Вот как это произошло.

Армия ночевала в Вильяпандо, когда император, в ярости, что ему все время приходится гнаться за англичанами, узнал, что их арьергард находится в нескольких лье от нас в городе Бенавенте, за небольшой речкой Эслой. На рассвете он отправил туда мамлюков и гвардейских егерей впереди пехотной колонны. Командовал войском генерал Лефевр-Денуэтт, очень храбрый, но и очень неосторожный офицер. Этот генерал пришел со своей кавалерией на берег Эслы перед Бенавенте, расположенном в полулье за рекой. Не обнаружив врага, он решил выслать разведку в город. Это было вполне по-военному, но для разведки достаточно одного взвода, так как двадцать пять человек видят

так же далеко, как две тысячи, а если попадут в засаду, то, по крайней мере, будет меньше потерь. Генерал Денуэтт должен был дождаться пехоты, прежде чем легкомысленно отправляться за Эслу. Однако, не слушая никаких замечаний, он переправил вброд весь полк конных егерей, направился к городу и послал мамлюков осмотреть его. Те не нашли ни одного жителя — верный признак, что неприятель готовит засаду. Французский генерал должен был хотя бы из осторожности отступить, потому что с такими силами нельзя сражаться с многочисленным неприятельским арьергардом. Вместо этого Денуэтт продвинулся дальше вперед. И когда он проезжал по городу, его внезапно окружили 4 или 5 тысяч английских кавалеристов. Скрыв свое передвижение за домами окраинных кварталов, они вдруг обрушились на егерей Императорской гвардии. Егеря, стремясь выйти из города, защищались так мужественно, что прорвались через англичан и перешли реку без больших потерь. Полк прибыл на левый берег, перестроился… Только тогда было замечено отсутствие генерала Денуэтта. Прибывший английский парламентер вскоре сообщил, что под генералом убили лошадь, а самого генерала захватили в плен…

В это время прибыл император. Можете представить себе его гнев, когда он узнал, что не только его любимый полк потерпел поражение, но что его командир остался в руках англичан! Хотя Наполеон был крайне недоволен неосторожностью Лефевра-Денуэтта, он предложил все же обменять его на офицера такого же звания, находящегося в плену во Франции. Но генералу Муру слишком хотелось предъявить английскому народу одного из полководцев Императорской гвардии, попавшего к нему в плен, и он не согласился на обмен. К генералу Денуэтту отнеслись с большим почтением, но отправили в Лондон как трофей, что еще больше разгневало Наполеона.

Несмотря на небольшой успех, достигнутый в стычке с конными егерями Императорской гвардии, англичане продолжали отходить. Мы перешли Эслу и заняли Бенавенте. От этого города до Асторги расстояние по меньшей мере 15–16 лье, и надо переходить множество речек. Но императору настолько не терпелось догнать неприятеля, что он захотел, чтобы его армия проделала этот путь за один день, хотя дни тогда были очень короткими, было 31 декабря. Мне редко приходилось совершать такие тяжелые переходы. Ледяной дождь пробивал одежду, лошади и люди вязли в болотистой земле. Мы продвигались с большим трудом, а так как англичане разрушили все мосты, то нашим пехотинцам пришлось пять или шесть раз раздеваться, класть оружие и вещи на голову, голыми входить в ледяную воду

речек, через которые надо было переправляться.

Я рассказываю об этом с большим сожалением, но я видел, как трое старых гренадеров, поняв, что они больше не могут продолжать этот тяжелый путь, но и не могут отстать из опасения, что крестьяне замучают их и убьют, пустили себе пулю в лоб из своих собственных ружей! Темная и дождливая ночь только усилила усталость армии, солдаты падали прямо в грязь… Очень многие остались в деревне Баньеса. Только головные части полков пришли в Асторгу, остальные остались на дороге.

Была глубокая ночь, когда император и маршал Ланн, имея в эскорте только штабных офицеров и несколько сотен кавалеристов, вошли в Асторгу. Город едва осмотрели, настолько все были изможжены и думали только о том, чтобы найти кров и согреться! Если бы неприятель узнал об этом и вернулся, то мог бы захватить самого императора. К счастью, он поспешно отступал, и в городе мы не обнаружили ни единого вражеского солдата. К тому же все время подходили отставшие французы, что увеличивало охрану императора.

Асторга — довольно большой город, всем прибывшим удалось поспешно там разместиться. Для маршала Ланна мы выбрали довольно красивый дом по соседству с императорским. Все промокли до костей, было очень холодно, так как совсем рядом возвышались горы Астурии. Наши слуги и багаж еще не прибыли, но надо было обязательно найти способ согреться. Разожгли огонь, но этого было недостаточно. Маршал дрожал от холода. Я уговорил его снять всю одежду, даже рубашку, завернуться в шерстяное одеяло и лечь между двумя матрасами. Он так и сделал. За ним последовали и все мы — жители сбежали из домов, и свободных кроватей в них хватило на всех. Так закончился для нас 1808 год.

Глава IX

1809 год. Битва при Ла-Корунье. — Наполеон покидает армию. — Ланн идет на Сарагосу. — Осада и взятие этого города. — Я тяжело ранен

На другой день, 1 января 1809 года, погода оставалась плохой, да и император чувствовал необходимость собрать свою армию. Поэтому мы остались в Асторге, куда постепенно стягивались войска. Продовольствия было достаточно, им можно было свободно распоряжаться, так как в городе не было ни единого жителя. Император был очень удручен, узнав, что трое гренадеров из его гвардии покончили с собой. Несмотря на дождь и грязь, он обошел поочередно все дома, в которых укрылись солдаты, разговаривал с ними, поднимал их дух. На следующий день собирались вновь пуститься в погоню за англичанами, когда один из адъютантов доставил письма от военного министра. Полученные известия не позволили императору лично продолжить поход. Вероятно, это были сообщения о враждебных проявлениях Австрии, готовящейся напасть на Францию, в то время как Наполеон и часть Великой армии находились в глубине Испании. Император решил вернуться во Францию со своей гвардией, чтобы готовиться к новой войне, которой грозили австрийцы. Но он не хотел упустить случай наказать англичан и приказал корпусам маршалов Нея и Сульта продолжить погоню. Выступая в путь, они продефилировали перед ним.

Английские войска превосходны, но их набирают только из добровольцев, а те во время войны становятся капризными. Набирали женатых мужчин, а их семьям позволяли следовать за мужьями. Поэтому за полками следовали многочисленные женщины и дети. Это большое неудобство, с которым Великобритания так и не могла справиться. Так случилось, что, когда части Сульта и Нея проходили строем перед императором за стенами Асторги, из одного огромного сарая послышались крики… его открыли… там было 1000 или 1200 английских женщин и детей. Уставшие от долгого марша, проделанного в предыдущие дни, когда они шагали под ледяным дождем, по грязи, перебирались через переполненные потоки, у них не было больше сил идти за армией генерала Мура, и они укрылись в этом просторном сарае, где провели уже двое суток и ели только сырой овес! Почти все женщины и дети были миловидны, несмотря на лохмотья, в которые они были одеты. Они сразу же окружили императора, которого тронул их плачевный вид. Их

устроили в городе, они получили еду. Наполеон послал парламентера к английскому генералу с сообщением, что, как только позволит погода, женщины и дети его солдат вернутся в армию.

Маршал Сульт нагнал неприятельскую армию в горах Леона и разбил ее арьергард под Вильяфранкой, где мы потеряли генерала Кольбера и его адъютанта Латур-Мобура. Английская армия поспешила в порт Ла-Корунью, но сильная буря помешала ей отплыть вовремя[66], и англичанам пришлось дать сражение армии маршала Сульта, которая шла за ними по пятам. Командующий сэр Джон Мур был убит, а его армии удалось сесть на корабли только с огромными потерями. Однако это событие, которое французы сочли сначала очень удачным, стало вскоре для них фатальным: на смену генералу Муру пришел Веллингтон, который принес нам в дальнейшем множество неприятностей.

Именно в Асторге мой брат, служащий в штабе князя Бертье и посланный с донесениями в Мадрид, был захвачен партизанами. Но я узнал об этом много позже. У меня будет еще случай вернуться к этому событию.

В то время как маршал Сульт преследовал англичан в их бегстве к Ла-Корунье, император в сопровождении маршала Ланна выехал из Асторги со своей гвардией, чтобы вернуться в Вальядолид, а оттуда во Францию. Наполеон провел в этом городе два дня. Он отдал приказ маршалу Ланну взять на себя командование двумя армейскими корпусами, осаждающими Сарагосу, а после взятия этого города присоединиться к нему в Париже. Но перед отъездом император хотел выразить штабу маршала Ланна свое удовлетворение и предложил маршалу представить некоторых офицеров к повышению. Я был включен в этот список на получение звания начальника эскадрона. Я особенно воспрянул духом, когда маршал, выйдя из кабинета императора, подозвал меня. Но меня постигло ужасное разочарование!.. Маршал дружелюбно сказал мне, что на то же звание вместе со мной он счел долгом предложить императору и кандидатуру капитана Дагюзана, своего старого *друга.* Но император попросил его выбрать между Дагюзаном и мной.

«Я еще не принял решения, — сказал маршал, — ранение, полученное вами в Агреде, то, как вы повели себя в трудном положении, по праву отдают вам предпочтение. Но Дагюзан стар, и это его последняя кампания. Однако никакие соображения не склонят меня совершить несправедливость. Я отдаю вам право самому указать имя, которое я должен вписать в приказ, который я отдам на подпись императору…» Я был в затруднительном положении и очень огорчен, но ответил, что надо поставить имя

Дагюзана… Со слезами на глазах маршал обнял меня, обещая, что после осады Сарагосы я непременно буду произведен в начальники эскадрона. Вечером маршал собрал офицеров, чтобы объявить им о новых назначениях. Гёэнёк получил чин полковника, Сен-Марс — подполковника, Дагюзан — начальника батальона, д'Альбукерке и Ваттвиль стали членами ордена Почетного легиона, де Вири и Лабедуайер — капитанами… я же не получил ничего!

Мы выступили из Вальядолида на следующий день, направились небольшими переходами с лошадьми к Сарагосе, где маршал Ланн принял командование всеми войсками, осаждающими город: 30 тысяч солдат — 5-й корпус Великой армии, прибывшей из Германии под начальством маршала Мортье, бывший корпус маршала Моисея, которого недавно заменил Жюно. Эти части были сформированы недавно, но им больше не нужно было совершать длительные переходы, к тому же они закалились в битве при Туделе и сражались мужественно.

До начала всеобщего восстания, вызванного пленением Фердинанда VII, Сарагоса не была укреплена. Но, узнав о событиях в Байонне и о насилии, которому Наполеон собирался подвергнуть Испанию, чтобы усадить на трон своего брата Жозефа, Сарагоса дала сигнал к сопротивлению. Ее многочисленное население поднялось в едином порыве: монахи, женщины и даже дети взяли оружие. Город окружали огромные монастыри с толстыми крепкими стенами. Их укрепили, установили пушки. В стенах домов устроили амбразуры, улицы забаррикадировали. Стали изготавливать порох, ядра, пули, собрали большие запасы оружия. Все жители записались в армию и выбрали предводителя — графа Палафокса, одного из военачальников, телохранителя и преданного друга Фердинанда VII. Палафокс сопровождал Фердинанда в Байонну, а после ареста этого короля отправился в Арагон.

Император узнал о мятеже и планах обороны Сарагосы летом 1808 года, но, так как у него еще оставались иллюзии, порожденные донесениями Мюрата, он посчитал этот взрыв патриотизма недостойным особого внимания. Он был уверен, что все утихомирится при подходе нескольких французских полков. Впрочем, прежде чем применить силу, он попытался действовать убеждением. Он обратился к князю Пиньятелли, самому знатному сеньору Арагона, находящемуся тогда в Париже, и предложил ему употребить все свое влияние на жителей Арагона, чтобы успокоить волнение. Князь Пиньятелли согласился на эту миротворческую миссию и прибыл в Сарагосу. Население сбежалось к нему, не сомневаясь, что по примеру Палафокса он

будет сражаться с французами. Когда князь заговорил о подчинении, угрожающая толпа стала наступать на него, и он бы погиб, если бы Палафокс не вывел его и не спрятал в укромном месте, где тот провел восемь или девять месяцев.

Еще в июне 1808 года французские дивизии генерала Вердье подошли к Сарагосе, укрепления которой еще не были закончены. Сначала хотели быстро атаковать. Но едва наши колонны оказались на улицах города, отовсюду — из окон, с колоколен, с крыш, из подвалов грянули смертоносные выстрелы, которые нанесли войскам такие потери, что им пришлось отступить. Тогда французы окружили город и начали методичную осаду. Возможно, это и принесло бы успех, но отступление короля Жозефа вынудило французскую армию уйти от Сарагосы, бросив часть своей артиллерии.

Первая осада не удалась. Но когда в 1809 году наши войска вернулись с победой в провинцию Арагон, маршал снова пошел на Сарагосу. К тому времени оборона города значительно улучшилась, фортификационные сооружения были завершены, собралось все воинственное население Арагона, гарнизон пополнился в большой степени частями регулярной испанской армии Кастаньоса, разгромленной нами при Туделе. Таким образом, число защитников Сарагосы достигло 80 тысяч человек. У маршала для осады было только 30 тысяч. Зато у нас были прекрасные офицеры, в наших рядах царили порядок и дисциплина, тогда как в городе — неопытность и беспорядок. Осажденные проявляли единодушие только в одном: *стоять до конца!* Крестьяне были самыми фанатичными защитниками! Они пришли в город с женами, детьми и даже стадами животных. Они расселились по кварталам и домам, которые они поклялись защищать. Там люди жили скученно, вперемежку со скотом, в отвратительной грязи, так как вывезти нечистоты из города они не могли. Внутренности разделанных животных гнили во дворах и домах, осажденные даже не пытались убирать трупы людей, умерших от эпидемии, которая не замедлила разразиться в городе.

Религиозный фанатизм и священная любовь к родине придавали защитникам города мужество. Сами они слепо положились на *волю Божию.* В характере испанцев многое сохранилось от арабов. Они — фаталисты, поэтому часто повторяли: «Lo que ha de ser no puede faltar…» (Что должно произойти, обязательно произойдет.) В результате, мер предосторожности они не принимали.

Штурмовать город, где каждое жилище стало крепостью, означало бы повторять ошибку, совершенную во время первой

осады, терпеть большие потери без всякой надежды на успех. Маршал Ланн и командующий инженерными войсками генерал Лакост действовали с методичной осторожностью, которая, несмотря на медленность, должна была привести или к сдаче города, или к его разрушению. Начали, как обычно, с рытья апрошей, чтобы добраться до первых домов. Дойдя до них, эти дома минировали, а потом взрывали вместе с их защитниками. Затем взрывали следующие и т. д. Но, проводя эти работы, французы подвергались большой опасности — как только один из них появлялся вне укрытия, он становился мишенью для испанцев, прятавшихся в соседних домах. Генерал Лакост погиб в тот момент, когда появился в чердачном окне, чтобы рассмотреть, что происходит в городе. Ожесточенность испанцев была такой, что, когда мы минировали здание и стук молотка предупреждал их о приближении смерти, никто из них не покидал его стен, которые они поклялись защищать. Мы слышали, как они пели молитвы. Затем, когда стены взлетали в воздух, а потом падали с шумом на землю, погребая под обломками большинство находившихся там людей, чудом уцелевшие сбивались на развалинах вместе и старались их защитить, прячась за любое укрытие, снова начинали стрелять! Но наши солдаты были к этому готовы, и, как только мина взрывалась, они устремлялись к руинам и убивали всех, кого находили, сами занимали позиции за перегородками домов, сооружали заграждения из мебели, балок и устраивали среди этих завалов проходы для саперов, которые должны были взрывать соседний дом. Уже треть города была разрушена, и проходы, проделанные в этих развалинах, образовывали такой запутанный лабиринт, что для ориентации офицеры инженерных войск ставили указатели. Кроме мин, французы применяли артиллерию и сбросили на город около 11 тысяч бомб!

Несмотря на все это, Сарагоса продолжала держаться… Напрасно маршал, испытывающий жалость к героическим защитникам, посылал парламентера с предложением почетной капитуляции… Ее не приняли. Осада продолжалась. Но если дома можно было разрушить обычными минами, то для разрушения больших укрепленных монастырей потребовались очень серьезные земляные работы. Здесь ограничивались взрывом части стен, а как только в них возникала брешь, солдаты шли через нее на приступ. Осажденные прибегали на ее защиту, и стычки были ужасными. В таких атаках мы понесли больше всего потерь.

Самыми укрепленными были монастыри Инквизиции и Санта-Инграсия. Наши саперы подобрались к Санта-Инграсии и уже заминировали одну из стен. Среди ночи меня вызвал маршал

и сказал, что для моего быстрого повышения он дает мне важное задание: «На рассвете мина будет взорвана. В стене будет проделана брешь. Восемь гренадерских рот готовы к штурму. Я приказал, чтобы все капитаны в них имели бы меньшую выслугу лет, чем вы. Вам я поручаю командование этой колонной. Возьмите монастырь, и я уверен, что первый же курьер из Парижа доставит мне присвоенное вам звание начальника эскадрона!» Я с благодарностью принял поручение, хотя в тот момент моя рана еще очень беспокоила меня. Заживая, кожа образовывала рубец, который мне мешал носить кивер. К тому же доктор Ассаланьи, главный хирург гвардейских лазаретов, прижигал мне рану ляписом. Я перенес эту болезненную процедуру накануне, всю ночь у меня был жар. Для штурма я был в плохой физической форме. Но я не колебался. Признаюсь, я был очень горд, что получил от маршала это задание. Доверить мне, простому капитану, восемь гренадерских рот — это великолепно!

Я поспешно стал готовиться, и на рассвете уже находился в траншее, где генерал Разу, поставивший меня командовать гренадерами, заметил, что, поскольку перестрелка будет продолжаться еще час, я могу с пользой использовать это время, изучая участок стены, который должен быть подорван, и рассчитать предполагаемый размер бреши после этого взрыва. В сопровождении офицера инженерных войск, который должен был провести меня по руинам огромного разрушенного квартала, я вышел наконец к подножию монастырской стены. Там кончалась завоеванная нами территория. Я оказался в маленьком дворике. Взвод вольтижеров, занимавший соседний подвал, выставил в этом дворе часового, укрывшегося от выстрелов нагромождением досок и дверей. Офицер показал мне толстую стену прямо перед нами и сказал, что ее будут взрывать, когда подготовят заряд. В углу двора несколько камней упало, и образовалась дыра. Часовой сказал, что если нагнуться, то через это отверстие видны ноги неприятельских солдат, находящихся в саду монастыря. Чтобы проверить это и осмотреть участок, на котором мне придется сражаться, я наклонился… в это мгновение испанец, засевший на колокольне монастыря, выстрелил в меня, и я упал на землю.

Сначала я не почувствовал боли и даже подумал, что стоящий рядом офицер нечаянно меня толкнул. Но тут же полилась горячая кровь из раны в левом боку, совсем рядом с сердцем!.. Офицер помог мне подняться, и мы добрались до подвала, где находились вольтижеры. Я потерял столько крови, что был на грани обморока. Носилок не было. Солдаты положили меня на ружья — одно под плечи, другое под колени — и так понесли

через тысячу проходов, проделанных в развалинах всего этого квартала, до того места, где я расстался с генералом Разу. Там я пришел в себя. Генерал хотел, чтобы меня перевязали, но я предпочел добраться до доктора Ассаланьи. Я зажал рану платком, и меня отнесли в штаб маршала Ланна, удаленный от города на расстоянии немногим больше, чем пушечный выстрел, в огромном здании брошенного постоялого двора, в месте, носившем название *Шлюзы арагонского канала.*

Увидев, как меня, всего в крови, несут солдаты, а один из них поддерживает мне голову, маршал и мои товарищи решили, что я мертв. Доктор Ассаланьи уверил их в обратном и сделал мне перевязку. Но не знали, куда меня положить: вся мебель постоялого двора была сожжена во время осады, не было ни одной кровати, все спали прямо на полу Маршал и мои товарищи тут же сложили свои шинели, из них сделали для меня ложе. Доктор осмотрел мою рану и обнаружил, что пуля должна быть *плоской,* потому что она прошла между ребрами, не повредив их, что обязательно произошло бы, будь пуля обычной.

Чтобы найти пулю, Ассаланьи ввел в рану зонд… и ничего не нашел! Лицо его стало озабоченным. Он видел, что я испытываю сильнейшую боль в пояснице, кладет меня на живот и осматривает спину… Едва он притронулся к месту, где ребра примыкают к спинному хребту, я не смог сдержать крик: пуля была там! Ассаланьи берет скальпель, делает большой надрез, видит металлический предмет между ребер и хочет его вытащить пинцетом. Ему это не удается, поскольку меня сотрясают судороги. Тогда один из моих товарищей садится мне на плечи, другой на ноги, и доктор извлекает наконец свинцовую пулю очень большого калибра, которой фанатичные испанцы придали форму небольшого экю, сплющив ее молотком. На каждой стороне был выгравирован крест, а зазубрины вокруг делали эту пулю похожей на шестеренку от часов. Вот из-за этих зубчиков, впившихся в мускулы, ее и было трудно вытащить. Такую сплющенную пулю большого диаметра можно было выпустить только из большого мушкетона. Попав ребром, она сработала как режущий инструмент, прошла между ребрами, обогнула легкие и вышла, по счастью сохранив еще достаточно силы, чтобы пройти сквозь мышечную ткань спины.

Маршал хотел сообщить императору, с каким фанатичным ожесточением защищались жители Сарагосы, и передать ему пулю, вытащенную из моего тела. Наполеон осмотрел ее и передал моей матери, сообщив ей, что я буду произведен в начальники эскадрона.

Доктор Ассаланьи был одним из лучших хирургов своего

времени, благодаря его заботам моя рана, которая могла бы быть смертельной, заживала довольно быстро. У маршала была складная походная кровать, которую он возил с собой повсюду. Он был так добр, что дал мне матрас и простыни, мой чемодан служил мне подушкой, шинель — одеялом. Несмотря на это, я очень страдал. В моей комнате не было ни окон, ни дверей, ветер и даже дождь легко проникали в нее через щели. Добавьте к этому, что на первом этаже располагался госпиталь, подо мной было много раненых, и их стоны усиливали мои страдания. До меня доходил тошнотворный запах больничных палат. Вокруг штаба было установлено более двух сотен маркитантских лавок, а рядом раскинулся лагерь, откуда доносились песни, крики, постоянная барабанная дробь, и всю эту симфонию звуков дополнял адский шум канонады многих орудий, день и ночь стреляющих по городу… Спать я не мог. В таком состоянии я провел две недели. Наконец мой сильный организм победил, и я смог подняться.

Климат в Арагоне очень мягкий, я пользовался этим для небольших прогулок, которые я совершал, опершись на руку моего доброго доктора Ассаланьи или моего друга де Вири. Но, как правило, они были очень заняты и не могли уделить мне достаточно времени, и я много скучал. Однажды мой слуга пришел объявить мне, что один старый гусар со слезами на глазах просит провести его ко мне. Можете себе представить — это был мой бывший наставник, сержант Пертеле, чей полк только что прибыл в Испанию. Узнав, что я ранен, он тут же пришел повидаться со мной. Мне было очень приятно встретиться с этим славным человеком, я принял его прекрасно. Потом он часто навещал меня, развлекал нескончаемыми историями и давал разные советы, считая, что они будут мне полезны. Мое выздоровление шло быстро, и к 15 марта я уже был почти здоров, хотя еще очень слаб.

Смерть косила жителей и солдат гарнизона Сарагосы. Уже больше трети защитников погибло от тифа, голода, взрывов, огня, но остальные и не думали сдаваться, хотя самые значительные укрепления были уже взяты, а большая часть города разрушена взрывами. Монахи убедили этих несчастных, что французы их всех перережут, и никто не осмеливался покидать крепость. Но, с одной стороны, случай и, с другой, милосердие маршала Ланна положили конец этой знаменитой осаде.

20 марта французы взяли приступом женский монастырь и нашли там не только монахинь, но более трехсот женщин разных сословий, укрывшихся в церкви. К ним отнеслись с почтением и привели к маршалу. Эти несчастные провели в окружении много

дней. Не получая продовольствия из города, они умирали от голода. Добросердечный маршал Ланн сам отвел их к нашему лагерю, там созвал всех маркитантов и велел принести этим женщинам еды, взявшись сам все оплатить. Великодушие маршала на этом не кончилось. Он приказал отвести захваченных женщин обратно в город. При их возвращении защитники Сарагосы, которые следили за происходящими событиями с крыш и колоколен, бросились к ним и услышали рассказ об их приключениях. Все женщины хвалили маршала и французских солдат. С этого момента ожесточенное сопротивление осажденных пошло на убыль, начались переговоры о сдаче, и в тот же вечер Сарагоса капитулировала.

Маршал Ланн, опасаясь, что в городе могут найтись фанатики, которые убьют Фуэнтеса Пиньятелли, потребовал выдать его живым. Несчастного привел тюремщик со зверским лицом, который мучил его во время долгого заключения, а теперь нагло, с пистолетами на поясе, довел его до комнаты маршала и заявил, что хочет получить расписку из рук командующего французской армии. Маршал велел выставить его за дверь, но этот человек не хотел уходить без расписки, и нетерпеливый Лабедуайер спустил его с лестницы пинками в зад. На князя Пиньятелли было тяжело смотреть, настолько он настрадался во время своего заключения! Его била лихорадка, но не было ни одной кровати, чтобы его уложить, я ведь уже говорил, что маршал размещался в совершенно пустом доме, зато рядом с местом военных действий. Менее добросовестный генерал Жюно жил в богатом монастыре больше чем в 1 лье от города. Он жил на широкую ногу и предложил князю свое гостеприимство, на что тот согласился. Это стало роковым для него, так как Жюно в честь этого закатил такую *пирушку,* что желудок князя, испорченный тюремной едой, не выдержал резкого перехода, и князь Пиньятелли умер в тот момент, когда он так радовался свободе! Он оставил более 900 тысяч франков одному дальнему родственнику, у которого до этого почти ничего не было.

При капитуляции принято оставлять офицерам шпаги. Так и поступили со всеми военными Сарагосы, кроме Палафокса, по поводу которого маршал получил особые распоряжения от императора, и вот почему. Гвардейский полковник граф Палафокс был преданным другом Фердинанда VII и сопровождал его в Байонну. Отречение принца и Карла IV привело в отчаяние испанских дворян, которых Наполеон собрал на ассамблею. Почти все они признали Жозефа королем, потому что находились во Франции во власти императора и боялись ареста. У Палафокса были те же опасения, и он тоже признал Жозефа. Но как только

граф вернулся в Испанию, он заявил, что на него было оказано моральное давление, и возглавил восставшую Сарагосу.

Император расценил такое поведение как предательство и приказал после взятия города считать графа Палафокса не военнопленным, а государственным преступником, поэтому его надо было разоружить и препроводить в Венсенский замок. Маршалу Ланну пришлось послать офицера арестовать защитника Сарагосы и отобрать у него шпагу. Он поручил это д'Альбукерке. Для него это оказалось очень тяжелым поручением, так как он не только был испанцем, но еще и родственником, бывшим соратником и другом Палафокса. Я так и не смог понять, почему маршал выбрал для этой миссии д'Альбукерке. Вынужденный повиноваться, д'Альбукерке отправился в Сарагосу очень удрученным. Палафокс вручил ему свою шпагу и сказал с благородной гордостью: «Если бы наши славные предки д'Альбукерке вернулись в этот мир, то любой из них предпочел бы оказаться на месте узника, слагающего эту покрывшую себя славой шпагу, чем на месте ренегата, пришедшего за ней от имени врагов Испании, его Родины!»

Бедняга д'Альбукерке чуть не потерял сознание, ему пришлось на что-то опереться. Эту сцену нам описал капитан Паскаль — император поручил ему принять Палафокса после ареста, и он присутствовал при встрече графа и д'Альбукерке. Палафокса отправили во Францию, где он находился с марта 1809-го по 1814 год.

Вот странность человеческих судеб! Палафокса провозгласили губернатором Сарагосы во время восстания, история приписала ему героическую защиту этого города, хотя он мало ей способствовал, поскольку тяжело заболел в первые же дни осады и передал командование генералу Сен-Марку, бельгийцу на испанской службе. Именно Сен-Марк с поразительной смелостью и талантом выдерживал все наши атаки. Но он был *иностранцем,* и испанцы приписали всю славу Палафоксу. Эта слава перейдет и к его потомкам, тогда как мужественный и скромный Сен-Марк останется в тени, и никакая реляция не упомянет его имени.

На следующий день после капитуляции гарнизон Сарагосы прошел перед маршалом Ланном, сложил оружие, и солдаты были отправлены во Францию как военнопленные. Но так как их было 40 тысяч человек, то две трети из них по дороге сбежали и снова начали убивать французов, присоединившись к разным группам партизан, которые вели с нами ожесточенную войну. Многие из тех, кто вышел из Сарагосы, умерли от тифа, который они уже носили в себе. Почти полностью разрушенные улицы

города были заполнены мертвыми и умирающими! Так что французов, из которых был сформирован новый гарнизон, тоже постигла эта болезнь.

Глава X

Я сопровождаю Ланна в Лектур, Бордо и Париж, выполняя роль курьера. — Эпизод. — Отъезд в Аугсбург. — Мутон при Ландсхуте

Сарагоса была взята. Выполнив свою миссию, Ланн направился к императору в Париж, чтобы сопровождать его в Германии, где война с Австрией казалась неизбежной. Путь от Арагона до Бидасоа мы проделали верхом. В Пиренеях недалеко от Памплоны на наш эскорт напал отряд знаменитого партизана Мины. Слуга маршала, который обычно скакал впереди его кареты, был убит.

В Сен-Жан-де-Люзе маршала ждал его экипаж, и он предложил в нем места Сен-Марсу, Ле Культё и мне. Я продал лошадей, а де Вири взялся доставить моего слугу. На роль курьера сначала попробовали одного из камердинеров маршала, но он не подошел. Форейторов не было, и мы трое — Ле Культё, Сен-Марс и я — предложили себя в этом качестве на три станции каждый. Я понимал, что мне нелегко будет скакать во весь опор с почтой, едва оправившись после двух ран, но я надеялся на свою молодость и крепкий организм. Когда я заступил на дежурство, была темная ночь, разразилась сильная гроза. К тому же передо мной не было ни одного форейтора, как это обычно бывает с нарочным, доставляющим депеши, и я оказался в трудном положении. Моя лошадь попадала в ямы, карета наезжала на меня, я не знал, где располагались почтовые станции, а в такой темноте и в такую погоду найти их было трудно. Ко всем несчастьям я долго ждал парома на берегу Адура напротив Переорала и очень продрог. Когда я снова оказался в экипаже, я дрожал и мои раны болели. Из таких эпизодов нетрудно заметить, что не все так прекрасно в жизни адъютанта. Мы провели двое суток в Лектуре, где у маршала был очень удобный замок, представлявший собой перестроенные здания бывшего епископства.

Затем мы снова пустились в путь к Парижу, поочередно выполняя роль форейтора и вестового. Маршал ехал днем и ночью. Мы были вынуждены поститься все шесть дней пути и питаться только тем, что было возможно съесть в дороге. Поэтому я был крайне удивлен, когда однажды вечером маршал попросил меня остановиться на станции в Петиньяке или Руле, и объявил, что он остановится на час, чтобы поужинать. Я был еще более удивлен, обнаружив, что по указанному им адресу нет гостиницы. Но когда обитатели этого дома узнали о приезде маршала, они

выказали искреннюю радость, накрыли стол, уставили его вкусными блюдами и со слезами радости на глазах бросились его встречать. Маршал, тоже со слезами на глазах, обнял всех, включая самых маленьких обитателей этого дома, и выразил хозяину самую нежную дружбу. После ужина он приказал Сен-Марсу достать из его портфеля прекрасные золотые часы и золотую цепочку с застежкой, украшенной крупным бриллиантом, и подарил их станционному смотрителю и его жене, дал 300 или 400 франков их слугам и уехал, провожаемый самыми нежными пожеланиями.

Я понимал, что маршал как-то связан с этой семьей, и, когда мы снова сели в экипаж, он нам сказал: «Вы, конечно, удивлены тем вниманием, которое я уделил этим добрым людям. Муж оказал мне огромную услугу — он спас мне жизнь в Сирии!» И он рассказал нам, что дивизионным генералом он командовал штурмом башни Сен-Жан д'Акра, когда получил пулю в шею и упал без сознания. Солдаты сочли его мертвым. Они отступали в беспорядке перед тысячами турок, которые гнались за ними и, если догоняли, отрезали головы, чтобы потом украсить ими частоколы! Но один смелый капитан призвал солдат принести тело их генерала. Он его похитил и еле дотащил за ногу до траншеи. Почва была песчаной, голова генерала не пострадала от камней, а от тряски он очнулся. Затем он попал к доктору Ларрею, который вернул его к жизни. Капитан же был тяжело ранен, вернулся домой, получил небольшую пенсию и женился на скромной женщине. Но маршал стал вторым Провидением для этой семьи. Он купил им почтовую станцию, поля, лошадей, дом, на свои деньги выучил старшего сына, пока младшие еще оставались с родителями. Признательность этих людей была так же велика, как и благодарность маршала к своему спасителю. Этот бывший капитан много потерял со смертью маршала Ланна, которого в тот день он видел в последний раз.

Мы продолжили путь, холода все усиливались, и перегон между Орлеаном в Парижем был еще труднее предыдущих. В Париж я наконец прибыл 2 апреля, ужасно усталым и очень больным.

Я встретился с матушкой со смешанным чувством счастья и горечи — она только что узнала, что мой брат попал в плен к испанским партизанам, а я вскоре отправлюсь на новую войну!

В Париже маршал сразу же отвел меня к военному министру, чтобы узнать, что тот для меня сделал. Подписи императора на моем свидетельстве о производстве в начальники эскадрона еще не было: император в то время был очень занят маневрированием австрийской армии, не очень интересовался повседневной

работой министерства и не подписывал никаких назначений. Злой рок преследовал меня неотступно!

Столица была в большом волнении. Видя, что мы завязли в Испании, англичане сочли, что пришло время поднять против Наполеона север Европы. Этот план был преждевременным, так как в Германии у императора было еще огромное влияние и значительные силы. Пруссия не осмеливалась выступать. Князья и короли Рейнской конфедерации поставили свои армии на службу Наполеону, и даже Россия выделила для него 25-тысячный корпус. Несмотря на это, австрийцы, купленные Англией, объявили нам войну. Их армии двигались на нашего союзника Баварию, и император готовился к отъезду в Германию, куда за ним должен был последовать и маршал Ланн. Все коляски были разобраны сотнями штабных и других офицеров, и я был в затруднении, так как император и маршал должны были выехать из Парижа 13 апреля, а я получил приказ выехать на день раньше. Это означало, что мне придется опять в плохую погоду скакать на почтовых! К счастью, неделя отдыха успокоила мою рану в боку, а рана на голове затянулась. Я сменил свой тяжелый гусарский кивер на шляпу. Со мной был мой слуга Вуарлан. Он был очень плохим наездником, часто падал на землю и всякий раз говорил мне, поднимаясь: «Какой вы терпеливый… Вы очень терпеливый!»

Несмотря на дождь и снег, за двое суток я проделал 112 лье, отделяющие Париж от Страсбурга. Но Вуарлан больше не мог выдержать такой ритм, надо было менять способ передвижения. Впрочем, я знал, что в Германии не передвигаются с почтой верхом, а мы были только на полпути от места назначения, Аугсбурга. Я смог наконец найти коляску и через Шварцвальд доехал до Аугсбурга, где встретился со многими моими товарищами. Император, маршал и почти все войска уже выступили в поход. В городе мне удалось купить лошадь. Я сменил коляску, и мы наконец двинулись дальше. Так, за несколько недель, мы продали за копейки наших лошадей, очень потратились в дороге, и все это для того, чтобы скорее попасть под пули и ядра, которые унесли жизни многих из нас! Чувство, которое нами двигало, можно назвать либо жаждой славы, либо *безумием.* Но оно владело нами безраздельно, и мы шли только вперед, не оглядываясь назад!

20 апреля мы прибыли к императорскому штабу в ходе сражения при Абенсберге. Маршал Ланн похвалил нас за усердие и тотчас бросил со своими донесениями в самое пекло. Австрийцы под командованием брата императора эрцгерцога Карла отошли за Дунай и реку Изар у Ландсхута и, как всегда, не сочли нужным разрушить мосты. На другой день Наполеон

атаковал Ландсхут пехотой, которая под градом пуль овладевала мостом дважды. Но, дойдя до противоположного конца, солдаты оказывались перед огромными воротами, которые неприятельский арьергард защищал сильным огнем с городских стен. Оба раза наши колонны с потерями отступали от этих стен! Однако император, который непременно хотел взять Ландсхут, чтобы перейти Изар раньше, чем эрцгерцог Карл смог бы организовать оборону, дал приказ атаковать в третий раз. Войска готовились к новой атаке, когда Наполеон, увидев своего адъютанта генерала Мутона, прибывшего для того, чтобы представить отчет о выполненном утром поручении, бросил ему: «Вы очень кстати!.. Возглавьте эти колонны и возьмите город!»

Неожиданность такого опасного поручения могла бы озадачить любого, но не мужественного генерала Мутона. Он совершенно не смутился услышанным, спешился, вооружился шпагой, приказал дать сигнал к атаке и первым устремился на мост во главе гренадеров! По его приказу ворота Ландсхута разнесли топорами саперы, всех сопротивляющихся порубили саблями и взяли город. Затем он спокойно отправился к императору доложить о порученном ему утром задании. Поразительная вещь! В их беседе не было сказано ни слова о взятии Ландсхута, и никогда больше император не говорил об этом с генералом Мутоном… Но после окончания этой кампании он приказал доставить к нему замечательную картину Эрсана, на которой был изображен генерал во главе своего войска, идущего на приступ Ландсхута. Этот поступок стоил больше, чем все похвалы.

Глава XI

Эпизоды битвы при Экмюле. — Кавалерийский бой при Ратисбонне. — Бегство неприятеля

Перейдя через Изар, французская армия направилась к Экмюлю, где находились основные силы австрийской армии. Император и маршал Ланн провели ночь в Ландсхуте. Сражение должно было состояться на следующий день. Город и его окрестности заполняли войска, штабные офицеры мчались из конца в конец с донесениями. Моим товарищам и мне пришлось очень много ездить верхом, но из-за нашего быстрого перемещения из Испании в Германию у нас были только случайно приобретенные лошади очень среднего качества, да и те были уже очень измотаны. Мы уже начали с грустью думать, как нам трудно придется в завтрашнем сражении.

Я возвращался к десяти часам вечера, исполнив поручение маршала в 3–4 лье от Ландсхута, когда Ланн приказал мне отнести донесение генералу Гюдену, дивизия которого находилась очень далеко. У этого генерала я должен был дождаться прибытия на поле боя самого маршала. Я был в большом затруднении, так как моя лошадь была изнурена. Маршал не мог дать мне лошадь, а в городе не было французской кавалерии, у которой можно было бы ее одолжить. Я не мог войти к императору и при нем заявить маршалу, что, в сущности, я пехотинец, а без хорошего скакуна отвезти приказ, от которого, может быть, зависит спасение армии, невозможно. Должен признать, что я вышел из этого затруднения, совершив не очень благовидный поступок, который можно извинить только положением, в котором я оказался. Судите сами.

Я зову своего слугу Вуарлана, порядочного разбойника, прошедшего школу Черного легиона Юмбера и потому *ничем* не смущающегося. Я рассказываю ему о своих затруднениях и поручаю любой ценой достать лошадь… мне она необходима! «У вас она будет», — отвечает он. И тотчас отправляется за город, вокруг которого располагались различные войска Рейнской конфедерации, и проникает в лагерь вюртембергской кавалерии. Все спали, даже часовые. Вуарлан спокойно осматривает лошадей, выбирает подходящую, отвязывает и выводит из лагеря, очень рискуя быть пойманным. Он сбрасывает ее упряжь, возвращается в город, кладет мое седло на спину животного и приходит ко мне доложить, *что все готово*! Поскольку войсковые лошади вюртембергской кавалерии имели на левом бедре клеймо

— оленьи рога, мне было совсем нетрудно установить, откуда взялась эта новая лошадь, которую привел мне мой *Фигаро.* Он, впрочем, ничего и не отрицал! Лошадь он увел, скорее, *украл,* но затруднительное положение делает человека менее щепетильным. Чтобы заставить замолчать совесть, я сказал себе: «Если я не возьму эту лошадь, принадлежащую королю Вюртемберга, то не смогу доставить генералу Гюдену приказы, которые он должен выполнить на рассвете. Это может повлиять на ход сражения и повлечь за собой падение короны короля Вюртемберга. Таким образом, пользуясь лошадью из его армии, я *косвенно* оказываю ему услугу. Впрочем, если император подарил этому князю царство, то он вполне может *одолжить* мне лошадь, которую я ему верну после того, как выполню задание, идущее на общую пользу!» Не знаю, одобрили бы казуисты такое рассуждение, но, подгоняемый событиями, я вскочил в седло и поскакал во весь опор!

Мой Вуарлан сделал прекрасный выбор — лошадь была изумительной. Единственно, что меня беспокоило, — это клеймо в виде оленьих рогов, ясно указывающее на ее принадлежность. Любой вюртембергский офицер мог ее у меня отобрать.

На рассвете я прибыл к генералу Гюдену, и его войска выступили на указанные позиции. Начался бой. Не было ни минуты сомнения в победе. В деле отличился маршал Даву, который позже получил за это титул князя Экмюльского.

Моя лошадь творила чудеса, но ее последний час уже пробил!.. В самый разгар сражения маршал Ланн отправил одного из своих самых неопытных адъютантов отнести генералу Сен-Сюльпису приказ атаковать его кирасирами неприятельскую кавалерию. Но этот адъютант так плохо все объяснил, что генерал направился совсем в другую сторону. Когда это заметили, маршал приказал мне встать впереди дивизии Сен-Сюльписа и повести ее на врага по большой дороге, проходящей через саму деревню Экмюль. Маршал объяснял мне задачу, мы рассматривали карту, которую он, я и генерал Червони держали каждый со своей стороны, когда ядро попало в самую ее середину, и генерал Червони замертво упал прямо на плечо маршала. Ланн был залит кровью своего друга, приехавшего накануне с Корсики специально для того, чтобы участвовать вместе с ним в кампании!.. Удрученный маршал все же закончил свои объяснения, и я помчался к генералу Сен-Сюльпису чтобы вместе с ним вести кирасир на Экмюль.

В домах этой деревни разместился хорватский полк[67], но вместо того, чтобы стрелять в нас из окон, за которыми палаши наших кавалеристов не могли их достать, хорваты неразумно

покинули свои укрытия. Они мужественно вышли на улицу, надеясь остановить наши эскадроны на подступах к деревне штыками в сомкнутом строю. Но французские кирасиры не оставили им на это времени. Они появились, когда хорваты еще в беспорядке выходили из домов. Их смяли, порубили палашами, усеяв улицу их телами! Но держались они стойко. Один батальон сопротивлялся особенно ожесточенно. В схватке моя лошадь получила удар штыком прямо в сердце, сделала несколько шагов и замертво упала около придорожного столба, так что одна нога у меня оказалась придавленной телом бедного животного, колено уперлось в столб, и я не мог сделать ни малейшего движения. В таких случаях кавалеристу приходится очень плохо, поскольку никто не останавливается, чтобы его поднять. И вот первый полк наших кирасир после сабельной атаки устремился дальше в деревню, а за ним и вся дивизия. Хорваты между тем не спешили бросать оружие.

Лошади, если только они не слишком устали, очень редко наступают на тела лежащих на земле людей. Вся дивизия кирасир промчалась через меня, но я не получил ни малейшей царапины. Однако высвободиться я не мог, и мое положение было тем более тяжелым, что еще до атаки я заметил крупный кавалерийский корпус неприятеля, стоящий прямо за Экмюлем. Теперь я мог предположить, что после того, как наших кирасир отбросят и отгонят от деревни, австрийские кавалеристы будут мстить за хорватов и мне уготована печальная участь! В момент затишья, который наступил на улице, я заметил недалеко от меня двух неприятельских гренадеров. Отставив ружья, они поднимали своих раненых товарищей. Я сделал им знак подойти и помочь мне высвободить ногу. Они послушались, то ли из добрых побуждений, то ли из опасения, что я могу их убить, хотя в тот момент вокруг не было ни одного француза. Зная, что наши кирасиры впереди, хорваты сочли себя пленными, впрочем, такие солдаты рассуждают мало. Они подошли. Признаюсь, что при виде того, как один из них достал из кармана большой нож, чтобы перерезать стременной ремень, держащий мою ногу под лошадью, я боялся, как бы ему не пришла в голову мысль воткнуть лезвие мне в живот, что он мог бы сделать без особых затруднений. Но он был честен, и с помощью своего товарища ему удалось поставить меня на ноги. Я приказал им взять мою упряжь и вышел из Экмюля, чтобы добраться до нашей пехоты, оставшейся за деревней.

Хорваты послушно пошли за мной, и хорошо сделали, потому что, как только мы вышли из деревни, позади нас раздался ужасный шум. Это возвращались наши эскадроны, и, как я и

предвидел, их гнали превосходящие силы противника, в свою очередь рубящие всех, кого могли достать. Кирасиры были вне себя из-за того, что им пришлось отступить, и, проезжая мимо нас, они хотели проткнуть хорватов, несущих мое седло. Но эти солдаты помогли мне, и я не дал их убить. Я приказал им лечь в ров, где сабли не могли их достать. Сам я тоже залез бы туда, но увидел, что в передних рядах австрийцев скакали уланы, которые могли бы достать меня там своими пиками. К счастью для нас, дивизии Сен-Сюльписа нужно было проскакать всего триста-четыреста шагов, чтобы получить поддержку. Видя, что кирасиры возвращаются, император бросил им на помощь две кавалерийские дивизии. Но каким бы коротким ни было это расстояние, которое мне надо было преодолеть, чтобы не попасть под пики австрийских улан, для меня оно представлялось огромным… Два кирасира поставили меня между собой, взяли каждый за одну руку и потащили, так что я большими скачками смог две минуты выдержать галоп их лошадей. Большего и не понадобилось, так как посланная императором кавалерия уже явилась к месту действия, неприятель прекратил преследование и даже был отброшен от Экмюля, который заняли наши войска.

Для меня было самое время прекратить эти акробатические упражнения. Я совершенно запыхался и попросту едва ли мог держаться на ногах. При этом я имел возможность еще раз убедиться, насколько тяжелые ботфорты, которые тогда носили наши кавалеристы, были неудобны на войне. У молодого офицера из того эскадрона, который меня спас, убили лошадь, и двое кирасир, протянув ему руки, как и мне, помогали ему бежать. И хотя он был высоким, худым и гораздо более проворным, нежели я, его тяжелые и негнущиеся сапоги не позволили ему выдержать скорость несущихся галопом лошадей. Он выпустил спасавшие его руки, и, когда, прогнав австрийцев, мы вернулись на то самое место, мы нашли его убитым ударом уланской пики. Было видно, что он хотел освободиться от своей неудобной обуви — один сапог был наполовину стянут с ноги. На мне же были небольшие гусарские сапоги, легкие и мягкие, не помешавшие моему бегу.

В надежде найти свою упряжь я вернулся ко рву, где оставил моих хорватов. Я нашел их спокойно спящими в этом укрытии — все, что произошло над их головами, не причинило им ни малейшего вреда. Они получили от меня вознаграждение, и я повел их к холму, на котором находились император и маршал Ланн. Я был уверен, что маршал не захочет остаться без моих услуг до конца битвы и даст распоряжение выдать мне лошадь из французских полков, которые были при нем. Действительно, он отдал такой приказ, но в тот момент рядом были только

кирасиры, и мне подвели огромное, тяжелое животное, совершенно не подходящее для службы адъютанта, который должен очень быстро передвигаться от одного пункта к другому. Маршал обратил на это внимание, и находящийся в свите императора полковник вюртембергских шеволежеров поспешил оказать любезность, отдав приказ своему ординарцу спешиться и отдать мне свою лошадь. И вот подо мной снова была прекрасная лошадь с клеймом из оленьих рогов! Любезность этого полковника пробудила во мне угрызения совести за мой утренний неблаговидный поступок, но я успокоил их теми же «иезуитскими» рассуждениями. Забавно, что, когда я привез донесение резервным частям, я встретил там своего слугу Вуарлана. Подойдя ко мне, чтобы передать еду, которой всегда были наполнены его огромные сумки, он вскричал: «Да это настоящий черт, а не лошадь! Сегодня утром она была серая, а теперь черная!»

Сражение при Экмюле началось и продолжалось целый день на пересеченной местности, покрытой холмами и группами деревьев. Но по мере того как мы продвигались к Дунаю, местность становилась более открытой и ровной. Мы вышли на огромную равнину, простирающуюся до Ратисбонна. У австрийцев лучшая в Европе кавалерия, но под предлогом, что ее надо держать в резерве, чтобы прикрывать возможное отступление, они либо вовсе не используют ее в сражениях, либо делают это крайне редко, что приводит их к поражениям и отступлению, которых можно было бы избежать. При отступлении же их кавалерия действует прекрасно. Так было и при Экмюле. Как только эрцгерцог Карл увидел, что битву он проиграл, что его пехоте, вытесненной с холмистых участков, предстоит трудное отступление по равнине под натиском многочисленных французских эскадронов, он выпустил вперед всю свою кавалерию, которая храбро нас сдерживала, пока их пехотинцы, артиллерия и обозы отходили к Ратисбонну. Император, со своей стороны, выдвинул наших гусар и егерей, поддерживаемых сильными дивизиями Сен-Сюльписа и Нансути, против которых неприятель выставил две такие же дивизии. Легкая кавалерия с обеих сторон отошла на фланги, чтобы не быть раздавленной между двумя покрытыми железом кирас кавалерийскими массами, устремившимися навстречу друг другу. Они столкнулись, врезаясь друг в друга, образуя одно огромное переплетение!

Это сражение, одновременно ужасное и величественное, проходило под сумрачным небом и освещалось только слабым светом нарождающейся луны. Крики сражающихся заглушались

лязгом железа, издаваемым тысячами касок и кирас под ударами тяжелых палашей, высекающих множество искр… И австрийцы, и французы хотели остаться хозяевами поля боя. С двух сторон проявлялось одинаковое мужество и упорство. Но солдаты разных сторон были по-разному защищены: у австрийцев железом была прикрыта только грудь, а спина оставалась уязвимой, тогда как французские кавалеристы были защищены и спереди, и сзади. Не опасаясь ударов сзади, они наносили их австрийцам, раня и убивая множество врагов, неся при этом малые потери. Эта неравная битва длилась несколько минут. Затем число убитых и раненых австрийцев стало таким большим, что, несмотря на всю свою храбрость, они были вынуждены уступить поле боя. Развернув своих лошадей, чтобы отступать, они еще больше поняли, как плохо не иметь кирасы сзади — битва превратилась в *бойню*… Наши кирасиры преследовали врага, рубили его палашами по спине. На расстоянии полулье земля была усеяна мертвыми и ранеными австрийскими кирасирами. Мало кто уцелел бы, если бы наши не остановили преследование, чтобы атаковать несколько батальонов венгерских гренадеров, которые были смяты и почти полностью захвачены в плен.

Это сражение окончательно решило давно обсуждаемый вопрос о необходимости *двойной* кирасы, так как среди раненых на одного француза приходилось *восемь* австрийцев, а среди убитых — *тринадцать* австрийцев на одного француза!

После этого ужасного сражения неприятель уже не мог сопротивляться и в самом большом беспорядке отступал. Преследование велось так плотно, что по дороге побежденные бежали вперемежку с победителями. Маршал Ланн предложил императору воспользоваться отступлением австрийцев, чтобы полностью покончить с их армией, прижав ее к Дунаю и войдя на ее плечах в Ратисбонн. Но другие маршалы возразили, что мы еще в 3 лье от этого места, что наша пехота выдохлась и что опасно вести ночной бой с неприятелем, который только что показал столь много решимости. Император приказал прекратить преследование, и армия стала лагерем на равнине. Австрийцы признались, что потеряли 5 тысяч убитыми, двенадцать знамен и 16 пушек, 15 тысяч солдат попали в плен. У нас же они убили 1500 человек и нескольких взяли в плен. Неприятель отступал в таком беспорядке, что ночью один из австрийских кавалерийских полков плутал вокруг наших лагерей в поисках пути к отступлению, и полковник Гёэнёк, посланный с донесением, наткнулся на эту часть. Его схватили, но австрийский командир ему сказал: «Вы стали моим пленником, а теперь я буду вашим!»… И вскоре Гёэнёк вернулся со сдавшимся ему

австрийским полком. Этот эпизод очень позабавил императора.

Вы понимаете, что после такой победы в лагере французской армии было много захваченных лошадей. За несколько луидоров я купил трех прекрасных животных, полностью обеспечив себя ими на эту кампанию. Я бросил двух своих прежних, плохих лошадей и отправил вюртембержцам лошадь, которую они мне одолжили.

Глава XII

Император ранен под Ратисбонном. — Мы с Лабедуайером первыми идем на приступ и проникаем в город

Эрцгерцог Карл воспользовался ночной темнотой, чтобы дойти до Ратисбонна[68] и переправить по мосту через Дунай обозы и лучшую часть своих войск. Тогда все поняли, насколько предусмотрительным оказался император, когда в самом начале кампании приказал Даву, идущему из Гамбурга и Ганновера, чтобы собраться большой армией на правом берегу Дуная у Аугсбурга, обязательно захватить Ратисбонн и его мост и оставить там полк. Даву разместил там 65-й линейный под командованием своего родственника полковника Кутара, желая дать тому возможность отличиться, хорошо организовав защиту. Но Кутар не смог удержать город и после нескольких часов сражений сдал Ратисбонн австрийцам. После нашей победы под Экмюлем мост помог австрийцам отступить, иначе им пришлось бы сложить оружие. В договоре о капитуляции полковник Кутар оговорил, что только он и офицеры 65-го полка отправлялись обратно во Францию. После этого император издал приказ, что, если военная часть будет вынуждена капитулировать, офицеры должны разделить участь своих солдат, что должно было заставить их лучше сопротивляться врагу.

Император не мог идти к Вене, не взяв снова Ратисбонн. Он опасался, что, как только он двинется дальше, эрцгерцог Карл переведет здесь свои войска на правый берег Дуная и нападет на нашу армию *сзади.* Городом надо было овладеть любой ценой.

Эту трудную задачу поручили маршалу Ланну. У неприятеля в Ратисбонне было 6 тысяч человек. По мосту к нему могли подойти большие подкрепления. На крепостном валу было установлено много артиллерийских орудий, на брустверe размещалась пехота. Фортификации Ратисбонна были старыми и плохими, во рвах не было воды. В них выращивали овощи. Такой защиты было недостаточно, чтобы выдержать организованную по всем правилам осаду, но прямую атаку город выдержать мог, тем более что у гарнизона была постоянная связь с 80-тысячной армией. Чтобы проникнуть в город, надо было с лестницами спуститься в глубокий ров, преодолеть его под огнем неприятеля, взобраться на стену, фланкируемую согласованным артиллерийским огнем.

Император спешился и установил свой наблюдательный пункт на небольшом холме, расположенном на расстоянии

близкого пушечного выстрела от города. У городских ворот, прикрывавших дорогу, ведущую в сторону Штраубинга, он заметил дом, который по недосмотру примыкал прямо к городской стене. Он приказал выдвинуть вперед 12-дюймовые пушки и резервные гаубицы и сосредоточить весь огонь на этом доме. Разрушенный дом мог частично заполнить ров, образуя своего рода насыпь, по которой наши войска могли устремиться на штурм.

Артиллерия принялась выполнять приказание, а маршал Ланн подвел дивизию Морана к широкой дороге, огибающей город. Чтобы до атаки укрыть войска от неприятельского огня, он разместил их за огромным каменным амбаром, который по воле счастливого случая оказался в этом месте. Телеги с лестницами, собранными в соседних деревнях, тоже свезли в это место, где их не доставали снаряды, в большом количестве выпускаемые австрийцами.

Пока все готовилось к штурму, маршал Ланн отправился к императору за последними распоряжениями. Они разговаривали, когда пуля, выпущенная, вероятно, с городского укрепления из дальнобойного карабина, которыми пользовались тирольцы[69], попала императору в голень правой ноги. Внезапная боль была такой сильной, что император не смог устоять на ногах и должен был опереться на маршала Ланна. Прибежал доктор Ларрей, осмотрел рану: она оказалась легкой. Если бы рана была тяжелой и потребовалось бы хирургическое вмешательство, в тот момент это сочли бы большим несчастьем для Франции, но, возможно, это спасло бы страну от многих дальнейших потрясений…

Слух о ранении императора быстро разошелся по армии. Со всех сторон стали сбегаться офицеры и солдаты. В одно мгновение тысячи людей окружили Наполеона, не обращая внимания на вражеские пушки, сосредоточившие огонь на большом скоплении людей. Чтобы не создавать лишней опасности для своих войск и успокоить отдаленные части, которые были уже готовы двинуться к нему, император, перевязав наскоро рану, сел в седло и объехал все линии войск под приветственные крики своих храбрых воинов, которых он так часто приводил к победе!

На этом импровизированном смотре, проходившем прямо на глазах у неприятеля, Наполеон впервые произвел награждение простых солдат, раздавая титулы *рыцаря Империи* и кресты Почетного легиона. Представление к награде делалось командиром части, но император разрешал приходить к нему и тем, кто считал, что у него есть неоспоримое право быть отмеченным. Окончательное решение при этом оставалось за

императором. Один старый гренадер, прошедший Итальянскую и Египетскую кампании, не услышал своего имени среди награжденных. Тогда он подошел и спокойным тоном потребовал свой крест. «Но что ты сделал, чтобы заслужить эту награду?» — спросил его Наполеон. «Сир, в пустыне под Яффой в ужасную жару я достал для вас арбуз». — «Я благодарю тебя за это еще раз, но это подношение не стоит Почетного легиона». Тогда гренадер, до сих пор остававшийся холодным, как глыба льда, пришел в сильнейшее возбуждение и закричал: «А! Значит, для вас ничто семь ран, полученных на Аркольском мосту, при Лоди, при Кастильоне, у Пирамид, под Сен-Жан д'Акром, Аустерлицем, Фридландом, одиннадцать кампаний в Италии, Египте, Австрии, Пруссии, Польше…» Император прервал его, смеясь над услышанной тирадой: «Та-та-та… как ты разгорячился, когда дошел до главного! С этого бы и начинал, это получше твоего арбуза! Я назначаю тебя рыцарем Империи, и ты получишь 1200 франков ренты… Ты доволен?» — «Сир, я хочу крест!..» — «У тебя будет и то и другое, потому что теперь ты кавалер ордена». — «Я предпочитаю крест!»… Бравый гренадер стоял на своем, и ему с трудом втолковали, что звание рыцаря Империи включает в себя и крест Почетного легиона. Он успокоился только тогда, когда император приколол ему награду на грудь, чему он был рад гораздо больше, чем ренте в 1200 франков. Солдаты обожали императора за простое обращение. Но только главнокомандующий, одержавший многочисленные победы, мог позволить себе подобное, любому другому это только бы навредило.

Когда маршалу Ланну доложили, что все готово к атаке, мы вернулись к Ратисбонну, а император снова поднялся на холм, откуда он мог наблюдать за штурмом. Вокруг него ожидали в молчании войска…

Наша артиллерия полностью разрушила дом у городской стены, его упавшие в ров останки образовали довольно значительную насыпь, но все же на 8–9 футов ниже стены. Это означало, что надо будет ставить лестницы на развалины дома, чтобы добраться до верха укрепления. Лестницы понадобятся также для спуска с дороги в ров, так как с этой стороны подходящего спуска не было. Прибыв в дивизию Морана, укрывающуюся от огня за амбаром, маршал Ланн вызвал пятьдесят добровольцев, которые должны были пойти во главе колонны, поставить лестницы и первыми атаковать противника. Вызвалось гораздо большее количество человек, из которых и выбрали определенное маршалом число. Под командованием выбранных офицеров эти молодцы смело выступили вперед. Но

едва они вышли из-за прикрытия, как огненный шквал уложил почти всех на землю! Только нескольким удалось спуститься с дороги в ров, но там их достала пушка из флангового укрепления. Оставшиеся в живых, все в крови, вернулись к дивизии под защиту амбара…

Однако на новый призыв маршала Ланна и генерала Морана вышли пятьдесят новых добровольцев, взяли лестницы и направились ко рву. Но как только они оказались на дороге и враг их заметил, еще более сильный шквальный огонь уложил вторую колонну почти полностью… Две неудачи охладили порыв солдат, и никто не двинулся, когда маршал снова призвал добровольцев! Он мог бы приказать одной или нескольким ротам идти на штурм, и они бы подчинились, но он прекрасно знал по опыту, какая огромная разница между тем, что солдат делает просто из послушания и что он может сделать в воинском порыве. Для опасной операции намного предпочтительнее добровольцы, чем просто солдаты, выполняющие приказ. Но напрасно маршал взывал к храбрейшим из храброй дивизии Морана, напрасно говорил, что на них смотрит сам император и вся Великая армия, ответом ему было гнетущее молчание, настолько все были убеждены, что выйти за стены амбара означало верную смерть под огнем неприятеля. Тогда неустрашимый Ланн воскликнул:

— Ну что же! Я вам сейчас покажу, что, прежде чем стать маршалом, я был гренадером и остаюсь им!

И, схватив лестницу, он чуть было действительно не бросился с ней к бреши. Его адъютанты преградили ему путь, но он сопротивлялся и негодовал! Тогда я позволил себе заметить:

— Господин маршал, вы ведь не хотите нашего бесчестья, а мы обесчестим себя, если вы получите хотя бы легкую рану, когда понесете лестницу к укреплению, пока все ваши адъютанты еще живы!..

И, несмотря на его сопротивление, я выхватил из его рук лестницу, положил ее себе на плечо, а другой ее конец взял де Вири. Наши товарищи тоже разбились на пары и разобрали лестницы.

Видя, как маршал Франции спорит со своими адъютантами за право первым пойти на приступ, по всей дивизии пронесся восторженный крик! Офицеры и солдаты захотели идти во главе отряда. Требуя предоставить им эту честь, они отталкивали меня и моих товарищей, стараясь захватить штурмовые лестницы. Но если бы мы им уступили, все это стало бы похоже на комедию, которую мы разыграли, чтобы вызвать ответный порыв: *если вино откупорено, надо его пить,* каким бы терпким оно ни оказалось! Маршал это понял и не препятствовал нам, хотя могло оказаться,

что большая часть его штаба будет уничтожена, первой устремясь на штурм.

Я уже говорил, что все мои товарищи были отменными храбрецами, но им недоставало опыта, а еще больше того, что называется военным чутьем. Обстоятельства были исключительными, и я без всякого смущения взял на себя командование этим небольшим отрядом. Никто этому не противился. За амбаром я организовал группу солдат, которая должна была следовать за нами. Неудачу двух первых попыток я связал с тем, что неосторожно было собирать солдат вместе. Во-первых, это облегчает задачу неприятелю: потерь несравненно больше, когда стреляют в массу людей, чем по отдельным солдатам. Во-вторых, когда наши гренадеры с лестницами действовали одной группой, они мешали друг другу и не могли передвигаться достаточно быстро, чтобы укрыться от огня австрийцев. И я решил, что сначала с первой лестницей побежим только я и де Вири, а на расстоянии двадцати шагов со второй лестницей за нами побегут другие, затем все будут действовать так же. Добежав до дороги, лестницы надо ставить в 5 футах одну от другой, чтобы не мешать друг друзу Спустившись в ров, надо оставить лестницы с четными номерами у стены, чтобы солдаты могли пройти сразу за нами, а «нечетные» лестницы надо будет быстро приставить к бреши уже на расстоянии 1 фута друг от друга и из-за узости прохода в стене, и чтобы наверху укрепления оказаться вместе и противостоять осажденным, которые попытаются нас сбросить вниз. Когда все указания были даны, маршал Ланн одобрил их и напутствовал нас: «Вперед, мои храбрые ребята, Ратисбонн будет взят!»

По этому сигналу мы с де Вири устремились вперед, перебежали через дорогу, опустили нашу лестницу в ров и спустились. Наши товарищи и пятьдесят гренадеров последовали за нами… Напрасно стреляла крепостная пушка, гремела канонада — снаряды и пули попадали в стволы деревьев и стены. Очень трудно целиться в отдельных людей, быстро передвигающихся на расстоянии двадцати шагов друг от друга. И вот мы во рву, и ни один человек из нашего маленького отряда даже не ранен! Мы взяли заранее определенные лестницы, на развалинах разрушенного дома приставили их к парапету и устремились на стену!

Я поднимался по первой лестнице, Лабедуайер взбирался по соседней, но он чувствовал, что она плохо стоит на обломках, и попросил меня дать ему руку для поддержки. Так мы вдвоем взобрались на укрепление на глазах у императора и всей армии, которая приветствовала нас восторженными криками! Через

мгновение рядом с нами уже были де Вири и д'Альбукерке, а также другие адъютанты и пятьдесят гренадеров, а первый полк из дивизии Морана уже приближался ко рву.

На войне удача приходит иногда странным образом. Два первых французских отряда были полностью расстреляны, даже не достигнув бреши, а в третьем не было потеряно ни единого человека! Только у моего друга де Вири пуля сорвала пуговицу с ментика. Однако, если неприятель на бруствере сохранил бы присутствие духа и встретил нас с Лабедуайером штыками и превосходящими силами, мы были бы, вероятнее всего, убиты или сброшены в ров. Однако австрийцы очень быстро потеряли присутствие духа: наши отвага и напор так удивили неприятелей, что они бросились бежать к бреши, сначала приостановив стрельбу и вскоре вообще прекратив ее. Ни одна вражеская рота даже и не думала атаковать нас — все они быстро удалялись в противоположном от нас направлении!

Вы уже знаете, что атака проходила у Штраубингских ворот. Маршал Ланн приказал мне захватить их или проломить, чтобы он смог войти в город вместе с дивизией Морана. Я находился на валу с пятьюдесятью гренадерами, вскоре присоединившихся к посланному поддержать нас полку, передовые части которого уже располагались во рву. Там же находилось больше всего штурмовых лестниц. Требовалось действовать быстро, поэтому мы решительно направились к Штраубингским воротам, расположенным в ста шагах от захваченной нами бреши. Как же велико было мое удивление, когда под огромным сводом этих ворот я увидел целый батальон австрийцев. Все солдаты стояли лицом к воротам, готовые к защите, если французы начнут их выламывать. Занятый только тем, что ему поручили, командир батальона не обратил внимания на шум у соседнего укрепления. Он был настолько уверен, что прорыв невозможен, что даже не выставил тылового охранения. Как же он был удивлен, обнаружив нас позади себя! Он был на дальнем конце линии своего батальона, поэтому, обернувшись, оказался лицом к лицу с французским отрядом, силы которого было невозможно оценить сразу. Я сформировал две группы, они поддерживали друг друга с двух сторон и полностью перекрывали движение по дороге! На удивленный возглас австрийского командира весь его батальон обернулся, и последние ряды, ставшие первыми, взяли нас на прицел! Но ружья наших гренадеров были также направлены на них, а так как мы находились друг от друга в двух шагах, было понятно, какое кровопролитие вызовет первый же выстрел…

Положение было очень опасным для обеих сторон, но численное превосходство австрийцев давало им огромное

преимущество. Если мы или они открыли бы внезапный огонь, наша маленькая колонна была бы уничтожена, впрочем, как и неприятельская рота, которую мы держали на мушке. Но часть их батальона освободила для нас проход. Мы были очень счастливы, что наши противники не могли знать о нашей малой численности, и я поспешил сообщить командиру этого батальона, что город взят приступом и занят нашими войсками и ему ничего не остается, как только сложить оружие или быть уничтоженным!

Мой уверенный тон подействовал на него, тем более что он слышал шум, который производили солдаты французского полка, постепенно проникая через брешь и присоединяясь к нам. Командир неприятельского батальона обратился к своим солдатам, объяснил им положение, в котором они оказались, и приказал сложить оружие. Находящиеся под прицелом наших ружей роты выполнили приказ, но задние, стоящие у самых ворот, до которых не смогли бы достать наши пули, запротестовали, отказались сдаваться, стали напирать на передних солдат, которые чуть было нас не смяли. Офицерам удалось успокоить свои войска, и все уже казалось улаженным, когда темпераментный Лабедуайер, раздраженный их медлительностью, пришел в бешенство и чуть было все не провалил. Он схватил австрийского командира за горло и собирался уже заколоть его шпагой, если бы мы не отвели его удар. Неприятельские солдаты схватились за оружие, и кровавая бойня была бы неминуема, если бы в этот момент с внешней стороны городских ворот не раздались сильные удары топоров. Это были саперы дивизии Морана, которую вел на штурм сам маршал Ланн. Австрийцы поняли, что попали между двух огней, и сдались. Мы разоружили их, вывели из-под арки и отвели к городу, чтобы освободить проход к воротам, которые мы открыли навстречу маршалу, и его войска потоком хлынули в крепость.

Маршал похвалил нас и отдал приказ идти к мосту через Дунай, чтобы ни один неприятельский полк не ушел из Ратисбонна, а эрцгерцог Карл не смог прислать подкреплений. Но как только мы вышли на одну большую улицу, мы оказались под угрозой новой опасности: от наших снарядов загорелись многие дома, и огонь готов был перекинуться на три десятка повозок, которые неприятель здесь бросил, уведя с собой лошадей. Горящие повозки могли помешать проходу наших войск. Еще можно было бы пройти, пробираясь вдоль стен, но один из австрийских командиров, которого я подвел к маршалу, вдруг выкрикнул с полным отчаянием: «Победители или побежденные, мы все пропали, эти повозки полны пороха!» Маршал побледнел, как и все мы, но смертельная опасность не лишила его

присутствия духа, он приказал солдатам приставить ружья к стене, образовать проход и толкать повозки, передавая их из рук в руки, до тех пор, пока они не будут вне города. Маршал подал пример, и все генералы, офицеры и солдаты принялись за дело. Австрийцы действовали вместе с французами, так как речь шла о спасении и их жизни. Горячие угли от пожарищ уже падали на эти фуры. Если бы хоть одна из них загорелась, мы бы погибли все, и город был бы полностью разрушен! Но все действовали так слаженно, что через несколько минут все пороховые фуры были уже за пределами города, а там уже мы заставили пленных дотащить их до нашего артиллерийского парка.

Глава XIII

Француженка ведет нас к мосту через Дунай. — Выдуманные истории об осаде Ратисбонна. — Массена при Эберсберге. — Колебания Наполеона. — Прибытие в Мёльк

Когда ящики с порохом были уже далеко и опасность миновала, маршал провел пехотные дивизии в центр города. Прибыв туда, он на манер испанцев занял все пересечения главных улиц, чтобы защититься от возможного нападения на уже взятые кварталы. Приняв эти меры предосторожности, маршал приказал продолжить продвижение колонн к мосту, поставив меня во главе одной из них. Я принял это командование, хотя задание было очень трудным, так как я впервые находился в Ратисбонне и не знал в нем ни одной улицы.

Этот город принадлежал нашему союзнику баварскому королю, и поддерживающие нас жители могли бы показать нам дорогу к мосту. Но страх удерживал их в домах. На улицах не было видно ни одного человека. Все двери и окна были закрыты, а мы слишком торопились, чтобы тратить время на то, чтобы их взламывать. К тому же, продолжая отступать, австрийцы на каждом перекрестке открывали по нам огонь. Но путь к отступлению у них был один — через мост. Сначала я подумал, что к мосту можно пройти, следуя за ними. Но австрийские части были очень разрозненны, большинство отрядов, которые были перед нами, разбегались при нашем приближении в разные стороны. Я потерялся в лабиринте незнакомых улиц и не знал, куда вести колонну, когда одна из дверей вдруг открылась, и бледная молодая женщина с испуганными глазами бросилась к нам с криком: «Я француженка, спасите меня!» Это была модистка из Парижа, живущая в Ратисбонне. Она боялась, что австрийцы плохо с ней обойдутся из-за того, что она француженка, поэтому, едва заслышав французскую речь, она, не раздумывая, бросилась к своим соотечественникам.

Я сразу же понял, как можно использовать эту встречу. «Вы знаете, где находится мост?» — спросил я женщину. «Конечно». — «Проведите нас к нему». — «Боже мой! Под этими выстрелами! Я умираю от страха и пришла попросить дать мне нескольких солдат, чтобы они защитили мой дом, куда я сейчас же вернусь…» — «Мне очень жаль, но вы вернетесь домой только после того, как покажете мне мост. Пусть два гренадера возьмут мадам под руки и поставят впереди колонны…» Так и сделали, несмотря на плач и стенания прекрасной француженки, у которой

я спрашивал дорогу на каждом повороте. Чем ближе мы подходили к Дунаю, тем больше стреляли австрийцы. Пули свистели прямо над головой боязливой модистки, но она не знала, что это было, и боялась этого свиста значительно меньше, чем громыхания выстрелов. Но вдруг пуля попала в руку одного из поддерживавших ее гренадеров, кровь брызнула на даму, и ноги у нее подкосились. Пришлось ее нести. После происшествия с ее спутником я переставил ее в более безопасное место, за спины первого взвода. Наконец мы дошли до небольшой площади, расположенной напротив моста. Неприятель занимал другой его конец, а также пригород на левом берегу под названием Штадт-ам-Хоф. Заметив нашу колонну, он начал обстреливать нас ядрами! Я решил, что больше нельзя удерживать нашу парижанку, и вернул ей свободу. Но бедная женщина, полумертвая от страха, не знала, куда спрятаться, и я предложил ей зайти на время в часовню Святой Девы Марии, стоящей на краю площади. Француженка согласилась, гренадеры перенесли ее через невысокую решетку перед входом, и она укрылась за статуей Девы Марии, съежилась за ней так, что ее было почти не видно.

Узнав, что мы уже на берегу Дуная, маршал приблизился к головной колонне. Он увидел сам, что перейти мост невозможно, так как неприятель поджег Штадт-ам-Хоф, пригород на левом берегу, к которому вел мост.

В то время как французы шли на приступ и занимали Ратисбонн, шесть австрийских батальонов, расположенных на укреплениях вдали от места штурма, спокойно стояли и смотрели в поле, не идет ли неприятель. Из этого глупого бездействия они вышли, когда услышали стрельбу со стороны моста. Они бросились туда, но отступление для них уже было отрезано: во-первых, нами, во-вторых, пожаром предместья, через которое им надлежало пройти. Однако все-таки они смогли достичь моста, но там им пришлось сложить оружие.

В тот же день император въехал в город и приказал не участвовавшим в сражении солдатам помочь несчастным жителям бороться с огнем, пожирающим город. Несмотря на эту существенную помощь, очень много домов сгорело дотла.

Наполеон навестил в лазарете и наградил солдат, получивших ранения при первых двух неудавшихся попытках штурма, а потом захотел встретиться с третьим отрядом, на его глазах прорвавшимся в Ратисбонн. Он выразил нам свое удовлетворение и раздал много наград. Когда маршал напомнил ему о моих прежних и теперешних заслугах и моем представлении к званию начальника эскадрона, Наполеон

ответил, что можно считать это назначение уже сделанным. И, обернувшись к Бертье, добавил: «Вы представите мне на подпись это назначение в первую очередь». Я был очень рад, но понимал, что император не оставит своих важных дел, чтобы как можно раньше прислать мне назначение. Впрочем, я был на седьмом небе от похвал, которые высказали мне император и маршал и которые со всех сторон сыпались на моих товарищей и на меня.

Отходя от моста, я вызволил из часовни парижанку и попросил одного офицера проводить ее домой. Маршал увидел, как солдаты достают женщину из-за решетки, и спросил меня, как она там оказалась. Я рассказал ему эту историю, вечером он пересказал ее императору, тот очень смеялся и сказал, что хотел бы повидать эту даму.

Я уже говорил, что в момент, когда мы шли на штурм, вся Великая армия, располагавшаяся недалеко от этого места, была свидетельницей сражения. Там же находился и маршал Массена со своими адъютантами, среди которых был Пеле, теперь генерал-лейтенант, начальник военного депо и автор превосходного описания кампании 1809 года. Вот что говорится в его произведении о штурме Ратисбонна: «Маршал Ланн хватает лестницу и собирается сам ставить ее. Адъютанты останавливают его и борются с ним. При виде этой благородной борьбы сбегаются наши воины, разбирают лестницы и устремляются на штурм… Смертоносные снаряды падают в их гущу. Адъютанты бегут впереди. В одно мгновение лестницы установлены, ров преодолен… На верху укрепления появляются, держась за руки, самые первые — Лабедуайер и Марбо, и за ними остальные гренадеры…»

Этот рассказ очевидца очень точен, он справедливо делит славу между мной и моим товарищем. Тогда как автор биографии несчастного Лабедуайера не был так справедлив ко мне. Взяв рассказ генерала Пеле, он счел нужным даже не упоминать мое имя, приписав одному Лабедуайеру заслугу первым подняться на укрепления Ратисбонна. Я не стал требовать восстановления истины хотя бы потому, что генерал Пеле уже описал событие, произошедшее на глазах 150 тысяч человек.

Ратисбонн был взят 23 апреля. 24-е и 25-е император провел в этом городе. На свои средства он приказал исправить нанесенный городу ущерб.

В то время как Наполеон в сопровождении маршала Ланна объезжал Ратисбонн, я увидел француженку-модистку, которую накануне вынудил вести солдат к мосту. Я указал на нее маршалу, а тот — императору. Наполеон подошел к ней, сделал шутливый комплимент ее мужеству, а затем подарил очень

красивое кольцо на память о штурме Ратисбонна. Окружавшая императора толпа, где были и военные и гражданские, заинтересовалась этой сценой, но в пересказе факты приобрели уже немного другой оттенок, дама выглядела *французской героиней,* которая *по собственному желанию* подверглась смертельной опасности ради спасения своих соотечественников. Так эта история и передавалась не только в армии, но и по всей Германии, так ее пересказал и генерал Пеле, введенный в заблуждение всеобщими слухами. Конечно, парижанка находилась некоторое время под вражескими пулями, но желание прославиться здесь было ни при чем.

Во время нашего краткого пребывания в Ратисбонне маршал взял к себе в штаб лейтенанта де Лабурдоннэ, молодого, очень храброго и умного офицера, которого ему рекомендовал его тесть сенатор Гёэнёк. Сначала Лабурдоннэ сокрушался, что попал в штаб только после штурма, но очень скоро он нашел случай проявить свое мужество. С ним даже произошел один странный случай. Армейские франты носили тогда очень широкие кавалерийские панталоны, которые неплохо смотрелись при верховой езде, но были в высшей степени неудобны для пешего. Так вот, на Лабурдоннэ были именно такие огромные штаны, когда во время сражения при Вельсе маршал приказал ему спешиться и по мосту отнести приказ войскам. Шпоры молодого человека запутались в штанинах, он упал, и мы решили, что он убит! Но он проворно поднялся, снова хотел бежать вперед, но в этот момент услышал громкий голос маршала: «Ну не глупо ли собираться на войну, намотав на ноги по шесть аршин сукна?» Тогда Лабурдоннэ, который в первый раз выполнял в сражении приказ маршала, к тому же на его глазах, желая проявить усердие, вынул свою саблю и обрезал весь низ у своих штанов. После этого легко пустился бежать, сверкая голыми коленями! Хотя вокруг свистели вражеские пули, маршал и штабные офицеры смеялись до слез над этим новым фасоном, а при возвращении похвалили Лабурдоннэ за находчивость.

Оставив сильный гарнизон охранять Ратисбонн и его мост, император повел армию по правому берегу Дуная на Вену, в то время как основные силы неприятеля шли в том же направлении по левому берегу. Я не буду больше занимать ваше внимание рассказом о многочисленных сражениях, произошедших между нами и австрийскими войсками, старавшимися остановить наше продвижение к столице. Ограничусь только замечанием, что маршал Массена, для которого до сих пор обстоятельства складывались так, что его части не принимали активного участия в сражениях, совершил огромную неосторожность и 3 мая

атаковал Эберсбергский мост на реке Траун, хотя мост был под защитой крепости и 40 тысяч солдат. Эта атака оказалась совершенно бесполезной, потому что еще до ее начала корпус маршала Ланна перешел Траун в 5 лье выше Эберсберга и уже двигался, чтобы напасть на австрийцев сзади. Австрийцы отошли бы в тот же день при нашем приближении, а Массена не потерял бы ни одного человека. Но он атаковал, чтобы перейти реку, которую *уже перешли.* Ему это удалось, но он потерял 1000 убитыми и 1000 ранеными! Император был крайне недоволен таким кровопролитием. Вероятно, чтобы преподать урок Массене, он отправил из Вельса под командованием генерала Дюронеля одну-единственную бригаду легкой кавалерии. Спустившись по левому берегу, без единого пистолетного выстрела, она дошла до Эберсберга в то же самое время, когда войска Массены входили туда, понеся тяжелые потери, к тому же два полковника были убиты и трое ранены!

Наполеон отправился из Вельса в Эберсберг по правому берегу, что доказывало, что дорога была совершенно свободна. Прибыв на поле боя и увидев, сколько людей полегло напрасно, он пережил сильное потрясение, уединился и весь вечер не хотел никого видеть! Если бы любой другой позволил себе без приказа совершить такую необдуманную атаку, он, скорее всего, был бы тотчас отстранен. Но это был Массена, любимец победы, и император ограничился суровым выговором. Менее снисходительная армия критиковала Массену во весь голос. В свое оправдание тот говорил, что мост защищали 40 тысяч австрийцев под командованием генерала Хиллера, а недалеко, справа от них, был мост через Дунай в Маутхаузене. Можно было опасаться, что, если бы этот корпус не был быстро атакован, не дожидаясь подхода войск, движущихся через Вельс, генерал Хиллер мог бы перейти Дунай и соединиться с эрцгерцогом Карлом на левом берегу. Но даже если бы это и произошло, это не было бы катастрофой для французской армии. Напротив, все австрийские войска оказались бы за Дунаем, а мы без единого выстрела прошли бы на Вену по совершенно незащищенному правому берегу. К тому же цель, которую преследовал Массена, атакуя Эберсберг, не была достигнута. Генерал Хиллер, отступив на один или два марша по правому берегу, перешел Дунай в Штейне и, спустившись вдоль этой реки левым берегом, поспешил к Вене.

Как бы там ни было, армия Наполеона перешла через Траун, сожгла мост у Маутхаузена, перешла Энс и дошла до Мёлька, не зная, находится ли генерал Хиллер между Веной и нами, или он перешел Дунай, чтобы соединиться с эрцгерцогом Карлом.

Некоторые шпионы, напротив, уверяли, что это эрцгерцог Карл перешел Дунай, чтобы соединиться с генералом Хиллером, и что на другой день мы встретимся со всей австрийской армией в сильной позиции перед Санкт-Пёльтеном. Тогда мы должны готовиться к большому сражению. В противоположном случае надо будет быстро идти на Вену, чтобы быть там раньше неприятельской армии, которая направлялась к столице по противоположному берегу.

Император был в большой нерешительности, поскольку не было точных сведений, позволяющих ответить на вопрос: генерал Хиллер перешел Дунай или он находился еще перед нами под прикрытием легкой кавалерии, все время скрывающейся от нас, не позволяющей подойти к ней достаточно близко, чтобы нельзя было взять пленных, от которых можно было бы получить какие-либо сведения. Все выглядело очень неопределенным, когда 7 мая, мы пришли в Мёльк.

И именно в Мёльке, мои дорогие дети, я совершил поступок, воспоминание о котором мне льстит больше всего, потому что до сих пор я подвергался опасности, выполняя приказы моих командиров. На этот же раз я сам бросил вызов смерти, чтобы быть полезным своей стране, служить императору и добыть себе немного славы.

Глава XIV

Император предлагает мне очень опасное дело. — Я соглашаюсь и выполняю его для армии. — Результаты этой вылазки

Прелестный городок Мёльк расположен на берегу Дуная под огромной скалой с выступом, на вершине которой находится монастырь бенедиктинцев, считающийся одним из самых красивых и богатых в христианском мире. Из монастырских покоев открывается вид на Дунай, на оба его берега. Император и маршалы, среди которых был и Ланн, обосновались в монастыре, а наш штаб — в доме у городского кюре. Вся неделя была очень дождливой, последние сутки дождь шел непрерывно. В Дунае и его притоках поднялась вода. Наступила ночь, мы с товарищами были рады находиться в такую погоду в убежище и весело ужинали с кюре, приятным человеком, который угощал нас великолепными блюдами, когда дежурный адъютант пришел за мной по приказу маршала Ланна, сказав, что я тотчас же должен подняться в монастырь. Мне было так хорошо там, где я находился, мне так не хотелось покидать хороший ужин и теплый дом, чтобы идти мокнуть под дождем! Но надо было выполнять приказ.

Все коридоры и низкие залы монастыря были полны гвардейскими гренадерами и егерями, прогоняющими с помощью доброго монастырского вина усталость последних дней. Еще по дороге в гостиную я понял, что меня позвали по серьезному делу, так как генералы, камергеры, дежурные офицеры — все повторяли: «За вами послал император!» Некоторые добавляли: «Может быть, чтобы вручить вам звание начальника эскадрона». Но я понимал, что не такая я важная персона, чтобы государь посылал за мной в такой час и стал вручать мне новое звание! Меня провели в огромную великолепную галерею, балкон которой выходил в сторону Дуная. Император ужинал с несколькими маршалами и аббатом монастыря, имевшим сан епископа. Увидев меня, император вышел из-за стола, направился к большому балкону, и я услышал, как он негромко сказал шедшему за ним маршалу Ланну: «Выполнить этот план почти невозможно. Это означает послать вашего храброго офицера на верную смерть!» — «И он пойдет, сир, я в этом уверен, — ответил маршал, — он пойдет. Впрочем, мы можем спросить его самого».

Взяв меня за руку, маршал открыл балконное окно, из которого вдалеке был виден Дунай. Его огромная ширина,

утроившись в результате разлива, была не менее целого лье! Сильный ветер поднимал волны на реке, и их шум доносился до нас. Шел проливной дождь, ночь была очень темной. Но на другой стороне можно было все же различить длинную линию бивуачных огней. Наполеон, маршал Ланн и я были возле балкона одни, и маршал сказал мне: «Там, на другой стороне реки, австрийский лагерь. Император хочет как можно скорее узнать, там ли корпус генерала Хиллера, или он все еще на этом берегу. Чтобы узнать это, нужен умный и храбрый человек, который переправится через Дунай и захватит вражеского языка. Я заверил императора, что вы сделаете это!» Тогда Наполеон мне сказал: «Я хочу заметить, что не отдаю вам приказ, а выражаю только пожелание. Я знаю, что это очень опасное дело, и вы можете отказаться, не опасаясь вызвать мое неудовольствие. Пройдите в соседнюю комнату, чтобы подумать, и возвращайтесь честно сказать нам о своем решении».

Признаюсь, услышав предложение маршала Ланна, я весь покрылся холодным потом. Но в тот же момент меня охватило чувство, которое я не мог бы определить четко, но в нем любовь к родине и жажда славы слились с высокой гордостью. Эта смесь разожгла мой пыл, и я подумал: «Как! У императора здесь целая армия из 150 тысяч преданных солдат, 25 тысяч его гвардейцев, самых храбрых из храбрых, его окружают адъютанты, офицеры для поручений. Однако когда речь зашла о деле, требующем ума и отваги, то именно меня! меня! выбрали император и храбрый маршал Ланн!!!» «Я пойду, сир! — вскричал я без колебаний. — Я пойду! И если погибну, я вверяю мою матушку заботам Вашего Величества!» Император потрепал меня за ухо в знак удовлетворения, а маршал протянул руку и воскликнул: «Я же говорил Вашему Величеству, что он пойдет!.. Вот это и называется быть храбрым солдатом!»[70]

Решение было принято, теперь надо было подумать, как его выполнить. Император вызвал своего адъютанта генерала Бертрана, генерала Дорсенна, гренадеров своей гвардии, а также командующего ставкой и приказал им предоставить мне все, что я сочту нужным. По моей просьбе пехотный пикет отправился в город за бургомистром, а также должен был найти старшину лодочников с пятью лучших его людей.

Среди самых храбрых, но еще не получивших наград выбрали капрала и пятерых пеших гренадеров Старой гвардии. Они все говорили по-немецки. Все они добровольно вызвались меня сопровождать. Император принял эту шестерку и обещал им по возвращении кресты, на что они ответили «Да здравствует император!» — и пошли готовиться. Когда же переводчик

объяснил пяти лодочникам, что надо будет переправиться на другой берег Дуная, они упали на колени и стали рыдать. Старейшина заявил, что лучше уж расстрелять их на месте, чем отправлять на верную смерть. Переправа была *совершенно невыполнимой* не только из-за сильной волны, которая перевернет лодку, но также потому, что по притокам в Дунай принесло много недавно срубленных в соседних горах елей, и в темноте лодка обязательно наткнется на стволы и получит течь. К тому же как пристать к противоположному берегу посреди ивняка, не повредив лодку, да и не зная, насколько разлилась река?.. Старшина пришел к выводу, что операцию осуществить невозможно.

Напрасно император соблазнял их деньгами, выложив перед каждым по 6 тысяч франков золотом, они не могли решиться, хотя были бедными людьми и отцами семейств: «Это золото обеспечило бы нас и наших детей, но мы вынуждены отказаться, потому что невозможно переправиться через реку в таких условиях!» Я уже говорил, что на войне необходимость сохранить жизнь большого числа людей, пожертвовав жизнью нескольких, делает в некоторых обстоятельствах военных командиров безжалостными. Император был непреклонен. Гренадеры получили приказ силой заставить лодочников участвовать в операции, и мы спустились в город.

Капрал оказался очень смышленым человеком, он же служил мне переводчиком, и по дороге я велел сказать старшине лодочников, что поскольку он вынужден отправиться с нами, то в его интересах дать нам лучшую лодку и сказать, что мы должны взять с собой. Несчастный послушался, хотя все время был в полном отчаянии. Мы выбрали лучшее судно и взяли с других лодок все необходимое. У нас было два якоря, но, так как мне казалось, что нам не придется их использовать, я велел взять канаты и прикрепить к концу каждого кусок полотна, в который завернули по большому булыжнику. Я видел на юге Франции, как рыбаки останавливали свои лодки, бросая на прибрежный ивняк такие веревки: они наматывались на деревья и останавливали движение судна. На голову я надел кепи, гренадеры свои фуражные шапки, так как любые другие головные уборы были бы нам только помехой. Мы взяли продовольствие, веревки, топоры, пилы, лестницу — все, что мне казалось полезным в нашем деле.

Закончив подготовку, я собирался дать уже сигнал к отправлению, когда все лодочники стали умолять меня, рыдая, позволить им в сопровождении солдат пойти обнять, может быть, в последний раз своих жен и детей! Но такие сцены могли бы только расстроить этих несчастных и отразиться на их и так

невысоком мужестве, и я отказал. «Ну что же! — сказал тогда старшина, — поскольку жить нам осталось очень мало, дайте нам пять минут, чтобы подготовить наши души к встрече с Богом. Сами можете последовать нашему примеру, ведь вы тоже погибнете!»… Они встали на колени, мы с гренадерами последовали их примеру, что, казалось, тронуло этих людей. Окончив молитву, я дал каждому стакан доброго монастырского вина, и мы спустили нашу лодку на воду…

Я велел гренадерам молча исполнять все приказы старшины, сидящего за рулем. Течение было слишком сильным, чтобы мы могли прямо от Мёлька приплыть к противоположному берегу. Мы поднялись с парусом вдоль берега реки примерно на лье, и, хотя ветер и волны бросали наше суденышко, этот путь мы проделали без происшествий. Но теперь надо было отойти от берега и пересекать реку на веслах. Мы сняли мачту, но она легла не вдоль лодки, а боком. Упавший в воду парус подхватило течение, и наше судно так наклонялось, что мы чуть не опрокинулись! Старшина приказал обрезать канаты и сбросить мачту в воду. Но матросы совсем потеряли голову, они только молились и не слушали приказаний! Тогда капрал вытащил саблю и сказал: «Можете молиться и работать одновременно! Если вы сейчас же не выполните приказ, я вас всех поубиваю!..»

Бедняги, выбирая между смертью сейчас или потом, взялись за топоры и стали помогать гренадерам. Мачту быстро разрубили и сбросили в воду… Как раз вовремя, так как, едва успев освободиться от этого опасного груза, мы ощутили сильнейший толчок: одно из деревьев, плывших по реке, столкнулось с нашим бортом… Мы содрогнулись… К счастью, на этот раз лодка осталась цела, но сколько она сможет выдержать столкновений, которые мы не в силах предотвратить? Волны бросали на нас стволы, из которых некоторые только задевали нас, не причиняя большого вреда. Течение несло нас быстро, весла мало помогали нам. Держать нужное направление на противоположный берег не было никакой возможности. Я даже начал опасаться, что нас пронесет далеко за неприятельский лагерь, что привело бы к провалу нашего дела. Нам все же удалось выгрести, и мы проделали уже три четверти пути, когда, несмотря на темноту, я заметил на воде огромную черную массу, потом послышался резкий треск, ветки ударили нам прямо в лицо, и лодка остановилась!.. На наши вопросы старшина ответил, что мы попали на островок, заросший ивняком и тополями, которые оказались затопленными почти до верхушки… Пришлось на ощупь топорами прорубать проход через ветви. Нам это удалось, и, когда мы преодолели это препятствие, течение за ним

оказалось не таким сильным, как на середине реки, и мы наконец добрались до левого берега. Он был покрыт очень густыми зарослями прибрежных деревьев, образующими своего рода купола, что очень затрудняло движение, но и скрывало нашу лодку со стороны австрийского лагеря.

Бивуачные огни освещали берег, но мы оставались в тени прятавших нас деревьев. Наша лодка скользила по воде. Я искал удобное место для высадки. Вдруг я заметил сходни, по которым люди и лошади подходили к воде. Капрал ловко бросил веревку с камнем в ивняк, она зацепилась за одно из деревьев, и лодка остановилась в одном или двух футах от этого помоста. Была полночь. Отделенные от французов разлившимся Дунаем, австрийцы чувствовали себя в полной безопасности. Все в лагере спали, кроме часового.

На войне, какое бы расстояние ни отделяло от неприятеля, пушки и часовые всегда смотрят в его сторону. Береговая батарея была повернута к реке, а часовые ходили вверху по берегу, край которого прикрывали деревья. Из лодки же сквозь ветви мне была видна большая часть бивуака. До сих пор операция шла так удачно, как я и не надеялся, но, чтобы она дала результат, надо было захватить пленника. Сделать это в пятидесяти шагах от многих тысяч вражеских солдат, которых мог разбудить один-единственный крик, мне казалось очень трудным! Однако надо было действовать… Я приказал пятерым матросам лечь на дно лодки, предупредив, что два гренадера будут за ними следить и безжалостно убьют любого, кто проронит хоть одно слово или попытается подняться. Еще одного гренадера я поставил на нос лодки наблюдать за берегом. Взяв в руку саблю, я перелез через борт. За мной последовали капрал и двое гренадеров. Лодка немного не дошла до берега, и нам пришлось сначала сделать несколько шагов по воде, потом мы ступили на сходни… Мы поднялись по ним, и я уже готовился броситься на ближайшего к нам часового, разоружить его, заткнуть ему рот кляпом и тащить в лодку, когда послышался какой-то металлический звук и негромкий голос, что-то напевающий… Это был солдат, который шел, напевая, за водой с большим жестяным бидоном. Мы быстро вернулись к воде, чтобы укрыться под сводом ветвей, скрывающих лодку. Как только австриец наклонился, чтобы наполнить свой бидон, капрал и оба гренадера схватили его за горло, заткнули рот платком, наполненным мокрым песком, приставили острие сабли к груди, угрожая убить при малейшем сопротивлении или крике! Ошарашенный австриец подчинился, мы довели его до лодки, передали в руки гренадера, стоящего у лодки, и тот уложил его лицом вниз рядом с матросами. По одежде этого

австрийца понял, что это скорее не солдат, а прислуга какого-нибудь офицера.

Я предпочел бы захватить настоящего солдата, от него можно добиться более точных сведений. Однако, за неимением лучшего, я уже готов был удовлетвориться этим пленным, когда заметил, что к сходням подходят двое других солдат. Каждый за свой конец, они несли палку, на которой висел котел. Они были уже в нескольких шагах от нас. Сесть в лодку и незаметно скрыться было уже невозможно. Я сделал знак моим гренадерам. Они снова спрятались, а когда эти двое наклонились зачерпнуть воды, сильные руки обхватили их сзади и окунули их головы в воду. У этих солдат были сабли, поэтому их надо было сначала оглушить, иначе они могли оказать сопротивление. Затем их по очереди подняли, заткнули рот платками с песком, приставили к груди оружие и вынудили следовать за нами! Так же как и слугу, их поместили в лодку, куда сели и все мы — капрал, два гренадера и я.

До сих пор все шло отлично. Матросы поднялись и сели на весла. Я приказал капралу отвязать канат, держащий нас у берега. Но он так намок и узел так затянулся, что развязать его было невозможно. Пришлось его тихо перепилить, что заняло у нас две или три минуты. От наших усилий тряслась ива, за которую было пришвартовано судно и соседние с ней деревья. Этот шум, в конце концов, привлек внимание часового. Он подошел ближе, еще не замечая лодки, видя только движение ветвей. «Wer da?» («Кто идет?») — крикнул он. Ответа не последовало!.. Часовой повторил свой вопрос. Мы молча продолжали свою работу… Напряжение было огромным. После того как мы преодолели столько препятствий, было бы особенно жестоко провалить все дело в последний момент! Наконец канат был перепилен и наше судно двинулось по течению. Едва оно выплыло из скрывавших его ветвей, огни лагеря осветили нас. Австрийский часовой закричал: «В ружье!» — и стал стрелять. Он не попал в нас, но на шум сбежались другие солдаты. Артиллеристы, чьи заряженные орудия были направлены в сторону берега, оказали мне честь и сделали пушечный выстрел по моему суденышку!.. Мое сердце прыгало от радости при звуке этого залпа, ведь император и маршал Ланн тоже его слышали!

Мой взор был прикован к монастырю. Несмотря на расстояние, вдалеке можно было разглядеть освещенные окна. Вероятнее всего, они все были открыты в этот момент, но мне показалось, что одно из них стало ярче: огромное окно балкона, своими размерами напоминавшее церковный портал, отбрасывало свет далеко на воду реки. Очевидно, услышав

пушечный выстрел, его открыли. И я подумал: «Император и маршалы стоят на балконе. Они знают, что я добрался до левого берега и вражеского лагеря. Они молятся за мое возвращение!» Эта мысль придала мне мужества. Я не обращал никакого внимания на ядра, которые, кстати, и не представляли большой опасности, так как сильное течение несло нас с такой скоростью, что неприятельские артиллеристы не могли точно прицелиться по быстро движущемуся предмету и только по несчастливому для нас совпадению могли попасть в нас. Правда, одного ядра хватило бы, чтобы разнести наше суденышко, а всех нас сбросить в воды Дуная. Вскоре мы оказались вне досягаемости неприятельских выстрелов, и я уже мог в большей степени надеяться на конечный успех всей операции. Однако не все опасности были еще позади, надо было миновать стволы елей, несшихся по реке. Несколько раз нам опять пришлось преодолевать затопленные островки, где мы надолго застревали, запутавшись в тополиных ветвях. Наконец мы подошли к правому берегу, примерно в 2 лье ниже Мёлька. Здесь меня охватили новые опасения. Я увидел бивуачные костры, но у меня не было уверенности, что там стоит какой-нибудь из французских полков, ведь неприятельские части были и на этом берегу. Я знал лишь, что на правом берегу, примерно на этом расстоянии от Мёлька, напротив австрийского корпуса, расположившегося в Санкт-Пёльтене, находился авангард маршала Ланна.

Наша армия должна была на рассвете двинуться вперед, но занимала ли она уже эти места или нет, чьи это были огни, наши или вражеские? Я боялся также, что течение отнесет нас слишком далеко вниз. Но звуки труб, трубившие побудку во французской кавалерии, положили конец моим опасениям. Отбросив все сомнения, мы на веслах подплыли к песчаному берегу и в утреннем свете увидели деревню. Мы были довольно близко от нее, когда раздался выстрел и пуля просвистела у нас над головами… Очевидно, французский пост принял нашу лодку за неприятельскую. Я не предусмотрел такой случай и не знал, как выйти из положения, но мне пришла в голову удачная мысль: все мои шестеро гренадеров должны были крикнуть разом: «Да здравствует император Наполеон!»… Конечно, это не доказывало, что мы французы, но могло привлечь внимание офицеров. Окруженные солдатами и видя нашу малочисленность, они помешали бы стрелять до выяснения обстоятельств. Так и случилось. Через несколько минут меня встретили на берегу полковник Готрен и возглавляемый им 9-й гусарский полк из корпуса маршала Ланна. Проплыви мы еще половину лье, мы наткнулись бы прямо на австрийские посты!

Гусарский полковник дал мне лошадь и несколько повозок, на которых разместились мои гренадеры, матросы и пленники, и наш маленький караван отправился в Мёльк. По дороге я попросил капрала расспросить австрийцев и узнал, к своему удовольствию, что я захватил их в лагере, где стояли части генерала Хиллера, нахождение которого так интересовало императора.

Сомнений не было, генерал Хиллер соединился с эрцгерцогом Карлом на другом берегу Дуная. Значит, по дороге, по которой мы продвигались, не будет сражений и перед Наполеоном была только неприятельская кавалерия у Санкт-Пёльтена. Наши войска могли спокойно идти на Вену, от которой нас отделяли три небольших перехода. Получив эти сведения, я пустил свою лошадь в галоп, чтобы как можно скорее информировать императора.

До ворот монастыря я добрался уже днем. Около них толпились жители Мёлька, среди толпы слышались крики жен, детей, родственников и друзей матросов, уведенных нами накануне. Эти люди тотчас же окружили меня, и я успокоил их, сказав на плохом немецком: «Они живы, и вы скоро их увидите!» Толпа взорвалась громким радостным криком, на который вышел французский офицер, охранявший ворота. Увидев меня, он побежал, как ему было велено, предупредить дежурного адъютанта, а тот сообщил императору о моем возвращении. Тотчас же весь двор был на ногах. Маршал Ланн подошел ко мне, сердечно обнял и тут же провел к императору. «Вот он, сир, я знал, что он вернется! Он привел троих пленных из корпуса генерала Хиллера!» Наполеон принял меня как нельзя лучше, и, хотя я был весь грязный и мокрый, он обнял меня за плечи и потрепал за ухо, что у него было знаком большого одобрения. Конечно, меня расспросили обо всем! Император хотел знать все подробности нашей опасной операции, и, когда я закончил рассказ, я услышал от Его Величества: «Я очень доволен вами, начальник эскадрона Марбо!»

Эти слова стоили приказа о назначении, и я был на вершине счастья! В это время камергер объявил, что накрыт стол. Я подумал, что пережду в галерее, пока император будет обедать, но Наполеон указал рукой в сторону столовой и сказал: «Вы будете обедать со мной». Я был польщен этим приглашением, ведь офицер моего звания еще никогда не удостаивался такой чести. За обедом я узнал, что император и маршалы этой ночью не ложились, что, заслышав выстрел пушки с противоположного берега, они все выбежали на балкон! Император заставил меня повторить рассказ о том, как я захватил трех пленников, и много

смеялся, представив удивление и испуг, которые они должны были испытать.

Наконец объявили, что повозки прибыли, но им очень трудно проехать в монастырь, поскольку все жители Мёлька сбежались посмотреть на возвращение матросов. Наполеон счел такое любопытство естественным, приказал открыть ворота и впустить всех во двор. Вскоре гренадеров, матросов и пленных провели в галерею. Прежде всего император через своего переводчика расспросил трех австрийских солдат и с удовлетворением узнал, что не только корпус генерала Хиллера, но сам эрцгерцог Карл и вся его армия находились на левом берегу. Он дал распоряжение князю Бертье тотчас же направить все войска на Санкт-Пёльтен и собирался сам следовать за ними. Затем он подозвал к себе бравого капрала и пятерых гвардейцев, каждому собственноручно прикрепил на грудь крест Почетного легиона, посвятил каждого в рыцари империи и наградил рентой в 1200 франков.

Старые усачи плакали от радости! Затем пришел черед старшины лодочников и его команды. Им император передал, что опасность, которой они подверглись, оказалась даже большей, чем он предполагал, и будет справедливым увеличить их вознаграждение. В результате вместо обещанных им 6 тысяч франков каждый тотчас получал 12 тысяч золотом. Эти люди не знали, как выразить свой восторг. Они целовали руки императору и всем присутствующим, кричали: «Теперь мы богаты!» Видя их радость, Наполеон, смеясь, спросил у старшины, проделал бы он снова этой ночью подобное путешествие за такую цену. Тот ответил, что, чудом избежав верной смерти, он не отправится больше на такое опасное дело, даже если бы Его Преосвященство аббат Мёлька отдал бы ему весь монастырь и огромные земли в придачу. Лодочники ушли, благословляя щедрость императора французов. Гренадеры спешили похвастаться наградами перед товарищами и уже собирались уйти и увести пленных, когда Наполеон заметил, что австрийский денщик горько плачет. Император успокоил его по поводу судьбы, которая его ожидает, но бедный малый заявил, рыдая, что он знает, что французы хорошо обращаются с пленными, но у него в поясе на хранении находятся почти все деньги его капитана и теперь он боится, что тот обвинит его в дезертирстве и воровстве! Эта мысль разрывала ему сердце! Император, тронутый отчаянием этого честного человека, сказал, что он свободен, что через два дня, как только мы будем у Вены, его проведут через наши посты, и он сможет вернуться к своему хозяину. Затем Наполеон взял из своей шкатулки 1000 франков и вложил деньги в руку слуги со словами: «Добродетель надо награждать всюду, где она

встречается!» Император дал несколько золотых и двоим другим пленным, наказав препроводить и их к австрийским постам, чтобы «они забыли перенесенные страхи и чтобы не говорили, что солдаты, даже и неприятельские, разговаривали с императором французов и не были им облагодетельствованы».

Глава XV

Вступление в Санкт-Пёльтен. — Захват Пратера. — Атака и капитуляция Вены. — Волнения в Германии

Осчастливив всех, кто находился в лодке, Наполеон пошел готовиться к походу на Санкт-Пёльтен, а я вышел из галереи. В караульной было много генералов и гвардейских офицеров, а также все мои товарищи. Все меня поздравляли с успешным выполнением задания, а также с новым званием, которое пожаловал мне император, назвавший меня *начальником эскадрона.* Официальное же назначение я получил только через месяц, заслужив его еще одним ранением! Не упрекайте, однако, императора в неблагодарности: военные события в мае занимали его всецело, а так как он назвал меня коммандантом, я и должен был считать себя таковым, веря его обещанию.

По пути из Мёлька в Санкт-Пёльтен император и маршал Ланн задали мне еще много вопросов о ночных событиях. Они остановились напротив старого замка Дюрренштайн, расположенного на противоположном берегу. Это местечко представляло двойной интерес. Замок находился у подножия холмов, где в 1805 году произошло памятное сражение, когда маршал Мортье, отрезанный от остальной армии, мужественно прорвался через русские войска. А в Средние века башни замка Дюрренштайн стали тюрьмой для Ричарда Львиное Сердце. Осмотрев руины и вспомнив судьбу короля-воина, так долго бывшего здесь в заточении, Наполеон впал в задумчивость. Предчувствовал ли он тогда, что закончит свои дни в заключении, плененный своими врагами?

Услышав пушечные выстрелы у Санкт-Пёльтена, маршал Ланн устремился к этому городу, на улицах которого произошли стычки между нашим авангардом и той немногочисленной легкой кавалерией неприятеля, которая еще оставалась на правом берегу Дуная. Слишком слабая, чтобы оказывать нам сопротивление, она быстро отошла в сторону Вены.

Все мои товарищи были разосланы с донесениями, и я оставался при маршале один, когда при вступлении в Санкт-Пёльтен, проходя мимо женского монастыря, мы увидели, как из него вышла настоятельница с посохом в руке, а за ней все ее монашки. Испуганные женщины шли просить защиты. Маршал успокоил их, а так как неприятель разбегался во все стороны и наши войска занимали город, он позволил себе спешиться. После бури, разыгравшейся прошлой ночью, светило яркое солнце.

Маршал проскакал галопом 3 лье, было очень жарко, и настоятельница предложила зайти к ним и выпить чего-нибудь прохладительного. Ланн согласился, и вот мы с ним уже в монастыре, в окружении пятидесяти монахинь. В одно мгновение был накрыт стол и подано прекрасное угощение. Никогда мне не приходилось видеть столько варений, сиропов, конфет, которые мы с удовольствием отведали. Монахини наполнили сладостями наши карманы, дали маршалу с собой несколько коробок, которые он принял, сказав, что передаст это угощение своим дорогим детям! Увы! Своих дорогих детей увидеть ему было больше не суждено…

Император и маршал Ланн заночевали в тот вечер в Санкт-Пёльтене, откуда армия за два дня перешла к Вене. Мы подошли к этому городу 10 мая, рано утром. Император немедленно отправился в императорский замок Шенбрунн, расположенный в полулье от города. Так через двадцать семь дней после своего отъезда из Парижа он уже был у ворот австрийской столицы!.. Думали, что эрцгерцог Карл, ускорив свой марш по левому берегу Дуная, перейдет эту реку по венскому мосту у Шпица и будет в городе до нашего прихода. Но эрцгерцог опоздал на несколько дней, и столицу мог защитить только слабый гарнизон. Сам город Вена очень небольшой, но окружен огромными пригородами, из которых каждый по отдельности больше и заселеннее, чем сам город. Пригород окружен стеной, слишком слабой, чтобы сдержать армию, поэтому эрцгерцог Максимилиан, командующий венским гарнизоном, бросил их и укрылся со своими солдатами за старыми городскими укреплениями. Воспользуйся он мужеством и настроем населения, он мог бы продержаться некоторое время. Но он пренебрег этим средством, и французские войска заняли пригороды с ходу и без единого выстрела. Маршал Ланн, введенный в заблуждение неверным донесением, думал, что враг оставил также и сам город, и поторопился послать полковника Гёэнёка сообщить императору, что мы занимаем Вену. Наполеону же не терпелось объявить эту новость, и он тут же отправил Гёэнёка с ней в Париж.

Но крепость все еще держалась, и, когда маршал Ланн захотел туда войти во главе дивизии, нас встретили пушечными выстрелами. Генерал Тарро был ранен, многие солдаты убиты. Маршал вернул войска в пригород, укрыл их от огня из крепости и счел нужным послать своего адъютанта полковника Сен-Марса к губернатору с предложением капитулировать. Его сопровождал господин Лагранж, который долго служил во французском посольстве в Вене и хорошо знал город. Парламентер должен идти один, его должен сопровождать один трубач. Но вместо

этого полковник Сен-Марс взял с собой трех помощников, Лагранж поступил так же, в результате вместе с трубачом их оказалось *девять человек*. Это было уже слишком. Неприятель подумал, или сделал вид, что подумал, что этот отряд прибыл скорее осмотреть укрепления, чем передать требование о капитуляции. Внезапно одни из ворот открылись, и из них выехал отряд венгерских гусар с обнаженными саблями. Он атаковал парламентеров. Все они были тяжело ранены и захвачены в плен. Кавалеристы, совершившие этот варварский поступок, были из Секлерского гусарского полка, того самого, гусары которого в 1799 г. у Раштатта убили французских полномочных представителей Робержо и Боннье и тяжело ранили Жана Дебри.

Узнав, каким недостойным способом австрийцы пролили кровь парламентеров, посланных маршалом Ланном, возмущенный император прибыл на место сам. Он стянул сюда большое число орудий, чтобы следующей ночью начать обстрел Вены, защитники которой в тот же момент открыли по пригородам ужасный огонь, длившийся целые сутки, представляя опасность для своих же соотечественников.

11-го утром император объезжал окрестности Вены. Заметив, что эрцгерцог Максимилиан совершил огромную ошибку, оставив без охраны остров Пратер, он решил захватить эту позицию, перебросив мост через небольшой рукав Дуная, омывающий этот остров.

Для этого две роты вольтижеров переправились на лодках на другой берег и заняли местечко под названием Лустхаус и окрестный лес, из которого они могли прикрывать строительство моста, завершившееся в ту же ночь.

Как только в Вене узнали, что французы, захватив Пратер, могут оттуда пойти к шпицким воротам, единственному пути отступления гарнизона на левый берег, волнение стало огромным. Новые события вскоре увеличили его еще больше. Около десяти часов вечера наши артиллеристы под прикрытием просторных и крепких императорских конюшен начали стрелять по городу. Вскоре огонь охватил некоторые кварталы, в частности окрестности самой красивой городской площади Грабен.

Ходили слухи, а генерал Пеле в своей работе повторил это, что эрцгерцогиня Луиза[71] была в то время больна и находилась во дворце своего отца. Командующий гарнизоном якобы предупредил об этом императора французов, и тот приказал сменить положение батарей. Все это сказки, потому что Марии-Луизы не было в Вене во время этой атаки, а если бы она там и была, австрийские генералы не стали бы подвергать дочь императора такой опасности, так как всего за несколько минут

любое судно могло перевезти ее на другую сторону Дуная, что при хорошем уходе не ухудшило бы ее состояние. Но есть люди, которые хотят во всем найти что-либо чудесное. Им нравится рассказ, что жизнь эрцгерцогине спас тот, чей трон она должна была вскоре разделить.

Наши снаряды продолжали падать на город, когда среди ночи Наполеон, оставив артиллерию на попечение своих генералов, решил вернуться в Шенбрунн, где располагался и маршал Лани. Была светлая лунная ночь, дорога была красива, император, как всегда, пустил лошадь в галоп. Он в первый раз ехал на той прелестной лошади, которую подарил ему король Баварии. Конюший Наполеона граф де Канизи, который должен был опробовать всех лошадей императора, на этот раз, вероятно, пренебрег своими обязанностями, сказав, однако, что лошадь *прекрасная.* Через несколько шагов лошадь упала, император тоже повалился на землю и лежал без всяких признаков жизни! Мы думали, что он мертв!.. Но он только потерял сознание. Мы поспешили его поднять, и он, несмотря на возражения маршала Ланна, захотел продолжить путь верхом. Он взял другую лошадь и поскакал галопом в Шенбрунн. В просторном дворе этого дворца император выстроил вокруг себя штабных офицеров и свой гвардейский эскадрон — всех свидетелей этого происшествия — и ясно запретил всем говорить о нем. Этот секрет, доверенный двум сотням человек, большей частью простым солдатам, свято сохранялся, так что армия и Европа не узнали, что Наполеон чуть было не погиб! Конюший ожидал сурового выговора, но Наполеон в качестве наказания приказал ему *каждый день* объезжать баварскую лошадку, и уже на следующий день графу де Канизи не один раз пришлось оказываться на земле, настолько слабые ноги оказались у этого животного. Тогда император пожалел своего конюшего, предписав в будущем лучше осматривать лошадей, которых он ему подводит.

Узнав, что с захватом французскими войсками Патера его отступление находится под угрозой, и видя, что австрийская столица может быть полностью разрушена нашими снарядами и пожаром, эрцгерцог Максимилиан ночью покинул Вену и отошел за большой рукав Дуная по мосту у Шпица, который он потом за собой уничтожил. Именно по этому мосту в 1805 году французская армия перешла Дунай, после того как маршалы Ланн и Мюрат захватили его хитростью, о которой я вам уже рассказывал, повествуя об Аустерлицкой кампании. Уход эрцгерцога Максимилиана и его войск оставил Вену без защиты, на растерзание сброда, который тотчас же принялся

мародерствовать. Тогда городские власти поспешили выслать к Наполеону уважаемого генерала и архиепископа О'Рейли, а также представителей магистрата и других сановников, чтобы снискать милость и помощь победителя. Тотчас наши полки вошли в крепость, скорее как защитники, а не завоеватели. Народ был сдержан и обезоружен. Городскому ополчению, однако, было оставлено оружие. В 1805 году они знали, как им распорядиться, чтобы поддерживать порядок, и на этот раз тоже оказались достойны оказанного доверия.

Армейский корпус маршала Ланна расположился в Вене и ее пригородах. Его штаб разместился во дворце герцога Альберта Саксен-Тешенского, женитьба которого на знаменитой эрцгерцогине Кристине, правительнице австрийских Нидерландов, сделала его самым богатым сановником империи Габсбургов. Этот дворец, расположенный сразу возле городской стены, недалеко от Каринтийских ворот, был действительно великолепен. Князь Мюрат занимал его во время Аустерлицкой кампании. Но маршал вошел в него только один раз на несколько минут, предпочитая жить в небольшом доме в Шенбрунне, где он мог легко общаться с императором.

В Вене мы нашли Сен-Марса и Лагранжа и их парламентерский эскорт. Все имели тяжелые ранения, и маршал перевез Сен-Марса во дворец герцога Альберта.

С самого начала кампании 1809 года англичане делали все возможное, чтобы разжечь вражду к Наполеону среди его союзников и народов Германии. Сначала произошли волнения в Тироле, который по договору 1805 года перешел от Австрии к Баварии и теперь требовал возвращения к прежнему государю. Баварцам, состоявшим под командованием маршала Лефевра, пришлось выдержать несколько кровавых стычек с тирольскими горцами, предводителем которых был простой трактирщик по имени Хофер. Тирольцы сражались геройски и одержали несколько блестящих побед, но затем были разбиты французской армией, прибывшей из Италии. Их предводитель Хофер был взят в плен и расстрелян.

Пруссия, помнившая позор Иены, но не осмеливавшаяся, несмотря на подстрекательство Англии, открыто выступить против Наполеона, хотела все же помешать его успехам. Она заняла среднюю позицию между миром и войной, осуждаемую всеми цивилизованными народами. Действительно, майор Шилль, выйдя из Берлина среди бела дня во главе своего гусарского полка, прошел по северу Германии, убивая и грабя французов, призывая население к восстанию. Ему удалось собрать отряд в 600 человек, с которым при поддержке английского

флота он атаковал крепость Штральзунд, которую защищал храбрый генерал Грасьен. В одном из уличных боев майор Шилль был убит. Молодых людей из лучших семей Пруссии, сражавшихся вместе с Шиллем, император отдал под суд. Этих несчастных судили как воров и убийц и отправили навечно на каторжные работы в Брест! Прусская нация была оскорблена таким обращением, но правительство, понимая истинный характер подобных разбойничьих действий, не осмелилось выставлять никаких требований и ограничилось тем, что осудило Шилля и его банду. Но если бы им удалось поднять Германию, они стали бы героями.

Герцог Брауншвейгский, потерявший после Тильзитского мира свои владения, покинул Англию, где он укрывался, и отправился в Лузацию. Там он собрал отряд в 2 тысяч человек и начал партизанскую войну с французами и их союзниками саксонцами. В Вестфалии полковник Дернберг, один из командиров гвардии короля Жерома, поднял несколько уездов и даже пошел на Кассель с намерением похитить самого Жерома, любимцем которого он был еще несколько дней назад!

Несколько прусских офицеров, среди которых был некий Катт, в разных местах страны тоже сформировали отряды, и позже было доказано, что на это они получили молчаливое согласие прусского правительства. Соединение этих групп восставших, которыми командовали люди опытные и предприимчивые, могло иметь самые серьезные последствия и привести к восстанию против нас большой части Германии. Однако после Экмюльского сражения и взятия Вены все эти волнения стихли. Время объединения сил Германии против Наполеона еще не пришло. Понадобилось содействие России, в то время еще нашей союзницы, приславшей нам даже 20-тысячный корпус[72]. Эти войска очень слабо действовали в Галиции, что не помешало России при заключении мира потребовать свою долю от разгрома Австрии, которую она потом уже никогда не возвратит.

Но вернемся к венским событиям.

Глава XVI

Остров Шварцлакен, оккупация и уход. — Наведение мостов у острова Лобау. — Сражение между Эсслингом и Асперном

Занимая Вену, Наполеон собрал вокруг этой столицы свои главные силы. Но ситуация сложилась не так удачно, как в 1805 году. Мост у Шпица и все малые мосты, соединявшие между собой несколько речных островов близ Вены, были разрушены, так что император мог достать своего неприятеля и закончить войну, только перейдя через огромный Дунай, левый берег которого защищала армия эрцгерцога Карла. В это весеннее время таяние снегов настолько переполнило Дунай, что он стал огромным, а каждый его рукав превратился в большую реку. Поэтому переправа через него была чрезвычайно трудна. Но посреди Дуная было много островов, некоторые довольно большие, между которыми можно было установить мосты. Император тщательно исследовал берега реки под Веной и за Веной, отметил два места, подходящих для переправы: первое — у острова Шварцлакен, расположенного напротив Нуссдорфа, в полулье вверх по течению от Вены. Второе — на таком же расстоянии от города вниз по течению, напротив деревни Кайзер-Эберсдорф, через большой остров Лобау. Наполеон приказал строить сразу два моста, чтобы использовать тот, который будет готов раньше, и чтобы отвлечь внимание неприятеля. Строительство первого было поручено маршалу Ланну, второго — Массене.

Маршал Ланн приказал генералу Сент-Илеру переправить 500 вольтижеров на остров Шварцлакен, отделенный от левого берега небольшим рукавом и почти касающийся предмостного укрепления Шпица. Этот приказ был выполнен, но вместо того, чтобы сформировать этот отряд из военнослужащих одной части во главе с толковым командиром, генерал Сент-Илер составил его из солдат 72-го и 105-го линейных полков под командованием двух батальонных начальников, что не способствовало эффективному проведению работ. Прибыв на остров, офицеры действовали разрозненно и совершили огромную ошибку, не оставив резерва в большом доме, где высадившиеся могли бы укрыться. Затем они легкомысленно увлеклись беспорядочным преследованием неприятельских пикетов, защищавших этот остров, но те получили значительное подкрепление, прибывшее на судах с левого берега. Наши солдаты стойко отразили первые атаки, выстроившись в каре и отбиваясь штыками. Но у

неприятеля было численное превосходство, и половина наших солдат были убиты, остальные ранены и захвачены в плен, прежде чем другие части смогли прийти им на помощь. Император и маршал Ланн прибыли на берег Дуная и стали свидетелями этой катастрофы! Они упрекали в ней генерала Сент-Илера, который, несмотря на весь свой военный опыт, совершил ошибку, послав на остров плохо сформированный отряд, оставив его без защиты, не наладив быстрой и последовательной переброски мощного подкрепления. У Сент-Илера было мало лодок, но он должен был дождаться доставки достаточного их количества, прежде чем начать свои действия. Австрийскими войсками, участвующими в этой операции, командовал французский эмигрант генерал Нордманн, который вскоре был наказан за то, что обратил оружие против своей страны, — в сражении при Ваграме он был убит пушечным ядром.

Император и маршал Ланн в отчаянии, что столько храбрых солдат бесполезно погибло в этом деле, в большом волнении объезжали берег, когда маршал, запутавшись ногами в канате, упал в Дунай! В тот момент рядом с ним был только Наполеон, который быстро зашел в воду по пояс, протянул руку маршалу и начал его вытаскивать, прежде чем мы подоспели на помощь. Это происшествие еще больше испортило им настроение. Стало ясно, что после неудачи, которая нас постигла, не стоит и думать переправляться через остров Шварцлакен, на который неприятель, разгадав наш план, послал несколько тысяч солдат. Оставался единственный пункт переправы через Дунай — Эберсдорф.

Чтобы от этой деревни перебраться на левый берег, мы должны были преодолеть четыре речных рукава. Первый — шириной в 250 туазов. Представьте себе длину огромного моста, который надо было перебросить между нашим берегом и маленьким островом посредине реки! За этим островом проходит второй самый быстрый рукав, 180 туазов в ширину. Эти два рукава омывают остров, возле которого есть еще один заболоченный остров и третий проток шириной в 20 туазов. Только преодолев эти препятствия, можно было попасть на огромный остров Лобау, отделяемый от левого берега четвертой протокой шириной в 70 туазов. Таким образом, для четырех участков реки общей шириной в 520 туазов нужно было четыре моста, строительство которых требовало проведения огромных работ. Выбор императором Эберсдорфа обладал тем преимуществом, что оба острова и маленький островок служили опорой нашим мостам, а Лобау являлся большим плацдармом, откуда можно было с большей уверенностью перейти

непосредственно на левый берег. К тому же этот остров образовывал выступ — удобный исходный рубеж посреди равнины, простирающейся между деревнями Гросс-Асперн и Эсслинг, — очень удобная конфигурация для прохода армии.

Эрцгерцог Карл, дойдя по левому берегу Дуная до Вены и видя, что Наполеон остановлен этим препятствием, надеялся, что сможет помешать ему переправиться, угрожая его тылам. Он напал на предмостное укрепление в Линце и даже начал готовиться к переходу на другой берег реки со всей своей армией у Кремса, чтобы дать нам сражение на правом берегу. Но всюду его войска были отброшены, и он ограничился тем, что противостоял нашей переправе у Эберсдорфа. Строительство мостов было очень трудным, так как из-за недостатка материалов использовались лодки разной формы и размеров. Применялись канатные, деревянные и железные крепления, не обладающие нужной крепостью. Не хватало якорей, их заменяли ящиками с ядрами. Охрана строительства была поручена корпусу маршала Массены.

Корпус маршала Ланна, расположенный перед Нуссдорфом, только имитировал подготовку к переправе, чтобы запутать неприятеля, который долго думал, что мы хотим возобновить атаку на остров Шварцлакен. Эти работы не велись по-настоящему, и маршал Ланн сопровождал императора, когда тот вечером 19-го отправился в Эберсдорф проверить, как строятся мосты. Осмотрев все подробно и убедившись, что собрано все, что можно было в данных обстоятельствах, он приказал посадить на восемьдесят больших лодок и десять крепких плотов одну бригаду из дивизии Молитора, которая, несмотря на сильные волны и разлив Дуная, пристала к острову Лобау. Его войска высадились там, так как неприятель, озабоченный тем, что мы собираемся переправиться выше у Нуссдорфа, не охранял этот пункт. Таким же образом император занял меньшие островки, и строительство мостов началось. Оно длилось всю ночь и закончилось 20-го в полдень. Погода была отличная. Все дивизии корпуса Массены тотчас перешли на остров Лобау. Возможно, больше нет примеров таких больших работ, проведенных за такое короткое время.

20 мая, в четыре часа дня, после того как был переброшен мост через четвертый и последний рукав Дуная, пехотные дивизии Массены под командованием генералов Леграна, Буде, Карра Сен-Сира и Молигора с острова Лобау перешли на берег у деревень Эсслинг и Асперн. За ними следовали дивизии легкой кавалерии Ласалля и Марюла, а также кирасиры генерала д’Эспаня, всего 25 тысяч человек.

Несколько вражеских эскадронов появились на горизонте, хотя основная часть австрийской армии была еще у Герарсдорфа, но собиралась выступить, чтобы помешать нашему пребыванию на левом берегу Дуная. Император со своей стороны направлял большие массы войск к острову Лобау. Корпус маршала Ланна выступил из окрестностей Нусдорфа, направляясь на Эберсдорф. Но на пути через Вену ему встретилось много препятствий, и он прибыл только на другой день. За ним следовала пешая гвардия.

Вечером 20-го император и маршал Ланн устроились в единственном доме на острове Лобау, мы же с товарищами расположились рядом с домом на чудесной лужайке, освещаемой лунным светом. Ночь была прекрасна. В нашей беззаботности мы не думали о завтрашних опасностях, мы весело беседовали и распевали модные песенки, среди прочих одну очень популярную тогда в армии. Авторство приписывали королеве Гортензии[73], а слова песенки очень соответствовали обстоятельствам, в которых мы находились:

Вы покидаете меня ради славы,
Мое нежное сердце будет следовать за вами повсюду…

И еще:

Ночное светило мирно льет свой свет
На лагерь французов!..

Капитан д’Альбукерке был самым веселым из нас. Он пел очень приятным голосом, смешил нас до слез, рассказывая о своих романтических похождениях. Бедняжка не знал, что занимается заря его последнего дня. Да и мы не знали, что расстилающуюся перед нами на другом берегу равнину скоро оросит наша кровь и кровь нашего любимого маршала.

21-го утром показались австрийские войска и выстроились перед нами у Эсслинга и Асперна. Маршал Массена, занимавший эти две деревни со вчерашнего дня, должен был укрепить дома и возвести на подступах полевые укрепления, но он не подумал о такой предосторожности. Император сделал ему за это выговор, но враг приближался, времени на исправление ошибок не было. Наполеон уже не мог укрепить ни Эсслинг, ни Асперн. Тогда он решил сделать хоть что-то и соорудить в Асперне укрепление, начерченное им самим, работы над которым он тотчас же велел начать. Если бы корпус Ланна, Императорская гвардия и другие войска, которых ожидал император, были бы здесь, он,

безусловно, не позволил бы эрцгерцогу Карлу развернуть прямо перед ним свою армию и тотчас бы атаковал его. Но значительным силам противника он мог противопоставить только три пехотные и четыре кавалерийские дивизии, поэтому в тот момент должен был только обороняться. Для этого в деревне Асперн он расположил свой левый фланг из трех пехотных дивизий под командованием маршала Массены. Правый фланг — дивизия Буде — стоял у Дуная за большим лесом, расположенным между рекой и занятой им деревней Эсслинг. Три кавалерийские дивизии и часть артиллерии образовывали центр под командованием маршала Бессьера, развернувшись в оставшемся пространстве между Эсслингом и Асперном. Таким образом, по выражению императора, сравнивающего свое положение с укрепленным лагерем, Асперн и Эсслинг представляли собой бастионы, связанные куртиной, образованной из кавалерии и артиллерии.

Обе деревни, хотя они и не были укреплены, были удобны для обороны, так как дома в них были выстроены из камня и окружены невысокими земляными валами, которые защищали их от разливов Дуная. Церковь и кладбище Асперна могли защищаться долго. В Эсслинге укреплением мог служить большой огороженный загон и огромный амбар из тесаного камня. Эти два объекта были нам очень полезны.

Хотя части правого крыла и центра не входили в корпус Ланна, который находился еще на другом берегу Дуная, император захотел в таких трудных обстоятельствах использовать военный талант своего маршала и поручил ему главное командование. Некоторые слышали, как он сказал маршалу Бессьеру: «Вы будете под командованием маршала Ланна». Это очень не понравилось Бессьеру. Но я еще расскажу о серьезном конфликте, последовавшем за этим эпизодом, и о том, как я невольно оказался втянутым в него.

К двум часам дня австрийская армия двинулась на нас, и завязалось ожесточенное сражение. Канонада была ужасающей! Противник настолько численно превосходил нас, что ему легко было бы сбросить нас в Дунай, прорвав линию кавалерии, которая одна держала наш центр. Если бы на месте эрцгерцога Карла был император Наполеон, он бы так и поступил. Но австрийский генералиссимус был слишком *методичен,* чтобы действовать решительно. И вместо того, чтобы большими силами идти прямо на наше предмостное укрепление, он весь первый день сражения потратил на атаку Асперна и Эсслинга, которые пять или шесть раз он брал и отдавал назад после очень кровопролитных сражений. Как только одна из деревень оказывалась захваченной

врагом, император тотчас посылал резервные части выбить его оттуда. Если у нас их забирали, мы, несмотря на пожары, бушевавшие в обеих деревнях, отбивали их вновь.

С переменным успехом деревни переходили из рук в руки. Австрийская кавалерия неоднократно угрожала нашему центру, но наша кавалерия отбивала атаки и возвращалась на свои позиции между двумя этими пунктами, несмотря на большой урон, который артиллерия наносила ее рядам. Сражение продолжалось до десяти часов вечера. Эсслинг и Асперн остались за французами, а австрийцы, отведя свой левый фланг и центр, ночью ограничились несколькими безуспешными атаками на Асперн.

В первый день сражения штабные офицеры маршала Ланна разносили донесения по местам самых горячих боев, подвергаясь большой опасности, но не потеряли никого и уже радовались этому, когда на исходе дня неприятель, прикрывая свой отход, удвоил артиллерийский огонь и осыпал нас градом снарядов. В этот момент д'Альбукерке, Лабурдоннэ и я выстроились перед маршалом, повернувшись спиной к неприятельским пушкам, чтобы отчитаться в исполнении порученных нам заданий. Ядро попало несчастному д'Альбукерке в бедро, перебросило через голову лошади, и он упал замертво к ногам маршала, который вскричал: «Вот конец любовного романа бедного мальчика! Но это красивая смерть!»

Второе ядро прошло между седлом и крупом лошади Лабурдоннэ, не задев ни всадника, ни лошади! Это было настоящим чудом! Но удар, пришедшийся по седлу, был столь силен, что отдельные деревянные и металлические детали его каркаса впились в тело Лабурдоннэ. Он долго страдал от этой необычной раны.

Я находился между двумя товарищами и видел, как они упали в один и тот же момент. Я бросился к нашему эскорту, чтобы они помогли поднять Лабурдоннэ, но едва я сделал несколько шагов, как адъютанту генерала Буде, который встал на мое место, чтобы поговорить с маршалом, ядром снесло голову. На том самом месте, где только что находился я!..

Решительно, здесь нельзя было стоять, мы находились прямо под огнем вражеской батареи! И тогда, несмотря на все свое мужество, маршал вынужден был переместиться на сотню туазов вправо.

Последний приказ, который Ланн поручил мне отнести, предназначался Бессьеру и вызвал стычку между двумя маршалами, искренне ненавидевшими друг друга. Но чтобы понять сцену, о которой я вам сейчас расскажу, надо знать

причины этой ненависти.

Глава XVII

Соперничество Ланна и Бессьера. — Стычка между этими маршалами. — Император наступает на неприятельский центр

Когда в 1796 году генерал Бонапарт стал командующим Итальянской армией, первым адъютантом у него был Мюрат, которого он очень любил и сделал в конце концов полковником. Но в первых же боях, заметив военный талант, упорство и мужество Ланна — тогда командира 4-й линейной полубригады, — Бонапарт стал испытывать к нему не меньше уважения и любви. Такая благосклонность вызвала ревность Мюрата.

Эти два полковника стали бригадными генералами, и в самые трудные моменты Бонапарт поручал Мюрату кавалерийские атаки, а Ланну — командование гренадерским резервом. И тот и другой совершали чудеса, но, хотя армия и ценила обоих, между этими храбрыми офицерами установилось соперничество, которое, надо признать, поощрялось главнокомандующим, потому что позволяло ему подстегивать их честолюбивое желание отличиться. Он хвалил героические поступки генерала Ланна перед Мюратом и достоинства Мюрата в присутствии Ланна. В стычках, которые неизбежно возникали из-за этого соперничества, Бессьер — тогда простой капитан эскорта генерала Бонапарта, у которого он тоже был в большом фаворе, — постоянно принимал сторону своего земляка Мюрата и не упускал случая опорочить маршала Ланна, которому все это становилось известно.

После победоносной Итальянской кампании Ланн и Мюрат, ставшие дивизионными генералами, были с Бонапартом в Египте, где их взаимная неприязнь только усилилась. Она стала еще больше, когда оба захотели жениться на сестре Бонапарта Каролине. Тогда Бессьер ходатайствовал перед госпожой Бонапарт в пользу Мюрата, а чтобы окончательно привлечь ее на свою сторону, он воспользовался представившимся случаем и нанес решающий удар сопернику своего друга. Ланн командовал тогда Консульской гвардией и, желая сделать все как можно лучше, превысил сумму, предназначенную для обмундирования солдат, на 300 тысяч франков. Бессьер, член административного совета, занимающегося распределением фондов, рассказал об этом Мюрату, а тот передал все первому консулу.

Бонапарт, придя к власти, решил навести порядок в администрации и примерно наказать Ланна. Он отстранил его от командования гвардией и дал месяц сроку, чтобы покрыть

перерасход денег. Ланн не смог бы этого сделать без щедрой помощи Ожеро. Тогда первый консул вернул ему свое расположение, но понятно, что Ланн сохранил глубокую неприязнь как к Бессьеру, так и к своему счастливому сопернику Мюрату, женившемуся в конце концов на Каролине Бонапарт.

Таковы были отношения между Ланном и Бессьером, когда им пришлось действовать совместно в сражении при Эсслинге.

Во время сильной канонады, погубившей несчастного д'Альбукерке, маршал Ланн, видя, что австрийцы начали отход, хотел атаковать их всей своей кавалерией. Он позвал меня, чтобы отнести приказ об этом генералу Бессьеру, которого, как вы уже знаете, император поставил под его командование. Но поскольку я был занят выполнением другого поручения, это задание должен был выполнить другой адъютант. Им оказался де Вири. Маршал Ланн дал ему такой приказ: «Скажите маршалу Бессьеру, что я *приказываю* ему решительно атаковать!» Вы понимаете, это означает, что в этой атаке надо дойти до врага вплотную, чтобы достать его своим холодным оружием, но здесь чувствуется и упрек, как если бы до сих пор кавалерия Бессьера действовала недостаточно решительно. Выражение «я приказываю ему» было также достаточно жестким по отношению к другому маршалу. Но именно поэтому его и употребил маршал.

Капитан де Вири уехал, выполнил поручение и вернулся к маршалу, который спросил его: «Что вы сказали маршалу Бессьеру?» — «Я его информировал, что Ваше Превосходительство просит его атаковать всей кавалерией». Маршал Ланн пожал плечами и воскликнул: «Вы просто ребенок… пригласите другого офицера». Этим другим оказался Лабедуайер. Маршал знал, что он более тверд, чем де Вири, и дал ему то же поручение, сделав особый акцент на «*приказываю*» и *«решительно».* Но Лабедуайер тоже не понял намерение маршала Ланна и не осмелился повторить маршалу Бессьеру приказ слово в слово, а смягчил его, как и де Вири. По возвращении маршал устроил ему такой же допрос и повернулся к нему спиной. В этот момент я галопом возвращался в штабную группу, и, хотя был не мой черед, маршал вызвал меня и сказал: «Марбо, маршал Ожеро уверял меня, что вы человек, на которого можно рассчитывать. Ваша служба у меня подтвердила это мнение, но я хочу еще одного доказательства. Отправляйтесь к маршалу Бессьеру и скажите ему, что *я приказываю ему атаковать решительно.* Вы слышите: *решительно*!..» При этом он постукивал указательным пальцем прямо мне в грудь. Я прекрасно понял, что маршал Ланн хотел унизить маршала Бессьера, во-первых, дав ясно почувствовать, что император дал ему полное право отдавать

распоряжения, во-вторых, выразив неудовольствие его командованием кавалерией.

Мне было очень неприятно оказаться в таком положении и передавать маршалу Бессьеру обидные слова, реакцию на которые нетрудно было предугадать, но я должен был выполнять приказы моего прямого начальника!

Я поскакал к центру позиций, размышляя, что хорошо бы одно из падающих вокруг ядер убило мою лошадь, тогда у меня было бы оправдание, почему я не выполнил неприятное поручение… Я очень почтительно приблизился к маршалу Бессьеру и выразил желание поговорить с ним лично. Он ответил мне очень сухо: «Говорите здесь!» Тогда я был вынужден сказать ему в присутствии многочисленных штабных офицеров, генералов и полковников: «Господин маршал Ланн поручил мне передать Вашему Превосходительству, что *он приказывает ему атаковать решительно…»* Бессьер яростно воскликнул:

— Разве так разговаривают с маршалом? Что за выражения! *Приказываю… решительно*!.. Я вас строго накажу за такие слова!

Я ответил:

— Господин маршал, если вы считаете, что выражения кажутся недостойными Вашего Превосходительства, можете быть уверены, что я всего лишь передал то, что мне приказали передать!

Потом я отдал честь и вернулся к маршалу Ланну.

— Ну и как, что вы сказали маршалу Бессьеру?

— Что Ваше Превосходительство *ему приказывает атаковать решительно…*

— Вот адъютант, который меня понимает!

Вы можете себе представить, что, несмотря на этот комплимент, было очень неприятно, что мне пришлось выполнить это поручение. Однако кавалерийская атака состоялась, в ней погиб генерал д'Эспань, но общий результат был очень хорошим, и маршал Ланн сказал, обратившись к нам: «Вот видите, мое суровое замечание возымело действие, иначе господин маршал Бессьер возился бы целый день!»

Наступила ночь. Сражение остановилось и в центре, и на правом фланге. Маршал Ланн решил отправиться к императору, лагерь которого находился возле предмостных укреплений. Но едва мы тронулись в путь, как маршал, заслышав стрельбу в Асперне, где командовал Массена, захотел посмотреть, что происходит в этой деревне. Он приказал своему штабу отправляться в императорский лагерь, оставив при себе только меня и еще одного офицера.

Он приказал мне проводить его в Асперн, куда я ездил

несколько раз в течение дня. Мы поехали в этом направлении. Было светло от луны и пожаров, бушевавших в Эсслинге и Асперне. Многочисленные тропинки, проходящие по равнине, часто скрывались в высоких посевах, я боялся заблудиться и спешился, чтобы лучше осмотреться. Вскоре маршал тоже слез с лошади, и мы пошли рядом, обсуждая дневное сражение и то, что может произойти завтра. Через четверть часа мы дошли до Асперна, около которого горели костры войск Массены. Маршал Ланн хотел поговорить с ним и приказал мне пройти вперед, чтобы узнать, где он находится. Едва мы сделали несколько шагов, как я заметил на краю лагеря Массену, прогуливавшегося вместе с маршалом Бессьером. Из-за раны головы, полученной в Испании, я не мог носить гусарский кивер, и один среди адъютантов был в шляпе. Бессьер узнал меня по этой детали, но маршала Ланна он еще не видел. Он подошел ко мне и сказал: «А! Это вы!.. Если то, что вы мне сказали, происходит исключительно от вас, я научу вас лучше выбирать выражения, когда вы говорите с командирами. А если вы выполняли приказ вашего маршала, он ответит мне за такое оскорбление. Я вам приказываю передать ему это!» Тогда маршал Ланн, как лев, устремился вперед, взял меня за руку и сказал: «Марбо! Я ваш должник. Хотя я и был уверен в вашей преданности, у меня еще оставались некоторые сомнения в том, как вы передали мой приказ. Признаю, что был не прав по отношению к вам!..» Затем Бессьеру: «Я нахожу, что слишком смело с вашей стороны отчитывать одного из моих адъютантов! Того самого, кто первым штурмовал Ратисбонн, рискуя жизнью, переплыл Дунай, получил ранение в Испании, тогда как некоторые так называемые военные, не получив и царапины, добиваются повышений, шпионя и донося на своих товарищей. В чем вы упрекаете этого офицера?» — «Ваш адъютант передал мне, что вы мне приказываете атаковать решительно. Я нахожу, что это неподходящие выражения». — «Они верны и продиктованы мной! Разве император вам не сказал, что вы находитесь под моим командованием?» Тогда Бессьер ответил с некоторым смущением: «Император сказал мне, что я должен прислушиваться к вашему мнению». — «Знайте, — вскричал Ланн, — что в армии не прислушиваются, а *выполняют приказы*! Если бы императору пришла мысль поставить вас моим командиром, я бы тотчас подал в отставку, но, пока я ваш командир, я буду отдавать вам приказы, а вы их исполнять. Иначе я отстраню вас от командования войсками. Что же до решительной атаки, я отдал вам этот приказ, потому что вы этого не делали — с самого утра вы гарцуете перед неприятелем, а не атакуете по-настоящему!» — «Но это оскорбление! — гневно

воскликнул Бессьер, — вы мне ответите за это!» — «Прямо сейчас, если хотите», — ответил Ланн, берясь за шпагу.

Во время этого спора старый Массена стоял между противниками, безуспешно стараясь их успокоить. В конце концов он возвысил голос: «Я старше вас, господа, и вы в моем лагере. Я не потерплю, чтобы мои войска были свидетелями скандала, когда маршалы хватаются за шпаги рядом с неприятелем! От имени императора я приказываю вам тотчас же разойтись!» Затем, смягчившись, он взял маршала Ланна под руку, новел его к краю лагеря, а Бессьер направился в свой лагерь. Можете себе представить, как на меня подействовала эта сцена, о которой можно только сожалеть!

Наконец маршал Ланн сел в седло и поехал в сторону предмостного укрепления. Как только мы оказались в императорском лагере, где уже были все мои товарищи, Ланн в личной беседе рассказал Наполеону все, что произошло. Тот тотчас же послал за Бессьером и принял его очень плохо. Затем, отведя Бессьера в сторону, Его Величество взволнованно ходил большими шагами, скрещивал руки и, казалось, упрекал его. У маршала Бессьера был смущенный вид, особенно когда император, садясь за стол, не пригласил его к ужину, а Ланна усадил справа от себя.

Насколько мы с товарищами были веселы прошлой ночью, настолько грустны ночью с 21-го на 22-е. Погиб д'Альбукерке, ужасное ранение получил Лабурдоннэ, его стоны разрывали нам сердце. И у нас были грустные предчувствия по поводу исхода сражения, первая часть которого была разыграна сегодня. К тому же мы не спали всю ночь, помогая при переправе через Дунай корпусу маршала Ланна, состоящему из трех дивизий отборных гренадеров Удино, под командованием генералов Тарро, Клапареда и Демона, и пехотной дивизии Сент-Илера, а также кирасирам Нансути. За этими войсками шла Императорская гвардия.

Однако вода в Дунае прибывала на глазах: деревья, которые неслись по воде, налетали на понтонные мосты и неоднократно прорывали их. Но их тут же восстанавливали, и, несмотря на эти прорывы, части, которые я только что перечислил, перешли через них и дошли до поля боя, когда с первыми лучами солнца 22 мая гром пушки возвестил о возобновлении сражения.

В распоряжении императора было теперь вдвое больше войск, чем накануне, и он решил атаковать. Маршал Массена и его три первые пехотные дивизии остались в Асперне. Четвертая, генерала Буде, осталась в Эсслинге под командованием маршала Ланна, корпус которого занял пространство между этими

деревнями, во второй линии стояла кавалерия маршала Бессьера, которой тоже командовал Ланн. Императорская гвардия стояла в резерве.

Видно, урок, полученный Бессьером от императора, был так суров, что, когда тот увидел Ланна, он подошел и спросил у него, как ему расставить свои войска. На что маршал, желая утвердить свой авторитет, ответил: «Я вам приказываю расставить их вот в этом пункте и ждать моих приказаний». Эти выражения были жесткими, но не надо забывать, как вел себя Бессьер по отношению к Ланну во времена Консульства. Бессьер был смертельно оскорблен, но молча подчинился.

Эрцгерцог Карл, который накануне мощной атакой мог бы прорвать нашу слабую линию между Эсслингом и Асперном, возобновил свои атаки против этих деревень. Но если 21-го мы противостояли всей его армии единственным корпусом Массены и частью нашей кавалерии, то тем более мы могли это сделать теперь, когда к нам подошли Императорская гвардия, корпус маршала Ланна и дивизия кирасир. Мы отбросили австрийцев отовсюду. Одна из их колонн была даже отрезана в Асперне и захвачена в плен. Она насчитывала тысячу солдат под командованием генерала Вебера и шесть пушек.

До сих пор император только оборонялся в ожидании войск из-за Дуная, но когда число его солдат удвоилось, когда корпус маршала Даву, собравшийся в Эберсдорфе, стал переправляться через мосты, Наполеон счел, что пора от обороны перейти к наступлению. Он приказал маршалу Ланну возглавить пехотные дивизии Сент-Илера, Тарро, Клапареда и Демона, за ними должны были следовать две дивизии кирасир. Все они должны были прорвать центр вражеской армии…

Маршал Ланн гордо устремился в долину! Ничто не могло его остановить… За одно мгновение он захватил целый батальон, пять орудий и знамя. Сначала австрийцы отошли, соблюдая порядок, но с нашим наступлением их центр все время был вынужден расширяться, и наконец он оказался прорван! Тогда неприятельские войска охватил беспорядок. До такой степени, что мы видели, как офицерам и сержантам приходится палками бить своих солдат, чтобы удержать их в рядах. Если бы наше наступление продлилось еще немного, с армией эрцгерцога Карла было бы покончено!

Глава XVIII

Разрыв понтонов на Дунае. — Мы сохраняем позиции. — Маршал Ланн ранен. — Мы укрепляемся на острове Лобау

Все предвещало полную победу. Массена и генерал Буде готовились выйти из Асперна и Эсслинга, чтобы атаковать австрийцев, когда, к нашему большому удивлению, к маршалу Ланну прибыл адъютант императора с приказом остановить атаку! Деревья и другие тяжелые предметы, плывущие по Дунаю, снова прорвали мост, это задержало подход Даву и доставку снарядов. Наконец, после часа ожидания мост был восстановлен. Хотя неприятель использовал это время, чтобы укрепить свой центр и навести порядок в своих рядах, мы возобновили атаку, и австрийцы снова стали отступать, когда пришло известие, что разрушилась очень большая часть моста, ремонт продлится не менее двух суток и император приказывает маршалу Ланну остановить продвижение на завоеванной территории!..

Это и помешало одержать нам блистательную победу. Один австрийский офицер, находящийся для наблюдения с несколькими егерскими ротами на островах выше Асперна, поднялся на возвышенность, затем продвинулся до середины реки, чтобы издали следить за продвижением наших войск по мостам, и таким образом был свидетелем первой поломки, вызванной столкновением с деревьями, плывущими по воде. Ему в голову пришла мысль способствовать таким поломкам, и он стал спускать по воде к мосту большое количество бревен и лодок с зажигательными снарядами, которые разрушили несколько наших понтонов. Но так как наши понтонеры тотчас же их заменяли, офицер приказал спустить на воду огромную зажженную мельницу, направил ее на середину реки прямо на наш длинный мост, мельница разбила и унесла его большую часть!.. Узнав, что нет даже надежды починить мост в тот же день и переправить корпус Даву к полю боя, император приказал Ланну понемногу собирать свои войска к прежним позициям между Эсслингом и Асперном, чтобы, опираясь на эти деревни, они могли сдерживать врага. Отход выполнялся в строгом порядке, когда эрцгерцог Карл, удивленный сначала нашими передвижениями, узнал о полном разрыве моста и решил, что теперь сможет сбросить французскую армию в Дунай.

Он бросил кавалерию на дивизию Сент-Илера, который был ближе всех к его линиям. Но так как наши дивизии отбивали все атаки, австрийцы подвергли их ужасному артиллерийскому

обстрелу!..

В этот момент маршал Ланн послал меня с приказом к генералу Сент-Илеру. Едва я прибыл к нему, как град снарядов стал падать на его штаб! Многие офицеры были убиты, Сент-Илеру раздробило ногу, пришлось ее ампутировать. Он умер во время операции. Меня ранило в правое бедро осколком, вырвавшим у меня из тела кусок размером с куриное яйцо. Рана не была опасной, я смог дать отчет маршалу о выполнении поручения. Я застал его рядом с императором, который, увидев меня всего в крови, сказал: «Ваша очередь приходит слишком часто…» Я рассказал о смертельном ранении отважного генерала Сент-Илера, Наполеон и маршал были очень опечалены этой потерей.

Видя, что на дивизию Сент-Илера нападают со всех сторон, маршал сам взял над ней командование. Он медленно отвел ее к нашему правому крылу в Эсслинге к дивизии Буде, часто отвлекаясь на стычки с врагом. Хотя у меня еще не было времени перевязать рану, я счел своим долгом сопровождать маршала, тем более что моего друга де Вири ранило пулей в плечо. С большим трудом я доставил его под прикрытие нашего предмостного укрепления.

Положение было критическим: император, вынужденный вести оборону, выстроил свою армию дугой, хордой которой являлся Дунай. Наше правое крыло доходило до реки за Эсслингом. Левое было в Асперне. Надо было продержаться до конца этого дня и не дать сбросить себя в реку. Было только девять часов утра, и надо было дождаться ночи, чтобы по малому мосту переправиться на остров Лобау.

Эрцгерцог Карл понимал наше трудное положение и постоянно возобновлял атаки на обе деревни и центр. Но, к счастью для нас, ему не пришло в голову усилить атаки на крайнем правом фланге между Эсслингом и Дунаем. Это было слабым местом нашей позиции: если брошенная туда сильная колонна пошла бы на наше предмостное укрепление, мы бы пропали!

По всей линии шла ужасная бойня, но было совершенно необходимо спасти честь Франции и перешедшую Дунай армию.

Чтобы ослабить неприятельские атаки, маршал Ланн часто начинал наступательные действия в центре, где ему удавалось продвинуться довольно далеко, но вскоре австрийцы возвращались с подкреплениями. В одной из таких атак Лабедуайер получил осколок в ногу, а Ваттвиль вывихнул себе плечо, падая с убитой под ним лошади. Из всего штаба маршала Ланна остались только младший лейтенант Ле Культё и я. Я не

мог ни в коем случае оставить маршала только с этим молодым офицером, безусловно, очень храбрым, но неопытным. Маршал хотел, чтобы я оставался с ним, и сказал: «Вам надо перевязать рану, и, если вы сможете держаться в седле, возвращайтесь ко мне». Я отправился в ближайший полевой госпиталь. Поток раненых был огромен, перевязочного материала не хватало… Хирург заполнил мою рану в бедре паклей, которую используют для заряжания орудий. Эта процедура была очень болезненной, и в других обстоятельствах я бы вышел из боя, но сейчас каждый должен был проявить все свои возможности. Я вернулся к маршалу Ланну и нашел его очень обеспокоенным, он только что узнал, что австрийцы взяли у Массены половину Асперна!..

Эта деревня переходила из рук в руки много раз. Эсслинг в это время тоже подвергался сильным атакам. Полки дивизии Буде мужественно защищали ее. Обе стороны были так ожесточены, что, сражаясь в горящих домах, они укрывались за горами трупов, заполнявших улицы. Венгерских гренадеров отбрасывали пять раз; но их шестая атака удалась, они захватили всю деревню, кроме амбара, в котором войска генерала Буде укрылись как в цитадели.

Во время этой ужасной битвы маршал несколько раз посылал меня в Эсслинг, где было очень опасно, но я был так возбужден, что забыл о своей ране.

Поняв наконец, что он повторяет свою вчерашнюю ошибку и тратит силы, стараясь овладеть двумя нашими бастионами Эсслинг и Асперн, в то время как надо думать о центре, где сильная атака резервами могла бы привести прямиком к нашим мостам и к разгрому французской армии, эрцгерцог Карл бросил в эту точку огромные силы кавалерии, поддерживаемые глубокими пехотными колоннами. Маршал Ланн не удивился такому развитию событий. Он приказал подпустить австрийцев на ближнюю дистанцию и встретить их картечью и огнем пехоты. Огонь был так силен, что австрийцы остановились, и ни присутствие эрцгерцога Карла, ни его подбадривания не смогли заставить солдат сделать хоть шаг в нашу сторону! Правда, они видели за нашими линиями медвежьи шапки Старой гвардии, которая величественно колоннами выступала вперед с ружьями наперевес!

Маршал Ланн, тотчас воспользовавшись колебаниями противника, послал в атаку маршала Бессьера с двумя кавалерийскими дивизиями, которые отбросили часть батальонов и эскадронов австрийцев. Эрцгерцог Карл принужден был отказаться от атак на наш центр. Он мог еще, по крайней мере, воспользоваться преимуществом, которое давало ему овладение

Эсслингом, но в тот же момент император приказал своему адъютанту бесстрашному генералу Мутону захватить деревню силами Молодой гвардии, которая устремилась на венгерских гренадеров, оттеснила их и заняла этот пункт. Молодая гвардия и ее командир покрыли себя славой в этом сражении, и позже генерал Мутон получит титул графа Лобау.

Успех, которого мы добились в центре и на правом фланге, остудил пыл неприятеля. Эрцгерцог Карл, чьи потери были огромны, оставил надежду прорвать наши позиции и весь остаток дня только поддерживал огонь этого безрезультатного сражения.

Наконец эта ужасная битва, длившаяся тридцать часов подряд, стала затухать!.. И очень вовремя, так как у нас уже почти закончились снаряды. Их не было бы у нас вообще, если бы не храбрый маршал Даву: весь день он доставлял нам снаряды с правого берега на нескольких легких лодках. Доставка шла медленно, в небольших количествах, и император приказал экономить заряды. Огонь в нашей линии превратился в отдельные выстрелы, но неприятель тоже сократил свой огонь.

Две армии стояли, не двигаясь, друг против друга, и командиры, собравшись за линиями батальонов, обсуждали события дня. Маршал Ланн, устав от долгого пребывания в седле, спешился и прохаживался с бригадным генералом Пузе, когда случайная пуля попала генералу в голову и тот *замертво упал* рядом с маршалом!

Генерал Пузе, бывший сержант Шампанского полка, в начале Революции оказался в Миральском лагере, которым командовал мой отец.

Батальон волонтеров Жера, в котором Ланн служил младшим лейтенантом, тоже входил в эту дивизию. Сержанты старых линейных полков должны были обучать добровольцев. Батальон Жера попал на выучку к Пузе, который высоко оценил способности молодого Ланна. Он научил его не только обращаться с оружием, но и маневрированию части. Под его руководством Ланн прекрасно овладел пехотной тактикой. Так как он считал, что своим первым продвижением он обязан урокам, полученным от Пузе, то был очень к нему привязан и, получая чины, не забывал и о своем товарище. И теперь, когда он увидел у своих ног сраженного пулей Пузе, горе маршала было огромным!

В этот момент мы находились возле черепичного заводика, расположенного слева за Эсслингом. Взволнованный маршал, желая отойти от тела своего товарища, сделал сотню шагов в направлении Гросс-Энцерсдорфа, задумчиво сел на край рва, откуда стал смотреть на войска. Через четверть часа четверо

солдат, несущих тяжелое тело мертвого офицера, полностью завернутого в шинель, остановились передохнуть недалеко от маршала. Шинель откинулась, и Ланн узнал Пузе! «А! Этот ужас будет преследовать меня повсюду…» — вскричал он. Он поднялся и пересел на другое место. Он сидел, прикрыв рукой глаза, скрестив ноги, погруженный в печальные размышления. И в этот момент небольшое ядро третьего калибра, выпущенное со стороны Энцерсдорфа, после рикошета угодило прямо в скрещенные ноги маршала! Оно разбило ему коленную чашечку на одной ноге и подколенную впадину на другой!

Я бросился к нему в тот же миг. Он сказал мне: «Я ранен… это ничего… дайте мне руку, помогите подняться…» Он попробовал встать, но это было невозможно! Из пехотных полков, стоящих перед нами, сразу же прислали нескольких человек, чтобы перенести маршала в госпиталь, но не было ни носилок, ни шинели, и мы понесли раненого на руках. От этого он ужасно страдал. Тогда один сержант заметил вдалеке солдат, несших труп генерала Пузе, побежал к ним за шинелью, в которую тот был завернут. Хотели положить маршала на эту шинель, чтобы облегчить его страдания, но он узнал шинель и сказал мне: «Эта шинель моего бедного друга, на ней его кровь, я не хочу забирать ее, несите как можете!»

Я заметил невдалеке от нас рощицу и послал туда Ле Культё и нескольких гренадеров. Вскоре они вернулись с носилками из ветвей. Мы донесли маршала до предмостного укрепления, где его приняли главные хирурги. Они собрались на консилиум, но их мнения разошлись. Доктор Ларрей считал, что требуется ампутация ноги с поврежденным коленом. Другой врач, имя которого я забыл, считал, что ампутировать надо обе ноги, а доктор Иван, от которого я и узнал все эти подробности, был против ампутации вообще. Этот хирург давно знал маршала и считал, что стойкость этого человека давала некоторую надежду на выздоровление, а операция, проведенная в такую жаркую погоду, неизбежно приведет раненого к могиле. Ларрей был старшим врачом, его мнение возобладало, и маршалу ампутировали одну ногу…

Он очень мужественно перенес операцию. Император пришел к нему сразу по ее окончании. Их свидание было очень трогательным. Император плакал, опустившись на колени перед носилками, обняв маршала, и белый кашемировый жилет императора окрасился его кровью.

Некоторые неблагожелательно настроенные люди написали потом, что маршал Ланн в этот момент упрекал императора и призывал его не вести больше войн. Но я поддерживал маршала

на носилках, слышал все, что тот говорил, и заявляю, что это не так. Маршал был тронут вниманием императора, и, когда тот, собравшись уходить, чтобы позаботиться о спасении армии, сказал Ланну: «Вы будете жить, мой друг, вы будете жить…», маршал ответил, сжимая его руки: «Я хотел бы этого, если смогу быть еще полезным Франции и Вашему Величеству!»

Несмотря на жестокие страдания, маршал думал о положении войск, и каждую минуту ему нужно было докладывать о том, что происходит. Он с удовлетворением узнал, что неприятель не осмелился нас преследовать и наши войска, воспользовавшись наступлением темноты, вернулись на остров Лобау. Он позаботился о своих адъютантах, тоже пострадавших в сражении. Узнав, что меня перевязали паклей, он попросил доктора Ларрея осмотреть мою рану. Я хотел перевезти маршала на правый берег Дуная в Эберсдорф, но разрыв моста не позволил это сделать, а переправляться в утлой лодке мы не решились. Маршал провел ночь на острове, где за неимением матраса я устроил ему ложе из десятка кавалерийских шинелей.

У нас не было ничего, даже хорошей воды для маршала, которого мучила страшная жажда. Ему давали воду из Дуная, но из-за разлива она была такой грязной, что он не мог ее пить и обреченно сказал: «Мы как моряки, умирающие от жажды в окружении воды!» Мне так хотелось облегчить его страдания, что я решил применить своеобразный фильтр. У одного из слуг маршала, который оставался на острове во время сражения, был чемоданчик с бельем. Мы достали оттуда очень тонкую рубашку маршала, веревками связали все отверстия, кроме одного. Получился своего рода бурдюк, который мы наполнили водой и подвесили на колышки над большим бидоном. Вода стекала в бидон через рубашку, оставляя почти всю грязь внутри. Бедный маршал, следивший за моими манипуляциями жадными глазами, смог наконец напиться относительно свежей и прозрачной водой. Он был мне признателен за такое изобретение. Но, стараясь облегчить страдания знаменитому больному, я не мог не беспокоиться за его судьбу, если австрийцы, переправившись через неширокий проток реки, атакуют остров Лобау. Что я тогда смогу сделать для маршала? В один момент мне даже показалось, что мои опасения сбываются, когда вражеская батарея, стоящая у Энцерсдорфа, осыпала нас ядрами. Но обстрел длился недолго.

Из положения, в котором оказался эрцгерцог Карл, было два выхода: яростно атаковать последние французские дивизии, оставшиеся на поле боя, или, не подвергая опасности свои войска, установить артиллерию на берегу небольшого рукава от Энцерсдорфа до Асперна и, обстреливая из них остров Лобау,

попытаться уничтожить находившихся там 40 тысяч французов! К счастью для нас, австрийский генералиссимус не принял ни одного из этих решений, и маршал Массена, которому Наполеон поручил командование частью армии, остававшейся на левом берегу, смог ночью спокойно эвакуироваться с поля боя, переправить всех раненых, все войска и всю артиллерию и затем снять мост через протоку. На рассвете 23-го все наши полки, сражавшиеся 21-го и 22-го, вернулись на остров, по которому неприятель не выпустил больше ни одного ядра за все 45 дней, пока Массена его занимал.

Первое, о чем позаботился император утром 23-го, — это прислать к острову Лобау лодку средних размеров, чтобы перевезти маршала Ланна на правый берег. Я разместил в ней маршала и других наших раненых товарищей. В Эберсдорфе я отправил раненых в Вену под наблюдением Ле Культё, который препроводил их во дворец принца Альберта, где находились полковники Сен-Марс и О'Мира. Я остался один с маршалом, которого устроили в одном из лучших домов Эберсдорфа, куда я велел прибыть всем его людям.

Однако собранным на острове Лобау войскам по-прежнему не хватало продовольствия и боеприпасов. Они ели лошадей, и их положение на острове, отрезанном от правого берега, становилось критическим. Опасались, что бездействие эрцгерцога Карла было только притворством, с минуты на минуту ожидали, что, поднявшись по Дунаю за Вену, он перейдет реку и нападет на нас с тыла на правом берегу. В этом случае корпус неустрашимого маршала Даву, защищавшего Вену и Эберсдорф, конечно же окажет самое упорное сопротивление. Но сможет ли он справиться со всей вражеской армией и что будет в это время со всеми французскими войсками, запертыми на острове Лобау?

Император Наполеон очень ловко воспользовался временем, которое австрийцы ему дали, и развил энергичную деятельность. С помощью неутомимого маршала Даву и дивизий его корпуса он сделал за один день 23 мая то, что обычный командующий не мог бы сделать и за неделю. Он организовал регулярную доставку на лодках продовольствия и боеприпасов на остров; отправил всех раненых в Вену. Были созданы госпитали, собрали очень много строительного материала, чтобы отремонтировать старые мосты, построить новые и защитить их палисадом[74]; в Эберсдорф же привезли сто орудий самого крупного калибра, взятых в венском арсенале.

24-го числа была восстановлена связь с островом, и император перевел на правый берег войска маршала Ланна, гвардию и всю кавалерию, оставив на острове Лобау только

корпус Массены, который должен был его укрепить и установить батарею из доставленных ему крупнокалиберных пушек.

Успокоенный в этом отношении, император подвел к Вене корпус маршала Бернадотта и многочисленные дивизии Рейнской конфедерации. Теперь он был уверен, что сможет противостоять эрцгерцогу Карлу, если тот осмелится переправиться через реку и напасть на нас.

Вскоре мы получили сильное подкрепление. Прибывшая из Италии французская армия под командованием вице-короля Евгения Богарнэ встала у нас справа. В начале кампании эта армия, о которой я еще не упоминал, потерпела поражение при Сачиле. Но потом французы возобновили свое наступление, разбили неприятеля и не только выгнали его из Италии, но и оттеснили за Альпы. Они отбросили наконец эрцгерцога Иоанна в Венгрию, что соединило вице-короля с Великой армией императора Наполеона, и теперь его войска образовали наш правый фланг напротив Прессбурга[75].

Глава XIX

Рассуждения о сражении при Эсслинге. — Ланн умирает на моих руках. — Пребывание в Вене

Я обещал не утомлять вас стратегическими подробностями, однако сражение при Эсслинге и непредусмотренные события, лишившие нас блестящей победы, имели большие последствия, и я хочу сделать некоторые замечания о причинах, приведших к этому результату, тем более что они были искажены одним французским автором, приписавшим императору ошибки, которых тот не совершал. Генерал Ронья в своей книге «*Рассуждения о военном искусстве*» утверждает, что при Эсслинге Наполеон бездумно попался в ловушку, расставленную эрцгерцогом Карлом, который приказал центру своей армии «отступить, чтобы завлечь французов, а за это время отрезать мосты, разрушение которых было заранее подготовлено австрийским генералом». Это утверждение не только противоречит истине, но оно абсурдно, что я и доказал в критическом замечании, которое в 1820 году я направил самому генералу Ронья.

Если бы эрцгерцог знал, что у него была возможность разрушить мост, то почему он этого не сделал вечером 21-го, когда число переправившихся на левый берег французских войск не превышало 25 тысяч, и он мог бы их с уверенностью или уничтожить, или взять в плен, поскольку у него было более 120 тысяч солдат! Разве это не было бы лучше, чем на всю ночь оставить в распоряжении Наполеона действующую переправу, которой тот воспользовался, чтобы переправить на левый берег свою гвардию, корпус маршала Ланна, а также кирасир Нансути, что удвоило его силы? Если эрцгерцог Карл подготовил разрушение моста, то почему днем 21-го он атаковал деревни Эсслинг и Асперн, потеряв при этом 4 или 5 тысяч человек? Было бы гораздо разумнее подождать, пока слабый корпус Массены, не имея больше возможности отступать, был бы вынужден сдаться. Наконец, почему утром 22-го эрцгерцог яростно возобновил атаки на Эсслинг и Асперн, вместо того чтобы подождать, когда мост будет разрушен?

Да потому, что австрийский генералиссимус не знал, что мог его разрушить, и только случай и разлив реки направили плывущие деревья прямо на понтоны и вызвали первые частичные разрывы. Позже смекалка австрийского офицера подготовила разрушение большого моста, когда по течению были пущены

сначала подожженные лодки и особенно огромная горящая мельница, которая увлекла за собой почти все его секции. Но *ничего из этого не было подготовлено заранее,* как нам потом и рассказывали многие неприятельские генералы, с которыми мы встречались после заключения перемирия в Цнайме.

Если остались еще сомнения на этот счет, их полностью развеет следующий неопровержимый аргумент. Из всех военных наград Австрийской империи труднее всего было заслужить орден Марии-Терезии, так как его выдавали офицеру, который мог доказать, что он сделал больше того, что от него требовал его воинский долг. Он должен был хлопотать о награде сам, и если ему отказывали, то он больше никогда не имел права возобновлять свои ходатайства. И, несмотря на строгость этого правила, командир австрийских егерей получил *крест Марии-Терезии,* чем безоговорочно подтверждается значимость действий, совершенных им на свое собственное усмотрение, а не по приказу эрцгерцога Карла. Это замечание, сделанное мною в *Критических заметках* о книге генерала Ронья, было особо отмечено Наполеоном, когда во время своего пребывания на Святой Елене он прочел мою книгу и книгу генерала Ронья. Чтобы наказать этого генерала за приверженность нашим врагам, в своем завещании, по которому он оставил мне 100 тысяч франков, Наполеон добавил: «Я прошу полковника Марбо продолжать писать, чтобы защитить славу французской армии и опровергать лжецов и отступников!»…

Как только войска, чье мужество нашло свое благородное и блестящее подтверждение в битве при Эсслинге, отошли на остров Лобау, а затем и на правый берег Дуная, Наполеон обосновался в Эберсдорфе, чтобы наблюдать за подготовкой новой переправы. Строился уже не один, а *три* моста, а вверху по течению сооружалась крепкая эстакада из столбов для защиты от плавающих предметов, которые неприятель мог бы направить на наше сооружение.

Несмотря на внимание, которое император уделял столь важным работам, он в сопровождении князя Бертье каждое утро и вечер навещал маршала Ланна, состояние которого первые четыре дня после ранения было довольно сносным. Ланн сохранял присутствие духа и разговаривал очень спокойно. Он был так далек от мысли отказаться от служения своей стране, как об этом писали некоторые авторы, что даже строил планы на будущее. Он знал, что знаменитый венский механик Меслер сделал для австрийского генерала графа Пальфи искусственную ногу и тот мог ходить и сидеть в седле так, как будто бы с ним ничего не произошло. Маршал попросил меня написать этому

мастеру и пригласить его снять мерки для его ноги. Но усилившаяся жара, которая мучила нас уже некоторое время, оказала губительное действие на раненого. Его охватила сильная лихорадка, а потом начался ужасный бред. Маршал все это время был озабочен критическим положением, в котором он оставил армию. Ему казалось, что он все еще на поле боя, он громко звал своих адъютантов, приказывал одному вести в атаку кирасир, другому — направить артиллерию в тот или другой пункт… Напрасно мы с доктором Иваном старались его успокоить, он больше нас не слышал. Его горячка усиливалась, он уже не узнавал даже императора… Он пробыл в таком состоянии несколько дней. Он ни на минуту не мог успокоиться и заснуть, все это время продолжая воображаемое сражение! Но в ночь с 29 на 30 мая он перестал руководить этим бесконечным «боем», бред сменился упадком сил. Он пришел в себя, узнал меня, пожал мне руку, заговорил о своей жене и пятерых детях, о своем отце… Я находился у его изголовья, он прислонил голову к моему плечу, казалось, задремал, и испустил последний вздох!.. Это произошло 30 мая на рассвете.

Вскоре с утренним визитом должен был прийти император, и я счел необходимым предупредить Его Величество, объявив ему об этой ужасной катастрофе, чтобы он не входил в помещение, полное губительных миазмов. Но Наполеон отодвинул меня рукой, подошел к телу маршала, обнял его и, обливаясь слезами, повторил несколько раз: «Какая потеря для Франции и для меня!»

Напрасно князь Бертье старался увести императора от этого грустного зрелища, тот провел у тела больше часа и уступил уговорам Бертье только тогда, когда тот сказал, что генерал Бертран и офицеры инженерных войск ждут его указаний для выполнения важных работ, время для которых он назначил сам. Перед уходом Наполеон поблагодарил меня за заботу, которую я проявил к маршалу. Он поручил мне организовать бальзамирование и отправку тела во Францию.

Я был убит горем… Мое отчаяние еще больше усиливалось от необходимости присутствовать и составлять протокол при вскрытии и бальзамировании, которое провели доктор Ларрей и доктор Иван. Затем мне надо было проследить за отправкой тела, которое на повозке в сопровождении одного офицера и двух сержантов Императорской гвардии было отправлено в Страсбург. Это был очень тяжелый для меня день! Сколько грустных размышлений вызвала у меня судьба этого человека, вышедшего из низов общества, но наделенного большим умом и беспримерным мужеством, своими собственными заслугами возвышенного до небывалых высот. И вот теперь, когда он

пользовался всеми почестями и обладал огромным состоянием, он окончил свою жизнь на чужой земле, вдали от семьи, на руках простого адъютанта!

Ужасные душевные и физические потрясения пошатнули мое здоровье. Моя рана, показавшаяся сначала легкой, скоро зажила бы, если бы мои душа и тело имели хотя бы несколько дней отдыха. Рана сильно воспалилась за те десять дней, которые я провел в постоянном беспокойстве, когда никто, даже двое его слуг, не помогали мне заботиться о маршале в его ужасном положении. Один из них, совершенный неженка, покинул своего хозяина в первый же день под предлогом, что его тошнит от запаха гниющих ран. Второй слуга проявил больше усердия, но гнилостные испарения, которые 30-градусная жара делала еще более опасными, уложили его в постель, и мне пришлось вызвать военного санитара. Он был хорошим работником, но все-таки чужим человеком. Особенно не понравился маршалу его костюм, и он принимал все только из моих рук. Я находился при нем ночью и днем, и от усталости состояние моей раны ухудшилось, нога ужасно распухла, и, когда, покинув корпус, я решил отправиться в Вену, чтобы там полечиться, я едва держался на ногах.

В госпитале во дворце герцога Альберта я застал всех моих раненых товарищей. Император не забыл о них. Главный хирург австрийского двора, находившийся во дворце Шенбрунн, предложил Наполеону свои услуги для ухода за ранеными французами, и император поручил его заботам адъютантов маршала Ланна. Добрый доктор Франк приходил во дворец принца Альберта два раза в день. Он осмотрел мою рану, нашел ее в очень плохом состоянии и прописал мне полный покой. Однако я часто проходил через коридор, чтобы навестить моего друга де Вири, который лежал с гораздо более серьезной раной, чем моя. Вскоре я имел несчастье потерять этого прекрасного товарища, о котором я бесконечно сожалел, а так как среди адъютантов я единственный знал его отца, мне выпала горькая необходимость сообщить эту печальную новость убитому горем несчастному старику, не намного пережившему своего любимого сына!

Вынужденный вести неподвижный образ жизни, я много читал, а также записывал самые замечательные факты проделанной кампании и некоторые рассказы, которые мне удалось услышать. Вот один из самых интересных.

За два года до провозглашения Империи во французских полках не существовало никакого промежуточного чина между полковником и начальником батальона или эскадрона. Бонапарт

был тогда первым консулом и, желая восполнить пробел, образовавшийся в военной иерархии после одного из декретов Конвента, он обратился к Государственному совету. Там признали необходимость восстановить в каждом армейском корпусе должность офицера, чей чин и обязанности были бы такими же, как у бывших подполковников. Это решение было принято, и первый консул предложил обсудить, как будет называться такой офицер. Генерал Бертье и несколько государственных советников ответили, что поскольку он должен исполнять обязанности подполковника, то естественно оставить за ним это звание, но Бонапарт этому категорически воспротивился. Он заметил, что при старом режиме полковники были большими господами, проводили свою жизнь при дворе и редко появлялись в полку, а командованием занимались их заместители — офицеры, которые всегда были в части. Поэтому в то время было вполне справедливо поддержать их и утвердить их реальное значение, дав им звание *подполковников,* потому что в действительности они и были командирами полков, а полковники только ими значились. Но с тех пор ситуация изменилась. Полковники стали реальными командирами своих полков, поэтому не стоило создавать соперничества между ними и офицерами, звание которых собираются восстанавливать. Если этому офицеру дать звание подполковника, это слишком приблизит его к начальнику. Обращаясь к нему, его подчиненные будут называть его кратко «мой полковник». Если солдат скажет, что он идет к своему полковнику, его могут спросить к какому. В результате первый консул предложил дать второму офицеру каждого полка звание «майор»[76]. Это мудрое решение возобладало, и, восстанавливая этот чин, не стали брать название «подполковник». Этот на первый взгляд не очень значительный факт имел большие последствия, и вот этому доказательства.

21 мая, в первый день сражения при Эсслинге, когда австрийцы захватили эту деревню, французский полк вынужден был отступить в некотором беспорядке перед намного превосходящими силами противника. Маршал Ланн, рядом с которым был император, послал меня на этот участок. Прибыв на место, я узнал, что только что был убит полковник. Офицеры и солдаты были полны решимости отомстить за него и отвоевать Эсслинг. Под командованием майора они быстро перестроили свои ряды под огнем противника вблизи от крайних домов деревни.

Я поспешил к маршалу сообщить о положении вещей, но, как только я сказал ему тихо: «Полковник погиб…», Наполеон, нахмурив брови, произнес: «Тсс!» И я замолчал, не зная, каким

будет решение Его Величества, но понял, что на какой-то момент император не хотел знать, что полковник убит!

Император, которого его недоброжелатели обвиняли в недостатке личного мужества, устремился галопом, не обращая внимания на пули, свистевшие вокруг нас. Он оказался в центре полка и спросил, где полковник. Никто не произнес ни слова. Наполеон повторил свой вопрос, и несколько солдат ответили: «Он убит!» — «Я не спрашиваю, убит ли он, я спрашиваю, где он». Чей-то робкий голос произнес, что он остался в деревне. «Как! Солдаты! Вы оставили тело вашего полковника врагам! Знайте, что храбрый полк должен всегда знать, где его знамя и его командир, живой или мертвый!.. Вы оставили вашего командира в деревне, идите за ним!»

Майор, ухватив мысль Наполеона, воскликнул: «Да, мы потеряем нашу честь, если не принесем нашего командира!..» И он бросился вперед. Полк устремился за ним с криком «Да здравствует император!», ворвался в Эсслинг, уничтожил несколько сотен австрийцев, захватил позицию, и гренадерская рота положила тело командира к ногам императора. Вы прекрасно понимаете, что не тело несчастного офицера нужно было Наполеону, он хотел добиться двойной цели — взять деревню и научить солдат тому, что командир — это второе знамя и хороший полк никогда не должен его терять.

В трудные моменты эта убежденность поддерживает мужество солдат, заставляет упорно сражаться вокруг командира, живого или мертвого. И тогда, обернувшись к князю Бертье, император напомнил ему обсуждение в Государственном совете, добавив: «Если, когда я спрашивал, где полковник, вторым был бы подполковник, а не майор, мне бы ответили: «Вот он», и я не добился бы такого результата, потому что для солдат нет большой разницы между подполковником и полковником, они почти одинаковы». После этого события император передал майору, так смело поднявшему полк, что он назначает его полковником.

По этому рассказу вы можете судить о магической власти, которую Наполеон имел над своими войсками. Его присутствия и нескольких его слов хватало, чтобы бросить их в самое пекло, с такой находчивостью он умел воспользоваться любым эпизодом в сражении. Мне показалось, что полезно рассказать эту историю, потому что во время Реставрации звание подполковника было восстановлено очень неудачно.

Вот еще одна история, которая интересна только тем, что она повествует об одном очень здравом замечании, сделанном маршалом Ланном.

Когда пехота нашего корпуса переправлялась по мостам, а кавалерия ждала своей очереди, один начальник эскадрона 7-го кирасирского полка, шурин генерала Моро по имени Юло д'Озери (сейчас он уже генерал, мы встречали его в штабе императора Александра во время вступления иностранных войск в Париж в 1814 году), так вот этот г-н Юло, человек очень храбрый, движимый желанием узнать, что произошло на поле боя, покинул свой полк в Эберсдорфе, взял лодку и отправился на левый берег. Там он сел на лошадь и стал просто так гарцевать у Эсслинга вокруг нашего штаба. И в этот момент ядром ему оторвало руку! Когда этого офицера отвели в госпиталь на ампутацию, маршал Ланн сказал нам: «Запомните, господа, что на войне нет места фанфаронству. Настоящее мужество заключается в том, чтобы презирать опасность на своем посту, а не гарцевать в разгар битвы, если это не требуется по долгу службы!»

Глава XX

Биография маршала Ланна. — Император производит меня в начальники эскадрона и награждает орденом Почетного легиона. — Я поступаю в штаб Массены

Хотя я уже упоминал некоторые подробности из жизни маршала Ланна, я считаю своим долгом представить его биографию подробнее.

Ланн родился в 1769 году в маленьком гасконском городке Лектуре. Его отец был простым красильщиком. У него было три сына и дочь. В Лектуре размещалось тогда епископство, и один из викариев заметил умного и благонравного мальчика, старшего сына красильщика. Он стал его учить, определил в семинарию, где тот стал священником. Тоже став викарием во время Империи, он обладал большими достоинствами, заботился о своей семье и учил своих младших братьев. Второй брат, который и стал маршалом, учился лишь постольку, поскольку ему позволяла работа, так как он помогал отцу в его деле. Когда разразилась Революция, он уже умел читать, правильно писать и знал четыре правила арифметики.

У самого младшего сына особых способностей не было. Маршал хотел направить его на военную стезю, но у того ничего не получилось, и брат забрал его из армии, удачно женил в своей провинции и оставил в родном городе. Что же до дочери, то она была еще очень молода, когда второй ее брат уже стал генералом. Он поместил ее в хороший пансион, дал ей приданое, и она счастливо вышла замуж.

Ланн был среднего роста, но пропорционально сложен. У него было приятное и очень выразительное лицо. Небольшие, но живые и умные глаза. Характера он был доброго, но взрывного, до тех пор, пока не научился себя сдерживать. Его честолюбие было огромным, энергия неуемной, а храбрость беспримерной. В молодые годы Ланн был подмастерьем красильщика, потом перед ним открылся путь военной карьеры, по которому он пошел семимильными шагами. Энтузиазм 1791 года увлек многих людей его возраста встать на защиту своей родины, на которую несправедливо напали. Ланн вступил в 1-й батальон волонтеров Жера и оставался простым гренадером до тех пор, пока его товарищи, оценив его выправку, усердие и живость ума, назначили его младшим лейтенантом. С этого момента он беспрерывно учился, даже когда уже был маршалом, читал по ночам и стал довольно образованным человеком. Вначале он

служил у моего отца, в Миральском лагере под Тулузой, затем в Восточной Пиренейской армии, где его бесстрашие и редкий ум быстро принесли ему звание начальника батальона, в котором он и находился, когда дивизия моего отца перешла под командование маршала Ожеро. Последний, после одного кровавого боя, в котором Ланн покрыл себя славой, назначил его командиром полубригады. Ланн, раненный в том же бою, был вынужден провести несколько месяцев в Перпиньяне, где остановился у одного богатого банкира, некоего г-на Мерика. Вся семья банкира, в особенности мадемуазель Мерик, в полной мере оценила хорошие манеры молодого офицера. На этой девушке и женился Ланн. Этот брак был намного выше того, на что он мог надеяться в прежние времена.

Когда в 1795 году между Францией и Испанией был заключен мир, Ланн с войсками дивизии Ожеро последовал в Италию. Он был определен в сопровождение, в 4-ю линейную полубригаду, которая находилась, по сути дела, под его командованием в отсутствие назначенного в нее командира. Бонапарт очень скоро оценил достоинства Ланна, и, когда Директория выпустила постановление, по которому все офицеры сопровождения должны были возвратиться домой, Бонапарт оставил Ланна в Италии, где тот был дважды ранен в знаменитых кампаниях 1796 и 1797 годов, не состоя официально в армии. Если бы не прозорливость главнокомандующего, то Ланн вынужден был бы покинуть военную службу и его военный талант был бы похоронен в бюро его тестя, а Франция недосчиталась бы одного полководца. Когда в 1798 году Бонапарт повел армию в Египет, он взял с собой Ланна, который стал бригадным генералом и, следовательно, действовал в рядах армии вполне официально.

Новый генерал отличился во всех сражениях этой экспедиции. Он был так тяжело ранен при штурме Сен-Жан д'Акра, что его солдаты посчитали его мертвым! Я вам уже рассказал, как он был спасен капитаном гренадеров, который с опасностью для жизни дотащил его до траншеи. В этом деле пуля пробила Ланну шею, и с тех пор голова у него всегда была наклонена к левому плечу, а к голосу, когда он говорил, примешивались какие-то шумы. Едва генерал Ланн оправился от этой тяжелой раны, как на него обрушился тяжелый удар. Он узнал, что его жена, с которой он не виделся уже около двух лет, родила мальчика и утверждает, что он его отец. Последовал судебный процесс, а затем развод.

Генерал Ланн покинул Египет вместе с Бонапартом. Он последовал за ним в Париж. 18 брюмера он сопровождал его в Сен-Клу. Ланн блестяще провел кампанию 1800 года и спас

армию, отбросив в битве при Монтебелло австрийские корпуса, спешившие на встречу с французами. Если бы генерал Ланн не отбросил врага, большая часть нашей армии не смогла бы выйти на миланскую равнину из альпийских ущелий. Это принесло ему впоследствии титул герцога де Монтебелло. Вернувшись из этой кампании, генерал Ланн, свободный от брачных уз с мадемуазель Мерик, стал питать надежды жениться на Каролине Бонапарт. Вы знаете, каким образом интриги Бессьера склонили чашу весов на сторону Мюрата. Генерал Ланн был назначен посланником в Лиссабон и женился на дочери сенатора мадемуазель Гёэнёк, которая принесла ему солидное приданое. Прибавив к этому высокое должностное жалованье, он полностью поправил свои дела.

С давних времен существовало правило, дающее французскому посланнику, впервые прибывающему в Лиссабон, право ввезти без таможенного налога любые товары на том корабле, на котором он прибывает в страну. Воспользовавшись установленным обычаем, генерал Ланн уступил эту привилегию купцам за 300 тысяч франков. Когда супруга Ланна родила сына (при Луи-Филиппе он стал министром военно-морского флота), принц регент Португалии захотел стать крестным ребенка. В день крещения он отвел генерала Ланна в одну из комнат дворца, в которой хранились драгоценности, присланные из Бразилии. Он открыл ящик, в котором лежали драгоценные камни. Двумя руками он трижды захватил необработанные алмазы и высыпал их в шляпу генерала со словами: «Первая горсть — моему крестнику, вторая — его матери госпоже посланнице, третья — господину посланнику». С этого момента маршал, от которого я и узнал эти подробности, стал по-настоящему богат.

На этом судьба не перестала осыпать его дарами. Когда первый консул стал императором и в 1804 году учредил сан маршалов Империи, то заслуженный генерал Ланн, безусловно, оказался среди первых, причисленных к этому рангу. Он получил маршальский жезл и титул герцога Монтебелло. В Булонском лагере новый маршал принял командование 5-м корпусом Великой армии, который год спустя он повел в Австрию. В кампании он отличился опять, особенно при Аустерлице, где командовал левым флангом.

Он отличился также в 1806 и 1807 годах в Пруссии и Польше, особенно в сражениях при Заальфельде, Йене, Пултуске и Фридланде. В 1808 и 1809 годах он отличился, не только помогая императору в сражении при Бургосе, но сам выиграл сражение при Туделе и взял считающуюся неприступной Сарагосу. Затем, не давая себе отдыха, он действовал в Испании и Германии, и я

уже рассказал о его подвигах в сражениях при Экмюле, Ратисбонне и Эсслинге, где этот храбрец и закончил свой славный путь.

Чтобы вы смогли лучше оценить маршала Ланна, я хочу рассказать вам один эпизод, который показывает характер этого человека и то, как он умел владеть собой.

В повседневном общении маршал был человеком спокойным и мягким, но на поле боя им овладевала ярость, доходящая до бешенства, если его приказы исполнялись плохо. Во время сражения при Бургосе в решающий момент один капитан артиллерии неправильно понял предписанный ему маневр и направил свою артиллерию в противоположную сторону. Когда маршал это заметил, то в гневе устремился к этой батарее, чтобы сурово отчитать офицера. Это было в присутствии императора, и, стремительно отъезжая, маршал услышал начало фразы, произнесенной Наполеоном: «этот славный Ланн…» Он вернулся задумчивым, потом, улучив момент, отозвал меня в сторону и попросил, взывая к доверительности, которую он мне оказывал, и к моей преданности, передать ему все замечание, сделанное по его поводу императором, целиком. Я искренне ответил: «Его Величество сказал «Этот славный Ланн обладает всеми качествами больших полководцев, но он им никогда не станет, потому что не может сдержать свой гнев и направляет его даже на низших офицеров, что является одним из самых больших недостатков для военачальника». Вероятно, маршал настолько хотел стать настоящим полководцем, что решил приобрести *единственное* качество, которого, по мнению такого судьи, как император, ему недоставало, так как с этого момента я *никогда* не видел его больше в гневе, хотя часто его приказы исполнялись плохо, особенно у стен Сарагосы. Когда он видел грубое нарушение, его кипучий нрав готов был взорваться, но в тот же момент твердая воля подавляла гнев. Он бледнел, руки его сжимались, но замечания он делал спокойным тоном флегматичного человека. Приведу один пример.

Тот, кто воевал, знает, что у солдат есть плохая привычка: вместо того чтобы пользоваться специальным инструментом, чтобы вынуть пулю из ружья, когда надо его прочистить, они разряжают его, стреляя в воздух, что очень опасно при большом стечении войск. Несмотря на запрет, во время осады Сарагосы пехотинцы разряжали ружья таким образом, когда маршал проезжал мимо лагеря, и одна пуля, описав дугу, попала в упряжь его лошади, разорвав уздечку прямо у руки маршала. Привели солдата, виновного в этом нарушении, и маршал, сдержав свой первый порыв, сказал: «Посмотри, чем ты рискуешь и что бы ты

чувствовал, если бы меня убил». Он велел отпустить солдата. Какой силой духа надо обладать, чтобы суметь так побороть свой характер!

Узнав, что маршал серьезно ранен, его супруга тотчас же выехала со своим братом полковником Гёэнёком, тем, который отвозил в Париж известие о капитуляции Вены. Но уже в Мюнхене она получила депешу, сообщающую ей о смерти маршала. Она вернулась в Париж в глубоком отчаянии, так как очень любила своего мужа. Год спустя она была назначена придворной дамой новой императрицы, эрцгерцогини Марии-Луизы, и собиралась встречать ее в Бранау на границе с Баварией, когда, проезжая через Страсбург, она захотела увидеть тело своего мужа, которое покоилось в одной из церквей этого города. Это зрелище оказалось выше ее сил, и, как только открыли гроб, у женщины случился такой сильный нервный приступ, что несколько дней ее жизнь пребывала в опасности.

Я пишу историю моей жизни, поэтому постоянно возвращаюсь к тому, что касается лично меня. Я возвращаюсь к тому, что после кончины маршала Ланна я находился с моими товарищами в Вене, где лечил свою рану. Я лежал на больничной постели, погруженный в грустные размышления, так как сожалел не только о самом маршале, который был так добр ко мне, но я не мог скрыть от самого себя, что потеря такой поддержки коренным образом меняла мое положение. Конечно, в мелкском монастыре император сказал, что производит меня в *начальники эскадрона,* и маршал Бертье тоже дал мне это звание. Но военные заботы мешали им выслать необходимые бумаги, и *фактически* я оставался простым капитаном. Счастливый случай положил конец моим опасениям по поводу моего будущего.

Мой товарищ Лабурдоннэ, рана которого была много опаснее моей, занимал соседнюю комнату. Мы часто беседовали с ним через открытую дверь. Господин Мунье, секретарь императора, а теперь пэр Франции, часто навещал своего друга Лабурдоннэ. Мы познакомились. В штабе он много слышал обо мне, о моих ранениях и теперь при встрече со мной он спросил, какую награду я получил. «Никакую», — ответил я. «Вероятно, забыли отослать, — сказал Мунье, — я уверен, что видел ваше имя на одном из свидетельств, положенных в портфель императора». На другой день я узнал от Мунье, что мое свидетельство положили перед императором и тот, вместо того чтобы просто подписать его, написал на полях: «В виде исключения этот офицер будет назначен начальником эскадрона конных егерей моей гвардии». Этим император оказывал мне огромную и *беспримерную* честь: звания гвардейских офицеров приравнивались к более высоким

званиям в армии. Взяв меня начальником эскадрона в гвардию, Наполеон повысил меня сразу на два чина, в войсках это равнялось бы званию майора (или подполковника). Это было великолепно!

Однако это преимущество не ослепило меня, хотя к нему добавилась бы возможность чаще навещать мою матушку в Париже, в котором располагались постоянные квартиры гвардии. Но я знал, что командующий Императорской гвардией маршал Бессьер плохо принимал офицеров, которых выдвигал не он, а кроме того, я опасался, что он не забыл инцидента, произошедшего при Эсслинге.

Меня терзали разного рода сомнения, когда прибыл в Вену принц Евгений, вице-король Италии. Он поселился во дворце принца Альберта. Все находящиеся в городе маршалы пришли к нему на прием, среди прочих Массена, который хотел как-то позаботиться об адъютантах маршала Ланна, к которым проявлял интерес сам Наполеон. Массена поднялся к нам, задержался некоторое время возле меня, так как знал меня еще со времен осады Генуи. Я поделился с ним своими затруднениями, и он ответил: «Конечно, было бы хорошо для тебя служить в гвардии, но месть маршала Бессьера может все испортить. Поступай ко мне адъютантом, ты будешь принят как свой, как сын прекрасного генерала, который погиб, служа под моим командованием, а я позабочусь о твоем продвижении». Соблазненный этими обещаниями, я согласился. Массена тотчас же отправился к императору, который согласился на его просьбу и прислал мне свидетельство о моем назначении начальником эскадрона, адъютантом Массены. Это случилось 18 июня.

Несмотря на радость, что я теперь *старший офицер, я* очень скоро пожалел, что согласился на предложения Массены. Через час после того, как я получил назначение на должность адъютанта, сам маршал Бессьер привез мне назначение в гвардию и уверял меня, что он был бы рад принять меня в свой корпус, прекрасно понимая, что у Эсслинга я только выполнял приказания маршала Ланна. Я был ему очень признателен за этот честный поступок и очень жалел, что так быстро договорился с Массеной. Но решение было уже принято. Я думал, что это отразится на моей карьере, но, к счастью, этого не произошло: Мунье, которого назначили вместо меня к гвардейским егерям, был еще начальником эскадрона, когда я был уже полковником. Правда, два следующих года он оставался в Париже, а я провел их под пулями и получил еще два ранения, о чем расскажу позже.

Наполеон осыпал наградами штаб маршала Ланна. Полковник Гёэнёк стал адъютантом императора, который также

взял Ваттвиля и Лабурдоннэ офицерами для поручений. Сен-Марс был назначен полковником 3-го конно-егерского полка, а Лабедуайер стал адъютантом принца Евгения. Что касается меня, я получил звание начальника эскадрона, и, когда я смог отправиться в Шенбрунн, чтобы поблагодарить императора, Его Величество оказал мне честь, сказав: «Я хотел взять вас в мою гвардию. Однако, если маршал Массена хочет взять вас в адъютанты и это вам подходит, я согласен. Но чтобы показать особо, как я вами доволен, я вас делаю рыцарем империи с рентой в 2 тысячи франков».

Если бы я осмелился, я бы попросил императора вернуться к первому решению и взять меня в его гвардию. Но мог ли я сказать о причине моего отказа? Это было невозможно. Я только поблагодарил, но в душе был огорчен… Однако, вынужденный смириться с положением, в которое я сам себя легкомысленно поставил, я постарался прогнать бесполезные сожаления, внимательнее лечить свою рану, чтобы быть в состоянии сопровождать моего нового маршала в боях, которые должны произойти при новой переправе через Дунай.

Глава XXI

Штаб Массены. — Г-н де Сент-Круа. — Награда, заслуженная им

К концу июня я выздоровел и отправился к штабу Массены на остров Лобау. Мои новые товарищи адъютанты приняли меня очень хорошо. Штаб был многочисленным, в нем было много заслуженных офицеров, но были и посредственности. Я хочу, однако, прервать сейчас повествование о кампании 1809 года, чтобы рассказать вам о первом адъютанте, полковнике де Сент-Круа, потому что он сыграл большую роль в событиях, которые предшествовали сражению при Ваграме.

Шарль д'Экорш де Сент-Круа, сын маркиза де Сент-Круа, бывшего посла Людовика XVI в Константинополе, был человеком во всех отношениях выдающимся. Его военная карьера была очень краткой, но чрезвычайно яркой. Наши семьи были знакомы, нежная дружба связывала меня с этим офицером, и желание служить вместе с ним во многом способствовало тому, что я принял предложение Массены. Хотя у Сент-Круа была врожденная тяга к военному делу, он начал свою карьеру довольно поздно, поскольку семья предназначала его к дипломатической стезе и устроила его в секретариат министерства иностранных дел Талейрана, с которым она была в хороших отношениях. Пока длилось действие Амьенского мира, Сент-Круа терпеливо сносил сидячую должность, на которую его определили, но начало кампании 1805 года пробудило его воинский пыл. Ему было уже двадцать три года, значит, поступать в военное училище он уже не мог. Наверное, ему не пришлось бы никогда служить в армии, если бы не благоприятные обстоятельства.

Император хотел привлечь к себе на службу как можно больше эмигрантов и молодых аристократов, которые хотели бы быть ему полезными, но все же не могли решиться пойти служить простыми солдатами.

Среди захваченных в плен под Аустерлицем он приказывает отобрать 6 тысяч самых видных молодых людей и сформировать из них два полка, состоящих на жалованье у Франции[77]. Эти новые части формировались по иным правилам, нежели национальные полки, и Наполеон делал офицерские назначения в них как ему заблагорассудится. В данном случае, для того чтобы получить звание старшего офицера, было необязательно даже быть военным. Достаточно было принадлежать к семье с хорошим положением и выказать желание служить императору. Такие

назначения противоречили, конечно, установившимся обычаям, но Наполеон видел преимущество в том, чтобы привязать к себе более полутора сотен хорошо воспитанных и богатых людей, которых он отрывал от безделья и коррупции в Париже. Племянник знаменитого Ла Тур д'Оверня[78] был назначен командиром 1-го иностранного полка, и один знатный немец, князь Изембургский, получил командование вторым. Эти части назывались по имени их командиров. Император хотел, чтобы их управление и организация были взяты по образцу старых иностранных полков на службе у дореволюционной Франции, и, как в те незапамятные времена, министр иностранных дел сам должен был заниматься набором в эти войска. Наполеон приказал Талейрану найти в архивах все документы, связанные с этой темой.

Зная военные устремления молодого Сент-Круа и его желание служить в армии, министр поручил ему эту работу. Дипломат не ограничился тем, что просто проследил историю бывших иностранных полков, но и предложил необходимые изменения. Император был поражен здравым смыслом, который Сент-Круа обнаружил при составлении этого проекта, и, зная о желании автора быть среди офицеров одного из этих новых полков, он назначил его сначала начальником батальона, а несколько месяцев спустя майором в полк Ла Тур д'Оверня. Это поощрение было тем более значительным, что император никогда не видел Сент-Круа, но оно же чуть было не погубило его в самом начале его военной карьеры.

Некий господин М***, двоюродный брат императрицы Жозефины, будучи в звании начальника батальона, тешил себя надеждой получить звание подполковника. Его самолюбие страдало. Он невзлюбил Сент-Круа и спровоцировал дуэль под самым незначительным предлогом. М*** был одним из лучших стрелков из любого оружия. Его многочисленные приятели, уверенные в его победе, целой кавалькадой сопровождали его до Булонского леса. Но только один из них отправился с ним до места, где их ждали противник со своим свидетелем. Стрелялись на пистолетах. М*** получил пулю в грудь и замертво упал! При виде этого свидетель, который должен был идти за помощью, испугался последствий, которые могут произойти из-за трагической смерти родственника императрицы, и, бросив свою лошадь и не предупредив друзей М***, сбежал, чтобы укрыться вдали от Парижа… Сент-Круа и его друзья вернулись в город, а тело осталось лежать на земле.

Однако те, кто остался возле опушки леса в ожидании возвращения М***, увидев, что после звука двух пистолетных

выстрелов он не возвращается, вошли в лес и нашли тело несчастного молодого человека. Так случилось, что, получив смертельную рану, он упал и разбил себе голову, ударившись о твердый пенек. Его друзья осмотрели рану в груди и, заметив еще одну на голове, решили, что Сент-Круа смертельно ранил противника в грудь пулей из пистолета, а потом прикончил его, пробив ему голову рукояткой этого же оружия. Они сочли, что этим и объясняется исчезновение свидетеля смерти, который не смог или не посмел помешать этому убийству.

Думая, что все так и было, эти господа поспешили в Сен-Клу и рассказали обо всем императрице, которая тут же стала *искать защиты* у императора! Сразу последовал приказ судить Сент-Круа. Скрываться он и не думал. Его арестовали. Он долго просидел бы в тюрьме во время расследования, если бы не вмешательство министра юстиции и друга семьи Фуше, убежденного, что Сент-Круа не мог совершить преступления, в котором его обвиняли. Фуше предпринял активные поиски и обнаружил место, где скрывался свидетель. Его доставили в Париж, и он подтвердил, что все произошедшее не выходило за рамки чести. К тому же, проводя расследование, обнаружили на месте дуэли пенек, на котором остались кровь и волосы погибшего. Невиновность Сент-Круа была установлена, его выпустили, и он поспешил в свой формировавшийся в Италии полк.

Г-н Ла Тур д'Овернь, человек очень уважаемый, не имел опыта в таких делах, и майор Сент-Круа организовал полк, которым он занялся с таким рвением, что он стал одним из лучших и одним из самых красивых в армии. Посланный в Неаполитанское королевство подавить восстание, вспыхнувшее в Калабрии, он отличился во многих сражениях. Маршал Массена, который тогда командовал в Нижней Италии, узнал о заслугах Сент-Круа и проникся к нему большой симпатией. Вызванный в Польшу после сражения при Эйлау, маршал захотел взять с собой Сент-Круа, хотя тот еще не числился его адъютантом. Правила не допускали, что кто-то может забрать офицера, особенно майора, из его полка. Прибыв в Варшаву, Массена представил Сент-Круа императору, но тот, вспомнив смерть г-на М…, принял майора холодно и даже выразил маршалу свое недовольство за то, что тот взял этого офицера из части, где тот служил.

Помимо этой первой причины плохого приема, оказанного императором, была еще одна. Хотя Наполеон и был небольшого роста, ему нравились мужчины высокие, сильные, с мужественными лицами. А Сент-Круа был невысокий тонкий блондин с очаровательным женственным лицом. Но это тело,

которое на первый взгляд казалось слабым и непригодным к тяжестям войны, заключало в себе твердую душу, поистине героическое мужество и неукротимую энергию. Император очень скоро убедился в наличии всех этих качеств. Тем не менее он счел, что звания майора, которое сразу же получил Сент-Круа, должно хватить на какое-то время, и ничего не сделал для него в эту кампанию. После Тильзитского мира этот офицер вернулся с Массеной в Неаполь. Но когда в 1809 году маршала вызвали командовать одним из корпусов, направляемых против Австрии, он вспомнил упреки императора за то, что без разрешения взял к себе в штаб Сент-Круа. Тогда он попросил его себе в адъютанты и получил разрешение.

В одном из сражений, предшествующих нашему вступлению в Вену, Сент-Круа захватил знамя неприятеля, и император дал ему чин полковника. Он проявил чудеса храбрости и редкий ум в битве при Эсслинге, но что окончательно сломило предубежденность императора к Сент-Круа, это то, что он значил для корпуса Массены в период между сражениями при Эсслинге и Ваграме. Император построил на этом острове крупные фортификации, установил более ста пушек крупного калибра. Он каждый день следил за работами лично. Он был на ногах по семь-восемь часов в день. Эти длительные пешие хождения утомляли уже немолодого маршала Массену, а начальник штаба корпуса генерал Беккер большей частью не мог ответить на вопросы императора, тогда как полковник Сент-Круа, с его неутомимостью и острым умом, замечал, знал и предвидел все детали и давал императору обо всем самые точные сведения. Наполеон привык обращаться к нему, и мало-помалу Сент-Круа стал если не по праву, то фактически начальником штаба армейского корпуса, защищавшего остров Лобау.

Австрийцы так легко могли выгнать нас с этого острова или уничтожить наши четыре находившиеся там дивизии с помощью артиллерии, что каждый вечер император уезжал в Шенбрунн с большими опасениями. Он проводил ночи в сильном беспокойстве, а утром, как только просыпался, хотел иметь сведения о корпусе Массены. Он приказал Сент-Круа каждый день быть у него с докладом на рассвете. Чтобы сведения были более точными, полковник каждую ночь обходил пешком весь огромный остров Лобау, осматривал посты, наблюдал за постами неприятеля, затем садился в седло, быстро проделывал 2 лье, отделяющие его от Шенбрунна, где получившие соответствующий приказ адъютанты тотчас же провожали его в спальню к императору. Император уже одевался, и при этом они уже говорили о положении двух армий. Затем галопом оба мчались к

острову, где император, все время в сопровождении Сент-Круа, проводил целый день в наблюдении за работами. Они часто поднимались по огромной сдвоенной лестнице, которую полковник придумал соорудить в качестве наблюдательного пункта. Оттуда, поверх самых высоких деревьев на левом берегу, были видны деревни, занятые врагом и все его передвижения. Вечером Сент-Круа провожал императора в Шенбрунн, возвращался на остров, где, немного отдохнув, он проводил ночь в обходе постов, чтобы наутро опять скакать к императору.

В течение 44 дней, в ужасную жару, Сент-Круа выполнял эти обязанности, не выказывая усталости и с неизменной энергией. Он проявлял такой большой ум в разрешении трудных военных вопросов, что Наполеон постоянно звал его к себе, когда совещался с маршалами Массеной и Бертье о том, как переправить армию на левый берег.

Надо было переправиться через небольшой рукав Дуная в пункте, отличном от того, который служил местом переправы во время сражения при Эсслинге, потому что было известно, что эрцгерцог Карл возвел против этого места многочисленные укрепления.

Сент-Круа предложил обойти укрепления неприятеля, перейдя протоку перед Гросс-Энцерсдорфом, и это решение было принято. В конце концов у Наполеона сложилось такое высокое мнение об этом полковнике, что однажды он сказал русскому посланцу г-ну Чернышеву: «С тех пор как я командую армиями, я не встречал более способного офицера, который так бы понимал мои мысли и так хорошо их исполнял. Он напоминает мне маршала Ланна и генерала Дезе. Если ничего не случится, Франция и Европа удивятся той карьере, которую он при мне сделает!» Чернышев пересказал этот разговор, и все вскоре о нем узнали, предрекая, что Сент-Круа быстро станет маршалом. К несчастью, случилось иначе! В следующем году он был убит пушечным ядром на берегах реки Тежу у самых ворот Лиссабона. Я расскажу об этом, повествуя о кампании, которую я проделал в 1810 году в Португалии.

Наполеон обычно держал на расстоянии командиров, которых больше всего уважал, только в виде исключения сближаясь с одним из них. Иногда ему нравилось вызывать этого человека на откровенность и слушать его меткие замечания. Так было с Ласаллем, Жюно и Раппом, которые, не стесняясь, говорили императору все, что им приходило в голову. Ласалль и Жюно, которые раз в два года непременно разорялись, рассказывали Наполеону о своих неприятностях, и он всегда оплачивал их долги. Сент-Круа был слишком умен и сдержан,

чтобы использовать в своих целях расположение императора, но все же, когда император его к этому подталкивал, его отклики были моментальными и меткими. Так, Наполеон, который часто опирался на руку полковника, когда они шли по песчаному берегу Лобау, сказал ему однажды: «Я помню, что после твоей дуэли с кузеном моей жены я хотел, чтобы тебя расстреляли. Сознаю, что это было бы большой ошибкой и нанесло бы огромный ущерб!» — «Это так, сир, — ответил Сент-Круа, — и я уверен, что теперь, когда Ваше Величество знает меня лучше, оно не променяло бы меня на одного из кузенов императрицы…» — «На одного?! *На всех!*» — ответил император.

В другой раз, когда Сент-Круа присутствовал при утреннем пробуждении Наполеона, тот выпил стакан свежей воды и сказал: «Я думаю, что по-немецки Шенбрунн означает «красивый источник». Этот замок так называется справедливо, так как вода источника в парке великолепна, я пью ее каждое утро. А ты любишь чистую воду?» — «Нет, сир, я предпочитаю стакан хорошего бордо или шампанского». Тогда император обернулся к слуге и сказал: «Вы отошлете полковнику сто бутылок бордо и столько же шампанского». И в тот же вечер, когда адъютанты Массены ужинали в лагере в хижине, сооруженной из ветвей, на остров привели нескольких мулов из императорской конюшни, навьюченных грузом из двух сотен бутылок прекрасного вина, и мы все пили за здоровье императора.

Глава XXII

Подготовка к новой переправе через Дунай. — Арест шпиона. — Битва при Ваграме. — Взятие Энцерсдорфа. — Сражение на Руссбахе

Приближалось время новой переправы через Дунай. Австрийцы все пристальней наблюдали за берегами разделявших нас небольших рукавов этой реки. Они даже укрепили Энцерсдорф, и, если какая-нибудь группа французских солдат подходила слишком близко к части острова, расположенной напротив этого поселения, неприятельская батарея сразу открывала огонь. Но когда французы появлялись здесь поодиночке или по два-три человека, австрийцы, как правило, не стреляли. Император хотел видеть вблизи подготовительные работы неприятеля, и рассказывают, что для безопасности он даже переодевался в солдата и стоял на посту. Но этот факт недостоверен. Но вот что было на самом деле.

Император и маршал Массена, одетые в сержантские шинели, а с ними и Сент-Круа в форме простого солдата дошли до берега реки. Полковник полностью разделся и вошел в воду, а Наполеон и Массена, чтобы рассеять у врага все сомнения, сняли шинели, будто тоже собирались купаться, а сами в это время изучали место, где хотели перебросить мосты и осуществить переправу.

Австрийцы так привыкли видеть в этом месте купающихся по двое или трое французов, что продолжали спокойно лежать на траве. Это доказывает, что на войне командиры должны сурово запрещать подобные передышки и нейтральные территории, которые войска устанавливают с обоюдного согласия с двух сторон.

Император хотел сначала перейти рукав именно в этом месте, установив здесь несколько мостов. Но было очевидно, что, как только часовые что-то увидят и забьют тревогу, из Энцерсдорфа придут расположенные там австрийские войска и помешают нашему строительству. Тогда решили сначала переправить на другой берег две с половиной тысячи гренадеров, которые должны будут атаковать Энцерсдорф. Таким образом гарнизон не сможет помешать нашим работам и переправе. Приняв это решение, император сказал Массене: «Первая колонна будет в самом трудном положении, поскольку враг сосредоточится прежде всего против нее. Это значит, что там должны быть наши лучшие части под командованием храброго и умного командира». — «Но, сир, это должен сделать я!» — воскликнул

Сент-Круа. «Почему же?» — спросил император, которому понравился этот порыв, а вопрос он задал просто затем, чтобы услышать интересный ответ. «Почему? — продолжил полковник. — Да потому, что из всех офицеров на острове именно я уже шесть недель постоянно, днем и ночью, выполняю ваши приказания, и я прошу Ваше Величество в знак благодарности назначить меня командиром двух с половиной тысяч гренадеров, которые первыми должны высадиться на вражеский берег!» — «Ну что же, ими будешь командовать ты!» — ответил Наполеон, которому очень понравилась эта благородная доблесть. План переправы был окончательно разработан, атака намечена в ночь с 4 на 5 июля.

До этого времени в нашем корпусе произошло два важных события. Дивизионный генерал Беккер был неплохим, хотя немного ленивым офицером, и у него была привычка все критиковать. Он позволил себе вслух неодобрительно отозваться о плане атаки, задуманной Наполеоном. Императору доложили об этом, и он приказал генералу вернуться во Францию. Только в 1815 году генерал Беккер вышел из немилости. Начальником штаба корпуса стал генерал Фририон. Это был человек способный, с прекрасным характером, но по сравнению с таким человеком, как Массена, ему не хватало твердости.

Второе событие чуть не лишило императора самого Массены. Однажды, когда Наполеон и маршал объезжали остров Лобау, лошадь маршала попала в скрытую высокой травой яму, маршал сильно поранил ногу и не мог держаться в седле. Эта неприятность тем более огорчила императора, что Массена пользовался доверием солдат, прекрасно знал местность, на которой нам предстояло сражаться. Там проходило сражение у Эсслинга, в котором так славно участвовал Массена. Тогда маршал проявил большую душевную силу, оставшись при исполнении обязанностей, несмотря на большие физические страдания, заявив, что на поле боя его вынесут гренадеры, как маршала Морица Саксонского при Фонтенуа[79]. Для этого установили носилки, но я позволил себе сделать одно замечание, и маршал согласился со мной, что такой способ переноски претенциозен и не столь безопасен, как легкая повозка, запряженная четверкой лошадей, которая будет перевозить маршала из одного пункта в другой быстрее, чем это могли бы сделать люди. Решили, что на поле боя маршал будет в своей открытой коляске, а рядом с ним будет его хирург доктор Бриссе. Хотя доктор мог бы и не отправляться на поле сражения, он не захотел оставить маршала, так как компрессы на его ноге надо было менять каждый час. И он делал перевязку с большим

хладнокровием посреди падающих ядер не только те два дня, которые длилась битва при Ваграме, но и во время последующих сражений.

Наполеон знал, что австрийцы ожидают его выхода с острова Лобау как между Эсслингом и Асперном, подобно тому как он сделал это в мае, и что они построили укрепления в промежутке, разделяющем эти две деревни. Он также понимал, насколько важно скрыть от австрийцев разработанный им план, как их обойти, перейдя через небольшой рукав Дуная возле Энцерсдорфа. Поэтому он строго следил за всем, что и как доставлялось на Лобау через большие мосты, связывающие остров с Эберсдорфом. Но для людей, находящихся на острове, большие приготовления, происходившие у них на глазах, не могли оставаться секретом.

Уверенные, что на острове находятся только французские солдаты и офицерская прислуга, все думали, что мы защищены от вражеской разведки. Это было ошибкой. Эрцгерцогу Карлу удалось поместить среди нас шпиона, и этот человек уже готовился предупредить его, что мы будем атаковать через Энцерсдорф, когда мамлюк Рустан получил анонимное письмо, написанное по-венгерски и адресованное императору. Его принесла хорошо одетая девочка, сказав только, что письмо важное и очень срочное! Сначала подумали, что это какая-то денежная просьба, но переводчики перевели послание и поспешили передать его содержание императору. Тот сразу отправился на остров Лобау, где немедля отдал приказ остановить все работы и выстроить не только войска, но штабы, администраторов, булочников, мясников, интендантов и даже слуг, которые должны были встать рядом со своими хозяевами. Когда все были построены и не осталось ни одного человека вне этого построения, император заявил войскам, что на остров проник шпион, надеясь, что его невозможно будет распознать среди находящихся там 30 тысяч человек. И теперь, когда все стояли в рядах, каждый должен посмотреть на своих соседей справа и слева. Успех этого метода был мгновенным, так как сначала воцарилась глубокая тишина, а потом два солдата воскликнули: «Вот незнакомец!» Человека арестовали, допросили, и он сознался, что переоделся во французского пехотинца, взяв вещи с солдат, оставленных на поле боя у Эсслинга.

Этот негодяй родился в Париже, казалось, был неплохо воспитан и даже образован. Страсть к игре разорила его, он бежал от своих кредиторов, укрылся в Австрии, где из желания найти средства к игре предложил свои услуги австрийскому штабу. Ночью лодка перевезла его с левого берега Дуная на правый, в 1

лье под Эберсдорфом, и забрала на следующую ночь по условному сигналу. Он уже успел совершить много таких поездок, прибывая на остров и выезжая с него в солдатской одежде, смешиваясь с разными отрядами, которые постоянно отправлялись в Эберсдорф за продовольствием и материалами. Боясь, что если он останется один, то его разоблачат, он всегда был в людных местах и работал с солдатами на укреплениях. Он покупал еду у маркитантов, проводил ночи рядом с бивуаками, а на рассвете брал лопату, как будто отправляется на работу, и обходил весь остров, осматривая строительство, и наспех все зарисовывал, лежа среди ивовых ветвей. На следующую ночь он собирался сообщить обо всем австрийцам и вернуться продолжить наблюдения. Этого человека судил военный суд, который приговорил его к смерти. Шпион раскаивался в том, что служил врагам Франции, и император уже хотел смягчить его участь, когда, в надежде склонить императора сохранить ему жизнь, тот предложил обмануть эрцгерцога Карла, передавая ему ложные донесения о том, что он видел на острове, а потом рассказывать французам, что происходит у австрийцев. Новая подлость возмутила императора, он предоставил виновного его судьбе, и того расстреляли.

День большого сражения приближался. Наполеон собрал вокруг Эберсдорфа всю армию, прибывшую из Италии, корпуса маршалов Даву, Бернадотта, гвардию и превратил остров Лобау в огромную крепость с сотней пушек большого калибра и двумя десятками мортир. Три крепких моста на сваях, защищенных эстакадой, обеспечивали переправу войск через большой Дунай между Эберсдорфом и островом. Наконец, оставалось перебросить несколько малых мостов через единственный рукав, который отделял нас от левого берега.

Чтобы утвердить эрцгерцога Карла в том, что он опять будет пытаться перейти между Эсслингом и Асперном, Наполеон приказал вечером 1 июля восстановить за ночь небольшой мост, который служил нашему отступлению после Эсслингского сражения, и перебросить по нему на противоположный берег, в лес, две дивизии[80], застрельщики которых должны были привлечь внимание неприятеля именно к этому пункту. В это время все готовилось к атаке в направлении Энцерсдорфа. Трудно понять, как эрцгерцог Карл, окруживший Эсслинг и Асперн огромными фортификациями (там было 150 орудий), мог поверить, что Наполеон будет атаковать его в лоб: это значило бы взять быка прямо за рога!

Дни 2 и 3 июля прошли в подготовке и с той, и с другой стороны.

Французская армия, перейдя большой рукав Дуная по трем мостам у Эберсдорфа, сконцентрировалась на острове, где император собрал 150 тысяч человек. Эрцгерцог Карл, со своей стороны, собрал равные силы на левом берегу, где австрийские войска, выстроенные в две линии, образовывали огромную дугу, чтобы окружить берега, прилегающие к острову Лобау. На правом фланге неприятеля эта дуга упиралась в Дунай у Флорисдорфа, Шпица и Йедлерзее. В центре у австрийцев находились деревни Эсслинг и Асперн, сильно укрепленные и связанные одна с другой фортификационными сооружениями с многочисленной артиллерией. Наконец, левая часть дуги, образованная австрийской армией, находилась в Гросс-Энцерсдорфе с сильным отрядом в Мюльлойтене. Эрцгерцог Карл наблюдал за всеми пунктами острова Лобау, через которые мы могли выйти, но, так как он, неизвестно почему, был уверен, что Наполеон нападет на его центр, перейдя небольшой рукав Дуная между Эсслингом и Асперном, австрийский генералиссимус разместил все свои силы на широких равнинах, простирающихся от этих деревень до Дойч-Ваграма и Маркграфнойзидля, крупных селений, расположенных на ручье Руссбах. Берега этого ручья, весьма крутые и высокие, были очень удобны для обороны. Впрочем, у эрцгерцога Карла было мало войск справа и еще меньше слева, потому что он предписал своему брату эрцгерцогу Иоанну, командующему Венгерской армией, выйти из Прессбурга с 35-тысячным войском, которое было у него в распоряжении, и 5 июля утром находиться в Унтер-Зибенбрунне, чтобы там примкнуть к левому флангу второй линии главной австрийской армии[81]. Но эрцгерцог Иоанн не выполнил этого приказа.

Следуя инструкциям императора Наполеона, французская армия начала свою атаку 5 июля в девять часов вечера. В этот момент разразилась ужасная гроза. Ночь была совершенно темной, шел проливной дождь, раскаты грома сливались с раскатами нашей артиллерии, которая, защищенная от вражеских ядер бруствером, направила весь свой огонь на Эсслинг и Асперн, чтобы убедить эрцгерцога Карла, что мы собираемся атаковать этот участок. Туда он и обратил все свое внимание, совершенно не беспокоясь о Гросс-Энцерсдорфе, куда были нацелены наши основные силы.

Как только раздались первые пушечные выстрелы, маршала Массену, еще очень больного, усадили в небольшую открытую коляску, которую окружили его адъютанты, и он направился к тому месту, где должна была начаться атака. Вскоре к нам присоединился император. Он был очень весел и сказал маршалу: «Я очень рад этой грозе. Какая прекрасная ночь для нас!

Австрийцы не увидят нашу переправу у Энцерсдорфа и узнают об этом, только когда мы возьмем этот пункт, когда наши мосты будут установлены и часть моей армии закрепится на берегу, который, по их мнению, ими защищен…»

Действительно, храбрый полковник Сент-Круа высадился в тишине с 2500 гренадерами на вражеский берег напротив Энцерсдорфа. В этом месте лагерем стоял хорватский полк. Нападение было внезапным, но хорваты упорно защищались штыками. Наши гренадеры, подбадриваемые Сент-Круа, находящимся в самой гуще сражения, смяли врага, и он в беспорядке отступил к Энцерсдорфу. Перед этим населенным пунктом, окруженным зубчатой стеной, была проложена дамба, на которой находилась пехота, все входы на которую были прикрыты земляными укреплениями — флешами. Взять это селение было трудно, так как от выстрелов сразу загорелись дома. В результате гарнизон с минуты на минуту мог быть поддержан бригадой генерала Нордманна, размещавшейся немного сзади, между Энцерсдорфом и Мюльлойтеном. Но никакие препятствия не смогли остановить Сент-Круа: во главе своих гренадеров он захватил внешние укрепления, сам преследовал врага. И вот уже французы вперемешку с неприятелем ворвались на редан, прикрывающий Южные ворота. Ворота были закрыты. Солдаты Сент-Круа взломали их под градом пуль, сыпавшихся из бойниц городской стены. Захватив этот проход, полковник и его храбрые солдаты устремились прямо в город. Защищающий его гарнизон, ослабленный огромными потерями, укрылся в замке. Но при виде лестниц, которые Сент-Круа стал готовить для штурма, австрийский командир капитулировал. Так Сент-Круа, действия которого делают ему большую честь, овладел Энцерсдорфом к большому удовлетворению императора. Стремительный захват Энцерсдорфа отлично вписывался в его планы. Он тут же приказал перебросить восемь мостов через небольшой рукав Дуная между Лобау и Энцерсдорфом.

Первый из этих мостов был новой конструкции, которую придумал сам император. На вид он казался сделанным из одного куска, а на самом деле состоял из четырех секций, соединенных шарнирами, что позволяло ему изгибаться соответственно рельефу берега. Один из его концов крепился к прибрежным деревьям острова Лобау, в то время как с помощью троса, доставленного лодкой, другой конец моста тянули к противоположному берегу. Движимый течением, этот мост, поворачиваясь вокруг оси, закрепленной на берегу Лобау, мог быть использован сразу же, как только другой его край достигал

противоположного берега. Семь остальных мостов были полностью установлены через четверть часа, что позволило Наполеону быстро переправить на левый берег корпуса Массены, Удино, Бернадотта, Даву, Мармона, армию принца Евгения, артиллерийский резерв, всю кавалерию и гвардию.

В то время как император спешил воспользоваться взятием Энцерсдорфа, эрцгерцог Карл, все еще убежденный, что его противник хочет высадиться между Эсслингом и Асперном, терял время и боеприпасы, осыпая градом ядер и снарядов часть острова Лобау, расположенную напротив этих двух деревень, думая, что наносит большой урон французским войскам, которые, по его мнению, были собраны в этом месте. На самом деле эти снаряды не производили никакого эффекта. В этом месте у нас были только одиночные разведчики, находящиеся под защитой земляных укреплений, в то время как основные войска, собранные напротив Энцерсдорфа, переходили через рукав Дуная. 5 июля утром австрийский генералиссимус был поражен, когда, направляясь на старое поле боя между Эсслингом и Асперном, где он рассчитывал сразиться с нами с большим преимуществом, он увидел, что французская армия уже обошла его левое крыло и движется на Заксенганг, которым она вскоре и завладела. Застигнутый врасплох слева и угрожаемый с тыла, эрцгерцог Карл был вынужден выполнить сильное движение назад к речке Руссбах, отступая перед Наполеоном, в то время как наши войска развертывались в боевом порядке на огромной открытой перед ними равнине.

Чтобы не быть застигнутыми врасплох эрцгерцогом Иоанном в случае, если тот прибудет из Венгрии и появится у нас справа, в Унтер-Зибенбрунне, император выслал туда три сильные кавалерийские дивизии и несколько батальонов, поддерживаемых легкой артиллерией. Эти войска должны были остановить первые атаки эрцгерцога Иоанна до прибытия подкреплений. Основная же часть армии и ее правый фланг, состоящий из корпуса Даву, была направлена на Глинцендорф и к Руссбаху. Центр состоял из баварцев и вюртембержцев, корпусов Удино, Бернадотта и Итальянской армии. Левый фланг, под командованием Массены, двигался вдоль рукава Дуная в направлении Эсслинга и Асперна. Каждый из этих корпусов должен был во время продвижения занимать деревни, находящиеся перед ним. Резерв состоял из корпуса Мармона, трех кирасирских дивизий, многочисленной артиллерии и всей Императорской гвардии. Генерал Рейнье с одной пехотной дивизией и многочисленными артиллеристами оставался охранять остров Лобау, расположившись возле восстановленного старого моста, служившего нам во время

Эсслингского сражения.

После ужасной ночи наступил прекрасный день. Французская армия шла торжественно, в парадной форме, в идеальном порядке. Впереди двигалась огромная артиллерия, уничтожающая все, что неприятель пытался ей противопоставить. Полки генерала Нордманна, составляющие левый фланг австрийцев, первыми попали под наши удары. Выбитые из Энцерсдорфа и из Мулляйтена, они попытались защитить Рашдорф, но были отброшены и оттуда. Сам генерал Нордманн погиб в бою. Этот офицер был родом из Эльзаса, служил полковником в гусарском полку Бершени. К неприятелю он перешел в 1793 году с частью своего полка, тогда же, когда это сделал Дюмурье. После этого он находился на австрийской службе.

Французская армия не встречала на своем пути никакого серьезного сопротивления, и мы заняли последовательно Эсслинг, Асперн, Брайтенлее, Рашдорф и Зюссенбрунн. До этого момента первая часть плана Наполеона удалась, потому что его войска перешли через последний рукав Дуная и заняли равнины левого берега. Однако ничего еще не было решено. Противник вместо того, чтобы собрать все свои силы на ручье Руссбах, совершил огромную ошибку, разделив их и отступая двумя расходящимися линиями — к Маркграфнойзидлю за Руссбахом и на высоты за Штаммерсдорфом, где войска правого крыла австрийцев находились слишком далеко от поля боя.

Позиция на Руссбахе была сильной. Она возвышалась над равниной и защищалась ручьем, хотя и не широким, но представляющим собой очень хорошее препятствие. Его берега были очень крутыми, пехота могла преодолеть его с большими трудностями, а у кавалерии и артиллерии не было другого перехода, как по мостам, расположенным в деревнях, занятых австрийцами. Так как Руссбах был ключевой позицией обеих армий, Наполеон решил овладеть им. Он приказал Даву атаковать Маркграфнойзидль, Удино — Баумерсдорф, Бернадотту — Дойч-Ваграм, а принц Евгений с помощью Макдональда и Ламарка должен был перейти ручей между этими двумя деревнями. Гвардейская конная артиллерия подавила своим огнем австрийские войска, но маршал Бернадотт во главе саксонцев провел такую вялую атаку на Ваграм, что она не удалась. Генералы Макдональд и Ламарк перешли Руссбах и на какой-то момент создали опасность для вражеского центра. Но эрцгерцог Карл, храбро бросившись в этот пункт со своими резервами, вынудил наши войска уйти обратно за ручей.

Передвижения сначала проводились в строжайшем порядке, но наступила ночь, и наши пехотинцы, которые только что

противостояли лобовой атаке австрийских шеволежеров[82], вдруг обнаружили позади себя французскую кавалерийскую бригаду, которую привел им на помощь генерал Сальм[83], но решили, что они отрезаны врагом. Это вызвало некоторый беспорядок: несколько саксонских батальонов начали стрелять по дивизии Ламарка. Однако со смятением, вызванным этими происшествиями, быстро справились. Атака маршала Удино на Баумерсдорф была отбита, поскольку была проведена очень несогласованно. Только маршал Даву добился успеха: он перешел Руссбах и обошел Маркграфнойзидль, собираясь овладеть этим городом, несмотря на очень сильную его оборону. Но наступившая ночь вынудила его приостановить атаку, и вскоре император приказал ему отойти на прежние позиции, чтобы не подвергаться опасности, оставшись изолированным за этой водной преградой.

Глава XXIII

Второй день. — Альтернативы сражения и разгром эрцгерцога Карла. — Размышления о сражении при Ваграме

Таковы были основные события 5 июля, которые были только подготовкой для решающего сражения следующего дня. Ночь прошла очень спокойно. У французской армии три обсервационные кавалерийские дивизии продолжали находиться справа у Леопольдсдорфа. Настоящий же правый фланг располагался у Гроссхофена. Наш центр находился у Адерклаа, а левый фланг — у Брайтенлее, что придавало нашему фронту форму угла, вершиной которого был Ваграм. Палатки императора и его гвардии стояли немного впереди Рашдорфа.

Если бросить взгляд на план битвы при Ваграме, видно, что правый край неприятеля от окрестностей Кампфендорфа шел по левому берегу Руссбаха до Хельмхофа, а оттуда через Зауринг к Штаммерсдорфу, и видно, что вражеский фронт образовывал таким образом вогнутый угол, вершина которого находилась также в Дойч-Ваграме. Это был основной пункт, которым хотел завладеть каждый из противников. Чтобы этого добиться, и тот и другой хотели обойти врага с левого фланга. Но эрцгерцог Карл, слишком растянув свою армию, был вынужден передавать только *письменные* приказы, которые плохо понимались или исполнялись, в то время как император, имея резервы под рукой, отдавал распоряжения, за исполнением которых он мог проследить сам.

6 июля, на рассвете, начались действия более энергичные, чем накануне. Но, к большому удивлению Наполеона, эрцгерцог Карл, который 5 июля ограничивался обороной, перешел в наступление и отбил у нас Адерклаа!.. Вскоре канонада зазвучала по всей линии фронта: на памяти людей, участвовавших в битве, не было сражения, в котором на поле боя было задействовано так много артиллерии. Число орудий обеих армий превышало 1200!

Левое крыло австрийцев, которым руководил лично эрцгерцог Карл, перейдя Руссбах, вышло тремя колоннами к Леопольдсдорфу, Глинцендорфу и Гроссхофену. Маршал Даву и кавалерия Груши энергично противостояли неприятелю и даже остановили его, когда Наполеон сам показался во главе большого резерва, спешащего к ним на помощь. Видя, что бой идет на правом краю его фронта, у Леопольдсдорфа, император подумал, что эрцгерцог Иоанн, прибыв из Венгрии, присоединился к неприятельской армии. Но принц Иоанн не только не появился у

нас справа, но, как потом узнали, он находился в этот момент в Прессбурге, в 8 лье от места сражения. Левое крыло австрийцев, лишенное поддержки, на которую они так надеялись, вскоре пожалело, что атаковало нас. Действительно, под давлением превосходящих сил австрийцы понесли здесь тяжелые потери, особенно от огня артиллерии, и были отброшены за Руссбах маршалом Даву, который перешел эту преграду с частью своих войск и двинулся по обоим берегам атаковать Маркграфнойзидль.

Император, успокоившись за правый фланг, возвратился в центр со своей гвардией. Он приказал Массене взять Адерклаа, в то время как Бернадотт должен был атаковать Ваграм, а Удино двинуться на Баумерсдорф. Адерклаа, за которую шла борьба, переходила из рук в руки, пока не осталась за австрийскими гренадерами, которых эрцгерцог Карл снова повел в атаку, одновременно бросив сильную кавалерийскую колонну на саксонцев Бернадотта, обратив их в бегство, да так, что они столкнулись с частями Массены и мгновенно расстроили их порядок.

Массена все еще передвигался в коляске. Неприятель, увидев посреди сражения эту повозку, запряженную четверкой белых коней, понял, что в ней могла находиться только очень важная персона, и направил туда град ядер. Маршал и его окружение попали под сильный удар. Вокруг нас лежали мертвые и умирающие. У капитана Барена, адъютанта Массены, оторвало руку, а полковник Сент-Круа был ранен одним из ядер.

Император, галопом примчавшись сюда, узнал, что эрцгерцог, пытаясь его обойти и даже окружить, продвинул свое правое крыло, занявшее уже Зюссенбрунн, Леопольдсдорф, Штадлау, и движется на Асперн, угрожая переправам у острова Лобау!.. Наполеон на минуту залезает в коляску к Массене, чтобы его лучше видели солдаты. При виде императора порядок восстановился. Он тотчас приказал Массене отодвинуть фронт назад, чтобы отвести весь левый фланг к Асперну, развернувшись фронтом к Хирштаттену. Затем тремя дивизиями Макдональда он укрепил участок, который оставил Массена. Эти перемещения прошли очень организованно, хотя и под беспрестанным неприятельским огнем артиллерии. После этого Наполеон, воспользовавшись огромным преимуществом, которое дало ему стягивание главных сил к центру, выдвинул вперед, чтобы поддержать Макдональда, не только сильные резервы пехоты, артиллерии и кирасир, но и Императорскую гвардию. Построенная в три линии, она заняла позиции за этими войсками.

Положение двух армий в этот момент было довольно странным. Их противостоящие фронты напоминали своей

конфигурацией две стоящие рядом буквы Z. Действительно, левый фланг австрийцев, расположенный в Маркграфнойзидле, отступал перед нашим правым флангом, тогда как оба центра удерживали друг друга, а наш левый фланг отступал вдоль Дуная перед правым флангом неприятеля. Обе стороны имели, казалось, равные шансы на успех. Однако эти шансы оказались на стороне Наполеона, прежде всего потому, что было более чем вероятно, что деревня Маркграфнойзидль, в которой единственным очагом сопротивления была башня старых укреплений, не могла долго продержаться против атак маршала Даву, атаковавшего со свойственной ему энергией. Легко было предсказать, что, как только Маркграфнойзидль будет взят, левый фланг австрийцев окажется подавленным нашими превосходящими силами и, не имея никакой поддержки, отступит, отделившись от центра, в то время как наш левый фланг, хотя и разбитый в этот момент, отодвинется к острову Лобау под прикрытие расположенных там артиллерийских батарей, способных помешать австрийцам развить свой успех. Кроме того, Наполеон занимал *концентрическую* позицию, что позволило ему, противостоя врагу с разных сторон, сохранить большую часть своих войск в резерве, в то время как эрцгерцог Карл, вынужденный растянуть свою армию, чтобы выполнить *эксцентрическое* движение, которым он надеялся нас окружить, не находил для этого достаточно сил ни в одном из пунктов. Император, заметив эту ошибку, сохранял полное спокойствие, хотя читал на лицах своего окружения беспокойство из-за победного марша правого крыла австрийцев. Действительно, это крыло гнало корпус Массены перед собой и находилось уже между Эсслингом и Асперном, на месте прежнего сражения 22 мая, и, уже разбив дивизию Буде яростной кавалерийской атакой, угрожало нашему тылу.

Но вскоре тревога улеглась — успех австрийцев продлился недолго, так как сто орудий большого калибра, которые Наполеон предусмотрительно установил на острове Лобау, открыли ужасный огонь по правому крылу неприятеля, и тому пришлось остановить свой триумфальный марш и, в свою очередь, отступить, иначе он был бы уничтожен. Тогда Массена смог перестроить свои дивизии, потери которых были значительны. Мы думали, что Наполеон, воспользовавшись беспорядком, произошедшим в правом крыле австрийцев из-за обстрела с острова Лобау, атакует его своими резервами: маршал Массена даже послал меня к нему за распоряжениями на этот счет. Но император, оставаясь бесстрастным, со взглядом, устремленным к правому краю, на Маркграфнойзидль, который стоял на возвышенности, увенчанной высокой башней, заметной со всех

точек поля боя, ждал, пока Даву, разбив левый фланг австрийцев, не отбросит их за Маркграфнойзидль, бдительно охраняемый принцем Гессен-Хомбургским, раненным во время этого боя.

Вдруг мы увидели, как дым от пушек маршала Даву поднимается за башней Маркграфнойзидля… Сомнений не оставалось: левый фланг австрийцев побежден!.. Тогда император, повернувшись ко мне, сказал: «Спешите сказать Массене, что он должен обрушиться на всех, кто находятся перед ним, и сражение выиграно!..» В тот же момент адъютанты различных корпусов были тоже посланы к своим командирам с приказом об общей одновременной атаке. И в этот торжественный момент император Наполеон сказал генералу Лористону: «Возьмите сто орудий, шестьдесят — из моей гвардии, и разбейте врага». Эта прекрасная батарея сломила австрийцев, а маршал Бессьер атаковал их шестью полками карабинеров и кирасир, которых поддерживала часть гвардейской кавалерии. Напрасно эрцгерцог Карл строил свои войска в многочисленные каре, их сминали, они теряли орудия и большое количество людей. Пехота нашего центра под командованием Макдональда тоже выступила вперед. Деревни Зюссенбрунн, Брайтенлее и Адерклаа были взяты после упорного сопротивления.

А в это время маршал Массена не только снова овладел тем участком, с которого ушел наш левый фланг, но, энергично наступая на врага, он отбросил его за деревни Штадлау и Кагран.

Наконец, маршал Даву с поддержкой Удино занял все высоты за Руссбахом и овладел Дойч-Ваграмом! С этого момента сражение австрийцами было проиграно, они начали отступать по всему фронту, в полном порядке отходя в сторону Моравии через Зауринг, Штаммерсдорф и Штреберсдорф.

Императора упрекали в том, что он не преследовал побежденных со своей обычной энергией. Но эта критика необоснованна, так как многие важные причины помешали Наполеону быстро направить свои войска в погоню за врагом. Прежде всего, как только австрийцы пересекли большую Моравскую дорогу, они оказались на очень пересеченной местности с лесистыми холмами, оврагами и ущельями, над которыми возвышались покрытые лесом Бизамбергские горы, давшие австрийцам прекрасную возможность обороняться. Эти оборонительные позиции было очень трудно взять, тем более что у эрцгерцога Карла оставались значительные силы, включавшие все его гренадерские батальоны и многие дивизии, не участвовавшие в сражении. Этот мощный арьергард, поддерживаемый сильной артиллерией, мог оказать значительное сопротивление, которое, затянувшись, привело бы к *ночному*

сражению, шансы на победу в котором всегда ненадежны, что могло бы скомпрометировать победу, одержанную императором.

Во-вторых, чтобы французская армия собралась 4 июля на острове Лобау, корпуса, стоящие в верховье Дуная и на границе Венгрии, должны были двинуться к месту сбора уже 1 июля, совершая форсированные марши, за которыми, без отдыха и при сильной жаре, последовало сражение, длящееся ночь и два дня. Наши войска очень устали, в то время как стоящие лагерем больше месяца возле острова Лобау австрийцы испытали только тяготы битвы. Все преимущества, следовательно, были бы на стороне эрцгерцога, если бы мы атаковали его в той сильной позиции, которую он занял на труднодоступных высотах.

Третья, и самая главная, причина смирила пыл Наполеона и заставила его дать отдых своим войскам и собрать их на том месте, на котором проходило сражение. Генералы легкой кавалерии, поставленной для наблюдения в Леопольдсдорфе, за крайним правым флангом, предупредили его о появлении 35–40-тысячного неприятельского корпуса, который шел из Венгрии под командованием эрцгерцога Иоанна и вышел к Унтер-Зибенбрунну, то есть в наш теперешний тыл, образовавшийся после изменения фронта, произведенного двумя армиями. Сильный резерв, сохраненный императором, мог бы, конечно, отбросить и разбить эрцгерцога Иоанна, но надо признать, что из осторожности Наполеон не направил свои войска против крепких позиций, которые эрцгерцог Карл был настроен упорно оборонять, при том что сам Наполеон мог быть атакован с тыла эрцгерцогом Иоанном во главе многочисленного корпуса, который еще не сделал ни выстрела.

Император приказал прекратить преследование врага и стать лагерями так, чтобы одна часть армии была обращена в ту сторону, где находился корпус эрцгерцога Иоанна, и была готова его как следует встретить, если бы тот осмелился выйти на равнину. Но тот, опасаясь вступить в контакт с нашими победоносными войсками, поспешил отступить и снова уйти в Венгрию. Очень может быть, что, если Наполеон стал бы преследовать побежденных со своей обычной энергией, трофеи сражения при Ваграме были бы еще значительнее. Но его осторожность заслуживает только похвалы, учитывая причины, по которым он остановился. Если бы он всегда действовал с такой осторожностью, он бы избежал многих бед для Франции и для себя самого.

По решению императора его победоносная армия могла наконец отдохнуть в течение нескольких часов. Она заняла следующую позицию: левое крыло — в Флорисдорфе, центр —

перед Герарсдорфом, а правый фланг — за Руссбахом. Императорские палатки стояли между Адерклаа и Рашдорфом. Штаб Массены размещался в Леопольдау. Наполеон приказал восстановить старый Шпицкий мост, и армия получила прямое сообщение с Веной, что облегчало перевозку раненых в госпитали и доставку продовольствия и боеприпасов.

Австрийцы упрекали эрцгерцога Иоанна за опоздание и небрежность, с которой он исполнял приказы эрцгерцога Карла. Эти упреки обоснованны. Действительно, с вечера 4 июля эрцгерцог Карл предписал своему брату тотчас же выйти из Прессбурга и отправиться на Унтер-Зибенбрунн, чтобы там присоединиться к левому флангу австрийских войск. Эрцгерцог Иоанн получил этот приказ 5 июля в четыре часа утра, а двинулся в путь только в одиннадцать часов вечера, и его выступление было таким медленным, что, хотя ему надо было проделать только 8 лье, он дошел до Унтер-Зибенбрунна только через двадцать часов после выхода из Прессбурга, то есть 6 июля в семь часов вечера, когда сражение было уже проиграно и австрийцы уже вовсю отступали. Эрцгерцог Карл никогда не простил своему брату неисполнение этих приказов: Иоанн потерял командование и был отправлен в Штирию[84].

Поскольку преследования не было, потери австрийцев были гораздо менее значительными, чем могли бы быть. Однако они насчитывали 24 тысячи убитыми и ранеными. Было убито три генерала. Один из них, Букассович, военачальник, обладающий большими достоинствами, отличился в свое время в Италии в сражениях с Бонапартом. Два других, Нордманн и д'Аспр, были французами, обратившими оружие против своей страны.

По сведениям бюллетеней, мы взяли 20 тысяч пленных и 30 пушек, но я думаю, что эти цифры несколько завышены, ведь мы захватили только несколько знамен. Наши потери убитыми и ранеными примерно равнялись потерям неприятеля. Генералы Лакур, Готье и Ласалль и семь полковников были убиты. У неприятеля десять военачальников были ранены, среди них сам эрцгерцог Карл. Число наших, включая маршала Бессьера, доходило до 21. Среди 12 раненых полковников было трое, которых император особенно любил: Домениль, Корбино и Сент-Круа. Двое первых служили в полку конных егерей гвардии, и оба лишились ноги; император осыпал их благодеяниями. Что же до Сент-Круа, ядро только задело его ногу, рана не была серьезной. Его друзья порадовались этому, однако, если бы ему провели ампутацию, он, может, был бы еще жив, как его славный брат Робер, оставивший свою ногу в битве при Москве-реке!

Хотя Сент-Круа было только 27 лет и полковником он стал

два месяца назад, император назначил его бригадным генералом и дал ему титул графа, 20 тысяч франков ренты, большой крест ордена Гессена и звание командора ордена Бадена. Вечером, в день сражения, император, желая наградить за службу Макдональда, Удино и Мармона, вручил каждому из них маршальский жезл. Но не в его власти было наградить их талантом полководцев: храбрецы и прекрасные генералы — исполнители в руках Наполеона, очутившись вдали от него, с трудом могли создать план кампании, исполнить или изменить его в зависимости от обстоятельств. В армии говорили, что император не мог заменить Ланна и решил взять вместо него троих. Это суждение было суровым, но надо признать, что эти три маршала внесли свой, часто неудачный, вклад в кампаниях, приведших к падению Наполеона и разорению страны.

Глава XXIV

Генерал Ласалль. — Происшествия во время сражения под Ваграмом и различные замечания. — Бернадотт впадает в немилость

Император и вся армия очень сожалели о генерале Ласалле, убитом в сражении под Ваграмом. Это был офицер легкой кавалерии, он хорошо вел авангардные бои и обладал прекрасной наблюдательностью и глазомером. В один миг он мог обозреть всю местность и редко ошибался. Его рапорты о вражеской позиции были ясными и точными.

Ласалль был красив и остроумен, был хорошо образован и воспитан, но вел себя как шалопай. Он пил, ругался, орал песни, все разбивал, был заядлым игроком. Он был прекрасным наездником, его храбрость граничила с дерзостью.

Однако, хотя он уже участвовал в первых революционных войнах, его мало знали до знаменитой кампании 1796 году в Италии, когда простой капитан второго 7-го гусарского полка[85] был замечен главнокомандующим Бонапартом в сражении при Риволи. Известно, что это сражение проходило на возвышенном плато, где с одной стороны склон был крутым и скалистым, а внизу, вдоль тирольской дороги, протекала река Адидже. Разбитые французской пехотой австрийцы уходили с поля боя всеми возможными путями. Одна из их колонн надеялась ускользнуть, пройдя через скалы до следующей долины. Но Ласалль с двумя эскадронами последовал за ней в это труднопроходимое место. Напрасно его убеждали, что невозможно использовать кавалерию на таком опасном участке. Он галопом устремился по спуску, и его гусары последовали за ним. Удивленный неприятель ускорил бегство, но Ласалль настиг его и захватил несколько тысяч пленных. Все это он проделал на глазах генерала Бонапарта и армии, с восхищением наблюдавших с соседних холмов за такой храбростью.

С того дня Ласалль стал одним из фаворитов Бонапарта, который быстро его продвигал по службе, взял с собой в Египет, где сделал полковником. В одной из многочисленных схваток с мамлюками у Ласалля порвался темляк, удерживающий саблю на запястье. Этот офицер в самый разгар схватки спокойно спешился и, не обращая внимания на опасность, поднял свое оружие, быстро вскочил в седло и вновь бросился на врага! Надо побывать в кавалерийском сражении, чтобы оценить, сколько мужества, хладнокровия и ловкости для этого требуется, особенно находясь

в нем против таких кавалеристов, какими являлись мамлюки.

У Ласалля была связь с одной дамой, француженкой высокого происхождения. Во время его пребывания в Египте их переписка была перехвачена англичанами, затем скандально опубликована их правительством. К этому поступку даже в Англии все отнеслись с осуждением. За этим скандалом последовал развод дамы. Вернувшись в Европу, Ласалль женился на ней. Став генералом, Ласалль был поставлен императором во главе авангарда Великой армии. Он отличился в Аустерлицкой кампании, а особенно в Прусской, где с двумя гусарскими полками с неслыханной дерзостью он подошел к крепости Штеттин и вынудил ее сдаться!.. Испуганный губернатор поспешил вынести ему ключи!.. Если бы этот губернатор закрыл ими все ворота крепости, вся кавалерия Европы не могла бы ее взять, но об этом он даже не подумал! Как бы там ни было, сдача Штеттина принесла славу Ласаллю и бесконечно увеличила к нему симпатию Наполеона. Император баловал его безмерно, смеялся над всеми его проделками и всегда платил его долги. Когда Ласалль собирался жениться на разведенной даме, о которой я рассказывал, Наполеон дал ему 200 тысяч франков из своей кассы. Через неделю он встретил его в Тюильри и спросил: «Когда свадьба?» — «Сир, она состоится, когда у меня будет на что купить свадебные подарки и мебель». — «Как! На прошлой неделе я дал тебе 200 тысяч франков… Куда же ты их дел?» — «Половина ушла на оплату долгов, а остальные я проиграл!..» Подобное признание стоило бы карьеры любому другому генералу, но император только улыбнулся, потрепал Ласалля за ус и приказал маршалу Дюроку выдать ему еще 200 тысяч франков.

В конце сражения при Ваграме Ласалль, чья дивизия еще не была задействована, попросил Массену разрешить ему преследовать врага. Мар шал согласился при условии, что тот будет действовать *осмотрительно.* Но как только Ласалль пустился в погоню, он увидел отставшую пехотную бригаду неприятеля, которая, видя, что ее настигают, торопилась дойти до Леопольдау, чтобы там сдаться по всем правилам, так как в поле она опасалась ярости победителей. Ласалль разгадал намерение австрийского генерала и, опасаясь, что неприятель ускользнет от его кавалерии, сказал своим людям, указывая на близкое к закату солнце: «Сражение скоро закончится, а мы единственные, кто ничего не сделали для победы! Вперед, за мной!..» С саблей наперевес он устремился вперед, за ним его эскадроны, и, чтобы помешать вражеским батальонам войти в деревню, генерал бросился в очень узкое пространство, которое еще оставалось

между Леопольдау и головной колонной австрийцев. Видя, что их отрезают от убежища, куда они стремились, те остановились и открыли яростный непрерывный огонь. Пуля попала Ласаллю прямо в голову, и он упал замертво!.. Его дивизия потеряла сотню кавалеристов, и многие были ранены. Австрийские батальоны проделали себе проход и заняли поселок. Но при подходе наших пехотных дивизий они сложили оружие, и их командиры заявили, что таково и было их намерение и именно для этого они спешили в Леопольдау; Атака Ласалля была бесполезной, он дорого заплатил, чтобы его имя упомянули в бюллетене!

Его смерть нанесла большой урон легкой кавалерии, в которой он очень улучшил военную подготовку. Но с другой стороны, он нанес ей и вред, так как солдаты имитировали недостатки и плохие стороны своих любимых командиров, приводящих их к победе. Пример генерала Ласалля был вреден для легкой кавалерии, где подобные традиции укоренились надолго. Какой же это егерь, а тем более гусар, если, по примеру Ласалля, он не скандалист, не сквернослов, не смутьян и не любитель выпить!.. Многие офицеры копировали недостатки этого генерала, но никто из них не имел тех качеств, из-за которых Ласаллю прощалось все.

Когда сражение происходит летом, часто от снарядов и пыжей загораются зреющие хлеба. Но из всех сражений империи больше всего таких пожаров было при Ваграме. В том году все созревало рано, стояла ужасная жара, и местность, на которой мы вели сражение, была огромной равниной, полностью покрытой посевами. Накануне жатвы хлеба горят очень легко, и, занявшись в одном месте, огонь распространяется с невероятной быстротой, и армиям часто приходилось изменять маршруты своих передвижений, чтобы избежать этого разрушительного бедствия. Горе тем войскам, которых застигал этот огонь! Порох в сумках и в зарядных ящиках воспламенялся и нес смерть в плотных рядах солдат. Целые батальоны и даже полки спасались от пожаров, перебегая на места, где посевы уже сгорели. Но таким убежищем могли воспользоваться только здоровые люди.

Много тяжелораненых погибло в огне, а среди тех, до кого пожар не дошел, очень многим пришлось провести несколько дней на поле битвы, где их скрывали высокие колосья, зернами которых они все это время питались. Император послал потом на равнину кавалерийские отряды с повозками, которые смогли собрать в Вене, и они подбирали раненых, не делая различия между своими и чужими. Но почти все застигнутые пожаром раненые погибли, и солдаты говорили, что горящая солома погубила почти столько же людей, сколько и огонь сражения.

Два дня, которые длилась битва, были полны тревоги для жителей Вены. От армий их отделял только Дунай, и они не только слышали грохот пушек и ружей, но прекрасно видели маневрирование сражающихся сторон. Крыши и колокольни Вены, а особенно возвышенности над этим городом и правым берегом были покрыты людьми, которые переходили от страха к надежде, в зависимости от хода сражения. Какая редкая и великолепная панорама открывалась взору этих зрителей!.. 300 тысяч солдат вели бой на огромной равнине!..

Известный и очень остроумный фельдмаршал князь де Линь, хотя уже и в преклонном возрасте, собрал высшее общество Вены в своем загородном доме, расположенном на вершине холма, откуда было видно все поле боя. Военный ум и опыт позволили ему быстро понять замысел Наполеона и ошибки эрцгерцога Карла, которому он предсказал поражение. По событиям 5 июля еще нельзя было судить об исходе дела, но когда 6-го жители Вены увидели, как правый фланг австрийской армии теснит наш левый фланг, который уступает им все большие участки, их охватила бурная радость. В подзорные трубы мы видели, как тысячи мужчин и женщин махали шляпами и платками, чтобы подбодрить свои войска, одерживающие в этом месте победу. Князь де Линь не разделил радости венцев, и я знаю от одного человека, который тогда находился у старого вояки, что он сказал своим гостям: «Рано радоваться, меньше чем через четверть часа эрцгерцог Карл будет разбит, так как у него нет резервов, а вы видите, что резервы Наполеона заполняют равнину». Последующие события подтвердили это предсказание.

Так как надо воздать должное всем, даже противнику, то после критики действий эрцгерцога Карла при Ваграме я должен сказать, что его промахи можно объяснить ожиданием прихода эрцгерцога Иоанна с 35–40-тысячной армией, которая должна была обрушиться на наш правый фланг и даже тыл. Надо также признать, что эрцгерцог Карл очень энергично выполнял свой план, выказал большое личное мужество, а также способность поддерживать моральный дух своих солдат. Я приведу замечательный пример.

Известно, что кроме командующего полковника в каждом полку есть полковник-владелец, чье имя носит полк. Обычно это принц или военачальник, со смертью которого полк переходит к другому человеку. Таким образом, эти полки часто меняют названия, будучи вынуждены оставить имя, которое они прославили в двадцати сражениях, и взять новое, совершенно неизвестное. Так, драгуны Латура, прославившиеся в первые войны Революции, чья слава гремела по всей Европе, должны

были со смертью генерала Латура взять имя генерала Винсента, что разрушало прекрасную традицию и глубоко уязвляло честолюбие этого полка, значительно снижая его боевой дух. Случилось так, что в первый день Ваграмского сражения эрцгерцог Карл, видя, что центр его армии вот-вот дрогнет под ударами Удино, хотел его остановить кавалерийскими атаками.

Драгуны Винсента находились у него под рукой. Он послал их в атаку. Но они атаковали вяло, были отброшены, и французы продолжили наступление! Принц снова послал этот полк, который опять отступил перед нашими батальонами! Австрийский фронт был прорван!.. Видя эту опасность, эрцгерцог поспешил к драгунам, остановил их отступление и, чтобы заставить их устыдиться своей слабости, сказал: «Драгуны Винсента! Видно, что вы уже не драгуны Латура!» Полк, оскорбленный таким хлестким, хотя и заслуженным упреком, ответил: «Мы еще драгуны Латура!» Тогда принц гордо поднял шпагу и воскликнул: «Ну что ж! Чтобы показать, что вы еще достойны прошлой славы, за мной!» И хотя его задела французская пуля, он устремился на французов! Полк Винсента последовал за ним в беспримерном порыве. Атака была ужасной, и гренадеры Удино отступили, понеся значительные потери. Так умный и энергичный командующий умеет любыми способами поднять боевой дух своих войск[86].

Призыв эрцгерцога Карла настолько подстегнул драгун Винсента, что, остановив Удино, они обрушились на дивизию Ламарка и отбили 2 тысячи пленных и пять знамен, которые та захватила у австрийцев! Эрцгерцог Карл поздравил драгун и сказал: «Теперь вы с гордостью будете носить имя Винсента, которое вы прославили так же, как и имя Латура!» Этот же полк на следующий день многое сделал для разгрома пехотной дивизии генерала Буде[87].

В сражении при Ваграме было множество эпизодов, самый значительный из которых не был передан ни одним из авторов, хотя в тот момент он произвел сенсацию и в армии, и среди населения. Я говорю о маршале Бернадотте, которого император прогнал с поля боя! Эти два известных человека никогда не питали особой симпатии друг к другу, а со времени заговора в Ренне, замышляемого Бернадоттом против консульского правления, им было трудно находиться вместе. Несмотря на это, Наполеон, став императором, сделал Бернадотта одним из первых маршалов и дал ему титул князя Понте-Корво по протекции своего брата Жозефа Бонапарта, на свояченице которого Бернадотт женился. Но ничто не могло смягчить ненависть и зависть, испытываемые этим военачальником к Наполеону.

Бернадотт льстил ему, когда находился в его присутствии, но затем критиковал и осуждал все его поступки, что, впрочем, императору было известно.

Умение и храбрость, проявленные Бернадоттом под Аустерлицем, заставили было императора забыть о таком поведении, если бы Бернадотт не усугубил его в сражении при Йене, где, несмотря на просьбы его генералов, он оставил три свои дивизии в полном бездействии, не желая прийти на помощь маршалу Даву, который на расстоянии 1 лье от него один удерживал под Ауэрштедтом половину прусской армии! Даву, брошенный своим товарищем, не только с честью сопротивлялся, но и разбил всех своих противников! Армия и Франция возмутились поведением Бернадотта. Император ограничился тем, что сурово его отчитал, что немного оживило усердие этого маршала, который был неплох при Галле и Любеке. Но затем он снова стал вялым, проявляя даже явное нежелание действовать: он прибыл к Эйлау только через два дня после сражения, несмотря на все полученные им приказы.

Эта небрежность вызвала недовольство императора, которое еще больше усилилось во время кампании 1809 года, где Бернадотт, командуя корпусом, состоящим из саксонских частей, прибывал всегда слишком поздно, действовал медленно и критиковал не только действия императора, но и маршалов. Такое отношение раздражало Наполеона. Тем не менее он сдерживался, даже когда 5 июля, в первый день сражения; при Ваграме, вялость и неверные распоряжения Бернадотта позволили австрийцам забрать обратно деревню Дойч-Ваграм, обладание которой было очень важно для исхода боя.

Кажется, именно после этого Бернадотт сказал в одной группе офицеров, «что переходом через Дунай и действиями последующего дня руководили плохо и что если бы командовал он, то он *умелым маневром* и почти без сражений вынудил бы эрцгерцога Карла сложить оружие». В тот же вечер эти слова были переданы императору, который был ими возмущен. Таковы были отношения между Наполеоном и Бернадоттом, когда 6 июля между двумя армиями начались памятные сражения.

Мы видели, что в самый разгар действий саксонцы, которыми плохо командовал Бернадотт, были отброшены и что под атакой вражеской кавалерии они в беспорядке бросились на корпус Массены и в своем бегстве чуть было не увлекли его за собой. Саксонцы храбры, но и лучшие войска могут дрогнуть и отступить. Но есть правило, что в подобном случае командиры не должны пытаться остановить тех солдат, которые находятся в пределах досягаемости неприятельских сабель и штыков, потому

что это почти невозможно. Генералы и полковники должны быстро оказаться впереди отступающих солдат и, обернувшись к ним лицом, своим присутствием и своими словами остановить отступление, вновь сформировать батальоны и оказать сопротивление врагу. Чтобы выполнить это правило, Бернадотт, чье личное мужество не ставится под сомнение, пропустил поток своих бегущих частей и, в сопровождении своего многочисленного штаба, устремился галопом на равнину, чтобы опередить и остановить отступающих. Но едва он вырвался из этой отчаянно кричащей толпы, как столкнулся лицом к лицу с императором, который с иронией произнес: «И этим *умелым маневром* вы намереваетесь заставить эрцгерцога Карла сложить оружие?..» Бернадотт, и так уже раздосадованный тем, что его армия бежит, испытал еще больше эмоций, услышав, что император знает об опрометчивых словах, произнесенных им накануне. Он был поражен!.. Затем, немного придя в себя, он начал бормотать какие-то объяснения, но император сказал громко и сурово: «Я отстраняю вас от командования, которое вы так недобросовестно выполняете!.. Уйдите с моих глаз, и чтобы через сутки вас не было в Великой армии. Мне не нужен такой растяпа!..» Сказав это, Наполеон повернулся спиной к маршалу и тут же взял на себя непосредственное командование саксонцами, восстановил в их рядах порядок и снова повел на врага!

При любых обстоятельствах Бернадотт был бы, конечно, огорчен таким оборотом дела, но вдобавок ко всему его прогнали именно в тот момент, когда он скакал во главе отступающих, что могло породить сомнение в его мужестве, хотя он как раз собирался остановить своих солдат. Он понял, что его положение осложняется этим еще больше, и, как рассказывают, в отчаянии хотел устремиться к врагу и найти смерть на его штыках…

Адъютанты удержали его и отвели в сторону от саксонских войск. Целый день он бродил по полю боя. Наконец к вечеру он остановился за линией нашего левого фланга в деревне Леопольдау, где офицеры убедили его провести ночь в небольшом красивом замке, находящемся поблизости. Но едва он там устроился, как туда прибыл Массена, чей корпус окружал Леопольдау. Массена намеревался занять этот замок и устроить там свой штаб. А так как по военному обычаю маршалы и генералы располагаются среди своих войск и никогда не размещаются в поселениях, где находятся полки под командованием их товарищей, Бернадотт хотел уступить место Массене. Тот еще не знал о произошедших с его товарищем неприятностях и настойчиво просил Бернадотта остаться и разделить с ним кров, как они часто это делали во время

Итальянской кампании. Бернадотт согласился. Но пока обустраивали жилье, один офицер, бывший свидетелем сцены между императором и Бернадоттом, рассказал обо всем Массене. Узнав о скандальной немилости своего коллеги, Массена изменил мнение и счел, что дом слишком мал, чтобы в нем разместились два маршала со своими штабами. Изображая благородство, он сказал своим адъютантам: «Этот дом принадлежит мне по праву, но, поскольку бедняга Бернадотт оказался в таком положении, я ему уступаю. Найдите мне другое жилье, пусть это будет даже сарай…» Затем он сел в коляску и уехал из замка, даже не предупредив Бернадотта, которого такой поступок очень задел.

Отчаяние толкнуло его совершить еще одну серьезную ошибку. Хотя он больше не командовал саксонцами, он адресовал им приказ, в котором расхваливал их подвиги, а следовательно, и свои, не дожидаясь, когда, по военному обычаю, главнокомандующий армией определит каждому его долю славы. Это нарушение устава еще больше распалило гнев императора, и Бернадотту пришлось покинуть армию. Он вернулся во Францию.

Среди замечательных происшествий под Ваграмом я должен рассказать также о сражении двух кавалерийских полков, которые, хотя и служили в противоположных армиях, принадлежали одному и тому же полковнику-владельцу — герцогу Альберту Саксен-Тешенскому. Он женился на известной эрцгерцогине Кристине Австрийской, правительнице Нидерландов. Поскольку герцог имел титул принца в двух государствах, у него был гусарский полк в Саксонии и кирасирский полк в Австрии. Тот и другой носили его имя, и, по обычаю этих государств, он сам назначал офицеров на все посты в этих полках. То долгое время, когда Австрия и Саксония жили мирно, для назначения какого-либо офицера герцогу Альберту достаточно было выбирать любой из этих полков, где была в данный момент вакансия. Таким образом, члены одной семьи могли служить в разных полках: одни — в саксонских гусарах герцога Альберта, другие — в австрийских кирасирах герцога Альберта. Но так необычайно и печально сложились обстоятельства, что эти два полка оказались друг против друга на поле боя при Ваграме, где, движимые долгом и честью, атаковали друг друга. Примечательно, что кирасиры были смяты гусарами, которые сражались очень энергично, так им хотелось загладить двойное поражение саксонской пехоты в глазах императора и всей армии! Саксонская пехота, хотя и доказывала неоднократно свою храбрость, была намного хуже составлена и обучена, чем саксонская кавалерия, справедливо считавшаяся одной из лучших в Европе.

Глава XXV

Что произошло со мной в сражении при Ваграме. — Ссора с Массеной. — Взятие Холлабрунна и вступление в Гунтерсдорф

Прочитав описание некоторых эпизодов, которыми я счел необходимым сопроводить краткий рассказ о битве при Ваграме, вам, может, будет интересно узнать, что же происходило в этом жестоком сражении лично со мной.

Мне повезло уже в том, что я не был ранен, хотя часто оказывался в крайне опасной ситуации, особенно на второй день, когда неприятельская артиллерия направила почти весь свой огонь на коляску маршала Массены. Нас осыпал буквально град ядер, и многие пали вокруг меня. Я также избежал большой опасности, когда австрийская кавалерия смяла и обратила в бегство дивизию Буде: маршал послал меня к этому генералу, затерявшемуся среди десяти тысяч бегущих людей, которых кавалерия рубила нещадно!.. Кроме того, я часто подвергался опасности, когда, относя приказы, мне надо было объезжать пожары, которыми во многих местах были охвачены поля на равнине. Мне приходилось лавировать, я избежал огня, но передвигаться по полям, на которых после пожаров тлела солома, было почти невозможно, так она обжигала ноги лошадям. Две мои лошади вышли из строя из-за ожогов, и одна из них мучилась так, что готова была сбросить меня в это догорающее жнивье. Но я все же вышел из этого положения без серьезных происшествий. Хотя меня не тронули ни пожары, ни свинец, ни вражеская сабля, со мной произошла неприятность, последствия которой стали для меня очень печальными. На второй день сражения я совершенно рассорился с Массеной. Вот как это произошло.

Маршал послал меня с поручением к императору, которого я нашел с большим трудом. Когда я вернулся, проскакав больше 3 лье по горячему пеплу еще тлеющих полей, моя лошадь, совершенно выбившаяся из сил и с обожженными ногами, не могла больше двигаться. Массену я застал в большом затруднении. Его корпус был значительно потеснен правым флангом неприятеля и отступал вдоль Дуная. Пехотинцы дивизии Буде, атакованные и смятые австрийской кавалерией, рубившей их без устали, бежали, как попало, по огромной равнине! Это был критический момент сражения.

Со своей коляски маршал видел неминуемую опасность, которая нам угрожала, но спокойно отдавал распоряжения, чтобы удержать в порядке три пехотные дивизии, которые еще не

вступили в бой. Для этого ему нужно было послать адъютантов к своим генералам, а рядом с ним был только молодой лейтенант Проспер Массена, его сын. И вот он заметил, что солдаты дивизии Буде, преследуемые австрийской кавалерией, устремились к этим трем дивизиям. Они могли, ворвавшись в их ряды, увлечь их за собой! Чтобы предупредить катастрофу и повернуть поток беглецов, маршал хотел передать приказ генералам и офицерам направить бегущих к острову Лобау, где сильная артиллерия могла прикрыть расстроенные войска. Поручение было опасным, очень вероятно, что адъютант, который отправится в самую гущу этой беспорядочной массы, будет атакован и может попасть под сабли неприятельских кавалеристов. Маршал не мог решиться подвергнуть своего сына очевидной опасности, однако рядом с ним был только один офицер, а приказ было необходимо передать!

Я появился очень кстати, чтобы вывести Массену из жестокого затруднения, в котором он находился. Не дав мне вздохнуть, он приказал мне тотчас же броситься навстречу этой опасности, которой он не хотел подвергать сына. Но, видя, что моя лошадь едва стоит, он дал мне одну из своих, которую подвел мне его денщик. Я хорошо знал, что такое военный долг, и понимал, что маршал или генерал может не соблюдать правило, установленное между его адъютантами, — выполнять поручения по очереди, независимо от их опасности. В некоторых обстоятельствах командир может выбрать офицера, которого он считает более пригодным для выполнения его приказа. И хотя за весь день Проспер выполнил только одно поручение и был его черед, я не позволил себе никакого замечания. Скажу даже, что мое самолюбие мешало мне понять настоящую причину, по которой маршал послал выполнять это трудное и опасное поручение меня, хотя оно должно было достаться другому. Я был горд оказанным доверием! Но Массена тут же развеял мои иллюзии, сказав хитрым тоном: «Ты понимаешь, мой друг, почему я не посылаю своего сына, хотя это его черед… Я боюсь, что его убьют… Ты понимаешь… ты понимаешь?..» Я должен был бы промолчать, но я возмутился таким неприкрытым эгоизмом и ответил ему в присутствии нескольких генералов: «Господин маршал, я считал, что выполняю свой долг, мне жаль, что вы указали мне на мою ошибку. Теперь я прекрасно понимаю, что, когда вы вынуждены послать одного из ваших адъютантов почти на верную смерть, вы предпочитаете, чтобы это был я, а не ваш сын, но я думаю, что вы могли бы не высказывать мне эту жестокую правду!..» И, не дожидаясь ответа, я устремился к дивизии Буде, где неприятельская кавалерия устроила ужасную

резню!..

Отъезжая от коляски, я слышал начало спора между маршалом и его сыном, но шум боя и скорость галопа помешали мне разобрать слова. Но очень скоро я понял их смысл: как только я оказался в дивизии Буде и начал делать все, чтобы направить объятых страхом солдат к острову Лобау, рядом со мной появился Проспер Массена!.. Этот храбрый молодой человек, возмущенный тем, что отец отправил меня вместо него, сразу же последовал за мной. «Я хочу, по крайней мере, разделить с вами опасность, которой вы не должны были подвергаться, если бы слепая любовь моего отца не заставила поступить его несправедливо, потому что очередь была моя!..»

Мне понравилась благородная простота молодого человека, на его месте я поступил бы так же. Однако я все равно предпочел бы, чтобы в этот критический момент его не было рядом со мной. Только тот, кто видел это когда-либо, может представить себе, что такое бегущая пехота, ряды которой смяты кавалерией. Кавалеристы преследуют пехотинцев, их сабли и пики обрушиваются на бегущих в беспорядке людей, для которых лучше было бы собраться в группы и защищаться штыками, а не подставлять спину. Проспер Массена был храбр, опасность не пугала его, хотя в этой сумятице мы каждую минуту сталкивались с вражескими кавалеристами. Мое положение было критическим, так как мне надо было выполнять три задачи. Во-первых, отражать удары, предназначенные молодому Массене, плохо владеющему саблей. Во-вторых, защищать себя самого. И наконец, убеждать наших убегающих в беспорядке пехотинцев, что они должны направляться к острову Лобау, а не к дивизиям, которые еще держали фронт. Ни я, ни Проспер не были ранены. Как только австрийские кавалеристы видели, что мы полны решимости защищаться, они бросали нас и устремлялись в погоню за пехотинцами, не оказывающими никакого сопротивления.

Когда войско расстроено, солдаты, как бараны, бросаются бежать туда, куда бегут их товарищи. Как только я передал приказ маршала некоторым офицерам, а они крикнули своим людям бежать к острову Лобау, поток направился в нужном направлении. Генералу Буде, которого я наконец нашел, удалось привести свое войско под защиту нашей артиллерии, огонь которой остановил неприятеля. Задание было выполнено, и мы с Проспером возвращались к маршалу. Но, выбрав самую короткую дорогу, я имел неосторожность проехать мимо рощицы, за которой находилась сотня австрийских улан. Они бросились к нам, а мы что есть духу устремились к линии французской

кавалерии, которая тоже направлялась в нашу сторону. И как раз вовремя, так как вражеский эскадрон почти достал нас и был так близко, что на одно мгновение я подумал, что нас сейчас убьют или возьмут в плен. При приближении наших кавалеристов уланы повернули обратно, кроме одного офицера. Это был прекрасный наездник, и он не хотел отступать, прежде чем не разрядит в нас свой пистолет. Пуля попала в шею лошади Проспера. Животное встряхнуло головой, и его кровь залила лицо молодого Массены. Я подумал, что он ранен, и приготовился защищать его от улана, когда к нам подъехали разведчики французского полка. Они стали стрелять из мушкетов в австрийского офицера, тот попытался ускакать, но его уложили на месте.

Мы с Проспером вернулись к маршалу, у которого при виде залитого кровью сына вырвался крик… Но, узнав, что тот не ранен, он дал волю своему гневу и в присутствии многих генералов, своих адъютантов и двух офицеров-порученцев императора строго отругал своего сына, закончив свой выговор словами: «Кто вам приказал, молодой ветреник, вмешиваться в эту свалку?..» Ответ Проспера был поистине великолепен! «Кто мне приказал?.. Моя честь! Это моя первая кампания. Я уже лейтенант, кавалер Почетного легиона, я получил несколько иностранных наград, однако я еще не проявил ни капли доблести. Я хотел доказать своим товарищам, армии, Франции, что, если у меня и нет военного таланта моего отца, я по крайней мере достоин носить имя Массены!..» Видя, что окружающие одобряют благородные чувства его сына, маршал больше не возражал, но его гнев сосредоточился на мне. Он обвинял меня в том, что я увлек его сына, хотя, напротив, тот очень мешал мне своим присутствием.

Два императорских порученца, свидетели сцены между маршалом и его сыном, рассказали ее в императорском штабе и самому Наполеону. Его Величество вечером был в Леопольдау, где находился штаб Массены. Он вызвал молодого Массену и сказал ему, дружески теребя за ухо: «Это хорошо, очень хорошо, мой мальчик. Молодые люди, как ты, так и должны начинать свою карьеру!» Затем, обернувшись к маршалу, он сказал ему тихо, но так, что генерал Бертран, от которого я это узнал, расслышал: «Я люблю своего брата Луи так же, как вы любите своего сына, но когда в Италии он был моим адъютантом, он служил наравне с другими. Я бы побоялся его опозорить, если бы подставил опасности другого вместо него».

Мой неосторожный ответ Массене и выговор, который он получил от императора, еще больше настроили его против меня. С этого дня он перестал говорить мне «ты», и, хотя не позволял

себе плохо со мной обращаться, я понял, что он не забыл этого эпизода. Вы увидите, что мои предчувствия оправдались.

Никогда больше австрийцы не сражались с таким упорством, как при Ваграме. Даже их отступление было достойно восхищения, оно проходило в полном порядке и спокойствии. Правда, когда они покидали поле боя, за ними не было погони. Я уже говорил о причинах, по которым вечером 6-го числа Наполеон удержался от преследования, но я не могу объяснить, почему мы не поспешили за врагом утром 7-го. Объясняли, что будто бы было две дороги — Богемская и Моравская, обе ведущие к Шпицкому мосту около Флорисдорфа. Прежде чем выступить, император хотел знать приблизительную численность войск, которые эрцгерцог Карл направил по той и другой дороге, и ждал донесений разведки. Но надо заметить, что в подобном случае разведка не может собрать хороших данных, потому что наблюдает только неприятельский арьергард, который держит разведчиков в полулье от себя. Так случилось и на этот раз. Драгоценное время было потеряно бесполезно. Поскольку накануне все видели, как неприятельские колонны пошли по обеим дорогам, надо было на рассвете 7-го числа начать преследование и по той, и по другой. Для этого у нас было достаточно свободных войск. Но император начал преследование только в два часа дня, сам лично проделал 3 лье и остановился на ночлег в замке Фолькерсдорф, с высоты которого австрийский император два предшествующих дня наблюдал за действиями воюющих армий.

Император оставил генерала Вандамма в Вене, генерала Рейнье на острове Лобау, Удино занял позиции в Ваграме, а Макдональд в Флорисдорфе. Обеспечив свои тылы, он послал корпуса Мармона и Даву по Моравской дороге, а Массену — по Богемской. Итальянская армия и гвардия должны были идти между этими большими дорогами в направлении Лаа и быть готовыми помочь там, где в этом будет необходимость.

Самая сильная часть австрийской армии пошла по Богемской дороге, и ее преследовал маршал Массена. Эрцгерцог Карл очень хорошо использовал ночь с 6-го на 7-е и часть дня, оставленные ему Наполеоном. Когда мы покинули поле боя и встретили прикрытие вражеского арьергарда в ущелье Ланген-Энцерсдорф, все австрийские обозы, повозки, зарядные ящики были уже далеко вне нашей досягаемости. Этот узкий и длинный проход мог бы стать роковым для эрцгерцога Карла, если бы накануне мы последовали за ним. Пройдя ущелье, мы вышли на широкую равнину, в центре которой находится Корнойбург. В этом небольшом городке, огороженном стеной, находились девять

батальонов хорватов и тирольских егерей, кавалерийские части с двух флангов и много артиллерии. В этой позиции арьергард ждал нас с производящим впечатление спокойствием.

На войне надо быть предприимчивым, особенно находясь перед разбитым противником. Однако не следует доводить это правило до крайности и быть неосторожным. Генералы и французская кавалерия часто бывают слишком опрометчивы. И здесь они повторили ошибку Монбрена, которую тот совершил в июне у Рааба, когда, не захотев дожидаться пехоты, подвел свои эскадроны слишком близко к противнику и его пушки очень проредили французские ряды. Несмотря на этот суровый урок, генерал Брюйер, ставший командиром дивизии легкой кавалерии при корпусе Массены вместо Ласалля, выйдя из ущелья, устремился вперед, не дожидаясь, когда его пройдет и развернется на равнине пехота. Выстроив свои эскадроны, он бросился на врага, но тот даже не дрогнул, дал ему приблизиться на пушечный выстрел и открыл ужасный огонь, нанеся этим огромный урон!

Массена, который как раз выезжал на равнину, увидел это, пришел в ярость и послал меня к Брюйеру, чтобы выразить свое крайнее недовольство. Я застал этого генерала смело стоящим во главе своей дивизии, под градом ядер, но в большом недоумении от своей авантюры и в нерешительности, что делать дальше. Действительно, если он атакует австрийскую кавалерию, в два раза превосходящую его силы, его дивизия будет порублена. Если же он отступит, чтобы быть подальше от пушек и ближе к нашей пехоте, очевидно, что, как только его полки повернут назад, кавалерия противника бросится на них и отбросит в полном беспорядке на наши батальоны, которые только показались из ущелья. Это могло бы иметь самые серьезные последствия… Самым разумным в сложившейся ситуации было оставаться на месте и ждать прихода пехоты. Генерал Брюйер оказал мне честь, спросив мое мнение, и я позволил себе высказать эти соображения. Маршал, которому я все это доложил, одобрил мои действия, но я увидел, что он полон гнева против генерала Брюйера, восклицая поминутно: «Немыслимо, чтобы так бесполезно губили людей!» Он постоянно торопил подход дивизии Леграна. Как только она вышла из ущелья и построилась, он атаковал и захватил Корнойбург 26-м легким полком, в то время как вражеская кавалерия была оттеснена эскадронами Брюйера, который бросился в атаку с великой радостью, ведь опасности во время атаки было несравнимо меньше, чем во время обстрела, которому он подвергался уже полчаса! Генерал Брюйер совершал чудеса во время этой схватки, что не помешало

маршалу в дальнейшем сурово отчитать его.

8 июля. Массена, у которого были четыре пехотные дивизии, одна дивизия легкой кавалерии, одна кирасирская и много артиллерии, продолжал преследовать неприятеля. Состоялась, правда, только одна небольшая схватка, и мы заняли город Штоккерау, в котором наши войска нашли австрийские склады с огромным количеством провизии, особенно вина, что вызвало большую радость. Корпус Массены продолжил свой марш 9-го по Богемской дороге, и только перед Холлабрунном был остановлен многочисленными силами противника. Произошло энергичное сражение, в котором генерал Брюйер, желая загладить ошибку, совершенную перед Корнойбургом, вел свою дивизию с большой осторожностью. Но сам он оказался не столь осмотрителен и был тяжело ранен в этом бою.

Несчастный город Холлабрунн, только что отстроенный после разрушительного пожара 1805 года, когда русские оспаривали его у нас, снова лежал в руинах, под которыми было погребено много раненых. Неприятель отошел с большими потерями.

В ночь с 9-го на 10-е маршал вновь послал меня к императору, чтобы информировать его о сражении в Холлабрунне. После долгого пути по окольным дорогам, где я много раз терялся в темноте, я прибыл наконец к Наполеону в замок Фолькерсдорф, в котором он располагался после Ваграмского сражения. Его Величество только что узнал, что большая часть австрийской армии свернула с Моравской дороги перед Никольсбургом[88] и направилась к Лаа, чтобы перейти реку Тайю и соединиться с эрцгерцогом Карлом в Цнайме. Император приказал маршалу Мармону следовать за ней в этом направлении. 10-го утром он сам отправился туда, в то время как Даву продолжал продвигаться к Николсбургу, который он и захватил. Я снова был отправлен к Массене с приказом быстро продвигаться к Цнайму, где ожидалась концентрация основных неприятельских сил и готовилось новое сражение.

Днем 10-го неприятельский арьергард постоянно отступал перед корпусом Массены, не осмеливаясь нас подождать, так как накануне он потерпел значительные потери при Холлабрунне. Начиная с этого момента в рядах австрийцев воцарился беспорядок, и мы взяли много пленных. В тот же день князь Лихтенштейн появился у наших передовых постов в качестве парламентера. Австрийский генералиссимус поручил ему предложить Наполеону перемирие. Массена дал ему в сопровождение одного из своих офицеров, они отправились в Фолькерсдорф в надежде застать там Наполеона, но тот уже перебрался в Лаа, и парламентер добрался до него только на

следующий день вечером, уже возле Цнайма. Эта задержка стоила жизни многим солдатам с обеих сторон! Австрийский арьергард, который ушел утром без боя, вечером заградил нам вход в Гунтерсдорф. Началась сильная канонада, одно ядро попало в коляску Массены, другое убило одну из лошадей его упряжки. К счастью, за пять минут до этого маршал вышел из экипажа. В конце концов отброшенный неприятель уступил нам Гунтерсдорф, где мы провели ночь.

Шпионы на войне необходимы. У Массены шпионами были два брата-еврея, очень умные люди, которые для того, чтобы добыть более точные сведения и получить больше денег, пробирались в австрийские колонны под видом торговцев вином и фруктами. Потом они отставали от австрийцев, дожидались французов и приходили с донесениями к маршалу. Во время краткого пребывания в Холлабрунне Массена обещал одному из них крупную сумму денег, если тот принесет на следующий вечер сведения о состоянии вражеских сил, идущих по той же дороге, что и мы. Соблазнясь наживой, израильтянин пробирался всю ночь окольными дорогами. Он поравнялся с головой вражеской колонны, спрятавшись в лесу, залез на вершину густого дерева и, прячась в листве, незаметно наблюдал за дорогой, пока войска проходили мимо него. Он записывал в блокнот, к каким родам войск относятся части, сколько эскадронов, батальонов, орудий… Но пока он был поглощен этим занятием, один австрийский сержант егерей зашел в лес немного отдохнуть и лег как раз под тем деревом, на котором сидел шпион, которого он сначала не заметил. Вероятно, ошеломленный шпион сделал какое-то резкое движение, чтобы спрятаться, и выронил блокнот, который упал прямо рядом с сержантом! Тот поднял голову, увидел человека в ветвях, навел на него ствол своего оружия и приказал слезать. Несчастный еврей повиновался, его отвели к австрийскому генералу, который при виде записей приказал заколоть беднягу штыками. Он лежал на большой дороге, когда, несколько часов спустя, к этому месту подошла французская армия. Как только второй еврей, который шел с нами, увидел тело своего брата, он испустил ужасный крик, затем, опомнившись, обыскал карманы мертвого брата. Не найдя там ничего, он стал ругать вражеских солдат, которые, говорил он, *украли* деньги брата. В конце концов, чтобы ничего не потерять, он взял его одежду, намереваясь ее продать в дальнейшем.

Глава XXVI

Сражение при Цнайме. — Кирасиры Гитона. — Меня ранят, когда я разнимаю сражающихся. — Граф д'Аспр. — Новая ссора с Массеной. — Возвращение в Париж

11 июля, в злосчастный для меня день, корпус Массены появился у Цнайма в 10 часов утра, и мы заметили в полулье справа от нас дивизии маршала Мармона, собранные на Тессвицком плато. Эти части пришли из Лаа по дороге на Брюнн. В полдень император и его гвардия прибыли в Цукерхандель, а Итальянская армия была уже в нескольких лье.

Город Цнайм[89], окруженный крепкой стеной, расположен на покрытом виноградниками склоне, под которым течет река Тайя и ее крупный приток Лишен, впадающий в Тайю под Тессвицем. Эти две реки окружают часть холма, на котором расположен Цнайм, и образуют позицию с естественным укреплением, поскольку почти все участки берега представляют собой довольно крутые труднодоступные скалы. Рельеф понижается только в деревне Облас, через которую проходит венская дорога, по которой подходил корпус Массены.

Эрцгерцог Карл, не получив ответа на свое предложение о перемирии и не видя своего парламентера, принял решение воспользоваться хорошей позицией и рискнуть сразиться с нами еще раз. Поэтому он построил свою армию в две линии, первая из которых опиралась своим правым флангом в Тайю близ Клостербрука, центр располагался напротив Тессвица и Цукерханделя, а левый фланг доходил до Кукровица. Вторая линия занимала Цнайм, Гальгенберг и Бредиц. Резервы находились сзади. Множество стрелков защищали виноградники между Цнаймом, Лишеном и Тайей.

Прибыв к Обласу, Массена занял эту деревню, а также двойной мост, перекинутый через эту реку и остров, называемый Фазаньим. Захватившая его дивизия Леграна направилась в Альт-Шаллерсдорф и Клостербрук, бывший монастырь, переделанный в большую табачную фабрику. В этом пункте нашим войскам оказали энергичное сопротивление, тем более что наша артиллерия не поддерживала действий пехоты, так как не смогла пройти через виноградники. Она стреляла с берега реки, то есть снизу вверх, что делает стрельбу неточной и почти бесполезной. Маршал, оставшийся в своей коляске в Облосе, очень сожалел, что не может сидеть верхом и посмотреть сам, чем можно помочь в таком положении. Тогда я позволил себе заметить, что,

осматривая окрестности перед атакой, я подумал, что, если батарея выйдет из Обласа, пройдет вдоль правого берега реки и встанет над деревней Эдельшпиц, она может занять очень выгодную позицию. Массена учел замечание, поблагодарил меня и поручил мне провести шесть пушек в указанное место, откуда сверху и с тыла они нанесли такой большой урон неприятелю, защищавшему Клостербрук и Альт-Шаллерсдорф, что тот поспешно покинул эти два пункта, занятые теперь нашими войсками. Маршал был доволен успехом этой батареи, когда я пришел ему предложить расположить еще одну батарею в Кюеберге, крайней точке левого берега, куда батарея все же могла бы дойти, если бы усилила упряжки. Маршал согласился с этим планом, и с большими усилиями мне удалось поднять восемь орудий к Кюебергу, откуда наши ядра ударили прямо по австрийским линиям перед Цнаймом и вскоре вынудили их укрыться за стенами города. У меня нет сомнения, что, если бы сражение продолжилось, батарея, которую мы установили на Кюеберге, была бы очень полезна французской армии: заняв этот пункт артиллерией, можно было бы быстро разбить сильную позицию неприятеля у Цнайма.

В разгар сильной канонады, о которой я только что говорил, разразилась ужасная гроза. В одно мгновение все было залито водой. Река Тайя переполнилась, орудия не могли больше стрелять, не было слышно ни одного ружейного выстрела. Войска генерала Леграна укрылись в Клостербруке и Шаллерсдорфе, а в основном в многочисленных погребах среди покрывающих холм виноградников. В то время как наши солдаты опустошали бочки, не заботясь о неприятеле, который, как они считали, тоже укрылся в домах Цнайма, эрцгерцог Карл, которому, конечно, сообщили о возникшей ситуации, захотел отрезать отступление дивизии Леграна и вывел из города колонну в тысячу гренадеров, которые побежали по главной дороге, покинутой нашими людьми, пересекли Альт-Шаллерсдорф и достигли первого моста у Обласа! В этот момент я спускался из Кюеберга и Эдельшпица. Я поднялся туда через Ной-Шаллерсдорф рядом с Обласом, где взял пушки, которые должен был доставить. Но теперь я возвращался один и счел бесполезным идти в обход, потому что знал, что весь участок между Тайей и Цнаймом был занят одной из наших пехотных дивизий. Перейдя малый мост, разделяющий Эдельшпиц и Фазаний остров, чтобы дойти до большого моста, расположенного напротив Обласа, где я оставил маршала, я поднялся на дорогу, соединяющую эти два моста, и, несмотря на грозу, услышал вдруг за собой ритмичный шум многих спешащих ног. Я обернулся, и что же я увидел?.. Колонна австрийских

гренадеров была в двадцати пяти шагах от меня! Моим первым порывом было помчаться во весь опор, чтобы предупредить маршала и многочисленные войска, которые были с ним. Но, к моему большому удивлению, на ближайшем к Обласу мосту я увидел бригаду французских кирасир. Командующий ею генерал Гитон знал, что дивизия Леграна стоит на другом берегу реки, и, получив неточный приказ, спокойно ехал шагом!

Едва я успел крикнуть: «Там враги!..», как генерал и сам заметил их, выхватил шпагу и с криком «В галоп!» устремился на австрийских гренадеров. Австрийцы считали, что нападут на нас неожиданно, и были так удивлены, что их самих атакуют в самый неожиданный для них момент, что первые ряды едва успели взять ружья на руку, как в одно мгновение три батальона гренадеров были *буквально опрокинуты* на землю под ноги лошадей наших кирасир!.. Никто не устоял!.. Только *один* из них был убит, все остальные были захвачены в плен, как и три пушки, которые они везли с собой для зашиты Фазаньего острова и мостов.

Эта австрийская атака могла бы иметь очень печальные последствия для нас, если бы эрцгерцог Карл предпринял ее более мощными силами и в то же время атаковал бы разбросанную в виноградниках дивизию Леграна, которая, не имея пути отступления к мостам, потерпела бы поражение, так как вброд Тайю перейти было нельзя. Но генерал командующий плохо рассчитал, думая, что тысяча человек, посланных захватить Фазаний остров, могли бы там удержаться и противостоять атакам трех наших дивизий, а также усилиям дивизии Леграна, которая при атаке на нее непременно постаралась бы пробить себе проход. Таким образом, попав между двух огней, эта тысяча австрийских гренадеров, запертая на Фазаньем острове, была бы вынуждена сложить оружие. Правда, в таком сражении мы бы тоже потеряли много людей, жизнь которых спасла неожиданная атака генерала Гитона. Кирасиры, ободренные успехом, но незнакомые с местностью, довели атаку до ворот Цнайма, и в это время пехотинцы генерала Леграна, привлеченные шумом боя, пришли к ним на помощь. Еще чуть-чуть, и город был бы взят… Но превосходящие силы противника и многочисленная артиллерия вынудили французов вновь отойди к Альт-Шаллерсдорфу и Клостербруку, где Массена усилил их пехотными дивизиями генерала Карра Сен-Сира.

Император находился в этот момент на высотах Цукерханделя и приказал маршалу Мармону выйти из Тессвица, чтобы связаться с правым флангом Массены. Постепенно завязался бой. Чтобы быть ближе к нему, Наполеон прибыл в Тессвиц. Массена послал меня к Его Величеству, чтобы доложить

о своих позициях. Я вернулся с приказом любой ценой взять город, по которому била наша батарея из Кюеберга и на который маршал Мармон тоже собирался напасть со стороны долины Лишена. Со всех сторон раздавались сигналы к атаке, барабанная дробь, приглушенная дождем, смешивалась с громом… Наши войска бодро и смело шли навстречу многочисленным батальонам, стоявшим перед Цнаймом в мужественном ожидании: из домов раздалось только несколько редких ружейных выстрелов. Все предвещало кровопролитную штыковую схватку, когда примчался императорский офицер и принес Массене приказ остановить сражение, потому что между Наполеоном и князем Лихтенштейном только что было заключено перемирие. Маршал, который находится близко к войскам, тотчас приказал всем офицерам объявить эту новость на разных участках фронта, а меня лично послал к одной из наших бригад, которая стояла ближе всех к городу и врагу.

Подъехав к этим полкам, я попытался говорить, но мой голос тонул в криках «Да здравствует император!», которые всегда предшествуют сражению, и вот уже войска берут ружья «на руку»! Малейшая задержка, и сейчас начнется ужасная схватка, которую уже невозможно будет остановить. Я больше не колеблюсь и устремляюсь в свободный промежуток между двумя фронтами, готовыми броситься друг на друга, и с криком «Мир! Мир!..» левой рукой я сделал знак остановиться, как вдруг пуля, выпущенная где-то в пригороде, попадает мне прямо в запястье!.. Некоторые офицеры, осознав наконец, что я принес приказ остановить военные действия, остановили свои роты, другие еще колебались, так как видели, как на них буквально в ста шагах движутся австрийские батальоны!..

В этот момент между линиями, пытаясь остановить атаку, появляется адъютант эрцгерцога Карла и тоже получает из пригорода пулю в плечо. Я спешу к этому офицеру, и, чтобы дать понять противникам, какова наша миссия, мы обнимаемся в знак мира. Видя это, офицеры с двух сторон больше не колеблются, приказывают солдатам остановиться, окружают нас и узнают, что заключено перемирие.

Все перемешались, поздравляли друг друга. Затем австрийцы вернулись в Цнайм, а наши войска к позициям, которые они занимали до сигнала к атаке.

Удар, который я получил в руку, был такой сильный, что мне показалось, что у меня сломана кость. К счастью, этого не произошло, но пуля задела нерв между большим пальцем и запястьем.

Ни одна из моих многочисленных ран не доставляла мне

столько страданий, и больше полугода я был вынужден носить руку на перевязи. Однако моя рана, хотя и серьезная, была гораздо легче, чем у австрийского адъютанта. Это был совсем молодой человек, очень храбрый, который, несмотря на пережитое, обязательно хотел отправиться со мной к Массене, как для того, чтобы увидеть этого знаменитого воина, так и для того, чтобы передать ему послание от эрцгерцога Карла. Мы отправились вместе в Клостербрук, где стоял Массена, и по дороге австрийский офицер, который пролил много крови, чуть не потерял сознание. Я предложил ему проводить его обратно в Цнайм. Но он хотел продолжать путь и говорил, что его может перевязать французский хирург, гораздо более опытный, чем врачи в его армии. Этого молодого человека звали граф д'Аспр, он был племянником генерала д'Аспра, убитого при Ваграме. Маршал Массена принял его очень хорошо и окружил его заботой. Когда же он увидел, что я опять ранен, он вынужден был присоединиться к похвалам, которые офицеры и даже солдаты бригады высказывали в мой адрес, говоря о доблести, проявленной мной, когда я бросился между двумя армиями, чтобы избежать кровопролития.

К вечеру Наполеон пошел осматривать бивуаки и высказал мне свое удовлетворение. Потом добавил: «Вас часто ранят, но я вознагражу ваше усердие». Император задумал создать военный орден *Трех золотых рун,* кавалеры которого должны будут иметь не менее шести боевых ранений. Позже я узнал, что Его Величество внес меня в список офицеров, которых он считал достойными получить эту награду, о которой я расскажу позже. Император захотел встретиться с графом д'Аспром, который проявил не меньшую доблесть, и просил его передать эрцгерцогу Карлу свои комплименты по этому поводу.

Порадовавшись, что кирасиры оказались на мостах именно в тот момент, когда австрийские гренадеры собирались их захватить, Наполеон все же удивился, что тяжелая кавалерия была послана за реку, на холм, где не было другого прохода, кроме большой дороги между виноградниками. Никто не признавался в том, что отдал этот приказ. Он не исходил ни от маршала, ни от начальника штаба, и генерал кирасир не мог указать офицера, доставившего ему этот приказ. Так автор этой счастливой ошибки остался неизвестным.

За те считаные минуты, когда гренадеры занимали Фазаний остров, они захватили трех наших генералов: начальника штаба Массены Фририона, Лазовского и Штабенрата, у которых они тут же отняли кошельки и серебряные шпоры. Генералы тотчас были освобождены нашими кирасирами и потом долго смеялись над

своим кратким пленом.

Я уже говорил, что до того, как меня ранили, и сразу же после прекрасной атаки кирасир маршал приказал мне рассказать об этом эпизоде императору, который был все еще в Цукерханделе. Так как из-за грозы стало невозможным перейти Тайю вброд, я должен был переправиться через нее у Обласа с начальником эскадрона Талейраном-Перигором. Он отвез приказ Массене и теперь возвращался в императорский штаб. Офицер знал этот путь и предложил мне свое сопровождение. Он ехал впереди меня по тропинке вдоль правого берега Тайи, когда грохот неприятельской канонады усилился. Мы прибавили шаг. Но вдруг какой-то проклятый солдат из обоза, лошадь которого была нагружена курами и утками — добычей от его набега на местные дворы, — появился из прибрежного ивняка и, оказавшись на тропинке в нескольких шагах от Талейрана, пустил ее во весь опор. Вдруг ядро попало прямо в его лошадь и убило ее. Лошадь же Талейрана, следующая вслед за ним, споткнулась о труп этого животного и упала. Видя, что мой спутник оказался на земле, я спешился, чтобы помочь ему подняться. Это было трудно сделать, так как одна нога застряла у него в стремени под животом лошади. Вместо того чтобы помочь нам, солдат из обоза убежал и спрятался в кустах, а я должен был один выпутывать ногу моего товарища под градом ядер, сыплющихся вокруг нас. При этом неприятельские застрельщики, оттесняя постепенно наших, могли нас скоро захватить… Что из того! Нельзя оставлять товарища в таком плачевном положении… Я принялся его вызволять, и, к счастью, после немыслимых усилий мне удалось поднять лошадь и усадить Талейрана в седло. Мы продолжили путь.

Я поступил так в тех обстоятельствах, хотя видел этого человека первый раз в жизни. Поэтому он горячо выразил мне свою благодарность, а когда у императора в Цукерханделе я исполнил свое поручение, меня окружили и благодарили все офицеры главного штаба. Талейран рассказал им о происшествии и все время повторял: «Вот что значит хороший товарищ!» Через несколько лет, когда я вернулся из ссылки, в которую меня отправили при Реставрации, Талейран, тогда уже генерал королевской гвардии, принял меня довольно холодно. Однако, когда через двадцать лет я встретился с ним в Милане, куда я сопровождал герцога Орлеанского, я уже забыл недоброе, и мы пожали друг другу руки. Во время того же путешествия в Кремоне я встретился с д’Аспром, который стал генерал-майором на службе Австрии, после того как до 1836 года служил Испании. Позже он был помощником командующего Итальянской армией при знаменитом фельдмаршале Радецком. Но вернемся в Цнайм.

Австрийцы ушли из этого города. Там расположилась ставка Массены, корпус которого стоял лагерем в окрестностях. Перемирие временно предоставило под власть Наполеона треть территорий австрийской монархии с 8 миллионами душ населения: солидный залог мира.

Граф д'Аспр сильно страдал от полученной раны. Он не мог нести службу и остался в Цнайме. Я часто виделся с ним: это был умный человек, хотя и слишком восторженный.

Меня тоже очень мучила рана, и я не мог ездить верхом. Тогда Массена поручил мне заниматься депешами императора и приказал отправиться в Вену, куда вскоре переехал его штаб. Наши люди и лошади остались на всякий случай в Цнайме. Заключение мира затягивалось: Наполеон хотел раздавить Австрию, которая сопротивлялась тем сильнее, чем больше надеялась на помощь англичан, высадившихся в Голландии 30 июля и сразу завладевших Флиссингеном.

Узнав об этом, канцлер Камбасерес, который управлял Францией в отсутствие императора, послал свободные войска к берегам Эско (Шельды) под командованием маршала Бернадотта. Выбор командира очень не понравился Наполеону. Впрочем, англичане почти сразу же отступили.

Переговоры возобновились с прежней медлительностью: мы все еще занимали страну, штаб Массены оставался в Вене с 15 июля до 10 ноября. Лишенный из-за раны тех удовольствий, которые могли найти в этом городе офицеры, я, по крайней мере, был удовлетворен тем, что нашел в доме графини Штибар, где я остановился на постое, ту заботу, которая была необходима в моем положении. Я сохранил к ней живую благодарность по сей день.

В Вене я нашел моего доброго товарища генерала Сент-Круа, ранение которого приковало его к постели на многие месяцы. Он жил во дворце Лобковица, который также занимал Массена. Каждый день я проводил с ним несколько часов и рассказал ему о недовольстве, которое возникло у маршала по отношению ко мне после инцидента в Ваграме. Так как у него было большое влияние на Массену, он вскоре дал ему понять, как такое отношение было для меня тяжело и обидно. Заступничество Сент-Круа, а также мое поведение в Цнайме уже восстанавливали в глазах маршала мой авторитет, когда в порыве откровенности я разрушил полученный результат и оживил старую неприязнь. Вот по какому поводу.

Вы знаете, что раненный в ноги после падения с лошади на острове Лобау Массена был вынужден управлять войсками сидя в коляске и при Ваграме, и в последующих битвах. В эту коляску

собирались запрячь артиллерийских лошадей, когда заметили, что они были слишком крупны для дышла этого экипажа и что им не хватает некоторой плавности в движениях. Тогда вместо них взяли четверку из маршальских конюшен, выбрав самых спокойных и хорошо привыкших к выстрелам орудий. Из обозных выбрали двух солдат, которые должны были сопровождать Массену верхом. Но вечером 4 июля собственные кучер и форейтор маршала заявили, что поскольку их хозяин пользуется своими лошадьми, то управлять ими должны именно они. Несмотря на все предупреждения об опасности, которой они подвергают себя, оба хотели сами везти своего хозяина и настаивали на этом. Как будто речь шла о прогулке по Булонскому лесу, кучер сел на свое место, форейтор в седло, и всю неделю мужественные слуги подвергались большой опасности, особенно при Ваграме, где возле этой коляски было убито несколько сот человек. При Гунтерсдорфе ядро, пролетая над экипажем, задело шинель кучера, другим ядром убило лошадь под форейтором!.. Но верные слуги не испугались, и весь корпус оценил их преданность. Их отметил даже император, сказав в одно из своих появлений у Массены: «На поле боя 300 тысяч сражающихся. А знаете, кто самые храбрые? Ваш кучер и ваш форейтор, так как мы выполняем наш *долг*, а у этих двух людей нет военных обязательств, и они могли бы не подвергаться смертельной опасности, поэтому их заслуга больше!» Затем он обратился прямо к ним: «Да, вы два храбреца!»

Наполеон, конечно, наградил бы этих людей, и он мог бы дать им *денег,* но он боялся ранить самолюбие Массены, ведь именно служа ему они проявляли столько мужества. Маршал должен был сделать это сам, гем более что состояние у него было огромное: он получал 200 тысяч франков как командующий армией, 200 тысяч франков как герцог Риволийский и 500 тысяч франков как князь Эсслингский, то есть *девятьсот тысяч франков в год.*

Однако Массена сначала подождал два месяца, ничего не решая по поводу этих людей, затем однажды, когда несколько офицеров, среди которых был и я, собрались у постели Сент-Круа, вошел Массена, который тоже часто его навещал, и заговорил с нами о событиях кампании, еще раз вспомнив мой совет о том, что лучше передвигаться в коляске, чем на носилках. Совершенно естественно, что он заговорил о своем кучере и форейторе, похвалил их хладнокровие и смелость, которые они проявляли в опасных ситуациях. Наконец маршал закончил, сказав, что хочет хорошо вознаградить этих смельчаков и собирается дать каждому по 400 франков. Он спросил у меня, будут ли эти люди

довольны!..

Мне бы промолчать или просто предложить немного увеличить сумму, но я ответил прямо, хотя и не без задней мысли. Я прекрасно понял, что Массена собирается выплатить этим людям 400 франков *единожды,* но ответил, что, по моему мнению, 400 франков *пожизненной ренты,* которые кучер и форейтор добавят к своим собственным средствам, прекрасно защитят их на старости лет от нищеты. У тигрицы, на детенышей которой напал неосторожный охотник, не бывает таких ужасных глаз, как у Массены, когда он услышал эти слова. Он подпрыгнул в своем кресле и воскликнул: «Несчастный! Вы хотите меня разорить!.. Как! 400 франков *пожизненной ренты*… Нет, нет и нет!.. Просто 400 франков!»

Большинство моих товарищей хранили осторожное молчание. Только генерал Сент-Круа и коммандан Линьивиль громко заявили, что награда, назначенная маршалом, недостойна его, что это должна быть пожизненная рента. Тогда Массена больше не мог сдержаться, он начал бегать по комнате, опрокидывая все, что встречалось ему на пути, даже крупную мебель, и повторяя: «Вы хотите меня разорить!..» Затем, уходя, он сказал нам вместо прощания: «Я предпочел бы видеть вас всех расстрелянными или самому получить пулю в руку, чем подписать бумагу о пожизненной ренте в 400 франков кому бы то ни было… Идите все к черту!..»

На другой день он пришел к нам с виду очень спокойный, так как никто не умел притворяться так, как это умел делать он. Но с этого дня его друг генерал Сент-Круа очень потерял в его глазах, Линьивиля он невзлюбил и дал ему это понять на следующий год в Португалии. На меня же он сердился больше, чем на моих товарищей, ведь я первый заговорил о 400 франках ренты. О происшествии стали рассказывать, и слух дошел до императора. Однажды, когда Массена ужинал с Наполеоном, Его Величество все время шутил по поводу любви маршала к деньгам и сказал, что, по его мнению, тот назначил хорошую *пенсию* смелым слугам, которые управляли его коляской при Ваграме… Тогда маршал ответил, что он даст каждому 400 франков пожизненной ренты, что он и сделал, и ему не понадобилось получать пулю в руку. Но его гнев против нас только усилился, и он часто говорил нам с сардонической улыбкой: «Ах, шутники, если бы я следовал вашим советам, вы бы меня быстро разорили!..»

Император, видя, что австрийские полномочные представители постоянно откладывают заключение мирного договора, снова готовился к войне. Он вызвал из Франции многочисленные подкрепления, отряды которых подходили

каждый день. И каждый день Наполеон сам проводил им смотр во дворе Шенбруннского дворца. Много любопытных приходило посмотреть на рекрутов, и их подпускали очень близко. Один студент по имени Фридрих Штапс, сын книгоиздателя из Наумбурга и член тайной организации Тугенбунд (Союз добродетели), воспользовался этой оплошностью и проник в группу, окружавшую императора. Два раза генерал Рапп просил его отойти, а в третий раз он заметил, что у молодого человека под одеждой спрятано оружие. Штапс был арестован и сознался, что пришел с намерением убить императора, чтобы освободить Германию от его власти. Наполеон хотел сохранить ему жизнь, считая, что с ним надо обращаться как с сумасшедшим, но врачи нашли, что он совершенно здоров, а сам молодой человек настаивал, что, если его отпустят, он снова попытается совершить давно задуманное покушение. Штапс предстал перед военным советом, который приговорил его к смерти. Император предоставил этого молодого человека его печальной судьбе, и тот был расстрелян.

Мирный договор был подписан 14 октября, а 22-го император покинул Австрию, возложив заботу о выводе войск на главный штаб и маршалов. Через две недели Массена дал разрешение своим офицерам вернуться во Францию.

Я покинул Вену 10 ноября. Я купил коляску, в которой и проехал до Страсбурга с моим товарищем Линьивилем, чья семья жила в окрестностях этого города. Мой слуга должен был прибыть позже, я поручил ему доставить одну из моих лошадей в Париж. В Страсбурге я остался один и опасался отправляться в путь в одиночестве, так как моя рука была еще очень опухшей, с большого пальца сошел ноготь, и все это причиняло мне большие мучения. К счастью, в гостинице, где я остановился, я встретил главного хирурга 10-го конно-егерского полка, который сделал мне перевязку. Он тоже возвращался в Париж, и мы поехали вместе в моей коляске. По дороге он заботился о моей ране. Этот доктор покидал военную службу и собирался обосноваться в Шантийи, где я и встретился с ним через двадцать лет на обеде у герцога Орлеанского. Он уже был комманданом национальной гвардии.

В Париж я приехал в плохом состоянии, но нежная забота моей матери и отдых, которым я наслаждался рядом с ней, ускорили мое выздоровление.

Так кончился для меня 1809 год. Если вы вспомните, что я встретил его в Асторге, в Испании, во время кампании против англичан, затем участвовал в осаде Сарагосы, где был ранен, что мне пришлось проехать часть Испании, всю Францию и

Германию, участвовать в Экмюльском сражении, идти на штурм Ратисбонна, совершить опасную переправу через Дунай в Мёльке, сражаться два дня при Эсслинге, где меня ранило в ногу, что шестьдесят часов я провел в битве при Ваграме и был ранен в руку в сражении при Цнайме, то вы согласитесь, что этот год был для меня полон событий и что я избежал многих опасностей!

Глава XXVII

1810 год. — Приключение на карнавале. — Орден Трех Золотых рун. — Женитьба императора на Марии-Луизе Австрийской

Тому, кто вспоминает свою собственную историю, редко удается избежать одной опасности — уделять слишком большое внимание подробностям. Я не составляю исключения, тем более что после моей предыдущей книги вы поддержали мою манеру изложения.

1810 год начался для меня счастливо: я находился в Париже рядом с моей матушкой. Все раны, полученные во время двух последних кампаний, зажили, что позволяло мне выходить в свет. Я подружился с семьей Дебриер, а через год женился на их дочери. Но до этого счастливого момента я прошел всю Португальскую кампанию, где подвергался большим опасностям.

Император назначил маршала Массену главнокомандующим великолепной армии, которую тот должен был повести весной на Лиссабон, занятый пока англичанами.

Мы готовились к выступлению, но, так как французы имеют обыкновение перед сражениями предаваться удовольствиям, никогда парижская жизнь не была такой блестящей, как в эту зиму. И при дворе, и в городе давались бесконечные пышные праздники и балы, куда я, учитывая мой военный чин и должность адъютанта князя Эсслингского, всегда имел приглашения. Император назначил огромные жалованья крупным сановникам, но требовал, чтобы они способствовали развитию торговли и организовывали роскошные собрания. Почти все считали своим долгом понравиться императору и соревновались, кто кого превзойдет в великолепии праздников. Особенно отличался граф Марескальки, посол Наполеона *короля Италии* при Наполеоне *императоре французов*. Этот дипломат, который занимал красивый особняк на Елисейских Полях, на углу улицы Монтень, придумал развлечение, если и не новое, то усовершенствованное им. Это были костюмированные балы и маскарады. Поскольку этикет не допускал надевать маскарадные костюмы при дворе или на приемах у больших сановников, то у графа Марескальки была монополия на этот вид развлечения, и его многолюдные балы собирали все высшее общество Парижа.

Сам император, который только что развелся с Жозефиной, но еще не заключил свой брак с Марией-Луизой Австрийской, не пропускал ни одного такого праздника. Говорили даже, что он утверждал их программу. В простом черном домино, под обычной

маской, под руку с маршалом дворца Дюроком, одетым так же, Наполеон смешивался с толпой и забавлялся тем, что интриговал дам, которые в основном не скрывали своих лиц. Конечно, публика состояла из людей известных и надежных, хотя бы потому, что, прежде чем разослать приглашения, Марескальки представлял свой список министру полиции, а офицер парижского гарнизона Лаборд, славящийся своим талантом распознавать заговорщиков, стоял у входа в помещение, в которое никто не мог войти, не сняв перед ним маску, не назвав себя и не показав приглашения. На этих балах было много переодетых агентов, гвардейский батальон занимал посты вокруг особняка и охранял все входы и выходы. Но все эти необходимые предосторожности были так искусно организованы генералом Дюроком, что, уже попав в салоны, гости совершенно не замечали охраны, которая ничем не стесняла их веселья.

Я никогда не пропускал этих праздников, где веселился от души. Но однажды произошел случай, испортивший мое настроение. Об этом стоит рассказать.

Моя мать была дальней родственницей дивизионного генерала Саюге д'Эспаньяка, отец которого при Людовике XV был управляющим Дома Инвалидов. Она считала его кузеном. Во времена Консульства генерал Саюге был назначен губернатором острова Тобаго, принадлежавшего тогда Франции. Там он и умер, оставив вдову, которая вернулась в Париж. Это была добрая женщина, хотя с немного резким характером. Мы с матушкой изредка посещали ее. Случилось так, что зимой 1810 года я встретил у нее одну из ее подруг, которую я не знал, но много слышал о ней. Госпожа Х была высокого роста, ей было уже за пятьдесят. Говорят, что в свое время она была очень красива, но от прежней красоты остались только великолепные волосы. У нее были мужские повадки и голос, надменный вид и острый язык. Настоящая женщина-драгун. Она была вдовой человека, занимавшего некогда высокий пост, но злоупотребившего оказанным ему доверием. Ее лишили пенсии при обстоятельствах, которые она считала несправедливыми. Она приехала в Париж искать защиты, но получила отказ в министерстве. Напрасно она обращалась ко всем членам императорской семьи и, отчаявшись, решила поговорить с самим императором! В аудиенции ей отказали, но эта упорная женщина все время следовала за императором, пытаясь проникнуть повсюду, куда бы он ни отправлялся. Узнав, что он будет на балу у графа Марескальки, она подумала, что этот дипломат не откажется принять вдову бывшего высокопоставленного чиновника. Она смело написала графу, попросила у него

приглашение, посол внес в список гостей имя этой дамы, которое ускользнуло от бдительной полиции. Госпожа Х получила билет на бал, который должен был состояться вечером того дня, когда я впервые увидел ее у госпожи Саюге. Когда из разговора она узнала, что я тоже иду на этот праздник, она сказала, что она будет рада встретить меня там, тем более что она редко приезжает в Париж, поскольку у нее здесь мало знакомых и из них никто не идет к графу Марескальки. Я ответил банальной вежливостью, приличествующей случаю, и был далек от мысли, что для меня это будет одна из самых больших неприятностей, которые я когда-либо переживал…

Ночью я отправился в посольство. Бал давали на первом этаже, а на втором находились игорные столы и салоны для бесед. Когда я пришел, вокруг танцующих, наряженных в самые великолепные костюмы, была уже целая толпа. Вдруг посреди этого изобилия шелка, бархата, перьев и кружев появился колосс, кариатида, одетая в простое платье из белого коленкора с красным лифом, разукрашенная цветными лентами в самом дурном вкусе! Это была госпожа Х, которая, чтобы показать свои прекрасные волосы, не нашла ничего лучше, как нарядиться *пастушкой.* На голове у нее была маленькая соломенная шляпка и две длинные косы до пят! Странный вид этой дамы и простота туалета, в котором она появилась в таком блестящем собрании, привлекли к ней всеобщее внимание, и я тоже посмотрел в ее сторону. К несчастью, в этот момент я был без маски, и госпожа Х, находясь в незнакомом ей обществе, подошла ко мне, без смущения взяла меня под руку и громко заявила: «Наконец-то и у меня будет кавалер!..» Мне хотелось послать эту странную пастушку ко всем чертям, тем более что ее нескромные откровения заставляли меня опасаться сцены с участием императора, которая могла бы меня скомпрометировать. Я всячески искал случая освободиться от нее, когда предлог нашелся сам.

Я уже сказал, что при входе на бал почти все женщины снимали маски, что делало собрание гораздо привлекательнее. Некоторые мужчины делали то же самое, в основном из-за жары. Это допускалось до тех пор, пока мужчин без масок было не очень много, потому что если бы это сделали все, то в масках остались бы только два человека, и было бы очевидно, что это император и генерал Дюрок. Тогда у Наполеона пропало бы все удовольствие от бала, на который он являлся инкогнито, разыгрывая некоторых гостей и слушая, что говорят вокруг. И вот в тот момент, когда я больше всего хотел быть подальше от госпожи Х и когда многие мужчины были, как и я, с открытыми лицами, молодые секретари

посольства Марескальки пробежали по залу, приглашая нас надеть маски. Моя маска была в кармане, но я сделал вид, что забыл ее на банкетке в соседнем зале, и под этим предлогом отошел от навязчивой пастушки, пообещав скоро вернуться…

Наконец-то отделавшись от этого кошмара, я поспешно поднялся на второй этаж, где, пройдя через спокойные салоны для игр, в самом конце обнаружил отдельную комнату, слабо освещенную неярким светом алебастровой лампы. Там никого не было. Я снял маску и, угощаясь прекрасным шербетом, радовался, что ускользнул от госпожи Х, когда два человека в масках, полноватые, небольшого роста, завернутые в черное домино, вошли в мой маленький салон. «Здесь нам будет спокойно», — сказал один из них. Затем он назвал меня по имени и сделал знак приблизиться. Хотя я не видел его лица, но, находясь в доме, где собирались все князья и сановники империи, я понял по властному жесту, что это высокопоставленное лицо. Я подошел, и незнакомец тихо сказал: «Я Дюрок, со мной император. Его Величество очень устал. Его утомила жара, он желает отдохнуть в этой удаленной комнате. Останьтесь с нами, чтобы отвести подозрения людей, которые могут войти».

Император сел в углу в кресло, повернутое к стене салона. Мы с генералом сели в два других, которые мы приставили спинками к его креслу, так чтобы закрыть его. Мы сидели лицом к входной двери. Генерал оставался в маске и предложил мне разговаривать, как будто я нахожусь с моими товарищами. Император снял маску, попросил у генерала два платка и стал вытирать пот, стекающий по лицу и шее. Затем, легонько стукнув меня по плечу, он *попросил* меня (именно попросил), чтобы я сам принес ему стакан холодной воды. Я быстро побежал в буфет одного из соседних салонов, взял стакан и наполнил его водой со льдом. Но в тот момент, когда я нес его к комнате, где находился Наполеон, ко мне подошли двое высоких мужчин, одетых шотландцами, и один сказал мне тихо на ухо: «Отвечает ли господин начальник эскадрона Марбо за воду, которую он несет?» Я налил эту воду из одного из многочисленных кувшинов в буфете, где могли пить все. Эти двое были, конечно, агентами безопасности, в маскарадных костюмах расставленными повсюду. Многие из них должны были наблюдать именно за императором, не стесняя его своей навязчивостью. Они следовали за ним на почтительном расстоянии, готовые в случае необходимости прийти к нему на помощь.

Наполеон принял от меня воду с явным удовольствием. Я думал, что его мучит сильная жажда, но, к моему удивлению, он сделал только маленький глоток, затем поочередно обмакнул

платки в ледяную воду и попросил меня приложить ему один платок к затылку, а второй он сам приложил к лицу, повторив несколько раз: «Ах, как хорошо!.. как хорошо!..» Генерал Дюрок возобновил разговор со мной. Он касался в основном нашей Австрийской кампании. Император сказал мне: «Вы отличились в ней. Особенно при штурме Ратисбонна и переправившись через Дунай. Я этого никогда не забуду и скоро докажу что доволен вами».

Хотя я не мог понять, в чем будет заключаться новая награда, мое сердце прыгало от радости!.. Но вот ужас! В маленький салон вошла несносная пастушка, госпожа Х! «Вот вы где! Я пожалуюсь вашей кузине, что вы негалантный кавалер! — вскричала она. — Вы меня покинули, а я чуть не задохнулась от жары! Я вышла из танцевального зала, там слишком жарко. Я вижу, что здесь очень хорошо, я здесь отдохну». И она уселась рядом со мной.

Генерал Дюрок замолчал, а Наполеон сидел неподвижно, повернувшись спиной и закрыв платком лицо. Он застыл еще больше, когда пастушка дала волю своему языку, не заботясь о наших соседях, считая, что я совершенно их не знаю. Она стала рассказывать, что несколько раз она, казалось, узнала в толпе *того,* кого искала, но не смогла к нему подойти. «Мне необходимо *с ним* поговорить, — говорила она, — он должен удвоить мою пенсию. Я знаю, что мне стараются навредить, потому что в молодости у меня были любовники! Но, черт возьми! Достаточно хоть минуту послушать, что делается вокруг, чтобы понять, что они есть у всех! Разве у его сестер нет любовников?.. А у *него* самого?.. Зачем он сюда приходит, если не поговорить свободно с хорошенькими женщинами?.. Говорят, что мой муж воровал. Но бедняга просто взялся за это поздно и неловко! Впрочем, те, кто осуждает моего мужа, разве они *не воруют*? Или все эти особняки и земли они получили в наследство? А *сам он* разве не воровал в Италии, в Египте, повсюду?» — «Но, мадам, разрешите вам заметить, что это не так и что я тем более удивлен вашими речами, что сегодня утром мы увиделись с вами впервые!» — «Ба! Но я говорю правду всем! И если он не даст мне хорошей пенсии, я и ему скажу или напишу всю правду. Я ничего не боюсь!» Я чувствовал себя как на раскаленных углях, я с радостью оказался бы сейчас во главе кавалерийской атаки или во рву перед укреплениями Ратисбонна! Что меня немного утешало, так это то, что мои соседи должны были понять из ее болтовни, что не я привел ее на бал, что в этот день я увидел ее в первый раз и что я сбежал от нее, как только смог.

Я был очень обеспокоен тем, как закончится эта сцена, когда

генерал Дюрок наклонился ко мне и сказал: «Помешайте этой женщине пойти за нами!» Он поднялся. Император снова надел маску, и в то время как госпожа Х все еще поносила его, он прошел мимо и сказал мне: «Марбо, люди, заинтересованные в тебе, с удовольствием узнали, что ты познакомился с этой *очаровательной пастушкой* только сегодня, и ты хорошо сделаешь, если пошлешь ее пасти баранов!..» Сказав это, Наполеон взял Дюрока под руку, и они вышли.

Тут ошеломленная госпожа Х узнала их и хотела броситься за ними вслед!.. Поняв, что мне не под силу удержать этого колосса за руку, я схватил ее за юбку, которая с треском порвалась. Боясь остаться в нижнем белье, если она будет рваться дальше, дама остановилась, приговаривая: «Это *он!* Это он!» — и осыпая меня упреками, что я помешал ей пойти за ним! Я терпеливо сносил ее упреки до тех пор, пока не увидел, что император и Дюрок удалились и что за ними на должном расстоянии следуют два шотландца. Они прошли по длинной анфиладе салонов и спустились по лестнице к танцующим. Сочтя, что Х не сможет больше найти их в толпе, я низко поклонился пастушке и, ни слова не говоря, быстро отошел!.. Она была в ярости и задыхалась от гнева!.. Чувствуя, что низ ее одежды может упасть, она сказала: «Постарайтесь хотя бы найти несколько булавок, чтобы мое платье не упало!..» Но я был так раздражен, что оставил ее и, признаюсь, даже зло порадовался ее пикантному положению. Чтобы избавиться от пережитых эмоций, вызванных этим странным и неприятным происшествием, я поспешил покинуть бал и вернуться к себе.

Я плохо спал всю ночь, меня мучили сны, в которых меня преследовала наглая *пастушка,* которая, несмотря на мои увещевания, ужасно оскорбляла императора! На другой день я побежал к кузине Саюге, чтобы рассказать ей об экстравагантном поведении ее подруги. Она была возмущена и перестала принимать госпожу Х, которая через несколько дней получила приказ покинуть Париж. Я не знаю, что было с ней дальше.

Всем было известно, что по воскресеньям император ходит на торжественную мессу, после которой устраивает прием в Тюильри. Чтобы быть допущенным туда, надо было занимать определенное место в гражданской или судебной иерархии или быть офицером армии. В последнем качестве я был вхож туда, но присутствовал на этих приемах только раз в месяц. В ближайшее воскресенье после сцены, которую я вам только что описал, я был в большом затруднении… Мог ли я так скоро предстать перед императором, или надо было переждать несколько недель? Моя матушка, у которой я спросил совета, сказала, что, поскольку в

этом деле мне не в чем себя упрекнуть, я должен отправиться в Тюильри, не показывая никакого смущения. Я послушался ее совета.

По дороге в часовню люди выстраивались с двух сторон, образовывая проход, по которому молча шел император, отдавая честь в ответ на приветствия. Меня он приветствовал благожелательной улыбкой, которая показалась мне добрым знаком и полностью успокоила меня. После мессы Наполеон снова проходил по салонам, где по традиции говорил несколько слов присутствующим там людям. Он остановился передо мной, а так как он не мог свободно говорить в присутствии многочисленных свидетелей, то сказал, уверенный, что я пойму с полуслова: «Говорят, вы были на последнем балу у Марескальки. Хорошо повеселились?..» — «Вовсе нет, сир!..» — «Да, на костюмированных балах случаются как приятные, так и неприятные происшествия. Главное, удачно выйти из них, что вам, кажется, удалось».

Как только император отошел, следовавший за ним генерал Дюрок шепнул мне на ухо: «Признайтесь, что положение было затруднительным! Для меня не меньше, чем для вас, так как я отвечаю за все приглашения. Но такое больше не повторится. Наша нахальная *пастушка* уже далеко от Парижа, куда она никогда больше не вернется!..» Тучи, на какое-то время собравшиеся надо мной, рассеялись, я вновь вернулся к своим привычкам. Ко мне же вернулась моя веселость. Вскоре я испытал большую радость, когда на следующем приеме император публично сообщил, что он внес меня в число офицеров, которые должны были получить орден *Трех Золотых рун.*

Вам, может быть, любопытно узнать, что это за новый орден. Хотя о его создании было помещено объявление в *Мониторе*, но на деле он никогда не существовал.

Вы знаете, что в XV веке Филипп Добрый, герцог Бургундский, учредил орден Золотого руна, который вручался немногим отличившимся. Орден приобрел известность и был очень почетной наградой во всем христианском мире.

После смерти Карла Смелого, последнего герцога Бургундского, его дочь вышла замуж за наследного принца Австрийского дома, принеся ему в приданое герцогство, а следовательно, и право награждать орденом Золотого руна. Во втором поколении император Карл V, присоединив к австрийской короне корону Испании, которую он получил от своей матери, тоже пользовался этой привилегией. Но после него, несмотря на разделение Испании и Германии, принцы Австрийского дома продолжали править Германией и сохранили за собой право на

вручение Золотого руна, хотя Бургундское герцогство уже не входило в их владения.

При Людовике XIV австрийская ветвь, царствовавшая в Испании, угасла, и на трон этой прекрасной страны взошел французский принц. Австрийский дом хотел сохранить право на Золотое руно, в то время как на него претендовали и испанские короли. Некоторые умные головы решили, что ни у тех, ни у других нет на это достаточных прав, поскольку Бургундия принадлежала теперь Франции, и естественно, что орден бургундского происхождения должен даваться нашими королями. Однако получилось иначе. Франция воздерживалась, а государи Австрии и Испании не могли договориться и продолжали, каждый со своей стороны, раздавать награды этого оспариваемого ордена. Таким образом, было Золотое руно Испании и Золотое руно Австрии.

При вступлении императора Наполеона на трон положение было именно таким, и, как реальный обладатель бывшей Бургундии, он решил затмить блеск этих двух соперничающих орденов, создав орден *Трех Золотых рун,* которому он собирался придать большую значимость, ограничить число его членов, связать условия вступления в него со славной службой, а первым условием сделать то, что получающий орден должен был иметь не менее четырех ранений (у меня тогда было шесть). Эта награда предполагала большие привилегии и значительное денежное вознаграждение.

Из-за понятного чувства Наполеон хотел, чтобы декрет об учреждении ордена Трех Золотых рун был подписан в Шенбрунне, дворце императора Австрии, и именно в тот момент, когда французские армии одержали победу при Ваграме, завоевали половину его государств и занимали Испанию, король которой находился сейчас в Валансьене. Вероятно, после потери своей короны испанский государь остался бы бесчувственным к этому новому оскорблению, но для австрийского императора это было не так. Он, как говорят, был очень огорчен, что Наполеон собирается затмить славу ордена, который основали его предки и очень высоко ценили принцы его дома.

Несмотря на поздравления, которые я получал со всех сторон, и испытываемую мною радость, внутренне я осуждал создание ордена Трех рун. Мне казалось, что блеск, которым император хотел окружить новую награду, мог снизить ценность Почетного легиона, учреждение которого привело к таким прекрасным результатам! Однако мне было приятно, что меня сочли достойным нового ордена. Но то ли потому, что Наполеон опасался снизить престиж Почетного легиона, то ли потому, что

он хотел сделать приятное своему будущему тестю австрийскому императору, но он отказался от учреждения ордена Трех рун, и после женитьбы императора французов на эрцгерцогине Марии-Луизе об этом ордене больше не упоминали.

Гражданское бракосочетание состоялось в Сен-Клу 1 апреля, а церковная церемония на следующий день в Париже в капелле Лувра. Я присутствовал на обеих церемониях, так же как и на многочисленных празднествах по случаю этого знаменательного события, которое, как говорили, должно было укрепить корону на голове Наполеона, а на самом деле только способствовало ее падению!

Глава XXVIII

Португальская кампания. — Мой отъезд. — От Ируна до Вальядолида. — Массена и Жюно. — Плохой прогноз об исходе кампании

Приближалось время, когда маршал Массена должен был отправляться в Португалию, и многочисленные войска, из которых должна была состоять его армия, собрались на юго-западе Испании. Так как я был единственным адъютантом маршала, который уже бывал на полуострове, он решил, что я должен отправиться первым и организовать его ставку в Вальядолиде.

Я выехал из Парижа 15 апреля с печальным предчувствием, что кампания будет неприятной во всех отношениях. Мои первые шаги, казалось, подтвердили мои прогнозы — колесо почтовой кареты, в которой я ехал с моим слугой Вуарланом, сломалось уже в нескольких лье от Парижа. Нам пришлось идти пешком до станции в Лонжюмо. Был праздничный день. Мы потеряли более двенадцати часов, которые я хотел нагнать по пути, проводя в дороге день и ночь. Поэтому в Байонну я прибыл очень усталым. После Байонны продолжали путь уже не в повозке, а на почтовых лошадях, и, в довершение несчастья, если из Парижа мы выехали при прекрасной погоде, то теперь пошли дожди, Пиренеи покрылись снегом. Я промок и продрог, но ничего не поделаешь, надо было продолжать путь!

Я не суеверен, однако, когда я, покидая землю Франции, подъехал к реке Бидасоа, чтобы переправиться на испанский берег, случилась встреча, которую я счел плохим предзнаменованием. Черный осел, огромный и дикий, с грязной взъерошенной шерстью стоял посреди моста и, казалось, запрещал нам войти. Форейтор, опередив нас на несколько шагов, ударил его кнутом, чтобы согнать с этого места и освободить проход. Разъяренное животное бросилось на лошадь этого человека и сильно укусило ее. Мы с Вуарланом поспешили на помощь форейтору, и осел встретил нас ожесточенным брыканием. Вместо того чтобы утихомирить это строптивое животное, удары, которые он получал от нас троих, казалось, только возбуждали его, и я не знаю, как бы закончилось это смешное сражение, если бы на помощь не пришли таможенники, которые стали колоть спину животного палками с железными наконечниками. Мои плохие предчувствия оправдались, и обе кампании, в которых я участвовал на Пиренейском полуострове,

были для меня очень тяжелыми. Я был дважды ранен, не получив за это не только никакого вознаграждения, но даже знака расположения со стороны Массены.

Проехав по мосту через Бидасоа, я добрался до Ируна, первой испанской почтовой станции. Там уже и речи не было о безопасности. Офицеры, доставляющие депеши, а также почтовые курьеры должны были иметь эскорт из взвода жандармерии Бургоса (по имени города, где она была сформирована). Этим отборным солдатам поручалось обеспечить связь, для этого на всех почтовых станциях был особый отряд, находящийся в блокгаузе или специально укрепленном доме. Эти жандармы, мужчины зрелого возраста, храбрые и дисциплинированные, служили пять лет. Служба у них была трудная, потери среди них были большими, так как между ними и испанскими повстанцами шла смертельная война.

Я выехал из Ируна под проливным дождем, и через несколько часов пути через высокие горы я уже приближался к маленькому городку Мондрагону, когда послышалась сильная перестрелка примерно в полулье впереди меня!.. Я остановился в нерешительности… Если продолжить путь вперед, я могу попасть в руки к бандитам, которых очень много в этой местности! Но, с другой стороны, если офицер, доставляющий депеши, будет поворачивать назад при каждом ружейном выстреле, ему понадобится несколько месяцев, чтобы выполнить самое краткое поручение! Я поехал вперед… и вскоре наткнулся на труп французского офицера!.. Этот несчастный ехал из Мадрида в Париж с письмами короля Жозефа к императору. Он сменил лошадей в Мондрагоне, а на расстоянии двух пушечных выстрелов от этой станции он и его эскорт были расстреляны почти в упор группой бандитов, прятавшихся за одной из скал в горах, окружающих эти места. Тело офицера было пробито несколькими пулями, а двое жандармов из его эскорта были ранены. Если бы этот офицер хоть на четверть часа задержался с отъездом из Мондрагона, к которому я подъезжал с другой стороны, с уверенностью можно сказать, что в засаду, устроенную повстанцами, попал бы я!.. Да! Начало было многообещающим! А мне предстояло проделать более 100 лье по дорогам восставших против нас провинций!.. Стрельба у ворот Мондрагона подняла небольшой гарнизон этого города, он бросился в погоню за бандитами, которые задержались из-за того, что хотели забрать с собой троих своих раненых. Бандитов стали вскоре настигать, они вынуждены были скрыться в горах, бросив раненых, которые там же были расстреляны.

Опыт, полученный мною в предыдущей Испанской кампании,

научил меня, что самый благоприятный момент для офицера, проезжающего через враждебную страну, — это как раз сразу после разбойного нападения, когда повстанцы спешат уйти подальше от погони. Я приготовился продолжить путь, но комендант города воспротивился этому, во-первых, потому, что в окрестностях появился знаменитый главарь банды Мина, а во-вторых, император дал предписание отправлять эскорты только днем.

Комендантом Мондрагона был пьемонтский капитан, давно служивший во французской армии и известный своим редким умом и замечательной смелостью. Повстанцы боялись его в высшей степени и, за исключением тайных засад, которые невозможно было предугадать, ничего другого предпринять не могли. Он оставался хозяином положения на своей территории, действуя то с большой ловкостью, то с большой энергией. Я приведу примеры и того и другого, чтобы вы лучше представили, какую войну нам приходилось вести в Испании, хотя в этой стране среди просвещенных людей у нас было много сторонников.

Священник Мондрагона был одним из самых ярых врагов французов. Однако, когда в январе 1809 года Наполеон, возвращаясь в Париж, проезжал через этот город, тот, движимый любопытством, пришел к почтовой станции вместе со всеми жителями, чтобы увидеть императора. Комендант заметил его, подошел прямо к нему, взял за руку, подвел к императору и сказал так, чтобы слышала вся толпа: «Я имею честь представить Вашему Величеству кюре этого города — одного из самых преданных слуг вашего брата короля Жозефа!..» Наполеон, приняв слова хитрого пьемонтца за чистую монету, прекрасно принял священника, который был, таким образом, скомпрометирован перед всеми жителями этого края… И в тот же вечер священник был ранен в руку выстрелом из ружья, когда возвращался домой! Он слишком хорошо знал своих соотечественников и понимал, что, если французы не победят в этой суровой борьбе, он пропал. С этого момента он открыто стал на сторону французов, возглавив сторонников короля Жозефа, которых называли здесь «жозефинами», и оказал нам немало услуг.

Незадолго до моего приезда в Мондрагон комендант проявил большое мужество. Он должен был послать большую часть гарнизона в горы для сопровождения обоза с продовольствием, а через несколько часов ему нужно было предоставить еще эскорт офицерам с донесениями, и у него осталось не больше двух десятков солдат. Был базарный день. На площади собралось

много крестьян. Начальник почтовой станции, один из самых ярых врагов французов, стал подстрекать их, подбивая воспользоваться слабостью французского гарнизона, напасть и всех передушить! Толпа направилась к дому, где комендант собрал свой слабый резерв. Нападение было яростным, оборона стойкой, но нашим пришлось бы в конце концов уступить, если бы не смелость коменданта. Он открыл дверь, бросился со своим маленьким отрядом прямо к начальнику станции и убил его ударом шпаги в сердце. Потом втащил его в дом и приказал выставить безжизненное тело на балконе!.. При виде такой смелой вылазки, сопровождавшейся устрашающей стрельбой, толпа, рассеянная пулями, в ужасе разбежалась! Вечером вернулся гарнизон, и, для примера, комендант велел повесить тело начальника станции. И хотя у этого человека в городе было много родственников и друзей, никто не осмелился что-либо предпринять!

Проведя ночь в Мондрагоне, я выехал на рассвете и был возмущен, когда сопровождающий нас испанский форейтор остановился под виселицей и стал хлестать кнутом подвешенное тело. Я обратился с упреками к этому негодяю, а он ответил мне, смеясь: «Это мой начальник станции. Когда он был жив, я столько получил от него ударов кнутом, что свободно могу вернуть ему несколько из них!» Одного этого поступка достаточно, чтобы понять мстительный характер испанцев низшего сословия.

Я прибыл в Виторию, промокнув до костей. У меня начался сильный жар, и мне пришлось остановиться у генерала Сера, для которого у меня тоже были депеши. Если вы помните, это был тот самый генерал, который десять лет назад в Сан-Джакомо назначил меня унтер-офицером после небольшого сражения, которое пять десятков кавалеристов полка Бершени под моим командованием дали гусарам Барко. Он принял меня прекрасно, предложил, чтобы я отдохнул у него подольше. Но порученная мне миссия не требовала отлагательства, и на следующий день я опять скакал во весь опор, несмотря на лихорадку, которая только усиливаюсь от ужасной погоды. В тот же день я пересек Эбро в Миранда-де-Эбро. Отроги Пиренеев заканчиваются именно у этой реки. Здесь также кончалась власть двух знаменитых партизан из семьи Мина.

Первый из этих партизан родился в пригороде Мондрагона и был сыном богатого фермера. Он учился, чтобы стать священником, когда в 1808 году разразилась война за независимость. Обычно забывают, что в это время очень многие испанцы во главе с частью живущего среди мирян духовенства хотели вырвать свою страну из-под власти Инквизиции и

монахов. Они не только клялись поддерживать короля Жозефа на троне, но и присоединялись к нашим войскам, чтобы бороться с повстанцами. Молодой Мина был из числа наших союзников. Он организовал отряд друзей порядка и сражался с бандитами. Но потом странным образом произошел крутой поворот, и Мина, у которого был очень авантюристичный характер, сам стал повстанцем и повел с нами ожесточенную войну в Бискайе и Наварре. Он возглавил банду, численность которой на какое-то время достигала десяти тысяч человек. Коменданту Мондрагона удалось наконец схватить его в доме его родственников, в котором праздновали свадьбу. Наполеон приказал доставить его во Францию в Венсенский замок. Мина вел партизанскую войну талантливо и честно. Вернувшись на родину в 1814 году, он стал противником Фердинанда VII, за которого он так смело сражался. Он бежал от ареста в Америку, участвовал в революциях в Мексике и был, в конце концов, там расстрелян.

Во время долгого пребывания молодого Мины в плену восставших горцев возглавил один из его дядей, грубый и жестокий кузнец, не обладающий никакими способностями, но популярное имя Мины сделало его чрезвычайно влиятельным. Хунта Севильи специально посылала сюда образованных офицеров, чтобы обучать этого нового главаря, который причинил нам много зла.

Я ехал по огромным и грустным равнинам Старой Кастилии. На первый взгляд кажется, что там невозможно устроить засаду, настолько эти равнины лишены лесов и гор. Но местность там очень неровная, и кажущаяся безопасность очень обманчива. Низины покрыты пригорками, позволяющими испанским повстанцам скрывать среди них свои банды, которые внезапно нападали на французские отряды, двигающиеся иногда очень спокойно, потому что полагали, что могут невооруженным взглядом обозревать местность на 4–5 лье во все стороны. Опыт нескольких неприятных ситуаций сделал наши войска более подозрительными — проходя по этим низинам, они высылали стрелков. Но эта мудрая предосторожность была возможна Только с большими отрядами, способными направить разведчиков вперед и на фланги, что было невозможно сделать в отряде из пяти-шести жандармов, сопровождающих офицеров с донесениями. Многие из них были схвачены и убиты на равнинах Кастилии. Как бы то ни было, я все равно предпочитал ехать по открытой местности, чем по горам Наварры и Бискайи, где дороги всегда проходят в скалах и лесах, а жители смелее и предприимчивее кастильцев.

Я продолжал свой путь, без происшествий преодолел ущелье

Панкорбо и проехал городок Бривьеска. Но между этой станцией и Бургосом мы увидели вдруг два десятка испанцев, выезжающих верхом из-за небольшого холма!..

Они сделали в нашу сторону несколько выстрелов из карабинов. Шестеро жандармов моего эскорта обнажили сабли, я и мой слуга последовали их примеру, и мы продолжили путь, не удостоив врага ответом. Испанцы поняли по нашему поведению, что мы готовы энергично защищаться, и уехали в другом направлении.

Я заночевал в Бургосе у генерала Дорсенна, командующего гвардейской бригадой, так как в этой поднявшейся против нас стране французские части располагались во всех городах, поселках и деревнях. Но дороги были ненадежны, и самой большой опасности подвергались те, кто, как я, передвигался по ним со слабым эскортом. На следующий день мне опять пришлось это испытать, так как я хотел продолжить путь, несмотря на крайнюю слабость из-за пожирающей меня лихорадки. Но между Паленсией и Дуэньясом я встретил офицера и двадцать пять солдат Молодой гвардии, сопровождающих кассу для выплаты солдатского жалованья в гарнизоне Вальядолида. Эскорт был, конечно, недостаточен, так как местные партизаны, предупрежденные об этом событии, уже собрали отряд в сто пятьдесят всадников, чтобы завладеть деньгами. Повстанцы уже атаковали гвардейцев, но потом заметили вдали мчавшуюся галопом группу, которую образовывали вокруг меня жандармы эскорта. Приняв нас за авангард кавалерийской части, они приостановили атаку. Но один из них взобрался на возвышенное место, откуда можно было обозреть окрестности, и крикнул, что не видит больше никаких французских войск. Тогда бандиты, не желая упустить такую добычу, достаточно смело двинулись к фургону.

Естественно, я сразу принял на себя командование двумя нашими объединенными отрядами. Офицеру охраны я приказал стрелять только по моей команде. Большинство испанцев спешились, чтобы удобнее было завладеть мешками с деньгами, а с ружьями в руках они управлялись плохо. У многих из них были только пистолеты. Я расположил моих солдат за фургоном, и, как только испанцы оказались в шагах двадцати от него, я вывел мой отряд из-за укрытия и скомандовал: «Огонь!» Залп был точным и ужасным, сразу поразив главаря и еще двенадцать испанцев. Остальные бандиты, испугавшись, бросились со всех ног к своим лошадям, которых держали для них их товарищи в двухстах шагах от места происшествия. Я приказал преследовать их. Испанцы пытались сесть в седло и ускакать, но горстка храбрецов

— пехотинцы и шесть моих жандармов, к которым присоединился и мой слуга Вуарлан, — напали на бегущих в беспорядке испанцев. Мы убили тридцать человек и захватили пятьдесят лошадей, которых тем же вечером продали в Дуэньясе, куда я привел свое маленькое войско, после того как мы перевязали своих раненых. Раненых было двое, и они были только слегка задеты.

Офицер и солдаты Молодой гвардии проявили большое мужество в этом сражении, которое из-за неравной численности могло бы стать для нас роковым, если бы у меня были только новобранцы. Тем более что я был так слаб, что не мог сам участвовать в атаке. Перенесенное волнение усилило мою лихорадку. Мне пришлось заночевать в Дуэньясе. На следующий день комендант города, узнав о происшествии, выделил целую роту для охраны злополучного фургона по пути до Вальядолида. С этим эскортом отправился и я. Моя лошадь шла шагом, я едва держался в седле, и галопа просто бы не перенес.

Я подробно описал это путешествие, чтобы напомнить вам, каким опасностям подвергались офицеры, вынужденные по долгу службы доставлять депеши по поднявшимся против нас испанским провинциям.

Выполнив до конца свое поручение, я надеялся отдохнуть в Вальядолиде, но там меня ждали волнения другого рода[90].

Жюно, герцог д'Абрантес, командующий одного из корпусов, который должен был войти в армию Массены, уже несколько месяцев находился в Вальядолиде, где занимал огромный дворец, построенный еще Карлом V. Несмотря на свою древность, это здание прекрасно сохранилось, и мебель в нем была очень хорошей. У меня не было сомнения, что, узнав о скором приезде маршала, ставшего *главнокомандующим,* герцог д'Абрантес поспешит уступить ему старый дворец королей Испании и переедет в любой другой из прекрасных особняков города. Но, к моему большому удивлению, Жюно, который находился в Вальядолиде со своей женой, а у герцогини был небольшой элегантный двор, заявил мне, что он рассчитывает уступить Массене только половину дворца. Он был уверен, что маршал слишком галантен, чтобы вынуждать герцогиню переезжать, тем более что дворец достаточно просторен, чтобы в нем поместились два штаба.

Чтобы понять затруднение, в котором я оказался, надо знать, что Массену обычно сопровождала, даже на войне, некая дама X, к которой он был так привязан, что не принял бы даже командование Португальской армией, если бы император не разрешил ему это сопровождение. Характер у Массены был

мрачный и мизантропический, он любил быть один, укрывшись в своей комнате, отдельно от штаба. Но в своем одиночестве ему нужно было иногда отвлекаться от мрачных мыслей разговором с живой остроумной особой. В этом отношении госпожа Х подходила ему лучшим образом, она была женщиной способной, доброй и любезной, к тому же понимающей все неприятные стороны своего положения. Невозможно себе представить, чтобы эта дама оказалась под одной крышей с герцогиней д'Абрантес, которая была из семьи Комнен и большой гордячкой. С другой стороны, нельзя было поселить маршала в частном доме, если во дворце располагается один из его подчиненных! Я был вынужден поделиться всеми своими сомнениями с Жюно. Но генерал только посмеялся над моими замечаниями, сказав, что в Италии Массена и он часто жили в одном доме и что дамы договорятся между собой.

Отчаявшись, я поговорил с самой герцогиней. Эта умная женщина решила перебраться в город, но Жюно упрямо протестовал. Эта ситуация была мне крайне неприятна, но что я мог сделать с командующим?.. Все оставалось в том же виде, когда через несколько дней, проведенных в постели с лихорадкой, ко мне прибыл нарочный с сообщением, в котором маршал предупреждал меня о своем скором прибытии. На всякий случай я снял для него в городе особняк и, несмотря на крайнюю слабость, собирался верхом выехать навстречу Массене, чтобы предупредить его о создавшемся положении. Но запряженные в его коляску мулы привезли его так быстро, что внизу лестницы я уже увидел его под руку с госпожой Х. Я начал объяснять ему свои трудности с дворцом, когда появился Жюно, ведя с собой герцогиню. Он устремился к Массене, в присутствии многочисленных штабных офицеров поцеловал руку госпоже Х и представил ей свою жену. Можете сами судить, как удивлены были дамы! Они не сказали друг другу ни слова и оставались холодны подобно каменным изваяниям! Маршал счел лучшим выходом принять эту ситуацию, но был уязвлен, когда герцогиня д'Абрантес вышла из столовой под предлогом плохого самочувствия, в тот самый момент когда Жюно ввел туда госпожу Х.

Эти подробности могут показаться излишними, но я рассказываю их потому, что эта сцена имела серьезные последствия. Маршал не смог забыть, что Жюно не уступил ему весь дворец и поставил его в сомнительное положение перед штабными офицерами. А Жюно, со своей стороны, объединился с маршалом Неем и генералом Рейнье, командующими двух других корпусов, входящих вместе с его корпусом в Португальскую

армию. Произошло прискорбное разделение, которое способствовало плохим результатам кампаний 1810 и 1811 годов, сильно сказавшимся на судьбе Французской империи! Как же верно, что вещи, на первый взгляд незначительные или даже смешные, приводят иногда к большим катастрофам! И хотя генерал Келлерман, комендант Вальядолида, рассказал маршалу о моих стараниях избежать этих неприятностей, Массена записал на мой счет и эту неприятность.

Глава XXIX

Штаб Массены. — Пеле сменяет Сент-Круа. — Казабьянка

Адъютанты и офицеры-порученцы маршала постепенно съезжались в Вальядолид. Их было много, потому что мир в Германии казался долгим, и офицеры, желающие сделать карьеру, просились на войну в Португалии. Те из них, у кого была поддержка при дворе или в министерстве, находили себе место в штабе Массены. Облеченный огромными полномочиями в удаленной стране, тот нуждался в большом окружении. Его личный штаб состоял из четырнадцати адъютантов и четырех офицеров для поручений.

То, что Сент-Круа получил чин генерала, стало большим несчастьем для маршала, так как он потерял прекрасного мудрого советника именно тогда, когда, будучи постаревшим и предоставленным самому себе, он должен был сразиться с таким противником, как герцог Веллингтон, и заставить подчиняться себе помощников, из которых один был тоже маршалом, а двое других — командующими, давно уже привыкшими получать приказы только от императора. Хотя Сент-Круа и состоял в Португальской армии, где он командовал бригадой драгун, его новые обязанности не позволяли ему находиться постоянно при Массене. Характер маршала, некогда такой твердый, стал очень нерешительным, и отсутствие способного человека, который при Ваграме был душой его штаба, стало вскоре очень заметным. Больше не было полковника на должность первого адъютанта, и эти обязанности выполнял самый старший по возрасту начальник эскадрона нашего штаба — Пеле, хороший товарищ, смелый человек и прекрасный математик. Но он никогда не командовал войсками, так как сразу после окончания Политехнической школы работал, в соответствии со своими склонностями, в корпусе инженеров географов.

Офицеры этого корпуса всегда следовали за армиями, но никогда не сражались, и их служба протекала так же, как и в инженерных войсках. Людям свойственно восхищаться тем, что сами они делать не умеют. Так и Массена, образование которого было очень поверхностным, уважал инженеров-географов, способных представить ему красивые чертежи, и их было много в его штабе.

Так Пеле оказался при нем в 1806 году в Неаполитанской армии, а в 1807 году последовал за Массеной в Польшу. Став капитаном, он был при маршале в кампании 1809 года в Австрии,

вел себя храбро, был ранен на мосту у Эберсберга, за что получил звание начальника эскадрона. Он участвовал в битвах при Эсслинге и Ваграме, часто подвергался опасности при уточнении карты острова Лобау и прилегающих к нему рукавов Дуная.

Нельзя отрицать, что он занимался важными делами, но они не дали Пеле военных навыков. Особенно этого недоставало в ситуации, когда надо было руководить армией в 70 тысяч человек и армия эта должна была сражаться со знаменитым Веллингтоном в стране с очень трудными условиями. Однако именно Пеле в этот период становится фактически вдохновителем Массены. Тот советовался только с ним и почти никогда с маршалом Неем, генералами Рейнье и Жюно, дивизионными генералами, ни даже со своим начальником штаба генералом Фририоном! Массена был покорен необычайным талантом Сент-Круа, проявившимся в Ваграмской кампании, который сразу же проявил свои способности в большой войне, хотя у него не было за плечами большого опыта. Но такие чудеса случаются крайне редко. Массена привык полагаться на гений своего первого адъютанта, чем настроил против себя своих помощников и породил непослушание, которое привело нас к печальным результатам. Они были бы еще больше, если бы прошлая слава и само имя Массены не оставались еще пугалом для командующего английской армией, который действовал с большой осторожностью, настолько он боялся допустить какую-то ошибку в присутствии знаменитого победителя в сражении при Цюрихе!.. Аура его имени действовала даже на императора. Наполеон не отдавал себе отчета, что главным автором победы при Ваграме был он сам. И он слишком уверил себя, что Массена по-прежнему сохранил всю силу духа и тела, поручая ему эту трудную миссию — идти за 500 лье от Франции завоевывать Португалию.

Мои суждения могут показаться вам слишком строгими, но очень скоро они подтвердятся рассказом о событиях двух Португальских кампаний.

Пеле, в то время не будучи способен в полной мере соответствовать ожиданиям Массены, потом очень многому научился и приобрел военную практику, особенно в Русской кампании, где он командовал пехотным полком и был ранен, возглавляя его. Он служил там под началом маршала Нея, и, хотя со времен Португалии тот сохранял к нему антипатию, Пеле сумел завоевать его уважение. Когда во время отступления из России Ней оказался в очень опасном положении, отрезанный русскими от остальной французской армии, именно он предложил маршалу совершить переправу через полузамерзшую

Березину, что было очень опасной операцией, но, будучи проведенной решительно, она спасла корпус Нея. Этот хороший совет был военным счастьем Пеле, император назначил его генерал-майором гренадеров своей Старой гвардии, и он храбро возглавлял их в кампаниях 1813 года в Саксонии и в 1814 году во Франции и при Ватерлоо. Затем Пеле стал начальником военного депо, но он придавал слишком большое значение научной подготовке офицеров, служащих у него в штабе, делая из них зачастую хороших географов, а не руководителей военных действий. Генерал Пеле написал много трудов, в частности реляцию о кампании 1809 года в Австрии, к несчастью очень перегруженную теоретическими замечаниями.

Я был вторым адъютантом Массены.

Третьим адъютантом был начальник эскадрона Казабьянка, корсиканец, родственник матери императора. Человек образованный, способный, обладавший чрезмерной храбростью, созданный для того, чтобы все делать быстро и хорошо. Этот офицер с большими амбициями был отрекомендован Массене самим Наполеоном. Массена обращался с ним предупредительно, но часто под каким-либо предлогом держал подальше от армии. Так, в самом начале кампании он послал его к императору с известием о капитуляции Сьюдад-Родриго. Когда через месяц тот вернулся назад, маршал снова послал его в Париж сообщить о взятии Альмейды. Казабьянка вернулся к нам, когда армия входила в Португалию. Тогда Массена послал его к министру с отчетом о положении армий. На обратном пути его задержало восстание, начавшееся в Португалии, и он нагнал нас только на Тежу. Ему пришлось отбыть снова, проехать по Португалии под охраной двух батальонов и вернуться назад только в конце кампании. Во время долгих и частых путешествий на него не раз нападали, и за это он получал повышения, став подполковником[91], а затем полковником.

В 1812 году во время Русской кампании Казабьянка был полковником 11-го легкого пехотного полка и входил в тот же корпус, что и мой 23-й конно-егерский полк. Он был убит в одном бесполезном сражении, в которое неосторожно ввязался.

Четвертым адъютантом Массены был начальник эскадрона граф де Линьивиль. Он принадлежал к одной из четырех знатных семей, которые, принадлежа к тому же дому, что и теперешние государи Австрии, носили титул *Четырех больших коней Лотарингии.* После сражения при Ваграме император Франц II[92] послал парламентера, чтобы узнать, не случилось ли чего с его кузеном графом де Линьивилем.

Граф был человеком великолепным, очень храбрым, с

очаровательным характером. У него была страсть к военному делу. Уже в 15 лет он убежал из дома и записался в 13-й драгунский полк. Серьезно раненный при Маренго, он получил звание офицера на поле боя, блестяще служил во время многих кампаний: Аустерлиц, Йена, Фридланд. В 1809 году он был начальником эскадрона и адъютантом генерала Бекера, после чего перешел в штаб Массены. Я уже рассказывал, как он вызвал недовольство Массены, поддержав вместе со мной интересы храбрых слуг, возивших маршала по полям сражений при Ваграме и Цнайме.

В Португальской кампании эта неприязнь только усилилась, и Линьивиль опять перешел в 13-й драгунский полк, вскоре став его полковником. При Реставрации он стал генералом, удачно женился и жил счастливо до тех пор, пока не был втянут в какие-то спекуляции, почти совсем его разорившие. Этот уважаемый офицер очень страдал от этого и вскоре умер. Я очень о нем сожалел.

Пятым адъютантом был начальник эскадрона Барен. Он потерял руку в битве при Ваграме, но продолжал служить адъютантом, хотя не мог нести активную службу. Он был хорошим товарищем и очень молчаливым человеком.

Шестым адъютантом был мой брат, начальник эскадрона.

Адъютанты в звании капитана были:

Г-н Порше де Ришбур, сын сенатора, граф Империи. Этот очень способный офицер не имел большой склонности к военному делу и оставил военную карьеру сразу после смерти своего отца, заняв его место в Палате пэров.

Капитан Барраль, племянник архиепископа Турского, бывший паж императора. Он был приятным молодым человеком, обладающим всеми качествами хорошего военного, но крайняя застенчивость часто мешала проявлению этих качеств. Он ушел в отставку в чине капитана. Один из его сыновей женился на очень милой уроженке Бразилии, ставшей придворной дамой принцессы де Жуанвиль[93].

Капитан Кавалье был тоже из корпуса инженеров-географов. Друг Пеле, он был у него секретарем и мало занимался непосредственной военной службой. Он был назначен полковником штаба, когда при Реставрации инженеры-географы влились в этот новый корпус.

Капитан Депену был из семьи судей. У него был очень спокойный нрав, и оживлялся он, только когда шел на врага в атаку. Он трудно переносил тяжести Португальской кампании и не выдержал русского климата. Его нашли замерзшим на одном из бивуаков.

Капитан Реник пользовался особым расположением Массены, но старался не очень этим пользоваться и оставался прекрасным товарищем. Я взял его в свой полк, когда был назначен полковником 23-го конно-егерского. После отступления из Москвы он ушел из армии.

Капитан д'Агессо, потомок знаменитого канцлера[94], был одним из тех богатых молодых людей, которые стали военными под впечатлением от побед императора, не очень сообразуясь со своими физическими возможностями. Этот серьезный и очень смелый человек был слабого здоровья. Бесконечные дожди, которые лили на нас в Португалии зимой 1810–1811 годов, настолько оказались вредны для него, что вогнали его в могилу на берегах Тежу, в 500 лье от родины и семьи!

Капитан Проспер Массена, сын маршала, был прекрасным храбрым молодым человеком, о благородном поведении которого при Ваграме я вам уже рассказывал. Он проявлял ко мне искреннюю дружбу. Маршал часто давал нам вместе трудные поручения. Он долго колебался, посылать ли своего сына в Россию, так как не получил командования в этой кампании. В конце концов он решил удержать его дома, и Проспер провел несколько лет вдали от войн, занимаясь своим образованием. Когда в 1817 году маршал умер, у Проспера Массены, сильно переживающего это событие, начались сильнейшие приступы болезни. Я был в то время в ссылке. Когда я вернулся, то пришел к вдове маршала, чтобы выразить ей свои соболезнования. Она тотчас же позвала своего сына. Молодой человек прибежал и был так взволнован встречей со мной, что снова серьезно заболел. Никакие заботы не помогали улучшить его здоровье, и вскоре он покинул этот мир, в котором у него было известное имя и огромное состояние. Свой титул и часть состояния он оставил своему младшему брату Виктору.

Из всех адъютантов Массены самым молодым и в самом низком чине был Виктор Удино, сын другого известного маршала. Он был сначала первым пажом императора и в этом качестве сопровождал его в битве при Ваграме. В штабе Массены двадцатилетний Удино был лейтенантом. Сейчас он генерал-лейтенант. Я еще расскажу о нем, а сейчас только замечу, что он снискал себе славу одного из лучших наездников своего времени.

Кроме этих четырнадцати адъютантов, у маршала было четыре офицера для поручений:

Капитан инженерных войск Бофор д'Опуль, в высшей степени достойный офицер, рано умерший.

Лейтенант Перрон. Пьемонтец, из благородной семьи, некрасивый, но очень остроумный и веселого нрава. Зимой 1810

года этот молодой офицер помогал нам скрасить скуку в маленьком городке Торриш-Новаш, где нас удерживали проливные дожди. Маршал и генералы приходили посмеяться в кукольный театр, который он устроил. Храбрый до дерзости, он погиб в сражении под Монмирайем, когда, потеряв лошадь, он сел верхом на русскую пушку, которую отбил вместе со своими драгунами.

Лейтенант де Бриквиль отличался храбростью, доходившей до неосторожности, что он и доказал в 1815 году, сражаясь во главе своего полка между Версалем и Роканкуром[95]. Оказавшись между двух парковых оград, он потерял много людей и получил три сабельных удара в голову. Он стал депутатом от города Кана и ярым оппозиционером и умер в состоянии сильной экзальтации.

Четвертый офицер-порученец Массены, — Октав де Сегюр, сын известного графа де Сегюра, камергера императора. Образованный, исключительно вежливый, приятного характера и спокойного мужества, Октав де Сегюр был любимцем всего штаба. В свои почти тридцать лет он имел самый невысокий чин. Окончив Политехническую школу во времена Директории, при Консульстве он занял пост субпрефекта Суассона, но, возмущенный убийством герцога Энгиенского, подал в отставку и пошел служить в 6-й гусарский полк, с которым проделал несколько кампаний. В 1809 году в Венгрии он был ранен и взят в плен при Раабе. Затем его обменяли, и, когда он выздоровел, пошел служить младшим лейтенантом в Португальской кампании, где проявил себя блестяще. Став капитаном 8-го гусарского полка, он попал в плен в России, где был окружен уважением, как сын нашего бывшего посла при Екатерине II. Он провел два года в Саратове на Волге, вернулся во Францию в 1814 году и служил в штабе гвардии Людовика XVIII. Умер он довольно молодым человеком в 1816 году.

Глава XXX

Атака и взятие Сьюдад-Родриго. — Военные подвиги с той и другой стороны. — Я тяжело болен. — Различные происшествия. — Взятие Альмейды

Хотя военный министр заверил маршала, что все готово для начала кампании, это было далеко не так, и главнокомандующему пришлось провести две недели в Вальядолиде, чтобы проследить за выступлением войск, перевозкой продовольствия и боеприпасов. Наконец ставка была перенесена в Саламанку. Мы с братом расположились в этом знаменитом городе у графа де Монтесума, прямого потомка последнего императора Мексики, семью которого Фернан Кортес отправил в Испанию, где она породнилась со многими благородными семьями. В Саламанке маршал потерял еще три недели в ожидании корпуса генерала Рейнье. Эти задержки очень вредили нам, но были на руку англичанам, защищающим Португалию.

Последний испанский город на этой границе — Сьюдад-Родриго, третьеразрядная крепость, судя по ее укреплениям, но имеющая большое значение из-за своего положения между Испанией и Португалией, в местности без дорог, труднодоступной для передвижения орудий крупного калибра, боеприпасов и всего необходимого для осады. Французам было совершенно необходимо овладеть этим городом. Полный решимости его захватить, Массена выехал из Саламанки в середине июня, окружил Родриго корпусом Нея, в то время как Жюно обеспечивал прикрытие против атак англо-португальской армии, которая под командованием герцога Веллингтона стояла в нескольких лье от нас близ крепости Альмейда, первого на нашем пути города Португалии. Сьюдад-Родриго защищал старый храбрый испанский генерал ирландского происхождения Андреа Эррасти.

Так как французы не могли и представить себе, что англичане подошли так близко к крепости, просто чтобы смотреть, как ее будут брать у них на глазах, то они ожидали сражения. Но ничего не происходило, и 10 июля, когда испанская артиллерия смолкла, часть города пылала из-за взрыва порохового склада, контрэскарп был разбит на участке в 36 футов, ров заполнен его обломками и широко пробита брешь, Массена решил дать сигнал к штурму. Для этого маршал Ней сформировал в своем корпусе колонну из 1500 добровольцев,

которые первыми должны были пойти на приступ. Эти храбрецы собрались у подножия городской стены и ждали сигнала, когда один офицер выразил опасение, что проход недостаточно широк. И вот трое наших солдат бросаются вперед, поднимаются на вершину бреши, осматривают город, замечают все, что может быть полезным, разряжают свое оружие, и, хотя этот смелый поступок происходит среди бела дня, все трое счастливо возвращаются к своим товарищам без единой царапины! Как только штурмовые колонны, вдохновленные этим примером и присутствием маршала Нея, бегом устремились к городу, старый генерал Эррасти запросил о капитуляции.

Оборона гарнизона Родриго была хорошей, но испанские войска, из которых состоял гарнизон, справедливо жаловались на то, что англичане их бросили, так как ограничились лишь тем, что выслали разведчиков к нашему лагерю, не пытаясь совершить более серьезных диверсий. Эта разведка обернулась чередой мелких столкновений, которые почти всегда кончались в нашу пользу. В одном из них наша пехота так отличалась, что даже английский историк Нэйпир отдал должное смелости солдат, участвующих в нем. Вот как это произошло.

11 июля английский генерал Кроуфорд, проезжая по землям между Сьюдад-Родриго и Вилья-дель-Пуэрко во главе шести эскадронов, заметил на рассвете роту французских гренадеров численностью примерно 120 человек, проводящую разведку. Генерал приказал атаковать роту двумя эскадронами. Французы успели образовать каре и совершили это перестроение в такой тишине, что неприятельские офицеры слышали, как капитан Гуаш и его сержант призывали своих солдат целиться лучше. Английские кавалеристы яростно атаковали врага, но были встречены таким сильным залпом, что должны были отступить, оставив поле боя, усеянное мертвыми телами. Увидев, что горстка французов отразила нападение двух английских эскадронов, полковник Тэлбот вновь атаковал капитана Гуаша четырьмя эскадронами 14-го легкого драгунского полка. Но французы держались стойко и, встретив атаку залпом в упор, убили самого Тэлбота и три десятка его людей! После этого, сохраняя порядок, храбрый капитан Гуаш отвел своих солдат к французскому лагерю, а английский генерал больше не отважился атаковать их. Это блестящее дело получило известность и в той и в другой армии. Как только это дошло до императора, он дал капитану Гуашу звание начальника батальона, повысил других офицеров, раздал восемь наград гренадерам роты.

Описав этот славный подвиг французов, я хочу теперь рассказать еще об одном деле, на этот раз показывающем

храбрость испанцев.

Повстанец дон Хулиан Санчес и 200 кавалеристов его армии заперлись в Сьюдад-Родриго и часто делали удачные вылазки, нападая на пункты, находящиеся с противоположной стороны от наших траншей. Затем, когда недостаток фуража сделал присутствие 200 лошадей обременительным для гарнизона, темной ночью Хулиан тихо вывел из города своих лансьеров[96] и, перейдя через Агеду по мосту, проход к которому Ней оставил не забаррикадированным, наткнувшись на наши посты, убил много французов, прорвал нашу линию и присоединился к английской армии.

Осада Сьюдад-Родриго чуть не стоила мне жизни, но не от оружия, а из-за болезни, которую я подхватил при следующих обстоятельствах.

Осада могла быть долгой. Земли в окрестностях этого города очень скудны, местных жителей почти нет, и у нас были большие трудности с размещением маршала недалеко от тех мест, где должны проходить наши осадные работы. Его разместили в отдельном доме, расположенном на возвышении, откуда открывался город и его пригороды, но для его многочисленных офицеров поблизости крова не нашлось. Тогда на свои деньги мы приобрели балки и доски и построили огромное помещение, в котором мы могли найти укрытие от солнца и дождей. Спали мы прямо на грубом полу, защищавшем нас от влажных испарений земли. И все вроде устроилось хорошо, но в первую же ночь маршал ощутил в своем большом каменном здании невыносимый запах. Стали искать причину и поняли, что раньше здесь была овчарня. Тогда Массена стал заглядываться на наше импровизированное жилище. Он не хотел выселять нас силой, но, придя к нам под каким-то предлогом, воскликнул: «Как у вас здесь хорошо! Дайте и мне местечко для кровати и стола!» Мы поняли, что это будет настоящий дележ со львом, и поменяли свое прекрасное жилище на бывшие овечьи стойла. Там на полу был насыпан гравий и между камешками оставались еще остатки навоза, и его испарения очень мучили нас по ночам. В Испании невозможно было найти солому, и нам приходилось ложиться прямо на голый зловонный пол и дышать гнилостными миазмами. Уже через несколько дней мы все чувствовали себя в разной степени больными. Мне было гораздо хуже, чем моим товарищам, потому что лихорадка, которая мучила меня еще в Вальядолиде, в таких условиях и при такой жаре вернулась ко мне с новой силой. Однако я решил участвовать в осаде и продолжал выполнение своих обязанностей.

Служба была иногда очень трудной, особенно когда

приходилось ночью относить приказы в те дивизии, которые окружали город на левом берегу Агеды и производили все необходимые работы, чтобы завладеть монастырем Святого Франциска, который неприятель превратил в бастион. Чтобы от нашего штаба добраться до этого пункта, избежав попасть под огонь из крепости, надо было совершать большой крюк до моста, построенного нашими войсками. Но можно было и сократить путь, перейдя реку вброд. И однажды вечером, когда все уже было готово к взятию монастыря, маршал Ней ждал только приказа Массены, чтобы дать сигнал к началу приступа. Был мой черед везти приказ. Ночь была темной, жара удушающей. Лихорадка пожирала меня, я был весь в поту, когда добрался до брода. Я переходил его только однажды днем, но сопровождавший меня драгун переходил его неоднократно и взялся меня провести.

Все было в порядке до середины реки, где глубина была не больше 2–3 футов. Но вдруг драгун потерял брод в темноте, наши лошади оказались на больших скользких камнях, и мы тотчас оказались в воде! Утонуть там было нельзя, и мы, легко поднявшись, дошли до левого берега. Мы были совершенно мокрыми. В любых других обстоятельствах я только бы посмеялся над этим вынужденным купанием. Вода была не очень холодной, она смыла мой пот, но меня охватил ужасный озноб. Я должен был выполнять поручение и продолжать путь к монастырю. Там я провел ночь на свежем воздухе, рядом с маршалом Неем, который атаковал монастырь Святого Франциска пехотной колонной во главе с начальником батальона по имени Лефрансуа. Монастырь был взят. Я был знаком с этим храбрым офицером, который накануне показал мне письмо, в котором любимая им женщина объявляла ему, что ее отец будет согласен на их брак, как только он получит звание майора (подполковника). Чтобы получить это звание, Лефрансуа вызвался вести войска на штурм. Атака была мощной, оборона упорной. После трехчасового сражения наши войска овладели монастырем, но бедный Лефрансуа был убит!.. Армия очень сожалела о гибели этого офицера. И я тоже переживал эту потерю.

В жарких странах перед восходом солнца почти всегда наступает пронизывающий холод. В тот день я был особенно чувствителен к холоду, потому что провел ночь в промокшей насквозь одежде. Я чувствовал себя очень плохо, когда возвращался в штаб. Однако прежде чем переодеться в сухое, мне надо было доложить Массене о результатах штурма монастыря.

В этот момент маршал совершал свою утреннюю пешую прогулку в сопровождении начальника штаба генерала Фририона. Увлеченные моим рассказом или же просто движимые желанием

посмотреть на место действия поближе, они подошли к городу. Мы были уже на расстоянии одного пушечного выстрела от него, когда маршал отпустил меня. Но едва я отошел шагов на пятьдесят, как огромная бомба, выпущенная из укрепления Сьюдад-Родриго, упала рядом с Массеной и Фририоном!.. Она разорвалась с ужасным грохотом. Я обернулся и не увидел маршала и генерала, а только облако дыма и пыли, которые их скрыли. Я счел их погибшими и побежал к тому месту, где их оставил. К моему удивлению, я нашел их живыми. Они получили только ушибы от разлетевшихся во все стороны камней и были совершенно засыпаны землей. Особенно Массена. Несколько лет назад он потерял на охоте глаз, и теперь второй его глаз был засыпан песком. Он ничего не видел и не мог идти из-за полученных ушибов. Нужно было срочно уходить с этого опасного места. Массена был худым и небольшого роста. Несмотря на свое плохое самочувствие, я взял его на плечи и донес до места, куда снаряды уже не долетали. Потом я отправился к моим товарищам, которые и вернулись за маршалом, так что солдаты так и не узнали, какой опасности избежал их главнокомандующий.

Усталость и волнение, которые я испытал за последние сутки, усилили мою лихорадку. Однако я сопротивлялся болезни, и до капитуляции Сьюдад-Родриго, которая произошла, как я уже говорил, 9 июля, мне это удавалось. Но с того дня, когда спало поддерживающее меня возбуждение, поскольку армия расположилась на отдых, лихорадка меня победила. Мое состояние вызвало такую тревогу, что меня перенесли в единственный в деревне не поврежденный бомбами дом. В первый раз я был в таком тяжелом состоянии, не будучи ранен. Болезнь была такой тяжелой, что опасались за мою жизнь. И когда армия, перейдя через реку Коа, направилась к португальской крепости Альмейде, меня оставили в Сьюдад-Родриго. От Сьюдад-Родриго до Альмейды напрямую было всего 4 лье, так что со своего ложа я слышал постоянную пушечную канонаду, и каждый выстрел вызывал во мне досаду!.. Много раз я порывался встать, но не мог, и эти бесплодные попытки, показывая мою слабость, увеличивали еще больше мое отчаяние. Я был далеко от моего брата и товарищей, которых долг удерживал около маршала при осаде Альмейды. Мое грустное одиночество прерывалось только короткими визитами доктора Бланштона, который, несмотря на все свое искусство, не мог хорошо меня лечить из-за отсутствия лекарств, так как армия увезла свои походные госпитали, а все аптеки города были или опустошены, или разрушены. Воздух в городе был отравлен

запахом большого количества раненых обеих сторон, находящихся здесь же, и особенно гнилостным запахом нескольких тысяч трупов, которых не смогли захоронить, так как они оказались под руинами разрушенных бомбами домов. Тридцатиградусная жара тоже сыграла свою губительную роль в распространении тифа. Болезнь свирепствовала в гарнизоне, особенно среди жителей, которые пережили ужасы осады и оставались в городе, пытаясь сохранить свое добро.

Мой слуга заботился обо мне, но, несмотря на все старания, он не мог достать мне всего того, в чем я нуждался. Болезнь усиливалась, вскоре я стал бредить. В моей комнате висели большие картины с изображением четырех сторон света. Африка была расположена перед моей постелью, там был изображен огромный лев, и мне казалось, что его глаза устремлены на меня. Тогда я стал пристально смотреть на него!.. И однажды мне показалось, что он начинает шевелиться. Чтобы предупредить его прыжок, я поднялся, шатаясь, взял саблю и стал рубить и колоть до тех пор, пока лев не был изрублен на куски. После этого подвига, достойного Дон Кихота, я упал почти в бессознательном состоянии на пол, где меня и нашел доктор Бланштон. Он велел снять все картины, и мое возбуждение спало. Но и в моменты незамутненного сознания мне было очень тяжело. Я думал о моем ужасном и одиноком положении. Смерть на поле боя казалась мне завидной по сравнению с той, которая ждала меня, и я жалел, что не пал, как солдат. Умереть от лихорадки, в постели, когда рядом шел бой, мне казалось ужасным и даже постыдным!

Целый месяц я находился в таком состоянии. 26 августа с наступлением ночи вдруг раздался оглушительный взрыв… Земля содрогнулась. Мне показалось, что дом сейчас разрушится! Это был взрыв в Альмейде, где на воздух взлетел огромный пороховой склад, и, хотя оттуда до Родриго было полдня пути, сотрясение дошло и сюда!.. Можно было представить, что же творилось в самой Альмейде!.. Эта несчастная крепость была почти вся разрушена, остались стоять только шесть домов. В гарнизоне было убито шестьсот человек и очень много ранено. Пятьдесят французов, занятых на осадных работах, были ранены осколками камней. Лорд Уэлсли, выполняя приказ правительства щадить британскую армию, нисколько не щадил своих союзников. Он предоставил защиту Сьюдад-Родриго испанским войскам, которые потерпели поражение, а Альмейду португальцам, оставив в этой крепости единственного англичанина, генерала Кокса, бывшего там комендантом.

Этот храбрый офицер не потерял мужества после ужасной катастрофы, разрушившей почти все средства защиты. Он

предложил гарнизону продолжать оборону, укрывшись за развалинами города, но португальские солдаты, испуганные и подстрекаемые своими офицерами, особенно губернатором Бернарду Коштой и командующим артиллерией Жозе Барейрушем, не подчинились его приказу. Всеми покинутый генерал Кокс был вынужден капитулировать.

Говорили, что французский главнокомандующий договорился с португальскими начальниками и что взрыв был результатом их предательства. Но это не так. Никто не поджигал склады. Это был недосмотр артиллеристов гарнизона, которые, вместо того чтобы доставать бочки с порохом одну за другой, закрывая двери после каждого выноса, имели неосторожность прикатить сразу штук двадцать во двор замка. Французская бомба подожгла одну из них, огонь стал распространяться от одной к другой. Так он дошел до самого центра склада, и произошел ужасный взрыв, разрушивший город и повредивший городскую стену. Как бы там ни было, англичане судили обоих португальских командиров. Бернарду Кошта был схвачен и расстрелян, а Барейрушу удалось скрыться. Эти офицеры не были виновны в предательстве, и нельзя было упрекать их в том, что они не стали продолжать безнадежную оборону, результатом которой могла быть только защита в течение нескольких дней развалин Альмейды, в то время как англичане спокойно стояли в 2 лье от крепости, не двинувшись ей на помощь.

Массена захватил Альмейду, но не мог расположиться в ее развалинах и перенес свой штаб в форт Консепсьон, расположенный на границе с Испанией. Часть его укреплений была разрушена французами, но внутренние здания сохранились, и в них можно было как-то жить. Там Массена и приступил к подготовке похода своей армии на Лиссабон.

Мой брат и многие мои товарищи воспользовались передышкой в военных действиях, чтобы навестить меня в Сьюдад-Родриго. Их присутствие способствовало моему успокоению, которое началось после взятия Альмейды. Лихорадка исчезла, и вскоре я начал выздоравливать. Мне хотелось поскорей покинуть это место и присоединиться к штабу в Консепсьон. Но все опасались, что я не смогу выдержать поездку верхом в течение нескольких часов. Однако я выехал и с помощью брата и нескольких товарищей доехал до форта. Я был счастлив вновь оказаться среди своих товарищей. Они не надеялись меня больше увидеть и встретили очень сердечно. Маршал, с которым я не виделся с того дня, когда я отнес его на руках подальше от пушек Родриго, ни слова не сказал мне о моей болезни.

Уезжая, я уступил свое жилье полковнику 13-го конно-

егерского полка г-ну де Монтескью, молодому человеку, достойно прошедшему несколько кампаний. Именно его император посылал парламентером к королю Пруссии накануне сражения при Иене. Постоянное переутомление и климат полуострова подорвали его здоровье. Он остановился в Сьюдад-Родриго и там умер. Это была большая потеря для армии!

Проведя две недели в форте Консепсьон на свежем воздухе и отдохнув, я выздоровел, ко мне вернулись силы, и я начал готовиться к Португальской кампании. Прежде чем рассказать о событиях этой знаменательной и несчастной кампании, необходимо напомнить, что произошло на Пиренейском полуострове с тех пор, как в 1809 году император его покинул.

Глава XXXI

Кампания Сульта в Португалии. — Взятие Шавиша и Браги. — Осада и взятие Опорту. — Сульту предлагают португальский престол

В то время как маршал Ней удерживал королевства Астурию и Леон, маршал Сульт, завладев, кроме Ла-Коруньи, и военным портом Эль-Ферроль, собрал свои войска в Галисии у Сантьяго и готовился захватить Португалию.

В результате иллюзий, ставших для него губительными, Наполеон так никогда и не понял, какая огромная разница из-за восстания испанцев и португальцев создавалась между численностью французских войск, находящихся на Пиренейском полуострове, и реальным числом сражающихся, которое они могли противопоставить врагу. Так, число второго корпуса (Сульта) на бумаге достигало 47 тысяч человек. Но, вычтя гарнизоны, оставленные в Сантандере, в Ла-Корунье и в Эль-Ферроле, 8 тысяч человек, занятых на охране коммуникаций, и 12 тысяч больных, реально число солдат не превышало 25 тысяч. Сражаясь всю зиму в стране заснеженных гор, они были очень усталыми, у них не хватало обуви, а часто и продовольствия. Лошади тоже были изнурены, таская артиллерийские орудия по ужасным дорогам. И вот с такими слабыми силами император приказал маршалу Сульту войти в Португалию. Конечно, он рассчитывал на качество второго корпуса, почти полностью состоявшего из ветеранов Аустерлица и Фридланда, при этом он имел намерение атаковать Португалию с другой стороны корпусом маршала Виктора, который для этого должен был прийти из Андалузии к Лиссабону и там присоединиться к Сульту. Но судьба распорядилась иначе.

1 февраля 1809 года маршал Сульт, предупредив маршала Нея, что оставляет Галисию под его наблюдением, двинулся к Миньо, большой реке, отделяющей Испанию от Португалии. Маршал Сульт попытался ее перейти близ укрепленного города Туй, но сила течения и огонь португальского ополчения, стоящего на противоположном берегу, помешали этому. Маршал с завидной энергией принял новый план операций. Видя, что он не может перейти реку в этом месте, Сульт поднялся вверх по ее течению, переправился на левый берег у Рибадавии, занял Оренсе, затем, спустившись вниз по течению, атаковал Туй, захватил его и сделал своей базой. Там он оставил часть своей артиллерии, тяжелые обозы, больных и раненых под охраной

сильного гарнизона, что сократило его армию до 20 тысяч бойцов. С ними Сульт смело пошел на Опорту[97].

В этом большом городе, втором по величине в королевстве, царила полная анархия. Епископ взял на себя обязанности командующего, собрал большое число жителей соседних деревень и поставил на работы по возведению укреплений, начерченных им самим. Народ здесь жил в большой вольности, войска находились в неподчинении, генералы не могли договориться между собой, все хотели быть независимыми. Беспорядок был полный! Регент и епископ были заклятыми врагами, каждый имел своих подручных, которые время от времени убивали наиболее выдающихся людей, принадлежащих к противоположной стороне. Таково было положение в то время, когда настал черед оказать сопротивление нашей армии. А эта армия, хотя усталая от долгих маршей и множества окружавших ее повстанцев, атаковала при Верине испанский корпус Ла Романы и португальцев под командованием Сильвейры. Испанцы были полностью разбиты, а португальцы отошли за Шавиш, португальский опорный пункт, которым теперь завладел Сульт.

Одним из самых больших неудобств, связанных с экспедициями французов в Португалии, были пленные. Сульт захватил много пленных в Шавише и не знал, куда их поместить. Он принял их предложение, что они перейдут на службу Франции, хотя большинство из них уже проделали это во время экспедиции Жюно, а потом дезертировали.

После захвата Шавиша экспедиционный корпус направился на Брагу, где находилась новая многочисленная португальская армия под командой генерала Фрейре. Видя, что французы разбили его авангард, этот несчастный офицер стал готовить отступление, когда его войска, почти полностью состоящие из призванных крестьян, стали кричать, что это предательство, и расправились с ним! А когда французский авангард, которым командовал генерал Франчески, появился у ворот Браги, жители бросились к тюрьмам, куда уже засадили людей, *подозреваемых* в том, что они молились за успехи французов, и всех передушили!

Маршал Сульт атаковал неприятельскую армию, которая после активного, но краткого сопротивления обратилась в бегство и потеряла 4 тысяч человек и всю свою артиллерию. В Браге беглецы убили коррехидора[98] и начали поджигать и грабить город, прежде чем, преследуемые французами, они побежали дальше по дороге на Опорту. Успех, которого достиг маршал Сульт в Браге, был омрачен потерями, которые он одновременно понес здесь, так как португальский генерал Сильвейра, напавший на левый фланг французской армии, когда она шла на Брагу,

окружил и взял город Шавиш, где захватил 800 солдат гарнизона и 1200 больных и раненых. Не зная об этом печальном событии, Сульт оставил в Браге дивизию Эдле и продолжил свой поход на Опорту. Неприятель ожесточенно сражался за переправу через реку Ави, но французы форсировали и ее. Здесь был убит французский генерал Жардон. Взбешенные поражением, португальцы вновь убили своего командующего, генерала Валонго. Французские дивизии генералов Мерме, Мерля и Франчески находились вместе на левом берегу Ави, и дорога на Опорту была для них открыта. Дивизии распределили свои силы вдоль линии полевых оборонительных укреплений, прикрывающих город и лагерь, в котором находилось не менее 40 тысяч человек неприятельской армии. Половина из них — регулярные войска, которыми командовали генералы Лима и Перейраш. Но реальная власть находилась в руках епископа, человека неистового, умеющего управлять толпой. Английские и португальские историки возложили на него ответственность за убийство пятнадцати высокопоставленных лиц, которых он не захотел или не смог спасти от ярости народа, рассвирепевшего при виде приближающихся французских колонн.

Над Опорту, построенном на правом берегу Дору (Дуэро), возвышаются огромные скалы, на которых были расположены две сотни орудий. Понтонный мост длиной в 250 туазов связывал город с пригородом Вила-Нова. Прежде чем атаковать Опорту, маршал Сульт отправил письмо прелату, предлагая ему уберечь город от ужасов осады. Португальского пленного, которому было поручено передать это послание, чуть не повесили в городе! Епископ все же пошел на переговоры, не прекращая огня с городских укреплений. Затем он отказался сдаваться. Возможно, что он боялся оказаться жертвой населения, ярость которого он сам разжег, внушив надежду на успех. 28 марта маршал, желая отвлечь внимание неприятеля от центра укреплений, где он рассчитывал проникнуть в город, атаковал оба фланга. На левом фланге дивизия Мерля захватила несколько укрепленных мест, в то время как генералы Делаборд и Франчески на левом фланге угрожали другим внешним укреплениям. Поскольку несколько неприятельских батальонов начали кричать, что они хотят сдаться, генерал Фуа в сопровождении адъютанта неосторожно вышел вперед. Адъютант был убит сразу, а генерала схватили, раздели донага и тотчас утащили в глубь города. Португальцы ненавидели генерала Луазона, нанесшего им поражение. Уже давно этот генерал потерял руку, и среди неприятеля его прозвали «Маньета» (однорукий). При виде пленного генерала Фуа жители Опорту подумали, что это он и есть, и принялись

кричать: «Убейте, убейте Маньету!» У Фуа хватило присутствия духа поднять две руки и показать их толпе. Признав ошибку, толпа позволила отвести его в тюрьму. Хотя епископ сам довел ситуацию до кризиса, он не нашел в себе мужества противостоять опасности и, оставив генералов Лиму и Перейраша защищать город, бежал с хорошим эскортом в противоположную от атаки сторону. Переправившись через реку, он остановился только в монастыре Ла-Серра[99], стоящем на вершине крутой горы, возвышающейся над пригородом Вила-Нова на левом берегу Дего. На следующий день прелат мог в полной безопасности наблюдать оттуда за всеми ужасами сражения.

Для жителей Опорту ночь была ужасной. Разразилась сильная гроза. Португальские солдаты и крестьяне приняли свист ветра за свист вражеских пуль. Тогда без приказа офицеров по всей линии началась стрельба и канонада, и грохот двухсот пушек смешался с раскатами грома и несмолкающим звоном колоколов!.. При всем этом ужасающем шуме французы, укрытые в низинах от пуль и ядер, спокойно ждали рассвета, чтобы атаковать крепость.

В зловещий для города Опорту день, 29 марта, вернулась ясная погода, и наши войска начали сражение, которое, в соответствии с первоначальным планом, завязалось сначала на флангах, чтобы обмануть неприятеля. Эта стратегия полностью оправдала себя, так как португальские генералы сильно ослабили центр, чтобы укрепить фланги. И тогда маршал Сульт дал сигнал атаки и бросил французские колонны на центр. Атака была стремительной. Наши солдаты храбро устремились на укрепления, преодолели их, захватили два главных форта, куда проникли через амбразуры, убивая или рассеивая всех сопротивляющихся.

После такого славного успеха прорвавшиеся в центре батальоны с тыла напали на португальские фланги, в то время как Сульт приказал другой колонне идти прямо на город, к мосту. Изгнанная из своих укреплений и во многих местах отрезанная, португальская армия потеряла всякую надежду, ее отступление через город было ужасным. Часть отступающих добралась до форта Сан-Жуан на берегу Дору, и там объятые страхом люди пытались перебраться через реку вплавь или на лодках. Напрасно генерал Лима предупреждал их об опасности. Они убили его, видя уже приближение французов. Они снова попытались переправиться через Дору, но почти все утонули! Сражение в Опорту еще продолжалось. Колонна, которую маршал направил на город, сломала баррикады, заграждающие улицы, и дошла до моста, где сцены боя были еще ужаснее. На этом мосту находилось более 4 тысяч человек всех возрастов — мужчины и

женщины, которые пытались его перейти, когда португальские батареи с противоположного берега, увидев французов и решив помешать им перейти реку, открыли сильнейший огонь по этой толпе, в которой их ядра произвели большое опустошение, совершенно не затронув наши войска. И в тот же момент отряд португальской кавалерии, которому мешали проехать все эти беглецы, галопом прорвался прямо через испуганную толпу, оставляя после себя кровавый след! Все искали спасение на лодках, из которых был составлен мост. Очень скоро они были переполнены, и многие суденышки затонули под непосильной для них тяжестью. Мост от перегрузки оказался прорванным в нескольких местах, а так как толпа стремилась вперед, то тысячи людей, подпираемые сзади, попадая в эти разрывы, падали в воду, которая скоро покрылась трупами. На них, в свою очередь, падали и погибали те, кто пытался перейти реку вслед за ними.

Французы, прибывшие на это место, забыли о сражении. Они видели только несчастных, которым надо было помочь, и они многих спасли от смерти, поступив намного гуманнее, чем португальские артиллеристы, которые из желания убить нескольких французов стреляли по своим согражданам! Наши солдаты преодолели разрывы с помощью досок и, оказавшись на правом берегу, захватили вражеские батареи и взяли пригород Вила-Нова. Переход через Дору был налажен. Казалось, несчастья города подходили к концу, когда стало известно, что 200 человек из охраны епископа закрылись в его дворце и отстреливаются из окон. Французы поспешили туда, а когда все переговоры оказались напрасными, они сломали двери и закололи всех этих «сеидов».

До сих пор наши войска действовали по законам войны. Имущество городов и их жителей оставалось в неприкосновенности. Но, возвращаясь, возбужденные, после штурма епископского дворца, наши солдаты увидели на большой площади три десятка своих товарищей, которых португальцы захватили накануне. Им вырвали глаза и язык, тела были изуродованы с жестокостью, достойной каннибалов! И большинство этих несчастных французов были еще живы!.. При виде такой жестокости солдаты думали уже только о мести. Начались ужасные репрессии, которые маршал Сульт, генералы, офицеры и более спокойные солдаты с трудом остановили. Число португальцев, погибших в тот день перед укреплениями, на мосту и в городе, доходило до 10 тысяч. Потери французов не превысили 500 человек. Генерал Фуа был освобожден, к большой радости армии. Что же до епископа, то, увидев с высоты монастыря Ла-Серра крушение всех своих честолюбивых планов

— как говорили, он хотел отделить для себя от королевства северные провинции, — он бежал к Лиссабону. Там он помирился с регентом, который не только принял его, но вскоре сделал *патриархом* Португалии.

Падение Опорту позволило маршалу Сульту создать крепкую операционную базу. Непосредственным результатом победы стал захват огромных складов, полных боеприпасов и продовольствия. Нам достались также тридцать английских кораблей, задержавшихся в порту из-за непогоды. Сразу же приняв примиренческую позицию, как он сделал это и в Браге, Сульт попытался сгладить последствия войны и призвал бежавших жителей вернуться. Мудрость такой политики дала прекрасный результат, в некотором роде даже неожиданный, который историки не могли объяснить, а газеты в то время не осмеливались о нем и упомянуть.

Португальцы не могли простить принцу регенту, главе дома Браганса, что он бросил их, перенеся правительство в Америку. Они считали, что в результате этой войны Португалия может оказаться придатком Бразилии, Испании или английской колонией. Все это им было в одинаковой мере противно, и, чтобы сохранить свое государство, они хотели иметь наконец своего короля.

Сравнение, которое они сделали между правлением Сульта и ужасной анархией, царившей до этого, было в пользу маршала. Тогда пробудилась партия порядка, ее руководители пришли к маршалу Сульту с предложением возглавить их и образовать независимое правительство. Считая, что такими обстоятельствами надо воспользоваться, Сульт поддержал эту партию. Он произвел назначения на гражданские должности, сформировал Португальский легион из 5 тысяч человек и повел себя так умело, что уже через две недели Брага, Опорту и другие покоренные им города послали адреса, под которыми подписались более 30 тысяч человек из знати, духовенства и ремесленничества с выражением поддержки нового порядка. Герцог Ровиго, бывший министр императора, утверждает в своих мемуарах, вышедших во время Реставрации, что Сульт отказался от этих предложений. Однако очень многие офицеры, бывшие тогда в Опорту, в частности генералы Делаборд, Мерме, Томьер, Мерль, Луазон и Фуа, *уверили меня,* что присутствовали на приемах, на которых португальцы называли маршала Сульта королем и Его Величеством, что тот принимал с большим достоинством. Когда однажды я стал расспрашивать об этом генерал-лейтенанта Пьера Сульта, брата маршала, который был моим командиром и с которым я был очень дружен, он ответил

мне искренне: «Посылая моего брата в Португалию, император предписал ему использовать *все средства,* чтобы вырвать эту страну из союза с Англией и привязать ее к Франции. Видя, что нация предлагает ему корону, маршал посчитал, что такой способ не был бы исключен Наполеоном. Он был даже не лучшим, а *единственным* способом, который мог связать интересы Португалии и Империи. Значит, он должен был им воспользоваться при согласии императора». Правоту Пьера Сульта докажет то, что Наполеон, не выразив ни малейшего недовольства тем, что Сульт мог стать королем Португалии, предоставил ему гораздо больше полномочий по сравнению с теми, которыми маршал обладал, когда только входил в эту страну.

Здесь император подчинился обстоятельствам, в которых Сульт был ему необходим. Действительно ли Наполеон писал Сульту: «Я помню только ваше прекрасное поведение при Аустерлице»?.. Эта подробность никогда не будет выяснена до конца, так как маршал Бертран рассказал мне, что в долгих беседах, которые он вел с Наполеоном на Святой Елене, он много раз пытался перевести разговор на тему о призрачном королевстве Сульта, но император всегда хранил молчание и ничего не говорил по этому поводу. Бертран сделал вывод, что император *не одобрил, но и не осудил* того, что сделал Сульт, чтобы получить португальскую корону, и что успех этого предприятия извинил бы его крайнюю дерзость.

Сначала у императора был замысел объединить весь Пиренейский полуостров в единое государство, королем которого был бы его брат Жозеф. Но, признав, что взаимная ненависть испанцев и португальцев делала этот проект невозможным, желая в то же время любой ценой вырвать Португалию из-под господства англичан, он согласился бы дать корону этой страны одному из своих помощников, чьи интересы были бы интересами Франции. Поскольку маршал Сульт получил признание большой части нации. Бертран считал, что Наполеон мог бы пойти на одобрение этого выбора. Так император мог бы укрепить трон Жозефа и способствовать изгнанию англичан из Испании и Португалии, так как война на Пиренейском полуострове начинала его утомлять и мешала обратить свой взор на север Европы.

Как бы там ни было, как только армия узнала о предложении, сделанном Португалией Сульту, в ее рядах появились разногласия. Младшие офицеры, очень любившие маршала, осуждали этот проект только потому, что считали его противоречащим намерениям императора. Когда же

распространился слух, что маршал действовал с его согласия, огромное большинство в армии, привлеченное той славой, которую даст ей победа в Португалии, встало на сторону Сульта и было готово поддержать его во всем, что им было представлено в свете соответствия интересам Франции и императора. Однако многие высшие офицеры и некоторые генералы опасались, что, если Сульт вступит на португальский трон, император должен будет поддержать его тем, что оставит надолго 2-й корпус в этой стране, чтобы провести колонизацию на манер римской. Они волновались, что будут втянуты в бесконечную войну, и пытались договориться о перемирии с англичанами, занимающими Лиссабон. Они решили выбрать себе предводителя, обратиться к французским войскам, вернувшимся в Испанию, и идти всем вместе во Францию, чтобы вынудить императора заключить мир.

Был ли этот проект, инспирированный английским правительством, поддержан всеми армиями и большинством французского народа? В этом можно сомневаться. С одной стороны, его было легче придумать, чем исполнить. С другой, начало его реализации было положено. Английский генерал-лейтенант Бересфорд, служивший в португальской армии маршалом, был душой этого заговора и через одного торговца из Опорту по имени Виана поддерживал связь с недовольными французами, которые дошли до такой низости, что предложили арестовать маршала Сульта и передать его аванпостам. Можно понять, в какое трудное положение поставило маршала раскрытие этого заговора, тем более что он не знал заговорщиков. Перед ним разверзлась пропасть, однако решительность его не покинула.

Глава XXXII

Неожиданный поворот. — Отступление Сульта в горы. — Поведение маршала Виктора. — Смерть генерала Франчески

В то время как Сульт был занят налаживанием управления завоеванной страной, многочисленные португало-английские войска, вышедшие с сэром Артуром Уэлсли и лордом Бересфордом из Лиссабона и Коимбры, с каждым днем подходили все ближе к Дору и вскоре уже должны были появиться на ее берегах. Португальский генерал Сильвейра сначала забрал у французов Шавиш, потом спустился по реке Тамега до Амаранти, захватил этот город и его мост. Таким образом он оказался в тылу Сульта, которому пришлось выслать в этом направлении войска генералов Эдле и Луазона, которые изгнали Сильвейру из этого пункта. Сэр Артур Уэлсли, думая обогнуть левый фланг французов, перешел Дору возле Ламегу с многочисленным англо-португальским корпусом и тоже направился к Амаранти. Генерал Луазон, несмотря на приказ защищать этот город до последнего, оставил без охраны этот единственный путь, который оставался у французской армии, чтобы выйти из опасной ситуации, в которой она оказалась. Маршал Сульт, видя, что часть неприятельских сил пыталась обойти его с тыла, в то время как остальные двигались прямо на Опорту, угрожая напасть с фронта, решил оставить город и отступить к испанским границам. Этот маневр, начало которого было назначено на 12-е число, задержался на сутки, так как необходимо было собрать артиллерию и отправить вперед обозы. Эта задержка стала фатальной. Заговорщики были заняты своими делами, приказами маршала или пренебрегали, или их плохо понимали, и к Сульту приходили ложные сведения об их исполнении. Положение стало просто ужасным, когда 12-го утром английские колонны прибыли в Вила-Нова.

Уже накануне Сульт отвел свои войска из этого пригорода, разрушил мост, который соединял его с городом, и убрал все лодки с левого берега. Маршал был уверен, что предупредил все попытки переправы через Дору перед Опорту, но, опасаясь, как бы английский флот не высадил войска на правом берегу в устье реки, он держал под постоянным наблюдением берега реки *ниже* города. С горы Серра сэр Артур Уэлсли, обозревая, как орел, Опорту, Дору и окрестности, увидел, что на правом берегу *ниже* города было очень мало французских постов, что они удалены друг от друга, да еще и плохо несли караульную службу, настолько считали себя в безопасности за водами этой огромной

реки.

На войне случается застать врасплох батальон, полк или даже бригаду. Но в истории мало примеров, когда неожиданно, среди бела дня, нападают на целую армию, которую не предупредил ни один аванпост. Именно это и произошло с французами в Опорту. Вот как это случилось.

Вверху от города река Дору делает петлю, которая омывает подножие горы Серра. Понятно, если бы французы оголили этот участок, когда их войска располагались в Вила-Нова и на горе Серра. Но, покидая эти позиции, чтобы сконцентрироваться на правом берегу, они должны были выставить посты перед городом. Однако то ли из-за небрежности, то ли из-за предательства они не только забыли об этой предосторожности, но оставили без охраны вне крепости большое число лодок около недостроенного здания, называемого *новая семинария.* Ограда вокруг него с двух сторон спускалась к реке. За ней могли вполне разместиться четыре батальона. Увидев, что такой большой пост заброшен, сэр Артур Уэлсли задумал смелый план устроить здесь опорный пункт для своей атаки и, если получится, достать эти лодки, переправиться через реку на глазах целой армии и одного из самых знаменитых генералов!

Предыдущей ночью один бедный цирюльник сбежал из города на маленькой лодке, оставшись не замеченным французским патрулем. Английский полковник в сопровождении нескольких человек переправился через реку на этом челноке и привез на левый берег три большие лодки. На них был размещен английский батальон, который овладел семинарией и послал оттуда уже много лодок, так что через полтора часа 6 тысяч англичан оказались в самом центре расположения французской армии, закрепившись на посту, прогнать откуда их было бы крайне трудно, потому что их защищала сильная артиллерия с левого берега, размещенная на горе Серра.

Французские посты ничего не заметили, армия спокойно стояла в Опорту, когда внезапно в городе раздался тревожный бой барабанов и призыв: «К оружию! К оружию! Неприятель!» В этой ситуации как никогда можно оценить сплоченность и качество французских войск, которые не растерялись от неожиданности, а в ярости устремились к семинарии. Они уже сломали основную решетку и убили много англичан, когда под залпами пушек с левого берега и под угрозой нападения с тыла английского корпуса, который только что высадился в городе, получили приказ маршала покинуть его и отойти к Валонгу, городку, расположенному в 2 лье от Опорту по направлению к Амаранти. В тот день англичане не осмелились преследовать

нашу армию. В этом деле они потеряли много солдат. Лорд Пэйджет, один из лучших их генералов, был тяжело ранен, а с нашей стороны был ранен генерал Фуа. Наши потери не были значительными.

Наши старые части были такими опытными, такими закаленными, что они легче, чем другие, справлялись с неожиданностями. Даже английские историки приходят к мнению, что порядок в рядах французов был восстановлен, прежде чем они дошли до Валонгу.

Маршалу, конечно, было за что себя упрекнуть в этой неожиданной атаке средь бела дня, когда он находился в укрепленном городе и под защитой реки. Но надо отдать ему должное и сказать, что в этом несчастье он проявил личное мужество и твердость души, которые никогда не покидали его в самых трудных обстоятельствах.

Покидая Опорту, маршал все свои надежды на спасение связывал с судьбой моста в Амаранти, который, как он думал, еще занимал Луазон. Но 13-го числа утром, находясь в Пенафиеле, он узнал, что этот генерал уже ушел из Амаранти в Гимарайнш!.. Это неприятное известие не сломило волю Сульта. Видя, что дорога к отступлению отрезана, он решил идти прямо без дорог, несмотря на трудный ландшафт местности. Заставив замолчать робкие возражения и ропот нескольких заговорщиков, он сразу же уничтожил свою артиллерию и обозы, посадил на упряжных лошадей больных, навьючил боеприпасы для пехоты и под проливным дождем через горы Каталины по скалистой узкой тропе двинулся в Гимарайнш, где и нашел Луазона и Лоржа, которые прибыли туда по дороге из Амаранти.

Основные силы французской армии собрались в Гимарайнше, англичане на них не нападали, и маршал Сульт мудро заключил из этого, что те пошли по дороге прямо к Браге, чтобы отрезать любое отступление французам, лишенным теперь всех дорог, по которым могла бы пройти артиллерия. Недовольные, в числе которых был и Луазон, уже говорили, что надо капитулировать, как это было сделано в Синтре. Но тогда с решительностью, достойной восхищения, Сульт уничтожил всю артиллерию дивизий Луазона и Лоржа и, оставив дорогу на Брагу слева, продолжил движение по горным тропам. Так он выиграл у неприятеля день пути и в два перехода дошел до Саламонди. Там, срезав под прямым углом дорогу от Шавиша к Браге, по которой он вошел в Португалию три месяца назад, он решил, избегая больших дорог, отправиться в Монталегри по горам. После длительного марша разведчики донесли ему, что мост Понти-Нову на реке Каваду был разрушен и что 1200 португальских

крестьян с пушкой препятствуют его восстановлению! Если это препятствие не преодолеть, любое отступление становилось невозможным…

Дождь не прекращался уже несколько дней. У уставших войск не было продовольствия, обуви, большая часть патронов намокла. Английская армия должна была, по всей вероятности, настигнуть на следующий день французский арьергард. Пробил час сдаваться!..

Но и в этом крайнем положении Сульт не сдался. Он позвал майора Дюлонга, у которого была репутация одного из самых храбрых офицеров французской армии, дал ему 100 отборных гренадеров и поручил им ночью напасть на врага, охраняющего проход. От моста остался неразрушенным только каменный остов в 6 футов шириной. Дюлонг с 12 гренадерами подобрался и пополз по нему к вражескому посту, расположенному на другом берегу. Разлившаяся Каваду бурно несла свои волны… Над потоком один из гренадеров потерял равновесие и упал в пропасть. Но шум грозы и волн заглушил его крики. Дюлонг и 11 солдат добрались до другого берега, внезапно напали на передовые посты дремлющих крестьян, убили или разогнали их всех. Португальские солдаты, стоящие лагерем неподалеку, подумали, что французская армия перешла через Каваду, и тоже разбежались. Маршал Сульт велел тут же починить мост. Так храбрый Дюлонг спас армию.

На следующий день этот офицер был очень серьезно ранен при атаке укрепления, возведенного португальцами в очень труднодоступном проходе, где французы понесли значительные потери. Но это было последнее сражение, которое им пришлось выдержать в этом тяжелом отступлении. 17-го числа они дошли до Монталегри и, перейдя границу, вошли на территорию Испании. В Оренсе они связались с войсками маршала Нея. Отважный Дюлонг был назначен полковником. (Он умер в звании генерал-лейтенанта в 1828 году.)

Так закончилось второе вторжение французов в Португалию. Оружие врагов, болезни и убийства отняли у маршала Сульта 6 тысяч прекрасных солдат. Когда он начинал свой поход, у него было 158 артиллерийских орудий, возвращался он с *одной-единственной* пушкой. Однако он сохранил свою репутацию храброго солдата и умелого полководца, потому что общественное мнение оценило, с одной стороны, проявленную им твердость, а с другой стороны, трудности, с которыми он встретился, — интриги заговорщиков и то, что император оставил его одного, не отправив ему на помощь, как обещал, маршала Виктора.

Наполеон, привыкший за кампании в Италии, Египте и Германии к тому, что его полководцы точно выполняют все его приказы, ошибочно думал, что на Иберийском полуострове все будет так же. Но маршальские звания и удаленность от императора сделали людей менее послушными. Так и маршал Виктор, который должен был из Мадрида идти на Лиссабон через долины Тахо и Гвадианы и оказаться в Мериде 15 февраля, чтобы составить угрозу Португалии с этого направления, так долго оставался в Талавера-де-ла-Рейна, что его бездействие позволило испанскому генералу де Ла Куэста собрать в горах Гваделупе многочисленную армию повстанцев. В конце концов Виктор, выйдя из своей апатии, пошел на него, разбил в нескольких сражениях, в частности при Медельине на берегах Гвадианы, и 19 марта занял наконец город Мериду, через месяц *после* срока, назначенного императором.

Король Жозеф, который только что занял Эстремадуру, напомнил маршалу Виктору приказ Наполеона, который предписал ему войти в Португалию, чтобы присоединиться к маршалу Сульту. Но так как Сульт старше, Виктор опасался попасть к нему в подчинение и не только не захотел присоединиться к нему, но и остановил дивизию Лаписса, которая уже овладела мостом через Тахо у Алькантары и могла бы удачно поддержать Сульта, до того как англичане атаковали его в Опорту. Прождав более месяца, Виктор узнал, что Сульт покинул Португалию, поспешил сам отступить и взорвал мост у Алькантары, прекрасный памятник эпохи Траяна!..

Вернувшись в Испанию, маршал Сульт, взяв артиллерию в арсеналах Ла-Коруньи, встретился в Луго с маршалом Леем и предложил ему объединить свободные силы своих двух корпусов, чтобы предпринять новое вторжение в Португалию. Но маршалы не смогли договориться, и Сульт отвел свои войска на переформирование в Самору.

Я должен рассказать вам также о судьбе офицеров, замешанных в заговоре, о котором я упоминал. Аржантон, капитан аджюдан-мажор 18-го драгунского полка, был душой заговора. Он предстал перед военным судом, был осужден на смерть, но ему удалось бежать. Его командир полковник Лаффит был отправлен в отставку. Что же до генерала Луазона и полковника Доннадье, которых обвиняли в участии в заговоре, но без всяких прямых доказательств, то они не понесли никакого наказания. Однако, если бы генерал остался после этого в Португальской армии, это произвело бы плохое впечатление.

Сульт послал генерала Франчески в Мадрид, чтобы лучше объяснить королю Жозефу свои взгляды. Этот превосходный и

очень смелый офицер попал в засаду к партизанам Капучино. Его отправили сначала в Севилью, затем в Гренаду, где Центральная хунта обращалась с ним как с преступником, а не как с солдатом, и бросила его в тюрьму Альгамбры. Затем его переправили в Картахену, где он умер от желтой лихорадки. Это была огромная потеря для армии, так как у Франчески были все качества прекрасного военачальника.

Глава XXXIII

Положение наших армий в Испании. — Португальская армия. — Наш артиллерийский парк под угрозой. — Собрание в Визеу. — Причины неуспеха кампании. — Армия перед Алкобой

К концу 1809 года император, желая добиться большей слаженности в операциях различных корпусов, которые у него были в Испании, поставил их все под командование своего брата короля Жозефа. Но так как тот был плохим военным, Наполеон наделил его только фиктивной властью, а главнокомандующим сделал маршала Сульта, дав ему *реальную* власть над всеми французскими войсками юга Испании. Под хорошим командованием те выиграли сражения при Оканье и Альба-де-Тормес, пересекли Сьерру-Морену, заняли Андалузию, захватили Севилью, Кордову и окружили Кадис, где укрылась правящая хунта. А в это время генерал Сюше удачно действовал в Арагоне и Валенсии, где он осадил и взял многие укрепленные города. Маршалы Сен-Сир и Ожеро вели активные действия в Каталонии, чье население, самое воинственное в Испании, оборонялось с большим ожесточением. В Наварре и в северных провинциях было очень много партизан, с которыми приходилось вести постоянную войну войскам Молодой гвардии императора. Генералы Бона и Друэ занимали Бискайю и Астурию, Ней удерживал провинцию Саламанка, а Жюно — провинцию Вальядолид. Французы ушли из Галисии, так как эта бедная страна не могла прокормить наши войска. Таково вкратце было расположение наших войск в Испании, когда после взятия Сьюдад-Родриго и Альмейды маршал Массена вступил в Португалию.

Под командованием Массены были: 2-й корпус, полностью состоящий из ветеранов Аустерлица, бывших в прошлом году в Опорту с маршалом Сультом, которого теперь заменил генерал Рейнье (его дивизионными генералами были Мерль и Эдле); 6-й корпус под командованием маршала Нея, прошедший с ним Аустерлиц, Иену и Фридланд (его дивизионными генералами были Маршан, Луазон и Мерме); 8-й корпус под командованием Жюно, состоящий из частей среднего качества (дивизионные генералы — Солиньяк и Клозель, последний стал потом маршалом); корпус из двух кавалерийских дивизий под командованием генерала Монбрена и многочисленная полевая артиллерия под началом генерала Эбле. Генерал Лазовский командовал инженерными частями.

За вычетом гарнизонов, оставленных в Родриго, Альмейде и

Саламанке, а также больных, число бойцов во всех частях армии составляло 50 тысяч при 60 орудиях и большом количестве ящиков с боеприпасами. Обозы были слишком громоздкими, а в Португалии с ее пересеченной местностью почти нет больших дорог. Коммуникационными путями там служат почти всегда узкие, скалистые и часто обрывистые тропы. Перевозки осуществляются на мулах. Есть даже местности, где дорог нет вообще. За исключением нескольких долин земля здесь в основном бесплодна и нет достаточного количества продовольствия, чтобы прокормить армию. Поэтому Массена должен был выбрать для переходов самые плодородные и наименее трудные для движения армии места. Но он решил иначе!

Действительно, армия покинула окрестности Альмейды 14 сентября 1810 года и на другой день собралась в Селорику. Перед ней открылась богатая долина реки Мондегу. Она могла пройти через Сампайю и Понти-ди-Мурсела на Коимбру по дорогам, если не хорошим, то, по крайней мере, сносным. Однако под влиянием своего советника Пеле маршал не пошел по этой плодородной долине, где его войска чувствовали бы себя хорошо, а свернул направо и пошел по горам к Визеу, самыми ужасными дорогами Португалии. Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять, насколько неразумно идти из Селорику в Коимбру через Визеу! Ошибка была тем более значительной, что Визеу отделено от гор Алкобы другими высокими горами, которых не надо было бы преодолевать, направляясь из Селорику в этот город через долину реки Мондегу. Вокруг Визеу нет ни зерновых посевов, ни овощей, ни кормовых трав. Солдаты могли найти в этом краю только лимоны и виноград, а это не очень сытная пища.

Еще немного, и экспедиция Массены могла бы закончиться уже в Визеу из-за неосторожности маршала, который поставил свой артиллерийский парк в крайней правой колонне, то есть отдельно от пехоты, дав ему в сопровождение только один ирландский батальон с одной ротой французских гренадеров.

Этот парк двигался цепочкой, растянувшейся более чем на лье. Продвигались трудно и медленно по очень тяжелым дорогам, когда внезапно на правом фланге появился английский полковник Трент с 4–5 тысячами португальских ополченцев! Если бы неприятель, пользуясь своим численным преимуществом, окружил этот транспорт и решительно атаковал его, вся артиллерия, снаряды и продовольствие армии были бы захвачены или уничтожены. Но полковник Трент, как он потом рассказывал, не мог предположить, что такой опытный маршал, как Массена, оставил без поддержки обоз, от которого зависело спасение его

армии. Думая, что мощный отряд сопровождения скрыт неровностями местности и находился поблизости, он приближался с большой осторожностью. Он ограничился тем, что атаковал роту гренадеров, которая шла впереди. Гренадеры ответили ужасным огнем и убили человек пятьдесят! Испуганные ополченцы отступили, а Трент, окружив часть обоза, сделал то, что должен был сделать сразу. Приблизившись, он заметил слабость охранения и послал парламентера к командиру, чтобы убедить его сдаться, иначе он начнет атаку по всем правилам. Французский офицер умно согласился начать переговоры, чтобы дать возможность предупрежденным ирландцам прибыть из конца к голове колонны. Наконец они показались и начали быстро приближаться… Как только французский офицер их увидел, он прервал переговоры, сказав англичанину: «Я больше не могу обсуждать этот вопрос, мой генерал спешит мне на помощь с 8 тысячами солдат!..» Они заняли свои позиции, но Трент поспешил покинуть свою и удалиться, считая, что имеет дело с авангардом сильной колонны.

Парк был спасен, но когда армия узнала о грозившей ему опасности, это вызвало очень большое волнение. Ней, Жюно, Рейнье и Монбрен отправились тотчас в Визеу, чтобы выразить свое отношение к этому происшествию начальнику штаба генералу Фрициону, который в ответ на их упреки заявил, что его не известили даже о прохождении колонн, все было решено между Массеной и Пеле. Узнав, как обстоят дела, командующие всех четырех корпусов, ошеломленные и возмущенные, вошли к Массене, чтобы сделать ему справедливые замечания. Ней начал говорить, и из служебного помещения мы слышали его возмущенную речь. Но Массена, видя, что разговор будет оживленным, отвел командующих в комнату, удаленную от помещения адъютантов. Я не знаю, что было решено, но, вероятно, он обещал действовать по-другому, так как через четверть часа мы уже видели Массену спокойно прогуливающимся по саду под руку со своими военачальниками. Союз был восстановлен. Но ненадолго.

Как я уже говорил, мелкие причины приводят иногда к крупным неприятностям. Вот показательный пример, поскольку он отразился на результате кампании, целью которой было выгнать англичан из Португалии, а получилось, что из-за неудач французов возросло доверие англичан К Веллингтону, поднялся военный дух их войск, что в большой степени способствовало тем поражениям, которые мы потерпели в последующие годы.

Вся армия знала, что Массена привез в Португалию госпожу Х. Эта дама проехала в повозке по всей Испании и оставалась в

Саламанке во время осады Родриго и Альмейды. Когда же он начал поход по местности, где не могли проехать повозки, она захотела следовать за Массеной верхом, и это привело к очень скверным результатам. Обычно маршал ужинал один с госпожой Х. В тот день для него поставили прибор в саду под лимонным деревом. Стол адъютантов был в том же саду, в ста шагах от него. Уже собирались подавать ужин, когда маршал, желая, вероятно, скрепить примирение, которое только что было достигнуто между четырьмя командующими, заметил, что каждому из них предстоит еще проделать много лье, чтобы добраться до своего штаба, поэтому для них лучше будет отужинать вместе с ним. Ней, Рейнье, Жюно и Монбрен согласились, и Массена, чтобы разговор больше не возвращался к происшествию с артиллерийским парком, приказал в порядке исключения присоединить стол адъютантов к своему.

До сих пор все шло хорошо. Но за несколько минут до начала ужина Массена позвал госпожу Х. Она появилась и сразу же смутилась при виде всех подчиненных Массены. Тогда тот сказал громко Нею: «Мой дорогой маршал, дайте, пожалуйста, руку госпоже Х». Маршал Ней побледнел и был готов взорваться… Однако он сдержался и проводил даму к столу, где по указанию Массены она села справа от него. Но за весь ужин Ней ни разу к ней не обратился, хотя поддерживал оживленный разговор с Монбреном, своим соседом слева. С госпожой Х, достаточно умной, чтобы не понимать своего положения, вдруг случился нервный припадок, и она упала без чувств. Тогда Ней, Рейнье, Монбрен и Жюно покинули сад, при этом Ней очень громко и откровенно высказывал свое мнение на ее счет.

Генералы Рейнье и Монбрен тоже не сдерживали своих чувств, и даже Жюно был резок в выражениях. Так как он осуждал Массену, я позволил себе напомнить ему сцену в Вальядолиде и тот прием, который он оказал там госпоже Х, на что он, смеясь, ответил: «Старый гусар, как я, может иногда позволить себе шутки, но это не значит, что Массена должен их повторять. К тому же я не могу бросить моих товарищей!» С того дня Ней, Рейнье, Монбрен и Жюно были в плохих отношениях с Массеной, который им тоже этого не забыл[100].

Разлад между командующими корпусами только усугубил причины, приведшие к провалу кампании, предпринятой за 500 лье от Франции. Этими причинами были прежде всего полное незнание топографии страны, в которой мы сражались, так как либо из-за оборонительной предосторожности, либо из-за лени португальское правительство никогда не делало хороших карт королевства. Единственная существующая тогда карта была

настолько неточной, что мы шли почти на ощупь, хотя в армии Массены было очень много французских офицеров, уже проделавших две португальские кампании с Сультом и Жюно. Но они не были в провинциях, по которым мы проходили, и не могли вести наши колонны. В главном штабе было три десятка португальских офицеров, среди которых генералы маркиз д'Алорна и граф Памплона, прибывшие из Франции в 1808 году с частями, предоставленными Наполеону Лиссабонским двором. Эти военные, хотя они только выполняли приказы прежнего правительства, были осуждены хунтой и теперь следовали с нашей армией, чтобы вернуть их конфискованное на родине имущество. Массена надеялся, что эти изгнанники могли ему дать полезные сведения, но, кроме Лиссабона и его окрестностей, никто из них о своей стране ничего не знал. И это при том, что англичане уже более двух лет исходили ее вдоль и поперек и прекрасно знали ее территорию, что давало им огромное преимущество перед нами!

Была еще одна не менее важная причина, повредившая успеху нашей кампании. Сэр Артур Веллингтон, которому хунта предоставила неограниченные полномочия, использовал их, приказав населению покидать свои жилища, уничтожать провизию, мельницы и со всеми своими стадами отходить к Лиссабону при первом приближении французов, которые таким образом не могли получить никаких сведений и были вынуждены отходить очень далеко от дорог, чтобы достать продовольствие! Когда англичане хотели добиться такого жестокого способа сопротивления от испанцев, те отказывались это делать. Но более покорные португальцы подчинились настолько, что мы проходили через огромные пространства, не встретив *ни единого* жителя! На человеческой памяти еще не было такого повального бегства! Когда мы вошли в город Визеу, он был совершенно пуст. В нем Массена остался с армией на шесть дней, что было еще одной ошибкой, добавленной к той, которую мы совершили, не пойдя по долине Мондегу. Ведь если бы уже на другой день французский главнокомандующий быстро выступил и атаковал Алкобу, где у сэра Уэлсли было тогда очень мало сил, маршал мог еще исправить свою ошибку. Но наша шестидневная стоянка позволила англичанам перейти вброд Мондегу выше Понги-де-Мурсела и собрать свои части на гребнях Алкобы, главным образом в Бусаку.

Военные всех стран не смогли понять, почему Массена бездействовал почти неделю в Визеу, но штаб маршала мог сказать, что во многом способствовало тому, что Массена задержался в этом месте, — это недомогание госпожи Х, так как в

восставшей стране невозможно было оставить ее, не подвергая опасности быть похищенной. К тому же, когда Массена решил выступить в путь, он делал очень короткие переходы, сначала остановился в Тонделе, на другой день, 26 сентября, устроив свой штаб в Мортагоа, на правом берегу речушки под названием Криз. Здесь он потерял драгоценное время на устройство квартиры для госпожи X и выехал со своим штабом к аванпостам, расположенным за 5 лье оттуда у подножия Алкобы, только в два часа ночи.

Эта гора длиной примерно в 3 лье справа подходит к реке Мондегу, а слева примыкает к очень обрывистым холмам, по которым нельзя было пройти колоннами. В самой верхней точке был францисканский монастырь под названием Саку. В центре на вершине горы было своего рода плато, на котором располагалась английская артиллерия. Она могла свободно простреливать весь фронт нашей позиции, и ее ядра залетали даже за Криз. Дорога вокруг гребня Бусаку позволяла неприятелю легко поддерживать связь между различными частями. Склон горы с той стороны, с которой наступали французы, был очень крутым и облегчал его оборону противнику. Левое крыло неприятеля было на вершинах, поднимавшихся над Барней, центр и резервы в монастыре Бусаку, правое крыло на высотах, немного позади Сан-Антонью-ди-Кантару. Эта позиция, защищаемая многочисленной армией, была настолько превосходной, что англичане боялись, что французский главнокомандующий не осмелится их атаковать.

Когда 26 сентября вечером Массена прибыл к подножию позиции, в его отсутствие маршал Ней расположил армию так: 6-й корпус на правом фланге в деревне Моура. Центр — напротив монастыря Бусаку. Корпус Рейнье (2-й) на правом фланге в Сан-Антонью-ди-Кантару. 8-й корпус Жюно был на марше, так же как и большой артиллерийский парк, чтобы встать резервом за центром. Кавалерия под командованием Монбрена находилась в Бьенфете.

Когда армия терпит поражение, генералы могут сваливать вину один на другого, а так как именно это и произошло в сражении при Бусаку, необходимо рассказать здесь о мнении, высказанном до начала действий подчиненными Массены, которые, толкнув его на самую большую ошибку, которую он когда-либо совершал, вовсю критиковали его действия уже после фатального события.

Я уже сказал, что корпуса маршала Нея и Рейнье за день до сражения находились у подножия горы Алкоба перед неприятелем. Оба маршала с нетерпением ждали главнокомандующего и обменивались письменно замечаниями по

поводу позиции англо-португальской армии. Существует письмо от утра 26 сентября, в котором маршал Ней писал генералу Рейнье: «Если бы командовал я, то атаковал бы, не колеблясь ни минуты!» И тот и другой выражали то же мнение в переписке с Массеной: «Эта позиция не так хороша, как кажется, и, если бы я не был подчиненным, я бы захватил ее, не дожидаясь ваших приказов». Поскольку Рейнье и Жюно уверяли, что это очень легко, Массена, полагаясь на них, не стал больше проводить разведку местности, хотя потом утверждали обратное, а ограничился ответом: «Я буду завтра на рассвете, и мы атакуем…», повернул поводья и поехал по дороге на Мортагоа.

В момент такого внезапного отъезда все были ошеломлены, так как все думали, что, изучив неприятельскую позицию, на то краткое время, которое ему осталось до сражения, он останется со своими войсками, стоящими на расстоянии пушечного выстрела от неприятеля. Главнокомандующий уехал, ничего не осмотрев лично, и это было его большой ошибкой. Но командующие, подтолкнувшие его к атаке, усыпив присущую ему бдительность, могли ли они осуждать его поведение, как они сделали это потом? Я не думаю. Напротив, им есть в чем упрекнуть себя, потому что, оставаясь два дня у подножия Алкобы, они советовали атаковать в лоб, несмотря на крутизну склона, не попытавшись найти способ обогнуть гору, хотя, как вы это скоро поймете, это было очень легко.

Для армии стало большим несчастьем, что рядом с Массеной не было больше генерала Сент-Круа, потому что его военный инстинкт подсказал бы ему использовать все свое влияние и убедить маршала не атаковать в лоб такую прекрасную позицию, не убедившись, что ее нельзя обойти. Но Сент-Круа был со своей бригадой за много лье позади, сопровождая порученный его охране обоз.

Едва главнокомандующий и его штаб покинули армию, наступила ночь. У Массены был только один глаз, и он был неважным наездником. Дорога, по которой мы ехали, была покрыта крупными камнями и валунами. Нам понадобилось более двух часов, чтобы проехать шагом в темноте те 5 лье, которые отделяли нас от Мортагоа, куда маршал послал коммандана Пеле предупредить о его возвращении. Дорогой меня одолевали грустные размышления о последствиях сражения, которое на следующий день предстояло дать французам в таких неблагоприятных для них условиях… Вполголоса я поделился своими мыслями с моим другом Линьивилем и с генералом Фририоном. Оказалось, что нам бы всем хотелось, чтобы Массена изменил свои распоряжения. Но Пеле был единственным

офицером, который мог высказать ему какие-либо соображения *прямо*. Положение казалось нам настолько серьезным, что мы решили сказать Массене правду косвенным путем, применяя тактику, которая иногда приносила свои плоды. Для этого мы, договорившись между собой, подошли близко к маршалу, сделав вид, что не узнаем его в темноте. Мы стали говорить о сражении, назначенном на завтра, и я выразил сожаление, что главнокомандующий будет атаковать гору Алкоба в лоб, не убедившись, что ее нельзя обойти. По договоренности генерал Фририон ответил, что маршал Ней и генерал Рейнье уверили, что невозможно пройти другим путем. Тогда Линьивиль и я возразили, что нам трудно в это поверить, ведь тогда жители Мортагоа должны были бы в течение веков оставаться без прямой связи с Боялву и, чтобы дойти до большой дороги в Опорту, куда дела призывали их ежедневно, вынуждены были переходить гору в ее самой крутой точке — в Бусаку. Я добавил, что поделился этим наблюдением с адъютантами маршала Нея и генерала Рейнье, спросив их, кто производил разведку левого края неприятеля, но никто так и не смог мне ответить. Я заключил, что никто не осматривал этот участок…

Зрение у Массены было плохим, зато слух чрезвычайно острым, и, как мы того и хотели, он не упустил ни одного слова из нашей беседы. Это его так поразило, что, подойдя к нашей группе, он принял участие в нашем разговоре и признал, что, обычно такой осмотрительный, он слишком легко согласился атаковать гору в лоб, но отменит свое решение. Что, если будет найден проход в обход позиции, он оставит завтра армию отдыхать и скрытно соберет ее на следующую ночь напротив уязвимого пункта, и тогда уже нападет на неприятеля. Конечно, будет задержка на сутки, но больше надежды на успех и меньше людских потерь.

Решение маршала казалось таким твердым, что, прибыв в Мортагоа, он поручил нам с Линьивилем найти в округе жителя, который мог бы указать нам дорогу, ведущую в Боялву, минуя Бусаку.

Это задание было очень трудным, так как все население бежало при приближении французов, а ночь была такой темной, что не способствовала нашим поискам. Нам все же удалось найти в монастыре старого садовника, оставшегося ухаживать за тяжелобольным монахом, к которому он нас и подвел. Этот монах ответил правдиво на все наши вопросы. Он часто ходил из Мортагоа в Боялву по хорошей дороге, выход на которую был в лье от монастыря. Он удивился, что мы не знаем эту развилку, ведь часть нашей армии прошла мимо нее, направляясь из Визеу

в Мортагоа. В сопровождении старого садовника мы пошли проверять слова монаха и обнаружили, что прекрасная дорога действительно обходит горы слева. А ведь маршал Ней двое суток находился в Мортагоа и не разведал эту дорогу. А ведь это могло бы спасти нас от многих бед. Мы с Линьивилем были счастливы нашим открытием и поспешили сообщить это маршалу. Но мы отсутствовали больше часа и застали маршала уже с коммандaном Пеле, среди карт и чертежей. Пеле сказал, что днем рассматривал в телескоп горы и не обнаружил никакого прохода к нашему правому флангу. Впрочем, он не мог и подумать, что за время своего пребывания в Мортагоа маршал Ней не исследовал окрестности, и, поскольку он не обнаружил этого прохода, это и есть доказательство того, что его не существует. Мы не смогли его переубедить. Напрасно мы с Линьивилем предлагали обогнуть противника и подняться по горе, которая, по словам монаха, была менее крутой, чем гора в Бусаку. Напрасно говорили, что можем дойти до Боялву, если нам дадут один из трех гвардейских батальонов. Напрасно генерал Фририон умолял маршала согласиться на это предложение. Все было напрасно! Массена, крайне утомленный, ответил, что уже почти полночь, что в четыре часа утра надо выезжать, чтобы быть в лагере на рассвете. И пошел спать.

Никогда ночь для меня не была такой ужасной. Все мои товарищи тоже были очень опечалены. И вот пришел час отъезда. Мы прибыли на наши аванпосты, и первые лучи зари этого зловещего дня, 27 сентября, осветили начало одного из самых ужасных поражений, которое потерпела французская армия!

Глава XXXIV

Поражение у Бусаку. — Мы обходим позицию и идем по дороге на Коимбру

Оказавшись перед позицией, которую он почти не видел накануне, Массена, казалось, на мгновение заколебался и, приблизившись к тому месту, где я разговаривал с генералом Фририоном, сказал нам грустно: «В вашем вчерашнем предложении был определенный смысл…» Эти слова оживили вчерашнюю надежду, мы снова стали убеждать главнокомандующего обогнуть гору через Боялву у крайнего левого края позиции. Мы уже склоняли его к этому мнению, когда маршал Ней, генерал Рейнье и Пеле прервали нашу беседу, сказав, что все готово для атаки. Массена сделал все же несколько замечаний, но в конце концов подчинился своим полководцам, вероятно опасаясь, что они его упрекнут в том, что он упустил победу, в которой они же и были *уверены.* Массена приказал открыть огонь в семь часов утра.

2-й корпус Рейнье атаковал правый фланг противника, а Ней — левый и центр. Французские войска были выстроены на каменистом участке с довольно крутым спуском к огромной расселине, которая отделяла нас от горы Алкоба — высокой, очень крутой и к тому же занятой неприятелем. Неприятель находился непосредственно над нашим лагерем и наблюдал за всеми нашими передвижениями, в то время как мы видели только его аванпосты, расставленные на полдороге между монастырем Бусаку и расселиной, такой глубокой, что невооруженным глазом можно было едва различить движение проходящих там войск. Эта своего рода пропасть была такой узкой, что пули английских карабинеров[101] долетали от одной ее стороны к другой. Это препятствие, подобное огромному рву, созданному самой природой, служило первой оборонительной линией перед естественными укреплениями, которыми являлись стоящие стеной огромные скалы, увенчанные острыми пиками. Добавим к этому, что наша артиллерия двигалась по очень плохим дорогам. К тому же она должна была стрелять снизу вверх, поэтому не могла быть эффективной. Пехота не только должна была преодолевать массу препятствий и подниматься по очень крутому склону, но и имела перед собой лучших стрелков в Европе. В то время английские войска были лучше всех обучены стрельбе и в этом намного превосходили пехоту других стран.

Хотя кажется, что правила ведения войны должны быть

одинаковыми для всех цивилизованных народов, они тем не менее кардинально различаются даже при схожих обстоятельствах. Так, при защите позиции, поставив стрелков впереди и по бокам, французы обязательно занимают высоты основными силами своих войск и резервами, что имеет плохую сторону в том, что они показывают неприятелю уязвимое место нашей линии. Способ, к которому прибегают англичане в подобных обстоятельствах, мне кажется предпочтительнее, что много раз доказывалось в войнах на Иберийском полуострове. После того как они, подобно нам, занимают войсками фронт своей позиции, их стрелки готовы защищать подходы к ней, но свои основные силы англичане располагают так, чтобы их не было видно, хотя и вблизи от основного опорного пункта позиции, чтобы они могли быстро обрушиться на врага, если он подойдет достаточно близко. Подобная атака, внезапно обрушивающаяся на наступающих, которые, понеся многочисленные потери, уже считают себя победителями, почти всегда удается. К несчастью, мы испытали это на себе в сражении у Бусаку, хотя, несмотря на многочисленные препятствия и оборону противника, нашим храбрым солдатам 2-го Корпуса удалось взобраться на гору Алкоба. И когда после часа беспримерных усилий, полных мужества и даже героизма, они, задыхаясь, добрались до гребня, то оказались вдруг перед линией английской пехоты, которую они не видели ранее. Эта линия встретила их в пятнадцати шагах сильным прицельным огнем, который уложил на землю более 500 человек, а затем бросилась на остальных со штыками наперевес. От этой неожиданной атаки, поддерживаемой градом картечи, сыпавшейся на наши ряды с флангов, некоторые наши батальоны пошатнулись. Но они быстро восстановились и, несмотря на потери, которые мы понесли, взбираясь на позицию, и несравненно большие, которые нам нанесла эта атака, наши удивленные, но не сломленные войска устремились на английскую линию, штыками прорвали ее во многих местах и захватили шесть пушек!

Тогда Веллингтон выдвинул мощный резерв, в то время как наши резервы находились у самого подножия горы. Под натиском, оказываемом на них со всех сторон, французам пришлось уступить то очень узкое пространство, которое они успели занять на плато. После долгого и упорного сопротивления им пришлось быстро спускаться тем же путем, по которому они поднимались. Англичане преследовали их до половины этого пути. Он давали по ним ружейные залпы, и эти залпы были смертоносны. А мы не могли на них ответить! В такой невыгодной для французов позиции сопротивление было

бесполезным, и офицеры приказали солдатам рассеяться группами стрелков по расселинам и под градом пуль спускаться к подножию горы. Мы потеряли в этом месте генерала Грэндоржа, двух полковников, 80 офицеров и от 700 до 800 солдат.

После такого поражения осторожность требовала, как нам казалось, не посылать больше ослабленные многочисленными потерями части на врага, гордого своим успехом и занимающего те же позиции. Тем не менее генерал Рейнье приказал бригадам Фуа и Саррю снова атаковать противника, и Массена, свидетель этого безумия, позволил провести эту атаку, которую ожидала такая же судьба. В то время как эти события происходили на нашем левом фланге, судьба была к нам не более благосклонна и на правом, где находился 6-й корпус. Хотя предварительно была договоренность атаковать одновременно во всех пунктах, и к семи часам, когда начались действия, Массена повторил этот приказ, Ней двинул свои войска только в 8 часов 30 минут. Потом он объяснял это опоздание условиями местности на его участке. Они действительно были хуже, чем на левом фланге. Французы совершили большую ошибку, послав 2-й корпус в наступление, прежде чем 6-й корпус оказался в состоянии действовать. Маршал Ней совершил такую же ошибку, не скоординировав действия дивизий Луазона, Маршана и Мерме. Их части энергично атаковали противника, и, несмотря на его артиллерийский огонь и выбивающие целые ряды залпы пехоты, бригады Ферея, Симона и 26-й линейный полк взобрались по скалистому склону и бросились на вражескую артиллерию, захватив при этом три орудия. Англичане, получив новые подкрепления, перешли в контратаку. Генерал Симон упал с раздробленной пулей челюстью, и его захватили в плен возле одной из пушек, которую он только что захватил. Почти все высшие офицеры были убиты или ранены, и три английских залпа в упор несли смерть и смятение в ряды французов, которые в беспорядке возвращались к начальным позициям. Так закончилась основная часть этой битвы.

Потери 2-го и 6-го корпусов были огромны: 5 тысяч человек, из них 250 офицеров, были убиты, ранены или взяты в плен. Генерал Грэндорж, полковники Мёнье, Ами и Берлье убиты, двое других ранены, раненый генерал Симон попал в руки врага. Генералы Мерль, Мокюн и Фуа тяжело ранены. Два полковника и тринадцать начальников батальона тоже. У неприятеля, защищенного возвышающейся позицией, потерь было меньше. Англичане признали, однако, что из строя было выведено 2300 человек. Позже стало известно, что, если бы мы атаковали накануне, англичане отошли бы без боя, потому что 25 тысяч их

лучших войск находились еще за Мондегу, на расстоянии целого марша от Бусаку, куда они пришли только в ночь перед сражением.

Таков был результат шести дней, потерянных Массеной в Визеу, поспешности, с которой он вернулся 26-го числа в Мортагоа, вместо того чтобы изучать позицию, которую он собирался атаковать на следующий день.

Какими бы ни были усилия французов, все они разбивались о скалы этих крутых и непокорных гор, по которым даже одному человеку без груза было трудно взбираться, и командующие войсками должны бы были отдать приказ прекратить огонь, ставший совершенно бесполезным. Однако сильная пальба еще продолжалась в самом низу позиции, на которую наши солдаты, в крайнем возбуждении, снова хотели взобраться. Эти маленькие отдельные бои против неприятеля, скрывающегося за высокими скалами, стоили нам многих людей. Каждый уже чувствовал необходимость положить этому конец, но никто не отдавал официального приказа.

Обе армии стали свидетелями очень трогательной сцены, совершенно противоположной по духу царившей вокруг резне. Слуга генерала Симона, узнав, что его хозяин тяжело ранен и остался на вершине Алкобы, попытался пройти к нему. Сначала неприятельские солдаты, не понимая, почему он подошел к их линиям, отогнали его и несколько раз в него стреляли. Вынужденный вернуться к французским постам, этот преданный слуга сокрушался, что не может помочь своему хозяину. Тогда простая маркитантка 26-го полка, входившего в бригаду Симона, знавшая генерала только на вид, взяла вещи из рук слуги, положила их на своего осла и повела его вперед, сказав: «Посмотрим, осмелятся ли англичане убить женщину!» Не слушая никаких возражений, она начала подниматься, спокойно прошла мимо стрелков и с той, и с другой стороны. Несмотря на все свое ожесточение, солдаты пропустили ее и перестали стрелять на то время, пока она не оказалась в безопасности от их пуль. Наша героиня нашла английского полковника и объяснила ему, что ее сюда привело. Ее хорошо приняли и проводили к генералу Симону. Она позаботилась о нем как смогла, осталась около него несколько дней и оставила только после прихода слуги. Она отказалась от всяческого вознаграждения, села на своего осла, снова проехала через всю отходящую к Лиссабону неприятельскую армию и возвратилась в свой полк, не вызвав никаких насмешек или оскорблений, хотя она была молода и красива. Англичане подчеркнуто уважительно отнеслись к ней. Но вернемся в Бусаку.

Обе армии оставались на своих позициях. Спустившаяся ночь была одной из самых печальных для нас, так как мы подсчитали наши потери, и будущее казалось нам мрачным… 28-го на рассвете эхо горы Алкобы откликнулось вдруг радостными криками и звуками полковой музыки у англичан, стоящих на высоте. Веллингтон проводил смотр своим войскам, и они встречали его громогласным «Ура!», в то время как внизу французы были молчаливы и печальны. Массена должен бы был тоже сесть на лошадь, объехать войска, подбодрить солдат, вызвать у них энтузиазм, и они своими криками, предвестниками будущих побед, откликнулись бы на вызывающую радость врага. Император и маршал Ланн непременно сделали бы это. Но Массена держался в стороне, прохаживался один, с неуверенностью во взгляде, не отдавая никаких распоряжений, тогда как его полководцы, особенно Ней и Рейнье, громко обвиняли его в неосторожности, с которой он атаковал такую сильную позицию, как Бусаку. А ведь накануне они толкнули его к сражению, говоря, что уверены в победе! Наконец они подошли к главнокомандующему и предложили ему признать поражение перед армией и всем миром, покинуть Португалию и отвести армию за Сьюдад-Родриго в Испанию! Старый Массена, частично обретя свою былую энергию, которая так отличала его при Риволи, Цюрихе, Генуе и во множестве других случаях, отверг это предложение, как недостойное армии и его самого.

Англичане назвали знаменательное сражение при Бусаку *политическим,* потому что британский парламент, придя в ужас от огромных военных расходов, намеревался уже вывести свои войска с полуострова, впредь ограничиваясь поставками оружия и боеприпасов испанским и португальским повстанцам. Этот проект нанес бы ущерб влиянию Веллингтона, и он решил помешать его осуществлению, ответив на опасения английского парламента громкой победой. Это и было причиной того, что он *ждал* французов в Бусаку. Его маневр удался, и парламент согласился на новые субсидии для этой ставшей для нас пагубной войны!

В то время как маршал разговаривал со своими командующими, прибыл Сент-Круа, который на время покинул свою бригаду. При виде его все пожалели, что накануне его не было рядом с маршалом, ведь он был его добрым гением. Он узнал о событиях от самого Массены, который понял наконец, что совершил ошибку, так как не обошел неприятельскую позицию справа, как мы ему советовали. Сент-Круа предложил ему вернуться к этому плану и с согласия главнокомандующего поскакал галопом в сопровождении Линьивиля и меня в Мортагоа, куда привел свою бригаду драгун, стоявшую лагерем

недалеко отсюда. Проезжая через город, мы взяли садовника из монастыря, который за золотую монету согласился служить нам проводником и рассмеялся, когда у него спросили, существует ли дорога на Боялву!..

Бригада Сент-Круа и один пехотный полк шли по этому новому направлению, а 8-й корпус и кавалерия Монбрена следовали за ними на небольшом расстоянии. Готовились также выступить дополнительные части. Под влиянием Сент-Круа Массена наконец-то повел себя как *главнокомандующий* и заставил замолчать своих подчиненных, которые продолжали отрицать существование прохода справа. Чтобы скрыть от англичан передвижение частей, находившихся у подножия Алкобы, выдвижение началось ночью и в полной тишине. Конечно, англичане вскоре узнали об этом, услышав отчаянные крики французских раненых, которых пришлось нам оставить!.. Те, кто был ранен легко, последовали за армией. Много лошадей и других вьючных животных употребили для перевозки тех раненых, которые еще могли выздороветь и вернуться к активной службе, но людей с ампутацией ног или с тяжелыми ранениями в теле оставили лежать на сухой пустоши. Несчастные понимали, что крестьяне прирежут их, как только уйдут обе армии, их отчаяние было ужасным!

Французы опасались, что Веллингтон, заметив их фланговый марш, нападет на корпус генерала Рейнье, который должен был уйти с позиции последним и на несколько часов остаться один на один возле неприятеля, что могло привести к поражению и даже полному захвату этого корпуса. Но английский полководец не мог бы даже думать о том, как отрезать французский арьергард, потому что он только что узнал, что в этот момент его самого обходят по дороге, существование которой французский главнокомандующий так долго отрицал.

И вот что произошло. Мы шли всю ночь с 28 на 29 сентября, и садовник монастыря капуцинов из Мортагоа, поставленный во главе колонны генерала Сент-Круа, довел нас по дороге, по которой могла пройти артиллерия до Боялву. Таким образом, мы без единого выстрела обошли все позиции английской армии у Алкобы, и Веллингтон, опасаясь, что его армия будет взята с тыла, решил поспешно покинуть Бусаку и Алкобу, уйти в Коимбру, там перейти Мондегу и двинуться к Лиссабону, что он и поспешил сделать. Авангард под командованием Сент-Круа встретил только небольшой пост ганноверских гусар, оставленных в прелестном городке Боялва, расположенном на южном склоне гор. Плодородные земли в этих местах позволяли надеяться, что армия найдет здесь много продовольствия. Тогда

радостный крик послышался в наших рядах, солдаты быстро забыли усталость, опасность прошлых дней, может, даже и своих несчастных товарищей, брошенных умирать у Бусаку!

Успехом нашего быстрого движения мы были обязаны тому, что Боялву с деревней Авелан-ди-Каминью связывала хорошая дорога, оттуда начиналась дорога от Опорту в Коимбру. Генерал Сент-Круа занял Авелан, и, к нашему счастью, мы обнаружили еще одну дорогу, связывавшую Боялву с Сарданом, деревней, расположенной тоже на большой дороге. Войска, выйдя из ущелья, прошли на равнину. Теперь у нас было доказательство существования прохода, которое так упорно отрицали маршал Ней, генерал Рейнье и комендант Пеле!..

Как же должен был корить себя Массена, не позаботившийся провести разведку сильной позиции противника, перед которой он потерял несколько тысяч своих людей и которую его армия обходила теперь, не испытывая никакого сопротивления! Но Веллингтон допустил еще большую ошибку, чем наш главнокомандующий, потому что он оставил без охраны этот пункт и не разведал дорогу, которая вела к выходу из Мортагоа. Напрасно он потом объяснял, что не считал эту дорогу пригодной для прохода артиллерии и что к тому же он приказал бригадному генералу Тренту прикрыть Боялву двумя тысячами человек из португальского ополчения! От опытных военачальников такое извинение не принимается. Можно ответить, что состояние дороги английский полководец должен был проверить еще до сражения, а во-вторых, командующий армией должен не только отдавать приказы, но быть уверенным, что их выполняют! Боялву находится всего в нескольких лье от Бусаку, однако Веллингтон ни накануне, ни в день сражения не проверил, охраняется ли такой важный для спасения его армии проход, как он это приказал. Если бы в ночь с 26-го на 27-е число Массене пришла мысль послать один из корпусов на Боялву, чтобы атаковать с фланга левое крыло неприятеля, в то время как с остальным своим войском он угрожал бы ему с фронта, англичане потерпели бы полное поражение! В заключение скажем, что в данных обстоятельствах ни Веллингтон, ни Массена не показали себя достойными своей славы и вполне заслужили упреки, обращенные к ним современниками и подтвержденные потом историками.

Глава XXXV

Португальцы срочно покидают Коимбру. — Марш на Лиссабон. — Расправа над нашими ранеными в Коимбре. — Линии Синтры и Торриш-Ведраш. — Разногласия между Массеной и его командующими. — Отход к Сантарену

Когда французская армия полностью вышла из дефиле Боялву и собралась на равнине в окрестностях Авелана, маршал Массена повел ее на Коимбру через селения Педрейра, Меальяда, Каркуэу и Форнуш. В последнем пункте состоялся кавалерийский бой, в котором Сент-Круа опрокинул английский арьергард и отбросил его к Коимбре, к которой французы вышли 1 октября.

Несчастные жители этого большого и красивого города, обманутые результатами сражения у Бусаку и заверениями английских офицеров, что французская армия уходит в Испанию, предавались бурной радости. Иллюминации, балы, всяческие праздники еще длились, когда в городе внезапно узнали, что французы, обогнув горы Алкобы, спустились на равнину, идут на Коимбру и им уже остался всего день пути! Трудно описать ошеломление 120 тысяч человек населения этого города, которым англичане долго обеспечивали безопасность, при внезапном известии, что враг приближается и надо немедленно покинуть дома! По признанию самих английских офицеров, этот исход был ужасным зрелищем, и я воздержусь от передачи душераздирающих сцен.

Эта огромная толпа беглецов, состоящая из мужчин, женщин, детей, стариков, монахов и монахинь, городских жителей и солдат, вперемежку с тысячами вьючных животных мешала продвижению армии Веллингтона, которая в беспорядке отходила к Кондейше и Помбалу. Много людей погибло при переправе через Мондегу, хотя на реке было много мест, где можно было перейти ее вброд.

Случай был благоприятен для Массены. Он должен был бы бросить в погоню за неприятелем 8-й корпус Жюно, который не принимал участия в сражении при Бусаку, и внезапной атакой нанести чувствительный удар английской армии. Многие наши солдаты, захваченные при Бусаку, а теперь бежавшие из плена, говорили о большом смятении, царившем у англичан. Но, к нашему большому удивлению, французский главнокомандующий, как будто желая дать неприятелю время восстановить порядок и уйти подальше, дал приказ приостановить преследование, расположил свои войска в Коимбре и соседних деревнях и провел

там три полных дня!

Объясняя эту потерю времени, говорили, что надо было реорганизовать сильно пострадавшие у Бусаку 2-й и 6-й корпуса, что надо было устроить госпиталь в Коимбре и дать отдых артиллерийским упряжкам. Но все это можно было сделать, послав 8-й корпус в погоню за англо-португальскими войсками, которые не осмелились бы серьезно сопротивляться, так как находились в большом беспорядке и, кроме того, им предстояло пройти целый ряд дефиле. Истинными причинами стоянки в Коимбре было, с одной стороны, усиление разлада между Массеной и его командующими, а с другой — затруднительное решение, которое должен был принять главнокомандующий: оставлять ли в Коимбре дивизию, чтобы обеспечить тыл и охранять многочисленных больных и раненых, либо покинуть этих несчастных на произвол судьбы и увести всех бойцов, чтобы не ослаблять силы, так как впереди было новое сражение у Лиссабона. Каждое из этих решений имело свои недостатки и преимущества, но все же не надо было тратить три дня, чтобы определиться в выборе правильного.

Массена пришел к выводу, что в Коимбре останется только полурота, задача которой — охранять огромный монастырь Санта-Клара, в котором собрали раненых, чтобы уберечь их от ярости португальских ополченцев, если те ворвутся в город. При появлении же неприятельских офицеров надо было сразу же капитулировать. Если бы это решение было передано командующим корпусами накануне выступления в поход, оно имело бы свои хорошие стороны: в Коимбре оставили бы только тех, кто действительно не мог двигаться дальше. Но из-за отсутствия четких приказов и из-за того, что в армии распространился слух, что на месте остается сильная дивизия, командиры оставили всех своих увечных, больных и раненых в монастыре, превращенном в госпиталь. Очень многие из них могли ходить, они уже дошли из Бусаку в Коимбру и хотели только следовать за своими полками. Число этих несчастных превышало три тысячи, защищать их оставили двух лейтенантов и восемьдесят солдат из морского батальона, входящего в армию.

Я был удивлен, что Массена, которому предстояло подойти к берегам Тежу, где ему обязательно должны были понадобиться моряки, пожертвовал полуротой этих драгоценных людей, которых так трудно заменить, вместо того чтобы оставить в Коимбре пехотинцев, так как легко было предусмотреть, что не пройдет и суток, как партизаны вернутся в город. Действительно, как только французская армия вышла утром 3 октября из Коимбры, португальские ополченцы проникли туда уже вечером,

устремились к монастырю, где забаррикадировались наши несчастные раненые, с горечью осознав, что Массена их бросил. Они готовились дорого отдать свои жизни в схватке с вооруженными крестьянами, угрожающими их прирезать. В этой тяжелейшей ситуации лейтенант моряков повел себя превосходно. С помощью офицеров пехоты, находившихся среди раненых, он собрал тех, у кого еще были ружья и кто мог ими пользоваться, и так организовал оборону, что они сражались всю ночь, и португальцы не смогли захватить монастырь. Утром 6-го числа появился генерал Трент, командующий ополченцами этой провинции, с которым наши морские офицеры заключили письменную капитуляцию. Но едва французские раненые сдали то малое количество оружия, которое у них было, как крестьяне бросились на этих несчастных, большая часть которых еле держалась на ногах, и убили более тысячи человек! Остальных безжалостно погнали по дороге на Опорту, и они погибли в пути: тех, кто падал от усталости или не мог больше следовать за колонной, португальцы тут же убивали… Ополченцы, однако, были не одни, они были организованны, их командирами были английские офицеры, а во главе стоял английский генерал Трент. Не остановив эти жестокости, он обесчестил свою страну и свой мундир… Напрасно, стараясь извинить Трента, английский историк Нэйпир утверждает, что так погибло только *десять* французских пленных, правда в том, что их убили почти всех либо у монастыря в Коимбре, либо по дороге в Опорту, и имя Трента стало позорным даже для англичан.

Когда мы находились в Коимбре, Массена написал императору письмо. Но было трудно доставить эту депешу, пробираясь по восставшей стране. Француз наверняка бы потерпел неудачу. Нужен был человек, хорошо знающий страну и говорящий по-португальски. Послание Массены взялся отвезти ди Машкарегуаш, один из португальских офицеров, последовавших за генералом д'Алорной во Францию и, как и он, поступивших на французскую службу.

Я присутствовал при отправлении ди Машкарегуаша, который переоделся в горного пастуха, взял корзинку со щенком и был уверен, что дойдет так до Альмейды, где французский комендант ему предоставит средства добраться до Парижа. Но Машкарегуаш принадлежал одной из самых благородных семей Португалии, его элегантность и речь придворного его выдали. Он не смог обмануть крестьян, его задержали и препроводили в Лиссабон. Он был приговорен к смерти, и, хотя требовал применить к себе право знатного человека — то есть чтобы ему отрубили голову, его повесили на площади как шпиона.

Три дня, которые французы потеряли в Коимбре, позволили англичанам отойти на значительное расстояние, и нам понадобилось еще три дня, чтобы дойти до их арьергарда в Помбале, маленьком красивом городке, центре владений знаменитого маркиза Помбала. Тело маркиза покоилось в великолепной гробнице, в огромном мавзолее, сооруженном известным архитектором. Памятник был уже ограблен английскими солдатами, отставшими от армии. Они открыли гроб и выбросили кости под ноги лошадей, которых держали там же в просторном мавзолее, сделав из него конюшню. О человеческая бренность! Когда Массена и его штаб прибыли к этой могиле, она была пуста, а останки великого министра, разрушителя ордена иезуитов, валялись в грязи!

Из Помбала французская армия пошла в Лейрию, и 9 октября наш авангард добрался наконец до берегов Тежу и занял крупный торговый город Сантарен. Там мы нашли огромные запасы всего необходимого армии, но эта приятная сторона дела была омрачена тем, что после прекрасной погоды, стоявшей до сих пор, начались ужасные осенние дожди, которые встречаются только в тропиках да на южном побережье Иберийского полуострова. Это очень утомляло солдат обеих армий. Однако наши войска дошли до Аленкера, крупного селения, стоящего у подножия невысоких гор, скорее холмов Синтры, которые образуют пояс вокруг Лиссабона, от которого нас отделяли только несколько лье. Французы рассчитывали дать сражение до вступления в Лиссабон. Зная, что этот город открыт для нас со стороны суши, в успехе никто не сомневался.

Но оказалось, что все окрестности Лиссабона покрыты фортификационными сооружениями, над которым англичане работали уже в течение полутора лет, да так, что ни маршал Ней, который провел целый год в Саламанке, ни Массена, полгода готовящийся к походу в Португалию, не имели ни малейшего понятия о проведении этих огромных работ! Генералы Рейнье и Жюно тоже ничего об этом не знали. Но что еще более удивительно, даже невероятно, но сегодня это уже неопровержимо, само французское правительство не знало, что горы Синтры были укреплены! Нельзя понять, как император, агенты которого проникали во все уголки, не послал кого-то в Лиссабон, что было легко в то время, когда тысячи английских, немецких, американских и шведских кораблей ежедневно доставляли на берега Тежу различные товары для армии Веллингтона, да еще в огромных количествах. Шпиону можно было затесаться среди матросов и служащих на этих кораблях и с помощью денег разузнать все! Именно таким способом император

узнавал, что происходит в Англии, а также в основных европейских государствах. Однако он никогда ничего не говорил Массене об укреплениях в Лиссабоне, и, только прибыв в Аленкер, расположенный у подножия холмов Синтры, французский полководец узнал, что они укреплены и связаны между собой линиями, которые с одной стороны доходили до моря возле Торриш-Ведраш, центр занимал Собрал, а правый край примыкал к Тежу у Альяндры.

Накануне того дня, когда наши войска показались в этом пункте, английская армия, предваряемая спасающимся населением соседних областей, то есть более 300 тысяч человек, ушла за линии, где беспорядок достиг своего апогея!.. Те из французских офицеров, которые догадывались о том, что происходит у неприятеля, снова испытали большое сожаление о том решении, которое Массена принял две недели тому назад, — провести лобовую атаку на позиции Бусаку, у подножия которой он бесполезно потерял столько людей. Если эта позиция была бы обойдена, захваченный с фланга неприятель отошел бы к Лиссабону, а наша армия, нетронутая и полная сил, сразу же напала бы на линии Синтры, которые, конечно, были бы захвачены. После взятия столицы англичане срочно отступили бы, понеся непоправимые потери… Но значительные потери, которые понесли французы у Бусаку, охладили пыл полководцев Массены и посеяли раздор между ними и главнокомандующим. Все пытались предостерегать Массену, самые малые бугорки представляли ему как новые горы Бусаку, взятие которых обойдется потоками крови! Однако, несмотря на такое сопротивление, Массена направил на неприятельский центр 8-й корпус, дивизия которого под командованием Клозеля захватила Собрал, один из самых важных для нас пунктов. Ожидалась одновременная атака по всей протяженности оборонительных линий, когда генерал Сент-Круа, который и предложил ее провести, был убит пушечным выстрелом около Вила-Франки! Этот превосходный офицер проводил вместе с генералом Монбреном разведку в сторону Аленкера и двигался вдоль реки Тежу, по которой в этот момент курсировали многочисленные португальские барки, направляющие свой огонь на наши аванпосты, когда сдвоенное ядро надвое рассекло тело бедного Сент-Круа! Потеря была огромной. Для армии. Для Массены. И особенно для меня, который любил его как брата…

После смерти единственного человека, который мог дать хороший совет главнокомандующему, тот опять впал в свои вечные колебания, давал легко сбить себя с толку командирам корпусов, которые были теперь охвачены робостью, и представлял

себе, что все холмы Синтры ощетинились пушками, готовыми нас разметать. В раздумьях, как поступить, Массена, который после того, как мы с Линьивилем высказали свое мнение перед сражением у Бусаку, проявлял к нам некоторое расположение, поручил нам осмотреть фронт неприятельских линий. Они были, бесспорно, мощными, но все же не настолько, как об этом говорили.

Действительно, укрепления англичан образовывали вокруг Лиссабона огромную дугу развернутую на 15 португальских лье, что составляет менее 20 французских. Есть ли такой офицер, разбирающийся в военном деле, которого можно было бы убедить, что позиция протяженностью в 20 лье одинаково трудна на всем своем протяжении и в ней нет ни одного слабого пункта? Мы заметили несколько мест, где неприятельские офицеры и даже кавалерийские пикеты очень легко совершали подъем в гору. У нас сложилось также убеждение, что наши географы и офицеры, составляющие чертежи холмов, нанесли редуты везде, где только замечали немного свежей земли! А англичане, чтобы ввести нас в заблуждение, на любом самом маленьком холмике обозначили начало работ, которые на самом деле были только в состоянии проектирования. Но даже если бы эти работы были закончены, здешняя неровная местность позволила бы французам скрыть некоторые маневры своей армии, состоящей из трех корпусов. Одним из них можно было бы симулировать действия на неприятельском фронте, в то время как двумя другими действительно атаковать самые слабые точки этой огромной линии, за которой английские войска, если бы они хотели прикрыть всю линию, обязательно должны были быть либо слишком рассредоточенными, либо располагать резервами, отдаленными от точек атаки, которые им заранее не будут известны.

История войн века Людовика XIV, когда широко использовались линии укреплений, доказывает, что при атаке большинство линий преодолевались, потому что защитники отдельных участков не могли поддержать друг друга. Мы решили, что в некоторых пунктах на этом огромном протяжении будет нетрудно прорвать английские линии. Как только прорыв будет сделан, неприятельские войска, расположенные за несколько лье и даже в дневном переходе от бреши, через которую пройдет целиком один из наших корпусов, поймут, что не успеют прийти на помощь и отступят не к Лиссабону, откуда корабли могут выйти далеко не при любом ветре, а к Кашкайшу, где собран их военный флот и транспорт[102]. Отступление неприятеля было бы затруднено и могло бы превратиться в бегство. Но в любом случае

посадка английской армии на корабли в нашем присутствии стоила бы ей дорого: это было бы повторением опыта сэра Джона Мура в Ла-Корунье! Позже английские офицеры, среди прочих генерал Хилл, признали, что, если бы французы атаковали в первые десять дней после того, как они появились перед Лиссабоном, они легко проникли бы в город, смешавшись с толпами крестьян, англичане не смогли бы ни вовремя сгруппироваться, ни принять никаких действенных оборонительных мер.

Когда мы с товарищем представили Массене рапорт, выдержанный в этом духе, глаза старого вояки загорелись благородным пламенем, и он тут же продиктовал приказы, чтобы подготовить атаку, которую он предполагал провести на следующий день. Однако, получив их, все четверо командующих сразу же примчались к нему, и их встреча была очень бурной! Генерал Жюно, который прекрасно знал Лиссабон, в котором он раньше правил, утверждал, что ему кажется невозможным защитить такой огромный город, и высказывался за атаку. Генерал Монбрен разделял это мнение. Но маршал Ней и генерал Рейнье горячо протестовали, утверждая, что потери у Бусаку, затем потери ранеными, оставленными в Коимбре, а также многочисленными больными, которые из-за дождей моментально вышли из строя, настолько уменьшили число бойцов, что позиции Синтры атаковать невозможно. Они говорили, что их солдаты деморализованы, что было неправдой. Напротив, войска проявляли не-, терпение и хотели идти на Лиссабон. Массена сам потерял терпение и повторил уже отданные письменно приказы выступать. Маршал Ней официально заявил, что не будет их выполнять!.. Главнокомандующий думал сначала отстранить Нея от командования 6-м корпусом, что ему в итоге и пришлось сделать через несколько месяцев, но, понимая, что тот уже семь лет командует одними теми же войсками, которые любят его, и что его отстранение повлечет за собой отстранение Рейнье, что довершило бы разлад в армии, в то время когда она находится во вражеском окружении и когда она так нуждается в единстве, Массена отступил перед неповиновением своих основных военачальников. И хотя они не смогли склонить его покинуть Португалию, они взяли с него обещание; отойти от неприятельских линий, отступить на 10 лье за Сантарен и Риу-Майор и там дожидаться приказов императора… Я с горечью наблюдал за этим небольшим отступлением, которое уже предвосхищало, по моему мнению, отступление всеобщее и окончательное. И, как вы вскоре увидите, мои предчувствия меня не обманули.

Я с сожалением покинул окрестности холмов Синтры, настолько я был уверен, что можно преодолеть незаконченные линии, воспользовавшись смятением, царящим в английском лагере из-за беженцев. Но что было легко сделать в этот момент, было невозможно через две не дели! Веллингтон, которому пришлось кормить население, пришедшее по его приказу в Лиссабон, использовал силы 40 тысяч здоровых крестьян и поставил их на работы для завершения фортификаций, которыми он хотел прикрыть весь Лиссабон.

Глава XXXVI

Английские скакуны. — Мы расположились в Сантарене. — Организация мародерства. — «Маршал Шодрон». — Печальное положение и замешательство армии. — Приход подкрепления с графом д'Эрлоном

Во время нашего пребывания в Собрале я снова стал свидетелем одной военной хитрости, к которой прибегали англичане. Она была довольно распространенной, и я хочу рассказать о ней. Часто говорили, что *чистокровные* лошади на войне бесполезны, потому что редки, дорого стоят и требуют такого ухода, что почти невозможно сформировать из них ни полк, ни даже эскадрон. В бою англичане их тоже не используют. Но у них есть привычка посылать офицеров-*одиночек* на скаковых лошадях, чтобы наблюдать за перемещением армии, с которой им предстоит сражаться. Эти офицеры проникают в расположение войск неприятеля, пересекают маршруты его движения, целыми днями могут держаться на флангах его колонн на расстоянии чуть больше ружейного выстрела, до тех пор пока не будут иметь представления о численности и направлении следования войск.

Со времени нашего вступления в Португалию мы видели много таких наблюдателей, скачущих вокруг нас. Напрасно мы пытались догнать их, высылая за ними самых лучших наездников. Как только офицер видел, что к нему приближаются, он пускал своего скакуна в галоп и, легко перескакивая через рвы, изгороди и даже ручьи, исчезал с такой быстротой, что наши сразу же теряли его из виду. Через несколько мгновений они видели его уже на расстоянии лье, на вершине холма, где, с блокнотом в руках, он продолжал записывать свои наблюдения. Может быть, этот способ, который лучше всех использовали англичане и который я пытался применить во время Русской кампании, спас бы Наполеона при Ватерлоо, если бы его таким образом предупредили о подходе пруссаков! Как бы там ни было, английские наездники, которые после нашего отхода от испанских границ приводили в отчаяние французских генералов, стали еще смелее и изощреннее с тех пор, как мы встали перед линией Синтры. Они часто выезжали из-за укреплений, мчались со скоростью оленя через виноградники и скалы, чтобы изучить расположение наших войск.

Но однажды, когда между английскими и французскими стрелками произошло небольшое столкновение, в котором мы остались хозяевами положения, один вольтижер, который уже

давно подстерегал и изучал привычки самого ловкого и предприимчивого ездока, притворился мертвым, уверенный, что, как только его товарищи отойдут, англичанин подъедет осмотреть поле боя. Тот действительно приблизился, но его ждал неприятный сюрприз: «мертвый» вольтижер вскочил, ружейным выстрелом убил лошадь англичанина и, угрожая штыком, вынудил его сдаться! Этот пленный, которого победитель отвел к Массене, оказался молодым человеком из очень знатной английской семьи. Его звали Перси, он был потомком одного из самых известных нормандских предводителей, которому Вильгельм Завоеватель пожаловал герцогство Нортумберленд, которое до сих пор принадлежит его потомкам.

Французский главнокомандующий прекрасно принял Перси, его отвели в Собрал, где из любопытства ему захотелось взобраться на колокольню, чтобы посмотреть расположение нашей армии. Он получил разрешение и, осматривая окрестности с высокого места в подзорную трубу, стал свидетелем забавной сцены, которая его даже рассмешила, несмотря на его положение пленного. Это было пленение еще одного английского офицера. Этот офицер вернулся из Вест-Индии после двадцатилетнего отсутствия. Прибыв в Лондон, он узнал, что его брат служит в Португалии в армии Веллингтона. Он приплыл в Лиссабон и из города пешком дошел до аванпостов, чтобы обнять своего брата, полк которого стоял в этот день на дежурстве. Погода была великолепная, и новоприбывший отправился на прогулку, рассматривая окрестности, укрепления и англо-португальские войска. Он так увлекся, что не заметил, как перешел за линию аванпостов. Он очутился между двумя армиями, а когда увидел фиговое дерево, то, соскучившись по европейским плодам, решил на него взобраться. Он спокойно собирал на дереве фиги, когда солдаты французского поста, расположенного неподалеку, с удивлением заметили на дереве красный мундир, после чего они подошли ближе и захватили английского офицера. Эта сцена и рассмешила тех, кто наблюдал ее издалека. Но этот англичанин был опытнее Перси. Он стал умолять своих захватчиков держать его на переднем крае французских войск, так как надеялся, что его обменяют, и не хотел видеть, что происходит в глубине позиций. Эта предусмотрительность дала хорошие результаты, потому что Массена, не опасаясь, что этот офицер может передать какие-либо сведения о наших войсках, отпустил его под честное слово и попросил у Веллингтона в обмен капитана Летермье, взятого в плен в Коимбре. Летермье станет потом прекрасным полковником. Узнав об обмене, Перси, который так смеялся над своим товарищем, попросил и для себя такой милости, но ему

было отказано, потому что он вошел внутрь расположения армии, видел численность некоторых частей и мог передать это неприятельским генералам. Несчастный молодой человек остался пленным французской армии, делил с ней тяготы в течение полугода, а когда мы вернулись в Испанию, его отправили во Францию, где он провел несколько лет.

Не добившись от своих командующих помощи в атаке на линии Синтры, Массена был вынужден из-за отсутствия продовольствия отойти от этих холмов, где были только обобранные виноградники, и только 14 ноября он отвел армию на 10 лье назад в местность, где выращивали зерновые культуры. Он занял позицию, которую было удобно защищать. Это был участок между реками Риу-Майор, Тежу и Зезери, городами Сантарен, Орен[103] и Лейрия. 2-й корпус стоял в Сантарене на сильной позиции, защищенной слева Тежу, а спереди — рекой Риу-Майор. 8-й корпус занял Торриш-Новаш, Перниш и низовье реки Монти-Жунту. 6-й корпус разместился в Томаре, главный артиллерийский парк — в Жанкуше, кавалерия — в Орене, а аванпосты доходили до Лейрии. Свою ставку маршал Массена устроил в Торриш-Новаш, центральном пункте своей армии.

Видя, что французы отходят от лиссабонских холмов, англичане подумали, что они движутся к испанской границе, и начали преследование, но издалека и нерешительно, так как опасались, что такой уловкой французы хотят выманить их из-за линий и дать бой в чистом поле. Увидев, что мы остановились за Риу-Майор, они попытались помешать нашему обустройству, но получили отпор. Считая, что отсутствие продовольствия скоро заставит нас покинуть и это прекрасное для обороны место, они ограничились наблюдением за нами. Ставка лорда Веллингтона располагалась в Карташу, напротив Сантарена, и обе армии, разделенные только рекой Риу-Майор, стояли так с середины ноября 1810 года до марта 1811-го.

Во время этого долгого стояния англичане жили широко благодаря провизии, которую им поставляли из Лиссабона по Тежу. Что же до нашей армии, то обеспечить ее существование было трудно, учитывая большое количество людей и лошадей, которых надо было кормить, а также то, что у нее не было складов и она занимала ограниченную территорию. Лишения были жестокими, но никогда еще наши солдаты не проявляли такого удивительного терпения и изобретательности! Как в пчелином улье, каждый старался, в соответствии со своими возможностями и чином, внести свой вклад в общее благосостояние. Вскоре стараниями полковников и их офицеров во всех батальонах и ротах были организованы различные

рабочие мастерские. Каждый полк, поставив *мародерство* на широкую ногу, отправлял вооруженные отряды под хорошим командованием на изрядно далекие расстояния. Возвращаясь, они гнали перед собой тысячи ослов, нагруженных разной провизией, и приводили за неимением в Португалии быков большие стада баранов, свиней и коз. По возвращении все делилось между ротами в зависимости от числа людей, и новые отряды отправлялись за добычей. Но соседние деревни мало-помалу истощились, и мародерам приходилось уходить все дальше. Были даже такие, что доходили до ворот Абрантиша и Коимбры, некоторые переправлялись за Тежу. На эти отряды часто нападали крестьяне, приходившие в отчаяние от регулярной потери своего добра. Солдаты их отгоняли, но все же сами потеряли несколько человек. Теперь они столкнулись с противником совсем иного рода, чья организация, до сих пор беспримерная в анналах современных войн, напоминала организацию средневековых ландскнехтов и придорожных разбойников.

Один сержант 47-го линейного полка, устав от нищеты, в которой находилась армия, решил отделиться от нее, чтобы жить в достатке. Он подбил сотню солдат, самых сорвиголов, возглавил их, и они, оторвавшись далеко от войск, устроились в просторном брошенном монастыре, в котором оставалась еще мебель и особенно еда, количество которой они быстро увеличили, захватывая все, что могли захватить в округе. У них вертела и котлы на кухне всегда стояли на огне, и каждый брал себе столько, сколько хотел. И, может, в шутку, а может, чтобы выразить этот образ жизни одним словом, сержант взял себе имя — «маршал Шодрон»![104]

Этот негодяй похитил много женщин и девушек. Разврат, безделье и пьянство, царящие там, привлекли к нему английских, португальских и французских дезертиров. Из этих отбросов трех армий ему удалось сколотить банду человек в 500, которые забыли прежнюю вражду и жили в полном согласии и постоянных оргиях. Разбой продолжался уже несколько месяцев, когда отряд наших войск в поисках продовольствия, с каждым днем все более и более редкого, заблудился, гоня стадо, и оказался у монастыря, служившего логовом «маршалу Шодрону». Наши солдаты были ошеломлены, когда тот вышел к ним со своими бандитами и потребовал, чтобы они не трогали *его* земли и вернули стадо, которое они забрали! На отказ наших офицеров подчиниться, «маршал Шодрон» приказал открыть огонь. Большинство французских дезертиров не посмели стрелять в своих соотечественников и бывших собратьев по оружию, но английские

и португальские бандиты стали стрелять, и многие наши люди были убиты и ранены. Но, уступая в численности, они не могли сопротивляться и отступили. Почти все французские дезертиры сдались и последовали за нашим отрядом. Массена простил их при условии, что они пойдут впереди колонны из трех батальонов, которые будут посланы в атаку на монастырь. Это логово было взято после ожесточенного сопротивления бандитов. Массена приказал расстрелять «маршала Шодрона» и тех французов, которые остались с ним. Многие англичане и португальцы разделили их судьбу, а остальных отправили Веллингтону, который тоже произвел скорый и справедливый суд.

В первые дни ноября Массена доложил императору о своей новой позиции, отправив к нему бригадного генерала Фуа, которому пришлось дать *три батальона* охраны до Испании, откуда он отправился в Париж. Однако французский главнокомандующий, не уверенный в прибытии ожидаемого подкрепления, опасался, что английская армия, собранная на правом берегу Риу-Майор, перейдет эту небольшую речку и внезапно нападет на наши дивизии, тогда как почти треть людей в полках была занята поисками продовольствия и разъехалась по всем направлениям на расстояние нескольких дней марша. Атака неприятелем наших позиций в отсутствие стольких солдат обернулась бы катастрофой. Разбросанные французские войска могли быть разбиты, прежде чем соединятся. К счастью для нас, лорд Веллингтон все время выжидал и ничего не предпринимал.

Когда император, не имевший других известий об армии Массены, кроме тех, которые публиковались в лондонских газетах, получил наконец депеши с генералом Фуа, он приказал генералу графу д'Эрлону, командиру 9-го корпуса, расположенного возле Саламанки, приблизиться к границе Португалии и тотчас же ввести туда бригаду Гарданна, которая должна была найти французскую армию и доставить ей необходимые боеприпасы и лошадей.

Несмотря на свою прозорливость, император не мог даже предположить те многочисленные трудности, которые помешают генералу Гарданну выполнить его приказы. Он никогда не мог представить себе, что бегство португальцев при приближении французских войск было всеобщим, так что было *невозможно* встретить хотя бы *одного* жителя, чтобы узнать, по крайней мере, где ты находишься, и получить хоть какие-то общие сведения! Но именно это и произошло с генералом Гарданном. Это был офицер, бывший паж Людовика XVI, которого император сделал наставником своих пажей, думая, что тот будет управлять этим заведением лучше других. Но Гарданн проявлял мало

инициативы и хорошо служил только тогда, когда рядом был умелый командующий. В этой ситуации он оказался совершенно дезориентирован. Не зная, где найти армию Массены, он предпринимал марши во всех направлениях, наконец дошел до Кардигуша, находящегося на расстоянии одного дня перехода от Зезери, как это указывали его карты. Он не догадался, что если во время военных действий нужно найти дружественные войска, то нужно держаться рек, лесов, больших городов или горных хребтов, потому что, если эти войска находятся поблизости, они обязательно выставляют посты в этих важных пунктах. Трудно объяснить, почему Гарданн забыл эти профессиональные правила. Этот генерал потерял много людей, поспешно отступая и даже не видя врага. Если бы он дошел до Зезери, от которой он был всего в 3 лье, он бы заметил наши аванпосты. Гарданн вернулся в Испанию и отвел зуда подкрепления, боеприпасы и лошадей, которых с таким нетерпением ждала Португальская армия.

Маршал Массена, обеспокоенный нехваткой продовольствия на правом берегу Тежу, решил перевести часть своей армии на левый берег этой реки в плодородную провинцию Алентежу. Для этого французский главнокомандующий отправил через Зезери дивизию, которая захватила Пуньети, маленький город, расположенный в месте впадения этой реки в Тежу. Это место казалось подходящим для строительства моста, который связал бы нас с Алентежу. Но не было строительных материалов. Тогда проявил свою энергию и усердие генерал Эбле, которому помогали подчиненные ему артиллерийские офицеры. Соорудили кузницы и лесопилки, изготовили инструменты и железные крепежи, доски, балки, якоря, тросы, построили много лодок. Эти работы продвигались очень быстро, и вскоре все тешили себя надеждой перебросить крепкий мост через Тежу.

Герцог Веллингтон решил помешать нашему переходу через реку. Он взял войска из Лиссабона и стал лагерем на левом берегу напротив Пуньети, показывая этим, что нам придется выдержать кровавую битву, если мы захотим обосноваться на противоположном берегу этой большой реки. Французская армия все еще занимала позиции, на которые она ушла от Синтры в ноябре. На правом берегу Риу-Майор стояло несколько английских дивизий. Ставка герцога Веллингтона находилась среди них в Карташу. Он вызвал туда и знаменитого генерала маркиза де Ла Роману, который именно там нашел свою смерть.

Погода была ужасной, дороги превратились в потоки воды, что крайне затрудняло далекие экспедиции за продовольствием, особенно за фуражом. Однако присущая французам веселость не покидала нас. В каждом лагере устраивали сборища, в которых

играли комедии. В костюмах недостатка не было, так как в брошенных домах оставались полные гардеробы португальских дам. Мы нашли также много французских книг, и у нас были очень хорошие жилища.

Зима прошла довольно хорошо. Однако нас одолевали грустные мысли как о положении армии, так и о своем собственном положении. Более трех месяцев у нас не было никаких сведений о наших семьях, о Франции и даже об Испании… Пришлет ли император подкрепление, чтобы мы смогли взять Лиссабон, или мы должны будем отступить перед англичанами? Таковы были наши заботы, когда 27 декабря вдруг пронесся слух, что генерал Друэ, граф д'Эрлон, присоединился к нам во главе 9-го корпуса силою в 25–30 тысяч человек! Радость уменьшилась, когда узнали, что под начальством графа д'Эрлона насчитывалось не более 12 тысяч солдат, из которых половину он оставил на границе с Испанией под командованием генерала Клапареда, а с собой взял только дивизию Конру из 6 тысяч человек — недостаточное подкрепление, чтобы разбить англичан и взять Лиссабон.

Граф д'Эрлон, вместо того чтобы сразу же отправиться в Торриш-Новаш к главнокомандующему, остановился в 10 лье оттуда, в Томаре, где находился штаб Нея. Это глубоко оскорбило Массену, и он послал меня к командиру 9-го корпуса, чтобы получить объяснения, так как это противоречило не только приличиям, но и военным правилам. Дав мне это задание, главнокомандующий не сомневался, что император послал графа д'Эрлона под его начало. Но это было не так. Инструкции, полученные командиром 9-го корпуса от главного штаба, предписывали ему только проникнуть в Португалию, найти армию Массены, передать ей несколько сотен упряжных лошадей и боеприпасы, а потом вернуться со своим корпусом в Испанию. Трудно было понять, как после рапортов, доставленных генералом Фуа и майором Казабьянкой о плачевном состоянии Португальской армии, император ограничился такой пустяковой поддержкой.

Когда я добрался до места, граф д'Эрлон уже сутки находился у маршала Нея. Ней хотел покинуть Португалию и задержал своего гостя, чтобы тот под влиянием главнокомандующего не оставил свои 6 тысяч солдат в его распоряжении, что могло побудить Массену отказаться от вывода войск. Командир 9-го корпуса собирался на следующий день уехать, даже не встретившись с Массеной. Он просил меня извиниться перед главнокомандующим и объяснить, что неотложные дела требуют его возвращения к границам и он не может отправиться в

Торриш-Новаш, так как на это потребовалось бы еще три дня.

Служба адъютанта очень трудна тем, что часто приходится привозить распоряжения, оскорбляющие самолюбие высших офицеров. Иногда, однако, во имя дела адъютант берег на себя ответственность пояснять намерения своего начальника, давая от его имени распоряжения, которые тот *не предписывал*! Это очень серьезно, даже опасно, но разумный адъютант должен действовать, применяясь к обстоятельствам! Обстоятельства, в которых я оказался, были очень деликатными, так как Массена, не предполагая, что 9-й корпус собирается уйти из Португалии, ничего не написал по этому поводу. Однако, если бы граф д'Эрлон увел своих людей, наши военные операции были бы парализованы, и главнокомандующий осудил бы сдержанность, помешавшую мне говорить от его имени. Я принял очень смелое решение. Несмотря на то что я впервые оказался перед графом д'Эрлоном, а маршал Ней, присутствующий при нашей беседе, выдвигал противоположные аргументы, я позволил себе сказать графу, что тот должен, по крайней мере, дать маршалу Массене время ознакомиться с приказами, которые главный штаб поручил ему передать, а также время ответить на них… Но когда граф д'Эрлон повторил, что он не может ждать, я пустил в ход сильное средство, сказав ему: «Поскольку Ваше Превосходительство вынуждает меня выполнить мое поручение во всей строгости, я заявляю, что маршал Массена, главнокомандующий французских войск в Португалии, поручил мне передать вам, как от его имени, равно как и от имени императора, *официальный приказ* не отдавать никаких распоряжений о перемещении ваших войск и прибыть сегодня же к нему в Торриш-Новаш!»

Граф д'Эрлон ничего не ответил и потребовал своих лошадей. Пока ему готовили выезд, я написал маршалу Массене, сообщив, что мне пришлось сделать от его имени. Позже я узнал, что он одобрил мое поведение (на странице 286 тома VIII Мемуаров Массены, подготовленных генералом Кохом, есть отрывок, где говорится о моей встрече с графом д'Эрлоном. Но эта сцена там передана не точно).

Граф д'Эрлон был человеком спокойным и благоразумным, и, как только он выехал из лагеря Нея, он признал, что ему не следует уезжать от Португальской армии, не встретившись с главнокомандующим. Во время всего пути от Томара до Торриш-Новаш он обращался ко мне очень благожелательно, несмотря на те резкие замечания, которые мне пришлось ему сделать. Беседа с Массеной, вероятно, убедила его окончательно, потому что он согласился остаться со своим войском в Португалии, которое разместилось в Лейрии. Массена был тем более благодарен мне

за проявленные в этом деле решительность и присутствие духа, что через несколько дней он узнал о том, что у герцога Веллингтона уже был план атаковать наши лагеря. Прибытие дивизии графа д'Эрлона этому помешало. Если бы эта дивизия ушла, англичане напали бы на нас, воспользовавшись рассеянностью наших войск и своим превосходством в силах.

Глава XXXVII

1811 год. — Приключения английского шпиона. — Противодействие командующих. — Отход войск. — Различные происшествия и сражения

Мы начали 1811 год в Торриш-Новаш, и уже в первые дни произошло печальное событие, отразившееся на всем штабе. Умер наш товарищ, адъютант капитан д'Агессо! Это был прекрасный молодой человек, носивший знаменитую фамилию, обладатель огромного состояния, обожаемый своей семьей. Движимый желанием снискать славу, он выбрал для себя военную карьеру, не соизмеряя ее со своими физическими возможностями. Впрочем, он довольно хорошо перенес тяготы Австрийской кампании, но кампания 1810 года в Португалии оказалась ему не по силам, и он ушел из жизни во цвете лет, вдали от своих родных и родины! Мы сделали ему гробницу в главной церкви Торес-Нова.

Майор Казабьянка, которого Массена отправил к императору, вернулся вскоре после прибытия графа д'Эрлона с уверениями, что маршал Сульт, командующий многочисленной армией в Андалузии, получил приказ войти в Португалию и присоединиться к Массене.

Приготовления, которыми мы занимались, беспокоили Веллингтона, так как его шпионы не могли проникнуть на территорию, занимаемую нашими войсками. Чтобы разведать, как продвигались наши строительные работы, он употребил крайний способ, который ему удавался в других кампаниях. Темной ночью один англичанин в форме офицера сел в маленькую лодку на левом берегу, немного выше Пуньети. Он тихо причалил, прошел между французскими постами и с первыми лучами солнца решительно направился к строительству и, прогуливаясь, все хорошо осмотрел, как будто был из штаба нашей армии! Наши артиллеристы и саперы, прибыв утром на работу, заметили незнакомца, задержали его и привели к генералу Эбле. Англичанин смело заявил, что он офицер, обиженный на то, что его обошли назначением, что он дезертировал, чтобы встать под знамена ирландского легиона, находящегося на службе у Франции. Его препроводили к главнокомандующему, где этот так называемый дезертир рассказал ту же историю и предложил дать сведения о расположении английских войск, показать самые удобные места, где наша армия может перейти Тежу… Вы бы ему поверили?.. Массена и Пеле, презирая предателя, все же

отнеслись с доверием к его рассказу и проводили с ним целые дни, изучая карты и записывая показания этого дезертира! Генерал Фририон и другие офицеры штаба оказались не такими доверчивыми, так как нас нельзя было убедить, что *английский офицер мог дезертировать*, и мы громко заявляли, что, по нашему мнению, этот капитан — ловкий шпион, посланный Веллингтоном. Но все наши аргументы не смогли поколебать ни Массену, ни Пеле! Однако мои предположения были обоснованными, и вскоре этому нашлось подтверждение!

Действительно, когда генерал Жюно прибыл в главный штаб, его адъютанты узнали в английском офицере человека, уже сыгравшего роль дезертира в 1808 году, когда французская армия занимала Лиссабон. Генерал Жюно также вспомнил его, хотя теперь тот был в пехотной форме вместо гусарской, которую носил в Лиссабоне. Жюно посоветовал Массене расстрелять шпиона. Но англичанин уверял, что никогда не служил в кавалерии, и, чтобы подтвердить свою личность, показал удостоверение капитана, которым, вероятно, его снабдил Веллингтон для подтверждения рассказов. Массена не арестовал этого человека, но подозрения у него появились, и он поручил начальнику жандармерии не спускать с него глаз. Шпион догадался об этом. Следующей ночью он ловко выбрался из окна третьего этажа, убежал в поля, добрался до окрестностей Танкуша, где, вероятно, вплавь перебрался через Тежу, так как на берегу нашли часть его одежды. Так было доказано, что это был шпион английского главнокомандующего, который провел Массену! Тот сердился за это на Пеле, и его гнев достиг предела, когда он заметил, что фальшивый дезертир, так неосмотрительно допущенный в его кабинет, украл блокнот, в котором был записан численный состав каждого полка! Позже узнали, что ловкий пройдоха был вовсе не офицером британской армии, а предводителем контрабандистов из Дувра, способный, дерзкий, говорящий на нескольких языках, привыкший ко всяким переодеваниям!

Время шло, не внося никаких изменений в наше положение. Хотя император и предписал маршалу Сульту поддержать Массену частью Андалузской армии, Сульт повторил действия маршала Виктора, когда в 1809 году тот должен был пойти на Опорту. В конце января Сульт остановился по дороге для осады Бадахоса, чьи пушки мы отчетливо слышали. Массена был очень недоволен тем, что его коллега потерял драгоценное время на осаду, вместо того чтобы идти к нему на соединение в тот момент, когда недостаток продовольствия мог вскоре заставить нас уйти из Португалии!.. Даже после взятия Бадахоса император

осудил неповиновение маршала Сульта, сказав: «Он занял для меня город и заставил потерять королевство!»

5 февраля Фуа вернулся в армию и привел подкрепление в 2 тысячи человек, оставленных в Сьюдад-Родриго. Этот генерал возвращался из Парижа. Там он долго беседовал с императором о тягостном положении войск Массены и принес новость, что маршал Сульт вскоре присоединится к нам. Но прошел весь февраль, а тот так и не появился. Граф д'Эрлон, которого по необъяснимой причине император так и не поставил под командование Массены, заявил, что его войска не могут больше оставаться в Лейрии, и собрался возвращаться в Испанию. Маршал Ней и генерал Рейнье воспользовались этим случаем, чтобы снова изложить плачевное положение своих корпусов в совершенно разоренной стране, и главнокомандующий, после многих месяцев упорного сопротивления, был вынужден смириться и решил отступить к границе, где он надеялся найти возможность прокормить армию, не уходя из Португалии, которую он все же собирался захватить, как только подойдет обещанное подкрепление.

Отступление началось 6 марта. В последние дни перед отходом генерал Эбле с большим сожалением разрушил лодки, с таким трудом построенные в Пуньети. В надежде, что хоть часть этих огромных приготовлений когда-нибудь пригодится французской армии, он в присутствии двенадцати артиллеристов закопал все выкованные им скобы и составил протокол, который должен был быть доставлен в военное министерство. В нем он указал место, где находится этот драгоценный склад, который, может быть, останется там на века!

Приготовления французской армии держались в полном секрете, и ночью с 5 на 6 марта все было исполнено в таком порядке, что англичане, чьи посты в Сантарене отделялись от наших только небольшой рекой Риу-Майор, узнали о нашем уходе только на следующее утро, когда части генерала Рейнье были уже в 5 лье отсюда. Лорд Веллингтон, не зная, был ли целью нашего движения переход через Тежу в Пуньети, или мы отступаем к границам Испании, потерял двенадцать часов, не решаясь на какие-нибудь действия. Когда он все же решил следовать за нами, хотя делал это неэнергично и издалека, французская армия уже ушла от него на один переход. Тем не менее генерал Жюно, неосторожно гарцуя перед гусарами противника, получил английской пулей по носу, что не помешало ему сохранять командование 8-м корпусом до конца кампании.

Армия двинулась отдельными колоннами на Помбал. Маршал Ней шел в арьергарде с 6-м корпусом и бдительно

защищал каждую пядь земли. Массена, очнувшись от оцепенения, с 5 по 9 марта выиграл три дня марша у неприятеля и полностью организовал отход — одну из самых трудных операций на войне! Он был, против обыкновения, весел, что всех нас крайне удивляло.

Французская армия продолжала свой отход концентрированно, соблюдая порядок. Она уже отошла от Помбала, когда на ее арьергард напали английские кавалеристы. Маршал Ней их отбросил, а чтобы полностью загородить им проход и уберечь наши обозы, которые двигались очень медленно, он поджег город. Английские историки возмущались этим поступком, считая этот акт *жестокостью,* как будто спасение армии не является первым долгом командующего! Помбал и его окрестности представляли собой длинное и узкое дефиле, которое неприятель должен был пройти, и лучшим способом его остановить было поджечь город. Это неприятная крайность, к которой прибегают в подобном случае самые цивилизованные нации, и англичане поступили бы так же.

12 марта состоялось довольно активное сражение перед Рединьей, где маршал Ней, заняв хорошо защищенную позицию, счел нужным остановиться. Лорд Веллингтон, справедливо расценив эту остановку как приглашение к бою, двинул вперед значительные силы. Началось жаркое сражение. Маршал Ней отбросил неприятеля, а затем быстро отошел, но две-три сотни наших людей были выведены из строя. Неприятель же потерял более тысячи, так как наша артиллерия долго обстреливала его солдат, а на его позициях было только два небольших орудия. Это сражение было совершенно бесполезным как для англичан, так и для нас. Действительно, Ней имел приказ отходить. Зачем Веллингтон, который хорошо знал, что французы отступают и что после нескольких часов отдыха корпус Нея снова двинется в путь, не удержался от атаки? С единственной целью несколько задержать его?.. Я присутствовал при этом сражении и сожалел, что ложное самолюбие двух полководцев погубило столько смелых солдат без всякой пользы для сторон.

Основная часть французской армии заняла позицию между селениями Кондейша и Карташу. Наступил критический момент нашего отступления. Так как Массена не хотел покидать Португалию, он решил перейти Мондегу в Коимбре и расположить свои войска в плодородном краю, расположенном между этим городом и Опорту, чтобы там дождаться приказов и обещанных императором подкреплений. Но партизаны Трента отрезали мост Коимбры, а наполненную дождями Мондегу нельзя было перейти вброд. Французский главнокомандующий вынужден

был отказаться от этого плана. Он должен был дойти до Понти-ди-Мурсела и там перейти через очень бурную реку Алви. 13-го числа штаб направился в этом направлении и должен был в тот же день идти в Миранда-ду-Корву[105]. Однако, непонятно почему, главнокомандующий пошел в Фуэнти-Куберту и, считая, что его хорошо охраняют дивизии, которые он приказал Нею расположить в Карташу и Кондейше, оставил при себе только 30 гренадеров и 25 драгун. Но маршал Ней, под предлогом, что его только что атаковали превосходящими силами, ушел из этих пунктов. Массену же он предупредил так поздно, что тот получил сообщение только через несколько часов после того, как перемещение войск уже началось, и теперь главнокомандующий и весь его штаб оказались в опасности.

Уверенный, что он под охраной нескольких дивизий, Массена, найдя городок Фуэнти-Куберта очень приятным, а погоду превосходной, приказал подать ужин на свежем воздухе. Мы спокойно сидели за столом под деревьями на краю деревни, когда внезапно заметили отряд из 50 английских гусар в ста шагах от нас! Гренадеры охраны тотчас разобрали оружие и окружили Массену, а все адъютанты и драгуны, быстро вскочив на лошадей, направились в сторону отряда противника. Всадники повернули назад без единого выстрела, и мы подумали, что эта группа заблудилась в поисках английской армии. Но вскоре мы увидели уже целый полк, затем соседние холмы просто покрылись многочисленными английскими войсками, которые почти полностью окружили Фуэнти-Куберту!

Огромная опасность, в которой оказался штаб, происходила из ошибки Нея, который считал достаточным, что он известил главнокомандующего письмом о приказе всем своим дивизиям эвакуироваться из Кондейши и Карташу. Фуэнти-Куберта оказалась, таким образом, незащищенной, и неприятель незаметно подошел к штаб-квартире Массены. Можете представить себе наше удивление! На наше счастье, стало темнеть, поднялся туман, и англичане, даже не предполагая, что французский главнокомандующий может быть так отрезан от своей армии, приняли нашу штабную группу за арьергард и не осмелились вступить в бой. Но можно не сомневаться, что, если бы гусарский отряд, который показался у въезда в Фуэнте-Куберту, когда мы считали себя в совершенной безопасности, решительно напал на деревню, он захватил бы Массену и все, что было с ним. Когда потом англичане узнали, какая опасность грозила Массене, они стали громко кричать об этом, и их историк Нэйпир утверждал, что французский главнокомандующий ускользнул от их гусар только потому, что сорвал со своей шляпы

султан! Эта выдумка тем более абсурдна, что французские маршалы не носили султаны! В десять часов вечера штаб спокойно покинул Фуэнте-Куберту, несмотря на соседство с многочисленными неприятельскими войсками, часть которых находилась на возвышенности, по которой проходила наша дорога. Чтобы этот полк отошел, маршал использовал хитрость, которую очень часто применяли и наши враги, знавшие французский язык. Главнокомандующий знал, что мой брат очень хорошо говорит по-английски, и дал ему все необходимые инструкции. Адольф спустился вниз по холму и, держась в тени, крикнул английскому командиру, что герцог Веллингтон посылает ему приказ взять вправо и следовать к месту, который он указал. Английский полковник не мог ночью в тумане различить форму моего брата и принял его за адъютанта герцога. Он тотчас послушался, отошел, и мы быстро прошли, радуясь, что избежали и эту опасность. Еще до рассвета Массена и его штаб присоединились к 6-му корпусу.

Во время этого долгого и тяжелого пути Массена был очень озабочен той опасностью, которой постоянно подвергалась госпожа Х. Ее лошадь несколько раз падала. И все из-за камней, которые в темноте нельзя было рассмотреть. Женщина мужественно поднималась, хотя ушибалась очень сильно. В конце концов падения стали такими частыми, что она уже не могла не только сидеть на лошади, но и идти пешком. Пришлось гренадерам ее нести. А что было бы с ней, если бы на нас напали? Главнокомандующий, заклиная нас не бросать госпожу Х, несколько раз повторял нам: «Какую ошибку я совершил, взяв женщину на войну!» Под аккомпанемент этих причитаний мы и выбрались из ситуации, в которую попали, благодаря маршалу Нею.

Глава XXXVIII

Мое ранение при Миранда-ду-Корву. — Сражение при Фош-ди-Арунсе. — Новые планы Массены. — Сопротивление и отстранение Нея

На следующий день, 14 марта, Массена, выдержав довольно сильную атаку, предпринятую против его арьергарда, разместил основные силы своих войск на сильной позиции перед Миранда-ду-Корву, чтобы дать артиллерии и экипажам время пройти через дефиле, расположенное сразу за этим местом. Видя, что французская армия остановилась, лорд Веллингтон выдвинул значительные силы. Все предвещало серьезное дело. Массена, желая дать распоряжения своим командующим, созвал их к себе. Трое из них быстро прибыли, только маршал Ней заставлял себя ждать, и главнокомандующий послал коммандана Пеле и меня к нему, чтобы пригласить его приехать как можно быстрее. Это поручение, которое казалось таким легким, чуть не стоило мне жизни…

Французская армия располагалась несколькими линиями на местности, напоминающей амфитеатр, трибуны которого полого спускались к бурному ручью, разделяющему два широких холма, по вершинам которых можно было пройти войскам, хотя они и были покрыты лесом. Там проходили обходные дороги, ведущие в Миранду. Когда мы с Пеле галопом выехали исполнять приказ главнокомандующего, вдали показались английские стрелки. Они двигались с намерением атаковать оба холма, наши войска готовились их защищать. Чтобы с большей уверенностью не пропустить маршала Нея, мы с моим товарищем разделились. Пеле поехал по левой дороге, а я по правой, и мне надо преодолеть широкую поляну, на которой находились наши аванпосты.

Узнав, что маршал Ней четверть часа назад здесь проезжал, я счел своим долгом поехать ему навстречу и уже надеялся встретиться с ним, когда несколько ружейных выстрелов прозвучали у меня над головой… Я был близко от неприятельских стрелков, разместившихся в лесу рядом с поляной. Хотя я знал, что маршала Нея сопровождает сильный отряд, я забеспокоился о нем, боясь, как бы англичане его не окружили. Но затем я увидел его на другом берегу ручья, рядом с ним был Пеле, и они оба направлялись к Массене. Уверенный, что приказ главнокомандующего выполнен, я собирался уже вернуться в штаб, когда молодой английский офицер из стрелков

направил рысью свою лошадь ко мне и крикнул: «Подождите, господин француз, я хочу сразиться с вами!» Я даже не повернул головы на такое фанфаронство и поскакал к нашим аванпостам, стоящим в пятистах шагах позади… Но англичанин преследовал меня, осыпая оскорблениями! Сначала я не обращал на них внимания, и тогда офицер воскликнул: «По форме я вижу, что вы служите у маршала Франции. Я напечатаю сообщение в лондонских газетах, что одного моего присутствия достаточно, чтобы обратить в бегство *трусливого* адъютанта Массены или Нея!»

Признаю свою ошибку. Я не смог хладнокровно стерпеть эту дерзкую провокацию и, выхватив саблю, в ярости бросился на противника. Когда я почти его настиг, я услышал за спиной шум. Из леса выскочили галопом два английских гусара и отрезали мне путь к отступлению… Я попал в ловушку! Я понял, что только энергичная защита может спасти меня от позора попасть в плен по своей собственной вине на виду у всей французской армии, наблюдающей за этой неравной битвой. Я бросился на английского офицера… мы схватились… он нанес мне рубящий удар по лицу, я всадил ему саблю в горло… его кровь хлынула на меня ручьем… и мой обидчик, упав с лошади, глотал пыль в предсмертной агонии! Однако гусары наносили мне удары с двух сторон, целясь в основном по голове. За несколько секунд мой кивер, сумка и ментик были все изрублены, хотя сам я еще не был задет ударами их сабель. Но вот старший из них, солдат с седыми усами, воткнул-таки острие своей сабли больше чем на дюйм в мой правый бок! Я нанес ему ответный сильный удар, острие моего клинка, чиркнув по его зубам, так как в этот момент он кричал, чтобы подогреть себя, прошло между челюстями, рассекши ему губы и щеки от уха до уха! Старый гусар быстро ускакал, чему я очень обрадовался, так как из двоих нападающих он был самым предприимчивым и храбрым. Когда молодой остался со мной один на один, он поколебался одно мгновение. Наши лошади коснулись головами, и он понял, что если он повернется ко мне спиной, чтобы вернуться в лес, то подставит себя под удар. Но он решился на это, так как увидел французских вольтижеров, спешащих мне на помощь. Но он не избежал ранения, в запале я преследовал его несколько метров и проколол ему плечо, что, видимо, заставило его скакать еще быстрее!

Во время этой схватки, которая произошла быстрее, чем это получается на словах, наши застрельщики бросились меня выручать. С другой же стороны, на том месте, где погиб офицер, появились английские стрелки. Обе группы стали палить друг в друга, и я мог получить пулю с любой стороны. Но мой брат и

Линьивиль, увидев с высоты занимаемой французами позиции, как я сражаюсь с офицером и двумя гусарами, поспешили ко мне. Мне нужна была их помощь, так как я потерял столько крови из раны в боку, что уже начал терять сознание и не мог держаться на лошади, если бы они меня не поддержали.

Как только я оказался в штабе, Массена взял меня за руку и сказал: «Хорошо, даже слишком, так как высший офицер не должен подвергать себя опасности, сражаясь на саблях на аванпостах». И он был прав! Но когда я рассказал ему, почему дал себя спровоцировать, Массена смягчился, а кипучий маршал Ней, вспомнив время, когда он был гусаром, воскликнул: «Право же, на месте Марбо я поступил бы так же!..» Все генералы и все мои товарищи проявили ко мне интерес и подходили ко мне, пока доктор Бриссе меня перевязывал.

Рана на щеке была легкой, она затянулась через месяц, оставив едва заметный след вдоль левого бакенбарда. Но удар саблей в правый бок был опасным, особенно при отходе войск, когда мне приходилось все время сидеть в седле, не имея возможности отдохнуть, как это требовалось раненому.

Таков был, мои дорогие дети, результат моего сражения или, скорее, *безрассудства* при Миранда-ду-Корву. У вас хранится кивер, который был на мне тогда. На нем множество следов от сабельных ударов, которые не пожалели для меня те два английских гусара! Я долго хранил также и мою ташку, на ремне которой остались следы от трех режущих ударов. Но потом она затерялась.

Я сказал, что в тот момент, когда меня послали на поиски маршала Нея, французская армия, развернутая на позиции, возвышающейся над Миранда-ду-Корву, ждала атаки противника. Но сражения не было. Веллингтон, вероятно, смущенный потерями, понесенными в предыдущие дни, остановил свои войска. Тогда Массена решил воспользоваться надвигающейся ночью, чтобы его солдаты затемно прошли через город и длинное дефиле Миранда-ду-Корву. Мое положение было очень тяжелым. Я провел в седле два предыдущих дня и ночь, и теперь, серьезно раненному и ослабленному большой потерей крови, мне пришлось опять провести ночь в седле. Дорога была ужасной. Она была совершенно переполнена повозками, экипажами, артиллерией, многочисленными войсковыми колоннами, на которые в глубокой темноте я наталкивался каждую минуту. В довершение несчастья началась сильная гроза! Дождь промочил меня насквозь, холод пронзил до костей, и я дрожал на лошади, с которой я не осмеливался слезть, чтобы согреться, так как не был уверен, что у меня хватит сил взобраться на нее снова. Добавьте к

этому сильную боль, которую доставляла мне рана в боку, и вы хотя бы немного представите себе мое состояние той суровой ночью.

15-го утром французская армия пришла к берегам Сейры напротив Фош-ди-Арунсе. Этот маленький город расположен на холме над рекой и над долиной на левом берегу, по которому мы пришли. Я переехал через мост, как можно скорее расположился в одном из домов, рассчитывая наконец хоть немного отдохнуть. Но мне это не удалось из-за ужасной сцены, разыгравшейся на моих глазах. Корпуса Рейнье и Жюно были уже в Фош-ди-Арунсе, а корпус Нея находился еще на другом берегу. Главнокомандующий, зная, что неприятель следует за нами по пятам, не хотел заставлять свой арьергард сражаться, имея за собой реку. Он приказал Нею перейти Сейру со всеми войсками. Разрушив мост и поставив сильную охрану у находящегося рядом брода, войска могли бы спокойно отдохнуть в безопасности. Маршал Ней, считая, что неприятель устал за два последних дня, поэтому движется медленно и находится еще далеко, счел, что полностью покинуть левый берег было бы проявлением малодушия. Поэтому он оставил там две пехотные дивизии, кавалерийскую бригаду Ламотта, несколько пушек и не разрушил мост. Это новое непослушание едва не стоило нам очень дорого. Действительно, в то время как Массена отправился наблюдать, как в Понти-Мурселе восстанавливали другой мост, который на другой день должен был обеспечить его войскам важный переход через реку Алви, а маршал Ней беспечно позволил генералу Ламотту перейти вброд Сейру на правый берег за фуражом, лорд Веллингтон внезапно появился и атаковал дивизии, оставленные так неосторожно на левом берегу Сейры!.. Маршал Ней смело встал во главе 39-го полка и штыками отбросил английских драгун. Но когда погиб храбрый полковник этого полка Ламур, его полк, который очень любил своего командира, пришел в замешательство и, налетев в своем отступлении на 59-й полк, увлек его за собой… В этот момент одна наша батарея по ошибке выпустила ядро в этом направлении. Наши солдаты решили, что они окружены, и, охваченные паникой, в беспорядке бросились к мосту! На противоположном берегу генерал Ламотт, увидев это беспорядочное отступление, решил двинуть свою кавалерию на помощь пехотинцам. Но вместо того чтобы перейти по трудному броду, по которому он сюда пришел, он направился по короткой дороге и своей бригадой занял узкий мост через Сейру в тот момент, когда в обратном направлении к нему подбежали отступающие пехотинцы… В результате этой свалки никто не мог пройти, и многие пехотинцы, следуя за своими товарищами, видя,

что по мосту не пройти, бросились к броду. Большинству удалось переправиться на другой берег, но некоторые, оступившись, попали на глубокие места и утонули.

Во время этого печального инцидента маршалу Нею, который прилагал невероятные усилия, чтобы исправить свою ошибку, удалось собрать вокруг себя один батальон 27-го полка. Он дал сигнал к атаке, пробился до дивизий Мерме и Ферея, которые не дрогнули и смело сражались на своих позициях. Маршал Ней возглавил их, снова атаковал и оттеснил неприятеля до границы его главного лагеря. Англичане, удивленные такой энергичной контратакой, а также криками наших солдат, барахтающихся в Сейре, посчитали, что на них устремилась вся французская армия, и, в свою очередь охваченные паникой, они побросали оружие, оставили свои пушки и побежали!.. Войска генералов Рейнье и Жюно, стоящие на правом берегу, были, как и я, свидетелями этих довольно редких на войне сцен, когда несколько дивизий противоположных сторон по очереди беспорядочно обращаются в бегство! Наконец паника улеглась и с той, и с другой стороны, англичане и французы вернулись на оставленные позиции, чтобы подобрать свои ружья, но и тем и другим было так стыдно, что, хотя неприятели были совсем рядом, никто не сделал ни одного выстрела, ни одной провокации, и все в молчании вернулись на свои посты… Даже Веллингтон не осмелился помешать отступлению маршала Нея, который перешел реку и разрушил-таки мост. В этом странном сражении у англичан было выведено из строя 200 человек, у нас они убили 50, еще 100 человек с нашей стороны утонуло, да, к несчастью, 39-й полк потерял в воде своего орла, и даже лучшие ныряльщики не смогли его достать. Его уже летом, когда река обмелела из-за сильной засухи, нашли португальские крестьяне[106].

Маршал Ней, в ярости от своего поражения, набросился на генерала Ламотта и снял его с командования бригадой. Ламотт, однако, был хорошим и храбрым офицером, и позже император восстановил совершенную несправедливость.

Ней так хотел взять реванш за свою неудачу, что в надежде атаковать Веллингтона, если бы тот захотел перейти в свою очередь Сейру, остался на месте и провел часть дня 16-го числа на берегу этой реки. Массене пришлось послать четырех или пятерых адъютантов, чтобы заставить его снять свои бивуаки и следовать за армией.

Армия перешла через реку Алви 17-го числа по мосту, восстановленному в Понти-Мурселе, и в течение пяти дней отходила к Селорику, уже без происшествий.

В долине, через которую мы прошли между рекой Мондегу и горной цепью Эштрела (Серра-да-Эштрела), дороги были хорошими, земли плодородными, и армия жила там в изобилии. Но потом мы снова оказались в Селорику, там, где, когда мы только вступили в Португалию, Массене пришла несчастливая мысль оставить прекрасную долину и пойти по горам к Визеу и Бусаку. Теперь армия снова осуждала его, так как эта ошибка стоила жизни нескольким тысячам солдат и отразилась на всей нашей кампании. Но маршал все не мог смириться с возвращением в Испанию и решил любой ценой остаться в Португалии… Он планировал снова дойти до Тежу через Гуарду и Алфаятиш, занять позицию между Корней и Пласенсией, восстановить мост в Алькантаре, там соединиться с французскими войсками под командованием маршала Сульта у Бадахоса, вместе пойти в Алентежу, а потом на Лиссабон. Массена надеялся таким образом вынудить Веллингтона быстро отступить, чтобы попытаться защитить столицу, которая, атакованная с тыла через Алентежу, имела мало средств для сопротивления, так как не была укреплена на левом берегу Тежу.

Чтобы армии было легче идти, маршал отослал всех раненых и больных в Испанию. Я отказался следовать за ними. Несмотря на мои страдания, я предпочитал остаться в армии, рядом с братом и товарищами. Во время двухдневного перехода в Селорику Массена изложил свой план командующим, и маршал Ней, который горел желанием снова оказаться независимым, воспротивился новой кампании и заявил, что он поведет свои войска в Испанию, потому что в Португалии они больше не находят хлеба. И это было правдой. Но у армии были огромные стада, и за полгода она привыкла жить без хлеба: каждый солдат получал несколько фунтов мяса и достаточно вина.

Новое непослушание Нея, еще более явное, чем предыдущие, вызвало возмущение Массены. Он ответил на это приказом, что он снимает с маршала Нея командование 6-м корпусом. Это был решительный жест, справедливый и необходимый, но слишком запоздалый. Это следовало сделать при первом непослушании Нея. Ней сначала отказался оставить командование, сказав, что император сделал его командиром 6-го корпуса и только его приказу он подчинится! Но главнокомандующий настаивал на своем решении, и маршал Ней уехал в Альмейду. Потом он вернулся в Испанию, а затем отправился к императору в Париж. Во главе 6-го корпуса поставили генерала Луазона, которому это право давала его выслуга лет.

Отстранение маршала Нея произвело в армии эффект разорвавшейся бомбы, тем более что причиной его отставки было

его желание вернуть армию в Испанию, желание, разделяемое всеми солдатами.

24-го армия, начиная перемещение, которое должно было привести ее снова к Тежу, заняла Белмонти и Гуарду. Город Гуарда — самый высокогорный на Иберийском полуострове. Там стоял такой пронизывающий холод, что от переохлаждения умерло много человек, а моя рана в боку Стала болеть просто нестерпимо. Массена получил в Гуарде много депеш из генерального штаба, почти все они были отправлены два месяца назад! Это доказывает, как ошибался Наполеон, думая, что может управлять армией, воюющей в Португалии! Все эти депеши пришли к главнокомандующему способом, который до тех пор во французской армии не употреблялся. Князь Бертье доверил их своему адъютанту де Канувилю. Но этот молодой офицер, один из красавчиков армии, видя, как трудно добраться до армии Массены, ограничился тем, что оставил их в Сьюдад-Родриго и отправился обратно в Париж, откуда его как раз и хотели удалить из-за громкого скандала. Вот история, предыстория которой относится к тем временам, когда генерал Бонапарт был командующим Итальянской армией.

Многие дамы из семьи Бонапарта приехали к нему в Милан, и одна из них вышла замуж за одного из его самых преданных генералов. Так как она ездила верхом, то носила, по тогдашней моде, гусарский ментик поверх ее женского платья. Этот ментик, подаренный ей самим Бонапартом, был очень красивым. Он был оторочен великолепным мехом, все пуговицы на нем были покрыты бриллиантами. Через несколько лет, овдовев, дама снова вышла замуж за одного иностранного князя. Весной 1811 года император, проводя на площади Каруссель смотр гвардии, заметил среди штабных офицеров князя Бертье адъютанта Канувиля, с гордостью носящего ментик, который он когда-то подарил своей родственнице! Мех и бриллианты не позволяли ошибиться! Наполеон узнал их и очень рассердился. Говорят, что даму он сурово отчитал, а неосторожный капитан уже через час получил задание отвезти депеши Массене, которого Наполеон в письме попросил задержать при себе офицера на неопределенный срок. Канувиль догадывался об этом, и я вам уже сказал, как он воспользовался случаем, который помешал ему въехать в Португалию. Но как только он вернулся в Париж, его снова отправили на Пиренейский полуостров, куда он прибыл, пристыженный за свое поведение! Разговор этого современного де Лозена[107] нас забавлял немало, он рассказывал нам, что произошло в парижских салонах за время нашего отсутствия, нас смешил изыск его туалетов, которые так контрастировали с

нашей потертой униформой, изношенной за год кампании, осад, битв и переходов… Канувиль, сначала пораженный поворотом событий, когда после очаровательных парижских будуаров он оказался на бивуаках в скалистой Португалии, вскоре смирился с обстоятельствами. Это был храбрый и остроумный человек, но через год он погиб в сражении при Москве-реке.

Глава XXXIX

Окончательный уход. — Путаница приказов. — Новое наступление на Альмейду. — Злая воля Бессьера

Депеши императора, которые Канувиль оставил в Сьюдад-Родриго во время своего первого приезда, дошли до Массены, когда тот находился в Гуарде. Главнокомандующий собирался защищать берега верхнего Тежу и, вместо того чтобы сразу же выполнять передислокацию войск, потерял несколько дней, составляя ответы на письма двухмесячной давности. Это опоздание очень нам навредило. Неприятель воспользовался им, собрал свои войска и атаковал нас в самой Гуарде. Мы отбросили в нескольких небольших сражениях, которые Массена выдержал, пока дожидался возвращения офицеров, посланных им к Алькантаре. В своих рапортах они указали невозможность прокормить армию в стране, где для этого не было ресурсов. Упорство Массены наконец поколебалось перед столькими препятствиями, которые усиливались неприязненными отношениями военачальников и нуждой, царящей в армии. Было решено вернуться в Испанию. Но вместо того чтобы сделать это быстро, главнокомандующий все откладывал свой выход из Португалии, а лорд Веллингтон воспользовался случаем, который предоставил ему опрометчивый маневр генерала Рейнье, и на пал на него при Сабугале. Успехи обеих сторон были примерно равны, однако в этом славном, но бесполезном сражении у нас были выведены из строя от 200 до 300 человек.

Французская армия перешла границу на следующий день, 1 апреля, и встала лагерем на испанской земле. В ней еще насчитывалось более 40 тысяч человек, а в Сьюдад-Родриго и Саламанку отправили многочисленные обозы с больными и ранеными, более 10 тысяч человек. Мы вошли в Португалию с 60 тысяч человек, не считая дивизию 9-го корпуса, присоединившуюся к нам. Наши потери в этой долгой кампании составили около 10 тысяч убитых, взятых в плен или умерших от болезней!

Армия заняла позицию вокруг Альмейды, Сьюдад-Родриго и Саморы. Массена оказался тогда в очень тяжелой ситуации, так как эти две крепости и соседняя территория находились в ведении маршала Бессьера, которому император поручил командование новой армией, названной Северной, полностью составленной из войск Молодой гвардии. Произошел конфликт между маршалами, так как Бессьер хотел сохранить

продовольствие для своих войск, а Массена резонно считал, что армия, которую он привел из Португалии, где она испытала столько лишений, имела столько же прав на распределение припасов. Император, обычно такой предусмотрительный, не сделал никакого распоряжения на тот случай, если армия Массены будет вынуждена вернуться в Испанию.

На границе царило беспокойство, в основном связанное с защитой Сьюдад-Родриго и Альмейды. Эти две крепости, одна испанская, другая португальская, были настолько близко расположены друг к другу, что одна из них становилась как бы лишней. Император приказал убрать из Альмейды гарнизон и артиллерию, а также разрушить укрепления, уже сильно поврежденные взрывом, который в прошлом году помог нам овладеть ею. Но когда комендант крепости генерал Бренье уже собирался разрушить Альмейду, он получил противоположный приказ из военного министерства. Массена же, прибыв из Португалии как раз в это время, не осмелился принять какое-либо решение самостоятельно. Но так как его войска не могли жить в скалистых и бесплодных окрестностях Альмейды, он был вынужден отвести их оттуда, оставив эту крепость на попечение ее собственного гарнизона — очень слабого с запасом продовольствия только на двадцать пять дней. Если бы на то был приказ императора, присутствие Португальской армии позволило бы за неделю разрушить фортификации Альмейды, которую англичане поспешили окружить, как только армия ушла. В следующем месяце наши войска предприняли кровавую экспедицию для спасения этой крепости, но она не удалась.

Наконец, с трехмесячным опозданием прибыл приказ, ставящий графа д'Эрлона и 9-й корпус под командование главнокомандующего!.. Маршал Массена расположил свою армию на постой между Сьюдад-Родриго, Саморой и Саламанкой и 9 апреля устроил свой штаб в Саламанке. Когда мы туда направлялись, на глазах главнокомандующего произошел инцидент, не красящий английскую армию. Сэр Уотерс, полковник из штаба Веллингтона, был захвачен в плен нашими войсками, а так как он дал честное слово, что не сбежит, то Массена оставил ему оружие и лошадь, а на ночь он был размещен в частном доме. Англичанин свободно следовал за нашими колоннами и при переходе через Матилльский лес, где наши войска сделали стоянку, он улучил момент, когда все отдыхали, пустил свою великолепную лошадь в галоп и исчез! Через три дня он добрался до Веллингтона, который нашел уловку забавной!.. Тот же Веллингтон ответил Массене, который жаловался на то, что португальские ополченцы истребили

французских пленных и расправились с одним из наших полковников штаба, что, «находясь перед необходимостью употребить все средства, чтобы противостоять захватнической войне, он не может отвечать за бесчинства, которые творят крестьяне!».

Отдых, а также хороший уход, который я получил в Саламанке, помогли мне быстро восстановиться. Но это счастье омрачилось печальным инцидентом, который принес мне чрезвычайные огорчения. Мой прекрасный друг Линьивиль покинул нас после серьезного разговора с Массеной, вот по какому поводу.

Массена возложил на Линьивиля тяжелые обязанности главного конюшего, которые тот прежде выполнял добровольно, просто из желания помочь. Линьивиль был большим любителем лошадей. Во время Германской кампании он следил за лошадьми маршала и испытал все трудности с добыванием корма для них в Испании и Португалии. Ему приходилось со всем справляться самому. Было известно, что для перевозки кухни и обозов нужно было иметь по крайней мере тридцать мулов, и еще до начала кампании Линьивиль предложил их закупить. Но Массена не хотел брать этот расход лично на себя и поручил интенданту армии достать ему мулов. У Массены были эти вьючные животные, когда мы вошли в Саламанку. У испанцев существует хороший обычай выбривать спину животных, чтобы шерсть, пропитавшаяся потом, не сваливалась под вьюками и не беспокоила их. Эту операцию выполняют специальные люди, стоит она довольно дорого. Массена предложил моему другу Линьивилю потребовать от алькальда[108] Саламанки оплатить этот расход из городских денег. Линьивиль счел это вымогательством и отказался исполнять. Последовала сцена, в результате которой мой друг заявил маршалу, что поскольку тот так мало ценит его добровольную службу конюшего, то он не только отказывается выполнять ее впредь, но подает в отставку и возвращается в 13-й драгунский полк, к которому приписан.

Напрасно Массена употреблял все средства, чтобы его удержать: Линьивиль был человеком спокойным, но твердым. Он остался неколебим и назначил день своего отъезда. Коммандан Пеле уехал с поручением, и я выполнял функции первого адъютанта. В этом качестве я и предложил всем офицерам штаба собраться, чтобы выразить нашему старому хорошему товарищу уважение и сожаление, что он нас покидает, а также проводить его верхом на расстояние лье от города. Это предложение было принято, но, чтобы Просперу Массене не пришлось осуждать своего отца, мы позаботились о том, чтобы он остался на

дежурстве, в то время как мы провожали и сердечно прощались с Линьивилем, которого все любили. Массена был недоволен нашими вполне достойными действиями и обвинил меня в том, что я был их инициатором. Он опять затаил ко мне неприязнь, хотя в этой кампании своим поведением я заслужил его заинтересованность и доверие.

Гарнизон Альмейды, окруженный англичанами и очень ограниченный в продовольствии, уже собирался капитулировать, но император, чтобы не дать англичанам одержать эту победу, приказал Массене собрать все свои войска возле этой крепости и взорвать городские укрепления. Эту операцию так легко было провести несколько недель назад, когда армия, выходя из Португалии, располагалась в тех местах и держала англичан на расстоянии. Теперь же сделать это было довольно трудно, потому что англичане блокировали город значительными силами. Надо было дать сражение. К этой трудности добавлялась еще одна, не менее серьезная: рассредоточенная по провинции Саламанка армия Массены жила не в изобилии, но каждая отдельная территория худо-бедно кормила свой маленький гарнизон. Собирая же армию против англичан, надо было думать о пропитании всей армии, на что у нас не было в достаточном количестве ни складов, ни транспортных средств.

У губернатора провинции маршала Бессьера были достаточные ресурсы, которые он предназначал только для гвардейских полков. У него была многочисленная кавалерия и прекрасная артиллерия, в то время как у Массены, пехота которого была еще довольно сильна, не хватало лошадей, а имеющиеся животные находились большей частью в плачевном состоянии. Главнокомандующий предложил Бессьеру одолжить ему лошадей. Письма Бессьера были обнадеживающими, но до дела так и не доходило. Массена, подгоняемый сроками начала операции у Альмейды, не стал больше ограничиваться письмами своему коллеге, ставка которого находилась в Вальядолиде, и решил послать к нему адъютанта, который должен был объяснить Бессьеру серьезность положения и поторопить с помощью кавалерией, продовольствием, боеприпасами и т. п. Главнокомандующий решил поручить это мне. После серьезного ранения 14 февраля я не был еще в достаточно хорошей форме, чтобы 19 апреля мчаться галопом и подвергаться атакам партизан, множество которых кружило вокруг дорог. В других обстоятельствах я бы сказал об этом маршалу. Но он сердился на меня, а так как я по собственному желанию продолжал службу, даже не взяв нескольких дней отдыха после трудных заданий, то не желал просить никаких поблажек от Массены. Я поехал к

Бессьеру, несмотря на все уговоры моих товарищей и брата, которые вызывались меня заменить.

Чтобы выполнить порученное мне задание, я должен был выехать из Саламанки, воспользовавшись почтовыми лошадьми. Моя рана в боку открылась и доставляла мне много страданий. Я доехал до Вальядолида. Чтобы доказать мне, что он не помнит зла после того спора, который, произошел между ним и маршалом Ланном на поле боя у Эсслинга, свидетелем которого я невольно стал, маршал Бессьер принял меня превосходно. В ответ на просьбы, которые Массена поручил мне повторить, он обещал прислать для укрепления Португальской армии несколько полков и три легкие артиллерийские батареи, а также много продовольствия.

Я так торопился вернуться к Массене с этими добрыми вестями, что, отдохнув всего несколько часов, пустился в обратный путь в Саламанку. По дороге в какой-то момент мне показалось, что сейчас на меня нападут партизаны, но, увидев флажки на пиках нашего эскорта, они испугались и поспешили скрыться. Я прибыл к главнокомандующему без других помех. Хотя Массена был удовлетворен результатами моей миссии, он не нашел для меня ни одного доброго слова, чтобы поблагодарить за усердие. Надо признать, что бесконечные проблемы очень испортили его и без того мстительный характер. Теперь он опять был в трудном положении и сильно озадачен.

Война, которую мы вели на Пиренейском полуострове, направлялась из Парижа, поэтому возникали ситуации поистине непонятные. Так, главный штаб приказал Массене от имени императора собрать все войска и идти на помощь Альмейде, а в то же время графу д'Эрлону, командиру 9-го корпуса, относящегося к той же армии, предписал срочно отправиться в Андалузию и присоединиться к маршалу Сульту. Граф д'Эрлон оказался между двух противоположных предписаний и, понимая, что его войскам будет лучше в прекрасных долинах Андалузии, чем в суровых горах Португалии, стал готовиться уйти к Севилье. Его уход лишил бы Массену двух прекрасных пехотных дивизий и сделал бы невозможной помощь Альмейде, как это приказал император, поэтому Массена этому воспротивился. Граф д'Эрлон настаивал, и мы опять оказались, как и прошлой зимой, свидетелями распрей по поводу 9-го корпуса. Под давлением Массены граф д'Эрлон согласился остаться до снятия осады Альмейды. Эти раздоры между главнокомандующим и его подчиненным представляли собой совершенную бессмыслицу и не могли не отразиться на военной дисциплине.

Однако 21-го числа подкрепления, обещанные маршалом

Бессьером, в Саламанку так и не пришли. Для взятия Альмейды Массене пришлось рассчитывать только на собственные силы. Он отправился в Сьюдад-Родриго, где 26-го собралась вся его армия. Чтобы прокормить эту массу людей, пришлось использовать запас провизии Родриго, тем самым поставив под вопрос будущее этого важного города.

Мы были в 3 лье от англичан. Они окружали Альмейду, с которой мы не могли иметь сообщения и не знали, какими силами там располагаю!. Было известно, что Веллингтон передислоцировался за Бадахос с большим отрядом из нескольких дивизий. Массена, надеясь, что тот не сможет вернуться раньше чем через восемь-десять дней, хотел воспользоваться отсутствием этого полководца и части вражеской армии, чтобы осуществить пополнение гарнизона Альмейды. Но Веллингтон, узнав о продвижении французов, быстро повернул назад и 1 мая появился перед нами. Это оказалось большим несчастьем, так как сэр Спенсер, на которого в отсутствие Веллингтона возложили командование английской армией (что было явно выше его сил), вероятнее всего не осмелился бы взять на себя ответственность и вступить в бой с таким противником, как Массена, и тот смог бы оказать помощь Альмейде.

Французские солдаты, хотя уже несколько дней получали только половинный рацион плохого хлеба и четвертной мяса, стремились в бой, и их радость была огромной, когда утром 2 мая вдали показались немногочисленные колонны маршала Бессьера, которые они приняли за авангард Северной армии. Но с такой помпой обещанное и так долго ожидаемое подкрепление состояло всего из 1500 прекрасно экипированных кавалеристов, 6 артиллерийских орудий и 30 хороших упряжек. Бессьер не прислал ни боеприпасов, ни продовольствия!.. Это было большим разочарованием! Массена первоначально даже растерялся, но при виде Бессьера, который самолично привел такое малочисленное подкрепление, его охватил гнев! Присутствие этого маршала было оскорблением для Массены. Хотя, вернувшись в Испанию, Португальская армия оказалась в провинциях, территориально подчиненных Бессьеру, она считалась независимой, находясь под командованием Массены, и то, что маршал Бессьер дал ему небольшое количество солдат, не означало, что он может хоть как-то контролировать поведение своего коллеги. Массена это понял и сказал нам при его приближении: «Лучше бы он прислал нам еще несколько тысяч человек, чем наблюдать и критиковать то, что я буду делать!» Бессьер был принят очень холодно, что не помешало ему постоянно следовать за Массеной во время этой короткой кампании и высказывать свое мнение. Армия пришла в

движение днем 2 мая, а 3 мая начались бои.

Здесь имела место новая серия ошибок, происходящих от недоброжелательного отношения некоторых командующих к Массене, а также от непонимания, которое царило между ними.

Глава XL

Сражение при Фуэнтес-де-Оньоро. — Фатальная ошибка. — Удачные действия Массены. — Неудача, вызванная бездействием Бессьера

Мы встретили англо-португальскую армию на границе Испании и Португалии. Она стояла перед крепостью Альмейда и осаждала ее. Войска занимали широкое плато, расположенное между речкой Туронес и той, что течет в глубоком овраге и называется *Дос Касас.* Левый фланг лорда Веллингтона находился у разрушенного форта Консепсьон, центр — у деревни Аламеда, а правый фланг, поставленный у Фуэнтес-де-Оньоро, продолжался до болота Наве-де-Авель, откуда вытекала река, которую одни называли Дос Касас, а другие Оньоро. Этот водный поток прикрывал его фронт. Французы подошли к этой линии тремя колоннами по дороге от Сьюдад-Родриго. 6-й и 9-й корпуса, объединенные под командованием генерала Луазона, образовывали левый фланг, расположенный напротив Фуэнтес-де-Оньоро. 8-й корпус Жюно и кавалерия Монбрена были в центре у холма Бриба. Генерал Рейнье со 2-м корпусом занял позицию справа, наблюдая за Аламедой и Консепсьоном. Несколько элитных батальонов, гвардейские уланы и несколько батарей составляли резерв под командованием генерала Лепика, известного своим блестящим поведением в сражении при Эйлау.

Едва наши войска заняли назначенные позиции, генерал Луазон, не дожидаясь приказа Массены, чтобы предпринять одновременные действия, обрушился на деревню Оньоро, занятую шотландцами и отборной дивизией армии союзников. Атака была такой сильной и внезапной, что неприятель, хотя и защищенный крепкими домами, вынужден был покинуть свои позиции. Но он укрылся в старой часовне, расположенной на вершине огромных скал, возвышающихся над Оньоро, и выбить его с этой господствующей позиции стало невозможным. Массена приказал войскам занять деревню и все дома. Но этот приказ выполнили плохо. Дивизия Ферея, которой это поручили, увлеклась и, воодушевленная первым успехом, встала перед Оньоро, подставившись под обстрел английских стрелков и пушки, расположившихся вокруг часовни. В довершение несчастья в наших войсках начался беспорядок из-за прискорбного события, которое надо было предвидеть.

В дивизии Ферея был батальон ганноверского легиона на французской службе. Мундиры у них были красные, как у

англичан, но шинели серые, как у всей французской армии. Командир ганноверцев, у которого и без того много людей было убито нашими же солдатами при Бусаку, попросил, прежде чем войти в Оньоро, разрешение оставить своих солдат в шинелях, а не складывать их в мешки, как это было предписано. Но генерал Луазон ответил, что приказы отдаются для всего армейского корпуса. Это привело к жестокой ошибке: 66-й французский полк, посланный поддержать ганноверцев, сражавшихся в первой линии, в дыму принял их за англичан и открыл по ним огонь, а наша артиллерия, тоже введенная в заблуждение красными мундирами, накрыла их картечью.

Я отдаю должное храбрым ганноверцам, попавшим между двух огней, — они долго держались и не отступали ни на шаг. Но, в конце концов, имея много раненых и 100 человек убитыми, батальон вынужден был отступить и отойти к деревне. В этот момент в нее входили солдаты одного французского полка, которые, увидев красные мундиры, подумали, что их окружила английская колонна. В результате произошел беспорядок, которым ловко воспользовался неприятель и снова занял Фуэнтес-де-Оньоро, чего не произошло бы, если бы командиры расставили у окон пехотинцев, как это приказал Массена. Ночь положила конец первым военным действиям, в которых у нас выбыло из строя 600 человек. Потери неприятеля были примерно такими же и коснулись в основном лучших его войск, шотландцев. Был убит английский полковник Уильямс.

Я никогда не мог понять, почему Веллингтон решился ждать французов в невыгодной позиции, в которую неловкий генерал Спенсер поставил английские войска до прибытия герцога. Действительно, союзники имели за спиной не только крепость Альмейду, которая загораживала им единственный путь к отступлению, но еще и Коа, реку с очень крутыми берегами, подход к которой был чрезвычайно трудным. Если бы обстоятельства потребовали отступить, это могло бы привести к гибели англо-португальской армии. Правда, крутая и глубокая горловина Дос Касос защищала английский фронт, начиная с развалин форта Консепсьон вплоть до Наве-де-Авель. Но за этим пунктом края этого большого оврага становились пологими и даже совсем исчезали, переходили в болото, которое было легко перейти. Веллингтон мог бы использовать его, чтобы прикрыть край правого фланга, поставив там хороший полк с пушкой. Но английский главнокомандующий, забыв неприятности, которые имел при Бусаку, когда поручил партизанам Трента помешать французам обойти его армию через дефиле при Боялву, повторил ту же ошибку. Он доверил охрану болота Наве-де-Авель

партизанским бандам дона Хулиана, неспособным противостоять линейным войскам.

Кавалерийский патруль Монбрена донес Массене об этом недосмотре, и тот приказал подготовить все необходимое, чтобы его дивизии могли перейти болото на другой день на рассвете и с тыла напасть на правый край неприятеля. За ночь сделали достаточное количество фашин, и 8-й корпус и часть 9-го, одновременно, в полном молчании, направились к Наве-де-Авель. Дивизия Ферея осталась у Оньоро, по-прежнему находившегося в руках неприятеля.

5 мая, на рассвете, рота вольтижеров прошла среди ив и тростника, бесшумно перешла через болото. Трудные места, которых оказалось не так много, как думали, преодолевали, передавая из рук в руки фашины. Дон Хулиан и его люди, считая, что они обезопасили себя от любой атаки, так плохо несли охрану, что французы нашли их спящими и убили человек тридцать. Остальные бандиты, вместо того чтобы стрелять, хотя бы для предупреждения англичан, со всех ног бежали до Френеды, за Туронес, и дон Хулиан, хотя и большой храбрец, не смог удержать своих недисциплинированных солдат. Наши войска воспользовались ошибкой Веллингтона, быстро перешли болото, и теперь на другой стороне у нас было уже четыре пехотные дивизии, вся кавалерия Монбрена[109] и несколько батарей. Мы перешли Наве-де-Авель, а англичане даже не заметили наш маневр, один из самых прекрасных, который Массена когда-либо совершал! Это была последняя яркая вспышка гаснущего светильника…

Правый край был совершенно расстроен нашим проходом через болото, и положение Веллингтона стало крайне трудным. Он не только должен был перестраивать фронт, чтобы противостоять нашим дивизиям, которые занимали уже Наве-де-Авель, Посо-Вельо, а также лес между этой деревней и Фуэнтес-де-Оньоро, но был вынужден оставить часть своих войск перед Фуэнтес-де-Оньоро и Аламедой, чтобы сдерживать части графа д’Эрлона и генерала Рейнье, которые готовились перейти Дос Касас, чтобы атаковать неприятеля во время его маневра. Лорд Веллингтон считал свой правый фланг настолько защищенным, что оставил на этом направлении только нескольких конных разведчиков. Видя, что фланг обойден, он быстро направил к Посо-Вельо пехотную бригаду, которая первой попалась ему под руку. Кавалерия Монбрена опрокинула и порубила саблями этот авангард! Генерал Мокюн, продвигаясь вперед, устремился в лес Посо-Вельо, откуда прогнал шотландцев, захватив 250 человек в плен и убив около сотни. Все предвещало французам яркую

победу, когда после спора на повышенных гонах между генералами Луазоном и Монбреном последний приостановил движение кавалерийского резерва под предлогом, что обещанные ему гвардейские батареи еще не подошли! Действительно, маршал Бессьер их задержал, не предупредив об этом Массену, который, уведомленный об этом затруднении слишком поздно, сразу же выслал Монбрену другие орудия. Остановка Монбрена стала для нас гибельной вдвойне: во-первых, потому, что без поддержки кавалерии пехота Луазона не решалась начать действия на равнине, во-вторых, эта фатальная для нас остановка позволила Веллингтону привести всю свою кавалерию на подмогу английским дивизиям Хьюстона и Кроуфорда, которые в тот момент были перед нами одни!

По приказу Массены генерал Монбрен, укрыв свою артиллерию за несколькими эскадронами гусар, снова пошел вперед и, внезапно открыв свои орудия, ударил по дивизии Хьюстона, а когда она дрогнула, атаковал ее бригадами Ватье и Фурнье, которые почти полностью уничтожили 51-й английский полк[110] и обратили в бегство дивизию Хьюстона. Отступающие добежали до Вилья-Формосы на левом берегу Туронеса и были обязаны своим спасением только полку британских стрелков, стоящему за длинной и крепкой стеной. Их меткий и сильный огонь остановил бросок нашей кавалерии.

На этом участке поля боя у Веллингтона были только дивизия Кроуфорда и одна кавалерийская дивизия. Другие части, захваченные врасплох, еще не закончили изменение линии фронта. Этот маневр должен был поставить их лицом к наступающим французам. Пройдя по болоту, мы оказались на участке, где менее всего ожидалось наше нападение. Именно здесь находились интендантские службы английской армии, слуги, обозы, лошади, солдаты, отставшие от своих полков. Вся широкая равнина была покрыта множеством расположенных в беспорядке людей, и три каре, которые быстро выстроили пехотинцы Кроуфорда, выглядели на фоне этой толпы тремя незначительными пятнами… Наши же войска уже находились на расстоянии пушечного выстрела, готовые ринуться на неприятеля, — корпус генерала Луазона, корпус Жюно, 5 тысяч кавалеристов (из них 1000 гвардейцев) и четыре полевые батареи! 8-й корпус уже прошел через лес Посо-Вельо, с правого берега реки Дос Касас 9-й энергично атаковал деревню Фуэнтес-де-Оньоро, а генерал Рейнье получил приказ пройти через Аламеду, чтобы зайти англичанам в тыл. Надо было только двинуться вперед… Даже Нэйпир, участвующий в этом сражении, считает, что за всю эту войну для британских войск не было более

опасного момента!.. Но слепая фортуна решила по-другому! Генерал Луазон, вместо того чтобы идти по левому берегу лесом, чтобы обойти с тыла деревню Фуэнтес-де-Оньоро, атакованную с фронта генералом Друэ д'Эрлоном, потерял много времени и совершил неудачное передвижение, которое позволило Веллингтону усилить этот важный пункт, ставший ключом всей позицией. А генерал Рейнье не выполнил приказов Массены: под предлогом, что силы перед ним слишком значительны, он не прошел через Аламеду и не принял почти никакого участия в действиях.

Несмотря на все эти неприятности, мы могли еще выиграть сражение, настолько велики были наши преимущества! Кавалерия Монбрена, разбив кавалерию неприятеля, оказалась перед пехотой Кроуфорда. Она атаковала и прорвала два каре, одно из которых было буквально изрублено! Солдаты второго побросали оружие и бежали на равнину. Полковник Хилл отдал свою шпагу аджюдан-мажору Дюленберу из 13-го конно-егерского полка, и мы взяли в плен 1500 человек. Третье английское каре держалось твердо. Монбрен атаковал его бригадами Фурнье и Ватье, которые уже прорвали одну из его фасов, когда под этими двумя генералами убили лошадей, все полковники были ранены в жаркой схватке, и в этот критический момент рядом не оказалось никого, кто мог возглавить полки. Монбрен поспешил на помощь, но английское каре уже успело восстановить порядок. Монбрену надо было перестроить наши эскадроны, чтобы начать атаку снова.

В это время Массена, желая закрепить победу, посылает к генералу Лепику, который находился в резерве с гвардейской кавалерией[111], адъютанта с приказом атаковать! Но храбрый Лепик, в отчаянии кусая клинок своей сабли, с болью отвечает, что его непосредственный начальник маршал Бессьер категорически запретил ему пускать в бой его части без его собственного приказа… Тотчас десять адъютантов посылаются в разных направлениях на поиски Бессьера, но тот, в течение нескольких дней неотступно следовавший за Массеной, исчез, конечно, не из трусости — он был очень храбрым человеком, — но из расчета или зависти к своему товарищу. Совершенно не думая о высших интересах Франции, он не захотел послать ни одного своего солдата обеспечить победу, слава которой досталась бы Массене!

Наконец, через четверть часа, маршала Бессьера нашли вдали от поля боя. Он бродил у болота и рассматривал, как были сделаны фашины для нашего утреннего обходного маневра! Он поспешил к месту действия, приняв озабоченный вид, но

решающий момент был упущен по его вине и больше не повторился, так как англичане, оправившись от атак кавалерии Монбрена, подвели прекрасную артиллерию, которая осыпала наши эскадроны картечью, а английские солдаты освободили 1500 взятых нами пленных. Наконец лорд Веллингтон закончил изменение фронта и развернул свою армию на плато: правый край был у Туронеса, левый опирался на Фуэнтес-де-Оньоро.

При виде этой новой очень сильной линии Массена остановил продвижение своих войск. Он начал сильный артиллерийский обстрел, нанесший большой урон плотным рядам англичан, которые могли бы дрогнуть от общей атаки нашей кавалерии. Массена надеялся еще, что Бессьер введет свои гвардейские полки в момент, когда надо будет напрячь все силы, и мы бы обязательно одержали победу. Но Бессьер отказался, сказав, что он отвечает перед императором за возможные потери в его гвардии!.. Как если бы вся армия не служила императору, для которого самое главное было узнать, что англичане разбиты и изгнаны с Пиренейского полуострова! Все солдаты, особенно сами гвардейцы, были возмущены решением Бессьера и задавались вопросом, зачем Бессьер пришел к Альмейде, если он не пустил свои полки в бой для того, чтобы спасти эту крепость. Это неожиданное осложнение совершенно изменило положение дел, так как англичане все время получали подкрепления и самая их сильная дивизия, находившаяся в осадных линиях у Альмейды, перешла через Туронес и встала на равнине… Таким образом, позиции обеих армий изменились, а значит, должен был измениться и план, намеченный накануне Массеной. Он решил направить свои основные силы на Альмейду, там соединиться с корпусом Рейнье, чтобы вместе напасть на правый фланг и тыл неприятеля. Это было повторение операции, проведенной предыдущей ночью у Наве-де-Авель.

Но новое непредвиденное препятствие внезапно помешало успеху его планов. Командующий артиллерией генерал Эбле предупредил, что в артиллерийском обозе осталось только по четыре патрона на человека, и если к этому прибавить то, что оставалось в подсумках, то получалось примерно по двадцать патронов на пехотинца. Этого было недостаточно, чтобы вновь вступать в битву с врагом, оказывающим отчаянное сопротивление! Массена приказал срочно послать все свободные фургоны в Сьюдад-Родриго за боеприпасами, но интендант заявил, что он послал фургоны в этот же город, но за хлебом, который завтра надо раздавать солдатам! Патроны были необходимы, и Массена, лишенный транспортных средств, просил маршала Бессьера одолжить ему на несколько часов зарядные

ящики гвардии, но тот холодно отвечал, что его упряжки устали за день и что лошади пропадут, если сделают еще один марш ночью по плохим дорогам, поэтому он их может предоставить только завтра!.. Массена вышел из себя, воскликнул, что Бессьер во второй раз отнимает у него победу, которая, право же, стоит нескольких лошадей. Но Бессьер снова отказал ему, и между маршалами произошла очень бурная сцена!

6-го числа на рассвете зарядные ящики Бессьера отправились в Сьюдад-Родриго, но они двигались так медленно, что патроны прибыли к нам только днем. Веллингтон употребил эти сутки на то, что укрепил свою новую позицию, особенно верхнюю часть деревни Фуэнтес-де-Оньоро, которую теперь нельзя было взять, не пролив при этом потоков французской крови! Возможность одержать победу была потеряна нами безвозвратно!

Глава XLI

Преданность трех солдат. — Разрушение Альмейды и бегство гарнизона. — Армия стоит в Сьюдад-Родриго. — Мармон заменяет Массену. — Ошибки Массены

Массена понял, что нельзя начинать новое сражение, что Альмейде помочь не удастся, тогда он решил спасти гарнизон этой крепости, разрушив ее укрепления. Но чтобы достичь желаемого, надо было предупредить коменданта города, находящегося в окружении многочисленных английских войск, а связаться с ним если и было возможно, то очень трудно. Три храбреца, чьи имена должны сохраниться в наших анналах, добровольно вызвались выполнить эту опасную миссию — перейти через вражеский лагерь и отнести генералу Бренье инструкции о том, как ему действовать, покидая крепость. Вот их имена: капрал 76-го полка Пьер Занибони, маркитант дивизии Ферея Жан-Ноэль Лами и егерь 6-го легкого полка Андре Тийе. В прошлом году они все участвовали в осаде Альмейды, поэтому хорошо знали окрестности и должны были пойти разными дорогами. Каждому из них вручили небольшое шифрованное письмо для коменданта, и 6-го числа ночью они отправились в путь.

Занибони переоделся испанским торговцем (он очень хорошо говорил по-испански) и пошел через бивуаки англичан, чтобы якобы продать табак и купить одежду убитых солдат. Лами, одетый как португальский крестьянин, сыграл примерно такую же роль в другой точке английских позиций. Такая мелкая торговля была обычной во всех армиях, и оба француза ходили от одной линии к другой, не вызывая подозрений. Они подошли уже к воротам Альмейды, когда их хитрость была обнаружена при обстоятельствах, оставшихся неизвестными. Их обыскали и обнаружили письма. Оба несчастных были расстреляны как *шпионы,* по военным законам, по которым к этой категории относили и наказывали смертью любого военного, для выполнения задания снявшего униформу.

Что до Тийе, то он оказался более ловким, чем его товарищи. Он отправился в Альмейду в форме, при сабле, пошел сначала по руслу речки Дос Касос, в которой было по пояс воды, но очень крутые и высокие берега. Он шел медленно от скалы к скале, прятался за ними при малейшем шуме и так добрался до развалин форта Консепсьон. Там ему пришлось расстаться с берегами Дос Касаса, которые так хорошо скрывали его даже в

местах, вплотную примыкающих к неприятельскому лагерю. Он полз на коленях по уже высоким посевам и добрался наконец до Альмейды, где на рассвете 7-го числа его подобрали посты французского гарнизона! Письмо, переданное генералу Бренье этим бесстрашным солдатом, содержало приказ взорвать укрепления и тотчас отойти к Барба-дель-Пуэрко, куда войска генерала Рейнье придут чуть раньше. Несколько артиллерийских залпов из орудий самого большого калибра, произведенных в определенные часы, должны были сообщить Массене, что один из его эмиссаров добрался до цели.

Пушки Альмейды дали условный сигнал, и Массена приказал сделать все необходимые приготовления для отхода к Сьюдад-Родриго, как только у него будет уверенность, что укрепления в Альмейде разрушены. Операции такого рода требуют много времени, так как надо заминировать городские стены, зарядить минный погреб, уничтожить боеприпасы, орудия, разбить лафеты и т. п.

Надо было ждать, когда пушки объявят нам, что Бренье эвакуируется из крепости. Обе армии оставались на своих позициях все дни 7, 8, 9 и 10-го, ничего не предпринимая друг против друга. Англичане попросили приостановить на это время военные действия, чтобы похоронить своих мертвых. Отдавать последние почести храбрым воинам — эта традиция всегда соблюдалась у цивилизованных наций. У англичан число их мертвецов, лежащих на равнине, было гораздо более значительным, чем у французов. Но в деревне, где неприятель сражался под прикрытием домов и за стенами садов, убитых французов было больше. Раненых было много с обеих сторон. В числе наших был капитан Септёй, адъютант князя Бертье, который, как и Канувиль, получил приказ покинуть Париж и находиться здесь, у Массены. Ядро попало несчастному молодому человеку в ногу, ее пришлось ампутировать на поле боя! Он мужественно перенес эту операцию и был еще жив.

Видя, что французская армия неподвижно стоит в течение нескольких дней, Веллингтон, который, конечно, обратил внимание на пушечные выстрелы из Альмейды, понял, что Массена намеревался помочь побегу гарнизона из крепости. Тогда он усилил дивизию, осуществлявшую блокаду города, и передал генералу Кэмпбеллу, командующему этой дивизией, такие сложные приказы, что, если бы их пунктуально исполнили, генерал Бренье и его части не смогли бы уйти от неприятеля… 10-го в полночь глухой и продолжительный взрыв дал знать французской армии, что Альмейды как крепости больше не существует. Чтобы ввести в заблуждение англичан и

португальцев, в предыдущие дни генерал Бренье совершал вылазки и беспокоил неприятеля со стороны, противоположной той, через которую гарнизон должен был выходить. Выход прошел без затруднений. Сначала так же протекало и отступление, Бренье двигался, ориентируясь по луне и по течению рек. Он был уже на небольшом расстоянии от французской дивизии генерала Эдле, отправленной Массеной ему навстречу, когда наткнулся на португальскую бригаду, рассеял ее и быстро продолжил свое отступление. Но генерал Пак, услышав перестрелку, поспешил к этому месту из Малпартиды, погнался за нашими колоннами, обстреливая их, и вскоре английская кавалерия генерала Коттона, энергично атаковав арьергард гарнизона, нанесла ему некоторые потери. Наконец наши солдаты увидели мост Барба-дель-Пуэрко, по которому двигалась им навстречу дивизия Эдле. Они уже обрадовались и думали, что спасены, но, видно, так было предопределено, чтобы португальскую землю еще раз оросила французская кровь!

— Последняя из наших колонн должна была перейти через дефиле, выходящее к карьеру, расположенному между остроконечных скал. Неприятель подступал со всех сторон, и несколько взводов нашего арьергарда были отрезаны английской кавалерией. Видя это, французские солдаты стали взбираться на крутые склоны и так избежали ударов английской кавалерии, но попали в другую беду: поверху за ними следовала португальская пехота и вела сильный смертоносный огонь! Наконец, когда наши вольтижеры уже приближались к дивизии Эдле и надеялись на ее помощь, земля вдруг провалилась у них под ногами, и солдаты полетели в гигантскую пропасть у подножия скалы. Такая же судьба постигла головную колонну, преследующую наших людей, португальцы летели вниз в пропасть вперемежку с французами. Подоспевшей дивизии Эдле удалось оттеснить англо-португальские войска от того места, где только что произошла катастрофа. Зрелище на дне этого провала было ужасным! Там лежало три сотни мертвых или жестоко покалеченных французских и португальских солдат! Около шестидесяти французов и тридцати португальцев выжили после этого ужасного падения. Таков был последний инцидент тяжелой и несчастной кампании, которую французы закончили в Португалии, куда они больше уже не вернулись!

Армия Массены, покинув поле боя у Фуэнтес-де-Оньоро, отошла к Сьюдад-Родриго, где стала лагерем. Англичане не преследовали ее. Позже мы узнали, что Веллингтон был очень недоволен генералом Кэмпбеллом, которого он обвинил в том, что тот не выполнил его приказов и дал сбежать гарнизону

Альмейды. Кэмпбелл предстал перед военным трибуналом и от отчаяния застрелился.

Едва французская армия встала на свои квартиры и стала приводить себя в порядок, как Массена снова стал думать о ее реорганизации в надежде начать новую кампанию. Но только он начал работать в этом направлении, как из Парижа прибыл маршал Мармон. Этот маршал имел при себе назначение на пост главнокомандующего, но вначале представился как преемник маршала Нея для командования 6-м корпусом. Только через несколько дней, достаточно ознакомившись с положением дел, он предъявил приказ о своем назначении и вручил Массене приказ императора, вызывающий его в Париж!

Массена был удручен этой неожиданной немилостью и тем, в какой форме это было ему объявлено. Все говорило о том, что император не одобряет то, как он вел военные действия. Массена был вынужден передать командование Мармону, попрощался с армией и отправился в Саламанку. Перед отъездом он имел серьезное объяснение с генералом Фуа, которого обвинил в сговоре с Неем с целью очернить его перед императором.

Узнав, как решительно генерал Бренье вывел гарнизон из Альмейды, император произвел его в дивизионные генералы. Он вознаградил также преданность и смелость бесстрашного Тийе, пожаловав ему крест Почетного легиона и назначив пенсию в 600 франков. Позже эта пенсия стала предметом обсуждения в Палате депутатов. Тийе стал сержантом и при Реставрации получил пенсию по увольнении. Но так как он попадал под закон о совокупности доходов, то одну пенсию хотели у него отобрать. Генерал Фуа красноречиво защищал героического солдата, и тот сохранил обе свои пенсии.

После недолгого пребывания в Саламанке Массена направился в Париж, где сразу же по прибытии отправился к императору, но тот не принимал его целый месяц под предлогом неотложных дел… Немилость была полной! Действительно, Массена совершил много серьезных ошибок и не оправдал доверия императора, главным образом своим походом на Лиссабон. Но надо также признать, что правительство не должно было бросать его армию в стране, настолько лишенной ресурсов, как Португалия, не обеспечив коммуникации между его армией и границей Испании эшелонированными войсками. Как бы там ни было, авторитет Массены во время экспедиции, предпринятой для спасения Альмейды, поднялся и глазах солдат. Он не только провел несколько стратегически прекрасных операций, но проявил большую активность, употребив всю свою энергию на военные вопросы, не беспокоясь больше о госпоже Х, которую он

оставил в тылу своей армии. Однако я позволю себе отметить многие ошибки, совершенные Массеной в экспедиции против Альмейды.

Первая заключается в том, что она была предпринята без достаточных транспортных средств для доставки продовольствия и боеприпасов. Говорили, что не хватало упряжных лошадей. Это правда, но в стране было много мулов, которых можно было взять на несколько дней, как это делается в подобных случаях. Вторая — фатальная ошибка с красными мундирами ганноверцев, повторением того, что случилось при Бусаку. Массена должен был разрешить этому батальону остаться в серых шинелях, прежде чем бросать его в Оньоро на англичан, носящих похожие мундиры. Этой предусмотрительной мерой главнокомандующий сохранил бы за нашей армией всю деревню, возвышенную часть которой мы в результате потеряли и уже не могли снова отвоевать.

Третья — Массена удерживал большую часть равнины и течения Дос Касос, за исключением пункта, где эта речка пересекает Фуэнтес-де-Оньоро, и я считаю, что он напрасно потерял драгоценное время и много людей, пытаясь полностью вытеснить англичан из этой деревни, хорошо ими укрепленной. Я думаю, что лучше было бы повторить маневр герцога Мальборо в сражении при Мальплаке[112], обойти Оньоро, оставив вне досягаемости неприятельского огня бригаду для наблюдения, чтобы защитники деревни, посчитав, что их окружают, были вынуждены покинуть свою выгодную позицию и соединиться с Веллингтоном, в противном случае им пришлось бы сдаться после общего поражения английской армии. Главным для нас было разбить основные силы неприятеля, находящиеся на открытых местах. К сожалению, французы имеют правило в сражениях не оставлять у себя за спиной никаких занятых противником укрепленных пунктов. Этот принцип часто становился роковым обстоятельством для наших войск, особенно при Фуэнтес-де-Оньоро и Ватерлоо, где мы упорно атаковали фермы Ла-Э-Сент и Угумон, вместо того чтобы прикрыть эти участки одной дивизией, а самим идти на уже сильно пошатнувшиеся английские линии. У нас было бы время сломить их до прихода пруссаков, что обеспечило бы нам победу. После чего защитники ферм, видя, что их покинули, сложили бы оружие, как это было с нашими же войсками при Мальплаке.

Четвертая ошибка, в которой можно упрекнуть Массену во время сражения при Фуэнтес-де-Оньоро, — перед началом действий надо было удостовериться, что в зарядных ящиках есть достаточное количество патронов, а если нет, то взять их из

арсенала Сьюдад-Родриго, расположенного всего в трех лье от места сражения. Этот недосмотр был одной из основных причин нашего неуспеха.

Пятая ошибка — если бы у Массены была та же твердость, которую он проявлял при Риволи, Генуе и Цюрихе, он послал бы арестовать генерала Рейнье, когда тот отказался исполнить приказ, предписывавший ему пройти через Аламеду и напасть на неприятеля с тыла. Командование 2-м корпусом перешло бы тогда к бравому генералу Эдле, который живо оттеснил бы англичан. Но Массена не решился на этот поступок. Победитель Суворова потерял свою энергию, ему безнаказанно не повиновались, и солдатская кровь проливалась без толку и славы.

Глава XLII

Основные причины наших неудач на Пиренейском полуострове. — Разобщенность маршалов. — Слабость Жозефа. — Дезертирство союзников. — Точность английского огня. — Характер испанцев и португальцев. — Возвращение во Францию

При создании этих Мемуаров в мои планы не входило рассказывать о различных этапах войны за независимость Пиренейского полуострова, но, прежде чем расстаться с этой страной, я хочу указать основные причины неудач, которые французы там потерпели, хотя еще никогда и нигде наши войска не проявляли столько упорства, терпения и доблести.

Вспомним, что в 1808 году отречение Карла IV и арест его сына Фердинанда VII, которого император сместил с трона, чтобы возложить корону Испании на голову своего брата Жозефа, возмутили всю испанскую нацию. Она взялась за оружие, чтобы вернуть себе свободу, и, хотя на улицах Мадрида повстанцев разбили, некомпетентность генерала Дюпона подарила им победу при Байлене, где они полностью захватили один из наших корпусов. Этот неожиданный успех воодушевил не только испанцев, но и их соседей португальцев, королева которых, боясь ареста со стороны французов, со всей семьей бежала в Бразилию. Ее подданные с помощью английской армии поднялись против наполеоновских войск и взяли в плен генерала Жюно и всю его армию. С этого момента весь полуостров восстал против императора. Наполеон понял, что необходимо его присутствие, чтобы победить повстанцев, и, перейдя Пиренеи во главе стотысячной армии ветеранов, покрытых славой Аустерлица, Иены и Фридланда, он обрушился на Испанию, выиграл много сражений и триумфально вернул Жозефа в Мадрид. После этих блестящих успехов Наполеон стал преследовать английскую армию, которая осмелилась дойти почти до середины этого королевства, отбросил ее к порту Ла-Корунья, где маршал Сульт завершил наши успехи, вынудив англичан поспешно сесть на суда. При этом англичане потеряли несколько тысяч человек, среди которых был и их полководец Джон Мур.

Нет сомнения, что, если бы император смог продолжать руководство операциями, Пиренейский полуостров был бы покорен. Но лондонское правительство ловко сумело активизировать нового мощного врага: Австрия объявила войну Наполеону, который был вынужден поспешить в Германию, возложив на своих военачальников трудную задачу справиться с

восстанием. Они могли бы с ней справиться, если бы действовали слаженно и согласованно. Но как только хозяин уехал, а у слабого короля Жозефа не было ни военных знаний, ни достаточной твердости, чтобы его заменить, больше не существовало единого командного центра. Полная анархия царила среди маршалов и командующих различными корпусами французской армии. Каждый считал себя независимым, ограничивался тем, что защищал только ту провинцию, которую занимали его собственные войска, и не хотел оказывать помощь ни людьми, ни продовольствием своим товарищам, управляющим по соседству.

Напрасно главный штаб и сам император направляли самые строгие приказы, предписывающие военачальникам оказывать друг другу помощь в зависимости от обстоятельств, удаленность от Наполеона делала их неуправляемыми, никто не подчинялся, каждый говорил, что его ресурсы нужны ему самому. Поэтому, когда войска генерала Сен-Сира чуть было совершенно не уничтожили в Каталонии, маршал Сульт, губернатор королевств Арагона и Валенсии, не прислал ему в поддержку ни одного батальона! И вы помните, как самого маршала Сульта бросили в Опорту, а маршал Виктор не выполнил приказ и не пришел к нему на помощь. В свою очередь, Сульт позже откажется помочь Массене, когда тот будет стоять у ворот Лиссабона. Тот напрасно прождет полгода! Массена не смог добиться, чтобы Бессьер помог ему сразиться с англичанами у Альмейды…

Я мог бы привести множество примеров эгоизма и непослушания, которые погубили французскую армию на полуострове, но надо признать также, что основная вина лежит на правительстве. Понятно, что в 1809 году, когда Австрия выступила против императора в Германии, он покинул Испанию, чтобы противостоять более срочной опасности, но нельзя объяснить, как после победы под Ваграмом, после заключения мира на Севере и женитьбы Наполеон не почувствовал, насколько важно для него вернуться на Пиренейский полуостров, чтобы выгнать оттуда англичан и закончить там войну!

Но что самое удивительное, как этот великий гений счел возможным руководить из Парижа действиями армий, находящихся за 500 лье от него в Испании и Португалии, где действовало огромное количество повстанцев, захватывающих и убивающих офицеров, доставляющих депеши, обрекая командующих армиями оставаться месяцами без известий и приказов!

Возможно ли, чтобы при таком руководстве война закончилась бы успехом?.. Поскольку император не мог или не хотел приехать сам, он должен был наделить одного из своих

лучших маршалов высшим командованием над всеми армиями на полуострове и сурово наказывать тех, кто оказывал неповиновение! Наполеон поставил короля Жозефа своим заместителем, но тот был человеком мягким, образованным, остроумным… *но совершенно чуждым военного искусства.* Он стал игрушкой в руках маршалов, которые не выполняли его приказов, считая его присутствие в армии помехой. С уверенностью можно сказать, что чрезвычайная доброта этого короля привела его ко многим ошибкам, самая главная из которых — противостояние воле императора в вопросе о том, как обращаться с испанскими военными, захваченными французскими войсками на поле боя. Наполеон приказал отправлять их во Францию как военнопленных, чтобы уменьшить число наших врагов на полуострове. Но Жозеф, не желая сражаться с теми, кого он называл своими подданными, стал защищать испанцев от нас. Испанцы же пользовались его доверчивостью: как только их захватывали, они кричали: «Да здравствует наш добрый король Жозеф!», и просились на службу в его войска. Жозеф, несмотря на замечания французских маршалов и генералов, настолько верил в кастильскую честность, что создал многочисленную гвардию и армию, состоящую только из взятых нами в плен испанцев… Эти солдаты, хорошо оплачиваемые, хорошо экипированные и на хорошем довольствии, оставались верными Жозефу, только пока наши дела шли хорошо. При первой же неприятности они тысячами дезертировали и присоединялись к восставшим патриотам, обращая против нас оружие, данное им королем. Это не мешало Жозефу снова верить в искренность их заявлений, когда они снова попадали в плен, а они снова просились зачислить их в его полки. Более 150 тысяч человек перешли так с одной стороны на другую, а так как Жозеф тут же приказывал выдавать им форму, если они возвращались в лохмотьях, испанцы прозвали его *полководцем обмундирования.*

Французские войска были очень недовольны этой системой, своего рода бочкой Данаид[113], до бесконечности продолжающей войну, возвращающей врагу уже взятых нами солдат, и эти солдаты снова выступали против нас! Император часто выражал недовольство таким положением дел, но ему не удалось его изменить! Со своей стороны, Наполеон тоже содействовал постоянной подпитке сил врага, с которым он сражался в Испании и Португалии: не желая слишком ослаблять французскую армию, стоящую на Рейне, он обязал союзников по договорам поставлять часть войск и посылал эти войска на Пиренейский полуостров, чтобы меньше проливать кровь французов. Это желание было понятным и похвальным, но

обстоятельства делали эту систему не только непригодной, но и вредной.

Действительно, использование иностранцев может быть полезным в регулярной кампании небольшой продолжительности, совсем другое дело — сражаться в течение нескольких лет с таким неприятелем, как испанцы и португальцы, которые все время не дают покоя, но с которыми нельзя встретиться в открытом бою. Чтобы вынести постоянные тяготы такой войны, надо иметь сильное желание победить и рвение, которого никогда не добьешься от иностранных войск. Поэтому те солдаты, которых император получал от своих союзников, не только плохо служили в наших рядах, но, привлеченные высокой оплатой, которую неприятель предлагал тем, кто переходил к нему на службу, дезертировали целыми толпами и ежедневно. Так, итальянцы, швейцарцы, саксонцы, баварцы, вестфальцы, гессенцы, вюртембержцы и др. вскоре образовали многочисленные полки в армиях наших врагов. И поляки, те самые поляки, которые так громко заявляли о своей преданности Франции, в большом количестве переходили в английскую армию, где всегда больше платили и лучше кормили, так что Веллингтон сформировал из них сильный легион, который запросто сражался против французов.

Недостатки иностранных солдат, которыми император наводнил Пиренейский полуостров, и испанские пленные, так неосторожно вновь вооружаемые Жозефом, нанесли нам большой ущерб.

И все же я считаю, что основной причиной наших неприятностей — хотя ни один военный, описывающий войны в Испании и Португалии, не указал ее — было огромное превосходство английской пехоты в точности ружейного огня, превосходство, происходящее из частых упражнений в стрельбе по мишеням, а также во многом из-за построения английской пехоты в две шеренги. Я знаю, что многие французские офицеры отрицают эту последнюю причину, но опыт показал, что солдаты, сжатые между первой и третьей шеренгой, стреляют почти все в воздух, а третья не может хорошо прицелиться по врагу, так как два первых ряда его скрывают. Утверждают, что две шеренги не могут хорошо противостоять кавалерии, но английская пехота в одно мгновение могла удваивать свои ряды, выстраиваясь в четырехшереножную линию, чтобы принять атаку, и *никогда* наши эскадроны не могли застать ее построенной в две шеренги, использовавшиеся только для стрельбы!

Как бы там ни было, я убежден, что Наполеон победил бы и усадил своего брата на испанский трон, если бы он закончил эту

войну, прежде чем пойти на Россию. Полуостров получал поддержку только от Англии, а та, несмотря на недавние успехи своих армий, была так озабочена постоянной посылкой людей и денег, которых поглощал Полуостров, что Палата депутатов была готова отказать в субсидиях, необходимых на новую кампанию. Когда при нашем возвращении в Португалию уже шел глухой слух о намерении Наполеона напасть на Россию, английский парламент дал разрешение на продолжение войны в Испании. Она не была удачной для нас, так как продолжались разногласия между военачальниками наших армий, о которых я уже говорил. Маршал Мармон потерпел поражение от Веллингтона в Арапильском сражении (под Саламанкой), а король Жозеф проиграл сражение при Витории. После этого мы испытали такие неприятности, что к концу 1813 года наши армии должны были отойти за Пиренеи и полностью покинуть Испанию, которая стоила им столько крови!

Я считаю, что за шесть лет, прошедших от начала 1808-го до конца 1813 года, французы потеряли на Иберийском полуострове 200 тысяч человек убитыми или умершими в госпиталях, к которым надо добавить 60 тысяч потерянных нашими союзниками различных национальностей.

У англичан и португальцев потери были тоже значительными, но потери испанцев превосходили всех остальных из-за упорства, проявленного ими при обороне многих городов, население которых почти полностью вымирало. Эти знаменитые осады, особенно Сарагосы, добавили испанцам столько славы, что обычно приписывают освобождение Пиренейского полуострова их мужеству. Но это не так. Они, конечно, этому во многом способствовали. Однако без поддержки английских войск испанцы никогда не смогли бы сопротивляться французской армии, перед которой они не осмеливались выйти в открытое сражение. Но у испанцев есть огромное достоинство — даже если их разбивают, они *никогда* не теряют мужества. Они убегают, собираются вдалеке и возвращаются через несколько дней, снова полные уверенности в победе. Победы не случается, но уверенность никогда не исчезает!.. Наши солдаты сравнивали испанцев со стаями голубей, которые садятся на поле и взлетают при малейшем шуме, но тотчас возвращаются. Что же до португальцев, их участие в кампаниях на полуострове не было оценено по достоинству. Не такие жестокие, гораздо более дисциплинированные, чем испанцы, с более спокойным мужеством, они сформировали в армии Веллингтона несколько бригад и дивизий, которые, руководимые английскими офицерами, ни в чем не уступали британским частям. Менее

хвастливые, чем испанцы, они мало говорили о себе и о своих подвигах и не так прославились.

Вернемся к июню 1811 года, когда Массена оставил командование. Война, которую французы вели на Пиренейском полуострове, была такой неприятной и тяжелой, что все хотели вернуться во Францию. Император, которому это было известно, хотел сохранить полностью свою армию и решил, что ни один офицер не может покинуть Испанию без разрешения. Приказ об отзыве Массены позволял ему взять с собой только двух адъютантов и оставить всех остальных в распоряжении его преемника, маршала Мармона. У того штаб был укомплектован, он никого из нас не знал и имел не больше желания оставлять нас при себе, чем было его у нас оставаться с ним. Он не давал нам никаких заданий, и мы довольно грустно провели недели три в Саламанке. Они показались мне все же менее длинными, чем моим товарищам, потому что я посвятил их тому, что записывал воспоминания о кампании, которую мы только что провели. Сегодня эти записи мне очень пригодились для этой части моих Мемуаров.

Военный министр, учитывая ранение, которое я получил при Миранда-ду-Корву, послал меня наконец в отпуск, чтобы я мог вернуться во Францию. Еще несколько офицеров штаба Массены получили разрешение покинуть Пиренейский полуостров, и мы присоединились к отряду из 500 гренадеров, выбранных из всей армии, чтобы отправить в Париж для усиления Императорской гвардии. С подобным эскортом можно было сразиться со всеми партизанами Испании. Генерал Жюно и его супруга-герцогиня тоже решились воспользоваться этим случаем.

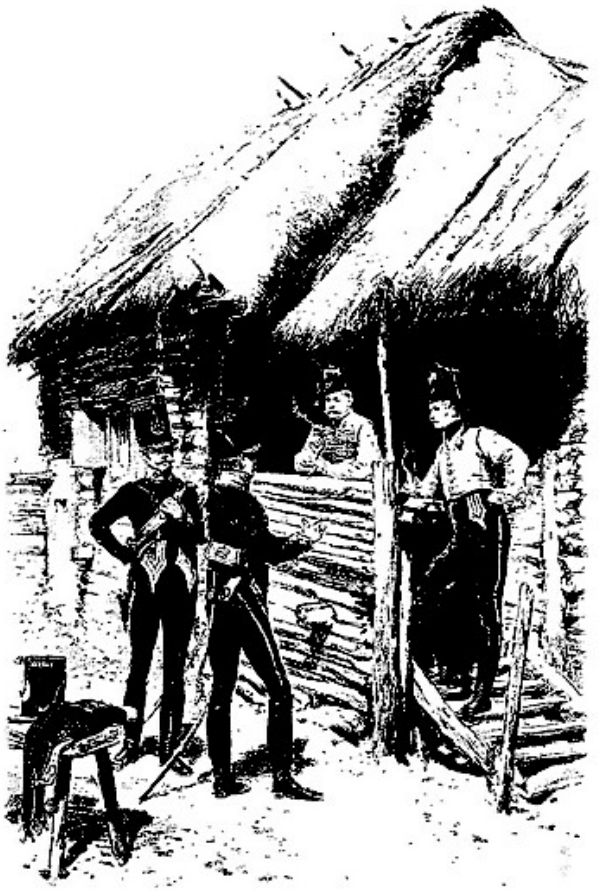
Мы ехали верхом. Днем погода была прекрасной. Во время пути от Саламанки в Байонну Жюно проявлял эксцентричность, которая внушала мне беспокойство. Мы приехали наконец к границе, и я не мог сдержать улыбку при мысли о плохом предзнаменовании, которое у меня было при встрече с *черным ослом* на мосту через Бидасоа во время моего последнего въезда в Испанию! Португальская кампания чуть не стала для меня роковой, но вот я снова во Франции! Я снова увижу матушку и еще одну очень дорогую мне женщину!

Я забыл прошлые беды, я торопился в Париж, куда и прибыл в середине июля 1811 года после пятнадцати месяцев отсутствия, полных тягот! Против моего ожидания маршал принял меня очень хорошо, и я узнал, что он благожелательно говорил обо мне императору. И когда я в первый раз оказался в Тюильри, император выразил мне свое удовлетворение, интересовался сражением при Миранда-ду-Корву, а также моими последними

ранениями. Он спросил, сколько их у меня. «Восемь, сир», — ответил я. «Ну что же, это ваши восемь четвертей дворянства!» — заметил император.

Том третий

ТОМ
ТРЕТИЙ



1. Офицерская шляпа Марбо, край которой оторван ядром — Эйлау, 1807 г.

2. Полотнище штандарта 23-го конно-егерского полка —

Россия, 1811 г., Саксония, 1813 г.

3. Кивер Марбо, порубленный ударом сабли — Миранда-ду-Корву, 1811 г.

4. 5, 6. Кивер, сабля, гусарский пояс полковника Марбо, командира 7-го гусарского полка — Ватерлоо, 1815 г.

7. Шарф генерал-лейтенанта Марбо — Африка. 1839–1840 гг.

Глава I

Моя женитьба. — Прощание с Массеной

Мой брат и другие адъютанты Массены не замедлили покинуть Испанию и присоединились к нам в Париже, где я остался на все следующее лето и осень. Каждый месяц я проводил несколько дней в замке Бонней, у господина и госпожи Дебриер. Во время моего отсутствия эта замечательная семья прекрасно относилась к моей матери. С моим возвращением привязанность, какую я уже давно питал к их дочери, увеличилась, и вскорости я уже мог надеяться на получение ее руки. Вопрос о свадьбе был решен, и в какой-то момент у меня даже появилась надежда получить чин полковника еще до празднования этого знаменательного события.

В соответствии с этикетом, император подписывал брачные контракты всех своих полковников, но лишь крайне редко удостаивал этой чести офицеров более низкого звания. К тому же от них требовалось сообщать в военное министерство мотивы, по которым они могли претендовать на подобное проявление особого расположения. Я обосновал свою просьбу тем, что, когда я видел Наполеона накануне битвы при Маренго, то, говоря о моем отце, недавно умершем от ран, полученных при осаде Генуи, первый консул произнес следующие слова: «Если ты поведешь себя достойно и пойдешь по его стопам, я сам стану твоим отцом!» Добавлю, что после того дня я был ранен восемь раз и всегда почитал себя честно выполняющим свой долг.

Министр Кларк, суровый человек, отвергавший почти все просьбы подобного рода, согласился с тем, что моя заслуживала рассмотрения, и пообещал передать эту просьбу Его Величеству. Он сдержал слово, и спустя несколько дней я получил приказ предстать перед императором в Компьеньском замке и привести туда же нотариуса, имеющего при себе мой брачный контракт. Я отправился в Компьень с добрым мэтром Мэландом. Когда мы приехали, император был на псовой охоте — не потому, что он любил подобный вид развлечений, а поскольку считал, что должен подражать в этом королям Франции. Поэтому процедура подписания контракта была перенесена на следующий день. Нотариус, которого ждали в Париже, огорчился, но что было делать?

Назавтра нас привели к императору. Его мы нашли в апартаментах, где спустя 20 лет мне приходилось служить адъютантом принцам из Орлеанской династии. Мой брачный

контракт был подписан в том же салоне, где позже подписывался контракт короля Бельгии, вступавшего в брак с принцессой Луизой, старшей дочерью короля Франции Луи-Филиппа.

При коротких встречах подобного рода император обычно бывал очень любезен. Он задал несколько вопросов нотариусу, спросил у меня, красива ли моя избранница, каково ее приданое и т. д. и т. п., а на прощание сказал мне, что желает мне достойного положения и вскорости вознаградит меня за мою хорошую службу. Я сразу подумал, что стану полковником! Моя надежда еще больше возросла, когда при выходе из кабинета императора мне встретился генерал Мутон, граф Лобау, конфиденциально заверивший меня, что император внес мое имя в список высших офицеров, которым он собирался доверить полки. Это утверждение было мне особенно приятно, поскольку графу Лобау, адъютанту Наполеона, было поручено под руководством военного министра заниматься продвижением офицеров по службе. Так что по возвращении в Париж сердце мое было переполнено радости и надежды! Моя свадьба состоялась 11 ноября того же года.

Не вам, дорогие мои дети, говорить мне о великих достоинствах замечательной, прекраснейшей женщины, ставшей моей супругой. Главной похвалой для нее будут слова одного из самых знаменитых наших философов: «Лучшая из всех женщин та, о которой говорят меньше всего!»

Я был очень счастлив в браке и каждый день ждал получения свидетельства о присвоении мне звания полковника, как вдруг, спустя немного времени после женитьбы, мне сообщили, что я назначен начальником эскадрона в 4-й полк конных егерей, несший в то время гарнизонную службу в глуши Германии!.. Я был ошеломлен подобным ударом, поскольку мне показалось весьма обидным продолжать службу простым начальником эскадрона — ведь в этом звании я уже был трижды ранен и участвовал в битве при Ваграме и в Португальской кампании. Понять причину подобной немилости мне не удавалось, особенно после того, что мне говорили сам император и граф Лобау. Вскоре граф объяснил мне решение этой загадки.

По прибытии в Португалию, как я уже говорил, Массена имел 14 адъютантов, из которых шестеро были офицерами высшего звания. Двое из них, г-н Пеле и г-н Казабьянка, во время этой кампании были произведены в полковники. Они служили дольше меня и честно выполняли свой долг. Впрочем, казалось, что их продвижение по службе обеспечивало и мое, поскольку я становился первым начальником эскадрона при главном штабе. Пятым в ряду был г-н Варен, артиллерийский офицер, который в

момент моего прибытия в главный штаб служил при Массене. Потеряв руку в битве при Ваграме, г-н Варен был назначен начальником эскадрона: это было справедливо. Но дав ему этот новый чин, император назначил г-на Варена служить при арсенале, где вполне можно исполнять свои обязанности и с одной рукой. Массена также думал, что г-н Варен будет удален от него; однако тот настоял, чтобы сопровождать Массену в Португалию, хотя и не имел возможности выполнять какую-либо миссию в столь сложной стране. Так что никто и не предполагал, что г-н Варен получит повышение.

Но оказалось, что он был племянником г-на Франсуа де Нанта, директора Объединенной налоговой службы, только что предоставившего многочисленные должности родственникам маршала Массены. В обмен на это г-н Франсуа де Нант попросил произвести в чин полковника своего племянника Варена. Маршал, которому пришлось выбирать между Вареном и мною, повысил в чине моего товарища. От графа Лобау я узнал, что император колебался при подписании приказа, но уступил настояниям честного директора Объединенной налоговой службы, явившегося поддержать свою единственную просьбу о милости для своего родственника, чего никогда раньше не делал. Так мой товарищ был произведем в полковники.

Возможно, я был чересчур удручен этой несчастной историей, но, чтобы понять мое огорчение, следует вернуться в те времена и напомнить, что в императорской армии значение командиров полков было столь велико, что многие полковники отказывались от генеральского звания и просили в качестве особой милости разрешения оставаться во главе своих полков. Массена написал мне следующее письмо, послужившее единственным вознаграждением за мое участие в трех военных кампаниях и за три ранения, полученные мною в этих походах, когда я находился рядом с маршалом:

«Париж, 24 ноября 1811 г.

Посылаю Вам, дорогой Марбо, приказ по службе, который я получил для Вас. Как Вам известно, я просил для Вас повышения в чине и вдвойне сожалею, что вы его не получили и что я теряю Вас. Я высоко ценю Вашу службу, и для Вас она не должна зависеть от наград и благодарностей, на которые дает Вам право претендовать. Ваша служба всегда будет вызывать уважение тех, под чьим началом Вы будете находиться. Примите, дорогой Марбо, уверения в уважении, какое питаю к Вам я, а также уверения в моих сожалениях и в

моей искренней к Вам привязанности.

Массена».

Я не думал, что мне доведется вновь увидеть маршала Массену, но его супруга написала мне, что желает познакомиться с моей женой и приглашает нас обоих на обед. О супруге маршала я никогда не мог сказать ничего, кроме похвал, особенно во время пребывания на ее родине, в Антибе, где я встретился с нею после осады Генуи. Поэтому я согласился. Массена подошел ко мне, снова выразил мне свои сожаления и предложил попросить о присвоении мне звания кавалера ордена Почетного легиона. Я напомнил, что он не смог ничего сделать для меня в то время, когда я служил в его главном штабе и был ранен у него на глазах. Поэтому, сказал я, мне не хотелось бы создавать для него новых затруднений и я жду продвижения по службе только от себя самого. После этого я затерялся в толпе гостей…

Это была моя последняя встреча с маршалом, хотя я и продолжал навещать его супругу и их сына, которые были со мной весьма любезны.

Я почитаю своей обязанностью привести здесь некоторые подробности жизни маршала Массены, чья биография, как и биографии большинства знаменитых людей, была написана со множеством неточностей.

Глава II

Биография Массены. — Жизнь, полная приключений, и Итальянская кампания. — Цюрих. — Генуя. — 1805 год. — Злоупотребления. — Его последние походы. — Его конец

Андре Массена родился 6 мая 1758 года в Турбин, местечке в маленьком государстве Монако. У его предка с отцовской стороны, уважаемого кожевника, было три сына: Жюль, отец будущего маршала, Огюстен и Марсель. Двое старших поселились в Ницце, где открыли мыловарню. Марсель поступил во Франции на военную службу, в Королевский Итальянский полк. Жюль Массена скончался, оставив очень маленькое состояние и пятерых детей. После смерти Жюля троих его детей, в том числе маленького Андре, взял в свой дом их дядюшка Огюстен. Он ограничился тем, что научил детей читать и писать, и они варили вместе с дядюшкой мыло.

Андре, имевший нрав горячий и склонный к авантюрам, не смог ограничиться однообразной, заполненной трудом жизнью и в возрасте тринадцати лет покинул дом своего дяди, тайком поступив юнгой на торговое судно. Вместе с ним был один из его кузенов по имени Бавастро, ставший во время войн Империи самым известным корсаром Средиземного моря. Андре проплавал юнгой два года, совершив даже путешествие в Америку. Однако усталость и плохое обращение, которое приходилось терпеть на корабле, так ему надоели, что 18 августа 1775 года он нанялся простым пехотинцем в Королевский Итальянский полк, под начало своего дядюшки Марселя, ставшего к тому времени сержант-майором и вскоре произведенного в офицеры. С этим Марселем Массеной я познакомился в 1800 году, в бытность комендантом гарнизона в Антибе. Это был серьезный и способный человек, которого очень уважал командир его полка, полковник Шове д'Орлон. Желая распространить свое благоволение и на Андре, этот полковник научил его сносно владеть орфографией и французским языком и, несмотря на некоторые его выходки, за несколько лет повысил Андре до чина унтер-офицера, дав ему надежду стать младшим лейтенантом конно-полицейской стражи. Однако, устав ждать повышения, Андре ушел из армии по истечении своего контракта.

Вернувшись к гражданской жизни и не имея никакого состояния, Андре присоединился к своему кузену Бавастро. Пользуясь близостью границ Франции, Пьемонта, Генуэзского государства и моря, они в крупных масштабах занялись

незаконной торговлей, или попросту контрабандой, как плавая в прибрежных районах, так и переходя через горы. В результате Массена досконально узнал все горные тропы в этих местах. Впоследствии, когда ему пришлось командовать здесь войсками, это обстоятельство оказалось ему весьма полезным. Суровая профессия контрабандиста закалила Массену, которому приходилось постоянно угадывать действия таможенников, не раскрывая при этом собственных замыслов. Так, сам того не замечая, Массена научился мыслить по-военному, а также быть бдительным и активным — без этих качеств невозможно стать хорошим офицером. Заработав таким способом некоторый капитал, он женился на француженке мадемуазель Ламарр, дочери хирурга из Антиба, и обосновался в этом городе, где стал понемногу торговать оливковым маслом и сухофруктами. Тут началась революция 1789 года.

Увлекаемый своей склонностью к военной службе, Массена оставил жену и свою лавку и записался в 1-й батальон волонтеров департамента Вар. Его теоретические и практические познания в военном деле сделали его капитаном, а немногим позже — майором. Смелость и активность Массены быстро подняли его до полковника, а затем и до бригадного генерала. Он командовал военным лагерем под названием «Тысяча развилок», где размещалась рота 4-го артиллерийского полка под командой капитана Наполеона Бонапарта. В его подчинении Массене впоследствии пришлось служить в Италии. При осаде Тулона Массене было поручено вести армейскую колонну. Он отличился, овладев фортами Лартиг и Сент-Катрин, за что был произведен в дивизионные генералы. После взятия Тулона он привел свои войска в Итальянскую армию и снова отличился во всех боях, происходивших на территории между побережьем Средиземного моря и Пьемонтом, в местности, столь хорошо ему знакомой. Массена был умен, отличался замечательной активностью и непоколебимой смелостью, что после многолетних успехов уже сделало его имя знаменитым, как вдруг серьезная ошибка чуть полностью не разрушила его карьеру.

Начиналась кампания 1796 года. Генерал Бонапарт только что стал главнокомандующим армией, и это поставило под его начало Массену, который когда-то раньше сам был его командиром. Массена в то время командовал авангардом. Разбив в одном из боев австрийский отряд, он узнал, что в харчевне соседней деревушки вражеские военачальники бросили приготовленным богатый ужин. Вместе с несколькими офицерами Массена собрался овладеть столь замечательной находкой, а свою дивизию оставил в лагере на вершине довольно высокой горы.

Однако австрийцы, оправившись от паники, снова перешли в наступление и на рассвете напали на французский лагерь. Захваченные врасплох, наши солдаты тем не менее защищались храбро, но на месте не оказалось генерала, и некому было взять на себя командование. Солдаты были прижаты врагом к самому краю плато, где провели ночь. Дивизия, атакованная намного превосходящими силами врага, несомненно, потерпела бы ужасающее поражение, если бы Массена не прибежал по давно хорошо известной ему тропинке, саблей прокладывая себе путь среди австрийских стрелков, на помощь своим солдатам, которые были полны возмущения и совершенно заслуженно освистали своего генерала! Не особенно взволнованный этим, генерал вновь взял на себя командование и повел свою дивизию на соединение с остальной армией. Тогда вдруг заметили, что один батальон, оставленный накануне на отдельно стоящем отроге горы, не может оттуда спуститься по проезжей дороге, избежав очень длинного обхода, во время чего придется передвигаться под вражеским огнем. Массена взобрался на четвереньках по крутому склону к этому батальону, обратился к солдатам и уверил их, что выведет их из западни при условии, что они будут делать все то же, что и он. После чего Массена приказал убрать штыки в ножны, сел на снег на краю склона и, отталкиваясь руками, съехал по снегу до самого дна долины… Все наши солдаты с хохотом последовали его примеру, и в мгновение ока весь батальон оказался вне пределов досягаемости огня обескураженных австрийцев! Этот способ спуска с гор, который очень напоминает то, что швейцарские крестьяне и проводники называют спуском на горных санках, наверняка никогда не применялся ни одним пехотным подразделением. Сколь необыкновенным ни кажется этот эпизод, он тем не менее соответствует действительности, потому что его подтвердили мне генералы Роге-отец, Альбер и другие офицеры, которые в то время служили в дивизии Массены. Мало того, оказавшись через 9 лет в замке Ла Уссэ, где маршал Ожеро принимал императора и всех маршалов, я слышал, как они подшучивали над Массеной, упоминая этот новый способ отступления.

Массена отличился при Лоди, в боях под Миланом, Вероной, в битве при Арколе — словом, везде, где он сражался, но особенно в битве у Риволи. За свои успехи он получил от генерала Бонапарта славное прозвище «любимый сын победы». После подписания в Леобене предварительных условий мира Массена, внесший столь великий вклад в наши победы, получил поручение отвезти мирный договор правительству. Париж встречал его с выражениями самого глубокого восхищения, народ

повсюду толпился на его пути, потому что каждому хотелось получше рассмотреть лицо столь замечательного воина. Однако вскоре этот блистательный триумф Массены был омрачен его излишней любовью к деньгам — это всегда было его главным недостатком.

Посол Франции в Риме, генерал Дюфо, был убит в этом городе. Части Итальянской армии под командованием Бертье было поручено отомстить. Но генерала Бертье вскоре призвал Бонапарт, хотевший взять его с собой в Египет, поэтому Бертье уступил свое место командующего Римской армией генералу Массене. Спустя немного времени после прибытия Массены, которого и без того обвиняли в том, что он получил много денег за время кампаний, проходивших в предыдущие годы, Итальянская армия стала жаловаться, что оказалась в нищете, раздетая и почти без хлеба, тогда как начальство купалось в роскоши, получая громадные деньги с Папских провинций. Армия взбунтовалась и направила делегацию из ста офицеров к Массене, чтобы потребовать у него отчета в использовании этих денег. Потому ли, что генерал не мог найти себе оправданий, или из соображений дисциплины, но он отказался давать объяснения. Войска продолжали настаивать, и ему пришлось покинуть Рим и отказаться от командования этой армией. Вернувшись во Францию, он сразу опубликовал оправдательный документ, но он был плохо воспринят и публикой, и большинством военных. Однако больше всего Массену огорчило, что генерал Бонапарт отправился в Египет, не ответив на письмо Массены, написанное им на ту же тему.

Тем временем новая коалиция, в которую входили Россия, Австрия и Англия, вскоре объявила войну Франции, и военные действия возобновились. В таких обстоятельствах Массена, хотя еще и не полностью оправданный от выдвинутых против него обвинений, не мог долго оставаться в забвении. Желая использовать его военный талант, Директория поспешила доверить ему командование французской армией, предназначенной для обороны Швейцарии. Поначалу Массена добился там значительного превосходства. Но слишком безрассудно атаковав опасное ущелье Фельдкирх в местности Форарльберг, он был с потерями оттеснен австрийцами. В это же время наша Рейнская армия под командованием Журдана только что потерпела поражение при Штоккахе от эрцгерцога Карла, а армия, которую мы имели в Италии, потеряв своего командующего генерала Жубера, павшего на поле боя, была разбита в сражении при Нови русско-австрийскими войсками. Австрийцы, готовые перейти через Рейн, угрожали Эльзасу и

Лотарингии. Италия была во власти австрийцев и русских, которых Суворов вел в Швейцарию через Сен-Готардский перевал. У Франции оставалась надежда лишь на генерала Массену. В своих надеждах страна не ошиблась.

Напрасно нетерпеливая Директория и ее суетливый военный министр Бернадотт забрасывают Массену приказами дать сражение: понимая, что поражение его армии станет для страны непоправимой катастрофой, генерал не позволяет себя испугать многочисленными угрозами отставки и, подражая мудрой осторожности Фабия и Катина[114], хочет нанести уверенный и решительный удар, воспользовавшись моментом, когда обстоятельства предоставят ему временное превосходство над противником. Такой момент наконец наступил. Неумелый и неловкий генерал Корсаков, бывший фаворит Екатерины И, неосторожно выдвигается в направлении Цюриха во главе 50 тысяч солдат, чтобы дождаться там своего главнокомандующего Суворова, идущего из Италии. Массена, подобно льву, бросается на Корсакова еще до прибытия Суворова, застигает его врасплох в лагере у Цюриха, разбивает и рассеивает его войска, отбрасывая их до самого Рейна с громадными потерями! Затем, вернувшись к Суворову, которого героическое сопротивление генерала Молитора задержало на несколько дней в ущельях Сен-Готарда, Массена разбивает этого русского полководца подобно тому, как разбил его подчиненного Корсакова.

Результатами этих различных сражений были 30 тысяч убитых или взятых в плен врагов, 15 захваченных знамен и 60 орудий, укрепление независимости Швейцарии и спасение Франции от неминуемого вторжения! Это был момент самой прекрасной и самой чистой славы генерала Массены. Законодательный корпус трижды провозгласил, что его армия и он сам заслужили благодарность отечества!

Однако за границей готовились к новым атакам на Францию, где народ и правительство обменивались взаимными обвинениями во внутренних беспорядках, а также в неудачах Рейнской и Итальянской армий. Утратившая свою роль Директория шаталась под давлением народного презрения, и каждый признавал, что так продолжаться не может. В этот момент генерал Бонапарт, только что прибывший из Египта 18 брюмера VIII года, осуществил задуманный 2 года назад государственный переворот и встал во главе нового правительства в качестве первого консула. Будучи полным нулем в политике, Массена не принял никакого участия в этой революции и, хотя был мало предан новому порядку вещей, тем не менее из патриотизма согласился принять командование над

остатками Итальянской армии, которую смерть главнокомандующего генерала Шампионне временно поставила под командование моего отца, бывшего самым старшим из дивизионных генералов.

Беспечность Директории была столь велика, что по возвращении в Ниццу Массена нашел армию в состоянии глубокой нищеты. Целые армейские части возвращались с оружием во Францию, чтобы просить пищи и одежды! Я уже рассказал об усилиях, предпринимавшихся главнокомандующим, чтобы вновь организовать войска, несмотря на нищету, царившую тогда в окрестностях Генуи, куда Массена бросился вместе с правым крылом своей армии, когда превосходящие силы австрийцев отрезали его от центра и от левого фланга. Поэтому я не возвращаюсь к тому, что вам уже известно, и ограничусь лишь тем, что скажу: Массена покрыл себя бессмертной славой благодаря своей храбрости, активности, проницательности и военному таланту. Он снова защитил Францию от вторжения врагов, дав первому консулу время собрать в Дижоне Резервную армию, во главе которой Бонапарт перешел через Альпы и разбил австрийцев на равнинах Маренго.

Вернувшись во Францию после этой победы, первый консул не счел возможным доверить командование армией кому-либо другому, кроме Массены. Но через несколько месяцев против последнего вновь раздались жалобы, подобные тем, какие когда-то раздавались в Римской армии. Со всех сторон слышались грозные требования расследовать нечистоплотность Массены в финансовых вопросах. Новые налоги добавились к прежним, под разными предлогами проводились многочисленные реквизиции, а войска по-прежнему не получали жалованье! Первый консул, когда ему сообщили о подобном положении вещей, сразу и без объяснений отстранил Массену от командования армией. Вернувшись к гражданской жизни, тот выразил свое недовольство отказом голосовать за пожизненную должность консула. Он также воздержался от появления при новом дворе. Но все это не помешало первому консулу наградить его почетным оружием.

Когда Бонапарт надел императорскую корону и наградил генералов, оказавших Родине самые большие услуги, он внес Массену в первый список маршалов и надел ему через плечо ленту ордена Почетного легиона, назначив его главой четырнадцатой когорты кавалеров этого ордена, который император только что учредил. Эти высокие почести и громадное жалованье умиротворили Массену и сгладили его недовольство после отстранения от командования Итальянской армией. Поэтому он проголосовал за Империю, отправился в Тюильри и

присутствовал на церемонии коронации.

Когда в 1805 году Третья коалиция стала угрожать Франции, император доверил Массене с 40 тысячами солдат защиту Италии против эрцгерцога Карла, имевшего 80 тысяч солдат. В этом деле было множество трудностей. Однако Массена не только сохранил Ломбардию, но, атаковав противника, отбросил его из Тальяменто. Массена настолько замедлил продвижение австрийцев, что австрийский военачальник не смог вовремя добраться до Вены для ее спасения и опоздал также соединиться с русской армией, которую император разбил под Аустерлицем. Тем не менее император, похоже, не очень высоко оценил заслуги Массены в этой кампании. Он упрекал его в том, что тот не действовал с присущей ему обычно смелостью. Это не помешало императору после подписания Прессбургского мирного трактата поручить Массене завоевание Неаполитанского королевства, на трон которого Наполеон хотел посадить своего брата Жозефа. Всего за месяц французы захватили всю эту страну, за исключением крепости Гаэта. Ее Массена в конце концов тоже взял после долгой осады. Но в то время, когда он руководил атаками на этот город, Массена испытал очень большое огорчение. Громадная сумма денег, принадлежавшая ему, как он утверждал, была конфискована императором! Этот любопытный случай заслуживает, чтобы о нем рассказать.

Наполеон, убежденный, что наилучший способ заставить англичан запросить мира — это разрушить их торговлю, противодействуя проникновению английских товаров на континент, приказал захватывать все английские товары и сжигать их во всех странах, находившихся под его властью, то есть более чем в половине Европы. Но любовь к золоту столь могущественна, а торговля — дело такое тонкое! Короче, был изобретен надежнейший способ контрабанды. При этом английские торговцы, с которыми существовала договоренность, отправляли один или несколько кораблей с товарами так, чтобы их захватил кто-нибудь из наших корсаров. Тот отводил их в один или несколько портов, занятых нашими войсками — от шведской Померании до самых окраин Неаполитанского королевства. После осуществления этого первого акта оставалось выгрузить товары и доставить их на рынок, избежав конфискации. Огромная протяженность побережий завоеванных стран не позволяла таможенникам надежно охранять их, поэтому морской берег охраняли солдаты, находившиеся под командованием генералов, которым было поручено управление провинциями, занятыми нашими войсками. Так что для пропуска тюков с товарами достаточно было разрешения одного из генералов. Потом

торговцы «договаривались» со своим покровителем. Это называли «лицензией» или «откатом».

Происхождение такого нового вида торговли относится к 1806 году, когда Бернадотт занимал Гамбург и часть Дании. Данным способом этот маршал заработал значительные суммы денег, и, желая оказать кому-то знак своего расположения, он выдавал ему «лицензию», которую этот человек продавал торговцам. Постепенно подобный метод распространился на все морское побережье Германии, Испании и особенно Италии. Он проник даже в императорский двор, где придворные дамы и камергеры требовали для себя «лицензии» у министров. От Наполеона это скрывали, но он все знал или подозревал. Однако он терпел эти злоупотребления за пределами Франции, лишь бы они осуществлялись в тайне. Но удивительно, что, как только этот великий человек узнавал, что кто-нибудь слишком далеко зашел в своих незаконных прибылях за счет «лицензий», он тут же заставлял его вернуть награбленное. Так, когда императору сообщили, что комиссар-распорядитель Мишо, глава администрации армии Бернадотта, проиграл за вечер 300 тысяч франков в одном из игорных домов Парижа, Наполеон приказал одному из адъютантов написать Мишо, что в кассу Дома Инвалидов требуются деньги, поэтому император приказывает Мишо внести туда 300 тысяч франков. И Мишо поспешил сделать это — вот сколько он заработал на «лицензиях»!

Вам, конечно, понятно, что в продаже «лицензий» Массена был не последним человеком. По договоренности с генералом Солиньяком, начальником своего главного штаба, он наводнил ими все порты Неаполитанского королевства. Получив сообщение, что Массена поместил сумму в три миллиона в один из банков Ливорно и что одновременно он получил 600 тысяч франков от генерала Солиньяка, император приказал написать маршалу, чтобы обязать Массену одолжить ему самому миллион, и попросил еще 200 тысяч франков у начальника главного штаба. Это была как раз третья часть того, что каждый из них заработал на «лицензиях». Как видите, император не сдирал с них шкуру полностью. Но при виде этого приказа Массена взвыл, как будто ему вырывали внутренности, и ответил Наполеону, что, будучи самым бедным из маршалов, обремененным большой семьей, он весьма сожалеет, что не может ничего послать императору!

Генерал Солиньяк написал похожий ответ, и оба они радовались, что сумели обмануть императора, как вдруг, во время осады Гаэты, к ним прибыл с поручением сын ливорнского банкира и объявил, что к его отцу явился инспектор французского казначейства в сопровождении комиссара полиции и

многочисленных жандармов, приказал подать ему кассовую книгу и дал расписку на три миллиона шестьсот тысяч франков, внесенных маршалом Массена и генералом Солиньяком, добавив, что, поскольку эта сумма, принадлежащая армии, была вкладом, доверенным этим двум господам, император приказывает немедленно вернуть ее наличными или оборотными векселями, аннулируя все квитанции, выданные Массене и Солиньяку! Был составлен протокол проведенного изъятия, чему банкир, ничего, впрочем, не терявший, не смог воспротивиться.

Трудно представить себе ярость Массены при известии о том, что его состояние только что было у него отнято. Он даже заболел от этой новости, но не осмелился ничего требовать у императора, который, находясь в то время в Польше, приказал Массене приехать к нему. Вознаграждением за службу для Массены после подписания Тильзитского мира был титул герцога Риволи и рента в 300 тысяч франков, но это не утешило его после той потери, какую он понес в Ливорно. Время от времени, несмотря на свою обычную осторожность, Массена прилюдно восклицал: «О жестокий, пока я сражался за его интересы, он посмел отнять у меня те небольшие накопления, которые я поместил в банк в Ливорно!»[115]

Захват Испании вновь разжег огонь войны с Австрией. Поэтому император под угрозой новой большой войны спешно вернулся из Италии, чтобы отправиться в Германию, куда Массена прибыл раньше его. Я уже рассказывал вам о том славном участии, какое этот маршал принимал в кампании 1809 года. Чтобы вознаградить его за славное поведение и стойкость, проявленные в битвах при Эсслинге и Ваграме, император провозгласил его князем Эсслингским, пожаловав ему еще 500 тысяч франков ренты, которая добавилась к 300 тысячам франков ренты за герцогство Риволи и к 200 тысячам франков жалованья маршала и главнокомандующего. Вновь провозглашенный князь не израсходовал из тех денег ни гроша.

Кампании 1810 и 1811 годов в Испании и Португалии были последними для Массены. Я только что рассказал о них: они не были удачными. Его моральный дух упал, так что эти две кампании повредили его репутации великого генерала, вместо того чтобы увеличить его славу. «Любимый сын победы» испытал неудачи там, где мог бы и должен был бы побеждать.

Массена был худым и сухощавым, роста ниже среднего. Его итальянское лицо отличалось выразительностью. Дурными сторонами его характера были скрытность, обидчивость, суровость и скупость. Он был умен от природы. Но его полная приключений юность и низкое положение его семьи не дали ему

возможности учиться, поэтому он был полностью лишен того, что мы называем образованием. Природа создала его генералом. Смелость и стойкость сделали остальное. В лучшие времена своей военной карьеры он отличался верностью взгляда, быстротой решений и никогда не пасовал перед неудачами. Старея, он из осмотрительности стал неуверенным, поскольку боялся утратить ранее завоеванную славу. Он терпеть не мог чтения, поэтому не имел никакого представления о том, что написано о теории войны. Он воевал по вдохновению, и Наполеон высоко ценил это, когда, говоря о Массене в своих «Мемуарах», писал, что тот выходил на поле боя, не зная, что будет делать: обстоятельства руководили им.

Напрасно пытались представить Массену человеком, совершенно чуждым лести, говорящим императору правду откровенно и немного резко. Под твердой скорлупой в Массене прятался хитрый придворный. Вот яркий пример.

В сопровождении множества маршалов, среди которых был и Массена, император охотился в лесу Фонтенбло. Прицелившись в фазана, Наполеон промахнулся и попал в Массену. Дробинка попала маршалу в левый глаз. Поскольку в тот момент стрелял один лишь император, он и был невольным виновником происшествия. Однако, понимая, что глаз его все равно потерян и ему нет никакого смысла указывать на того, чья неловкость оказалась причиной ранения, тем более что император будет ему благодарен, если он сумеет отвлечь внимание от его персоны, Массена обвинил в неосторожности маршала Бертье, хотя тот еще ни разу не выстрелил! Наполеон, как и все присутствующие, отлично понял тайное намерение придворного, и Массена был осыпан знаками внимания со стороны Наполеона.

Несмотря на свою великую скупость, победитель при Цюрихе отдал бы половину своего состояния за то, чтобы родиться в старой Франции, а не на левом берегу Вара. Больше всего на свете ему не нравилось итальянское окончание собственной фамилии. Говоря со своим старшим сыном, он называл его «Массен». Однако общественность не приняла такое изменение, и фамилия Массена осталась за тем, кто ее прославил.

Португальская кампания так подорвала моральный дух и физическое состояние Массены, что ему пришлось поехать в мягкий климат Ниццы на отдых и для поправки здоровья. Он провел там весь 1812 год. Но, вернувшись из своего неудачного похода в Россию, Наполеон, оказавшийся перед необходимостью использовать все имевшиеся в Европе ресурсы, подумал, что имя Массены еще могло пригодиться, особенно в Провансе, и доверил маршалу командование 8-м военным округом.

Когда в 1814 году враги вошли во Францию, Массена, в распоряжении которого, в сущности, было очень мало войск, не сделал ничего, чтобы остановить их продвижение, и 15 апреля покорился герцогу Ангулемскому, назначившему его командором ордена Святого Людовика, но его не сделали пэром Франции под тем предлогом, что, родившись за границей, Массена так и не принял французское гражданство! Как будто победы при Риволи и Цюрихе, оборона Генуи и целый ряд славных деяний во имя Франции не равны в цене бумагам, посвящающим в гражданство — и нередко за деньги — всяких интриганов-иностранцев! Оскорбление, нанесенное при этом маршалу Массене, крайне плохо подействовало на настроения в народе и армии. Подобная прискорбная мера послужила одной из причин возмущения нации против правительства Людовика XVIII и способствовала возвращению императора с Эльбы.

Наполеон высадился 1 марта 1815 года в окрестностях Канн и сразу же выступил маршем на Париж во главе примерно тысячи гренадеров своей гвардии. Неожиданность и быстрота этого маневра захватили Массену врасплох и оставили в замешательстве. Он тем не менее попытался противостоять потоку, собрав несколько пехотных полков и введя в действие национальную гвардию в Марселе и его окрестностях. Однако, узнав, что герцогу Ангулемскому пришлось покинуть страну, Массена послал своего сына к Людовику XVIII с депешей, в которой он предупреждал короля, что тот больше не должен рассчитывать на Массену. Переходя под командование императора, 10 апреля Массена приказал поднять трехцветные флаги и арестовать префекта Вара, который еще собирался сопротивляться. Подобным поведением Массена не угодил ни одной из партий и оттолкнул от себя как роялистов, так и бонапартистов. Император поспешил призвать его в Париж, где принял довольно холодно.

Спустя немного времени Наполеон совершил огромную ошибку, отрекшись во второй раз от престола после поражения при Ватерлоо. Палата представителей, которую он, отправляясь к армии, имел неосторожность созвать, захватила власть и назначила временное правительство. Первым деянием этого правительства было возложение на Массену командования Национальной гвардией в Париже, хотя плохое состояние здоровья маршала не позволяло ему лично выполнять эту работу. Однако требовалось имя, способное поднять дух народа и увлечь население на поддержку армии в защите столицы. Интриги Фуше посеяли разногласия между членами правительства, и планы сопротивления были вынесены на заседание военного совета, где

Массена высказал мнение, что Париж не может сопротивляться. Вследствие этого с вражескими генералами было заключено перемирие, и французская армия отступила за Луару, где была распущена.

Когда союзники стали хозяйничать во Франции, Людовик XVIII, желая наказать Массену за то, что тот покинул его после 20 марта, ввел его в число судей в процессе против маршала Нея. Король надеялся, что ослепленный ненавистью Массена подпишет приговор несчастному коллеге и тем запятнает свое славное имя. Однако Массена отвел свою кандидатуру, сославшись на разногласия, какие имел с маршалом Неем в Португалии. Затем, видя, что этот его маневр не удался, он присоединился к тем судьям, кто требовал от Нея предстать перед Палатой пэров. Они надеялись таким способом его спасти, но лучше бы они нашли в себе политическое мужество, чтобы судить Нея и оправдать его. Они не осмелились на это! Это было великой ошибкой. Маршал Ней, приговоренный к смерти Палатой пэров, был расстрелян, и кровь его, вместо того чтобы успокоить ярость роялистских мятежников, сделала их безжалостными. Вскоре начались преследования самого Массены.

Марсельцы, для которых он когда-то использовал свой кредит, чтобы сделать их порт свободным, выдали его Палате депутатов за растрату и хищение государственных средств! Это обвинение было плохо обосновано, поскольку в Провансе Массена не проводил никаких незаконных поборов. Поэтому большинство этой Палаты, хотя и было известно своей ненавистью к известным лицам Империи, тем не менее с презрением отвергло петицию жителей Марселя. Именно на этом заседании депутат Манюэль, сделавшийся столь знаменитым, впервые обратил на себя внимание пылкой речью в защиту Массены. Сам Массена, кому таким образом удалось спастись от реакции, затопившей в то время Францию, покинул светскую сцену, где сыграл столь блестящую роль, и поселился с той поры на покое, в своем замке в Рюэйе, бывшем обиталище кардинала Ришелье. Так завершил Массена в немилости и одиночестве свою славную карьеру. Он умер 1 апреля 1817 года, в возрасте пятидесяти девяти лет.

Когда он скончался, его зять, генерал Рей, стал требовать у военного министра, генерала Кларка, новый жезл, возлагавшийся по обычаю на гроб маршалов и который правительство до сих пор не прислало Массене. Генерал Кларк, ставший в ряды самых яростных легитимистов, не ответил на это справедливое требование. Тогда генерал Рей совершил смелый поступок, что было крайне редким в ту эпоху: он сообщил королевскому двору, что, если к моменту похорон его тестя маршальский жезл не

будет прислан, он сам открыто возложит на гроб тот жезл, который когда-то Массена получил от императора. Тогда правительство решилось отправить требуемый жезл.

Я упомянул о нескольких темных пятнах в жизни этого знаменитого воина, но они меркнут перед его ослепительной славой и его заслугами перед Францией. Так что память о Массене дойдет до потомков, как память об одном из самых великих полководцев, какими была столь богата эта эпоха.

Глава III

1812 год. — Император прикомандировывает меня к полковнику 23-го конно-егерского полка. — Я присоединяюсь к моему полку в Штральзунде. — Отличное состояние этой воинской части. — Интриги графа Чернышева

1812 год начался для меня в Париже, рядом с молодой женой и нашими родителями. Но мое счастье омрачалось мыслью о скором отъезде. Я должен был присоединиться к 1-му конно-егерскому полку, куда я был назначен простым начальником эскадрона. Сожаления, какие я испытывал в связи с тем, что не получил чин полковника, который считал мною заслуженным, несколько поутихли, когда, находясь в Тюильрийском дворце по случаю новогодних поздравлений, я получил от императора через его адъютанта приказ явиться в его кабинет. Там я нашел генерала Мутона, графа Лобау. Он, как обычно, был очень благосклонен ко мне. Наполеон вошел и сказал мне весьма приветливо, что собирался дать мне полк, но особые соображения вынудили его сделать полковником моего товарища Варена, в результате чего, считая Пеле и Казабьянку, среди адъютантов Массены оказывалось три полковника. Император полагал, что не должен назначать четвертого полковника из одного и того же штаба, но пообещал не терять меня из виду. Император добавил, что, не имея возможности немедленно назначить меня командиром полка, он собирается, тем не менее, поручить мне командовать одним из них, 23-м полком конных егерей, где полковник, г-н де Ла Нугаред, так страдает от подагры, что почти лишен возможности ездить верхом. «Но, — продолжал император, — это замечательный офицер, проявивший большую смелость в моих первых походах; я его очень люблю и уважаю, и, поскольку он упросил меня разрешить ему попытаться принять участие в новом походе, я не хочу отбирать у него его полк. Однако я узнал, что этот хороший полк приходит в упадок в его руках. Поэтому я посылаю вас помощником полковника де Ла Нугареда. Вы будете работать ради себя самого, так как, если здоровье полковника поправится, я сделаю его генералом; в противном случае я переведу его в жандармерию, но каким бы способом он ни покинул свой полк, командовать этим полком станете вы, получив чин полковника. Повторяю вам, что вы будете работать ради самого себя».

Это обещание вернуло мне надежду, и я стал собираться к моему новому месту назначения, как вдруг военный министр

продлил мой отпуск до конца марта. Хотя я и не просил об этой милости, она была мне очень приятна.

В то время 23-й конно-егерский полк находился в Шведской Померании. Так что мне предстояло преодолеть огромное расстояние, и, желая прибыть на место до окончания моего отпуска, я выехал из Парижа 15 марта, с сожалением расставаясь со своей милой женой. Я купил хорошую коляску, где, по совету маршала Мортье, предоставил место его племяннику, г-ну Дюрбаху, лейтенанту того полка, в котором мне предстояло служить. Мой бывший слуга Вуарлан попросил меня оставить его в Испании, где он собирался сделать карьеру маркитанта; поэтому, уезжая из Соломанки, я заменил его поляком по имени Лоренц (Лаврентий) Шилковский. Этот человек, в прошлом австрийский улан, был довольно умен, но, подобно всем полякам, он был пьяницей и, в отличие от других солдат этой национальности, оказался ленив, как пасхальный заяц. Зато Лоренц, помимо своего родного языка, немного говорил по-французски, в совершенстве владел немецким и русским, и этим был бы мне очень полезен, чтобы путешествовать и воевать на Севере.

Я приближался к Рейнским провинциям, когда, выезжая ночью с заставы Кайзерслаутерна, по вине кучера моя коляска свалилась в овраг и сломалась. Никто не пострадал, однако мы с г-ном Дюрбахом хором сказали: «Какая плохая примета для военных, которые вскорости окажутся лицом с врагами!» Однако, потратив целый день на починку коляски, мы смогли вновь пуститься в путь. Но падение настолько повредило рессоры и колеса, что они ломались во время нашего путешествия шесть раз. Это нас сильно задерживало и нередко заставляло идти несколько километров пешком по снегу. Наконец мы прибыли к берегам Балтийского моря, где 23-й конно-егерский полк нес гарнизонную службу в Штральзунде и Грайфсвальде.

Я нашел полковника де Ла Нугареда замечательным человеком, образованным, способным, но подагра настолько состарила его раньше времени, что он едва мог держаться на лошади и постоянно перемещался в коляске — способ передвижения, мало подходящий для командира полка легкой кавалерии. Он принял меня наилучшим образом, объяснил мне свое положение и ознакомил с причинами, удерживающими его в полку. После этого он сообщил мне содержание письма, которым граф Лобау информировал его о мотивах, имевшихся у императора для моего назначения в его полк. Г-н де Ла Нугаред совсем не был обижен этим, напротив, видел здесь дополнительную милость императора и получал надежду в

ближайшем будущем получить чин генерала или командира жандармского корпуса. Он надеялся с моей помощью провести хотя бы часть кампании и получить то, на что рассчитывал, при первой же встрече с императором. Чтобы дать мне возможность иметь право на командование, которое не совсем соответствовало моему чину, полковник собрал всех офицеров и в их присутствии временно передал мне все свои обязанности, вплоть до своего полного выздоровления, предписывая каждому подчиняться мне, не обращаясь к нему самому, чьи недуги столь часто делали для полковника невозможным следование за полком в достаточной для личного командования близости. Был отдан соответствующий приказ, и, еще не имея чина, я фактически с этого дня становился командиром, и полк вскорости привык считать меня своим настоящим полковником.

Начиная с того времени мне пришлось командовать многими кавалерийскими полками, как в качестве полковника, так и в качестве генерала. Долгое время я был инспектором кавалерии и заявляю, что хотя я, возможно, и видел какие-то полки, равные 23-му по царящему в них порядку, но не было полка, превосходившего в этом отношении 23-й конно-егерский. Дело не в том, что в этом полку выделялись бы несколько фигур, обладавших высочайшими достоинствами, подобных тем, какие я знал и в других частях. Но, если в 23-м полку и не было ни одного человека, обладавшего какой-то выдающейся способностью, все его воины, без исключения, оказывались на высоте поставленных перед ними задач. Здесь не было вершин, но не было и слабых мест; все казались равноценны как по своим достоинствам, так и по старанию. Все офицеры, умные и достаточно образованные, отличались прекрасным поведением и жили как истинные братья по оружию. То же относилось и к младшим офицерам, а поскольку рядовые кавалеристы следовали этому хорошему примеру, среди них царило полное согласие. Почти все они оказались бывалыми солдатами, участвовавшими в сражениях при Аустерлице, Йене, Фридланде, Ваграме. Большинство из них в соответствии с годами, проведенными на службе, носили тройные или, как самое меньшее, двойные шевроны; тех, кто имел лишь один шеврон, насчитывалось очень немного. Люди были великолепны. Они происходили из Нормандии, Эльзаса, Лотарингии и Франш-Конте — провинций, известных своим воинским духом и любовью к лошадям. Рост и физическая сила этих конных егерей были замечены генералом Бурсье, ответственным за пополнение конским составом, и он дал 23-му полку более рослых и крепких лошадей, чем остальной легкой кавалерии. Этот полк называли «карабинерами легкой

кавалерии». Пребывание в течение нескольких лет в плодородной Германии привело людей и лошадей в отличное состояние, и, когда я принял командование этим полком, в нем насчитывалось свыше тысячи хорошо дисциплинированных воинов, всегда спокойных и молчаливых, особенно лицом к лицу с врагом.

У меня еще не было собственной верховой лошади. Поэтому я отправился из Штральзунда на остров Рюген, где разводят прекрасных лошадей. Я купил их несколько и приобрел других в Ростоке, так что у меня получилась конюшня из семи хороших животных. Это не было слишком много, поскольку война с Россией представлялась неминуемой. Уже летом 1811 года я предчувствовал ее, увидав множество бывалых солдат, которых император переводил из полков в Италии для укрепления своей Старой гвардии. Только что предпринятая мною поездка в Париж еще больше усилила мои предчувствия. Сначала это были просто легкие слухи о разрыве, быстро распространившиеся среди зимних празднеств и развлечений, и слухи эти начали повторяться, постоянно усиливаясь. Наконец слухи стали подтверждаться и превратились почти в уверенность после одного из событий, о котором я должен рассказать, поскольку оно имело очень большой отклик в Европе.

У императора Александра был друг детства, молодой русский аристократ по фамилии Чернышев, которого царь очень любил и кого, взойдя на трон, сделал своим адъютантом. Уже в 1809 году, когда Александр, тогда бывший союзником Наполеона, скорее делал вид, что воюет против Австрии, мы увидели приехавшего в Вену полковника графа Чернышева[116]. Его официальная миссия состояла в поддержании связей между Наполеоном и Александром, но тайная его цель состояла в том, чтобы сообщать своему государю о наших успехах и неудачах, дабы тот мог укрепить или разорвать свой союз с Францией в зависимости от обстоятельств.

Любимец Александра был как нельзя лучше принят Наполеоном, которого он не покидал во время парадов и смотров, предшествовавших сражению при Эсслинге. Но когда в этом кровавом сражении успех изменил нам и ядра градом посыпались на императорский командный пункт, господин Чернышев быстренько поскакал назад, вновь проехал по мостам через Дунай и спрятался от опасности в Шенбруннском дворце, а не следующий день после битвы продолжил путь в Петербург, без сомнения, с целью сообщить о нашей неудаче. Наполеон счел этот поступок крайне предосудительным, и из его уст раздались злые насмешки по поводу храбрости русского полковника. Однако, после заключения мира с Австрией, г-н Чернышев очень часто

приезжал в Париж, где провел часть 1810 года и весь 1811 год. Он был красив, галантен, умел хорошо скрывать свои чувства и обладал изысканной вежливостью. Положение адъютанта русского императора ввело его не только ко двору, но и в салоны высшего общества, где он никогда не говорил о политике. Казалось, он поглощен лишь ухаживанием за дамами, у которых имел большой успех. Но к концу 1811 года, когда слухи о войне возобновились, парижская полиция получила сведения о том, что г-н русский полковник, притворяясь занятым только собственными удовольствиями, ведет интриги, подозрительные в политическом отношении. Полиция начала внимательно следить за ним и вскоре удостоверилась в том, что Чернышев часто видится с г-ном X, служащим военного министерства, которому специально поручено составлять отчеты, представляемые каждые десять дней Наполеону о личном составе и обеспечении всех его вооруженных сил[117]. Мало того, г-на Чернышева видели прогуливавшимся после полуночи с французским чиновником в самых темных местах Елисейских Полей, а кроме того, его не раз замечали пробиравшимся в самой простой одежде в квартиру г-на X, где Чернышев проводил какое-то время.

Столь близкая дружба такого высокопоставленного лица с мелким служащим военного ведомства была неопровержимым доказательством того, что первый из этих людей подкупал второго ради выдачи ему государственных секретов. Поэтому император, возмущенный злоупотреблением со стороны русского полковника его служебным положением во имя противоправных действий, приказал арестовать Чернышева. Однако тот, предупрежденный, как утверждают, какой-то женщиной, сейчас же покинул Париж и, прибыв на ближайшую заставу, свернул с пути к соседнему перегону из опасения быть застигнутым курьером, затем поехал самыми малопроезжими дорогами и добрался до границы на Рейне, минуя Майнц и Кёльн, куда по телеграфу уже был передан приказ схватить его. Что до мелкого служащего, то он был арестован в тот самый момент, когда пересчитывал сумму в 300 тысяч франков банковскими билетами, полученную за свое предательство! Вынужденный очевидностью признать свое преступление, он сообщил, что еще один служащий военного ведомства также продал различные сведения русскому полковнику. Второго виновного также арестовали, их обоих судили, приговорили к смерти и расстреляли![118] Они умерли, проклиная г-на Чернышева. Они обвиняли Чернышева в том, что он являлся в их жилища, чтобы соблазнять их грудой золота, которую он непрерывно увеличивал, видя их колебания. Император приказал напечатать во всех французских газетах

весьма резкую статью против г-на Чернышева, добавив к ней замечания, которые, даже не будучи прямыми, должны были сильно задеть русского императора, поскольку напоминали, что Александр так и оставил безнаказанными убийц своего отца, Павла I.

После подобного происшествия стало более невозможно сомневаться в войне, и, хотя она и не была объявлена, военные приготовления открыто велись обеими сторонами. Поведение г-на Чернышева вслух осуждалось всеми, тем не менее нашлись и такие люди, особенно среди дипломатов, кто тайно одобрял его, основывая свое мнение на знаменитой латинской пословице: «Salus patriae, prima lex» («Интересы государства важнее закона»). По этому поводу они вспоминали малоизвестную историю, рассказанную мне маршалом Ланном, якобы доказывающую, что, справедливо наказывая французов, продававших врагам секреты своей родины, Наполеон развращал в других странах служащих, которые могли бы предоставить ему сведения, особенно полезные для военных целей.

Итак, в 1809 году в Вене маршал Ланн рассказал мне, что в тот момент, когда военные действия готовы были разразиться между Францией и Австрией, эрцгерцог Карл был предупрежден анонимным посланием, что якобы один из генералов, кого Карл очень высоко ценил и кого только что сделал заместителем своего начальника штаба, продался послу Франции, генералу Андреосси, с которым на протяжении ночи имел частые встречи в уединенном доме в пригороде. В послании был указан номер этого дома. Эрцгерцог Карл настолько уважал своего генерала, что, сочтя низкой клеветой обвинение, высказанное против того неизвестным, не осмелившимся даже назвать свое имя, не принял никаких мер, чтобы выяснить истину. Посол Франции уже обратился за своими паспортами и должен был покинуть Вену через 48 часов, когда второе анонимное послание сообщило эрцгерцогу, что его заместитель начальника штаба, поработав в одиночестве в своем кабинете, где находились сведения о состоянии армии, должен был следующей ночью иметь последнюю беседу с генералом Андреосси. Желая избавиться от подозрений, касавшихся столь дорогого ему офицера и которые могли бы сохраниться у эрцгерцога вопреки его воле, Карл решил сам убедиться в невиновности своего генерала. С этой целью он оделся в самое простое штатское платье и в сопровождении одного лишь адъютанта стал прогуливаться после полуночи в самой темной части переулка, где находился указанный дом. После недолгого ожидания принц Карл и его адъютант заметили человека, в котором, несмотря на то что он был переодет, с

огорчением узнали заместителя начальника штаба австрийской армии. Дверь по сигналу открылась перед ним. Спустя несколько мгновений таким же путем вошел генерал Андреосси. Встреча продолжалась несколько часов. В течение этого времени эрцгерцог, неспособный более сомневаться в предательстве заместителя своего начальника штаба, терпеливо оставался перед домом. Когда наконец дверь вновь отворилась, чтобы выпустить генерала Андреосси и австрийского генерала, выходивших вместе, они оказались лицом к лицу с Карлом. Он очень громко произнес: «Здравствуйте, господин французский посол!» И, не соблаговолив обратиться с упреками к заместителю своего начальника штаба, ограничился тем, что направил на него свет своего потайного фонаря! Но менее сдержанный адъютант ударил этого несчастного по плечу со словами: «Вот этот низкий предатель, ваша светлость, он завтра же будет разжалован!»

Посол Андреосси удалился, не проронив ни слова. Австрийский же генерал, видя, что захвачен с поличным, и заранее представляя себе ожидающую его судьбу, вернулся домой и застрелился. Об этом трагическом эпизоде, тщательно скрывавшемся австрийским правительством, мало кто знал. Было объявлено, что заместитель начальника штаба скончался от сильного апоплексического удара. Кажется, он получил от французского посла два миллиона.

Что касается истории с полковником Чернышевым, то в ней была некая странность: дело в том, что в момент, когда Наполеон жаловался на недостойные методы, использованные адъютантом императора Александра для овладения описаниями дислокации наших армий, французский посол в Санкт-Петербурге генерал Лористон купил не только самые достоверные сведения о размещении и численности русской армии, но и несколько гравировальных медных досок, служивших для напечатания громадной карты московской империи! Несмотря на огромные трудности, вставшие при перевозке этой массы тяжелого металла, предательство было настолько хорошо организовано и столь дорого оплачено, что гравировальные доски, взятые из архивов русского правительства, были перевезены из Санкт-Петербурга во Францию так, что их исчезновение не было обнаружено ни полицией, ни таможнями! Как только доски прибыли в Париж, военное министерство распорядилось напечатать эту прекрасную карту, после замены русских букв на латинские в названиях населенных пунктов и рек; по одному экземпляру карты император приказал отправить всем генералам и командирам полков легкой кавалерии. В этом качестве я и получил один такой экземпляр, который мне не без труда удалось сохранить во

время отступления, поскольку карта была свернута в большой рулон. На карте изображена вся Россия, даже Сибирь и Камчатка, что сильно смешило получивших ее. Очень немногие привезли карту обратно, у меня осталась моя.

Глава IV

Война становится неизбежной. — Предупреждения, сделанные Наполеону. — Императорский двор в Дрездене. — Недостаток в расположении армии и отдельных корпусов

Основной причиной, толкавшей императора к началу войны с Россией, было желание заставить ее выполнять Тильзитский мирный договор 1807 года. Согласно этому договору, император Александр обязывался закрыть все порты своих владений для Англии — это выполнялось лишь весьма приблизительным образом. Наполеон имел основание думать, что разорит англичан — нацию, главным образом занятую производством товаров и торговлей, — если ему удастся разрушить их торговлю с континентальной Европой. Однако выполнение этого грандиозного плана наталкивалось на такие трудности, что старая Франция, оставаясь в одиночестве, в действительности подвергалась торговым ограничениям, а «лицензии», о которых я уже говорил выше, пробивали значительные бреши в Континентальной блокаде. Хотя система этой блокады и была установлена императорским декретом в Италии, Германии и в Иллирийских провинциях, там ее применение оказалось лишь весьма иллюзорным, как из-за большой протяженности береговой линии, так и из-за попустительства и недостатка контроля со стороны тех, кто управлял этими обширными областями. Так что, отвечая на высказываемые со стороны Франции требования запретить все торговые связи с Англией, русский император отмечал, что исключения из правил Континентальной блокады были общими почти для всей Европы. Но истинная причина отказа, которым Александр отвечал на требования Наполеона, заключалась в его опасении быть убитым, подобно собственному отцу, императору Павлу, которого упрекали в том, что он ранил национальное самолюбие русских, став союзником Франции, и в том, что он разрушил русскую торговлю, объявив войну Англии. Впрочем, Александр начинал понимать, что уже оттолкнул от себя умы, выражая Наполеону почтение и дружбу при встречах в Эрфурте и Тильзите. Теперь ему следовало опасаться нанести им новую обиду прекращением любой торговли с Англией: ведь это был единственный рынок, куда русские помещики могли вывозить и продавать сырье из своих необъятных имений, чтобы продолжать свой паразитически-роскошный образ жизни. Смерть Павла I хорошо показала, каким опасностям подвергается русский император, принимая подобные решения. Александр должен был

бояться еще сильнее, поскольку все еще видел возле себя офицеров, окружавших его отца. К их числу принадлежал Беннигсен, начальник его штаба.

Наполеон недостаточно принимал во внимание трудности этой ситуации, угрожая Александру войной, если тот не выполнит его желаний. Однако, узнав о понесенных в Испании и Португалии потерях и неудачах, он, казалось, начал колебаться перед необходимостью ввязаться в войну, в исходе которой он отнюдь не был уверен. Я знаю от генерала Бертрана, как на острове Святой Елены Наполеон часто повторял, что сначала единственной его мыслью было напугать императора Александра, чтобы заставить его соблюдать мирный договор: «Мы, — говорил он, — были подобны двум бойцам одинаковой силы, которые выглядят готовыми схватиться врукопашную, но не желают этого и угрожают друг другу взглядом и оружием, наступая мелкими шажками, причем каждый надеется, что его противник отступит, испугавшись наткнуться на шпагу!» Однако сравнение императора неточно, поскольку за спиной у одного из этих бойцов была бездонная пропасть, готовая поглотить его при первом же шаге назад. Поставленный таким образом между перспективой позорной смерти и необходимостью сражаться, имея шансы на успех, он должен был принять это последнее решение. Таково было положение Александра, еще более усложнявшееся маневрами, предпринимавшимися англичанином Вильсоном по отношению к генералу Беннигсену и его штабными офицерами.

Император Наполеон еще колебался и, похоже, хотел прислушаться к мудрым советам своего бывшего посла в Санкт-Петербурге Коленкура. Он хотел даже опросить многих французских офицеров, какое-то время проживших в России и знавших ее топографию и ресурсы. Среди них был и Понтон, принадлежавший к числу офицеров инженерных войск, которым при подписании Тильзитского мира Наполеон, по настоянию Александра, разрешил и даже настоятельно предложил провести несколько лет на службе в России. Это был человек как нельзя более способный и необыкновенно скромный. Принадлежа к топографической службе армии Наполеона, он не счел бы для себя возможным, если бы его об этом не спросили, высказать свое мнение о тех трудностях, какие встретила бы армия, ведущая войну на территории Российской империи. Но когда Наполеон задал ему этот вопрос, Понтон, как честный человек, глубоко преданный своей стране, счел своим долгом высказать всю правду главе государства и перечислил все препятствия, какие встанут перед французами при осуществлении этой затеи. Главными из

них были: бездействие литовских провинций, в течение долгих лет подчиненных России, и недостаток помощи с их стороны; фанатическое сопротивление старых москвичей; редкая возможность пополнения запасов пищи и фуража; почти совершенно пустынные области, через какие предстояло пройти; дороги, не проезжие для артиллерии после дождя в течение нескольких часов. Особенно он подчеркивал суровость зимы и физическую невозможность ведения войны в период снегопадов, который нередко начинается с первых чисел октября. И наконец, как истинно смелый человек, не боясь не понравиться императору и рискуя своим будущим, г-н Понтон позволил себе упасть перед императором на колени и умолять его во имя счастья Франции и собственной славы не предпринимать этого опасного похода, все бедствия которого он ему предсказал. Спокойно выслушав г-на Понтона, император отпустил его, не сделав никаких замечаний. Несколько дней он был погружен в размышления, и распространился слух, что поход откладывается. Однако вскорости г-н Маре, герцог Бассано, вернул императора к его первоначальному плану. Тем временем Наполеона уверили в том, что маршал Даву не безучастен к его решению направить свою многочисленную армию из Германии к берегам Немана — западной границе Российской империи, — чтобы заставить Александра подчиниться требованиям императора.

Начиная с этого момента, хотя г-н Понтон по-прежнему входил в состав кабинета и всюду следовал за императором, тот больше ни разу не обратился к нему на всем пути от Немана до Москвы. А когда во время отступления Наполеону пришлось признаться самому себе, что предсказания этого достойного уважения офицера полностью оправдались, он избегал встречаться с ним взглядом. Тем не менее г-н Понтон был повышен императором в чине до полковника.

Но не будем ускорять ход событий и вернемся к приготовлениям Наполеона, призванным волей-неволей заставить русских принять условия, которые он хотел им навязать.

Начиная с апреля французские войска, расквартированные в Германии, а также те контингенты, которые различные владетели Рейнской конфедерации привели под знамена Наполеона, пришли в движение.

Их марш на Польшу замедлялся лишь трудностями, возникавшими при необходимости добывать корм для многочисленных лошадей, потому что трава и даже зерновые культуры в это время года в северных странах еще не успели прорасти. Однако император покинул Париж 9 мая и в сопровождении императрицы прибыл в Дрезден, где его ждали

его тесть, австрийский император, и почти все германские князья, одни из которых были привлечены надеждой увеличить вскорости размеры своих государств, другие — опасением не угодить тому, кто был арбитром их судеб. Среди них отсутствовал лишь король Пруссии, поскольку его государство не входило в состав Рейнской конфедерации. Его не пригласили на эту встречу, а сам он не осмелился на ней присутствовать без разрешения Наполеона! Он нижайше попросил этого разрешения и, как только получил его, немедленно прибыл, увеличив толпу государей, направившихся в Дрезден ко двору всемогущественного покорителя Европы.

Клятвы в верности и преданности, которые тогда со всех сторон расточались Наполеону, настолько оглушили его, что заставили совершить громадную ошибку в организации частей, какие должны были составить Великую армию, предназначенную идти на Россию. В самом деле, вместо того чтобы ослабить правительства своих прежних врагов, Австрии и Пруссии, потребовав от них предоставить наибольшую часть войск, имевшихся в их распоряжении, и из предосторожности направив их двигаться в авангарде, как для того, чтобы сохранить кровь французов, так и для того, чтобы иметь возможность не спускать глаз со своих новых ненадежных и колеблющихся союзников, Наполеон запросил с каждой из этих стран только по 80 тысяч человек. Мало того, он сформировал из них два фланга своей армии! Австрийцы под командованием князя Шварценберга должны были образовать правый фланг нашей армии на Волыни. Пруссаки, командовать которыми он послал маршала Макдональда, заняли левый фланг, в направлении устья Немана. Центр был составлен из французских войск и из частей Рейнской конфедерации, верность которых была испытана в битвах при Аустерлице, Иене и Ваграме.

Порочность такой организации поразила лучшие умы, с трудом представлявшие себе фланги Великой армии составленными из иностранцев, остающихся на границах своих стран и способных в случае неудачи образовать две армии у нас в тылу, при том что наш центр, состоящий из надежных частей, оказался бы вклинившимся в глубь Российской империи. Австрия, имевшая под ружьем 200 тысяч солдат, предоставляла в распоряжение Наполеона 30 тысяч солдат, сохраняя 170 тысяч готовыми действовать против нас в случае неудачи! Пруссия, хотя и менее могущественная, помимо действующих дивизий, имела еще 60 тысяч человек в резерве. Поэтому все удивлялись: почему император столь мало учитывал это обстоятельство, оставляя у себя за спиной потенциальных врагов? Но его доверие к пруссакам и австрийцам было столь велико, что, когда прусский

король попросил разрешить его старшему сыну участвовать в кампании в свите Наполеона в качестве адъютанта, тот не согласился. Однако сей юный принц был бы очень ценным заложником, надежной гарантией верности своего отца.

Праздники в Дрездене шли один за другим. Тем временем войска Наполеона двигались по Северной Германии. Итальянская армия, перевалив через горы в Тироле, уже направлялась к Варшаве. 1-й, 2-й и 3-й французские корпуса под командованием маршалов Даву, Удино и Нея пересекали Пруссию, чтобы выйти в Вестфалию, Баварию, Саксонию, Баден и Вюртемберг и на территории других членов Рейнской конфедерации. Австрия и Пруссия последовали за ними. Но следует отметить, что если австрийские генералы выражали удовлетворение от присоединения своих знамен к нашим, то офицеры более низкого ранга и солдаты испытывали сожаление от необходимости идти войной против России. В прусских частях было наоборот: генералы и полковники чувствовали себя униженными тем, что приходилось служить своему победителю, а более низшие офицерские чины и солдаты радовались, что представился случай воевать рядом с французами и доказать, что они были разбиты в сражении при Иене не из-за недостатка собственной храбрости, а из-за того, что начальники плохо ими командовали.

Наполеон не только ослабил свою Великую армию, поставив на ее флангах австрийские и прусские войска, но и ослабил моральный дух французских войск, смешав их с иностранными полками. Так, 1-й корпус под командованием маршала Даву на 1 июня насчитывал 67 тысяч человек, из них 58 тысяч французов; остальные были представлены баденцами, мекленбуржцами, гессенцами, испанцами и поляками. Во 2-м корпусе, которым командовал маршал Удино, было 34 тысяч французов, к ним добавили 1600 португальцев, 1800 хорватов и 7 тысяч швейцарцев.

3-й корпус во главе с маршалом Неем состоял из 23 тысяч французов, 3000 португальцев, 3000 иллирийцев и 14 тысяч вюртембержцев. В 4-м и 6-м корпусах, объединенных под командованием принца Евгения, насчитывалось 77 тысяч человек, из которых 38 тысяч французов, 1700 хорватов, 1200 испанцев, 2 тысячи далматинцев, 20 тысяч итальянцев и 12 тысяч баварцев.

В кавалерийском резерве, возглавляемом Мюратом, было 44 тысяч солдат, среди них 27 тысяч французов, 1400 пруссаков, 600 вюртембержцев, 1100 баварцев, 2 тысячи саксонцев, 6 тысяч поляков и 3 тысячи вестфальцев.

Я не собираюсь приводить здесь названия воинских частей, которыми Наполеон располагал в момент своего вступления в

Россию. Но мне хотелось показать, рассматривая положение в нескольких армейских корпусах, насколько французы были смешаны с иностранцами, которые сами были как нельзя более неоднородны с точки зрения языка, нравов, привычек и интересов и поэтому служили из рук вон плохо, нередко парализуя усилия французских войск. В этом крылась одна из основных причин неудач, какие мы испытали.

Глава V

Императорский смотр. — Армия на Немане. — Слово об историках кампании 1812 года. — Поведение Бернадотта. — Положение Польши

Покинув Дрезден 20 июля, император направился в Польшу через Данциг и Старую Пруссию[119], через которую в этот момент двигались его войска. Он устраивал им смотры по мере того, как встречал их на своем пути.

В соответствии с планом организации армии, 23-й конно-егерский полк находился в составе бригады вместе с 24-м конно-егерским полком. Этой бригадой командовал генерал Кастекс, она входила во 2-й армейский корпус под командованием маршала Удино. Я давно знал генерала Кастекса, замечательного человека, он прекрасно со мной обходился на протяжении всей кампании. Маршал Удино видел меня при осаде Генуи, рядом с моим отцом, а также в Австрии, когда в 1809 году я был адъютантом маршала Ланна; он относился ко мне с большой добротой.

20 июня 2-й корпус получил приказ остановиться в Инстербурге для императорского смотра. Эти армейские торжества всегда с нетерпением ожидались лицами, рассчитывавшими на милости, раздаваемые при таких смотрах Наполеоном. Я относился к числу этих людей и был уверен в получении чина полковника в полку, которым временно командовал, тем более что, помимо обещаний, данных мне императором по этому поводу, генерал Кастекс и маршал Удино предупредили меня, что предложат меня официально и что, по их мнению, г-н де Ла Нугаред в ближайшее время будет произведен в генералы и станет во главе депо для пополнения конского состава. Но злой рок, столь часто отодвигавший несколько месяцев назад выдачу мне назначения эскадронного начальника, снова стал преследовать меня при получении чина полковника.

Смотры были серьезными экзаменами, устраиваемыми императором командирам своих полков, особенно накануне военной кампании. Дело в том, что, помимо обычных вопросов о численности людей и лошадей, вооружений и т. п., он задавал подряд множество неожиданных вопросов, на которые люди не всегда были готовы ответить. Например: «Сколько у вас было человек в таком-то отделении в течение последних двух лет? Сколько мушкетонов, произведенных в Тюле или Шарлевиле? Сколько у вас нормандских лошадей? Сколько бретонских?

Сколько немецких? Каково количество участников настоящего похода, имеющих тройные шевроны? Сколько двойных и одинарных? Каков средний возраст всех ваших солдат? Ваших офицеров? Ваших лошадей?» — и т. д.

Эти вопросы, всегда задававшиеся быстро, очень повелительным тоном и сопровождавшиеся пронизывающим взглядом, обескураживали многих полковников, но горе тому, кто колебался с ответом: в уме Наполеона он получал плохую отметку. Я так хорошо подготовился, что у меня был ответ на все, и император, похвалив меня за хороший вид полка, вероятно, произвел бы меня в полковники, а г-на де Ла Нугареда — в генералы, как вдруг тот, с забинтованными фланелью ногами забравшийся с посторонней помощью на лошадь, чтобы издали следовать за передвижениями полка, услыхал свое имя, подъехал к Наполеону и рассердил его неловкой просьбой о некоем офицере, который был его родственником, но не был достоин никакого интереса. Эта просьба вызвала бурю, последствия коей я испытал на себе. Наполеон впал в самый неистовый гнев, приказал жандармерии изгнать из армии офицера, о котором ему говорили, и, оставив г-на де Ля Нугареда ошеломленным, галопом ускакал. Так Ла Нугаред не стал генералом.

Маршал Удино последовал за императором, чтобы спросить его приказаний относительно 23-го полка. Его Величество ответил: «Пусть эскадронный начальник Марбо продолжает им командовать». Прежде чем стать полковником, мне пришлось получить еще одно новое серьезное ранение!

Отдавая должное г-ну де Ла Нугареду, скажу, что он самым любезным образом выразил мне свои сожаления по поводу того, что невольно стал виновником задержки моего продвижения по службе. Неприятное положение этого достойного уважения человека внушало мне живое сочувствие, поскольку он боялся, что потерял доверие императора, и из-за своего недуга не мог как следует реабилитировать себя в его глазах своим поведением в будущих сражениях.

В день смотра я был весьма доволен тем, что император дал согласие на все повышения и награды, о которых я просил для офицеров, унтер-офицеров и солдат 23-го полка. Поскольку благодарность за подобные знаки расположения всегда переносится на командира, мое влияние в полку от этого сильно Возросло и успокоило сожаления, испытываемые мною, что я не получил того чина, какой бы соответствовал исполняемым мною обязанностям.

В этот период я получил письмо от маршала Массена и от его супруги. В первом маршал рекомендовал мне г-на Реника; во

втором супруга маршала рекомендовала своего сына Проспера. Я был тронут этими письмами и ответил, как должно было, соглашаясь принять в свой полк обоих капитанов. Однако, поскольку г-жа Массена не проявила твердости в своих намерениях, Проспер Массена не отправился в Россию, да он и не смог бы перенести тамошний суровый климат.

Армия скоро должна была выйти на границу Российской империи и вновь увидеть Неман, где мы остановились в 1807 году. Император расположил свои войска по левому берегу этой реки в следующем порядке: сначала, на крайнем правом фланге, — австрийский корпус князя Шварценберга, соприкасающийся возле Дрогичина с Галицией. Слева от Шварценберга, между Белостоком и Гродно, король Жером объединил два значительных армейских корпуса. Рядом с ними принц Евгений Богарнэ имел в Пренах 80 тысяч человек. Император был в центре, напротив Ковно, с 220 тысячами солдат под командованием Мюрата, Нея, Удино, Лефевра и Бессьера. В состав этих многочисленных частей входила и гвардия. Наконец, как я уже говорил, в Тильзите маршал Макдональд с 35 тысячами пруссаков составлял левый фланг. За Неманом располагался фронт русской армии, насчитывавшей около 400 тысяч человек под командованием императора Александра или, скорее, Беннигсена, его начальника штаба. Эти войска были разделены на три главные армии под командованием Багратиона, Барклая де Толли и Витгенштейна.

Четыре историка писали о кампании 1812 года. Первым из них был Лабом, французский инженер-географ, т. е. человек, принадлежавший к особому офицерскому корпусу, который, хотя и относился к военному министерству, тем не менее не участвовал в боях и следовал за армиями только для того, чтобы снимать планы. Лабом никогда не командовал войсками и не имел практических знаний военного искусства. Поэтому его суждения почти всегда неточны, а в других случаях они просто наносят ущерб престижу французской армии. Тем не менее труд Лабома появился вскоре после заключения мира в 1814 году и возвращения Людовика XVIII, поэтому дух политики и желание получить сведения о недавней кампании в России обеспечили этой книге тем большую известность, что никто не занялся ее опровержением, и публика привыкла считать ее содержание неопровержимой истиной.

Второе сочинение, посвященное кампании 1812 года, принадлежит перу полковника Бутурлина, адъютанта императора Александра. Хотя это сочинение и написано противником, в нем есть разумные оценки, и если повествование автора не всегда

точно, то лишь потому, что ему не хватало каких-то документов, поскольку он объективен и сделал все от него зависящее, чтобы открыть правду. Так что Бутурлина в целом уважают, потому что он написал свой труд как благородный человек.

Сочинение Лабома было уже забыто, когда в 1825 году, следовательно, после кончины императора, генерал граф де Сегюр опубликовал третий труд, посвященный кампании 1812 года. Дух этого произведения огорчил многих оставшихся в живых участников этой кампании, и сами наши враги назвали его «военным романом». Однако г-н Сегюр имел громадный успех как из-за ясности и элегантности своего стиля, так и из-за того приема, какой был ему оказан королевским двором и ультра-роялистской партией. Бывшие офицеры Империи, сочтя, что на них нападают, поручили генералу Гурго ответить г-ну Сегюру. Он проделал это весьма успешно, но чересчур резко, что привело его к дуэли с г-ном Сегюром, который был ранен. Следует признать, что если этот последний мало расположен к Наполеону и его армии, то генерал Гурго расточает императору слишком много похвал, не желая признавать ни одну из его ошибок!

Разумеется, я не собираюсь создавать новое описание кампании 1812 года, но считаю своим долгом напомнить основные факты, потому что они составляют значительную часть той эпохи, т. е. моей жизни, а многие факты имеют отношение ко мне лично. Но в этом кратком анализе я хочу избежать обеих крайностей, в какие впали Сегюр и Гурго. Я не буду ни обличителем, ни льстецом: я буду правдив.

В тот момент, когда две могущественные европейские империи готовы были нанести друг другу удары, Англии, естественной союзнице России, пришлось приложить все усилия для того, чтобы помочь отразить вторжение на ее территорию. Уплатив туркам золотом, английскому правительству удалось заставить турецкого султана заключить мир с Россией, что позволило ей отозвать внутрь страны армию, стоявшую на турецкой границе. Эта армия сыграла огромную роль в войне против нас. Англия также обеспечила мир между императором Александром и Швецией. Последняя была естественной союзницей Франции, и на нее Наполеон должен был рассчитывать, тем более что Бернадотт только что был провозглашен наследным принцем этой страны, коей он управлял вместо старого короля, своего приемного отца.

Выше я уже рассказал вам, какое странное стечение обстоятельств подняло Бернадотта, сделав его наследником шведской короны. Однако новый шведский принц, утверждавший, что останется во Франции по велению сердца, дал соблазнить или

смутить себя англичанам, а им, впрочем, было бы нетрудно и свергнуть его. Он пожертвовал истинными интересами своей приемной родины, дав Англии взять над собой власть и заключив союз с Россией во время встречи с императором Александром. Эта встреча состоялась в маленьком финском городке Або. Русские только что завоевали эту провинцию и пообещали Швеции компенсировать ее уступкой Норвегии, но ее они должны были вырвать у Дании, бывшей слишком верной союзницей Франции. Так, вместо того чтобы опереться на наши войска на севере для возвращения своих провинций, Бернадотт, напротив, закреплял эти захваты, становясь в ряды союзников России!

Если бы Бернадотт действовал заодно с нами, географическое положение Швеции замечательно послужило бы нашим общим интересам. Однако новый принц еще окончательно не стал нашим врагом. Он хотел знать, на чьей стороне будет победа, и высказался лишь в следующем году. Лишенный поддержки Турции и Швеции, для сдерживания русских армий Наполеон мог иметь своими союзниками на севере только поляков. Но этот неспокойный народ, чьи предки не сумели договориться между собой и создать независимое государство, не представлял собой никакой моральной или материальной опоры.

В самом деле, Литва и другие провинции, составляющие свыше трети прежней Польши, проведшие более сорока лет в подчинении у России, почти полностью утратили воспоминания о своей прежней конституции и считали себя русскими вот уже много лет. Дворяне посылали своих сыновей служить в царскую армию. Привычка привязала их настолько крепко к России, что нечего было и надеяться на их присоединение к французам. То же самое относилось и к другим полякам, несколькими разделами Польши уже давно отделенными от матери-родины и оказавшимися в подданстве Австрии и Пруссии. Они неплохо и охотно выступили против России, но делали это под знаменами своих новых государей. Они не испытывали по отношению к Наполеону ни любви, ни энтузиазма и боялись увидеть свои земли опустошенными войной. Великое герцогство Варшавское, отданное в 1807 году королю Саксонии по Тильзитскому миру, было единственной провинцией прежней Польши, где сохранились остатки национального духа и некоторая привязанность к Франции. Но какую пользу могло столь малое государство принести армиям Наполеона?

Тем не менее, полный веры в свои силы и в свой гений, Наполеон решил перейти Неман. 23 июня в сопровождении генерала Аксо император, надев фуражную шапку и шинель одного поляка из своей гвардии, объехал берега Немана. Тем же

вечером, в 10 часов, он приказал начать переправу через реку по многочисленным понтонным мостам, переброшенным напротив маленького русского города Ковно, который был занят нашими войсками без малейшего сопротивления со стороны противника.

Глава VI

Переправа через Неман. — Вступление в Вильно. — Я вступаю в соприкосновение с неприятелем. — 23-й полк при Вилькомире. — Трудности в Литве. — Наступление

24 июня на рассвете мы были свидетелями одного из самых грандиозных спектаклей. На наиболее значительной возвышенности левого берега видны были палатки императора. Вокруг них все холмы, их склоны и долины были заполнены людьми и лошадьми, оружие сверкало на солнце! Эта масса, состоявшая из 250 тысяч воинов, разделенная на три бесконечные колонны, стекала в полном порядке к трем мостам, перекинутым через реку. Затем различные корпуса двигались вперед, по направлению к правому берегу, в направлениях, указанных для каждого из них. В тот же день Неман был форсирован нашими войсками еще в нескольких местах: у Гродно и Тильзита.

Генерал Гурго ознакомил меня с планом диспозиции, испещренным отметками, сделанными рукой Наполеона. Из этого официального документа следует, что при переправе через Неман армия насчитывала 325 тысяч человек (г-н Тьер, округляя, говорит о 400 тысячах), из них 155 400 французов и 170 тысяч союзников, плюс 984 орудия. Полк, которым я командовал, входил в состав 2-го корпуса под командованием маршала Удино. 23-й полк перешел Неман по первому мосту возле Ковно и сразу же направился к Яново.

Жара стояла удушающая. К ночи она вызвала ужасную грозу, и проливной дождь залил все дороги и поля на 50 лье в округе. Однако армия не увидела в этом дурной приметы, как привыкли говорить, поскольку солдат считает град и гром явлениями, вполне естественными летом. Впрочем, у русских, которые еще более суеверны, чем некоторые французы, тоже была очень плохая примета: в ночь с 23-го на 24 июня император Александр чуть не погиб на балу в Вильне, потому что пол в зале провалился под его креслом как раз в тот момент, когда первая французская баржа с первым отрядом войск Наполеона причаливала к правому берегу Немана на русской территории. Как бы то ни было, гроза сильно охладила воздух, и наши лошади тем более страдали от этого на бивуаках, что им пришлось есть мокрую траву и ложиться на сырую землю. Поэтому армия потеряла несколько тысяч лошадей из-за приступов острых колик.

За Ковно протекает очень маленькая речка Вилия, мост через которую противник уничтожил. После грозы вода в этом притоке

Немана поднялась, так что передовым частям Удино пришлось остановиться. Император появился в тот момент, когда я сам подъезжал к голове колонны моего полка. Он приказал польским уланам попытаться перейти вброд: один человек утонул; я узнал его фамилию, его звали Минский. Я подчеркиваю эту деталь потому, что случаю, происшедшему при переправе польских улан через Вилию, уделялось слишком большое внимание.

Тем временем русские отступали, не дожидаясь французской армии, вскоре занявшей Вильно, столицу Литвы. Около этого города состоялось кавалерийское сражение, в котором мой бывший товарищ по штабу Массены Октав де Сегюр был захвачен русскими в плен, находясь во главе эскадрона 8-го гусарского полка, которым он командовал. Октав был старшим братом генерала графа де Сегюра.

В тот самый день, когда император вошел в Вильно, части маршала Удино встретились с русским корпусом Витгенштейна при Вилькомире, где произошло первое серьезное столкновение с противником в этой кампании. Я никогда раньше не служил под командованием Удино. Начало подтвердило мое высокое мнение о его смелости, но разочаровало меня в его военных талантах.

Один из главных недостатков французов, когда они ведут войну, — это беспричинные переходы от самых тщательных предосторожностей к безграничной беспечности. И вот, поскольку русские позволили нам без сопротивления перейти через Неман, захватить Литву и занять Вильно, в кругу некоторых военных сделалось хорошим тоном утверждать, что противник все время будет бежать от нас и нигде не удержится. Штаб Удино и он сам нередко высказывали такую же точку зрения и называли сказками сообщения крестьян о большом корпусе русских, стоявшем перед городком Вилькомиром. Недоверие к этим сведениям чуть не стало для нас фатальным вот каким образом.

Легкая кавалерия, будучи глазами армий, обычно следует в авангарде и на флангах. Так что мой полк шел впереди пехотных дивизий примерно на лье, как вдруг, оказавшись неподалеку от Вилькомира и не встретив ни одного вражеского поста, я оказался перед еловым лесом, среди громадных деревьев которого кавалерийские взводы могли свободно передвигаться, но обзор был ограничен из-за ветвей. Опасаясь засады, я остановил полк и отправил на разведку один эскадрон под командованием очень неглупого офицера. Он через четверть часа вернулся и сообщил мне о присутствии неприятельской армии. Тогда я быстро выбрался на опушку леса и увидал на расстоянии пушечного выстрела город Вилькомир, защищенный ручьем и холмом, на котором находились в боевом порядке 25–30 тысяч вражеских

пехотинцев с кавалерией и артиллерией!

Вы, конечно, удивитесь, что перед этими частями не было ни караулов, ни постов, ни разведчиков. Но русские обычно так и действуют, приняв решение оборонять удачную позицию: они дают противнику подойти как можно ближе, не предупреждая его огнем своих стрелков о предстоящем сопротивлении. Только когда части противника оказываются в пределах досягаемости, русские обрушивают на него шквальный артиллерийский и ружейный огонь, что приводит в удивление и заставляет дрогнуть вражеских солдат! Этот метод, дающий, возможно, некоторые преимущества, нередко приносил русским хорошие результаты. Так что генерал Витгенштейн приготовил нам подобный прием.

Ситуация представилась мне столь серьезной, что, не показывая противнику мой полк, я приказал ему снова войти в лес и лично бросился к маршалу Удино предупредить его о положении дел. Я нашел его не в лесу, а на равнине, где, спешившись и остановив свои войска, он спокойно завтракал в окружении штаба. Я ожидал, что мой рапорт выведет его из этого состояния ложной безопасности, но он принял меня с недоверчивым видом и, хлопнув по плечу, воскликнул: «Ну вот, Марбо нашел 30 тысяч человек, которых нам предстоит отколотить!» Генерал Лорансе, зять и начальник штаба маршала Удино, оказался единственным, кто мне поверил. Прежде он был адъютантом Ожеро и давно знал меня. Он вступился за меня, заметив, что если офицер говорит: «Я видел», то ему надо верить и что пренебрегать предупреждениями офицеров легкой кавалерии — значит подвергать себя опасностям. Эти замечания начальника штаба заставили маршала призадуматься, он стал расспрашивать меня о присутствии врага, в чем еще продолжал сомневаться, как вдруг прискакал запыхавшийся штабной капитан г-н Дюплесси и сообщил, что объехал все окрестности, даже заезжал в лес, но не заметил ни одного русского! Услышав его рапорт, маршал и его штаб начали смеяться над моими опасениями, что меня сильно обидело. Однако я сдержался, уверенный в том, что в ближайшее время истина станет известна.

И действительно, закончив завтрак, все снова пускаются в путь, а я возвращаюсь к своему полку, находящемуся в авангарде. Я направляю полк дальше в глубь леса, как уже было сделано в первый раз, поскольку я предвидел, что должно было произойти, как только мы выйдем из лесу напротив вражеской позиции. Вопреки моим замечаниям, Удино захотел следовать по очень широкой, прямой, как стрела, дороге, проходящей через лес. Но едва он приблизился к опушке, неприятель, заметивший многочисленную группу всадников, составлявших штаб Удино,

открыл непрерывный огонь из пушек, расположенных напротив большой дороги и потому обстреливающих штаб продольным огнем. Это внесло беспорядок в ряды блестящего «эскадрона», который только что был столь беспечным! К счастью, ядра не попали ни в кого из людей, но под маршалом была убита лошадь, погибла и лошадь г-на Дюплесси. Я был достаточно отмщен. К стыду моему, признаюсь, что едва смог скрыть удовлетворение, какое испытал, увидев, как все те, кто смеялся надо мной и называл фантазиями то, что я говорил о присутствии неприятеля, разбежались под градом ядер, перепрыгивая через ров, чтобы спрятаться за высокими елками! Добрый генерал Лорансе, которого я уговорил остаться в лесу, много смеялся над этой сценой. Справедливости ради, должен сказать, что маршал Удино, едва снова сев на коня, подъехал ко мне выразить сожаление по поводу произошедшего за завтраком и попросил меня сообщить ему все сведения о позиции русских и указать проезды по лесу в которые он смог бы направить свои кавалерийские колонны, не очень подвергая их артиллерийскому огню.

Многим офицерам 23-го полка, утром, подобно мне, проехавшим через лес, было поручено провести через него дивизии. Тем не менее наши части при выезде из леса были встречены ужасной канонадой, чего можно было бы избежать, если бы, будучи предупрежденными о присутствии русских, наши войска провели маневр, чтобы обойти русских с одного из флангов, а не шли без всяких предосторожностей прямо им в лоб. Поэтому, выйдя из лесу, пришлось атаковать позицию русских в наименее защищенной точке и взять быка за рога!

Как бы то ни было, наши доблестные воины с большой решимостью бросились на неприятеля и отбросили его со всех сторон. После двухчасового боя враг отступил. Отступление оказалось для него небезопасным, поскольку для его осуществления надо было пройти через город и перейти через ручей с очень крутыми берегами. Эта операция, всегда очень сложная, когда ее приходится осуществлять в ходе боя, началась в полном порядке. Но наша конная артиллерия заняла позицию на высоте, господствующей над городом, и вскоре усиленный огонь наших орудий внес смятение в ряды противника, который бросился в беспорядочное бегство к мосту. Мы могли видеть, как вражеские части с шумом рассыпаются по противоположному берегу ручья для того, чтобы перестроить ряды, переправившись через мост. На другом берегу их отступление вскоре перешло в бегство! Лишь один русский полк, Тульский, еще удерживал ферму при входе на мост со стороны города. Маршал Удино

очень хотел ускорить движение колонн, чтобы видеть свою победу над русскими войсками, разбегавшимися по равнине за ручьем. Однако наши кавалерийские колонны едва достигли пригородов, им нужно было самое меньшее четверть часа, чтобы оказаться перед мостом, а время было дорого.

Мой полк, который осуществил удачную атаку при входе в город, собрался на площадке неподалеку от ручья. Маршал передал мне приказ пустить полк в галоп и приказал мне атаковать вражеские батальоны, находящиеся на мосту, перейти через мост и броситься затем на равнину, чтобы преследовать отступающего противника. Опытным военным известно, насколько трудно для кавалерии обращать в бегство смелых пехотинцев, полных решимости упорно защищаться на улицах города! Я понял всю величину опасности возложенного на меня задания, но надо было немедленно повиноваться. Я, впрочем, знал, что командир части приобретает или теряет авторитет в глазах своих солдат и офицеров на основании первых боевых впечатлений. Мой полк состоял из храбрых воинов. Я быстро послал полк в галоп и во главе солдат бросился на русских гренадеров, которые смело встретили нас в штыки. Однако они дрогнули при первом же ударе, настолько стремительным был наш бросок! Как только мы проникли во вражеские ряды, мои грозные кавалеристы, ловко орудуя своими саблями, устроили ужасную бойню.

Враг отступил на настил моста, куда мы последовали за ним настолько близко, что, перебравшись на другую сторону, русские напрасно пытались перестроиться. Им это не удавалось, поскольку наши кавалеристы смешались с ними и убивали всех, кого могли достать. Погиб русский полковник. Тогда его полк, обескураженный, лишенный командования, сдался при виде наступающих французских вольтижеров, уже вступавших на мост! Я потерял семерых убитыми и человек двадцать ранеными. Мы захватили знамя и 2 тысячи пленных. После боя вместе с моими солдатами я поскакал на равнину, где мы захватили большое количество беглецов, несколько пушек и много лошадей[120].

Маршал Удино, наблюдавший с самой высокой точки города за происходящим, прибыл поздравить полк, к которому он с того дня стал питать особое расположение. Полк заслуживал его во всех отношениях. Я был горд командовать такими солдатами, и, когда маршал объявил мне, что будет просить для меня чин полковника, я опасался, как бы император, отказываясь от своего первоначального плана, не отдал бы мне первый же свободный полк. Но как непредсказуема судьба! Прекрасный бой под Вилькомиром, где 23-й полк покрыл себя славой, позже чуть не

стал причиной его гибели, потому что проявленная полком при Вилькомире смелость обусловила его выбор для технически неосуществимой операции, о которой я в ближайшее время расскажу. Но вернемся в Вильно, где император уже встретился с некоторыми из трудностей, какие должны были привести к краху его гигантское предприятие.

Первая трудность состояла в организации литовского государства в завоеванной нами стране. Организация должна была бы осуществиться таким способом, который привязал бы к нам не только провинции, еще занятые русскими, но и провинции, коих прежние мирные договора включили в состав Пруссии и Австрии, союзниц Наполеона, а он в тот момент был сильно заинтересован в том, чтобы хорошо с ними обращаться!

Самые горячие господа из различных частей Польши предлагали Наполеону поднять все провинции и привести к нему на службу свыше 300 тысяч человек в тот день, когда он провозгласил бы официально, что все разделы их страны аннулируются и восстанавливается Польское королевство. Но император французов, признавая всю выгоду, какую он смог бы извлечь из этого вооруженного восстания, не скрывал, что первым результатом такого восстания было бы втягивание Наполеона в войну с Пруссией и Австрией, которые, вместо того чтобы дать отнять у себя обширные и богатые провинции, скорее присоединили бы свои армии к русской. Но особенно император опасался ненадежности и непоследовательности поляков, а они, втянув его в войну против трех самых могущественных северных стран, сами, возможно, не сдержали бы своих сегодняшних обещаний. Поэтому император ответил, что сможет признать Польское королевство лишь после того, как жители этих обширных областей покажут себя достойными независимости, поднявшись против своих угнетателей. Получался порочный круг: Наполеон соглашался признать Польшу, только когда она восстанет, а поляки хотели действовать лишь после восстановления своей независимости. Единственной целью императора при вступлении в войну с Россией было восстановление Континентальной блокады. Дополнительным доказательством этого служил тот факт, что на берега Немана Наполеон не привез никаких запасов оружия, ни обмундирования для вооружения и экипировки войск, которые смогли бы выставить поляки.

Как бы там ни было, несколько влиятельных господ, желая принудить Наполеона вопреки его желанию и связать его обязательствами, собрали в Варшаве Национальный сейм, куда вошло незначительное число депутатов от нескольких округов.

Поскольку первым актом этой ассамблеи было провозглашение восстановления и независимости бывшего Польского королевства, подобная патриотическая декларация имела массу откликов во всех провинциях, независимо от того, стали они русскими, прусскими или австрийскими. На протяжении нескольких дней думали о всеобщем восстании, которое, вероятно, послужило бы поддержкой Наполеону. Однако у поляков эта необдуманная экзальтация продолжалась недолго; лишь несколько сотен из них присоединились к нам. Охлаждение сделалось столь сильным, что город Вильно и Виленский округ смогли дать лишь двадцать человек в почетный караул Наполеона. Если бы в то время поляки проявили хотя бы сотую часть той энергии и энтузиазма, которыми они отличились во время восстания 1830–1831 годов, они, может быть, обрели бы свободу и независимость. Но далекие от мысли прийти на помощь французским войскам, они отказывали им в самом необходимом, и во время похода нашим солдатам часто приходилось силой добывать продукты и корм для лошадей, которые местные жители и особенно помещики прятали от нас, отдавая их в первую очередь русским, своим угнетателям. Подобное пристрастное отношение к нашим врагам возмущало французских солдат, что привело к нескольким прискорбным случаям, которые г-н де Сегюр называет «ужасающим грабежом»! Однако невозможно помешать несчастным солдатам, изнуренным усталостью и не получающим никакого пайка, брать у населения хлеб и скотину, чтобы выжить.

Необходимость поддерживать порядок в провинциях, занятых его армией, поставила императора перед необходимостью против его воли назначать префектов и субпрефектов, выбиравшихся из наиболее просвещенных поляков. Однако польская администрация оказалась призрачной и не принесла никакой пользы французской армии. Основной причиной апатии литовских поляков была традиционная привязанность знати к русскому правительству, обеспечивающему власть помещиков-рабовладельцев над крестьянами, освобождения которых французами польская знать боялась. Ведь все эти польские дворяне, непрерывно твердившие о свободе, держали крестьян в самом жестоком рабстве!

Хотя скопление французских войск на границах могло бы предупредить русских о близком начале военных действий, они тем не менее были настолько захвачены врасплох нашей переправой через Неман, что не оборонялись ни на одном из мостов. Их армия отступила до Двины, на левом берегу которой, в Дриссе, русские построили огромный укрепленный лагерь. Со всех сторон различные французские корпуса преследовали

неприятельские колонны. Принц Мюрат командовал кавалерией авангарда и каждый вечер догонял русский арьергард, который, приняв участие в небольшой стычке, ночью всегда уходил форсированным маршем в лес, не оставляя возможности втянуть его в серьезный бой.

Глава VII

Разделение русской армии на две части. — Багратион уходит от Жерома. — Марш на Двину. — Неудачная атака на Дюнабург. — Я сбрасываю в Двину два полка Витгенштейна. — Мы отделяемся от Великой армии. — Состав 2-го корпуса

С первых же дней нашего вступления в Россию неприятель совершил огромную ошибку, позволив Наполеону разорвать свою линию так, что основная масса русских войск под командованием Александра и Барклая была отброшена до Двины, а остальные войска под командованием Багратиона еще находились в верховьях Немана, возле Мира, в 80 лье от основной части своей армии. Отрезанный таким образом, корпус Багратиона попытался соединиться с частями императора Александра, проходя через Минск. Но Наполеон приказал защищать эту стратегически важную точку маршалу Даву. Тот быстро отбросил русских до Бобруйска, который, как ему было известно, защищал Жером Бонапарт во главе двух корпусов, численность их достигала 60 тысяч. Багратиону пришлось бы сложить оружие, если бы его не спасла неумелость Жерома: плохо поняв распоряжения, переданные ему маршалом Даву, и не желая признавать превосходства, какое давали этому маршалу его долгий опыт и прежние большие успехи, Жером Бонапарт пожелал действовать по собственному разумению и провел маневры так плохо, что Багратион ускользнул от этой первой опасности. Однако Даву, преследуя его со своим обычным упорством, догнал его на дороге к Могилеву. Хотя у Даву была всего одна дивизия из 12 тысяч солдат, он атаковал и разбил отряд Багратиона, насчитывавший.86 тысяч человек. Правда, Багратион был захвачен врасплох на местности, которая по своему рельефу не позволила его отряду развернуться и пустить в бой все свои силы. После этого Багратион прошел через Борисов, намного южнее Могилева, на Новобыхов и, оказавшись с этого момента вне досягаемости Даву, наконец смог присоединиться к основной русской армии в Смоленске.

Во время своих маршей и передвижений в обратном направлении, которые Багратион предпринимал, чтобы уйти от Даву, он застиг врасплох бригаду французской кавалерии под командованием генерала Бордесуля и полностью лишил ее 3-го полка конных егерей, которым командовал мой друг Сен-Марс.

Захват корпуса Багратиона имел бы громадное значение для Наполеона, поэтому гнев императора против короля Жерома,

давшего Багратиону ускользнуть, был ужасен! Он приказал ему немедленно покинуть армию и вернуться в Вестфалию. Эта строгая, но необходимая мера произвела на армию впечатление, крайне неблагоприятное для короля Жерома. Однако был ли он виноват больше других? Первая его вина состояла в том, что, как он считал, его достоинство монарха не позволяло ему получать указания от простого маршала. Но император слишком хорошо знал, что этот молодой человек в своей жизни не командовал ни единым батальоном. Так, может, и Наполеон должен был упрекать себя за то, что доверил ему с самого начала армию в 60 тысяч человек, к тому же в столь серьезных обстоятельствах? Короля Жерома заменил генерал Жюно, который тоже очень быстро совершил непоправимую ошибку.

В этот период русский император послал к Наполеону одного из своих министров, графа Балашова. Этот парламентер застал французского императора еще в Вильно. Цель этой встречи не стала хорошо известна. Кое-кто подумал, что речь шла о перемирии, но эти слухи были опровергнуты весьма быстро отъездом г-на Балашова. Вскоре стало известно, что английская партия, пользовавшаяся огромным влиянием при российском дворе и в русской армии, огорченная миссией г-на Балашова и опасаясь, как бы император Александр не дал себя толкнуть на переговоры с Наполеоном, во весь голос потребовала, чтобы русский император покинул армию и возвратился в Петербург. Александр согласился с этим желанием, но пожелал увезти также своего брата Константина. Предоставленные самим себе и подстрекаемые англичанином Вильсоном, русские генералы думали только о том, чтобы придать войне варварский характер, который смог бы ужаснуть французов. Генералы приказали своим войскам оставлять за собой пустыню, сжигая жилища и все, что они не могли забрать с собой!

В то время как из центра Вильно Наполеон руководил различными корпусами своей армии, 15 июля к реке Двине вышли колонны, которыми командовали Мюрат, Ней, Монбрен, Нансути и Удино. Последний, видимо, не очень хорошо понявший приказы Наполеона, совершил какой-то невероятный марш-бросок, спустившись вдоль по левому берегу Двины, в то время как по ее противоположному берегу навстречу ему двигались корпуса Витгенштейна, и вышел перед городом Дюнабургом[121]. Этот старинный город был плохо укреплен, и Удино рассчитывал захватить мост, чтобы перейти на правый берег и атаковать хвост колонны Витгенштейна. Но, уходя из Дюнабурга, тот оставил в городе большой гарнизон и многочисленную артиллерию. Как обычно, мой полк двигался в авангарде, которым в тот день

лично руководил маршал Удино.

Дюнабург расположен на правом берегу. Мы подошли по левому, обороняемому значительным укреплением. Оно служит «тет-де-поном» (предмостным укреплением), расположенным между мостом и передовой позицией неприятеля на берегу реки, которая в этом месте очень широка. В четверти лье от укрепления, не имевшего пушек, по утверждению Удино, я обнаружил русский батальон, чей левый фланг опирался на реку, а фронт укрывался за дощатыми постройками покинутого лагеря. При таком расположении неприятеля с ним было очень трудно войти в соприкосновение. Однако маршал приказал мне атаковать врага.

Оставив на усмотрение офицеров заботу вести эскадроны в промежутки между сараями, я дал сигнал атаки.

Но едва полк выдвинулся вперед под градом пуль русских пехотинцев, как артиллерия, существование которой маршал отрицал, начала яростно стрелять с укреплений, от которых мы находились так близко, что гранаты пролетали у нас над головами, не успевая разорваться. Одно из редких ядер пробило дом рыбака и попало в ногу одного из моих самых смелых трубачей, трубившего в этот момент около меня сигнал атаки. Я потерял здесь многих моих людей.

Удино совершил серьезную ошибку, атакуя неприятеля, закрепившегося между бараками и защищавшегося огнем из пушек и ружей. Надеясь выбить с позиции вражеских пехотинцев, маршал послал против них батальон португальцев, шедший впереди нашей кавалерии. Но эти иностранцы, бывшие военнопленные, которых завербовали в армию во Франции, отчасти вопреки их желанию, повели себя очень трусливо, и мы все время оставались под огнем. Видя, что Удино храбро держится под вражескими пулями, но не отдает никаких приказаний, я понял, что если так будет продолжаться еще несколько минут, мой полк будет разбит. Поэтому я приказал своим егерям рассеяться и предпринял против русских пехотинцев «фуражирскую» атаку[122], двойным преимуществом которой является то, что она заставляет противника разбежаться и прекратить огонь артиллерии, поскольку канониры больше не осмеливались стрелять из боязни задеть собственных стрелков, смешавшихся с французами. Под сабельными ударами моих кавалеристов защитники лагеря в самом большом беспорядке бежали к «тет-де-пону». Но гарнизон, которому было поручено защищать укрепление, состоял из солдат-новобранцев. Они, боясь, что мы ворвемся внутрь, преследуя бегущих, поспешно закрыли ворота. Это помешало беглецам броситься к понтонному

мосту, чтобы переправиться на другой берег и найти укрытие в самом городе Дюнабурге.

На этом мосту не было перил, понтоны шатались, река была широкой и глубокой, и я видел гарнизон укрепления, пытающийся закрыть ворота! Идти еще дальше вперед показалось мне безумием. Тогда, думая, что полк сделал уже достаточно, я остановил его, как вдруг появился маршал, крича: «Доблестные воины 23-го полка, сражайтесь, как при Вилькомире, перейдите через мост, взломайте ворота и захватите город!» Напрасно генерал Лорансе хотел заставить Удино понять трудности, которые здесь были неизмеримо большими, и то, что кавалерийский полк не может атаковать укрепление, как бы плохо оно ни охранялось, если для доступа к нему требуется строем по двое переправиться по понтонному мосту, маршал заупрямился, говоря: «Они воспользуются беспорядком и страхом, царящими среди врагов!» Потом он повторил мне приказ идти на город. Я повиновался. Но едва я оказался на первом пролете моста вместе с первым взводом, как гарнизон Дюнабурга, которому удалось закрыть ворота укреплений, выходящих на реку, появился над валом и принялся оттуда обстреливать нас!

Наш рассыпной строй не позволял этим неопытным вражеским солдатам стрелять эффективно, поэтому наши потери оказались меньшими, чем я ожидал. Но, услышав, что из укрепления в нас стреляют, защитники «тет-де-пона», оправившись от испуга, занялись тем же. Видя, что 23-й полк оказался таким образом меж двух огней при вступлении на шатающийся мост, двигаться по которому вперед не было никакой возможности, маршал Удино послал мне приказ отступить. Большие промежутки между отделениями позволили всадникам развернуться по одному без особого беспорядка. Однако два человека и две лошади упали в реку и утонули. Чтобы вновь оказаться на левом берегу, нам пришлось снова пройти перед «тет-де-поном», и мы опять подверглись сильному огню, который, к счастью, вели неумелые стрелки, потому что, если бы мы имели дело с более опытными, хорошо натренированными в стрельбе солдатами, мой полк был бы полностью уничтожен.

Этот неудачный бой, начатый столь неосторожно, обошелся мне примерно в тридцать убитых и множество раненых. Все надеялись, что маршал, по крайней мере, учтет этот неудачный опыт, тем более что, как я уже говорил, инструкции императора не предписывали ему захватывать Дюнабург. Однако сразу по прибытии кавалерийских полков Удино приказал опять атаковать «тет-де-пон», где неприятель имел время усилить гарнизон батальоном гренадеров. Поэтому наши части были отброшены со

значительно большими потерями, чем те, какие испытал 23-й полк. Узнав об этой напрасной попытке, император отругал за нее маршала Удино.

Вам известно, что мой полк был в одной бригаде с 24-м полком конных егерей. Командовавший этой бригадой генерал Кастекс с первого же дня нашего объединения в бригаду установил в своих частях прекрасный порядок. Каждый из двух полков по очереди в течение суток двигался первым. Если мы шли по направлению к врагу, первый полк был в арьергарде, если мы отступали, обеспечивал при этом своими людьми все посты, разведку и караулы. В это время второй полк бригады спокойно ехал по дороге, понемногу оправляясь от усталости предыдущего дня и готовясь к завтрашнему, что не мешало ему приходить на помощь передовым отрядам, если они вступали в стычку с превосходящими силами противника. Громадное преимущество этой сверхрегламентированной системы состояло в том, что солдаты никогда не разлучались со своими офицерами и со своими однополчанами и не попадали под командование неизвестных им офицеров и не смешивались с кавалеристами другого полка. Наконец, ночью половина бригады спала, а другая половина охраняла ее сон. Однако нет в мире совершенства, и случай вполне мог в дни серьезных столкновений чаще призывать к службе один полк, а не другой. Так и произошло с 23-м полком, как в бою при Вилькомире, так и под Дюнабургом. Эти случайности преследовали 23-й полк на протяжении большей части похода. Но полк никогда не жаловался, всегда с честью выходил из серьезных положений и нередко оказывался предметом зависти 24-го полка, у которого было гораздо меньше случаев отличиться.

Я уже говорил, что, пока Удино двигался к Дюнабургу, дивизии Нея, а также огромный кавалерийский резерв под командованием Мюрата шли вверх по левому берегу Двины по направлению к Полоцку. В это время русская армия Витгенштейна перемещалась в том же направлении по правому берегу. Отделенные от неприятеля рекой, наши кавалеристы были недостаточно осторожны и, по французской привычке, ежедневно разбивали свои бивуаки слишком близко от берегов Двины. Заметив это, Витгенштейн дал пройти пехоте Нея и основной части конницы Мюрата, колонну которой замыкала дивизия генерала Себастьяни, а в арьергарде шла бригада генерала Сен-Женьеса, бывшего офицером в Египетском походе, человека очень смелого, но малоспособного. Миновав маленький городок под названием Друя, генерал Сен-Женьес по команде Себастьян и поставил свои полки бивуаком в двухстах шагах от реки, через

которую, как считалось, нельзя было переправиться вброд. Но Витгенштейн знал очень удобный брод и воспользовался ночью, чтобы переправить через реку кавалерийскую дивизию[123]. Она бросилась на французский отряд и почти полностью уничтожила бригаду Сен-Женьеса, взяла самого генерала в плен[124] и заставила Себастьяни с остатками своей дивизии поспешно отступить в направлении войск Монбрена. После этого быстрого налета на врага Витгенштейн собрал свои войска на правом берегу Двины и продолжал двигаться вверх по ее течению. Эта история дорого обошлась Себастьяни и навлекла на него упреки императора.

Спустя недолгое время после этого прискорбного события Удино получил приказ отойти от Дюнабурга и следовать вверх по Двине для соединения с Неем и Монбреном. Поэтому его армейский корпус двинулся по дороге, по которой до этого прошли их корпуса, и должен был проходить перед городом Друя. Маршал планировал остановить свои части и стать лагерем в 3 лье оттуда, но боялся, как бы русские не воспользовались бродом, чтобы переправить на левый берег многочисленные отряды для нападения на большой обоз, тянувшийся позади французского войска. В связи с этим маршал Удино решил отойти подальше, распорядившись, чтобы один полк из бригады Кастекса провел ночь на том же месте, где ранее была захвачена врасплох бригада генерала Сен-Женьеса. Полку было приказано наблюдать за бродом, через который русские переправлялись, чтобы атаковать эту бригаду. В этот день службу нес мой полк, и на него выпала опасная задача остаться одному перед Друей до следующего утра. Я знал, что основная часть армии Витгенштейна прошла вверх по течению Двины, но заметил два сильных кавалерийских полка, оставленных противником неподалеку от брода. Этого было более чем достаточно, чтобы нас разбить.

Даже если бы я хотел абсолютно точно выполнить приказ, предписывавший мне расположиться бивуаком именно на том месте, которое два дня назад занимал Сен-Женьес, сделать это было бы невозможно, поскольку земля была покрыта более чем двумя сотнями разлагающихся трупов. Но к этой основной причине присоединилась еще одна, не менее важная. Все, что я видел и узнал на войне, убедило меня, что для защиты реки против атак врага лучше всего расположить свои части на некотором расстоянии от воды. Так вы прежде всего будете вовремя предупреждены о подходе неприятеля; кроме того, поскольку неприятель собирается лишь произвести налет, а потом быстро отойти, он не осмелится удаляться от реки, обеспечивающей ему отступление. Поэтому я расположил полк в

полулье от Двины, на участке со слегка неровной почвой.

Я оставил на берегу только двоих часовых, поскольку был уверен, что если требуется только наблюдать, то два человека видят так же хорошо, как большой караул. Между часовыми и нашим бивуаком друг за другом были размещены несколько отрядов всадников. Из лагеря, подобно пауку из паутины, от этих кордонов я мог быстро узнавать обо всем, что происходило на участке, который я должен был охранять. Вдобавок ко всему я запретил зажигать огни, даже курить трубки и велел соблюдать полную тишину.

В июле ночи в России совсем короткие, но эта показалась мне очень длинной, настолько я опасался быть атакованным в темноте превосходящими силами врага. Половина моих людей оставалась в седлах, другие кормили лошадей и были готовы при первом сигнале вскочить на них. На другом берегу все выглядело спокойным, когда мой слуга-поляк Лоренц, в совершенстве понимавший русскую речь, пришел сообщить мне, что услышал, как старая еврейка, живущая в соседнем доме, говорила другой женщине своего сословия: «Фонарь на колокольне в Морки зажегся, сейчас начнется атака». Я велел привести обеих женщин ко мне, и на вопросы Лоренца они ответили, что опасаются, как бы их хутор не стал полем битвы, потому что фонарь, зажегшийся на церкви в деревне Морки, расположенной на другом берегу, не мог не вызвать у них тревоги: ведь позапрошлой ночью этот огонь послужил русским войскам сигналом к переправе вброд через Двину и к началу атаки на французский лагерь!

Хотя я и был готов к любому событию, это предупреждение оказалось мне очень полезным. В одно мгновение полк оказался на лошадях, с саблями в руках, а часовые на берегу, как и всадники, расположенные на равнине, получили отданный вполголоса приказ присоединиться к нам. Лейтенанта Бертена, которого я послал наблюдать за передвижениями врага, сопровождали два самых отважных унтер-офицера, Прюдом и Графт. Несколько мгновений спустя лейтенант вернулся сообщить, что колонна русских всадников переходит брод, а несколько эскадронов уже вышли на берег, но, удивленные отсутствием нашего лагеря в том месте, которое занимал ранее Сен-Женьес, они остановились, без сомнения, опасаясь слишком далеко отходить от брода — своего единственного пути к отступлению. Потом они решились, двинулись вперед шагом и оказались совсем рядом с нами.

Я немедленно приказал поджечь огромный стог сена и несколько сараев, расположенных на вершине холма. Их пламя осветило всю округу, и я четко разглядел неприятельскую

колонну, состоящую из гродненских гусар. Со мной была тысяча смелых всадников… Мы пустились в галоп по равнине с криками «Да здравствует император!» и стремительно атаковали русских. Они, захваченные врасплох внезапной и неожиданной атакой, в панике бросились к броду. Там они оказались лицом к лицу с русским драгунским полком, следовавшим за ними и только выходившим из реки. Оба этих отряда столкнулись и смешались, от этого возникла ужасная свалка, которой мои всадники воспользовались, чтобы при свете пожара убить побольше врагов и захватить множество лошадей. Много русских утонуло, потому что, в беспорядке кинувшись к броду, они все хотели переправиться через реку одновременно, чтобы избежать огня, открытого моими стрелками с высокого берега реки по этой обезумевшей толпе. Много врагов утонуло. Наша внезапная атака на равнине настолько удивила неприятеля, собиравшегося захватить нас спящими, что ни один из них не защищался и все бежали без боя. Так что я имел счастье вернуться к своему бивуаку, не имея нужды оплакивать кого-то из моих солдат! Наступающий день осветил наше поле боя. Повсюду лежали сотни убитых или раненых врагов. Я доверил их обитателям хутора, возле которого провел эту ночь, и отправился на соединение с корпусом Удино. Я нашел его тем же вечером. Маршал принял меня очень хорошо и поблагодарил полк за его отличное поведение.

2-й корпус, постоянно двигавшийся по левому берегу Двины, за три дня дошел до Полоцка. Здесь мы узнали, что император наконец покинул Вильно, где оставался двадцать дней, и направляется теперь к Витебску, довольно большому городу, который он рассчитывал сделать центром своих операций.

Покидая Вильно, император оставил там герцога Бассано в качестве губернатора Литовской провинции и генерала Хогендорпа в качестве военного начальника. Ни одной из этих должностей не было достаточно для организации армейских тылов, потому что герцог Бассано, в прошлом дипломат и пунктуальный секретарь, совершенно не знал административной работы, а голландец Хогендорп, очень плохо говоривший на нашем языке и не имевший никакого понятия о наших военных правилах и порядках, не мог ничего поделать ни с проходившими через Вильно французами, ни с местным дворянством. Так что богатства Литвы не принесли никакой пользы нашим войскам.

Полоцк, город, расположенный на правом берегу Двины, состоит из деревянных домов, над ними высится огромный и великолепный коллеж, принадлежавший в ту пору иезуитам; почти все они были французами. Город окружен земляными

укреплениями, когда-то выдержавшими осаду во время войны между Карлом XII и Петром Великим.

Войска Нея, Мюрата и Монбрена, чтобы отправиться из Дриссы в Витебск, построили на Двине напротив Полоцка понтонный мост, который оставили корпусу Удино. Этому маршалу предписывалось идти по дороге на Петербург. Именно в этом месте пути 2-го корпуса и Великой армии разошлись. Мы вновь увидели армию лишь зимой при переправе через Березину.

Понадобилось бы несколько томов, чтобы описать маневры и сражения части армии, двигавшейся с императором на Москву. Я ограничусь здесь лишь указанием самых важных событий.

Итак, 25 июля около Островно произошел авангардный бой, весьма благоприятный для нашей пехоты, но в этот бой Мюрат слишком быстро ввел многие кавалерийские полки. 16-й конно-егерский полк входил в их число. Мой брат, служивший в нем эскадронным начальником, был захвачен в плен и отправлен далеко за Москву, на Волгу, в Саратов. Он встретил там полковника Сен-Марса, а также Октава де Сегюра. Они помогали друг другу вынести невзгоды плена, к которым мой брат уже привык, потому что провел много лет в плену у испанцев. Наша военная судьба оказалась очень различной: Адольф побывал в плену трижды, но ни разу не был ранен, а я очень часто получал ранения, но никогда не попадал в плен.

Император, владевший Вильно, маневрировал, чтобы вызвать русских на решающий бой, но ему это не удавалось. В то же самое время корпус Удино, перейдя Двину в Полоцке, обосновался на подступах к этому городу, имея перед собой многочисленные части генерала Витгенштейна, образовывавшие правое крыло противника. Прежде чем излагать события, происходившие на берегах Двины, я считаю необходимым ознакомить вас с составом 2-го корпуса, во всех передвижениях которого участвовал.

Командовавший им маршал Удино поначалу имел под своим начальством лишь 44 тысяч человек, разделенных на три пехотные дивизии. Их командирами были генералы Легран, Вердье и Мерль. Все они, особенно последний, были замечательными офицерами. Среди бригадных генералов выделялись своими талантами Альбер и Мезон. Кавалерия состояла из великолепной дивизии кирасир и улан под командованием генерала Думерка, весьма посредственного офицера, в подчинении у которого находился бравый бригадный генерал Беркхейм. В состав 2-го армейского корпуса также входили две бригады легкой кавалерии. Первая из этих бригад состояла из 23-го и 24-го конно-егерских полков под командованием генерала Кастекса, великолепного во всех

отношениях воина. Вторая бригада включала в себя 7-й и 20-й конно-егерские полки и 8-й полк польских улан[125] и находилась под командованием генерала Корбино. Он был человеком смелым, но весьма апатичным. Обе бригады не объединялись в дивизию. В соответствии с потребностями маршал приписывал их либо к пехотным дивизиям, либо к авангарду, либо к арьергарду. Эта система обладала большими преимуществами.

24-й полк конных егерей, вместе с моим полком входивший в состав бригады, был организован наилучшим образом и служил бы замечательно, если бы между солдатами этого полка и их командиром существовали симпатия и единение. К сожалению, полковник А***[126] проявлял слишком большую жесткость и твердость по отношению к своим подчиненным, и они, со своей стороны, были мало привязаны к нему. Подобное положение дел заставило генерала Кастекса передвигаться и оставаться лагерем вместе с 23-м полком конных егерей и присоединить свою военную кухню к моей. Полковник А***, человек высокого роста, очень ловкий и всегда отменно сидевший в седле, во время сражений с саблей в руках обычно проявлял себя очень хорошо, но говорили, что он меньше любит бои с использованием ружей и артиллерии. Несмотря ни на что, император ценил в этом командире одно качество, которым тот владел в самой высокой степени, и был в этом смысле, без сомнения, лучшим офицером легкой кавалерии во всех европейских армиях. Он обладал очень развитым чувством такта, какой ни у кого больше не встречался. Кроме того, полковник умел блестяще оценивать местность и мог в один момент понять все ее недостатки и преимущества для кавалерии. Прежде чем пройти через какую-то территорию, он уже догадывался о препятствиях, которые не были обозначены на картах, предусматривал те места, откуда должны были притекать ручьи, умел находить дороги и самые маленькие тропинки. Основываясь на движениях неприятеля, он делал предсказания, и они почти всегда сбывались. Поэтому г-н А*** был одним из самых замечательных офицеров как в небольших боях, так и в великой войне. Император часто использовал его в разведке во время предыдущих кампаний и рекомендовал этого полковника маршалу Удино, который даже нередко приглашал его на свои совещания. В результате множество нарядов и опасных поручений обязательно доставались моему полку.

Глава VIII

Сражения при Якубове или Клястицах. — Я ранен

Едва различные армейские корпуса, вошедшие в Полоцк перед нами, удалились оттуда, чтобы идти на соединение с императором в Витебске, как Удино, собрав все свои войска в одну огромную колонну по дороге на Санкт-Петербург, вышел 29 июля в направлении армии Витгенштейна, которая, как было известно, располагалась в 2 лье от нас, между двумя небольшими городами — Себежем и Невелем. В тот раз мы провели ночь на берегах Дриссы. Этот приток Двины перед деревней Сивошино (под Боярщиной) представляет собой лишь небольшой ручеек. Здесь он пересекается с большой дорогой на Петербург. Мост в этом месте не существовал, поэтому русское командование заменило его бродом, приказав срыть с двух сторон высокие берега, окружавшие Дриссу, и превратить их в пологие склоны. Дно речки замостили на ширину, равную ширине дороги, и получился очень удобный брод. Однако по обе стороны от него военные части и повозки пройти не могли, потому что там берег был довольно крутым. Я счел своим долгом дать столь подробное объяснение потому, что через три дня это место сделалось театром ожесточенных боев.

На следующий день, 30 июля, мой полк находился в карауле. Я возглавил колонну авангарда и, сопровождаемый всем армейским корпусом, переправился через Дриссу вброд. Жара была страшная. На пыльной пшенице по обе стороны дороги были видны две широкие полосы, где пшеница была раздавлена и полегла, как будто здесь несколько раз проходили тяжелые повозки. Это указывало на прохождение больших пехотных колонн. И вдруг возле заставы селения Клястицы эти признаки по краям большой дороги исчезли и вновь появились слева от нее, на широкой проселочной дороге, ведущей в Якубово. Было очевидно, что в этом месте противник свернул с пути на Себеж и направился на наш левый фланг. Мне это показалось очень важным. Я остановил свои эскадроны и послал предупредить моего бригадного генерала, но маршал, двигавшийся обычно в пределах видимости авангарда, заметил эту остановку, примчался галопом и, несмотря на возражения генералов Кастекса и Лорансе, приказал мне продолжать движение по большой дороге.

Едва я прошел 1 лье, как заметил, что к нам приближается кибитка, или русский экипаж, запряженный двумя почтовыми

лошадьми. Я приказал задержать его и увидел вражеского офицера. Он, задремав от жары, вытянулся во весь рост в глубине кибитки. Этот молодой человек — сын помещика, которому принадлежала деревня Клястицы, только что покинутая мною, был адъютантом генерала Витгенштейна и возвращался из Петербурга с ответом на депеши, отправленные генералом своему правительству. Невозможно описать изумление русского офицера, когда, вдруг проснувшись, он оказался перед нашими егерями, имевшими весьма неприветливый вид, а вдалеке заметил многочисленные французские колонны. Он никак не мог понять, почему не встретил армию Витгенштейна или, по крайней мере, кого-нибудь из его разведчиков между Себежем и тем местом, где мы находились. Однако его изумление укрепило генерала Кастекса и меня в наших предположениях, что Витгенштейн, чтобы заманить в ловушку Удино, внезапно оставил петербургскую дорогу и направился на левый фланг и арьергард французской армии, собираясь атаковать ее с фланга и с тыла. И действительно, вскоре мы услышали орудийный огонь, а спустя еще короткое время и ружейную стрельбу.

Хотя маршал Удино и был удивлен столь непредвиденной атакой, он довольно хорошо выпутался из трудного положения, в которое попал. Приказав развернуться различным частям своей колонны, он образовал единую линию перед Витгенштейном и столь яростно отразил первые атаки, что русские не сочли возможным возобновить их в тот же день и отступили за Якубово. Однако кавалерия противника действовала успешно. В наших тылах они захватили около тысячи человек и часть экипажей, в том числе наши походные кузницы. Это была огромная потеря, и кавалерия 2-го корпуса испытывала большие трудности во время всей кампании. После этого столкновения войска Удино заняли свои позиции, а бригада Кастекса получила приказ отойти до Клястиц, чтобы защищать разъезды двух дорог, куда пехота генерала Мезона пришла на соединение с нами. Русский офицер, взятый в плен практически в доме своих родителей, общался с нами весьма приветливо.

Однако, поскольку на следующий день готовилось серьезное сражение, командиры обеих армий изучили свои диспозиции, и на рассвете русские подошли к почтовой заставе Клястицы, куда опиралось правое крыло французской армии. Хотя в подобных обстоятельствах использовались оба полка нашей бригады, однако в первую линию вставал тот, который был на данный момент в карауле. Наступила очередь 24-го полка конных егерей. Чтобы избежать каких бы то ни было колебаний, храбрый генерал Кастекс стал во главе полка и быстро повел его на русские

батальоны, прорвал их линии, взял 400 человек в плен и не понес при этом никаких потерь. Кастекс смело ворвался первым во вражеские ряды. Его лошадь была убита ударом штыка, и генерал, падая, вывихнул ногу. В течение нескольких дней он не мог командовать бригадой, поэтому его место занял полковник А***.

Русские батальоны, которые наш 24-й полк только что изрубил саблями, были сразу же заменены другими, выходившими из Якубова и наступавшими прямо на нас. Тогда маршал послал г-ну А*** приказ атаковать их, и тот велел прорвать *передовую линию,* что я тотчас и исполнил. Выйдя на передовую линию, 23-й полк вступил в бой и подъехал к русской пехоте, которая остановилась и, не сходя с места, дожидалась нас: это был Тамбовский полк. Как только мы оказались от них на нужном расстоянии, я скомандовал *атаку!* Она была проведена с тем большей решимостью и тем более стройными рядами, что моих и без того смелых кавалеристов подталкивала еще и мысль, что их товарищи из 24-го полка наблюдают за всеми их движениями. На мой взгляд, противник совершил громадную ошибку. Она состояла в том, что русские стреляли в нас неприцельным залповым огнем, который ранил или убил лишь нескольких человек и немногих лошадей: гораздо более смертоносным был бы *батальонный* огонь.

Русские хотели перезарядить ружья, но мы не дали им для этого времени. Наши великолепные лошади, пущенные во весь опор, бросились на них, и столкновение было столь яростным, что масса врагов была опрокинута! Многие поднялись на ноги и пытались защищаться штыками от ударов сабель наших кавалеристов. Но, понеся большие потери, они отступили, а потом бросились бежать. Многие вражеские солдаты были убиты или захвачены в плен, пока они бежали навстречу кавалерийскому полку, идущему им на помощь. Это были гродненские гусары.

Я заметил, что, когда какой-либо отряд разбивает другой, он и дальше продолжает сохранять над ним преимущество. Здесь я увидел тому новые доказательства, поскольку конные егеря 23-го полка набросились, как на легкую добычу, и на гродненских гусар, которых они так удачно разбили раньше в ночном сражении при Друе. Узнав своих победителей, гусары бросились от них бежать со всех ног! На протяжении всей остальной кампании этот полк всегда оказывался против 23-го конно-егерского полка и всегда был бит нашими кавалеристами.

Пока на нашем правом фланге происходили эти события, пехота в нашем центре и на левом фланге атаковала русских, которые везде были разбиты, оставили поле боя и на закате

солнца вернулись на позиции примерно на расстоянии 1 лье от места боя. Наша армия сохранила позицию, какую занимала между Якубовом и развилкой дорог у Клястиц. В этот вечер на бивуаках нашей бригады царила большая радость, поскольку мы оказались победителями! Мой полк завладел знаменем Тамбовского полка, а 24-й полк тоже захватил русское знамя[127]. Но испытываемая этим полком радость омрачалась сожалениями о том, что были ранены два эскадронных начальника этого полка. Первый из них, г-н Монжино, во всех отношениях был одним из наиболее заслуженных и достойных офицеров. Второй был братом командира полка, у него не было ни талантов, ни замечательного ума старшего брата, но зато это был один из самых бесстрашных офицеров. Оба быстро выздоровели и участвовали в кампании.

Если какой-либо отряд старается обойти противника, он сам подвергает себя той же опасности, что и произошло с Витгенштейном. Этот генерал, покинувший 29-го числа дорогу на Петербург, чтобы броситься на левое крыло и на тылы французской армии, тем самым подверг опасности свою коммуникационную линию, от которой Удино смог бы его полностью отрезать, если бы, разбив Витгенштейна 30 июля, сумел его далеко оттеснить. Положение русского генерала было тем более опасным, что, оказавшись лицом к лицу с победоносной вражеской армией, преграждавшей ему путь к отступлению, он узнал, что маршал Макдональд переправился через Двину, занял город Дюнабург и двигался теперь на тылы Витгенштейна. Чтобы выйти из этого сложного положения, Витгенштейн ловко использовал ночь после боя, чтобы через поля обойти Якубово. Это привело его армию на санкт-петербургскую дорогу на подступах к Клястицам. Но, опасаясь, как бы правый фланг французов, расположенный поблизости от этого пункта, не бросился на него во время этого флангового марша, он решил помешать противнику сделать это и сам атаковал наше правое крыло своими превосходящими силами. В это время основная часть его армии, выполняя свой маневр, смогла бы дойти до дороги на Санкт-Петербург и вновь открыть ему сообщение с Себежем.

На следующий день, 31 июля, на рассвете мой полк заступил в караул. И тут мы вдруг заметили, что часть разбитой нами накануне вражеской армии обошла наш крайний правый фланг и вовсю отступает на Себеж, в то время как основные силы этой армии идут на нас в атаку у Клястиц. В мгновение ока все войска маршала Удино схватились за оружие. Но пока генералы принимали решение о битве, большая колонна русских

гренадеров атаковала наших союзников из Португальского легиона и привела их в полную панику. Потом эта колонна направилась к большому крепкому дому почтовой заставы. Это был очень важный опорный пункт. Русские вот-вот захватили бы заставу, как вдруг маршал Удино, который под огнем всегда был впереди, примчался к моему полку, уже направлявшемуся к передовым постам, и приказал мне попытаться остановить или, по крайней мере, задержать передвижение противника до прихода нашей пехоты, которая быстро шла на помощь. Я двинул мой полк в атаку галопом, надеясь охватить вражескую линию справа наискосок, что всегда сильно мешает пехоте стрелять. Поэтому огонь вражеских гренадеров оказался почти бесполезным, и они вот-вот были бы изрублены, тем более что среди них уже царила паника. Но вдруг, инстинктивно или по команде своего командира, они развернулись и бросились бежать к канаве у себя в тылу. Все они прыгнули в эту весьма глубокую канаву и открыли из нее сильный ружейный огонь! У меня сразу же погибли шестеро или семеро солдат, около двадцати были ранены, я получил пулю в левое плечо. Мои кавалеристы были в ярости, но она была бесполезна против людей, которых мы физически не могли достать! В этот критический момент генерал Мезон, прибывший со своей пехотной бригадой, передал мне приказ отойти за его батальоны. Потом он атаковал неприятеля с обоих флангов, и защитники этой канавы были все убиты или взяты в плен.

Меня с тяжелым ранением отвели на заставу, и там с большим трудом сняли с лошади. Добрый доктор Пару, главный полковой хирург, сделал мне перевязку, но ее пришлось прервать в самом начале. Русская пехота снова атаковала, и вокруг нас стали градом падать пули. Мы отошли за пределы досягаемости ружейного огня. Доктор нашел мое ранение весьма тяжелым. Оно оказалось бы смертельным, если бы витые шнуры эполета не изменили направление полета пули и не ослабили силу ее удара. Пуле пришлось эполет пробить, прежде чем она вошла в мое тело. Тем не менее удар оказался столь силен, что вся верхняя часть туловища, отброшенная при этом назад, сильно стукнулась о круп лошади.

Поэтому офицеры и егеря, двигавшиеся позади меня, посчитали меня убитым, и я бы упал, если бы меня не поддержали мои ординарцы. Перевязка оказалась очень болезненной, потому что пуля вошла в тело в том месте, где верхняя часть руки соединяется с ключицей. Чтобы вынуть пулю, пришлось расширять рану, и еще до сих пор виден большой шрам от нее.

Признаюсь вам, что если бы я был тогда полковником, то отправился бы вслед за многочисленными ранеными, которых везли к Полоцку, и что, переправившись через Двину, я бы оказался в каком-нибудь городе Литвы и там бы лечился. Но я был всего лишь начальником эскадрона. Император за один день пути мог прибыть из Витебска и устроить смотр нашему корпусу, а он жаловал лишь тех военных, какие *фактически* находились в действующей армии. С первого взгляда подобный обычай кажется жестоким, однако он был основан на интересах дела, поскольку поддерживал рвение в раненых. Вместо того чтобы таскаться по госпиталям, они торопились вновь присоединиться к своим частям, как только позволяли силы. От этого бесконечно выигрывала численность армии. Ко всем резонам, перечисленным выше, присоединялись мои успехи перед лицом врага, моя привязанность к полку и последнее ранение, которое я получил, сражаясь в рядах этого полка. Все было за то, чтобы я его не покидал. Поэтому, несмотря на нестерпимую боль, я остался на месте. Затем мою руку кое-как подвязали на перевязь, меня посадили на лошадь, и я смог присоединиться к полку.

Глава IX

Переход по Себежским болотам. — Отступление. — Блестящая победа на броде. — Гибель Кульнева. — Возвращение, сопровождаемое наступательными действиями. — Последние прощания

С того момента, как я был ранен, состояние дел сильно изменилось. Наши части разбили Витгенштейна и захватили большое количество пленных, однако русским удалось добраться до дороги на Санкт-Петербург, по которой они отступали на Себеж. Чтобы добраться от Клястиц до этого города, надо пересечь весьма обширное болото при Кейданах. Среди этого болота большая дорога проходит по насыпи, сделанной из громадных елок, положенных рядом друг с другом. Канава или, скорее, глубокий, широкий канал идет с двух сторон от этой насыпи. Никакого другого прохода больше нет, если только он не расположен где-нибудь в отдалении от направления на Себеж. Описываемый переход имеет в длину около 1 лье, но деревянная дорога, обеспечивающая его надежность, отличается весьма значительной шириной. Не имея возможности размещать своих стрелков в болотах, русские отступали по этой искусственной дороге глубокими колоннами. За пределами дороги на наших картах была обозначена ровная местность. Желая сделать свою победу полной, маршал Удино решил преследовать русских на этом пути. С этой целью он уже привел на болотную дорогу пехотную дивизию генерала Вердье, за которым сначала должна была следовать кавалерийская бригада Кастекса, а затем весь корпус. Когда я вновь вернулся к своему полку, он еще не вошел в линию.

Увидев, что я, несмотря на ранение, вновь встал во главе колонны, мои офицеры, унтер-офицеры и солдаты приветствовали меня одобрительными возгласами. Их приветствие доказывало то уважение и ту привязанность, какую питали ко мне эти смельчаки. Меня это глубоко тронуло. Я переполнился особой признательностью к Монтену за ту радость, которую он выразил, увидев меня. Этот офицер, мой товарищ, будучи очень смелым и весьма способным, обладал столь малыми амбициями, что 18 лет оставался простым капитаном, трижды отказывался от звания начальника эскадрона и принял его лишь после формального приказа императора.

Итак, я вновь взял на себя командование 23-м полком, вошедшим в болото, двигаясь за дивизией Вердье. Последние

взводы вражеской колонны ограничились только тем, что издали произвели несколько ружейных выстрелов по этой дивизии, когда она вступила на мостки. Однако, как только наши стрелки вышли на равнину, они заметили развернутую русскую армию, чья артиллерия встретила их ужасным огнем. Несмотря на потери, французские батальоны продолжали двигаться вперед. Вскоре все они покинули переход через болота, и на равнине во главе всей бригады оказался мой полк. Полковник А***, временно командовавший моими частями, не был с нами, и некому было указать нам путь. Я подумал, что нужно как можно дальше убрать мой полк из этого опасного места, и приказал моим солдатам перейти в галоп, как только пехота оставит им для этого достаточно места. Я потерял убитыми семь или восемь человек, и очень большое количество солдат было ранено. Следовавший за мной 24-й полк также сильно пострадал, то же самое относится к пехотной дивизии генерала Леграна. Но как только на равнине войска перестроились, маршал Удино атаковал вражеские линии. Поэтому артиллерия противника стала стрелять сразу по нескольким точкам, и выход с дороги через болото оказался бы менее гибельным для других наших частей, если бы в тот момент Витгенштейн не атаковал со всеми своими силами те части, которые были у нас на равнине. Численное превосходство неприятеля заставило нас уступить ему территорию до прибытия нашей остальной армии, и нам пришлось отступать по направлению к переходу через болото. К счастью, эта дорога была достаточно широкой и позволила нам с легкостью продвигаться по ней отдельными взводами.

Когда кавалерия покидала равнину, она переставала быть столь же полезной, как там, и, напротив, начинала мешать. Поэтому маршал приказал кавалерии отступать в первых рядах. За ней следовала пехотная дивизия Вердье, который был только что серьезно ранен. В арьергарде шла дивизия Леграна. Его последней бригаде под командованием генерала Альбера пришлось выдержать очень ожесточенное сражение в тот момент, когда ее последние батальоны собирались войти в болото. Но как только они построились колонной, генерал Альбер поместил в хвосте колонны восемь пушек, во время отхода стрелявших по вражескому авангарду, и тот, в свою очередь, понес большие потери. В самом деле, эти орудия стреляли очень редко, потому что после каждого выстрела их приходилось разворачивать, чтобы продолжать движение, а потом разворачивать для того, чтобы перестроиться в батарею. При проходе через болото такие маневры оказываются весьма медленными и трудными.

День заканчивался, когда французские войска, выйдя из

прохода по болоту, вновь прошли перед Клястицами на берегах Дриссы у брода при Сивошине, через который они переправились утром того же дня, преследуя русских, разбитых перед этим у Клястиц. Русские только что взяли реванш, потому что, нанеся нам потери в семь или восемь сотен человек на равнине, за пределами болота, они с саблями в руках, в свою очередь, оттеснили нас. Чтобы положить конец бою и дать некоторый отдых своей армии, маршал Удино приказал ей перейти реку вброд у Сивошина и стать лагерем в Белом.

С наступлением ночи передовые посты, оставленные наблюдать за Дриссой, сообщили, что противник переправляется через эту водную преграду. Маршал Удино помчался туда и обнаружил, что восемь русских батальонов, имея у себя во фронте четырнадцать орудий, образующих батарею, только что разбили свои бивуаки на левом берегу, занятом нами, а остальная часть их армии находится на другом берегу Дриссы, несомненно, готовясь переправиться через нее на следующее утро, чтобы атаковать нас. Этим неприятельским авангардом командовал генерал Кульнев, человек очень смелый и предприимчивый, но имевший, подобно большинству русских офицеров той эпохи, скверную привычку пить слишком много водки. Похоже, в тот вечер он принял ее сверх меры, потому что иначе нельзя никак объяснить совершенную им громадную ошибку, ведь он пришел лишь с восемью батальонами, чтобы стать лагерем на небольшом расстоянии от армии численностью в 4 тысяч человек, причем в условиях, крайне неблагоприятных для него самого. И действительно, в двухстах шагах позади линии Кульнева текла река Дрисса. Через нее можно было переправиться, только используя брод, поскольку река была весьма полноводной и в других местах ее крутые берега поднимались на 15–20 футов. Поэтому у Кульнева лишь один путь к отступлению — брод. Но мог ли он надеяться, что в случае неудачи все его восемь батальонов и четырнадцать орудий достаточно быстро переправятся через этот единственный переход через реку, теснимые значительными силами французской армии, которая в любой момент могла кинуться на них из Белого, расположенного в непосредственной близости от них самих? Нет! Но, похоже, генерал Кульнев был не в состоянии размышлять обо всем этом и разбил свой лагерь на левом берегу этой реки. Поэтому приходится только удивляться тому, что для командования своим авангардом главнокомандующий русскими войсками Витгенштейн выбрал Кульнева, о чьем пристрастии к неумеренному потреблению водки он должен был знать.

В то время как голова колонны русских войск столь

вызывающе располагалась на таком малом расстоянии от нас, большое замешательство царило не среди французских войск, а среди их командиров. Маршал Удино был человеком крайне смелым, но его решениям недоставало твердости, и он мгновенно мог переходить от плана атаки к распоряжениям относительно отступления. Потери, которые он только что понес в конце дня по другую сторону большого болота, привели его в состояние величайшей растерянности. Он не знал, что сделать для выполнения приказов императора, предписывающих ему оттеснить Витгенштейна на дорогу к Санкт-Петербургу или, по крайней мере, до Себежа и Невеля. Поэтому ночью маршал очень обрадовался, получив депешу, сообщавшую ему о скором прибытии баварского корпуса под командованием генерала Сен-Сира, которого император ставил под командование Удино. Но вместо того чтобы дождаться этого мощного подкрепления, занимая хорошую позицию, Удино, по совету артиллерийского генерала Дюлолуа, собрался идти навстречу баварцам, заставив всю свою армию отступить до самого Полоцка! Эта необъяснимая идея нашла очень живое противодействие со стороны генералов, собранных на совет. Отважный генерал Легран объяснил, что, хотя наши утренние успехи и были уравновешены вечерними потерями, армия тем не менее как нельзя более готова выступить против врага. Приказать армии отступать на Полоцк значило бы поколебать ее моральный дух и представить ее баварцам как побежденное войско, ищущее у баварцев спасения. И, наконец, что лишь одна мысль о подобном отступлении должна была возмутить все французские сердца. Горячая речь Леграна была поддержана остальными генералами, поэтому маршал объявил, что отказывается от своего плана отступления.

Оставалось решить один очень важный вопрос: что же мы будем делать, когда рассветет? Генерал Легран, говоривший авторитетно, на что ему давали право большой опыт, замечательная служба и привычка к войне, предложил воспользоваться ошибкой Кульнева, чтобы атаковать русский авангард, столь неосторожно расположенный без всякой поддержки на берегу, занятом нашими войсками, и сбросить противника в Дриссу за его спиной. Это мнение было принято маршалом и всем военным советом. Выполнение плана было поручено генералу Леграну.

Лагерь армии Удино располагался в лесу, где росли огромные елки, стоящие на значительном расстоянии друг от друга. За ними находилась обширная поляна. Лесные опушки образовывали дугу, два конца которой подходили к Дриссе. Дрисса была как бы «тетивой лука». Бивуак восьми русских

батальонов находился очень близко от реки напротив брода. Батарея из 14 пушек располагалась в середине этой линии.

Желая захватить неприятеля врасплох, генерал Удино приказал генералу Альберу направить в обе части леса, выглядевшие «двумя концами лука», по одному пехотному полку. Они, двигаясь по направлению к краям «тетивы лука», должны были зажать вражеский лагерь с флангов, услышав движение кавалерийского полка. Выходя из леса в центре дуги, кавалерийский полк должен был во весь опор броситься на русские батальоны и оттеснить их к обрыву. Как видно, задача, порученная кавалерии, была наиболее опасной, потому что кавалерии не только следовало атаковать *с фронта* вражескую линию, имевшую 6 тысяч ружей, но и предстояло, еще до соприкосновения с противником, испытать на себе огонь 14 орудий. Правда, действуя внезапно, можно было надеяться найти русских спящими и испытать с их стороны лишь небольшое сопротивление.

Вы только что видели, как мой полк, приняв караул утром 31 июля в Клястицах, оставался в карауле весь день. Следовательно, в соответствии с установленным порядком, 24-му полку предстояло сменить нас 1 августа в час ночи. Поэтому идти в атаку приказали этому полку, а мой должен был оставаться в резерве, потому что на свободном пространстве между лесом и речкой место оставалось только для одного кавалерийского полка. Полковник А*** направился к Удино и заметил ему, что следует опасаться, как бы во время наших приготовлений к атаке на части Витгенштейна, расположенные прямо перед нами, Витгенштейн не направил на наш правый фланг большую колонну, которая пересечет Дриссу, воспользовавшись бродом, существующим, по всей вероятности, в 3 лье выше по течению от того места, где мы находились. Тогда Витгенштейн сможет проникнуть в наши тылы, захватить наших раненых и повозки. Поэтому следовало бы послать кавалерийский полк наблюдать за бродом, о котором он говорил. Маршал согласился с этой идеей, и полковник А***, чей полк только что заступил в караул, приказал своим солдатам быстренько сесть на лошадей и отправиться вслед за командиром на задание, какое он сам предложил, оставив тем самым 23-й полк рисковать в бою, что вот-вот должен был начаться.

Мой смелый полк спокойно получил известие о порученном ему опасном задании и с удовольствием наблюдал, как маршал Удино и генерал Легран двигаются вдоль фронта нашего полка, руководя подготовкой к важной атаке, которую мы должны были предпринять в ближайшее время.

В те времена во всех французских полках, за исключением кирасирских и карабинерных, существовала рота «гренадеров», называемая элитной. Обычно она защищала правый фланг линии полка. Элитная рота 23-го полка была выставлена на свою позицию, когда генерал Легран заметил маршалу, что у противника впереди от центра их линии имеется артиллерия и, следовательно, самая большая опасность существует именно в этом месте. Поэтому во избежание нерешительности, которая может сорвать всю операцию, следовало бы атаковать его элитной ротой, состоявшей из самых опытных людей и лучших лошадей. Напрасно я убеждал их, что полк, почти целиком состоявший из старых солдат, был во всех пунктах одинаково крепок и непоколебим как в моральном отношении, так и в физическом. Несмотря на мои уверения, маршал приказал мне поместить элитную роту в центр линии полка. Я повиновался. Затем, собрав офицеров, я вполголоса объяснил им, что мы должны будем сделать, и предупредил, что для того, чтобы наилучшим образом захватить противника врасплох, я не буду отдавать никаких предварительных приказаний и ограничусь лишь приказом *«В атаку!»,* когда наша линия окажется на незначительном расстоянии от вражеской артиллерии. Мы обо всем хорошо договорились, и в первых лучах зари полк в абсолютной тишине вышел с бивуака. Он достаточно легко прошел через лес, чьи большие деревья росли на большом расстоянии друг от друга, затем мы вышли на опушку, в конце которой располагался русский лагерь. У меня одного из всего полка не было в руках сабли, потому что моя правая рука, остававшаяся свободной, использовалась для того, чтобы держать поводья коня. Вы, конечно, понимаете, насколько кавалерийскому офицеру трудно в подобном положении бросаться в атаку на противника. Но я очень хотел быть вместе с моим полком и встал впереди элитной роты. Позади меня находился бесстрашный капитан этой роты г-н Курто, один из ее лучших офицеров. Его я ценил больше всех.

В лагере русских, к которому мы бесшумно приближались медленным шагом, все было абсолютно спокойно, и у меня было тем больше надежды захватить их врасплох, что генерал Кульнев не велел переходить через брод никому из своих кавалерийских отрядов. Мы не заметили ни одного поста и при слабом свете костров увидели лишь несколько одиночных пехотных часовых, расположенных так близко от лагеря, что от того момента, как они предупредят своих, до того, как мы внезапно появимся в лагере, русские вряд ли смогут подготовиться к защите. Но вдруг два бдительных казака, которые, будучи людьми подозрительными и любителями побродить по окрестностям,

появились на лошадях в тридцати шагах от моей линии, посмотрели на нее минуту, затем бросились к лагерю, где они, как нам было совершенно ясно, собирались поднять тревогу и сообщить о нашем приближении! Это обстоятельство было для меня крайне неприятным, потому что без этого мы наверняка добрались бы до русских, не потеряв ни единого человека. Однако, поскольку мы были обнаружены и продолжали приближаться к тому месту, откуда я собирался увеличить скорость наших лошадей, я пустил свою лошадь в галоп. Весь полк последовал моему примеру, и вскоре я отдал приказ: «В атаку!»

По этому сигналу все мои бесстрашные кавалеристы вместе со мной быстро помчались по направлению к лагерю, куда мы влетели, подобно молниям! Но два казака уже подняли там тревогу! Канониры, спавшие возле пушек, схватили фитили, и 14 стволов одновременно выплюнули на мой полк свои заряды! На месте было убито 37 человек, из них 19 входили в элитную роту. Среди павших был бравый капитан Курто, а также лейтенант Лалуэтт! Пытаясь перезарядить орудия, русские артиллеристы были изрублены нашими всадниками! У нас было мало раненых, потому что почти все раны оказались смертельными. Под нами убили около сорока лошадей. Моя лошадь оказалась искалечена картечью, но тем не менее смогла довезти меня до лагеря, где внезапно разбуженные русские пехотинцы уже бежали за ружьями. В соответствии с моими инструкциями наши кавалеристы с самого начала бросились между неприятельскими солдатами и их составленными «в козлы» ружьями. Конные егеря безжалостно рубили противника, и лишь немногие из вражеских солдат смогли овладеть своим оружием и выстрелить в нас. Тем более что при звуках артиллерийской пальбы два пехотных полка генерала Альбера вышли из леса и бросились в оба конца лагеря, где в штыковой атаке убили всех, кто пытался защищаться. В панике и беспорядке русские не смогли сопротивляться этой тройной атаке. Большая часть из тех русских, кто прибыл в лагерь ночью и не сумел разглядеть высоких берегов реки, захотели спастись, бросившись в этом направлении. Они попадали с высоты 15–20 футов на скалы и почти все разбились. Здесь погибло очень много неприятельских солдат!

Полусонный генерал Кульнев присоединился к группе в 2 тысячи человек, из которых ружья имело не больше трети. Машинально следуя за этой беспорядочной людской массой, генерал вышел к броду. Но, войдя в неприятельский лагерь, я сразу же приказал занять это важное место 500–600 нашим кавалеристам, в состав которых входила элитная рота,

разозленная смертью своего капитана. Все они яростно бросились на русских и убили очень многих из них! Генерал Кульнев, пьяный и раскачивавшийся в седле, был атакован вахмистром *Лежандром,* вонзившим ему в грудь саблю, затем он сбросил Кульнева с лошади к своим ногам.

В своем рассказе о кампании 1812 года г-н де Сегюр приписывает умирающему генералу Кульневу речь по примеру героев Гомера. Я был в нескольких шагах от унтер-офицера Лежандра, когда он вонзил свою саблю в грудь Кульнева, и могу подтвердить, что русский генерал упал, не произнеся ни единого слова![128] Победа пехотинцев генерала Альбера и 23-го полка была полной. Враг потерял убитыми или ранеными по меньшей мере 2 тысячи человек. Мы захватили свыше 4 тысяч пленных, остальные погибли, свалившись на острые скалы. Нескольким самым ловким русским удалось добраться до Витгенштейна, который, узнав о кровавом поражении своего авангарда, отступил в Себеж.

Осмелевший после потрясающих успехов, маршал Удино решил преследовать русских и приказал, как и накануне, провести свою армию по правому берегу Дриссы. Но чтобы дать пехотным полкам бригады Альбера, а также 23-му конно-егерскому полку время на отдых после боя, маршал оставил их в карауле на поле сражения при Сивошине.

Я воспользовался этим отдыхом для того, чтобы провести церемонию, которой во время войны занимаюсь очень редко. Речь шла о том, чтобы отдать последние почести тем из наших храбрых товарищей, кто был только что убит. Большая братская могила приняла их всех. Мы уложили их в соответствии с чинами и званиями, расположив в середине ряда капитана Курто и его лейтенанта. После этого 14 русских пушек, так храбро захваченных 23-м полком, были размещены перед братской могилой.

Выполнив эту печальную обязанность, я хотел приказать перевязать мою рану, полученную накануне и вызывавшую у меня ужасную боль. Для этого мне пришлось сесть в стороне, под громадной елкой. Я заметил там молодого начальника батальона. Он, опершись спиной на ствол дерева и поддерживаемый двумя гренадерами, с трудом раскрывал небольшой пакет, адрес на котором был запачкан кровью. Это была его кровь! Офицер, принадлежавший к бригаде Альбера, только что, во время атаки на русский лагерь, получил ужасное штыковое ранение в живот, откуда выпадали внутренности! Они тоже были пробиты штыком, и кровь продолжала течь, несмотря на перевязку: рана была смертельной! Несчастный раненый, знавший об этом, захотел,

прежде чем умереть, проститься с любимой женщиной, но, написав ей, не знал, кому доверить свою драгоценную ношу, как вдруг случай привел меня к нему. Мы были едва знакомы, зная друг друга лишь в лицо. Однако приближение смерти торопило его. Почти угасшим голосом он просил меня оказать ему две услуги и, отослав от себя гренадеров на несколько шагов, передал мне конверт, произнеся со слезами на глазах: «Там есть портрет!» Он взял с меня обещание передать его *тайком* в собственные руки возлюбленной, если мне повезет и посчастливится вернуться в Париж. «Впрочем, — добавил он, — это не срочно, ведь лучше пусть это получат спустя долгое время после того, как меня не станет!» Я пообещал выполнить это печальное поручение и сумел осуществить свое обещание лишь через два года, в 1814 году. Вторую просьбу, с которой обратился ко мне молодой батальонный начальник, я выполнил через два часа! Ему было тяжко думать о том, что его тело разорвут волки, столь многочисленные в здешних лесах, и он хотел, чтобы я приказал положить его рядом с капитаном и кавалеристами 23-го полка, похороны которых он видел. Я пообещал ему все это, и, поскольку несчастный офицер умер спустя короткое время после нашего грустного разговора, я выполнил его последнюю волю.

Глава X

Новое отступление Удино. — Марши в обоих направлениях. — 23-й конно-егерский полк осыпан почестями и наградами. — Отступление под Полоцком. — Генерал Сен-Сир. — Удино после ранения уступает командование Сен-Сиру

Глубоко взволнованный этим мрачным эпизодом, я предавался грустным размышлениям, когда меня оторвал от них отдаленный шум очень оживленной орудийной канонады. Обе армии по-прежнему находились в соприкосновении. Действительно, миновав Клястицы, где я был накануне ранен, маршал Удино вошел в контакт с русским авангардом при входе в болото, выход из которого оказался столь гибельным для нас сутки назад. Удино упорно старался загнать в болото армию противника, но эта армия, не желая проходить через столь опасное место, со всеми своими значительными силами развернулась и перешла в наступление против французских частей, которые, понеся довольно большие потери, отступили, преследуемые русскими. Можно было бы сказать, что Удино и Витгенштейн «играли в салочки»! Когда один из них двигался вперед, другой отступал и в свою очередь начинал преследовать противника, если тот переходил к отступлению. О новом отходе Удино сообщил нам на поле битвы при Сивошине адъютант, доставивший генералу Альберу приказ отвести его бригаду и 23-й полк конных егерей на расстояние 2 лье в направлении Полоцка.

В момент отправки я не захотел бросить четырнадцать орудий, захваченных этим утром моим полком. Поскольку лошади, на которых противник привез эти пушки, попали в наши руки, мы запрягли их и привезли артиллерию на наш следующий бивуак, а оттуда этот славный трофей храброго 23-го полка был следующей же ночью направлен в Полоцк. Наши четырнадцать пушек сразу принесли большую пользу при защите этого города.

В тот же день армия Удино отступила до брода при Сивошине. В этом месте она переправилась через реку утром. Витгенштейн сделался более осторожным после удара, нанесенного его авангарду в тот же день и в том же месте. Поэтому он не осмелился послать ни один полк на берег, занятый нашими войсками. Таким образом, обе армии, разделенные рекой Дриссой, заняли свои позиции ночью. Но 2 августа Удино подтянул свои части к Полоцку, и военные действия на несколько дней прекратились, настолько обе армии нуждались в отдыхе. К нам присоединился генерал Кастекс, а также 24-й полк, который

был очень сердит на своего командира за то, что он увел полк как раз в тот момент, когда нужно было атаковать русский лагерь: ведь на протяжении своего перехода к верховью Вислы 24-й полк не встретил врага и не обнаружил брода, существование коего предполагалось.

После нескольких дней отдыха Витгенштейн передвинул часть своих войск в низовья Дриссы, откуда Макдональд угрожал его правому флангу. Маршал Удино последовал за русской армией в этом же направлении, тогда русские развернулись и пошли на нас. В течение 8–10 дней обе армии непрерывно меняли позиции, много раз шли то в одну, то в другую сторону и вели многочисленные бои, анализировать которые было бы слишком долго и трудно, тем более что это все не привело ни к какому результату, кроме совершенно бесполезной гибели людей. Вдобавок подробный анализ этих столкновений показал бы, насколько мало решимости было у командования обеими армиями.

Самые серьезные бои на протяжении этого короткого периода происходили 13 августа возле замечательного монастыря Волынцы, построенного на берегах Свольны. Эта небольшая река с очень топкими берегами разделяла французов и русских, и было очевидно, что тот из двух генералов, кто попытается форсировать эту реку в столь неблагоприятном месте, потерпит кровавое поражение. Поэтому ни Витгенштейн, ни Удино не собирались переправляться через Свольну в этом месте. Но вместо того чтобы поискать в других местах поле битвы, где они смогли бы помериться силами, оба они заняли позиции по обоим берегам реки, как будто для того, чтобы бросить друг другу вызов. Вскоре с одного берега на другой начала стрелять артиллерия. Канонада была весьма ожесточенной и совершенно бесполезной, потому что орудия и той и другой армии были не в состоянии попасть в противника. По этой причине в столь достойном сожаления противостоянии преимуществом не обладала ни одна из сторон.

Однако Витгенштейн для сохранения своих солдат ограничился тем, что поставил несколько батальонов пеших егерей в зарослях прибрежного ивняка и камыша и держал свои части вне досягаемости французских пушек, непрерывный огонь которых достигал лишь немногих его стрелков. В то же время Удино, несмотря на мудрые замечания многих генералов, упорствовал в своем стремлении приблизить передовую линию к Свольне. Поэтому он понес потери, которых мог бы и должен был бы избежать. Русская артиллерия далеко не так хороша, как наша, но в ней используются орудия, называемые *единорогами*, чья дальнобойность в ту эпоху превышала дальнобойность

французских пушек, и именно эти *единороги* нанесли нашим частям самый большой урон.

Маршал Удино, убежденный в том, что противник собирается переправиться через реку, не только держал дивизию пехоты в том месте, где пехота могла бы отразить возможный натиск врага, но для поддержки этой пехоты собирался использовать кавалерию генерала Кастекса. Это была излишняя предосторожность, потому что переправа даже через маленькую речку требует больше времени, чем его нужно защитникам переправы для того, чтобы выстроиться в боевой порядок перед атакующими. Тем не менее мой полк и 24-й полк конных егерей в течение суток стояли под ядрами русских пушек, убившими и искалечившими многих наших людей.

Во время этого сражения, когда войска очень долго оставались без движения, к нам прибыл адъютант, которого Удино послал в Витебск к императору с рапортом о сражении при Клястицах, а также при Сивошине. Наполеон хотел показать войскам, что он не винил их в недостаточном успехе, поэтому осыпал 2-й корпус почестями, многих наградив и повысив в звании. Его Величество оказал много чести пехоте и, кроме того, пожаловал по четыре креста ордена Почетного легиона в каждый из кавалерийских полков. Начальник штаба принц Бертье добавлял в своем сопроводительном письме, что император, желая выразить 23-му полку конных егерей свое удовлетворение по поводу славного поведения этого полка при Вилькомире, на мосту у Дюнабурга, в ночном сражении при Друе, под Клястицами и особенно при атаке на русский лагерь у Сивошина, посылал, помимо четырех наград, которые были даны всем остальным полкам, *четырнадцать* орденов, по одному за каждую пушку, захваченную нашим полком у авангарда Кульнева! Так что я должен был раздать в моем бесстрашном полку восемнадцать орденов. Адъютант не привез с собой свидетельства о награждении, но начальник Главного штаба присоединил их к своему посланию, поручив командирам полков выбрать воинов, которые должны были получить эти награды, и передать ему их список.

Я собрал всех капитанов и, выяснив их мнение, составил мой список, который попросил представить маршалу Удино. Я просил у него разрешения немедленно ознакомить с этим списком мой полк. «Как, здесь, под ядрами!» — «Да, г-н маршал, под ядрами… Это будет больше по-кавалерийски и по-рыцарски!»

Генерал Лорансе, составивший в качестве начальника корпусного штаба рапорт о различных боях, очень хвалил 23-й полк конных егерей и был со мной одного мнения, поэтому

маршал согласился на мою просьбу. Ордена должны были прибыть позже, но я послал в обоз за лентой, которую держал теперь в своем ящике для одежды. Я приказал нарезать из нее восемнадцать кусочков и объявил моему полку о наградах императора. Затем я по очереди вызвал из рядов всех награжденных и каждому из них дал кусочек этой красной ленты. В то время такая ленточка была столь желанной, ее с такой честью носили, а с тех пор престиж ее так сильно упал, поскольку ее так щедро раздавали и даже продавали! Это награждение в *присутствии врага,* среди опасностей боя, произвело огромное действие на весь полк. Энтузиазм был особенно велик, когда я вызвал старого унтер-офицера Прюдома, справедливо прославившегося как самый бесстрашный и самый смелый из всех воинов 23-го конно-егерского. Как всегда, спокойный, этот храбрец, отличившийся во многих боях, скромно и застенчиво подошел ко мне и получил ленточку под громкие приветственные крики всех эскадронов. Для него это был настоящий триумф! Я никогда не забуду сию трогательную сцену, а она, как вы знаете, происходила под артиллерийским огнем противника.

Но полного счастья не бывает! Два человека, против которых в моем списке значилось, что они по заслугам ближе других к Прюдому, были только что тяжело ранены ядрами! Вахмистр Лежандр, тот, кто убил генерала Кульнева, лишился руки, а капрал Гриффон был ранен в ногу, раздробленную ядром! Им ампутировали руку и ногу, и, когда я явился в лазарет, чтобы наградить их, операция была в разгаре! При виде ленточки Почетного легиона они как будто забыли, что им больно, и высказали самую живую радость! Однако Лежандр недолго прожил после ранения, а что до Гриффона, то он выздоровел. Его эвакуировали во Францию, и спустя много лет я встретил его в Доме Инвалидов.

24-й полк конных егерей, получивший только четыре ордена, в то время как 23-й полк получил их восемнадцать, согласился, что все было по справедливости, но тем не менее выразил сожаление по поводу того, что честь захвата четырнадцати русских пушек в Сивошине принадлежит не им, хотя они понесли такие же потери, как и мы сами. «Мы солдаты, — говорили они, — нам полагается испытывать и удачи, и неудачи!» Они сердились на своего полковника за то, что их, как они выражались, обошли! Что за армия, в которой солдаты требуют для себя в качестве привилегии право идти первыми на врага!

Вы, конечно, спросите, какую же из раздаваемых здесь наград получил я сам? Никакой! Потому что император перед тем, как решиться отобрать командование полком у полковника де Да

Нугареда, назначив его либо генералом, либо начальником жандармов, хотел выяснить, позволит ли здоровье этого офицера нести службу. Поэтому начальник генерального штаба поручил маршалу Удино, чтобы медицинский совет тщательно осмотрел г-на де Ла Нугареда. Этот совет счел, что де Ла Нугаред никогда больше не сможет сесть на лошадь. В соответствии с этим решением маршал позволил г-ну де Ла Нугареду вернуться во Францию, где он был назначен комендантом какой-то второстепенной крепости. Перед тем как покинуть Полоцк, куда его загнало нездоровье, этот несчастный полковник написал мне очень трогательное письмо, в котором он прощался с 23-м полком. И, хотя г-н де Ла Нугаред никогда не участвовал в боях во главе этого полка (а именно это бесконечно привязывает войска к их начальнику), солдаты тем не менее сожалели о нем и высказывали ему свое высокое уважение и почтение.

Таким образом, полк оставался без командира, и маршал ожидал, что вскоре получит приказ о моем назначении на эту должность. Признаюсь откровенно, что я тоже ждал этого. Однако император уехал от нас, покинул Витебск, чтобы двигаться на Смоленск, а от Смоленска на Москву. Поэтому деятельность его администрации сильно замедлилась из-за забот и проблем, обусловленных военными операциями, так что я был назначен командиром полка и произведен в полковники только через три месяца!

Но вернемся на берега Свольны, откуда французы быстро ушли, оставив часть раненых в монастыре Волынцы.

Среди тех, кого мы сумели взять с собой, был г-н Казабьянка, командир 11-го полка легкой пехоты. Он был моим другом, когда мы оба служили адъютантами у Массены. Казабьянки был замечательным офицером, быстро сделавшим военную карьеру, но он был ранен в голову в тот момент, когда находился среди пехотинцев своего полка, расположенных на берегах Свольны. После этого его карьерный рост прекратился. Он уже умирал, когда я увидел его на носилках, которые несли саперы! Он узнал меня и, пожимая мне руку, сказал, как сильно он сожалеет, видя столь неважное командование нашим армейским корпусом. В тот же вечер несчастный полковник скончался. Его последние слова была вполне обоснованными, поскольку создавалось впечатление, что наш начальник действовал, не имея никакого плана и никакой методы. Добившись где-нибудь успеха, он преследовал Витгенштейна, не обращая внимания ни на какие препятствия, и не говорил ни о чем другом, как о стремлении дойти до Санкт-Петербурга. Но при малейшем поражении он сразу начинал отступать, и ему казалось, что враг был повсюду. Он привел под

стены Полоцка свои войска именно под влиянием этого последнего впечатления, а войска тем временем были очень удивлены, что им приказывают отступать перед русскими, которых они только что разбили почти во всех происходивших столкновениях.

15 августа, в день рождения императора, 2-й армейский корпус весьма уныло подошел к Полоцку, где мы нашли 6-й корпус, состоявший из двух неплохих баварских дивизий генерала Вреде. Высшим командиром этого корпуса был французский генерал Гувьон Сен-Сир. Император направил это подкрепление, состоявшее из 8–10 тысяч человек, маршалу Удино, который принял бы его с еще большей радостью, если бы не опасался насмешек со стороны того, кто привел эти войска. И действительно, Сен-Сир был одним из самых способных военных во всей Европе. Собеседник и соперник Моро, Гоша, Клебера и Дезе, он успешно командовал одним из флангов Рейнской армии, в то время как Удино был всего лишь полковником или бригадным генералом. Я не знал никого, кто лучше Сен-Сира командовал бы войсками на поле битвы.

Сын мелкопоместного дворянина из Туля, он учился, чтобы стать гражданским инженером. В какой-то момент это ему надоело, и он сделался актером в Париже. Он сыграл знаменитую роль Робера — предводителя разбойников — в театре Сите, и там его застала революция 1789 года. Сен-Сир вступил в батальон волонтеров, проявил свой военный талант, огромную смелость и очень быстро достиг звания дивизионного генерала и отличился благодаря многочисленным военным успехам. Он был очень высокого роста, но походил скорее на профессора, чем на военного. Возможно, это следует объяснить привычкой, которую он приобрел, находясь рядом с генералами Рейнской армии: не носить форму или эполеты, а ходить в простом однотонном синем сюртуке.

Невозможно было встретить более невозмутимого человека! Ни самые серьезные поражения, ни неприятности, ни успехи — ничто не могло его взволновать. Можно представить себе, какие преимущества давал этому высшему офицеру подобный характер, дополняемый любовью к учению и размышлению. Однако у Сен-Сира были также и серьезные недостатки. Он завидовал своим товарищам, поэтому нередко держал свои войска в бездействии, в то время как рядом с ним другие дивизии оказывались смятыми противником. Тогда Сен-Сир выступал вперед и, пользуясь усталостью врага, бил его, создавая таким образом впечатление, что победу одержал он один. Кроме того, если генерал Сен-Сир и был одним из армейских командиров, лучше всех умевших

использовать войска на поле сражения, он, без всякого сомнения, также был командиром, который меньше всего занимался благополучием и обустройством своих солдат. Он никогда не интересовался, получали ли его солдаты достаточно провианта, одежды, обуви, в хорошем ли состоянии было их оружие. Он не устраивал никаких смотров, не посещал госпитали и даже не спрашивал, существовали ли они! Он считал, что заниматься всем этим должны были командиры полков. Одним словом, он хотел, чтобы ему на поле битвы приводили полки, полностью *готовые к сражению,* и чтобы ему не приходилось заниматься теми делами, цель которых — сохранять воинские части в хорошем состоянии. Подобный способ действия во многом вредил Сен-Сиру, и повсюду, где он служил, войска, отдавая справедливость его военным талантам, не любили его. Все его товарищи не рвались оказаться вместе с ним, и различные правительства во Франции использовали его лишь по необходимости. То же самое относится к императору. У него к Сен-Сиру была такая антипатия, что, создавая звание маршалов, он не внес Сен-Сира в список тех, кто получал повышение до этого звания, хотя Сен-Сир и был одним из лучших генералов, более талантливым, чем большинство тех, кому Наполеон вручил маршальский жезл. Таков был человек, которого император только что назначил под командование Удино, к большому сожалению этого последнего, предчувствовавшего, что превосходство Сен-Сира в ближайшее время раздавит его самого.

16 августа (в день рождения моего старшего сына, Альфреда[129]) русская армия в количестве 60 с лишним тысяч человек атаковала Удино, который, если считать баварский корпус, приведенный Сен-Сиром, имел под своим командованием 52 тысячи человек. В любом другом случае, во время обычных войн, столкновение между 112 тысячами человек получило бы название битвы. Проиграть или выиграть такую битву было бы крайне важно. Однако в 1812 году численность противостоящих друг другу армий достигала 600 или 700 тысяч человек, поэтому столкновение между ста тысячами воинов было всего лишь боем! Именно так и назвали то, что произошло в окрестностях Полоцка между русскими войсками и корпусом маршала Удино.

Город Полоцк, построенный на правом берегу Двины, окружен старыми земляными укреплениями. Спереди от передовых фронтальных укреплений этой крепости поля разделены многочисленными каналами, между которыми выращивают овощи. Хотя эти водные препятствия и не являются непреодолимыми для артиллерии и кавалерии, они тем не менее затрудняют их передвижение. Огороды простираются перед

городом на расстояние около полулье, но слева от них, на берегах Двины, находится обширная равнина, ровная, как ковер. Именно оттуда русский генерал должен был бы атаковать Полоцк, что сделало бы его хозяином единственного ненадежного понтонного моста, связывавшего нас с левым берегом, откуда мы получали провиант. Однако Витгенштейн, предпочитая взять быка за рога, направил свои основные силы к огородам, откуда он надеялся взобраться на земляные валы, представляющие собой, собственно говоря, лишь бугры, на которые подняться совсем не трудно. Однако они имеют то преимущество, что являются господствующими над значительной территорией высотами. Атака была очень ожесточенной, однако наши пехотинцы смело защищали сады и огороды, в то время как с вершины укреплений артиллерия, в составе которой находились 14 орудий, захваченных 23-м полком при Сивошине, наносила ужасные потери врагу. Русские в беспорядке отступили и начали перестраиваться на равнине. Удино, вместо того чтобы сохранить свою хорошую позицию, стал преследовать их, и ему, в свою очередь, пришлось отступать. Он был отброшен с большими потерями. Значительная часть дня прошла таким образом: русские без конца вновь шли в атаку, а французы отбрасывали их за сады и огороды. Что же делал генерал Сен-Сир во время этих передвижений взад и вперед, когда было пролито столько крови? Он молча следовал за Удино, и когда тот спрашивал его мнение, то кланялся и ограничивался лишь словами: «Ваше сиятельство господин маршал!» Это должно было значить: поскольку вас произвели в маршалы, вы должны знать обо всем больше меня, простого генерала, поэтому выходите из положения как можете!

Однако, поскольку Витгенштейн уже понес огромные потери и утратил надежду добиться победы, продолжая свои атаки со стороны садов и огородов, он в конце концов пришел к тому, с чего должен был бы начать, и направил основную часть своих войск в сторону лугов, расположенных на берегах Двины. До этого момента Удино держал свои двенадцатифунтовые пушки и всю свою кавалерию в этом месте, где они оставались как бы вне боя. Однако артиллерийский генерал Дюлолуа, который опасался за свои пушки, предложил маршалу перевезти их на левый берег реки, причем не только пушки крупного калибра, но и всю кавалерию под тем предлогом, что они будут мешать передвижению пехоты. Удино спросил у Сен-Сира, что он об этом думает, а тот вместо того, чтобы дать ему хороший совет использовать артиллерию и кавалерию на том участке, где они смогли бы легко маневрировать и поддержать пехоту, удовольствовался тем, что лишь повторил свой постоянный

припев: «Ваше сиятельство г-н маршал!» В конце концов Удино, несмотря на возражения генерала Лорансе, своего начальника штаба, приказал артиллерии и кавалерии переправиться на другой берег реки.

Этот достойный сожаления маневр, дававший основание думать об отступлении и полном оставлении Полоцка и правого берега, очень не понравился войскам, которых уводили на другую сторону реки, и повлиял на моральный дух пехоты, призванной защищать ту сторону города, какая соседствовала с лугами. Русские же, напротив, видя, как десять кавалерийских полков и многочисленные артиллерийские батареи покидают поле сражения, стали действовать с еще большим напором. Чтобы внести сумятицу в массу отходивших войск, они быстро продвинулись вперед и начали стрелять из своих *единорогов.* Их полые метательные снаряды вначале летели, подобно ядрам, а затем разрывались, как гранаты. Соседние с моим полки потеряли многих убитыми или ранеными. Я был очень рад, что никто из моих кавалеристов не пострадал, я потерял только нескольких лошадей. Лошадь подо мной была убита попаданием в голову. Я упал вместе с ней, и мое раненое плечо сильно ударилось о землю, мне было очень больно! Будь у русской пушки другой угол обстрела, я получил бы ядро прямо в грудь, и мой сын остался бы сиротой через несколько часов после появления на свет!

Тем временем противник только что возобновил бой, и, когда, перейдя через мост, мы повернули головы, чтобы посмотреть, что же происходит на том берегу, который мы только что оставили, мы увидели крайне волнующее зрелище: французская пехота, баварцы и хорваты смело сражались и даже имели преимущество, но португальцы и особенно два швейцарских полка бежали перед русскими и остановились лишь тогда, когда, отброшенные до самой реки, они оказались по колено в воде! Там, принужденные повернуться лицом к врагу, чтобы не утонуть, они наконец начали сражаться и своим огнем заставили русских немного отойти. Командир французской артиллерии, только что переправившейся через Двину вместе с кавалерией, успешно воспользовался возможностью принести пользу, приказав придвинуть свои орудия к берегу и стрелять через реку. Таким образом он уничтожил вражеские батальоны, стоявшие на другом берегу.

Этот мощный отпор остановил в этом месте войска Витгенштейна, которые французы, баварцы и хорваты отбрасывали и на другом берегу реки. Поэтому сражение замедлилось и за час до заката солнца перешло в перестрелку. Однако маршал Удино не мог скрыть от себя, что на следующий

день надо было все начинать сначала. Поэтому, очень озабоченный ситуацией, он не видел выхода, и, каждый раз наталкиваясь на упорное молчание Сен-Сира, Удино удалился верхом на лошади шагом в сопровождении единственного адъютанта и двигался среди стрелков своей пехоты, как вдруг вражеские канониры, заметив этого всадника в шляпе, украшенной белым плюмажем, прицелились и выстрелили. Маршал был ранен в руку. Удино, приказав уведомить Сен-Сира о своем ранении, передал ему командование армией. Предоставив Сен-Сиру заботу о решении всех проблем, Удино покинул поле сражения, переправился через мост, на какое-то время остановился на бивуаке кавалерии и, удалившись от армии, отправился в тыл, в Литву, чтобы лечить там свою рану. Мы вновь увидели маршала Удино лишь два месяца спустя.

Глава XI

Новые решения, принятые Сен-Сиром. — Атака и захват неприятеля врасплох. — Различные эпизоды. — Бой кавалерии. — Отступление противника. — Размещение в Полоцке. — Сен-Сир произведен в маршалы

Сен-Сир взял бразды правления твердой и умелой рукой, и спустя короткое время положение полностью изменилось. Вот сколь велико бывает влияние способного человека, умеющего внушать доверие! Маршал Удино только что покинул армию, находящуюся в весьма тревожном состоянии: часть войск прижата к реке, другие разбросаны по огородам, где они находятся под беспорядочным обстрелом и столь же беспорядочно стреляют сами. На укреплениях крайне мало артиллерии. Улицы города загромождены зарядными ящиками, обозом и ранеными. Полный хаос! И, кроме того, в случае поражения войска имели бы в качестве пути к отступлению лишь единственный понтонный мост через Двину. Этот мост был слишком узким и в очень плохом состоянии. Вода заливала свыше чем на 6 дюймов его настилы. И, наконец, наступала ночь. Можно было опасаться того, как бы перестрелка не перешла в общее сражение. Оно для нас могло бы стать гибельным, столь мало порядка было в полках различных национальностей.

Первым действием генерала Сен-Сира был приказ прекратить стрельбу, отданный участвовавшим в ней стрелкам. Сен-Сир был уверен, что усталый неприятель последует этому примеру, как только закончатся атаки. И в самом деле, огонь вскоре прекратился с обеих сторон. Войска могли объединиться и немного отдохнуть. Казалось, продолжение военных действий отложено на завтра.

Для создания возможности возобновить военные действия на следующий день, сохраняя шансы на успех, Сен-Сир воспользовался ночью для того, чтобы приготовиться дать врагу отпор и обеспечить себе отступление в случае неудачи. С этой целью он собрал всех командиров и откровенно рассказал им о сложной ситуации. Самая главная опасность состояла в том, что город был загроможден войсками и обозами. Особенно это относилось к окрестностям моста. Поэтому Сен-Сир приказал, чтобы полковники, сопровождаемые многочисленными офицерами и патрулями, проехали по улицам Полоцка и проследили, чтобы солдаты, способные к бою, направились бы на бивуаки своих полков, а все раненые, больные, запасные лошади

и повозки были уведены от моста. Генерал Сен-Сир добавил, что на рассвете он посетит город и освободит от занимаемой должности любого командира, который в точности не выполнит его приказ! Во внимание не будут приниматься никакие отговорки. Поэтому все поспешили выполнить приказ. Раненых и больных на руках перенесли на левый берег, где собрали все, что не было необходимым для сражения, то есть все обозы и экипажи. Городские укрепления и улицы вскоре были полностью освобождены от того, что их загромождало. То же самое можно сказать про мост. Его укрепили. Это был тот самый мост, через который Сен-Сир переправил на правый берег кавалерию и артиллерию, построив его в пригороде, наиболее удаленном от противника. И, наконец, чтобы обеспечить себе более легкое отступление, осторожный генерал приказал построить еще один понтонный мост, используя пустые бочки, покрытые досками. Этот мост предназначался исключительно для пехоты. Все приготовления были закончены до рассвета, и армия с уверенностью ожидала противника. Но противник продолжал невозмутимо оставаться на своих бивуаках, разбросанных по равнине, а также на опушке большого леса, окружающего Полоцк и расположенного на противоположном берегу реки.

Генерал Сен-Сир, ожидавший, что его атакуют на рассвете, объяснял спокойствие, царившее в русской армии, громадными потерями, понесенными русскими накануне. Потери могли частично объяснять это спокойствие, однако главной причиной того состояния, в каком находились войска Витгенштейна, было то, что он ожидал к следующей ночи прибытия из Санкт-Петербурга большой пехотной дивизии и нескольких эскадронов. Поэтому он отложил свою атаку до прибытия этого мощного подкрепления, с тем чтобы разбить нас через день с меньшими усилиями.

Хотя польские аристократы, имевшие большие поместья в окрестностях Полоцка, и не осмеливались открыто перейти на сторону французов, боясь скомпрометировать себя перед русскими, они все же тайно служили нам и снабжали нас шпионами. Генерал Сен-Сир, обеспокоенный тем, что готовилось во вражеском лагере, поручил одному из окрестных помещиков послать в русский лагерь кого-нибудь из своих наиболее смышленых подчиненных. Поляк отправил к русскому бивуаку несколько повозок с сеном, и среди возчиков был его управляющий, переодетый крестьянином. Этот очень умный человек, беседуя с солдатами Витгенштейна, узнал, что они ждали многочисленные подкрепления. Он даже был свидетелем прибытия казачьего гвардейского полка и одного эскадрона

кавалергардов и узнал, что еще несколько батальонов должны прийти в лагерь к полуночи. Собрав эти сведения, управляющий доложил их своему хозяину, а тот поспешил предупредить генерала французской армии.

Узнав эту новость, Сен-Сир решил разбить Витгенштейна до прибытия ожидаемых им подкреплений. Но, не желая, чтобы бой был слишком долгим, он предупредил генералов и командиров полков, чтобы они отдали приказ об атаке только в 6 часов вечера. Он хотел, чтобы, когда с приходом ночи бой бы закончился, у русских не оказалось достаточно времени, чтобы воспользоваться своим успехом в том случае, если бы удача повернулась к ним. Правда, если бы победителями оказались мы, мы не смогли бы преследовать неприятеля в темноте. Однако у Сен-Сира не было такого плана, и в тот момент он хотел ограничиться лишь тем, чтобы хорошенько проучить врагов и отогнать их от Полоцка. Французский генерал, желая захватить неприятеля врасплох, приказал сохранять полное спокойствие в городе и на всей линии передовых постов, что и было выполнено.

Но день показался нам слишком долгим. Каждый, и даже генерал, несмотря на свое хладнокровие, непрерывно смотрел на часы. Генерал Сен-Сир накануне заметил, что удаление французской кавалерии позволило русским отбросить наш левый фланг до Двины. Поэтому перед самой атакой Сен-Сир приказал в тишине привести все эскадроны и разместить их за большими амбарами, за которыми начинались луга. Именно на этой ровной земле должна была действовать кавалерия, атакующая правый фланг неприятеля. Ей предстояло прикрывать левый фланг нашей пехоты, две первые дивизии которой должны были бы атаковать русский лагерь, в то время как третья дивизия была предназначена для поддержки кавалерии, а две последние, образующие резерв, — для защиты города. Все было готово, когда наконец в 6 часов вечера сигнал к атаке был дан пушечным выстрелом, после чего начала стрелять вся французская артиллерия. Множество ядер устремилось в направлении русских передовых постов и даже вражеского лагеря.

В тот же момент наши две первые пехотные дивизии, перед которыми шел 26-й легкий полк, бросились на русские полки, расположенные в садах и огородах. Все солдаты, какие были у них на пути, были убиты или взяты в плен, остальные обращены в бегство. Наша пехота преследовала их до самого вражеского лагеря, где было взято множество пленных и захвачено большое количество пушек. Было еще светло. Враг оказался захваченным врасплох. Генерал Витгенштейн ужинал в маленьком замке по соседству с его лагерем, как вдруг ему сказали, что французские

вольтижеры находятся во дворе замка. Витгенштейну пришлось выпрыгнуть в окно. Он нашел маленькую казачью лошадку, вскочил на нее и во весь дух бросился по направлению к своим основным войскам! Наши вольтижеры захватили прекрасных лошадей, штабные бумаги, повозки и вина, принадлежавшие русскому генералу, а также столовое серебро и ужин, который находился на столе. Добыча, захваченная в русском лагере другими отрядами французов, была громадна.

Ужас охватил противника, когда он услышал шум столь непредвиденной французской атаки. Неприятель бросился бежать, не думая даже о том, чтобы захватить с собой оружие! Хаос стоял полный, никто не отдавал команд. О приближении наших пехотных дивизий сообщили сильный ружейный огонь и барабанный бой, зовущий в атаку! Все предсказывало громадный успех французским войскам, во главе которых шел Сен-Сир, как всегда хладнокровный и невозмутимый. Но на войне какое-либо непредвиденное событие, нередко совсем не важное, иногда полностью меняет положение вещей!..

Множество вражеских солдат бежали по направлению к тылам своего лагеря. Именно там находился бивуак эскадрона кавалергардов, прибывшего на место всего лишь несколько часов назад. Эта часть состояла из отборных молодых кавалеристов, сыновей лучших дворянских семей. Ими командовал майор, отличавшийся необыкновенной храбростью, которая, как говорят, только что была еще больше увеличена неумеренным возлиянием спиртного. Узнав о том, что происходит, этот офицер быстро вскочил на лошадь и, сопровождаемый своими ста двадцатью солдатами, бросился на французов и почти тотчас же вступил с ними в соприкосновение. Первый из наших батальонов, который он атаковал, принадлежал к 26-му легкому полку. Он яростно сопротивлялся. Кавалергарды были отброшены и несли потери, пытаясь перестроиться, чтобы перейти ко второй атаке. В этот момент майор, увидев, что кавалеристам для того, чтобы вновь построиться в ряды, требуется очень много времени, вышел из терпения. Оставив в покое тот французский батальон, который ему не удалось опрокинуть сразу, он приказал своим кавалергардам следовать за собой и на полной скорости направил их через лагерь в разомкнутом строю, *по-фуражирски!* А лагерь был полон португальских, швейцарских и даже баварских пехотинцев — наших союзников. Часть из них, рассредоточенная в результате собственной удачной атаки, пыталась вновь собраться, а остальные продолжали заниматься добычей, брошенной русскими.

Кавалергарды убили и ранили множество этих солдат, внесли

в их толпу панику и беспорядок. Вскоре началось шумное беспорядочное отступление, быстро превратившееся в паническое бегство. В подобных случаях солдаты принимают за противника любого из своих, кто бежит на соединение с ними. И число врагов, которые преследуют солдат, кажется им громадным, особенно если это происходит в тучах пыли, в то время как в большинстве случаев на самом деле неприятель представлен только горсткой людей. Именно так и произошло теперь. Кавалергарды, разбросанные по обширной территории и мчащиеся вперед не оборачиваясь, казались в глазах убегавших от них солдат огромным кавалерийским корпусом. Поэтому паника и беспорядок возросли и дошли до швейцарского батальона, среди которого укрылся генерал Сен-Сир. Толпа понесла его вместе с собой, так что его лошадь даже опрокинулась в ров.

Генерал, одетый в простой синий сюртук без знаков отличия, остался лежать на земле и не пошевелился при приближении кавалергардов, которые, сочтя его мертвым или приняв за простого чиновника из военной администрации, пролетели мимо, продолжая преследовать солдат на равнине. Неизвестно, к чему бы привело это паническое бегство, как вдруг бесстрашный, умный генерал Беркхейм, примчавшийся во главе 4-го кирасирского полка, кинулся с ними на русских кавалергардов, которые смело защищались, но тем не менее почти все были убиты или захвачены в плен. Их храбрый майор остался лежать среди мертвых. Атака, проведенная этой горсткой людей, могла бы иметь очень важные результаты, если бы была поддержана. Подвиг кавалергардов вновь подтвердил, что неожиданные кавалерийские атаки имеют больше всего шансов на удачу.

Генерал Сен-Сир, которого подняли наши кирасиры, немедленно приказал идти вперед всем пехотным дивизиям. Он атаковал русских еще до того, как те пришли в себя от паники. Наш успех сразу же вновь оказался неоспоримым. Враг был разбит и потерял множество людей и несколько пушек.

В то время как пехотное сражение, о котором я только что рассказал, проходило перед Полоцком, на левом фланге нашей армии, в лугах, тянущихся вдоль Двины, происходили следующие события. В тот момент, когда первый пушечный выстрел дал сигнал к сражению, наши кавалерийские полки с бригадой генерала Кастекса во главе быстро помчались по направлению к шедшим на нас вражеским эскадронам. Серьезное столкновение казалось неизбежным. Добрый генерал Кастекс заметил мне тогда, что если, несмотря на мое ранение, я мог продолжать командовать моим полком в боях при Сивошине и Свольне, где надо было только противостоять огню пехоты и артиллерии, то

сегодня дело обстоит иначе. Сегодня я имею дело с вражеской кавалерией, и мне придется участвовать в атаке, не имея способов для защиты, поскольку я могу пользоваться только одной рукой. Из-за ранения мне не удастся одновременно держать повод моего коня и саблю. Вследствие этого он предложил мне на время остаться с пехотной дивизией, размещенной в резерве. Я счел своим долгом не принять это доброжелательное предложение и живо высказал желание не покидать мой полк. Генерал уступил моим настояниям, но приказал, чтобы позади меня находились шестеро самых смелых кавалеристов под командованием бесстрашного Прюдома. Впрочем, рядом со мной были два аджюдан-мажора, два аджюдана, один трубач и мой ординарец Фус, один из лучших солдат моего полка. В таком окружении, находясь за центром эскадрона, я был под достаточной защитой. Впрочем, при острой необходимости я бы оставил повод моего коня, а правой рукой схватился бы за саблю, прикрепленную к моему запястью темляком.

Луг был достаточно обширен, чтобы на нем могли разместиться два сражающихся полка. 23-й и 24-й конно-егерские полки шли фронтом. Бригада генерала Корбино, состоявшая из трех полков, находилась во второй линии, а кирасиры оставались в резерве. 24-й полк, расположенный слева от меня, находился против полка русских драгун. Мой полк стоял против казаков русской гвардии, которых можно было узнать по красному цвету их курток, а также по их прекрасным лошадям.

Как только, двигаясь галопом, мы оказались на достаточном расстоянии от противника, генерал Кастекс скомандовал атаку, и вся бригада двинулась на русских. В первый же момент 24-й полк пробил линию драгун. Мой полк испытал со стороны гвардейских казаков большее сопротивление. Казаки были отборными, сильными людьми. Они были вооружены пиками длиной 14 футов и держали их твердой рукой. У меня было несколько убитых и много раненых, но в конце концов мои храбрые кавалеристы прорвали вражескую линию, ощетинившуюся пиками. Удача была на нашей стороне, потому что длинные пики вредны в кавалерийском сражении, когда те, кто держит эти пики, оказываются в некотором беспорядке и их теснит противник, вооруженный саблями. Противник легко может воспользоваться своими саблями, а уланам и казакам весьма трудно применить свои пики. Поэтому казакам пришлось обратиться в бегство. Мои кавалеристы убили многих из них и захватили значительное число прекрасных лошадей. Мы собирались закрепить этот успех, как вдруг наше внимание привлек громкий шум, доносившийся с правого фланга.

Обернувшись, мы увидели, что равнина покрыта беглецами. Именно в этот момент русские кавалергарды проводили свою бесстрашную атаку. Генерал Кастекс, рассудив, что было бы неблагоразумно двигаться вперед, в то время как наш центр, похоже, отступал в беспорядке, приказал трубить сбор, и наша бригада остановилась. Но как только мы перестроились, казаки осмелели, видя то, что происходило в центре, и желая отомстить за свою первую неудачу, вновь бросились в атаку и яростно накинулись на мои эскадроны, а гродненские гусары тогда же атаковали 24-й полк. Русские, отброшенные на всех пунктах бригадой Кастекса, выдвинули вперед свою вторую и третью линии, поэтому генерал Корбино примчался на помощь бригаде Кастекса с 7-м и 20-м полками конных егерей и 8-м уланским полком. В этот момент произошла большая кавалерийская битва, где удача попеременно переходила от одних к другим! Наши кирасиры прибыли для того, чтобы принять участие в бою. Русские кирасиры тоже двигались вперед, как вдруг Витгенштейн, видя, что его пехота разбита и ее теснят наши пехотинцы, приказал своей кавалерии отступить. Однако она была настолько занята боем, что отступление оказалось довольно затруднительным.

В самом деле, генералы Кастекс и Корбино, уверенные, что их поддержат наши кирасиры, шедшие за ними на небольшом расстоянии, поочередно бросили свои бригады на русских кавалеристов, которые в полном беспорядке вынуждены были отступать, неся значительные потери. Выбравшись из леса, где после удачных боев объединялись наши пехотные и кавалерийские дивизии, генерал Сен-Сир, видя наступление ночи, приказал прекратить преследование, и войска вернулись в Полоцк, чтобы вновь оказаться на бивуаках, которые они оставили за несколько часов до этого.

Во время ожесточенной битвы, когда сражалась кавалерия обеих сторон, моя рана причиняла мне сильную боль, особенно если мне приходилось пускать лошадь галопом. Невозможность защищаться самому нередко ставила меня в затруднительное положение, из которого я не смог бы выйти, если бы меня не окружала группа храбрецов, ни на миг не упускавших меня из виду. В какой-то момент солдаты увлекли меня вместе с собой в атаку на взвод казаков-гвардейцев, и мне пришлось для сохранения собственной жизни оставить повод коня и взять в руки саблю. Однако мне не пришлось ею воспользоваться, поскольку, увидев, что командиру угрожает опасность, все люди моего эскорта, яростно атаковав казаков, уже окруживших меня, сбросили многих из них на землю, а других обратили в бегство.

Мой ординарец Фус, отменный рубака, убил троих, а аджюдан-мажор Жоли двоих! Таким образом, я вышел живым и здоровым из этой схватки, в которой пожелал лично участвовать, чтобы вдохновить на бой мой полк и доказать ему снова, что, пока я буду иметь возможность сесть на коня, я буду считать за честь командовать полком в минуты опасности. Офицеры и остальные кавалеристы полка были весьма признательны за эту преданность, и их привязанность ко мне еще больше возросла, как вы увидите позже, когда я буду говорить о несчастьях великого отступления.

Кавалерийские сражения гораздо менее гибельны для людей, чем сражения кавалерии против пехоты. Впрочем, русские кавалеристы обычно неловки во владении холодным оружием, а их командиры, мало сведущие в тактике, не умеют посылать своих кавалеристов в атаку в нужный момент, так что, хотя мой полк и сражался в Полоцком сражении с казаками русской гвардии, известными как самые лучшие кавалеристы русской армии, он не понес значительных потерь. В этот день я потерял убитыми всего восемь или девять человек, около тридцати были ранены, но в числе этих последних был начальник эскадрона Фонтен. Этот замечательный, смелый офицер был в самых опасных местах боя, когда под ним убили лошадь. Ноги г-на Фонтена запутались в стременах. Он пытался освободиться с помощью нескольких егерей, пришедших ему на помощь, как вдруг проклятый казачий офицер, пролетая галопом мимо этой группы, ловко наклонился в седле и нанес Фонтену ужасный удар саблей, выбил ему глаз, задел другой глаз и разрубил нос! Но в тот момент, как этот русский офицер, гордый своим подвигом, уже удалялся, один из наших солдат прицелился в него с шести шагов из пистолета и убил его, отомстив, таким образом, за своего командира! Как только представилась возможность, я приказал перевязать г-на Фонтена. Его перевезли в Полоцк в монастырь иезуитов, куда в тот же вечер я приехал навестить его. Я восхищался смирению этого храброго воина, который, потеряв один глаз, терпеливо переносил боль и неприятности, к коим приводит почти полная потеря зрения. С тех пор Фонтен не смог больше продолжать активную военную службу. Для 23-го полка конных егерей это было большой потерей. В этом полку он служил с самого его создания и пользовался любовью и уважением всех сослуживцев. Меня очень огорчило его несчастье. Оставшись единственным высшим офицером в полку, я старался выполнять все, что требовалось по службе, а это было очень нелегким делом.

Вы, конечно, можете сказать, что я слишком углубляюсь в

детали, касающиеся различных боев, в коих участвовал 2-й армейский корпус, но я повторю то, что уже писал: я нахожу удовольствие в воспоминаниях о великих войнах, в которых я принимал участие, и говорю об этом с удовольствием! Мне кажется тогда, что я нахожусь на поле боя в окружении моих смелых товарищей, которые почти все — увы! — уже покинули этот мир!.. Но вернемся к Русской кампании.

Любой другой генерал, кроме Сен-Сира, после столь тяжелых боев устроил бы смотр своим войскам, чтобы приветствовать их за смелость и осведомиться об их нуждах. Но этого не произошло, потому что едва прозвучал последний выстрел, как Сен-Сир заперся в монастыре иезуитов. И что, по-вашему, он делал там целыми днями и частично ночами? *Играл на скрипке!* Это была его главная страсть, и лишь необходимость идти на врага могла отвлечь его от этого! Генералы Лорансе и Вреде, которым он поручил распределять войска, направили две пехотные дивизии и кирасир на левый берег Двины. Третья французская дивизия и две дивизии баварцев остались в Полоцке, где им было поручено возводить укрепления вокруг обширного укрепленного лагеря, предназначенного служить опорой частям, которые из этого важного пункта должны были защищать левый фланг и тылы Великой армии, готовившиеся к маршу на Смоленск и Москву. Бригады легкой кавалерии Кастекса и Корбино были размещены в 2 лье спереди от большого лагеря на левом берегу Полоты — маленькой речки, впадающей в Двину в Полоцке.

Мой полк расположился бивуаком возле деревни. Командир 24-го полка конных егерей разбил свой бивуак в четверти лье позади нас под прикрытием 23-го полка. Мы оставались там два месяца. Первый месяц обошелся без единого рейда на дальние расстояния.

Узнав о победе, одержанной генералом Сен-Сиром на подступах к Полоцку, император послал ему маршальский жезл. Но вместо того чтобы воспользоваться этим случаем для посещения своих частей, новый маршал продолжал жить в еще более полном одиночестве, если только подобное возможно. Никто не мог проникнуть к командующему армией. В результате солдаты прозвали его *совой.* Кроме того, хотя обширный Полоцкий монастырь имеет свыше сотни комнат, которые могли бы быть столь полезными для раненых, он захотел поселиться там *один,* считая, что делает очень большую уступку, разрешив поместить в общих помещениях монастыря высших раненых офицеров. К тому же они могли оставаться там всего двое суток, после чего товарищи были обязаны транспортировать их в город. Погреба и чердаки монастыря ломились от провизии, собранной

иезуитами, там в изобилии находились вина, пиво, растительное масло, мука и т. д. Но маршал велел принести ему ключи от всех складов. Ничего не могло выйти оттуда, даже для того, чтобы направиться в госпиталь!.. Лишь с большим трудом мне удалось получить две бутылки вина для раненого Фонтена. Странно то, что маршал Сен-Сир едва ли использовал эти продукты для себя самого, потому что он был крайне воздержанным человеком и в то же время очень большим оригиналом. Армия громко осуждала его, и та провизия, какую маршал отказывался хотя бы частично раздать своим войскам, спустя два месяца оказалась добычей пламени и русских, когда французам пришлось покинуть горящий город и объятый огнем монастырь!

Глава XII

Продвижение Великой армии. — Взятие Смоленска. — Ней у Валутиной горы. — Битва при Москве-реке. — Различные эпизоды

В то время как на подступах к Полоцку и на берегах Дриссы происходили только что рассказанные мною события, император оставался в Витебске, откуда он руководил всеми операциями своих корпусов. Некоторые военные историки упрекали Наполеона за то, что он потерял много времени сначала в Вильно, где он оставался 19 дней, а затем в Витебске, где провел 17 дней. Эти историки утверждают, что он мог бы лучше использовать эти 86 дней, тем более находясь в стране, где лето очень коротко, а зима начинает чувствоваться с конца сентября. Этот упрек выглядит в какой-то степени обоснованным, но его можно смягчить, ответив, что, во-первых, император надеялся, что русские попросят мира, а во-вторых, существовала необходимость собрать в одном месте различные корпуса, ранее посланные преследовать Багратиона. И, наконец, необходимо было дать некоторый отдых войскам, которые, помимо обычных маршей, каждый вечер должны были отправляться на поиски провианта вдали от своих бивуаков, потому что отступавшие русские сжигали все склады и не было возможности каждый день регулярно раздавать французским солдатам продовольствие. Однако на протяжении долгого времени счастливым исключением из этого правила был корпус Даву, потому что этот маршал, который был столь же хорошим администратором, как и военным, задолго до переправы через Неман организовал огромные обозы, состоявшие из небольших повозок, следовавших за его армией. Эти повозки были наполнены сухарями, солониной и овощами. Их тащили быки, нескольких из которых каждый день забивали. Это давало провиант войскам и служило для поддержания солдат в нужной форме.

Император покинул Витебск 18 августа и, все больше и больше отдаляясь от 2-го и 6-го корпусов, которые он оставил в Полоцке под командованием Сен-Сира, направился в Красный, где часть Великой армии оказалась лицом к лицу с врагом. Надеялись, что произойдет сражение. Произошел лишь небольшой бой с русским арьергардом. Последний был разбит и быстро отступил.

15 августа, в свой день рождения, император устроил парад войскам, которые с энтузиазмом приветствовали его. 16 августа армия вступила в Смоленск — крепость, прозванную русскими

Святой, потому что они считали этот город ключом к Москве и защитой всей своей империи. Древние пророки предсказывали великие несчастья для России в день, когда падет Смоленск. Это суеверие, заботливо поддерживаемое русским правительством, датируется той эпохой, когда город Смоленск, расположенный на Днепре, или Борисфене, был крайней западной границей Московии.

Король Мюрат и маршал Ней, прибывшие первыми к Смоленску, неизвестно почему подумали, что неприятель покинул эту крепость. Донесения, посланные императору, заставили его поверить в это, поэтому он приказал авангарду войти в город. Нетерпеливый Ней ждал лишь этого приказа: он двинулся к воротам города с небольшим эскортом гусар, но вдруг на наших кавалеристов бросился казачий полк, скрывавшийся за небольшим холмом, покрытым кустарником. Казаки смяли наших кавалеристов и окружили маршала Нея. Они были так близко от него, что выстрел из пистолетов, произведенный почти в упор, разорвал ворот его мундира! К счастью, на помощь примчалась бригада Домманже и спасла маршала. И, наконец, прибытие пехоты генерала Разу позволило Нею достаточно близко подойти к городу, чтобы убедиться в том, что русские намереваются его защищать.

Увидев на городских укреплениях множество пушечных стволов, генерал Эбле, один из самых способных офицеров, посоветовал императору обогнуть крепость, приказав польскому корпусу князя Понятовского переправиться через Днепр в 2 лье выше по течению. Однако Наполеон согласился с мнением Нея, утверждавшего, что Смоленск будет нетрудно взять, и отдал приказ начать атаку. Три армейских корпуса — корпус Даву, корпус Нея и корпус Понятовского — бросились со всех сторон на крепость, со стен которой начался смертоносный артиллерийский огонь. Однако он был менее силен, чем огонь батарей, установленных русскими на высотах противоположного берега. Началось очень кровавое сражение. Артиллерийский и ружейный огонь косил наши ряды, а наша артиллерия никак не могла разрушить крепостные стены. Наконец, с приходом ночи противник, смело защищавший свою землю пядь за пядью, был загнан в Смоленск, который русские приготовились покинуть. Но, отступая, они подожгли город во многих местах. У императора появилась надежда овладеть городом, где, как предполагалось, можно было взять большую добычу. Лишь на рассвете следующего дня французы проникли в крепость. Улицы были завалены убитыми русскими солдатами и покрыты дымившимися развалинами. Взятие Смоленска обошлось нам в 12 тысяч человек

убитыми или ранеными! Этих громадных потерь можно было бы избежать, переправившись через Днепр вверх по течению, как предлагал генерал Эбле, потому что, боясь быть отрезанным, генерал Барклай де Толли, командующий армией противника, оставил бы крепость, чтобы отступить по направлению к Москве.

После того как русские сожгли мост, они на короткое время обосновались на высотах правого берега и вскоре начали отступать по московской дороге. Маршал Ней со своим армейским корпусом преследовал их при поддержке дивизии Гюдена, входившей в состав корпуса маршала Даву. На небольшом расстоянии от Смоленска, при Валутиной, маршал Ней вошел в соприкосновение с русской армией, со всеми своими обозами скучившейся в узком проходе между холмами. Столкновение оказалось весьма серьезным. Это была настоящая битва, которая могла стать весьма гибельной для противника, если бы генерал Жюно, командующий 8-м корпусом, со слишком большим опозданием переправившийся через Днепр в 2 лье выше Смоленска, не отдыхал бы там двое суток, а примчался бы на гром артиллерии Нея, от которого он был всего лишь в 1 лье! Но, даже будучи предупрежден Неем, Жюно не двинулся с места! Напрасно адъютант Шабо от имени императора передал ему приказ идти на соединение с Неем. Напрасно Гурго приехал, чтобы подтвердить тот же приказ. Жюно не сдвинулся с места! Однако Ней, столкнувшийся с сильно превосходящими силами противника, ввел в действия последовательно все части своего корпуса и приказал дивизии Гюдена захватить очень хорошие позиции, занятые русскими. Этот приказ был выполнен с редкой храбростью, но сразу после первой атаки бравый генерал был смертельно ранен. Однако, продолжая сохранять свое великолепное хладнокровие, перед тем как умереть, он решил закрепить успех своих частей, которые столь часто приводил к победе, и назначил своим преемником генерала Жерара, хотя тот и был самым молодым бригадным генералом его дивизии.

Жерар сразу же стал во главе дивизии и двинулся на врага, а в 10 часов вечера, потеряв 1800 человек и убив 6 тысяч русских, он оказался хозяином поля сражения, откуда русские поспешили уйти.

На следующий день император прибыл в армейские части, которые столь храбро сражались. Он осыпал их почестями и назначил Жерара дивизионным генералом (позже он стал маршалом Франции). Генерал Гюден умер несколько часов спустя.

Если бы Жюно захотел принять участие в сражении, он смог бы запереть русскую армию в узком проходе, где, попав меж двух

огней, она была бы вынуждена сдаться, что привело бы к окончанию войны. Поэтому все пожалели о короле Жероме. Последний, хотя и был весьма посредственным генералом, скорее всего, пришел бы на помощь Нею. И все ждали, что Жюно будет строго наказан. Но он был первым офицером, которого Наполеон приблизил к себе и который был с ним во всех его кампаниях, начиная с осады Тулона в 1793 году. Император его любил, и он его простил. Это было несчастье, потому что требовалось наказать Жюно в назидание другим.

Как только русским стало известно о взятии Смоленска, то со всех сторон стали слышаться упреки в адрес генерала Барклая де Толли. Он был *немцем.* Нация осуждала его за то, что он не проявил достаточно смелости и решимости в ведении войны. Для защиты старинной *Московии* требовали *московского* генерала. Император Александр, принужденный уступить, доверил главное командование всеми своими армиями генералу Кутузову, пожилому человеку с малыми способностями, известному тем, что был разбит при Аустерлице, но имевшему одно достоинство, которое в создавшихся обстоятельствах выглядело важным: он был исконно русским человеком, что давало ему большое влияние как на воинские части, так и на широкие народные массы.

Тем временем французский авангард, продолжавший теснить врага перед собой, уже миновал Дорогобуж, когда 24 августа император решил покинуть Смоленск. Жара стояла удушающая. Мы шли по зыбучим пескам. Столь огромному количеству людей и лошадей не хватало провианта, потому что русские оставляли за собой сожженные деревни и хутора. Когда армия вошла в Вязьму, этот красивый город был весь в огне! В таком же состоянии мы нашли Гжатск. Чем ближе мы подходили к Москве, тем меньше запасов было в окрестностях. Погибло некоторое количество людей и очень много лошадей. Спустя короткое время на смену нестерпимой жаре пришли холодные дожди, продолжавшиеся до 4 сентября. Начиналась осень. Армия была всего лишь в 6 лье от Можайска — единственного города, который оставалось взять до вступления в Москву. В этот момент армия заметила, что силы вражеского арьергарда значительно возросли. Все указывало на то, что в ближайшее время наконец состоится большое сражение. 5 сентября наш авангард на короткое время был остановлен русскими, хорошо укрепившимися в редуте на холме при поддержке артиллерии. 57-й линейный полк, который во время первой Итальянской кампании генерал Бонапарт прозвал *Грозным,* достойно поддержал свою репутацию, овладев этим редутом

(Шевардинским). Мы уже находились на той территории, где спустя двое суток состоялось сражение, которое русские называют Бородинской битвой, а французы — битвой при Москве-реке.

6 сентября император приказал объявить, что на следующий день состоится большое сражение. Армия с радостью ожидала этого великого дня, надеясь, что он положит конец ее трудностям, потому что уже целый месяц войска не получали ни нормальной пищи, ни снаряжения. Каждый жил *как мог*. Обе стороны использовали вечернее время для того, чтобы занять окончательные позиции.

У русских Багратион командовал левым флангом, насчитывавшим 62 тысячи человек. В центре находился гетман Платов со своими казаками и 30 тысячами ополченцев. На правом фланге насчитывалось 70 тысяч человек под командованием Барклая де Толли, который был освобожден от верховного командования и остался на второстепенных ролях. Старый Кутузов был главнокомандующим всех войск, общая численность которых достигала 162 тысячи человек. Император Наполеон едва смог противопоставить русским 140 тысяч человек при следующей диспозиции: принц Евгений командовал левым флангом, маршал Даву — правым флангом, маршал Ней — центром, король Мюрат — кавалерией. Императорская гвардия находилась в резерве.

Сражение произошло 7 сентября. Погода была пасмурная, и холодный ветер поднимал клубы пыли. Император, страдавший от ужасной мигрени, находился на небольшом возвышении, где и провел большую часть дня, ходя взад-вперед пешком. Из этого места он мог видеть лишь часть поля битвы, а чтобы разглядеть его целиком, должен был подняться на соседний холм, что он и сделал дважды во время сражения. Императора упрекают в недостаточной активности, однако следует признать, что из центрального пункта, где он находился вместе со своими резервами, он мог получать все необходимые донесения о том, что происходило по всей линии. Если бы он был то на одном, то на другом фланге, перемещаясь между ними по столь пересеченной местности, адъютанты со срочными донесениями не смогли бы его увидеть и не знали бы, где его найти. Не следует, впрочем, забывать, что император был болен, и ледяной ветер, который непрерывно дул, мешал ему держаться в седле.

Я не присутствовал в сражении при Москве-реке, поэтому воздержусь от того, чтобы вдаваться в детали по поводу маневров, выполнявшихся во время этой памятной битвы. Я ограничусь тем, что скажу: после неслыханных усилий французы одержали над русскими победу, а сопротивление русских было очень и очень

упорным. Москворецкая (Бородинская) битва считается одним из самых кровавых сражений нашего века. Обе армии понесли *громадные* потери, которые оцениваются в общем в 50 тысяч человек убитыми или ранеными! Французы потеряли убитыми или ранеными 49 генералов, всего же в их армии выбыло из строя 20 тысяч человек. Потери русских на одну треть превышали урон французских войск. Генерал Багратион, лучший из их генералов, был смертельно ранен. На земле осталось лежать 12 тысяч лошадей. Французы захватили очень мало пленных. Это говорит о храбрости побежденных.

Во время сражения произошло множество интересных эпизодов. Так, когда левый фланг русских, который дважды был прорван в результате неслыханных усилий Мюрата, Даву и Нея и каждый раз восстанавливался, приходил в себя третий раз после французской атаки, Мюрат поручил генералу Белльяру умолять императора прислать часть своей гвардии для того, чтобы закрепить победу. Без этого для победы над русскими потребовалась бы еще одна битва! Наполеон готов был удовлетворить эту просьбу, но маршал Бессьер, командующий Императорской гвардией, сказал ему: «Я позволю себе возразить Вашему Величеству, ведь в данный момент гвардия находится в 700 лье от Франции». Возможно, это возражение повлияло на решение императора, а может быть, он не счел, что битва зашла столь далеко, чтобы пускать в дело свой резерв. Император отказался. Две другие подобные просьбы ждала та же судьба.

Вот один из наиболее примечательных фактов этого сражения, столь богатого различными проявлениями храбрости. Весь центр вражеской линии там и сям прерывался высотами, на которых были расположены редуты, реданы, и там же находилось сильное укрепление, где стояло много пушек. После значительных потерь французы овладели всеми этими сооружениями, но не смогли закрепиться в укреплениях. Вновь овладеть этим очень важным местом было трудно даже для пехоты. Командир 2-го кавалерийского корпуса генерал Монбрен в подзорную трубу заметил, что у входа в это укрепление его горжа (горловина) не была полностью закрыта и что русские части входили туда повзводно. Он заметил также, что, обогнув высоту, можно было обойти валы этого укрепления и окружавшие его овраги и холмы, приведя эскадроны до самого входа в укрепление по совсем не крутому склону, проходимому для кавалерии. Исходя из этого, генерал Монбрен предложил проникнуть в это укрепление сзади со своей кавалерией, в то время как пехота будет атаковать спереди. Это весьма дерзкое предложение было одобрено Мюратом и императором, и

Монбрену поручили его выполнить. Но пока этот бесстрашный генерал отдавал распоряжение о том, как следует действовать, он был убит пушечным выстрелом. Это была великая потеря для всей армии! Однако его смерть не привела к отказу от выполнения предложенного им плана, и император послал генерала Коленкура — брата своего обер-шталмейстера — заменить Монбрена.

И тогда все стали свидетелями случая, не слыханного и не виданного в анналах истории войн: громадное укрепление, защищавшееся многочисленной артиллерией и несколькими батальонами, было атаковано и взято кавалерийской колонной! В самом деле, Коленкур бросился в атаку вместе с дивизией кирасир, во главе которой двигался 5-й кирасирский полк под командой бесстрашного полковника Кристофа. Все защитники редута были опрокинуты на подступах к нему. Французы подошли ко входу укрепления, проникли внутрь, и там Коленкур был убит пулей в голову! Полковник Кристоф и его кавалеристы отомстили за своего генерала, изрубив своими палашами часть вражеского гарнизона. Редут остался в их руках, что укрепило победу французов.

В наши дни, когда жажда повышения по службе никак не может быть удовлетворена, можно только удивляться тому, что после столь прекрасного подвига полковник не получил повышения в чине. Однако во времена Империи амбиции были более скромными. Кристоф стал генералом лишь несколько лет спустя и никогда не выражал недовольства этой задержкой.

Обычно столь доблестные поляки, особенно те, кто в течение пяти лет в Великом герцогстве Варшавском находились под командованием князя Понятовского, в этом сражении действовали так слабо и нерешительно, что император через своего начальника генерального штаба передал им упрек. Генерал Рапп получил в сражении при Москве-реке свое двадцать первое ранение.

Хотя русские были побеждены и вынуждены покинуть поле битвы, их главнокомандующий Кутузов имел *дерзость* написать императору Александру, что он только что одержал над французами великую победу! Эта ложная новость достигла Санкт-Петербурга в день рождения Александра и вызвала там большую радость. Были отслужены молебны. Кутузова провозгласили спасителем родины и произвели в *фельдмаршалы.* Однако правда вскоре стала известна. Радость превратилась в траур. Но Кутузов уже стал фельдмаршалом! Именно этого он и хотел. Любой другой монарх, помимо робкого Александра, строго наказал бы нового фельдмаршала за его грубую ложь, но Кутузов был нужен,

поэтому он остался во главе армии.

Глава XIII

Дурные новости из Испании. — Ростопчин. — Пожар Москвы. — Пробуждение русской армии. — Коварство Кутузова

Отступая по направлению к Москве, 8 сентября утром русские вошли в Можайск, где произошло довольно оживленное кавалерийское сражение, в котором был ранен генерал Белльяр. Наполеон провел в Можайске три дня для того, чтобы отдать приказы, необходимость которых вызывалась обстоятельствами, а также для того, чтобы ответить на многочисленные запоздалые депеши. Одна из них пришла накануне большого сражения при Москве-реке и очень сильно взволновала его. Она даже во многом способствовала его болезни, потому что в ней говорилось, что наша так называемая Португальская армия под командованием маршала Мармона только что потерпела страшное поражение при Арапилах, около Саламанки в Испании.

Мармон — это была одна из ошибок Наполеона. Император восхищался кое-какими школьными успехами, которых в прежние времена достиг Мармон, и поэтому предполагал у данного маршала наличие военных талантов, но его поведение во время войны никогда не оправдывало эти предположения. В 1811 году Мармон заменил Массену в командовании Португальской армией. Тогда он заявлял, что разобьет Веллингтона, но все оказалось совсем наоборот. Мармон только что был разбит и сам получил ранение. Его армия, отброшенная противником в самой большой панике и беспорядке, была вынуждена покинуть многие ранее захваченные провинции и понесла бы еще большие потери, если бы к ней не присоединился генерал Клозель.

Узнав об этой катастрофе, император должен был хорошенько подумать о том предприятии, какое он осуществлял в данный момент, потому что, пока он готовился через несколько дней войти в Москву во главе самой многочисленной из своих армий, другая его армия только что была разбита в тысячах лье отсюда. Он завоевывал Россию и вот-вот должен был потерять Испанию! Эскадронный начальник Фавье, который сейчас уже генерал-лейтенант, привез императору депеши от Мармона. Он захотел принять участие в Бородинском сражении и был ранен в атаке на большой вражеский редут. Вот что значит приехать за своей пулей издалека!

12 сентября Наполеон покинул Можайск и 15 сентября вошел в Москву. Этот огромный город был пустым. Его губернатор генерал Ростопчин приказал всем жителям выехать из Москвы.

Этот Ростопчин, из которого хотели сделать героя, на самом деле был варваром, не отступавшим ни перед чем ради известности. Он позволил населению растерзать многих иностранных торговцев, особенно французов, обосновавшихся в Москве. Единственным преступлением этих людей было то, что их *подозревали* в желании видеть войска Наполеона вошедшими в Москву. За несколько дней до Бородинского сражения казаки захватили сотню французских раненых. Кутузов отправил их окольными дорогами московскому губернатору, который без всякой жалости и сострадания к их усталости и несчастьям сначала оставил их на двое суток без еды, а затем с триумфом провел по улицам Москвы, где многие из этих несчастных умерли от голода. А агенты полиции читали жителям Москвы прокламацию Ростопчина, который, чтобы убедить жителей взяться за оружие, говорил, что все французы были такими же слабыми и глупыми и должны были быстро отступить под ударами русских. После окончания этого ужасного шествия большинство наших солдат, еще остававшихся живыми, были убиты диким простонародьем, а Ростопчин ничего не сделал для их спасения!..

Разбитые русские войска пересекли Москву и вышли из нее, чтобы переформироваться в более чем 30 лье от столицы, возле Калуги, на дороге, ведущей в Азию. Король Мюрат преследовал их на этом пути со всей своей кавалерией и несколькими пехотными корпусами. Императорская гвардия осталась в Москве, и Наполеон обосновался в *Кремле,* в древнем укрепленном дворце, который был обычно резиденцией царей. Все выглядело достаточно спокойно, когда вдруг в ночь с 15 на 16 сентября французские и немецкие торговцы, спасшиеся от происков губернатора, явились, чтобы предупредить штаб Наполеона о том, что город будет в ближайшее время подожжен. Вскоре это предупреждение подтвердил один русский полицейский, который не мог решиться на выполнение приказа своего командира. От этого человека стало известно, что, прежде чем покинуть Москву, Ростопчин приказал выпустить всех каторжников и заключенных из тюрем, вернув им всем свободу, и велел раздать им большое количество факелов, сделанных английскими рабочими. Все эти поджигатели спрятались в покинутых дворцах и ждали сигнала! [130]

Узнав об этом ужасном плане, император немедленно приказал принять самые суровые меры. Многочисленные патрули объехали город и убили множество бандитов, захваченных на месте преступления при поджогах. Однако было уже слишком поздно. Огонь вспыхнул очень скоро в различных точках города.

Его разрушительное действие оказалось еще более быстрым также и потому, что Ростопчин приказал убрать все насосы. За короткое время Москва превратилась в страшное пекло. Император покинул Кремль и укрылся в Петровском замке. Он вернулся в Кремль лишь через три дня, когда пожар начал утихать из-за того, что все уже сгорело. Я не буду описывать подробности пожара Москвы, о котором уже рассказывали его многочисленные свидетели, и ограничусь тем, что ниже рассмотрю последствия этой громадной катастрофы.

Наполеон плохо сумел оценить положение, в коем оказался Александр, и продолжал надеяться на то, что все уладится. Наконец, устав ждать, он решил сам написать Александру. Тем временем русская армия реформировалась возле Калуги, и оттуда ее командиры посылали в Москву представителей, которым было поручено направлять потерявшихся солдат в свои полки. Количество таких солдат оценивают примерно в 15 тысяч. Эти люди скрывались в пригородах Москвы. Они открыто передвигались среди наших бивуаков, сидели у костров с нашими солдатами, ели с ними, и никому не приходило в голову взять их в плен. Это было большой ошибкой, потому что постепенно они возвращались в русскую армию, а наша армия день ото дня слабела оттого, что в ней появлялись больные, и оттого, что на нас начали действовать первые холода. Особенно велики были потери среди лошадей, что объясняли необыкновенной усталостью, которую по вине короля Мюрата в течение всей Русской кампании испытывала кавалерия, коей он был командиром. Мюрат, вспоминая о своих блистательных успехах 1806 и 1807 годов в сражениях с пруссаками, когда он беспощадно преследовал их, думал, что кавалерия должна была выносить все и совершать переходы по 12–15 лье в день. При этом он совершенно не волновался по поводу усталости лошадей, поскольку главным для него было выйти на врага во главе нескольких колонн! Однако условия с той поры сильно изменились — из-за климата, трудности добывать сено, длительности Русской кампании и особенно из-за упорства русских. Поэтому, когда мы прибыли в Москву, лишь половина наших кавалеристов была на лошадях. И Мюрат завершал уничтожение остатков кавалерии в Калужской губернии. Мюрат, гордый своим высоким ростом, своей смелостью, всегда носивший весьма странные, блестящие костюмы, привлек внимание противника. Ему нравилось вести с русскими переговоры, поэтому он обменивался подарками с казачьими командирами. Кутузов воспользовался этими встречами, чтобы поддержать во французах ложные надежды на мир. Король Мюрат

поделился этими надеждами с императором. Но однажды враг, который прикидывался ослабленным, «проснулся», проник в наши лагеря, отнял у нас несколько обозов, жестоко потрепал драгунский эскадрон гвардейцев и один маршевый батальон, поэтому с той поры Наполеон запретил под *страхом смертной казни* любое общение с русскими, не разрешенное лично им.

Однако Наполеон не терял надежду на заключение мира. 4 октября он послал своего адъютанта генерала Лористона в штаб Кутузова. Этот хитрый русский показал генералу Лористону письмо, которое он направлял императору Александру, чтобы поторопить его принять предложение французской стороны в связи с тем, что, как он говорил, «московская» армия была не в состоянии продолжать войну. Но едва офицер с этой депешей отправился в Санкт-Петербург, получив при этом от Лористона пропуск, как Кутузов послал к своему императору еще одного адъютанта. Этот второй посланец не имел французского пропуска, поэтому он был задержан нашим патрулем, и, поскольку он был хорошей добычей, в соответствии с военными законами, его арестовали, а его депеши были переданы Наполеону. Их текст *полностью противоречил* тексту тех депеш, какие Кутузов показывал Лористону. И действительно, русский фельдмаршал умолял своего государя не вести никаких переговоров с французами и объявлял ему, что «армия генерала Чичагова, покинувшая Валахию после заключения мира с турками, двигалась в направлении к Минску, чтобы перерезать Наполеону путь к отступлению». Кутузов также информировал Александра о переговорах, которые он ловко вел с Мюратом, для того чтобы подольше сохранить то ложное состояние гибельной безопасности, в коем французы пребывали в Москве при наступлении столь поздней осени…

При виде этого письма Наполеон, поняв, что его обманули, впал в ужасный гнев и, как говорят, составил план похода на Санкт-Петербург. Однако, помимо ослабления своей армии и зимних холодов, препятствовавших этой серьезной экспедиции, у императора были и другие крайне важные причины приблизиться к Германии, чтобы иметь возможность лучше наблюдать за ней и видеть также то, что происходило во Франции. В Париже только что возник заговор, и руководители этого мятежа оставались хозяевами французской столицы в течение целых суток! Экзальтированный человек, генерал Мале зажег в Париже эту искру, которая могла бы превратиться в пожар, и, если бы на его пути не встретился столь же проницательный, сколь и энергичный человек, аджюдан-мажор Лаборд, возможно, с императорским правительством было бы уже покончено.

Тем не менее все умы были потрясены этим событием, и можно понять, каково было огорчение Наполеона, когда он узнал об опасности, которой только что подверглись его семья и его правительство!

Глава XIV

Отступление — дело решенное. — Корпус Себастьяны захвачен врасплох. — Сражение при Малоярославце. — Возвращение к Можайску и Бородину. — Бараге д'Ильер сдается противнику. — Я произведен в полковники. — Героическое отступление маршала Нея

В Москве положение Наполеона с каждым днем становилось все тяжелее. Холода делались все более жестокими, и лишь моральный дух солдат, уроженцев Франции, оставался непоколебимым. Однако эти солдаты составляли лишь половину войск Наполеона. Остальная часть армии состояла из немцев, швейцарцев, хорватов, ломбардцев, римлян, жителей Пьемонта, испанцев и португальцев. Все эти иностранцы оставались верными Наполеону, пока армия одерживала победы. Теперь они начинали роптать, и, привлеченные прокламациями на различных языках, они в большом количестве дезертировали и переходили на сторону врага, который обещал отправить их на родину.

Добавим к этому, что два фланга Великой армии, состоявшие, главным образом, из австрийцев и пруссаков, не образовывали больше сплошную линию, имевшую также и центр, как в начале кампании. Они находились у нас в тылу, готовые преградить нам путь при первом же приказе своих монархов, старых и непримиримых врагов Франции! Положение было крайне критическим, и, хотя самолюбие Наполеона сильно пострадало от того, что, начав отступление и не сумев навязать Александру заключение мира, ему пришлось признаться всей Европе, что он не достиг цели своей кампании, слово *отступление* было наконец произнесено! Но ни император, ни его маршалы, наконец, никто в тот момент даже не думал о том, чтобы покинуть Россию и вновь переправиться через Неман. Речь шла лишь о том, чтобы устроить зимние лагеря в наименее истощенных провинциях Польши.

В принципе решение о том, чтобы покинуть Москву, было уже принято, однако, прежде чем решиться на его выполнение, Наполеон, сохранявший еще последнюю надежду на заключение мира, послал Коленкура к Кутузову, который ничего не ответил! Во время этого промедления наша армия таяла день ото дня. Пребывая в слепой беспечности, наши передовые посты в Калужской губернии подвергались опасностям, находясь на очень трудных позициях. И вдруг совершенно непредвиденное событие раскрыло глаза самым недоверчивым и уничтожило иллюзии, сохранявшиеся у императора относительно заключения мира.

Генерал Себастьяни, который, как мы видели, был уже однажды захвачен врасплох при Друе, только что заменил генерала Монбрена в командовании 2-м кавалерийским корпусом. Он находился поблизости от противника, однако проводил дни в домашних туфлях за чтением итальянских стихов, не проводя никаких разведывательных операций. Пользуясь этой преступной небрежностью, Кутузов 18 октября атаковал Себастьяни, окружил его со всех сторон, подавил численным превосходством и принудил оставить часть принадлежавшей этому корпусу артиллерии! Три кавалерийские дивизии Себастьяни, отрезанные от остальных частей Мюрата, смогли присоединиться к ним, лишь отбросив многочисленные вражеские батальоны, которые тщетно пытались противостоять их продвижению. В этой кровавой битве Себастьяни проявил свои достоинства, потому что он был очень смел. Однако можно говорить о нем лишь как об очень посредственном генерале. Вы увидите новые доказательства этому, когда мы будем обсуждать кампанию 1813 года.

В то время когда Кутузов напал на Себастьяни, он также приказал атаковать по всей линии Мюрата. Мюрат был легко ранен. Узнав в тот же день об этом прискорбном событии, а также о том, что во вражеский лагерь прибыло подкрепление из 10 тысяч кавалеристов из русской армии в Валахии, которых только что пропустили наши союзники-австрийцы, император отдал приказ отходить на следующий же день.

Утром 19 октября император покинул Москву, куда он вошел 15 сентября. Его Величество, Старая гвардия и основная часть армии отправились по калужской дороге. Маршал Мортье и две дивизии Молодой гвардии остались в городе еще на сутки, чтобы закончить его разрушение и взорвать Кремль. Затем они должны были стать замыкающими марша нашей армии.

За армией двигалось свыше 40 тысяч повозок, очень мешавших движению. Об этом сообщили императору, и он ответил, что каждая из этих повозок спасет двоих раненых, накормит нескольких человек и что мы будем избавляться от них постепенно. Мне кажется, что против подобной филантропической системы можно было бы возразить, потому что необходимость облегчить движение отступающей армии должна быть важнее всех остальных обстоятельств.

Во время пребывания французов в Москве король Мюрат и кавалерийские корпуса занимали часть Калужской губернии. Однако они не овладели городом Калугой, окрестности которой очень плодородны. Желая избежать прохода по полю Бородинского сражения, а также по дороге на Можайск, где армия

истощила все ресурсы, двигаясь по дороге на Москву, император предпочел двигаться в направлении Калуги, откуда он рассчитывал дойти до Смоленска по весьма богатым местам, которые, можно сказать, были новыми для нашей армии. Но через несколько дней пути наши войска, чья численность после соединения с королем Мюратом еще превышала 100 тысяч человек, оказались лицом к лицу с русской армией, занимавшей маленький городок Малоярославец. Позиция противника была очень сильна, однако император приказал атаковать врага принцу Евгению во главе Итальянского корпуса и французских дивизий под командованием Морана и Жерара. Ничто не смогло воспрепятствовать стремительному натиску наших частей. После долгой и кровопролитной битвы они овладели городом. В этом сражении мы потеряли 400 человек убитыми или ранеными. Среди убитых остался генерал Дельзон, очень смелый, заслуженный офицер.

На следующее утро, 24 октября, император, удивленный сопротивлением, которое ему пришлось испытать, и зная, что ему преграждала дорогу вся русская армия, остановил армию и провел три дня в размышлении о том, что он должен предпринять.

Во время одной из рекогносцировок, когда Наполеон приблизился к фронту вражеской линии, его чуть не захватили русские! Был густой туман… Вдруг раздались крики «Ура! Ура!», и масса казаков выскочила из леса, расположенного поблизости от дороги, и пересекла эту дорогу в 20 шагах от императора, опрокидывая и уничтожая все, что встречалось на ее пути. Но генерал Рапп, бросившись в атаку во главе двух эскадронов конных егерей и конных гренадеров гвардии, постоянно сопровождавших императора, обратил противника в бегство. Именно в этом сражении г-н Ле Культе, мой бывший товарищ по штабу маршала Ланна, ставший адъютантом принца Бертье, вооруженный копьем казака, только что убитого им, совершил неосторожность, кинувшись назад, размахивая этим оружием. Эта неосторожность оказалась тем более опасной, что он был одет в кавалерийский плащ и меховую шапку. Один конный гренадер из Императорской гвардии принял его за казачьего офицера и, видя, что Ле Культё направляется к императору, стал его преследовать и ударил наискосок своим огромным палашом! Несмотря на это ужасное ранение, г-н Ле Культё, размещенный в одной из повозок, принадлежавших императору, перенес холода и тяготы отступления и сумел вернуться во Францию.

Разведывательные поездки Наполеона убедили его в невозможности продолжать путь на Калугу без кровавого

сражения с многочисленными полками Кутузова. Поэтому Его Величество решил двигаться на Можайск, чтобы достичь Смоленска. Армия покинула богатую местность и стала снова двигаться по уже опустошенным областям, по дороге, которую в сентябре мы уже прошли. На этом пути мы были окружены пожарищами и валявшимися повсюду трупами! Маневр, совершенный при этом императором, после *десяти дней* пути привел его лишь на расстояние *12 лье* от Москвы, что вызвало у солдат беспокойство по поводу их будущего. Погода становилась все хуже. Маршал Мортье присоединился к императору после того, как взорвал Кремль.

Армия снова увидела Можайск и поле Бородинского сражения! Земля, изборожденная ядрами, была покрыта обломками касок, кирас, колес, оружием, обрывками мундиров и тридцатью тысячами трупов, наполовину разорванных волками! Французские войска и император быстро прошли по этой территории, бросив печальный взгляд на эту огромную могилу! Г-н де Сегюр в первом издании своей книги о Русской кампании говорит, что, возвращаясь через Бородинское поле, французы якобы встретили своего несчастного соотечественника, у которого обе ноги были повреждены в сражении и который якобы спрятался в трупе лошади, развороченном осколком, и провел там 50 дней, *питаясь и перевязывая свои раны гниющей плотью убитых!*.. Г-ну де Сегюру заметили, что этот человек должен был бы задохнуться от ядовитых смертоносных газов и что, с другой стороны, он скорее предпочел бы обрабатывать свои раны свежей землей и даже травой, чем увеличивать их разложение, используя гниющую человеческую плоть!

Я делаю это замечание лишь для того, чтобы предостеречь против преувеличений, коих столь много в этой книге, а книга эта имела такой большой успех потому, что она очень хорошо написана.

После Вязьмы армия попала под обильные снегопады, и ледяной ветер тоже замедлил наше передвижение. Пришлось оставить множество повозок. Несколько тысяч человек и лошадей погибли от холода прямо на дороге. Мясо палых лошадей послужило пищей солдатам и даже офицерам. Арьергард постепенно перешел от командования Даву под командование принца Евгения и в конце концов под командование маршала Нея, выполнявшего эту трудную миссию на протяжении всего остального пути.

1 ноября мы дошли до Смоленска. Наполеон приказал собрать в этом городе большое количество продовольствия, одежды и обуви, однако администраторы, которым это было

поручено, не могли знать, сколь сильны были дезорганизация и беспорядок в армии, и требовали для раздачи всех этих товаров квитанции и выполнения всех формальностей, как это делалось в обычное время. Из-за такой медлительности при распределении провианта и снаряжения солдаты, умиравшие от голода и холода, ожесточились, пришли в неистовство, сломали двери складов и с шумом захватили все, что в них было, так что многим досталось слишком много, некоторым недостаточно, а другим совсем *ничего*! Пока наши части двигались в порядке, смесь солдат различных национальностей вызывала лишь небольшие недоразумения. Однако как только несчастья и усталость привели к тому, что ряды нарушились, дисциплина пропала. Как могла она сохраниться в этой громадной массе отдельных индивидуумов, лишенных всего, идущих вперед как придется и к тому же не понимавших друг друга! В этой беспорядочной людской массе в самом деле царило полное *смешение языков*! Всеобщему беспорядку еще сопротивлялись несколько полков, в основном полки гвардии. Почти все кавалеристы линейных полков, потерявшие своих лошадей, были объединены в батальоны, и те из офицеров, кто еще был на лошадях, образовали эскадроны, командование которыми было доверено генералам Латур-Мобуру, Груши и Себастьяни, выполнявшим здесь функции простых капитанов. В то же время бригадные генералы и командиры полков несли службу сержантов и капралов. Одного только описания подобной организации достаточно для того, чтобы показать, до какой крайности дошла армия!

В этом критическом положении император рассчитывал на войска, состоявшие из частей различных родов оружия, который генерал Бараге д'Ильер должен был привести к Смоленску. Но, приближаясь к этому городу, мы узнали, что этот генерал сдался русской колонне, рассчитывая, что его одного не возьмут в плен и что ему разрешат вернуться к французской армии, чтобы объяснить свое поведение. Однако император не захотел видеть Бараге д'Ильера, приказал ему отправиться во Францию и находиться там под арестом, пока его не будет судить военный совет. Бараге д'Ильер не дожил до этого суда, он умер от отчаяния в Берлине.

Этот генерал тоже был одной из ошибок Наполеона. Император полюбил его в Булонском лагере, когда Бараге д'Ильер пообещал ему научить драгун служить одновременно в качестве пехотинцев и кавалеристов. Эта система была опробована в 1805 году во время Австрийской кампании. Старые драгуны, которым было приказано спешиться и которыми Бараге д'Ильер

командовал лично, были разбиты при Вертингене на глазах у императора. Им вернули лошадей, их снова разбили. И на протяжении нескольких лет драгуны едва пришли в себя от той неразберихи, какую посеял среди них генерал Бараге д'Ильер. Автор этой неудачной системы впал в немилость и надеялся реабилитировать себя, попросившись участвовать в Русской кампании, где он окончательно пал в глазах императора в результате своей капитуляции без боя, когда он нарушил приказ, предписывающий командиру корпуса, вынужденного сдаться, разделить судьбу своих солдат, и запрещающий ему просить у врага особых условий для себя самого.

Проведя несколько дней в Смоленске, для того чтобы собрать части, остававшиеся в арьергарде, император 15-го числа отправился в Красный, где, несмотря на усиленные меры предосторожности, связанные с тем, что сражение происходило неподалеку от города, он отправил одного офицера ко 2-му армейскому корпусу, остававшемуся на Двине и с этого момента являвшемуся единственной надеждой на спасение.

Полки, из которых состоял этот корпус, испытали меньше лишений и меньше устали, чем полки, участвовавшие у походе на Москву. Но как бы в качестве компенсации именно эти полки гораздо чаще с успехом били противника. Наполеон, желая вознаградить их за это, решил назначить офицеров этих полков на все вакантные должности и приказал представить ему предложения о повышениях в должностях и чинах, касающиеся офицеров 2-го армейского корпуса. Многие из этих предложений касались меня. В одном из них меня предлагали повысить в чине до майора. Именно это предложение секретарь и представил императору. От генерала Грюндлера, который, имея приказ принести императору все эти депеши, находился в кабинете Наполеона в тот момент, когда тот заканчивал свою работу, я знаю, что император в тот момент, когда стал подписывать бумаги, вычеркнул своей рукой слово *майор* и заменил его словом *полковник,* сказав при этом: «Я отдаю старый долг». Таким образом, я наконец стал полковником, командиром 23-го конно-егерского полка. Это случилось 15 ноября, но я узнал об этом лишь некоторое время спустя.

Отступление продолжалось с большим трудом. Неприятель, чьи силы непрерывно возрастали, отрезал от армии корпус принца Евгения, а также корпуса Даву и Нея. Двум первым из них с большим трудом удалось отбиться с оружием в руках и соединиться с остальной армией императора, с большой тревогой думавшего об отсутствии корпуса маршала Нея, от которого на протяжении многих дней не было никаких известий.

19 ноября Наполеон дошел до Орши. Прошел месяц с тех пор, как он покинул Москву. До Немана оставалось еще 120 лье. Холод стоял ужасный.

В то время как императора обуревали мрачные мысли о судьбе его арьергарда и его бесстрашного командира маршала Нея, тот совершил один из самых прекрасных подвигов, какие только упоминались когда-то в анналах военной истории. Маршал вышел из Смоленска 17-го утром, взорвав крепостные стены. Едва только его части покинули Смоленск, как были атакованы множеством вражеских отрядов, действовавших на обоих флангах, в голове и в хвосте французской колонны! Непрерывно отражая эти атаки, маршал шел в окружении неприятеля в течение трех дней. Наконец его движение было остановлено в опасном овраге в районе Красного. За этим оврагом виднелись массы русских войск и мощная артиллерия, которая открыла непрерывный страшный по силе огонь. Не удивившись этому непредвиденному препятствию, маршал принял смелое решение форсировать овраг и приказал 48-му линейному полку под командованием полковника Пеле, бывшего адъютанта маршала Массены, быстро перейти к штыковой атаке. При звуках голоса Нея французские солдаты, несмотря на усталость, муки голода и холода, бросились на русские батареи и захватили их. Противник вернул свои орудия, а наши солдаты снова отразили неприятеля, но в конце концов им пришлось уступить превосходящим силам врага. Под ожесточенным ружейным огнем погиб почти весь 48-й полк. Из 650 человек, которые вошли в овраг, на другую сторону выбралась всего лишь сотня. Среди них был серьезно раненный полковник Пеле.

Наступила ночь, и казалось, что любая надежда соединиться с остальной армией императора для арьергардного корпуса утрачена. Однако Ней доверял своим войскам и особенно себе самому. По его приказу были зажжены многочисленные огни с целью задержать врага в его лагере из опасения новой атаки на следующий день. Маршал решил оставить Днепр между собой и русскими и доверить свою судьбу и судьбу своих воинов тонкому льду этой реки. Он еще колебался относительно дороги, по которой следовало идти, чтобы как можно скорее добраться до Днепра, как вдруг русский полковник, прибывший из Красного, представился в качестве парламентера и стал уговаривать Нея сложить оружие! Велико было возмущение маршала при одной лишь мысли о подобном унижении. Поскольку вражеский офицер не имел с собой никакого письменного приказа, Ней заявил ему, что не считает его парламентером, а рассматривает как *шпиона*, поэтому он прикажет заколоть его штыками, если тот не приведет

его самой близкой дорогой к Днепру! Русский полковник был вынужден повиноваться.

Ней сразу же отдал войскам приказ в тишине покинуть лагерь, оставив в нем артиллерию, ящики с патронами, багаж и раненых, которые были не в состоянии идти. Затем под благоприятным покровом темноты после четырех часов пути он достиг берегов Днепра. Река уже замерзла, однако лед был недостаточно толст, чтобы по нему можно было переправляться повсюду, поскольку во льду было много трещин и таких мест, где лед был столь тонок, что проваливался, когда в этом месте одновременно переходило несколько человек. Маршал приказал солдатам двигаться гуськом, по одному. Переправа через реку состоялась. Войска маршала Нея думали, что находятся в безопасности, как вдруг на рассвете они заметили большой казачий лагерь. Казаками командовал гетман Платов, и поскольку в соответствии со своей привычкой он провел всю ночь в пьянстве, то в этот момент он спал. Однако в русской армии дисциплина столь сильна, что никто не осмелился ни разбудить своего командира, ни взяться за оружие без его приказа. Поэтому остатки корпуса Нея прошли на расстоянии одного лье от лагеря гетмана и не были атакованы казаками. Казаки Платова появились лишь на следующий день.

Непрерывно отбиваясь от противника, маршал Ней шел три дня вдоль извилистых берегов Днепра, которые должны были привести его к Орше. 20-го числа он наконец увидел этот город, где надеялся найти императора и всю армию, но он еще был отделен от Орши обширной равниной, занятой многочисленными батальонами вражеской пехоты, начавшей наступать на него, в то время как казаки готовились атаковать его сзади. Заняв хорошую оборонительную позицию, он послал друг за другом нескольких офицеров, которые должны были убедиться, что французы еще занимают Оршу, без этого продолжать сопротивление было бы невозможно. Один из офицеров добрался до Орши, где еще находился главный штаб. Узнав о возвращении маршала Нея, император выразил огромную радость и, чтобы выручить части Нея из трудной ситуации, послал ему на помощь принца Евгения и маршала Мортье, которые отбили противника и привели в Оршу маршала Нея с теми храбрецами, какие еще оставались под его командованием. Этот эпизод многое добавил к великой славе маршала Нея. На следующий день император продолжил отступление через Коханов, Толочин и Бобр, где он нашел войска маршала Виктора, не так давно пришедшие из Германии, и вошел в соприкосновение со 2-м корпусом, командование которым от Сен-Сира только что опять перешло к маршалу Удино.

Глава XV

Ситуация во 2-м корпусе. — Падение морального духа у баварцев. — Поручение к графу Лувенскому

Весьма важно показать здесь причины, объединившие 2-й армейский корпус с остальными частями, от которых он был отделен с самого начала кампании. Поэтому я должен вновь изложить историю этого корпуса начиная с августа месяца, когда, разбив русских на подступах к Полоцку, маршал Сен-Сир приказал создать около этой крепости огромный укрепленный лагерь, охраняемый частью его войск, а остальные свои войска он распределил по обоим берегам Двины. Легкая кавалерия прикрывала лагерь, и, как я уже говорил, бригада Кастекса, к которой принадлежал мой полк, была размещена в Лушонках, на небольшой речке Полота, откуда мы могли наблюдать за большими дорогами, идущими из Себежа и Невеля.

После своего поражения армия Витгенштейна отступила за эти города, так что между русскими и французами существовало пространство протяженностью свыше 25 лье, не занятое никем постоянно, но куда обе стороны посылали кавалерийскую разведку, что приводило к небольшим столкновениям. Тем временем, поскольку окрестности Полоцка были довольно богаты сеном и зерновыми культурами и поскольку было легко понять, что мы обосновывались здесь надолго, французские солдаты начали косить и обмолачивать пшеницу, затем они мололи зерно на маленьких ручных мельницах, которые можно было найти в каждом крестьянском доме.

Поскольку мне эта работа казалась слишком медленной, я приказал отремонтировать две водяные мельницы, расположенные на болоте возле Лушонок. С этого момента хлеб моему полку был обеспечен. Что до мяса, то в соседних лесах было полно брошенной скотины, но, так как нашим конным егерям приходилось каждый день отправляться за добычей, чтобы иметь достаточно еды, я решил последовать примеру, которому был свидетелем, наблюдая Португальскую армию на Пиренейском полуострове, то есть создать полковое стадо. За короткое время мне удалось собрать 700 или 800 животных, и этот рогатый скот я поручил охране нескольких солдат, лишившихся лошадей и которым я выдал местных лошадок, слишком маленьких, чтобы ехать на них верхом в общем строю. Стадо, чье поголовье я увеличивал за счет частых экспедиций в леса, существовало несколько месяцев, что позволило мне давать

моему полку мясо в *неограниченном количестве*, поддерживая таким образом здоровье моей части, которая была мне благодарна за заботу о ней. Я распространил эту заботу и на лошадей. Для них были построены большие конюшни, крытые соломой и размещенные позади бараков, в которых жили солдаты, так что наш бивуак был почти таким же комфортабельным, как военный лагерь в мирное время. Другие командиры расположились подобным же образом, но ни у кого из них не было стада, и их солдаты жили одним днем.

В то время как все французские, хорватские, швейцарские и португальские полки непрерывно заботились о том, чтобы улучшить свое житье-бытье, лишь одни баварцы ничего не делали, чтобы защитить себя от нищеты и болезней! Напрасно генерал граф Вреде пытался заставить их делать это, показывая им, сколь активны были французские солдаты в строительстве казарм, в жатве, в помоле зерна и превращении его в муку, как они строили печи и пекли хлеб. Несчастные баварцы, полностью деморализованные с тех пор, как они перестали получать *регулярные* пайки, восхищались разумными действиями наших солдат, но не пытались им подражать, поэтому они мерли как мухи, и в этих полках не осталось бы ни одного человека, если бы маршал Сен-Сир, на короткое время вышедший из своей обычной апатии, не заставил другие дивизии ежедневно снабжать хлебом баварцев. Легкая кавалерия, выдвинутая вперед и расположенная в деревнях и возле лесов, отправляла им коров. Однако эти немцы, столь вялые, когда речь шла о выживании и обеспечении себе минимального комфорта, просыпались от спячки только перед лицом противника. Но как только опасность исчезала, они вновь впадали в свою полную апатию и продолжали тихо умирать. Ими овладевала ностальгия. Умение радоваться жизни вообще не свойственно немцам, предпочитающим из всех удовольствий бытия пьянство и сон. Они добирались до Полоцка, приходили в госпитали, созданные стараниями их командиров, и просили для себя *комнату, где можно умереть,* а там ложились на солому и больше не вставали! Таким образом умерло очень много немцев, и дело дошло до того, что генералу Вреде пришлось вести в своей личной повозке знамена нескольких батальонов, в которых не осталось достаточно людей, чтобы охранять их. Однако шел сентябрь, и особых холодов мы еще не чувствовали, наоборот, погода была очень теплая. Все остальные части, кроме немецких, были в хорошем состоянии и весело жили, ожидая последующих событий.

Все кавалеристы моего полка отличались особенно отменным здоровьем, я приписывал это прежде всего большому количеству

хлеба и мяса, а также водке, которую мне удалось в изобилии раздобыть при помощи договора, заключенного с полоцкими иезуитами. Все добрые отцы-иезуиты были французами. У них в Лушонках была большая ферма, где имелась установка для перегонки пшеничной водки, но с приближением войны рабочие, трудившиеся на этой установке, все сбежали в монастырь, захватив с собой перегонные аппараты и приспособления к ним. Производство водки на ферме прекратилось, что лишало священников части их дохода. Однако скопление воинских частей вокруг города сделало алкогольные напитки столь редкими и дорогими, что служащим солдатских кухонь приходилось совершать многодневные походы в Вильно, чтобы раздобыть там водку. По всем этим причинам мне пришло в голову заключить с иезуитами соглашение. В соответствии с ним я должен был защищать их работников, перегонявших водку, а также обеспечивать сбор и обмолот моими солдатами необходимой пшеницы на том условии, что мой полк будет каждый день получать часть изготавливаемой водки. Мое предложение было принято, и монахи получили большую прибыль, продавая водку в нашем лагере, а у меня было громадное преимущество, состоявшее в том, что я мог трижды в день раздавать моим солдатам эту водку. После переправы через Неман и до этого времени солдаты пили только воду.

Я знаю, что на первый взгляд все эти детали выглядят малозначащими, но вспоминаю обо всем с удовольствием, потому что та забота, какую я проявлял о моих людях, спасла жизнь многим из них и поддержала численность 23-го полка конных егерей на уровне, значительно превышавшем численность солдат в других кавалерийских полках этого армейского корпуса. Все это принесло мне со стороны императора свидетельство его удовлетворения мною, о чем я буду говорить ниже.

Среди мер предосторожности, принятых мною тогда, есть еще две, спасшие жизнь многим из моих всадников. Во-первых, я заставил их, начиная с 15 сентября, запастись одеждами из овечьих шкур с мехом, какие можно было в изобилии найти в домах, покинутых жителями деревень. Солдаты — это большие дети, о которых надо заботиться, не обращая внимания на то, что они говорят. Мои солдаты сначала утверждали, что эти большие шубы бесполезны и перегружают лошадей, но начиная с октября они стали с удовольствием носить их под шинелями. Когда начались большие холода, они только благодарили меня за то, что я заставил их запастись этой одеждой.

Вторая из мер предосторожности состояла в том, что я отправил в тылы нашей армии всех солдат, лишившихся лошадей

под огнем врага, и тех, чьи лошади умерли от усталости. Предписание генерального штаба приказывало отправлять всех этих людей в Литву, а там они должны были получить лошадей, которых ждали из Варшавы. Я приготовился уже к исполнению этого приказа, когда узнал, что сборный пункт полон пешими кавалеристами, которым нечего делать, потому что ни одна из лошадей нового пополнения не прибыла. Поэтому я решил отправить всех моих людей, лишенных коней, прямо в Варшаву, под командованием раненого капитана Пуатвена. Мне было очень хорошо известно, что это мое решение противоречит правилам, но в *громадной* армии, заброшенной на столь далекое расстояние и оказавшейся в совершенно необычных условиях, было физически невозможно, чтобы штаб и администрация могли удовлетворять все потребности армейских частей. Значит, нужно было, чтобы командир мог многие решения брать под свою ответственность. Так, генерал Кастекс, который не мог дать мне официального разрешения, пообещал мне закрыть глаза на все происходящее. Поэтому я продолжал действовать подобным образом, пока это было возможно, так что постепенно количество солдат без лошадей, которых я отправил в Варшаву, достигло двухсот пятидесяти. После завершения кампании я нашел их на берегах Вислы, все они были в новых мундирах, с хорошей амуницией и на прекрасных лошадях и оказались очень хорошим подкреплением для моего полка. Люди без лошадей, принадлежавшие к другим полкам, количество которых превышало 9 тысяч, были захвачены большим отступлением войск, возвращавшихся из Москвы. Почти все они попали в плен или погибли от холода на дорогах! Однако ведь было так легко направить их летом и осенью в Варшаву, где на сборном пункте было много лошадей и не хватало кавалеристов.

Я провел в Лушонках целый месяц на отдыхе, что ускорило заживление раны, полученной мной в июле при Якубове. В материальном отношении нам в этом лагере было очень хорошо, но мы сильно беспокоились о том, что происходило в Москве, и лишь очень редко получали известия из Франции. Наконец я получил письмо, в котором моя милая Анжелика сообщала мне, что только что родила мальчика. Моя радость была очень велика, однако смешана с грустью, потому что я был так далеко от моей семьи, и, хотя я еще не мог предвидеть все опасности, которым вскорости подвергнусь, тем не менее я не скрывал от себя, что многочисленные препятствия еще встанут на пути к нашей встрече.

В середине сентября маршал Сен-Сир дал мне очень деликатное поручение. У этого поручения было две цели: сначала

надо было отправиться в разведку и выяснить, что делает неприятель в окрестностях Невеля, а затем вернуться по берегам озера Озерище, чтобы договориться с графом Лубенским, самым крупным помещиком в округе и одним из тех редких поляков, кто был готов на все, чтобы свергнуть иго русских. Император не решался провозгласить восстановление Старой Польши, тем не менее он хотел организовать департаменты в тех частях страны, которые были уже завоеваны нами, но получил много отказов от тех помещиков, коим он предполагал доверить управление этими департаментами. Получив заверение в патриотизме графа Лубенского, Его Величество только что назначил этого графа префектом Витебска. Этот аристократ жил в уединении на своей земле, расположенной за пределами участков, занятых французами, поэтому трудно было сообщить ему о его назначении и обеспечить его приезд в Витебск. Учитывая данное обстоятельство, Наполеон предложил отправить к графу Лубенскому отряд легкой кавалерии.

Получив это поручение, я взял с собой триста человек из моего полка, выбрав самых храбрых кавалеристов, у кого были самые хорошие лошади. Я приказал выдать им хлеб, жареное мясо, водку и все необходимое и 14 сентября покинул лагерь в Лушонках, где оставил бригаду Кастекса и остальных людей из наших эскадронов. Я взял с собой моего слугу Лоренца, который должен был служить мне переводчиком.

Жизнь партизанского отряда опасна и очень утомительна. Надо было избегать больших дорог, днем прятаться в лесах, не осмеливаясь зажечь костер, брать на хуторах провиант и сено, которые следовало употреблять на расстоянии нескольких лье от этого места, чтобы обманывать вражеских шпионов. Приходилось передвигаться ночью, иногда держась на большом отдалении от того места, куда надо было попасть. Требовалось быть беспрестанно настороже. Вот какую жизнь я вел, когда оказался заброшен лишь с тремя сотнями людей в обширную, незнакомую мне местность, где мне пришлось удалиться от французской армии и приблизиться к русским, чьи многочисленные отряды мы могли встретить на каждом шагу. Мое положение было очень трудным, но я доверял моей судьбе и верил в смелость кавалеристов, следовавших за мной. Я решительно продвигался вперед, обходя стороной на расстоянии 2 или 3 лье дорогу, которая из Полоцка идет на Невель.

Я не буду рассказывать вам подробно обо всех малоинтересных событиях, которые с нами происходили. Вам достаточно узнать, что благодаря ценным сведениям, полученным нами от крестьян, являвшихся решительными противниками

русских, мы обошли город Невель, избегнув всех вражеских постов. Спустя неделю или, скорее, через 8 ночей перехода мы подошли к озеру Озерище, на берегах которого расположен великолепный замок, принадлежавший тогда графу Лубенскому.

Я никогда не забуду сцену, сопровождавшую наше прибытие в этот огромный старинный замок. Луна освещала великолепный осенний вечер. Семья графа собралась, чтобы отпраздновать день его рождения и отметить победу, одержанную Наполеоном в Бородинской битве, как вдруг слуги прибежали, чтобы объявить: замок окружен солдатами на лошадях. Солдаты, выставив часовых, уже входят во двор замка. Все подумали, что это была русская полиция, прибывшая арестовать хозяина замка. Будучи человеком очень смелым, он спокойно ждал, что его повезут в казематы Санкт-Петербурга, как вдруг один из его сыновей из любопытства открыл окно и сказал: «Эти кавалеристы говорят по-французски!»

При этих словах граф Лубенский, сопровождаемый своей многочисленной семьей и толпой слуг, бросился вон из замка, собрал их всех на обширном крыльце, по ступеням которого я уже поднимался, и выступил мне навстречу, протянув руки и восклицая патетическим тоном: «Добро пожаловать, великодушный галл, приносящий свободу моей столь долго угнетаемой родине! Приблизься, чтобы я прижал тебя к своему сердцу, воин великого Наполеона, освободитель Польши!» Граф не только сам обнял меня, но захотел, чтобы графиня, его дочери и сыновья сделали то же самое. Затем священник, управляющий и гувернантки поцеловали мне руку, а все слуги прижались губами к моему колену! Хотя я и был очень удивлен столь неумеренными почестями, я принял их со всей серьезностью, на какую был способен, и уже думал, что сцена закончилась, как вдруг по велению графа все встали на колени и начали молиться.

Войдя наконец в замок, я передал г-ну Лубенскому известие о его назначении префектом Витебска. На этом сообщении была подпись императора, и я спросил, согласен ли он принять это предложение. «Да, — воскликнул он с волнением, — и я готов следовать за вами!» Графиня проявила такой же энтузиазм, и мы договорились, что граф в сопровождении своего старшего сына и двоих слуг отправится вместе со мной. Я дал ему час на сборы, чтобы подготовиться к путешествию. Нет нужды говорить, что этот час был использован на то, чтобы дать замечательный ужин моему отряду. Солдатам пришлось есть не слезая с лошадей, настолько я боялся быть захваченным врасплох. Попрощавшись, мы отправились на ночлег в 4 лье от замка, в лесу, где мы скрывались весь следующий день. На следующую ночь мы

продолжили путь, но, чтобы обмануть вражеские отряды, я воздержался от того, чтобы вновь использовать дороги, по которым мы шли сюда, и через Домбровку, Свиное и Токорево, двигаясь то по тропинкам, то через поля, через пять дней я добрался до Полоцка. Я еще больше порадовался тому, что на обратном пути сменил дорогу, когда позже узнал от невельских торговцев, что русские выслали отряд драгун и 600 казаков дожидаться меня у истоков Дриссы возле Краснополья.

Отчитавшись о выполнении данного мне поручения перед маршалом Сен-Сиром и представив ему г-на Лубенского, я вернулся на свой бивуак в Душонках, где нашел генерала Кастекса и остальную часть моего полка. Моя экспедиция продолжалась 13 дней. За это время мы очень устали, испытали кое-какие лишения, но я привел своих солдат на бивуак в хорошем состоянии. Мы не участвовали в боях, потому что все встреченные нами мелкие вражеские группы обращались при виде нас в бегство.

Путь, проделанный графом Лубенским вместе с нами, позволил мне получить представление об этом человеке и оценить его. Это был очень образованный, умный господин. Он больше всего на свете любил свою страну, однако экзальтация делала неправильными его представления, когда требовалось выбирать пути возрождения Польши. Однако, если бы все его соотечественники были столь же горячими и смелыми людьми и подняли оружие при появлении французов, Польша, возможно, вновь обрела бы независимость в 1812 году. Но, за некоторыми исключениями, все поляки продолжали оставаться в самой глубокой апатии.

Покинув Полоцк, граф вступил в управление своей префектурой. Он недолго пробыл префектом, потому что меньше чем через месяц после того, как французская армия покинула Москву, она прошла через Витебскую губернию, отступая. Вынужденный этим фатальным обстоятельством покинуть свою префектуру и скрываться от мести русских, граф Лубенский укрылся в Галиции, в австрийской Польше, где у него были очень большие владения. Он мирно прожил там до 1830 года и вернулся в русскую Польшу в тот момент, когда она восстала против царя. Я не знаю, какова была судьба графа Лубенского во время этого восстания и после него. Многие из его соотечественников уверяли меня, что он снова укрылся на своих землях в Галиции. Это был великий патриот и прекрасный человек.

Спустя немного времени после нашего возвращения в Лушонки я был очень удивлен, увидев, что из Франции прибыл

отряд из тридцати кавалеристов моего полка. Они приехали из Монса и, следовательно, пересекли Бельгию, Рейнские провинции, всю Германию, часть Пруссии и Польши, пройдя свыше 400 лье под командованием простого унтер-офицера. Однако ни один человек не отстал, и ни одна лошадь не заболела. Этого было достаточно для того, чтобы продемонстрировать усердие и боевой дух, царившие в 23-м конно-егерском полку.

Глава XVI

Предательство австрийцев. — Оборона Полоцка. — Витгенштейн ускользает от нас. — Новые сражения. — Эвакуация города. — Баварцы нас покидают. — Объединение с корпусом Виктора. — Болота у Городца

Примерно 12 октября 2-му армейскому корпусу, который с 18 августа жил в довольстве и спокойствии в Полоцке и его окрестностях, пришлось готовиться в самое ближайшее время испытать удачу в боях. Мы узнали, что адмирал Чичагов, главнокомандующий русской армией в Валахии, заключив мир с турками при посредничестве англичан, шел на Могилев, чтобы напасть на тылы армии императора Наполеона. Было удивительно, что князь Шварценберг, получив указание с 30 тысячами наших союзников-австрийцев следить за русским корпусом в Валахии, дал Чичагову возможность пройти. Тем не менее это было правдой. Австрийцы не только не перекрыли путь русским, хотя могли это сделать, но, вместо того чтобы преследовать противника, они спокойно продолжали оставаться в лагерях на Волыни.

Наполеон слишком рассчитывал на добросовестность министров и генералов своего тестя, австрийского императора, доверив им прикрывать правый фланг Великой армии. Напрасно генерал Сегюр пытается скрыть вину австрийского правительства и князя Шварценберга. С их стороны, было совершено настоящее предательство, и история покроет позором виновных в нем.

В то время как на нашем правом фланге австрийцы дали возможность пройти русскому корпусу, прибывшему из Турции, пруссаки, из коих столь неосторожно сформировали наш левый фланг, также готовились заключить мир с неприятелем, делая это почти открыто, не скрываясь от мар шала Макдональда, поставленного императором во главе прусского контингента. Как только эти иностранные союзники узнали, что оккупация Москвы не привела к миру, они начали предвидеть несчастья французской армии, и вся их ненависть против нас вновь пробудилась. Они еще не начали открытый, настоящий мятеж, однако очень плохо подчинялись маршалу Макдональду, и пруссаки, расположенные лагерем возле Риги, могли с момента на момент объединиться с Витгенштейном и напасть на наш 2-й корпус, расположенный в окрестностях Полоцка.

Можно понять, насколько трудной была ситуация маршала Сен-Сира. Однако это не взволновало его, и, по-прежнему

невозмутимый, он спокойно и четко отдал приказы об упорном сопротивлении. Вся пехота была объединена в городе и укрепленном лагере: многочисленные мосты добавлены к тем, которые уже соединяли оба берега Двины. Больных и неспособных сражаться солдат собрали в старом Полоцке, а также в Екимании — укрепленных пунктах, расположенных на левом берегу. Не думая, что у него достаточно войск, чтобы сражаться за всю равнину с Витгенштейном, только что получившим очень значительное подкрепление из Санкт-Петербурга, маршал счел необходимым сохранить лишь пять эскадронов и взял по одному эскадрону из каждого полка легкой кавалерии, остальные кавалеристы перешли на противоположный берег реки.

16 октября вражеские разведчики появились на подступах к Полоцку. Вид города должен был показаться им совершенно иным, сильно изменившимся как из-за обширного нового укрепленного лагеря, так и за счет многочисленных укреплений, покрывших равнину. Самым большим и самым сильным из этих укреплений был редут, названный *баварским.* Все несчастные солдаты генерала Вреде, избежавшие самоубийственной немецкой сентиментальной и слезливой ностальгии, попросились защищать этот редут, что они и сделали, проявив большое мужество.

Битва началась 17-го и продолжалась целый день, но маршалу Сен-Сиру удалось сохранить свою позицию. В ярости генерал Витгенштейн, объяснявший эту неудачу тем, что его офицеры не получили достаточно разведывательных данных относительно форта и слабых мест наших укреплений, захотел сам отправиться туда на разведку и приблизился к нашей позиции с большой смелостью. Однако это проявление мужества чуть не стоило ему жизни, потому что майор Кюрели, один из самых смелых и лучших офицеров французской армии, заметил русского генерала, бросился на него во главе отряда, состоявшего из двадцати конных егерей, зарубил саблями часть эскорта Витгенштейна и, добравшись до самого Витгенштейна, приставил ему к горлу острие своей сабли и принудил отдать шпагу!

После знаменательного захвата в плен вражеского главнокомандующего Кюрели должен был бы быстро вернуться на свою исходную позицию между двумя редутами и привести своего пленника в укрепленный лагерь. Однако Кюрели был чересчур горяч и, видя, что эскорт русского генерала вновь идет в атаку, чтобы освободить своего командира, решил, что делом чести французов будет сохранить своего пленника *вопреки* всем усилиям противника! Поэтому Витгенштейн несколько минут оставался в центре группы солдат, сражавшихся за него, однако

под Кюрели была убита лошадь, и несколько наших егерей спешились для того, чтобы поднять своего командира. Воспользовавшись замешательством, вызванным этими действиями, Витгенштейн галопом умчался, приказав своему эскорту следовать за ним.

Вскоре этот эпизод стал известен всей армии и вызвал самые живые споры. Одни утверждали, что Кюрели, не нанесший удара саблей генералу Витгенштейну, должен был бы прекратить проявлять подобную сдержанность в тот момент, когда русские, вновь вступившие в бой, были готовы освободить своего генерала. Эти люди считали, что Кюрели должен был бы зарубить Витгенштейна саблей, однако другие говорили, что с того момента, как вражеский генерал оказался во власти Кюрели, тот больше не имел права его убивать. В этом последнем рассуждении может быть доля правды, но, чтобы это утверждение было полностью верным, генерал Витгенштейн, по примеру древних рыцарей, должен был бы заявить, что сдается в плен, *полагаясь или нет на милость победителя.* Но, по всей вероятности, он не заявил об этом или же нарушил свой статус военнопленного, обратившись в бегство, как только представилась возможность. Имел ли он на это право? Этот вопрос очень трудно решить. То же самое касается права Кюрели убить Витгенштейна в то время, когда его пытались отбить. Как бы то ни было, когда позже Кюрели представили императору во время переправы через Березину, где генерал Витгенштейн нанес нам такие большие потери, Наполеон сказал этому эскадронному командиру: «Сего несчастья, может быть, и не было бы, если бы, пользуясь вашим правом, вы убили бы Витгенштейна на поле сражения за Полоцк в тот момент, когда русские попытались вырвать этого генерала у вас из рук». Несмотря на этот заслуженный или не заслуженный упрек, Кюрели спустя немного времени стал полковником, а затем, в 1814 году, бригадным генералом.

Но вернемся в Полоцк, атаки на который возобновил 18 октября противник, получивший отпор 17 октября. Теперь враг использовал настолько превосходящие силы, что, даже понеся огромные потери, Витгенштейн сумел овладеть укрепленным лагерем. Но, встав во главе дивизий Леграна и Мезона, Сен-Сир отбросил противника штыковым ударом. Русские семь раз ходили в ожесточенные атаки, и семь раз французы и хорваты отражали их и в конце концов остались хозяевами всех позиций.

Хотя маршал Сен-Сир и был ранен, он тем не менее продолжал руководить войсками. Его усилия принесли полный успех, потому что враг покинул поле сражения и отступил в

соседний лес. 50 тысяч русских были разбиты 15 тысячами. Во французском лагере царила радость, но утром 19 октября стало известно, что генерал Штейнгель во главе 14 тысяч русских солдат только что переправился через Двину перед Дисной и двигался по левому берегу в обход Полоцка, чтобы овладеть мостами и зажать армию Сен-Сира между частями, шедшими вместе с ним, и армией Витгенштейна. И действительно, вскоре стал виден авангард Штейнгеля, появившийся перед Начей и двигавшийся в направлении Экимани, где находилась дивизия кирасир и полки легкой кавалерии, из которых маршал сохранил в Полоцке лишь один эскадрон.

В мгновение ока все мы оказались в седлах и отбросили врага. Неприятель тем не менее, вероятно, взял бы над нами верх, потому что он получал все время мощные подкрепления, а у нас не было пехоты. В этот момент маршал Сен-Сир направил к нам на помощь три полка из состава дивизий, охранявших Полоцк. В этот момент Штейнгель, которому оставалось сделать всего лишь одно последнее усилие, чтобы достичь мостов, разом остановился. В это же время на другом берегу Витгенштейн тоже остался в неподвижности. Все это выглядело так, как если бы два русских генерала, составив очень хороший план атаки, не осмеливались завершить его выполнение и при этом каждый из них перекладывал на другого заботу о победе над французами.

Однако положение французов становилось все более критическим, потому что на правом берегу их теснила армия Витгенштейна, втрое превосходившая их по численности, прижимая нас к городу, построенному целиком из дерева, и к большой реке. У французов не было иного средства для отступления, кроме мостов, а войска Штейнгеля угрожали овладеть этими мостами, придя с левого берега.

В этих обстоятельствах все генералы стали торопить Сен-Сира отдать приказ покинуть Полоцк, но следовало дождаться ночи, поскольку чувствовалось, что 50 тысяч русских, стоявших перед французской армией, ждали только его первого шага к отступлению, чтобы наброситься на эту ослабленную армию и внести хаос и сумятицу в ее ряды. Поэтому Сен-Сир остался в неподвижности и, воспользовавшись непонятным бездействием вражеских генералов, дождался захода солнца, по счастью, наступившего раньше из-за очень густого тумана. Ночь и туман скрыли три армии друг от друга. Маршал выбрал этот благоприятный момент для отступления. Многочисленная артиллерия и несколько эскадронов, остававшихся на правом берегу, в молчании уже перешли мосты. За ними вот-вот должна была последовать пехота, скрывавшая свое движение от

противника, как вдруг уже готовые к отходу солдаты дивизии Леграна, не желая оставить русским свои казармы целыми, подожгли их. Две другие дивизии, думая, что это был условный сигнал, сделали то же самое, и в один миг вся линия оказалась в огне. Этот громадный пожар выдал русским наше отступление, поэтому все вражеские батареи начали стрелять, и их ядра подожгли пригороды Полоцка, а также сам город, куда и устремились неприятельские колонны. Но французы и, главным образом, дивизия Мезона защищали город пядь за пядью, потому что при свете пожаров можно было видеть все вокруг, как днем.

Полоцк полностью сгорел. Обе стороны понесли значительные потери, однако отступление наших войск осуществлялось в полном порядке. Мы увезли тех раненых, кого можно было перевозить; остальные, а также множество раненых русских погибли в огне пожара.

Похоже, что среди командиров вражеской армии царил полный беспорядок и непонимание основ тактики, потому что в ночь этого сражения Штейнгель оставался совершенно спокойным в своем лагере и так же не поддерживал атаку Витгенштейна, как в предыдущий день Витгенштейн не поддерживал его[131]. Штейнгель начал принимать меры, чтобы атаковать нас, лишь 20 октября утром после того, как Сен-Сир, оставив город, оказался вне пределов досягаемости Витгенштейна, предав огню мосты через Двину. К этому моменту все французские части соединились на левом берегу, и Сен-Сир направил их против Штейнгеля, который был отброшен, потеряв свыше 2 тысяч человек убитыми или взятыми в плен.

В этих ожесточенных столкновениях, продолжавшихся четыре дня и одну ночь, русские потеряли убитыми или ранеными 6 генералов и 10 тысяч солдат и офицеров. Потери французов и их союзников составили лишь 5 тысяч человек. Эту громадную разницу следует объяснять превосходством наших войск, особенно артиллерии, в умении вести правильно направленный, быстрый и меткий огонь. Но преимущество в отношении потерь, было частично компенсировано, потому что ранения, полученные маршалом Сен-Сиром, лишали армию командира, пользующегося полным доверием армии. Его надо было заменить. Граф Вреде, ссылаясь на свой ранг главнокомандующего баварскими войсками, претендовал на командование над французами, однако наши генералы отказались повиноваться иностранцу. Тогда маршал Сен-Сир, хотя он и очень страдал от ран, согласился еще на некоторое время сохранить за собой командование двумя армейскими корпусами и приказал отступать по направлению к Улле, чтобы подойти к Смолянам и прикрыть таким образом одну

сторону дороги из Орши на Борисов, по которой император возвращался из Москвы.

Это отступление происходило в таком порядке, что Витгенштейн и Стендель, после починки мостов через Двину преследовавшие нас по пятам, имея 50 тысяч человек, не осмелились нас атаковать, хотя у нас было лишь 12 тысяч. За восемь дней они продвинулись всего лишь на 15 лье. Что касается графа Вреде, чье оскорбленное самолюбие не позволяло ему более подчиняться приказам, то он шел, как ему вздумается, примерно с тысячью баварцев, какие у него еще оставались, и с бригадой французской кавалерии, которую он увел с собой обманом, заявив генералу Корбино, что получил такой приказ, а на самом деле его не было! Высокомерие графа Вреде очень скоро было наказано. Его атаковала и разбила русская дивизия. Тогда он без разрешения отступил до Вильно, откуда дошел до Немана. Бригада Корбино отказалась следовать за ним и вернулась, чтобы присоединиться к французской армии, а для нее возвращение этой бригады было великим счастьем, как вы увидите, когда я буду говорить о переправе через Березину.

Тем временем по приказу императора маршал Виктор во главе 9-го корпуса, насчитывавшего 25 тысяч человек, половина из которых состояла из войск Рейнской конфедерации, быстро двигался из Смоленска, чтобы соединиться с Сен-Сиром и отбросить Витгенштейна за Двину. Этот план наверняка очень быстро дал бы хороший результат, если бы главнокомандующим был Сен-Сир. Однако Виктор из этих двух маршалов был более старшим, Сен-Сир не пожелал служить под его командованием, и накануне их встречи, произошедшей 31 октября на подступах к Смолянам, он объявил, что не может больше продолжать кампанию, передал командование 2-м корпусом генералу Леграну и уехал, чтобы вернуться во Францию. Об отъезде Сен-Сира сожалели все войска. Солдаты, хотя и не любили его лично, отдавали должное его храбрости и его редким военным талантам. Чтобы быть настоящим командующим армией, Сен-Сиру следовало лишь быть менее эгоистичным и уметь добиваться привязанности к себе со стороны солдат и офицеров, уделяя внимание их нуждам. Но не бывает людей без недостатков.

Едва маршал Виктор объединил под своим командованием 2-й и 9-й корпуса, как судьба предоставила ему случай одержать блистательную победу. Действительно, Витгенштейн, не зная об объединении наших корпусов и полагаясь на свое численное превосходство, атаковал посты, неосторожно оставив у себя за спиной очень трудные проходы. Чтобы разбить неприятеля, требовалось лишь одновременное усилие двух армейских

корпусов, поскольку наши части, ставшие теперь так же многочисленны, как и армия Витгенштейна, были полны боевого духа и живо хотели сражения. Однако Виктор, без сомнения, не уверенный в самом себе на местности, которую он видел в первый раз, воспользовался ночью для отступления, дошел до Сенно и в окрестностях этого населенного пункта поставил оба корпуса лагерем. Русские также отошли, оставив лишь некоторое число казаков, чтобы наблюдать за нами. Такое положение дел продолжалось всю первую половину ноября и оказалось весьма благоприятным для наших войск, поскольку они жили это время на широкую ногу, так как в этой местности было много припасов.

23-й полк конных егерей, дислоцированный в Заполье, прикрывал один из флангов двух объединенных корпусов, когда маршал Виктор, получивший сведения о том, что многочисленная армия противника находится в пункте под названием Низкий Городец, приказал генералу Кастексу произвести разведку в этом местечке, послав туда один из полков своей бригады. Этим полком оказался мой. Мы отправились на закате и без всяких затруднений прибыли в Городец — деревню, расположенную в низине на территории обширного высохшего болота. Все было очень спокойно, и крестьяне, опрошенные по моему приказу Лоренцем, не видели ни одного русского солдата уже целый месяц. Я собрался уже вернуться в Заполье, но возвращение оказалось не столь спокойным, как наш предыдущий переход.

Хотя тумана не было, ночь оказалась очень темной. Я боялся, как бы мой полк не заблудился среди многочисленных гатей, проложенных через болота, которые мне снова приходилось пересекать. Я взял в качестве проводника одного из жителей деревни Городец, показавшимся мне наименее глупым. Моя колонна двигалась в большом порядке на протяжении получаса, как вдруг я заметил на холмах, возвышавшихся над болотом, огни бивуака. Я остановил мой отряд и приказал авангарду послать на разведку двух хороших унтер-офицеров. Они должны будут наблюдать за противником, стараясь не быть обнаруженными. Эти люди быстро вернулись и сообщили мне, что нам преграждает дорогу очень многочисленный отряд, а второй отряд противника располагается в нашем тылу. Я повернул голову и, видя множество огней между мной и деревней Городец, только что покинутую нами, решил, что, сам не зная об этом, оказался посередине вражеского армейского корпуса, собиравшегося стать в этом месте бивуаком. Число огней непрерывно возрастало. Равнина и холмы вскоре были покрыты этими огнями и выглядели, как лагерь на 50 тысяч человек, в самом центре которого я и оказался со своими 700 кавалеристами! Силы были

явно не равны, но как избежать гибели? Для этого был лишь один способ: молча пуститься в галоп по главной насыпи, где мы находились, броситься на врага, который будет застигнут врасплох этой неожиданной атакой, и с саблями в руках пробить себе дорогу. Когда мы уйдем от света огней вражеского лагеря, темнота позволит нам отступить без преследования. Хорошо обдумав этот план, я послал офицеров вдоль нашей колонны, чтобы предупредить наш отряд. Я был уверен, что каждый одобрит мой план и решительно последует за мной. Должен признаться, однако, что я был немного обеспокоен, поскольку вражеская пехота могла взяться за оружие при первом крике часового и убить многих моих кавалеристов, в то время как наш отряд будет проходить перед противником.

Я был погружен в эти тревожные мысли, как вдруг крестьянин, бывший нашим проводником, громко рассмеялся, и мой слуга Лоренц засмеялся одновременно с ним… Напрасно я расспрашивал его, он продолжал хохотать. И, не зная достаточно хорошо французский язык, чтобы объяснить мне удивительный случай, происходивший с нами, он показал мне свою одежду, куда только что опустился один из многочисленных *блуждающих огней,* которые мы приняли за огни бивуака. Это явление было вызвано болотными испарениями, конденсировавшимися из-за небольшого мороза после осеннего дня, когда солнце еще было очень горячим. За короткое время весь мой полк был покрыт этими блуждающими огнями размером с яйцо, что очень развеселило многих солдат. Избавленный таким образом от самой большой тревоги, какую я когда-либо испытал, я вернулся в Заполье.

Глава XVII

Удино присоединяется к нам и расстается с Виктором. — Трудное положение армии. — Потеря и новое взятие Борисова. — Пожар на мосту через Березину. — Мы захватываем огромную добычу в Борисове

Через несколько дней мне было дано новое поручение, при выполнении которого нам пришлось бороться не с блуждающими огнями, а с настоящими ружьями русских драгун. Однажды, когда генерал Кастекс отправился в Сенно, а 24-й полк конных егерей был на задании, мой полк находился в Заполье, и я увидел, как появились двое крестьян. В одном из них я узнал г-на де Бургуэна, капитана, адъютанта Удино. Этот маршал, отправившийся в Вильно после своего ранения при Полоцке 18 августа, узнав, что Сен-Сир тоже был ранен 18 октября и только что покинул армию, решил присоединиться ко 2-му корпусу и вновь взять на себя командование.

Удино знал, что его войска находились в окрестностях Сенно, поэтому направился в этот город. Но по прибытии в местечко под названием Расна он был предупрежден польским священником, что по окрестностям бродит отряд русских драгун и казаков. Но одновременно маршал узнал, что в Заполье находится французская кавалерийская часть, и решил написать командиру этого поста, прося дать ему сильный эскорт. Он отправил письмо с г-ном Бургуэном, который для большей безопасности переоделся в крестьянина. Это очень помогло ему, потому что не успел он пройти и 1 лье, как был встречен большим отрядом вражеских кавалеристов. Они, приняв его за местного жителя, не обратили на него никакого внимания. Вскорости г-н де Бургуэн, заслышав оживленную перестрелку, заторопился и дошел до Заполья.

Как только он сообщил мне о критическом положении, в котором оказался маршал, я отправился на рысях со всем моим полком, чтобы поскорее прийти ему на помощь. Мы прибыли как раз вовремя, потому что, хотя маршал и забаррикадировался в каменном доме, где собрал всех своих адъютантов и дюжину французских солдат, и мужественно защищался, тем не менее русские драгуны вот-вот должны были захватить его. Наконец появились мы. Увидев нас, враги вскочили на лошадей и умчались. Мои кавалеристы преследовали их, убили человек двадцать и взяли нескольких пленных. У меня было двое раненых. Маршал Удино, очень довольный, что ему удалось ускользнуть от

русских, выразил нам свою благодарность, и мой полк был ему эскортом до того момента, когда, прибыв во французский лагерь, он оказался вне опасности.

В то же самое время все маршалы Империи, казалось, решили не признавать между собой прав старшинства, поскольку никто из них не желал служить под командованием кого-либо из своих товарищей, сколь серьезными ни были бы обстоятельства. Так, как только Удино взял на себя командование 2-м корпусом, Виктор, вместо того чтобы остаться под его командованием во имя разгрома Витгенштейна, покинул Удино и со своими 25 тысячами солдат направился к Коханову. Маршал Удино, оставшись один, в течение нескольких дней водил свои части по различным местам провинции и в конце концов расположил свой штаб в Черее, а авангард в Лукомле.

Во время небольшого боя на подступах к этому городу, происходившего при поддержке бригады Кастекса, до меня дошло наконец известие о том, что меня произвели в чин *полковника.* Если вы помните, в качестве начальника эскадрона я был ранен при Цнайме в Моравии, получил два ранения при Миранда-ду-Корву в Португалии, одну рану при Якубове, участвовал в четырех военных кампаниях в том же чине и что, наконец, я командовал полком, начиная со вступления французов в Россию. Поэтому вы, скорее всего, согласитесь, что я заслужил мои новые эполеты. Я был за них очень признателен императору, особенно когда узнал, что он оставляет меня в 23-м полку конных егерей. Полк я очень любил и был уверен, что солдаты также любят и уважают меня. И правда, все они выразили свою радость. Все храбрецы, которых я так часто вел в бой, все солдаты и офицеры пришли выразить мне свое удовлетворение по поводу того, что я оставался их командиром. Добрый генерал Кастекс, всегда обращавшийся со мной как с братом, захотел сам провозгласить меня командиром полка. И, наконец, сам полковник 24-го конно-егерского полка, хотя мы и не были близкими друзьями, счел своим долгом явиться поздравить меня во главе своих офицеров, чье уважение я также сумел завоевать.

Тем временем положение французской армии с каждым днем становилось все тяжелее. Фельдмаршал Шварценберг, командир австрийского корпуса, совершив самое низкое предательство, только что дал пройти перед собой русским полкам Чичагова. Русские овладели Минском, откуда они угрожали нашим тылам. Тогда император наверняка сильно пожалел, что сделал командующим в Литве голландского генерала Хогендорпа, своего адъютанта, который никогда не участвовал в войне и не сумел ничего предпринять для спасения Минска, где он легко мог бы

собрать 30 тысяч человек из дивизий Дюрютта, Луазона и Домбровского, находившихся в его распоряжении. Взятие Минска было весьма серьезным событием, но Наполеон уделил ему слишком мало внимания, поскольку рассчитывал переправиться через Березину в Борисове, где мост находился под защитой крепости, которая была в хорошем состоянии и охранялась поляками. Уверенность Наполеона в этом была столь велика, что он приказал сжечь в Орше весь понтонный парк. Это было громадным несчастьем, потому что эти понтоны обеспечили бы нам быструю переправу через Березину. За переход через эту реку нам пришлось дорого заплатить обильно пролитой кровью!

Несмотря на свою уверенность в успехе переправы, Наполеон, узнав о занятии Минска русскими, потребовал от маршала Удино покинуть город Черею и отправиться форсированным маршем на Борисов. Но мы прибыли туда слишком поздно, поскольку генерал Броникoвский, которому была поручена охрана крепости[132], видя, что он окружен многочисленным врагом, счел, что его главной заслугой будет спасение гарнизона. Вместо того чтобы оказать ожесточенное сопротивление, которое дало бы корпусу Удино время прибыть ему на помощь, этот польский генерал оставил крепость, потом переправился со всем своим гарнизоном по мосту на левый берег и пошел по дороге на Оршу, где соединился с корпусом Удино, встретив его на подступах к Наче. Маршал принял его очень плохо и приказал ему возвращаться вместе с нами к Борисову.

В руках Чичагова находились город, мост через Березину и крепость, господствующая над этим мостом. Этот адмирал, которому его успехи вскружили голову, горел желанием сразиться с французскими войсками. 23 ноября он выступил нам навстречу вместе с главными силами своей армии. Авангард этой армии составлял сильный кавалерийский отряд под командованием генерала Ламбера, лучшего из военачальников Чичагова. Местность была ровной, поэтому маршал Удино выставил перед пехотой дивизию кирасир, а перед ними шла бригада легкой кавалерии Кастекса.

Русский авангард, двигавшийся навстречу французам, столкнулся с нашими кирасирами в 3 лье от Борисова, на равнине у деревни Лошница. Кирасиры очень мало сражались во время всей этой кампании и попросили, чтобы им была оказана честь быть в первых рядах колонны. При виде этих прекрасных, еще многочисленных полков, сидевших на хороших лошадях и сверкавших на солнце своими кирасами, русская кавалерия сразу остановилась. Затем, вновь обретя смелость, она бросилась вперед. Наши кирасиры яростно пошли в атаку, опрокинули

русскую кавалерию и убили или взяли в плен около тысячи человек. Чичагов, которого уверяли в том, что армия Наполеона была лишь массой безоружных людей, действовавших без всякого порядка, не ожидал подобной храбрости и поторопился отступить к Борисову.

Известно, что после атаки большие лошади тяжелой кавалерии, особенно кирасирские лошади, не могут долгое время продолжать скакать галопом, поэтому 23-й и 24-й конно-егерские полки получили приказ преследовать противника, а кирасиры пошли во второй линии с умеренной скоростью.

Чичагов совершил не только ту ошибку, что встал перед корпусом Удино, но к тому же он притащил с собой весь обоз своей армии — свыше 1500 повозок! Так что в стремительном отступлении русских на Борисов царила такая сумятица, что два полка из бригады Кастекса нередко встречали помехи своему передвижению за счет повозок, брошенных противником. Эта сумятица стала еще больше, как только мы вышли в город, где улицы были загромождены багажом и тягловыми лошадьми, а между ними бродили русские солдаты, бросившие оружие и пытавшиеся догнать своих налегке. Тем не менее мы добрались до центра города, но потеряли драгоценное время, чем воспользовался противник, чтобы переправиться через реку[133].

Маршал приказал дойти до моста через Березину и попытаться переправиться по нему одновременно с русскими беглецами, но для этого нужно было бы знать, где находится этот мост, а никто из нас как следует не был знаком с городом. Наконец мои кавалеристы привели ко мне одного еврея, которого я допросил по-немецки. Но этот чудак или не понял немецкого языка, или притворился, что не понимает, и мы не смогли вытянуть из него никаких сведений. Я бы дорого отдал за то, чтобы иметь рядом со мной Лоренца, моего польского слугу, обычно служившего мне переводчиком. Но этот трус остался позади, как только началось сражение. Тем не менее надо было выйти из тупика. Мы проехали по улицам, послав впереди себя несколько взводов, наконец-то увидевших Березину.

Эта река еще не настолько замерзла, чтобы через нее можно было переправляться по льду, поэтому требовалось переходить Березину по мосту. Но чтобы им овладеть, нужна была пехота, а наша еще находилась в 3 лье от Борисова. Чтобы выйти из положения, маршал Удино, прибывавший как раз в эти минуты, велел генералу Кастексу приказать спешиться трем четвертям кавалеристов из обоих полков. Вооруженные мушкетонами, они образовали небольшой батальон и должны были идти в атаку на мост. Мы поспешили повиноваться и, оставив лошадей на

соседних улицах под охраной нескольких человек, направились к реке под командованием генерала Кастекса, который в этом опасном деле захотел идти во главе своей бригады. Полный разгром, понесенный только что русским авангардом, внес большую растерянность в армию Чичагова, поэтому на берегу, занятом этой армией, царила большая паника. Мы увидели там массы беглецов, уходившие прочь из города. Поэтому, хотя мне сначала и показалось маловероятным, чтобы пешие кавалеристы без штыков смогли расчистить подходы к мосту и удержаться там, я вскоре начал надеяться на благоприятный результат, тем более что противник противопоставлял нам лишь немногих стрелков. Поэтому я приказал взводам, которые должны были первыми выйти на правый берег, захватить соседние с мостом дома, чтобы, овладев обоими концами моста, мы смогли защищать его до подхода нашей пехоты и таким образом обеспечить французской армии переправу через Березину. Но вдруг начали стрелять крепостные пушки, осыпавшие весь мост градом ядер. Этот обстрел, внеся беспорядок в ряды нашего небольшого батальона, заставил его немедленно отступить. Моментом воспользовалась группа русских саперов с факелами в руках, они подожгли мост. Но поскольку присутствие этих саперов мешало вражеской артиллерии стрелять, мы бросились на них! Большинство из русских были убиты или сброшены в реку, и наши стрелки потушили пожар на мосту, едва он начался. Но вдруг батальон русских гренадеров бросился в штыковую атаку и заставил нас покинуть мост, который вскорости был покрыт горящими факелами и превратился в громадный костер, чей жар заставил обоих противников уйти.

Начиная с этого момента французам пришлось отказаться от надежды переправиться через Березину по этому мосту, и их *путь к отступлению был перерезан!* Эта огромная катастрофа оказалась для нас почти фатальной и во многом способствовала изменению лица Европы из-за падения Наполеона.

Признав невозможность форсировать реку перед Борисовом, маршал Удино счел опасным позволить загромоздить этот город частями своей армии, поэтому он послал им приказ стать лагерем между Лошницей и Неманицей. В Борисове осталась только бригада Кастекса. Ей было запрещено любое общение с другими корпусами, поскольку от них хотели как можно дольше скрывать роковое известие, что мост сгорел. Остальные части узнали эту новость лишь спустя двое суток.

В соответствии с обычаями войны багаж противника принадлежит тому, кто его захватил, поэтому генерал Кастекс разрешил егерям из моего полка и из 24-го полка захватить

добычу, содержавшуюся в полутора тысячах повозок, фургонов и телег, брошенных русскими, спасавшимися бегством через мост. Добыча была *громадной*! Однако она была больше в сотню раз, чем то, что бригада смогла бы унести с собой, поэтому я собрал всех людей моего полка и дал им понять, что нам предстоит долгий путь отступления, во время этого пути мне, вероятно, будет невозможно по-прежнему регулярно снабжать их мясом так, как я это делал на протяжении всей кампании. Поэтому я призвал их заняться, главным образом, тем, чтобы запастись *провизией,* и добавил, что они должны также подумать о том, как защитить себя от холода. Они не должны были забывать, что перегруженные лошади долго не протянут, поэтому не следует нагружать своих лошадей множеством вещей, бесполезных на войне. Кроме того, я сказал, что устрою им смотр и все, кроме провизии, обуви и одежды, безжалостно выброшу. Чтобы предотвратить любые споры, генерал Кастекс приказал расставить вешки, которые разделили на две части огромное количество захваченных повозок. Каждый полк имел свою долю добычи.

Армейский корпус Удино окружал город с трех сторон, четвертая сторона была защищена Березиной и находилась под наблюдением различных постов, поэтому наши солдаты могли в безопасности разбирать содержимое повозок и телег противника. Как только был дан сигнал, началось изучение добычи. Похоже, что офицеры Чичагова снабжались неплохо, потому что мы никогда не видели в обозах какой-либо армии подобного изобилия ветчины, паштетов, колбас, рыбы, копченого мяса и самых разнообразных вин, столь громадного количества бисквитов, риса, сыра и т. д. и т. д. Наши солдаты воспользовались также многочисленными мехами и крепкой обувью, которую они нашли в русских повозках. Захват всех этих вещей спас жизнь многим нашим людям. Вражеские возчики сбежали, не успев захватить с собой своих лошадей. Почти все лошади были очень хорошими. Мы выбрали лучших, чтобы заменить ими лошадей, не соответствующих стандартам легкой кавалерии. Офицеры взяли лошадей также для того, чтобы везти провизию, а ею каждый из них в изобилии запасся.

Бригада провела еще один день, 24-го числа, в Борисове. Несмотря на предпринятые накануне предосторожности, новость о разрушении моста просочилась на бивуаки 2-го корпуса, поэтому маршал Удино, желая, чтобы все его полки воспользовались провизией, содержавшейся в повозках противника, согласился позволить войти в город друг за другом специальным отрядам от всех своих полков. Они сменялись, загрузившись. Не считая большого количества продовольствия и

самых разнообразных предметов, которые были увезены частями Удино, значительная часть добычи еще оставалась на месте, и на следующий день ею завладели многочисленные солдаты, без всякого строя возвращавшиеся из Москвы.

Командиры, а также все офицеры, способные оценить тяжелое положение армии, были сильно обеспокоены. Действительно, перед нами текла Березина, на противоположном берегу ее находились многочисленные войска Чичагова. На наших флангах нам угрожал Витгенштейн, а Кутузов преследовал нас по пятам! И, наконец, если не считать остатков гвардии, корпусов Удино и Виктора, количество солдат в которых уменьшилось до нескольких тысяч, вся остальная Великая армия, когда-то столь прекрасная, состояла лишь из больных, раненых и безоружных солдат, утративших под влиянием несчастий и лишений свою былую энергию. Казалось, все было против нас: ведь если благодаря понижению температуры воздуха корпус Удино несколько дней назад сумел ускользнуть от врага, переправившись через Днепр по льду, то мы находились перед Березиной, где, несмотря на ужасный холод, не было льда, а у нас не осталось понтонов для того, чтобы навести переправу.

25-го числа император въехал в Борисов, где его ждал маршал Удино с 6 тысячами солдат, еще остававшимися у него. Наполеон, как и все маршалы и офицеры его свиты, были удивлены замечательным порядком, царившим во 2-м корпусе, вид коего странным образом контрастировал с видом толп несчастных, пришедших из Москвы. Наши части наверняка были менее красивыми, чем во время гарнизонной службы, но каждый солдат сохранил свое оружие и был готов смело им воспользоваться. Император, потрясенный их воинственным видом, собрал всех командиров полков и поручил им выразить полкам его удовлетворение отличным их поведением в многочисленных и кровавых сражениях, происходивших в Полоцкой провинции.

Глава XVIII

Бригада Корбино присоединяется ко 2-му корпусу. — Ложная вылазка ниже по течению от Борисова и переправа через Березину

Вы должны помнить, что баварский генерал граф Вреде без разрешения ушел из 2-го корпуса. Он увел кавалерийскую бригаду Корбино, обманув этого генерала, уверив последнего в том, что получил по этому поводу приказы, чего на самом деле не было. Так вот, результатом этого обмана было спасение императора и остатков его Великой армии!

И действительно, Корбино, которого вопреки его воле увлекли в направлении, противоположном направлению движения 2-го корпуса, последовал за Вреде до Глубокого. Но там он заявил, что дальше не пойдет, если только баварский генерал не покажет ему приказ, в соответствии с которым он якобы должен был удерживать бригаду Корбино при себе. Поскольку граф Вреде не смог удовлетворить это требование, генерал Корбино ушел от него, добрался в районе Докшиц до истоков Березины, а затем, двигаясь вдоль правого берега, надеялся дойти до Борисова, перейти реку по мосту и, идя по дороге на Оршу, дойти до корпуса Удино, находившегося, по его предположениям, в окрестностям Бобра.

Императора упрекали в том, что, хотя у него на службе находились несколько тысяч поляков из герцогства Варшавского, он с самого начала кампании не разместил некоторых из них в качестве переводчиков при каждом штабном офицере и даже при каждом командире полка. Ведь подобная мудрая мера позволила бы избежать множества ошибок и обеспечила бы гораздо большую точность всем действиям. Доказательством этого был тяжелый многодневный переход, совершенный бригадой Корбино по совершенно незнакомой территории, языка жителей которой не знал ни один француз. К счастью, среди трех полков, находившихся под командованием этого генерала, был и 8-й польский уланский полк. Польские офицеры вытягивали из местных жителей все необходимые сведения. Это в конечном счете очень помогло Корбино.

И действительно, когда он оказался на расстоянии в полдня пути от Борисова, крестьяне сообщили польским уланам, что русская армия Чичагова занимает этот город. Корбино уже был готов отказаться от надежды переправиться через Березину, как вдруг те же самые крестьяне предложили ему отойти немного назад и привели его колонну на расстояние 4 лье вверх по

течению от Борисова, к маленькой деревне Студянка, находившейся неподалеку от Веселова. Перед этой деревней располагался брод. Три кавалерийских полка Корбино переправились через реку без потерь, а затем генерал направился через поля, ловко избегая приближения к Борисову, а также к войскам Витгенштейна, стоявшим у Богатки. После этого Корбино пришпорил коней и наконец 23-го вечером присоединился к маршалу Удино возле местечка Нача.

Смелый переход, только что предпринятый Корбино, принес ему славу и оказался весьма счастливым для армии, поскольку император, признав физическую невозможность быстро восстановить борисовский мост, после беседы с Корбино решился на переправу через Березину в Студянки. Однако Чичагов, узнавший о проходе бригады Корбино в этом месте, только что послал туда большой отряд и многочисленную артиллерию. Русские встали напротив Студянки. Тогда, чтобы обмануть противника, Наполеон использовал военную хитрость, хотя и очень старую, но почти всегда эффективную. Он притворился, что не намерен переправляться через реку в этом месте, а собирается воспользоваться двумя другими бродами, расположенными ниже Борисова по течению. Самым плохим из них был брод, расположенный перед деревней Ухолоды. К этому месту был открыто направлен один из еще боеспособных батальонов, а за ним следовали дезорганизованные пешие солдаты, толпы которых противник должен был принять за крупную пехотную дивизию. В конце этой колонны двигались многочисленные фургоны, несколько пушек и кирасиры. Прибыв в Ухолоды, французы выстрелили из пушки и сделали все, чтобы создать видимость строительства моста.

Предупрежденный об этих приготовлениях Чичагов не сомневался, что план Наполеона состоит в переправе через реку в этом месте, чтобы затем попасть на идущую по соседству дорогу на Минск. Поэтому Чичагов поспешил послать по правому берегу весь борисовский гарнизон, чтобы он оказался напротив Ухолод. Мало того, из-за какого-то совершенно необъяснимого заблуждения русский адмирал, располагавший достаточными силами, чтобы одновременно защищать реку и ниже, и выше по течению, приказал дополнительно отправить ниже по течению к деревне Ухолоды все войска, помещенные им накануне выше по течению от Борисова, между Зембином и Березиной. Однако именно напротив Зембина расположена деревня Веселово, к которой и относится хутор Студянка. Таким образом, противник оставил место, где Наполеон хотел навести мост, и совершенно без всякой пользы отправился на защиту брода, расположенного в

6 лье выше того, через который мы собирались переправляться.

Чичагов совершил ошибку, собрав таким образом всю свою армию вниз по течению от города Борисова. Он добавил к этой ошибке еще одну, какую никогда не совершил бы простой сержант и какую русское правительство ему никогда не простило. Зембин построен на обширном болоте, и через него проходит дорога из Вильно на Камень. На этой дороге имеется 22 деревянных моста, которые русский генерал, прежде чем отойти из этого места, мог бы в мгновение ока превратить в угли, потому что они окружены большими зарослями сухого тростника. Если бы Чичагов принял эту мудрую меру предосторожности, французская армия наверняка безвозвратно погибла бы и ей ничем не помогло бы то, что она переправилась через реку, поскольку она оказалась бы окружена со всех сторон глубоким болотом, расположенным вокруг Зембина. Но, как я только что сказал, русский военачальник сохранил для нас эти деревянные мосты нетронутыми и, проявив полнейшее невежество в военной теории, спустился вдоль Березины со всеми своими войсками, оставив наблюдателями напротив Веселова лишь полусотню казаков.

В то время как русские, обманутые спектаклем, устроенным императором, удалялись от истинного места атаки, Наполеон отдавал приказания. Маршал Удино и его корпус должны были ночью направиться в Студянку, чтобы помочь там наведению двух мостов, затем переправиться на правый берег и переформироваться между Зембином и рекой. Герцог Беллунский (маршал Виктор), выступив от Начи, должен был образовать арьергард, заставляя двигаться перед собой всех отставших от своих частей солдат, и попытаться защищать Борисов в течение нескольких дней, а затем отправиться в Студянку и перейти через мосты. Таковы были приказания императора, но их точному исполнению помешали обстоятельства.

Вечером 25-го числа бригада Корбино, уже хорошо знакомая с окрестностями Студянки, направилась к этому месту, идя вверх по левому берегу Березины. Бригада Кастекса и несколько батальонов шли сзади. Затем двигалась основная часть 2-го корпуса. Мы с сожалением оставили город Борисов, где с такой приятностью провели два дня. Похоже, у нас появилось печальное предчувствие относительно невзгод и несчастий, которые были нам уготованы.

На рассвете 26 ноября мы пришли в Студянку. На противоположном берегу не видно было никаких приготовлений к защите, так что, если бы император сохранил понтонный парк, который он приказал сжечь за несколько дней до этого в Орше,

армия смогла бы переправиться через Березину немедленно. Это речка, а некоторые люди со слишком богатым воображением приписывают ей гигантские размеры, по ширине не превышает улицу Руаяль в Париже, перед министерством морского флота. Что до ее глубины, то достаточно рассказать, что за трое суток до этого три кавалерийских полка бригады Корбино перешли ее вброд без всяких неприятностей и снова переправились через нее в тот день, о котором я говорю. Дно не уходило из-под ног лошадей, или им приходилось плыть всего лишь несколько метров. В этот момент переправа представляла для кавалерии, повозок и артиллерии лишь небольшие неудобства. Первое из них состояло в том, что вода доходила кавалеристам и возчикам до колен, однако это было вполне терпимо, потому что, к сожалению, холод был недостаточно силен, и река из-за этого не замерзла, по ней едва ли плыло несколько редких льдин. Для нас было бы лучше, если бы река покрылась льдом. Второе неудобство также имело причиной недостаточный холод. Дело в том, что болотистый луг, видимый на противоположном берегу, оказался таким топким, что лошади под седлом с трудом проходили по нему, а повозки погружались до середины колес.

Корпоративный дух, конечно, заслуживает всяческой похвалы, но в трудных обстоятельствах надо знать, как умерять и даже забывать его. Этого не сумели сделать перед Березиной командиры артиллерии и инженерных войск: каждый из этих двух родов войск претендовал на то, чтобы самому строить мосты, так что они непрерывно спорили, и дело не двигалось. Наконец, император, прибывший 26 ноября к полудню, положил конец раздорам, приказав, чтобы один из двух мостов был построен артиллеристами, а другой — инженерными войсками. Тогда с деревенских жилищ были сняты балки и дранка с крыш, и саперы и артиллеристы принялись за работу.

Здесь эти бравые солдаты доказали свое мужество и преданность делу, до сего момента не очень заметные. Мы видели, как они, совершенно раздетые, бросались в холодные воды Березины и работали там непрерывно по 6–7 часов, хотя им никто не дал ни единой капли водки, а на следующую ночь постелью им служила только покрытая снегом земля. Почти все они погибли, когда наступили сильные холода.

В то время как шла работа над строительством мостов и когда мой полк, так же как и все остальные части 2-го корпуса, ждал на левом берегу приказа переправляться через реку, император пешком переходил от одного полка к другому и разговаривал с солдатами и офицерами. Его сопровождал Мюрат. Этот гордый Мюрат, совершивший так много прекрасных

подвигов, когда победоносные французы двигались на Москву, словно находился в помрачении ума с тех пор, как мы покинули этот город. Во время отступления он не принял участия ни в одном сражении. Все видели, как он в молчании следует за императором, будто не имеет никакого отношения к тому, что происходит в армии. Однако он, похоже, вышел из своего оцепенения перед Березиной в присутствии тех немногих полков, еще продолжавших сохранять в рядах порядок, что в тот момент было последней надеждой на спасение.

Мюрат очень любил кавалерию. Поскольку от полков, перешедших через Неман, оставались лишь немногочисленные эскадроны, входившие в корпус Удино, именно на них Мюрат постарался направить внимание императора. Наполеон восхитился прекрасным состоянием кавалерии в целом и моего полка в частности, потому что один мой полк по численности превосходил некоторые бригады. И действительно, у меня оставалось свыше 500 человек на лошадях, в то время как другие полки 2-го корпуса едва ли насчитывали по 200 человек. Поэтому я получил от императора очень лестные похвалы, которые во многом по справедливости относились к моим офицерам и солдатам, а не ко мне лично.

В этот момент я с радостью увидел, что ко мне подходит Жан Дюпон, слуга моего брата, его преданный помощник, чьи усердие, смелость и верность устояли перед всеми испытаниями. Оставшись один после того, как его хозяин попал в плен в самом начале кампании, Жан дошел до Москвы с 16-м конно-егерским полком, проделал весь путь отступления, ухаживая за тремя лошадьми моего брата Адольфа и обеспечивая их кормом. Он не захотел продать ни одну из них, несмотря на то что ему делали самые соблазнительные предложения. Этот храбрый юноша присоединился ко мне после пяти месяцев невзгод и лишений и принес с собой все вещи моего брата. Но, показывая их мне, он сказал со слезами на глазах, что его обувь полностью истрепалась и ему приходилось идти босиком по льду, поэтому он позволил себе взять одну пару сапог своего хозяина. Я оставил у себя на службе этого достойного уважения человека. Он оказался мне очень полезен, когда спустя некоторое время я был снова ранен в самые ужасные дни великого отступления.

Но вернемся к переправе через Березину. Через эту реку не только без труда перешли наши лошади, но и наши кашевары вместе со своими повозками. Это навело меня на мысль, что если мы выпряжем лошадей из многочисленных повозок, тащившихся за армией, то можно будет расставить повозки в реке одну за другой, чтобы создать несколько «переходов» для пехотинцев. Это

бесконечно облегчило бы проход людских масс, которые на следующий день стали бы толпиться при входе на мосты. Эта мысль показалась мне столь удачной, что, хотя я и вымок до пояса, я вновь перешел брод, чтобы сообщить свою мысль генералам императорского главного штаба. Мой проект был одобрен, но никто не сдвинулся с места, чтобы сообщить о нем императору. Наконец генерал Лористон, один из его адъютантов, сказал мне: «Я поручаю вам создать эту переправу, полезность которой вы нам столь хорошо объяснили». Я ответил на это предложение, что в моем распоряжении нет ни саперов, ни пехотинцев, ни инструментов, ни свай, ни веревок, и к тому же я не должен покидать мой полк, расположенный на правом берегу и в любой момент могущий подвергнуться атаке. Мое дело — изложить начальству свои предложения, которые я считаю ценными, и вернуться на свой пост. Произнеся все это, я вновь вошел в воду и присоединился к своему 23-му полку.

Тем временем саперы инженерных войск и артиллерии наконец закончили наводить два временных моста, после чего пехоте и артиллерии корпуса Удино был отдан приказ переправляться. Как только они оказались на правом берегу, то разбили бивуаки в большом лесу, расположенном на расстоянии полулье позади хутора Занивки, где кавалерия, согласно приказу, должна была к ним присоединиться. Таким образом, под нашим наблюдением оказались Стахово и Томинки, куда приводит большая дорога из Минска. По этой дороге Чичагов увел все свои войска вниз по течению Березины. По этой же дороге он наверняка вернулся бы, чтобы напасть на нас, узнав о нашей переправе через реку возле Зембина.

27 ноября вечером император вместе со своей гвардией переправился через мосты и остановился в Занивках. Кавалерия получила приказ присоединиться к Наполеону в этом месте. Противник пока не появлялся.

Было много разговоров о несчастьях, произошедших с нами на Березине, но никто еще не говорил о том, что большинства из них можно было бы избежать, если бы генеральный штаб лучше понимал свои задачи и свой долг и воспользовался бы ночью с 27-го на 28 ноября, приказав перевести через мосты обозы и особенно тысячи разрозненных солдат, на следующий день так затруднивших переправу. Действительно, хорошо устроив мой полк на бивуаке под Занивками, я вдруг заметил отсутствие моей собственной лошади, на которую был навьючен небольшой ящик и конторские книги эскадронов. Я подумал, что возчик и кавалеристы, эскортировавшие эту лошадь, ждали наведения мостов. Они действительно ждали этого на протяжении многих

часов, но так и не появились. Тогда, обеспокоенный их судьбой, а также судьбой драгоценной ноши, которая была им доверена, я решил лично помочь их переправе, поскольку думал, что мосты полны людей. Я отправился галопом в этом направлении, и каково же было мое удивление, когда я нашел мосты *совершенно пустыми*! Никто не переходил через них в этот момент, в то время как в ста шагах отсюда при ярком свете луны я увидел свыше 50 тысяч пеших солдат, потерявших свои полки. Они имели прозвище «торговцы жареным мясом». Эти люди спокойно сидели перед огромными кострами и готовили жаркое из конины, не подозревая, что находятся рядом с рекой, переправа через которую на следующий день будет стоить жизни многим из них. В этот момент они смогли бы перейти через нее совершенно беспрепятственно и завершить приготовление ужина на другом берегу. Вдобавок к этому ни один офицер из императорского окружения, ни один из адъютантов не находился там, чтобы предупредить этих несчастных и направить их на мосты!

Именно в этом лишенном порядка лагере я впервые увидел солдат, возвращавшихся из Москвы. От этого зрелища душа моя преисполнилась скорбью! Все чины и звания смешались там: солдаты, офицеры и даже генералы, у которых не было ни оружия, ни униформы. Одетые в лохмотья, они вместо обуви носили на ногах лишь обрывки кожи или тряпки, плохо связанные веревками! В этой огромной шумной толпе смешались тысячи людей различных национальностей, громко говоривших на всех языках европейского континента, не имея возможности понять друг друга!

Однако, если бы в корпусе Удино или в гвардии взяли несколько батальонов, находившихся еще в полном порядке, они бы без труда оттеснили эту людскую массу за мосты: ведь, возвращаясь к Занивкам и имея лишь нескольких ординарцев, я один сумел как с помощью убеждения, так и силой заставить две или три тысячи этих несчастных переправиться на правый берег. Но мой главный долг звал меня вернуться к моему полку, поэтому мне пришлось направиться туда.

Проезжая перед главным штабом и штабом маршала Удино, я напрасно сообщал о том, что мосты свободны и что очень легко было бы заставить безоружных людей переправиться по этим мостам в тот момент, когда противник еще не вел против нас никаких действий. Мне ответили лишь уклончивыми словами, при этом каждый оставлял за своим коллегой заботу о руководстве подобной операцией[134].

Вернувшись на бивуак моего полка, я был приятно удивлен, найдя там капрала и восьмерых солдат, во время минувшей

кампании надзиравших за нашим стадом. Эти смелые люди были крайне огорчены тем, что толпа *торговцев жареным мясом* набросилась на их скотину, всю ее изрубила и съела у них на глазах, а они не смогли этому противостоять. Полк не очень огорчался этой потерей, потому что каждый кавалерист взял в Борисове провианта на *двадцать пять* дней.

Рвение моего аджюдана г-на Бертье заставило его вернуться обратно по мосту, чтобы попытаться найти егерей, охранявших наши бухгалтерские книги. Этот смелый воин затерялся в толпе, не сумел вновь переправиться через реку, был взят в плен в сражении следующего дня. Я вновь увидел его лишь спустя два года.

Глава XIX

Потеря дивизии Партуно. — Битва при Занивках возле Брилей. — Г-н де Ноай. — Переправа через мосты и катастрофа на Березине. — 2-й корпус защищает отступающих. — Я ранен при Плещеницах

Вот мы и подошли к самому ужасному моменту роковой Русской кампании… к переправе через Березину, происходившей главным образом 28 ноября.

На заре этого рокового дня положение противостоящих армий выглядело следующим образом. На левом берегу корпус маршала Виктора, покинувший ночью Борисов, отправился в Студянку, тесня перед собой массу отставших солдат. Для того чтобы создать свой арьергард, этот маршал оставил позади себя пехотную дивизию генерала Партуно. Этот генерал, имея приказ покинуть город лишь спустя два часа после Виктора, должен был бы отправить следом за корпусом многочисленные небольшие отряды, которые, контактируя с главными силами Партуно с помощью цепочки разведчиков, смогли бы таким образом как бы вехами указывать направление. Кроме того, Партуно должен был отправить до Студянки одного адъютанта с поручением разведать дороги и затем вернуться. Однако Партуно, пренебрегая всеми этими предосторожностями, ограничился лишь тем, что отправился в путь в назначенный час. Ему попались две разветвлявшиеся дороги, а он не знал ни ту ни другую. Но поскольку, идя из Борисова, он не мог не знать, что Березина была у него слева, он должен был бы сделать заключение, что добраться до Студянки, расположенной на этой реке, можно, выбрав *левую* дорогу! Он сделал все наоборот и, машинально следуя за несколькими вольтижерами, двигавшимися впереди, направился по правой дороге и попал прямо в середину многочисленного русского корпуса генерала Витгенштейна!

Дивизия Партуно, вскоре окруженная со всех сторон, была принуждена сдаться[135]. В то время как простой батальонный начальник, командовавший его арьергардом, кому пришла в голову счастливая мысль отправиться по левой дороге только из-за того, что она шла в направлении берега, спокойно присоединился к маршалу Виктору возле Студянки. Маршал Виктор крайне удивился, видя прибытие этого батальона вместо целой дивизии Партуно, ведь батальон представлял собой арьергард дивизии. Но удивление маршала вскоре превратилось в самое настоящее потрясение, когда русские Витгенштейна

атаковали его, а он-то думал, что русских отбросила дивизия Партуно! С этого момента Виктор уже не мог сомневаться, что генерал Партуно и все его полки взяты в плен.

Но его ждали новые несчастья, потому что Кутузов, от самого Борисова преследовавший Партуно по пятам, имея при себе многочисленные войска, узнав о его капитуляции, ускорил движение и присоединился к Витгенштейну, чтобы напасть на маршала Виктора. Тот оказал неприятелю ожесточенное сопротивление, хотя его корпус уменьшился до 10 тысяч человек. Войска Виктора (даже немцы, входившие в их состав) сражались с настоящим героизмом и смелостью. Их героизм был тем более замечательным, что, атакованные одновременно двумя армиями и прижатые к Березине, они были затруднены в своих движениях также и огромным количеством повозок, которые без всякого порядка управлялись отдельными людьми, в суматохе пытавшимися добраться до реки! Однако маршал Виктор сдерживал Кутузова и Витгенштейна целый день.

В то время как в Студянке царил беспорядок и шли бои, противник, претендовавший на овладение двумя концами обоих мостов, на правом берегу атаковал корпус Удино. Для этого 30 тысяч русских солдат Чичагова вышли из Стахова и с громкими криками бросились на 2-й корпус, в чьих рядах насчитывалось лишь 8 тысяч солдат. Однако наши солдаты ранее не имели никаких контактов с толпами, возвращавшимися из Москвы, и поэтому не представляли себе царившие среди этих несчастных беспорядок и сумятицу. В связи с этим моральный дух корпуса Удино оставался прекрасным, и Чичагов был с большими потерями отброшен. Это произошло на глазах у императора, который как раз в этот момент прибыл на поле боя с резервом из 3 тысяч пехотинцев и тысячи кавалеристов Старой и Молодой гвардии. Русские возобновили свою атаку и прорвали фронт поляков Вислинского легиона. Маршал Удино был тяжело ранен, и Наполеон послал ему на замену Нея. Генерал Кандра, один из прекрасных офицеров нашей пехоты, был убит. Смелый генерал Легран получил опасное ранение.

Бой проходил в еловом лесу, где росли громадные деревья, поэтому вражеская артиллерия могла лишь с трудом видеть наши войска, она стреляла наугад, из-за чего их ядра не попадали в цель. Однако, пролетая над нашими головами, они сбивали с деревьев множество веток, которые были толще человеческого туловища и убивали и даже ранили наших людей и наших лошадей, падая на них сверху. Поскольку деревья стояли на очень большом расстоянии друг от друга, всадники могли двигаться между ними, хотя их передвижения и были затруднены. Видя

приближение крупной русской колонны, маршал Ней бросил против нее все, что оставалось от нашей кирасирской дивизии. Эта атака проводилась в весьма необычных условиях и тем не менее оказалась одной из самых блестящих атак, какие я видел в жизни! Во главе 7-го кирасирского полка смелый полковник Дюбуа перерезал пополам вражескую колонну и взял две тысячи пленных. Русские, ввергнутые таким образом в панику и беспорядок, отступили, преследуемые всей нашей легкой кавалерией, и были отброшены до Стахова с огромными потерями[136]. Я перестроил мой полк, участвовавший в этом столкновении, и вдруг увидел, что ко мне приближается мой друг, г-н Альфред де Ноай, служивший адъютантом у Бертье. Он возвращался после того, как доставил приказ Бертье. Но вместо того чтобы выполнить поручение маршала и вернуться к нему, он сказал, уезжая от меня, что доедет до первых домов Стахова *и посмотрит,* чем занят противник. Это любопытство оказалось гибельным для него, потому что, приблизившись к деревне, он оказался в окружении группы казаков. Они сбросили его с лошади и, схватив за воротник, потащили в деревню, осыпая ударами! Я сразу же послал эскадрон ему на помощь, но это оказалось бесполезным, потому что ожесточенная стрельба из домов помешала нашим кавалеристам проникнуть в деревню. С этого дня никто никогда не слышал о г-не де Ноай. Вероятно, жадность казаков пробудили великолепный мех и золотое шитье его ментика. Скорее всего, он был убит этими варварами. Семейство г-на де Ноая, узнавшее, что я был последним из французов, с кем он разговаривал, попросило у меня сведения относительно его исчезновения. Я мог рассказать им только то, что сказал выше: Альфред де Ноай был замечательным офицером и прекрасным товарищем.

Но это отступление увело меня от Чичагова, разбитого маршалом Неем. Адмирал больше не осмеливался пойти на нас в атаку или покинуть Стахово на протяжении всего дня.

Ознакомив вас вкратце с позициями вражеских армий на обоих берегах Березины, я должен рассказать вам немного о том, что происходило на реке во время сражения. Огромные массы отставших от своих частей людей, у которых было две ночи и два дня, чтобы переправиться по мостам, и которые из-за своей апатии не воспользовались этой возможностью, поскольку никто их к этому не принуждал, вдруг разом захотели перейти через реку, когда ядра Витгенштейна начали падать среди них. Вся эта необъятная масса людей, лошадей и повозок столпилась у входа на мосты. Она полностью закрывала подступы к мостам и не могла добраться до них. Очень многие из тех, кому не удалось

попасть на мосты, были оттеснены толпой в Березину, где почти все утонули.

В довершение всех несчастий один из мостов обрушился под грузом орудий и тяжелых зарядных ящиков, следовавших за батареями. Тогда все бросились ко второму мосту, где паника и беспорядок были уже столь велики, что самые смелые и сильные люди не могли устоять под давлением толпы. Очень многих просто задавили! Видя, что пересечь реку по таким загроможденным мостам невозможно, многие возчики экипажей повели своих лошадей в реку, но этот способ переправы, который был бы очень полезен, если бы осуществлялся в порядке и на два дня раньше, стал гибельным почти для всех, кто к нему прибегнул, потому что, с шумом толкая свои повозки, они налетали друг на друга и опрокидывали повозки в реку! Тем не менее многим удалось добраться до противоположного берега. Однако выход из реки никто не подготовил, предварительно хотя бы срубив прибрежный кустарник, как это должен был бы сделать штаб. Поэтому лишь немногим из повозок удалось выбраться на другой берег. И здесь погибло еще очень много людей!

В ночь с 28-го на 29 ноября русские пушки еще больше увеличили этот кошмар, поражая своим огнем тех несчастных, которые пытались перебраться через реку. Наконец, в 9 часов вечера отчаяние достигло предела. Маршал Виктор начал отступление, и его дивизии в полном порядке подошли к мосту, вступить на который они смогли, лишь силой отодвинув всех, кто закрывал им подступ. Но опустим занавес над этими ужасными сценами!

На рассвете 29 ноября все повозки, еще находившиеся на левом берегу, были подожжены. И когда, наконец, генерал Эбле увидел, как русские приближаются к мосту, он поджег и мост! Несколько тысяч несчастных, остававшихся на подступах к Студянке, попали в руки Витгенштейна. Так закончился самый ужасный эпизод Русской кампании! Эти события были бы гораздо менее пагубными, если бы кто-то сумел и захотел воспользоваться временем, предоставленным нам русскими, считая от нашего прибытия к Березине. На этой переправе армия потеряла от 20 до 25 тысяч человек.

Преодолев это огромное препятствие, масса потерявших свои части людей, спасшихся от столь ужасного несчастья, была еще довольно значительна. Всех этих солдат увели в направлении Зембина, за ними последовал император со своей гвардией. После них двигались остатки нескольких полков и, наконец, 2-й корпус. В авангарде корпуса шла бригада Кастекса.

Я уже говорил, что дорога на Зембин, единственный путь,

остававшийся у нас, пересекает огромное болото и имеет очень большое количество мостов, которые Чичагов по оплошности не сжег, когда за несколько дней до этого он занимал здесь позиции. Мы подобной ошибки не совершили, и после прохождения армии 24-й конно-егерский полк и мой полк подожгли эти мосты при помощи сухого тростника, росшего по соседству.

Отдав приказ поджечь мосты у Зембина, император надеялся надолго избавиться от преследования русских, но уже неоднократно было сказано, что удача отвернулась от нас. И действительно, мороз, который в это время должен был бы превратить воды Березины в лед, оставил ее воды почти нетронутыми, когда нам пришлось через нее переправляться. Но как только мы перешли через Березину, наступил жестокий мороз и сделал лед таким крепким, что через него можно было бы переправлять пушки! То же самое было и с болотами Зембина. Поджог мостов через эти болота не принес нам никакой пользы[137]. Три русских армии, которые мы оставили позади нас, смогли беспрепятственно начать преследование, но, к большому нашему счастью, это преследование не было слишком настойчивым. Впрочем, маршал Ней, командовавший французским арьергардом, собрал всех, кто еще был в состоянии сражаться, и часто возвращался, чтобы напасть на противника, когда он осмеливался подойти к нам слишком близко.

С той поры, как маршал Удино и генерал Легран были ранены, 2-м корпусом командовал генерал Мезон. Этот корпус, несмотря на свои большие потери, был самым многочисленным во всей армии, и обычно ему поручали отражать нападения русских. Мы удерживали противника в отдалении на протяжении всех дней 30 ноября и 1 декабря, но 2 декабря они так потеснили нас своими превосходящими силами, что произошло очень серьезное сражение, в котором я был ранен, и моя рана оказалась тем более опасной, что в тот день стоял 25-градусный мороз.

Возможно, я должен был бы ограничиться лишь тем, чтобы рассказать вам, как я получил удар копья, не вдаваясь в подробности, ведь они столь ужасны, что я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю об этом! Но ведь я обещал вам рассказать все о моей жизни целиком, поэтому вот рассказ о том, что случилось со мной в бою при Плещеницах.

Чтобы дать вам возможность как следует понять мой рассказ и чувства, обуревавшие меня во время этих событий, мне придется сначала рассказать вам о том, как один голландский банкир по фамилии Ван Бершем, бывший моим ближайшим другом в коллеже в Соррезе, прислал мне в самом начале этой кампании своего единственного сына, который стал французом

после присоединения своей страны к Империи и поступил в 23-й полк, хотя тогда ему едва ли было шестнадцать лет. Этот молодой человек, полный замечательных достоинств, отличался завидным умом. Я взял его к себе секретарем, и он все время двигался в пятнадцати шагах позади меня вместе с моими ординарцами. В этом же положении он находился и в тот день, когда, пересекая обширную равнину, 2-й корпус, в арьергарде которого находился мой полк, увидел, как на него мчится огромная масса русской кавалерии. Вражеская кавалерия мгновенно обошла нас и со всех сторон атаковала. Генерал Мезон занял такие хорошие позиции, что наши пехотные каре отражали все атаки регулярной кавалерии противника.

Тогда неприятель ввел в сражение массу казаков. Они нагло кололи пиками французских офицеров, двигавшихся впереди своих эскадронов. Поэтому маршал Ней приказал генералу Мезону прогнать казаков, бросив против них все, что оставалось от дивизии кирасир, а также бригады Корбино и Кастекса. Мой полк, который был еще многочисленным, оказался перед полком черноморских казаков. Они были одеты в высокие каракулевые шапки, и у многих из них одежда и кони были лучше, чем обычно у казаков. Мы бросились на них, и, по своему обычаю никогда не воевать в правильном боевом порядке, казаки развернулись и галопом умчались. Однако, будучи незнакомыми с этой местностью, они направились к препятствию, являющемуся весьма редким в этих обширных равнинах, — то был огромный глубокий овраг, издали совсем незаметный посреди окружающей равнины. Этот овраг внезапно остановил казаков. Видя, что перескочить через овраг на лошадях невозможно и придется встретить лицом к лицу мой полк, который вот-вот нападет на них, казаки развернулись и, прижимаясь друг к другу, смело выставили против нас свои пики!

Мы подошли к неподвижной вражеской массе на рысях. Наши сабли сталкивались с пиками, но пики имели в длину 13–14 футов, поэтому мы не могли достать наших противников саблями, а они не смели отступать. Двигаться вперед они тоже не могли из боязни наткнуться на наши сабли. Таким образом, мы смотрели друг на друга, как вдруг за мгновение, более короткое, чем нужно времени, чтобы о нем рассказать, произошла следующая сцена.

Спеша покончить с неприятелем, я крикнул моим кавалеристам, что надо было схватить несколько пик левой рукой, повернуть их, направить в сторону и проникнуть в середину людской толпы, где наше короткое оружие даст нам громадное преимущество над их длинными пиками. Желая, чтобы

мне лучше повиновались, я захотел показать пример и, раздвинув несколько пик, действительно сумел проникнуть в первые ряды противника! За мной последовали мои адъютанты, ординарцы, и вскоре весь полк сделал то же самое. В результате получилась общая свалка, но в тот момент, когда она началась, один старый казак с седой бородой, находившийся в передних рядах и отделенный от меня другими казаками, нагнулся и, ловко направив свою пику между лошадьми моих товарищей, своим острым оружием ударил меня. Его пика насквозь проткнула мне коленную чашечку на правой ноге!

Чувствуя, что ранен, я бросился к этому человеку, чтобы отомстить ему за ту ужасную боль, какую я испытывал, как вдруг я увидел перед собой двоих красивых молодых людей 18–20 лет в великолепной униформе, покрытой богатым шитьем. Это были сыновья командира казачьего полка. Их сопровождал немолодой человек, выглядевший как их наставник, у него в руках не было сабли. Младший из его учеников тоже не воспользовался саблей, но старший смело бросился на меня и яростно атаковал. Я увидел, как он плохо владеет оружием и как слаб, поэтому ограничился тем, что обезоружил его, схватив за руку, а затем оттолкнул от себя и приказал Ван Бершему охранять его. Но едва только я совершил этот милосердный поступок, как почувствовал, что нечто твердое коснулось моей левой щеки: v меня в ушах прозвучал двойной выстрел, и ворот моего плаща был пробит пулей! Я быстро обернулся, и что же я увидел: молодой казачий офицер держал в руках пару двуствольных пистолетов. Из них он только что предательски стрелял в меня сзади и убил несчастного Ван Бершема *выстрелом в голову!*

В бешенстве бросился я на этого мерзавца, который снова целился в меня из своего второго пистолета. Но тут его взгляд встретился с моим. Взгляд этот наверняка был ужасен, он словно остолбенел и воскликнул на очень хорошем французском языке: «О боже! Я вижу в ваших глазах смерть! Я вижу в ваших глазах смерть!» — «Да, подлец, ты прав, так и есть!» И он через мгновение упал, сраженный моей саблей!

Кровь за кровь! Вид юного Ван Бершема, распростертого на снегу, чувство мести, оживление битвы, возможно, ужасная боль моей раны — все это соединилось и повергло меня в состояние лихорадочного возбуждения. Я бросился к младшему из двух казачьих офицеров, схватил его за горло и уже поднял было свою саблю, когда старый наставник, пытаясь спасти своего ученика, наклонился над шеей моей лошади, чтобы помешать удару сабли, и умоляюще воскликнул: «Именем вашей матери заклинаю вас: пощадите его, пощадите, он же ничего не сделал!»

Я услышал столь чтимое мною имя, и дух мой, возбужденный происходившим вокруг, был поражен каким-то молниеносным видением. Мне показалось — я вижу такую знакомую мне дорогую руку матери, которая защищала грудь молодого человека, коего я собирался пронзить саблей. Мне послышался голос матери, приказавший: «Пощади его! Пощади!» Сабля опустилась помимо моей воли! Я приказал отвести юношу и его наставника в тыл.

После всего происшедшего мое волнение было так велико, что я не смог бы отдавать приказы, если бы бой продолжался еще хоть какое-то время. Однако он вскоре закончился. Множество казаков было убито, а другие, бросив лошадей, спустились в глубь оврага, где большинство из них погибло под громадными сугробами. Неприятель был также отражен и во всех других местах. В моем послужном списке это ранение числится полученным 4 декабря, однако на самом деле я был ранен 2 декабря.

Вечером после этого боя я допросил моего пленника и его наставника. Я узнал, что оба молодых человека были сыновьями крупного помещика, потерявшего ногу в битве при Аустерлице, он из-за этого так ненавидел французов, что, не имея больше возможности сражаться с ними, послал на войну обоих своих сыновей. Я предвидел, что холод и печаль вскоре погубят того из них, кто остался в живых. Я пожалел его и вернул ему свободу, так же как и его уважаемому наставнику. Этот наставник, прощаясь со мной, сказал с чувством следующие слова: «Думая о своем старшем сыне, мать моих двух учеников будет вас проклинать. Увидев младшего из них живым, она благословит вас, а также и вашу мать, из любви к которой вы сохранили жизнь единственному ребенку, который у нее остался!»

Стойкий отпор, полученный русскими в последнем бою, усмирил их пыл, и поэтому мы два дня провели, не видя врага, что обеспечило наше отступление до Молодечно. Но хотя враг и дал нам передышку, мороз продолжал вести с нами самую жестокую войну: термометр опустился до 27 градусов мороза! Люди и лошади падали на каждом шагу, и многие больше не вставали. Я тем не менее продолжал идти с остатками моего полка, с этими же людьми я каждую ночь стоял бивуаком на снегу. Куда же еще мог бы я пойти, чтобы найти что-то лучшее? Мои смелые офицеры и солдаты, считая своего полковника как бы *живым знаменем*, старались сохранить меня и окружали меня заботами, какие только были возможны в нашем ужасном положении. Полученное мною ранение в колено мешало мне сидеть верхом, поэтому я принужден был класть ногу на шею

лошади и оставаться в неподвижности, а из-за этого очень сильно замерзал. Поэтому боль моя стала невыносимой, но что оставалось делать?

Дорога была покрыта мертвыми и умирающими, войска медленно шли, и не было слышно разговоров. Остатки нашей гвардии образовывали небольшое каре, внутри которого двигался экипаж императора. Рядом с ним был Мюрат.

5 декабря, продиктовав свой 29-й Бюллетень, повергший в ужас всю Францию, Наполеон покинул армию в Сморгони и отправился в Париж. Его чуть не захватил в Ошмянах казачий отряд. Отъезд императора оказал огромное воздействие на моральный дух в войсках. Одни ругали его, считая, что он их *бросил*. Другие одобряли его отъезд, считая его единственным способом спасения Франции от гражданской войны и от вторжения наших так называемых союзников, а большинство из них ждало только удобного момента, чтобы выступить против нас, и не осмелились бы пошевелиться, узнав, что Наполеон, вернувшись в свои владения, собирает там многочисленные полки. Я разделял вторую точку зрения, чья справедливость была вскоре доказана.

Глава XX

Сильные холода. — Вооруженный бандитизм. — Прибытие в Вильно. — Прохождение через Понари. — Отступление на санях. — Прибытие в Ковно. — Переправа через Вислу

Уезжая, император доверил командование остатками армии Мюрату. Но он в этих обстоятельствах оказался не способен выполнить поставленную перед ним задачу. Надо признать, впрочем, что задача эта была крайне трудна. Холод парализовал моральные и физические силы каждого. Повсюду царила полная неразбериха. Маршал Виктор отказался сменить 2-й корпус, находившийся в арьергарде от самой Березины, и маршалу Нею удалось с большим трудом убедить его сделать это. Каждое утро, покидая бивуаки, мы оставляли там массу трупов. Тогда я порадовался, что в сентябре заставил моих кавалеристов запастись одеждой из овечьих шкур: эта предосторожность спасла жизнь многим из них. То же самое касается провизии, которую мы приобрели в Борисове, без этого пришлось бы у голодных солдатских масс отнимать лошадиные трупы.

По этому поводу я бы сказал, что г-н де Сегюр преувеличивает, говоря, что якобы для удовлетворения чувства голода несчастные солдаты ели *человечину*[138].

По краям дороги валялось достаточно палых лошадей, чтобы солдатам приходилось думать о каннибализме. Кроме того, большой ошибкой было думать, будто в этих местностях совершенно отсутствовала провизия, потому что провизии не хватало только в местах, расположенных вдоль самой дороги. Дело в том, что окрестности дороги были опустошены уже тогда, когда армия шла на Москву. Но поскольку она в то время пронеслась как ураган и не удалялась от дороги в сторону, да к тому же с той поры урожай был уже убран, то местность пришла в себя после прежних реквизиций. Достаточно было отправиться на расстояние 1 или 2 лье от дороги, чтобы найти кое-что из продуктов. Правда, такие экспедиции могли себе позволить лишь части, еще не лишившиеся организации, потому что иначе они рисковали быть захваченными казачьими отрядами, бродившими вокруг нас.

По этим причинам вместе со многими другими командирами полков я участвовал в организации *вооруженных групп мародеров*, которые всегда возвращались не только с хлебом и скотиной, но и с санями, нагруженными солониной, мукой и овсом, собранным в деревнях, откуда еще не ушли крестьяне. Это доказывает, что,

если бы герцог Бассано и генерал Хогендорп, которым император доверил в июне управление Литвой, честно выполняли свой долг в течение длительного периода, проведенного ими в Вильно, то они легко смогли бы организовать большие склады, но они занимались в основном снабжением города и совершенно не думали о войсках.

6 декабря холод усилился, термометр опустился почти до 30 градусов мороза, так что этот день был еще тяжелее всех предыдущих, особенно для частей, не привыкших до сих пор к капризам здешнего климата. К числу таких частей относилась дивизия Грасьена, в которой насчитывалось 12 тысяч солдат. Она покинула Вильно 4 декабря и заняла свое место впереди нас. Внезапный переход от очень теплых казарм к бивуаку при температуре 29,5 градуса мороза за 48 часов погубил почти всех этих несчастных! Суровый климат и холода в это время года оказали еще более ужасное действие на 200 неаполитанских всадников из гвардии короля Мюрата. Они тоже повстречались нам после долгого пребывания в Вильно, и *все* они умерли после первой же ночи, проведенной ими на снегу!

Остававшиеся в армии немцы, итальянцы, испанцы и другие иностранцы, которых мы привели с собой в Россию, спасли свою жизнь способом, отвратительным для французов: они *дезертировали,* добирались до деревень, расположенных поблизости от дороги, и, греясь в домах, ждали прихода врага, а враг приходил зачастую лишь спустя несколько дней, потому что — и это удивительно — русские солдаты, привыкшие проводить зимы в своих хорошо натопленных жилищах, где всегда топится печка, оказались гораздо более чувствительны к холоду, чем солдаты, пришедшие из Европы. Поэтому армия нашего противника тоже испытывала большие потери, что и объясняет медленность, с какой они двигались за нами.

Мы не понимали, каким образом Кутузов и его генералы ограничивались тем, что шли за нами, имея очень небольшой авангард, вместо того чтобы обойти нас с флангов и отрезать нам всякий путь к отступлению, дойдя до голов наших колонн. Однако этот маневр, способный полностью погубить нас, оказался для русских невозможным, потому что большинство их солдат погибали, так же как и наши, на дорогах и бивуаках, из-за холода, а он был столь силен, что можно было видеть пар, выходивший не только изо рта, но и из ушей и даже из глаз. Этот пар, контактируя с воздухом, падал нам на грудь, будто это были горсти просяных зерен. Надо было часто останавливаться, чтобы освобождать лошадей от громадных ледышек, образовывавшихся от дыхания, замерзающего на уздечках.

Однако несколько тысяч казаков, привлеченных надеждой на возможность грабежа, еще продолжали выносить холода, двигались по бокам от наших колонн и даже имели смелость атаковать эти колонны в тех местах, где они замечали фургоны. Но достаточно было нескольких выстрелов, чтобы их прогнать. Им порой легко удавалось сеять замешательство в наших рядах, не подвергая себя никакой опасности, поскольку из-за отсутствия упряжных лошадей нам пришлось побросать всю артиллерию. Казаки ставили на сани маленькие легкие пушки, из которых стреляли до того момента, пока, видя какой-нибудь отряд, двигающийся в их направлении, они не разбегались, гоня лошадей во весь опор. Такие набеги на самом деле приносили французам мало вреда, но были крайне неприятны из-за того, что постоянно повторялись. Казаки захватили и ограбили многих раненых и больных, некоторые захватили громадную добычу. Желание обогатиться навлекло на нас новых врагов, вышедших из рядов наших союзников. Это были поляки.

Маршал де Сакс (Мориц Саксонский), сын одного из польских королей, правильно сказал, что «поляки — самые большие воры в мире, они не будут уважать даже имущество своих отцов». Посудите сами, насколько поляки, бывшие в наших рядах, уважали имущество своих союзников. Во время переходов и на бивуаках они крали все, что видели. Но поскольку другие их подозревали и отдельные мелкие кражи стали очень затруднены, поляки решили работать *по-крупному*. Для этого они организовали банды, выбросили свои кивера и прочие военные головные уборы, надели крестьянские шапки и, ускользая с бивуаков, как только наступала ночь, объединялись и возвращались, издавая воинственные крики казаков «Ура! Ура!». Таким образом, они сеяли ужас в умах слабых людей, многие из которых бросались в бегство, оставляя свои вещи, коляски и провизию. И тогда мнимые казаки, забрав все, что было можно, уходили прочь и еще до наступления утра возвращались во французскую колонну, где снова делались поляками, на следующую ночь вновь превращаясь в *казаков*.

Когда стало известно об этом ужасном бандитизме, многие генералы и полковники решили его карать. Генерал Мезон так хорошо организовал охрану бивуаков 2-го корпуса, что однажды ночью наши посты захватили около 50 поляков в тот самый момент, когда они, готовясь играть роль казаков, собирались крикнуть свое *«Ура!»*. Видя, что они окружены со всех сторон, эти бандиты имели неосторожность сказать, что собирались *пошутить*. Но поскольку ни время, ни место не предназначались для шуток, генерал Мезон приказал *расстрелять всех*

немедленно. Некоторое время подобные грабители отсутствовали, но вскоре снова появились.

9 декабря мы прибыли в Вильно, где существовало несколько складов, но герцог Бассано и генерал Хогендорп отбыли по направлению к Неману, и никто не давал никаких приказов… Так что здесь, как и в Смоленске, администраторы для выдачи провизии и одежды требовали, чтобы им выдавали расписки и квитанции по всем правилам, а это было почти невозможно по причине неразберихи, царившей едва ли не во всех полках. Из-за этого мы потеряли драгоценное время. Генерал Мезон приказал силой открыть несколько складов, и войска получили кое-какую провизию и одежду, но все оставшееся на следующее утро захватили русские. Солдаты из других корпусов разбрелись по городу в надежде, что их примут к себе жители, но жители, которые полугодом раньше всячески приветствовали французов, на этот раз закрыли перед ними двери своих домов, как только увидали, что французы в беде! Только евреи приняли тех солдат и офицеров, у кого было чем расплатиться за временное гостеприимство.

После неудач на складах и в частных жилищах огромное большинство голодных людей бросилось к госпиталям, и они вскоре были забиты до отказа, хотя там тоже не было достаточно провизии для всех несчастных. Но здесь они, по крайней мере, были защищены от суровых холодов. Однако эта ненадежная защита привела более 20 тысяч больных и раненых, среди которых было 200 офицеров и 8 генералов, к решению не идти дальше! Их моральные и физические силы были истощены.

Лейтенант Эрну, один из самых сильных и смелых офицеров моего полка, был настолько обескуражен тем, что он видел на протяжении нескольких дней, что лег в снег, и ничто не могло заставить его подняться. Там он и умер! Многие военные всех чинов застрелились, чтоб положить конец своим несчастьям.

В ночь с 9-го на 10 декабря при 30-градусном морозе несколько казаков начали стрелять у ворот Вильно. Наши люди решили, что перед ними вся армия Кутузова, и в ужасе бросились прочь из города. Я сожалею, но мне приходится сказать, что среди них был и король Мюрат: он отбыл, не отдав никакого приказа. Маршал Ней остался, организовал отступление наилучшим возможным образом, и мы покинули Вильно утром 10-го, оставив там, помимо большого количества людей, артиллерийский парк и часть армейской казны.

Едва мы вышли из Вильно, как бессовестные евреи набросились на французов, которых они приняли в своих домах, и стали отнимать у них те малые деньги, какие у тех были. Они

отняли у них также одежду и выбросили их в окна *голыми*! Несколько офицеров русского авангарда, в этот момент вошедшего в город, были настолько возмущены такой жестокостью, что приказали убить множество этих мерзких евреев.

В разгар всей этой суматохи маршал Ней переместил по направлению к дороге на Ковно все, что смог привести в движение, но едва только он прошел 1 лье, как на его пути встретилась высота Понари. Этот холм, который в любых других обстоятельствах колонна миновала бы, не обратив на нее внимание, стал серьезным препятствием, потому что лед, его покрывавший, сделал дорогу настолько скользкой, что тягловые лошади были не в состоянии поднять на холм повозки и фургоны! То, что оставалось от армейской казны, должно было бы попасть в руки казаков. В этот момент маршал Ней приказал открыть сундуки и позволил французским солдатам рыться в них. Этот мудрый поступок, причин коего г-н де Сегюр, возможно, не знал, заставил его позже говорить, что войска ограбили императорскую казну. В *Военном наблюдателе*[139] того времени я встречал также следующую фразу г-на де Сегюра: «После отъезда императора большая часть армейских полковников, которыми до той поры восхищались, видя, как они еще идут вместе с четырьмя или пятью оставшимися офицерами или солдатами за своим орлом, больше не прислушивались ни к чьим приказам, кроме своих собственных… Были люди, которые проделали 200 лье, не поворачивая головы!» Я свидетельствую, что маршал Ней, увидев однажды, как в бою погибли полковник и начальник батальона полка, в котором насчитывалось всего лишь 60 человек, понял, что подобные потери помешают реорганизации армии, и приказал перед лицом врага оставлять в строю только то количество высших офицеров, какое будет пропорционально количеству солдат в подразделении.

За много дней до нашего прибытия в Вильно из-за сильных холодов мы потеряли многих лошадей моего полка. Это мешало ехать верхом тем, кто у нас еще оставался, и поэтому мои кавалеристы шли пешком. Я бы очень хотел двигаться так же, как они, но моя рана мешала мне, и я приказал запрячь одну из моих лошадей в сани. Вид этого нового способа передвижения навел меня на мысль о том, что этим же способом удастся спасти и моих больных, а их стало очень много. Поскольку в России даже в самом бедном жилище всегда можно найти сани, у меня их вскоре была их добрая сотня. В каждые сани запрягли одну лошадь, и на одних таких санях можно было спасти двоих людей. Такой способ передвижения показался столь удобным генералу

Кастексу, что он разрешил мне посадить в сани и всех остальных кавалеристов. Начальник эскадрона г-н Монжино, ставший полковником 24-го конно-егерского полка с того момента, как г-н А*** был произведен в генералы, получил такое же разрешение, и все, кто оставался от нашей бригады, запрягли лошадей и составили караван, передвигавшийся в большом порядке.

Вы, конечно, думаете, что, двигаясь таким образом, мы теряли возможность защищаться. Но вы ошибаетесь, потому что на льду мы были гораздо сильнее, имея сани, которые везде могут проехать, причем оглобли поддерживают лошадей, чем если бы мы оставались на лошадях, скользящих и падающих на лед на каждом шагу!

Дорога была покрыта брошенными ружьями, поэтому многие наши егеря подобрали по два ружья, кроме того, сделали большой запас патронов, так что, когда казаки осмеливались к нам приближаться, мы их встречали самым оживленным ружейным огнем и быстро их отгоняли. Впрочем, наши кавалеристы сражались при необходимости и в пешем строю. Вечером из саней мы образовывали большое каре, а в середине его разжигали наши костры. Маршал Ней и генерал Мезон часто приезжали провести ночь в подобном месте, где они были в безопасности, потому что из вражеских войск нас преследовали только казаки. Наверняка это был первый случай, когда арьергард передвигался на санях, но, поскольку мороз делал любой другой способ передвижения невозможным, у нас он очень хорошо получался.

Таким образом мы продолжали отступать вплоть до 13 сентября, когда наконец мы увидели Неман и Ковно, последний российский город. В этом самом месте шестью месяцами раньше мы вошли в империю русских царей. Сколько изменилось с той поры! Какие громадные потери понесла французская армия!

При своем вступлении в Ковно вместе с арьергардом маршал Ней в качестве гарнизона нашел в этом городе небольшой батальон из 400 немцев. Он присоединил их к своим подразделениям, чтобы защищать город как можно дольше и дать таким образом раненым и больным возможность выехать в направлении Пруссии. Узнав о приходе Нея в Ковно, король Мюрат отбыл в Гумбиннен.

14 декабря казаки Платова, за которыми следовали два батальона русской пехоты, ехавшие вместе со своими пушками на санях, появились перед городом Ковно и атаковали его в нескольких пунктах. Однако маршал Ней с помощью генерала Жерара дал им отпор и продержался в городе до ночи. После этого он приказал нам переправиться через Неман по льду и

покинуть Россию.

Мы были в Пруссии — стране союзников. Маршал Ней, сраженный усталостью, больной и считавший, впрочем, что кампания уже закончилась, вскоре покинул нас и отправился в Гумбиннен, где собрались все маршалы. Начиная с этого момента в армии больше не было командующего и остатки каждого полка шли отдельно друг от друга, продвигаясь вперед по прусской территории. Русские, находившиеся в состоянии войны с этой страной, имели бы право преследовать нас на ее территории, но были удовлетворены тем, что отвоевали свою землю, и, не зная к тому же, должны ли они были вступить в Пруссию как союзники или как враги, предпочли дождаться приказаний своего правительства и остановились на Немане. Мы воспользовались их колебаниями, чтобы направиться в сторону городов Старой Пруссии.

Немцы обычно очень человечны, к тому же у многих из них были родственники и друзья в полках, отправившихся вместе с французами на Москву, поэтому они приняли нас довольно хорошо. И должен признаться, что, проспав несколько месяцев под открытым небом, я с большим наслаждением поселился в теплой комнате, где мог спать в хорошей постели! Но этот внезапный переход от ледяного бивуака к хорошей жизни, так давно уже забытой, сделал меня тяжело больным. Почти вся армия испытала то же, и эффект был таким же: мы потеряли многих, среди них генералов Эбле и Ларибуасьера.

Несмотря на приличный прием, который пруссаки нам оказали, они, вспоминая свое поражение при Иене и то, как обращался с ними Наполеон в 1807 году, опустошив часть их королевства, втайне ненавидели нас и могли бы обезоружить и задержать по первому сигналу своего короля. Генерал Йорк, командующий многочисленным прусским корпусом и стоявший лагерем между Тильзитом и Ригой, только что заключил сепаратный мир с русскими и отстранил от командования маршала Макдональда, однако остатки совести не позволили ему арестовать этого французского военачальника. Пруссаки всех классов аплодировали предательству генерала Йорка, и, поскольку провинции, по которым в этот момент проходили больные и безоружные французские солдаты, были полны прусскими войсками, вполне могло случиться, что жители страны попытались бы захватить нас, если бы не боялись за своего короля, находившегося в Берлине в окружении французской армии под командованием маршала Ожеро. Это опасение и то неодобрение, какое прусский король (единственный честный человек в своем королевстве) выразил генералу Йорку, приказав

его судить и приговорить к смерти за государственную измену, помешало всеобщему восстанию против французов, чем мы и воспользовались для того, чтобы уйти и достичь берегов Вислы.

Мой полк перешел Вислу возле крепости Грауденц, того самого пункта, где мы проходили, отправляясь в Россию, но на этот раз переправа оказалась гораздо более опасной. Дело в том, что за несколько лье от этого места вверх по течению уже начиналась оттепель, поэтому лед был покрыт целым футом воды и был слышен ужасный треск льда, предсказывавший общий ледоход. Добавьте к этому, что я получил приказ перейти реку *незамедлительно* среди ночи, в полной темноте, поскольку генералу в этот момент сообщили, что прусский король покинул Берлин, чтобы укрыться в Силезии среди довольно большой армии. В связи с этим население начинало волноваться, и следовало опасаться, как бы пруссаки не пошли на нас, когда начавшийся ледоход помешает нам переправляться через Вислу. Следовательно, надо было незамедлительно встретить эту опасность. Опасность была огромна, поскольку перед Грауденцем река очень широкая, а во льду были многочисленные большие трещины, лишь с большим трудом заметные при свете огней, зажженных на обоих берегах.

Не следовало и думать совершить эту переправу с нашими санями, поэтому мы их бросили. Мы взяли лошадей за поводья и послали вперед несколько человек, державших в руках палки, они сообщали нам о трещинах. Так мы начали эту опасную переправу. Мы шли по колено в наполовину замерзшей воде, что еще больше ухудшило положение раненых и больных. Но физическая боль — это было ничто по сравнению со страхом, который внушал нам треск льдин, угрожавших в каждый момент уйти у нас из-под ног! Слуга одного из моих офицеров провалился в трещину и больше не показался на поверхности. Наконец мы добрались до противоположного берега, где провели ночь, пытаясь согреться в рыбачьих хижинах, а на следующий день мы были свидетелями того, как лед на Висле полностью вскрылся, так что, если бы мы задержались с переправой на несколько часов, мы все попали бы в плен.

Из того места, где мы переправились через Вислу, мой полк отправился в маленький городок Шведт, где до войны мы уже стояли лагерем, именно в этом месте я начинал кампанию 1813 года. Ту кампанию, которая была самой тяжелой и трудной в моей жизни!

Глава XXI

Причины наших несчастий. — Нехватка переводчиков. — Слепая вера в преданность наших союзников. — Размышления по поводу пожара Москвы. — Цифры наших потерь. — Похвалы императора 23-му конно-егерскому полку

Бросим теперь быстрый взгляд на причины, приведшие нас к катастрофе в Русской кампании.

Главной причиной, несомненно, была ошибка, совершенная Наполеоном, думавшим, что сможет вести войну на севере Европы до окончания войны, которую уже давно вел в Испании, где его армии только что понесли большие потери и неудачи в то самое время, когда он готовился атаковать русских на их территории. Войска, являвшиеся по факту *французскими,* были, таким образом, разбросаны на севере и на юге, и везде в них ощущалась нехватка. Поэтому Наполеон решил заменить их, прибавив к своим батальонам батальоны своих союзников. Это значило то же самое, что испортить и ослабить хорошее вино, добавляя к нему грязную воду! И действительно, французские дивизии ухудшились. Части союзников всегда оставались посредственными, и именно они во время отступления внесли беспорядок в Великую армию.

Не менее фатальной причиной наших неудач была плохая организация или полное отсутствие организации в завоеванных странах. Дело в том, что вместо того, чтобы поступать так, как это делалось после битв при Аустерлице, Иене и Фридланде, оставляя в странах, откуда армия уходила, небольшие части, которые, будучи отделены друг от друга обозримыми расстояниями, могли бы быть постоянно связаны между собой, чтобы обеспечивать спокойствие наших тылов, поступление снаряжения и подкреплений, а также эвакуацию раненых, все наличные силы были неосторожно брошены на Москву, так что от Москвы до самого Немана, не считая Вильно и Смоленска, не существовало ни единого гарнизона, ни единого склада, ни единого госпиталя! Таким образом, 200 лье территории страны были отданы во власть толпам бродячих казаков. Результатом такого небрежения была невозможность для выздоровевших раненых и больных вернуться в армию, а также то, что из-за отсутствия возможности эвакуации раненых пришлось на два месяца оставить всех раненых в битве при Москве-реке в Колоцком монастыре. Они еще находились там, когда началось отступление. Почти все раненые были взяты в плен, а те, кто,

рассчитывая на собственные силы, захотел следовать за армией, погибли от усталости и холода на больших дорогах. И, наконец, у отступающих частей не было налажено надежное снабжение в местностях, богатых зерном.

Отсутствие небольших гарнизонов в нашем тылу было также причиной того, что из более чем 100 тысяч пленных, взятых французами во время этой кампании, *ни один,* действительно в буквальном смысле слова *ни один,* не вышел из России, потому что в наших тылах не были организованы отряды, которые сопровождали бы этих пленных, передавая их друг другу. Поэтому все пленные могли легко бежать и возвращались в русскую армию, восполнявшую таким образом часть своих потерь, в то время как наши потери увеличивались день ото дня и были безвозвратными.

Отсутствие переводчиков также сыграло роль в наших несчастиях, причем большую роль, чем об этом можно подумать. В самом деле, какие сведения можно получить в неизвестной стране, когда вы не можете обменяться ни единым словом с ее жителями? Приведу лишь один пример. Когда на берегах Березины генерал Партуно ошибся, покинув дорогу на Студенку, и оказался посреди лагеря Витгенштейна, крестьянин из Борисова, находившийся при французском дивизионном командире, не зная ни одного слова по-французски, пытался знаками объяснить ему, что лагерь, к которому они идут, был русским. Но переводчика не было, его не поняли, и мы потеряли прекрасную дивизию, насчитывавшую от 7 до 8 тысяч человек!

В очень похожих обстоятельствах 3-й уланский полк[140], захваченный врасплох в октябре, несмотря на предупреждения проводника, которые никто не понял, потерял 200 человек. Но ведь император имел в армии несколько подразделений польской кавалерии, почти все офицеры и унтер-офицеры этой кавалерии очень хорошо говорили по-русски. Тем не менее их оставили в соответствующих полках, в то время как нужно было бы взять некоторых из них в каждую крупную часть и предписать находиться при генералах и полковниках, там они оказали бы очень большие услуги. Я настаиваю на этом, потому что французская армия — это армия, где иностранные языки известны меньше всего, и результатом этого часто оказываются большие неприятности. Однако это не отучило нас от беззаботности, проявленной нами во время этого столь важного периода той войны.

Я уже отмечал, насколько была велика ошибка, когда образовали два фланга Великой армии из войск Пруссии и Австрии. Император довольно скоро об этом пожалел, сначала

узнав, что австрийцы пропустили армию Чичагова, перерезавшую нам путь к отступлению на берегах Березины, а потом, когда он узнал о предательстве генерала Йорка, командующего прусским корпусом. Но сожаления Наполеона наверняка стали еще более горькими во время отступления и после него, потому что, если бы сразу после начала кампании он сформировал оба фланга Великой армии из французских частей, приведя в Москву пруссаков и австрийцев, то они, испытав свою долю потерь и несчастий, вернулись бы столь же ослабленными, как и все остальные корпуса, а французские части, которые он бы поместил на двух флангах, Наполеон нашел бы невредимыми! Я бы пошел дальше в своих рассуждениях, считая, что с целью ослабить Пруссию и Австрию император должен был бы *потребовать* от них втрое и вчетверо больше войск, чем то количество, какое они выделили. После войны говорилось, что оба эти государства не присоединились бы к Наполеону при таком требовании. Я думаю, что все было бы наоборот, поскольку прусский король приезжал в Дрезден *умолять* Наполеона сделать милость и принять своего сына в качестве адъютанта, и, если бы его просьба была выполнена, он не осмелился бы ни в чем Наполеону отказать. Что касается Австрии, то в надежде вернуть себе некоторые из богатых провинций, отнятых императором, она, со своей стороны, постаралась бы сделать все, чтобы ему угодить. Слишком большое доверие, какое Наполеон питал в 1812 году к Пруссии и Австрии, погубило его!

Говорилось — и это будут долго повторять, — будто пожар Москвы, честь поджога которой якобы принадлежала Ростопчину, был основной причиной нашей неудачи в кампании 1812 года. Это утверждение представляется мне спорным. Прежде всего разрушение Москвы не было таким уж полным, чтобы в ней не осталось достаточно домов, дворцов, церквей и казарм, чтобы разместить в них целую армию, как доказывает приказ, виденный мною в руках моего друга генерала Гурго, офицера для поручений императора, так что не недостаток *жилья* заставил французов покинуть Москву. Многие думают, что причиной этого было опасение остаться без провианта. Однако это тоже неправильно, потому что рапорты графа Дарю, главного интенданта армии, доказывают, что даже после пожара в этом городе было гораздо больше провианта, чем требовалось бы для того, чтобы кормить целую армию в течение полугода. Таким образом, не опасение *голода* побудило императора к отступлению. В этом отношении русское правительство не достигло бы той цели, какую оно ставило перед собой, если бы у него даже была такая цель. Цель эта была совершенно иной.

В действительности, как мне представляется, двор хотел нанести смертельный удар старой боярской аристократии, разрушив город, который был центром их постоянной оппозиции. Русское правительство, сколь бы деспотичным оно ни было, имеет большие счеты с высшим дворянством. За недовольство этого дворянства несколько императоров уже расплатилось жизнью. Самые могущественные и самые богатые представители этого дворянства сделали из Москвы постоянный центр своих интриг, поэтому русское правительство, все больше и больше обеспокоенное усилением этого города, нашло во французском вторжении возможность его разрушить. Одним из авторов этого проекта был генерал Ростопчин. Ему было поручено осуществить его, а позже он захотел всю гнусную ответственность за этот пожар возложить на французов[141]. Однако московская аристократия не ошиблась в своих подозрениях, она так громко обвиняла правительство и выказывала такое недовольство бесполезным поджогом собственных дворцов, что император Александр, во избежание личной катастрофы, должен был не только разрешить восстановление Москвы, но и наказать Ростопчина, и он, несмотря на свои патриотические протесты, приехал умирать в Париж, гонимый ненавистью русского дворянства.

Но каковы бы ни были причины московского пожара, я думаю, что сохранение Москвы было бы для французов более вредно, чем полезно. Дело в том, что для управления этим огромным городом, в котором проживало свыше 300 тысяч человек, нужно было ослабить армию, чтобы разместить в Москве гарнизон в 50 тысяч человек. В то же время пожар удалил из Москвы почти всех жителей, поэтому всего нескольких патрулей было достаточно для поддержания спокойствия.

Единственное, чем Москва оказала влияние на события 1812 года, — это то, что Наполеон не желал понять, что Александр не мог попросить у него мира без угрозы быть убитым своим окружением. Поэтому Наполеон считал, что уйти из этой столицы прежде, чем заключить договор с русскими, значило бы признаться в ощущаемой им в тот момент неспособности удержать Москву. В связи с этим французский император настаивал на том, чтобы оставаться в Москве как можно дольше, и потерял свыше месяца в бесполезном ожидании предложения мира. Это опоздание стало для нас фатальным, поскольку позволило зиме начаться до того, как французская армия смогла уйти в Польшу. Но даже если бы Москва уцелела, это ничего не изменило бы в ходе событий. Катастрофа произошла оттого, что отступление не было подготовлено заранее и не выполнено в

нужный момент. Однако было нетрудно предвидеть, что в России зимой будет очень холодно! Но повторяю, надежда заключить мир соблазнила Наполеона и оказалась единственной причиной его долгого пребывания в Москве.

Потери Великой армии во время этой кампании были очень велики, однако они слишком преувеличиваются. Я уже говорил, что видел в руках генерала Гурго документ, испещренный пометками, сделанными рукой Наполеона. Из этого документа, который следует признать *официальным,* следует, что количество солдат и офицеров, переправившихся через Неман, составляет 325 900 человек, из них 155 400 французов и 170 500 союзников. При нашем возвращении польские и австрийские войска массами перешли на сторону врага, а почти все остальные союзники по отдельности дезертировали во время отступления. Таким образом, лишь установив соотношение между численностью французов при их вступлении в кампанию и той численностью, какая была при их втором переходе через Неман, можно сделать первый приблизительный подсчет наших потерь. Однако из отчетов о ситуации в армии, относящихся к февралю 1813 года, следует, что через Неман переправились 60 тысяч французов, так что не хватало 95 тысяч. Из этого числа 30 тысяч, взятых в плен русскими, вернулись на родину после заключения мира в 1814 году. Общие потери французов во время русской кампании составляют, следовательно, 65 тысяч[142].

Потери в моем полку были относительно меньшими. Действительно, в начале кампании в 23-м конно-егерском полку насчитывалось 1018 человек, во время своего пребывания в Полоцком лагере в полк добавилось еще 30, что увеличило число всадников, вступивших в Россию, до 1048 человек. Из этого числа я потерял 109 человек убитыми, 77 пленными, 65 изувеченными и 104 пропавшими без вести. Таким образом, общие потери составляют только 350 человек. В результате после возвращения кавалеристов, которых я послал в Варшаву по завершении кампании, полк, с берегов Вислы направленный за Эльбу в княжество Дессау, в феврале 1813 года насчитывал всего 693 человека верхом, все они участвовали в Русской кампании.

Видя эту цифру, император, из Парижа наблюдая за реорганизацией армии, подумал, что где-то была ошибка, и вернул мне отчет, приказав сделать его более точным. Поскольку второй рапорт соответствовал первому, император приказал генералу Себастьяни отправиться с инспекцией в мой полк, а мне предоставить ему сведения о численности имеющихся в наличии людей. Эта инспекция разрушила все сомнения и подтвердила то, что я уже сообщал, поэтому несколько дней спустя я получил от

начальника штаба очень хвалебное письмо, весьма лестное для офицеров, унтер-офицеров и особенно для меня. «Император поручает князю Бертье, — говорилось в этом послании, — выразить вам удовлетворение Его Величества за заботу, проявленную вами к сохранению людей, поставленных под ваше командование. Император, зная, что 23-й конно-егерский полк не дошел до Москвы и не может сравниться по потерям с потерями, понесенными полками, побывавшими в Москве, но может сравниваться со 2-м армейским корпусом, который, находясь в таких же условиях, должен был бы понести примерно такие же потери, однако 23-й конно-егерский полк, хотя и пострадал от вражеского огня больше, чем другие, тем не менее из всех полков с ним вернулось наибольшее количество людей, и Его Величество объясняет это старанием командира полка, офицеров и унтер-офицеров, а также хорошим боевым духом солдат!»

Выстроив полк и приказав зачитать это письмо перед всеми эскадронами, я рассчитывал сохранить его как славный документ для моей семьи, однако мне помешало сделать это одно сомнение, которое вы наверняка одобрите. Мне показалось не совсем правильным лишать полк документа, содержащего выражение императорского одобрения, относящегося ко всем, и, следовательно, этот документ принадлежал всем, а не только мне одному. Поэтому я послал письмо начальника главного штаба в архивы полка. Я очень часто сожалел об этом деликатном поступке, потому что еще не прошло и года, как правительство Людовика XVIII, сменившее в 1814 году правительство императора, включило 23-й полк конных егерей в 3-й конно-егерский полк. Архивы этих двух полков были сначала объединены, хранились плохо, а затем при большом сокращении армии в 1815 году они затерялись в недрах военной администрации. Напрасно после революции 1830 года я старался разыскать это письмо, содержащее похвалы в адрес моего бывшего полка и меня самого, поиски мои были безуспешны.

Глава XXII

1813 год. Тяжелое общее положение. — Бесхозяйственность. — Замечания относительно сохранения укреплений. — Состояние Франции. — Насильственный и незаконный набор рекрутов. — Я возвращаюсь домой в сборный пункт

1813 год был для Франции годом плохих предзнаменований. Дело в том, что едва славные остатки нашей армии, возвращающиеся из России, переправились через Вислу и началась реорганизация, как предательство прусского генерала Йорка и частей, которыми он командовал, заставило нас отступить за Одер, а вскоре и оставить Берлин и всю Пруссию, поднявшуюся против нас с помощью прусских войск, оставленных там Наполеоном по неосторожности. Русские поспешили ускорить, насколько возможно, свое продвижение вперед и присоединились к пруссакам. Король тогда объявил войну французскому императору.

На севере Германии у Наполеона было лишь две дивизии, правда, под командованием маршала Ожеро, но почти целиком состоящие из новобранцев. Что касается французов, только что принимавших участие в Русской кампании, то, как только они стали хорошо питаться и перестали спать в снегу, они восстановили силы и их уже можно было выставлять против врага. Однако наши всадники почти все были лишены лошадей. Очень немногие пехотинцы сохранили оружие. У нас почти не осталось артиллерии, у большинства солдат не было приличной обуви, а их одежда превратилась в лохмотья. Однако французское правительство употребило часть 1812 года на то, чтобы собрать большое количество амуниции и оружия самого разного рода, хотя в связи с небрежностью военной администрации, руководимой тогда г-ном Лакюэ, ни один из полков не получил обмундирования, ему предназначенного. Следует рассказать о том, каково было поведение наших администраторов в этих обстоятельствах. Вот как развивались события.

Лишь только интендантская служба какого-либо полка ценой больших расходов собирала многочисленную амуницию, предназначенную для своих батальонов или эскадронов, как администрация проводила переговоры с каким-нибудь из перевозчиков, для того чтобы отправить все эти вещи до Майнца, входившего в то время в состав Империи. В связи с этим вплоть до берегов Рейна тюкам и ящикам не угрожала никакая

опасность. По приказу г-на Лакюэ военный отряд должен был сопровождать их до Майнца, оттуда французских перевозчиков и эскорт отправляли назад, передавая грузы перевозчикам иностранным, которым поручалось перевезти их до Магдебурга, Берлина и до Вислы. При этом никто из французских представителей не наблюдал за перевозками, так что перевозки осуществлялись настолько недобросовестно и медленно, что тюки, содержавшие амуницию и обувь, затрачивали от 6 до 8 месяцев на путь от Майнца до Вислы. Этот путь можно было бы проделать за 40 дней.

Но то, что было серьезным неудобством в период, когда французские армии мирно занимали Германию и Польшу, стало *бедствием* после Русской кампании. Свыше 200 кораблей, нагруженных предназначенными для наших полков вещами, оказалось во льдах на Бромбергском канале возле Накеля, когда в январе 1813 года мы проходили через это место. При этом громадном караване не оказалось *ни одного* представителя французской администрации, чтобы нас предупредить, а все экипажи барж состояли из пруссаков и уже считали себя нашими врагами, поэтому ни один из них не стал разговаривать с нами, и мы проследовали мимо, думая, что это были торговые баржи. На следующий день пруссаки захватили огромное количество амуниции, включая белье и обувь, которые были предназначены нашим несчастным солдатам. Все эти вещи послужили для того, чтобы одеть многочисленные прусские полки, выступившие против нас. Холод, снова начавший свирепствовать, погубил еще несколько тысяч французов, и от этого нашу «ловкую» администрацию не стали больше хвалить!

Беспорядок, царивший во время перехода французской армии через Пруссию, объясняется прежде всего нерадивостью Мюрата, который принял на себя командование после отъезда императора, а позже слабостью принца Евгения Богарнэ — вице-короля Италии. Пора было вновь переправляться через Эльбу, чтобы вступить на территорию Рейнской конфедерации, но, прежде чем решиться увести свои войска из Польши и Пруссии, император, желая сохранить там возможности для последующего наступления, приказал оставить сильные гарнизоны в местах, обеспечивающих переправы через Вислу, Одер и Эльбу, — таких, как Прага, Модлин, Торн, Данциг, Штеттин, Кюстрин, Глогау, Дрезден. Магдебург, Торгау, Виттенберг и Гамбург.

Это важное решение Наполеона можно рассматривать с двух, весьма различных точек зрения. Его хвалили умные военные, а другие, менее просвещенные, сильно ругали.

Первые из них говорили, что необходимость дать наконец

отдых и пристанище многочисленным раненым и больным заставила Наполеона сохранить укрепления, обеспечивающие французам сохранение больших запасов военных материалов и провианта. Они добавляли, что эти крепости помешают передвижениям неприятеля. Враг, будучи принужден блокировать эти крепости, уменьшит таким образом количество солдат в действующей армии. И, наконец, эти же люди говорили, что если подкрепления, которые Наполеон собирался привести из Франции и Германии, давали ему возможность выиграть сражение, то укрепления, им сохраненные, облегчили бы французам новое завоевание Пруссии, что вскоре привело бы нас за Вислу. На это отвечали, что Наполеон ослаблял свою армию, выделяя из нее гарнизоны для множества отдаленных друг от друга крепостей. Эти гарнизоны не могли помогать друг другу. Говорили также, что не следовало бы пренебрегать спасением Франции ради спасения нескольких тысяч раненых и больных, из которых лишь очень незначительное количество смогло бы снова служить в армии. Действительно, почти все они умерли в госпиталях. Говорили также, что итальянские, польские и немецкие полки из Рейнской конфедерации, присоединенные Наполеоном к французским гарнизонам, чтобы не слишком уменьшать количество солдат в частях, будут плохо служить. В самом деле, почти все иностранные солдаты сражались очень вяло и кончили тем, что перешли на сторону врага. Добавляли также, что удержание нашими войсками крепостей очень мало помешало бы русским и прусским армиям, которые, заблокировав эти крепости, продолжили бы свой путь в направлении Франции. Именно так все и получилось.

Вообще говоря, каждая из этих двух точек зрения имеет положительные и отрицательные стороны. Однако в условиях, в которых находилась французская армия, я считаю своим долгом присоединиться к мнению тех, кто предлагал оставить крепости. Дело в том, что даже в соответствии с мнением тех, кто выступал против этого, крепости могли быть нам полезными лишь только в том случае, если бы мы разбили полностью русскую и прусскую армии. Это была еще одна причина того, чтобы постараться увеличить имеющиеся в нашем распоряжении силы, вместо того чтобы рассеивать их в бесконечности.

И не надо говорить, что, раз у противника больше не было необходимости вести блокаду той или иной крепости, он увеличил бы таким образом количество батальонов, имевшихся в его распоряжении и способных участвовать в боях, а это нарушило бы соотношение наших и вражеских сил. Говоря так, мы впали бы в очень большую ошибку! В самом деле, противнику

всегда приходилось бы оставлять значительные гарнизоны в тех крепостях, которые мы оставляли, а у нас была бы возможность располагать *большим количеством* войск. Оставляя их в гарнизонах, мы фактически *парализовали* их, но, ничего по сути не приобретая, теряли много необходимых батальонов. Я добавлю, что бесполезная защита этих многочисленных крепостей лишала нашу активную армию многих опытных генералов, например маршала Даву, одного стоившего нескольких дивизий. Впрочем, я согласен с тем, что во время военной кампании обычно отказываются использовать в боях несколько бригад в тех случаях, когда речь идет о том, чтобы доверить этим бригадам охрану крепостей, от которых зависит спасение собственной страны. Таковы для Франции города Метц, Лилль, Страсбург. Дело в том, что в этих случаях мы имеем дело, можно сказать, с *телом* родины. Напротив, крепости, расположенные на Висле, Одере и Эльбе в двух-трех сотнях лье от Франции, не имели для нас практического значения, а только политическое, то есть их важность определялась успехами нашей активной армии. А поскольку этих успехов не было, то 80 с лишним тысяч человек в гарнизонах, оставленных императором в 1812 году в этих крепостях, в конце концов оказались вынужденными *сдаться*.

Положение Франции начиная с первых месяцев 1813 года было самым критическим. На юге наши армии в Испании терпели очень заметные поражения в связи с ослаблением наших войск на полуострове, откуда без конца забирали все новые и новые полки. В то же время англичане не прекращали посылать войска Веллингтону, поэтому он в 1812 году осуществил блестящую кампанию. Он отобрал у нас Сьюдад-Родриго, Бадахос, Саламанку, выиграл сражение при Арапилах, занял Мадрид и угрожал Пиренеям.

На севере многочисленные закаленные в боях солдаты, шедшие с Наполеоном в Россию, почти полностью погибли в боях или умерли от невзгод. Прусская армия, еще не воевавшая, только что присоединилась к русским. Австрийцы были готовы последовать ее примеру. И, наконец, монархи и особенно население Германии, подстрекаемые Англией, колебались, оставаться ли им в союзе с Францией. Прусский барон Штейн, человек весьма предприимчивый, воспользовался этим, чтобы опубликовать различные памфлеты, где он призывал всех немцев сбросить иго Наполеона и вновь обрести свободу. Этот призыв был услышан, поскольку пребывание французских войск в Германии и их содержание начиная с 1806 года, когда наши войска оккупировали эту страну, вызвали в Германии громадные убытки. К ним добавилась также конфискация английских

товаров в ходе Континентальной блокады, установленной Наполеоном. По всем этим причинам Рейнская конфедерация отделилась бы от него, если бы правители различных входивших в него государств уже тогда приняли решение подчиниться требованиям своих подданных. Однако ни один из них не осмелился пошевелиться, столь велика была привычка повиноваться императору французов, а также опасения, что он снова вернется во главе значительных сил.

Большая часть французской нации питала еще очень большое доверие к Наполеону. Разумеется, образованные люди ругали его за то, что годом раньше он довел армию до Москвы, и особенно за то, что он дождался там зимы, но народные массы, привыкшие рассматривать императора как непобедимого и не имевшие, впрочем, никакого представления о событиях и о потерях, понесенных нашими войсками в России, видели только славу, какую обеспечил нашей армии захват Москвы. Так что в обществе существовало большое стремление предоставить императору все возможности для того, чтобы вернуть победу нашим орлам. Каждый департамент, каждый город, движимые патриотизмом, дарили ему лошадей, однако вскоре этот энтузиазм охладили многочисленные наборы рекрутов и денежные поборы. Тем не менее в целом нация действовала по доброй воле, и батальоны, а также эскадроны, казалось, каким-то чудом появлялись будто бы из-под земли. И что удивительно, после многочисленных наборов, проводившихся во Франции в течение 20 лет, никогда набор не был столь велик и не давал таких замечательных солдат. Этому было несколько причин.

Прежде всего каждый из 108 существовавших в то время департаментов на протяжении нескольких лет имел кавалерийскую часть, именуемую *департаментской.* Это было нечто вроде гвардии господ префектов, которым нравилось, чтобы в этой гвардии служили солдаты с самой лучшей выправкой. Эти солдаты никогда не покидали главных городов департамента, где они находились в хороших казармах, получали хорошее питание и обмундирование. Служба их не была обременительной, и у них было время увеличивать физические силы, поскольку большинство солдат департаментской гвардии вели подобную жизнь на протяжении 6–7 лет. Они регулярно учились владению оружием, участвовали в проведении маршей и маневров, им не хватало только *боевого крещения*, чтобы превратиться в самые отборные воинские части. В зависимости от размера того или иного департамента эти кавалерийские части состояли из 150–200 или 250 человек. Император послал все эти подразделения в армию, где они растворились в линейных

полках.

Во-вторых, на службу было призвано очень большое количество рекрутов прошлогодних наборов, которые различными способами сумели получить отсрочку: одни — за счет протекции, другие — хитростью, третьи — прикрываясь быстро проходившими болезнями. Они сумели остаться дома до нового приказа, и благодаря своему возрасту почти все они успели стать сильными и крепкими.

Все эти меры являлись законными. Незаконным было то, что призвали и людей, жребием освобожденных от военной службы. Они тем не менее оказались призванными, если им было меньше 30 лет. Этот призыв дал значительное количество людей, способных выносить большие тяготы войны. В результате появилось немало недовольных, особенно на юге, в Вандее и в Бретани. Тем не менее основное большинство армейского контингента было сформировано, настолько велика была привычка к повиновению. Но подобное самопожертвование со стороны населения привело правительство к еще более незаконным мерам, которые были тем более опасными, что затрагивали высший класс. Дело в том, что, заставив идти в армию людей, жребием избавленных от военной службы, к этому же принудили и тех, кому удалось найти себе замену (закон им это разрешал). Им тоже пришлось взяться за оружие, хотя многие семьи оказались в финансовых затруднениях и даже разорились ради того, чтобы сохранить своих сыновей. Дело в том, что замена тогда стоила 12, 15, 18 и даже 20 тысяч франков, и платить надо было *наличными.* Были даже молодые люди, *трижды* находившие себе замену, но им тем не менее все равно пришлось идти на войну, и можно было видеть их в одном отряде с человеком, которому они заплатили за то, чтобы он их заменил! Эти беззакония были вызваны советами военного министра Кларка и министра полиции Савари, убедившими императора, что ради предотвращения во время войны любого враждебного правительству поползновения надо было удалить из страны сыновей влиятельных фамилий и отправить их в армию, чтобы они в какой-то степени служили заложниками. Но, чтобы слегка смягчить в глазах зажиточных слоев населения всю недостойность подобной меры, император создал четыре полка легкой кавалерии, названных «Почетной гвардией». Эти полки были специально предназначены для того, чтобы в них служили хорошо воспитанные молодые люди. Этим полкам была выдана очень красивая форма гусарского типа.

К этим рекрутским наборам, проведенным более или менее законными способами, император добавил тех новобранцев, кто

был мобилизован в результате ускоренной мобилизации, а также многочисленные и очень хорошие батальоны, сформированные из матросов, мастеровых или канониров флота. Все это были вполне сформировавшиеся люди, обученные владению оружием, скучавшие от монотонной жизни в портах и уже довольно давно горячо желавшие отправиться на поиски славы вместе со своими товарищами, служившими в армии. Вскоре эти люди стали хорошими и опасными для противника пехотинцами. Количество этих моряков превысило 30 тысяч. И, наконец, император еще больше ослабил армию в Испании, забрав оттуда не только несколько тысяч людей, чтобы пополнить батальоны и эскадроны своей гвардии, но и несколько бригад и дивизий, целиком состоявших из старых солдат, привыкших к тяготам и опасностям войны.

Со своей стороны, русские, а особенно пруссаки, тоже готовились к войне. Неутомимый барон Штейн ездил по провинциям, призывая к «крестовому походу» против французов и организуя свой *Тугенбунд,* или *Союз добродетели.* Члены Союза клялись с оружием в руках бороться за свободу Германии. Это общество, создавшее для нас столь много врагов, открыто действовало в Пруссии, находившейся в состоянии войны с Наполеоном, и проникало в государства и в армии Рейнской конфедерации вопреки пожеланиям некоторых монархов и с молчаливого согласия многих других, так что почти вся Германия тайно была нашим врагом, а воинские контингенты, которые она присоединяла к нашим, готовились к тому, чтобы предать нас при первой же возможности, что и доказали последующие события. Эти события произошли бы еще раньше, если бы вялость и природная медлительность немцев не помешали им начать действовать гораздо раньше, чем они это сделали, поскольку остатки французской армии, которые перешли через Эльбу в конце 1812 года, остались мирно расквартированными в лагерях, расположенных на левом берегу этой реки на протяжении четырех первых месяцев 1813 года. При этом русские и пруссаки, стоявшие на другом берегу реки, не посмели их атаковать. Они не чувствовали себя достаточно сильными, хотя Пруссия уже поставила на ноги свой ландвер, составленный из всех способных носить оружие, а Бернадотт, забывший, что родился французом, объявил нам войну и присоединил шведские полки к врагам своей настоящей родины.

Во время нашего пребывания на левом берегу Эльбы французская армия непрерывно получала подкрепление, но кавалерия ее была еще малочисленной, если не считать нескольких полков, к которым относился и мой. Моему полку

отвели для расквартирования несколько коммун и два маленьких городка — Брена и Ландсберг, расположенных в очень приятной местности недалеко от Магдебурга. Я испытал там большое огорчение. Желая активизировать организацию новых рекрутских наборов и думая, что присутствие командиров будет очень полезно для призывных пунктов соответствующих полков, император решил, что все полковники отправятся во Францию, за исключением тех, у кого еще имелось некоторое количество вооруженных людей. Для кавалерии это количество составляло 400 человек. У меня же в полку было свыше 600 человек верхом. Так что я был обязан остаться, а ведь я был бы так счастлив обнять мою дорогую жену и ребенка, которого я еще не видел!

К этому огорчению добавилась еще одна неприятность. Добрый генерал Кастекс, о ком мне приходилось с такой похвалой отзываться во время Русской кампании, покинул нас, чтобы командовать конными гренадерами Императорской гвардии. Его бригада и бригада генерала Корбино, только что назначенного адъютантом императора, были соединены под командованием генерала Экзельманса. Генерал Ватье должен был заменить генерала Кастекса, а генерал Морен — генерала Корбино. Эти три генерала после Русской кампании отправились во Францию. Я оказался единственным имевшимся в наличии полковником, поэтому генерал Себастьяни, к корпусу которого новая дивизия должна была быть прикомандирована, приказал мне командовать дивизией. Это добавляло к моим в полку дополнительные заботы, поскольку я должен был в ужасную погоду часто бывать в местах квартирования трех других полков. Рана в колено, полученная мною в боях, хотя и зарубцевалась, но еще доставляла мне страдания, и я не знаю, как я смог бы продолжать эту службу до конца зимы, как вдруг в конце месяца генерал Ватье, вновь приехавший в армию, взял командование дивизией на себя.

Несколько дней спустя без всякой моей просьбы я получил приказ отправиться во Францию, чтобы заняться множеством новобранцев и лошадей, присланных в депо моего полка. Депо находилось в департаменте Жеммап, в Монсе (Бельгия). Бельгия тогда входила в состав Империи. Я сразу отправился в дорогу. Мое путешествие было очень скорым. Я понимал, что, поскольку я получил разрешение отправиться во Францию по *служебным* делам, было бы неприличным просить даже о самом маленьком отпуске для поездки в Париж, поэтому я согласился на предложение моей тещи г-жи Дебриер привезти в Моне мою жену и сына. После года разлуки и стольких опасностей я с громадным удовольствием увидел мою милую жену и впервые поцеловал

нашего маленького Альфреда, которому было 8 месяцев. Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Вы наверняка поймете мою радость, когда, целуя моего ребенка, я вспоминал о том, что он чуть не сделался сиротой в день своего рождения.

Я провел в депо конец апреля, а также май и июнь и был очень занят. Многочисленные рекруты, направленные в 23-й полк, были прекрасными воинственными юношами, почти все родом из окрестностей Монса, бывшей провинции Эно, откуда Австрия брала своих лучших кавалеристов, главным образом, знаменитых драгун в те времена, когда южные Нидерланды принадлежали Австрии. Жители этой местности очень любят лошадей и хорошо за ними ухаживают. Поскольку здешние лошади оказались несколько более крупными, чем требуется для легкой кавалерии, я получил разрешение закупить лошадей в Арденнах, откуда мы вернулись с очень хорошим конским пополнением.

Я нашел в депо нескольких хороших офицеров и унтер-офицеров. Многие из тех, кто участвовал в последней кампании, приехали в Моне, чтобы лечиться от ран или болезней. И, наконец, министр прислал мне нескольких молодых младших лейтенантов, закончивших Кавалерийскую школу и Сен-Сир. С такими солдатами и офицерами я очень быстро сформировал эскадроны. Они, конечно, не были совершенны, но солдаты и офицеры могли свободно идти вместе со старыми кавалеристами, возвратившимися из России и оставленными мною на Эльбе. С ветеранами пополнение по приезде должно было смешаться. Как только один из эскадронов оказывался готов, он направлялся в армию.

Глава XXIII

Возобновление военных действий на Эльбе. — Сражения при Лютцене и Баутцене. — Перемирие. — Я присоединяюсь к своему полку. — Состояние армии. — Общие затруднения. — Наполеон должен был вести переговоры. — Силы противостоящих друг другу армий

В то время как я активно занимался воссозданием своего полка, а все командиры полков, главным образом кавалерийских, оставались во Франции, занятые тем же, военные действия возобновились на Эльбе, через которую переправились союзники.

Император, покинувший Париж, 25 апреля находился в Намбурге, в Саксонии, во главе 170 тысяч человек. Из них только одну треть составляли французы, поскольку еще не все части, направленные в последнее время в Германию, уже прибыли к театру военных действий. Две другие трети армии Наполеона были составлены из воинских контингентов Рейнской конфедерации, большинство из них не очень желали сражаться вместе с Наполеоном. Генерал Витгенштейн был главнокомандующим объединенных русских и прусских войск общей численностью в 300 тысяч человек. Неприятель 28 апреля встал перед армией Наполеона в окрестностях Лейпцига. Витгенштейну наши несчастья на Березине принесли некоторую известность, хотя стихия принесла нам гораздо больше зла, чем все его военные операции.

1 мая произошло ожесточенное столкновение на равнине, где некогда, во время Тридцатилетней войны, пал шведский король Густав-Адольф.

Пушечным выстрелом во время этого боя был убит маршал Бессьер. Сожаления императора о нем были большими, чем сожаления армии. Она не забыла, что именно советы, дававшиеся маршалом Бессьером вечером во время битвы при Москве-реке, помешали Наполеону упрочить победу, введя в бой гвардию. Это изменило бы ход событий и полностью уничтожило русские войска.

На следующий день после смерти маршала Бессьера, в то время как Наполеон продолжал движение по направлению к Лейпцигу, он неожиданно был атакован с флангов объединенными русско-прусскими войсками, перешедшими через речку Эльстер накануне этого дня. Во время сражения, именуемого сражением при Лютцене, войска сражались весьма ожесточенно. Вновь прибывшие из Франции батальоны были

самыми свирепыми в бою. Особенно отличились полки, входившие ранее в состав морского флота. Враг был разбит на всех пунктах и отступил к Эльбе. Однако французы, почти не имея кавалерии, взяли лишь немного пленных, и наша победа была неполной. Однако она произвела большое моральное воздействие на всю Европу и особенно на Францию, так как этот первый успех доказывал, что наши войска сохранили всю свою силу и лишь снега России смогли победить наших солдат в 1812 году.

Император Александр и прусский король, присутствовавшие при Лютцене во время поражения своих армий, после этого отправились в Дрезден, однако им пришлось его покинуть с приближением победоносных войск Наполеона. 8-го числа Наполеон захватил этот город, куда вскоре к нему приехал его союзник, король Саксонии. После короткого пребывания в Дрездене французы перешли в этом месте Эльбу и преследовали русско-прусские войска, догнав и разбив их арьергард при Бишофсверде.

Император Александр, недовольный Витгенштейном, взял на себя командование союзными армиями, но был, в свою очередь, разбит Наполеоном в сражении при Вурцене и, вероятно, признал свою неспособность к командованию войсками, поскольку вскоре он от этого командования отказался.

Русско-прусские войска остановились и укрепились в Баутцене. Император приказал маршалу Нею окружить их позицию и 21 мая одержал победу. Она опять из-за недостатка кавалерии оказалась неполной. Тем не менее противник потерял 18 тысяч человек и бежал в полном беспорядке.

22 мая французы, отправившиеся преследовать русских, догнали их арьергард перед ущельем Райхенбах. Небольшое количество кавалерии, которое было у Наполеона, находилось под командованием генерала Латур-Мобура, одного из самых достойных военачальников. Он руководил кавалерией с таким умением, что противник был разбит и покинул поле сражения с большими потерями. Потери французов, хотя и были немногочисленными, оказались весьма чувствительными. Кавалерийский генерал Брюйер, замечательный офицер, потерял обе ноги и умер от этой смертельной раны. Но самым ужасным событием дня оказалось то, что одно и то же ядро убило генерала Кирженера (родственника маршала Ланна) и смертельно ранило маршала Дюрока, обер-гофмаршала императорского двора, самого давнего друга Наполеона. Дюрок прожил несколько часов после своего ранения. Император был возле него и выказал обуревавшие его по этому поводу чувства. Отчаяние его было

очень трогательным. Свидетели этой душераздирающей сцены рассказывают, что, будучи вынужден оставить Дюрока в связи с необходимостью вернуться к командованию армией, Наполеон покинул своего друга, залив его слезами, и назначил ему встречу *«в лучшем мире».*

Тем временем французская армия, продолжая одерживать успехи, прибыла в Силезию и 1 июня заняла столицу Силезии Бреслау. Полные ужаса союзники, особенно пруссаки, признали тогда, что их положение было критическим. Чувствуя себя неспособными без поддержки остановить французов, несмотря на все усилия, они хотели выиграть время в надежде, что Австрия прекратит свои колебания и наконец присоединится к ним. Прусско-русские войска послали парламентеров. Им было поручено обратиться к французам с просьбой о *перемирии.* Как говорилось, это перемирие должно было привести к заключению мирного договора после того, как Австрия покончит со своими колебаниями. Наполеон счел своим долгом согласиться. Перемирие было подписано 4 июня и продолжалось до 10 августа.

В то время как Наполеон шел от успеха к успеху, маршал Удино был разбит при Луккау и потерял 1100 человек. Император надеялся, что во время перемирия многочисленные подкрепления из Франции, и особенно кавалерия, об отсутствии которой он так живо сожалел, присоединятся к нему и смогут участвовать в новой военной кампании, если она станет необходимой. Однако, несмотря на имевшееся преимущество, многие генералы сожалели о том, что император не закрепил свои успехи. Эти генералы говорили, что, если перемирие и давало нам время обеспечить прибытие наших резервов к театру военных действий, оно же предоставляло точно такую возможность и войскам России и Пруссии. Шведы уже были на марше, чтобы присоединиться к врагу. Русские и пруссаки надеялись также, что к ним присоединятся и австрийцы. Эти последние в тот момент еще не были готовы, но имели целых два месяца на организацию и приведение в движение своих многочисленных войск.

Находясь в Монсе, я узнал о победах при Лютцене и Баутцене и был огорчен, что не принимал в них участие, но мои сожаления ослабели, когда я точно узнал, что мой полк в этих сражениях не участвовал. В самом деле, он в это время находился перед Магдебургом, по дороге на Берлин. Г-н Лакур, бывший адъютант генерала Кастекса, в конце 1812 года был назначен эскадронным начальником в 23-й полк конных егерей. Он командовал в мое отсутствие. Этот очень смелый офицер самостоятельно достиг кое-какой книжной образованности. Поэтому у него были

некоторые претензии, мало соответствовавшие его мундиру. Кроме того, он оказался не очень умелым командиром, и из-за этого полк понес потери, которых можно было бы избежать. Об этом я скажу ниже. Во время моего пребывания в депо ко мне в качестве второго эскадронного начальника был назначен г-н Позак, блестящий во всех отношениях офицер, за заслуги в сражении при Маренго награжденный почетной саблей.

К концу июня все командиры полков, посланные во Францию для организации новых частей, выполнили эту задачу и получили приказ вернуться в армию, хотя военные действия не должны были возобновляться еще какое-то время. Поэтому мне пришлось покинуть мою семью, с которой я только что провел столь счастливые дни, однако меня призывали честь и долг. Надо было подчиняться!

Я вновь отправился в путь в Германию и сначала прибыл в Дрезден, где император собрал всех командиров полков, чтобы расспросить их о состоянии частей. В связи с этим я узнал нечто, что меня очень огорчило.

В депо я организовал четыре великолепных эскадрона по 150 человек каждый. Два первых эскадрона (к счастью, лучшие из них) уже присоединились к полку, третий императорским решением был от нас взят и направлен в Гамбург, где был включен в 28-й конно-егерский полк, один из самых слабых полков во всей армии. Этот приказ был отдан по всем правилам, поэтому я подчинился ему без возражений. Но иначе было тогда, когда мне сообщили, что 4-й эскадрон, уже отправленный в Моне, по дороге, в Касселе, увидел Жером, король Вестфалии, и эскадрон так понравился этому монарху, что по своей воле он включил его в состав собственной гвардии! Я узнал, что император был очень возмущен тем, что его брат позволил себе таким образом присвоить один из отрядов, входивших в войска императора, и приказал эскадрону немедленно продолжить путь. Я надеялся, что эскадрон мне вернут, но король Жером воспользовался протекцией нескольких адъютантов императора, сообщивших Его Величеству, что, во-первых, гвардия короля Вестфалии состояла исключительно из малонадежных немцев, поэтому следовало предоставить ему хотя бы один французский эскадрон, на который он мог бы рассчитывать. Во-вторых, король Вестфалии якобы только что понес большие расходы для того, чтобы выдать этому эскадрону очень красивую форму гусар своей гвардии. Наконец, эти же адъютанты нашептали императору, что, даже теряя один эскадрон, 23-й полк конных егерей все еще будет оставаться одним из самых сильных полков французской легкой кавалерии. Как бы то ни было, включение моего эскадрона в

вестфальскую гвардию, таким образом, состоялось, несмотря на мои резкие возражения. Я никак не мог утешиться после этой потери и считал крайне несправедливым такое лишение меня плодов моих трудов и забот.

Я присоединился к моему полку неподалеку от Одера, где полк был расквартирован возле маленького города Фрайштадта, вместе со всеми полками Экзельманса. Г-н Ватье, мой новый бригадный генерал, был капитаном, когда я служил в 25-м конно-егерском полку. Он всегда был ко мне очень добр. Мы поселились в очаровательном и очень удобном замке под названием Херцогвальдау, располагавшемся посреди нескольких деревень, занятых моими кавалеристами.

Во время нашего пребывания в этой местности произошел один странный эпизод. Кавалерист по имени Танц, единственный «отрицательный персонаж» во всем полку, сильно напился и осмелился угрожать офицеру, приказавшему доставить его в полицию. Этого человека осудили и приговорили к смерти. Приговор был утвержден. Когда гвардейцы под командованием аджюдана Буавена явились за Танцем, чтобы отвести его к месту расстрела, они нашли его в тюрьме совершенно раздетым под предлогом жары. Аджюдан был очень смелым воином, но ум его уступал его смелости, и вместо того, чтобы приказать одеть приговоренного к смерти, он ограничился тем, что накинул на него шинель. Однако, когда они дошли до подъемного моста через широкий замковый ров, Танц сбросил шинель в лицо стражникам, прыгнул в воду, переплыл ров, выбрался на берег и присоединился к противнику на другой стороне Одера. Больше о нем никто никогда ничего не слышал. Я разжаловал аджюдана за то, что он плохо охранял преступника, однако вскоре он вновь вернул себе эполеты, проявив большую смелость, о чем я расскажу позже.

В эскадронах, только что присоединенных к полку, было в общей сложности 993 человека, из них около 700 участвовали в Русской кампании. Вновь прибывшие солдаты были крепко сложены, почти все они ранее служили в легионе департамента Жеммап. Это сильно облегчило их обучение в качестве кавалеристов. Я включил мои новые эскадроны в состав прежних.

Обе неприятельские армии готовились к борьбе, однако наши противники использовали время для того, чтобы выставить против нас еще одного мощного врага. Они заставили Австрию решиться выступить против нас.

Император Наполеон, которого многочисленные победы приучили не считаться с врагами, вновь счел себя непобедимым, оказавшись в Германии во главе 300 тысяч человек. Он

недостаточно оценил силы, с какими собирался противостоять всей Европе, образовавшей против него коалицию.

Как я уже говорил, французская армия только что получила очень хорошее пополнение в живой силе. Никогда эта армия не была столь прекрасной. Но, за исключением лишь нескольких полков, большая часть этих солдат еще никогда не участвовала в сражениях. Кроме того, несчастья последней кампании внесли в наши войска определенную сумятицу, последствия которой продолжали еще ощущаться. Поэтому наши великолепные части составляли армию, больше годившуюся для дипломатического давления с целью заключения мира, чем для того, чтобы вести войну. По всем этим причинам почти все генералы и полковники, видевшие свои полки вблизи, соглашались в одном: им требовалось несколько мирных лет, чтобы сделать войска по-настоящему боеспособными.

Если от рассмотрения французской армии мы переходили к рассмотрению войск ее союзников, то там мы обнаруживали только лишь вялость, дурную волю и желание при первой возможности предать Францию. Таким образом, все должно было заставить Наполеона вести с противниками мирные переговоры. Для этого ему следовало бы прежде всего иметь дело со своим тестем, австрийским императором, и вернуть ему Далмацию, Истрию, Тироль, часть других провинций, которые Наполеон отобрал у него в 1805–1809 годах. Несколько уступок подобного рода, сделанных Пруссии, успокоили бы союзников. Они, по всей видимости, собирались отдать Наполеону территории, ранее отнятые у Франции, и гарантировать ему владение всеми провинциями, находящимися на левобережье Рейна и за Альпами, а также горной частью Италии. Наполеон должен был бы покинуть Испанию, Польшу, Неаполь и Вестфалию.

Эти предложения выглядели приемлемыми, однако после переговоров с иностранными дипломатами, присланными обсуждать с ним эти условия, Наполеон нагрубил г-ну Меттерниху, а тот был главным среди них, и прогнал всех этих дипломатов, ничего не уступив. Утверждают даже, что, видя, как дипломаты выходят из дворца в Дрездене, Наполеон совершенно невозмутимо сказал: «Экие ублюдки! Теперь мы их побьем! Дадим под зад всей этой родовитой сволочи!» Похоже, император забыл, что вражеские армии были почти *втрое* более многочисленными, чем его собственная. У него в Германии было не больше 320 тысяч человек, в то время как союзники могли вывести против него около 800 тысяч солдат!

Праздник в честь Наполеона падал на 15 августа, но он приказал праздновать раньше, поскольку перемирие

заканчивалось 10-го. Празднества по случаю «Дня Святого Наполеона» происходили во всех местах расквартирования наших войск. Тогда в *последний раз* французская армия отпраздновала день рождения своего императора. В этот день большого энтузиазма не было, поскольку даже наименее проницательные офицеры понимали, что мы находились накануне великих катастроф, а озабоченность командиров отражалась на духе подчиненных. Однако каждый готовился честно выполнить свой долг, хотя и питал лишь малую надежду на успех, столь велико было численное преимущество огромных вражеских армий над нашей. Один из наших союзников по Рейнской конфедерации, саксонский генерал Тильманн, со своей бригадой уже дезертировал и присоединился к пруссакам после того, как попытался сдать им крепость Торгау. В общем, боевой дух наших войск был невысок, и они имели мало надежды на успех. Именно в этот момент стало известно, что в Европу вернулся знаменитый генерал Моро. Он в 1804 году был приговорен к изгнанию за участие в заговоре Пишегрю и Кадудаля и жил в ссылке в Америке. Ненависть Моро к Наполеону была столь велика, что заставила его забыть, чем он обязан родине. Он обесчестил свои лавры, присоединившись к врагам Франции! Но вскоре этот новый Кориолан был наказан, и его недостойное поведение заслуживало такого наказания!

Итак, вокруг французской армии создавался громадный полукруг. В Мекленбурге находился корпус русских войск из 40 тысяч человек. Бернадотт, наследник шведского королевского престола, занимал Берлин и его окрестности, имея армию в 120 тысяч человек. Эта армия состояла из шведов, русских и пруссаков. Две огромные армии — русская и прусская, состоявшие из 220 тысяч человек, из них 35 тысяч кавалеристов, — располагались в Силезии между Швайдницем и Одером; 40 тысяч австрийцев находились в Линце, а большая австрийская армия, численность которой доходила до 140 тысяч человек, стояла в Праге. И, наконец, позади и на некотором расстоянии от этой первой линии, состоящей из 560 тысяч солдат, в готовности находились громадные резервы.

Император Наполеон распределил свои силы следующим образом: 70 тысяч человек, сконцентрированные возле Дамена, в Пруссии, должны были действовать против Бернадотта; маршал Ней со 100 тысячами человек защищал часть Силезии; один корпус из 70 тысяч человек находился в окрестностях Циттау; маршал Сен-Сир с 16 тысячами человек занимал лагерь в Пирне и защищал Дрезден. И, наконец, Императорская гвардия, насчитывавшая 20–25 тысяч человек, была расположена вокруг

этого города, готовая действовать там, где в ней будет необходимость. К этим силам можно было добавить гарнизоны, оставленные в крепостях. В общей сложности, армия Наполеона была бесконечно меньше, чем неприятельские войска. В это перечисление не вошли армии, оставленные в Испании и Италии.

Глава XXIV

Выбор командиров корпусов. — Нарушение перемирия. — Предательство Жомини. — Битвы в Силезии на реке Бобер. — Различные эпизоды. — Прискорбная неудача

Французский император разделил свою армию на 14 корпусов, называвшихся пехотными, хотя в каждом из них была одна дивизия или, по крайней мере, одна бригада легкой кавалерии. Вот кто командовал этими корпусами: 1-м корпусом — генерал Вандамм, 2-м — маршал Виктор, 3-м — маршал Ней, 4-м — генерал Бертран, 5-м — генерал Лористон, 6-м — маршал Мармон, 7-м — генерал Рейнье, 8-м — князь Понятовский, 9-м — маршал Ожеро, 10-м (окруженным в Данциге) — генерал Рапп, 11-м — маршал Макдональд, 12-м — маршал Удино, 13-м — маршал Даву, 14-м — маршал Сен-Сир. Наконец, гвардия находилась под непосредственным командованием императора. Кавалерия была разделена на пять корпусов под командованием следующих лиц: 1-й корпус — генерал Латур-Мобур; 2-й — генерал Себастьяни; 3-й — генерал Арриги; 4-й — генерал Келлерман; 5-й — генерал Мийо. Кавалерия, входившая в состав гвардии, находилась под командованием генерала Нансути.

Некоторым из этих назначений армия аплодировала, одобряя назначения Даву, Нея, Ожеро, Рейнье и Сен-Сира. Армия сожалела, что командовать войсками были назначены Удино, совершивший не одну ошибку во время последней кампании; Мармон, из-за своей поспешности только что проигравший битву при Арапилах; Себастьяни, который, как оказалось, был не способен решить возложенную на него задачу. И, наконец, армия сожалела о том, что для кампании, в ходе которой должна была решаться судьба Франции, император решил опробовать *стратегические* таланты Лористона и Бертрана. Первый из них был хорошим артиллеристом, второй — великолепным инженером, но ни тот ни другой не командовали воинскими частями на поле битвы, и поэтому оба они никак не могли руководить армейскими корпусами.

Вероятно, Наполеон вспоминал, что, когда он был назначен главнокомандующим Итальянской армией, он до этого командовал лишь несколькими батальонами, но это не помешало ему с самого начала руководить армией. Может быть, из-за этого Наполеон подумал, что Лористон и Бертран могли бы действовать так же. Однако люди со столь универсальными талантами, как Наполеон, крайне редки, и он никак не мог

надеяться встретить подобных людей среди своих новых командиров корпусов. Таким образом, личная привязанность, какую он питал к этим генералам, заставила его совершить ошибку, подобную той, какую он уже совершил, доверив армию артиллеристу Мармону.

Напрасно вести дискуссии по этому поводу. История прошедших войн доказывает нам, что генералам для командования крупными воинскими частями теории недостаточно и что *за крайне малыми исключениями* надо прослужить какое-то время в пехотных или кавалерийских полках и иметь опыт службы в этих полках в качестве *командира полка.* Только тогда человек приобретает способность правильно руководить массами войск. Лишь очень немногие учатся этому сразу в качестве генералов и особенно командующих армией. Ни разу Людовик XIV не доверил в разгар кампании командование каким-либо из корпусов своих войск маршалу Вобану, а он, однако, был одним из самых способных людей своего века. А если бы ему и доверили такое командование, то можно предположить, что Вобан от него бы отказался, чтобы служить по своей специальности, коей была атака и защита крепостей. Мармон, Бертран, Лористон не были настолько скромными, и привязанность, питаемая к ним Наполеоном, помешала ему прислушаться к каким-либо замечаниям по этому поводу.

Король Мюрат, отправившийся после Русской кампании в Неаполь, присоединился к императору в Дрездене. Участники коалиции, то есть австрийцы, русские и пруссаки, вновь открыли военные действия вероломно и недостойно для цивилизованных наций. Согласно последним договоренностям, военные действия должны были бы начаться только 16 августа, однако, несмотря на это, участники коалиции атаковали наши передовые посты 14-го. Они привели в движение большую часть своих сил в результате предательства Жомини.

До этого дня лишь два саксонских генерала, Тильманн и Лангенау, опустились до того, чтобы перейти на сторону врага. Мундир ни одного французского генерала еще не был запятнан подобным предательством. Запятнал его швейцарец генерал Жомини. В 1800 году этот несчастный был простым чиновником с жалованьем 1200 франков и служил в министерстве Гельветической республики. В то время генерал Ней был послан первым консулом в Берн, чтобы договориться с правительством Швейцарии относительно способов защиты этого государства, которое в то время было нашим союзником. Чиновнику Жомини было поручено вести реестры, касающиеся ситуации в Швейцарии. По роду работы он оказался связанным с генералом

Неем. Тот оценил большие возможности этого человека и, уступая его настойчивым просьбам, приказал принять его в армию лейтенантом, а затем сделать капитаном в швейцарском полку на службе у Франции. Генерал Ней все больше и больше привязывался к своему протеже. Он приказал сделать его *французским офицером*, взял к себе адъютантом и дал ему возможность печатать труды, которые тот писал о военном искусстве. Надо сказать, что хотя эти труды хвалят слишком сильно, они и в самом деле не лишены достоинств.

Благодаря этой высокой протекции Жомини быстро стал полковником, бригадным генералом и оказался командующим штабом у маршала Нея во время возобновления военных действий в 1813 году. В этот момент он соблазнился блеском русских обещаний и, забыв все, чем он обязан маршалу Нею, императору, а также Франции, ставшей его второй родиной, дезертировал, унеся с собой документы, касающиеся положения армий, а также все заметки, относившиеся к плану военной кампании, которая должна была вот-вот открыться. Опасаясь, как бы, узнав о его бегстве, Наполеон не изменил своих планов, Жомини настоял перед командованием союзников по коалиции на том, чтобы они начали военные действия за два дня до прекращения перемирия. К большому удивлению всей Европы, император Александр вознаградил Жомини за предательство, назначив его своим адъютантом. Это настолько оскорбило лучшие чувства деликатного императора Австрии, что однажды, обедая у императора Александра и заметив Жомини в числе приглашенных, он громко воскликнул: «Я знаю, что государям иногда требуется воспользоваться услугами дезертиров, но я не могу согласиться с тем, чтобы они их принимали у себя в штабе и даже у себя за столом».

Предательство Жомини, начальника штаба маршала Нея, предоставило в руки союзникам приказы, продиктованные Наполеоном и касающиеся передвижения наших войск. Это было для Наполеона одним из самых ужасных ударов, потому что многие из его армейских корпусов подверглись атакам во время их движения к местам соединения с другими корпусами. Им в ряде случаев пришлось уступить врагу очень важные позиции, поскольку не хватило времени для того, чтобы приготовиться к их защите.

В планах императора было идти в Богемию, однако он везде обнаруживал уже предупрежденного неприятеля, державшегося в направлении Богемии настороже. Поэтому Наполеон решил идти на прусскую армию, стоявшую в Силезии, и возобновить там наступление французских корпусов, которым только что

пришлось отступить перед Блюхером. В результате 20 августа Наполеон отправился в Лёвенберг, где атаковал значительные силы союзников. Здесь были войска пруссаков, русских и австрийцев. 21, 22 и 23 августа в окрестностях Гольдберга, Градицберга и Бунцлау произошли сражения. Неприятель потерял 7 тысяч человек убитыми и взятыми в плен и отступил за реку Кацбах.

Во время одного из многочисленных столкновений, происходивших в течение этих трех дней, бригада Ватье, преследовавшая противника, была вдруг остановлена широким и бурным ручьем, притоком Бобера. Через него можно было переправиться лишь по двум деревянным мостам, расположенным на расстоянии 1/8 лье один от другого. Оба эти моста русская артиллерия обстреливала градом ядер. 24-й конно-егерский полк, который перешел под командование храброго полковника Шнейта, получил приказ атаковать левый мост и бросился туда со своей обычной решимостью. Но совершенно иначе вел себя 11-й полк голландских гусар. Он был только недавно включен в состав бригады, и перед ним стояла задача занять правый мост. Напрасно командир этого полка полковник Льежар, очень хороший, смелый офицер, единственный француз в этом полку, призывал своих кавалеристов последовать за ним. Ни один из них не шевельнулся, настолько силен был страх, владевший ими. Но поскольку мой полк, расположенный в данный момент во второй линии, получал почти столько же артиллерийских ядер, что и 11-й гусарский полк, я бросился к голландцам, чтобы помочь полковнику заставить гусар атаковать вражескую артиллерию. Это был единственный способ заставить ее прекратить огонь. Но, видя бесполезность моих усилий и предвидя также, что трусость голландцев приведет к большим потерям в моем полку, я приказал полку пройти перед голландцами и готов был начать атаку, как вдруг увидел, что левый мост провалился под первым взводом 24-го полка, многие люди и лошади утонули. Отступая, русские приготовили такой ход событий. Они очень умело подпилили основные балки, которые должны были держать на себе настил моста. Это было сделано столь тщательно, что ничего нельзя было заметить, если вы не были предупреждены.

Видя столь ужасное происшествие, я испугался, как бы противник не расставил похожую ловушку и на том мосту, куда я направлял голову моей колонны. На короткое время я остановил движение полка, чтобы послать разведку для осмотра моста. Это было очень трудным делом, поскольку на этот мост враг не только нацеливал свою артиллерию, но на него также летели пули одного из вражеских батальонов. Поэтому я попросил, чтобы

кто-либо из людей добровольно отправился на это трудное дело. Я был уверен, что найду такого человека. В этот момент аджюдан Буавен, которого я некоторое время назад разжаловал за то, что он по недосмотру дал убежать приговоренному к смерти егерю, спешился и подошел ко мне, говоря, что «было бы несправедливо, если бы кто-то из его товарищей был убит, отправившись в разведку на переправу, и что он просит меня позволить ему выполнить это поручение, чтобы искупить свою вину». Мне понравился этот благородный порыв, и я ответил: «Идите, г-н Буавен, и вы вновь обретете ваши эполеты, когда окажетесь на другой стороне моста…»

Буавен спокойно пробрался среди ядер и пуль к мосту, разглядел как следует его настил, спустился с моста и вернулся ко мне, сообщив о том, что можно быть уверенным: мост прочен, полк может переправляться. Я вернул ему его чин. Он сел на лошадь и, заняв свое место во главе эскадрона, который должен был пройти по мосту, первым переправился через ручей и бросился на русских, не ожидавших нашей атаки и потому быстро отступивших. В следующем месяце император устроил смотр нашего полка и многих повысил в званиях. Я при этом представил г-на Буавена к чину младшего лейтенанта.

Наш новый генерал г-н Ватье сумел в различных сражениях завоевать уважение и любовь своих солдат. Что до генерала Экзельманса, командира дивизии, мы знали о нем лишь то, что было достоянием армейской молвы. Мы слышали, что он блестящий командир, но та же самая армейская молва сообщала, что он не всегда последователен в своем командовании. Доказательство этого мы получили при следующих обстоятельствах, которые оказались связанными с возобновлением военных действий.

В тот момент, когда дивизия отступала, а мой полк должен был прикрывать ее, генерал Экзельманс под тем предлогом, что хотел устроить ловушку прусскому авангарду, приказал мне предоставить в его распоряжение мою лучшую роту и 25 моих самых метких солдат. Командование ими он доверил начальнику эскадрона Лакуру. Затем он разместил этих людей, в количестве 150, посреди равнины, окруженной лесом, и запретил им двигаться без его приказа, а сам удалился и полностью забыл о них. Появился неприятель и, видя оставленное таким образом посреди равнины подразделение, остановился, опасаясь, что эта часть стоит там для того, чтобы завлечь врага в ловушку. Чтобы убедиться в этом, противник направил нескольких человек в лес направо и налево. Не слыша ни единого выстрела, в лес с обеих сторон входило все больше и больше неприятельских солдат, так

что в конце концов они полностью окружили наших кавалеристов. Напрасно несколько офицеров замечали своему командиру Лакуру, что этот обходной маневр со стороны неприятеля имеет целью полностью отрезать для Лакура путь к отступлению. Лакур, очень смелый военный, был совершенно лишен инициативы и буквально последовал приказу, полученному от Экзельманса, не думая о том, что генерал Экзельманс забыл о них и что лучше всего было бы послать кого-то предупредить генерала или, по крайней мере, отправить разведку. Ему приказали оставаться *здесь*, он здесь и остался, хоть его люди и рисковали быть взятыми в плен или погибнуть.

В то время как эскадронный начальник Лакур выполнял полученный приказ скорее так, как это делает простой сержант, чем как должен был бы делать это старший офицер, дивизия уходила все дальше! Мы с генералом Ватье не видели возвращения отряда Лакура. Мы не знали также, где найти Экзельманса, ускакавшего галопом через поля, поэтому мы были полны самых мрачных предчувствий. Тогда я попросил у генерала Ватье разрешения вернуться к начальнику эскадрона Лакуру и получил согласие генерала. Я поскакал галопом вместе с одним из моих эскадронов и прибыл на место, где стал свидетелем жуткого зрелища, особенно ужасного для командира, дорожащего жизнями своих солдат!

Враг обошел наш отряд с флангов и даже сзади и с фронта атаковал его большими силами, так что наши 150 человек были окружены 700–800 прусскими уланами, а у наших кавалеристов, в довершение всех несчастий, для отступления был только плохонький дощатый мостик, перекинутый через ручей, вытекавший с соседней мельницы и имевший крутые берега! По этому узкому переходу наши кавалеристы могли переправляться только *по одному,* так что на мостике получилась свалка и моя элитная рота потеряла многих своих кавалеристов. В этот момент несколько кавалеристов заметили обширный двор и подумали, что он имел выход на ручей. В надежде найти мост в этом месте они кинулись во двор, и весь отряд последовал за ними. На самом деле ручей тек вдоль этого двора, но в этом месте находился мельничий водозабор, и берега его были облицованы большими скользкими плитами. Это делало доступ к ручью очень трудным для лошадей и давало громадное преимущество противнику. Чтобы взять в плен всех французов, вошедших в этот широкий двор, враг закрыл ворота во двор.

Именно в этот критический момент я появился на другом берегу ручейка во главе эскадрона, который я срочно привел на выручку. Я заставил моих кавалеристов спешиться так, чтобы

один человек вел в поводу четырех лошадей. Все другие кавалеристы, вооруженные карабинами, перебежали через мостик, охраняемый эскадроном пруссаков. Пруссаки, которые оставались на лошадях и имели в качестве оружия только несколько пистолетов, не смогли сопротивляться огню многочисленных карабинов моих егерей, поэтому прусским кавалеристам пришлось отойти на несколько сот шагов, оставив на земле 40 раненых и убитых.

Те из моих кавалеристов, кто оказался запертым во дворе, хотели воспользоваться этой передышкой для того, чтобы силой распахнуть большие ворота и всей толпой выйти наружу, но я велел им ничего не предпринимать, потому что подобная демонстрация силы не спасла бы их. Для того чтобы присоединиться ко мне, им пришлось бы со своими лошадьми переправляться через ручей по мостику, а они могли бы сделать это, двигаясь только по одному, и, таким образом, фланги и тыл были бы открыты пруссакам, а уж те не упустили бы случая броситься в атаку и уничтожить наших солдат во время такого движения. На берегу росло много деревьев, и среди них пехотинцы могли безнаказанно расстрелять многочисленную кавалерию, поэтому я разместил своих егерей вдоль ручейка. Это были люди из моего эскадрона, которые уже спешились. Как только они вошли в контакт с теми, кто был во дворе мельницы, я приказал сказать тем, кто находился в этом дворе, чтобы они тоже спешились, взяли карабины и в то время, как сто из них своим огнем удерживали бы противника на расстоянии, другие, перемещаясь позади линии стрелков, передавали бы друг другу лошадей до того, как перешли бы мостик. Под прикрытием 180 спешенных егерей это перемещение начало осуществляться в полном порядке. В то же время прусские уланы, видя, что добыча ускользает от них, пришли в ярость и попытались нарушить наше отступление мощной атакой. Однако их лошадям мешали двигаться ветки прибрежных ив, лужи и многочисленные ямы. Лошади едва могли двигаться шагом по неровной земле. Поэтому пруссакам не удалось подойти к нашим спешенным кавалеристам, а прицельный огонь, к тому же на очень маленьком расстоянии, нанес пруссакам большие потери.

Однако прусский майор, который командовал этой атакой, смело бросился на центр нашей линии и выстрелом из пистолета попал в голову лейтенанту Башле, одному из лучших офицеров моего полка. Я очень сожалел о г-не Башле, за которого егеря его взвода в самое ближайшее время отомстили: прусский майор, пораженный множеством пуль, упал мертвым.

Гибель командира, потери, которые они только что понесли,

и особенно невозможность приблизиться к нам заставили неприятеля отказаться от своих планов. Враг отступил. Я приказал поднять раненых и отступил без преследования. В этой неудачной вылазке мой полк потерял 1 офицера и 9 кавалеристов убитыми, 13 человек были захвачены в плен. Среди них был лейтенант Марешаль. Потеря этих 23 человек причинила мне громадную боль: ведь эта потеря к тому же была бесполезной и унесла множество самых смелых воинов, большинство из них было представлено к наградам или повышению. Я никогда не смог утешиться от печали, какую вызвала у меня эта тяжелая неудача! После этого случая мы окончательно уверились в том, что Экзельманс не достоин нашего хорошего отношения. За это он удостоился упреков генерала Себастьяни и императора. Впрочем, императору Экзельманса рекомендовал Мюрат. Старый генерал Сен-Жермен, бывший командир и даже создатель 23-го полка конных егерей, к которому император сохранил большую привязанность, вслух сказал, что Экзельманс заслуживает примерного наказания. В результате Мюрат и генерал Сен-Жермен поссорились и даже перешли бы к рукоприкладству, если бы император лично не запретил им это. Майор Лакур, чье неумение было одной из главных причин этой катастрофы, с того дня потерял мое доверие.

Глава XXV

Сражение 26 и 27 августа при Дрездене. — Вандамм при Кульме. — Отважное поведение Вандамма, взятого в плен

После боев 21, 22 и 23 августа император отдал приказы относительно преследования врага на следующий день. Но, узнав, что громадная австро-прусско-русская армия, насчитывавшая 200 тысяч человек под командованием князя Шварценберга, только что 22 августа вышла с Богемских гор, направляясь к Саксонии, император взял с собой всю гвардию, кавалерию Латур-Мобура и несколько дивизий пехоты. Форсированным маршем он отправился в сторону Дрездена, где закрепился маршал Сен-Сир с войсками, поспешно им выведенными из лагеря Пирны.

Уходя из Силезии, император приказал маршалу Нею следовать за ним, а маршалу Макдональду доверил командование многочисленной армией на Одере. Речь идет о 3-м, 5-м и 11-м армейских корпусах и 2-м кавалерийском корпусе с очень сильной артиллерией, в общей сложности здесь было 75 тысяч человек. Как показали дальнейшие события, командование такой массой было слишком трудным делом для Макдональда.

Вы, наверное, заметили, что чем больше войск участвует в боях, тем меньше и детально описываю их передвижение. Причина прежде всего в том, что для этой цели потребовалась бы громадная работа, а я опасаюсь, что не смогу довести ее до конца. Второй причиной является то, что в таком случае эти «Мемуары» было бы слишком утомительно читать. Поэтому я буду еще более краток, говоря о событиях войны 1813 года, в которой приняли участие 600–700 тысяч человек, чем в рассказах о предыдущих кампаниях.

28 августа 200 тысяч солдат союзников окружили слабо укрепленный город Дрезден. Положение маршала Сен-Сира стало трудным, потому что у него было только 17 тысяч французских солдат, которые должны были противостоять громадным силам противника. Плохо осведомленный шпионами, враг не знал о скором прибытии Наполеона, и, полный уверенности в себе за счет громадного численного преимущества, противник отложил атаку на следующий день. Его уверенность возросла, когда к ним прибыли два вестфальских полка, дезертировавших из армии короля Жерома и присоединившихся к австрийцам.

Обеспокоенный маршал Сен-Сир ожидал атаки утром 26 августа, но он приободрился, когда в тот же день рано утром император вошел в Дрезден во главе гвардии и многочисленных

войск всех родов оружия. Через несколько мгновений противник, продолжая думать, что имеет дело только с одним корпусом Сен-Сира, атаковал город. Враг двигался очень уверенно. Войска противника смели несколько редутов. Русские и пруссаки были уже хозяевами в пригороде и пытались взломать Фрайбергские ворота, как вдруг по приказу императора эти ворота распахнулись и из них вышла колонна Императорской гвардии, 1-й бригадой которой командовал бравый генерал Камбронн! Это выглядело как явление головы Медузы! Враг в ужасе отступил. Беспорядочно бегущие солдаты опрокинули артиллерию, а канониры были убиты прямо на пушечных лафетах. Французские колонны одновременно и с тем же самым результатом вышли из всех ворот Дрездена. Войска коалиции покинули редуты, захваченные ими незадолго до этого, и бежали в окрестные поля, где Наполеон приказал своей кавалерии атаковать их и гнать до подножия холмов. В этот первый день сражения враг потерял 5 тысяч человек убитыми и ранеными и 3 тысячи солдат были взяты в плен. С французской стороны было убито и ранено 2500 человек, среди них 5 генералов. На следующий день, 27 августа, французская армия, в свою очередь, взяла на себя инициативу атаки, хотя у французов было на 87 тысяч человек меньше, чем у противника. Поначалу столкновение было очень яростным и кровавым, но прошедший проливной дождь превратил жирную землю на поле битвы в громадные лужи, полные грязной воды. Наши войска, двигаясь в направлении противника, испытывали громадные затруднения. Однако мы все время наступали, и Молодая гвардия заставила отступить левый фланг противника. В это время император заметил, что князь Шварценберг, главнокомандующий союзников, совершил ошибку: он не обеспечил достаточной поддержки своему левому флангу. Увидев это, Наполеон приказал маршалу Виктору и кавалерийским дивизиям Латур-Мобура раздавить левый фланг противника.

Король Мюрат, командовавший этой частью французской боевой линии, проявил себя еще более блистательным, чем обычно. Он форсировал ущелье Котты, затем повернул и, отделив от австрийской армии корпус Кленау, бросился на этот корпус с саблей наголо во главе своих карабинеров и кирасир[143]. Это сыграло решающую роль: Кленау не смог сопротивляться этой ужасной атаке! Почти всем его разбитым батальонам пришлось сложить оружие. Та же судьба ждала и две другие дивизии.

В то время как Мюрат таким образом разбил левый фланг врага, его правый фланг был обращен в бегство Молодой гвардией, так что в 3 часа победа была окончательной и войска неприятеля начали отступать по направлению к Богемии. В этот

второй кровавый день сражения неприятель оставил на поле битвы 18 знамен, 26 пушек и 40 тысяч человек, из которых 20 тысяч были взяты в плен. Главные потери понесла австрийская пехота, потерявшая двух генералов убитыми, трех ранеными и двух захваченными в плен.

Следует отметить, что «бойковое» огнестрельное оружие в ту пору было еще мало известно, и пехота пользовалась кремневыми ружьями, огонь из которых становился почти невозможным, если порох на полке намокал, так что дождь, не прекращавшийся на протяжении целого дня, во многом способствовал тому, что вражеская пехота была разбита в результате атак наших кавалеристов. При этом произошло одно весьма примечательное событие.

Кирасирская дивизия под командованием генерала Бордесуля, находясь лицом к лицу с сильной дивизией австрийской пехоты, построенной в каре, попыталась заставить врагов сдаться. Вражеский генерал отказался, тогда Бордесуль выехал вперед и заметил ему, что ни одно из ружей его пехоты не способно стрелять. Австриец ответил на это, что солдаты будут защищаться штыками, к тому же лошади у французов вязнут по колено в грязи и поэтому не смогут сбивать австрийцев с ног, используя ударную силу кавалерии. «Я испепелю ваше каре из моих пушек!» — «Но у вас их нет, потому что они остались в грязи!» — «Однако, если я покажу вам пушки, расположенные позади моего 1-го полка, вы сдадитесь?» — «Конечно, придется, потому что в таком случае у меня не останется никакого способа защиты».

Тогда французский генерал приказал выдвинуть на расстояние не менее 30 шагов от противника батарею из шести орудий. Канониры, держа в руке запалы, были готовы стрелять по вражескому каре. При виде этих пушек австрийский генерал и его дивизия сложили оружие.

Дождь парализовал огонь пехоты обеих армий и намного замедлил движение кавалерии, поэтому основную роль в сражении сыграла артиллерия, особенно французская. Принимая во внимание большую трудность передвижения по земле, промокшей от проливных дождей, Наполеон приказал вдвое увеличить число лошадей, тащивших орудия, за счет тех лошадей, которых быстро выпрягли из повозок администрации, находившихся в безопасности в городе Дрездене. Поэтому наши орудия нанесли противнику большой урон. Одно из ядер поразило Моро.

Уже в течение некоторого времени молва сообщала о возвращении в Европу этого старого и знаменитого французского

генерала, утверждая, что он перешел на службу к врагам своей страны. Однако очень немногие верили этому слуху, который, впрочем, подтвердился вечером того дня, когда произошла битва при Дрездене, причем подтвердился очень примечательным образом. Наш авангард преследовал отступающего врага, когда один из наших гусаров заметил при входе в деревню Нетниц великолепного датского дога. Пес с беспокойным видом, казалось, искал своего хозяина. Гусар приманил собаку, схватил ее и прочел на ее ошейнике такие слова: «Я принадлежу генералу Моро». Затем из рассказов местного кюре стало известно, что генералу Моро только что ампутировали обе ноги. Французское ядро, разорвавшееся в штабе русского императора, сначала раздробило одно колено этого знаменитого перебежчика, а затем, пробив насквозь тело его лошади, попало в другую ногу Моро. Этот эпизод произошел в момент отступления союзнических армий, поэтому император Александр во избежание того, чтобы Моро не был захвачен французами, приказал своим гренадерам нести его на руках до того момента, когда преследование со стороны наших войск замедлилось, и тогда удалось перевязать раненого, ампутировав ему обе ноги. Саксонский кюре, бывший свидетелем этой тяжелой операции, сообщал, что Моро, от которого не сумели скрыть, что его жизнь была в опасности, проклинал сам себя и непрерывно повторял: «Как, я! Я, Моро, умираю среди врагов Франции, сраженный французским ядром!» Он испустил дух 1 сентября, и русские увезли с собой его тело.

Никто во французской армии не сожалел о Моро, как только стало известно, что он сражается против нас. Когда русский парламентер пришел потребовать возврата собаки Моро (он был прислан полковником Рабателем, адъютантом Моро), ему отдали животное, но без ошейника, а ошейник отправили королю Саксонии. В настоящее время этот ошейник находится среди достопримечательностей Дрезденской галереи.

Тем временем, после того как князь Шварценберг, главнокомандующий вражеских войск, разбитых при Дрездене, указал город Теплиц в качестве сборного пункта остатков своих армий, австрийцы отступили по долине Диппольдисвальде, русские и пруссаки по дороге через Пирну на Теплиц, а остатки корпуса Кленау — по дороге на Фрайберг. Император Наполеон двигался вместе с французскими колоннами, преследовавшими побежденных, до Пирны и немного дальше этого пункта. Однако в момент прибытия в Пирну он внезапно почувствовал легкое недомогание, сопровождающееся небольшой тошнотой и вызванное усталостью, какую он испытывал после того, как пять дней подряд не слезал с лошади и находился под

непрекращающимся дождем.

Одно из самых больших неудобств, связанных с положением государей, состоит в том, что в их окружении всегда находится несколько человек, желающих проявить избыток привязанности, всегда выражают тревогу при их малейшем недомогании и преувеличивают меры предосторожности, которые следует принимать. Это и произошло в данных обстоятельствах. Главный шталмейстер Колен кур посоветовал Наполеону вернуться в Дрезден, а другие высшие офицеры не осмелились дать ему намного более удачный совет: продолжать путь до Пирны, расположенной на расстоянии всего лишь одного лье. Там уже находилась Императорская гвардия, и император обрел бы в этом городе вместе с отдыхом, в котором он так нуждался, громадное преимущество: он оказался бы в состоянии отдавать приказы о передвижениях войск, участвовавших в преследовании противника. Из Дрездена он не мог этого делать, поскольку Дрезден находится на гораздо большем расстоянии от центра всех этих операций. Наполеон поручил маршалам Мортье и Сен-Сиру поддерживать генерала Вандамма, командующего 1-м корпусом. Вандамм на протяжении трех дней не имел связи с Великой армией. Он отбросил русский корпус и теперь угрожал вражеским тылам, перерезав дорогу от Дрездена до Праги, и контролировал район Кульма в Богемии, а также городок Теплиц, который был одним из самых важных пунктов, поскольку через него войскам коалиции наверняка пришлось бы отступать. Но возвращение Наполеона в Дрезден аннулировало успех в сражении и привело к огромной неудаче. Последствия этой неудачи способствовали в значительной степени падению Империи. Вот очень сжатый рассказ об этой знаменитой катастрофе.

Генерал Вандамм был очень хорошим и смелым офицером, ставшим знаменитым уже начиная с первых войн Революции. Он почти всегда командовал различными корпусами в войнах Империи. Можно было только удивляться, что он до сих пор не получил маршальского жезла. Этого жезла его лишала резкая и высокомерная манера поведения. После его поражения хулители генерала Вандамма утверждали, что желание получить наконец эту высшую награду толкнуло его броситься сломя голову всего лишь с 20 тысячами навстречу 200 тысячам вражеских солдат, которым он собирался преградить путь. Однако истина состоит в том, что генерал Вандамм был предупрежден командованием, что его поддержат две армии маршала Сен-Сира и Мортье. Вандамм получил *обязательный приказ* занять Теплиц, для того чтобы отрезать неприятелю путь к отступлению, и должен был

повиноваться.

Считая, что может быть уверенным в поддержке, Вандамм смело спустился 29 августа к Кульму, откуда, заставляя отступать перед собой вражеские части, он попытался овладеть Теплицем. Совершенно ясно, что если бы Мортье и Сен-Сир выполнили полученный им приказ, то прусские, русские и австрийцы, находившиеся на ужасных дорогах, отрезанные от Богемии взятием Теплица, были бы атакованы спереди и сзади, и им бы пришлось сложить оружие. Вандамма тогда бы громко хвалили даже те, кто ругал его раньше.

Как бы то ни было, прибыв к Теплицу утром 30 августа, Вандамм оказался лицом к лицу с войсками Остермана, одного из лучших и самых храбрых генералов русской армии. Вандамм атаковал Остермана, тем более что увидел, как с высот Петерсвальде спускается армейский корпус, идущий по той же дороге, по которой накануне шли его полки. И Вандамм должен был решить, что это войска Мортье и Сен-Сира, помощь которых обещал ему император. Но вновь прибывшие оказались двумя крупными прусскими дивизиями[144] под командованием генерала Клейста. Эти прусские дивизии направились к Кульму по совету Жомини. Они только что прошли между корпусами Сен-Сира и Мортье, а эти маршалы их не заметили, столь велика была злая воля Сен-Сира, когда ему приходилось помогать одному из своих товарищей. Эта злая воля в данных обстоятельствах повлияла и на Мортье! Ни тот ни другой не пошевелились, а ведь их совместные действия в сочетании со смелыми усилиями Вандамма наверняка привели бы к полному поражению противника. Судите сами: колонны вражеской пехоты, кавалерии, артиллерии в самой ужасной неразберихе казались загнанными в полном беспорядке в узкие проходы в высоких горах, разделявших Силезию и Богемию.

Вместо помощи, которой он ожидал, генерал Вандамм увидел перед собой две дивизии генерала Клейста. Пруссаки сразу бросились на французов. Первая линия Вандамма продолжала сражаться с русскими Остермана, расположенными перед Теплицем. Одновременно Вандамм повернул свой арьергард против Клейста и яростно его атаковал. Вражеские войска со всех сторон начали слабеть, но получили огромное подкрепление. Это подкрепление довело численность неприятеля более чем до 100 тысяч человек, что привело к громадной диспропорции по отношению к 15 тысячам, остававшимся под командованием Вандамма. Прибытие подкрепления к неприятелю заставило Вандамма, несмотря на его упорство и способности, подумать об отступлении в направлении корпусов Сен-Сира и Мортье.

Вандамм полагал, что эти корпуса находятся недалеко от него, в соответствии с тем, что по приказу императора написал ему Бертье.

Подойдя к переправе возле Тельница, французы нашли его занятым вражескими дивизиями генерала Клейста. Эти дивизии полностью закрывали полкам Вандамма путь. Впереди наших колонн шла конница генерала Корбино. Этот храбрец, несмотря на трудности передвижения по горам, потребовал для себя честь по-прежнему оставаться в авангарде. Наши войска бросились на пруссаков столь стремительно, что опрокинули их и сумели преодолеть горный проход, захватив при этом всю вражескую артиллерию. Из-за плохого состояния дорог они смогли взять только лошадей вражеской артиллерии.

Военные с настоящим боевым опытом поймут, что такой успех может быть одержан только ценой большой крови и что после столь ужасной битвы 1-й армейский корпус лишился множества своих бойцов. Однако Вандамм, окруженный со всех сторон силами противника, в десятки раз превосходившими его собственные силы, отказался сдаваться и стал во главе двух батальонов 85-го линейного полка, единственных, которыми он еще мог располагать. Он бросился в гущу врагов, надеясь найти там смерть. Но лошадь под ним была убита, и многочисленная толпа русских бросилась на него и захватила его в плен.

Генералы, офицеры и даже простые солдаты неприятеля, восхищаясь смелостью Вандамма, питали к нему самое большое уважение. Однако, и это кажется совершенно невероятным, но тем не менее неоспоримо, хорошее отношение пропало и сменилось оскорблениями, как только пленник был привезен в Прагу и предстал перед русским императором и его братом, великим князем Константином, который, забыв о том, как следует относиться к храбрости находящихся в несчастье, обратился к нему с оскорблениями. Великий князь Константин даже вырвал у него его шпагу. Возмущенный Вандамм воскликнул: «Мою шпагу легко отнять здесь. Благороднее было бы явиться за ней на поле битвы, но, кажется, вы любите только те трофеи, которые вам ничего не стоят и дешево обходятся!» Услышав эти слова, Александр в ярости приказал арестовать Вандамма и наградил его эпитетами *вор* и *бандит.*

Гордо глядя прямо в лицо Александру, Вандамм ответил: «Я не вор и не бандит, и в любом случае мои современники и история никогда не упрекнут меня в том, что я обагрил свои руки кровью собственного отца!» При этом намеке на убийство своего отца Павла I Александр побледнел, ведь молва упрекала его в том, что он одобрил это убийство, возможно, из-за боязни смерти.

Сраженный воспоминаниями об ужасно преступлении, которому он был обязан своим троном и о котором Вандамм только что напомнил ему открыто перед его многочисленным штабом, а также отрядом гвардейцев, Александр быстро удалился. Французский генерал был под конвоем перевезен в Вятку — город, расположенный где-то в Сибири[145], и вновь увидел родину лишь после заключения мирного договора в 1814 году.

Битва при Кульме стоила 1-му корпусу французской армии 2 тысяч человек убитыми и 8 тысяч взятыми в плен. Среди последних находился командующий этим корпусом. Оставшиеся солдаты Вандамма в количестве 10 тысяч человек под командованием генералов Теста, Мутон-Дюверне, Дюмонсо и Корбино, которым удалось пробиться с оружием в руках, присоединились к Сен-Сиру и Мортье. Эти два маршала нарушили свой долг, не преследуя отступающего врага, и остановились на полдороге. Они слышали грохот сражения, которое вел смелый и несчастный Вандамм, но не пришли к нему на подмогу.

Можно только удивляться, почему из Дрездена Наполеон не послал кого-нибудь из своих многочисленных адъютантов удостовериться, что Сен-Сир и Мортье отправились в путь, чтобы прийти на помощь Вандамму, как он им приказал. Эти два маршала не выполнили полученные ими приказы, поэтому они заслуживали того, чтобы предстать перед военным советом, однако французская армия перед лицом огромного численного превосходства врага уже пришла в такое состояние истощения, что, если бы император и захотел наказать всех, кому не доставало старания, ему пришлось бы отказаться от услуг почти всех своих маршалов. Поэтому он ограничился тем, что отругал Сен-Сира и Мортье, так как ему теперь больше, чем когда-либо, требовалось скрывать свои несчастья. Увы! Наши войска испытали поражение не только при Кульме.

Глава XXVI

Разгром Удино при Гроссбеерене и Макдональда при Кацбахе. — Мы вновь переходим через Кацбах

С полным правом можно сказать, что во время последних военных кампаний Империи война редко велась достаточно хорошо, если Наполеон сам не руководил битвой. Таким образом, остается лишь сожалеть о том, что этот великий военачальник недостаточно проникся данной идеей и слишком доверял талантам своих помощников, многие из коих оказались не на высоте поставленных перед ними задач, хотя и были слишком уверены в себе, как мы только что видели на многих примерах. Вместо того чтобы приказать командирам армейских корпусов, шедшим отдельно от основной армии, по мере возможности *защищаться* до тех пор, пока он сам не пришел бы с мощными резервами, чтобы раздавить стоящие перед ними войска, император давал командирам корпусов слишком большую свободу действий. А каждый хотел, чтобы о нем говорили, и каждый желал иметь свою *битву при Аустерлице*, поэтому они часто атаковали невпопад и бывали разбиты по собственной вине.

Так произошло с маршалом Удино, которому Наполеон дал значительную армию, состоявшую из корпусов Бертрана и Ренье. Удино было поручено наблюдать за многочисленными прусскими и шведскими частями, объединившимися в окрестностях Берлина, под высшим командованием Бернадотта, ставшего шведским наследным принцем. Маршал Удино был менее силен, чем его противник, поэтому он должен был бы выжидать, однако привычка идти вперед, вид колоколен Берлина и опасения не оправдать доверие Наполеона влекли его дальше, поэтому он послал прямо перед собой корпус Бертрана, который и был разбит. Однако это не помешало Удино стоять на своем в желании завладеть Берлином, несмотря на первую неудачу. Но в большом сражении при Гроссбеерене он проиграл, и ему пришлось отступить по дороге на Виттенберг, понеся серьезные потери.

Несколько дней спустя маршал Макдональд у Кацбаха во главе нескольких корпусов также захотел воспользоваться свободой, предоставленной ему отсутствием Наполеона, чтобы попытаться выиграть сражение и заставить забыть свое кровавое поражение при Треббии во время Итальянской кампании 1799 года. Но и здесь он был разбит!

Макдональд отличался большой личной смелостью, но во

время войны ему постоянно не везло, и не потому, что он был недостаточно способен, а потому, что, подобно генералам австрийской армии и особенно знаменитому Макку, в своей стратегии Макдональд был слишком нетерпим и совершенно не считался с чужим мнением. Перед битвой он набрасывал план ее проведения, который почти всегда был хорош, однако, в зависимости от обстоятельств, он должен был бы менять этот план, а его медленный ум не умел этого делать. Он действовал подобно некоторым игрокам в шахматы, которые, играя сами с собой, очень хорошо проводят собственную партию и партию за отсутствующего противника, а когда идет партия настоящая, то они не знают, что делать, если противник ставит свои фигуры не так, как они думали! 26 августа, в тот самый день, когда император одержал замечательную победу в окрестностях Дрездена, маршал Макдональд проиграл сражение при Кацбахе.

Французская армия в количестве 75 тыс. человек, в чей состав входил и мой полк, располагалась между Лигницем и Гольдбергом на левом берегу небольшой реки Кацбах, отделявшей нас от многочисленных прусско-русских войск под командованием Блюхера.

На участке, который мы занимали, там и сям поднимались круглые холмы, поросшие лесом. Они были проходимы для кавалерии, но затрудняли ее передвижение, давая тем самым огромные преимущества пехоте. Поскольку главные силы Макдональда состояли именно из этого рода оружия и у него было только 6 тысяч лошадей из корпуса Себастьяни, тогда как противник располагал 15–20 тысячами кавалеристов, стоявшими на огромном плато Яуэр, где земля была почти гладкой, маршалу следовало дожидаться пруссаков в той позиции, какую он занимал. Добавим к этому, что Кацбах не имеет особенно крутых берегов с левой стороны, где мы находились, но правый берег этой реки очень крут, так что для достижения плато Яуэр надо взобраться на высокий холм, покрытый лесами, где есть только одна каменистая и очень крутая дорога.

Река Кацбах течет по дну ущелья. Мосты через эту реку перекинуты только там, где имеются редкие в этой местности деревни. Броды через нее очень узкие и становятся непроходимыми при малейшем подъеме воды. Эта река как бы защищала центр позиции французской армии, что было для нас как нельзя более удачным. Однако маршал Макдональд, желая атаковать пруссаков, пренебрег большими преимуществами, которые давала нам эта позиция. Он прямо-таки восстановил реку Кацбах против себя, приказав своим войскам переправиться через нее одновременно во многих местах. Кавалерийский корпус

Себастьяни, в чей состав входила дивизия Экзельманса, к коей принадлежал мой полк, должен был переходить реку вброд у деревни Шмохвиц.

Уже с утра погода хмурилась, что должно было бы убедить маршала перенести атаку на другой день либо, по крайней мере, заставить его действовать немедленно. Он не принял ни то ни другое решение, потерял драгоценные минуты, давая детальные приказания, так что его колонны пришли в движение только в 2 часа пополудни. Но едва армия двинулась в путь, как началась ужасная гроза, в результате вода в Кацбахе поднялась, что сделало брод настолько труднопроходимым, что дивизия кирасир генерала Сен-Жермена не смогла переправиться.

Мы вышли на другой берег, и нам пришлось взбираться по очень узкой расщелине на весьма крутой склон. Дождь сделал почву на этом склоне такой скользкой, что наши лошади падали на каждом шагу, так что нам пришлось спешиться, и мы вновь сели на лошадей лишь после того, как добрались до обширного плато, господствующего над долиной реки Кацбах. На этом плато мы нашли несколько дивизий французской пехоты, помещенных генералами из предосторожности около перелесков, разбросанных по этой равнине, но, как я уже говорил, все знали, что враг намного превосходил нас в кавалерии. Это было тем более неудачно для нас, что дождь лишал пехотинцев возможности вести стрельбу.

Выбравшись на эти обширные равнины, мы были очень удивлены тем, что не увидели неприятеля! Царившая там полная тишина, как мне показалось, скрывала некую ловушку, потому что мы были совершенно уверены, что минувшей ночью Блюхер занимал эту позицию, имея свыше 100 тысяч человек. Поэтому, с моей точки зрения, было необходимо провести хорошую разведку местности, прежде чем в нее вступать. Генерал Себастьяни думал иначе, поэтому, как только дивизия Русселя д'Юрбаля была построена, он направил ее на просторы этой равнины, придав ей не только принадлежавшую этой дивизии артиллерию, но также и артиллерию дивизии Экзельманса, которую мы с таким трудом втащили на плато.

Как только Экзельманс, находившийся в отдалении от своих эскадронов, присоединился к нам на выходе из ущелья и заметил, что Себастьяни забрал его пушки, он бросился к этому генералу, чтобы потребовать их обратно, и оставил свою дивизию без командования. Две бригады, составлявшие эту дивизию, располагались на расстоянии 500 шагов друг от друга на одной линии, свернутые в колонны по полкам. Мой полк находился во главе бригады Ватье, позади нас был 24-й полк конных егерей, 11-

й гусарский полк замыкал колонну.

Плато Яуэр настолько обширно, что, хотя дивизия Русселя д'Юрбаля направилась вперед и состояла из семи кавалерийских полков, мы едва различали его на горизонте. В ста шагах от правого фланга колонны, в состав которой входил мой полк, находился один из перелесков, разбросанных по равнине. Если бы мой полк был в этом месте один, я бы, конечно, приказал одному из моих взводов обыскать этот лесочек. Однако Экзельманс очень ревниво относился к своему авторитету, поэтому взял за правило, что ни один человек из его дивизии не должен был выходить из рядов без его личного приказа. Поэтому я не осмелился принять обычные меры предосторожности. По той же причине генерал, командовавший бригадой, также счел своим долгом воздержаться от этого. Это пассивное послушание чуть не оказалось для нас роковым.

Я ехал впереди моего полка, находившегося, как я уже говорил, во главе колонны, как вдруг услышал сзади себя громкие крики. Оказалось, это была неожиданная атака многочисленных прусских улан. Они, выскочив из леса, бросились на 24-й конно-егерский и 11-й гусарский полки, которых они обошли с фланга и повергли в панику. «Косая» вражеская атака сначала была направлена на хвост нашей колонны, затем на ее центр и угрожала дойти до головы колонны. Таким образом, мой полк был бы атакован с правого фланга. Ситуация оказалась тем более критической, что враг двигался очень быстро. Однако, уверенный в смелости и разумности моих кавалеристов, независимо от их чинов, я скомандовал *развернуться направо на самом быстром галопе.* Этот маневр, столь опасный перед лицом противника, был выполнен с такой быстротой и в таком порядке, что в мгновение ока полк оказался развернутым перед пруссаками, а поскольку они, продолжая двигаться *по косой* по направлению к нам, подставили нам свой фланг, наши эскадроны воспользовались этим преимуществом. Все эскадроны врезались в противника и нанесли ему большой урон.

Видя успех моего полка, 24-й конно-егерский полк, пришедший в себя от фланговой атаки, нарушившей поначалу строй, быстро перестроился и отбросил ту часть вражеской линии, которая ему противостояла. Что до 11-го гусарского полка, целиком состоявшего из голландцев, из которых император, как он считал, сделал французов всего лишь простым декретом, то командиру не удалось поднять своих гусар в атаку. Однако мы сумели обойтись без помощи столь плохих солдат, поскольку 23-го и 24-го конно-егерских полков оказалось

достаточно для завершения разгрома трех прусских полков, которые на нас напали.

В то время как наши кавалеристы преследовали врагов на полном скаку, один старый вражеский полковник, уже лишившийся своей лошади, узнав мой чин по моим эполетам и опасаясь быть убитым кем-нибудь из моих кавалеристов, приблизился ко мне в поисках защиты. Возле меня, несмотря на оживление боя, никто не осмелился нанести ему удар, как только я взял его под свое покровительство и свою защиту. Хотя этот офицер и шел пешком по земле, покрытой грязью, ему в течение целой четверти часа удавалось не отставать от моей быстрой лошади.

Хватаясь одной рукой за мое колено, он непрерывно повторял: «Вы мой *ангел-хранитель!*» Этот старик воистину вызывал у меня жалость, потому что он чуть не падал от усталости, но тем не менее старался не отстать от меня. В этот момент я увидел, что один из моих кавалеристов ведет в поводу захваченную лошадь. Я отдал ее прусскому полковнику и отправил его в тыл в сопровождении одного из моих верных унтер-офицеров. Вы увидите, что этот вражеский офицер не замедлил выразить мне свою благодарность.

Тем не менее плато Яуэр и берега реки Кацбах внезапно сделались театром кровавого сражения, потому что из каждого лесочка стали выходить пруссаки. Долина вскоре покрылась ими. Мой полк на большой скорости преследовал врага, и я не мог замедлить это преследование. Вскоре мои кавалеристы оказались перед бригадой вражеской пехоты. Ружья противника были выведены из строя дождем, поэтому никто не смог выпустить в нас ни одной пули. Я пытался прорвать прусское каре, но наши лошади, покрытые грязью, увязали в грязи по колено, поэтому они могли двигаться только шагом, а всем известно, что для кавалерии почти невозможно без разбега пробить тесные ряды батальонов противника, когда эти ряды стоят плечом к плечу, ими хорошо командуют и солдаты смело выставляют вперед частокол штыков. Напрасно мы так близко подошли к врагу, что могли разговаривать с вражескими солдатами и ударять нашими саблями по вражеским ружьям. Нам не удалось сломать их ряды, что было бы для нас нетрудно, если бы генерал Себастьяни не отправил артиллерию нашей бригады в другое место.

Наше положение и положение вражеской пехоты, стоявшей перед нами, было на самом деле смешно, потому что мы смотрели друг другу в глаза, не нанося друг другу никакого вреда. Наши сабли были слишком коротки, чтобы достать до врага, а вражеские ружья не могли стрелять! Такое положение

продолжалось некоторое время, как вдруг генерал Морен, командовавший бригадой, соседней с нашей, прислал нам на помощь 6-й уланский полк, и пики, превосходившие по длине вражеские штыки, вмиг поразили многих пруссаков. Это позволило не только нашим уланам, но и конным егерям из 23-го и 24-го полков проникнуть во вражеское каре, где наши кавалеристы убили многих вражеских пехотинцев. Во время этого ужасного побоища можно было слышать громкий голос бравого полковника Перки, кричавшего со своим сильным эльзасским акцентом: «Колите, уланы, колите!»[146]

Казалось, в этой части обширного поля битвы победа оборачивалась в нашу пользу, как вдруг она ускользнула от нас из-за неожиданного прибытия свыше 20 тысяч прусских кавалеристов. Они сначала раздавили дивизию Русселя д'Юрбаля, столь неосторожно посланную без поддержки на расстояние свыше лье вперед, а затем атаковали наш полк значительно превосходящими силами.

О приближении этой огромной вражеской массы нас предупредил прибывший генерал Экзельманс, который, как я уже говорил, на какое-то время покинул свою дивизию, чтобы почти в одиночку отправиться требовать у генерала Себастьяни свою артиллерийскую батарею. Эту батарею Себастьяни столь неудачно отправил на соединение с артиллерийской батареей Русселя д'Юрбаля. Не сумев найти Себастьяни, Экзельманс прибыл лишь для того, чтобы сделаться свидетелем захвата пушек Русселя д'Юрбаля, а также его собственных пушек и наблюдать столь ужасный разгром эскадронов своего коллеги. Мы уже предчувствовали какое-то несчастье, видя, как мчится к нам наш генерал с изменившимся лицом, без шляпы и даже без шарфа! Мы поспешили остановить солдат, продолжавших рубить вражеских пехотинцев. Однако в то время, как мы пытались призвать наших людей к порядку, нас полностью окружили многочисленные прусские эскадроны, преследовавшие остатки дивизии д'Юрбаля до самых наших рядов.

В мгновение ока на кавалерийский корпус Себастьяни, насчитывавший не более 5–6 тысяч бойцов, набросилось 20 тысяч вражеских кавалеристов, а они, помимо огромного численного превосходства, были *уланами,* то есть были вооружены пиками, а у нас имелось лишь несколько эскадронов, вооруженных этим оружием!

Несмотря на отчаянное сопротивление, которое мы попытались оказать, пруссаки непрерывно рассеивали наши группы и, постоянно преследуя нас, они наконец отогнали нас на край равнины, к крутому берегу реки Кацбах!

Здесь нас встретили две дивизии французской пехоты, к которым мы надеялись присоединиться. Однако ружья наших пехотинцев намокли и не могли стрелять. Им не оставалось никакого средства для защиты, кроме батареи из шести пушек, а также их собственных штыков, остановивших на мгновение вражеских кавалеристов. Однако прусские генералы выдвинули вперед примерно 20 орудий. Французские орудия были мгновенно уничтожены, а наши батальоны рассеяны! И тогда с громкими криками на нас бросилось 20 тысяч вражеских кавалеристов. Они в беспорядке оттеснили нас к Кацбаху.

Эта река, через которую этим же утром мы переправлялись с большим трудом, хотя она и не очень большая, теперь превратилась в бурный поток из-за проливных дождей, не прекращавшихся весь день. Вода из реки вышла из берегов с обеих сторон и почти полностью покрыла парапеты моста у Шмохвица, мешая выяснить, можно ли еще воспользоваться бродом, имевшим то же название. Однако, поскольку сегодня утром мы переправились через реку именно в этих двух местах, мы двинулись к мосту и к броду. Брод был непроходим для пехотинцев, многие утонули при переправе, однако мост спас основную массу людей.

Я собрал по мере возможности мой полк и приказал людям двигаться очень плотными полувзводами. Поддерживая друг друга, люди вошли в воду, соблюдая порядок, и добрались до противоположного берёга, потеряв лишь двоих. Все остальные кавалерийские полки двигались в том же направлении, так как, несмотря на сумятицу, неизбежную при подобном поражении, кавалеристы поняли, что надо оставить мосты для пехотинцев. Я должен признаться, что спуск по этому склону оказался одним из самых критических моментов в моей жизни… Склон был очень крутым, земля скользила под копытами наших лошадей, которые к тому же на каждом шагу спотыкались о многочисленные обломки скал. И, наконец, шквал огня вражеской артиллерии довершал ужас нашего положения. Тем не менее я вышел из этого испытания без какого бы то ни было вреда для меня самого благодаря смелости, решительности и ловкости моей великолепной турецкой лошади, двигающейся по краю пропасти как кошка по крыше, она спасла мне жизнь не только в этом сражении, но и во многих других. Ниже я еще расскажу об этом великолепном животном.

Подразделения пехоты и французской кавалерии, только что сброшенные с верха плато Яуэр, посчитали себя в безопасности, как только переправились через Кацбах. Однако пруссаки направили мощную колонну к мосту, расположенному выше

моста у Шмохвица, где эта колонна перешла через Кацбах. Так что, достигнув берега, который мы покинули этим же утром, мы были очень удивлены, когда нас атаковали многочисленные эскадроны вражеских улан. Однако, несмотря на удивление, некоторые полки, в числе коих маршал Макдональд в своем рапорте упомянул и мой, без колебаний бросились на врага… Я не знаю, однако, что случилось бы с нами без прибытия дивизии генерала Сен-Жермена. Он утром был оставлен на левом берегу и, следовательно, не принимал участия в битве. Эта дивизия оказалась поблизости очень кстати и пришла к нам на помощь. Дивизия генерала Сен-Жермена состояла из двух полков карабинеров, одной бригады кирасир и шести орудий. Сен-Жермен яростно атаковал неприятеля, отбросил в реку всех, кто пытался отрезать нам путь к отступлению, и, поскольку не существует ничего более страшного, чем войска, которые вновь переходят к наступлению после понесенного перед тем поражения, кавалеристы из дивизий Экзельманса и Русселя д'Юрбаля уничтожили все, что попалось им на пути.

Этот переход к наступательным действиям был нам очень полезен, поскольку остановил наших противников. Пруссаки в этот день не осмелились преследовать нас по другому берегу Кацбаха. Однако катастрофа французской армии была огромной, поскольку маршал Макдональд приказал ей утром переправляться через реку по всем мостам и бродам, существовавшим между Лигницем и Гольдбергом, то есть на линии длиной свыше 5 лье, а почти все переправы оказались мгновенно затопленными наводнением. По этой причине французская армия растянулась на большое расстояние, а пруссаки оказались у нее в тылу. С другой стороны перед фронтом армии текла река, и ее было почти невозможно форсировать. По этим причинам ужасные сцены, подобные тем, свидетелем которых я был на плато Яуэр, а также на мосту у Чемоковица, происходили во всех пунктах поля сражения! Повсюду дождь парализовал огонь нашей пехоты и благоприятствовал атакам прусской кавалерии, вчетверо превосходившей нашу по численности! Повсюду отступление оказалось очень губительным из-за тех трудностей, какие наши войска испытали при переправе через реку Кацбах, вышедшую из берегов. Большинство людей, пытавшихся переплыть через реку, утонули. Подобная судьба постигла и бригадного генерала Сибюэ. Нам удалось спасти лишь несколько орудий.

Глава XXVII

Концентрация войск возле Дрездена. — Различные эпизоды. — Башкиры. — Наполеон на поле боя у Пильница. — Я осыпан почестями

После ужасного поражения при Кацбахе маршал Макдональд, пытаясь собрать свои войска, указал в качестве сборного пункта города Бунцлау, Лаубан и Гёрлиц. Ночь была очень темная, дороги раскисли, дождь все время лил как из ведра. Все это делало путь медленным и очень тяжелым. Многие солдаты, особенно из стран Рейнской конфедерации, потерялись или отстали.

Армия Наполеона потеряла в битве при Кацбахе 13 тысяч человек убитыми или утонувшими, 20 тысяч были взяты в плен, было утрачено 50 орудий. Это выглядело как настоящая катастрофа. Маршал Макдональд, чьи неправильные стратегические расчеты вызвали это непоправимое бедствие, сумел, полностью потеряв доверие армии, все же сохранить уважение к себе откровенностью и честностью, с которыми он признал свою вину. На следующий день после несчастья, собрав вокруг себя всех генералов и полковников, он призвал нас участвовать в поддержании порядка и сказав нам, «что в войсках и среди офицеров каждый выполнил свой долг, что единственный человек, виновный в поражении, — это *он сам,* потому что, учитывая проливной дождь, он не должен был бы покидать свою позицию, чтобы атаковать на обширных равнинах врага, чьи эскадроны были намного более многочисленными, чем наши, и он не должен был также переправляться через реку в грозу». Это благородное признание обезоружило критиков, и каждый попытался внести свой вклад в спасение армии, отступавшей по направлению к Эльбе через Баутцен.

Казалось, судьба решила наносить нам все новые и новые удары. Дело в том, что спустя несколько дней после поражения маршала Удино в битве при Гроссбеерене, Макдональда — при Кацбахе и Вандамма — при Кульме французы понесли еще одно ужасное поражение. Маршал Ней, заменивший Удино в командовании силами, предназначенными для движения на Берлин, не имел достаточно войск для выполнения этой трудной миссии. Он был разбит предателем Бернадоттом и принужден оставить правый, берег Эльбы.

Император со своей гвардией вернулся в Дрезден. Различные корпуса под командованием Макдональда заняли позиции

неподалеку от этого города, в то время как маршал Ней, отбросив шведов на правый берег реки, концентрировал свои дивизии на левом берегу. На протяжении почти двух недель, с конца сентября до начала октября, французская армия вокруг Дрездена оставалась почти неподвижной. Мой полк располагался бивуаком на высотах Пильница, занятых одной из наших пехотных дивизий, поддерживаемой кавалерией Себастьяни и Экзельманса. Хотя официально перемирие не было заключено, усталость противников привела к временному прекращению огня *де-факто,* и каждый воспользовался этим для подготовки к новым, еще более ужасным битвам.

В Пильницком лагере я получил письмо от прусского кавалерийского полковника, которому я одолжил лошадь после того, как он был взят в плен и ранен кавалеристами моего полка в начале битвы при Кацбахе. Этот старший офицер по фамилии Бланкензее был освобожден своими в тот момент, когда удача отвернулась от нас. Тем не менее он благодарил меня за то, что я для него сделал, и, чтобы доказать свою благодарность, он прислал мне десять егерей и одного лейтенанта из моего полка, которые, оставшись ранеными на поле боя, были взяты пруссаками в плен. Г-н Бланкензее приказал перевязать их и в течение двух недель заботился о них. От своих начальников он получил разрешение перевезти их к передовым постам французских войск и передать их мне с огромной благодарностью, утверждая, что он обязан мне жизнью. Я думаю, он был прав, но от этого выражение благодарности со стороны одного из вражеских командиров не стало менее трогательным.

В то время как мы стояли лагерем на Пильницком плато, произошел любопытный эпизод, свидетелем которого была вся дивизия. Сильно напившись, некий капрал из 4-го конно-егерского полка недостаточно почтительно обратился к своему лейтенанту, а какой-то улан из 6-го полка, сильно укушенный своей собственной лошадью, не сумел заставить ее прекратить кусаться и воткнул лошади в живот ножницы, что и убило животное. Конечно, оба эти человека заслуживали наказания, но только дисциплинарного, а генерал Экзельманс *приговорил их к смерти* своей собственной властью. Он приказал дивизии сесть на лошадей и присутствовать при казни. Построили дивизию в большое каре, где кавалеристы стояли только с трех сторон, а с четвертой стороны выкопали две ямы, перед которыми поставили приговоренных к казни.

Всю ночь я был на коне и вернулся в лагерь как раз в этот момент. Увидев мрачные приготовления, я ни минуты не сомневался, что виновные уже осуждены и приговорены. Но

вскоре я понял, что все было совсем иначе, и, приблизившись к кружку, в который входили генерал Экзельманс, два бригадных генерала и все командиры полков, я услышал, как г-н Деванс, полковник 4-го полка конных егерей, и г-н Перки, командир 6-го уланского полка, умоляли дивизионного генерала помиловать обоих приговоренных. Генерал Экзельманс отказывался, продолжая шагом объезжать линию войск, в то время как его умоляли о помиловании.

Я никогда не мог заставить себя молчать и не выразить возмущение, видя, что совершается некое действие, кажущееся мне неправильным. Возможно, я был не прав, но сказал Девансу и Перки, что они роняют свое достоинство, допуская, чтобы по лагерю в качестве преступников водили людей из их полков, тогда как эти люди даже не были *осуждены* судом. Я добавил также: «Император никому не доверил право казнить или миловать, он только за самим собой оставил право на помилование».

Видя тот эффект, какой произвела моя реплика, генерал Экзельманс взволновался и крикнул, что *прощает* приговоренного конного егеря 4-го полка, однако улан будет расстрелян. Иными словами, он помиловал солдата, нагрубившего своему лейтенанту, и хотел казнить того, кто убил свою лошадь.

Чтобы осуществить казнь этого несчастного, было приказано из каждого полка выделить двух унтер-офицеров. Но поскольку унтер-офицеры не имеют мушкетов, они должны были взять мушкеты у своих солдат. Когда передали мне этот приказ, я ничего не сказал моему аджюдан-майору. Тот меня правильно *понял,* поэтому ни один человек из 23-го полка не явился для участия в казни. Генерал Экзельманс заметил это, но ничего не сказал. Наконец послышались выстрелы, и все присутствующие вздрогнули от возмущения. Экзельманс приказал, чтобы, в соответствии с обычаем, эскадроны прошли перед *трупом* казненного. Все двинулись вперед. Мой полк был вторым в колонне, и я еще не решил, должен ли я приказать своему полку дефилировать перед несчастной жертвой строгости Экзельманса. Вдруг громкий смех послышался в рядах 24-го конно-егерского полка, который шел передо мной и уже прибыл на место казни. Я послал аджюдана узнать, что вызвало это неприличное веселье в присутствии покойника, и вскоре узнал: *покойник* чувствует себя замечательно!

На самом деле все только что произошедшее было лишь спектаклем, придуманным для того, чтобы напугать солдат и укрепить дисциплину. Спектакль состоял в том, что солдата расстреляли холостыми патронами! И чтобы ложность этой казни

сохранялась в секрете как можно дольше, наш командир поручил осуществление ее унтер-офицерам, которым выдали патроны, содержавшие только порох. Но поскольку для наибольшей полноты иллюзии солдаты должны были *увидеть* труп, Экзельманс велел улану, призванному играть эту роль, как только в него выстрелят, броситься лицом на землю, притвориться мертвым и следующей ночью скрыться из армии, одевшись крестьянином и имея при себе немного денег, выданных ему для этой цели! Однако солдат, хитрый гасконец, очень хорошо понял, что генерал Экзельманс превышал свои полномочия и не имел права расстреливать без суда, а также отправлять его прочь из армии без оформления отпуска. Поэтому он после выстрелов остался стоять и отказался уходить, соглашаясь на это только в том случае, если ему выдадут подорожную, гарантировавшую ему, что жандармерия его не арестует в пути!

Узнав, что взрывы смеха 24-го полка конных егерей были вызваны спором между генералом и мнимым *покойником*, я не захотел, чтобы мой полк участвовал в этой комедии. Эта комедия, с моей точки зрения, еще больше подрывала дисциплину, чем те ее нарушения, какие при этом пытались наказать или предотвратить. Поэтому я приказал моим эскадронам развернуться и, пустив их вскачь, увел от этой неприятной сцены, дав им указание вернуться в лагерь, где велел спешиться. Этому примеру последовали все бригадные генералы и все полковники дивизии. Экзельманс, в конце концов, остался один с ненастоящим мертвецом, спокойно отправившимся по дороге к бивуаку, где сразу по прибытии принялся есть суп вместе со своими товарищами, которые вновь принялись громко смеяться.

Во время нашего пребывания на Пильницком плато неприятель, особенно русские, получил многочисленные подкрепления под командованием генерала Беннигсена. Всего он привел не менее 60 тысяч человек. Это были корпуса Дохтурова, Толстого и резервный корпус князя Лобанова. Этот резерв прибыл из мест, расположенных за Москвой, в его рядах насчитывалось очень большое количество татар и башкир, из вооружения имевших только луки со стрелами.

Я никогда не мог понять, с какой целью русское правительство привело из такой дали, ценой огромных расходов большие массы необученных всадников, не имевших ни сабель, ни пик и никакого огнестрельного оружия. Поэтому они не могли сопротивляться регулярным войскам и годились только на то, чтобы истощать местность и вызывать лишения и голод среди регулярных корпусов своей же армии. Наших солдат совсем не устрашил вид этих полудиких азиатов, мы называли их *Амурами,*

потому что и у тех были луки и стрелы.

Однако эти вновь прибывшие, еще незнакомые с французами, были подстрекаемы своими командирами, почти столь же невежественными, как и они сами, и ожидали, что мы обратимся в бегство при их приближении. Им не терпелось войти с нами в соприкосновение, и с самого первого дня прибытия на позиции перед нашими войсками они устремились на наших солдат бесчисленными толпами, однако везде были встречены ружейным огнем. Эти омерзительные уродливые дикари, естественно, мгновенно обратились в бегство и оставили на поле битвы большое количество убитых.

Эти потери вовсе не усмирили их пыл. Казалось, они еще больше возбудились. Двигаясь без всякого порядка, используя любые переправы, они непрерывно гарцевали вокруг нас, были похожи на осиный рой, отовсюду ускользали, и нам становилось очень трудно их догонять. Но когда нашим кавалеристам это удавалось, они безжалостно и во множестве убивали башкиров, ведь наши пики и сабли имели громадное преимущество над их стрелами. Тем не менее, поскольку атаки этих варваров не прекращались и русские поддерживали их атаки с помощью гусарских отрядов, чтобы использовать беспорядок, который могли создать башкиры в нескольких пунктах нашей линии, император приказал генералам удвоить бдительность и чаще посещать наши передовые посты.

Однако с обеих сторон уже готовились возобновить военные действия, прекращенные, как я сказал, не по какой-то договоренности, а только *де-факто*. В нашем лагере царило полное спокойствие. Когда однажды утром, по привычке, в одном белье я собирался бриться на свежем воздухе перед маленьким зеркальцем, прибитым к дереву, я вдруг почувствовал, что кто-то хлопнул меня по плечу! Поскольку я был среди солдат моего полка, я быстро обернулся, чтобы узнать, кто же позволил себе такую фамильярность по отношению к своему полковнику… И я увидел императора, который, желая побывать на соседних со мной позициях, оставаясь не замеченным противником, явился к нам на пост с одним лишь адъютантом. Не имея при себе никакого отряда гвардии, император приказал следовать за собой эскадронам, которые равными частями отбирались во всех полках дивизии. По его приказу я принял на себя командование этим эскортом и весь день следовал за ним, радуясь его расположению ко мне.

Мы уже собирались вернуться в Пильниц, как вдруг заметили множество башкир, мчавшихся на нас со всей скоростью, на какую только были способны их маленькие татарские лошадки.

Император, который впервые видел этих экзотических воинов, остановился на холмике и попросил, чтобы постарались взять нескольких башкир в плен. Я приказал двум эскадронам моего полка спрятаться за лесочком, а остальные продолжали двигаться дальше. Эта хорошо известная хитрость не обманула бы казаков, но с башкирами она полностью удалась, поскольку они не имеют ни малейшего понятия о войне. Они прошли возле лесочка, не послав туда на разведку хотя бы несколько человек, и продолжали преследовать нашу колонну, когда вдруг наши эскадроны внезапно атаковали их, убили многих и взяли в плен около 30 человек.

Я приказал привести их к императору. Он, рассмотрев их, выразил удивление, вызванное у него видом этих жалких конников, которых посылали, не дав им другого оружия, кроме лука и стрел, сражаться против европейских солдат, имеющих сабли, ники, ружья и пистолеты! Эти татары и башкиры выглядели как китайцы и были одеты в очень странные костюмы. Как только мы вернулись в лагерь, мои кавалеристы начали развлекаться, заставляя башкир пить вино. Пленники в восторге от такого хорошего приема, столь нового для них, очень быстро опьянели и стали выражать свою радость гримасами и прыжками, настолько необыкновенными, что гомерический хохот овладел всеми присутствующими, в том числе и самим Наполеоном!

28 сентября император произвел смотр нашему армейскому корпусу и представил мне свидетельство своего действительно исключительного благорасположения, потому что он, очень редко дававший кому-нибудь несколько наград одновременно, в одно и то же время сделал меня *офицером Почетного легиона, бароном* и предоставил мне денежное вознаграждение. Он осыпал почестями также мой полк, говоря, что это единственный полк из корпуса Себастьяни, который, сохранив полный порядок в битве при Кацбахе, отобрал у врага пушки и отбросил пруссаков везде, где вошел с ними в соприкосновение.

Подобная честь была оказана 23-му конно-егерскому полку благодаря похвалам маршала Макдональда, а он во время поражения при Кацбахе нашел себе пристанище в рядах моего полка, присутствовал при великолепных атаках, предпринятых нами, чтобы отбросить противника на другой берег.

После окончания смотра войска вновь отправились в лагерь. В это время генерал Экзельманс проехал вдоль линии полка и громким голосом приветствовал солдат по случаю того, что император только что по справедливости воздал нашему полку по заслугам. Обращаясь особо ко мне, он не преминул произнести похвальную речь, в которой заслуги командира полка даже

преувеличивались.

Тем временем французская армия сконцентрировалась в окрестностях Лейпцига. Все силы противника тоже направлялись на этот город. Большое количество войск противника позволило им образовать громадный круг, с каждым днем сжимавшийся все больше и больше, чтобы окружить французские войска и отрезать им всякий путь к отступлению.

14 октября произошло ожесточенное сражение кавалерии при Вахау. В этом бою приняли участие австро-русский авангард и наш. Успехи были примерно равными, после чего обе стороны разошлись на свои исходные позиции. Дело закончилось тем, что во время войны выглядит самым нелепым, а именно: артиллерийской канонадой, которая продлилась до ночи и не имела никакого другого результата, кроме больших потерь в живой силе.

Оставив в Дрездене гарнизон в 25 тысяч человек под командованием маршала Сен-Сира, император отправился в Лейпциг, куда прибыл утром 15 октября.

Глава XXVIII

Наполеон, не слушая мнения короля Вюртембергского, решает провести сражение у Лейпцига. — Битва при Вахау. — Топография Лейпцига. — Положение наших войск. — Неудавшийся захват в плен государей союзников. — Альтернатива дня 16 октября

Полная правда относительно Лейпцигской битвы никогда не будет известна как по причине протяженности и сложности территории, на которой битва продолжалась в течение нескольких дней, так и по причине огромного количества войск различных национальностей, принявших участие в этом памятном сражении.

Не хватает, главным образом, документов, имеющих отношение к французской армии, потому что многие командиры корпусов и дивизий, а также часть начальников штабов погибли на поле битвы или оказались в руках врага. Из-за этого часть отчетов никогда не была закончена, а те, какие были дописаны до конца, носят отпечаток спешки и неразберихи, царивших в момент их написания. Впрочем, поскольку в Лейпциге я был командиром полка, входящего в состав дивизии и участвующего во всех ее передвижениях, я не имел возможности знать о передвижении других корпусов так же хорошо, как во время предыдущих кампаний. В те времена я был адъютантом различных маршалов и по своей должности был обязан знать все армейские операции в общем виде, поскольку перевозил приказы в различные места поля битвы. По этим причинам мне приходится еще более сократить мой рассказ и ограничиться лишь самым необходимым, чтобы дать вам представление о наиболее важных фактах битвы при Лейпциге, оказавшей столь сильное влияние на судьбы императора, Франции и Европы.

Круг, в который враги собирались заключить французскую армию, еще не сомкнулся вокруг Лейпцига, когда король Вюртемберга, человек с очень резким характером и вместе с тем человек чести, счел своим долгом предупредить Наполеона, что вся Германия по наущению англичан собиралась подняться против него и что у него оставалось лишь время, необходимое для отступления французских войск за Майн, поскольку все войска Рейнской конфедерации в самое ближайшее время собираются покинуть Наполеона, чтобы присоединиться к противнику. Он добавлял также, что сам он, король Вюртемберга, не мог помешать себе последовать за ними, поскольку, в конце концов, принужден был уступить своим подданным,

заставлявшим его прислушаться к немецкому общественному мнению и порвать с Наполеоном, чтобы встать в ряды врагов Франции.

Говорят, что император, взволнованный сообщением самого преданного из своих союзников, подумал на какое-то время отступить в направлении гор Тюрингии под защиту реки Заале и ждать, чтобы союзники пришли атаковать его в неудобном для них месте, в этих труднодоступных местах, поросших лесом и полных ущелий.

Выполнение этого плана могло бы спасти Наполеона, но для этого надо было действовать очень быстро, пока вражеские армии еще не полностью объединились и не приблизились настолько, чтобы атаковать нас во время отступления. В тот момент, когда требовалось согласиться оставить часть своих завоеваний, император не сумел решиться на это, не желая дать окружающим повод подумать, что он считает себя *побежденным*, раз ищет спасения в горах, через которые так трудно пройти. Нас погубила излишняя смелость этого великого воина. Он не принял во внимание, что его армия, очень ослабленная многочисленными потерями, насчитывала в своих рядах множество иностранцев, ждавших лишь благоприятного случая для того, чтобы его предать. Он забыл также о том, что его армия вот-вот должна была подвергнуться нападению со стороны превосходящих сил противника на бескрайних равнинах, окружающих Лейпциг. Было бы очень хорошо, если бы он привел армию в горы Тюрингии, столь благоприятные для защиты, и, таким образом, уничтожил часть вооруженных сил монархов, входивших в коалицию. Впрочем, приближение зимы и необходимость кормить многочисленные войска вскоре должны были заставить врагов расстаться, в то время как французская армия, с фронта и с флангов защищенная труднодоступной местностью, ощетинившейся естественными препятствиями для вражеских атак, имела бы в своем тылу плодородные равнины Майна, Рейна и Неккара.

Этот план хотя бы позволил нам выиграть время и, возможно, утомить войска союзников настолько, что они пожелали бы мира. Однако решимость Наполеона, а также его уверенность в силе собственных войск взяли верх над этими правильными рассуждениями, и поэтому он принял решение дожидаться врага на равнинах вокруг Лейпцига.

Едва это пагубное решение было принято, как второе письмо короля Вюртембергского сообщило императору, что король Баварии, внезапно изменив договоренностям, только что заключил мир с членами коалиции и что две армии — баварская

и австрийская, стоящие по берегам Инна, объединились под командованием генерала Вреде и теперь двигались по направлению к Рейну; наконец, что сам король Вюртембергский, сожалея об этом, принужден силой этой армии присоединить к ней свою. Вследствие этого император должен был ожидать, что вскоре 100 тысяч человек окружат Майнц и будут угрожать границе Франции.

Получив эту неожиданную новость, Наполеон счел своим долгом вернуться к плану отступления за Заале и горы Тюрингии. Но было слишком поздно, потому что основные силы союзников уже стояли против французской армии и были слишком близко от нее, чтобы французская армия смогла отступить, не будучи атакованной во время этого трудного передвижения. И император решился дать сражение! Это решение было очень неудачным, поскольку общее количество солдат во французской армии или в армиях союзников Франции, которых Наполеон собрал вокруг Лейпцига, составляло лишь 157 тысяч человек, из них всего 29 тысяч были кавалеристами. В то же время князь Шварценберг, верховный главнокомандующий противника, имел 350 тысяч, из них 54 тысячи приходилось на кавалерию.

Эта громадная армия состояла из русских, австрийских, прусских и шведских войск, которых бывший французский маршал Бернадотт вел против своих соотечественников, против своих прежних братьев по оружию! Общее количество солдат с обеих сторон доходило до 507 тысяч человек, не считая частей, оставленных в крепостях.

Город Лейпциг, один из самых торговых и самых богатых городов Германии, расположен примерно в центре обширной равнины, простирающейся от Эльбы до гор Граца, Тюрингии и Богемии. Положение этой равнины почти всегда делало ее главным театром военных действий во время войн, заливавших во все времена Германию кровью. Маленькая речушка Эльстер, которую, скорее, можно назвать ручьем, настолько она узкая и неглубокая, протекает с севера на юг до Лейпцига. Ее долина не имеет крутых берегов, она вьется среди сырых лугов. Эльстер в своем течении разделяется на множество рукавов, которые представляют собой настоящее препятствие для обычных военных операций и требуют постройки и наведения бесконечного количества мостов, для того чтобы связать друг с другом деревни, расположенные в долине.

Другой похожий ручей, который называется Пляйссе, еще меньше Эльстера и течет на расстоянии полутора лье от него, впадая в Эльстер под стенами Лейпцига.

К северу от города в Эльстер впадает Парта — небольшой

ручей. Он змеится по узкой долине. Здесь на каждом шагу существуют броды или небольшие мостики, по которым надо через ручей переправляться.

Лейпциг находится в месте слияния этих трех ручьев. Город почти окружен с севера и с запада многочисленными рукавами этих речек и ручейков и является, таким образом, ключом к территориям, расположенным по их течению. Город сам по себе невелик, в то время он был окружен старыми крепостными стенами, имевшими четверо больших ворот и трое малых. Дорога на Лютцен через Линденау и Маркранштедт была единственной, по которой французская армия еще могла свободно связываться со своими тылами.

Основное сражение развернулось на территории, расположенной между Пляйссе и Партой. В этом месте есть отдельно стоящий круглый холм, называемый Кольмберг. Его также называют *Шведским редутом,* потому что во время Тридцатилетней войны король Густав-Адольф построил несколько укреплений в этом месте, являющемся главной высотой на всей равнине.

Битва при Лейпциге началась 16 октября 1813 года и продолжалась 3 дня, но бои 17 октября были значительно более слабыми, чем те, какие происходили 16-го и 18-го.

Не желая вдаваться в детали этого памятного события, я тем не менее считаю своим долгом объяснить, какими были основные позиции, занимаемые французской армией. Это даст общее представление и о позициях врага, поскольку против каждого из наших армейских корпусов стоял по крайней мере один неприятельский корпус, а иногда их было два.

Король Мюрат командовал нашим правым флангом, опиравшимся на небольшую речку Пляйссе возле деревень Конневиц, Дёлиц и Маркклееберг, занятых князем Понятовским и его поляками. За ними, позади населенного пункта Вахау, находился корпус маршала Виктора. Войска маршала Ожеро занимали Дозен.

По бокам от этих пехотных корпусов находилась поддерживающая их кавалерия генералов Келлермана и Мийо. В центре, под непосредственным командованием императора, находились войска, расположенные возле Либертвольквица. В их состав входили пехотные корпуса генерала Лористона и маршала Макдональда. Им были приданы кавалерийские корпуса Латур-Мобура и Себастьяни (мой полк входил в состав войск генерала Себастьяни и был расположен напротив холма Кольмберг, или *Шведского редута)*. Левое крыло под командованием маршала Нея состояло из пехотного корпуса маршала Мармона, а также из

корпусов генералов Рейнье и Суама[147], их поддерживала кавалерия Арриги. Кавалерия занимала местечки Тауха, Плессен и берега речки Парта. Наблюдательный корпус численностью в 15 тысяч человек под командованием генерала Бертрана был расположен отдельно, за Лейпцигом, и должен был охранять деревни Линденау, Линденталь, Голис, переправы через Эльстер и дорогу на Лютцен.

Позади центра возле населенного пункта Пробстхайда под командованием маршала Удино находился резерв, состоявший из пехотных дивизий Молодой и Старой гвардии и из гвардейской кавалерии генерала Нансути.

Благородный король Саксонии, не пожелавший покинуть своего друга императора Франции, пребывал в городе Лейпциге со своей гвардией и несколькими французскими полками, которых оставили там для поддержания порядка.

В ночь с 15-го на 16 октября войска маршала Макдональда передислоцировались, чтобы сконцентрироваться возле Либертвольквица, отойдя от Кольмберга, или Шведского редута. Но поскольку мы не собирались оставить это место врагам до окончания ночи, я получил приказ наблюдать за холмом Кольмберг вплоть до рассвета. Задача оказалась очень непростой, потому что для ее выполнения я должен был выдвинуться с моим полком вперед до подножия холма, в то время как французская армия отходила на половину лье в противоположном направлении. Существовал риск того, что я буду окружен и даже отрезан вражеским авангардом, разведчики которого наверняка должны были подняться на вершину холма с первыми лучами солнца и оттуда могли бы увидеть, что происходило на обширных равнинах, расположенных у них под ногами и занятых французской армией.

Погода была великолепная, и, несмотря на то что была ночь, можно было видеть все окружающее при свете звезд. Однако в подобных случаях намного лучше видно снизу вверх и легче заметить людей, поднимающихся на возвышенность, в то время как эти люди гораздо хуже видят тех, кто находится внизу. Поэтому я привел мои эскадроны как можно ближе к холму и поставил их так, чтобы тень от вершины холма скрывала моих кавалеристов. Я приказал им хранить глубокое молчание и полную неподвижность и стал ждать дальнейших событий.

В это время чуть не произошел случай, который мог бы стать счастливым для Франции, для императора и сделал бы мое имя навсегда знаменитым! Вот о чем идет речь.

За полчаса до первых лучей солнца три кавалериста, прибывшие с вражеской стороны, медленным шагом поднялись на

холм Кольмберг, оттуда они не могли заметить нас, а мы очень хорошо видели их силуэты и слышали их разговор. Они говорили по-французски. Один из них был русским, а двое других пруссаками. Первый из них, похоже, обладавший особой властью над своими спутниками, приказал одному из них предупредить *Их Величеств*, что в этом месте не было ни одного француза и они могут подняться на холм, так как через несколько минут станет видна вся долина, и что надо воспользоваться моментом, пока французы не вышлют в эту сторону своих стрелков…

Офицер, к которому были обращены эти слова, заметил, что эскорты, сопровождающие Их Величества, двигаются шагом и поэтому находятся еще очень далеко. «Какая разница, ведь здесь же никого нет!» При этих словах мы с моими кавалеристами удвоили внимание и вскоре заметили на вершине холма примерно 20 вражеских офицеров, один из которых спешился.

Устраивая нашу засаду, я, конечно, не думал, что нам удастся захватить какую-нибудь хорошую добычу. Тем не менее я предупредил моих офицеров, что если мы увидим каких-нибудь врагов на Шведском редуте, то по сигналу, который я им дам, махнув носовым платком, двум эскадронам надо будет обойти холм, один эскадрон должен будет заходить справа, другой слева, и таким образом можно окружить врагов, если им придет в голову подойти так близко к нашей армии. Я был полон надежды, когда вдруг неумеренное рвение одного из моих кавалеристов погубило весь мой план. Этот человек случайно уронил свою саблю и в тот же самый момент схватил в руки карабин. Боясь опоздать, когда я дам сигнал атаки, он выстрелил прямо в середину группы врагов и убил прусского майора.

Вы, конечно, понимаете: в мгновение ока все вражеские офицеры, у которых не было иной охраны, кроме нескольких ординарцев, поняли, что их вот-вот окружат, и галопом ускакали. Наши люди не смогли преследовать их далеко, боясь, что сами попадут в руки вражеских эскортов, чье приближение уже слышалось. Однако мои кавалеристы захватили двух вражеских офицеров. От них мы, правда, не смогли получить никаких сведений, но позже я узнал от моего друга барона Штока, полковника гвардии великого герцога Гессен-Дармштадского, что в числе офицеров, которые чуть не попали в руки французов около Шведского редута, были русский император Александр и прусский король. Конечно, взятие их в плен изменило бы судьбы Европы, однако случай решил иначе, и мне оставалось только тихо отступить со всеми моими кавалеристами в направлении основных сил французской армии.

16 октября в 8 часов утра батареи союзников дали сигнал

атаки. По всей линии началась ожесточенная канонада, и армия союзников во всех пунктах выступила против нас. Сражение началось на нашем правом фланге, где поляки под натиском пруссаков оставили деревню Маркклееберг. В центре нашей позиции русские и австрийцы *шесть раз* атаковали Вахау и Либертвольквиц, однако каждый раз получали отпор и несли большие потери. Император, несомненно, сожалел о том, что утром ему пришлось оставить Шведский редут, сразу занятый неприятелем. Теперь их артиллерия с этой позиции осыпала градом ядер наши позиции. Наполеон приказал вновь овладеть этим холмом, что и было очень быстро исполнено 22-м линейным полком при поддержке моего полка.

После этого первого успеха император не имел возможности нанести удары по флангам вражеской армии. Фронт неприятеля состоял из многочисленных войск и представлял собой очень протяженную боевую линию. Император решил атаковать крайние фланги, пытаясь одновременно прорвать вражеский центр. Во исполнение этого решения он направил на Вахау маршала Мортье с двумя пехотными дивизиями и маршала Удино с Молодой гвардией. Генерал Друо с шестьюдесятью орудиями поддержал эту удачную атаку.

Со своей стороны выступил со своими дивизиями маршал Виктор, принудивший к отступлению русский корпус под командованием принца Евгения Вюртембергского, но после значительных потерь этот корпус присоединился к своим близ местечка Госса. В этот момент генерал Лористон и маршал Макдональд вышли из Лебертвольксвица, опрокинули врага, и французские полки овладели лесом Гросспёсна. При атаке на этот важный населенный пункт был ранен генерал Мезон.

Напрасно многочисленная австрийская кавалерия генерала Кленау при поддержке казачьего полка пыталась повернуть ход сражения в свою пользу. Она была разбита и обращена в панику кавалерийским корпусом генерала Себастьяни. Сражение стало очень ожесточенным. Мой полк принял в нем участие. Я потерял нескольких человек, и мой первый эскадронный начальник г-н Позак был ранен ударом копья в грудь, потому что не счел нужным защитить ее, как это требовали правила, скаткой из кавалерийского плаща.

Однако князь Шварценберг при виде того, что линия его войск прорвана в нескольких местах, вывел вперед свои резервы в поддержку основных сил. Это заставило императора дать приказ о большой кавалерийской атаке, в которой приняли участие два корпуса: Келлермана, Латур-Мобура и гвардейские драгуны. Келлерман опрокинул дивизию русских кирасир, но с фланга его

атаковала другая вражеская дивизия, поэтому Келлерману пришлось отступить на высоты Вахау, захватив несколько неприятельских знамен.

Тогда король Мюрат вывел вперед французскую пехоту, и сражение возобновилось. Русский корпус принца Вюртембергского сразу был опрокинут и потерял 26 орудий. В результате такого оборота событий центр вражеской армии был смят и вот-вот был бы прорван, но русский император, видя такое несчастье, быстро вывел вперед многочисленную кавалерию своей гвардии. Русские кавалергарды[148] встретили эскадроны Латур-Мобура, находившиеся в некотором беспорядке, который всегда бывает после серьезной атаки, и, в свою очередь, вражеские кавалеристы смяли эти французские эскадроны и отняли у французов 24 пушки, только что захваченные нами. Именно во время этой атаки генерал Латур-Мобур потерял ногу, оторванную ядром[149].

Однако ни одна из сторон не получила решающего перевеса в сражении, поэтому Наполеон, чтобы ускорить победу и привлечь ее на свою сторону, бросил против вражеского центра свой резерв, состоявший из пехоты и кавалерии Старой гвардии и из свежих войск, пришедших от Лейпцига. В этот самый момент один полк вражеской кавалерии, который проник или случайно оказался во французских тылах, внес некоторое беспокойство в наши колонны, находившиеся на марше. Наши войска остановились и образовали каре, чтобы не быть захваченными врасплох. Еще до того, как причина этой тревоги стала известна, ночь заставила прекратить сражение.

На крайнем правом фланге французских войск происходили и другие важные события. В течение всего дня генерал Мерфельд напрасно пытался захватить переправу через Пляйссе, которую защищал корпус Понятовского. Однако к концу дня Мерфельду удалось захватить деревню Дёлиц, что начало угрожать нашему правому флангу. Но пешие егеря Старой гвардии под командованием генерала Кюриаля прибежали из резерва, чтобы принять участие в этой стычке. Они отбросили австрийцев за реку и захватили несколько сот пленных, среди них был и генерал Мерфельд, уже в третий раз попавший в руки французов.

Хотя поляки и отдали врагу Дёлиц, император, чтобы поднять их моральный дух, счел своим долгом дать жезл маршала Франции их командующему князю Понятовскому, но он, однако, недолго имел честь носить этот жезл.

На другом берегу речки Эльстер австрийский генерал Дьюлаи после ожесточенного семичасового сражения захватил деревню Линденау. Император, узнав об этом важном событии,

угрожавшем линии отступления основной массы его войск, приказал атаковать Линденау генералу Бертрану. Атака была очень внезапной и решительной, и местечко было вновь захвачено французами после штыкового боя.

На нашем левом фланге нетерпение маршала Нея чуть не привело к великой катастрофе. Этот маршал, командовавший левым флангом, который был под непосредственным руководством императора, заметил, что в 10 часов утра никакие войска противника перед ним не появились, и поэтому собственной властью послал под командованием генерала Суама один из своих корпусов в Вахау, где, как ему казалось, решалась судьба сражения. Однако во время этого необдуманного маневра Блюхер появился перед нашими войсками с большими силами и захватил деревню Мёккерн. Тогда Ней, чьи войска уменьшились из-за того, что он отправил один из корпусов в Вахау и теперь в своем распоряжении имел только корпус Мармона, был вынужден вечером отступить до стен Лейпцига и ограничиться только защитой Галлеского предместья.

В этих боях французы потеряли очень много солдат, что значительно ухудшило моральный дух армии. Полки были размещены перед Лейпцигом или с двух сторон от него и слышали пушечные и ружейные выстрелы позади себя. Однако к восьми часам вечера сражение полностью прекратилось с обеих сторон, и ночь прошла спокойно.

Глава XXIX

Напрасная попытка заключить перемирие. — Сражение 18 октября. — Бернадотт сражается против нас. — Предательство саксонцев. — Верность короля Вюртемберга. — Сомнительные результаты сражения

После этого первого дня боев результаты сражения оставались сомнительными. Казалось, что победа была скорее на стороне французов, поскольку, имея намного меньше сил, они не только устояли перед армиями коалиции, но и заставили их отступить с части территории, которую те занимали накануне.

Войска обеих сторон готовились возобновить сражение на следующее утро, но вопреки ожиданиям день 17 октября прошел без особых столкновений и активных действий как с той, так и с другой стороны. Союзники ждали прибытия русской армии Беннигсена, а также войск, которые вел с собой шведский наследный принц Бернадотт. Это должно было намного увеличить их силы.

Со своей стороны, Наполеон, сожалея, что не сумел воспользоваться предложениями о мире, какие ему делали за два месяца до Лейпцигской битвы во время перемирия, надеялся получить кое-какие результаты от мирных предложений, которые он предыдущей ночью направил к государям союзников. Эта миссия была возложена на австрийского генерала графа Мерфельда, только что взятого в плен.

Иногда происходят весьма странные серии событий. Граф Мерфельд 16 лет назад просил генерала Бонапарта, в то время командующего Итальянской армией, о заключении знаменитого Леобенского перемирия. Именно граф Мерфельд привез в Вену мирный договор, заключенный между австрийским правительством и Директорией, которую представлял генерал Бонапарт. Именно он в ночь Аустерлицкого сражения передал французскому императору предложение о перемирии от австрийского императора, и теперь странности судьбы вновь привели генерала Мерфельда к Наполеону в тот момент, когда Наполеон, в свою очередь, испытывал необходимость заключения перемирия и мира. Император улыбнулся, надеясь, что такой посредник, как Мерфельд, снова принесет ему желаемый результат. Однако дела зашли слишком далеко, для того чтобы союзники согласились вести переговоры с Наполеоном. Само по себе предложение, сделанное Наполеоном, уже выдавало его сильное беспокойство за исход сражения. Поэтому, хотя союзники

и не сумели победить нас в битве 16 октября, они не утратили надежду добиться ее в результате новых усилий своих дивизий, превосходивших нас по численности. Враг очень рассчитывал также на предательство немецких войск, еще находившихся в составе нашей армии. Командиры этих войск были членами тайного общества *Тугенбунд*. Они воспользовались отдыхом, предоставленным всем подобием перемирия 17 октября, и сосредоточились на обдумывании того, каким образом они смогли бы осуществить свое низкое предательство. Миссия графа Мерфельда не удалась, ему даже не был дан ответ.

18 октября с самого утра армия коалиции начала против нас атаку. 2-й армейский кавалерийский корпус, в состав которого входил мой полк, находился, как и 16 октября, между Либертвольвицем и Кольмбергом (или Шведским редутом). Сражение началось сразу во всех пунктах, но особенно ужасным оно было в нашем центре, возле деревни Пробстхайда, атакованной одновременно русским и прусским корпусами. Оба эти корпуса были отбиты, но наши потери оказались громадными. Во всех пунктах происходили ожесточенные бои. Русские атаковали Хольцхаузен, который Макдональд успешно защитил.

Примерно в 11 часов позади Лейпцига со стороны Линденау послышалась канонада, и с тало известно, что в этом пункте наши войска только что прорвали кольцо врага. Стало известно также, что корпус генерала Бертрана двигается на Вайсенфельс в направлении Рейна, и враг не смог помешать этому наступлению. Тогда император приказал отвести войска, находившиеся возле Лютцена.

Однако Лейпцигское плато возле Конневица и Дёлица оказалось театром очень ожесточенных военных действий. Земля дрожала от ураганного огня сотен пушек. Враг был отброшен, хотя полякам и не удались некоторые штыковые атаки.

Тогда, видя, что австрийские и прусские эскадроны идут на помощь своим союзникам, 1-й корпус французской кавалерии вышел из деревни Пробстхайда и, атаковав врага, отбросил его и преследовал до местоположения резервов, которые привел русский великий князь Константин. Союзники, имевшие в этом пункте еще достаточно сил, объединились, чтобы вернуть себе Пробстхайду. Однако вражеские массы были столь хорошо встречены несколькими пехотными полками наших дивизий, а также пехотой Старой гвардии, что быстро отступили. Мы потеряли в этих боях генералов Виаля и Рошамбо. Император незадолго до этого провозгласил генерала Рошамбо маршалом Франции[150].

Шведский кронпринц Бернадотт еще не участвовал в боях против французов. Говорят, что в тот момент он, казалось, еще не принял окончательного решения. Но, наконец, под влиянием уговоров и даже угроз Блюхера он решился переправиться через Парту выше деревни Мокау во главе шведских войск и русского корпуса, находившегося под его командованием[151]. Когда бригада саксонских гусар и улан, стоявшая возле этого пункта, увидела, как на нее движутся казаки, шедшие впереди Бернадотта, эта бригада как будто бросилась на них в атаку. Однако подлые саксонцы тут же повернули назад, и, забыв, какой опасности они подвергали своего старого короля, нашего союзника, находившегося среди наполеоновских частей, они обернули свои ружья и пушки против французов!

Головная колонна армии, находившейся под командованием Бернадотта, двигалась по левому берегу Парты в направлении Зеллерхаузена. Этот населенный пункт защищал Рейнье. Генерал Рейнье, чей армейский корпус почти целиком состоял из немецких воинских контингентов, был свидетелем того, как дезертировала саксонская кавалерия, поэтому он с подозрением относился и к саксонской пехоте, которую он поместил около французской пехотной дивизии генерала Дюрютта. Французы должны были надзирать за саксонской пехотой. Однако маршал Ней был слишком доверчив и приказал генералу Рейнье развернуть саксонские батальоны и отправить их на поддержку французского полка, защищавшего деревню Паунсдорф. Но едва саксонцы оказались на некотором расстоянии от французских линий, как, заметив на равнине вокруг Паунсдорфа прусские знамена, они бросились в этом направлении во главе со своим командиром, недостойным генералом Русселем. Несколько французских офицеров, которые не смогли понять подобное предательство, думали, что саксонцы собирались атаковать пруссаков. Поэтому генерал Грессо, начальник штаба Рейнье, бросился к ним, дабы умерить то, что считал избытком пыла саксонцев, но он обнаружил перед собой только врагов! Подобное предательство со стороны наших союзников привело к образованию ужасной пустоты в самом центре французской армии. И, кроме того, это предательство сильно подняло дух союзников. В довершение всего вюртембергская кавалерия сразу же последовала примеру саксонцев.

Бернадотт не только принял в свои ряды вероломных саксонцев, но и потребовал помощи их артиллерии, для того чтобы усилить действие собственной. Он даже уговорил английского представителя при главной квартире союзников одолжить ему ракетную батарею, которую тот привез с собой.

Бывший маршал Франции приказал направить эту батарею против французов.

Едва саксонский корпус оказался во вражеских рядах, как он подтвердил свое предательство, начав против нас общую канонаду всей своей артиллерией. Командующий этой артиллерией, оказавшись среди русских, воскликнул, что после того, как он истратил половину своих боеприпасов для французов, теперь остаток этих боеприпасов он израсходует против них! И действительно, он засыпал нас градом ядер, из которых значительную часть получил мой полк. Я потерял при этом около 30 моих людей, среди них был капитан Бертен, один из самых замечательных офицеров: ему снесло голову ядром.

И это был Бернадотт — француз, человек, которому его французская кровь принесла корону! Это он наносил нам таким образом последний удар!

Среди всего этого поголовного предательства король Вюртемберга оказался благородным исключением, потому что, как я уже говорил, он предупредил Наполеона, что обстоятельства вскоре заставят его покинуть лагерь императора. Но даже после того, как он принял это крайне важное решение, при его выполнении он использовал самые благородные методы, приказывая тем из его частей, какие находились по соседству с ним, начинать действия против французов, только объявив им об этом за 10 дней. Даже став врагом Франции, вюртембергский король изгнал из своей армии генерала и многих офицеров, которые увели свои войска в ряды пруссаков во время битвы при Лейпциге, и отобрал все награды у полков-перебежчиков.

Тем временем Пробстхайда продолжала оставаться местом самых кровавых боев. Старая гвардия, развернутая позади этой деревни, готова была лететь на помощь ее защитникам. Прусский корпус под командованием Бюлова попытался продвинуться вперед, но был раздавлен. Однако в этом бою мы потеряли храброго генерала Дельмаса — достойного воина и одного из самых благородных людей. Поссорившись с Наполеоном, с момента создания Империи, он провел 10 лет в отставке, но попросил вновь принять его на службу, как только увидел, что родина в опасности.

Посреди ужасной канонады и ожесточенных атак противника французы по всей линии не уступали свои позиции. Так, на левом фланге маршал Макдональд и генерал Себастьяни сохранили за собой территорию, расположенную между населенными пунктами Пробстхайда и Штёттериц, несмотря на многочисленные атаки австрийцев под командованием Кленау и русских под командованием Дохтурова. Внезапно наши войска, размещенные

в этом пункте, были атакованы массой всадников из более чем 20 тысяч казаков и башкир. Усилия башкир в основном были направлены против кавалерийского корпуса генерала Себастьяни.

В мгновение ока эти мерзкие варвары с громкими криками окружили наши эскадроны и забросали их стрелами, которые, впрочем, не принесли нам особого вреда, потому что башкиры, не умеющие подчиняться никаким командам, не знали, как строиться в ряды, и в шуме и беспорядке двигались как стадо баранов. Из-за этого беспорядка башкирские всадники не могли стрелять горизонтально, не убивая и не раня своих же товарищей, скакавших перед ними, Поэтому башкиры пускали свои стрелы по дуге в воздух, и стрелы при этом описывали большую или меньшую кривую, в зависимости от того, насколько удаленным от себя лучники считали врага. Однако такой способ пускать стрелы во время боя не позволяет точно прицеливаться, поэтому 9/10 стрел падают впустую, а то небольшое количество, какое достигает противника, при подъеме уже теряет почти всю силу, что сообщает стреле тетива лука. Поэтому, когда стрела попадает в цель, она имеет лишь силу собственного веса, а он совсем невелик, из-за этого стрелы обычно наносили только очень легкие ранения. И, наконец, поскольку у башкир не было никакого другого оружия, они были самой неопасной воинской частью, какая только существует в мире.

Тем не менее они налетали на нас массами, и поскольку чем больше ос убивают, тем больше прилетает новых, то некоторое количество стрел, выпускаемых в воздух, все же наносило кое-какие тяжелые ранения. Так, один из самых смелых моих унтер-офицеров по фамилии Меслен был пронзен стрелой насквозь. Стрела вошла в грудь и вышла из спины! Бесстрашный Меслен схватил эту стрелу двумя руками, сломал ее и сам вырвал оба обломка стрелы из своего тела. Однако это не могло его спасти: он скончался через несколько мгновений. Мне кажется, это был единственный пример смерти от стрелы, пущенной башкиром. Однако среди моих людей и лошадей многие все же слегка пострадали, и даже сам я был неопасно ранен этим смехотворным оружием.

У меня в руке была сабля. Я отдавал приказы одному из офицеров и протянул руку, чтобы указать ему пункт, куда он должен был направляться, как вдруг почувствовал, что моя сабля встретила какое-то странное сопротивление, одновременно я ощутил слабую боль в правом бедре. Оказалось, что из него торчит стрела длиной в 4 фута, вошедшая на палец в мое тело. В пылу боя я не заметил, как эта стрела попала в меня. Я приказал доктору Паро извлечь эту стрелу и спрятать в один из ящиков

полкового лазарета, потому что хотел сохранить эту стрелу на память. Мне очень жаль, что она потерялась.

Вы хорошо понимаете, конечно, что, будучи ранен столь легко, я не собирался покидать полк, тем более что момент был критический… И в самом деле, подкрепления, приведенные Бернадоттом и Блюхером, яростно атаковали селение Шёнефельд, расположенное недалеко от того места, где речка Парта «втекает» в город Лейпциг. Генералы Лагранж и Фридрикс, защищавшие этот важный пункт, отбили *семь атак* и семь раз выбивали противника из домов, которые он занимал. В этом бою был убит генерал Фридерикс. Это был великолепный, очень смелый офицер. Он, помимо своих высоких моральных качеств, отличался тем, что был самым красивым мужчиной во всей французской армии.

Тем временем, враги вот-вот могли стать хозяевами Шёнефельда, когда маршал Ней примчался на помощь этой деревне, и она осталась в руках французов. Маршал Ней был контужен в плечо, что заставило его оставить поле боя.

С наступлением ночи обе армии на основном протяжении линии фронта оставались на тех же позициях, как и в начале сражения. В тот вечер кавалеристы моего полка, а также кавалеристы всех остальных полков генерала Себастьяни привязали своих лошадей к тем же коновязям, какие служили им за три дня до этого. Почти все батальоны заняли те же самые бивуаки. Таким образом, результат подобной битвы был неопределенным, хотя враги и праздновали свой успех. Причиной этой неопределенности было то, что мы не сдали *ни пяди своих позиций,* несмотря на то что уступали противнику в численности и против нас шли почти все народы Европы. Кроме того, в наших рядах оказалось множество предателей!

Английский генерал сэр Роберт Вильсон, находившийся в Лейпциге в качестве британского представителя, чьи свидетельства нельзя даже заподозрить в симпатии к нам, говорит следующее об этой битве: «Несмотря на предательство саксонской армии в разгар боя, несмотря на огромную, постоянную смелость войск союзников, им не удалось отнять у французов *ни одну* из деревень, которые те хотели удержать в связи с важностью этих населенных пунктов для сохранения ими своих позиций. Ночь завершила все действия, принеся французам, особенно защитникам деревни Пробстхайда, славу, поскольку они сумели внушить противнику благородную зависть!»

После захода солнца, в тот момент, когда темнота начинает опускаться на землю, я получил приказ прекратить по всей линии расположения моего полка бесполезную стрельбу, которая обычно

следует за серьезными столкновениями. В таких случаях не без труда удается разнять противников, только что сражавшихся друг с другом, и приказать стрелкам прекратить огонь и собраться, чтобы присоединиться к своим полкам. Нельзя сделать это, используя барабаны или трубу, поскольку враг при этом, узнав о распоряжении прекратить огонь, смог бы воспользоваться моментом и неожиданно атаковать наши передовые посты. В такой ситуации надо отдавать приказы командирам взводов, а те, в свою очередь, посылают унтер-офицеров добираться в тишине до своих постов. Враг действует таким же образом, вскоре стрельба постепенно замолкает и в конце концов полностью прекращается.

Дабы убедиться, что ни один часовой не забыт где-нибудь на поле боя и что отход к бивуаку проходит в полном порядке, я обычно приказывал командовать этим отходом какому-нибудь капитану. В тот вечер данная задача выпала на долю человека по имени Жоли. Это был образованный, очень способный и очень смелый воин, однако он отличался некоторым упрямством. Его упрямство проявилось уже за несколько месяцев до сражения при Лейпциге, когда ему было поручено распределить среди офицеров конское пополнение. Этих лошадей император подарил тем офицерам, кто участвовал в Русской кампании. Несмотря на мои замечания и на замечания его собственных друзей, г-н Жоли выбрал для себя великолепную белую лошадь. От нее и я, и все мои товарищи отказались именно из-за того, что она была слишком заметной. Я поначалу отдал ее трубачу. Так вот, вечером 18 октября в тот момент, когда г-н Жоли, выполняя свои обязанности, двигался шагом позади линии стрелков, его белая лошадь была так хорошо видна противнику, несмотря на темноту, что и лошадь, и ее хозяин были серьезно ранены. Капитан получил сквозное пулевое ранение. Он умер в ту же ночь в одном из домов Галлеского предместья, куда накануне я приказал перевезти майора Позака.

Рана последнего была неопасной, однако он был огорчен мыслью о том, что французская армия, скорее всего, уйдет, а он останется пленником противника и враги отнимут у него почетную саблю, подаренную ему первым консулом после битвы при Маренго, когда Позак был всего лишь унтер-офицером. Я постарался успокоить его, взяв на себя заботу об этой славной сабле. Один из полковых хирургов привез ее во Францию, и, когда Позак вернулся на родину, он вновь обрел свое почетное оружие.

Глава XXX

Критическое положение. — Недостаток предусмотрительности при организации отступления. — Прощание с королем Саксонии. — Излишнее великодушие Наполеона. — Союзники входят в Лейпциг. — Преждевременное разрушение моста через Эльстер. — Какова была судьба моего полка

Наконец ужасное сражение, свидетелем которого были поля, окружавшие Лейпциг, сменилось ночным покоем. Тогда командование обеих сторон смогло рассмотреть свое положение. Позиция императора Наполеона была крайне неблагоприятной: действительно, этого великого человека уже ругали за то, что он не отступил за Заале за неделю до битвы, когда еще мог спасти свою армию, вокруг которой несравненно более многочисленные вражеские силы готовы были сомкнуть свое железное кольцо. С тем большим основанием многие военные не одобряли операции императора, когда под Лейпцигом он дал полностью окружить себя на поле сражения вражеским войскам.

18 октября в 11 часов утра австрийский корпус Лихтенштейна овладел деревней Клейнцшохер на левом берегу Эльстера, и в какой-то момент дорога из Лейпцига в Вайсенфельс, остававшаяся единственным путем отступления для французской армии, была перерезана, и вся армия Наполеона оказалась полностью окружена.

Правда, эта критическая ситуация сохранялась на протяжении всего лишь получаса, но не было ли неосторожностью подвергать себя риску ужасных событий, которые могли бы за этим последовать? Не было ли более разумным для главы нашей армии «спрятать» ее за горами Тюрингии и за рекой Заале до того, как вражеские силы сомкнутся, чтобы окружить французскую армию?

Мы подходим к критическому моменту. Французы сохраняли свои позиции в течение всех трех дней, что длилась битва, но этот моральный успех был достигнут лишь ценой громадного кровопролития. Французы потеряли около 40 тысяч человек убитыми и ранеными. Правда, противник потерял не менее 60 тысяч человек. Разница огромна и не в пользу врага. Эти потери можно объяснить исключительно бестолковым упрямством, с каким они атаковали деревни, где мы укрепились. Но поскольку количество людей в армиях союзников было неизмеримо больше, чем во французской, то наши войска, потеряв 40 тысяч бойцов,

были, соответственно, больше ослаблены, чем войска противника. Добавим к этому, что французская артиллерия в течение трех дней сделала 220 тысяч выстрелов. Из этого числа 95 тысяч выстрелов было сделано 18-го числа. Запасы зарядов подходили к концу, их оставалось всего лишь на 16 тысяч выстрелов. Такое количество выстрелов может быть произведено во время боя всего за два часа. Недостаток зарядов можно было предвидеть еще до того, как мы столь далеко отошли от наших границ, тем более воюя против неизмеримо больших сил противника. Все это вместе делало для Наполеона невозможным продолжение сражения, которое он, может быть, и выиграл бы. По всем этим причинам ему пришлось решиться отдать приказ об отступлении.

Выполнение этого приказа было крайне трудным. Причиной тому оказалась сама местность, занятая нами. На этой территории было очень много сырых лугов, ручьев, протекало три реки, и поэтому вся местность представляла собой множество отдельных небольших переправ, передвижение через которые должно было осуществляться на глазах противника и на небольшом расстоянии от него. Враг мог легко внести сумятицу в наши ряды во время этого губительного марша.

Единственный способ обеспечить наше отступление состоял в том, чтобы навести очень большое количество однопролетных мостов через болотистые луга, рвы, небольшие ручьи, а также несколько более крупных мостов через реки Парта и Пляйссе и главным образом Эльстер, в который притоки впадают при входе в Лейпциг и даже в самом городе. Ничего не было легче, как построить столь необходимые мосты, потому что в самом городе Лейпциге и в его пригородах, расположенных на расстоянии ружейного выстрела, было огромное количество балок, досок, брусьев и т. п.

Вся армия была уверена, что многочисленные переправы уже были построены, начиная с момента ее прибытия к Лейпцигу, а также в том, что количество этих переправ было увеличено 16-го и особенно 17 октября, ведь 17-го весь день прошел практически без боев. Так вот! По причине неблагоприятного стечения обстоятельств и невероятной небрежности никакие меры не были приняты! И среди документов этой знаменитой битвы нельзя найти ничего, *абсолютно ничего официального,* никакого документа, из которого бы следовало, что были приняты хоть какие-то меры для того, чтобы в случае отступления облегчить передвижение многочисленным колоннам, двигающимся через реки и ручьи, а также через улицы Лейпцига и его пригороды. Ни один из офицеров, спасшихся после этой катастрофы, и ни один из авторов не сумели доказать, что командиры что-либо сделали

для создания новых переправ и для организации передвижения по тем, какие уже существовали. Только генерал Пеле, по справедливости являющийся очень большим почитателем Наполеона, писал спустя 15 лет после сражения, что «г-н Отье, заместитель инспектора смотров, т. е. заместитель интенданта Императорской гвардии, много раз говорил, что однажды утром (он не уточняет, утром какого дня) в его присутствии император отдал приказ *одному* из штабных генералов проследить за строительством мостов и специально поручил ему эту работу». Генерал Пеле не сообщает фамилию офицера, которому император отдал этот приказ, однако было бы очень важно узнать это имя.

В своих «Мемуарах» г-н Фэн — секретарь Наполеона — говорит, что «император приказал построить несколько новых мостов, которые могли бы облегчить проход войск».

Я не знаю, до какой степени истинными сочтет история эти посмертные утверждения, но, считая их правдивыми, многие авторы думают, что командующий французской армией не должен был бы ограничиться тем, что он *отдал приказ одному штабному генералу,* в чьем распоряжении, возможно, не было ни саперов, ни необходимого материала. Эти авторы полагают, что император должен был бы поручить создание новых переправ *многим* офицерам, по крайней мере, одному от каждого полка в каждом армейском корпусе. Дело в том, что точно известно: никто не стал этим заниматься. И вот какова истинная причина произошедшего. В то время эта причина стала известна лишь очень немногим.

Начальником штаба императора был маршал Бертье, не покидавший Наполеона со времен знаменитой Итальянской кампании 1796 года. Это был способный человек, очень точный, преданный, однако он часто испытывал на себе приступы императорского гнева и поэтому так боялся Наполеона, что взял за правило никогда не брать на себя инициативу, не задавать никаких вопросов и ограничиваться исполнением приказов, которые он получал в *письменной форме.* Эта система, обеспечивавшая хорошие отношения между начальником штаба и императором, была крайне вредна с точки зрения интересов армии. Дело в том, что, несмотря на огромную активность и великие способности Наполеона, физически он был не в состоянии видеть все и заниматься всем, поэтому если он забывал что-то важное, то ничего и не делалось.

Похоже, именно это и произошло при Лейпциге, где почти все маршалы и генералы, командовавшие корпусами, многократно и особенно на протяжении двух последних дней повторяли

маршалу Бертье, сколь необходимым было устройство многочисленных переправ для обеспечения отступления в случае поражения. Начальник штаба все время отвечал им: «Император этого не приказывал!» От него ничего не удалось добиться, и поэтому ни единая балка, ни единая доска не были перекинуты через ручьи, когда в ночь с 18-го на 19 октября император приказал начать отступление.

Союзники понесли такие большие потери, что, чувствуя невозможность вновь начинать сражение, они не осмеливались снова атаковать нас и сами готовы были к отступлению, как вдруг заметили, что большие армейские обозы направились к Вайсенфельсу через Линденау. Тогда они поняли: Наполеон готовится к отступлению, и сами начали приготовления к тому, чтобы воспользоваться теми благоприятными возможностями, какие им могло предоставить это передвижение французской армии.

Самым ужасным моментом при отступлении, особенно для командиров корпусов, является минута, когда надо расставаться с ранеными, которых приходится оставлять на милость врагов, а враги часто совершенно безжалостны и грабят либо приканчивают несчастных тяжелораненых, поскольку они не могут двигаться вместе с остальными. Но хуже всего — это оставлять раненых валяться на поле боя. Я воспользовался ночью, чтобы приказать моим солдатам собрать всех раненых нашего полка. Я собрал их в двух соседних домах, прежде всего для того, чтобы в первый момент укрыть их от ярости пьяных врагов, которые займут этот пункт, а во-вторых, для того, чтобы дать им возможность помогать и поддерживать друг друга морально. Один младший хирург, г-н Борденав, предложил оставить его вместе с ранеными. Я согласился и после заключения мира добился награждения этого уважаемого доктора орденом Почетного легиона. Его заботы спасли жизнь многим солдатам.

Тем временем корпуса пришли в движение, чтобы покинуть поле битвы, ставшее свидетелем их славы и залитое кровью наших храбрецов! Император Наполеон оставил свой бивуак в 8 часов вечера, въехал в город и остановился в гостинице на бульваре Конского рынка. Отдав несколько приказаний, Наполеон отправился с визитом к уважаемому королю Саксонскому. Он нашел его за приготовлениями к отъезду.

Этот король был нашим другом. Он был уверен, что монархи-союзники отнимут у него его королевство, чтобы наказать его за непоколебимую преданность по отношению к французскому императору. Но больше всего огорчала его мысль о том, что его собственная армия *обесчестила* себя, перейдя на сторону врага.

Наполеон не мог утешить этого достойного старца и лишь с большим трудом убедил его остаться в Лейпциге, в своем государстве, и послать одного из своих министров к союзникам, чтобы попросить о мирном соглашении.

После того как этот посланник отбыл, император простился со престарелым королем Саксонии, с его супругой и с принцессой — их дочерью, являвшейся прекрасным образцом всех достоинств дочери и аристократки. Эта храбрая юная девушка последовала за своими родителями на поле битвы, под огонь вражеских пушек. Разлука была тем более трогательной, что стало известно: союзники отказываются брать на себя какие-либо обязательства относительно будущей судьбы саксонского монарха… Так что этот король вскоре должен был оказаться в их власти… А он владел такими прекрасными провинциями… Сколько причин для того, чтобы его враги оказались безжалостными!

Примерно в 8 часов вечера началось отступление. Впереди шли корпуса маршалов Виктора и Ожеро, лазареты, часть артиллерии, кавалерия и Императорская гвардия.

В то время как эти войска проходили через пригород Линденау, мар шалы Ней, Мармон и генерал Рейнье охраняли Галлеское и Розентальское предместья. Корпуса Лористона, Макдональда и Понятовского вошли друг за другом в город и остановились внутри укреплений, в стенах которых были бойницы. Диспозиция предписывала нашему арьергарду оказывать упорное сопротивление, что позволило бы армии отступать в полном порядке. Тем не менее Наполеон, желая спасти город Лейпциг от того ужаса, который всегда сопровождает уличные бои, разрешил городскому магистрату обратиться к союзным монархам с просьбой заключить перемирие на несколько часов, чтобы обеспечить эвакуацию города. Это филантропическое предложение было отклонено, и союзники в надежде на то, что во французском арьергарде случится неразбериха, а они воспользуются беспорядком, без колебаний подвергли полному разрушению один из самых больших и красивых городов Германии!

Именно в этот момент многие возмущенные французские генералы предложили императору обеспечить отступление армии, собрав ее внутри города, и поджечь его пригороды, за исключением пригорода Линденау, через который наши войска будут выводить из Лейпцига, в то время как пожары приостановят продвижение неприятеля.

Я думаю, что отказ противника на то, чтобы отступление осуществлялось без боя, давал нам право использовать любые возможные способы защиты. В подобных случаях самым

надежным был огонь, и поэтому мы должны были бы воспользоваться им. Однако Наполеон отказался, и его излишнее великодушие стоило ему короны, потому что возобновившееся сражение заставило его потерять почти столько же людей, сколько он потерял в только что закончившейся трехдневной битве. Следующее сражение оказалось для нас даже более губительным, потому что оно внесло дезорганизацию в ряды армии. Без этого нового боя армия могла бы дойти до Франции, еще сохраняя свое могущество. Впрочем, ожесточенное сопротивление, оказанное нашими немногочисленными отрядами армии союзников в течение трех последующих месяцев, в достаточной степени продемонстрировало, что мы могли бы сделать, если бы все французские воины, уцелевшие в большом сражении, перешли через Рейн, сохранив оружие и порядок! Франция, возможно, избежала бы вторжения.

Но все оказалось совсем иначе. В то время как Наполеон, движимый слишком рыцарским великодушием, а оно, с моей точки зрения, в данных обстоятельствах заслуживало порицания, отказался отдать приказ о сожжении города, что должно было бы обеспечить отступление части его армии, наследный принц Швеции, презренный Бернадотт, *слегка* порицая ожесточение, проявленное его новыми друзьями в убийстве французов, бывших его соотечественников, двинул все войска, находившиеся под его командованием, против Таухского предместья Лейпцига, овладел этим предместьем и вышел на бульвары и улицы города.

Действуя по его примеру, Блюхер и его пруссаки, а также русские и австрийцы проделали то же самое, атакуя со всех сторон тылы французских колонн, отступавшие по направлению к мосту Линденау. И, наконец, в довершение всего ожесточенная стрельба возникла возле этого моста через Эльстер. Это был единственный мост, остававшийся в распоряжении наших войск! Это стреляли батальоны саксонских гвардейцев. Будучи оставленными в городе при своем короле и сожалея, что не смогли дезертировать вместе с другими полками саксонской армии, они хотели теперь доказать свой *немецкий патриотизм*, атакуя *сзади* французов, проходивших по дворцовой площади, а во дворце была резиденция их монарха! Напрасно этот несчастный и достойный король вышел на балкон дворца и, стоя под пулями, кричал своим офицерам и солдатам: «Убейте меня, подлецы, трусы!.. Убейте вашего короля, чтобы он не был свидетелем вашего бесчестья!» Подлые саксонцы продолжали убивать французов! Тогда полный возмущения король Саксонии вернулся в свои апартаменты, схватил знамя своей гвардии и бросил его в огонь!

Низкой трусливой местью нашим солдатам в этих тяжелых обстоятельствах оказались действия одного баденского батальона, давно известного своей трусостью и по этой причине оставленного во время большого сражения в городе, чтобы рубить дрова, необходимые для выпечки хлеба! Эти подлые баденцы, скрывавшиеся за окнами и стенами громадной пекарни, тоже стреляли в наших солдат и убили очень многих! Однако французы смело сопротивлялись и защищались внутри домов. Хотя все союзнические армии уже вошли в город и заняли бульвары и главные улицы, наши войска, несмотря на громадные потери, оставляли свои позиции лишь пядь за пядью, отступая в полном порядке по направлению к большому мосту через Эльстер в Линденау.

Императору лишь с большим трудом удалось выбраться из города и прибыть в пригород, через который выходила наша армия. Он остановился и спешился на последнем мосту, называющемся «Мельничным». Только в этот момент Наполеон приказал заминировать большой мост. Отсюда император обратился к маршалам Нею, Макдональду и Понятовскому и приказал им удерживать город в течение еще одних суток или, по крайней мере, до ночи, чтобы дать возможность артиллерии, а также обозу и арьергарду время, необходимое, чтобы пройти через этот пригород и переправиться через мосты. Но едва император вновь сел на лошадь и вскачь помчался по дороге на Лютцен, как послышался ужасный взрыв!

Большой мост через Эльстер только что взлетел на воздух! Однако войска Макдональда, Лористона, Рейнье и Понятовского, а также свыше двухсот орудий еще находились на Лейпцигском бульваре, и они, таким образом, лишились единственного пути отступления! Катастрофа была полной и ужасной!

Для объяснения причин этой катастрофы позже было сказано, что прусские и шведские стрелки, которым баденцы открыли ворота Халле, подбирались все ближе и ближе к окрестностям моста, где они объединились с саксонскими гвардейцами и захватили несколько домов, откуда стреляли по французским колоннам. Видя все это, сапер, которому было поручено поджечь фитиль мины, обманутый этой перестрелкой, решил, будто враг приближается и наступил момент выполнить приказ и взорвать мост. Другие авторы приписывают эту прискорбную ошибку артиллерийскому полковнику по фамилии Монфор. Он, заметив нескольких вражеских стрелков, якобы по своей воле приказал взорвать мост. Эту последнюю версию принял император и приказал судить Монфора. Из него сделали, таким образом, *козла отпущения* за произошедшее фатальное событие. Однако позже

было доказано, что он не принимал в этом никакого участия.

Как бы то ни было, армейская молва еще раз обвинила начальника штаба в оплошности и совершенно резонно утверждала, что охрану моста он должен был бы поручить целой бригаде под командованием генерала, чтобы тот нес за защиту моста личную ответственность и должен был бы сам приказать поджечь фитиль тогда, когда счел бы, что наступил нужный для этого момент. Однако Бертье защищался, отвечая как обычно: «Император этого не приказывал!..»

После взрыва моста многие французы, отрезанные от пути к отступлению, бросились в Эльстер, чтобы его переплыть. Многим это удалось. Среди них был и маршал Макдональд. Но огромное количество наших солдат и офицеров, в том числе князь Понятовский, погибли, потому что, переплыв через реку, они не смогли взобраться на крутой берег реки, к тому же с противоположного берега в них стреляли вражеские пехотинцы.

Те из наших солдат, кто остался в городе и в его пригородах после взрыва моста, думали теперь лишь о том, как дороже продать свою жизнь. Они забаррикадировались в домах и мужественно сражались весь день и часть следующей ночи. Однако у них кончились патроны, поэтому они были захвачены неприятелем в своих импровизированных укреплениях и почти все убиты! Резня прекратилась лишь в два часа ночи!

В это время монархи-союзники, собравшиеся на большой городской площади, праздновали свою победу и обсуждали, что им оставалось сделать, чтобы закрепить ее результаты, Бернадотт был среди них.

Число французов, зверски убитых в домах, оценивают в 13 тысяч. 25 тысяч было взято в плен. Врагам досталось 250 пушек.

После рассказа об общих событиях, завершивших битву при Лейпциге, я считаю своим долгом рассказать о тех, в которых участвовали мой полк и остальные войска кавалерийского корпуса Себастьяни. На протяжении всех трех дней большого сражения мы отбили много вражеских атак и сохранили за собой наше поле битвы. Поэтому когда мы 18 октября вечером узнали, что из-за недостатка артиллерийских зарядов мы должны будем отступать, то наше удивление и огорчение были очень велики. Мы надеялись, по крайней мере, и кажется, именно таков был план императора, что наше отступление ограничится отходом за реку Заале возле крепости Эрфурт, где мы сможем восстановить наши запасы пороха и возобновить военные действия. 18 октября в 8 часов вечера мы сели на лошадей и покинули поле битвы, на коем мы сражались на протяжении трех дней и где мы оставили стольких своих несчастных и славных товарищей.

Как только мы оказались за пределами бивуака, мы сразу же испытали на себе неприятные последствия оплошности императорского штаба, абсолютно ничего не приготовившего, чтобы облегчить отступление столь многочисленной армии! Каждую минуту колоннам, особенно артиллерийским и кавалерийским, приходилось останавливаться, дабы переправиться через широкие рвы, болота и ручьи. Через них, однако, было бы так легко перебросить небольшие мостки! Колеса и ноги лошадей погружались в грязь. Ночь была очень темная, поэтому везде царили беспорядок и неразбериха, и наше продвижение было крайне медленным, пока мы находились на равнине и среди лугов. Часто движение еще более замедлялось, когда надо было проходить через пригороды и населенные пункты. Мой полк находился во главе колонны дивизии Экзельманса, открывавшей этот тягостный марш. Мы пришли к мосту Линденау только в 4 часа утра 19 октября. Переправившись через него, мы были далеки от того, чтобы предвидеть ужасную катастрофу, свидетелем которой этот мост оказался через несколько часов.

Наступил рассвет: широкая ровная дорога была покрыта многочисленными полками всех наших армий. Это говорило о том, что французская армия будет еще значительной, придя на берега реки Заале. Промчался император… Но, проезжая галопом мимо флангов колонны, он не услышал возгласов: «Да здравствует император!», какими обычно сопровождалось его появление перед войсками.

Армия была недовольна тем, что столь мало внимания было уделено обеспечению ее отступления после отъезда Наполеона с поля битвы. Что сказали бы войска, узнав о непредусмотрительности, проявленной при переправе через Эльстер, который сами они только что пересекли, но где столько их товарищей вскоре нашли смерть!

Мы услышали взрыв, разрушивший мост через Эльстер, во время нашей остановки в Маркранштедте, маленьком городке, расположенном на расстоянии 3 лье от Лейпцига. Однако вместо того, чтобы огорчиться, каждый из нас обрадовался, потому что мы не сомневались: мост был взорван уже после прохождения всех наших колонн, чтобы помешать движению врага.

Во время нескольких часов отдыха в Маркранштедте, не имея понятия о только что происшедшей на реке катастрофе, я смог внимательно осмотреть наши эскадроны и узнать о потерях, понесенных полком во время трехдневного сражения. Я пришел в ужас! Потери составляли 149 человек, из них 60 убитых, среди них 2 капитана, 3 лейтенанта и 11 унтер-офицеров. Это была

громадная цифра для полка в 700 человек, прибывшего на поле сражения утром 16 октября. Почти все раненые были ранены ядрами или ружейным огнем, что, к сожалению, давало очень мало надежды на их выздоровление. Возможно, мои потери были бы вдвое большими, если бы во время битвы я не принял мер предосторожности и не отвел, по мере возможности, мой полк от пушечного огня. Это заслуживает объяснения.

Существуют такие обстоятельства, когда генерал, каким бы человечным он ни был, оказывается перед неприятной необходимостью разместить свои войска на виду у противника, под огнем его артиллерии. Но очень часто случается и так, что некоторые командиры без всякой пользы выставляют свои войска в линию прямо перед батареями противника и не предпринимают никаких мер, чтобы избежать потерь. Однако эти меры иногда очень легко осуществить, особенно для кавалерии, которая благодаря скорости передвижения может в одно мгновение оказаться в той точке, где она необходима, и выстроиться желаемым образом. Подобные меры предосторожности оказываются наиболее необходимыми именно для крупных отрядов кавалерии и на больших полях сражений. Однако именно там этим занимаются меньше всего.

Так, 16 октября при Лейпциге Себастьяни, генерал, командовавший 2-м кавалерийским корпусом, поместил многочисленные эскадроны трех своих дивизий между деревней Вахау и деревней Либертвольквиц, примерно определив для каждого дивизионного генерала место, какое его дивизия должна была занимать. Дивизия Экзельманса оказалась на неровной местности, где тут и там виднелись небольшие холмы, лощины и овраги. Корпус образовывал линию значительной длины. Вражеская кавалерия находилась очень близко от нас и поэтому не могла захватить нас врасплох. Я воспользовался лощинами, расположенными на территории, где стояла наша бригада, чтобы спрятать в них полк. Таким образом, полк был защищен от артиллерийского огня, продолжая оставаться в строю готовым к бою, поэтому нам посчастливилось провести большую часть сражения, не потеряв ни единого человека, поскольку ядра пролетали над головами моих кавалеристов. В то же время соседние полки несли значительные потери. Я радовался, что сумел так удачно разместить мои эскадроны, как вдруг генерал Экзельманс под предлогом того, что каждый должен испытать свою долю опасности, приказал мне, несмотря на уговоры бригадного генерала, выдвинуть мой полк на сто шагов перед общей линией войска. Я повиновался, но спустя очень короткое время у меня был убит капитан Бертен и примерно 20 солдат

вышли из строя. Тогда я прибегнул к новой методе. Она состояла в том, чтобы выслать некоторых смелых кавалеристов вперед, расставив их на значительном расстоянии друг от друга, чтобы они стреляли из карабинов по вражеской артиллерии. В свою очередь, противник в ответ на это тоже выдвинул своих стрелков, и таким образом группы стрелков с обеих сторон оказались между двумя линиями войск, стреляя друг в друга. Поэтому вражеские канониры не могли вести огонь по моему полку из боязни убить кого-либо из своих собственных людей. Правда, подобное затруднение испытывали и наши канониры, но это молчание артиллерии с двух сторон в самом тихом месте сражения было полностью в нашу пользу, поскольку союзники обладали гораздо большим количеством пушек, чем французы. Впрочем, в эти минуты наша и вражеская пехота сражались за деревню Либертвольквиц, поэтому французская кавалерия и кавалерия противника должны были только дожидаться исхода этой ужасной битвы. Бесполезно было бы уничтожать кавалерию артиллерийским огнем, лучше всего было ограничиться перестрелкой. Стрелки большую часть времени *били по воробьям.* Моему примеру последовали все командиры полков и других бригад. Поскольку при этом неприятель, стоявший перед этими бригадами, тоже прекратил стрелять из пушек, жизнь многих людей была спасена. Можно было бы спасти еще больше, если бы генерал Экзельманс не приказал вернуть стрелков в цепи, что стало сигналом для артиллерии, и неприятель осыпал наши эскадроны градом ядер. К счастью, день близился к концу.

Это было вечером 16 октября. Все командиры полков 2-го кавалерийского корпуса сочли настолько хорошим подобный способ сохранения людей, что, с общего согласия, мы все использовали его в битве 18 октября. Когда враг стрелял из пушек, мы посылали вперед наших стрелков. Они могли бы захватить орудия противника, если бы это не было им запрещено, поэтому неприятель тоже вынужден был высылать своих стрелков против наших, и это парализовало артиллерию обеих сторон. Командиры вражеской кавалерии, стоявшей напротив нас, вероятно, разгадали и оценили те мотивы, которые заставляли нас действовать подобным образом. Они стали использовать тот же метод, так что на третий день сражения пушки, приписанные к кавалерии с обеих сторон, использовались гораздо меньше. Все это не мешало проводить друг против друга ожесточенные атаки, но целью этих атак было либо напасть на вражескую позицию, либо защитить свою. В таких случаях не приходится беречь себя, а артиллерийский обстрел на месте, когда обе кавалерии стоят друг против друга, служит лишь для того, чтобы бесполезно

убивать множество смелых людей. Вот этого Экзельманс не хотел понять, но поскольку он непрерывно скакал от одного фланга к другому, то, как только он уезжал от какого-либо полка, командир этого полка вновь высылал своих стрелков вперед, и пушки замолкали.

Все кавалерийские генералы, так же как и сам Себастьяни, были настолько убеждены в преимуществах этого метода, что Экзельманс наконец получил приказ не дразнить больше вражеских канониров, приказывая нашим пушкам стрелять в них, в то время когда наши эскадроны не должны были ни атаковать, ни отражать вражеские атаки.

Спустя два года я применил эту же систему при Ватерлоо по отношению к английской артиллерии и потерял значительно меньше людей, чем если бы действовал иначе. Но вернемся в Маркранштедт.

Глава XXXI

Я собираю возле Эльстера остатки нашей армии. — Расправа с пятьюстами вражескими бандитами. — Отступление к Заале. — Эрфурт. — Мюрат покидает армию. — Австрийцы и баварцы в Ханау. — Я форсирую Кинциг при Гельнхаузене. — Армия перед Ханау

Во время остановки, сделанной императором и его дивизиями, идущими из Лейпцига, стало известно об ужасном событии — взрыве моста в Линденау. Это событие лишило французскую армию почти всей ее артиллерии, и много наших солдат оказалось в плену. Тысячи наших раненых товарищей подверглись резне и были перебиты пьяной вражеской солдатней, которую толкали на убийство ее подлые офицеры! Скорбь была всеобщей! Каждый оплакивал родственника, друга, любимых товарищей! Император выглядел потрясенным. Однако он приказал кавалерии Себастьяни вернуться до моста в Линденау, чтобы принять и защитить отдельных людей, которые смогли бы в некоторых местах переправиться через реку после катастрофы, вызванной взрывом моста.

Чтобы побыстрей прийти им на помощь, мой полк и 24-й конно-егерский полк получили приказ двигаться на рысях впереди этой колонны. Генерал Ватье плохо себя чувствовал, поэтому я, будучи самым опытным командиром полка, заменил его в командовании всей бригадой.

Как только мы прошли половину расстояния, отделявшего нас от Лейпцига, мы услышали непрерывную пальбу. Подъехав к пригородам Лейпцига, мы стали различать крики отчаяния несчастных французов, у коих не было никакого способа к отступлению и закончились патроны. Их преследовали на улицах, за ними гнались по пятам из дома в дом. Враг превосходил их числом, и в результате французы были подло перебиты врагами, в основном пруссаками, баденцами и саксонскими гвардейцами.

Я никогда не смогу выразить ту ярость, какую испытывали в этот момент оба полка, находившиеся под моим командованием! Каждый стремился отомстить и с сожалением думал, что месть была почти невозможной, поскольку река Эльстер отделяла нас от убийц и их жертв! Наше ожесточение увеличилось, когда мы встретили примерно две тысячи французов, большинство которых было раздето, почти все ранены и спаслись от смерти лишь благодаря тому, что бросились в реку и переплыли ее под выстрелами врагов с противоположного берега! Среди этих людей

находился и маршал Макдональд, обязанный жизнью лишь своей физической силе и умению плавать. Он был полностью раздет, его лошадь утонула. Я приказал побыстрее дать ему кое-какую одежду и одолжил ему запасную лошадь, которая постоянно следовала за мной. Это позволило ему как можно скорее присоединиться к императору в Маркранштедте и дать ему отчет о катастрофе, свидетелем которой он только что оказался. Одним из основных эпизодов этой катастрофы была смерть маршала Понятовского, погибшего в водах Эльстера.

Те французы, кому удалось переправиться через реку, оказались без оружия, брошенного ими, чтобы иметь возможность плыть. У них больше не оставалось ничего для защиты. Они бежали по полям, чтобы не попасть в руки четырехсот или пятисот пруссаков, саксонцев и баденцев. Всем этим гнусным негодяям было мало выкупаться в крови французов во время резни, происходившей в городе и в его пригородах. С помощью балок и досок враги построили нечто вроде мостика над арками разрушенного взрывом моста, переправились по нему через Эльстер и продолжали убивать тех наших несчастных солдат, каких им удавалось догнать по дороге на Маркранштедт!

Заметив эту группу убийц, я сразу же приказал г-ну Шнейту, командиру 24-го полка, произвести маневр, который, в совокупности с маневрами моего полка, позволил окружить всех этих бандитов, зажав их в большой полукруг. В тот же миг я приказал броситься в атаку! Атака была беспощадной! Захваченные врасплох бандиты оказали нам лишь очень слабое сопротивление, и это тоже была большая резня, потому что мы не пощадили *никого!* Я был так зол на этих злодеев, что перед атакой пообещал себе разрубить саблей любого, кто попадется мне под руку. Однако, оказавшись среди них и видя, что они все *пьяны, никто ими как следует не командует,* кроме двух саксонских офицеров, начавших дрожать с приближением нашей мести, я понял: здесь не бой, а *экзекуция,* и я не должен принимать в ней участия. Я побоялся найти *удовольствие* в том, чтобы убить собственной рукой некоторых из бандитов! Поэтому я вложил саблю в ножны и дал нашим кавалеристам возможность уничтожить этих убийц. Две трети мерзавцев полегли мертвыми прямо на месте! Остальные, среди которых находились два офицера и множество саксонских гвардейцев, убежали к остаткам моста в надежде вновь переправиться через реку по своему временному мостику. Но поскольку по нему можно было пройти лишь один раз, а наши егеря сжимали вокруг них кольцо все теснее, беглецы спрятались в большом постоялом дворе, находившемся по соседству, и оттуда принялись стрелять в моих

людей. В этом им помогали несколько взводов баденцев и пруссаков, располагавшихся на противоположном берегу.

Шум этого сражения мог бы привлечь к мосту значительные силы противника. Неприятель, не переправляясь через реку, сумел бы уничтожить мои два полка с помощью ружейного огня и нескольких выстрелов из пушек. Поэтому я поспешил ускорить события и приказал спешиться большинству моих егерей, которые, взяв с собой карабины и большое количество патронов, атаковали постоялый двор с тыла и подожгли конюшни, а также сарай с сеном! Мерзавцы, спрятавшиеся в этом здании, поняли, что вот-вот сгорят, и попытались выбраться из помещения, но по мере их появления в дверях наши стрелки расстреливали их выстрелами из карабинов!

Напрасно они послали ко мне в качестве парламентера одного из саксонских офицеров. Я был безжалостен и не захотел согласиться рассматривать в качестве солдат, которые сдаются после честного боя, этих негодяев, убивавших наших товарищей, бывших военнопленными! Так, 400 или 500 прусских, саксонских и баденских ублюдков, незадолго перед тем переправившихся через мостик, были уничтожены! Я велел сообщить об этом генералу Себастьяни, и он остановил на полпути другие бригады легкой кавалерии.

Огонь, зажженный нами в сенных сараях и на чердаках постоялого двора, вскоре добрался и до соседних строений. Большая часть деревни Линденау, расположенная с двух сторон от большой дороги, сгорела, и это должно было задержать восстановление моста и переправу вражеских частей, которым было приказано преследовать и беспокоить французскую армию во время ее отступления.

После завершения этой короткой экспедиции я вновь привел свою бригаду в Маркранштедт. С нами были также две тысячи французов, спасшихся при взрыве моста. Среди них находилось множество офицеров самых разных званий и чинов. Император расспросил их, желая узнать, что им было известно относительно взрыва моста и резни, совершенной союзниками, убивавшими французских военнопленных. Вероятно, этот грустный рассказ заставил Наполеона пожалеть о том, что он не последовал совету, данному ему утром: обеспечить отступление армии и помешать врагам атаковать нас во время этого отступления, преградив врагу путь поджогом пригородов и, в случае необходимости, даже города Лейпцига, тем более что все жители оставили город во время трехдневного сражения.

Во время короткой наступательной операции по направлению к мосту Линденау бригада, находившаяся под моим

командованием, потеряла только трех человек ранеными, один из них оказался из моего полка. Это был один из самых неустрашимых и самых умных унтер-офицеров. Он был награжден орденом Почетного легиона, его звали Фуше. Во время атаки на постоялый двор он получил пулевое ранение, причем одна и та же пуля пробила его в *четырех* местах, пройдя через оба бедра. Несмотря на это тяжелое ранение, смелый Фуше во время всего отступления не слезал с лошади, не пожелав остаться в эрфуртском госпитале, мимо которого мы проходили через несколько дней, и оставался со своим полком до самой Франции. Правда, его товарищи и все кавалеристы его взвода трогательно заботились о нем, и он этого вполне заслуживал.

Уходя от Лейпцига, где союзники только что зверски убили тысячи французских военнопленных, я опасался за несчастных раненых моего полка, которых я там оставил. Среди них был эскадронный начальник Позак. Но, к счастью, отдаленный пригород, где я их оставил, не навестили пруссаки.

Вы уже видели, что во время последнего дня большой битвы, когда один австрийский корпус собрался перерезать нам путь к отступлению, захватив Линденау, где проходит большая дорога, ведущая в Вайсенфельс и оттуда в Эрфурт, император приказал отбить эту деревню войскам генерала Бертрана. После того как движение по этой дороге возобновилось, генерал Бертран прибыл в Вайсенфельс, где мы и встретили его.

После потерь, принесенных нам разрушением моста в Линденау, больше не приходилось и думать о том, чтобы остановиться на Заале. От французской армии оставалось очень немного. Наполеон приказал переправиться через эту реку. За две недели до сражения эта река давала ему возможность иметь неприступную позицию, которой он пренебрег ради того, чтобы испытать удачу в большом сражении, имея в своем тылу три реки и один большой город, где к тому же на каждом шагу приходилось переправляться через какие-нибудь водные преграды. Великий военачальник слишком поверил в свою *звезду* и в неспособность вражеских генералов.

На самом деле эти генералы совершили столь грубые ошибки, что, несмотря на громадное численное превосходство своих войск, не смогли во время трехдневного сражения отобрать у нас *ни одну* из деревень, которые мы защищали. Мало того, я слышал также, как король Бельгии, служивший в то время в русской армии, признавался герцогу Орлеанскому, что дважды союзники оказывались в таком тяжелом положении, что их армиям был отдан приказ об отступлении! Однако обстоятельства изменились, и отступить под ударами судьбы пришлось нашей

армии!

Перейдя через Заале, Наполеон поблагодарил офицеров и некоторые части Рейнской конфедерации, из чувства чести или за недостатком возможностей не покинувшие нашу армию и находившиеся в наших рядах, и распрощался с ними. Великодушие императора дошло даже до того, что он оставил всем этим военным их оружие, а ведь он имел право удержать их в качестве пленников, поскольку их монархи перешли на сторону врага. Французская армия продолжала свое отступление до Эрфурта без особых происшествий, лишь только бой при Кезене нарушил его ход. Здесь одна-единственная французская дивизия разбила австрийский армейский корпус и захватила в плен его командующего.

По-прежнему движимый надеждами на великое наступление на Германию и рассчитывая на те ресурсы, какие в таком случае предоставили бы ему крепости, от коих сейчас приходилось уходить, Наполеон создал многочисленный гарнизон в Эрфурте. Он оставил в Дрездене 25 тысяч человек и маршала Сен-Сира, в Гамбурге — 30 тысяч человек под командованием маршала Даву, а многочисленные укрепленные пункты по Одеру и Эльбе тоже охранялись гарнизонами в зависимости от их значения. Все это еще больше уменьшало численность наших войск в дополнение к тому, чего нам стоили уже раньше крепости Данциг и расположенные на Висле.

В связи с этим я не буду повторять то, что уже говорил, о недостатках подобного распыления слишком большой части своих войск для сохранения крепостей, от которых приходилось удаляться.

Скажу лишь, что Наполеон оставил в германских крепостях 80 тысяч солдат. Из них ни один не увидел Францию до падения Империи, а они бы, возможно, предотвратили это падение, если бы их объединили на наших границах!

Эрфуртский арсенал восполнил потери нашей артиллерии. Император, до сих пор стоически переносивший поражение, был, однако, очень взволнован тем, что его покинул король Мюрат, его *зять*. Он бросил Наполеона, кому был всем обязан, под тем предлогом, что едет защищать свое Неаполитанское королевство! Мюрат раньше был блестящим воином, но во время кампании 1813 года не сделал ничего замечательного. Точно известно, что он, еще продолжая оставаться в наших рядах, уже вел переговоры с г-ном Меттернихом. Последний, ставя в пример Бернадотта, от имени монархов-союзников гарантировал Мюрату сохранение за ним Неаполитанского королевства, если тот встанет в ряды противников Наполеона. Мюрат покинул французскую армию в

Эрфурте и, едва прибыв в Неаполь, начал готовиться к войне против нас!

В Эрфурте Наполеон также узнал о наглых маневрах баварцев, своих бывших союзников, которые, предав его дело и объединившись с австрийским корпусом и с многочисленными казачьими полками, отправились в путь под командованием генерала графа Вреде, не только стремившегося помешать отступлению французской армии, но еще и собиравшегося взять эту армию в плен вместе с самим императором!

Генерал Вреде двигался рядом с нашей армией на протяжении двух дней пути и уже находился в Вюрцбурге с 60 тысячами человек. Он послал 10 тысяч из них в направлении Франкфурта, а с 50 тысячами других направился к небольшой крепости Ханау, чтобы преградить путь французам. Генерал Вреде, участвовавший в Прусской, Австрийской и Русской кампаниях на нашей стороне, надеялся найти французскую армию в плачевном состоянии, подобном тому, в какое в холод и голод привели ее остатки при отступлении из Москвы, когда она дошла до Березины. Но мы вскоре доказали Вреде, что, несмотря на наши несчастья, у нас еще сохранялись боеспособные полки, достаточные для того, чтобы сражаться с австрийцами и баварцами!

Не зная, что от Эрфурта войска союзников преследовали нас, оставаясь лишь на очень далеком расстоянии, Вреде осмелел и думал, что из-за его действий мы окажемся меж двух огней, но это ему не удалось. Однако, поскольку многочисленные вражеские корпуса старались загнать наш правый фланг в горы Франконии, а баварцы выходили к голове нашей колонны, положение наше могло стать критическим.

В этот момент Наполеон оказался на высоте положения и, оценив опасность, быстро направился к Ханау. Подступы к этому населенному пункту покрыты густыми лесами. Здесь же находится знаменитое ущелье Гельнхаузен, через которое протекает река Кинциг. Эта река с очень крутыми берегами течет между двумя горами, где для реки остается лишь очень узкий проход. Вдоль ущелья построена прекрасная широкая дорога, вырубленная в скалах. Дорога ведет от Фульды во Франкфурт-на-Майне через Ханау.

Кавалерийский корпус Себастьяни, который от Вайсенфельса до Фульды шел в авангарде, в том месте, где дорога входит в горы, должен был быть сменен пехотой, прибывшей в этот пункт. Я никогда не узнал, какие причины воспрепятствовали тому, чтобы этот важный принцип ведения войны был применен в столь серьезной ситуации, но, к нашему удивлению, дивизия легкой

кавалерии Экзельманса продолжила двигаться впереди армии. Мой полк и 24-й конно-егерский полк шли во главе колонны, я все еще командовал бригадой. От крестьян мы узнали, что австро-баварская армия уже занимала Ханау и что большая вражеская дивизия шла навстречу французам, чтобы преградить им проход через ущелье.

Тогда мое положение как командующего авангардом сделалось весьма сложным. Как же мог я, не имея *ни единого* пехотинца и располагая кавалерией, зажатой с двух сторон высокими горами и имевшей перед собой водное препятствие, которое невозможно было преодолеть, сражаться с пешими частями, чьи стрелки, карабкаясь по скалам, будут нас расстреливать в упор? Я сразу же послал в конец колонны солдата, чтобы предупредить дивизионного генерала, но Экзельманса было невозможно найти. Однако, поскольку я имел приказ *двигаться вперед* и не мог остановить дивизии, следовавшие за мной, я продолжил движение, пока на повороте, который делает ущелье, мои разведчики не сообщили мне, что вышли навстречу отряду вражеских гусар.

Австро-баварские части совершили такую же ошибку, как и наши командиры. Наши командиры собирались атаковать силами кавалерии длинное и узкое ущелье, где фронтом могли пройти только 10 или 12 лошадей, а противник посылал кавалерию, чтобы *защищать* проход, где сотня пеших стрелков смогла бы остановить десять кавалерийских полков! Так что я был бесконечно рад, увидев, что у врага не было пехоты. Я по опыту знал, что если две колонны встречаются в узком месте, то победу одержит та колонна, которая, атакуя голову другой, будет теснить ее на расположенные позади нее части. Поэтому я пустил в полный галоп мою элитную роту, чей первый взвод один смог войти в соприкосновение с врагом. Наша атака была столь стремительной, что голова австрийской колонны оказалась смята, а вся остальная колонна пришла в такой беспорядок и неразбериху, что моим кавалеристам оставалось только напирать на врага, практически не пуская в ход оружие.

Мы продолжали преследование больше часа. Неприятельский полк, противостоящий нам, носил имя генерала Отта[152]. Я никогда не видел таких красивых гусар. Они прибыли из Вены, где их одели во все новое. Их униформа, хотя и немного театральная, выглядела великолепно: ментики, доломаны, чикчиры и малиновые кивера. Все это было чистым и ярко сверкало. Казалось, они возвращались с бала или собирались играть в театре! Эта блестящая униформа странным образом контрастировала с более чем скромной униформой наших егерей,

многие из которых до сих пор носили старые мундиры. Они были на них на бивуаках на протяжении полутора лет, как в России, так и в Польше и в Германии. Зеленый цвет наших мундиров уже потускнел от пыли дорог и дыма сражений. Но под этими старыми мундирами бились смелые сердца мужественных людей! Так что вскоре доломаны гусар Отта покрылись кровью, и этот кокетливый, хорошо одетый полк потерял убитыми и ранеными свыше двухсот человек, а из наших никто не получил даже ни малейшего сабельного удара. Враг бежал от нас, не имея ни единой возможности обернуться. Наши егеря захватили большое количество очень хороших лошадей и расшитых золотом ментиков.

Для нас до этих пор все шло благополучно, однако, преследуя убегавших врагов, за которыми неслись галопом победители, я начал беспокоиться об исходе этой странной битвы, поскольку более низкие горы, показавшиеся на обоих берегах Кинцига, свидетельствовали о том, что мы приближаемся к тому месту, где ущелье заканчивается. Было вполне вероятно, что здесь мы найдем небольшую долину, полную пехоты, а ружейный огонь этой пехоты и орудийный огонь могли бы заставить нас дорого заплатить за наш успех. Но, к счастью, все оказалось не так, и, выйдя из ущелья, мы не заметили ни одного пехотинца, а только вражескую кавалерию, к которой принадлежал гусарский полк Отта, только что разбитый нами и в полном ужасе продолжавший спасаться бегством, увлекая за собой не менее 15 эскадронов, отступивших в направлении Ханау.

Тогда генерал Себастьяни вывел свои три кавалерийские дивизии, вскоре поддержанные пехотой маршалов Макдональда и Виктора и несколькими батареями. И, наконец, появились император и часть его гвардии. За ними шла остальная французская армия.

Это было вечером 29 октября. Мы стали бивуаками в соседнем лесу. От нас до Ханау и до австро-баварской армии оставалось не больше 1 лье.

Глава XXXII

Эпизод войны. — Битва при Ханау. — Отступление вдоль Рейна. — Последнее усилие врагов. — Азолан. — Бегство Чернышева. — Восстановление армейских корпусов

Вот по каким причинам Экзельманс остался сзади во время нашего продвижения по ущелью. Перед тем, как войти в долину, разведчики привели к нему двух пленных австрийских солдат, взятых в плен в тот момент, когда в отдалении от своей армии они мародерствовали и выпивали в уединенной деревне. Экзельманс велел одному из своих адъютантов допросить их по-немецки и был очень удивлен, когда они ответили ему на хорошем французском языке. Он спросил у них, где они так хорошо научились нашему языку. Один из этих несчастных, полупьяный солдат, думавший таким образом вызвать уважение к себе, воскликнул, что они были *парижанами*! Едва он произнес эти слова, как генерал, пришедший в ярость при виде французов, обративших оружие против своих соотечественников, приказал, чтобы их расстреляли на месте. Их схватили, и бедный парень, который, чтобы понравиться генералу, похвастался, что является французом, был убит, а его товарищ, протрезвевший от столь ужасного спектакля, стал протестовать, утверждая, что ни один из них никогда не был во Франции и что они родились в Вене, а родители их были парижанами, принявшими австрийское гражданство. Сами они считались гражданами Австрии и, будучи таковыми, были обязаны подчиниться закону о мобилизации и поступить на службу в тот полк, какой был им предписан. Чтобы доказать правдивость своих слов, он показал свой военный билет и билет своего неудачливого товарища. Этот документ подтверждал слова пленного. Наконец, уступив настояниям своих адъютантов, Экзельманс согласился помиловать беднягу.

Услышав в этот момент шум начинавшегося сражения, генерал захотел попасть в голову колонны, которой я командовал, но, прибыв к входу в ущелье, понял, что проникнуть в него и найти место в рядах кавалеристов он не сможет, столь быстрым был галоп двух полков, занимавших ущелье, преследуя неприятеля. После многократных попыток вклиниться в ряды кавалерии генерала вместе с лошадью столкнули с дороги, и он упал в Кинциг, где чуть не утонул.

Готовясь к сражению, император воспользовался ночью, чтобы уменьшить длину колонны наших обозов. Весь багаж был направлен к правому флангу в направлении Кобленца под

охраной нескольких батальонов и кавалерии генералов Лефевр-Денуэтта и Мийо. Для армии это было большим облегчением.

Утром 30 октября император имел в своем распоряжении лишь пехотные корпуса Макдональда и Виктора, насчитывавшие всего лишь 5 тысяч штыков. Поддержкой им служили кавалерийские дивизии Себастьяни.

С той стороны, откуда мы прибыли, подступы к Ханау покрыты большим лесом, через который проходит дорога. Большие деревья этого леса дают возможность кавалерии передвигаться там без особых затруднений. Город Ханау построен на противоположном берегу Кинцига.

Генерал Вреде, не испытывавший недостатка в численности войск и орудий, совершил огромную ошибку, разместив свою армию так, что река была у нее за спиной. Это лишало армию противника поддержки, какую могли бы оказать ей укрепления Ханау. С этими укреплениями баварский генерал мог сообщаться лишь через мост при Ламбуа, оставшийся для него единственным путем к отступлению. Правда, позиция, которую он занимал, перекрывала дорогу на Франкфурт и на Францию, и он был уверен, что сможет помешать нам форсировать эту переправу.

30 октября на рассвете битва началась как большая охота. Несколько выстрелов из орудий, огонь наших пехотинцев и атака, осуществленная кавалерией Себастьяни, опрокинули первую вражескую линию, довольно неудачно выстроенную на опушке леса. Как только наши войска продвинулись вперед и наши эскадроны смогли действовать только на редких полянах, попадавшихся у них на пути, вольтижеры бросились по пятам за баварцами. Их гнали от дерева к дереву до самого выхода из леса. Там пришлось остановиться, и мы оказались лицом к лицу с вражеской линией, насчитывавшей 40 тысяч человек и защищенной огнем восьмидесяти орудий!

Если бы в этот момент с императором были все войска, которые он привел из Лейпцига, то яростная атака сделала бы его хозяином моста в Ламбуа, а Вреде дорого заплатил бы за свое безрассудство. Но корпуса маршалов Мортье, Мармона и генерала Бертрана, а также большой артиллерийский парк задержались при проходе через многочисленные ущелья, в основном через ущелье Гельнхаузен, и еще не прибыли, поэтому Наполеон имел в своем распоряжении всего 10 тысяч человек! Враги должны были бы воспользоваться этим моментом, для того чтобы быстро атаковать нас. Они, однако, не осмелились, и их колебания дали артиллерии Императорской гвардии время прибыть к месту сражения.

Как только у храброго генерала Друо, командовавшего

артиллерией Императорской гвардии, на поле боя оказалось 15 стволов, он начал артиллерийский обстрел. Количество пушек в его линии постоянно возрастало, и наконец их число достигло пятидесяти. Генерал приказал им двигаться вперед, продолжая стрелять, несмотря на то что позади артиллерии было еще слишком мало войск, чтобы ее поддержать. Но сквозь густой дым от пальбы этой мощной батареи противник не мог увидеть, что орудия не имеют поддержки. И, наконец, прибыли пехотинцы Старой гвардии. Они пришли как раз в тот момент, когда ветер рассеял дым!

При виде их медвежьих шапок баварские пехотинцы, охваченные ужасом, в панике отступили. Генерал Вреде, желая любой ценой остановить эту панику, приказал атаковать нашу артиллерию всей австрийской, баварской и русской кавалерии, какая была в его распоряжении, и в один миг наша мощная артиллерийская батарея была окружена толпой вражеских всадников! Но, услышав голос неустрашимого генерала Друо, который был их командиром и со шпагой в руках подавал всем пример смелости и мужества, французские канониры, взяв в руки ружья, остались непоколебимы за орудийными лафетами и оттуда стреляли по врагу. Однако большое число неприятельских солдат в конце концов дало бы противнику возможность одержать победу, как вдруг по приказу императора вся кавалерия Себастьяни, а также вся кавалерия Императорской гвардии, конные гренадеры, драгуны, конные егеря, мамлюки, уланы и Почетная гвардия яростно бросились в атаку на неприятельских кавалеристов, убили большое количество врагов, рассеяли остальных и затем бросились на каре баварской пехоты, смяли пехотинцев, нанесли им большие потери, и баварская армия в панике бежала по мосту через Кинциг к городу Ханау.

Генерал Вреде был очень смелым человеком, поэтому, прежде чем признать себя побежденным наполовину меньшими силами противника, он решил сделать еще одно усилие, и, объединив все полки, какие еще оставались в его распоряжении, он неожиданно атаковал нас всеми своими силами. Внезапно ружейный огонь приблизился к нам, и в лесу снова послышался грохот орудий. Ядра свистели между деревьями. Большие ветки с грохотом падали вниз… Напрасно глаз пытался проникнуть в глубь этого леса, с большим трудом можно было различить лишь вспышки орудийных выстрелов, которые с интервалами вспыхивали в темноте в тени густой листвы громадных буков, под которыми мы сражались.

Слыша шум, вызванный этой атакой австрийцев и баварцев, император направил в эту сторону пеших гренадеров своей

Старой гвардии под командованием генерала Фриана. Вскоре они одержали победу над противником, сделавшим свое последнее усилие. Враги поспешили скрыться с поля битвы, чтобы вернуться под защиту укреплений города Ханау. Этот город они покинули той же ночью, оставив там огромное количество раненых. Французы заняли этот укрепленный пункт.

Мы были всего лишь в 2 лье от Франкфурта — крупного города, где есть каменный мост через Майн. Но поскольку французская армия должна была двигаться вдоль этой реки, чтобы дойти в Майнце до границы Франции, находящейся на расстоянии одного перехода от Франкфурта, Наполеон послал вперед генерала Себастьяни и одну пехотную дивизию, чтобы они заняли Франкфурт, захватили мост и разрушили его. Император и основная часть армии расположились бивуаком в лесу.

Большая дорога из Ханау во Франкфурт проходит очень близко от левого берега Майна. Мой друг генерал Альбер, командовавший пехотой, сопровождавшей нас, несколько лет назад женился в Оффенбахе, очаровательном маленьком городке, построенном на левом берегу точно напротив того места, где, оставив позади себя леса Ханау, мы остановили лошадей на ночлег в обширной и прекрасной франкфуртской равнине.

Увидев, что он находится так близко от своей жены и детей, генерал Альбер не мог противиться желанию узнать что-либо о них и особенно успокоить их в отношении собственного положения после опасностей, каким он только что подвергся в битвах при Лейпциге и Ханау. При этом он испытал, возможно, еще большие опасности, чем те, что преследовали его в этих кровавых битвах, поскольку он поехал верхом в генеральском мундире и, добравшись до берега Майна, окликнул знакомого лодочника, пренебрегая нашими советами не делать этого. Однако, пока он беседовал с этим человеком, баварский офицер, явившийся во главе пикета пехотинцев, приказал им пустить в ход оружие и собирался выстрелить во французского генерала. Но вдруг многочисленная группа местных жителей и лодочников встала перед их ружьями и помешала солдатам выстрелить, потому что генерала Альбера в Оффенбахе очень любили.

При виде этого города, где я только что участвовал в сражении за родину я был далек от мысли, что этот город когда-нибудь станет моим убежищем во время *изгнания,* куда отправит меня французское правительство, и что я проведу в этом городе *три года* в ссылке.

Покинув лес Ханау, чтобы отправиться во Франкфурт, император едва проехал 2 лье, как узнал, что позади него началось сражение. И действительно, баварский генерал, после

своей неудачи накануне опасавшийся, что император будет его преследовать, пришел в себя, увидев, что французская армия больше торопится добраться до Рейна, чем его преследовать. Вернувшись, этот генерал атаковал наш арьергард. Однако корпуса Макдональда, Мармона и Бертрана, занявшие ночью Ханау дали австрийцам и баварцам возможность еще раз переправиться через Кинциг, встретили их атакой в штыки, отбросили назад и многих перебили. Генерал Вреде был серьезно ранен, а его зять князь Эттингенский убит.

Командование вражеской армии перешло после этого к австрийскому генералу Френелю, приказавшему отступать, а французы спокойно продолжили свой марш по направлению к Рейну. Мы вновь переправились через Рейн 2 и 3 ноября 1813 года, после кампании, в которой были как блистательные победы, так и приводящие в отчаяние поражения, причинами коих, как я уже говорил, была ошибка Наполеона. Вместо того чтобы заключить мир в июне после побед при Лютцене и Баутцене, он поссорился с Австрией, что подняло против него Рейнскую конфедерацию, а значит, и всю Германию, поэтому вскорости против Наполеона шла уже вся Европа!

После нашего возвращения во Францию император остановился лишь на 6 дней в Майнце и отправился в Париж, куда перед собой приказал ввезти 26 знамен, захваченных у противника. Армия осудила столь быстрый отъезд Наполеона. Все соглашались, что высшие политические интересы призывали его в Париж, но люди думали, что он мог бы и должен был бы разделить свои заботы между столицей и реорганизацией армии и ездить от столицы к армии и обратно, дабы побудить каждого к старанию, поскольку опыт должен был бы научить его тому, что в его отсутствие ничего не происходит или делается очень немногое.

Последние пушечные выстрелы, какие я слышал в 1813 году, звучали во время битвы при Ханау, и этот день чуть не стал последним днем в моей жизни. Мой полк ходил в атаку *пять раз*. Два раза это была атака на каре пехоты, одна — против артиллерии и две — против баварских эскадронов. Но самая большая опасность, какую я испытал, был взрыв зарядного ящика, загоревшегося возле меня. Я уже говорил, что по приказу императора вся французская кавалерия провела общую атаку в очень трудный момент битвы. Однако в таких случаях недостаточно того, чтобы командир, особенно если ему приходится действовать в лесу, выдвигал свой полк прямо перед собой, как я это нередко видел. Командир обязан одним быстрым взглядом осмотреть территорию, куда должны идти его

эскадроны, чтобы не завести их в болотистые топи.

Я двигался в нескольких шагах впереди своих кавалеристов, за мной следовал штаб моего полка. Около меня находился трубач, обязанный по моему приказу подавать сигнал эскадронам о препятствиях, какие должны были встретиться на пути. Хотя деревья стояли на довольно большом расстоянии друг от друга, передвижение по лесу оказалось для кавалерии трудным, потому что земля была покрыта убитыми и ранеными солдатами, а также убитыми или умирающими лошадьми, оружием, пушками и зарядными ящиками, брошенными баварцами. Вполне понятно, что в такой ситуации полковнику, скачущему галопом по направлению к неприятелю среди пуль и пролетающих ядер и наблюдающему за местностью, которую должны пересекать его эскадроны, было трудно заниматься собственной персоной.

Поэтому здесь я целиком полагался на ум и находчивость моей великолепной и смелой турецкой кобылы по имени *Азолан.* Небольшая группа людей, которая ближе других следовала за мной, еще сильнее уменьшилась после залпа, ранившего многих моих адъютантов, поэтому рядом со мной оказался только дежурный трубач, очаровательный, красивый молодой человек, как вдруг по всей линии полка я услышал крики: «Полковник! Полковник! Берегитесь!» Я заметил в десяти шагах от меня зарядный ящик баварской артиллерии, только что загоревшийся от одного из наших ядер!

Путь вперед мне преграждало громадное дерево, сломанное несколькими ядрами. Пройти с этой стороны было бы очень долго. Я крикнул трубачу, чтобы он наклонился, а сам лег на шею моей лошади и направил ее прямо к дереву, чтобы перепрыгнуть через него. Азолан прыгнула очень далеко, но этого оказалось недостаточно, чтобы миновать все кривые ветки дерева. Ноги моей лошади запутались в них. А зарядный ящик уже горел, и порох должен был вот-вот взорваться! Я уже думал, что пропал… Как вдруг моя лошадь, словно поняв, что нам обоим угрожает опасность, начала подпрыгивать на высоту 4–5 футов, с каждым прыжком удаляясь от ящика. И, выбравшись из ветвей дерева, она сразу бросилась в быстрый галоп, при этом вытянувшись стрелой и так низко летя над землей, что почти *задевала животом землю.*

Я вздрогнул, услышав взрыв. Скорее всего, я уже был вне пределов досягаемости осколков, потому что ни я, ни моя лошадь не пострадали. Но моему трубачу не повезло. Когда после взрыва полк вновь двинулся в путь, мы увидели, что несчастный юноша убит и ужасно искалечен осколками гранат. Его лошадь тоже разорвало на куски.

Моя храбрая Азолан уже однажды спасла мне жизнь в

Кацбахе, так что теперь я был обязан ей жизнью во второй раз. Я погладил лошадь, и бедное животное, как бы выражая свою радость, начало громко ржать. Бывают моменты, когда начинаешь думать, что некоторые животные намного умнее, чем обычно считается.

Я очень жалел моего трубача, своей смелостью заслужившего любовь всего полка. Он был сыном преподавателя коллежа в Тулузе, учился в школе и очень любил декламировать латинские стихи. За час до смерти бедный мальчик, заметивший, что почти все деревья в лесу Ханау оказались буками, чьи ветви простираются очень далеко и образуют некое подобие крыши, счел ситуацию достойной того, чтобы прочесть эклогу Вергилия. Это сильно рассмешило маршала Макдональда. Он, проезжая в этот момент перед нами, воскликнул: «Вот юноша, чья память не ухудшилась от всего того, что его окружает! Наверняка стихи Вергилия читают под огнем вражеских пушек впервые!»

«Тот, кто пользуется мечом, погибнет от меча», — говорится в Священном Писании. Это высказывание применимо не ко всем военным, но в эпоху Империи оно было справедливо для многих из них. Так, Гинде, который в октябре 1806 года убил в бою при Заальфельде принца Людвига Прусского, сам был убит в битве при Ханау. Несомненно, именно боязнь подобной судьбы заставила русского генерала Чернышева бежать перед лицом опасности.

Вы должны помнить, как в первые месяцы 1812 года этот офицер, который был тогда полковником, адъютантом и фаворитом императора Александра, находился в Париже и воспользовался своим высоким положением, чтобы подкупить двух несчастных чиновников военного министерства, казненных за то, что они продали секретные документы. Тогда русский полковник избежал справедливого наказания, к чему его приговорил бы трибунал, лишь сбежав тайком из Франции.

Вернувшись в свою страну, г-н Чернышев, а он был больше придворным, чем военным, тем не менее сделался генералом и в этом чине командовал отрядом из трех тысяч казаков. То была единственная русская часть, которая появилась в битве при Ханау. Ее командир сыграл роль, сделавшую его притчей во языцех среди австрийцев и баварцев, участвовавших в этом сражении.

В самом деле, Чернышев, идя против нас, громко кричал о своей грядущей победе, настолько он был уверен, что ему придется сражаться лишь с несчастными больными солдатами, не имеющими никакого командования. Однако он быстро сменил тон, как только перед ним оказались смелые и сильные воины,

возвращавшиеся из-под Лейпцига. Генерал Вреде сначала всячески старался вернуть его в общую линию, но, как только Чернышев услышал ужасную канонаду нашей артиллерии, он пустил три тысячи своих кавалеристов рысью и «храбро» удалился с поля боя под возмущенные крики и улюлюканье австрийцев и баварцев, крайне недовольных подобным постыдным поведением. Генерал Вреде лично примчался, чтобы как следует отругать его, однако г-н Чернышев ответил, что лошади его полка должны были поесть и что он собирался дать им отдых в соседних деревнях. Это извинение было найдено столь смешным, что некоторое время спустя стены почти всех городов Германии были покрыты карикатурами, изображавшими г-на Чернышева, который кормит своих лошадей охапками лавровых веток, собранными в лесу при Ханау. Немцы, несмотря на свою обычную флегматичность, иногда становятся весьма язвительными.

Переправляясь через Рейн, войска, составлявшие остатки французской армии, надеялись, что их несчастья закончатся, как только они окажутся на родной земле. Однако они испытали очень большое разочарование, потому что французская администрация и сам император настолько рассчитывали на успехи и столь мало думали о том, чтобы предусмотреть наш уход из Германии, что ничего не подготовили на границе для встречи и организации воинских частей. Так, с самого первого дня нашего вступления в Майнц солдатам и лошадям не хватило бы провианта, если бы только их не распределили в разные места и не расселили по домам местных жителей пригородов и соседних деревень. Но местные жители, которые со времен Революции потеряли привычку кормить солдат, стали громко роптать. И действительно, подобная нагрузка оказалась слишком тяжелой для этих деревенских коммун.

Поскольку надо было охранять различные пункты протяженной линии Рейна от Базеля до Голландии или, по крайней мере, наблюдать за этими пунктами, то многочисленных больных и раненых разместили как придется в госпиталях Майнца. Все здоровые люди возвратились к своим полкам. После этого дивизии и армейские корпуса, большинство из которых состояло лишь из очень небольшого числа солдат, были распределены вдоль Рейна. Мой полк, а также все, что оставалось от кавалерийского корпуса Себастьяни, спустился вдоль по Рейну небольшими переходами. Но хотя погода стояла прекрасная и пейзаж был замечательный, каждый из нас преисполнялся печали, предвидя уже, что Франция в ближайшее время потеряет эти прекрасные места и несчастья Франции не ограничатся этими

утратами.

Мой полк провел некоторое время в Клеве, затем две недели в небольшом городке Урдингене, затем спустился вдоль по реке до местечка под названием Неймеген. Во время этого грустного путешествия мы с тяжелым сердцем видели, как на противоположном берегу немецкое и голландское население срывает с колоколен французские флаги, чтобы заменить их флагами своих прежних монархов. Несмотря на эти печальные наблюдения, все командиры полков пытались хоть немного реорганизовать подразделения, еще остававшиеся у них. Но что могли бы мы предпринять, не имея ни достаточно солдат, ни снаряжения, ни оружия взамен утраченного?

Необходимость сохранить армию заставляла императора держать ее рассредоточенной, тогда как для реорганизации армии следовало бы создать большие сборные пункты. Таким образом, мы оказались в порочном круге. Однако неприятель, который должен был бы перейти через Рейн спустя несколько дней после нас, чтобы помешать реорганизации нашей армии, еще чувствовал себя слишком ослабленным теми суровыми ударами, какие мы нанесли ему во время последней кампании, поэтому противникам требовалось время, чтобы прийти в себя. В связи с этим неприятель оставил нас в покое в ноябре и декабре. Я провел это время в основном на берегах Рейна, рядом с тем, что выглядело как призрак армейского корпуса под командованием маршала Макдональда.

Наконец, подобно другим командирам полков кавалерии, я получил приказ привести всех своих людей на сборный пункт моего полка, чтобы попытаться вновь создать эскадроны. Сборный пункт 23-го конно-егерского полка находился еще в Монсе, в Бельгии, и я отправился туда. Именно в этом месте встретил я конец 1813 года. Тот год был богат большими событиями, и я подвергся многим опасностям и неимоверно сильно устал.

Чтобы закончить мой рассказ об этом годе, я считаю своим долгом коротко упомянуть о последних событиях кампании 1813 года.

Глава XXXIII

Последние события 1813 года. — Сдача крепостей. — Бесчестное нарушение договора о капитуляции Дрездена. — Катастрофы в Испании. — Витория. — Жозеф возвращается на границу. — Отступление Сульта. — Сюше в Каталонии. — Положение в Тироле и в Италии

Германские крепости, где при отступлении французская армия оставила гарнизоны, вскоре были окружены, а многие даже подверглись правильной осаде. Почти все они пали, и лишь только четыре из них продержались до конца 1813 года.

Прежде всего к ним относится Гамбург, где командовал бесстрашный маршал Даву. Он сумел сохранить эту важную крепость до того момента, когда после отречения императора новое французское правительство отозвало этот гарнизон во Францию. Второй крепостью был Магдебург. Эту крепость генерал Ламаруа, адъютант императора, также сумел сохранить до конца войны. Третьей крепостью был Виттенберг, очень мужественно защищаемый старым генералом Лапуапом. Эта крепость была захвачена *штурмом* 12 января следующего года. И, наконец, четвертой крепостью был Лейпциг, но ему пришлось капитулировать из-за отсутствия провианта.

Все остальные крепости, которые император хотел сохранить по ту сторону Рейна, а самыми важными из которых были Дрезден, Данциг, Штеттин, Замостье, Торгау и Модлин, уже находились во власти противника. Оккупация двух первых из этих крепостей была *позором* для армии союзников! В самом деле, когда после битвы при Лейпциге Наполеон отступил в направлении к Франции с остатками своей армии, он оставил в Дрездене корпус из 25 тысяч человек под командованием маршала Сен-Сира. Маршал попытался с оружием в руках пробить себе проход среди вражеских войск, блокировавших этот город. Он отбрасывал их несколько раз, но в конце концов под давлением превосходящих сил противника и при недостатке провианта был вынужден согласиться на почетную капитуляцию, на что согласились враги. По условиям этой капитуляции гарнизон Дрездена имел право сохранить оружие и должен был вернуться во Францию небольшими переходами.

Маршал хотел бы, чтобы его части двигались все вместе, как армейский корпус, и устраивали бивуаки каждый вечер в одном и том же месте, что позволило бы им защищаться в случае предательства. Но вражеские генералы заметили ему, что страна

истощена и поэтому невозможно будет найти каждый вечер провиант для 25 тысяч солдат в одном и том же месте. Французскому маршалу пришлось уступить и согласиться, что его армия будет разделена на множество мелких колонн по 2–3 тысячи человек, которые станут двигаться друг от друга на расстоянии одного и даже двух дневных переходов.

В первые дни все шло благополучно, но, как только последняя французская колонна вышла из Дрездена, передав противнику все форты и инженерные сооружения, неприятельские генералы объявили, что они не имели права подписывать капитуляцию без согласия своего верховного главнокомандующего князя Шварценберга, а этот князь не согласен с ними, поэтому капитуляция аннулируется! Предлагалось вернуть наши войска в Дрезден, чтобы они оказались в точности в той же ситуации, в какой находились в день подписания договора о капитуляции, т. е. с продовольствием, которого хватило бы лишь на несколько дней. Французы скрывали недостаток провианта от противника, пока мы занимали крепость, но с той поры это стало известно врагам, и поэтому их новое предложение принять было невозможно.

Наши войска были крайне возмущены подобным вероломством, но что могли предпринять изолированные отряды по 2–3 тысячи человек, тем более что неприятель принял все необходимые меры предосторожности и окружил их батальонами, заранее размещенными в тех местах, где каждая небольшая французская колонна должна была узнать об аннулировании капитуляции Дрездена? Всякое сопротивление делалось невозможным. Таким образом, наши солдаты были поставлены перед печальной необходимостью сложить оружие!

После предательства, совершенного на поле битвы при Лейпциге, происходил отказ от ранее принятых условий капитуляции, что до сих пор свято соблюдалось всеми цивилизованными нациями. Тем не менее немцы громко кричали о *победе,* потому что все, и даже бесчестие, казалось им дозволенным во имя поражения императора Наполеона. Все монархи-союзники приняли это новое и беззаконное международное право, неизвестное нашим предкам, и применили его на практике по отношению к гарнизону Данцига.

Бесстрашный генерал Рапп в течение долгого времени защищал эту крепость, проявляя при этом огромное мужество, но в конце концов стал испытывать недостаток продовольствия и согласился сдаться при условии, что его гарнизон вернется во Францию. Однако, несмотря на договор, подписанный принцем Вюртембергским, командовавшим армейским корпусом,

осаждавшим Данциг, это условие было самым бесчестным образом нарушено, и смелые защитники Данцига в количестве 16 тысяч человек отправлены в Россию в качестве военнопленных. Там большинство из них погибло.

Одним из самых замечательных моментов памятной защиты Данцига было поведение капитана пехоты, которого звали г-н де Шамбюр. Этот смелый и умный офицер попросил разрешения организовать команду добровольцев, набранную им среди самых бесстрашных солдат. Он получил разрешение на создание такой команды, совершавшей самые рискованные вылазки. Ночью она нападала на посты осаждавших, проникала в их траншеи, пробиралась в их лагерь, разрушала их укрепления под огнем их же артиллерии, заклепывала стволы их орудия и выходила далеко в поле захватывать или грабить их обозы. Ночью Шамбюр участвовал в вылазках вместе со своими людьми. Он захватил русский лагерь, сжег склад боеприпасов, разрушил множество складов, убил или ранил свыше 150 человек, при этом потерял лишь троих, и вернулся в крепость с триумфом.

Некоторое время спустя г-н де Шамбюр устроил вылазку на осадную батарею, захватил ее, заклепал все орудия и, присоединив к своей смелости остроумие, в жерло одной из мортир вложил письмо, адресованное принцу Вюртембергскому, с такими словами: «Принц, поскольку ваши ядра мешают мне спать, я пришел заклепать ваши мортиры. Не будите меня больше, или мне придется нанести вам новые визиты». И действительно, Шамбюр вернулся еще не однажды. Каждый раз он осуществлял свои вылазки с большим успехом и сумел посеять ужас среди вражеских инженеров и канониров. Знаменитый художник Орас Верне прославил его имя, изобразив его в тот момент, когда он вкладывал в жерло мортиры письмо, адресованное принцу Вюртембергскому.

Грустно думать о том, что г-н де Шамбюр, объект восхищения всего Данцигского гарнизона и даже противника, оставил наши ряды накануне сдачи крепости и перешел в прусскую армию, где был охотно принят. Шамбюр сражался с нами в 1814 году и был серьезно ранен, служа офицером прусской армии, в битве при Монмирайе.

Многочисленные неудачи, случившиеся в это время, напоминают мне следующие истории. Среди генералов, помогавших знаменитому Вашингтону, сражавшемуся за американскую независимость, самым смелым, самым способным и самым уважаемым армией был генерал Арнольд. Он потерял ногу в одном из сражений, а его патриотизм был столь велик, что он и после этого продолжал сражаться против врагов своей

страны. Но в конце концов он поссорился с Вашингтоном из-за какой-то несправедливости, на что считал себя вправе жаловаться. В результате генерал Арнольд дезертировал, поступил на службу в английскую армию и сделался одним из главных врагов своих соотечественников. Спустя некоторое время было подписано перемирие, и несколько американских офицеров вышли вперед, оказавшись между двумя лагерями. К ним приблизились несколько английских офицеров, среди которых находился и генерал Арнольд. Офицеры мирно разговаривали между собой.

Однако генерал Арнольд заметил, что его присутствие не нравится его бывшим друзьям, и сказал им, что это его удивляет, ведь если сейчас он и был их противником, то они не должны забывать об огромных услугах, ранее оказанных им Америке, в боях за свободу которой он даже потерял ногу. Тогда один из американцев ответил ему: «Мы так хорошо помним об этом, что, если когда-нибудь возьмем тебя в плен, твоя деревянная нога будет выставлена в храме Родины как некий памятник, предназначенный напоминать нашим потомкам о твоем героизме, когда ты сражался за независимость твоей родины. Но, отдав эти почести твоей ноге, мы прикажем остальную часть тела повесить на виселице, чтобы это послужило примером всем предателям, кто будет сражаться против своей родины!»

Но вернемся к рассмотрению положения французской армии в декабре 1813 года.

На протяжении этого года Испания — первопричина всех катастроф, ознаменовавших собой конец царствования Наполеона, — была лишена значительной части наших лучших войск, которые император отправил для усиления нашей армии в Германии. Однако численность войск, остававшихся на Иберийском полуострове, все еще доходила до 100 тысяч человек и более. Хотя этого количества было недостаточно, однако эти войска смогли бы сдержать врага, если бы Наполеон оставил командовать ими маршала Сульта. Но он обязательно хотел сделать своего брата короля Жозефа *военачальником,* способным защитить королевство, подаренное ему Наполеоном. И посему именно этому королю, который был весьма уважаемым человеком, но совершенно не был военным, император доверил командование своими армиями в Испании. Правда, он дал ему в качестве начальника штаба и советника маршала Журдана, но этот маршал, состарившийся раньше времени, не воевал после Революции и морально и физически был слишком истощен и не внушал никакого доверия войскам. Поэтому, несмотря на таланты, проявленные такими военачальниками, как Сюше, Рей,

Бонэ, Газан, Фуа, Декан, Клозель, и другими генералами, служившими у короля Жозефа, англо-португальские армии под командованием Веллингтона при помощи испанских герильясов нанесли нам непоправимые потери.

Французы, со всех сторон и во всех пунктах испытывавшие давление со стороны неприятеля, были вынуждены уже покинуть Мадрид, обе Кастилии и переправиться через Эбро, чтобы сконцентрировать свои главные силы вокруг города Витория. В этом месте наши войска подверглись атаке силами противника, которые в три раза превосходили их по численности. Французы потерпели в этой битве поражение. Последствия этого поражения были гем более ужасны, что король Жозеф и маршал Журдан не приняли никаких мер, чтобы обеспечить отступление, поэтому оно проходило в крайнем беспорядке. Экипажи короля Жозефа, батареи, многочисленные повозки испанцев, сражавшихся на стороне Жозефа и теперь пытавшихся избежать мести своих соотечественников, армейские фургоны, повозки военной администрации и т. д. и т. п. — все это вскоре смешалось настолько, что дороги были полностью забиты и полки с большим трудом могли передвигаться. Однако войска не разбежались, и, несмотря на яростные атаки противника, основная часть французской армии сумела дойти до Сальватьеры и до дороги на Памплону, по которой и осуществилось отступление.

Битва при Витории прославила талант и способности генерала Клозеля. Он присоединился к армии и взял ее под свое командование. В этот несчастный день французы потеряли 6 тысяч человек убитыми, ранеными или взятыми в плен и отдали врагу значительную часть артиллерии и почти все обозы.

Несмотря на эту неудачу, наши войска, моральный дух коих был очень высок, смогли бы продержаться в Наварре, опираясь на крепость Памплона и Пиренейские горы. Но король Жозеф приказал продолжить отступление и переправиться через Бидасоа, мост через которую было приказано разрушить нашему арьергарду под командованием генерала Фуа. Таким образом, начиная с конца июня мы оставили Испанию на этом участке границы. Однако маршал Сюше продолжал еще удерживаться в Арагоне, Каталонии и в королевстве Валенсия. Но результаты битвы при Витории были столь неудачными для нас, что Веллингтон смог послать подкрепление на юг Испании, поэтому Сюше пришлось оставить королевство и город Валенсию.

Это произошло в тот момент, когда император еще одерживал победы в Германии. Как только ему сообщили о положении дел за Пиренеями, он поспешил отобрать власть у короля Жозефа и маршала Журдана и назначил маршала Сульта

своим военным представителем и командующим всеми армиями в Испании.

Маршал Сульт реорганизовал дивизии и предпринял большие усилия, чтобы прийти на помощь французскому гарнизону, оставленному в Памплоне, но все оказалось напрасно. Эта крепость вынуждена была капитулировать, и маршалу Сульту пришлось отвести свои войска на Бидасоа. Крепость Сан-Себастьян защищалась очень долго, но в конце концов была взята штурмом англичанами и португальцами, которые, забыв о правилах гуманизма, грабили, насиловали и убивали несчастных жителей этого испанского города, хотя они были их союзниками! Английские офицеры не предприняли никаких мер, чтобы положить конец этой резне, длившейся трое суток, к стыду Веллингтона, генералов его армии и всей английской нации!

Маршал Сульт шаг за шагом защищал Пиренейские горы и много раз наносил поражения силам Веллингтона, однако неприятель имел численное превосходство над французскими войсками, что позволяло Веллингтону снова и снова переходить в контрнаступление. Наконец, ему удалось закрепиться по ту сторону границы, уже на нашей территории. Он перенес свой штаб в первый приграничный город Сен-Жан-де-Люз, который французы ранее никогда не уступали врагу, несмотря на поражения, понесенные королем Франциском I, и на неудачные кампании в конце царствования Людовика XIV. Не стоит думать о том, что после предательства немецких частей под Лейпцигом маршал Сульт мог бы надеяться сохранить во французской армии за Пиренеями многие тысячи солдат, пришедших с Рейна! Все немцы его армии в одну ночь перешли на сторону врага, увеличив тем самым силу войск Веллингтона.

Однако, объединив несколько дивизий под стенами Байонны, маршал Сульт вновь выступил против англо-португальской армии. 9 сентября при местечке Сен-Пьер-д'Ируб произошла битва, длившаяся 5 дней, она была одной из самых кровавых в этой войне. Это сражение стоило 16 тысяч человек противнику и 10 тысяч человек — французам, тем не менее утратившим свою позицию вокруг Байонны.

До того как в Нижних Пиренеях произошли эти события, маршал Сюше, узнав в октябре о поражениях, которые Наполеон только что потерпел в Германии, и понимая, что не сможет продержаться на юге Испании, приготовился к отступлению во Францию. Для этой цели он собрал свои войска вокруг Таррагоны, вывел оттуда гарнизон и приказал взорвать стены этого города. Гарнизон Таррагоны увеличил численность его армии. Отступление наших войск, несмотря на помехи со стороны

испанцев, осуществилось в полном порядке, и в конце декабря 1813 года Сюше и полки, находившиеся под его командованием, оказались в Жероне.

Чтобы дополнить это рассмотрение ситуации французских армий в конце 1813 года, необходимо напомнить, что весной этого же года император, мало рассчитывая на Австрию, объединил в Тироле и в своем итальянском королевстве многочисленную армию. Командование этой армией он доверил своему зятю Евгению Богарнэ, вице-королю этой страны. Этот принц был хорош, очень уравновешен, предан императору, но, хотя он и был в большей степени военным, чем король Испании Жозеф, тем не менее ему не хватало очень многого, чтобы оказаться способным руководить армией. Доверие, которое питал к нему император, заставляло Евгения обманываться на свой счет по этому поводу.

24 августа, в тот день, когда в Германии должно было закончиться перемирие, заключенное между Наполеоном и союзниками, австрийцы, до этого момента остававшиеся нейтральными, объявили себя нашими врагами по ту сторону Альп. Итальянские войска сражались в наших рядах, но далматинцы покинули нас и перешли на сторону Австрии. Под командованием принца Евгения находились замечательные командиры, среди них Вердье, Гренье, Гарданн, Грасьен, Кенель, Кампо и итальянец Пино. Военные столкновения никогда не оказывались слишком ожесточенными, потому что командиры обеих армий поняли, что успех этой кампании будет зависеть от развития событий в Германии. Однако состоялось немало сражений с самыми разными результатами. Но в конце концов превосходящие силы австрийцев, к которым вскорости присоединился английский корпус, высадившийся в Тоскане, принудили вице-короля Италии вывести франко-итальянскую армию за пределы области реки Адидже.

В ноябре стало известно об измене Мюрата, короля Неаполя. Сначала император не мог в это поверить, однако это предательство оказалось истинной правдой! Мюрат перешел под знамена Австрии, против которой он так долго сражался, и его войска уже заняли Болонью. Непостоянство итальянцев столь велико, что они везде с восторгом приветствовали австро-неаполитанские войска, до этого презираемые ими. Справедливости ради добавлю, что итальянцы еще больше возненавидели австрийцев и их союзников спустя совсем немного времени. В декабре армия вице-короля, насчитывавшая только 43 тысячи солдат, занимала Верону и ее окрестности.

Европа объединилась против нас, и император Наполеон не

смог скрыть от себя, что первым условием мира станет восстановление династии Бурбонов на испанском троне, поэтому он решил сам опередить события, понимая, что будет принужден к этому позже. Он вернул свободу королю Фердинанду VII, содержавшемуся до того в Валансэ, и приказал армии Сюше отступить за Пиренеи.

Так в конце 1813 года мы потеряли всю Германию, всю Испанию, большую часть Италии, и армия Веллингтона, только что переправившаяся через Бидасоа и Западные Пиренеи, стояла лагерем на *французской* территории, угрожая Байонне, Наварре и окрестностям Бордо.

Глава XXXIV

1814 год. — Я назначен комендантом департамента Жемапп. — Трудная ситуация. — Предотвращенное восстание. — Уничтожение казачьего отряда в Монсе. — Отзыв наших частей в Париж. — Мой сборный пункт переведен в Ножан-ле-Руа

Я начал 1814 год в Монсе. В течение этого года я не испытал столь больших опасностей и нагрузок, как в предыдущие годы, однако у меня было гораздо больше проблем морального порядка.

Я оставил в Неймегене всех кавалеристов моего полка, у кого еще оставались лошади, поэтому в Монсе, где находился сборный пункт, я нашел лишь безлошадных солдат. Я хотел дать им лошадей, приведенных из Арденн, как вдруг неприятель воспрепятствовал этому.

1 января противник, около трех месяцев не осмеливавшийся начать вторжение во Францию, перешел Рейн в нескольких пунктах. Одним из главных среди них сначала был Кауб, расположенный между Бингеном и Кобленцем у подножия гор Ролле. Другим местом переправы вражеских войск был Базель. Здесь швейцарцы отдали врагу каменный мост, нарушив при этом нейтралитет своей территории. Этот нейтралитет они защищают, требуя его или отказываясь от него, в зависимости от своих сиюминутных интересов.

Количество вражеских войск достигало 500–600 тысяч человек. Франция была измучена 25-летней войной. Свыше половины французских солдат находились в плену, многие французские провинции готовы были отделиться при первом же удобном случае. К ним относилась и та, в состав которой входил город Моне, бывший главным городом департамента Жемапп.

Эта обширная и богатая область была аннексирована Францией с вначале де-факто во время войны 1792 года, а затем де-юре в соответствии с Амьенским договором. Провинция так хорошо привыкла к союзу с Францией, что после всех несчастий Русской кампании она приложила самые большие усилия и понесла громадные жертвы, чтобы помочь императору воссоздать армию. Люди, лошади, снаряжение, одежда… — провинция удовлетворяла все просьбы без какого бы то ни было ропота! Но потери, которые мы только что понесли в Германии, обескуражили бельгийцев, поэтому я увидел, что настроение местного населения полностью изменилось. Жители департамента Жемапп вслух высказывали сожаления о временах

правления австрийской монархии, под властью которой эта провинция провела много лет и теперь желала отделиться от Франции, чьи непрерывные войны разрушали торговлю и промышленность. Одним словом, Бельгия ожидала только удобного случая, чтобы восстать. Это было тем более опасно для нас, что благодаря своему географическому положению эта провинция находилась в тылу небольшого французского корпуса на Рейне. Поэтому император послал несколько частей в Брюссель. Командование этими отрядами он поручил генералу Мезону, человеку весьма способному, упорному и твердому.

Пройдя несколько департаментов, генерал Мезон решил, что департамент Жемапп и особенно город Моне отличаются особенно враждебным духом. Здесь публично говорили о том, что следует взяться за оружие и выступить после слабых французских гарнизонов, занимавших провинцию. Это не смутило генерала О***, который командовал в Монсе. Этот генерал был стар, болен подагрой, лишен энергии, родился в Бельгии и, похоже, боялся скомпрометировать себя в глазах своих соотечественников. Граф Мезон освободил его от его обязанностей и доверил мне командование департаментом Жемапп.

Это поручение было тем более трудным, что после жителей Льежа и окрестностей обитатели областей, окружавших Моне, могут считаться самыми смелыми и самыми неспокойными из всех бельгийцев. А чтобы их сдерживать, у меня был только маленький отряд из 400 новобранцев, несколько жандармов и 200 кавалеристов моего полка, не имевших лошадей. Среди них было около 50 уроженцев этой страны, и они в случае столкновения наверняка перешли бы на сторону восставших, поэтому по-настоящему я мог рассчитывать только на 150 моих конных егерей, происходивших родом из «старой» Франции и прошедших всю войну вместе со мной. Лишь они последовали бы за мной при всех обстоятельствах. Среди них были очень хорошие офицеры. Пехотные офицеры и особенно командир пехотного батальона были настроены всячески мне помогать.

Однако я не мог скрывать от себя, что если бы дело дошло до сражений, то силы оказались бы неравными. Действительно, из гостиницы, где я поселился, я каждый день видел 3–4 тысячи городских жителей — рабочих и крестьян, вооруженных палками, собиравшихся на большой городской площади, прислушиваясь к речам многочисленных бывших австрийских офицеров. Те были богатыми дворянами и покинули службу после объединения Бельгии и Франции, а в настоящее время всячески выступали против Империи. Агитаторы ругали Империю, которая обложила их налогами, отняла у них детей, чтобы послать их на войну, и

т. д. и т. п. Эти высказывания выслушивались с тем большим вниманием, что исходили от богатых собственников земли, обращавшихся с этими словами к своим арендаторам и к людям, которым они давали работу и на которых, следовательно, они имели очень большое влияние.

Добавьте к этому, что каждый день приносил известия о продвижении вражеских войск, подходивших к Брюсселю, тесня остатки корпуса маршала Макдональда. Все французские чиновники и служащие покинули департамент Жемапп и скрылись в Валансьене и Камбре. Наконец, мэр Монса г-н Дюваль де Больe, весьма почтенный человек, счел своим долгом предупредить меня, что мой небольшой гарнизон и я сам не могли рассчитывать на безопасность, находясь среди многочисленного враждебного населения, и, соответственно, мне лучше всего было бы оставить город, чему никто не будет препятствовать, поскольку мой полк и я сам всегда жили в согласии с местными жителями.

Я понял — это предложение исходило от некоего комитета, состоявшего из бывших австрийских офицеров, а мэру поручили передать мне это предложение в надежде смутить и испугать меня. Поэтому я решил *показать зубы* и сказал г-ну Дювалю, что прошу его собрать муниципальный совет, а также именитых граждан города и я отвечу перед ними на предложение, какое только что получил.

Спустя полчаса весь гарнизон был вооружен, и, как только муниципальный совет в сопровождении самых богатых жителей города появился на площади, я сел на лошадь, чтобы всем было меня видно, предупредил мэра, что, прежде чем говорить с ним и его Советом, я должен отдать очень важный приказ своим войскам. После этого я сообщил моим солдатам о предложении, которое мне только что сделали: покинуть без боя город, доверенный нашей охране. Мои люди были крайне возмущены этим предложением и выразили свое негодование очень громко. Я был откровенен и сказал, что поскольку городские стены разрушены во многих местах и артиллерии у нас маю, то для нас будет очень трудным защищать город против войск противника, но, однако, в случае неудачи мы будем яростно сражаться и, если, вопреки международному праву, жители города и деревень выступят против нас, мы не должны будем ограничиваться только *защитой,* но мы атакуем их, используя все возможные методы, ибо все позволено в борьбе против *мятежников!* Вследствие этого, продолжил я свою речь, я приказываю моим солдатам захватить колокольню, откуда, подождав полчаса и предупредив троекратным барабанным боем, они будут стрелять по всем

людям, собравшимся на площади, а патрули разгонят людей, которые будут находиться на улицах, стреляя в основном по деревенским жителям, бросившим работу, чтобы выступить против нас. Я добавил, что если начнется сражение, то в качестве наилучшего способа защиты я прикажу поджечь город, а это займет делом жителей, и прикажу также стрелять по тем, кто станет тушить пожар!

Это выступление наверняка покажется вам очень жестоким, но подумайте о том критическом положении, в каком я оказался, имея лишь 700 человек, причем лишь очень немногие имели опыт войны. Я не мог ожидать никакого подкрепления, и меня окружало множество враждебных людей, число коих возрастало с каждым мгновением. Офицер, командовавший постом на колокольне, сообщил мне, что все дороги, ведущие к городу, покрыты толпами угольщиков, направляющимися к Монсу. Моей небольшой части и мне самому угрожала опасность быть просто раздавленными, если бы я не оказался достаточно энергичным! Моя речь произвела сильное впечатление на богатых жителей города, которые и были подстрекателями к бунту, а также на остальных горожан, тут же начавших расходиться. Но поскольку крестьяне не уходили, я приказал выдвинуть вперед два патронных ящика и раздать каждому солдату по сто патронов, зарядить ружья, а барабанщикам велел трижды пробить в барабаны, что должно было послужить сигналом к началу стрельбы.

В ответ на этот ужасный сигнал огромная толпа, занимавшая площадь, с воплями начала разбегаться по соседним улицам. Каждый спешил найти себе укрытие, и спустя немного времени сторонники австрийцев во главе с мэром подошли ко мне, чтобы пожать мне руку и умолять пощадить город. Я согласился при условии, что они *немедленно* прикажут угольщикам и рабочим вернуться по домам. Они выполнили это требование весьма поспешно. Элегантные юноши в прекрасном снаряжении вскочили на своих замечательных лошадей и через все ворота выехали из города, направляясь к толпам окрестных жителей. Гонцы отправили людей обратно в деревни, и никто не противился этому. Их пассивная покорность утвердила меня в мысли, что у бунта были сильные руководители и, если бы я не напугал зачинщиков, мой гарнизон и я сам были бы арестованы. Я напугал мятежников угрозой использовать все способы и даже огонь.

Бельгийцы — хорошие музыканты. Этим вечером должен был состояться любительский концерт, на который мои офицеры и я были приглашены, так же как г-н де Лоссо, префект

департамента, очень смелый и стойкий человек. Мы договорились пойти на этот концерт, как и предполагалось, и хорошо сделали, потому что нас прекрасно приняли, по крайней мере с виду. Беседуя с именитыми гражданами города, бывшими руководителями неудавшегося бунта, мы дали им понять, что не местное население с помощью восстаний будет решать судьбу Бельгии. Право на это решение принадлежит армиям воюющих стран. Объяснили им также, что было бы безумием с их стороны подстрекать к бунту рабочих и крестьян и прибегать к кровопролитию, дабы ускорить на несколько дней принятие решения, какого и так следовало ожидать.

Старый австрийский генерал, ушедший в отставку и поселившийся в Монсе, где он родился, сказал тогда своим соотечественникам, что их громадной ошибкой было устраивать заговор с целью обезоружить гарнизон, потому что это привело бы к большим и многочисленным несчастьям для города, поскольку военные никогда не должны складывать оружия *без боя!* Каждый из присутствующих согласился с правильностью этого замечания. Начиная с этого дня гарнизон и местные жители, как и в прежние времена, продолжали оставаться в очень хороших отношениях. Спустя совсем немного дней жители Монса убедительно доказали нам свою лояльность. Вот как это произошло.

По мере продвижения союзных армий множество бродяг и мерзавцев, особенно пруссаков, переодевались казаками и, толкаемые надеждой на грабеж, мародерствовали, бросаясь на все, что принадлежало французской администрации. Они даже не брезговали захватом вещей, принадлежавших мирным жителям.

Многочисленная банда таких ненастоящих казаков переправилась через Рейн и рассеялась по департаментам левого берега. Они дошли до стен Брюсселя, ограбили императорский дворец и овладели всеми лошадьми конного завода, который император там организовал. Затем, разбившись на несколько отрядов, мародеры двигались по Бельгии. Они добрались до департамента Жемапп, где пытались вызвать восстание местного населения, но, не добившись успеха, считали причиной этого тот факт, что жители главного города департамента — Монса — не присоединялись к ним из-за того, что комендант этого города внушил им огромный страх. Поэтому они решили меня похитить или убить. Но чтобы не встревожить гарнизон, посылая в эту экспедицию слишком большое число людей, они ограничились тремя сотнями казаков.

Похоже, их командир был очень хорошо осведомлен обо всем, поскольку знал, что у меня слишком мало людей для охраны

старых ворот и стен города, в то время наполовину разрушенных. Темной ночью неприятельские всадники приблизились к городу. Основная их часть спешилась и тихо проникла на улицы, направившись к главной площади и к Почтовому отелю, где я несколько ранее жил. Но с той поры, как мне сообщили о переходе противника через Рейн, я каждый вечер отправлялся ночевать в казарму, где проводил ночь вместе со своими солдатами. Мне сильно повезло, потому что немецкие «казаки» окружили отель, обыскали все номера и в ярости от того, что не нашли французских офицеров, набросились на хозяина гостиницы, которого избили, ограбили и выпили все лучшее вино его погреба. Они напились настолько, что пьяными оказались все — и солдаты, и офицеры.

В этот момент вошел один бельгиец — бывший капрал моего полка по имени Куртуа, награжденный орденом, поскольку он был одним из моих самых храбрых солдат. Этот человек родился возле Монса. Во время Русской кампании в предыдущем году он потерял ногу. Я был рад спасти его, дав ему возможность и способ вернуться во Францию. Он был настолько благодарен мне за это, что во время моего пребывания в Монсе зимой 1814 года очень часто приходил ко мне и по этому случаю каждый раз надевал форму 23-го конно-егерского полка, которую он всегда носил с честью. Случилось так, что той ночью Куртуа, возвращаясь в дом одного из своих родственников, чьим гостеприимством он пользовался, заметил вражеский отряд, направлявшийся к Почтовому отелю. Хотя смелый капрал и знал, что я не ночую в этом отеле, он тем не менее захотел удостовериться в этом и бесстрашно вошел в гостиницу, увлекая за собой своего родственника.

При виде французской формы и ордена Почетного легиона пруссаки подло набросились на несчастного калеку и хотели сорвать с него крест, сверкавший у него на груди! Старый солдат попытался защитить свой орден. Тогда прусские «казаки» убили его, вытащили его труп на улицу и продолжили свою оргию!

Город Моне был столь велик по сравнению с моим небольшим гарнизоном, что мы закрепились в казарме, и, сконцентрировав оборону в течение ночи в данном пункте, я запретил солдатам ходить в сторону главной площади, хотя мне и было известно, что там находился неприятель. Дело в том, что я не знал ничего о его количестве и боялся, как бы жители города не присоединились к врагам.

Но когда жителям стало известно об убийстве Куртуа, которого уважала вся округа, они решили отомстить за него и, моментально забыв о своих обидах на французов, послали ко мне

брата Куртуа, а также самых уважаемых и самых смелых людей города, чтобы призвать меня возглавить жителей и изгнать «казаков» из города! Я думаю, что злоупотребления и грабежи, которые «казаки» позволили себе, особенно разграбление Почтового отеля, внушили каждому из городских буржуа опасения за собственную семью и собственный дом. В той же степени, как и гибель Куртуа, все это заставило их решить прогнать «казаков». Я думаю, они действовали бы совершенно иначе, если бы вместо убийц и грабителей в их город вошли регулярные части противника. Тем не менее я счел своим долгом воспользоваться доброй волей и желанием жителей, взявшихся за оружие, чтобы помочь нам. Поэтому я взял с собой часть солдат и отправился к площади. В то же время остальные мои подчиненные во главе с начальником батальона, очень хорошо знавшим город, по моему приказу отправились занять место возле бреши в городской стене, через которую прусские «казаки» проникли в город. Как только послышались первые ружейные выстрелы, сделанные нашими людьми по этим негодяям, в гостинице и на всей главной городской площади возникла свалка. Те из врагов, кто не был убит на месте, бросились бежать со всех ног, но многие из них заблудились на улицах и были убиты. Те же, кто добежал до того места, где мародеры оставили своих лошадей привязанными к деревьям, были встречены начальником батальона, приказавшим открыть ружейный огонь по ним в упор. С рассветом по всему городу и возле бреши в городской стене нашли свыше двухсот убитых врагов, мы же не потеряли ни единого человека. Наши противники не защищались, настолько они были пьяны после такого количества выпитого вина и крепких ликеров. Уцелевшие сумели пробраться через остатки городских стен и бросились по деревням, где все они были захвачены или убиты крестьянами, пришедшими в ярость, узнав о смерти несчастного Куртуа, а его все считали героем и гордостью всей здешней местности, и он носил прозвище *Деревянная нога.*

Я не считаю этот бой в Монсе делом, каким я могу особенно похвастаться, потому что вместе с национальными гвардейцами у меня было 1200–1300 человек, в то время как прусских «казаков» насчитывалось всего 300, но я счел своим долгом рассказать об этой примечательной стычке с целью показать, насколько изменчиво настроение масс. Действительно, все крестьяне и угольщики, которые за месяц до этого единодушно поднялись, чтобы уничтожить или, по крайней мере, обезоружить небольшое количество французов, остававшихся в Монсе, в этот раз стали на их сторону против пруссаков, потому что пруссаки убили одного из их соотечественников! Мне очень жаль также смелого Куртуа,

павшего жертвой своей привязанности ко мне.

Самым главным трофеем нашей победы в тот раз оказались триста с лишним лошадей противника. Почти все эти лошади были из области Берг и оказались очень хороши. Поэтому я взял их в полк, для которого это неожиданное конское пополнение было очень кстати.

Я провел в Монсе еще один месяц. Все жители этого города снова были очень добры к нам, несмотря на приближение вражеских армий. Но в конце концов успехи противника стали настолько значительными, что французам пришлось не только оставить Брюссель, но и всю Бельгию и вновь уйти за прежние границы Франции. Я получил приказ перевести депо моего полка в Камбре, где, имея лошадей, захваченных у пруссаков, я сумел принять в свои ряды 300 замечательных кавалеристов, вернувшихся из Лейпцига, и образовать два хороших эскадрона под командованием майора Сигальда, вскоре направленных в армию Наполеона в Шампани. Там эти кавалеристы отличились и поддержали славу 23-го конно-егерского полка, особенно в сражении при Шампобере, где был убит храбрый капитан Дюплесси, один из самых замечательных офицеров полка.

Я всегда отдавал предпочтение пике, служащей в руках хорошего кавалериста очень мощным и страшным оружием, поэтому попросил разрешения раздать солдатам моих эскадронов пики, которые артиллерийские офицеры не смогли взять с собой, оставляя крепости, расположенные по Рейну. Я получил разрешение на это, и пики оказались столь ценным оружием, что многие другие кавалерийские полки тоже попросили их, о чем никогда не пожалели.

Депо отдельных полков вынуждены были перейти на левый берег Сены, чтобы не оказаться в руках неприятеля, поэтому мой полк направился в округ Дрё. У нас оказалось достаточно большое число всадников, но все еще было мало лошадей. Правительство делало очень большие усилия, чтобы собрать лошадей в Версале, где было создано центральное депо кавалерии под командованием генерала Преваля.

Генерал Преваль, подобно своему предшественнику генералу Бурсье, гораздо лучше понимал детали набора конского пополнения и организации армии, чем ведение войны, в которой он принимал очень небольшое участие. Он очень хорошо справлялся с трудным поручением императора, но поскольку ему неоткуда было взять ни лошадей, ни боеприпасов, ни амуниции, то он старался отправлять в путь только достаточно хорошо организованные части, а таких частей было не очень много. Меня это крайне огорчало, но ни один из командиров полков не мог

отправиться на театр военных действий без приказа императора, который, чтобы сохранить воинские кадры, запретил отправлять в сражение большее количество офицеров, чем то, какое соответствовало реальному числу солдат в полках. Поэтому я напрасно упрашивал генерала Преваля позволить мне отправиться в Шампань. Он назначил мой отъезд на конец марта, когда я должен был привести в действующую армию так называемый *маршевый полк,* состоявший из всадников моего депо и нескольких других.

До этого времени мне было позволено жить в Париже вместе с семьей. Я отправился в Париж, где провел большую часть марта. Это был один из самых трудных периодов моей жизни, хотя я и находился возле тех, кто всегда был мне больше всего дорог. Однако императорское правительство, которому я был всем обязан и которое столь долго защищал ценой собственной крови, рушилось. Вражеские армии, начиная от Лиона, захватили значительную часть Франции, и было нетрудно предвидеть, что вскоре они придут в столицу страны.

Глава XXXV

Прекрасная военная кампания Наполеона. — Сопротивление становится невозможным. — Недостаточность мер, принятых для защиты Парижа. — Прибытие союзников. — Запоздалое возвращение императора в столицу. — Париж должен был бы удержаться. — Неслыханные интриги против Наполеона

Самые большие противники императора вынуждены согласиться, что он превзошел сам себя в зимней кампании первых трех месяцев 1814 года. Никогда этот военачальник не проявлял столько талантов, не осуществлял столь великих дел с такими малыми силами. Вместе с несколькими тысячами человек, основную массу которых составляли неопытные новобранцы, он смог сопротивляться всем европейским армиям. Он противостоял им повсюду с одними и теми же войсками, которые император переводил из одного пункта в другой с необыкновенной быстротой. Ловко пользуясь всеми ресурсами страны, чтобы защищать ее, он переходил от австрийцев к русским, от русских к пруссакам, от Блюхера к Шварценбергу и от Шварценберга к Сакену. Иногда они давали ему отпор, но гораздо чаще Наполеон оказывался победителем. В какой-то момент он надеялся изгнать иностранцев с французской территории, в то время как враги, обескураженные своими многочисленными неудачами, думали о том, чтобы уйти за Рейн. Для этого потребовалось бы лишь новое усилие со стороны французской нации, однако все уже устали от войны, и со всех сторон, особенно в Париже, против Империи плелись заговоры.

Многие военные историки выражали удивление по поводу того, что Франция не встала в едином порыве, как в 1792 году, чтобы отразить неприятеля, или что она не действовала, подобно испанцам, образовав в каждой провинции центр национальной обороны.

На это отвечают обычно, что энтузиазм, вдохновлявший армии в 1792 году, иссяк за 25 лет войн и истощился слишком частыми наборами и в большинстве наших департаментов оставались теперь только старики и дети. Что касается примера Испании, то к Франции он совершенно неприменим. Во Франции слишком большое влияние принадлежит Парижу, и остальная Франция ничего не может в тех случаях, когда Париж не встает во главе какого-либо движения. В то же время в Испании в каждой провинции существует свое маленькое правительство, поэтому в Испании каждая провинция смогла действовать и создать свою

армию, даже тогда, когда Мадрид был оккупирован французами. Францию погубила *централизация.*

В план моего изложения событий не входит рассказ о подвигах французской армии во время знаменитой кампании 1814 года, потому что для этого пришлось бы написать целые тома и прокомментировать все, написанное по этому поводу. Я не чувствую в себе смелости распространяться о несчастьях своей страны. Я ограничусь лишь рассказом, как, пытаясь шаг за шагом отстоять земли между реками Марна, Об, Сона и Сена, император разработал большой план кампании, который в случае успеха должен был спасти Францию. План предусматривал отправиться с основной частью войск в Лотарингию и Эльзас, что сильно угрожало бы вражеским тылам и вызвало бы у противника опасение быть отрезанным от своих складов и обозов, не иметь никакого пути к отступлению и заставило бы неприятеля отойти к границам Франции, в то время как у императора в этом случае еще имелись бы возможности для продолжения боев.

Но для того чтобы этот замечательный стратегический план, предложенный императором, смог привести к хорошему результату, требовалось стечение двух важных обстоятельств, каких ему недоставало. Императору нужна была, во-первых, верность высших государственных чиновников и средства, позволившие бы помешать противнику захватить Париж в том случае, если бы, не обращая внимания на рейд императора по вражеским тылам, противники решились направиться к нашей столице. К сожалению, верность императору в Сенате и в Законодательном собрании настолько ослабла, что именно главные члены этих палат, такие как Талейран, князь Дальберг и другие, через посредство своих тайных агентов информировали вражеских монархов о неверности высших классов Парижа по отношению к Наполеону и призывали противника атаковать столицу.

Что касается способов защиты Парижа, я должен признаться, что у Наполеона их было недостаточно. Он ограничился тем, что создал на правом берегу Сены несколько линий оборонительных укреплений, не сделав ничего для того, чтобы разместить там артиллерию. Очень небольшого количества линейных войск, инвалидов, ветеранов и студентов Политехнической школы, которые составляли парижский гарнизон, было недостаточно даже для незначительного сопротивления. Поэтому, уходя прочь от столицы в январе, чтобы возглавить свои войска в Шампани, император поручил национальной гвардии защиту Парижа, где он оставлял сына и императрицу. Он собрал в Тюильри офицеров городской милиции. Те по обычаю клятвами и воинственными

кликами ответили на горячую речь, с которой к ним обратился император. Наполеон провозгласил императрицу *регентшей,* главнокомандующим войсками назначил своего брата Жозефа, экс-короля Испании, а он, как известно, будучи «наилучшим из людей», являлся самым *невоенным* из них.

Наполеон был полон иллюзий, считая, что таким образом обеспечивает безопасность столицы. Он думал, будто может на несколько дней доверить Париж его собственным силам и отправиться с тем небольшим количеством войск, какое у него оставались, осуществить свой план удара по вражеским тылам. Поэтому в конце марта Наполеон уехал в Лотарингию. Но как только он оказался в нескольких днях перехода от столицы, он узнал, что союзники, вместо того чтобы преследовать его, как он надеялся, направились на Париж, тесня перед собой небольшие остатки корпусов маршалов Мармона и Мортье. Маршалы заняли позиции на вершинах Монмартра, пытаясь их защитить, в то время как Национальная гвардия помогала им лишь тем, что изредка посылала на помощь стрелков.

Эти неприятные известия открыли Наполеону глаза. Он приказал повернуть колонны к Парижу, и сам немедленно отправился туда же.

30 марта император, двигавшийся очень быстро и без всякого эскорта, вдруг услышал сильную канонаду. У него появилась надежда, что он приедет в Париж до вступления в столицу неприятеля. В Париже присутствие Наполеона наверняка оказало бы очень большое влияние на население, уже давно требовавшего раздачи ружей. В казармах Марсова поля было 100 тысяч ружей и несколько миллионов патронов, однако военный министр генерал Кларк не захотел разрешить раздачу оружия жителям Парижа.

Приехав на почтовую станцию всего в 5 лье от Парижа, император больше не услышал пушечных залпов и понял — столица в руках врага. Это и подтвердилось. В самом деле, Мармон подписал капитуляцию, отдававшую столицу в руки неприятеля! Однако с приближением опасности из Парижа увезли императрицу и ее сына — Римского короля, которые отправились в Блуа, где король Жозеф, оставив командование, порученное ему императором, вскоре оказался вместе с ними. Линейные войска ушли из Парижа через заставу Фонтенбло по дороге, откуда ждали появления императора.

Невозможно представить себе то, что происходило тогда в столице, жители которой, разрываемые самыми противоположными интересами, были захвачены врасплох вторжением врага, коего лишь очень немногие из парижан ожидали… Что до меня, то я уже знал о вторжении неприятеля. Я

видел вблизи ужасы войны, и меня мучила мысль о том, куда я смогу спрятать жену и маленького ребенка, чтобы они оказались в безопасности. В это время старый добрый маршал Серюрье предоставил всей моей семье убежище в Доме Инвалидов, комендантом которого он был. Меня успокаивала мысль о том, что французы повсюду оставляли в покое места, где жили старые солдаты, поэтому я думал, что неприятель таким же образом будет обращаться с нашими ветеранами. Я перевез мою семью в Дом Инвалидов и уехал из Парижа до вступления в него неприятеля. Я отправился в Версаль под командование генерала Преваля, назначившего меня командиром небольшой колонны, состоявшей из кавалеристов моего полка, а также всадников из 9-го и 12-го конно-егерских полков.

Еще до того, как союзники вступили в Париж, эта колонна должна была в тот же день собраться в Рамбуйе. Я отправился туда и нашел там своих лошадей и всадников. Я принял на себя командование эскадронами.

Дорога была забита повозками и экипажами, покидавшими столицу. Меня это не удивляло, но я не мог понять, откуда взялось большое количество войск различных родов оружия, которые прибывали со всех сторон и которые могли бы образовать весьма существенный армейский корпус, если их объединить. Этот корпус сумел бы остановить неприятеля перед Монмартром и дать время армии, возвращавшейся быстрым маршем из Шампани и Бри, спасти Париж. Однако император, обманутый своим военным министром, не отдал по этому поводу никакого приказа и, вероятно, даже не знал, что у него оставались еще такие большие силы для защиты столицы. Перечислю здесь эти части в соответствии с документами военного министерства.

400 пушек с достаточным количеством зарядов в Венсенне, в военной школе Марсова поля и в центральном артиллерийском складе. Свыше 50 тысяч новых ружей в этих же местах. Что до людских ресурсов, то король Жозеф и военный министр Кларк могли иметь в своем распоряжении части, приведенные в Париж маршалами Мармоном и Мортье, число солдат в них доходило до 19 тысяч человек. 7–8 тысяч солдат из линейных частей, расквартированных в Париже. 3 тысячи человек в сборных пунктах Императорской гвардии. 15–18 тысяч кавалеристов без лошадей, расквартированных в казармах Версаля или в окрестностях. 18–20 тысяч новобранцев, предназначенных для отправки в линейные полки. А также национальные гвардейцы в казармах Сен-Дени, Курбевуа, Рюэйя и других селений в окрестностях Парижа. Свыше 2 тысяч офицеров — отпускников,

раненых, без постоянного места службы или в отставке, которые пришли предложить свои услуги. И, наконец, 20 тысяч рабочих, почти все они бывшие солдаты, просивших разрешения внести свою лепту в защиту Парижа.

В общей сложности эти объединенные силы насчитывали свыше 80 тысяч человек. Их было легко собрать за несколько часов и использовать для защиты столицы до прибытия Наполеона и армии, которая следовала за ним.

Жозеф и Кларк, уже утром 28 марта предупрежденные о подходе неприятеля, начавшего атаку лишь 30-го, имели, таким образом, двое суток, чтобы использовать все ресурсы, но ничего не предприняли. И, наконец, в довершение всех безобразий в тот момент, когда вражеские войска атаковали Роменвиль, Жозеф и Кларк приказали покинуть Париж через ворота Пасси четырем тысячам лучших пехотинцев и кавалеристов Императорской гвардии, чтобы увеличить в Блуа численность эскорта императрицы, который и без этого был более многочислен, чем того требовали обстоятельства.

Как только Наполеон узнал, что Париж капитулировал и два маленьких корпуса Мармона и Мортье покинули укрепления, отступая к Наполеону, он приказал им занять позицию при Эссоне в 7 лье по направлению на полдороге из Парижа в Фонтенбло, и сам отправился в Фонтенбло, куда прибывали головные части колонн армии, возвращавшейся из Сен-Дизье. Все это показывало, что у Наполеона было намерение направиться на Париж, как только его войска объединились бы.

Позже вражеские генералы признавались, что, если бы император атаковал их, они не осмелились бы принять бой, имея позади себя Сену и громадный город Париж с миллионом жителей, которые могли во время боя подняться против неприятеля, забаррикадировать улицы и мосты и отрезать врагу путь к отступлению. Поэтому враги решили отступить и стать лагерем на высотах Бельвиля, Шарона, Монмартра и Шомона, господствующих над правым берегом Сены и над дорогой в Германию. В этот момент в Париже произошли новые события, удержавшие неприятеля в этом городе.

Г-н Талейран, бывший священник, считался одним из людей, наиболее преданных Наполеону, давшему Талейрану богатство и титул князя Беневентского, сделавшему его главным камергером двора и т. д. и т. п., короче, г-н Талейран, чье самолюбие страдало, что он не был больше доверенным лицом Наполеона и министром, руководившим его политикой, встал во главе молчаливой оппозиции, включавшей в себя недовольных из всех партий, особенно после несчастий Русской кампании. В эту

оппозицию главным образом входили представители *предместья Сен-Жермен,* то есть представители высшей аристократии, лишь внешне подчинившейся Наполеону и даже служившей ему в дни его процветания. Эти презренные аристократы впоследствии сделались врагами императора и, не компрометируя себя открыто, всеми возможными способами нападали на главу правительства. Основными руководителями этой партии были аббат Прадт, барон Луи, аббат Монтескье, г-н Шатобриан, депутат Лене и т. д. и т. п.

Почти все эти талантливые люди под руководством Талейрана, являвшегося самым хитрым интриганом из всех, уже в течение некоторого времени ждали возможности свергнуть Наполеона. Они поняли, что никогда не представится столь удобный случай, чем этот, какой давала им оккупация Франции полутора миллионами врагов, и присутствие в Париже всех монархов Европы, большинство из коих были сильно унижены Наполеоном. Но хотя Наполеон в этот момент очень ослабел, он не был еще полностью разбит, потому что помимо армии, которую он вел с собой и которая только что сотворила чудеса храбрости, выносливости и приобрела новые победные лавры, у него оставалась еще армия Сюше в Пиренеях и Верхней Гаронне, многочисленные войска под командованием маршала Сульта и две прекрасные дивизии в Лионе. Наконец, Итальянская армия была еще очень сильна. Так что, несмотря на оккупацию Бордо англичанами, Наполеон еще мог бы объединить все свои силы и бесконечно продолжать войну, поднимая народные массы, ожесточенные вражескими репрессиями.

Г-н Талейран и его партия поняли, что, если они дадут императору время привести в окрестности Парижа следовавшие за ним войска, он сможет разбить неприятеля на улицах столицы или отступить в какие-нибудь преданные ему провинции, где будет продолжать войну до тех пор, пока усталые союзники не согласятся заключить мир. Следовательно, по мнению Талейрана и его друзей, надо было сменить *лицо* правительства. Но в этом и заключалась большая трудность, потому что они хотели восстановить на троне династию Бурбонов в лице Людовика XVIII, в то время как другая часть нации желала оставить на троне Наполеона или, по крайней мере, учредить регентство императрицы.

Подобное расхождение во мнениях существовало и среди монархов-союзников. Дело в том, что английский и прусский короли стояли на стороне Бурбонов, а русский император, который никогда не любил их и опасался, как бы нелюбовь французской нации к этим принцам и к эмигрантам не вызвала

новую революцию, был недалек от согласия защищать интересы сына Наполеона и его супруги.

Чтобы разом прекратить все эти дискуссии и решить вопрос, взяв на себя инициативу, хитрый Талейран, желая в какой-то степени *принудить* иностранных монархов принять решение, привел на площадь Людовика XV около двадцати молодых людей из предместья Сен-Жермен. Все они сидели верхом, с белыми кокардами, под руководством виконта Талона, который был моим однополчанином и от которого я узнал все эти подробности. Юноши направились к отелю, где жил император Александр, громко крича: «Да здравствует король Людовик XVIII! Да здравствуют Бурбоны! Долой тирана!» Сначала эти крики не вызывали у собравшихся ничего, кроме крайнего удивления. Затем из толпы раздались угрозы, поколебавшие самых решительных участников кавалькады. Поскольку первый порыв роялизма не возымел эффекта, участники кавалькады продолжили свой спектакль в различных местах парижских бульваров. В некоторых местах их освистали, в других аплодировали. Поскольку прибытие иностранных монархов приближалось и парижанам требовался какой-нибудь лозунг, чтобы их приветствовать, то возгласы виконта Талона и его друзей весь день звучали в ушах императора Александра, что позволило Талейрану сказать вечером того же дня этому монарху: «Ваше Величество может само судить о том, с каким единодушием нация желает восстановления Бурбонов!»

Начиная с этого момента, дело Наполеона было проиграно, хотя его приверженцев было намного больше, чем приверженцев Людовика XVIII, как показали события следующего года.

Письма, написанные полковником Марбо в 1815 году [153]

Сизуэн, 10 апреля 1815 г.

…Я нахожусь перед Турне и защищаю линию от Мушена до Шерена. Когда я говорю, что защищаю линию, то надо признать, что это не составляет особого труда, поскольку англичане не осуществляют никаких передвижений и столь же спокойны в Турне, как если бы они были в Лондоне. Я думаю, что все пройдет наилучшим образом. Вчера я был в Лилле, где меня очень хорошо принял генерал граф д'Эрлон.

Сент-Аман, 5 мая

…Я только что получил приказ послать депутацию из пяти офицеров и десяти унтер-офицеров или солдат в Париж на Марсово поле. В приказе сказано, что командир полка должен сам возглавить эту депутацию. Подобные депутации всех полков дивизии должны отправиться в путь и прибыть 17-го в Аррас, а на следующий день направиться в Париж. Все очень спокойно, о войне никто не говорит. В иностранных войсках часто дезертируют солдаты. Люди, прибывающие оттуда, утверждают, что все бельгийцы, саксонцы и голландцы дезертируют и придут к нам. Мой полк с каждым днем становится все больше. У меня 700 человек. На мой сборный пункт вчера пришло 52 человека. Форма им очень нравится. Новобранцы сыплются на нас градом, не знаешь, куда их приткнуть.

Сент-Аман, 8 мая

За последнюю неделю дезертирство в неприятельских частях достигло наивысшей степени. Бельгийские, саксонские, ганноверские солдаты приходят группами по 15–20 человек. Они утверждают, что русские и австрийцы не придут, и люди думают, что войны не будет. Здесь это выглядит почти уверенностью. Если все так и произойдет, то сколько слов потрачено даром! Сколько планов окажутся неосуществленными!

Пон-сюр-Самбр, 13 июня

Сегодня утром я прибыл из Парижа в Валансьен. Я нашел мой полк на месте. Он проходил через город, чтобы направиться к Мобежу. У меня хватило времени лишь на то, чтобы посадить солдат на лошадей, передать мой экипаж одному из друзей и отправиться в путь.

Я падал от усталости, мне очень хотелось спать, но пришлось идти весь день среди огромного количества солдат. Мы только что заняли свою позицию на эту ночь… Мы идем вперед… Кажется, перчатка брошена… Не думаю, что сражение состоится раньше, чем через пять дней…

Мерб-ле-Шато, 14 июня

…Сегодня мы все еще шли, и в 3 часа ночи я был еще на лошади… Мы пришли наконец на самую границу. Враг отступает, и не думаю, что у нас будут большие бои. Тем хуже, так как наши войска находятся в большом возбуждении[154]…

Лан, 26 июня 1815 г.

Я никак не приду в себя от нашего поражения!.. Нас швыряли, как тыквы. Вместе с моим полком я был на крайнем правом фланге нашей армии почти во время всей битвы. Меня уверяли, что маршал Груши должен прибыть в этот пункт, который охранял лишь мой полк с тремя орудиями и батальоном легкой пехоты, что было совсем недостаточно. Вместо маршала Груши на меня вышел корпус Блюхера!.. Судите сами, как нам досталось!.. Наш фронт был прорван, и враг сразу же оказался у нас в тылу!.. Это несчастье можно было бы поправить, но никто не отдал никаких приказов. Главные генералы были в Париже и произносили там бессмысленные и полупредательские речи. Низшие чины теряют голову, и дела идут все хуже и хуже… Я получил удар пикой в грудь, ранение довольно тяжелое, но я предпочел остаться в строю, чтобы показать *хороший пример.* Если бы каждый действовал подобным образом, наше дело еще бы не пропало, однако солдаты дезертируют и уходят в глубь страны, никто их не останавливает. И что бы ни говорили, в этой местности есть по крайней мере 50 тысяч человек, которых можно было бы собрать. Но тогда следовало бы применять *смертную казнь* к каждому, кто покидает свой пост, и к тем, кто дает им разрешение его покинуть. Все отправляются в самовольные отпуска, и дилижансы полны уезжающими из армии офицерами. Судите сами, остаются ли под знаменами солдаты. Через неделю их совсем не останется, если угроза смертной казни не будет их удерживать… При желании палаты парламента могут нас спасти, но нужны методы быстрые и законы строгие. Нам не присылают ни одной говяжьей туши, никакого продовольствия, ничего… так что солдаты грабят бедную Францию, как они делали это в России… Я нахожусь на передовых постах под Ланом. Нам приказали обещать, что мы не начнем стрелять, и все вокруг спокойно…

Письмо, отправленное в 1830 г. полковником де Марбо маршалу Груши

Господин маршал!

Я получил письмо, в котором Вы выражаете желание ознакомиться с разведывательными операциями, проведенными под моим командованием в день битвы при Ватерлоо. Я спешу ответить на вопросы, которые Вы мне задали по этому поводу.

7-й гусарский полк входил в состав дивизии легкой кавалерии, приданной к 1-му армейскому корпусу, который 18 июня образовывал правый фланг армии под личным командованием Наполеона. В начале военных действий, примерно в 11 часов утра, я был отослан от дивизии вместе с моим полком и пехотным батальоном, находившимся под моим командованием. Эти части были дислоцированы на крайнем правом фланге позади Фришмона, напротив Диля.

Мне были даны особые инструкции императором через посредство его адъютанта Лабедуайера и еще одного ординарца, чью фамилию я не запомнил. В этих инструкциях мне предписывалось оставить основную часть моих солдат в пределах видимости поля битвы и отвести двести пехотинцев во Фришмонский лес, один эскадрон переместить в Лан и отправить посты до Сен-Ламбера. Другой эскадрон должен быть размещен наполовину в Кутюре, наполовину в Бомоне. Мне предписывалось отправлять разведчиков до Диля на мосты в Мустье и Оттиньи. Командиры этих подразделений обязаны были оставлять маленькие конные посты на расстояние четверти лье друг от друга. Эти посты должны были образовывать непрерывную цепочку до самого поля битвы, чтобы при помощи гусар, передвигавшихся галопом с одного поста на другой, офицеры разведки могли быстро предупреждать меня о контакте с авангардом маршала Груши, который должен был прибыть со стороны Диля. Мне было приказано, наконец, направлять непосредственно императору сообщения, переданные мне этими разведчиками. Я приказал моим подчиненным выполнять данный приказ.

Спустя 15 лет после этих событий мне трудно точно назвать час, когда отряд, направленный Мустье, прибыл в этот пункт, тем более что капитан Элуа, который командовал этим отрядом, получил от меня указание посылать разведку как можно дальше и

двигаться с максимальной осторожностью. Но, отмечая, что он отправился от поля битвы в 11 часов и ему нужно было пройти не более 2 лье, надо предположить, что он преодолел это расстояние за два часа. Это позволяет утверждать, что он прибыл в Мустье в час пополудни. Из записки капитана Элуа, быстро переданной мне промежуточными постами, я узнал, что в Мустье он не нашел никаких войск. То же самое было в Обиньи. Я узнал также, что, по утверждению местных жителей, французы, оставленные на правом берегу Диля, переправились через реку в Лимале, Лимелетте и Вавре.

Я отправил эту записку императору с капитаном Куном. Он вернулся в сопровождении связного офицера, который передал мне приказ императора оставить линию постов, установленных вокруг Мустье. Император также приказывал офицеру, осуществлявшему разведку в области перехода при Сен-Ламбере, переправиться в этом пункте и провести разведку как можно дальше в направлении Лималя, Лимелетта и Вавра. Я передал этот приказ и послал мою карту командиру отряда в Лане и Сен-Ламбере.

Один из моих взводов, который выдвинулся вперед на четверть лье от Сен-Ламбера, встретил взвод прусских гусар, захватил в плен нескольких человек и среди них офицера. Я предупредил императора об этом захвате пленных и отправил их к нему.

Получив от пленных сведения, что за ними двигалась значительная часть прусской армии, я отправился с одним эскадроном подкрепления к Сен-Ламберу. Я заметил вдали большую колонну, направлявшуюся к Сен-Ламберу, и послал офицера предупредить об этом императора, ответившему мне приказом смело двигаться вперед, утверждая, что эта часть могла быть только корпусом маршала Груши, идущим от Лималя. По мнению штаба императора, Груши теснит перед собой нескольких заблудившихся пруссаков, к числу которых и принадлежали захваченные нами пленные.

Вскоре я убедился в противном. К нам приближалась голова прусской колонны, двигавшейся, впрочем, крайне медленно. Дважды я отбрасывал в ущелье гусар и улан, шедших впереди колонны. Я пытался выиграть время, задерживая врага как можно дольше. Неприятель мог лишь с большим трудом продвигаться по грязным овражистым дорогам. И когда наконец, уступая превосходящим силам противника, я отступил, офицер, которому я приказал информировать императора о подходе пруссаков к Сен-Ламберу, вернулся, сказав мне, что император приказывает предупредить об этом головные части колонны маршала Груши,

который в этот момент должен был выйти по мостам у Мустье и Оттиньи, раз он не шел через Лималь и Лимелетт.

В связи с этим я написал сообщение о скором приходе войск Груши капитану Элуа. Однако он, прождав понапрасну и не видя, чтобы к нему подходила бы какая-нибудь часть, и слыша пушки в направлении Сен-Ламбера, подумал, что отрезан от главных сил. Поэтому он отошел, последовательно минуя свои маленькие посты, и присоединился к основной части полка, остававшейся в пределах видимости поля битвы, почти в тот же самый момент, что и возвращавшиеся из Сен-Ламбера и Лана эскадроны, теснимые врагом.

Ужасная битва, в которой участвовали в это время позади Фришмонского леса отряды под моим командованием, полностью поглотила меня, поэтому я не могу точно говорить о времени. Однако думаю, что было около семи часов вечера, поскольку капитан Элуа на рысях отступил и ему вряд ли понадобилось больше часа для того, чтобы вернуться к нам. Поэтому я думаю, что он покинул мост Мустье примерно в 6 часов, следовательно, он оставался на этом мосту 5 часов. Удивительно, но он не заметил нашего адъютанта, если только тот не ошибся в названии места, где он вышел на берег Диля.

Таков точный рассказ о передвижениях полка, которым я командовал, для осуществления разведывательных операций во время битвы при Ватерлоо на правом фланге французской армии. Ход и направление моих разведывательных операций в этот памятный день были столь важны, что маршал Даву — военный министр — приказал мне в конце 1815 года изложить события этого дня в рапорте, который я имел честь отправить ему и который должен еще находиться в военных архивах[155].

Вышеизложенные факты привели меня к убеждению, что император ждал на поле битвы при Ватерлоо корпус маршала Груши. Но на чем была основана эта надежда? Это мне неизвестно, и я не позволил бы себе высказывать какие-то предположения, ограничившись лишь рассказом о том, что видел.

Примите уверения и т. д.

От французского издателя

Рассказ генерала Марбо завершается битвой при Ватерлоо. Мы подумали, что читатель захочет узнать, как сложилась дальше карьера этого храброго воина. Его карьера описана в биографической статье, опубликованной в газете «Журналь дю Деба» г-ном Кувилье-Флери на следующий день после смерти генерала. Автор рассказывает в этой статье о *Мемуарах*. Кувилье-Флери к моменту написания статьи уже ознакомился с *Мемуарами* и уговаривал тогда опубликовать их семью генерала. Мы подумали, что лучше всего будет завершить наше издание, воспроизведя здесь полностью статью г-на Кувилье-Флери, представляющую собой один из наиболее красноречивых текстов этого знаменитого академика.

Генерал де Марбо *(статья из газеты «Журналь дю Деба» от 22 ноября 1854 г.)*

Многочисленные родственники и друзья, генералы, судьи, члены бывшей Палаты пэров и уважаемые лица, среди которых был маршал военный министр, в прошлую субботу проводили в церковь Святой Магдалины, а затем к месту вечного упокоения останки г-на генерала барона де Марбо, кого непродолжительная болезнь отняла 16 ноября у любящей и оплакивающей его семьи.

Фамилия Марбо была дважды записана в истории Французской революции и Империи. Отец только что умершего генерала, бывший адъютант г-на Шомберга и депутат от департамента Коррез в Конституционной ассамблее, был президентом Совета ветеранов и умер от раны, полученный при осаде Генуи. Именно во время этой военной кампании, оказавшейся гибельной для его отца, Жан-Батист-Марселен де Марбо впервые начал постигать военное ремесло в качестве простого солдата в 1-м гусарском полку. Он родился 18 августа 1782 г. в замке Ла Ривьер (Коррез), и ему было всего 17 лет, когда он поступил на военную службу. Через месяц за блестящий воинский подвиг он был произведен в младшие лейтенанты. Таким образом он вступил на трудный путь к карьере, сделавшей его знаменитым. — Этот путь открылся для него в трудный период его жизни: между непоправимой потерей, отнявшей у него самую надежную защиту, и быстрым продвижением по службе, принесшим ему уважение его командиров.

Марбо принадлежал к тому поколению, которое было лишь ненамного старше великих событий 1789 года. Для этого поколения революция, можно сказать, ускорила ход времени, потому что здесь надо обязательно заметить: среди тех, кто, будучи предан воинскому ремеслу, нес столь высоко и столь далеко славу Франции, не все были столь же удачливы, как юный Марбо. Самым храбрым приходилось дорого платить прежнему режиму за «вину» иметь темное происхождение и родственников без дворянского герба. Иногда им оставалось лишь ждать по 15 и по 20 лет свои первые эполеты. Многие из них покидали армию, так и не получив заслуженного повышения. Именно так Массена ушел из армии 10 августа 1789 г., прослужив 14 лет в качестве солдата и унтер-офицера. Монсей затратил 13 лет на то, чтобы достичь звания младшего лейтенанта. Сульт 10 лет носил ружье

простого солдата. Бернадотт стал младшим лейтенантом лишь после того, как провел 10 лет в полку. Как только началась революция, ему понадобилось едва ли вдвое большее время для того, чтобы из младшего лейтенанта превратиться в наследного принца Швеции. Марбо, бывший в 1799 г. солдатом, в 1807 г. стал уже капитаном. Его карьере помогли пушки, захваченные им у австрийцев в блестящей кавалерийской атаке во время второй Итальянской кампании. Ему не забыли также его энергичную службу в качестве адъютанта маршала Ожеро во время битвы при Аустерлице. При Эйлау он был уже капитаном. Во время битвы при Эйлау, в самый критический момент этого кровавого дня, Ожеро приказал Марбо как можно быстрее пробраться на позицию, еще занимаемую 14-м линейным полком, окруженным со всех сторон огромными толпами русских. Адъютант Ожеро должен был вывести, если представится возможность, остатки этого полка. Но было уже слишком поздно. Однако Марбо благодаря быстроте своей лошади добрался до того холма, где, со всех сторон окруженные врагом, остатки несчастного полка оказывали последнее сопротивление, ведя свою последнюю битву. Хотя многие офицеры маршала, которым была поручена та же самая задача, нашли свою смерть, выполняя эту трудную миссию, Марбо сумел прискакать на помощь несчастному полку. Он сообщил старшему офицеру приказ об отходе. Однако русские колонны сделали любое отступление невозможным. «Отнесите нашего Орла императору, — сказал капитану Марбо героический командир 14-го линейного полка со слезами на глазах, — передайте ему слова прощания от имени нашего полка и вручите ему этот славный знак, который мы не можем больше защищать…» Марбо уже не видел, что произошло дальше, получив ранение. Потом лошадь сама вынесла его прочь из каре, где 14-й полк продолжал бой до последнего солдата. Адъютант Ожеро упал с лошади через несколько мгновений. Он валялся в снегу вместе с убитыми и был бы похоронен в общей могиле с погибшими товарищами, если бы один из его друзей чудом не узнал его и не отвез в штаб.

Когда генерал Марбо рассказывал этот драматический эпизод наших великих войн, он всегда говорил об этом с волнением, которое передавалось окружающим. Здесь самое место отметить остроумие, пыл, оригинальность и яркость, являвшиеся неотъемлемой частью его рассказов о военных событиях, где он принимал участие. Он любил говорить только о них. Точность языка, сила слога, обилие ярких образов, четкость в словах и связность точно структурированного повествования и способность несколькими штрихами придать выразительность картинам,

которые он хотел нарисовать, дали генералу Марбо возможность заинтересовать военными сценами самых безразличных или самых скептически настроенных людей. Его голос, жесты, яркий стиль, живая речь, искренняя теплота подлинных воспоминаний — все это делало его одним из столь трогательных и редких рассказчиков, умеющих смешивать очарование личных воспоминаний с интересом и важностью исторических событий.

Марбо оставил несколько томов рукописных воспоминаний, которые полностью известны лишь его супруге. Его доверие и дружба неоднократно давали нам возможность получить представление об этой редкой и любопытной работе, а она была главным трудом его бодрой старости. Мы не будем забегать вперед, говоря о выходе в свет этих воспоминаний, считая, что они появятся достаточно скоро и в полном виде. Начиная от битвы при Эйлау до Ватерлоо заслуги Марбо достаточно широко известны, чтобы было необходимо подробно напоминать о них. Лучше подождать, пока он сам о них расскажет. Из штаба маршала Ожеро в 1808 г. Марбо переходит в штаб маршала Ланна, а в 1809 г. — в штаб маршала Массены. Под командованием этих двух знаменитых военачальников он участвует в двух первых Испанских кампаниях. 1 декабря 1808 г. он был ранен сабельным ударом при Агреде, затем получил сквозное пулевое ранение при осаде Сарагосы и в том же году штыковое ранение в бедро и огнестрельное ранение в руку при Цнайме, в тот самый момент, когда было только что подписано перемирие, а его послали в качестве парламентера для обеспечения переговоров двух вражеских армий о прекращении огня. Как можно заметить, Марбо получает раны везде, и везде он снова возвращается в строй. Никогда он не задерживается в лазарете так надолго, как на поле битвы. От последствий этих ранений его выручает крепкое здоровье. Само его выздоровление носит героический характер. Его смелость и воинский талант спасают его от неудач. Маршалы, командующие армейскими корпусами, находящимися в трудном положении, — все они хотят иметь Марбо в своих штабах, независимо от того, ранен он или здоров. Понятно, что эти маршалы ищут в нем не только бесстрашного воина с саблей в руке, но и серьезного, образованного офицера, великолепного советника, человека, полного здравого смысла, умного, находчивого, чей разум подчинен смелости, а спокойствие — принятию взвешенных решений. Все эти качества вызывают доверие генералов к молодому Марбо, и они часто останавливают на нем свой выбор. Так проходят десять первых лет его военной карьеры. Он участвует в военных кампаниях под командованием самых

известных военачальников Наполеона. Он учится в великой школе — школе императора, наблюдая с близкого расстояния во многих памятных военных кампаниях сильные и слабые стороны этого великого искусства, полного успехов и неудач, расчета и непредвиденных обстоятельств, великих идей и несчастных случаев. Он овладел секретом этого искусства, и сам сумел поделиться с нами этим секретом в своем посмертном откровении, право унаследовать которое и впервые им воспользоваться он оставил своей супруге.

В 1812 г. капитан Марбо окончательно покидает маршальский штаб. Мы вновь находим его во главе кавалерийского полка (23-го конно-егерского), которым он прекрасно командует на протяжении всей Русской кампании. На Березине именно он защищает переправу наших войск, насколько это делает возможным несчастная судьба Франции. Именно он участвует в отражении вражеских сил, стремящихся раздавить героические остатки наших войск. При Якубове и во время переправы через Березину он ранен выстрелом и ударом пики. Через несколько месяцев, едва выздоровев, он получает в грудь башкирскую стрелу во время сражения при Лейпциге. В битве при Ханау — последнем бою, который наши войска провели на немецкой земле, — к полковнику Марбо возвращается удача, при взрыве зарядного ящика он всего только легко ранен. И, наконец, при Ватерлоо, во время атаки своего полка он получает удар английской пики, а затем, после замечательных подвигов, еще одну рану, но она не оказалась последней.

Слепая и фанатическая реакция, господствовавшая на протяжении некоторого времени во французском правительстве, вписала фамилию Марбо в список приговоренных к изгнанию 24 июля 1815 г. Реакция не могла не сделать с ним этого. Марбо укрылся в Германии, и там, на бывшем театре военных действий, где мы одерживали наши великие победы, он создал замечательное произведение[156]. За это спустя несколько лет император Наполеон, умирающий на острове Святой Елены, обратился к нему со следующими бессмертными словами одобрения его патриотизму и таланту: «Полковнику Марбо я приказываю: продолжить писать в защиту славы французских армий и дать отпор их клеветникам и отступникам!..»[157]

Реставрация была слишком умна, чтобы хранить обиды на славу императора. Она могла его бояться, но и восхищалась им. Письмо из Вероны, в котором мудрый король Людовик XVIII отдал должное герою Арколе и Пирамид, всегда составляло суть его политики по отношению к тем, кто служил императорскому режиму. Генерал Рапп был у короля адъютантом, наполеоновские

маршалы командовали королевскими армиями. Марбо призвали вернуться из ссылки и назначили командовать 8-м конно-егерским полком. В 1814 г., спустя лишь немного времени после восстановления монархии Бурбонов, полковник Марбо был призван командовать 7-м гусарским полком, полковым шефом которого был тогда герцог Орлеанский. Это обстоятельство склонило его впоследствии к сближению с Орлеанской династией (после Июльской революции 1830 г.). Позже Марбо был неразрывно связан с судьбой этой династии. Будучи человеком великого сердца и ума, возможно, еще более привязанным скорее разумом, чем страстью, к тем принципам Революции 1789 г. и к тем завоеваниям демократической Франции, которые благословила Хартия 1814 г., полный либерального духа, Марбо, в чьей груди билось сердце патриота, совершенно естественно чувствовал симпатию к принцу, принимавшему столь славное участие в 1792 г. в наших первых победах. Этот принц первым в 1815 г. выступил с высокой трибуны Палаты пэров против реакции и против ссылки бонапартистов. Когда герцог Шартрский достиг соответствующего возраста и надо было дополнить военной учебой прочное блестящее образование, полученное им в университете под руководством знаменитого преподавателя, то Марбо было поручено руководить юным принцем на этом новом пути, открывавшемся перед его умом и его деятельной натурой. Всем известно, что ученик оказал честь своему учителю. С тех пор генерал Марбо (король после Июльской революции произвел его в бригадные генералы) больше не покидал герцога Орлеанского до самой смерти последнего. Он служил ему и после, оставаясь адъютантом его юного сына. Перед пушками Антверпена в 1831 году; позже, в 1835 году, во время короткой, тяжелой кампании при Маскаре, где он командовал авангардом; в 1839 году во время экспедиции к Железным Воротам (в Алжире); в 1840 году при атаке на перевал Музайя — повсюду Марбо находился на почетном месте рядом с принцем и делил с ним все опасности. Свою последнюю пулю он получил, тоже находясь рядом с принцем Орлеанским. «…Это вы виноваты, что я ранен», — сказал он, улыбаясь, молодому герцогу, когда его принесли в лазарет. «Как это?» — «Да, Ваше Высочество. Раз не вы сказали в начале боя: «Держу пари, что если один из моих офицеров будет ранен, так это опять будет Марбо?» Вы выиграли свое пари!»

Ничего не утверждая, я вижу здесь одну из сторон натуры Марбо: будучи очень серьезным по складу ума, он имел весьма симпатичное чувство юмора. Он охотно выглядел насмешливым, не переставая при этом быть доброжелательным. В том, что иногда можно было назвать его здравым смыслом, существовала

особая, скрытая, внутренняя тонкость. Добавлю также, что редкий дар интеллигентности, способность к расчету, умение изучать факты и любовь к абстрактным комбинациям соединялись у него с вполне богатым воображением, с очень развитой литературной любознательностью и со способностью к свободному выражению мысли в живых описаниях. Это было не только достоинствами рассказчика, как я уже говорил, но обеспечивало ему повсюду — на заседаниях комитетов, на советах у принца и даже в Палате пэров — в вопросах самого общего характера законный и серьезный авторитет. Очень надежный в обращении, всегда порядочный, искренний и правдивый во всем, во время дискуссии Марбо вел себя не как воин или завоеватель, но как убежденный резонер, способный замолчать, не сдаваясь. Если можно так сказать, он был столь же бесстрашен в дискуссиях, сколь бесстрашным было его сердце. Он шел напрямик к истине, как раньше шел на поле битвы. Он делал утверждения в тех случаях, когда кто-нибудь другой, возможно, был больше заинтересован в том, чтобы сомневаться. Он смело решал такие вопросы, от каких кто-нибудь, более ловкий и гибкий, отказался бы. В этом, насколько мне известно, при последнем короле не было никакого риска. Либеральный дух и любознательность принца Орлеанского, которому он служил, — все это разрешало Марбо проявлять гражданскую прямоту старого солдата и поощряло его к этому. Впрочем, как же было его остановить? Эта гражданская прямота была совершенно естественна для него, подобно храбрости, и проистекала из того же самого источника.

Книга, которую император так прекрасно оценил двумя строчками, написанными его рукой, ценнее богатого дара, который он присоединил к своим строкам в завещании. Эту книгу сегодня не найдешь, а может, она уже и забыта. Мы, естественно, говорим о книге Марбо «Замечания об искусстве войны», изданной в 1820 г., а не об еще не опубликованных *Мемуарах*. Тем не менее именно эта книга могла бы дать тем, кто не был знаком с генералом Марбо, самое полное представление о его характере, его духе, который в не меньшей степени определяется его разумом, чем его смелостью. Книга почти целиком технического характера. В ней идет речь об искусстве войны в самом узком и в самом широком его применении. Несмотря на это и независимо от профессионального характера этого труда, он может быть отнесен к числу самых захватывающих произведений, какие только можно найти. Это произведение обладает и другими достоинствами. Я говорю о ясности тона, о пламенных рассуждениях, об обоснованном выборе деталей и об огромной эрудиции, поставленной на службу военным теориям.

Но особо следует отметить имеющуюся в ней нотку личного опыта и отражение практической жизни, являющейся ярким комментарием к научным рассуждениям. Такова эта книга генерала Марбо. Он написал ее в 34 года. Книга — это и есть человек, и я понимаю, почему она понравилась императору, скрашивая его долгие вечера на острове Святой Елены. Это произведение напомнило ему об одном из самых энергичных и самых преданных офицеров его армии. В этой книге вновь объединяются в славе и оживают бесстрашные старые батальоны. Победителя в сражении при Аустерлице книга хвалит за привычку и любовь к великим операциям наступательной войны. Бесстрашная теория и на протяжении многих лет непобедимая практика были инструментами величия и славы Наполеона. Марбо поощряет эти воспоминания униженного императора в большей степени, чем он, возможно, сделал бы это для императора всемогущего, но он писал свою книгу как человек глубоко убежденный. Он защищал завоевательную войну, будучи лицом, никогда не занимавшимся ничем иным, кроме войны, с убеждением, правдивостью и со своим обычным пылом, не стараясь специально понравиться кому-либо. Марбо был светским человеком, который меньше всего думал о том, чтобы нравиться, хотя в его простодушии нередко таилось большое искусство, а в его прямоте — добросердечие и порывистость.

Генерал Ронья писал, что страсти, в наибольшей степени способные внушить смелость войскам, — это, с его точки зрения: *«Религиозный фанатизм, любовь к родине, честь, амбиции, любовь к женщине и, наконец, желание богатства… Я умолчу о славе. Солдаты слишком редко слышат ее язык, чтобы она могла влиять на их смелость…»* Следует признать, что это была немного метафизическая для данной эпохи точка зрения, если вспомнить о времени, когда писал генерал Ронья. Подобная точка зрения, возможно, была и обоснованна (во что я не верю), но ее не было полезно ни распространять, ни высказывать вслух. «Ну что вы! — восклицает полковник Марбо в своем ответе. — Что вы! Это они-то не слышали язык славы! Солдаты, которые поклялись Рампону умереть вместе с ним на редуте Монте-Леджино. Солдаты, которые хватались за оружие при звуках голоса Клебера и предпочли кровавую битву постыдной капитуляции! Это они не слышат языка славы! Солдаты Арколе, Риволи, Кастильоне, Маренго, Аустерлица, Иены и Ваграма! Эти тысячи храбрецов, шедших на смерть в надежде получить крест ордена Почетного легиона, — разве они не слышали языка славы? Чего же хотят эти храбрые солдаты, которые первыми бросаются на брешь в стене или прорывают ряды вражеских эскадронов? Они хотят

отличиться, создать себе репутацию бесстрашных людей, что даст им уважение и командиров, похвалы товарищей по оружию и восхищение сограждан. Если это не любовь к славе, то что же это?»

Я процитировал эту героическую тираду не для того, чтобы показать стиль генерала Марбо, обычно в нем больше сдержанности, он более уверен, более оригинален даже в своей силе. Однако это стиль штыковой атаки, который можно было бы назвать декламацией в эпоху, отличавшуюся от нашей. Сегодня этот стиль необыкновенно кстати.

Кто во время войны не признает, что подобный способ судить о французском солдате — одновременно самый правильный, самый политичный и самый справедливый? Марбо меньше всего был претенциозно лиричным и совершенно не был дипломатом. Но надежный инстинкт показал ему, что именно заставляет трепетать фибры народной души под мундиром солдата и под знаменами Франции. И сегодня, спустя 40 лет, вспоминая об этих эпических строках из старой книги и сопоставляя с ними недавно представленный генералом Канробером список восьми тысяч храбрецов, которые записались для участия в штурме Севастополя, не должны ли мы повторить вместе с генералом Марбо: *«Если это не любовь к славе, то что же это*?»

Сколь далеко ни заходит в славное прошлое эта традиционная солидарность смелых воинов в рядах французской армии, она очень четко видна в книге, которую полковник Марбо написал в 1816 г. и которую он опубликовал несколькими годами позже. Если бы он написал ее через 20 или 30 лет, он говорил бы в ней не только о победителях кампаний в Египте, Германии и Италии; он отметил бы в воинах, унаследовавших эти воинственные инстинкты, то же самое героическое пламя, что горело в груди их отцов. Он последовал бы за ними под стены Кадиса, на поля боев в Морее в Греции, участвовал бы вместе с ними в атаке Форта Император в Алжире. Еще позднее он говорил бы о неутомимых солдатах, завоевавших для нас Африку, ибо их он видел в деле.

Марбо умер, высказывая, подобно всем нам, патриотические пожелания успеха нашему оружию, покрывшему себя новой славой в столь славных битвах, проходивших так далеко от любимой родины! Знамена меняются, революций становится все больше, годы проходят; неизменной остается смелость французов. Она заключена в самой нашей породе, в нашей крови. Марбо больше, чем кто-либо другой, был типичным и знаменитым представителем французской *природной храбрости,* как он ее называет. В ней есть не только твердость, но и порыв. Она не ждет

врага, а бросается на него и захватывает его врасплох, появляясь внезапно, подобно зуавам в битве при Альме. И эта внезапность появления делает саму скорость одним из элементов победы. Это смелость вторжения, смелость наступления. Это искусство или, скорее, дар идти вперед, «извлекать пользу из медлительности врага, удивлять его своим появлением и наносить сильные удары раньше, чем враг сможет прийти в себя». Именно такая смелость наилучшим образом соответствует нации, которая более любой другой предназначена искренностью своего духа, склонностью к всеохватывающему распространению черт своего характера, легкостью своего языка, принятого всем миром, для того, чтобы разносить по свету свои чувства и идеи. И небесполезно напомнить об этом в тот момент, когда столь большое количество французов противостоит опасному врагу в Крыму. Вместе со всеми важными качествами, присущими его ремеслу, Марбо обладал тем, что можно назвать смелостью авангарда. Он славился в армии большой дерзостью всех своих действий или даже *авантюр*. Однажды (я думаю, это случилось в начале Русской кампании, когда его только что произвели в полковники) он во главе колонны своего полка прибыл к броду, через который ему было поручено переправиться. Переправу защищал многочисленный отряд казаков при поддержке сильной артиллерии. Марбо оценил позицию, казавшуюся непреодолимой. «Пошли! — воскликнул он. — Я получил мои эполеты только вчера, нужно обновить их, устроив им водное крещение. Вперед!» И он пришпорил коня. В течение нескольких мгновений шел рукопашный бой, противники рубились саблями — солдат против солдата, как в поэме Гомера. Наконец враг отступил, пушки были захвачены. Марбо получил свое восьмое ранение, но переправился через реку.

Генерал Марбо был предан Империи настолько, что в память об этой славной эпохе претерпел изгнание и ссылку. Мы видели, как в конце концов Реставрация воздала ему по справедливости и как Июльская династия оказала ему доверие. Февральская революция 1848 г. отправила его в отставку. Генерал Марбо покорился. Не жалуясь, он воспринял немилость, которая в еще большей степени привязала его к свергнутой династии. Он имел одно качество, присущее благородным сердцам: он был верным человеком. Он был очень просвещенным и весьма нежным супругом и отцом, но домашние заботы никогда не ослабляли в нем дух гражданина и солдата. Бывший ранее одним из героев императорской эпопеи, он стал одним из наиболее значительных и почтенных лиц Июльской монархии и помнил об этом до своего последнего дня. К этим его воспоминаниям всегда

примешивалась легкая горечь, когда он думал о молодой ветви королевского дерева, сломанного судьбой на его глазах. Одновременно с невозмутимой ясностью сознания и чистой совестью он думал также о том, что на протяжении шестидесяти лет всегда служил своей стране, на всех полях сражений, в армии, в Парламенте, в общественных делах, в воспитании принца — вплоть до последних, слишком коротких моментов отдыха во время своей достойной старости. Эти моменты были посвящены рассказам о наших великих войнах и воспоминаниям о наших бессмертных победах.

Кювилье-Флери

Послужной список барона Жана-Батиста-Антуана-Марселена де Марбо, рожденного в Альтийяке (Коррез) 18 августа 1782 г.

Поступление в 1-й гусарский полк 28 сентября 1799 г.

Произведен в вахмистры 1 декабря 1799 г.

Произведен в младшие лейтенанты 31 декабря 1799 г.

Переведен в 25-й конно-егерский полк 17 июня 1801 г.

Направлен в кавалерийскую школу в Версале 12 сентября 1802 г. Назначен адъютантом генерала Ожеро 31 августа 1803 г.

Произведен в лейтенанты 11 июля 1804 г.

Произведен в капитаны 3 января 1807 г.

Переведен адъютантом к маршалу Ланну 2 ноября 1808 г.

Произведен в начальники эскадрона 3 июня 1809 г.

Переведен адъютантом к маршалу Массене 18 июня 1809 г.

Переведен в 1-й конно-егерский полк 23 ноября 1811 г.

Переведен в 23-й конно-егерский полк 28 января 1812 г.

Произведен в полковники, назначен командиром 23-го конно-егерского полка 15 ноября 1812 г.

Переведен в 7-й гусарский полк 8 октября 1814 г.

Покинул Францию по закону от 12 января 1816 г.

Вызван из ссылки указом от 15 октября 1818 г.

Зачислен в списки офицеров без должности 1 апреля 1820 г.

Возвращен на действительную службу в качестве полковника 8-го конно-егерского полка 22 марта 1829 г.

Адъютант Его Королевского Высочества герцога Орлеанского 12 августа 1830 г.

Произведен в лагерные маршалы (генерал-майоры) 22 октября 1830 г.

Включен в список действующих генералов 22 марта 1831 г.

Командир 1-й кавалерийской бригады в Компьеньском лагере 18 июня 1834 г.

Командир бригады тяжелой кавалерии в Компьенском лагере 10 июля 1836 г.

Произведен в генерал-лейтенанты с сохранением должности адъютанта Его Королевского Высочества герцога Орлеанского 21 октября 1838 г.

Отправлен в распоряжение генерал-губернатора Алжира 3 апреля 1840 г.

Возвращен во Францию 11 апреля 1841 г.

Член комитета генерального штаба 20 сентября 1841 г.

Главный инспектор 14-го округа кавалерии на 1842 год 22 мая 1842 г.

Командующий частями, предназначенными для обозначения линии условного противника в ходе маневров на Марне 29 мая 1842 г.

Адъютант Его Королевского Высочества графа Парижского 20 июля 1842 г.

Главный инспектор 8-го округа кавалерии на 1843 г. 11 июня 1843 г.

Главный инспектор 6-го округа кавалерии на 1844 г. 13 апреля 1844 г.

Член комитета по кавалерии 13 апреля 1845 г.

Главный инспектор 2-го округа кавалерии на 1845 г. 24 мая 1845 г.

Главный инспектор 2-го округа кавалерии на 1846 г. 27 мая 1846 г.

Главный инспектор 13-го округа кавалерии на 1847 г. 19 июня 1847 г.

Оставлен в 1-й категории генералов запаса 1 августа 1847 г.

Обязан начать оформление отставки по декрету от 17 апреля 1848 г.

Вышел в отставку по приказу от 8 июня 1848 г.

Скончался в Париже 16 ноября 1854 г.

Военные кампании

1800 г. — Итальянская кампания
1801 г. — Западная кампания
1802 г. — Жиронда
1803 г. — Байоннский лагерь
1804 г. — Брестский лагерь
1805, 1806, 1807 гг. — Великая армия
1808–1809 гг. — Испания и Австрия
1810 и 1811 гг. — Португалия
1812 г. — Россия
1813 и 1814 гг. — Великая армия
1815 г. — Бельгия
1831 и 1832 гг. — Северная армия
1835, 1839, 1840 гг. — Алжир

Ранения

Штыковое ранение в левую руку, сопровождавшееся глухотой, вызванной контузией при пролете ядра, оторвавшего край его шляпы в битве при Эйлау 8 февраля 1807 г.

Сабельное ранение в лоб в Агреде 1 декабря 1808 г.

Сквозное пулевое ранение при осаде Сарагосы 9 февраля 1809 г.

Ранение картечью в правое бедро в битве при Эсслинге 22 мая 1809 г.

Пулевое ранение в левое запястье в битве при Цнайме 12 июля 1809 г.

Сабельный удар в живот и удар шпагой в лицо в бою при Миранда-ду-Корву 14 марта 1811 г.

Пулевое ранение в левое плечо в бою при Якубове 31 июля 1812 г.

Ранение пикой в правое колено в бою при Плещеницах 4 декабря 1812 г.

Ранение стрелой в правое бедро в битве при Лейпциге 18 октября 1813 г.

Удар пикой в грудь в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г.

Пулевое ранение в левое колено во время экспедиции в Медеа 12 мая 1840 г.

Награды

Орден Почетного легиона — кавалер ордена — 18 ноября 1808 г.

— офицер ордена — 28 сентября 1813 г.

— командор ордена — 21 марта 1831 г.

— высший офицер ордена Почетного легиона — 30 апреля 1836 г.

Кавалер ордена Святого Людовика — 10 сентября 1814 г.

Высший офицер ордена Леопольда Бельгийского — декабрь 1832 г.

Большой крест голландского ордена Дубового Венца — август 1842 г.

Титулы и почетные должности

Шевалье (рыцарь) Империи — 15 августа 1809 г.

Барон Империи — 28 сентября 1813 г.

Наследственное баронство, подтвержденное королем 3 февраля 1815 г.

Пэр Франции с 6 апреля 1845 г.

notes

Примечания

1

Четыре роты телохранителей короля (gardes du corps du roi), составлявшие основную часть кавалерии Королевского Дома, считались старейшими формированиями личной охраны (гвардии) французских монархов. Первая из этих лейб-гвардейских рот официально именовалась «шотландской», поскольку была образована в XV веке из шотландцев, находившихся на службе у короля Франции Карла VII (свое традиционное название она сохраняла и в XVIII столетии, хотя тогда в ней служили уже одни французы). Вторая, третья и четвертая роты телохранителей назывались соответственно 1-й, 2-й и 3-й французскими. *(Прим. ред.)*

2

Французский лье составляет 4,44 километра. *(Прим. ред.)*

3

Святой Рок (ок. 1293–1327) был уроженцем города Монпелье (в Лангедоке). Римско-католическая церковь празднует его память 16 августа. *(Прим. ред.)*

4

Имеется в виду Франсуа Сертен де Канробер (1809–1895), маршал Франции с 1856 г. При рождении он получил имя Марселен, которое позже его отец заменил на Франсуа. *(Прим. ред.)*

5

Речь идет о «шотландской» роте телохранителей, в которой шесть последних капитанов, возглавлявших ее с 1654 по 1791 гг., принадлежали к семейству де Ноай. Все они носили титул герцогов де Ноай или д'Эйян и занимали высокое положение в придворной и военной иерархии Французского королевства. *(Прим. ред.)*

6

Лагерный маршал (maréchal de camp) — генеральский чин, использовавшийся во французской армии до 1793 г. и в 1814–1848 гг. По своему рангу он занимал место между бригадиром и генерал-лейтенантом, то есть соответствовал генерал-майору — воинскому званию, существовавшему в армиях большинства стран Западной Европы, а также России и США. В 1793 г. французы ввели вместо него звание «бригадный генерал» (général de brigade), которое было отменено королем Людовиком XVIII, но вновь появилось после Революции 1848 года, когда республиканское правительство Франции окончательно упразднило чин лагерного маршала, считавшийся наследием свергнутого королевского режима. *(Прим. ред.)*

7

После постановления Конвента в июле 1793 г. хранение этих документов считалось преступлением, караемым каторжными работами. *(Прим. ред.)*

8

Имеются в виду добровольческие формирования горных егерей, которые были созданы во Франции на начальном этапе Революционных войн и сражались против испанских войск в ходе Пиренейских кампаний 1793–1795 гг. *(Прим. ред.)*

9

Визитандинки (visitandines) — члены женской монашеской общины, название которой происходит от религиозного праздника Посещения (Visitation), отмечаемого римско-католической церковью в память о визите Святой Девы Марии к Святой Елизавете. *(Прим. ред.)*

10

Ассигнатами назывались бумажные деньги, выпущенные революционным правительством Франции. *(Прим. ред.)*

11

Имеется в виду главный аджюдан (adjudant général) в звании начальника бригады. С 1803 г. этот старший офицер штабной службы, по своему рангу соответствующий полковнику, назывался «аджюдан-коммандан» (adjudant commandant). Как правило, он занимал должность начальника штаба дивизии. *(Прим. ред.)*

12

Продолжавшемуся несколько месяцев лиссабонскому заточению Ожеро обязан тем, что «в плену» остались все его бумаги. Поэтому в точности восстановить его биографию до возвращения во Францию не представлялось возможным ни в то время, ни тем более теперь. Марбо, описавший вкратце биографию этого человека, основывался на его собственных рассказах, которые часто вступают в противоречие с тем, как описывали жизнь Ожеро другие его собеседники. В Лиссабоне он оказался после того, как с молодой женой бежал из Неаполя. По утверждению самого Ожеро, португальцы арестовали его за то, что он француз. После событий 1789 года все французы за границей выглядели несколько подозрительно. Помимо этого, причиной его ареста вполне могло оказаться и то, что ему уже тогда нечем было удостоверить свою личность. *(Прим. ред.)*

13

Здесь упомянут коннетабль и маршал Франции Анри де Монморанси (1595–1632). Приняв участие вместе с принцем Гастоном Орлеанским (1608–1660) в неудачном мятеже против французского короля Людовика XIII (старшего брата принца), он был приговорен за это к смертной казни и обезглавлен. *(Прим. ред.)*

14

Титул dom, происходивший от латинского слова dominus (господин) и по-французски звучащий как «дон», носили члены некоторых католических монашеских орденов, в частности, бенедиктинцы и картезианцы. *(Прим. ред.)*

15

Ораторианцами называли членов монашеской конгрегации Оратории, основанной в 1564 г. в Риме святым Филиппом де Нери и переведенной в 1611 г. во Францию кардиналом де Берюллем. *(Прим. ред.)*

16

В данном случае речь идет не о тактическом соединении, а о так называемой военной дивизии — эквиваленте военного округа. 17-я (позднее 1-я) военная дивизия включала в себя войска, размещенные в столице Франции и ее окрестностях, то есть фактически являлась Парижским военным округом. *(Прим. ред.)*

17

В 1799 г. Минар был главным аджюданом в ранге начальника бригады. Звание полковника во французской армии восстановили только 24 сентября 1803 г., одновременно с переименованием пехотных полубригад в полки. *(Прим. ред.)*

18

Данная история, пересказанная Марбо, несомненно, является вымыслом. Дело в том, что начальником главного штаба Дунайской (или Гельветической) армии Массены в то время был не мифический «Шерен», а дивизионный генерал Никола-Шарль Удино (будущий маршал Империи), который с 25 июля 1799 г. сменил на этом посту генерала Сюше (также будущего маршала). Раненный в бою при Швине (14 августа) и в Цюрихском сражении (25 сентября), он 13 декабря 1799 г. отбыл из Швейцарии в Италию вместе с Массеной, оставаясь при нем начальником штаба. *(Прим. ред.)*

19

Помимо строевого головного убора военные в XVIII–XIX вв. имели более легкий и удобный в повседневной жизни головной убор — фуражную шапку, или «фуражку». Богатство ее отделки зависело от звания (или от возможностей, как в данном случае) ее владельца. *(Прим. ред.)*

20

В период Республики, с февраля 1793 г. по сентябрь 1803 г., чин полковника во французской армии был отменен. Офицеры соответствующего ранга тогда носили звание «начальник бригады» (chef de brigade). Одновременно в пехоте упразднили само название «полк», и место прежних пехотных полков заняли вновь сформированные части, названные полубригадами. Каждой пехотной полубригадой, а также кавалерийским или артиллерийским полком командовал начальник бригады. Марбо в своих мемуарах постоянно называет начальников бригады полковниками, несмотря на то что описываемые им события происходили до 1803 г. *(Прим. ред.)*

21

Депо имели все воинские части французской армии. В них проходили обучение новобранцы, проходили лечение больные и раненые, формировались пополнения. *(Прим. ред.)*

22

Пюи (известный также как Ле Пюи) является административным центром департамента Верхняя Луара. До Революции 1789 г. он был главным городом провинции Велэ. *(Прим. ред.)*

23

Звание «начальник эскадрона» (chef d’escadron), введенное с 1793 г. для кавалерии и конной артиллерии, и эквивалентное ему звание «начальник батальона» (chef de batailion), используемое в пехоте, пешей артиллерии и инженерных войсках, применялись во французской армии времен Республики и Империи вместо старорежимного чина подполковника. *(Прим. ред.)*

24

Вышеупомянутый Луи-Себастьян Лейстеншнейдер (Leistenschneider, что по-немецки звучит как Ляйстеншнайдер) родился 2 мая 1769 г. в Саррлуи и умер 22 ноября 1813 г. в Майнце. В 1793–1805 гг. он служил офицером в 1-м гусарском полку и с 2 сентября 1805 г. состоял адъютантом при маршале Бессьере, имея звание капитана, а затем начальника эскадрона (с 16 февраля 1807 г.) и второго майора (с 19 марта 1813 г.). После гибели Бессьера в бою под Вайсенфельсом Лейстеншнейдер 4 мая 1813 г. был произведен в аджюдан-коммандаты и назначен начальником штаба кавалерии Императорской гвардии. *(Прим. ред.)*

25

Бригадир (brigadier) — воинское звание во французской кавалерии, соответствующее капралу в пехоте. *(Прим. ред.)*

26

Здесь и далее Марбо, описывая события 1799–1803 гг., называет полками пехотные полубригады. На самом деле термин «полк» в отношении частей французской линейной и легкой пехоты следует применять только после 24 сентября 1803 г. *(Прим. ред.)*

27

Канталь — французский департамент, образованный из части старинной провинции Овернь. На северо-западе его территория граничит с родным для Марбо департаментом Коррез. *(Прим. ред.)*

28

В действительности австрийский военачальник Михаэль Фридрих Бенедикт фон Мелас (1729–1806) не был фельдмаршалом. Он достиг лишь чина генерала от кавалерии, пожалованного ему в 1799 г. *(Прим. ред.)*

29

Слово «коммандан» (commandant), то есть «командир», французы часто употребляют для обозначения офицера, имеющего звание начальника батальона или начальника эскадрона. *(Прим. ред.)*

30

Имеется в виду дон Мануэль Годой (1767–1851), фаворит короля Испании Карла IV и королевы Марии-Луизы, глава испанского правительства в 1792–1798 и 1801–1808 гг. Титул князя Мира был пожалован ему за удачное заключение Базельского мирного договора между Испанией и Францией в 1795 г. *(Прим. ред.)*

31

Обычно у офицеров французской легкой кавалерии были суконные мундиры, но некоторые из них, неся службу в странах с жарким климатом, предпочитали более легкую и удобную форменную одежду, в частности, доломаны и ментики из светлой нанки. *(Прим. ред.)*

32

Сомюрская аппликационная кавалерийская школа была учреждена во Франции в 1830 г. и фактически продолжала традиции знаменитой Версальской школы, существовавшей с 1680 г. *(Прим. ред.)*

33

Корсиканской войной автор называет боевые действия, которые французские королевские войска вели в 1768–1769 гг. против корсиканцев, недовольных присоединением их острова к Франции (после того, как Генуэзская республика, ранее владевшая Корсикой, уступила ее королю Людовику XV). *(Прим. ред.)*

34

Здесь и далее Марбо употребляет французское название Бородинского сражения — битва при Москве-реке (bataille de la Moscova). *(Прим. ред.)*

35

В то время титул Месье (Monsieur) носил младший брат французского короля Людовика XVI принц Луи-Станислас-Ксавье, граф Прованский, который позже (в 1814–1824 гг.) правил Францией как король Людовик XVIII. *(Прим. ред.)*

36

Шарль-Пьер-Франсуа Ожеро действительно начал свою военную карьеру рядовым солдатом, когда ему исполнилось 17 лет (в 1774 г.), но, вопреки утверждению Марбо, не в конном корпусе карабинеров Месье, а в пехотном полку Клэра (ирландском на французской службе). Вообще вся эта глава содержит много недостоверной информации о дореволюционном периоде жизни Ожеро. По-видимому, приведенные здесь неточные или вымышленные факты биографии будущего маршала Империи связаны с тем, что Марбо, не имея подлинных сведений, опирался только на устные рассказы современников (возможно, самого Ожеро), не подтвержденные документальными источниками. *(Прим. ред.)*

37

Здесь имеет место явная хронологическая путаница. Как известно, Первая русско-турецкая война времен Екатерины II закончилась в 1774 г., то есть Ожеро никак не мог в ней участвовать. Войска А. В. Суворова осаждали Измаил во время Второй русско-турецкой войны (в 1790 г.), но участие в ней будущего герцога Кастильонского никак не вяжется с другими фактами его биографии (тоже не вполне достоверными), о которых рассказывает Марбо. Из текста мемуаров следует, что Ожеро уже *после* своего пребывания в рядах русской армии прослужил какое-то время в Пруссии, затем давал уроки танцев и фехтования в Дрездене, вернулся во Францию в 1781 г. (в год, когда родился дофин Луи-Жозеф-Ксавье-Франсуа, старший сын короля Людовика XVI, скончавшийся 4 июня 1789 г.) и в 1788–1792 гг. (то есть в период, захватывающий почти всю Вторую русско-турецкую войну!) находился сначала в Неаполе, а потом в Лиссабоне. *(Прим. ред.)*

38

В 1660 г. английский генерал и политик Джордж Монк (1608–1670), бывший прежде врагом роялистов и ближайшим сподвижником Оливера Кромвеля, способствовал возвращению Карла II Стюарта в Англию и реставрации там королевской власти. *(Прим. ред.)*

39

Шуанами (Chouans) называли себя участники контрреволюционного восстания в Вандее, сражавшиеся с республиканскими войсками за восстановление монархии в 1792–1803 гг. *(Прим. ред.)*

40

В 1805 г. австрийский военачальник Карл Макк был не генерал-фельдмаршалом, а фельдмаршал-лейтенантом, то есть имел чин, соответствующий русскому генерал-лейтенанту или французскому дивизионному генералу. Занимая должность генерал-квартирмейстера (начальника штаба) австрийской армии в Германии, он фактически руководил войсками вместо номинального главнокомандующего, эрцгерцога Фердинанда. *(Прим. ред.)*

41

Имеется в виду барон Франц Елачич де Бужим (1746–1810). австрийский фельдмаршал-лейтенант с 1800 г. В Германскую кампанию 1805 года он командовал 14-тысячным корпусом, прикрывавшим левый фланг армии эрцгерцога Фердинанда. *(Прим. ред.)*

42

Принц Луи-Виктор-Мериадек де Роан-Гемене, граф де Сен-Поль (1766–1846) последовательно служил во французской (королевской), российской и австрийской армиях. В 1794 г. он был зачислен на военную службу Австрии как полковник легкой пехоты и в 1801 г. произведен в генерал-майоры. Во время кампании 1805 года принц де Роан отличился в Тироле, а в 1809 г., уже в чине фельдмаршал-лейтенанта, снова воевал против французов, командуя резервным корпусом из 12 сводных гренадерских батальонов. *(Прим. пер.)*

43

Австрийским полковником, получившим от Марбо столь лестную характеристику, был граф Фердинанд фон Вартенслебен, командир 6-го гусарского полка Бланкенштайна в 1805–1809 гг. *(Прим. ред.)*

44

Во время кампании 1805 года русский полководец Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов имел чин генерала от инфантерии (с 1798 г.). Фельдмаршалом он станет только в 1812 г., после Бородинского сражения. *(Прим. ред.)*

45

Во время кампании 1805 года Шарль-Батист-Бернар Масси (1774–1812) еще не был майором — тогда он состоял адъютантом при маршале Ожеро в звании начальника эскадрона (с 12 марта 1804 г.). Наполеон произвел его в майоры 44-го линейного пехотного полка своим декретом от 4 января 1807 г. Масси командовал 44-м полком в битве при Эйлау, а с 21 сентября 1811 г. стал полковником 4-го линейного полка, во главе которого погиб 7 сентября 1812 г. в Бородинском сражении. *(Прим. ред.)*

46

Марбо ошибается, утверждая, что в этом эпизоде участвовали кавалергарды. На самом деле против 1-го батальона 4-го линейного полка (при котором находился командующий этим полком майор Огюст-Жюльен Бигарре) действовал русский лейб-гвардии Конный полк, поддержанный четырьмя орудиями гвардейской конной артиллерии. Французский батальон, построившись в каре, отразил атаку трех эскадронов, составлявших первую линию конногвардейцев, но затем был смят двумя эскадронами второй линии и потерял в свалке своего орла. *(Прим. ред.)*

47

В действительности полковник князь Н. Г. Репнин-Волконский, попавший в плен при Аустерлице, командовал лишь одним из пяти эскадронов кавалергардов. Командиром всего Кавалергардского полка был тогда генерал-майор Н. И. Депрерадович. *(Прим. ред.)*

48

Российские источники не подтверждают потерю полками русской гвардии в сражении при Аустерлице каких-либо знамен и штандартов, признавая лишь утрату трех орудий гвардейской артиллерии. *(Прим. ред.)*

49

«Черным легионом» называлось одно из добровольческих формирований французских республиканских войск, «шефом» которого был генерал Юмбер. *(Прим. ред.)*

50

В данном случае Наполеон имел в виду наличие в 44-м линейном полку значительного числа старослужащих солдат. Шевроны, о которых здесь идет речь, — это не знаки различия, а красные шерстяные нашивки в форме угла, которые, в количестве от одной до трех, обозначали выслугу лет того или иного унтер-офицера или рядового солдата французской армии. Они носились на левом рукаве мундира выше локтя. *(Прим. ред.)*

51

Иль-де-Франс (буквально «остров Франции») — французское название Маврикия, одного из Маскаренских островов. С 1803 г. дивизионный генерал Шарль-Матье-Исидор Декан, генерал-капитан всех колоний Франции в Индийском океане, превратил Иль-де-Франс и соседний остров Бурбон (переименованный революционным правительством в Реюньон, а при Консульстве и Империи носивший название Бонапарт) в базу для ведения успешной каперской войны против английской морской торговли. Британцам удалось захватить эти французские владения только в декабре 1810 г. *(Прим. ред.)*

52

Марбо исказил фамилию французского генерала, убитого 26 декабря 1806 г. в бою под Голымином. Это был бригадный генерал Жак-Мари Форнье, называемый Фенероль (Fénerols) — командир 1-й бригады 1-й драгунской дивизии (генерала Клейна). По другой версии он погиб не от русского ядра, а при взрыве французского зарядного ящика. *(Прим. ред.)*

53

Здесь Марбо допускает прежнюю ошибку. На самом деле Масси из начальников эскадрона был произведен в майоры (с назначением в 44-й линейный полк). Чин подполковника (lieutenant-colonel) в тогдашней французской армии вообще отсутствовал. *(Прим. ред.)*

54

«Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» Так в Древнем Риме гладиаторы перед началом боевых схваток приветствовали императора. *(Прим. ред.)*

55

Марбо имеет в виду так называемый Португальский легион, образованный как иностранное формирование французской службы 18 мая 1808 г. Первоначально состоявший из пяти пехотных и двух кавалерийских (конно-егерских) полков, он императорским декретом от 2 мая 1811 г. был реорганизован в три полка пехоты и один полк кавалерии. В 1812 г. все части Португальского легиона воевали в России, но при этом не объединялись в одну дивизию. *(Прим. ред.)*

56

Сражение при городе Мединa-де-Рио-Секо, о котором упоминает Марбо, произошло 14 июля 1808 г. *(Прим. ред.)*

57

Испанский вспомогательный корпус, которым командовал генерал-лейтенант дон Педро Каро-и-Суреда, маркиз де Ла Романа, находился в подчинении у французского губернатора ганзейских городов маршала Бернадотта, князя Понте-Корво. Он состоял из двух дивизий и к 15 ноября 1807 г. насчитывал 14 458 человек. В марте 1808 г. по приказу Бернадотта почти все войска Ла Романы были переброшены из Гамбурга в Данию, чтобы защищать эту страну от военной угрозы со стороны Англии и Швеции. Однако под влиянием событий, развернувшихся в Испании, командир испанского корпуса тайно вступил в контакт с англичанами, и 10 августа 1808 г. основные силы испанцев, размещенные на островах Фюн и Лангеланн (всего до 9500 человек), эвакуировались оттуда на судах британского флота. Доставленные морским путем на родину, они затем приняли участие в боевых действиях против французской армии. Правда, дезертировать удалось не всем частям испанского контингента: датчане успели разоружить два его пехотных полка, взбунтовавшихся в лагере при Роскильде (на датском острове Зеланд), а французы — один кавалерийский полк, располагавшийся в Гамбурге. *(Прим. ред.)*

58

На самом деле 15, 17 и 21 августа 1808 г. британский экспедиционный корпус одержал на подступах к Лиссабону три победы над корпусом генерала Жюно — в боях под Обидушем и Ролисой и в сражении при Вимейру, после которого французы отступили к Торриш-Ведраш. Окончательное соглашение об эвакуации французских войск из Португалии было подписано 30 августа в Фалуше, однако этот договор вошел в историю как Синтрская капитуляция, поскольку в Синтре располагалась штаб-квартира британцев. *(Прим. ред.)*

59

«Красные уланы» — известное прозвище 2-го полка шеволежеров-улан Императорской гвардии, носившего красные мундиры с темно-синей отделкой. *(Прим. ред.)*

60

В королевской Франции дофином называли наследника престола. В данном случае речь идет о периоде Реставрации (1814–1830 гг.), когда носителем этого титула был сначала младший брат Людовика XVIII Шарль-Филипп де Бурбон, граф д'Артуа (будущий король Карл X), а с 1824 г. — старший сын последнего Луи-Антуан де Бурбон, герцог Ангулемский. *(Прим. ред.)*

61

Полк Шамборана — «старорежимное» название 2-го гусарского полка, неофициально сохранявшееся в годы Республики и Империи С 1761 г. «владельцем» вышеуказанной кавалерийской части был маркиз Андре-Клод де Шамборан (1732–1805), произведенный 1 января 1784 г. в генерал-лейтенанты. Когда в 1791 г. он эмигрировал из Франции, его бывший полк уже обозначался только порядковым номером — как 2-й гусарский. Однако в обиходе прежние наименования этого и других полков французских гусар продолжали использовать и после введения с 1 января 1791 г. номерных названий. *(Прим. ред.)*

Вольтижеры — солдаты отборной легкой роты, имевшейся в каждом пехотном батальоне французской армии. *(Прим. ред.)*

63

Марбо имеет в виду гвардейский полк польских шеволежеров, образованный 6 апреля 1807 г. Фактически он стал уланским только в декабре 1809 г., получив на вооружение пики, однако продолжал носить прежнее название до 13 сентября 1810 г., когда его официально переименовали в 1-й полк шеволежеров-улан Императорской гвардии (1-er régiment de chevau-légers lanciers de la Garde impériale). *(Прим. ред.)*

64

Марбо описывает бой при Сомосьерре в несколько упрощенном и неточном виде, что вполне объясняется тем, что сам он не был участником этого события. Так, например, он приписывает руководство атакой гвардейских шеволежеров генералу Монбрену, хотя из более достоверных источников известно, что храбрых поляков вели на испанские орудия только их собственные офицеры. *(Прим. ред.)*

65

«Португальской армией» Марбо называет здесь 25-тысячный английский корпус генерал-лейтенанта сэра Джона Мура, находившийся в этот момент в Саламанке. *(Прим. ред.)*

Британский флот, предназначенный для эвакуации армии Мура, опоздал к месту встречи на 3 дня, и погрузка английских войск началась только 14 января, хотя они прибыли в город еще 11-го. *(Прим. ред.)*

67

Хорватским автор называет один из семнадцати полков австрийской пограничной пехоты, в которых служили жители Хорватии, Славонии, Баната и граничащих с Турцией областей Трансильвании. *(Прим. ред.)*

Ратисбонн — принятое во французских источниках название баварского города Регенсбург. *(Прим. ред.)*

69

Тирольцами Марбо называет австрийских егерей, вооруженных егерскими карабинами и штуцерами образца 1807 г. Во время кампании 1809 года у австрийцев имелось девять полевых егерских батальонов, однако служили в них не только уроженцы Тироля (так, например, первые четыре батальона комплектовались в Богемии, а пятый и шестой — в Моравии). *(Прим. ред.)*

Эти слова доставили мне большое удовольствие, и я мог воскликнуть подобно Монноку, когда его за храбрость отметил маршал Тривюльс: «Я должен сказать, что я больше оценил похвалу, полученную от этого человека, чем награду, даже если бы он подарил мне свои лучшие земли, хотя я был небогат! Слава переполнила мое сердце!» *(Прим. авт.)*

71

Имеется в виду дочь австрийского императора Франца I Мария-Луиза, ставшая в 1810 г. супругой Наполеона. *(Прим. ред.)*

Этим русским корпусом командовал генерал от инфантерии князь С. Ф. Голицын. *(Прим. ред.)*

73

Имеется в виду Гортензия де Богарнэ, приемная дочь Наполеона Бонапарта и жена его младшего брата Луи, королева Голландии в 1806–1810 гг. *(Прим. ред.)*

74

Два длинных моста, соединившие правый берег Дуная с островом Лобау через островок Шнайдергрунд, выше по течению были прикрыты заслоном из вбитых прямо в речное дно свай. *(Прим. ред.)*

Прессбургом во времена Австрийской империи назывался город Братислава, нынешняя столица Словакии. *(Прим. ред.)*

Французский термин lieutenant-colonel, используемый для обозначения воинского звания «подполковник», буквально переводится как «заместитель (или помощник) полковника». Что касается звания «майор», то оно происходит от латинского слова major, то есть «старший». *(Прим. ред.)*

77

Речь идет о полках Ла Тур д’Оверня и Изембурга, образованных 30 сентября и 1 ноября 1805 г. соответственно. С 3 августа 1811 г. их переименовали в 1-й и 2-й иностранные. *(Прим. ред.)*

78

Принц Годфруа-Морис-Мари де Ла Тур д’Овернь, граф д’Апшье (1770–1849) был полковником иностранного полка своего имени с 30 сентября 1805 г. по 13 февраля 1809 г. Его знаменитый дядя, капитан Теофиль Мало де Корре де Ла Тур д’Овернь, погибший в рядах 46-й линейной полубригады в бою при Оберхаузене (27 июня 1800 г.), прославился на всю Францию как выдающийся воин и ученый-филолог. Первый консул Наполеон Бонапарт пожаловал ему за храбрость почетную саблю и звание «Первого гренадера Республики», от которого он с присущей ему скромностью отказался. *(Прим. ред.)*

79

В битве при Фонтенуа 11 мая 1745 г., во время войны за Австрийское наследство, Фландрская армия французов, номинально возглавляемая королем Людовиком XV, а фактически предводимая маршалом Морицем Саксонским, одержала победу над англо-голландской армией герцога Уильяма Камберлендского. В решающий момент сражения Мориц Саксонский, страдавший от водянки, покинул свое ложе и прибыл к войскам, чтобы лично руководить их действиями. *(Прим. ред.)*

80

30 июня 1809 г. была совершена ложная переправа на мыс Мюлау, в том самом месте, где французы уже переправлялись ранее, перед сражением при Асперне-Эсслинге. В операции была задействована пехотная дивизия генерала Леграна, усиленная 30 орудиями. *(Прим. ред.)*

81

После некоторых успехов армия эрцгерцога Иоанна, изначально действовавшая на Итальянском театре, была вытеснена из Северной Италии войсками принца Евгения Богарнэ. Перейдя в Венгрию, эрцгерцог Иоанн 14 июня 1809 г. потерпел неудачу в сражении при Раабе (ныне Дьёр), а затем отступил к Прессбургу, откуда его армия двинулась на соединение с германской армией эрцгерцога Карла, но не успела принять участие в Ваграмском сражении. *(Прим. ред.)*

82

Шеволежерские (легкоконные) полки австрийской армии своим обмундированием, вооружением и снаряжением практически не отличались от драгунских. *(Прим. ред.)*

83

При Ваграме в армии Наполеона отсутствовал генерал с такой фамилией. На самом деле в этом эпизоде сражения участвовал дивизионный генерал Луи-Мишель-Антуан Саюк, командовавший кавалерийской дивизией Итальянской армии. Его дивизию составляла тогда только одна бригада легкой кавалерии (6-й, 8-й и 9-й конно-егерские полки) под командой бригадного генерала Франсуа-Жозефа Жерара, заменившего Саюка после того, как тот был ранен вечером 5 июля 1809 г. *(Прим. ред.)*

84

Ссылка эрцгерцога Иоанна продолжалась почти сорок лет: он вновь появится на мировой арене в 1848 г., когда немецкие революционеры назначат его генеральным викарием Германской империи. *(Прим. авт.)*

85

В 1793–1803 гг. во французской кавалерии существовали два седьмых гусарских полка. Чтобы избежать путаницы, к номеру второго 7-го полка добавили приставку «бис». Консульским указом от 1 вандемьера XII года Республики (24 сентября 1803 г.) 7-й «бис» гусарский полк был преобразован в 28-й драгунский. *(Прим. ред.)*

86

Марбо ошибается, называя кавалеристов полка Винсента драгунами. Созданный в 1725 г. как валлонский драгунский, этот знаменитый полк с 1791 г. был шеволежерским, с 1798 г. — легким драгунским (№ 11) и с 1802 г. — вновь шеволежерским (№ 4), примем в XIX в. его личный состав набирался уже не из валлонов, а из жителей Богемии. Только в 1851 г. он опять стал драгунским (сначала седьмым, затем с 1860 г. вторым и с 1868 г. — четырнадцатым). В память о сражении при Колине (18 июня 1757 г.), где этот полк, носивший тогда имя князя Фердинанда де Линя и почти целиком состоявший из безусых («белоклювых») новобранцев, совершил блестящую атаку на пруссаков, среди его офицеров и солдат сохранялась уникальная для австрийской кавалерии традиция: они всегда гладко брили лицо, не отращивая ни бород, ни усов. В 1790–1806 гг. «владельцем» полка был генерал от кавалерии граф Максимилиан Байе де Латур и в 1806–1835 гг. — барон Карл Винсент, также дослужившийся до чина генерала от кавалерии. Будучи еще валлонским, шеволежерский полк Латура с отличием участвовал в кампаниях против революционной Франции. Известен случай, когда 1 марта 1793 г. при Альденховене юный эрцгерцог Карл лично повел его на врага, чтобы смелым кавалерийским натиском решить исход боя в пользу австрийских войск. «Французы считают себя непобедимыми, — сказал он перед этой атакой, обращаясь к шеволежерам Латура, — покажите же и вы себя храбрыми валлонами и прогоните их к черту!» Во время Наполеоновских войн полк неоднократно подтверждал свою высокую репутацию. Помимо описанной у Марбо великолепной атаки под Ваграмом, за ним числились и другие славные подвиги. Так, 11 октября 1805 г. в бою при Юнгингене (или Хасслахе) шеволежеры Латура опрокинули французских драгун 15-го и 17-го полков, завладев «орлом» и значком («гидоном») 2-го эскадрона 15-го драгунского полка. *(Прим. ред.)*

87

В двухдневном сражении под Ваграмом шеволежеры Винсента потеряли 113 человек и 125 лошадей. Коллективной наградой полка стала медаль за храбрость, украсившая его штандарт. *(Прим. ред.)*

Во времена Австрийской империи Никольсбургом назывался нынешний город Микулов в Чехии. *(Прим. ред.)*

Сейчас этот город находится на территории Чехии и носит чешское название Зноймо. *(Прим. ред.)*

Интересно сравнить последующий рассказ с мемуарами герцогини д’Абрантес о Португалии. *(Прим. авт.)*

91

Здесь в очередной раз майор периода Наполеоновских войн назван подполковником, вероятно, по той причине, что последнее звание употреблялось вместо майора в то время, когда Марбо писал свои мемуары. Упоминаемый им Пьер-Франсуа-Венсан-Антуан де Казабьянка (1784–1812) был произведен в майоры 3 октября 1810 г. и в полковники 31 марта 1811 г. (оставаясь по-прежнему в должности адъютанта Массены). Назначенный в 1811 г. командиром сначала 31-го легкого пехотного полка (30 июля), а затем 11-го легкого пехотного полка (7 сентября), он умер 14 августа 1812 г. в Полоцке от огнестрельной раны, полученной 11 августа в бою при Свольне. *(Прим. ред.)*

Здесь Марбо допускает неточность, поскольку в 1809 г. упомянутый им австрийский монарх из династии Габсбургов уже не именовался Францем II. Император Священной Римской империи германской нации Франц II, избранный на трон в 1792 г., сложил с себя германскую императорскую корону 6 августа 1806 г., после чего его называли только Францем I, императором Австрии (последний титул он носил с 10 августа 1804 г.). (Прим. ред.)

93

Речь идет о супруге Франсуа-Фердинанда-Филиппа-Луи Орлеанского, принца де Жуанвиля, третьего сына французского короля Луи-Филиппа I. *(Прим. ред.)*

Этим знаменитым канцлером, о котором упоминает Марбо, был Анри-Франсуа д'Агессо (1668–1751), который прославился при коррумпированном дворе короля Людовика XV как честный и неподкупный человек, всегда ставивший общественные интересы выше личных. *(Прим. ред.)*

95

В бою при Велизи и Роканкуре (под Версалем) 1 июля 1815 г. французская кавалерия дивизионного генерала Реми-Жозефа-Изидора Экзельманса наголову разбила прусскую бригаду подполковника Фридриха Георга Людвига фон Зора, состоявшую из 3-го (Бранденбургского) и 5-го (Померанского) гусарских полков. Полковник Арман-Франсуа-Бон-Клод де Бриквиль был тогда тяжело ранен, командуя 20-м драгунским полком, наряду с которым в тот день со стороны французов сражались также 5-й и 15-й драгунские, 6-й гусарский, 1-й, 6-й и 8-й конно-егерские полки. *(Прим. ред.)*.

Лансьеры — то же самое, что уланы, то есть кавалеристы, вооруженные пиками. *(Прим. ред.)*

Сейчас этот португальский город известен как Порту, однако во времена Марбо португальцы называли его Опорту, а испанцы и французы — Опорто. *(Прим. ред.)*

Коррехидор — королевский чиновник в Испании. *(Прим. ред.)*

99

Название монастыря, равно как и горы, которая вполне могла быть безымянной, переводится как «гора». Чтобы избежать путаницы, Марбо в своих мемуарах везде пишет «гора Серра». *(Прим. ред.)*

100

Эти и последующие подробности только подтверждают оценки, данные Тьером нашим неудачам в Португалии. *(Прим. авт.)*

101

Подразделения английских стрелков (rifles) были вооружены нарезными штуцерами, отличавшимися большей дальностью и более прицельным огнем по сравнению с гладкоствольными ружьями линейной пехоты. Французы называли этот вид оружия — карабинами, поэтому Марбо именует английских стрелков карабинерами. *(Прим. ред.)*

102

Кашкайш, в отличие от Лиссабона, находящегося на берегу глубокого залива, расположен на океанском побережье. *(Прим. ред.)*

103

Более точное название этого населенного пункта — Вила-Нова-ди-Орен. *(Прим. ред.)*

«Maréchal Chaudron», то есть «маршал Котел». *(Прим. пер.)*

105

В оригинальном тексте мемуаров Марбо приводится испаноязычный вариант названия этого португальского городка — Миранда-дель-Корво. (*Прим. ред.)*

106

Орел 39-го линейного пехотного полка, потерянный французами 14 марта 1811 г. в бою при Фош-ди-Арунсе и найденный в реке Сейра местными крестьянами, был доставлен Веллингтону 15 июня 1811 г. *(Прим. ред.)*

107

Герцог Антонен де Лозен (1632–1723) — французский вельможа, прославившийся при дворе короля Людовика XIV своим щегольством и многочисленными любовными похождениями. *(Прим. ред.)*

108

В Испании алькальдами назывались государственные чиновники на местах, выполнявшие в первую очередь судебные функции. Слово происходит от арабского слова «аль-кади» — судья. *(Прим. ред.)*

109

Легкая кавалерийская бригада генерала Франсуа Фурнье (6 эскадронов 7-го, 13-го и 20-го конно-егерских полков) принадлежала к 9-му корпусу Друэ д'Эрлона, а легкая кавалерийская бригада генерала Франсуа-Изидора Ватье (6 эскадронов 5-го гусарского, 11-го и 12-го конно-егерских полков) — к Северной армии маршала Бессьера. Перед сражением при Фуэнтес-де-Оньоро первая из этих бригад насчитывала 794 человека, а вторая — 784. Кроме них дивизионный генерал Луи-Пьер Монбрен, командовавший кавалерийским резервом Португальской армии Массены, имел в своем распоряжении драгунскую дивизию из шести полков (всего 1187 человек). *(Прим. ред.)*

110

51-й (2-й Уэст-Райдингский) полк легкой пехоты входил в состав 1-й бригады (генерал-майора Джона Зонгага) британской 7-й дивизии генерал-майора Уильяма Хьюстона. При Фуэнтес-де-Оньоро он был сначала расстроен огнем четырех орудий французской конной артиллерии, ранее специально замаскированных одним эскадроном 5-го гусарского полка, а затем рассеян атакой кавалерии (когда с фронта на него ударил эскадрон гусар, а с флангов — два эскадрона 11-го и 12-го конно-егерских полков). *(Прим. ред.)*

111

Перед сражением в сводном отряде бригадного генерала Луи Лепика (майора конных гренадеров Императорской гвардии) насчитывалось 881 человек гвардейской кавалерии. *(Прим. ред.)*

112

При Мальплаке (11 сентября 1709 г.) в ходе крупнейшего из сражений войны за Испанское наследство союзные войска принца Евгения Савойского и герцога Мальборо сочетали фронтальные атаки на укрепленные позиции французской армии маршала Виллара с обходными действиями через лес. *(Прим. ред.)*

113

Образ, позаимствованный из древнегреческой мифологии, — бочка, которую заполняли водой сестры Данаиды, никогда не могла заполниться до краев. *(Прим. ред.)*

114

Здесь наряду с древнеримским полководцем Фабием «Кунктатором» («Медлителем») упомянут французский маршал Никола де Катина (1637–1712), военачальник эпохи Людовика XIV, получивший от своих солдат прозвище «Папаша Разум» (Père la Pensée). *(Прим. ред.)*

115

Генерал Ламарк в своих «Мемуарах» рассказывает о том, как ему пришлось выполнить неприятное поручение и сообщить Массене о конфискации его миллионов. Сцена происходила ночью в Актонском дворце. *(Прим. франц. ред.)*

116

В то время А. И. Чернышев еще не был графом. Он получил этот титул только в 1826 г. *(Прим. ред.)*

117

Упомянутый здесь министерский служащий, некий Мишель Мишель, был еще в 1804 г. завербован в Париже русским дипломатом П. Я. Убри, а в 1811–1812 гг. возглавлял в военном министерстве Франции агентурную группу, в которую, помимо его самого, входили три человека — два мелких чиновника и сторож. Эти лица за плату добывали для флигель-адъютанта полковника А. И. Чернышева секретную информацию в виде составлявшихся каждые 15 дней подробных расписаний наполеоновской армии. Уже после того, как Чернышев 26 февраля 1812 г. покинул Париж, французская полиция выследила и арестовала Мишеля. Уличенный в шпионаже, он был казнен 1 мая 1812 г. по приговору суда. *(Прим. ред.)*

118

В действительности казнен (причем не расстрелян, а гильотинирован) был только руководитель агентурной группы М. Мишель. Трое его сообщников, приговоренных судом к различным срокам тюремного заключения, вышли на свободу в 1814 г. Сильно преувеличена у Марбо и денежная сумма, полученная Мишелем от Чернышева. Из судебного дела этого чиновника следует, что в 1804–1812 гг. русские за добытые им сведения заплатили ему 20 тысяч франков. *(Прим. ред.)*

119

Старой Пруссией Марбо называет Восточную Пруссию. *(Прим. ред.)*

120

У Марбо все описание боя, произошедшего 28 июня 1812 г. при Девялтове и Вилькомире, грешит измышлениями и преувеличениями. В действительности Тульский пехотный полк в нем не участвовал и, соответственно, ни пленных, ни знамени не терял. С русской стороны под Вилькомиром сражался отряд генерал-майора Я. П. Кульнева: 23-й и 24-й егерские, Рижский и Ямбургский драгунские полки, четыре эскадрона Гродненского гусарского полка, четыре сотни казаков и 6 орудий конной артиллерии, а на заключительном этапе в деле принял участие Нежинский драгунский полк из 1-го кавалерийского корпуса. По русским данным, потери этих частей составили 102 человека (65 убитыми и 37 ранеными), однако, вероятно, они являются неполными, поскольку в них не учтены раненые Рижского и Ямбургского драгунских полков (в полковых документах указаны только цифры убитых), а также пропавшие без вести и сдавшиеся в плен. Согласно рапорту маршала Удино, войска авангарда 2-го корпуса Великой армии (5-я легкая кавалерийская бригада генерала Кастекса и 8-я пехотная дивизия генерала Вердье), потеряв под Вилькомиром около 50 человек убитыми и ранеными, взяли 240 пленных, но не захватывали у русских ни орудий, ни знамен. (*Прим. ред.)*

121

Река, на которой расположен этот город, по-немецки называется Дюна, по-русски Двина (или Западная Двина) и по-латышски — Даугава. Русские во времена Российской империи именовали Дюнабург Динабургом, затем он стал Двинском, а ныне носит латышское название Даугавпилс. *(Прим. ред.)*

122

Кавалерийская атака «по-фуражирски» («en fourageurs») производилась в разомкнутом, рассыпном строю, на манер казачьей «лавы». *(Прим. ред.)*

123

Русская конница, напавшая на французов под Друей, у местечка Оникшты, включала в себя 8 эскадронов Гродненского гусарского полка и 4 сотни донского казачьего полка Платова 4-го. Ей противостояли два полка 2-й легкой кавалерийской дивизии генерала Себастьяни — 11-й конно-егерский (3 эскадрона), составлявший вместе с 12-м конно-егерским полком 7-ю легкую кавалерийскую бригаду генерала Сен-Женьеса, и 10-й польский гусарский (4 эскадрона), выделенный из 16-й бригады легкой кавалерии. *(Прим. ред.)*

124

В бою 15 июля 1812 г. бригадный генерал Жан-Мари-Ноэль Делиль де Фалькон де Сен-Женьес (1761–1835) был ранен и взят в плен корнетом Гродненского гусарского полка И. А. Глебовым. Он стал первым французским генералом, плененным во время Русской кампании. *(Прим. ред.)*

125

Так Марбо называет 8-й полк шеволежеров, образованный 18 июня 1811 г. из 2-го полка улан Вислинского легиона. Он состоял из поляков, но был воинской частью французской службы, а потому его не следует путать с 8-м уланским полком армии Великого герцогства Варшавского, также принимавшим участие в Русском походе 1812 года. *(Прим. ред.)*

126

Имеется в виду Огюст-Жан-Жозеф-Жильбер Амей (1775–1816), барон Империи, полковник 24-го конно-егерского полка с 12 июня 1809 г., бригадный генерал с 21 ноября 1813 г. *(Прим. ред.)*

127

Русские источники не подтверждают утрату каких-либо знамен при Якубове. Известно, что за всю кампанию 1812 года было потеряно только одно русское знамя (2-го батальона Ревельского пехотного полка), захваченное 19 июля в бою под Экау прусскими драгунами. *(Прим. ред.)*

128

В книге г-на де Сегюра можно прочесть: «Смерть Кульнева была, — говорит он, — героической. Ядро раздробило ему обе ноги и сбросило его на его собственные пушки. Тогда, видя, что французы приближаются, он сорвал с себя свои ордена и, возмущаясь своим собственным безрассудством, приговорил себя к смерти на месте своего поражения, приказав своим солдатам оставить его». *(Прим. авт.)* По-видимому, Яков Петрович Кульнев в самом деле скончался достаточно быстро, однако версия его гибели, приведенная в мемуарах Марбо, несомненно, относится к разряду фантазий. Тот факт, что русский военачальник пал от французского ядра, раздробившего ему ноги, определенно подтверждается отечественными источниками, причем, когда это ядро на излете поразило Кульнева, он не сидел верхом на лошади, а стоял возле одного из орудий, прикрывавших переправу его разбитого отряда через речку Дриссу. Очевидно, смерть генерал-майора, вызванная большой потерей крови, наступила очень скоро. При поспешном и беспорядочном отступлении русских частей от Сивошина к Головчицам тело его, перевозимое на орудийном лафете, свалилось на землю и было на какое-то время потеряно. В тот же день, когда после боя при Головчицах войска Витгенштейна в свою очередь преследовали отброшенную ими французскую дивизию генерала Вердье, русские пехотинцы Пермского полка, не доходя мызы Соколище, расположенной примерно в 5 километрах от Сивошина, нашли и подобрали раздетый до исподнего белья труп Кульнева, лежавший ничком на небольшой лесной поляне, недалеко от обочины дороги. Обстоятельства его обнаружения и опознания описал в своих воспоминаниях непосредственный участник события А. И. Дружинин, который в 1812 г. служил поручиком в Пермском пехотном полку. По свидетельству этого офицера, обе ноги Якова Петровича были перебиты ядром: правая около туловища, а левая — несколько выше колена. *(Прим. ред.)*

129

Барон Альфред де Марбо, докладчик в Государственном Совете, умер в 1865 г. *(Прим. франц. ред.)*

130

Г-н де Сегюр пишет: «От Москвы больше не скрывают, какая участь ей предназначена… Ночью посыльные стучат во все двери. Они объявляют о начале пожара… Все насосы убирают. Отчаяние поднимается до предела… В этот день ужасная сцена завершает все драматические события… Открываются двери тюрем. Оттуда с шумом вываливается грязная, отвратительная толпа… С этого момента великая Москва не принадлежит больше ни русским, ни французам, а этой грязной толпе, ярость которой направляют несколько офицеров и солдат. У толпы есть руководители. Каждому указано его место. И толпа разбегается по всему городу, чтобы одновременно во всех местах начались грабежи и вспыхнули пожары». *(Прим. авт.)*

131

Если верить «Мемуарам» Чичагова, губительные разногласия, которые слишком часто царили среди командиров Наполеона, существовали также и среди военачальников Александра. Именно этому несогласию остатки Великой армии частично обязаны своим спасением при переправе через Березину. *(Прим. франц. ред.)*

132

Имеется в виду предмостное укрепление (тет-де-пон) на правом берегу Березины. *(Прим. франц. ред.)*

133

Граф де Рошшуар, бывший тогда адъютантом императора Александра, в своих «Мемуарах» приводит многочисленные подробности всего борисовского эпизода, в котором он принимал активное участие. Мемуары Чичагова полностью подтверждают все эти детали. *(Прим. франц. ред.)*

134

В любопытной и драматической иллюстрированной реляции Русской кампании, опубликованной в Штутгарте в 1843 г., Фабер дю Фор сообщает, что мосты были свободны в ночь с 27-го на 28 ноября и даже в ночь с 28-го на 29-е. *(Прим. франц. ред.)*

135

Генерал Партуно, впрочем, защищался героически. В дивизии осталось лишь несколько сотен воинов, когда ему пришлось сложить оружие (см. «Историю Консульства и Империи» Тьера). *(Прим. авт.)*

Чичагов отдал должное мужеству нашей кавалерии во время этого боя. Впрочем, его «Мемуары» (опубликованные в 1862 г.) и воспоминания графа де Рошшуара досконально подтверждают все детали этих событий: занятие и потерю Борисова русскими; их напрасное и несвоевременное передвижение вниз по течению Березины: сражение при Занивках около Брилей и Стахова; разрушение мостов, оказавшееся роковым, и *отступление* наших войск по замерзшим болотам Зембина. *(Прим. франц. ред.)*

137

Чичагов нашел во всем этом оправдание своей небрежности. *(Прим. авт.)*.

138

«Несчастные бросились в эти костры… Их голодные товарищи смотрели на них без страха… Были даже такие, которые подтаскивали к себе обезображенные, обгоревшие тела своих однополчан… И будет правдой сказать, что они осмеливались поднести ко рту эту ужасную пищу!» *(Де Сегюр.* История Наполеона). *(Прим. авт.)*

139

Речь идет о французском военно-историческом и научном журнале «Spectateur militaire». *(Прим. ред.)*

140

Марбо имеет в виду 3-й шеволежерский полк, который во время Русской кампании входил в состав 3-й тяжелой кавалерийской (кирасирской) дивизии генерала Жана-Пьера Думерка. 26 октября 1812 г. он был разгромлен русскими в бою при Лепеле, а его командир, полковник Александр-Луи-Жюль Лебрен, — убит. Строго говоря, уланскими («лансьерскими») полки французских шеволежеров, созданные в 1811 г., стали официально называть только в период «Ста дней». *(Прим. ред.)*

141

В своей брошюре, опубликованной в 1823 г., Ростопчин особо настаивает на том, что пожар был случайным. *(Прим. авт.)*

142

Г-н Тьер определяет наши потери следующим образом: по его данным, Неман перешли 420 тысяч человек, и эта цифра была доведена до 533 тысяч прибытием последующих подкреплений. Следовательно, погибло 300 тысяч человек, включая сюда как французов, так и их союзников. *(Прим. франц. ред.)*

143

Марбо ошибочно упоминает здесь карабинеров, поскольку во время Германской кампании 1813 года 1-й и 2-й карабинерные полки входили в состав 2-го кавалерийского корпуса генерала Себастьяни, не принимавшего участие в Дрезденской битве. 27 августа при Дрездене Мюрат бросил против австрийцев 1-ю и 3-ю дивизии тяжелой кавалерии (генералов Бордесуля и Думерка) из 1-го кавалерийского корпуса генерала Латур-Мобура. Наряду с кирасирами, в этой знаменитой атаке отличились пять драгунских полков (четыре французских и один итальянский), составлявших бригаду генерала Рейзе. *(Прим. ред.)*

144

Как и другие прусские армейские корпуса, 2-й армейский корпус генерал-лейтенанта Фридриха Генриха фон Клейста подразделялся в то время не на дивизии, а на бригады, которые, однако, по своей численности были фактически эквивалентны французским дивизиям. *(Прим. ред.)*

145

Марбо имел весьма смутное представление о географии Российской империи. Как известно, город Вятка (нынешний Киров) находится не в Сибири, а в европейской части России. *(Прим. ред.)*

146

Полковник Себастьян Бирги (1768–1847), называемый Перки (Perquit), был уроженцем эльзасского города Селеста (Шлештадт). Он командовал 6-м шеволежерским полком с 11 марта 1813 г. по 16 сентября 1814 г. *(Прим. ред.)*

147

Дивизионный генерал Жозеф Суам командовал 3-м армейским корпусом, замещая маршала Нея. *(Прим. ред.)*

148

Марбо ошибается — русские кавалергарды в этом эпизоде не участвовали. На самом деле французскую кавалерию (кирасир из 1-й тяжелой кавалерийской дивизии генерала Этьена Бордесуля) контратаковали гвардейские казаки, составлявшие личный конвой императора Александра I, а также 2-я бригада 3-й кирасирской дивизии — Военного Ордена и Малороссийский кирасирские полки под командой генерал-майора графа А. И. Гудовича. *(Прим. ред.)*

149

В действительности Латур-Мобур потерял ногу несколько раньше, так что на момент вышеописанной атаки французских кирасир 1-м кавалерийским корпусом уже командовал дивизионный генерал Думерк. *(Прим. ред.)*

150

Дивизионный генерал Донасьен-Мари-Жозеф де Вимёр де Рошамбо, командовавший в битве при Лейпциге 19-й пехотной дивизией 5-го армейского корпуса, был смертельно ранен 18 октября 1813 г. у Пробстхайды и скончался два дня спустя в лейпцигском госпитале. Маршалом Империи он так и не стал. *(Прим. ред.)*

151

Граф де Рошшуар очень живописно рассказывает нам о миссии, с которой он был послан к Бернадотту, еще не решившему в сентябре, переходить ли ему через Эльбу. Граф де Рошшуар описывает также свою встречу с наследным принцем Швеции, который был «великолепен под яростным огнем в окружении убитых и раненых…» на поле битвы при Лейпциге. *(Прим. франц. ред.)*

152

У Марбо здесь явная ошибка. Австрийский 5-й гусарский полк носил имя фельдмаршал-лейтенанта барона Карла Отта в 1801–1809 гг., после чего до 1814 г. его «владельцем» был фельдмаршал-лейтенант граф Йозеф Радецкий. Кстати, в 1813 г. гусарский полк Радецкого действовал в Италии в составе армии фельдцейхмейстера барона Хиллера, а при Ханау против французов сражались три других полка австрийских гусар — эрцгерцога Иосифа, Фримона и Шеклерский. *(Прим. ред.)*

153

Эти письма являются единственными документами, относящимися к участию полковника Марбо в кампании Ватерлоо, которыми мы располагаем. После расформирования 23-го полка конных егерей и его включения в состав 3-го конно-егерского полка он был назначен командиром 7-го гусарского (Орлеанского) полка. Этот полк входил в состав 1-го обсервационного корпуса под командованием графа д'Эрлона. *(Прим. франц. ред.)*

154

После блестяще выполненной операции 17 июня при Женаппе полковник де Марбо был произведен в бригадные генералы. Падение Империи помешало подтверждению этого производства. После битвы при Ватерлоо полковник со своим полком отступил к Валансьену, а затем к Парижу и на другой берег Луары. *(Прим. франц. ред.)*

155

К сожалению, все попытки разыскать этот рапорт в архивах военного министерства не принесли результатов. *(Прим. франц. ред.)*

156

Критические замечания по поводу произведения г-на генерал-лейтенанта Ронья, названного: *Замечания об искусстве войны*, написанные полковником Марбо (Марселеном), Париж, 1820. Марбо также написал в 1825 г. другую книгу, которая получила некоторую известность, заслуженную ею. Эта книга называется: *О необходимости увеличить военные силы Франции. (Прим. ред.)*

157

Параграф II, пункт 31 завещания Наполеона. По этому документу Наполеон завещал Марбо 100 тысяч франков. *(Прим. ред.)*